

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ПРОТОИЕРЕЯ

ЮАННА
ВОСТОРГОВА

ТОМЪ 3

Серия: "Духовное возрождение Отечества"

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ПРОТОИЕРЕИ
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

**Полное собрание сочинений
в 5-ти томах**

**Санкт-Петербург
1995 г.**

*По благословению митрополита
Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна*

Издатели приносят благодарность РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ (г. Санкт-Петербург) за оказанную помощь в предоставлении материалов для настоящего издания.

В настоящий том, состоящий из двух выпусков, вошли проповеди и поучения священномученика о. Иоанна Восторгова Московского периода его пастырской деятельности с 1906 г. по 1908 г..

Преданность Святому Православию, служение верой и правдой Богу, Царю и Отечеству, истинный патриотизм, воинский долг и духовное мужество христианина — вот главные темы проповедей и выступлений отца Иоанна в эти тяжелейшие для России времена нарождающейся революционной смуты и беззакония.

Прот. І. І. Восторговъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. III-й (въ двухъ вып.).

ПРОПОВѢДИ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ
НА РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВ. ТЕМЫ.

1906—1908 гг.

МОСКВА.

1915.

ТНЕОТРАДИЕ «ПСОКРАИ КИВАТЕН» В. Д. НАДАРЕДОВАТО. БОКРЕМ. ОАКОВАН, К. № 14.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

1906 г.

Кто долженъ быть въ Государственной Думѣ.*

Люди русскіе, православные! Братья-сограждане!

Снова открываются въ отечествѣ нашемъ предвыборныя собранія предъ созывомъ Государственной Думы. Вы пригласили въ настоящее собраніе ваше служителя Церкви Божіей, вы начинаете его молитвою. Господи, благослови!

Припоминаются намъ при этомъ случаи, когда первымъ христіанамъ приходилось избирать изъ среды своей тѣхъ или другихъ лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ; во всѣхъ такихъ случаяхъ мы видимъ горячую молитву христіанъ и пристрашливую, спасительную настороженность, чтобы избранными оказались „люди извѣданные, исполненные Святаго Духа и мудрости“ (Дѣян. VI, 3).

Что же иное можетъ сказать и пожелать пастырь Церкви въ напутствіе и вашему великому и отвѣтственному дѣлу?

Но умѣстно ли въ этомъ дѣлѣ слово молитвы и особенно слово поученія пастырскаго? Вотъ вопросъ, который слышится нынѣ нерѣдко, вызываетъ тревогу и недоумѣніе у многихъ. Отвѣтъ на него вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ поученіемъ и для васъ, возлюбленные братья и сограждане, въ настоящемъ собраніи.

Пастырь Церкви, *призванный для молитвы и слова церковнаго учительства*, какъ таковой, конечно, не можетъ и не долженъ выступать, какъ членъ, служитель и радѣтель опре-

* Рѣчь на молебствіи предъ открытіемъ предвыборныхъ собраній въ Москвѣ по поводу созыва 1-й Госуд. Думы.

дѣленной той или другой политической партіи: иначе слово его будетъ мало авторитетно и дѣйственно; оно можетъ быть, естественно, заподозрѣно и обвинено въ партійной окраскѣ, въ вольномъ или невольномъ пристрастіи. Пастырь есть служитель и радѣтель иного великаго и вѣковѣчнаго союза—Церкви Христовой, сей скинии истинной, юже водрузи Богъ, а не человѣкъ (Евр. VIII, 2). Онъ провозвѣстникъ *царства Божія* на землѣ, по завѣту Пастыреначальника, Который съ перваго же дня служенія Своего человѣчеству „началь проповѣдывать и говорить: покайтесь, приблизилось царствіе небесное“ (Мате. IV, 17); посему и пастырь Церкви прежде всего и болѣе всего есть слуга и гражданинъ этого именно царства.

Значить ли это, однако, что для него уже совсѣмъ не существуетъ царство земное, человѣческое? Значить ли это, что всѣ запросы, нужды и явленія текущей человѣческой жизни для него совершенно безразличны, такъ что ни думать, ни говорить о нихъ, ни интересоваться ими для него не нужно, не полезно и даже непозволительно?

Разсуждать такъ, скажемъ прямо,—не значить ли лицемерить? Не уклоненіе ли это отъ рѣшительнаго, обязывающаго и отвѣтственнаго слова предъ пасомыми и притомъ не ради ихъ блага, а ради собственнаго покоя, собственной выгоды и безопасности? И далѣе: не упраздняется ли такимъ разсужденіемъ всякое земное человѣческое царство, ибо вѣдь пасомые такъ же, какъ и пастыри, суть члены и граждане того же царства Божія? А устраняя царство земное, мы не устранимъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и заповѣди Божія: не убій, не укради, чти отца и мать и другія, ибо онѣ назначены для жизни земной, а не для той небесной и духовной, гдѣ не женятся, не посягаютъ, не подкапываютъ и не крадутъ?..

Царство земное, жизнь земная отъ лицемѣрныхъ разсужденій или умалчиваній не перестанетъ существовать, не перестанетъ предъявлять свои настоятельныя нужды и запросы, не перестанетъ протекать передъ нами въ непрерывной смѣнѣ явленій, на которыя нельзя не отзываться.

Нѣтъ, пастырь Церкви Христовой не можетъ закрывать глаза на живую жизнь, но онъ долженъ дать всѣмъ явленіямъ

ея христіанскую оцѣнку, все уяснить и опредѣлить во свѣтѣ евангелія, которое временной жизни указываетъ вѣчныя цѣли, онъ долженъ все осмыслить и освятить въ идеѣ спасенія...

Безспорно, пастырь Церкви служить царству Божію на землѣ. Но царство Божіе для своего распространенія внутренняго и внѣшняго можетъ имѣть среду и болѣе благопріятную, и менѣе благопріятную и, наконецъ, прямо враждебную для его задачъ.

Несомнѣнно, люди спасались и спасаться могутъ при самыхъ разнообразныхъ формахъ жизни, при всѣхъ видахъ правленія, и даже внѣ ихъ—въ пустыняхъ, вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ. Но мы знаемъ, что одушевленные искатели царства Божія часто потому именно и бѣжали въ пустыни, что въ царствѣ земномъ они видѣли такіе порядки, которые препятствовали имъ служить царству Божію.

Но ясно ли отсюда, что далеко не все равно для пастыря, будутъ ли его пасомые въ государствѣ, гдѣ гонять вѣру Христову, или гдѣ ей оказываютъ благоговѣнное почитаніе; не все равно, признается ли для государства обязанность слѣдовать и служить нравственнымъ идеаламъ и запросамъ и нравственно воспитывать гражданъ, или въ немъ преслѣдуется одна и исключительная цѣль—дать гражданамъ только ограду ихъ правъ, безопасность, удобства жизни земной, безотносительно къ нравственности, безъ всякой мысли о духѣ, о вѣрѣ, о небѣ. Ибо правовое, юридическое не всегда совпадаетъ съ нравственнымъ, религіознымъ.

Пояснимъ мысль еще болѣе рѣзкимъ сравненіемъ: развѣ безразлично для пастыря, будутъ ли его пасомые членами такого человѣческаго сообщества, которое, по ученію апостола, имѣетъ цѣлью: тихое и безмятежное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ, въ познаніи истины во Христѣ и усвоеніи плодовъ Его искупленія (1 Тим. II, 2—6),—или же пасомые будутъ членами разбойной шайки, живущей только личнымъ эгоизмомъ и ради него допускающей всѣ виды насилія и обидъ, лишь бы своимъ членамъ доставить жизнь сытую и довольную въ животномъ смыслѣ слова, съ забвеніемъ о высшемъ и вѣчномъ предназначеніи человѣка, объ его духовныхъ запросахъ и

потребностяхъ? Какое общеніе свѣта и тьмы? Что общаго у Христа съ вѣліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? (2 Кор. VI, 14).

Отвѣтъ на эти вопросы представляется совершенно яснымъ.

Посему пастырь Церкви въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, долженъ указать и проповѣдать основное воззрѣніе христіанское на жизнь земную: царство земное, человѣческое существуетъ, мы обязаны заботиться о возможномъ его благоустроеніи, какъ обязаны заботиться о своемъ тѣлѣ и его здоровьи; но царство земное—*не цѣль*, а только *средство*; оно—средство, орудіе и необходимая среда для проявленія и господства на землѣ царства Божія, царства Христовой истины и благодати—Церкви Божіей. Итакъ, устроая царство человѣческое, давайте ему такія формы жизни, такое устройство государственное, чтобъ ими успѣшно подавлялось все злое, облегчалось, возвеличивалось и развивалось все доброе, нравственное, все благодатное, христіанское: пусть человѣкъ съ царствомъ Божиимъ, начинающимъ на землѣ и уходящимъ въ безконечность къ вѣчному союзу всѣхъ разумныхъ тварей, во главѣ съ Творцомъ, Испытателемъ и Освятителемъ, Богомъ Трїединымъ,—пусть человѣкъ, живя и дѣйствуя въ земномъ временномъ союзѣ, т.-е. въ государствѣ, не удаляется, а приближается и восходитъ къ вѣчному блаженному союзу, т.-е. къ Церкви небесной, торжествующей. За землю пусть вѣчно видится небо, за временнымъ—вѣчное, за человѣческимъ—Божье. Народъ, забывшій о небѣ, недостойнъ и не можетъ жить на землѣ.

Вотъ основныя начала, которыми должны руководиться избиратели и будущіе избранники въ Государственную Думу, въ дѣло совѣта Царю нашему и соучастія съ Нимъ въ трудахъ законодательства и благоустроенія царства русскаго.

Сохраните и поддержите *вѣру и Церковь православную*: она безошибочно указываетъ, что благо и зло, она зоветъ къ тому, что только истинно и честно, что справедливо и чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала (Фил. IV, 8); она утѣшаетъ на землѣ падающаго въ грѣхъ и изнемогающаго; она въ благодати Христовой даетъ человѣку не

только признаніе того, что истина и ложь, но и побужденія къ добру; единственно твердыя и дѣйствєнныя, даетъ и самыя силы къ добру, къ мудрости небесной, къ жизни и благо-честію.

Сохраните и поддержите твердую и сильную *власть земную государственную*, богоучрежденную, чтобы вмѣстѣ съ просторомъ и свободою для каждаго отдѣльнаго человѣка бороться со зломъ, внутри его живущимъ, даны были свобода, просторъ и самая широкая возможность для власти земной поддерживать добро и подавлять зло, внѣ насъ организованное и дѣйствующее насиліемъ. Это долгъ, тяжкій долгъ земной государственной власти; она, по ученію христіанства,—Божій слуга тебѣ во благое; она не напрасно носить мечъ; она—отмститель въ наказаніе дѣлающему зло (Римл. XIII, 4).

А во главѣ, и какъ высшее, религіозно-освященное и высшимъ смысломъ осмысленное средоточіе и объединеніе всѣхъ видовъ власти земной, сохраните и утвердите благоговѣйное почитаніе *Царя* нашего, Богомъ вѣнчаннаго и превознесеннаго Помазанника, *свободнаго*, никѣмъ и ничѣмъ не связаннаго и не ограниченнаго въ исполненіи своего великаго царственнаго призванія и стоящаго превыше временныхъ, узкихъ и своекорыстныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ или партій.

Отверзайте намъ врата правды *въ судъ* (Пс. 117, 19), чтобы онъ удовлетворялъ запросамъ общественной совѣсти, воспитывалъ народъ строгимъ исполненіемъ закона и наказаніемъ преступниковъ, а не развращалъ народъ попустительствомъ злу.

Дайте защиту *сирому и убогому* въ христіанскомъ нашемъ царствѣ (Пс. 9, 39), поддержите *бѣднаго* и изнемогающаго (Пс. 81, 3), любовію и заботою оградите нашего крестьянина и всякаго человѣка рабочаго—трезваго, честнаго, богобоязненнаго.

Въ *распределеніи* самыхъ *жествъ*, необходимыхъ и неизбѣжныхъ въ строеніи государственномъ, да не будетъ, по слову апостола, однимъ облегченіе, а другимъ тяжесть, но да будетъ *равноумность* (2 Кор. VIII, 13).

Укажите, какъ *юноши* въ чистотѣ содержать путь свой (Пс. 118, 9) и воспитаться въ семьѣ и *школахъ* для служенія

дѣлу Божию и дѣлу государеву посреди народа своего родного.

Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго (1 Тим. V, 8). Посему *народу русскому*, своему родному, нашему великому и многострадальному народу въ его домѣ, въ его царствѣ дайте славу и честь! Дайте ему подобающее мѣсто: да будетъ онъ въ своемъ царствѣ, по выраженію пророка, *во главу*, а не въ хвостъ! Царство русское, строившееся въ вѣкахъ минувшихъ великими и тяжкими подвигами молитвы, терпѣнія, труда, слезъ, крови и жертвъ, да пребудетъ единымъ и недѣлимымъ, могучимъ внутри и совнѣ, какимъ содѣлали его молитвы безчисленныхъ угодниковъ земли русской, заступниковъ небесныхъ за землю русскую, подвиги нашихъ предковъ, труды великихъ князей и царей нашихъ. Пусть придетъ къ нему злато земли; пусть приплывають къ нему корабли изъ-за моря за плодами его земли благословенной и за издѣліями его трудолюбивыхъ и искусныхъ рукъ; пусть ключемъ бьетъ его жизнь трудовая земледѣльческая, промышленная; пусть съ любовью и надеждою издали простирають къ нему руки народы слабые и угнетенные, ища защиты у него и покровительства, а внутри его царства пусть благоденствуютъ народы, подтѣнью вѣтвей его укрывшіеся; пусть съ почтеніемъ взирають на него тайные и явные недруги. Но превыше всего да будетъ слава и честь христіанскому народу русскому въ его великомъ историческомъ *мировомъ*, какъ бы мессіанскомъ *призваніи*: нести Крестъ Господень; жизнью и словомъ нести истину Христову народамъ невѣрнымъ, ближнимъ и дальнимъ; высоко держать предъ міромъ Христово евангеліе; быть хранителемъ и провозвѣстникомъ истины православія; осуществить завѣты царствія Божія; осуществить въ мірѣ новое слово христіанское, слово и дѣло мира, любви, единенія въ сочетаніи временнаго и вѣчнаго, земного и небеснаго, человѣческаго и Божьяго,—святые завѣты Богочеловѣчества.

Въ Окружной грамотѣ народа Московскаго въ 1611 году, въ тяжкую пору смуты и нестроенія, старые русскіе люди такъ говорили и писали: „*только коренню основаніе крѣпко, то*

*и древо недвижно; только корни не будут, къ чему при-
лпнаться?"*

Сохраните же, сохраните древу нашей народной и государственной жизни его корни животворные! Въ устроении царства не порывайте связей съ тѣмъ, что было въ прошломъ, въ корняхъ его, истинно христіанскаго и церковнаго, истинно государственнаго и истинно народнаго.

Да благословить васъ Господь Богъ на великій и отвѣтственный трудъ избранія довѣренныхъ людей, да поможетъ вамъ избрать людей истинно извѣданныхъ, исполненныхъ Духа Святаго и мудрости.

Молитвами Церкви Божіей, трудами Царя и вашихъ избранниковъ, по старинному выраженію предковъ нашихъ: „да придетъ русское царство все въ достоинство“! Аминь.

Кого надо выбирать въ Государственную Думу.*

Люди русскіе, дѣти великаго русскаго отечества!

Наступаютъ важные дни для родины нашей, дни избранія народныхъ представителей въ Государственную Думу. Воля Царская пусть свершится и пусть будетъ исполнена нами со всею подобающею вдумчивостью, какъ долгъ святой передъ Богомъ и родиной.

Тысячу лѣтъ прожила наша Россія, значить, не со вчерашняго дня она помнитъ себя. Помнитъ она и знаетъ, что было для нея полезно и благодѣтельно въ вѣкахъ минувшихъ, помнитъ и знаетъ, что было вредно и губительно.

И, прежде всего, губительно было для Россіи, что ослабляло и ниспровергало въ ней святую вѣру, святую Церковь православную. Оторванный совсѣмъ отъ вѣры, забывшій совсѣмъ Бога, человекъ обращался въ звѣря и врага рода че-

* Рѣчь на молебствіи при открытіи въ одномъ изъ районовъ Москвы предвыборныхъ собраній по случаю созыва 1-й Госуд. Думы.

ловѣческаго. Отъ такого ли человѣка ждуть добраго слова, совѣта, или добраго дѣла государственнаго устройства?

Оторванный отъ православія, забывшій вѣру отцовъ и перешедшій въ чужую вѣру, русскій человѣкъ переставалъ быть русскимъ, и Русь святая становилась для него чужбиною. Конечно, и такой человѣкъ не могъ приносить блага русскому царству.

Но святая вѣра православная, живо, глубоко и сердечно принимаемая и исповѣдываемая русскими людьми, воистину была матерью и спасительницею Россіи. Православіе слило воедино разрозненныя славянскія племена. Православіе приобщило къ намъ крѣпкимъ духовнымъ союзомъ единой вѣры и не родныя намъ по крови чужія племена и объединило въ одно царство великое русское всѣ мелкія народности по Волгѣ, Окѣ, по всему широкому простору русской земли. Православіе дало силу части русскаго народа, оторванной насильно отъ царства русскаго и отошедшей къ Польшѣ, тяготѣть къ нему, помнить о немъ, пока разъединенное вновь опять не соединилось. Православіе образовало въ нашемъ народѣ добрыя христіанскіе нравы, преданность родинѣ до смерти, самый языкъ нашъ и зачатки истинной образованности. Православіе научило предковъ нашихъ любить и почитать власть и, во главѣ ея, Царей православныхъ; съ ними въ неразрывномъ союзѣ русскій народъ жилъ во дни мира и брани, и какъ ни много было у него враговъ, какъ ни тяжело ему жилось, онъ создалъ великое царство русское, всему свѣту на зависть и удивленіе.

Ясно, что и теперь должны быть выбраны въ Думу Государственную такіе люди, которые всѣмъ сердцемъ вѣруютъ въ Бога и преданы вѣрѣ православной. Такіе не пойдутъ на взятки и посулы, такіе зла родной землѣ не пожелаютъ.

Губительны были для Россіи времена *безгосударныя*. Безъ царя земля—вдова, безъ царя народъ—сирота; вотъ что говорили старые русскіе люди, и говорили это по собственному горькому опыту. Еще говорили они: Царь—отъ Бога приставъ. Этимъ предки наши проявили великую мудрость и спасли свое царство отъ раздѣленія и гибели. Безъ царя всѣ дѣлились на партіи, каждая изъ нихъ тянулась къ власти, никто никого

не слушалъ, каждый заботился только о своемъ благѣ, забывая благо общее, государственное. Но вотъ избранъ былъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ; въ теченіе 300 лѣтъ затѣмъ его преемники, цари изъ дома Романовыхъ, правятъ Россіей. И какъ ни много у насъ было враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ ни обширна была наша земля съ ея очень невеликимъ для такого обширнаго пространства населеніемъ, какъ ни много у насъ всякихъ неустройствъ, однако, царь съ народомъ и народъ съ царемъ создали великую Имперію. Около царей нашихъ не было по закону указчиковъ и опекуновъ; цари наши были самодержавные и неограниченные. И вотъ что видимъ: самыя великія дѣла совершили цари наши именно потому, что они были самодержавны, что они были свободны въ своей работѣ, что имъ никто не мѣшалъ.

Примѣръ — освобожденіе крестьянъ, и притомъ съ землею; этого никогда не дали бы Царю сдѣлать, если бы онъ былъ ограниченъ; доказательство этого видимъ на примѣрѣ другихъ государствъ. Но какъ только около царей появились указчики, конечно, не по закону, а противъ закона, захватомъ и насиліемъ, такъ и было все плохо. Тутъ все равно, кто бы ни указывалъ царю, кто бы ни отнималъ у него свободу: чиновники-приказные, или какое-либо сословіе, или выборные отъ народа. Если царя стѣснить въ его дѣлѣ, то восторжествоуетъ не общее благо, а польза отдѣльныхъ лицъ или партій. Пусть и теперь Царь правитъ народомъ, пусть не будетъ посредства между Царемъ и народомъ.

Пусть довѣренные отъ народа въ Думѣ Государственной крѣпко стоятъ за свободу Царя и утверждаютъ ее. Пусть они по совѣсти и чести прямо скажутъ о нуждахъ народа, но пусть это будетъ совѣтъ, а не рѣшеніе; рѣшеніе—Царю; Ему сверху виднѣе; Онъ выше отдѣльныхъ партій, сословій и отдѣльныхъ лицъ. Съ царями-отцами, самодержавными, какъ встарь, процвѣтетъ русская земля. Ясно, что выбирать въ Думу Государственную нужно такихъ людей, которые признаютъ и чтутъ власть Царя, Божьяго помазанника

Губительны были для Россіи времена, когда на судьбы ея вліяли люди не русскіе, или изъ русскихъ домашніе не-

други, передавшіеся иностранцамъ, полюбившіе все чужое, а свое русское зазиравшіе. Одни изъ нихъ такъ были съ дѣтства воспитаны, что не знали Россіи и не любили ея, а любили все чужое, а другіе могли быть и закуплены врагами Россіи. Они могли давать царямъ невѣрныя и коварныя совѣты, заключать невыгодные союзы и договоры, способствовать изданію вредныхъ для народа законовъ.

Ясно безъ долгихъ разсужденій, что въ Государственной Думѣ такимъ людямъ не должно быть мѣста. Тамъ должны быть честные и прямыя русскіе люди, горячо любящіе Россію. Конечно, попадутъ въ эту Думу и представители инородцевъ, проживающихъ въ Россіи; Россія никому зла не желаетъ, инородцевъ ни въ вѣрѣ, ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ жизни не стѣсняетъ. Но инородцы должны хранить вѣрность русскому царству; наряду съ русскими людьми они должны заботиться о томъ, чтобы русское царство было единымъ, нераздѣльнымъ, могучимъ и грознымъ для враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, чтобы *государственное единеніе* воѣхъ племенъ, населяющихъ Россію, было крѣпко и нерушимо. И о томъ должны заботиться наши народныя избранники въ Государственную Думу, чтобы русскій народъ оставался первымъ въ государствѣ, чтобы инородцы не имѣли предъ нимъ преимуществъ и выгодъ, а это, нужно сказать, часто у насъ бывало и бываетъ. Пусть *всѣмъ племенамъ будетъ равенство, а русскому народу первенство, первенство и его православной вѣрѣ, и его государственному языку.*

Любящіе Россію народныя представители въ Государственной Думѣ должны помнить, что и отдѣльныя сословія или части русскаго народа тоже не должны выдвигаться одни передъ другими, что, заботясь о крестьянахъ, напримѣръ, не надо обижать и землевладѣльцевъ, а заботясь о рабочихъ, не надо стѣснять и обижать работодателей. Все должно быть по-Божьему, любовно и справедливо.

Съ большимъ вниманіемъ, съ большою серьезностью надо отнестись къ выборамъ. Надо *всѣмъ*, имѣющимъ право избранія, непременно участвовать въ выборахъ: иначе добрые не пойдутъ, а злые обязательно придутъ, и тогда все дѣло испор-

тятъ. Надо быть очень осторожнымъ, подавая голосъ за того или другого представителя, и твердо дознать, принимаетъ ли онъ все то, чего требуетъ совѣсть православнаго русскаго человѣка, о чемъ мы и сказали вамъ сейчасъ въ настоящей нашей рѣчи: иначе мы свою судьбу доверимъ нашимъ врагамъ и погубителямъ. Пусть этого не случится!

Богъ въ помощь доброму дѣлу!

Стяжите смиреніе.*

Се раба Господня! Буди мѣ по глаголу Твоему.

Стеченіе священныхъ воспоминаній Церкви,—Благовѣщенія Пречистой Дѣвы и Воскрешенія Лазаря сегодня въ этомъ св. храмѣ усугубляется торжествомъ престольнаго праздника.

Столько побужденій духовныхъ къ радости!

Нынѣ главизна—начало нашего спасенія, нынѣ Спаситель увѣряетъ насъ примѣромъ Лазаря во всеобщемъ воскресеніи. Мы видимъ, что спасеніе намъ дано въ воплощеніи Сына Божія, дано и на землѣ, и на небѣ. И открывшаяся весна, это воскресеніе земли отъ зимнихъ невгодъ, это благовѣщеніе о теплѣ и свѣтѣ, о жизни природы,—все это должно бы еще большимъ блескомъ исполнить нашъ праздникъ. Но не празднично, не радостно у насъ на душѣ. Разучились мы, русскіе люди, радоваться. Забыли мы дни мира и покоя въ эти послѣдніе два-три года. Оставили насъ свѣтлыя чувства. Всюду безпокойство, всюду страхъ и уныніе, всюду злоба и вражда, тревога и смятеніе. Откуда все это? За что такія напасти на жизнь нашу? Куда ушли мирные дни, счастливые годы? Давно ли было время, когда русскій человѣкъ, по древне-библейскому слову, сидѣлъ каждый въ домѣ своемъ, посреди тихой

* Слово въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и воскресенія Лазаря, въ храмовой праздникъ церкви Никола въ Гвѣздникахъ въ Москвѣ.

семьи въ праздники, а въ трудовые будни стоялъ у своей работы? Мы вспоминаемъ эти годы теперь, какъ что-то давно минувшее и невозвратное, вспоминаемъ со вздохомъ сожалѣнія посреди охватившей насъ смуты и тревоги!

Откуда и за что на насъ эти напасти?

И слышится намъ въ отвѣтъ слово Исаи пророка,—вѣчное слово Божіе: нѣсть радоватися нечестивому.

Нѣтъ, не можетъ быть радости у нечестивыхъ.

При свѣтѣ этого наставленія удивляешься не тому, что насъ постигли несчастья: удивляешься, что еще мало ихъ, удивляешься милости Господа, что не въ конецъ прогнѣвался на насъ Богъ, Котораго мы безмѣрно оскорбили. И чего-чего не было въ нашей русской жизни въ послѣдніе годы?! Глумленіе надъ вѣрою и Церковью; открытая проповѣдь невѣрія; насмѣшка надъ святыми таинствами; похищеніе иконъ святыхъ; оскорбленіе народныхъ святынь, а къ этому—развратъ, гордость, злоба, возмущеніе противъ всего высокаго на небѣ и на землѣ, измѣна родинѣ, радость при видѣ ея несчастій и въ концѣ концовъ—кровь и кровь, насиліе и насиліе...

Смирить насъ Господь хочетъ, смириться намъ нужно. На кого воззрю, говоритъ Господь, какъ только на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ Моихъ.

И вотъ, братіе, нынѣ въ священнѣхъ воспоминаніяхъ Церкви предъ нами начертаны высочайшіе образы смиренія. Это не слова, это не разсужденія, а живые предъ нами люди, живые носители великаго подвига.

Вотъ Пречистая Дѣва; о Ней что можно сказать иное, кромѣ того, что Она о Себѣ засвидѣтельствовала на всѣ вѣка: „призрѣлъ Господь на смиреніе рабы Своя, се бо отнынѣ ублажать Мя вси роди“? Предъ Нею—ангелъ-благовѣстникъ; Ей открыта величайшая тайна богочеловѣчества; Она становится избраннѣйшею, благодатнѣйшею и вышею изъ всѣхъ женщинъ; мало того, предъ честнѣйшею и вышею херувимовъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимовъ стоитъ теперь въ благоговѣніи и трепетѣ самъ ангелъ-благовѣстникъ. Что же Марія? У Нея не находится иного слова о Себѣ, какъ наименованіе рабы Господней; у Нея не находится иного чувства, какъ чув-

ства полной преданности волѣ Господней, для Нея непостижимой, и глубочайшаго смиренія: „Се раба Господня. Буди Мнѣ по глаголу Твоему“. Мы знаемъ дальнѣйшую Ея жизнь, жизнь кротости и терпѣнія, жизнь молчанія и молчанія. Рождаетъ Она Сына-Бога: воспѣваютъ ангелы, пастухи, даръ приносятъ волхвы, собираются и разсуждаютъ книжники въ Иерусалимѣ, Иродъ и придворные его мнутся и тревожатся, замышляя гибель Богомладенцу,—а Она молчитъ и слагаетъ всѣ глаголы въ сердцѣ Своемъ.

Вотъ Сынъ Ея проходитъ Свое великое служеніе: вокругъ Него безпредѣльно преданный народъ, слышны возгласы изумленія предъ Его словомъ, предъ Его чудесами, около Него—апостолы, друзья, мученики, около Него и враги, завистники, клеветники, злобные и коварные. Слава о Немъ несется всюду, народъ всегда около Него неисчислимыми толпами. Что же Марія? Ея ли материнскому сердцу не проявить себя, Ей ли не говорить о Своемъ Сынѣ, о Себѣ Самой, Ей ли не возгордиться, говоря нашимъ языкомъ. Она молчитъ, Ея не слышно и не видно, о Ней умолчиваетъ даже евангеліе. И въ часъ страшной Голговы, когда враги кричали, издѣвались, и хулили разбойникъ, когда женщины іерусалимскія шли позади Крестоносца и громко рыдали и плакали, когда, наконецъ, солнце омрачилось, и земля колебалась, и камни распались, и раздиралася церковная завѣса, когда оружіе, предреченное Симеономъ, пронзило безмѣрно-скорбное сердце Матери, когда враги уходили съ Голговы и били себя въ грудь, разбойникъ молилъ о царствіи Божіемъ, сотникъ исповѣдывалъ вѣру въ распятаго Сына Божія... и тогда Марія безмолвствуетъ. О, если бы взвѣшено было горе Ея! Горе Ея „перетянуло бы песокъ морей“! Но и оно перенесено было вѣрою и смиреніемъ Той, Которая достойно избрана въ Матери Господа.

Намъ недоступна эта высота духа, взлетѣвшая благочестивыми родителями и дѣложизненнымъ воспитаніемъ у порога храма Божія въ пламени молитвы, въ постоянномъ углубленіи въ тайны Свящ. Писанія, въ постоянномъ общеніи съ Богомъ.

Но вотъ другая Марія и рядомъ Марѳа, сестры Лазаря.

Какая преданность семьѣ, какая нѣжная любовь къ брату, какая жизнь тишины и благочестія,—святая любовь къ Иисусу, святое радушіе къ Божественному Гостю. Умеръ братъ ихъ единственный, горячо-любимый братъ. Онъ не дождался прихода Христа-Чудотворца, онъ лежитъ въ мрачной могилѣ, онъ четверодневень, онъ издаетъ уже смрадъ тлѣнія. И плачутъ сестры надъ умершимъ, онѣ рыдаютъ, скорбятъ, онѣ ходятъ поочередно къ его могильной пещерѣ посидѣть у холоднаго камня, слезы пролить по невозвратной потерѣ,—но посмотрите, какъ смиренна ихъ печаль и какъ преданность волѣ Бога сквозить въ каждомъ ихъ словѣ и шагѣ! Онѣ встрѣчаютъ любимаго Друга ихъ умершаго брата, любимаго Иисуса Господа,—и робкая мольба слышится въ словахъ ихъ: Господи, если бы былъ Ты здѣсь, не умеръ бы братъ мой... И на мольбу вѣры, смиренія и любви онѣ получаютъ живымъ того мертвеца, надъ которымъ пролили столько слезъ горючихъ.

Братіе! Похожи ли на этихъ евангельскихъ женщинъ наши современныя женщины, которыя бросаютъ семьи, оставляютъ родителей, разрываютъ со всѣмъ, что священная древность наложила на нихъ, какъ печать скромности и святого смиренія, и влекутъ себя сами въ шумную жизнь, въ самое горнило ея, въ политическіе споры, идутъ на баррикады, озлобленныя, охваченныя политическими страстями, вооруженныя смертельными орудіями человѣческаго истребленія? Бѣдныя семьи, бѣдные родители, несчастныя дѣти, несчастный народъ, несчастная жизнь въ настоящемъ и еще горшая въ грядущемъ,—только это и можно сказать при видѣ современности. Что посѣемъ, то пожнемъ. И если сѣемъ разрушеніемъ семьи, то пожнемъ полнымъ крушеніемъ всей жизни.

Братіе! Народъ нашъ родной святорусскій издревле славенъ былъ смиреніемъ, былъ мирнымъ и покойнымъ, и Господь благословилъ его нивы и поля, благословилъ его земное царство; кроткій, онъ, по слову Божьяго обѣтованія, наслѣдовалъ землю, землю обширную, землю обильную, достойный удѣлъ великаго народа.

Кроткій и смиренный въ семьѣ, кроткій въ подчиненіи и начальствованіи, кроткій въ трудѣ, послушный власти, сми-

реинный и обходительный со всеми, благодушный, нетребовательный, онъ былъ въ любви у Бога и людей.

Куда дѣвалось это смиреніе? Нахлынули новыя ученія новыхъ самозванныхъ учителей, нахлынули книжки грошова, продажныя газеты,—и зло вылѣзло изъ темныхъ нѣдръ жизни, и не узнать русскаго человѣка! Взглядъ гордый, видъ заносчивый, слово дерзкое и грубое, задоръ, споры и страсти, насиліе и брань, насиліе и издѣвательство, насиліе и разгромъ, насиліе и кровь, кровь и кровь безъ конца. Смиреніе—это плотина, которая сдерживаетъ грязную воду страстей. Разрушать плотину, и эта грязная вода хлынетъ неудержимо и все снесетъ на пути своемъ. Что же останется? Пустыня.

Пустыня въ душѣ, пустыня въ жизни...

Пока только въ нѣкоторыхъ частяхъ, а не вся тронута эта плотина. Есть время исправить ее, есть время укрѣпить въ себѣ святое смиреніе. Господь зоветъ насъ къ этому грозными ударами судьбы на войнѣ и въ мирѣ, зоветъ насъ этою тяжелою, замутившеюся кругомъ насъ жизнью.

Ищите этого смиренія въ вѣрѣ и молитвѣ; ищите его въ Церкви и храмѣ; ищите его въ покаяніи; ищите его въ соединеніи со Христомъ въ Его тайнахъ пречистыхъ. Ищите его въ размысленіи о тяжелыхъ переживаемыхъ дняхъ, въ преданности святымъ завѣтамъ доброй христіанской семьи, въ преданности святымъ завѣтамъ нашей русской государственности, основанной на вѣрѣ въ Бога, на любви и почитаніи Его Помазанника—Царя боговѣнчаннаго, на крѣпкой, какъ смерть, любви къ родному нашему народу.

Стяжите это смиреніе вѣры и молитвы, благочестія и послушанія—и засяетъ надъ нами весна жизни, и воскреснетъ загнивающее царство наше, какъ Лазарь четверодневенъ, и благовѣщеніе жизни русской возвѣстится скорбному и унылому нашему народу.

Завтра — выборы въ первую Госуд. Думу... О, если бы Господь положилъ на сердце выборщикамъ избрать людей добрыхъ и разумныхъ, исполненныхъ вѣры, любви и смиренія! Сѣмя святое, люди вѣрующіе и благочестивые—вотъ въ комъ наше спасеніе: въ нихъ стояніе царствъ человѣческихъ! Аминь.

Распятіе родины. *

Въ сей скорбный часъ скорбныхъ воспоминаній слышится намъ слово этого умученнаго Христа Господа, сказанное Имъ апостоламъ въ тягостный часъ Его прощальной бесѣды на Тайной Вечери,—слово грустнаго упрека, сила котораго относится ко всѣмъ временамъ, ко всѣмъ вѣрующимъ:

„Вотъ наступаетъ часъ и насталь уже, что вы разсѣтесь каждый въ свою сторону и *Меня единого оставите*“ (Іоанн. XVI, 32).

Какъ скоро, и какъ до конца исполнилось слово Спасителя! Довольно было Его врагамъ издать приказъ: „если кто узнаеть, гдѣ Онъ будетъ, то объявилъ бы, чтобы взять Его“ (Іоанн. XI, 67),—довольно было такого приказа, чтобы всѣ оставили Его.

Оставили тѣ, которые такъ недавно, въ столь великомъ множествѣ и съ такимъ усердіемъ, ходили за Нимъ и слушали Его ученіе; оставили и тѣ, которые, можно сказать, только вчера встрѣчали Его съ вайями, какъ Царя, и зывали: „Осанна! Осанна!“ Оставили и тѣ, которые были Имъ благодѣтельствованы чудесами исцѣленій. Тайно Онъ вынужденъ былъ совершить пасхальную вечерю; одинокъ томился и тужилъ Онъ въ Геесиманіи въ непостижимомъ для сотвореннаго ума страданія и бореніи за вѣковой грѣхъ людей. О, если бы взвѣшены были всѣ скорби и вопли Его! Они, по слову Страдальца ветхозавѣтнаго, перетянули бы песокъ морей... (Іов. VI, 3). Но тутъ—хоть вблизи Его ученики. А дальше, дальше что видимъ? Одинъ предалъ, другіе спали, одинъ отрекся, испугавшись рабыни, и, наконецъ, всѣ разбѣжались! На крестѣ одинъ Онъ истопталъ точило гнѣва Божія за грѣхъ міра; одинъ предъ лицомъ неба и земли висѣлъ Онъ на позорномъ дровѣ, объ-

* Слово въ Великій Пятокъ предъ плащаницей. Сказано въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ при митрополичьемъ служеніи 31 марта 1906 года.

ятый смертными муками, окруженный не друзьями и учениками, а врагами и хулителями.

Не станемъ осуждать робость и трусость учениковъ Христовыхъ. Вѣдь они видѣли только Его безславную смерть, но не видѣли еще воскресенія... Когда же узрѣли они Христа воскресшаго, тогда ихъ мужеству и дерзновенію не было предѣла; тогда во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ; тогда муками, кровью и смертью искупили они былыя колебанія, слабость и малодушіе, засвидѣтельствовали непререкаемымъ свидѣтельствомъ жизни и смерти свою вѣрность Христу. Язвы Господа Іисуса непрестанно они носили на тѣлѣ своемъ; предъ языками и царями они возвѣстили славу Его.

Да, не будемъ послѣ этого осуждать учениковъ Христовыхъ. *Себе плачьте*,—говоритъ Господь Іисусъ, идущій подъ крестною ношей на Голгоуе,—*себѣ плачьте и чадо вашихъ...* (Лук. XXIII, 28). Обратимся же къ себѣ, къ своей совѣсти, поищемъ каждый отвѣта на страшный вопросъ: Мы не измѣняемъ ли Христу? Мы не предаемъ ли Его? Не отрекаемся ли отъ Него? Мы не оставляемъ ли Его и нынѣ одинокимъ среди нашего видимаго многочисленія вѣрующихъ?

А вѣдь у насъ не меньше, если не больше, чѣмъ даже у апостоловъ, побужденій хранить Ему вѣрность. Мы знаемъ объ Его воскресеніи, объ Его Божествѣ, объ Его побѣдѣ надъ смертью; мы видѣли на пространствѣ двухъ тысячелѣтій побѣду Его и надъ зломъ всего міра; видѣли и видимъ блистающій свѣтъ Его ученія, что принесло спасеніе погибшимъ, преобразование, непрестающее нравственное преобразование міра: и отдѣльныхъ людей, и всего человѣчества со всѣми его семейными, общественными и государственными отношеніями.

Но малодушіе и робость, уже ничѣмъ необъяснимыя и непростительныя, нерѣдко толкаютъ насъ на измѣну Христу. Мы молчимъ о своей вѣрѣ, мы прячемъ ее глубоко въ сердцѣ, когда кругомъ насъ раздаются хулы, издѣвательства и насмѣшки надъ христіанствомъ, когда ученіе Христа дерзко искажается и перетолковывается для прикрытія низменныхъ страстей человѣческихъ.

Мы готовы отречься от Христа, когда жалкая рабыня—лжеименная безбожная наука, сама во всемъ зависимая, сама не обладающая истиною, спрашиваетъ насъ язвительно и укоризненно, какъ Петра: и ты съ Иисусомъ Назаряниномъ? По духу и вѣянiю моды, рабаки покорные мнѣнiю большинства, мы принимаемъ сочувственно такія общественныя и государственныя ученiя, такія теченiя мысли и жизни, въ которыхъ завѣдомо нѣтъ ни одинаго помысла, ни одинаго слова о религiи и христіанствѣ. Какъ Пилать, мы не смѣемъ тогда настоять на своемъ рѣшенiи защитить до конца Иисуса и,—снисходительно объявивъ Его невиновнымъ въ неуройствахъ жизни, обвинивъ во всемъ и обрехши на страданіе тѣло Его—Церковь, мы отступаемъ предъ говоромъ и угрозою толпы, забывая, что этимъ Самого Иисуса мы отдаемъ на пропятіе.

О, толпа, общественные вопли, общественное мнѣніе, власть улицы, голосъ большинства,—вотъ гдѣ страшный идолъ современности, вотъ кровожадный Молохъ, который пожралъ, поглотилъ и истребилъ столько святыхъ порывовъ, столько высокихъ стремленій и истинъ! Не зналъ Пилать, не видѣлъ, какъ составилось то большинство, котораго онъ такъ испугался, которое осудило Христа на крестъ и вопило: „возьми, возьми, распни Его!“ Не зналъ онъ, что въ этой толпѣ несомнѣнно присутствовали тѣ же, что пять дней назадъ взывали Осужденному: осанна; не видѣлъ онъ, какъ въ толпѣ ходили подстрекатели, слуги безбожныхъ руководителей народа, и склоняли его требовать казни Иисуса то клеветою на Него, то запугиваніемъ и предреченіемъ бѣдствій, то угрозами, то подкупами. *Наустиша народи!* Вотъ оно большинство—безличное, безотвѣтственное, шаткое и неустойчивое, добыча перваго искуснаго говоруна и ловкаго подстрекателя! *Не управляемое высшимъ закономъ вѣры и нравственности*, движимое только земными выгодами и интересами,—оно отвергло духовное царство Мессіи и замѣнило его мечтаніями о царствѣ земномъ, оно безумно накликало вѣчный позоръ и гибель на народъ, нѣкогда богоизбранный: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ...

Настойчиво, властно просится въ душу потребность обра-

тять теперь слово и мысль отъ этого народа, присудившаго Христа на смерть, къ нашему родному народу въ переживаемые имъ нынѣ важные дни. Дни не только важные, но страшные, роковые, рѣшающіе судьбу родины. Кому теперь вручить народъ нашъ свою жизнь: вѣрующимъ, или невѣрующимъ? Устами своихъ избранниковъ будетъ ли онъ взывать: осанна,—или будетъ вопить: распни Его? Сохранить ли онъ при новомъ строѣ своей государственной жизни прежнее стремленіе посреди своего царства земного, человѣческаго, искать осуществленія задачъ, цѣлей и законовъ царства небеснаго и Божьяго, все разсматривать при свѣтѣ высшей правды подъ руководствомъ Церкви Христа Іисуса,—или станетъ помышлять лишь о хлѣбѣ единомъ, останется только при земныхъ интересахъ? Пребудетъ ли онъ вѣрнымъ Іисусу, или опять суждено исполниться скорбному слову Христову: *Меня единого оставите?*

Вопросы страшные. Родина наша вступаетъ на новый путь жизни, предъ нами впереди—новая Россія...

Прости, прости, старая, тысячелѣтняя Россія! На нашихъ глазахъ судили, осудили тебя и приговорили къ смерти... Грозные и беспощадные судьи заплевали твое лицо и не нашли въ тебѣ ничего добраго. Судъ былъ строгій, неумолимый и беспощадный. Все слилось въ одинъ вопль: возьми, распни!

Знаемъ и мы, что ничто человѣческое тебѣ не чуждо; знаемъ, что много было у тебя недостатковъ. Но и то мы вѣдаемъ и видимъ, что ты содѣлала Русь святою, а народъ свой—богоносцемъ, если не въ осуществленіи, то хоть въ вѣчномъ, неумирающемъ идеалѣ народной души; ты породила и воспитала великій народъ, сохранивъ его въ горькой долѣ, въ горнилѣ историческихъ испытаній чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ; ты породила и воспитала сонмъ святыхъ и праведныхъ; ты не погибла подъ ударами,—подъ тяжкими ударами судьбы, но крѣпла въ нихъ, сильная вѣрою; съ сею вѣрою, въ великой мощи духа, ты перенесла всѣ тяготы, и все же создала, и намъ завѣщала и оставила великое царство. За все это тебѣ земной благодарный поклонъ.

Будущая, новая жизнь Россіи неизвѣстна. Но ходъ ея для насъ, вѣрующихъ, представляется совершенно яснымъ. Онъ

всещъло будетъ зависѣть отъ того, со Христомъ ли останется народъ нашъ, или откажется отъ Него, пойдетъ ли за Нимъ, или Его единого оставитъ. Не формы жизни, не формы правленія спасаютъ народъ: сѣмя свято, люди вѣрующіе и благочестивые,—тѣ, что не преклоняютъ колѣна предъ современными Ваалами, какъ во дни Или,—уваженіе къ нравственному закону, внутреннее христіанство, послушаніе Церкви—вотъ что сохранить и укрѣпить всякое общество и государство. А народъ, забывшій о Небѣ, недостоинъ жить и на землѣ.

Хочется молить со слезами предъ этимъ Гробомъ, молить Божественнаго Икупителя: Воскресни, Боже, суди земли нашей христіанской, царствуй въ ней во-вѣки! Даруй намъ въ совѣтъ Царю и въ правленіе царствомъ мужей крѣпкой вѣры, одухотвореннаго разума, глубокаго благочестія, помнящихъ, что сѣмя свято—стояніе міра, что *праведность возвышаетъ народъ, а упадаютъ племена чрезъ грѣхи* (Притч. XVI, 34).

Да не оставитъ народъ нашъ Христа Господа, да не оставитъ Его единымъ!..

Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во-вѣки! Аминь.

Православно-русское государственное міровоззрѣніе.*

Христось Воскресе!

Аще не Господь созиждеть домъ, всеу трудимася зиждущій; аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій (Пс. 126, 1).

Древній царь, царь „по сердцу Божию“ и избранникъ сердца народнаго, этими словами выразилъ свое исповѣданіе, оправданное все́мъ опытомъ его жизни. Полное крѣпкой религіозной вѣры, полное глубочайшаго смиренія и всещълой пре-

* Рѣчь на молебствіи предъ открытіемъ Всероссийскаго съѣзда русскихъ людей, собравшихся въ г. Москвѣ по приглашенію Всеамериканскаго Русскаго Союза, объединявшаго всѣ патріотическіе союзы, 6 апрѣля 1906 года, во дни Пасхи.

данности высшему Божьему міроправленію, оно передано, волю Духа Божія, въ завѣтъ и руководство народамъ грядущихъ временъ на вѣки вѣчныя.

Глубоко напечатлѣль въ своемъ сердцѣ этотъ завѣтъ нашъ русскій народъ; съ трогательною вѣрою, съ дѣтскимъ послушаніемъ урокамъ небесной мудрости, онъ осуществилъ его и въ частной жизни, и въ своемъ тысячелѣтнемъ государственномъ строеніи. Наглядный тому показатель—благочестивый обычай на Руси всякое дѣло начинать молитвою; наглядный тому показатель—и наше настоящее молитвенное собраніе, но въ особенности такимъ яркимъ и отраднымъ показателемъ служатъ тѣ основныя воззрѣнія на существо жизни нашего народа, во имя которыхъ объединились кружки и союзы русскихъ людей, ради укрѣпленія которыхъ отовсюду собрались они сегодня въ лицѣ своихъ представителей въ коренной градъ Россіи, посреди завѣтныхъ святынь народныхъ, въ осѣненіи духа и священныхъ преданій всей русской исторіи.

Привѣтъ вамъ, дорогіе братья! Привѣтъ вамъ, горячіе и мужественные исповѣдники русской идеи! Привѣтъ вамъ, истинные сыны богоноснаго и христілюбиваго народа, явившіеся сюда для работы разума и слова въ эти тяжкіе переживаемые народомъ нашимъ дни, когда ему грозитъ опасность поколебать и потерять основныя устои своего міровоззрѣнія и своего историческаго бытія!

Неизмѣримо велико значеніе религіозной идеи, ясно сознаваемой и послѣдовательно осуществляемой въ жизни и исторической дѣятельности народа. Она освѣщаетъ ему жизнь яркою путеводною звѣздой; она осмысливаетъ его прошлое и настоящее, его государственный и общественный строй, его національное самоопредѣленіе; она даетъ ему мѣрило и руководство для опредѣленія будущаго.

Только близорукость, невѣжество,—или нечистая и упорная преднамѣренность могутъ упускать изъ вида тѣсную связь, всегда существующую между государственными и общественными учрежденіями народовъ и ихъ религіозными вѣрованіями. И только легкомысліе можетъ полагать, что, нарушая и ниспровергая одну изъ главныхъ основъ народнаго міросо-

зерцанія или государственнаго строя, одно изъ коренныхъ воззрѣній народа, мы все-таки можемъ быть спокойны за цѣлость народнаго духа, за всѣ прочія его основы и воззрѣнія: это значитъ—отрицать очевидность, отрицать вліяніе частей на цѣлое. Мы нынѣ переживаемъ время господства именно такого непостижимаго, точнѣе же сказать, прямо болѣзненнаго легкомыслія.

Но какъ въ жизни отдельныхъ личностей бываютъ моменты, когда сознаніе высшаго религіознаго долга и высшаго призванія проясняется и вспыхиваетъ въ человѣкѣ особенно ярко, становится повелительною силой, руководящею его въ жизни и дѣятельности, властно опредѣляющею его поведеніе въ данное время,—такъ и для цѣлага народа, для цѣлага государства бываютъ особо величественные и важные моменты жизни, когда предъ народомъ открывается величайшее дѣло, величайшій подвигъ, правильное разрѣшеніе котораго опредѣляетъ ему приговоръ жизни или смерти, и становится возможнымъ только при ясномъ сознаніи имъ своего высшаго мірового, Божьяго призванія и религіозно опредѣленнаго долга. Тогда религіозная идея и вытекающій изъ нея историческій долгъ народа повелительно опредѣляютъ ему поведеніе, и онъ не можетъ отступить отъ высшихъ велѣній, какого бы труда, напряженія и жертвъ ни потребовалъ отъ него предлежащій ему подвигъ: предъ нимъ меркнутъ и отходятъ на второй планъ всѣ прочіе интересы жизни.

Таково именно значеніе и переживаемыхъ нынѣ дней, таково значеніе столь страстно нынѣ обсуждаемаго вопроса о существѣ и характерѣ государственнаго строя въ Россіи. Мы, русскіе люди, не можемъ отказаться отъ завѣщаннаго намъ исторіей самодержавія нашихъ царей, илюбленнаго и созданнаго народомъ, освященнаго Церковью, запечатлѣннаго священнымъ помазаніемъ царей, не можемъ отказаться отъ самодержавія,—*въ смыслъ религіозно-нравственнаго воззрѣнія на государство, въ противоположность правовому*,—если бы даже самъ Самодержецъ отъ него отрекся. Какъ бы рѣзко ни звучало это утвержденіе, мы повторяемъ его съ полнымъ сознаніемъ, съ особымъ удареніемъ и проникновеніемъ въ его смыслъ.

Не станемъ говорить подробно объ историческихъ заслугахъ, о государственномъ значеніи и безусловной необходимости самодержавія царей русскихъ для нашего отечества. Особенности исторіи Россіи; географическое ея положеніе; огромныя пространства; неизбѣжная рѣдкость населенія; разнообразіе климатическихъ условій; этнографическій составъ, разноплеменный, разнокультурный и разновѣрный; государственныя границы, необыкновенно растянутыя и доселѣ естественно не опредѣлившіяся въ окончательномъ видѣ; наличіе инородческихъ окраинъ съ ихъ центробѣжными стремленіями; своеобразное положеніе Россіи по отношенію къ народамъ Европы и Азіи; расовыя особенности славянскаго племени, характеръ и особенности его духовнаго склада; міровыя задачи и міровое призваніе Россіи и т. д., и т. д.,—все это, весьма важное и цѣнное въ выясненіи историческихъ правъ и государственной цѣнности самодержавія, мы опускаемъ; здѣсь каждая отдѣльная мысль требуетъ особаго обстоятельнаго обсужденія, которое увлекло бы насъ слишкомъ далеко; это, наконецъ, не входитъ прямо и непосредственно въ кругъ пастырскаго слова.

Но есть въ самодержавіи нашихъ православныхъ царей сторона, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ тѣмъ, что называется религіозною и христіанскою идеею. Въ томъ видѣ, какъ оно понято и усвоено русскою народною душою, въ самомъ помазаніи царей на царство,—въ этомъ обиліи молитвъ, въ несказанномъ подъемѣ народной вѣры и всенароднаго благоговѣнія,—отъ него вѣетъ не только благочестными преданіями цвѣтущей поры христіанства, не только духомъ православной вселенской Церкви въ Византіи съ ея благочестивымъ и равноапостольнымъ автократоромъ Константиномъ, но и духомъ сѣдой библейской древности, съ ея богооткровеннымъ пророчествомъ. И мнится, елей царскаго помазанія изливается и донныгъ на царей нашихъ изъ того благословеннаго рога, изъ котораго нѣкогда Давидъ, царь по сердцу Божію, пріялъ помазаніе отъ Святого посреди братьевъ своихъ: „и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ“ (1 Цар. XVI, 11—13). И слышится древнее слово: „Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ; елеемъ святымъ Моимъ помазахъ

его. *И истина Моя и милость Моя съ нимъ*, и о имени Моемъ вознесется рогъ его. Той призоветъ мя: отецъ мой еси Ты, Богъ мой и заступникъ спасенія моего“ (Пс. 88, 20, 21, 25, 27). Царь является орудіемъ Промысла въ управленіи народомъ и насажденіи въ жизни его законовъ и плановъ Божественнаго міроуправленія. Эту истину религіозную, таинственную можно принять только вѣрою; ее и принялъ и исповѣдуетъ нашъ народъ, когда говоритъ издревле на своемъ образномъ языкѣ: „Царь—отъ Бога приставъ“; „правда—Божія, а судъ—Царевъ“. Эта истина освѣщаетъ понятіе о самодержавіи и для самого царя: оно—вовсе не право царя, не частная и благопріобрѣтенная собственность, не личное его владѣніе, отъ котораго онъ воленъ отказаться; оно есть долгъ; отъ долга же нельзя отказаться, ему можно только измѣнить.

То, что въ Ветхомъ Завѣтѣ дано было, какъ зерно,—въ христіанствѣ получило высшее освѣщеніе и одухотвореніе, и принесло плодъ многій.

Осуществленіе и утвержденіе среди области земной, временной и человѣческой, иного царства, царства небснаго, вѣчнаго, царства Божія—это составляетъ завѣтную цѣль христіанства. О ней чудно предрекали издревле пророки, о ней предвѣщаль Предтеча Христовъ, о ней градамъ и весямъ и всему міру проповѣдалъ Спаситель и Его апостолы. Достигать чрезъ царство человѣческое цѣлей царства Божія; осуществлять въ жизни государства и посредствомъ государства задачи христіанства, религіи мира, любви, искупленія; проводить путемъ государственности христіанскія нравственные начала; обратить царство Божіе въ цѣль, а царство человѣческое—въ средство; слить ихъ воедино, какъ душу и тѣло,—вотъ идеаль и завѣты христіанскіе, вотъ сокровенныя стремленія и чаянія наши. Надъ ними глубоко задумывались самыя избранныя и великія, самыя благородныя души изъ міра вѣрующихъ; надъ ними трудились и въ томъ полагали цѣль своей дѣятельности лучшіе и благороднѣйшіе правители народовъ—равноапостольный Константинъ, великіе Θεодосій и Юстиніанъ, святые Владиміръ Великій, Александръ Невскій, благородный Владиміръ Мономахъ, кроткіе: Θεодоръ, Михайль, Алексій—до послѣдняго

нашего боголюбиваго Царя-Праведника, Царя-Миротворца. И это же все въ тайникахъ души своей на протяжении тысячеклѣтней исторіи русскій народъ впиталъ и воплотилъ въ свое государственное міровоззрѣніе, содѣлалъ непререкаемымъ членомъ символа своего государственнаго и народнаго бытія. Оттого ему противна была мысль объ исключительно земномъ характерѣ своего царства; противна была мысль о какомъ-либо договорѣ народа съ царемъ, ибо договоръ исключалъ бы чисто-нравственный характеръ ихъ взаимныхъ отношеній и замѣнялъ бы библейскій отеческій образъ власти правовымъ, основаннымъ на недобвѣрїи, а сыновнее свободное послушаніе любви—договорнымъ, принудительнымъ повиновеніемъ. Это воззрѣніе, по которому государство должно служить цѣлямъ религіозно-нравственнымъ, а не формально-правовымъ, высшимъ и небеснымъ, а не низменно-земнымъ, народъ нашъ, конечно, не формулировалъ ясно, но оно лежитъ, какъ подпочва, какъ несокрушимый устой и фундаментъ, въ его міровоззрѣніи. Ибо, по народному представленію, праведниками и міръ стоитъ... Зато въ лицѣ носителей духа и мысли народа, въ лицѣ его одаренныхъ и вдумчивыхъ сыновъ, съ другой стороны, и въ лицѣ носителей самодержавія и представителей власти—самодержавіе постепенно съ теченіемъ вѣковъ, въ рядѣ поколѣній какъ бы опознавало себя, уяснялось, очищалось отъ всего наноснаго и посторонняго, просвѣтлялось отъ свѣта высшаго. Процессъ просвѣтленія и созрѣванія русско-православнаго государственнаго міровоззрѣнія, въ освѣщеніи религіозной идеи, подъ руководствомъ Церкви не останавливался даже и тогда, когда самое самодержавіе въ жизненномъ осуществленіи своемъ уклонялось отъ своего существа, обращаясь въ абсолютизмъ подъ вліяніемъ Европы, или затѣнялось средостѣніемъ чуждыхъ и постороннихъ силъ, отдалявшихъ царя отъ народа.

Можно ли здѣсь умолчать о благородномъ подвигѣ проникновенной мысли славянофиловъ, озарившихъ сознаніемъ и огненнымъ словомъ то, что лежало въ неясныхъ предчувствіяхъ и преданіяхъ народа? Можно ли не помянуть съ благодарной любовью подвигъ жизни Самодержца Александра III,

самымъ дѣломъ предъ цѣлымъ міромъ оправдавшаго самодержавіе и показавшаго его величайшую духовную мощь и благотѣльность для Россіи?

Такимъ образомъ, въ самодержавіи царей нашихъ сказалось торжество идей, въ своемъ источникѣ богооткровенныхъ, но до такой степени усвоенныхъ духомъ нашего народа, что ихъ можно и должно назвать истинно-народными. Здѣсь выразилось все существо русскаго государственнаго строя; его не поколебать никакимъ вѣтромъ занесенныхъ изъ чуждыхъ странъ ученій, и подъ красныя мятежныя знамена съ надписями объ изгнаніи „долой“ этого строя можно привлечь только или гниль и отбросы русской жизни, или сыновъ народа, переставшихъ быть его сынами, разобщившихся съ его живымъ тѣломъ и съ душою, или, что чаще всего бываетъ, сыновъ народа обманутыхъ, введенныхъ въ заблужденіе и кричащихъ „долой“ только по недоразумѣнію. „Долой самодержавіе, довольнo съ насъ и Батюшки-Царя!“—вотъ типичный возгласъ такихъ жертвъ недоразумѣнія.

Но спросять: всѣ ли, дѣйствительно, понимаютъ эту религіозную идею народа, всѣ ли сыны народа представляютъ ясно и опредѣляютъ при свѣтѣ религіозной идеи его міровое, высшее призваніе?

Конечно, не всѣ! Но какъ въ тѣлѣ принято относить разумно-сознательную работу къ головѣ, такъ и въ народѣ: представители его мысли и жизни, его вожди должны сознать, а въ выдающіеся моменты исторіи, въ дни опасности для цѣлости народной идеи, должны исповѣдывать дѣломъ и словомъ призваніе народа, уяснять его себѣ и другимъ, бороться въ защиту его орудіями трезвой мысли и слова и крѣпкимъ союзомъ единомыслія. Вотъ почему такъ отрадно нынѣшнее собраніе ваше и единеніе, возлюбленные братья. И какъ въ тѣлѣ многое и притомъ самое важное для его жизни и благополучія совершается безсознательно или малосознательно; какъ въ жизни тѣла часто и притомъ безошибочно дѣйствуетъ врожденный и Творцомъ вложенный въ челоуѣка могучій жизнеохранительный инстинктъ, такъ и въ народѣ: многое онъ понимаетъ, не умѣя только выразить этого ясно и точно, а ко

многому онъ стремится въ своей исторической жизни, руководясь не ясно сознанными цѣлями, а смутнымъ чувствомъ, безошибочнымъ инстинктомъ, воплощеннымъ въ народныя преданія. Определить и уяснить себѣ такое движеніе народа можно только въ исторической перспективѣ. Съ такой именно точки зрѣнія, при взглядѣ назадъ на пройденный Россіей тысячелѣтній путь, становится яснымъ и разумнымъ, планомѣрнымъ и цѣлесообразнымъ величественный ходъ и движущія начала ея жизни: Кіевъ, Новгородъ, походы въ Цареградъ черезъ „Русское“ море, борьба за сѣверныя рѣки и южныя степи, широкій размахъ миссіонерской и колонизаціонной работы нашихъ обитателей, путь къ Черному и Бѣлому морямъ, Волга, Ока, Вятка, Казань, Астрахань, Уралъ и Сибирь, Кавказъ и Крымъ, защита православныхъ угнетенныхъ народностей, поддержка славянскихъ племенъ, и эта загадочная, таинственная, тысячелѣтняя тоска гѣсни, преданій и мечтаній народа, живущаго на сушѣ, о синемъ морѣ, эти порыванія къ дальнему морю-океану... Все это чуждо сердцу блудныхъ сыновъ Россіи, нашихъ непомнящихъ родства русскихъ европейцевъ, которые въ прошломъ Россіи не видятъ ничего, кромѣ тьмы, грязи и безтолковщины. Но даже гордый и враждебный взоръ иноплеменный увидитъ всю неправду этого самоубійственнаго и неумнаго озлобленія,—самооплеванія и самопредательства. Россія прожила тысячу лѣтъ и за это время, руководясь животворною религіозною идеей, осмыслившей ея бытіе и ея міровое призваніе, она много поработала для всемірнаго блага и общечеловѣческаго счастья: сломала восточное варварство; спасла отъ разгрома европейскую цивилизацію, заслонивъ собою, въ мученическомъ подвигѣ, нашествіе дикихъ орды, и затѣмъ, побѣдивши эти орды вѣковымъ напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ, освободила православный Востокъ, подавивъ истребительный разливъ мусульманскаго фанатизма; дала политическое существованіе не одной народности; образовала Имперію, въ которой нашли себѣ достойную жизнь и покой множество племенъ, прежде занимавшихся взаимнымъ истребленіемъ; наконецъ, на огромномъ протяженіи территоріи, равной $\frac{1}{6}$ части всего свѣта, она въ мѣру силъ

и возможности, при самыхъ тяжкихъ историческихъ и географическихъ условіяхъ, насадила порядокъ, блага культуры и мирной жизни, основанной на христіанствѣ, воспринятомъ въ самое существо народнаго русскаго духа.

Здѣсь только намѣченъ нами вѣдшій ростъ Россіи и только кратко указано средство, данное ей свыше, для достиженія призванія неизмѣримо важнѣйшаго, чѣмъ одно вѣдшнее распространеніе предѣловъ: оно—въ утвержденіи царства Божія по пути всего этого великаго и невиданнаго въ исторіи движенія отъ береговъ Днѣпра и Ильменя до береговъ всѣхъ морей и океановъ; оно—въ водруженіи Креста и проповѣди Евангелія, по завѣту Спасителя, до послѣднихъ предѣловъ земли (Дѣян. I, 8); оно—въ новомъ словѣ, которое скажетъ Россія міру,—по вѣщему пророчеству славянофиловъ,— въ утвержденіи и распространеніи неповрежденной и неискаженной страстями человѣческими истины христіанства; въ созданіи чисто-христіанской философіи и культуры, въ сочетаніи началъ Божественнаго и человѣческаго, въ соединеніи вѣры и знанія, христіанскаго слова и дѣла, исповѣданія и жизни; въ примиреніи страшныхъ противорѣчій человѣческой жизни и исторіи, плоти и духа, любви и эгоизма, національнаго и общечеловѣческаго; въ примиреніи Востока и Запада и вѣковой борьбы въ основныхъ началахъ ихъ жизни и мысли.

Призваніе это, міровое и великое, указанное намъ и исторіей и даже географическимъ положеніемъ Россіи,—это наша честь и слава, наше нравственное право на бытіе и національное самоопредѣленіе, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжкій долгъ нашъ предъ Богомъ и человѣчествомъ; оно выстрадано русскимъ народомъ, полито его кровью, потребовало много тяжкихъ жертвъ и, конечно, потребуетъ много этихъ жертвъ и въ будущемъ. Оно обвѣяно его поэзіей, его ясновидящими преданіями, мистическими предчувствіями. Отъ него мы не можемъ, не смѣемъ, не въ силахъ отказаться: это было бы не только позоромъ, не только измѣной высшему предназначенію и царству Божію, но и отказомъ отъ самаго нашего бытія.

И вотъ, пришли на насъ теперь, по грѣхамъ нашимъ, черные дни. Отъ насъ вышли сыны народа, оторванные отъ

его жизни вѣковыми ошибками разрыва съ русскою религіозною и народною идеей, по духу болѣе сродные инородцамъ и иностранцамъ; вмѣстѣ съ этими чуждыми намъ инородцами и иностранцами, слишкомъ многочисленными въ нашемъ царствѣ, слишкомъ поднявшими голову послѣ нашихъ неудачъ и поражений на войнѣ, захотѣвшими господствовать въ пріотившей ихъ странѣ, они буквально заплонили Россію проповѣдью такого строя и такихъ началъ жизни, которые грозятъ свести въ ничто ея тысячелѣтнюю исторію, измѣнить въ корнѣ все существо души народной. Отъ насъ они вышли, но не были отъ насъ. Повторяемъ,—только непостижимое легкомысліе можетъ полагать, что съ уничтоженіемъ одного члена нашего государственнаго тріединства: православія, самодержавія и народности, остальные два будто бы не потерпятъ ущерба. Несомнѣнно, цѣлостъ нашего міровоззрѣнія тогда рухнетъ, какъ рухнетъ треугольникъ, если изъ него вынуть одну сторону; несомнѣнно, Россію, въ случаѣ успѣха такихъ ученій, ждетъ впереди расчлененіе и гибель; изъ народа созидательнаго и историческаго мы обратимся въ рабочій скотъ, въ жалкій безличный матеріаль исторіи, въ жалкій матеріаль работы другихъ народовъ. Не станемъ скрывать отъ себя, что уже не мало сдѣлано сознательными и безсознательными врагами Россіи для уготовленія ей такой судьбы.

Гдѣ же выходъ, и гдѣ наше спасеніе? Сыны народа, сыны родные, любящіе, вѣрные, понимающіе его духъ и движущую религіозную идею,—объединяйтесь, работайте, боритесь, не приходите къ расслабляющему унынію! Слово апостола пусть возгремить надъ вами и окрылитъ васъ силою: бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь! (1 Кор. XVI, 13). Только въ свѣтѣ этихъ руководящихъ началъ мы найдемъ силы для терпѣнія, мужества и спокойствія. Всего бываетъ въ жизни; она не обходится безъ жертвъ, ошибокъ и неудачъ. Но великій народъ способенъ выслушать и горькую правду, способенъ сознать ошибки и неудачи, способенъ терпѣливо изслѣдовать ихъ и мужественно указать, онъ въ силахъ съ удвоенною рвѣнностью выступить на ихъ исправленіе; залогъ его успѣха—въ спокойствіи даже и напряженной работы, и въ терпѣливомъ

ожиданіи, вытекающихъ изъ вѣры въ правоту и торжество своего дѣла и въ Божье благословеніе.

Поэтому намъ не нужны, какъ дѣтямъ и больнымъ, успокаивающія и подбадривающія извѣстія; мы должны ясно представлять себѣ опасность, грозящую нашему отечеству; но намъ не страшны должны быть эти опасности; въ нашихъ сердцахъ не мѣсто малодушному унынію, малодушнымъ опасеніямъ за судьбы отечества, если только мы вѣруемъ въ Бога, въ Россію, въ религіозный и освященный во святомъ помазаніи союзъ царя и народа, и въ міровое призваніе нашей великой родины.

„Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущіи; аще не Господь сохранитъ градъ, всеу блѣ стрегій“... Будемъ же вѣрить, что не даромъ Господь создалъ домъ нашего царства и хранилъ доселѣ его грады; не даромъ Господь вызвалъ къ бытію Россію и поставилъ предъ нею великія міровыя задачи.

Опасность пусть удвоитъ наши силы. Выходите же, сыны народа, выходите на грудь и на борьбу! Размышляйте, уясните себѣ и другимъ и громко проповѣдуйте существо русскихъ истинно-народныхъ идеаловъ; укажите наши отступленія отъ нихъ; при свѣтѣ этихъ идеаловъ укажите желанные порядки русской жизни во всѣхъ ея отрасляхъ, закрѣпляйте сознаниемъ то, что доселѣ было лишь чувствомъ и преданіемъ; вдохновляйте вѣрою и разумомъ унылыя души; созидайте ясный, послѣдовательный планъ работы для всѣхъ защитниковъ настоящей православной и русской Россіи, а не мнимой и поддѣльной по вымученнымъ зарубежнымъ образцамъ.

За нами Богъ, за нами правота дѣла, за нами исторія, за нами русскій народъ, а впереди—великое будущее великаго нашего народа! Отстаивайте, берегите великія духовныя сокровища Россіи!

И вѣрьте, пройдетъ болѣзненное повѣтріе мысли, что охватило теперь столь великое множество людей. Претерпимъ это помраченіе умовъ въ Россіи сверху и донизу. Самыя несчастья и тяжкіе удары судьбы отрезвять насъ. Придетъ этотъ день отрезвленія, ярче загорится любовь къ поруганнымъ устоямъ

русской жизни, и засяетъ надъ нами день радованія, свѣтлый и тихій, какъ этотъ день пасхальный.

„И будетъ въ день оный“ народъ свято-русскій, „возстая владѣти языки; на того языцы уповати будутъ, и будетъ покой его—честь!“ (Ис. XI, 10).

Счастье—въ трудѣ.*

Святое евангеліе рассказываетъ о томъ, какъ Спаситель исцѣлилъ разслабленнаго, лежавшаго при овчей купели 38 лѣтъ (Іоанн. V, 1—15).

Апостольскія Дѣянія рассказываютъ объ исцѣленіи другого разслабленнаго, восемь лѣтъ лежавшаго безъ движенія, именемъ Энея, а также о воскрешеніи дѣвицы Тавиомы (Дѣян. IX, 32—42). И то и другое чудо именемъ и силою Господа совершилъ апостоль Петръ въ средѣ вѣрующихъ.

Хочется спросить: въ чемъ же состояло несчастье и страданіе обоихъ разслабленныхъ? Конечно, отвѣтите вы, несчастье въ томъ, что они не могли двигаться, не могли работать, были прикованы къ одному мѣсту. А вѣдь послушать многихъ нынѣшнихъ смутителей народа, такъ выйдетъ, что разслабленные-то и были счастливыми. Ибо о чемъ теперь часто проповѣдуютъ? О томъ, чтобы человѣкъ какъ можно меньше работалъ и какъ можно больше пользовался всѣми жизненными удобствами и благами, чтобы человѣкъ имѣлъ какъ можно меньше часовъ работы.

При такомъ желаніи, конечно, лежать безъ движенія, быть разслабленнымъ, совсѣмъ ничего не дѣлать—это самое высшее счастье. Для лѣности и праздности вѣдь не нужно ни рукъ, ни ногъ, ни крѣпости членовъ, ни остраго глаза, ни слуха, ни ловкости и выносливости. Если не будешь работать, разслабленіе и само собою придетъ къ человѣку. Но вотъ видимъ,

* Поученіе фабричнымъ рабочимъ предъ открытіемъ работъ.

что природа человѣка громко возстаетъ противъ расслабленія. Оба расслабленные считали себя глубоко несчастными. Тридцать восемь лѣтъ лежалъ одинъ изъ нихъ около чудодѣйственной купели и все ожидалъ, все ожидалъ единого счастья: получить прежнюю крѣпость своихъ членовъ, ходить собственными ногами, распорядиться собственными силами, трудиться своими собственными руками.

Такъ, братіе, трудъ—это потребность человѣка, трудъ—это счастье наше, а гдѣ нѣтъ труда, тамъ является расслабленіе человѣка,—глубокое его несчастье.

Но это еще не все. Въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ разсказывается: Когда дѣвица Тавиѳа умерла, то христіане, узнавъ о томъ, что недалеко отъ нихъ находится апостоль Петръ, послали къ нему двухъ человѣкъ просить, чтобы онъ не замедлилъ придти къ нимъ. Какъ только онъ пришелъ, всѣ женщины въ домѣ, гдѣ находилась умершая, предстали предъ апостоломъ со слезами, показывая ему рубашки и платья, какія дѣлала Тавиѳа, живя съ ними. (Дѣян. IX, 39). Для чего же онъ дѣлалъ это?

А для того, конечно, чтобы восхвалить умершую, чтобы показать, какъ полна была труда ея жизнь, какъ, поэтому, она была достойна званія христіанки, какъ она достойна милости Господней.

И апостоль силою Божьей возвратилъ умершую къ жизни.

Итакъ, трудъ есть не только потребность и счастье человѣка, но и великая похвала для него, добродѣтель, угодная въ очахъ Божіихъ.

Такъ говоритъ намъ совѣсть наша. Тому же ясно и разумительно учить насъ и слово Божіе.

Когда Господь сотворилъ первыхъ людей, Онъ даровалъ имъ блаженство и поселилъ въ рай сладости. Что же, однако, люди слышали отъ Господа въ рай? Господь повелѣлъ имъ трудиться, воздѣлывать рай и хранить его (Быт. II, 15). Блаженство, значить, было невозможно безъ труда. Но вотъ человѣкъ согрѣшилъ, изгнанъ былъ изърая, лишился блаженства. Какъ же ему было возможно загладить грѣхъ, исполнять волю Божію, исправлять себя, обновляться душой? Милосердый Гос-

подъ не отказалъ ему въ этомъ, и путь исправленія, путь нравственнаго воспитанія, врачевство отъ грѣха, подвигъ примиренія съ Богомъ, смыслъ жизни Онъ опять указалъ чело-
вѣку въ трудѣ: въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой (Быт. III, 17—19).

Мы знаемъ потомъ, какъ жили люди послѣ грѣхопаденія. Одни забыли Бога истиннаго и выдумали себѣ ложныхъ боговъ. Это были язычники, которые считали трудъ несчастьемъ, а людей трудящихся презирали. Другіе люди сохранили вѣру истинную; такіе всегда высоко почитали трудъ: древніе патриархи, пророки, цари, всѣ благочестивые люди были великими трудолюбцами. Самъ Христосъ Спаситель въ домѣ Іосифа трудился съ нимъ вмѣстѣ, какъ плотникъ; Пречистая Матерь Господа занималась трудами рукодѣлія и домашняго хозяйства; Христовы апостолы были рыбаками; апостолъ Павелъ дѣлалъ палатки и писалъ о себѣ: „мы трудимся, дѣлая своими руками“ (1 Кор. IV, 2). Съ кѣмъ больше всего обращались святые апостолы? На это отвѣчаетъ книга Дѣяній Апостольскихъ хотя бы въ томъ мѣстѣ, гдѣ рассказано о воскрешеніи Тавиены: апостолъ Петръ довольно дней пробылъ въ трудахъ проповѣди послѣ совершеннаго чуда, и проживалъ при этомъ у нѣкоего Симона *кожесника* (Дѣян. IX, 43).

Среди рабовъ-тружениковъ апостолы находили вѣрующихъ; тысячи этихъ рабовъ содѣлались мучениками и святыми, которыхъ и доселѣ почитаютъ вѣрующіе люди.

Недостало бы времени перечислить всѣ уроки слова Божія и Церкви Христовой, всѣ поученія о святости, высокомъ достоинствѣ и пользѣ труда. Главное сказано; добавлю вамъ немного. Іовъ, богатый чело-вѣкъ древности, учитъ: „чело-вѣкъ рождается на трудъ, какъ птица для летанія“ (Іов. V, 6). Соломонъ, мудрѣйшій изъ людей, среди полнаго изобилія и безпримѣрнаго богатства, восхвалялъ трудъ и говорилъ: „сонъ сладокъ работающему“ (Екклес. V, 11). Апостолъ Павелъ христіанамъ завѣщалъ трудъ, и это завѣщаніе его какъ нельзя болѣе относится къ нынѣшнему нашему рабочему люду. Вотъ что онъ пишетъ: „Если кто не хочетъ трудиться, тотъ не ѣшь. Но слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безачинно,

ничего не дѣлають, а суетятся. Таковыхъ увѣщаваемъ и убѣждаемъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли хлѣбъ свой“. И еще: „Если кто не послушаетъ (этого) слова нашего, того имѣйте на замѣчани и не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата“ (2 Сол. III, 10—14).

У всѣхъ народовъ, рѣшительно на всѣхъ языкахъ есть пословицы, говорящія, что лѣность есть мать всѣхъ пороковъ; такъ, голосъ общечеловѣческой согласенъ съ золотымъ правиломъ древняго библейскаго мудреца: „многой злобѣ научила праздность“ (Сир. XXXIII, 28). Въ высшей степени выразительно поучаетъ насъ тому же мудрецъ и учитель новозавѣтный—Иоаннъ Златоустый. Этотъ святой отецъ пишетъ: „Нѣтъ ничего въ дѣлахъ человѣческихъ, чего не губила бы праздность; ибо и вода, если стоитъ, повреждается, загнивается, если же течетъ, то сохраняетъ свое свойство; и желѣзо, если остается безъ употребленія, покрывается ржавчиной, а когда изъ него что-либо выковывается, приноситъ пользу и блеститъ, какъ серебро“.

Да будетъ же, возлюбленные, благословенъ вашъ трудъ! Трудитесь и работайте, исполняйте вашъ долгъ предъ Богомъ, питайте трудами рукъ вашихъ близкихъ и родныхъ, трудомъ честнымъ и добрымъ очищайте души свои и привлекайте къ себѣ этимъ любовь Бога и людей! Трудъ часто тяжекъ для насъ. Но такова воля Божія. Богъ труды любить. Безъ труда нѣтъ плода. Поэтому не слушайте тѣхъ ложныхъ учителей и смутителей, которые нерѣдко общаются трудящимся людямъ жизнь покойную и довольную безъ труда и указываютъ на преступный путь присвоенія чужого добра. Чужимъ очастливъ не будешь.

Поэтому не губите трудовъ вашихъ тѣмъ, чѣмъ часто губить его русскій человѣкъ, губить мѣсяцы и годы своей работы, обездоливаетъ семью, губить душу и становится подавленнымъ на всякія лжеученія и соблазны, на всякія пороки и преступленія! Я разумѣю пьянство послѣ получки денегъ. Вотъ гдѣ горе-горькое, горе наше всенародное; вотъ гдѣ можетъ-быть главный источникъ всѣхъ теперешнихъ несчастій нашей родины! Въ пьянствѣ часто зачаты и рождены дѣти.

Такие люди уже надъ собою не господа, собою не владѣютъ; такие люди склонны на все злое; такими людьми жизнь не строится, а разрушается.

Будьте же, возлюбленные братья, набожны, трудолюбивы, будьте честны, трезвы и разсудительны. Тогда трудъ для васъ будетъ не только долгомъ, но и счастьемъ вашимъ и вашихъ ближнихъ, счастьемъ родины, источникомъ довольства, путемъ богоугожденія и душевнаго спасенія! Аминь.

Внутреннее разложеніе общества.*

О, мечь! О, мечь! Докогда посѣвать ты будешь? Докогда не упокоишься? Вьяди въ ножны твои, почій и упокойся! (Іерем. XLVII, 6).

Въ кровавый мартирологъ мучениковъ долга на святой Руси вчера внесенъ еще одинъ честный русскій человекъ, безвременно погибшій графъ Сергій Николаевичъ Коновницынъ.

Безъ конца длится кровавый пиръ обезумѣвшихъ злодѣевъ. Безъ конца поднимается губительный адскій пламень метаемыхъ бомбъ и уноситъ отъ насъ одну за другою жизнь вѣрныхъ слугъ Россіи, безтрепетныхъ исполнителей долга присяги.

Можно сказать, наше время измыслило и объявило новый совершенно невѣроятный способъ оцѣнки достоинства людей: благородство, честность, вѣра и вѣрность, патріотическія заслуги — отнынѣ свидѣлствуются покушеніями, увѣчьями, ранами и убійствами. Ни одно правительственное учрежденіе, даже специально вѣдая оцѣнкой государственныхъ дѣятелей, не могло бы указать и отмѣтить съ такою безошибочностью истинныхъ носителей долга и чести, истинныхъ слугъ законности и порядка, истинныхъ защитниковъ отечества, какъ это

* Рѣчь при коммювеніи графа Сергія Николаевича Коновницына, убитаго при покушеніи на адмирала Дубасова. Сказана на панихидѣ въ Кружкѣ Дворянъ 24 апрѣля 1906 г.

дѣлають наши революціонеры. Ни разу не тронуть ими ни одинъ изъ слугъ государства ничтожный, лѣнивый, неспособный и продажный. Ни разу не тронуть ими ни одинъ дѣйствительный преступникъ. Убиваются на подборъ лишь достойные люди.

Подъ завыванія презрѣнныхъ лакеевъ революціи, захватившихъ въ грязныя руки свои печать, подъ истеричные вопли объ отмѣнѣ всякихъ твердыхъ мѣръ въ подавленіи безпорядковъ, всякихъ каръ и особенно смертной казни,—казни за казнями совершаются ими самими по всей Россіи, взрываютъ и бомбамъ вторятъ выстрѣлы, низкіе и предательскіе, изъ-за угла, революціонные грабежи, разбои и убійства. Приговоры объявляются безо всякаго суда и допроса; оправданій не желаютъ знать; казни приводятся въ исполненіе безо всякой пощады; о жертвахъ, убитыхъ случайно при всякихъ покушеніяхъ, совершенно не думаютъ.

Кровавое безуміе, видимо, охватило враговъ государственнаго порядка.

Какъ могло все это случиться? Какъ могла преступная партія съ такою сравнительною легкостью и возникнуть, и организовать, и приводить въ исполненіе свои безумные замыслы?

Слышимъ и читаемъ иногда,—въ отвѣтъ на эти вопросы,—жалобы на то, что у насъ не умѣютъ хорошо выслѣдить преступниковъ, во-время предупредить злодѣяніе и представить его суду и заслуженной карѣ.

Но не это мы разумѣемъ. Внѣшнія мѣры предупрежденія и каранія преступленій никогда и нигдѣ не являлись и не являются главными и всеисцѣляющими. Важнѣе всего то внутреннее состояніе и настроеніе общества, которое способствуетъ или препятствуетъ развитію въ его средѣ преступныхъ склонностей и преступныхъ дѣяній. Внутренніе враги Россіи, враги всякаго порядка, люди безъ правилъ и нравственныхъ убѣжденій, привѣтствующіе самое гнусное насиліе въ своихъ дѣйствіяхъ, но возмущающіеся всякимъ законнымъ проявленіемъ суда и власти въ государствѣ и объявляющіе его насиліемъ,—эти люди вышли отъ насъ; условія, благопріятствующія ихъ

дѣятельности, созидались нами же и въ нашей средѣ; пособниковъ и пособничество они находятъ въ томъ же обществѣ.

Вотъ на что нужно обратить вниманіе!

Къ глубокому сожалѣнію, русское общество въ своей жизни обнаруживаетъ два прискорбнѣйшія свойства: *Во-первыхъ*, оно вызывается изъ своего равнодушія къ дѣятельности и размышленію только страшными и ошеломляющими ударами судьбы, напримѣръ, громомъ войны, или изъ ряда вонъ выходящими злодѣяніями. *Во-вторыхъ*, оно рѣдко предвидитъ окончательное развитіе и плоды той или другой мысли, того или другого факта. Оно не разъ играло съ огнемъ: а упустишь огонь,— не поймаешь...

Эти-то мысли и факты, раздѣляемые и одобряемые семьей, обществомъ, литературой, школой, сплошь и рядомъ приносятъ самыя тяжкія послѣдствія и плоды, неожиданные для людей духовно близорукихъ, живущихъ минутой, но исполнѣ естественно ожидаемые людьми, умѣющими смотрѣть впередъ, сообразать и предвидѣть результаты жизненныхъ явленій.

Въ доказательство этого положенія мы могли бы привести факты и явленія изъ нашей жизни безъ конца.

Припомните, какъ сочувствовали толстовщинѣ, какъ осуждали Церковь за отлученіе Толстого, этого самаго опаснаго анархиста-теоретика, упраздняющаго и Церковь, и государство! Не вѣрили, что изъ его проповѣди „непротивленія злу“ выродятся самыя кровавыя замыслы и самыя дикія дѣйствія насилія. Развѣ теперь это не подтвердилось?

Припомните, какъ снисходительны были къ волненіямъ молодежи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, осуждали школьные порядки, винили школьное начальство, сочувствовали молодежи, въ этомъ сочувствіи видѣли доказательство благороднаго либерализма. Не вѣрили, что школьная разруха пройдетъ отъ университетовъ до самыхъ начальныхъ школъ и обратитъ дѣтей и юношей въ скопище бездомныхъ, безнравственныхъ бродягъ, лишенныхъ всякихъ нравственныхъ правилъ и всякой дисциплины,—въ довершеніе всего, невѣждъ, самовлюбленныхъ, самодовольныхъ, грубыхъ насильниковъ. Развѣ это все не исполнилось на нашихъ глазахъ?

Припомните эти потоки злорѣчія, клеветы, эти сплетни улыцы, которыя сочинялись на всѣхъ высшихъ представителей власти, злорадно передавались другъ другу по секрету, сообщались юношамъ и развращали ихъ въ корнѣ.

Припомните, какъ въ школахъ, высшихъ и среднихъ, издѣвались надъ всѣмъ русскимъ, издѣвались надъ религіей и патріотизмомъ—„передовые“ педагоги! Къ сожалѣнію, въ семьѣ и обществѣ не находилось отпора преступнымъ вліяніямъ.

Припомните, какъ мало была распространена и въ какомъ презрѣніи была патріотическая печать. Вѣдь заговорить о Богѣ, о присягѣ, о Царѣ, о Россіи,—для этого прямо нужно было имѣть мужество и заранѣе обречь себя на всякую клевету и издѣвательство.

А рядомъ другой фактъ: припомните увлеченіе, раскупку нарасхватъ всякихъ скандальныхъ газетокъ, брошюрокъ, которыя тѣшили жалкую потребность мелкой сплетни. Скажите, что у насъ осталось не оклеветаннымъ, не оплеваннымъ, не приниженымъ? Скажите, кого пощадили? Надъ кѣмъ не смѣялись старые и юные вмѣстѣ, довольные только тѣмъ, что въ данную минуту клевета не ихъ касается!

Нужно ли говорить о кощунствѣ надъ вѣрой и Церковью, о пошленькихъ разсказахъ о Церкви, о Царскомъ Домѣ, о всѣхъ лицахъ, стоящихъ у власти? Да, русское общество легкомысленно дѣлало революцію, легкомысленно играло съ огнемъ.

Дорожили ли мы государствомъ? родиною? Слѣдили ли за ея врагами?

Какъ въ дальней Маньчжуріи послѣ китайской войны русскіе только посмѣивались надъ японскими шпіонами, которые три года, на виду у русской власти, день и ночь занимались съемками мѣстностей, составленіемъ плановъ и проч.,—такъ и во внутренней жизни мы не хотѣли принять мѣръ противъ надвигающихся опасностей.

Что нужно для образованія и существованія государства?

Прежде всего, конечно, нужна извѣстная территорія земли для населенія: цѣлость этой территоріи обыкновенно ея насельники защищаютъ и отстаиваютъ отъ враговъ жертвами

крови и цѣною смерти. Но ничуть не менѣе нужна для государства и народа единая и цѣльная, такъ-сказать, *духовная территория*: общность религіозныхъ, нравственныхъ, патриотическихкихъ, бытовыхъ и культурныхъ, исторически сложившихся устоевъ, возрѣній, стремлений. Цѣлость такой духовной территории и крѣпость ея добывается и приобрѣтается народомъ не сразу: надъ нею работаютъ ряды поколѣній и тысячи лучшихъ и выдающихся представителей Церкви, государства, общества, ее также отстаиваютъ отъ покушеній враговъ цѣною жертвъ, крови и смертей; за нее страдаютъ люди, подобные адмиралу Дубасову; за нее умираютъ мученики, подобные поминаемому сейчасъ рабу Божию убиенному Сергію; на нее ополчаются внутренніе враги, а изъ внѣшнихъ—тѣ, которые понимаютъ, гдѣ и какъ можно нанести самый чувствительный и гибельный вредъ противнику. Отсюда поддержка въ Россіи, на иноземныя и инородческія деньги, всѣхъ тѣхъ, кто разлагаютъ нашу государственную жизнь; отсюда денежная помощь русскому сектантству, забастовкамъ, волненіямъ, революціоннымъ затѣямъ и предательствамъ, которыя никогда безъ 30 сребренниковъ не обходятся.

Громъ теперь грянулъ. Пусть же русское общество одумается, отрезвится, оглянется на себя; пусть вступить въ борьбу съ этими грозными покушеніями на духовную нашу цѣлость. Пора понять, что мы своею безопасностью, безпринципностью и разъединеніемъ, своимъ молчаніемъ и трусостью помогаемъ врагамъ государственнаго порядка, помогаемъ разброду нашей религіозной и общественной мысли, распаду нашего, вѣками сложившагося государственнаго строя.

Вѣдь, какъ много еще могучихъ положительныхъ силъ въ нашемъ народѣ! Какъ много вполне преданныхъ сыновъ Церкви и государства рѣшительно во всѣхъ классахъ общества! Такъ много, такъ много, что ничтожная кучка убійць и крामольниковъ, это—буквально капля въ морѣ. И если бы мы были объединены, энергичны; если бы мы, сторонники вѣры, Церкви, Государа и государства, заговорили, то,—какъ иной предъ лучами горячаго солнца, какъ дымъ, расточились бы враги наши!

Къ этому единенію зоветъ насъ вчерашнее страшное покушеніе на представителя Государя въ нашей столицѣ. Къ этому единенію зоветъ насъ нынѣшняя молитва о рабѣ Божіемъ убиенномъ Сергіи. Она говоритъ намъ, что мы виновны предъ нимъ. Она будитъ въ насъ нашу совѣсть; она напоминаетъ намъ о нашемъ долгѣ: она повелѣваетъ намъ стать во всеоружіи вѣры, бодрости и любви къ отечеству на стражу общественнаго спокойствія, на бодрый трудъ и на бодрую борьбу со всѣмъ, что такъ или иначе способствуетъ, хотя бы въ отдаленнѣйшей степени, всякой попыткѣ внутреннихъ враговъ Россіи расплить общественную мысль, смутить и затемнить общественную совѣсть, или дерзнуть на злодѣяніе убійства слугъ Государевыхъ.

Пора обнаружить намъ свою духовную мощь и показать дерзкимъ злодѣямъ единодушное, общественное осужденіе и презрѣніе къ ихъ преступной дѣятельности. Пора заговорить противъ партіи безпорядка иной партіи, партіи порядка, если только можно ничтожную кучку злодѣевъ, съ одной стороны, и необъятную Россію, съ другой, назвать этимъ избитымъ именемъ партіи.

И пусть только услышится твердый тонъ въ семьѣ, въ школѣ, въ литературѣ и обществѣ; пусть только громко раздастся смѣлое слово и обнаружится смѣлая дѣятельность каждаго изъ насъ: сгинуть тучи, которыя теперь темною полосой протянулись надъ нашимъ небосклономъ, сгинетъ этотъ туманъ, *имѣющій видъ силы и значенія, а на самомъ дѣлѣ ничтожный и жалкій.*

Тогда перестанетъ посѣкать насъ губительный мечъ крестовыхъ, тогда онъ увидетъ въ ножны свои, и почіетъ, и упокоится...

Отрадное свидѣтельство начинающаго отрезвленія нашей жизни мы видимъ, между прочимъ, и въ этомъ благородномъ Кружкѣ Дворянъ, которые сошли сюда во имя вѣчныхъ и зажительныхъ началъ всякой человѣческой культуры и достойной государственности: во имя вѣры, чести, долга, присяги и горячаго патріотизма. Отрадно, знаменательно и это единодушное молитвенное поминовеніе убиеннаго раба Божія Сергія!

Рабъ Божій Сергій! Ты, благородный отпрыскъ древняго рода, палъ смертью славныхъ на-стражѣ долга! Ты оросилъ землю родную своею кровью! Ты тѣломъ своимъ защитилъ того представителя Царя нашего, жизнь котораго Промыслъ сохранилъ Россіи для служенія ея благу! Ты восшелъ къ небу въ тѣ дни, когда Церковь еще не престала славить пѣснями Воскресшаго Христа и въ Немъ—воскресеніе и жизнь вѣчную для всякаго вѣрующаго!

Да будетъ же убійенному мученику удѣломъ святымъ жизнь вѣчная! Да будетъ тихъ и безмятеженъ его горній полетъ къ небу и Богу, да будетъ ему уготовано мѣсто упокоенія, да будетъ ему вѣчная память! Аминь.

Слово здравое.*

Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только слово благое къ созиданію (Еф. IV, 29), слово здравое, незаворное (Тим. II, 8). Ударъ бича наноситъ рубцы, которые скоро заживаютъ, но алорѣчивый языкъ приноситъ нешцѣльныя раны. Многіе пали отъ острія меча, но не столько, сколько падшихъ отъ алорѣчія (Сир. XXVIII).

Итакъ, есть слово къ созиданію, и есть слово къ разрушенію жизни. Въ приведенныхъ словахъ Священнаго Писанія эта мысль выражена ярко и образно; въ нихъ какъ бы предъказано переживаемое нами теперь время,—время гибельнаго господства слова гнилого, подкушнаго, разрушительнаго, исполненнаго всякой клеветы, обращеннаго въ призывъ къ крови, къ насилію, взаимному озлобленію и истребленію.

Какъ могло это случиться? Какъ могло такое слово найти себѣ читателей и слушателей? Священное Писаніе и на эти

* Рѣчь на молебствіи по случаю 150-лѣтняго юбилея „Московскихъ Вѣдомостей“, 26 апрѣля 1906 года.

вопросы даетъ краткій и выразительный отвѣтъ: языкъ—огнь, прикраса неправды (Лак. III, 6).

Проповѣдь разрушенія всѣхъ зиждительныхъ началъ жизни человѣческой и жизни православно-русскаго народа, началъ вѣры, христіанской нравственности, послушанія власти церковной и государственной, любви къ своему отечеству,—эта проповѣдь, для удобнѣйшаго уловленія душъ слабыхъ и умовъ некрѣпкихъ, прикрыта блестящими фразами и высоко-благородными словами о правдѣ Божіей, о правдѣ нашей жизни, о пути истины для людей нашего XX вѣка и для сына отечества, о благѣ Руси и Русскаго государства... И вотъ, свобода обращена въ насиліе надъ всѣми, кто не хочетъ отступиться отъ завѣщанныхъ человѣчествомъ и родиною сокровищъ духа; свобода совѣсти обращена въ свободу безсовѣстности и подъ видомъ религіозныхъ интересовъ проводить замыслы, далекіе отъ всякой религіи; свобода слова замѣнилась свободою клеветы, лжи, наускиванья и преслѣдованія противъ всѣхъ несогласныхъ съ призывомъ къ кровавой надъ ними расправѣ; свобода той или другой народности, того или другого якобы угнетеннаго племени знаменуетъ собою угнетеніе и прямо погибель народа русскаго въ его собственномъ домѣ, въ его царствѣ и т. д., и т. д. Всего тяжелѣе и опаснѣе такое злоупотребленіе словомъ именно въ нашемъ народѣ: издавна онъ привыкъ хранить уваженіе къ печатному слову, ибо въ теченіе вѣковъ не читалъ ничего, кромѣ книгъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ, къ которымъ относился съ безусловнымъ и благоговѣйнымъ довѣріемъ. Слишкомъ недавно еще, сравнительно, онъ получилъ доступъ къ той печати, въ которой правда стоитъ наряду съ неправдою и такъ перемѣшана съ нею, что во всемъ этомъ сплетеніи истины и лжи трудно разобраться свѣжему и малоосвѣдомленному человѣку. Слишкомъ мало еще имѣлъ онъ опытовъ, чтобъ убѣдиться, какъ нужно быть осторожнымъ въ чтеніи всякихъ листовъ и газетъ. Слишкомъ мало имѣлъ онъ времени, чтобъ уразумѣть, что слово печатное теперь служить не однимъ только интересамъ вѣчной и Божьей правды, но и подъ прикрытіемъ Божьей правды и любви даетъ ядовитые совѣты дьявольской злобы и

ненависти, что слово печатное стало похоже теперь на прохожую улицу, гдѣ услышать можно и добро и зло.

Тѣмъ отраднѣе намъ сегодняшній скромный праздникъ, праздникъ стапятидесятилѣтія жизни старѣйшей русской газеты, которая въ послѣднія 40—50 лѣтъ особенно замѣтно съ любовію и мужествомъ, а въ самый послѣдній годъ и прямо съ героизмомъ, отстаивала и проводила созидательныя начала русской жизни. Пусть очень и очень многіе не раздѣляютъ такого взгляда на этотъ печатный органъ: самая злоба враговъ, бѣшеная, повышенная, свидѣтельствуесть о томъ, что знамя газеты—не незамѣтное знамя, что слово ея—не безцвѣтное слово, съ которымъ можно не считаться и которое можно обойти презрительнымъ молчаніемъ. Мы сѣмъ въ духъ, мы сѣмъ въ будущее, а возрастить Богъ. Люди моего возраста помнить, конечно, тѣ дни, когда газета имѣла кормчимъ своимъ незабвеннаго М. Н. Каткова. Сколько грязи, клеветы и вражды вызывало это имя! Каждая газетка, каждый журнальчикъ, каждый печатный „прогрессивный“ органъ въ то время тѣмъ и доказывалъ свою рабью вѣрность „передовому направленію“, тѣмъ и выслуживался предъ верховою тогда уже формировавшеюся революціонной русской печати, что съ большимъ или меньшимъ искусствомъ усердно бранилъ *Московскія Вѣдомости* и ихъ талантливаго редактора. Но не прошло и пяти лѣтъ послѣ смерти М. Н. Каткова, какъ чувство непріязни къ нему уступило мѣсто спокойному признанію сначала таланта, а потомъ и заслугъ почившаго, а истекающее теперь только второе десятилѣтіе со дня его смерти уже сплетаетъ вокругъ его духовнаго облика вѣнокъ хвалы безсмертному подвигу русскаго гражданина и перваго истинно-русскаго публициста.

Вражда и клевета не пережили своихъ мелкихъ авторовъ, мелкихъ и жалкихъ прислужниковъ у современныхъ имъ главарей лжеобщественнаго мнѣнія. Только вѣчное не старѣетъ; а начала, которымъ служили М. Н. Катковъ и его газета,—именно вѣчны и не познають старости: христіанская вѣра, христіанская Церковь, христіанская нравственность, христіанское государство, христіанская любовь къ своему родному на-

роду и къ завѣщаннымъ его тысячелѣтнею жизнію историческимъ устоямъ и основамъ Русскаго царства, во главѣ съ его Вѣнценоснымъ Вождемъ, Божиимъ Помазанникомъ.

Знаменательно избранъ въ небесные покровители газетъ святой Стефанъ, еп. Пермскій, просвѣтитель дальней Зырянской страны. И онъ служилъ словомъ къ созиданію, а не къ разрушенію жизни людей. И онъ служилъ Русскому царству и русскому народу, хотя жизнь его и дѣятельность протекли среди дикихъ инородцевъ. Дѣло его было церковное, а не политическое; онъ служилъ укрѣпленію прежде всего началъ религіозно-нравственныхъ, а не государственныхъ. Но на Руси отъ дней святого Владиміра такъ повелось, что начала церковныя и народныя были неотдѣлимы одно отъ другого; русскій народъ вѣрою и смиреніемъ уразумѣлъ глубоко истину: ищите прежде всего царства Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ. Искаль онъ славы Божіей, искаль торжества вѣры, торжества Церкви Христовой, и приложилось ему царство земное, великое, необъятное; пришли къ нему сынове инородніи и нашли пріютъ подъ тѣнью привѣтливаго многовѣтвистаго древа Русскаго царства, и слились съ нимъ чуждые по крови союзомъ духа—вѣры и любви, союзомъ крѣпкимъ и неразрывнымъ.

Приобщая инородцевъ къ Русскому царству и русскому народу, св. Стефанъ приобщалъ ихъ этимъ и къ царству Божію и вѣчному спасенію, къ благамъ культурной и человѣчески достойной жизни. Вокругъ него и его дѣятельности сплетались злоба, клевета, гоненія темныхъ силъ, что шли и изъ зырянскихъ лѣсовъ и отъ русскихъ измѣнниковъ и злодѣевъ даже изъ центра тогдашней государственной жизни, изъ самой Москвы.

Но прошло уже 500 лѣтъ, и слава его не меркнетъ, а клевета давно изгубилась!

Ибо и онъ сѣялъ въ духъ, а не въ плоть, сѣялъ въ будущее и не смущался настоящимъ.

Таковъ же завѣтъ его жизни и подвига и намъ, служителямъ русско-церковнаго и народнаго дѣла. Безсмертна жажда правды въ человѣческомъ духѣ. Эту жажду вѣковѣчную

насыщаетъ Христось, о чемъ сегодня, по случайному совпадению праздничныхъ воспоминаній, воспѣваетъ святая Церковь въ преполовение Пятидесятницы: „Преполовившуся празднику, жаждующую душу мою благочестія напои водами. Яко всемъ Спасе возопилъ еси: *жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да пьетъ*“.

Да будетъ же памятнымъ этотъ призывъ Слова Божественнаго и Воплощеннаго намъ, служителямъ человѣческаго слова. У Него насытимъ жажду свою и жажду тѣхъ, которые ищутъ истины и руководства въ печатномъ словѣ. Не станемъ скрывать, что такому слову вмѣстѣ съ великою созидательною работою предстоитъ огромная и тяжкая борьба съ темными силами. Но будемъ сѣять въ духъ, будемъ сѣять въ будущее. И пусть навсегда знаменемъ этого органа печати и цѣлью стремленийъ будетъ жизнь, а не смерть, и слово его, по завѣту апостола, да будетъ всегда слово здоровое, незазорное, не къ разрушенію и отрицанію, а „слово благое къ созиданію“! Аминь.

Стойкость и бодрость.*

Православные русскіе люди!

Христось Воскресе!

Въ послѣдній воскресный день, въ который мы еще обвиняемся такимъ радостнымъ пасхальнымъ привѣтомъ, пришлось намъ собраться, чтобъ отмѣтить первую годовщину жизни Московской монархической партіи. Рядомъ съ радостнымъ привѣтомъ, какую грустью, какимъ упрекомъ звучать эти слова: „первая годовщина“, монархическая „партія“!

Да развѣ вы существуете только первый годъ? Да развѣ вы—„партія“? Вѣдь мы—это весь православный русскій народъ, великій тысячелѣтній народъ, искони исповѣдывавшій тѣ самыя начала, о которыхъ мы и теперь „среди шума и

* Рѣчь (не церковная) въ первую годовщину Московской монархической партіи, 7 мая 1906 года.

волнений воскресших смуть, вражды и темныхъ дѣлъ“ громко и смѣло проповѣдуемъ: начала любви и вѣрности Богу и Церкви Его, Царю Русскому и царству Его, народу русскому, его исторіи, его славы, его благу, его державности на землѣ своей богоданной. И вотъ, однако, пришлось намъ выступить среди народа своего, какъ „партія“!

Тяжкій былъ для насъ этотъ годъ, первый въ жизни нашей „партіи“: это годъ великихъ скорбей и болѣзней русскаго сердца, тяжкихъ нестроений и несчастій русскаго народа.

Недостало бы времени перечислить ихъ, начиная ужасными военными неудачами Россіи на сушѣ и на морѣ и позорнымъ миромъ, и кончая предательскими забастовками, декабрьскимъ вооруженнымъ возстаніемъ въ Москвѣ и, въ самое послѣднее время, недобросовѣстнымъ, обманнымъ подборомъ „представителей“ якобы отъ русскаго народа въ Государственную Думу, на самомъ же дѣлѣ людей, совершенно ему по духу чуждыхъ, что и показали они въ первыхъ же своихъ собраніяхъ.

И, однако, не для скорби, не для унынія, не для печалованья и слезъ мы собрались сюда сегодня. Возгнати надъ нами слово святое: *Братья, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь!* Къ бодрости, къ мужеству, къ надеждѣ, къ радости будемъ мы звать другъ друга. За нами правда, за нами исторія, за нами русскій народъ! Правда же не погибнетъ, какъ не погибла она въ лицѣ воскресшаго нашего Христа Господа. Вѣдь достигли, казалось, своей цѣли безбожные Каиафа и Анна; спокоенъ былъ Пилать; враги Христа обогранными въ Его крови руками вкушали свою пасху, торжествовали свой *еврейскій* праздникъ...

Они побѣдили. За нихъ тоже „голосоваль“ сбитый съ толку запугиваніемъ и обѣщаніями народъ и вопилъ: „Распни Его“!.. За смерть Христа ему тоже обѣщана была „народная свобода“... Да, они побѣдили! И глубоко подъ землею въ могильной пещерѣ враги сокрыли тѣло Христово. Все кончено. Все предусмотрено. Злоба враговъ послѣ побѣды не знаетъ устали, не вѣдаетъ покоя и оплошности: и стража безсмѣнно стоитъ у дверей гроба. Исполняется до конца слово Спасителя: *„ваше время и власть тьмы!“*

И если бы все это такъ и осталось, то, конечно, правы были бы Пилать, Иродъ, Иуда, Анна и Каіафа; вѣра въ добро должна была бы угаснуть, и вѣрѣ въ Бога, въ Высшую Правду не было бы мѣста.

Но злоба, вражда, ухищренія злодѣевъ, гробъ, камень и кустодія не удержали Начальника жизни въ челюстяхъ смерти и ада, и ночь Его воскресенія посрамила зло, и стала свѣтозарною, свѣтоносною для всѣхъ вѣрующихъ навѣки, до послѣдняго дня бытія міра. Разрушивъ бо смертію смерть, *побѣду даде намъ* и велію милость!

Съ такою вѣрою, съ такими залогоми надеждъ и упованій насъ не запугаютъ, не лишатъ силъ, не заставятъ молчать и бездѣйствовать. Пусть торжествуетъ неправда, пусть гремятъ выстрѣлы и взрывы бомбъ злодѣевъ; пусть враги Россіи, прикрываясь и теперь именемъ народной свободы и народнаго блага, обманываютъ честный людъ и, волки въ овечьихъ шкурахъ, пробираются къ власти и вліянію, готова умаленіе церковной власти и расчлененіе Россіи.

Мы живы. Живъ нашъ Богъ, жива Россія, живъ и будетъ живъ русскій народъ! Рано собрались дѣлать его ризы, рано стали хоронить его! Враги не закопаютъ его въ землю; Иуды наши сами погибнуть лютою смертію; Анны и Каіафы покончатъ жизнь въ позорѣ или забвеніи; кустодія разбѣжится въ ужасѣ; Пилаты проведутъ жалкіе дни въ изгнаніи и-отчужденіи отъ народа. А народъ нашъ живъ, и будетъ живъ; прозрѣютъ и тѣ его сыны, которые нынѣ сбиты съ толку губительною пропагандой, завернутою въ красныя и крикливыя фразы красныхъ и мятежныхъ газетъ. Ложью весь свѣтъ проидеъ, да назадъ не вернешься!

Монархическая партія въ этотъ минувшій годъ, какъ и всѣ ей родственные по духу и направленію союзы и дружины, пережила и переживаетъ одинаковую судьбу съ православною Церковью, съ которою она себя тѣснѣйшимъ образомъ соединила. Она и возникла непосредственно послѣ указа о вѣротерпимости и даже подъ его вліяніемъ, изъ опасенія за цѣлость устоевъ Россіи.

Гремѣли надъ нами громы и носились молніи: но они

только очистить воздухъ. Сыпались на насъ удары и сыплются; но долго молотятъ хлѣбъ, пока не отдѣлится зерно отъ соломы; долго бьютъ и пеньку, пока не отлетитъ ненужная кострика, и пока не останется шелковистая и полезная пеньковая прядь.

Ахъ, сколько горя переиспытало за послѣдній годъ русское сердце!

Великодушный и благородный Государь далъ учрежденіе Государственной Думы, чтобы сблизиться съ народомъ Своимъ. Враги обратили его въ новую и высокую стѣну между Царемъ и народомъ, съ первыхъ же засѣданій—въ орудіе бунта противъ Царя и Его правительства. Далъ Онъ свободу слова: ее обратили въ свободу сквернословія и клеветы и въ средство распространенія самыхъ разрушительныхъ и безумныхъ ученій. Далъ свободу союзовъ и собраній: ее обратили въ свободу разбойныхъ шаекъ, состоящихъ изъ убійцъ, заполнившихъ Россію грабежами и убійствами, оглушившихъ насъ взрывами и выстрѣлами, возведшихъ убійство, грабительство и насиліе „во имя свободы“ въ добродѣтель и геройство. Далъ Царь такъ-называемую „свободу совѣсти“, которая, впрочемъ, въ умѣренныхъ и справедливыхъ границахъ и прежде была въ Россіи: ее обратили въ свободу отъ совѣсти, въ торжество безсовѣстности, и изъ свободы религіозной, подъ прикрытіемъ только религіи, обратили въ орудіе борьбы съ русскимъ православнымъ народомъ.

Православный епископъ изъ Западнаго края со скорбію повѣствовалъ Государю Императору въ прошломъ году, вскорѣ послѣ изданія закона 17 апрѣля о вѣротерпимости, какъ поляки-католики поняли свободу вѣры: вмѣсто того, чтобы мирно и тихо жить въ исповѣданіи своей вѣры, въ благодарныхъ чувствахъ къ Царю и Россіи, они стали наступать на православіе, на русскій народъ, распускали слухи, что и Царь принялъ католичество, что православныя церкви обратятся скоро въ костелы, наконецъ, стали открыто гнать православныхъ, угрозами, насиліями отторгать ихъ отъ Церкви; католичество снова сдѣлало орудіемъ для возстановленія Польши и для ненависти противъ Россіи. Государь кротко и скорбно, въ отвѣтъ на рассказъ преосвященнаго, замѣтилъ:

„Богъ Я хотѣлъ одѣлать какъ лучше, а что изъ этого выходитъ?!“

И Церковь и церковные люди сразу оказались какъ бы лишенными прежняго покровительства со стороны государства. Благо это, или зло? Не будемъ унывать, будемъ вѣрить, что это послужитъ намъ ко благу. Прежде на насъ сыпались всякія обвиненія въ неискренности и подкупности, враги наши кричали, что мы подслуживаемся правительству, заискиваемъ предъ нимъ, ищемъ награды, выгоды, хорошихъ должностей, что мы закуплены. А они только одни честны и искренни, они гонимы...

Минувшій годъ показалъ, что теперь—мы гонимы. Положенія измѣнились и перевернулись. Тысячи вѣрныхъ слугъ Царю и Россіи избиты и ранены бомбами и револьверами крамольниковъ; тысячи изгнаны съ окраинъ въ угоду инородцамъ; тысячи лишены мѣстъ и должностей за „черносотенныя убѣжденія“... Намъ нѣтъ покровительства, и мы, русскіе люди, стали „партіей“ въ средѣ русскаго народа. Замолчите же теперь, хулители, замолчите, клеветники! Ваше время и власть тьмы!

Съ нами Богъ попустилъ повториться древней исторіи Іова. Страдалъ жестоко благочестивый человѣкъ. Непонятны были ему и окружающимъ его страданія. Многіе стали думать, что онъ страдаетъ за тайные грѣхи, и стали говорить ему это даже въ глаза.

А на небѣ мы, откровеніемъ Божиимъ, познаемъ непонятную тайну страданій праведнаго. Въ отвѣтъ на похвалу Господа Іову сатана клеветаетъ на праведника: „Развѣ даромъ богобоязненъ Іовъ? Не Ты ли кругомъ оградилъ его, и домъ его, и все, что у него? Дѣло рукъ его Ты благословилъ; стада его распространяются по землѣ; у него полный домъ, счастливая семья, великое богатство...“

„Но отними отъ него все, коснись его тѣла, отними здоровье, посмотри тогда, благословитъ ли онъ Господа?“

Чтобы посрамить клевету, чтобъ укрѣпить еще болѣе праведность, чтобы прославить праведника, Господь попускаетъ ему страшное испытаніе.

И вѣрнѣ Богъ въ дѣлахъ Своихъ: друзья Іова соблазнились, жена говорила безумные глаголы, но праведникъ остался вѣрнымъ, и будущее принесло ему вновь долгіе годы довольства и счастья.

Отпадутъ теперь и отъ насъ въ годину попущенія Божія и нашихъ страданій всѣ прежде ненадежные наши единомышленники, но вѣрные сыны Церкви и русскаго царства укрѣпятся. Никто теперь не смѣетъ упрекнуть насъ въ корысти или гнусныхъ разчетахъ. Напротивъ, къ врагамъ Россіи, почувя силу ихъ, сколько теперь пристало изъ страха, изъ-за обмана, изъ выгоды!

А у насъ все явно, все на чистоту, все прямо. Ничего не обѣщаемъ, ничѣмъ не подкупаемъ. Любишь Бога и Церковь, любишь Царя, любишь народъ нашъ русскій, первенствующій по праву и правдѣ въ своемъ царствѣ, что бы тамъ ни говорили иновѣрцы и инородцы,—тогда иди къ намъ.

И что же? Остались ли мы одиноки?

Нѣтъ! Посмотрите, какъ нарастаетъ здравая печать. Посмотрите, какъ растутъ вездѣ и возникаютъ патріотическіе союзы! Посмотрите, въ какомъ множествѣ депутацій являлись православные русскіе люди предъ очи Царевы съ ясною и твердою рѣчью о своихъ дорогихъ убѣжденіяхъ. И теперь предъ каждымъ изъ насъ стоитъ повелѣніе Господа, какъ нѣкогда Павлу: *Говори и не умолкай!* Надо говорить, писать, печатать, посылать просьбы и заявленія Царю нашему о нашихъ нуждахъ, печаляхъ, о нашихъ желаніяхъ и государственныхъ убѣжденіяхъ. *Царь—это единственная для насъ Верховная власть. Никакой кустодіи, никакой опеки надъ Нимъ мы никогда не признаемъ...* Никакое рѣшеніе *большинства* толпы для насъ не убѣдительно. Мы съ Богомъ: значить, всегда въ большинствѣ, по американской пословицѣ...

Послѣдній всероссійскій съѣздъ русскихъ людей явилъ предъ нами величественное зрѣлище. Чего искали эти представители семидесяти союзовъ, кружковъ и партій, съѣхавшіеся со всей Россіи въ Москву? Ихъ подкупили? Ихъ силою собирали? Имъ навязывали горячія рѣчи въ защиту русскихъ началъ?

Съѣзду, напротивъ, препятствовали собираться; его участниковъ обливали грязью клеветы и издѣвательства въ газетахъ; даже официальный органъ—*Русское Государство* обовалъ ихъ „революціонерами справа“ и противниками воли Царя. Это мы, мы-то противники Царя нашего, многолюбимаго Царя-Ватюшки, за Котораго мы всё готовы положить наши головы!

Нѣтъ! Вѣрною вѣрою, вольною волею и вѣрною любовію мы преданы Богу, Царю и русскому народу. Не за корысть, не за страхъ, а за любовь и за совѣсть мы работаемъ, мы сблизились и соединились вмѣстѣ этимъ союзомъ единомыслія и патриотизма. Не разобьетъ ничто нашей вѣрной дружины! Сумѣемъ мы и слово молвить въ свою защиту; сумѣемъ мы и постоять за правду; сумѣемъ и умереть за наши религіозно-патріотическія убѣжденія. Горе насъ сплотитъ, гроза насъ очиститъ, а смерти мы не боимся.

Миръ въ землѣ сырой,
Честь въ странѣ родной,
Слава на Руси святой!

Этого не знаютъ и не познаютъ враги наши; этого высокого, сладостнаго чувства, сладостныхъ надеждъ они не испытуютъ въ сердцахъ. Въ ихъ теперешнемъ торжествѣ уже таится ихъ могила и погибель; въ ихъ побѣдныхъ кликахъ уже слышится робость и неувѣренность. Оттого такъ спѣшать они поскорѣе, поскорѣе изрыгнуть всю полноту своей дерзости предъ Царемъ, торопятся все сказать сразу, ничего не упустить, ничего не забыть. Знаютъ они, что время ихъ коротко.

Лучше насъ они знаютъ, что мы, русскіе люди, живы, и *съ нами надо считаться!* Еще немного,—и ложь ихъ обнаружится предъ всѣми; сами они еѣ покажутъ своими дерзкими и безумными рѣчами въ Думѣ, въ которыхъ доселѣ они упорно и намѣренно не упомянули даже ни имени Божія, ни вѣрно-подданства и благодарности Царю,—еще немного, и правда наша, вѣковая русская правда, засіяетъ ярче солнца. Знамя свое мы донесемъ до этого дня. И на знамени томъ навчертано: Богъ, Церковь, Россія; а въ Россіи: Православіе, Царь и

русскій народъ. Не вырвутъ этого знамени враги, не затопчутъ, не уничтожатъ: ибо нельзя уничтожить цѣлый народъ.

Онъ пробудится отъ навѣяннаго усыпленія, онъ не отдастъ, не потеряетъ себя и своихъ вѣковыхъ сокровищъ: вѣры, Царя и родины. Встанетъ, встанетъ русскій народъ-богатырь въ своемъ національномъ самосознаніи. И погибнуть злою смертью его Іуды-предатели, избивая другъ друга, какъ революціонеры—Гапона; и разбѣжится въ ужасъ и смятенія стоящая надъ Царемъ и народомъ иновѣрная и инородческая кустодія...

Небесный громъ на злобу грянетъ
И воцарится тишина,
И въ стольномъ Кіевѣ княжна
Отъ сна волшебнаго возстанетъ!...

(Пушкина).

Единеніе съ Церковію—путь спасенія.*

Изъ глубины вѣковъ слышатся намъ слова древняго пророка, объятаго Духомъ Святымъ: *Духъ Господень на мнѣ!* (Исх. LXI, 1). И нынѣ, по слову церковнаго пѣснопѣнія, празднуя Пятидесятницу, мы празднуемъ и Духа пришествіе,—пришествіе Его, всеосвящающаго, не на однихъ только святыхъ учениковъ Христовыхъ, но и на всѣхъ вѣрующихъ.

Въ этотъ знаменательный день Пятидесятницы утверждена на вѣки Церковь Христова, утверждена не слабыми, измѣнчивыми силами человѣческими, а силою Божіею. Праведный Отецъ, создавшій міръ и человѣка, Его единородный Сынъ, подъявшій бремя людскихъ прегрѣшеній, и Духъ Святой, отъ Отца исходящій и по искупительнымъ заслугамъ Сына Божія дающій вѣрующимъ всѣ божественныя силы къ жизни и благочестію,—Троица Святая, утвердила въ вѣкъ вѣка Церковь Божію на землѣ.

* Поученіе въ день Пятидесятницы.

Слава, честь и благодареніе Господу за Его несказанное къ намъ милосердіе!

Радостенъ нынѣшній праздникъ нашъ, радостны словеса наши, благодаренія и молитвы о ниспосланіи намъ Духа Святаго, радостно сознаніе наше, подкрѣпленное словомъ апостола, что *каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова!* (Ефес. IV, 7).

Но, братіе возлюбленные, чѣмъ величественнѣе дары благодати, тѣмъ выше и налагаемыя на насъ обязанности. Одно безъ другого не бываетъ.

И прежде всего нашъ долгъ всею сердцемъ и всею душою любить Бога и принадлежать къ Его святой Церкви. И здѣсь одно безъ другого не бываетъ: кому Церковь не мать, тому и Богъ не отецъ. Въ Церкви познаемъ мы Бога, а безъ познанія и вѣры въ Него, конечно, и любить не можемъ Его; въ Церкви мы познаемъ волю Божию, руководящую насъ къ жизни; въ Церкви получаемъ мы и Духа Святаго, безъ котораго бессильны мы исполнить волю Божию. Церковь во святыхъ таинствахъ преподаетъ намъ Духа Святаго: въ крещеніи мы родимся въ новую благодатную жизнь; въ миропомазаніи получаемъ благодать Духа, помогающую намъ возрастать и укрѣпляться въ новой христіанской жизни; въ таинствѣ покаянія мы освобождаемся отъ грѣховъ, и, наконецъ, въ таинствѣ Причащенія соединяемся со Христомъ. Отнимите эти таинства, отнимите Церковь, отойдите отъ нея—и что же останется? Останется грѣхъ въ человѣкѣ—и только, останется звѣрь въ человѣкѣ—и больше ничего. Какъ безъ глазъ нельзя видѣть свѣтъ, такъ безъ Церкви нельзя воспріять Духа Святаго.

И какъ безъ свѣта и тепла не можетъ быть на землѣ никакой жизни, все будетъ мрачно и хладно,—такъ безъ Духа Святаго не можетъ быть никакой жизни въ человѣкѣ: все будетъ одинъ мракъ, одна скорбь, убивающее уныніе, духовная смерть... А въ наши тяжкіе дни, когда силы вражіи желаютъ отторгнуть отъ Церкви вѣрныхъ сыновъ ея всеми несбыточными обѣщаніями, соблазнами, льстящими нашей гордости или чувственности,—въ такіе дни это должно помнить боль-

ше всего. „Блюдите, како опасно ходите! Дніе лукави суть“ (Еф. V, 16).

Но когда сгущается тьма, тогда, обыкновенно, необходимъ намъ огонь для освѣщенія дома; когда увеличивается опасность, удворяютъ осторожность.

Прильнемъ же теперь крѣпче всѣмъ сердцемъ къ родимой матери нашей—Церкви! Она и теперь, какъ и во вѣки, сильна божественною силою защитить и оградить насъ отъ опасностей переживаемыхъ нами лукавыхъ дней; она поможетъ намъ безошибочно отстранить отъ себя мутный потокъ лжеученій нашего времени. А вѣдь сколько ихъ теперь наплодилось! Сколько появилось незваныхъ учителей народа! Сколько соблазновъ вступитъ на погибельный путь зла и преступленія!

Но воистину, много миръ и великъ покой у тѣхъ, которые пребываютъ въ послушаніи Церкви; для нихъ ясно: что одобряетъ Церковь Божія, то и должно исповѣдывать; а что противно ученію Церкви, или идетъ мимо нея и даже противъ нея, то отвергай со всею силою, не внимай злему навѣту, хотя и заманчивъ онъ... Одно для христіанина всего дороже: согласіе съ Церковью Божіею, съ ея Богопреданнымъ ученіемъ. Къ преподобному Агаѣону однажды пришли посѣтители и захотѣли испытать его кротость и смиреніе. „Агаѣонъ,—сказали они преподобному,—говорятъ, что ты злой, что ты обманщикъ, что ты воръ, что ты лѣнивый монахъ, что ты грѣшникъ“... На всѣ эти обвиненія преподобный или молчалъ, или соглашался безпрекословно. Но вотъ ему сказали: „Говорятъ, что ты еретикъ,—неправо, не по ученію Церкви вѣруешь“. Агаѣонъ съ живостью и рѣшительно заявилъ: „Нѣтъ! нѣтъ! Это неправда“.

Вотъ намъ великое назиданіе! Хранить ученіе Церкви, принимать ея таинства, молиться ея молитвами, слушать ея уставы и заповѣди—вотъ долгъ христіанина. Церковь святая никогда не скрываетъ сокровищъ своихъ. Она зоветъ къ себѣ всѣхъ, ближнихъ и дальнихъ: она широко отверзаетъ двери въ ограду свою, она съ любовью открываетъ для всѣхъ объятія свои.

Иди къ ея пастырямъ; иди въ святыя храмы ея; слушай святое Божіе Откровеніе—книги Священнаго Писанія, ученіе Иисуса Христа; исполняй обряды церковныя, уставы богослуженія, постовъ, праздниковъ, священныя воспоминанія; въ нихъ, въ этихъ уставахъ, цѣложизненная школа воспитанія и отдѣльныхъ христіанъ, и цѣлыхъ христіанскихъ обществъ.

Приди, Душе Святой, Духъ Истины, приди и наставь насъ на всякую истину! Излейся въ наши сердца, напой ихъ потокомъ своей всеосвящающей благодати, призри на наши колѣнопреклонныя молитвы, восшуми съ небесе святаго въ нашихъ душахъ, очисти ихъ отъ всякія скверны, утверди и укрѣпи насъ въ союзѣ святой Церкви! Аминь.

Христіанинъ долженъ быть святымъ.*

Сія есть воля Божія о васъ—святость ваша (Кол. IV, 3).

Древнее сказаніе передаетъ намъ изъ жизни благочестивыхъ христіанъ такой случай. Къ одному святому старцу, жившему и подвизавшемуся въ пустынѣ, стекался народъ изъ окружающихъ и дальнихъ поселеній. Всякій приходящій предлагалъ старцу тотъ или другой вопросъ по поводу своихъ душевныхъ тревогъ или жизненныхъ затрудненій. И каждому, и всѣмъ давалъ святой старецъ благодатныя совѣты, уроки и наставленія, всѣхъ поучалъ охотно. Только одинъ юноша велъ себя не какъ другіе. Почти каждый день приходилъ онъ къ старцу, сидѣлъ у его ногъ, внимательно слушалъ все, что говорилось, но самъ никогда и ни о чемъ не спрашивалъ старца. Наконецъ, святой старецъ обратилъ вниманіе на юнаго и на его необычайное поведеніе. Онъ спросилъ юношу-посѣтителя: „Скажи, отчего ты все молчишь? Развѣ у тебя нѣтъ ничего, о чемъ бы тебѣ хотѣлось спросить у меня?“

* Поученіе въ недѣлю 1-ю по Пятидесятницѣ, Всѣхъ святыхъ.

— „Отче,—отвѣтилъ юноша,—для меня довольно и того, чтобы всегда смотрѣть на тебя!“

Братіе! Святая Церковь поставляетъ насъ въ положеніе этого юноши, когда воспоминаетъ того или другого святого, когда поставляетъ предъ нами его жизнь, его духовный образъ, когда изображаетъ его на иконѣ или картинѣ, когда восхваляетъ его богослужебными пѣснями, когда даетъ намъ имя того или другого святого. Сегодня же святая Церковь представляетъ намъ всѣхъ святыхъ, въ честь которыхъ и посвящено первое воскресенье послѣ Пятидесятницы. Смотрите на это величественное собраніе святыхъ! Смотрите на древнихъ патріарховъ, пророковъ, царей и праведниковъ, смотрите на апостоловъ, подвижниковъ, мучениковъ, преподобныхъ, возсіявшихъ въ Новомъ Завѣтѣ, изъ всѣхъ странъ и народовъ, изъ всѣхъ возрастовъ, половъ, званій и состояній. Какое великое множество и какое училище благочестія!

Человѣкъ такъ устроенъ, что во всѣхъ случаяхъ жизни нуждается въ образцахъ и назидающихъ примѣрахъ; средствомъ къ приобрѣтенію имъ познаній и умѣній въ огромномъ большинствѣ случаевъ служитъ подражаніе. И вотъ, въ этомъ великомъ собраніи святыхъ каждый, сообразно своему положенію, найдетъ себѣ то въ одномъ, то въ другомъ святомъ образцѣ для подражанія. Такъ, даже о величайшемъ подвижникѣ древности—объ Антоніи Великомъ намъ извѣстно, что онъ старательно изучалъ жизнь святыхъ, и у одного учился кротости, у другого—молитвѣ, у иного—трудолюбію, у иного же, наконецъ,—молчанію и терпѣнію и т. д.

Но скажутъ: да развѣ всѣмъ намъ нужно и можно быть святыми?

Братіе возлюбленные, помните, что именно такъ: и нужно, и можно намъ быть святыми! Если же будемъ думать иначе, если святость для насъ не обязательна, то суетна вѣра наша и напрасны наши упованія. Ибо для чего же и для кого тогда Христосъ Спаситель сходилъ на землю, училъ волѣ Божіей, оставилъ намъ въ Себѣ Самомъ образъ жизни святѣйшей, да послѣдуемъ стопамъ Его, для чего Онъ искупилъ грѣшныхъ Своею кровію?

Для чего и для кого тогда на землѣ учреждена Христомъ Господомъ Церковь? Ее Онъ содѣлалъ святою, и таковою она пребываетъ, въ ней именно грѣшныя получаютъ освященіе, т.-е. святость, чрезъ нее спасаются и входятъ въ вѣчную славу Божию, куда не можетъ войти ничто нечистое. Или напрасна была молитва Спасителя въ тягчайшій часъ Его жизни, предъ муками Геесиманіи и Голгоеы, молитва къ Отцу о вѣрующихъ: „Сяети ихъ во истину Твою... за нихъ Азъ свящу Себе, да и тѣ будутъ священи воистинну“? (Іоанн. XVII, 17—19). Или напрасно писалъ апостоль: „Будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу“? (1 Кор. XI, 1). Или не обязательно для насъ его наставленіе: *ходите достойно званія, въ которое вы призваны?* (Еф. IV, 1). Или напрасно слово его ко всѣмъ христіанамъ: *воля Божія о васъ есть святость ваша?* (1 Сол. IV, 3). Читайте Дѣянія Апостольскія, читайте посланія апостоловъ,—вы найдете и увидите, что тамъ вездѣ вѣрующіе такъ прямо и называются не христіанами, а именно святыми (Дѣян. IX, 32; 1 Кор. XVI, 1).

И мы должны быть святыми. Но не только должны, мы можемъ быть святыми. За то порукою Самъ Господь: Онъ, милосердый, не положилъ бы на насъ бремени, котораго мы понести не можемъ. За то порукою Церковь Его, которая на землѣ продолжаетъ дѣло Христова, даетъ вѣрующимъ благодать Духа Святаго ради искупленія Іисуса Христа.

Припомните прошлый праздникъ Пятидесятницы, припомните обильное изліяніе Духа Святаго на вѣрующихъ,—и припомните, что тогда говорилось вамъ съ этого святого мѣста. Говорилось о необходимости принадлежать къ Церкви Христовой. Но принадлежность сказывается не одною вѣрою, не однимъ исповѣданіемъ ея устами, но и исповѣданіемъ жизни святой и богоугодной. Въ противномъ случаѣ мы—лицемѣры.

„Покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ“,—говоритъ апостоль и добавляетъ: „вѣра безъ дѣлъ мертва, какъ мертво тѣло безъ духа“ (Іак. гл. II).

А святые—намъ судьи, какъ и слово Божіе говоритъ: *Развѣ не знаете, что святые будутъ судить міру?* (1 Кор. VI, 2). Почему же они намъ судьи? Понятно и ясно это. Вѣдь они

такъ же, какъ и мы, жили въ мірѣ, имѣли плоть и кровь, имѣли нужды и заботы, имѣли враговъ и друзей, испытывали соблазны, искушенія, паденія, несчастья. Они не отличались отъ насъ по человѣческой природѣ. Даже нужно сказать больше: многіе изъ нихъ такъ были искушаемы, какъ никто изъ насъ. Кто изъ насъ страдалъ, какъ мученики? Кто распятъ, какъ апостолы Петръ и Андрей? Кто сжигаемъ быть на огнѣ? Кого раздирали колесами, у кого сдирали кожу, кого бросали звѣрямъ на растерзаніе?

Но и святые спасались не одною своею силою, они спасались тою силою, какая дана и каждому изъ насъ; это—сила Божія, сила благодати Христовой. „Все могу о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ“ (Фил. IV, 13),—вотъ что, словами апостола, можетъ сказать о себѣ всякій вѣрующій, если только онъ дѣйствительно, а не на словахъ только—вѣрующій. И исторія блистательно подтвердила это. До Христа какъ мало было святыхъ! Въ язычествѣ совсѣмъ не было людей добродѣтельныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а среди избраннаго народа если и были немногіе праведники, то они спасались только вѣрою въ Того же Іисуса, только грядущаго, еще не пришедшаго. Но вотъ пришелъ давно желанный всѣми народами Христосъ—Избавитель. И что же видимъ?

Вспомните, какъ послѣ тяжелой и унылой зимы начинается весна; еще стоитъ часто ненастье, но солнце уже начинаетъ грѣть больше; земля, однако, еще пустынна и безжизненна, деревья голы, поля непривѣтливы. Но прошелъ весенній дождь, пронеслась гроза, засіяло солнце,—и вдругъ обновилось лицо земли! Недѣля, другая, третья,—и все зелено, все цвѣтеть, жизнь торжествуетъ въ природѣ. Эта дивная картина природы особенно поразительна въ странахъ южныхъ, гдѣ голая, безотрадная степь-пустыня послѣ перваго весенняго тепла и дождя какъ-то изумительно быстро, въ нѣсколько дней преобразуется въ цвѣтущій, благоухающій рай.

Это образъ великаго переворота въ духовной жизни людей подъ дѣйствіемъ благодати Духа Святаго, обитающаго въ Церкви Христовой. До христіанства темно, безотраднo и пустынно было въ жизни людей; одинъ грѣхъ царствовалъ въ

міръ, одно зло торжествовало въ жизни людей. Но вотъ пришелъ Христось Спаситель, основаль Свою христіанскую и святую Церковь,—и процвѣла пустыня, какъ дивный садъ, процвѣла языческая, прежде неплодящая Церковь пришествіемъ Господнимъ: процвѣла великимъ множествомъ святыхъ; какъ звѣзды яркія путеводныя, они украшаютъ наше духовное небо.

Братіе! Взирая на звѣзды эти, будемъ возгораться ихъ свѣтомъ, будемъ помнить наше единственное назначеніе здѣсь, на землѣ: *сія есть воля Божія о васъ—святость ваша! Аминь.*

Христось всегда къ Себѣ насъ призываетъ.*

По берегу Галилейскаго моря проходитъ Исусъ Христось. Въ одномъ мѣстѣ Онъ видитъ двухъ братьевъ: Симона, называемаго Петромъ, и Андрея; въ другомъ мѣстѣ Онъ находитъ иныхъ двухъ братьевъ — Іакова и Іоанна, сыновей Захвеевыхъ. Всѣ четверо трудились надъ рыболовствомъ; около нихъ—лодки и сѣти. И сказалъ тѣмъ и другимъ Спаситель: „Идите за Мною!“ И они оставили все и пошли вслѣдъ за Исусомъ Христомъ.

Такъ, по изображенію читаннаго сегодня евангелія, совершилось призваніе апостоловъ. Апостолы пошли на призывъ Господа и содѣлались ловцами человѣковъ: они нашли въ послѣдованіи за Христомъ все счастье и весь смыслъ жизни, они нашли въ Немъ святость и вѣчную славу у Господа.

Возлюбленные братья! Господь зоветъ къ Себѣ апостоловъ,—зоветъ къ Себѣ и насъ; ихъ путь жизни, счастья, спасенія и славы, это—и нашъ путь! Призваны ли мы съ вами ко Христу? Но развѣ можно даже спрашивать объ этомъ христіанъ?

Каждое богослуженіе мы слышимъ глубоко знаменательное прошеніе: „Господи Вседержителю, *Боже отецъ нашихъ*“...

* Поученіе въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ.

Воистину, Онъ—Богъ отцовъ нашихъ, и въ этомъ наше первое и самое раннее къ Нему призваніе. Почти тысячу лѣтъ наши отцы, дѣды, прадеды и предки были христіанами, со Христомъ они были и во Христѣ, съ Нимъ были въ жизни, съ Нимъ и по смерти пребываютъ. Они положили печать своей вѣры на всю окружающую насъ жизнь, они засвидѣтельствовали ее храмами, обителями, святыми иконами, святыми христіанскими нравами и обычаями, какіе они завѣщали грядущимъ поколѣніямъ. Если бы они теперь встали изъ могилъ, то увидѣли бы, какъ много и во всемъ измѣнилась жизнь, но они все-таки узнали бы въ насъ своихъ родныхъ, близкихъ и дорогихъ, узнали бы по вѣрѣ нашей Христовой, которую исповѣдывали и они, узнали бы по молитвамъ, которыми молились и они, по храмамъ и святынямъ, которые и они чтили, по святымъ обычаямъ и обрядамъ вѣры, которые исполняли и они, по закону и заповѣдямъ Господнимъ, которые и они хранили въ жизни.

Да, въ этой живой и неразрушимой связи нашей съ предками—наше первое, естественное и самое раннее призваніе ко Христу; Христосъ зоветъ насъ къ Себѣ въ самомъ нашемъ рожденіи и происхожденіи. Это призваніе закрѣплено и запечатлѣно послѣ рожденія нашего святымъ таинствомъ крещенія. По заповѣди Церкви, по милостивому снисхожденію Господа, оно дается намъ въ дни младенчества, пока мы еще безсознательны, дается не по нашему рѣшенію, а по рѣшенію нашихъ родителей, по довѣрію къ нимъ и къ воспріемникамъ. Здѣсь милость Бога и милость Церкви. Такъ вѣдь поступаютъ родители и относительно земной, обыкновенной пищи: они не ждуть, пока ребенокъ вырастетъ и самъ укажетъ, что ему ѣсть и пить, какъ одѣваться. Вѣдь это было бы безуміемъ и жестокостью; вѣдь ребенокъ, пока вырастетъ и придетъ въ сознаніе, умретъ безъ пищи и ухода. Всякому это понятно безъ долгихъ объясненій. Ясно, что и духовное питаніе дается ребенку какъ можно раньше, чтобы не оставлять его до времени полного возраста во власти духа злобы. Поэтому же послѣ крещенія ребенка часто приносятъ къ чашѣ Христовой, приобщаютъ его животворящей Крови Спасителя и такимъ образомъ

сочетаютъ, соединяютъ его со Христомъ. Здѣсь опять призваніе наше къ Господу.

Растетъ ребенокъ,—и видитъ и слышитъ въ семьѣ и окружающей жизни все, что напоминаетъ ему о христіанской вѣрѣ и законѣ. Раскрывается его сознание, начинаетъ онъ больше и больше понимать и познавать себя и жизнь, становится отрокомъ, вырастаетъ въ юношу, дѣлается зрѣлымъ мужемъ, живетъ въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, становится старцемъ, приближается къ могилѣ: и все больше и больше умножаются, и все громче и громче гремятъ надъ нимъ призывы Господа и Спасителя. Онъ, Милосердный, непрерывно говоритъ человѣку, непрерывно зоветъ: „Иди за Мною!“

Дивный міръ, дивная природа говорятъ о величїи и могуществѣ Бога.

Святая Церковь голосомъ пастырей, священнымъ богослуженіемъ, а наипаче словомъ Божиимъ открываетъ намъ вѣчную волю Божию, зоветъ насъ къ Господу.

Голосъ совѣсти нашей, въ согласїи со словомъ Церкви, ободряетъ и награждаетъ насъ за всякое послушаніе воли Господа и мучитъ терзанїями и угрызениями за всякое нарушеніе. Примѣръ святыхъ, жившихъ въ минувшіе вѣка, примѣръ современныхъ намъ добрыхъ и благочестивыхъ христіанъ влечетъ насъ слѣдовать Божьему призыву.

А вся наша жизнь?! И радости, и скорби, и успѣхи, и неудачи, ошибки, паденїя, покаяніе, горе, скорби, болѣзни, общественныя бѣдствїя, тяжесть труда, огорченїя отъ близкихъ,— все напоминаетъ о Богѣ, о небѣ, о вѣчной жизни, гдѣ будетъ вѣчный покой и вѣчная правда. И чѣмъ ближе къ смерти, чѣмъ чаще становится предъ сознаніемъ мысль о неизбѣжномъ концѣ всего земного, о скорой могилѣ, тѣмъ больше говорятъ душѣ помыслы о судѣ Господнемъ, объ отчетѣ за прошлую жизнь, за всѣ ея дѣла, тѣмъ больше мы познаемъ тщету всего земного, тѣмъ больше усталый духъ, углубляясь въ себя, находитъ побужденїи искать единаго на потребу, жить только въ Богѣ и для Бога.

„Яко изъ Того и Тъмъ и къ Тому всяческая!“ (Римл. XI, 30.)
Вотъ, братіе мои, вотъ сколько могучихъ призывовъ ко Христу

мы слышимъ въ жизни, отъ колыбели до могилы. Но придетъ время,—Господь позоветъ насъ уже не къ исправленію и покаянію, а къ суду и отчету. Что скажемъ мы, непослушные призыву? Что скажемъ мы, лѣнливые, глухіе къ Божьему слову?

Звалъ Христосъ апостоловъ, и за Нимъ пошли двѣнадцать. Но одинъ изъ нихъ отошелъ отъ Христа, и имя его, имя Іуды Искаріотскаго, и доселѣ приводитъ въ содроганіе всѣхъ вѣрующихъ. И его звалъ Спаситель: не отлучалъ отъ лика апостольскаго, хотя Всевѣдущій зналъ объ его грядущемъ злодѣяніи, и его не лишалъ Своего общенія, отъ него не скрывалъ Своего ученія, Своихъ чудесъ, Своихъ милостей, и его призывалъ на тайную вечерю, гдѣ преподавалъ ученикамъ таинство Тѣла и Крови.

Не будемъ ли и мы на судѣ Божіемъ похожи на Іуду? Вѣдь и мы отошли отъ призыва Господня и большею частью по той же причинѣ, какъ Іуда: по жадности и приверженности къ благамъ земнымъ.

Братіе! Время жизни пока въ нашемъ распоряженіи, свѣтъ очей нашихъ не угасъ. Пока свѣтъ съ вами, ходите во свѣтѣ! (Іоанн. XII, 35). *„Дондеже время имамы, да отлаемъ благое!“* (Гал. VI, 10). Богъ непрестанно зоветъ насъ къ Себѣ. Но страшно слово Евангелія: *„Много званыхъ, мало же избранныхъ!“* (Мѣ. XX, 16; XXII, 14).

Богъ сотворилъ насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ не восхоцетъ! Аминь.

Въ чемъ правда Божія?*

Ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся приложится вамъ (Матѣ. VI, 33).

Золотое, вѣковѣчное правило евангелія! Въ тяжкія для народа еврейскаго времена, когда враги—римляне, чужеземцы

* Поученіе въ 3-ю недѣлю по Пятидесятницѣ. По поводу противоправеснаго направленія распространенной газеты „Правда Божія“.

и невѣрные лишили его свободы и собственнаго царства, когда всѣ представители народа только и стремились къ тому, чтобы свергнуть чужеземное иго, среди народа еврейскаго, самаго корыстнаго, привязаннаго къ благамъ земнымъ, среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ,—слышите ли, что проповѣдуетъ и вѣщаетъ Спаситель? Не о народной свободѣ говоритъ Онъ, не о томъ, чтобы дали народу земли, богатства, земныя блага. Нѣтъ, слово Его иное: „Не заботьтесь и не говорите: что намъ есть? или что пить? или во что одѣться? Ищите прежде всего царствія Божія и правды его.“ Что же? Значить ли это, что Спаситель не желалъ народу ни свободы, ни земного благополучія? Нѣтъ, Онъ, къ сказанному добавляетъ: „сія вся приложатся вамъ.“ Итакъ безъ царства Божія, безъ правды Божіей земное благополучіе—ничто, оно долго не продержится, оно падетъ само собою, оно безцѣльно и бессмысленно. Напротивъ, ищущему царства Божія и правды Божіей земное благополучіе само прилагается, само собою, безъ всякихъ усилий приходитъ и прочно держится, приноситъ истинное счастье.

Трудно было принять это ученіе слушателямъ Господа Иисуса Христа, трудно вмѣстить его и нынѣшнимъ христіанамъ: и все-таки Спаситель твердо и настойчиво говорилъ, и Церковь святая, по Его завѣту, неизмѣнно намъ повторяетъ и напоминаетъ: „Ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и все это приложится вамъ“.

Минувшая исторія христіанства вообще и исторія нашей родины, Россіи, вполне подтвердили всю святую правду этой заповѣди Христовой.

Гнали христіанъ послѣ смерти Спасителя, мучили ихъ, объявляли и считали врагами народа, врагами отечества. Все терпѣливо сносили христіане: на насиліе не отвѣчали насиліемъ, на злобу не отвѣчали злобою, все предавали Судіи Праведному—Богу. Что же вышло? Правители государствъ стали замѣчать, и не могли не замѣтить, что изъ среды христіанъ выходили лучшіе отцы и матери, лучшія и покорнѣйшія дѣти, лучшіе воины, лучшіе и покорнѣйшіе подданные. Что бы ни поручили христіанамъ, какое бы дѣло, какую бы должность имъ ни дали,—во всемъ они оказывались честными,

трезвыми, неподкупными, скромными, во всемъ имъ можно было довѣряться. Изъ христіанъ были лучшіе господа и лучшіе слуги, лучшіе начальники и лучшіе подчиненные. Одинъ изъ правителей, Константинъ Великій, смолоду это все примѣтилъ, и когда сдѣлался единодержавнымъ повелителемъ почти всего свѣта, онъ самъ принялъ христіанство и объявилъ его религіей сначала дозволенною, а потомъ господствующею. Вся эта огромная перемѣна въ жизни и положеніи христіанъ случилась менѣе чѣмъ чрезъ 300 лѣтъ послѣ смерти Иисуса Христа. Не искали ничего христіане, а все приобрѣли!

Въ исторіи нашей родины мы видимъ нѣчто подобное. Съ тѣхъ поръ, какъ русскій народъ сталъ христіанскимъ, онъ больше всего былъ привязанъ къ своей вѣрѣ. Другіе народы называли свое отечество разными гордыми прозваніями, говорили о силѣ, о мужествѣ, о могуществѣ и непобѣдимости своего царства. А нашъ народъ прозвалъ свою родину только *святою*. „Святая Русь“,—такъ называли предки наши Россію. Другіе народы строили огромные города, прекрасныя въ нихъ зданія, памятники, крѣпости, дороги,—все для земного благополучія. А нашъ народъ изукрасилъ землю русскую храмами и монастырями. вмѣсто мірскихъ памятниковъ, русскіе любили строить храмы и сооружать святыя иконы. Искать русскій народъ больше всего царства Божія, искалъ славы Божіей, славы Церкви Христовой. И приложилось ему въ трудахъ, въ бѣдности, въ тяжкихъ испытаніяхъ и нашествіяхъ враговъ, приложилось ему, какъ-то незамѣтно и само собою, и царство земное, великое, необъятное. И если мы, потомки старыхъ русскихъ людей, держались бы той же заповѣди Господней, царство наше всегда было бы счастливымъ и сильнымъ, благословеніе Божіе всегда бы на немъ почивало. И этою вѣрностью правдѣ Божіей каждый изъ насъ всего лучше послужилъ бы родинѣ. Не сильными, не знатными, даже не учеными и не умными людьми крѣпко царство, а людьми святыми, благочестивыми, ищущими прежде всего и выше всего царства Божія,—это вполнѣ понятно. Вѣдь въ царствѣ земномъ нужны *вѣрные* воины, *честные* сановники и правители, *самоотвержен-*

ные слуги Государя, любящие подданные, усердные, неподкупные судьи, учителя и проч. А для этого нужно, чтобы были богобоязненные родители, послушные и добрые дѣти. Откуда же взять ихъ, если нѣтъ вѣры, если нѣтъ страха Господня, исканія царства Божія и правды Божіей? Вѣдь умный, но нечестный судья или правитель вдвое опаснѣе глупаго; одинъ умъ, одно умѣнье еще не приносятъ пользы отечеству. Хотите ли, чтобы всѣ люди были счастливы?—для этого есть одно и только одно средство: пусть всѣ люди будутъ исполнять Христовы заповѣди, искать правды Божіей...

Такъ ли теперь устроена наша жизнь? Это ли говорятъ теперь народу незваные, непрошенные учителя, которыхъ развелось теперь видимо-невидимо? Нѣтъ, мы слышали отъ нихъ иное. Спаситель говорить, что прежде всего ищи царства Божія, а земное благополучіе тогда само собою придетъ, а лжеименные учителя нашихъ дней, иногда, для удобнѣйшаго обмана, прикрывающіеся тоже проповѣдью о царствѣ Божіемъ и о правдѣ Божіей, учатъ совершенно обратному: надо, говорятъ, прежде всего искать именно земного благополучія, а тогда придетъ и царство Божіе. Говорятъ народу о свободѣ, о землѣ, о правахъ, и никто не заговоритъ объ обязанностяхъ. Не слышимъ мы отъ новыхъ учителей, что народъ нашъ пьянствуетъ, что онъ часто лѣнится, что многимъ рабочимъ и ремесленникамъ нельзя у насъ довѣрить никакого дѣла, что они нечестны, обманываютъ насъ, дѣлаютъ все небрежно, во всемъ недобросовѣстны, что нынѣ и пятака мѣднаго никому дать въ долгъ нельзя. Пьянство, пороки, преступленія, развратъ, нечестность растутъ въ народѣ, но обо всемъ этомъ молчатъ новые учителя. Ни разу не обмолвятся они объ этихъ грѣхахъ на своихъ собраніяхъ, на которыхъ они говорятъ безъ молитвы и безъ благословенія Божія. Что же изъ всего этого выйдетъ? А выйдетъ то, что безпутному народу не пойдутъ впрокъ и свобода, и земли, и богатства, которыя щедро обѣщаются разными ораторами и учителями, какъ безпутному сыну не пойдетъ впрокъ отцовское богатство... А что касается обѣщающихъ, то вѣдь чужое нетрудно обѣщать... Вотъ, если бы они свое дали что-нибудь...

Царство земное, земное благосостояніе—*не цѣль*, а только *средство* для угожденія Богу, для царства Божія. Не замокъ дорокъ, а то, что имъ заперто. А если подъ замкомъ—пустой сундукъ, то не велика корысть завладѣть замкомъ. Такъ, безъ благочестія и святости не только бесполезно, но и прямо вредно благосостояніе и богатство земное.

Апостоль говоритъ намъ: „*Благочестіе на все полезно, имѣя обтѣлованіе жизни настоящей и будущей*“ (1 Тим. IV, 8).

Къ этому нечего прибавить, кромѣ того же апостольскаго поученія: „*Слово сіе вѣрно и всякаго пріянія достойно!*“ (ст. 9).
Аминь.

Священной памяти небснаго покровителя земли русской.*

Въ тяжелые дни смуты умовъ и сердець и затемненія совѣсти общественной, когда въ учрежденіи, призванномъ явить голосъ всей русской земли, раздается слово поруганія на самое чувство патриотизма,—отраднo вспомнить преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца.

Отраднo увидѣть въ немъ, и подкрѣпить, и осмыслить, и подтвердить святость и неизблемость горячей любви къ родинѣ.

Святой, благословившій героя Донскаго на брань; святой, пославшій въ страшную сѣчу, имѣющую рѣшить судьбу родины, двухъ иноковъ, уже укрывшихся было въ обители отъ печалей вѣка сего, но ради высокаго чувства и подвига любви къ родному народу снова надѣвшихъ военные доспѣхи подъ мантию монашескую; святой, освятившій своею подписью государственннй законъ о новомъ порядкѣ престолонаслѣдія, имѣ-

* Ст. въ день памяти Препод. Сергія Радонежскаго, 5 іюля 1906 г.

ющій принести крѣпость царству и его правителямъ; святой, исходившій своими стопами сосѣдную область съ мятежно-крамольными князьями и затворившій церкви и алтари для непокорствующихъ законной власти законнаго князя, — вотъ кто преподобный Сергій при жизни.

Удивительно ли, что и въ мѣрѣ горнемъ онъ, по волѣ Господа, пребыть и пребываетъ защитникомъ и молитвенникомъ за землю русскую, и явилъ къ ней любовь и въ смутную пору внутреннихъ раздоровъ на Руси, когда Москва была полонена поляками и своими русскими ворами-измѣнниками, когда пресѣкъ царскій родъ, и позднѣе, черезъ 200 лѣтъ, въ страшную годину нашествія завоевателя Европы съ двадцатью языками?!

Не перевелись враги Россіи и теперь. Снова Божимъ попущеніемъ за грѣхи наши катится смута по землѣ русской, и мнится, торжествуютъ и радуются домашніе воры-измѣнники, предвкушаютъ близость гибели царства русскаго и внѣшніе враги.

Не страшнѣ этотъ открытый натискъ враговъ. Страшнѣе въ тысячу кратъ гибельнѣе смута духовная—паденіе чувства любви къ родинѣ, къ родной святынѣ, къ родной Церкви, это опустошеніе душъ и сердець.

Въ такіе дни всею горячностью вѣры и любви вспоминаемъ и прославляемъ великаго русскаго человѣка, великаго и святого сына родной нашей Церкви, и въ примѣрѣ его жизни черпаемъ уроки, черпаемъ силы стоять на-стражѣ любви къ отечеству.

Для того ли Промыслъ Божій вызвалъ къ бытію Россію, поставивъ ее на рубежѣ двухъ міровъ и положивъ предъ ней великое міровое призваніе, чтобъ она, переставъ быть сама собою, исчезла съ лица земли и измѣнила богоданному призванію?

Для того ли Господь приобщилъ ее къ Церкви Своей и духовное небо ея украсилъ сонмомъ равноангельныхъ подвижниковъ, чтобъ все это погибло предъ разливомъ безбожія и иновѣрія?

Для того ли святые русскіе трудились надъ духовною

нивой нашею, засѣвали ее пшеницею чистаго благочестія, поливали по́томъ, слезами и кровью, обвѣяли молитвами, являлись по смерти изъ-за могиль своихъ, оставили храмы, обители, свои мощи и свои чудеса,—чтобы поздніе потомки, изжившіе, обезумѣвшіе, поддавшіеся соблазу лукавыхъ словъ или презрѣннаго злата, все это свели въ ничто?

Живъ Господь нашъ, и жива Церковь Его, и жива Русь святая! Милліоны сыновъ ея не преклонили и не преклонятъ колѣнъ своихъ предъ Вааломъ, ихъ ни запугать, ни закупить, ни обмануть врагамъ Россіи. Предъ ними яркій свѣточъ—преподобный Сергій, отецъ нашъ, чтимый святой *общенародный*.

Не померкнетъ никогда подвигъ его святого патриотизма, и онъ откликнется милліонами милліоновъ отзвуковъ въ душѣ народной. Не заглушить этихъ отзвуковъ никакими воплями хитросплетенныхъ и обольстительныхъ ученій лжесловесниковъ, издѣвающихъ надъ святымъ словомъ: родина; не вытравить этихъ отзвуковъ никакими повѣтріями тлетворныхъ газетъ и листковъ, призывающихъ народъ „отрѣшиться отъ стараго міра“, того міра, который говорилъ о долгѣ, о чести, о благородствѣ, о подвигѣ, о любви къ родному краю и къ родному народу!

Здоровый и жизнеспособный народъ на это самопредательство и самоубійство не пойдетъ. Не пойдетъ на этотъ путь тотъ народъ, который далъ изъ себя и чтитъ такихъ, какъ преподобный Сергій!

Ибо завѣтъ преподобнаго гласитъ народу своему на всѣ вѣка:

„За вѣру православную, за Русь святую намъ подобаетъ животь свой положить и кровь свою пролити!“

Кровавое помѣшательство.*

Въ короткое время на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи, въ Севастополѣ и Петербургѣ, вновь совершились злодѣянія убійства двухъ вѣрныхъ сыновъ Царя и родины.

Наступаетъ время, когда можно примѣнить къ судьбѣ нашего отечества древнія пророческія слова: „Боже, придоша языцы въ наслѣдіе Твое; оскверниша храмъ святыи Твой... Трупы рабовъ твоихъ отдали на снѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла святыхъ Твоихъ—звѣрямъ земнымъ; пролили кровь ихъ, какъ воду, окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребаяи“... (Пс. 78, 1—3).

Да, новые безбожные язычники, новые звѣри хищные въ образѣ человѣческомъ рыщутъ по лицу русской земли и обгадятъ ее кровью защитниковъ вѣры, родины и Царя.

Наступаетъ время и настало уже, когда къ русскимъ людямъ, вѣрнымъ долгу, вѣрѣ и чести, вѣрнымъ родинѣ и Царю, завѣтамъ вѣрности и благородства, примѣнимо слово молитвы церковной: *вспомнихомся яко овцы заколенія!*..

Просится на уста псаломское молитвенное слово къ Богу: „Ты напиталъ насъ хлѣбомъ слезнымъ, Ты напоилъ насъ изобильно слезами... Боже силъ, доколѣ?! Ты положилъ насъ въ пререканіе сосѣдямъ нашимъ, и враги наши издѣваются надъ нами!“ (Пс. 79, 5—7).

Да, гибнутъ русскіе люди, слуги Царя и родины,—и нѣсть избавителей. Мало того, объ ихъ страданіяхъ, объ ихъ смерти хранятъ молчаніе,—которое, по существу, есть осужденіе и даже злорадство,—хранятъ молчаніе тамъ, гдѣ говорятъ именемъ народа, гдѣ во имя блага государства произносятъ судъ,—похвалу и укоризну...

Гибнутъ не только носители власти, напередъ преднамѣ-

* Рѣчь на панихидѣ по убитымъ адмиралѣ Г. П. Чухинѣ и генералѣ С. В. Коаловѣ.

ченныя крамольниками къ казни, которую они лишь въ примѣненіи къ себѣ горячо отвергаютъ, а въ примѣненіи къ другимъ и допускаютъ, и одобряютъ; страдаютъ и гибнутъ, стоятъ наканунѣ смерти, или обливаются грязью клеветы и всяческихъ преслѣдованій, не только несогласныя съ злодѣями въ мысляхъ и убѣжденіяхъ: гибнутъ случайныя жертвы, гибнутъ во множествѣ, по недоразумѣнію и ошибкѣ. Пятьдесятъ человѣкъ, случайно оказавшіяся на площади во время войскового парада въ Севастополѣ, разорванные на части, обезображенные, иные тяжело ранены и изувѣченны, мужчины, женщины, дѣти, старухи,—эти жертвы уже не ужасаютъ злодѣевъ. Застрѣленъ одинъ генераль вмѣсто другого,—это, съ ихъ точки зрѣнія, только незначительное недоразумѣніе, не стоящее вниманія..

Посмотрите, съ какою сатанинскою злобой и настойчивостью приводятся въ исполненіе злодѣйскіе планы. Покушеніе на убійство адмирала Чухнина, окончившееся тяжелымъ раненіемъ, не удовлетворяетъ злобы служителей „освобожденія“: имъ нужно не пораненіе, ихъ не удовлетворяетъ ни увѣчье, ни страданіе; имъ нужна смерть, непременно смерть намѣченной жертвы,—и вотъ, попушеніе повторяется, на сей разъ уже со смертельнымъ исходомъ. Нужно ли говорить о томъ, что въ первый разъ покушеніе производитъ дѣвушка, обманомъ, предательски, съ подложнымъ письмомъ, подъ чужимъ именемъ проникнувъ въ домъ; во второй разъ—изъ-за куста стрѣляетъ человѣкъ, которому довѣрились, котораго считали близкимъ, приставили къ охранѣ хозяина и имущества.

Убить того, кто тебѣ довѣрилъ себя и жизнь свою,—это у самыхъ послѣднихъ людей, даже у дикарей, считается низостью и такою гнусностью, которой нѣтъ достойнаго слова осужденія. Но у нашихъ демоновъ злобы какъ бы усохла совѣсть, всѣ нравственныя понятія вытравлены и перевернуты. И все это дѣлается ими ради свободы, братства, любви и справедливости!

Посмотрите, далѣе, съ какою легкостью поднимается рука для нанесенія смертельныхъ ударовъ, и ударовъ вѣрныхъ—въ голову не одного, а нѣсколькихъ. Идетъ въ толпѣ генераль; вечеръ; кругомъ темно; дождь; движеніе народа; злодѣй,

какъ оказывается, не знаетъ въ лицо намѣченную жертву; достаточно по росту и одеждѣ издали быть нѣсколько похожимъ на обреченнаго на смерть,—и вотъ, злодѣй, не задумываясь, производитъ смертоносные выстрѣлы одинъ за другимъ, безъ малѣйшаго опасенія, что каждый выстрѣлъ можетъ попасть въ случайно-подвернувшагося человѣка.

Кто же эти демоны злобы? Давніе преступники, подавившіе въ себѣ голосъ совѣсти? Невѣжественные и грубые бродяги, не вѣдающіе, что они творятъ? Озлобленные жизнью, неудачами, страданіями, лишеніями, неправдами людей?

Нѣтъ, это молодые люди, почти мальчишки, это все—учившіеся люди, считающіе себя образованною и просвѣщенною частью общества. Всѣ эти грабители, убійцы, воры, агитаторы,—все это юнцы, не успѣвшіе еще и вкусить опыта жизни.

Древній пророкъ ходилъ съ открытымъ вопросомъ въ душѣ: „Господи, почто путь нечестивыхъ сплѣтается?“ Древній псалмопѣвецъ изливалъ тоску свою предъ Богомъ при видѣ страданій и гибели родины своей: „Ты посадилъ лозу виноградную, очистилъ для нея мѣсто и утвердилъ корни ея, и она наполнила землю. Горы покрылись тѣнью ея, и вѣтви ея, какъ кедры Божіи; она пустила вѣтви свои до моря и отрасли свои до рѣки. Для чего же ты разрушилъ ограды ея, такъ что обрываютъ ее всѣ проходящіе по пути? Лѣсной ведръ подрываетъ ее, и полевой звѣрь объѣдаетъ ее... Боже силь, обратись же; призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди его, охрани то, что насадила десница Твоя!“ (Пс. 79, 10—16).

Не узнаете ли вы въ этихъ словахъ Россію? Не образъ ли это нашей родины? Не образъ ли это нашей молитвы?

Но древній пророкъ не призывалъ къ унынію и отчаянію. Къ Богу онъ обращалъ вопль свой, и молитву народа—къ Господу; во грѣхахъ народа онъ видѣлъ источникъ бѣды и страданія, и въ покаяніи, въ твердости вѣры и жизни указывалъ спасеніе. Онъ прорекалъ и утѣшалъ: „Господь силь возстановитъ насъ, и возсіяетъ лице Его и спасемся!“ (Ст. 20).

Пусть же и для насъ, въ этотъ часъ скорбнаго моленія о погибшихъ сынахъ родины и въ эту печальную годину

жизни Россіи, не закроется источникъ надежды и бодрости, пусть далеко отойдетъ духъ расслабляющаго унынія, пусть не поколеблется въ насъ наша твердость и наша вѣрность Богу, Церкви, Царю и Россіи. Смѣлѣе и смѣлѣе будемъ мы возглашать наше исповѣданіе, хотя бы намъ за то грозили смертью и на нашихъ глазахъ надъ нашими единомышленниками приводили въ исполненіе свои угрозы. Глубже и глубже будемъ мы проникаться вѣрою въ правоту нашихъ убѣжденій, освященныхъ Церковью, преданіями родной старины и кровью пострадавшихъ за нихъ безчисленныхъ героевъ долга.

Твердымъ словомъ будемъ мы отражать натиски враговъ на святыню русскаго духа, на всѣ идеальныя основы истинно-человѣческой жизни, и будемъ неуклонно обличать ложь враговъ. А если потребуется,—мы безбоязненно пойдѣмъ за нихъ на борьбу и смерть, мы не пощадимъ никакихъ сокровищъ, ничего земного и даже самой жизни нашей, если Царь призоветъ насъ идти на защиту погибающей отъ внутренней крамолы родины.

Вѣчная память погибшимъ на-стражѣ долга, честь и слава живущимъ борцамъ! Пусть растутъ въ числѣ и силѣ содружества вѣрности, сообщества преданныхъ сыновъ Россіи: ихъ вѣра и убѣжденность, ихъ твердость, ихъ борьба неустанная, ихъ кровь и страданія въ концѣ концовъ побѣдятъ злобу, крамолу и измѣну, заставятъ раскрыть глаза многихъ обольщенныхъ, и Господь изведетъ намъ свѣтъ и правду и силу Россіи, какъ свѣтъ полудня. (Пс. 36, 6). Придетъ предъ лице Божіе стенаніе наше, и могуществомъ мышцы Своей Онъ сохранитъ обреченныхъ на смерть (Пс. 78, 11).

Но только до конца претерпѣвшій,—только тотъ спасется!
Аминь.

Единеніе людей возможно только въ Богѣ и Церкви.*

Умоляю васъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, чтобы всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленій, но чтобы вы соединены были въ одномъ духѣ и въ однихъ мысляхъ (1 Кор. I, 10).

Въ самый тяжкій часъ Своей жизни, отправляясь на Геесиманское томленіе и послѣдующую крестную смерть, въ самый тяжкій часъ жизни, разставаясь съ апостолами, Господь Іисусъ произноситъ великую первосвященническую молитву о вѣрующихъ къ Отцу Своему Небесному. О чемъ Онъ молить? Что болѣе всего Онъ желаетъ видѣть въ томъ маломъ стадѣ вѣрующихъ, которому Богъ благоизволилъ дать царство? Въ чемъ Онъ видитъ условіе его процвѣтанія и силы до вѣка?

Онъ проситъ *единенія* вѣрующихъ между собою, основаннаго на единеніи въ Богѣ.

„Не о сихъ же молю токмо,—не объ однихъ апостолахъ,—но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мнѣ: да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тии въ Насъ едино будутъ“ (Іоанн. XVII, 20—21).

И вотъ, чрезъ столько вѣковъ, чрезъ два тысячелѣтія христіанской жизни, мы видимъ, что приведенный нами въ началѣ слова призывъ апостола, слышанный нами сегодня за литургіей, къ намъ относится всецѣло, какъ-будто написанный и сказанный вчера.

О, зачѣмъ, зачѣмъ эти наши раздѣленія, наши раздоры и споры?! Зачѣмъ православные люди одного народа, одного царства раздѣлились такъ рѣзко въ сужденіяхъ и взглядахъ, распались на партіи, возненавидѣли другъ друга и, наконецъ, во многихъ мѣстахъ обагрили землю кровью, опозорили себя братоубійствами? Зачѣмъ это царящее всюду озлобленіе?

* Поученіе въ недѣлю 8-ю по Пятидесятницѣ.

И отчего все это?

Братіе! Духъ единый и единыя мысли,—то, о чемъ говорить апостоль, —не могутъ быть у людей, если они предоставлены сами себѣ, своимъ только природнымъ силамъ, ибо силы эти слишкомъ повреждены грѣхомъ. Свидѣтельства, примѣры и доказательства такой слабости естественныхъ силъ человѣка мы найдемъ во всей исторіи людей. Только высшая, духовная сила, только вѣра Христова, низводящая силы божественныя, только вѣра можетъ заставить людей, соединившись въ великое собраніе, именуемое Церковью, забыть звѣрскія наклонности и стремленія, уступать всѣмъ во имя любви, подчинять себя благому игу закона Господня, сознать, что даже блаженнѣе давать, чѣмъ принимать. При такомъ устройствѣ жизни исполняется великое слово Писанія: „Едино тѣло, единъ духъ... едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ“ (Ефес. IV, 4—6). Христосъ Спаситель для того и пришелъ на землю, чтобы соединить всѣхъ людей въ единый союзъ этой вѣры—въ Церковь. Въ часъ Его рожденія ангелы воспѣли объ этомъ грядущемъ счастьѣ и спасеніи людей и возвѣстили на землѣ миръ, въ человѣчѣхъ благоволеніе. Въ часъ Его мучительной разлуки съ апостолами, имѣющими насадить Церковь во всемъ мірѣ, мы уже слышали, молитва Первосвященника-Господа призывала вѣрующихъ быть *едино*. Въ часъ сошествія Духа Святаго на апостоловъ, когда утверждено основаніе Церкви, древнее раздѣленіе и вавилонское смѣшеніе языковъ,—плодъ гордости, невѣрія и злобы людей,—было уничтожено и замѣнено противоположнымъ: егда же огненные языки раздающе *съ соединеніе вся призва*.

И на вѣки вѣчныя основаніемъ взаимнаго единенія и взаимной любви людей служить вѣра во Христа, воспринятая нами отъ апостоловъ. Имъ заповѣдано идти въ міръ весь и проповѣдать евангеліе всей твари, научить всѣ народы и крещеніемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа соединить всѣхъ во единую Церковь, въ которой должны пасть всѣ прежнія раздѣленія эллина и іудея, раба и свободнаго, мужескаго пола и женскаго. Всяческая и во всѣхъ Христосъ!

Отступите отъ этого великаго единенія,—и снова воцарится древнее язычество; отступите отъ этого единенія,—и снова распри и раздѣленія; отступите отъ вѣры и Церкви,—и снова кровь и вѣчная злоба, и снова человѣкъ человѣку завѣрь. Тогда не спасетъ никакая сила, на которую возлагаютъ надежду сыны вѣка сего. Надѣются обыкновенно на просвѣщеніе, на развитіе закона и права, на правильное устройство государства, на такъ-называемую гражданственность. Напрасныя надежды! Если строишь домъ изъ дерева, не ожидай, что онъ въ концѣ-концовъ будетъ каменнымъ. Силы человѣка безъ помощи Божіей не только слабы, но, главное, грѣховны, а грѣховность, какъ закваска, пройдетъ во всё дѣла человѣка, отравитъ и просвѣщеніе, и право, и государство, и гражданственность, она дастъ разложеніе умовъ, порочность сердець, слабость воли, всюду она произведетъ разномысліе и вражду и сдѣлаетъ свое дѣло разрушенія. Вѣдь въ государствахъ, преслѣдующихъ право и гражданственность, все основано на преніяхъ и спорахъ; говорятъ и увѣряютъ, что эти пренія и споры именно и ведутъ къ истинѣ. Пусть такъ: пусть они могутъ привести и къ истинѣ, но приведутъ ли они къ единенію и миру? Приведутъ, если будутъ объединены въ высшемъ началѣ вѣры и любви, если будутъ подчинены имъ и притомъ не за гнѣвъ и страхъ спорящихъ, а за любовь и за совѣсть!

Иначе будутъ вѣчно царить самоувѣренность, гордость, самолюбіе и злоба, а отсюда далеко до мира и единенія.

Итакъ, только въ единеніи вѣры и Церкви—спасеніе наше отъ раздѣленій и раздоровъ. Ослабѣло въ насъ, въ русскихъ людяхъ, это единеніе, и вотъ поэтому-то и поразило насъ глубокое несчастье: споры, вражда и взаимные раздоры. Слишкомъ преувеличенное значеніе мы придали земнымъ дѣламъ, дѣламъ устройства царства земного и его порядковъ, и вотъ поэтому-то и выросло у насъ озлобленіе однихъ противъ другихъ.

Вспомнимъ же единое на потребу! Вспомнимъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ! Вспомнимъ пламенную мо-

литву Господа о единеніи вѣрующихъ, вспомнимъ наставленіе апостола, слышанное нами нынѣ, чтобы не было между нами раздѣленій, но чтобы мы соединены были въ одномъ духѣ и въ однѣхъ мысляхъ! Вспомнимъ, наконецъ, страданія нашей дорогой родины, гибнущей отъ распри и раздѣленій!

Было время, называемое смутнымъ, въ исторіи Россіи,—страшное время, когда раздѣленія и распри привели нашу родину на край гибели. Уже не стало въ ней власти, уже не было царя, уже однѣ части государства шли войной противъ другихъ, уже столица государства, Москва, была въ рукахъ враговъ. Но подъ знаменемъ вѣры и православной Церкви, одумавшись и покаявшись, по призыву пастырей и святыхъ обитателей, объединились наши предки и спасли гибнущее отечество.

Пусть и устрашитъ и вразумитъ насъ это воспоминаніе! Будемъ едины въ вѣрѣ и Церкви, будемъ едино въ Богѣ! Миръ вамъ, миръ всѣмъ! Аминь!

Воинству русскому слово отъ сердца.*

Кто-бъ ни былъ ты: солдатъ, казакъ, драгунъ, или матросъ, одно въ тебѣ значеніе: защитникъ родины, земли родимой стражъ, и Богомъ и Царемъ и всѣмъ честнымъ народомъ на подвигъ призванный, на подвигъ чести и вѣрности святой присягѣ. Привѣтъ тебѣ, поклонъ нашъ всенародный! Родной ты нашъ, послушай наше слово, идущее отъ сердца.

Въ чемъ война великое значеніе? Чѣмъ подвигъ война стоитъ высоко, чѣмъ великъ и славенъ онъ, и прямо скажемъ—святъ?

Воинъ—это сторожъ, который день и ночь сторожитъ Родину свою отъ вора ли, или отъ безумца, кто бы онъ ни былъ:

* Листокъ для арміи, въ виду противоправительственной пропаганды среди солдатъ.

пришелецъ ли изъ земли чужой, или страшный врагъ домашній, свой, дома взрощенный, врагъ Царя и русскаго народа. И въ этомъ чинѣ присягаетъ воинъ-сторожъ, присягаетъ Богу, Родинѣ, Царю служить и прямить, цѣлуеть Крестъ, Евангеліе, и знамениемъ Креста ту клятву утверждаетъ, бодрить свой духъ, и съ мужествомъ идетъ стоять на-стражѣ.

Какъ видите, такой воинъ-сторожъ—не тотъ наемникъ-сторожъ, который амбары, да коней, да стадо въ полѣ сторожить; даже не тотъ подвижникъ-сторожъ, что съ женой, съ дѣтьми сторожить стрѣлку желѣзнодорожнаго пути, чтобы спасти поѣздъ отъ крушенія, а, стало-быть, и жизнь людей, которые сидятъ въ вагонахъ. Нѣтъ, воинъ-сторожъ—это чинъ совсѣмъ особый; это—тотъ сынъ земли родной, что клятву далъ, хоть лечь костыми, хоть кровь свою пролить и душу положить за вѣру, родину, Царя, да за покой родильницы своей—избы, кормилицы насъ всѣхъ безъ исключенья. Наемный сторожъ можетъ отъ службы отказаться; возьметъ расчетъ, получитъ деньги,—хозяинъ станетъ нанимать другого. А воинъ отказаться отъ званія своего не можетъ; отказъ его—это измѣна; отказъ его—это погибель родной страны, предательство Іуды; нѣтъ словъ, чтобы заклеить его позоромъ. Не деньги здѣсь, не жалованье, не содержаніе зовутъ на подвигъ воина, а честь и совѣсть, любовь къ народу и долгъ святой, высокій.

По-русски сказано; понять не мудрено, чѣмъ подвигъ воина и славенъ и великъ, и скажемъ прямо—святъ.

* * *

Но вотъ пришли безумные, или враги Россіи и говорятъ такому воину, такому сторожу русской земли: „Будь съ нами за-одно; бунтуй противъ начальства, сытѣ будешь; одежка у тебя плоха,—мы лучшую дадимъ; коль служба нелегка,—мы службу облегчимъ; мы плату деньгами прибавимъ, и такое обращеніе съ тобой наладимъ, что не услышишь слова грубаго, ни слова чернаго; и будешь словно не крестьянинъ, а купецъ, или бояринъ. И будетъ все твое, что силою возьмешь,

хотя бы взялъ чужое, какъ мы беремъ, чѣмъ только и живемъ и весело и вольно“.

Кричитъ солдату врагъ, безумный соблазнитель, кричить:

„Ну, что же ты стоишь! Бросай ружье, или съ ружьемъ иди за нами; патроновъ укради, вѣдь сила намъ нужна большая; начальство перебьемъ, захватимъ крѣпости, казармы; вина напьемся, а потомъ пойдемъ усадьбы жечь, лѣса рубить; хотимъ всю землю захватить, поля и хлѣбъ весь подѣлить, и денегъ мы захватимъ, нагребимъ мы одежды всяческой и всякаго добра. Захватимъ власть; республику устанемъ, и выберемъ главой богатыря такого, что не чета ему цари и короли“.

Кричитъ солдату врагъ, домашній врагъ Россіи, безумный соблазнитель: „Иди, будь съ нами и не разсуждай; но знай, коль мы у власти будемъ, такъ дня не будешь ты солдатъ; намъ нуженъ лишь пролетаріатъ. Работодателей долой; заводы, фабрики захватимъ; хозяевами сами станемъ; войска, полицію долой—милицію поставимъ; не будетъ званья мужика, а будутъ такія все слова: интеллигенты, социалисты, демократы, атеисты, нигилисты, анархисты, и чѣмъ далѣе, тѣмъ величавѣй, кончая автономіей подъ звуки марсельезы... И будемъ все гулять, доколѣ все, всю Русь не прогуляемъ. А тамъ, что послѣ насъ,—да хоть потопъ, хотя бы море крови“...

* * *

И началъ говорить солдатъ: „Все слушалъ я, но не все понялъ; да и какъ понять не русскія слова, которымъ насъ не обучали и отъ начальства не слышали. Вотъ грамотеи газеты разныя читали, да вѣрить-то газетамъ развѣ можно? Вѣдь часто сами же газеты говорятъ: о чемъ вчера мы сообщали,—то солгали.“

Послушай, если другъ ты мнѣ, доброжелатель,—за доброжелательство благодарю. Скажи, однако: откуда вдругъ ты взялся, зачѣмъ искалъ меня и почему меня ты вдругъ такъ возлюбилъ? Почему тебѣ со мною вмѣстѣ непременно надо грабить, а не одному? И кто въ комъ нуждается: ты во мнѣ, или я въ тебѣ? Но я тебя вѣдь не искалъ! Красно ты гово-

ришь, языкъ твой устали не знаетъ, словами и умомъ ты хочешь поразить. Но вотъ что я надумалъ: положимъ я за тобой пойду, но вѣдь на утро могу я встрѣтить съ иною рѣчью иного друга, который тоже можетъ быть и умный, и мнѣ доброжелатель; а позднѣе—встрѣчу и еще умнѣе и добрѣе... И что тогда?.. Куда, за кѣмъ идти? Или всю жизнь бродить? Нѣтъ, коли другъ, такъ ты оставь меня... Оставь мнѣ Бога моего и моего Христа, какимъ мнѣ мать Его дала. Вотъ Бога и Христа всегда я буду слушать. А слово Бога—въ Церкви; она всегда одно и то же говоритъ, и не свое, а Божье. А ты скажи по совѣсти: въ Бога вѣришь? и Церковь Его чтить? Евангеліе ты признаешь? Суда ты Божьяго боишься? Христа ты слушаешь? Нѣтъ?! Такъ лучше, братъ, оставь меня въ покоѣ. Я клятву далъ; я крестъ пріялъ, я крестъ несущу, и смерть мою съ нимъ мирно встрѣчу. Пѣть гимнъ чужой, чужого мнѣ напѣва, врагу служить и родину свою терзать, Россію разорять и попираеть законъ Христа, законъ любви и вѣрности,—я громко говорю: на это не согласенъ... Да и народъ вѣдь нынѣ не безгласенъ. Про нужды всѣ свои скажетъ народъ Царю лицомъ къ лицу голосомъ Думы. Царь и народъ не могутъ жить иначе, какъ дума въ думу, душа въ душу. Вотъ если Думу мы такую соберемъ, чтобы Царю она въ правленьи помогала, то сильны будемъ вновь, ибо въ единеньи сила. Ну, а не сбремъ такой мы Думы, коли въ нее опять такіе умники все попадутъ, какъ ты, предатель, тогда мы сами виноваты. Такую Думу Царь распустить, она Россіи—вредъ и гибель. На то и Царь отъ Бога державу воспріялъ, чтобы по Божьему закону зло карать и пресѣкать мечемъ и силой воинской, а доброе все поощрять.

Затѣмъ я понялъ, что, коли за тобою мнѣ идти, такъ я сытѣе буду; одежду лучшую мнѣ дашь; коли у власти будешь, такъ домой отпустишь; срокъ службы сократишь и жалованьемъ наградишь болѣе, чѣмъ нынѣ получаемъ. И вотъ не я одинъ, солдатъ, хотѣлъ бы знать, откуда ты—пролетаріатъ... богатъ? Ни службы у тебя нѣтъ, ни ремесла, а денегъ много! Откуда же онѣ и кто тебѣ ихъ далъ? Ты ѣшь и пьешь, и всюду разъѣзжаешь, листки печатаешь и въ сотняхъ тысячъ

ихъ бросаешь и раздаешь; ты сытъ, одѣтъ и выпить ты не прочь, да и другихъ все угощаешь, чтобы къ себѣ привлечь. Скажи, откуда у тебя на это взялись средства? А я слыхаль, что не друзья Россіи, а враги тебѣ давали деньги и даютъ. Но вѣдь на это я съ тобою не пойду! Ты общаешь чужое все ограбить и со мною подѣлить, а Богъ-то гдѣ? Но вѣдь чужое станеть тогда моимъ; другой придетъ такой, какъ ты, и вѣдь уже мое отниметь. Да и съ тобою подѣлимъ ли все мы полюбовно? Да и надолго ли хватить чужого? Но положимъ, что при дѣлежѣ того, что силою возьмемъ у богатѣевъ и въ казнѣ, и въ дѣлежѣ земли мы не заспоримъ. Ну, а какъ народу народится столько, что опять на малоземелье жалобы пойдутъ? Или кто изъ насъ, хотя изъ пахарей или солдатъ, по гнѣву Божьему, все потеряеть или прогуляеть, и въ чинъ заслужить твой—пролетаріатъ, тогда-то какъ?.. Переведи-ка духъ, перекрести-ка лобъ, подумай самъ: казна будетъ пуста, ее вновь не ограбишь; лѣса порубленные быстро не растутъ; песками занесетъ селенія и города; вода посохнетъ въ водоемахъ, и моръ пойдетъ и гладь... И что тогда для новаго-то дѣлежа подѣлять наши дѣти?..

Милицію у насъ ты хочешь завести, а у сосѣдей, у враговъ Россіи, будетъ войско! ¹⁾ Умень ты, братъ, не очень, коли Россію ставишь подъ топоръ. Вѣдь войско постоянное и обученное милицію всегда разгонить, тогда Россію врагъ возьметъ хоть голыми руками. Не для того-ль враги Россіи и деньги тебѣ платять и рѣчи всѣ твои внушили? Наладилъ ты одно: милиція нужна, не войско. Но если разницы ты въ томъ не понимаешь, такъ что же будемъ говорить? Живи, какъ хочешь жить! Не мнѣ тебя учить. Мнѣ самому много учиться надо, теперь учиться воинскому дѣлу, а послѣ службы домой вернуться и опять учиться, какъ семью кормить и одѣвать, дѣтей ремесламъ обучать, да землю такъ пахать, и такъ ухаживать за ней, чтобы не голодать.

Затѣмъ прости! И знай: не сторожить земли родной не можемъ. Не сторожить ее вѣдь это значить—забыть Бога, при-

¹⁾ Какъ все это оправдалось позднѣе, въ русско-германскую войну!

сягу потоптать, Иудой быть, и распинать Христа, и родину святую продавать такъ низко, такъ позорно! На это—не согласенъ!

И что ты пристаешь все къ рядовымъ? Вотъ, мы тебя сведемъ къ начальству, тамъ люди есть, что и учились побольше твоего. Поговори-ка съ ними! Такимъ, какъ ты, приятель-подстрекатель, мѣсто лучшее въ тюрьмѣ! Вѣдь ты—просто разбойникъ, только поопаснѣй!”

Жизнь и смерть.*

Настоящее собраніе наше омрачено печальными воспоминаніями о безвременной смерти тридцати убитыхъ новыхъ жертвахъ безумной нашей революціи, о мученической смерти доблестнаго генерала Г. Мина и генерала Вонлярлярскаго. Предъ нами сейчасъ на паннихидѣ прошелъ скорбный списокъ убитенныхъ. Въ немъ помѣщены рядомъ имена старцевъ и младенцевъ, мужчинъ и женщинъ, простолюдиновъ и сановниковъ. Съ трудомъ вѣрится въ происшедшее.

Газеты сообщали, что когда дочь министра П. А. Столыпина, тяжело раненая при взрывѣ, пришла въ себя, то спросила окружающихъ: „это былъ сонъ?“ И только взглянувъ на свои окровавленныя ноги, представлявшія одну сплошную рану, невинно пострадавшая несчастная дѣвушка горько заплакала, и поняла, и убѣдилась, что это былъ не сонъ, это была сама дѣйствительность...

О, это не сонъ, братія, не сонъ то, что дѣлается вокругъ насъ,—и кто знаетъ, какіе новые замыслы, какія новыя преступленія таить въ себѣ злоба осатанѣлыхъ вырожденцевъ русскаго общества, въ злодѣйствахъ своихъ не знающихъ ни

* Рѣчь въ собраніи патріотическихъ союзовъ Москвы 20-го августа 1906 г., послѣ паннихиды по жертвамъ злодѣйскаго покушенія на председателя Совѣта Министровъ и по убитымъ генераламъ Г. Мину и Вонлярлярскому.

смысла, ни жалости, ни совѣсти. Можетъ-быть, насъ ожидаетъ еще то, о чемъ сказано въ Библии: у каждаго слышащаго зазвенить отъ ужаса въ обоихъ ухахъ.

Это не сонъ, это—горькая, горьчайшая дѣйствительность! Дыханіе смерти носится всюду, и, кто знаетъ, страшные призраки ея не стоятъ ли теперь надъ кѣмъ-либо изъ насъ...

Изъ всѣхъ вопросовъ, какими занимался и занимается человѣкъ помимовольно, надъ всѣми его волненіями, помыслами, страхами, радостями и надеждами, несомнѣнно, господствуетъ, какъ самый тревожный и важный, вопросъ о жизни и смерти. Что такое жизнь, какъ она явилась, въ чемъ ея сущность, —этого не объяснить никакой сотворенный умъ. Но мы всё ее чувствуемъ въ себѣ, мы опытно ее познаемъ, за нее борется все живущее, къ ней мы стремимся, ее защищаемъ и отстаиваемъ, ее вѣрою мы переносимъ за предѣлы могилы и гроба. Но что такое смерть, откуда она, въ чемъ состоитъ, какъ она относится къ духу человѣка, какъ ея избѣгнуть, —предъ такими вопросами стояли въ безсиліи величайшіе умы, величайшіе гении человѣчества, и все, что они говорили въ отвѣтъ на эти вопросы отъ разума человѣческаго, все было лишь жалкимъ лепетомъ, ни для кого не убѣдительнымъ. А между тѣмъ, смерть стояла и стоитъ предъ каждымъ, какъ рокъ неисходный и неизбѣжный, и если жизнь земную остановить—во власти человѣка, то остановить смерть никто собственной силою не можетъ. Вопросъ о сущности жизни и смерти—это книга невѣдомая, книга запечатлѣнная семью печатами для мудрецовъ міра.

Разрѣшеніе вопроса даетъ только вѣра. И человѣку остается одно: или обречь себя на всегдашнее и полное невѣдѣніе тайны, или принять разъясненіе, которое даетъ ему святая вѣра.

Богъ смерти не сотворилъ, свидѣтельствуетъ вѣра. *Смертію умреши*, сказано первосозданному человѣку, въ огражденіе отъ грѣха. Единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и *грѣхомъ смерть*, подтвердилъ и апостолъ новому творенію, —вѣрующимъ христіанамъ. Это—о смерти. Она отъ грѣха. А вотъ что знаемъ о жизни. Я есмь воскресеніе и *жизнь*, Я есмь путь, и истина, и *жизнь*, —говорилъ о Себѣ Спаситель. А юношѣ,

ищущему, какъ войти въ жизнь, Онъ отвѣтилъ краткимъ словомъ: соблюди заповѣди. Итакъ, жизнь есть соединеніе съ Богомъ въ вѣрѣ, чистотѣ, святости. Въ этомъ и тайна смерти благочестивыхъ, тайна смерти святой и мужественной, въ этомъ объясненіе того, почему многіе святые называли жизнь рожденіемъ въ жизнь вѣчную. И если мы видимъ смерть во имя долга, во имя чести, въ сознаніи святости подвига, то мы чувствуемъ и признаемъ въ ней нравственную красоту, высшій смыслъ, который примиряетъ съ нею жизнь, привлекаетъ къ себѣ живущихъ, и мало того,—и по ту сторону смерти, за ея естественною гранью, указываетъ естественное же продолженіе жизни духа, ради котораго жилъ умершій. И наоборотъ, въ смерти безъ нравственной и духовной основы чувство наше и сознаніе видятъ что-то оскорбительное для достоинства человѣка, что-то уравнивающее его со скотами несмысленными.

Такъ, только вѣра и святость осмысливаютъ и жизнь, и страданіе, и радости, осмысливаютъ и самую смерть; только вѣра и святость даютъ истинную цѣну и всякому подвигу, и всякой, повидимому, и геройской смерти. Ибо, несомнѣнно, могутъ быть и бываютъ кажущіеся подвиги и, дѣйствительно, мнимое геройство. Во дни гоненій на христіанъ находились вѣрующіе, которые сами искали смерти, искали мученичества насильно. Повидимому, что здѣсь худого? Многимъ и теперь такое поведеніе показалось бы похвальнымъ. Но св. Кипріанъ Кареагенскій осудилъ такое самовольное и насильственное исканіе смерти, проникнутое до нѣкоторой степени духомъ какого-то вызова и самоуслажденія, и замѣтилъ по этому поводу: „Бываетъ настроеніе, которому только нехватаетъ мученичества, и бываетъ мученичество, которому, однако, недостаетъ должнаго и добраго настроенія“.

Такъ сказано о христіанахъ, желавшихъ за Христа умереть. Что же нужно сказать о тѣхъ, которые идутъ завѣдомо для того, чтобы *убить*, хотя бы при этомъ и самимъ пострадать, даже умереть?

Бросить бомбу, перебить десятки невинныхъ и случайно подвернувшихся подъ несчастный случай людей, не пощадивши ни старости, ни сиротства, ни младенчества, не подумавъ и

не пожалѣвъ о тысячахъ обездоленныхъ родныхъ, близкихъ, о морѣ слезъ и горя,—и самому при этомъ погибнуть; выслѣживать жертву цѣлыми мѣсяцами, подойди сзади, неожиданно, къ беззащитному, убить его выстрѣлами и затѣмъ, не успѣвъ скрыться, быть схваченнымъ и отдаться въ руки правосудія, можетъ-быть и съ опасностью смертной казни: что это? Геройство, или что-то другое?

Многихъ и очень многихъ обольщаетъ это видимое мужество, картинное и показное,—и они готовы предъ ними преклониться. Многихъ это настолько увлекаетъ, что они и сами готовы пойти по пути такого мнимаго подвига. Одинъ пожилой человекъ, въ отвѣтъ на осужденіе злодѣевъ, заявляетъ: „Но вѣдь они умерли сами; согласитесь, они ѣхали на смерть, это геройство“. А одна изъ газетъ, *Трудъ*, на-дняхъ съ безстыдствомъ пишетъ объ убійствѣ нѣсколькихъ десятковъ полицейскихъ служителей въ Варшавѣ: „Есть что-то величавое въ этихъ могучихъ актахъ краснаго террора“.

А между тѣмъ здѣсь-то именно и есть то *мнимое* мужество и *мнимое* мученичество, которому недостаетъ добраго настроенія, то самопожертвованіе, которое отдается сатанѣ, а не Богу, злу, а не добру. И напрасны здѣсь жалкіе потуги придать злодѣянью видъ идейности и какой-то нравственной высоты. Если чистое нравственное чувство осудило лукавыя умствованія іезуитовъ, позволявшихъ себѣ дурныя средства ради высокихъ цѣлей „славы Бога“, то почему же прилагать иную мѣру къ тѣмъ, кто идетъ на поворъ и преступленіе убійства—ради цѣлей „освобожденія“, не будучи на то никѣмъ призванъ, и даже не уполномоченный тѣми, кого онъ „освобождаетъ“?

Какая ясность и простота ученія объ этомъ въ словѣ Божіемъ! Въ посланіи св. ап. Петра читаемъ: „Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, Царя чтите. То угодно Богу, если кто, *помышляя о Богѣ*, переноситъ скорби, *страданіе несправедливо*. Ибо, что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если страдаете за правду, то блаженны. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое, *а если*

какъ христіанинъ, не стыдись". Другой апостоль, св. Павелъ, учить: „Если кто и подвизается, не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться“. И въ то же время оба эти апостолы сами пострадали за Христа и сами славятся въ вѣкахъ, какъ великіе мученики.

Кажется, ясна мысль о разницѣ смерти героя и злодѣя. Но мы живемъ въ вѣкъ такой путаницы въ нравственныхъ понятіяхъ, такой разногласицы во взглядахъ на вещи, о которыхъ въ сущности не можетъ быть двухъ мнѣній, что и объ этой простой истинѣ нужно теперь напоминать и часто, и настойчиво.

Да, нынѣшніе убійцы „ради идеи“—это не герои, не мученики, а простые злодѣи и преступники, нерѣдко больные душевно, нерѣдко ослѣпленные, потерявшіе волю и сбитые съ толку своими учителями; въ рукахъ этихъ-то таинственныхъ руководителей наши злодѣи, мнящіе себя героями,—жалкое орудіе для достиженія цѣлей, о которыхъ они чаще всего и не подозреваютъ... Смерть для нихъ, повидимому, не страшна, но при безвѣріи, при этой страшной злобѣ, она—не высокая смерть человѣка, а смерть озлобленнаго звѣря; ихъ смерть—лѣствица не къ небу, какъ у святыхъ и у подвижниковъ, а въ преисподнюю, и не новое рожденіе, а смерть сугубая и вѣчная.

И пусть оставшіеся въ живыхъ друзья, почитатели и сообщники этихъ злодѣевъ восхваляютъ ихъ, объявляя мучениками и героями; пусть увѣряютъ,—какъ это слышимъ теперь,—что ихъ могилы въ будущемъ будутъ украшены памятниками и обратятся въ мѣста народнаго паломничества; пусть прославляютъ ихъ въ сочиненныхъ повѣстяхъ, въ звучныхъ пѣсняхъ и стихахъ; пусть въ дикомъ, изступленномъ усердіи, помѣшанные на крови, они продаютъ и раздаютъ на улицахъ портреты злодѣевъ, убійцъ и изверговъ: людей нравственно здоровыхъ они не могутъ ни смутить, ни обольстить. Мы знаемъ, что злодѣи и убійцы, какъ ни восхваляй ихъ изступленными криками, такъ и останутся только злодѣями и убійцами, внушающими лишь ужасъ и отвращеніе у честныхъ людей; мы знаемъ, что и разбойники, и грабители умираютъ на своемъ ремеслѣ, и они другъ друга воспѣвали въ пѣсняхъ, а сумасшед-

шіе такъ же нерѣдко безстрашно ищутъ смерти, то разбивая голову о стѣну, то бросааясь съ высоты нѣсколькихъ этажей на землю...

Люди вѣрующіе не боятся смерти, но сами ея не ищутъ. Они знаютъ, что смерть отъ Бога, но отъ Бога и жизнь, и дана жизнь для жизни, для жизни святой и достойной, во славу Бога, во благо ближнимъ. Они знаютъ, что и смерть во имя долга и любви къ роднымъ есть смерть достойная и славная, есть начало новой жизни. И бесконечно много мужества и геройства не у того, кто идетъ убивать изъ-за угла, но у того, кто, зная, что въ каждую минуту можетъ быть взорванъ, безстрашно и неустанно работаетъ на своемъ посту, который вручили ему Царь и родина; кто, послѣ страшнаго взрыва и страшнаго опустошенія смерти и страданія близкихъ и даже родныхъ дѣтей, способенъ попрежнему стойко, неустанно и не озлобляясь творить свое великое дѣло... ежедневно ожидая новаго злодѣйскаго покушенія. Это—истинное мужество.

И нашъ долгъ, братія, хранить въ себѣ такое мужество, невзирая ни на что. Пусть вѣетъ вокругъ дыханіемъ смерти; пусть грозятъ каждому изъ насъ кровавою расправой; пусть гремятъ выстрѣлы и рвутся бомбы... Остаемся мужественны и тверды, непоколебимы!

Будемъ поминать молитвою убитыхъ борцовъ за Царя и родину; будемъ воздавать должное ихъ заслугамъ и героизму, но не будемъ унывать. Да совершится воля Божія! Ей единой вѣдомо, зачѣмъ дана Россіи эта тяжелая година испытанія.

Попрежнему въ единеніи единомышленниковъ, попрежнему въ единеніи и союзѣ святой вѣры, родной Церкви, въ союзѣ любви къ Царю и отечеству будемъ словомъ и дѣломъ являть наше исповѣданіе.

Въ этомъ сила, въ этомъ спасеніе, въ этомъ залогъ нашей *немигнуемой побѣды* въ будущемъ. Да, оружіе въ концѣ концовъ выпадетъ изъ рукъ революціи, и побѣда будетъ на сторонѣ людей чести, долга, мира и порядка. Побѣда будетъ наша!

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ! Аминь.

Просвѣщеніе народа.*

Совершенно неожиданно мы открываемъ чтенія въ этомъ мѣстѣ заупокойнымъ моленіемъ о человѣкѣ, которому было столь блиако и дорого наше дѣло. Покойный генераль Димитрій Федоровичъ Треповъ принималъ самое близкое участіе въ открытіи нашихъ чтеній, и если они непрерывно существуютъ уже пятый годъ, то этимъ мы обязаны главнымъ образомъ покойному. Онъ былъ и учредителемъ ихъ, и заботливымъ попечителемъ до послѣднихъ дней жизни. Служа въ Москвѣ, несмотря на множество мелочныхъ дѣлъ и важныхъ обязанностей, которыя возлагалъ на него занимаемый постъ, онъ находилъ время, чтобы заняться организаціей чтеній для рабочихъ и этому дѣлу помогалъ всеми силами и способами, которые открывало ему его властное и вліятельное положеніе. О немъ онъ предстательствовалъ предъ покойнымъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ; исходатайствовалъ нужныя матеріальныя средства; самъ находилъ и приглашалъ лекторовъ; бывалъ въ ихъ собраніяхъ при обсужденіи вопросовъ объ упорядоченіи и направленіи чтеній; принималъ участіе въ составленіи программъ и т. д. Если мы и въ настоящемъ году имѣли и имѣемъ возможность продолжать чтенія, нынѣ въ столь расширенномъ объемѣ, то въ значительной степени мы обязаны тѣмъ покойному Димитрію Федоровичу, не забывавшему о созданномъ имъ дѣлѣ и по переселеніи въ сѣверную столицу.

Покойный хорошо понималъ причины нашего русскаго нестроенія. Вѣдь одна изъ главныхъ его причинъ, это—глубокое народное невѣжество, которое не даетъ темному человѣку возможности дать отпоръ натиску враждебныхъ ученій, посягающихъ на святое святыхъ народной души и жизни. И то хорошо понималъ покойный, что наука—наукъ рознь, и что не

* Рѣчь на панихидѣ при поминаніи генерала Д. Ф. Трепова въ Историческомъ музеѣ, предъ началомъ чтеній для рабочихъ 3 сентября 1906 года.

всякое просвѣщеніе душъ во спасеніе. Есть наука, которая, подобно зимнему солнцу, свѣтитъ, да не грѣетъ. Есть наука, которая, не опираясь на нравственное преобразование человѣка, подобна острому ножу и усовершенствованному орудію въ рукахъ злодѣя. И есть наука, освѣщенная высшимъ свѣтомъ вѣры, согрѣтая огнемъ святой религіи; она созидаетъ жизнь.

Долго народъ живетъ, руководясь въ жизни только преданіемъ. По преданію онъ получаетъ религіозные и нравственные устои жизни, по преданію онъ хранитъ инстинктивную вѣрность созданнымъ встарь формамъ жизни, которыя, можетъ-быть, при отвлеченномъ сужденіи и имѣютъ недостатки, но для даннаго народа, для даннаго времени и для данныхъ условій незамѣнимы. Но вотъ наступаетъ время, когда противъ такого устойчиваго преданія поднимается буря, и почва подъ нимъ колеблется. Тогда то, что было лишь чувствомъ, инстинктомъ и преданіемъ, надо закрѣпить и утвердить сознаніемъ, надо защитить противъ напора враждебныхъ силъ. Русское народное государственное и общественное міровоззрѣніе не боится никакого свѣта знанія; оно покоится не только на твердыхъ религіозно-нравственныхъ началахъ, но и оправдано серьезною наукой. Дать возможность уяснить и укрѣпить такое міровоззрѣніе—значитъ дать твердый устой жизни, и если гдѣ, то именно въ Москвѣ, среди великаго множества рабочаго русскаго люда, достойно и праведно было создать такое именно просвѣтительное и высоко-патріотическое начинаніе.

Покойный Димитрій Федоровичъ это и сдѣлалъ... Онъ создалъ дѣло, которому должны подражать всѣ города Россіи. И такое дѣло должны назвать и признать добрымъ всѣ честные и мыслящіе люди, къ какому бы лагерю общественному и государственному они ни принадлежали. Ибо добро—всегда добро. Но предубѣжденіе и партійная узость, но упорство озлобленія и невѣжество могутъ и бѣлое назвать чернымъ.

Удивительно ли послѣ этого, что, при вѣсти о неожиданной смерти Димитрія Федоровича, у многихъ сдвинуть сердца опасеніемъ за судьбу нашего просвѣтительнаго дѣла? Удивительно ли, что среди рабочихъ, такъ долго пользовавшихся чтеніями, печальная вѣсть вызвала немедленно желаніе сего-

дня же, именно здѣсь и предъ началомъ чтеній, помолитесь объ упокоеніи безвременно скончавшагося?

Да, любовь и благодарность разрѣшаются въ молитву. И вознося ее къ престолу Бога Правды и Милости, видя плоды и теченіе добраго дѣла, которому служилъ покойный, развѣ не найдемъ мы въ этомъ залогъ свѣтлыхъ и отрадныхъ о немъ чаяній? Апостолье заповѣдуетъ смотрѣть на то, на какомъ кто основаніи строитъ: на основаніи золота, серебра, каменія многоцѣннаго, или дерева, сѣна, соломы; огонь испытаетъ дѣло каждаго; у одного оно сгоритъ, у другого во вѣкъ останется (1 Кор. III, 10—14). Сѣющій въ плоть отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную (Гал. VI, 8).

Дѣло просвѣтительное, которому служилъ покойный, конечно, было сѣяніемъ въ духъ и вѣчность; оно было построено на основаніи, которому огненное испытаніе не страшно.

Да будетъ же ему отраднымъ удѣломъ вѣчность, въ которую онъ вступилъ. И жизнь непрестанной тревоги, выпавшая ему въ послѣдніе годы на долю, жизнь, не вѣдавшая покоя, вся въ ожиданіи ежечасной смерти,—да обрѣтетъ вѣчный покой на лонѣ Божіей Милости и Божіей Правды... Аминь.

Трудъ мирный, благословенный.*

Прекрасная картина мирнаго труда изображена предъ нами въ слышанномъ сегодня евангельскомъ чтеніи. Двѣ лодки стоятъ у озера; рыболовы, вышедши изъ нихъ, вымываютъ сѣти. Но трудъ ихъ не озлобляющій, трудъ ихъ не подавляетъ духовныхъ запросовъ, высокихъ стремленій. Подходить къ рыбакамъ Спаситель; народъ тѣснить Его, желая слушать слово Божіе, и Спаситель входитъ въ лодку, отпиливаетъ немного

* Поученіе въ недѣлю 18-ю.

отъ берега и, сѣдши, учить народъ изъ лодки. Слушаетъ народъ, слушаютъ рыболовы, прекрасная картина человѣческаго труда смѣняется еще болѣе дивною картиною человѣческой жажды познанія истины небесной. Это духовное настроеніе, эта пламенѣющая и никогда не угасающая вѣра и потребность общенія съ Богомъ, познанія Его слова,—все это даетъ смыслъ и труду, поднимаетъ его надъ трудомъ животнымъ и дѣлаетъ истинно-человѣческимъ. Такой трудъ не озлобляетъ, а созидаетъ человѣка. Пусть не сразу и не всегда видны будутъ плоды труда, пусть постигаютъ трудящагося неудачи: онъ не впадаетъ ни въ злобу, ни въ отчаяніе. Вотъ пересталъ Спаситель учить народъ и говорить Симону: „отплыви на глубину; закиньте сѣти для лова“. Симонъ говоритъ Ему въ отвѣтъ: „Наставникъ, мы трудились цѣлую ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сѣть“. Итакъ, полная неудача постигла тяжкій трудъ цѣлой безсонной ночи. Но ни тѣни ропота, ни тѣни озлобленія не слышно въ словахъ Симона. Послушно исполняетъ онъ слово Божественнаго Наставника, и что же? „Поймали они великое множество рыбы, и даже сѣть у нихъ прорывалась“.

О, куда, куда сокрылись и отошли отъ насъ картины мирнаго и терпѣливаго труда, прерываемаго молитвою,—труда не озлобляющаго, а созидающаго души?! Ни о чемъ теперь такъ много не говорятъ, какъ о трудѣ. Ни о чемъ такъ не заботятся, какъ объ упорядоченіи труда, объ его продолжительности, о платѣ за трудъ... Но съ какою злобою говорятъ и тѣ, которые дѣйствительно трудятся, и тѣ, которые о трудѣ только красно говорятъ, слѣдуя модѣ или домогаясь человѣческой похвалы! Сколько споровъ, сколько разсужденій! И думается всѣмъ тѣмъ, которые безъ конца говорятъ и пишутъ о трудѣ, что стоитъ лишь добиться опредѣленнаго количества часовъ труда, хорошей платы за него, и наступитъ счастье людей, и всѣ будутъ довольны. А между тѣмъ, годъ отъ году мы видимъ, что говорящіе такъ много о трудѣ стараются лишь о томъ, чтобы сократить его,—значить, настоящей то любви къ труду здѣсь нѣтъ; а между тѣмъ, мы видимъ, что трудъ все больше и больше озлобляетъ рабочаго человѣка, и онъ съ не-

ненавистью относится и къ работѣ, и къ хозяину, и къ инструментамъ, и къ фабрикѣ.

Братіе! Трудъ данъ и заповѣданъ человѣку, какъ птицѣ крылья и способность летанія; онъ необходимъ ему, какъ воздухъ. Но есть трудъ животнаго, и есть трудъ разумнаго существа. Животное работаетъ по принужденію, по страху, изъза побоевъ. И, конечно, трудъ для него ненавистенъ. И человѣкъ, если онъ по тѣмъ же побужденіямъ трудится и съ ненавистью къ труду относится, не выше животнаго. Но когда трудъ освѣщенъ мыслью, когда въ немъ участвуютъ сердце и умъ, когда онъ не заглушаетъ запросовъ души и смѣняется молитвою, когда трудъ совершается во имя Бога и ради ближнихъ терпѣливо, въ любви и смиреніи, то онъ уже не тяготитъ человѣка, не носится, какъ тяжкое и ненавистное бремя, онъ не озлобляетъ, онъ укрѣпляетъ и тѣлесныя и душевныя силы человѣка. Посмотрите, даже въ мірѣ животныхъ любовь сразу измѣняетъ трудъ. Какъ хлопотливо и неустанно птичка носить соломку для гнѣзда! Какъ день-деньской достаетъ она пищу для своихъ птенчиковъ! Считаетъ ли она часы работы, тяготитъ ли ее трудъ?

А у человѣка развѣ область любви не шире, чѣмъ у неразумной птицы? Нѣтъ, у него еще есть разумъ, у него еще есть чувство горячее и глубокое, и онъ можетъ и долженъ нести трудъ свой разумно и любовно. Отчего у насъ столько недовольства въ трудѣ, отчего столько въ немъ нечестности и обмана? Отчего столько лѣни, что чуть кто среди рабочихъ заговоритъ о забастовкѣ, сразу столько любителей бездѣлья отсылаются на этотъ призывъ? Отчего, однако, мать не забастуетъ кормить своего ребенка, и ночь не спитъ, и день работаетъ, и часовъ труда не считаетъ? Отчего крестьянинъ, обрабатывая свое поле, свою ниву-кормилицу въ страдную пору лѣтнюю, не забастуетъ и не броситъ работы?

Оттого, что въ одномъ случаѣ положена въ основу труда любовь къ нему и любовь къ семьѣ, а въ другомъ случаѣ—только зависть къ ближнему, ненависть къ чужому добру, а часто—лѣнь и нечестность. Оттого, что наши рабочіе и ремесленники всю цѣль труда полагаютъ только въ исканіи средствъ

къ жизни, и какой жизни? Состоящей въ разгулѣ, въ нечистыхъ удовольствіяхъ и въ праздномъ существованіи. Оттого, что трудъ не чередуется съ молитвою, совершается и заканчивается безъ мысли о Богѣ, о душѣ, о спасеніи. Изнурительный трудъ, потомъ пьянство, а то и развратъ, опять трудъ съ тяжелой головой и отравленной кровью, и опять потомъ пьянство: что же удивительнаго, если тогда совсѣмъ засыпають въ чело-вѣкѣ мысль, душа и сердце, и трудъ его обращается въ не-носное бремя и вызываетъ только безплодныя жалобы, ропотъ и безумныя бунты съ разорительными забастовками? Что же удивительнаго, если такой трудъ полонъ неудачъ, а каждая неудача, при отсутствіи любви, терпѣнія и смиренія, родить только одну злобу? Что же удивительнаго, если такой трудъ обращаетъ чело-вѣка въ животное и вызываетъ въ немъ звѣриныя чувства?

Посмотри, христіанинъ, на Спасителя: Онъ до 30 лѣтъ трудился надъ простою работою плотника. Посмотри на апо-столовъ: ихъ нашель Спаситель не въ средѣ безопасныхъ и бездѣльныхъ, а въ средѣ трудящихся людей и призвалъ къ новому величайшему труду апостольства прямо отъ рыбацьихъ лодокъ, отъ починки сѣтей, отъ ежедневной работы. Но эта работа не убивала и не принижала ихъ духа, не дѣлала черствымъ ихъ сердце: и душа, и сердце радостно отзывались у такихъ работниковъ на слова благовѣстія Христова и на призывъ идти за Христомъ на новый трудъ, на новый под-вигъ, впереди котораго имъ не обѣщано было ничего, кромѣ мученичества.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призывай всегда Божіе благословеніе на твой жизненный трудъ!

И если будешь нести трудъ твой въ терпѣніи, любви и смиреніи, то онъ послужитъ тебѣ въ созиданіе твоего блага тѣлеснаго и душевнаго; тогда и къ тебѣ придетъ на зовъ души твоей Господь, и мрежи труда твоего исполнятся до-виты! Аминь.

Добродѣтель житейская и добродѣтель христіанская.*

И будете сынами Всевышняго (Лук. VI, 35).

Въ жизни нерѣдко наблюдаемъ, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же дѣйствіе могутъ имѣть различное значеніе, смотря по тому, служатъ ли они добру или злу. Такъ лѣкарство, состоящее изъ ядовитаго вещества, въ маломъ количествѣ и по указанію врача отпущенное нашему болящему ближнему, принесетъ ему облегченіе и здоровье. Но то же лѣкарство, съ злымъ умысломъ и въ большемъ количествѣ данное ближнему, принесетъ ему отраву и смерть. Такъ и острый ножъ въ рукахъ врача служить для спасительной операціи больного, въ рукахъ сапожнаго мастера—для его ремесла, которымъ онъ кормитъ жену и дѣтей, а въ рукахъ разбойника—это орудіе грабежа и убійства. Ясно, что нельзя судить обо всемъ по внѣшности. Нужно смотрѣть въ человѣкѣ во всемъ его дѣлѣ на внутреннее расположеніе сердца. Не станемъ съ этой точки зрѣнія судить другихъ, это—дѣло Божіе, но сами себя мы обязаны провѣрять именно такою провѣркою; объ этой-то провѣркѣ и говорить намъ нынѣ читанное въ церкви святое евангеліе.

Краткое нынѣ евангельское чтеніе, но какъ много въ немъ сказано! Оно охватываетъ рѣшительно всю жизнь человѣка и даетъ ей настоящую христіанскую оцѣнку.

„Если вы,—говоритъ Спаситель,—любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ“. Значитъ, въ такой любви нѣтъ ничего особеннаго, нѣтъ нравственной заслуги. Между тѣмъ, какъ часто мы и предъ своею совѣстью и предъ другими людьми выставлемъ именно такую любовь, забывая, что даже и въ мірѣ животныхъ любовь самца къ самкѣ, любовь самки къ дѣтенышамъ—вовсе не рѣдкое явленіе.

* Поученіе въ ведѣлю 19-ю.

„Если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность?“ И вправду, здѣсь не нравственно высокая добродѣтель, а часто простой расчетъ: сдѣлать добро другому, чтобы и онъ также добро мнѣ сдѣлалъ.

„И если займы даете, отъ кого надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность?“ И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не ясно, что здѣсь предъ нами не нравственно-высокій подвигъ самопожертвованія ради любви, а просто житейское благоразуміе и самый обыкновенный расчетъ, особенно если отдать займы, значить—получить обратно съ излишкомъ, т. е. съ процентами.

Не такой добродѣтели требуетъ Спаситель отъ насъ, Своихъ учениковъ и послѣдователей: „Любите враговъ вашихъ, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего“. Пусть добро, которое мы дѣлаемъ, будетъ совершенно безкорыстно, пусть оно не опирается ни на какія земныя выгоды, побужденія и награды. То вѣрю, что быть добродѣтельнымъ и благочестивымъ—это самое лучшее средство къ достиженію и земного благополучія, къ устроенію добрыхъ отношеній съ людьми. И несомнѣнно, объ этомъ очень и очень часто намъ говорятъ, и говорятъ совершенно справедливо. Но не въ этомъ главное. Если бы это и не было такъ, если бы благочестіе несло за собою одни гоненія, неблагодарный день и невозможныя страданія, все равно христіанинъ и тогда не долженъ ослабѣвать въ добрѣ. Онъ не наемникъ въ добродѣтели. Наемникъ хорошъ, пока знаетъ, что ему будетъ дана хорошая плата; наемная кормилица и няня, ухаживающая за ребенкомъ за деньги, потомъ уходятъ къ другому, третьему хозяину и забываютъ о первомъ ребенкѣ. Но развѣ такъ ухаживаетъ за родимымъ дѣтищемъ мать? Развѣ можно купить за деньги материнскую любовь?

То же самое, братіе, и въ христіанской добродѣтели. Закону Божію, заповѣдямъ евангельскимъ христіанинъ служить не за страхъ, не за корысть, а за совѣсть и за любовь. Есть у христіанина и высшій Образъ для его служенія добру, и высшая помощь, и высшее побужденіе: „Будете,—говоритъ Спаситель,—сынами Всевышняго; будьте милосерды, какъ Отецъ

вашъ милосердѣ“. Господь по любви создалъ этотъ прекрасный міръ, въ которомъ мы живемъ; особую любовь Свою Онъ излилъ на человѣка, какъ на царя творенія. Но люди уклонились въ грѣхъ и нечести, но люди оказались неблагодарными Творцу Своему. Что же Господь? Прекратилъ ли Онъ попеченіе о мірѣ, прекратилъ ли Онъ токъ Своей любви безконечной? Правда Его, конечно, восторжествуетъ во всей силѣ, и судъ Его постигнетъ зло и злыхъ. Но любовь Его неколеблема. Попрежнему Онъ солнце Свое сіяетъ на добрыхъ и злыхъ, попрежнему Онъ посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Онъ благъ къ неблагодарнымъ и злымъ.

Пусть и тебѣ, христіанинъ, на добро люди отвѣчаютъ зломъ, пусть на твои жертвы и труды отвѣчаютъ неблагодарностью, пусть за взятое взаймы не отдають обратно: зло чужое не должно подавить и побѣдить твоего добра, твоей любви, твоего желанія быть сыномъ Всевышняго и Милосердаго Отца. Знаемъ, что это трудно: трудно, однако же, возможно. Знаемъ, что любить врага, какъ говорятъ, даже и невозможно: но невозможное отъ человѣка, возможно у Бога. Это—нравственное, духовное чудо много, много разъ осуществлялось въ христіанствѣ. Да, человѣку естественному, не облагодатствованному, не познавшему Христа, не ищущему Его помощи, все это невозможно; ему возможно только то, что легко, что доступно и дается безъ труда. Поэтому и Спаситель говорить, что язычники и грѣшники любятъ любящихъ ихъ, дѣлають добро тѣмъ, кто имъ дѣлаетъ добро, и взаймы дають тѣмъ, отъ кого надѣются получить обратно. Но если нравственность христіанская не выше языческой, въ чемъ же ея существо и въ чемъ превосходство?

Тогда зачѣмъ было и Сыну Божію сходить на землю и ученіемъ Своимъ открыть всю волю Божію, а искупленіемъ примирить человѣка съ Богомъ и даровать ему всѣ божественныя силы къ жизни и благочестію? Тогда зачѣмъ и намъ называться христіанами?

Но на примѣрѣ воплощеннаго Сына Божія мы видѣли всю полноту добра и любви безконечной, молившейся на крестѣ за враговъ. А на примѣрѣ безчисленныхъ послѣдователей

Христовыхъ, такихъ же людей, какъ мы, съ нашими обыкновенными силами,—на примѣрѣ апостоловъ, мучениковъ, подвижниковъ, множества святыхъ, жившихъ во всѣхъ положеніяхъ земной жизни, въ богатствѣ и бѣдности, во власти и безвластїи, въ семьѣ и обществѣ, въ мирѣ и въ обителяхъ,—мы видѣли и видимъ, какъ исполнялся при помощи благодати Божіей тотъ евангельскій вѣковѣчный законъ христіанской, а не житейской языческой добродѣтели, о которомъ сегодня учить насъ святое евангеліе.

И много тѣхъ, которые желали быть сынами Всевышняго, вошли въ Его вѣчныя обители, и много тѣхъ, которые стремились къ подражанію Отцу Небесному, Милосердому, блаженствуютъ въ лонѣ Его вѣчной любви. Вслѣдъ за Христомъ и евангеліемъ они зовутъ насъ на этотъ путь жизни.

Святые призывы да не будутъ безотвѣтны! Аминь.

Патріотическое служеніе русскаго духовенства.*

Завѣты святителя Алексія.

Въ совершенно необычной обстановкѣ и въ особо знаменательномъ собраніи совершаемъ мы нынѣ это молитвословіе о Царѣ и Сынѣ Царевомъ. Среди людей, открыто, мужественно и самоотверженно, иногда съ опасностью для чести и даже жизни своей, выставляющихъ, какъ знамя жизни и дѣятельности, преданность Церкви Христовой, родинѣ и Царю, мы встрѣчаемъ нынѣшній церковно-гражданскій праздникъ. Какъ отрадно совершителю богослуженія вознести молитву о Царѣ и царствѣ среди людей искреннихъ, единомышленныхъ, участвующихъ въ богослуженіи не тѣломъ только, но и духомъ.

* Рѣчь въ день тезоименитства Государа Наслѣдника Цесаревича; сказана 5 октября 1906 г. на молебствїи въ присутствїи членовъ 3-го Всероссийскаго съѣзда русскихъ людей въ гор. Кіевѣ.

не за страхъ, а за совѣсть, не по долгу внѣшнему и принудительному, а по внутреннему влеченію сердца! Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь-то и мѣсто указать отрадныя утѣшенія русскимъ людямъ и глубоко назидательные уроки, которые на сердца боголюбивыя и царелюбивыя должны пасть, какъ роса на землю жаждущую.

Вы стоите за вѣру православную.

Но вотъ предъ вами живой образъ религіозной ревности и преданности истинѣ православія въ лицѣ святителя Алексія, митрополита Московскаго, память котораго сегодня празднуетъ св. Церковь; имя его носить и небесному покровительству его ввѣренъ нынѣшній нашъ Царственный Именинникъ. Сынъ боярина, изъ богатаго дома, съ заманчивымъ будущимъ въ смыслѣ житейскихъ успѣховъ, онъ оставляетъ съ молодыхъ лѣтъ міръ и отдается всецѣло подвигамъ вѣры и служенію Церкви. Перстъ Божій возвелъ его на митрополичій престолъ всея Руси. И въ этомъ званіи святитель не зналъ усталости въ трудахъ. Дважды по дѣламъ Церкви онъ совершаетъ тяжелое путешествіе въ Царьградъ, переписываетъ своею рукой и исправляетъ переводъ богослужебныхъ книгъ, устраиваетъ митрополію, вводитъ порядокъ въ церковномъ управленіи, пишетъ посланія, воздвигаетъ храмы, созидаетъ обители. Это онъ былъ другомъ великаго игумена земли русской—преподобнаго Сергія; онъ упорядочилъ наше монашество; это онъ своимъ вліяніемъ на хановъ татарскихъ, поработителей Россіи, въ дни господства нашихъ враговъ добился того, что Церковь православная осталась и объявлена была ханами неприкосновенною, первенствующею и господствующею, свободою въ своей жизни и въ распоряженіи своими имуществами,—добился того, чего теперь хотѣли лишитъ ее свои, русскіе, домашніе воры и насильники, якобы отъ имени русскаго народа.

И онъ же, святитель Алексій, завѣщалъ намъ, русскимъ людямъ, въ трогательно простыхъ выраженіяхъ хранить единеніе и миръ *въ общеніи церковномъ*. „Други,—говоритъ онъ,—берегите молитву церковную. Какъ нельзя согрѣть домъ однимъ дымомъ безъ огня, такъ нельзя остаться съ одною молитвою домашнею безъ церковной“. „Что холоднѣе и бездушнѣе камня?

Но если и камни ударить одинъ о другой, то они согрѣются и изъ нихъ посыпятся искры. То же и въ церковномъ общеніи. Вотъ намъ урокъ единенія, мира и любви взаимной,—урокъ, русскимъ православнымъ людямъ теперь столь необходимый. Все, что насъ раздѣлитъ и разъединитъ, всё, кто насъ раздѣлитъ,—все раздорническое не благословенно.

Вы стоите за Царя, вы благоговѣнно храните чувства и долгъ вѣрноподданства.

И въ этомъ намъ образъ—святитель Алексій. Дорогъ Царь для русскаго народа, и потому, конечно, дорогъ для него и первородный Сынъ Царевъ, живая надежда будущаго, залогъ сохраненія Царскаго рода, залогъ того, что по смерти царствующаго Государя царство не омрачится кровавыми спорами и раздорами изъ-за престолонаслѣдія. О, знаетъ Россія эти тяжкія времена, эти раздоры изъ-за великаго княженія, когда не было яснаго закона наслѣдованія престола!

Святитель Алексій и благословилъ тотъ именно порядокъ наслѣдованія престола отъ отца къ старшему сыну (а не старшему въ родѣ), который съ теченіемъ времени далъ Россіи прекращеніе междоусобицъ послѣ смерти каждаго великаго князя; его дорогую подпись мы видимъ на этомъ актѣ громадной государственной важности.

Князь Димитрій Ивановичъ, будущій герой Донской, былъ ребенкомъ. Но митрополитъ всея Руси Алексій хранилъ свято вѣрность и ребенку—законному Государю; онъ заботливо его пѣствовалъ, охранялъ его отъ злыхъ вліяній, воспиталъ въ немъ будущаго спасителя отечества. Новый порядокъ престолонаслѣдованія только что возникъ; князья удѣльные не хотѣли его признавать; при малолѣтнемъ великомъ князѣ они попрежнему тянули врозь и грабили землю русскую. И самъ митрополитъ, который принималъ самое близкое участіе въ дѣлахъ государственныхъ, который при множествѣ князей былъ одинъ, какъ митрополитъ всея Руси, могъ бы воспользоваться положеніемъ и сосредоточить власть въ своихъ рукахъ. Но святитель не только самъ хранилъ вѣрность ребенку-Государю, но и пасомыхъ приводилъ къ тому же; словомъ архипастырскаго поученія, грозою отлученія отъ Церкви онъ смирялъ мятеж-

ныхъ князей и сберегъ власть законнаго Государя, положилъ сѣмена единодержавія и самодержавія на Руси.

Вы стоите за русскую народность; вы отстаиваете Россію для русскихъ; вы всё—горячіе патриоты.

Святой патриотъ передъ вами—святитель Алексій. Для величія русскаго народа въ годину его униженія подъ игомъ татаръ онъ работалъ всю жизнь, участвуя и въ дѣлахъ государственныхъ, и въ дѣлахъ церковныхъ. Онъ не дожидь до радости пораженія враговъ на полѣ Куликовомъ, но онъ ее видѣлъ духовными очами, онъ подготовилъ эту радость и, можно сказать, руками и устами преподобнаго Сергія онъ благословлялъ Димитрія Донскаго на брань. Ради русскаго народа три раза онъ ѣздилъ въ Орду, отвратилъ гнѣвъ хана отъ русской земли, отвратилъ усиленную дань и разореніе ея и страшную войну; ради спасенія Руси отъ разгрома инородцевъ онъ способствовалъ укрѣпленію власти великаго князя; ради русскаго народа онъ несъ всё труды и невгоды жизни. По его завѣту нынѣ вмѣстѣ съ нимъ ублажаемый другой святитель Всероссійскій, митрополитъ Іона, писалъ русскимъ людямъ предъ рѣшительною борьбою съ татарами: „Кому случится умереть на той брани, тѣ, подобно древнимъ мученикамъ, примутъ отъ Христа вѣнецъ за подвигъ мученія“.

Въ дѣятельности святителя Алексія трудно различить, гдѣ чисто-церковная его работа, и гдѣ государственная. Но русскій народъ не осудилъ за это святителя; но Церковь русская не задумалась прославить его во святыхъ. Такъ искони повелось на Руси: русскіе люди созидали царство Божіе прежде всего, и это считали цѣлью, а на царство земное, на нарядъ государственный они смотрѣли, какъ на средство для достиженія цѣли, и старались, чтобы средство это было достойно и прилично для цѣли, было сильно и дѣйственно. Кто хотѣлъ бы на Руси раздѣлить Церковь отъ государства, тотъ уподобился бы человѣку, который пожелалъ раздѣлить въ живомъ тѣлѣ мясо и жилы отъ костей.

Духовный образъ святителя Алексія и съ нимъ вмѣстѣ нынѣ ублажаемыхъ святителей Московскихъ Петра и Іоны—это великое назиданіе въ наши дни и прежде всего намъ,

пастырямъ Церкви. Совершенно вѣрно то, что духовенству должно быть строжайше воспрещено всякое политиканство. Оно словомъ Божиимъ, присягою и долгомъ своего званія и ежедневною молитвою призвано приносить моленія, прошенія, благодаренія за вся челоуѣки, за Царя и за вся, иже во власть суть. Посему для служителей русской Церкви, волею Царя нынѣ призванныхъ къ участию въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, путь жизни, правило слова пастырскаго и образъ поведенія въ жизни чисто-государственной—совершенно ясны: они призваны поддерживать православную вѣру, власть Государя и жизненные интересы родного русскаго народа. *Это—не политика духовенства*; это—его религіозный и патріотическій долгъ; это—завѣтъ первоіерарховъ русскихъ и угодниковъ: святителей Петра, Алексія, Іоны, Филиппа, преподобнаго Сергія; это—завѣты великихъ патріотовъ-страдальцевъ: Іова, въ вѣкъ незабвеннаго Гермогена и Авраамія Палицына.

Память же лжепатріарха Игнатія проклята въ народѣ... Посему все, что не религіозно, не народно, не патріотично,—все, что хотя бы косвенно склонно поддерживать такія теченія жизни, которыя дѣйствуютъ въ подрывъ и ослабленіе силы и чести православной Церкви, въ умаленіе власти Царя, утверждающаго эту власть свою на религіозно-нравственномъ христіанскомъ началѣ, а не на языческомъ правовомъ, и въ подрывъ силы, значенія и правъ русскаго народа въ его царствѣ,—все такое и всѣ такіе должны покинуть ряды служителей Церкви, уйти изъ ея священной дружины, не смущать боголюбиваго и царелюбиваго народа русскаго своимъ предательствомъ, измѣною долгу, лицемѣріемъ, или хотя бы даже только попустительствомъ злу. Нѣтъ въ мірѣ болѣе народнаго духовенства, какъ въ Россіи. Такимъ его сдѣлала исторія.

Нужно ли еще слово о томъ, что высказанное есть урокъ, назиданіе и долгъ для всякаго русскаго челоуѣка? Но думается, что слово само собою вамъ и слышимо, и понятно. Ваше присутствие здѣсь—тому доказательство.

Пусть же нынѣ укрѣплятся и освящаются въ насъ молитвою наши религіозно-патріотическія убѣжденія, и пусть они, распространяясь все шире и шире, въ глубь сознанія русскаго

народа, принесутъ плодъ многій въ жизни нашей родины! Тогда исполнится недавно сказанное слово и желаніе нашего Государя: въ часъ, когда Онъ, какъ смертный человѣкъ, по волѣ Божіей отойдетъ смертнымъ исходомъ въ путь всея земли, Онъ передастъ Своему Первородному Сыну-Наслѣднику царство мирное, упрямоченное, могучее.

Боже! Судь Твой Царевѣ даждь и правду Твою Сыну Цареву! Да возрастаетъ Царственный Отрокъ отъ силы въ силу, исполняяся премудрости, и да будетъ въ любви у Бога и человѣковъ! Аминь.

Не бойся, только вѣруй.*

Какъ широка область вѣры въ жизни человѣка и какъ неизмѣримо ея значеніе! Одинъ изъ вдумчивыхъ и благочестивыхъ писателей, чтобы показать силу вѣры, приводитъ самый простой примѣръ, взятый изъ обычной жизни. Всякій человѣкъ легко пройдетъ въ комнатѣ по одной половицѣ, по одной доскѣ пола; но перекиньте эту доску чрезъ пропасть, прибавьте къ ней еще двѣ или три,—и тотъ же человѣкъ уже не рѣшится пройти по доскѣ, а если пойдетъ, то упадетъ и погибнетъ. Въ чемъ тутъ тайна? Въ присутствіи и отсутствіи вѣры въ себя и свои силы. Какъ только этой вѣры нѣтъ, всякое, самое простое и легкое дѣло валится у насъ изъ рукъ.

Расширьте и углубите эту мысль; перенесите ее отъ простыхъ и обыденныхъ вещей ко всему объему человѣческой дѣятельности, и вы увидите, какъ губительно всякое невѣріе, всякое колебаніе. Нужно ли говорить послѣ этого о той области, въ которой вѣра есть дыханіе жизни, начало и конецъ, т.-е. объ области религіозной? Евангельское чтеніе нынѣшняго

* Поученіе въ недѣлю 24-ю.

воскреснаго дня даетъ намъ два примѣра вѣры и два наставленія о вѣрѣ нашего Спасителя. Къ Иисусу Христу подходитъ Іаиръ, начальникъ синагоги, и проситъ исцѣлить его умирающую дочь—единственное его дѣтище; скорбный отецъ упалъ къ ногамъ Иисуса, онъ молить, онъ проситъ отъ всего сердца о милости, онъ торопитъ Божественнаго Чудотворца поскорѣе войти въ домъ къ болящей и умирающей. Спаситель идетъ на призывъ мольбы и скорби, но на пути Его задерживаетъ народъ, задерживаетъ больная кровотеченіемъ женщина, которая въ молчаливой скорби, въ болѣзни, о которой стыдилась повѣдать предъ всѣми, съ горячею вѣрою безмолвно только коснулась края ризы Христовой и получила исцѣленіе.

Можно представить себѣ, какъ мучительна была для Іаира эта задержка на пути Иисуса Христа, какъ онъ мучился, какъ онъ ждалъ, чтобы поскорѣе пришелъ въ его домъ Спаситель. Въ этомъ смятеніи чувствъ онъ слышитъ извѣстіе: „умерла твоя дочь; не безпокой Учителя“. И вотъ, когда вѣра Іаира, несмотря на только-что совершившееся чудо исцѣленія женщины, заколебалась, надъ нимъ раздается ободряющее слово Господа: „не бойся, только вѣруй, и спасена будетъ“. А женщина, въ отвѣтъ на ея всенародно повѣданный рассказъ о томъ, какъ оправдалась и исполнилась ея вѣра, тотъ же Спаситель изрекъ иное слово, слово похвалы и утѣшенія: „держай, дщерь! вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ!“

Братъ-христіанинъ! Какъ часто у насъ искушается и готова колебаться вѣра! Какъ часто, при видѣ препятствій, неудачъ, неожиданныхъ противодѣйствій, мы готовы отчаяться за успѣхъ дѣла, къ которому приставлены, которому служимъ! Пусть же слышится тебѣ всегда и вездѣ святое, ободряющее слово евангелія: „не бойся, только вѣруй!“

Ты—начальникъ; ты трудишься, не покладая рукъ, ты во всемъ дѣйствуешь, желая блага обществу и отечеству; но тебя не понимаютъ, тебѣ во всемъ мѣшаютъ, въ добрыя намѣренія твои не вѣрятъ, все перетолковываютъ, вездѣ оказываютъ тебѣ неповинованіе, и даже тобою облагодѣтельствованные больше всего возстаютъ на тебя... Не бойся, только вѣруй! Не отчаивайся, не бросай служенія правдѣ, придетъ время—и

плоды твоей службы и работы скажутся добромъ и пользою для людей!

Ты—подчиненный; ты свято и въ смиреніи исполняешь твой скромный долгъ; но тебя презирають, тебѣ не оказываютъ вниманія; иные, худшіе тебя, проходятъ впередъ за деньги, по ходатайству сильныхъ міра, за лесть и ложь, ты же въ тѣни и даже терпишь незаслуженныя преслѣдованія отъ начальства... Не бойся, только вѣруй! Не озлобляйся. не отходи отъ правды и долга, не вступай въ борьбу со зломъ посредствомъ зла; терпѣливымъ и настойчивымъ исполненіемъ долга, непоколебимою вѣрностью чести и правдѣ, работая предъ Богомъ и совѣстью, а не предъ людьми, ты вѣрно придешь къ самой высокой наградѣ: къ чистой совѣсти и похвалѣ отъ Бога.

Пастырь видитъ, что его молитва въ храмѣ, слово поученія, голосъ любви и мольбы объ исправленіи жизни не слышится пасомыми; блюститель правды ужасается при видѣ торжествующаго порока, противъ котораго не слышно голоса суда; труженикъ, работающій честно и добросовѣстно, работающій весь вѣкъ, терзается бѣдностью и недостатками; больной видитъ полную неудачу лѣченія, которое отнимаетъ у него и у семьи столько средствъ... Мало ли на свѣтѣ страданій? Что же тяжелѣе душевныхъ страданій христіанина, который любитъ добро и святость, стремится душою жить по евангелію и закону Божію, а самъ по слабости воли все грѣшитъ и грѣшитъ, раскаивается и снова падаетъ, плачетъ о грѣхѣ и опять отдается во власть его? Кто изъ насъ не испытывалъ этой муки самообвиненія, самобичеванія?

И все-таки каждому изъ этихъ страдающихъ готово слово, единственное слово ободренія: не бойся, только вѣруй! Пусть только это слово пройдетъ въ душу, пусть вѣра станетъ настоящей, горячей, усердной, молитвенной,—и эта вѣра и молитва привлекутъ силу высшую, силу небесную, силу Божію. Съ такою силою человекъ можетъ повторять всегда увѣреніе апостола: „все могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ“. Чудо свершится, чудо вѣчно свершается: безсильный становится могучимъ, несчастный и обездоленный—терпѣливымъ и муже-

ственнымъ, колеблющійся—твердымъ и увѣреннымъ. Самая тяжесть несчастья не только не чувствуется, но является для человѣка сознательною школою для укрѣпленія души, для приобрѣтенія мужества, терпѣнія и всего того, что украшаетъ душу человѣка и дѣлаетъ ее достойною Божьяго благоволенія.

И слышитъ душа христіанская не только слово ободренія Господа: „не бойся, только вѣруй, и спасена будешь“, но и слово сладчайшей хвалы: „вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ!“ Аминь.

Современное лицемеріе.*

Спаситель въ субботу исцѣлилъ страдающую женщину, имѣвшую сухую руку; Онъ возвратилъ несчастной здоровье и возможность честною работою добывать себѣ и близкимъ пропитаніе, быть полезнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества. Но зависть и злоба фарисеевъ нашли и здѣсь поводъ къ обвиненію противъ Чудотворца. Фарисеи, не смѣя отрицать или осудить самое дѣло благодѣянія, нашли, что оно совершенно не тогда, когда это можно и нужно, именно въ субботу, въ день, въ который, по ученію фарисеевъ, слѣдовало воздерживаться отъ всякаго дѣла, даже и отъ дѣла благодѣянія ближнему.

Спаситель здѣсь же, въ синагогѣ, гдѣ совершенно было чудо исцѣленія, обличилъ начальника синагоги за такія разсужденія и назвалъ его *лицемѣромъ*. Лицемеръ этотъ говорилъ не по любви къ празднику, не по ревности къ славѣ Божией: онъ мнимою и показною заботою о благочестіи и храненіи субботы прикрывалъ свою ненависть къ Іисусу Христу; онъ искалъ только повода къ тому, чтобы предъ народомъ

* Поученіе въ недѣлю 27-ю. Предстанл. видоизмѣненіе одного изъ листковъ 1905 г. въ смутные революц. дни.

унизить Иисуса Христа и обвинить Его въ нарушеніи закона. Ибо, если бы онъ дѣйствительно ревновалъ о славѣ Божіей и о благѣ ближнихъ,—а объ этомъ и говоритъ Законъ Божій,—то онъ порадовался бы тому, что въ праздникъ Господень, въ домѣ молитвы, силою свыше, Иисусъ Христосъ, во имя Отца Небеснаго, исцѣлилъ несчастную женщину и сдѣлалъ ее счастливою и довольною.

Страшенъ грѣхъ лицемѣрія! Онъ укореняется въ чело-вѣкѣ постепенно и прочно, онъ крѣпко захватываетъ власть надъ душою чело-вѣка и, самое главное, быстро становится непримѣтнымъ, постояннымъ спутникомъ всѣхъ мыслей и чувствъ, всѣхъ отношеній къ людямъ и событіямъ жизни, такъ-что даже самъ грѣшникъ уже не замѣчаетъ своей неискренности и своей лицемѣрной оцѣнки всего окружающаго. Спаситель сравниваетъ этотъ грѣхъ съ закваскою въ тѣстѣ: когда поднялся и испеченъ хлѣбъ, трудно найти въ немъ эту закваску, а между тѣмъ она, несомнѣнно, въ немъ есть... Берегитесь, говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ, берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе... (Мѡ. VI, 16, 11; Марк. VIII, 15; Лук. XII, 1).

Лицемѣріе можетъ охватывать всю жизнь чело-вѣка, но всего позорнѣе, всего опаснѣе и ужаснѣе, когда оно вторгается въ область религіозную. И нужно сказать, переживаемое нами время особенно богато такимъ именно лицемѣріемъ. Укажемъ примѣры.

Нужно врагамъ родины овладѣть или совсѣмъ уничтожить значеніе присяги; не нравится имъ, что сыны родины, побуждаемые присягою, остаются вѣрными долгу службы и готовы на смерть за Царя и отечество; хочется врагамъ отечества, чтобы сыны его обратились въ измѣнниковъ и предателей. И вотъ раздаются рѣчи о томъ, будто присяга запрещена Иисусомъ Христомъ въ евангеліи, тогда какъ мы хорошо знаемъ изъ того же евангелія, что Иисусъ Христосъ на судѣ въ синедрионѣ, когда первосвященникъ заклиналъ Его Богомъ живымъ и этимъ приводилъ къ присягѣ, Самъ принесъ клятву. Но кто же и почему говоритъ противъ присяги? Вѣрующіе люди? По чувству любви и благоговѣнія къ евангелію? Нѣтъ,

это говорить тѣ, кому и вѣры не нужно, тѣ, которые и евангеліе по своему усмотрѣнію передѣлываютъ. Это говорятъ *лицемѣры*.

Нужно врагамъ родины, преступникамъ противъ закона, избавиться отъ тяжкихъ наказаній, которыя они по достоинству заслужили, за свои страшныя злодѣянія. И вотъ они кричатъ, что наказанія запрещены закономъ Божиимъ, что они противны заповѣдямъ Божиимъ. Они не хотятъ знать, что въ личныхъ отношеніяхъ одного человѣка къ другому безусловно воспрещено христіанину налагать самовольно наказанія на ближняго своего, но власти законной, о которой апостоломъ сказано, что она не напрасно *носитъ мечъ*, это право предоставлено. Но кто же говоритъ противъ наказаній? Люди, дѣйствительно почитающіе евангеліе и заповѣди Божіи? Люди, которые сами гнушаются самоуправствомъ? Нѣтъ, это говорятъ тѣ, которые сами часто насильничаютъ безъ конца, убиваютъ изъ-за угла, которые при грабежахъ денегъ у артельщиковъ, казначеевъ, въ лавкахъ не падаютъ десятками людей неповинныхъ. Себѣ разрѣшая все, они у законной власти отвергаютъ право наказывать злодѣевъ за ихъ непрерывныя злодѣянія. Это самое гнусное и самое отвратительное *лицемѣріе*.

На что оно рассчитано? Развѣ на то, чтобы принести благо и пользу ближнимъ? Нѣтъ, на то, чтобы развязать руки пороку и преступленію!

Чтобы достигнуть цѣли своей, такіе лицемѣры нерѣдко ссылаются на слова Спасителя о любви къ врагамъ и непротивленію злу. Но развѣ Господь нашъ для того приходилъ на землю, чтобы дать злу торжество? Развѣ тому Онъ училъ вѣрующихъ? Развѣ Онъ не обличалъ пороки? Нѣтъ, мы и сегодня въ евангеліи слышали, что Онъ грозно уличилъ начальника синагоги въ лицемѣріи, открылъ предъ всеми его тайныя мысли. Мы знаемъ, что Спаситель нашъ боролся съ грѣхомъ и діаволомъ и за это пострадалъ даже до креста. Онъ и намъ заповѣдалъ такую борьбу, и намъ даровалъ побѣду надъ діаволомъ Своею смертію и воскресеніемъ.

Итакъ, берегись, христіанинъ, слушать лицемѣрныя рѣчи лжесловесниковъ и ихъ указанія на евангеліе. Имъ нужна не

сила и слава евангелія, имъ нужна только своя преступная выгода.

Не можетъ быть двухъ правдъ и двухъ истинъ: одна для себя, а другая для ближнихъ. Зло—всегда зло, и къ себѣ, къ своимъ поступкамъ, къ своему поведенію нужно быть гораздо строже и требовательнѣе, чѣмъ къ поступкамъ другихъ людей. Если кто поступаетъ иначе, тотъ лицемеръ.

Древній мудрецъ говоритъ, что лицемеръ устами своими губить ближняго своего (Прем. XI, 9); слѣдовательно, лицемеріе есть духовное убійство. Страшенъ этотъ грѣхъ предъ Богомъ, и пусть онъ бѣжитъ отъ насъ!

Прямота, искренность и болѣе всего послушаніе Церкви Божіей,—вотъ что дастъ намъ силу и возможность избавить себя отъ искушеній и обмана лицемеровъ и самимъ не впасть въ опасный грѣхъ лицемерія, которое Спаситель обличаетъ такъ грозно въ святомъ евангеліи. Аминь.

Корень всѣхъ несчастій.*

Евангельское чтеніе нынѣшняго воскреснаго дня мы слышимъ за богослуженіями очень часто. Повѣсть объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ мужей и о томъ, какъ только одинъ изъ исцѣленныхъ оказался благодарнымъ и, возвратившись къ Иисусу Христу, воздалъ Ему хвалу, эта святая повѣсть читается предъ нами на каждомъ благодарственномъ молебствіи. Она примѣромъ благодарнаго самарянина учитъ насъ никогда не забывать благодарній Божіихъ къ роду человѣческому; она предупреждаетъ насъ, чтобы мы не впали въ тяжкій грѣхъ неблагодарности къ нашему Благодѣтелю Господу.

* Поученіе въ недѣлю 29-ю.

Но не объ этомъ мы поведемъ сегодня рѣчь. Обратимъ вниманіе на другую сторону евангельскаго разсказа.

Проказа—это страшная болѣзнь, особенно распространенная въ жаркихъ странахъ. Она постепенно разъѣдаетъ тѣло больного; она передается окружающимъ; она дѣлаетъ для человѣка невозможнымъ пребываніе въ средѣ другихъ людей. Но при этомъ человѣкъ попрежнему движется, ходитъ, долго признаетъ себя даже здоровымъ, не чувствуетъ другихъ какихъ-либо недуговъ, не ложится на одръ болѣзненный. Цѣлыми годами постепенно разрушается его тѣло, заражая все кругомъ своимъ гніеніемъ и зловоніемъ, производя въ человѣкѣ страшное уныніе духа и тоску сердечную. Ужасъ болѣзни усиливается сознаніемъ, что больной видитъ неизлѣчимость своего недуга и страшную опасность его для людей здоровыхъ, для лицъ, ему родныхъ и близкихъ. Только чудодѣйственная сила Спасителя даровала исцѣленіе прокаженнымъ, какъ мы видѣли въ евангеліи; только Его милосердіе возвратило имъ жизнь и возможность жить среди людей, не заражая людскаго общества, безъ опасности гибели для ближнихъ.

Но что было бы, если бы нашелся такой человѣкъ, который убѣдилъ бы неисцѣленныхъ прокаженныхъ, что они здоровы, что имъ можно и должно возвратиться въ семью, къ общественной жизни? Болѣзнь у больныхъ, конечно, осталась бы, но здоровые всё отъ нихъ, несомнѣнно, получили бы заразу и погибли.

Братіе! Есть въ людяхъ иная зараза, иное—духовное прокаженное состояніе. Эта проказа заразительная есть *грѣхъ*. И грѣхъ быстро и легко передается всѣмъ окружающимъ; и грѣхъ дѣлаетъ человѣка опаснымъ въ средѣ человѣческаго общества. Грѣхъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ губитъ и поражаетъ нестройніями всю жизнь людей: семейную, общественную, государственную. Страшнѣе всего то, что грѣшникъ часто не только не замѣчаетъ своей духовной болѣзни и проказы, но считаетъ себя совершенно здоровымъ, не только не уклоняется отъ воздѣйствія на другихъ людей, напротивъ, желаетъ взять общественную жизнь подъ свое руководство; не только не считаетъ грѣхъ зломъ и несчастіемъ, но, наоборотъ, грѣхъ

почитаетъ добродѣтелью и счастьемъ. Не подавляя грѣха въ себѣ самомъ, онъ не осуждаетъ его и въ другихъ, умалчиваетъ о немъ, даже восхваляетъ грѣхъ и тѣмъ способствуетъ его укрѣпленію и распространенію.

Присмотритесь къ нашей теперешней жизни. Всѣ теперь сознаютъ, говорятъ и пишутъ, что въ жизни общественной и государственной много нестроений, много безпорядковъ и несчастій, которые грозятъ нашей родинѣ погибелью. И много является учителей, радѣтелей, которые берутся за исправленіе непорядковъ, которые обѣщаютъ водворить счастье и довольство въ нашей жизни. О чемъ они, большею частью, говорятъ? Обо всемъ и о многомъ, кромѣ того единаго, о чемъ больше всего нужно говорить. Они бранятъ правителей; они ищутъ и указываютъ виновныхъ въ нашихъ непорядкахъ; они возбуждаютъ къ нимъ злобу и ненависть; они будятъ зависть къ людямъ богатымъ и стоящимъ высоко въ обществѣ и государствѣ. Объ одномъ они молчатъ: о грѣхѣ человѣческомъ. Молчать о томъ, что мы всѣ, и высоко и низко стоящіе, и богатые и бѣдные, погрязли въ порокахъ, что злоба, ненависть, зависть, возбуждаемая такими радѣтелями общественнаго блага,—это страшные грѣхи, которые не исправятъ жизни, а погубятъ и наполнятъ ее кровью, принесутъ погибель родинѣ; они справедливо говорятъ, что грѣхъ дѣлаетъ людей, стоящихъ у власти, дурными и нечестными, а людей богатыхъ—жестокими и злыми, но они умалчиваютъ о томъ, что тотъ же грѣхъ дѣлаетъ крестьянина пьяницею и лѣнивцемъ, ремесленника—нечестнымъ и неисполнительнымъ, подчиненнаго—грубымъ и ослушникомъ, бѣдняка—завистливымъ, воромъ и погромщикомъ чужого добра. Молчать о томъ, что грѣхъ и порокъ разрастаются со страшною силою, переходятъ, какъ зараза, и нечистымъ гніеніемъ, какъ проказа въ тѣлѣ, поражаютъ всю жизнь нашего народа. Молчать о томъ, что всѣмъ намъ прежде всего нужно очистится душевно, раскаяться въ грѣхахъ, исцѣлиться отъ духовной проказы, что безъ такого исцѣленія—все погубило и ничто не пойдетъ въ прокъ. Что для прокаженнаго прекрасная пища, одежда и жилища? Все равно, это не исцѣлитъ его болѣзни, не порадуетъ его сердца,

не отвратить грядущей гибели. То же самое и для общества людей, погрязшаго во грѣхѣ; надъ нимъ стоитъ вѣчный приговоръ: *нѣтъ радости у нечестиваго...*

Благодареніе Богу, отъ грѣха возможно исцѣленіе. Прокаженныхъ очистила чудодѣйственная сила Спасителя. И насъ отъ грѣха вѣчно исцѣляетъ та же Его чудодѣйственная сила. *Шедше покажитесь священникомъ*, сказалъ Онъ прокаженнымъ. И мы слышимъ отъ Него тотъ же вѣчный голосъ. Пойдемъ же въ Церковь Божію; у нея получимъ указаніе на грѣхъ; отъ нея услышимъ обличеніе и наученіе; она призоветъ насъ къ миру, любви и единенію; она ученіемъ Христа и Его благодатью смягчитъ сердца и властныхъ и подчиненныхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и обидчиковъ и обиженныхъ; она всѣмъ укажетъ, что *корень всѣхъ нашихъ несчастій есть грѣхъ*. И она, властію отъ Бога данною, проститъ намъ грѣхъ и призоветъ къ жизни святой и богоугодной.

Самая опасная—та болѣзнь, которую больной не сознаетъ и не замѣчаетъ. Сознаемъ же прежде всего нашу грѣховность, какъ самую тяжкую нашу болѣзнь и на нее, на борьбу съ грѣхомъ, живущимъ не въ другихъ, а въ себѣ самихъ, обратимъ все наше вниманіе и всѣ духовныя силы!

Мы получимъ очищеніе и прощеніе отъ Спасителя. Но если мы убѣждены, что неблагодарность есть самое низкое свойство низкихъ душъ, то будемъ твердо помнить, что самая черная неблагодарность къ Спасителю, избавившему насъ отъ грѣха, есть новое служеніе наше грѣху и пороку. На языкѣ житейскомъ мы сравниваемъ неблагодарныхъ со свиньей, самымъ нечистымъ домашнимъ животнымъ. И слово Божіе говоритъ намъ, что грѣшникъ очищенный и снова идущій на грѣхъ подобенъ вымытой свиньѣ, которая вновь лѣзетъ въ грязь...

Грѣхъ и порокъ, злоба, гордость и зависть,—вотъ наша грязь, вотъ корень всѣхъ нашихъ несчастій. Правда и святость, миръ, любовь и смиреніе, покаяніе и молитва,—вотъ путь нашего спасенія въ жизни временной и вѣчной! Аминь.

Родство съ Богомъ.*

Книга родства Иисуса Христа... Такъ начинается святое евангеліе. Предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова Церковь предлагаетъ намъ святую повѣсть о предкахъ нашего Спасителя по плоти. Онъ—изъ рода Давидова и Авраамова, какъ объ этомъ предсказывали пророки, по вдохновенію отъ Господа. Онъ—Тотъ Самый Мессія, Христосъ, Избавитель, Спаситель, Котораго ожидали люди въ теченіе тысячелѣтій, стрададая подъ бременемъ грѣха, неся отверженіе отъ Бога, обрекая себя чрезъ грѣхъ духовной смерти. Онъ—Тотъ Самый Мессія, узнать Котораго евреи имѣли полную возможность, ибо писанія пророковъ живописали Его предъ ними, изобразили Его ясными чертами, указали самый родъ Его, происхожденіе, городъ рожденія, время явленія Его въ міръ. Всѣ тѣ, у кого въ душѣ горѣлъ огонь вѣры; всѣ тѣ, кого тяготили грѣхъ; всѣ тѣ, у кого не погасло ожиданіе Избавителя; всѣ тѣ, у кого было послушаніе слову Божію и указанію св. пророковъ; всѣ тѣ, у кого было горячее желаніе узнать всю волю Божію о спасеніи людей, всю правду Божію и милость,—всѣ такіе избранные сыны древняго Израиля могли узнать и дѣйствительно узнали пришедшаго Спасителя, радовались Его явленію, слушали Его слово, пошли за Нимъ, вошли въ Его Церковь и показали другимъ путь къ небу, вѣчности и спасенію.

Обо всемъ этомъ напоминаетъ намъ *родословіе* Иисуса Христа, приведенное св. евангелистомъ и нынѣ нами прослушанное. Таково было значеніе родословія Иисуса Христа для Его современнаго Ему народа еврейскаго.

Для насъ, вѣрующихъ, для христіанъ всѣхъ временъ и мѣстъ, уже принявшихъ благовѣстіе объ Иисусѣ, книга *родства* Его, конечно, уже не имѣетъ того значенія, какое она имѣла для Его современниковъ. Однако, да не подумаетъ кто-

* Поученіе въ недѣлю свв. отецъ.

либо, что самое евангельское чтеніе нынѣшняго воскреснаго дня потеряло для насъ теперь силу назиданія. Во вѣкъ останется вѣрнымъ слово апостола о святомъ писаніи: все, что написано, въ наше наученіе преднаписано. Для насъ книга родства Иисуса Христа имѣетъ еще болѣе глубокое, одухотворенное и живое поученіе, чѣмъ для первыхъ читателей и слушателей святаго евангелія.

Книга *родства*... Съ кѣмъ же вступилъ Господь Иисусъ въ *родство*? Кому сроденъ сталъ Вѣчный, Невидимый, Непостижимый Богъ? Онъ вступилъ въ родство—страшно сказать!—вступилъ въ родство съ нами, грѣшными людьми, а мы, мы, братіе,—теперь родные, близкіе, свои Богу.

Какое чудное, какое великое родство! Представь, что ты былъ самымъ послѣднимъ человѣкомъ въ царствѣ, невѣдомый, нищій, мало того, по справедливости, за твои преступленія гонимый закономъ, подлежащій наказанію и даже смертной казни. Представь, что тебя мучить и жжетъ раскаяніе, что ты любишь и чтить царя своего, но знаешь, что ты предъ нимъ преступникъ, нарушившій много разъ законъ, что ты, если и станешь царю твоему извѣстенъ, то развѣ только по указанію на предстоящую тебѣ смертную казнь. И вдругъ, тебѣ объявляютъ, что ты не только избавленъ отъ казни, не только помилованъ, но ты приближенъ къ царю, мало того—царь чрезъ сына своего и наслѣдника вступаетъ съ тобою въ родство, а ты ему теперь—близкій родственникъ! Можно ли изобразить и представить твою радость?

Но эта радость—ничто предъ тою радостью, которую даровалъ намъ Господь, когда чрезъ Сына Своего Единороднаго, Воплощеннаго, вступилъ въ родство съ грѣшнымъ человѣческимъ родомъ.

Какъ страдалъ и мучился родъ человѣческій! Люди согрѣшили предъ Богомъ и сами изгнали себя, удалили себя отъ Его лица; каялись они и снова грѣшили; стремились совѣстью и душою къ Богу, искали съ Нимъ общенія, искали близости къ Нему, а сами новыми и новыми грѣхами все болѣе и болѣе удаляли себя отъ Бога. Они были преступны, они были отвержены, они заслужили только вѣчную смерть. Но стре-

мленіе и любовь къ Творцу своему они не утерjali; они искали Его, и не смѣли приблизиться; они жаждали Его, и не смѣли подойти. Нужно было, чтобы Самъ Богъ, Самъ Онъ, Милосердый, пришелъ и приблизился къ людямъ, невидимый воплотился и пожилъ среди нихъ.

И вотъ, Господь въ недовѣдомой любви не только прощаетъ грѣшныхъ, не только избавляетъ ихъ отъ вѣчной смерти, но посылаетъ къ нимъ Сына Своего и чрезъ Него, чрезъ Его воплощеніе, вступаетъ въ столь близкое общеніе съ людьми, что это общеніе является *родствомъ* Бога съ людьми и людей съ Богомъ. Вы не странники, не пришельцы,—говоритъ апостоль христіанамъ,—вы сожители святыхъ и свои, родные у Бога!

Какое чудное, какое великое родство!

Но чѣмъ больше кому дано, тѣмъ больше съ него взыщется. Чѣмъ болѣе у кого правъ, тѣмъ выше его обязанности. Чѣмъ съ большей высоты упадешь, тѣмъ сильнѣе и больнѣе расшибешься. Берегись же, христіанинъ! Храни свое высокое родство съ Богомъ, храни свое достоинство! Въ житейскомъ земномъ быту родство съ великими людьми заставляетъ быть человѣка особо настороженнымъ, особо внимательнымъ къ своей жизни: что въ другомъ человѣкѣ и не замѣтятъ, то осудятъ въ человѣкѣ, стоящемъ у всѣхъ на виду по своему высокому родству. Какая же осторожность, какое вниманіе къ себѣ, къ своимъ мыслямъ и душевнымъ движеніямъ, къ своимъ словамъ и дѣйствіямъ,—ко всему своему поведенію должно быть у насъ, христіанъ, родныхъ и близкихъ къ Богу!

И какая тяжесть укора совѣсти, какая тяжесть мукъ душевныхъ, какой палящій стыдъ, какое ожиданіе наказаній должны проникать наши души, если мы сознаемъ и видимъ, что родство съ Богомъ мы вмѣнили ни во что, что отдались мы врагу Божию—дьяволу и перешли на его сторону, что дѣлами своими мы заслуживаемъ не приближенія къ Богу, а вѣчнаго отверженія! Или думаемъ, что зло наше останется безнаказаннымъ?

Но вѣдь для того, чтобы избавить грѣшныхъ людей отъ грѣха и зла, чтобы содѣлать ихъ родными Богу, потребова-

лось не одно только рожденіе Ісуса Христа: потребовались Его страданія—несказанныя мучительныя страданія духа и пречистаго тѣла, потребовалась кровь Сына Божія и Его смерть.

Грѣшникъ безумный! Неужели ты хочешь второй разъ распинать Христа грѣхами своими? Неужели ты полагаешь, что Божіе долготерпѣніе и милосердіе зовутъ тебя не къ святости, а къ пороку и преступленію? Родство съ Богомъ одно и само по себѣ, безъ твоихъ усилій быть его достойнымъ, не спасетъ тебя въ очахъ Милосердаго и Праведнаго; Онъ взыщетъ съ тебя, Онъ призоветъ тебя къ отвѣту.

Книга родства нашего съ Богомъ да будетъ намъ книгою спасенія, а не книгою нашего осужденія! Аминь.

Слава Божія.*

Все во славу Божію творите (1 Кор. X, 31).

Можетъ-быть, кому-либо покажется страннымъ и непонятнымъ, почему и для того дѣла, которое мы здѣсь начинаемъ, мы прежде всего обращаемся къ общей молитвѣ. Людямъ, чуждымъ христіанскаго міровоззрѣнія, чуждымъ церковности, чуждымъ всенародныхъ русскихъ святыхъ завѣтовъ, людямъ, привыкшимъ все мѣрить узкою и своекорыстною земною мѣрою, — естественно оказаться въ настоящемъ случаѣ въ полномъ невѣдѣніи и все объяснить установившимся бездушнымъ обычаемъ, или даже лицемѣріемъ. Такимъ людямъ никогда не понять нашихъ христіанскихъ и русскихъ воззрѣній.

Св. апостолъ Павелъ заповѣдалъ христіанамъ: ѣдите вы ли или пьете, или иное что творите,—все во славу Божію творите (1 Кор. X, 31). Этою заповѣдью опредѣляется наше отношеніе и къ нынѣшнему торжеству и къ тому дѣлу, ради котораго мы сегодня собрались. Повидимому, открытіе чайной

* Грѣхъ на молебствіи при открытіи въ Москвѣ, въ Дорогомилонѣ, первой чайной «Объединеннаго Русскаго Народа», 26 декабря 1906 г.

—дѣло исключительно житейское и въ нравственномъ отноше-
ніи совершенно безразличное. Но вотъ ѣда и питье,—повиди-
мому, тоже дѣло только житейское, а, между тѣмъ, апостолъ
такимъ его не считаетъ. Нравственное значеніе имѣютъ не
предметы міра и вещи сами по себѣ, а люди и ихъ отношенія
къ вещамъ и предметамъ. Домъ, напримѣръ, въ нравственномъ
отношеніи—ничто; но человѣкъ можетъ обратить его и въ храмъ
молитвы, и въ мѣсто благотворительности, и въ разсадникъ
всяческаго разврата, и въ притонъ воровства и разбоя. Бумага
сама по себѣ тоже не имѣетъ значенія, но человѣкъ можетъ
на ней написать или напечатать ангела или демона, сдѣять
добро или зло, вѣрность или измѣну, миръ или вражду.

Мы открываемъ первую въ Москвѣ чайную отъ имени и
на средства патріотическихъ союзовъ и обществъ. Пусть же
это учрежденіе будетъ дѣйствовать „во славу Божию“, на
службѣ добру, а не злу; пусть оно послужитъ начальнымъ,
образцовымъ и для многихъ другихъ подобныхъ же учре-
жденій въ Москвѣ и по всей нашей Московской области!

Придетъ сюда усталый русскій рабочій человѣкъ: пусть
онъ встрѣтитъ здѣсь тепло, привѣтъ, утоленіе голода и жажды,
а главное—трезвость.

„Придетъ сюда русскій человѣкъ въ свободное время по-
видаться, побесѣдовать съ друзьями и знакомыми: пусть встрѣ-
титъ онъ собесѣдниковъ умныхъ, твердыхъ, честныхъ, вѣр-
ныхъ долгу предъ Богомъ, Царемъ и родиною; пусть услы-
шитъ настоящее русское слово правды о происходящихъ въ
отечествѣ событіяхъ; пусть услышитъ настоящее дѣльное ука-
заніе, какъ ему поступать надо достойно высокаго званія хри-
стіанина, вѣрнополданнаго и народолюбца.

Не одна пища тѣлесная будетъ здѣсь предложена. Въ
широкіе круги народа проникаетъ теперь печать—книги, жур-
налы, особенно же листки и газеты. Великое благо—печать
честная, трудовая, нравственная. Великое зло—печать лживая,
натравливающая на зло, противъ религіознаго, противоправи-
тельного.

Къ сожалѣнію, доброе часто лежитъ, а худое бѣжитъ, по
мѣткому народно-русскому присловію. Иногда трудно найти

русскому человѣку хорошую газету: ее гонять всячески, запрещаютъ продавать, препятствуютъ ея распространенію, мѣшаютъ всячески ея продажѣ. Это дѣлаютъ какъ будто ради „свободы“, ради „просвѣщенія“ народа. На самомъ дѣлѣ здѣсь только страхъ передъ свободнымъ, и правдивымъ, и истинно-просвѣщеннымъ, а не затемненнымъ ложью печатнымъ словомъ. Пусть же въ этомъ домѣ всегда найдется для посѣтителя хорошая, дѣльная и нравственная книга или газета. Она усвоится многими посѣтителями, перенесется ими и въ семью, и на улицу,—доброе, отрезвляющее слово будетъ далеко распространяться и будетъ ослаблять дѣйствія слова гнилого, безбожнаго, противнаго вѣрѣ, присягѣ Царю и благу русскаго народа.

Тогда, воистину, это учрежденіе, по завѣту апостола, обратится во славу Божию.

Благословеніе Господне на доброе дѣло! И вамъ, добрые православные люди, сопедшіеся на молитву и торжество наше,—миръ вамъ и Божіе благословеніе! Аминь.

Омолитвованный патриотизм.*

Для души, любящей Бога и вѣрной святымъ завѣтамъ родной Церкви, для сердца, любящаго родной народъ, всюду и всегда найдется пища для благоговѣйныхъ и патриотическихъ чувствъ и размышлений. Но то, что мы видимъ сегодня вокругъ себя, воистину усугубляетъ эти думы и чувства и поднимаетъ ихъ до высоты исключительнаго воодушевленія.

Мы—въ историческомъ храмѣ царствующей династіи Романовыхъ. Мы—въ храмѣ, который является священнымъ свидѣтелемъ того времени, когда Россія пережила страшную смуту

* Рѣчь предъ молебствіемъ при поставленіи русскими патриотами г. Москвы лампады къ Казанской иконѣ Богоматери въ Казанскомъ соборѣ въ Москвѣ, 27-го декабря.

и вышла изъ нея спасенною, при помощи Божіей, благодаря великому религіозному воодушевленію народа, благодаря подъему народнаго патріотизма и, скажемъ прямо, благодаря тому, что надъ крамольными и продажными стремленіями домашнихъ воровъ и измѣнниковъ,—мнившихъ себя передовою частью общества и тянувшихъ то къ Польшѣ, то къ Швеціи, то къ внутреннимъ перемѣнамъ образа правленія по зарубежнымъ образцамъ,—восторжествовалъ простой, вѣрующій народъ, чутьемъ понимавшій все великое значеніе родного пропѣлаго, своихъ близкихъ, сродныхъ душъ народной и указанныхъ исторіей началъ жизни.

„Только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно, только коренья не станеть, къ чему прилѣпиться?“—такими справедливыми и мудрыми словами выразили въ то время русскіе люди свой глубокой народно-государственный смыслъ. Царелюбивые патріоты до глубины души, они прежде всего пожелали дать Царя осиротѣлой землѣ, они въ Царѣ искали жизни и осуществленія воли Божіей о Россіи, и избрали на царство не мужа-воителя, не посѣдѣлаго въ дѣлахъ правленія боярина, даже не мужа зрѣлаго возраста и славнаго въ народѣ какими-либо подвигами,—а избрали невиннаго юношу, почти отрока, и ему покорились добровольно всею землею, покорившись тому великому религіозно-нравственному началу, которое, по русскому воззрѣнію на смыслъ земного правленія, заключено въ Царскомъ самодержавіи.

Мы стоимъ предъ Казанскою иконою Богоматери. Эта чудотворная икона напоминаетъ намъ наше великое историческое шествіе на Востокъ съ Крестомъ и Евангеліемъ, то мировое призваніе Россіи, въ исполненіе котораго она должна была испровергнуть на пути своемъ вѣкового врага христіанства—Казанское царство, невѣрное и враждебное; эта икона объединила потомъ восточную Россію инородческую съ кореннымъ русскимъ народомъ, обходя ежегодно огромный край до предѣловъ далекаго сѣвера и скрѣпляя населеніе въ единомъ духѣ вѣры и молитвы; эта икона была небеснымъ благословеніемъ и помощью Россіи въ самыя тяжкія годы ея исторической жизни отъ смутнаго времени до Отечественной войны.

Съ этимъ святымъ образомъ соединено столько возвышающихъ духъ патріотическихъ воспоминаній!

И вотъ, обвѣянные такими воспоминаніями, мы благоговѣйно приносимъ въ даръ храму и святому образу Богоматери прекрасную лампаду, сооруженную на общія пожертвованія. Нѣкогда старый русскій паломникъ во Святую Землю у величайшей святыни христіанской въ Іерусалимѣ возжегъ лампаду за землю русскую, терзаемую междоусобіями. Мы повторяемъ трогательный подвигъ его молитвеннаго патріотизма. За нашу родимую землю русскую, терзаемую смутой, обгащаемую кровью вѣрныхъ ея сыновъ и защитниковъ, возжигаемъ мы лампаду—символь тепла душевнаго и свѣта, символъ святой горячности нашихъ чувствъ, во образъ нашего единенія, во образъ жертвы и жизни мирной, не кровавой, приносимой на алтарь отечества.

Знаменательно звучитъ надпись лампы: „Въ призываніе молитвенной помощи отъ Царицы Небесной Царю-Самодержцу Всероссийскому въ день 8 іюля 1906 года“.

Тяжело было Государю въ этотъ день. Тяжело было Ему разочароваться въ избранникахъ народныхъ, услышать, въ отвѣтъ на ласковую рѣчь Свою, рѣчи, полныя злобы, возмущенія и крамолы, оправдывающія убійства и убійць, призывающія къ бунтамъ, грабежамъ и погромамъ... Горячо молились тогда вѣрноподданные монархисты о Царѣ своемъ и призывали Ему помощь свыше въ трудныхъ дѣлахъ правленія.

Да будетъ горяча и нынѣ молитва наша о Царѣ и царствѣ! Да возвеселится новый благодатный Израиль, народъ святорусскій, о Сотворшемъ его, и сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ! Пошли намъ, Господи, предстательствомъ Богоматери, дни мира и покоя, дни благоденствія царства нашего!

Прими жертву нашу, жертву душъ и сердецъ и умиленныхъ моленій за Царя и за страдающую землю русскую!

Господь крѣпость людямъ Своимъ дастъ, Господь благословить люди Своя миромъ! Аминь.

Безвинная жертва злодѣевъ.*

Убить прямой и честный русскій человѣкъ; погибъ вѣрный слуга Царя и родины смертью, увы, многихъ, очень многихъ мучениковъ долга; убить рукою юноши, предательски, посреди мирныхъ трудовъ, въ мирномъ собраніи, при исполненіи долга гражданина. Такихъ, какъ онъ, жертвъ крамолы было много. Но въ отвратительномъ преступленіи, жертвою котораго онъ палъ, справедливо отмѣчаютъ одну новую черту.

Доселѣ крамольники увѣряли всѣхъ, что они вынуждены на убійства и покушенія, что они бьютъ только „насильниковъ“,—тѣхъ, кто борется съ ними казнями, тюрьмами и ссылками: тѣхъ, кто борется съ ними только силою мысли и слова, они будто бы не трогаютъ, за убѣжденія противныя не казнятъ, отстаивая для всѣхъ свободу мысли и слова.

Но вотъ, недавно бомбы и револьверные выстрѣлы направлены были въ адмирала Дубасова, человѣка, удалившагося отъ дѣлъ и уже не страшнаго для злодѣевъ.

Въ отвѣтъ на недоумѣнія, газеты, прислужницы крамолы, поспѣшили объявить: „Это месть за подавленіе московскаго возстанія“.

Итакъ, область революціонныхъ убійствъ распространяется не на одно настоящее, но и на прошлое.

Въ убійствѣ графа Игнатъева даже и такое объясненіе отпадаетъ... Онъ убитъ только за свои убѣжденія; онъ убитъ только за то, что мыслилъ и жилъ не по чужой указкѣ изъ лагеря „освободителей“, а по велѣніямъ своего разума, по велѣніямъ долга и русскаго чувства; онъ убитъ,—что совсѣмъ нелѣпо,—не за настоящее, не за прошлое, а, такъ-сказать, за будущее: въ предупрежденіе его возможнаго вліянія на правительство въ сторону господства исконныхъ русскихъ началъ,—убить, какъ человѣкъ, который въ будущемъ могъ

* Памяти графа Алексѣя Павловича Игнатъева. Сказано въ 9-й день по кончинѣ графа А. П. Игнатъева на панихидѣ въ Монархическомъ Собраніи Москвы.

стать у власти и быть страшнымъ для революціи. Значить, если ты уменъ, если ты съ характеромъ, если на тебя не дѣйствуютъ ни запугиванья, ни подкупъ въ какомъ-либо видѣ,—ты въ такомъ случаѣ обреченъ на смерть.

Въ поводахъ къ убійству и въ оправданіяхъ его недостатка не будетъ: если ты теперь невиновенъ предъ „освободителями“, то вина найдется въ прошломъ; но если и въ прошломъ нѣтъ ничего, то вина — въ будущемъ; и будущее вѣдомо имъ въ совершенствѣ...

Такъ понимается свобода новыми ея поклонниками и повѣдниками. Вотъ къ чему *неизбѣжно* пришло наше „освободительное движеніе“! Горшаго рабства и тягчайшаго насилія, подъ видомъ свободы, трудно себѣ и представить.

Юноши-преступники служатъ новому кровожадному Молоху „освободительнаго движенія“ усердными добровольными палачами. Впрочемъ, они не только палачи: они и обвинители, они же и судьи казенныхъ! Законъ, справедливость и порядокъ безпристрастнаго суда должны примѣняться только къ нимъ: къ противникамъ примѣняется только смертный приговоръ,—приговоръ кучки помѣшанныхъ на крови героевъ свободы, всегда гласно или негласно привѣтствуемый „передовою“ печатью. Ея представители, освободительныя газеты,—это единственные свидѣтели на судѣ,—тѣ газеты, которыя изо-дня-въ-день лгутъ, клеветуютъ, натравливаютъ убійцъ на тѣхъ или иныхъ нежелательныхъ для революціи государственныхъ дѣятелей.

Немного нужно проникательности, чтобы безошибочно предугадать, кто въ данное время такими газетами намѣченъ жертвой и осужденъ на казнь: возставать противъ насилій и казни можно только въ томъ случаѣ, если казни законною властью направляются противъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ. Такова двойная мораль „освободительнаго движенія“.

Есть рядъ дѣятелей и сановниковъ ничтожныхъ, дѣйствительно вредныхъ, заслуживающихъ гласнаго обвиненія, продавшихъ Россію инородцамъ, втянувшихъ ее въ разорительныя предпріятія. Но это—друзья и союзники „передовой“ печати; о нихъ—или похвала, или молчаніе.

Но есть иные государственные работники,—умные, честные, твердые, стойкие, русские по убѣжденіямъ. Они-то и подвергаются преслѣдованіямъ въ печати, на нихъ-то и направляются бомбы и выстрѣлы фанатиковъ-убійцъ.

Наблюдается очередь убійствамъ,—и профессора, поэты съ именемъ научнымъ и литературнымъ, не стыдятся, въ угоду революціи, заниматься писаніемъ статей, говорящихъ неприкровенно: „вотъ кого надо убить“!

Какой-то скрытый Вельзевулъ, князь тьмы, руководить этою сатанинскою арміей. Его рука устранила съ дороги революціи Великаго Князя Сергѣя Александровича, предварительно запятнавъ сплетнями и клеветкою имя этого честнаго витязя; его рука убрала съ дороги Плеве.; по ея мановенію начиналась газетная травля, всегда неизмѣнно кончавшаяся кровью, противъ всѣхъ остальныхъ мучениковъ долга, которыхъ мы въ каждое наше собраніе, какъ бы въ исполненіе чередной паннихиды, здѣсь поминали...

Этотъ Вельзевулъ натравливалъ и на графа Игнатьева газеты во всѣхъ случаяхъ, когда твердое и умное слово покойнаго могло опровергнуть лукавство, измѣну, продажность или безуміе враговъ православной и самодержавной Россіи. Такъ было послѣ 18 февраля 1905 года; такъ было во время обсужденія Положенія о Государственной Думѣ 6-го августа; такъ было годъ назадъ, при новомъ обсужденіи Положенія о Государственной Думѣ съ расширеніемъ ея правъ и пересмотромъ выборнаго закона... Такъ было и послѣ роспуска крамольной Думы, когда крамола боялась, какъ бы покойный графъ не сталъ у власти...

Графъ Игнатьевъ былъ противъ Думы въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Свое слово о ней онъ сказалъ, какъ честный вѣрноподданный; *слово его не было усмьшано, не было исполнено,—и все-таки онъ убитъ.* Такова проповѣдуемая свобода мысли и слова!

Юноши и даже мальчики упиваются газетами; по газетнымъ гнуснымъ сплетнямъ и клеветамъ они судятъ государственныхъ дѣятелей, произносятъ имъ смертные приговоры и приводятъ ихъ въ исполненіе. Юноши диктуютъ законы жизни

и направляютъ ходъ исторіи великаго народа... Они почитаютъ себя безгрѣшными: что они рѣшили для Россіи, то должно быть исполнено. Несогласнымъ—смерть. Проверки газетныхъ слуховъ и обвиненій нѣтъ; повидимому, все дѣло въ томъ, чтобы пролить какъ можно больше крови, умертвить побольше изъ лагеря несогласныхъ.

Извергъ-убійца графа Игнатьева въ тюрьмѣ на допросѣ указалъ слѣдующую жертву крамолы, назвавъ имя престарѣлаго государственнаго мужа (К. П. Побѣдоносцева), о которомъ мы положительно за вѣрное знаемъ, что онъ болѣе года не бываетъ ни во дворцѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ, удалившись совершенно въ частную жизнь. Чѣмъ же объяснить этотъ кровавый приговоръ, ему произнесенный? Однимъ: газеты чуть не ежедневно увѣряютъ своихъ читателей, что этотъ старецъ стоитъ втайнѣ во главѣ правительства, что онъ—опора „реакціи“, задержка „реформъ“...; пальцемъ онѣ показываютъ на него палачамъ революціи: „вотъ кого забыли, вотъ кого еще надо убить“!

Печать открыто проповѣдуетъ убійства. Свершится одно убійство—похвала между строкъ, или краснорѣчивое умолчаніе о гнусности преступленія въ той же печати служатъ наградой преступнику и вдохновляютъ новыхъ палачей-добровольцевъ.

Какая страшная отвѣтственность, какая вина передъ Богомъ, предъ родиной и исторіей лежитъ на совѣсти этихъ писателей, омакающихъ трость осужденія—перо свое не въ чернила, а въ кровь ими убитыхъ!

Но зло своею гнусностью бьетъ прежде всего себя. Изодня-въ-день падаетъ то обаяніе, которое „освободительному движенію“ удалось внушить къ себѣ обманомъ, обольстительными фразами, лживыми обѣщаніями, мнимымъ благородствомъ побужденій и цѣлей. Страшенъ будетъ часъ, когда повяка спадетъ съ глазъ обманутыхъ русскихъ людей,—и страшно будетъ проклятiе народа вдохновителямъ на погромы, убійства, измѣны и бунты, и тѣмъ, которые, идя на кровавое дѣло, мнили себя героями.

А для людей порядка, чести и долга новыя и новыя убій-

ства слугъ Царя и родины не страшны: они не запугаютъ ихъ, не разъединятъ, а напротивъ, еще болѣе скрѣпятъ ихъ союзъ, ихъ единеніе. На одномъ вѣнкѣ, возложенномъ на гробъ убитаго графа Игнатѣева, была надпись: „Сожжемъ ряды!“ Надпись глубоко-знаменательна. Въ ней—намъ призывъ къ продолженію борьбы, къ бодрости и мужеству; въ ней звучитъ увѣренность въ грядущей побѣдѣ добра.

„Страхъ же вашего не убоимся, ниже смутимся; Господа же нашего Того освятимъ и Той будетъ намъ въ страхъ“. Вотъ наше исповѣданіе предъ лицомъ враговъ!

Въ этихъ чувствахъ вѣры и вѣрности, мужества и преданности любимой родинѣ мы творимъ нынѣ поминовеніе новой безвинной жертвы злодѣевъ, новаго мученика, погибшаго за святая убѣжденія честнаго русскаго человѣка, и молимъ ему покоя въ лонѣ вѣчной любви Божіей! Аминь.

1907 г.

Патріотическіе союзы и ихъ отношеніе къ религіи.*

Великія бѣдствія и опасности вызвали мобилизацію консервативныхъ элементовъ русскаго общества и повели ихъ на защиту жизненныхъ интересовъ русскаго народа, русскаго государства и русской культуры.

Не политическіе „старовѣры“, не „поклонники застоя“, „деспотичнаго режима“ или „бюрократіи“ могутъ отзываться на такія національно-государственныя задачи, но именно граждане, способные разумомъ и сердцемъ внимать велѣніямъ гражданскаго долга.

Противъ захватныхъ вождельній *инородцевъ*, противъ разрушительнаго процесса измѣненія удѣльнаго вѣса національностей въ русскомъ государствѣ—консервативные элементы русскаго общества выставили историческій принципъ русской государственности, именно *самодержавіе*, единственный принципъ, пригодный для политическаго синтеза множества національностей различнаго удѣльнаго вѣса, удерживаемыхъ въ равновѣсіи только этимъ принципомъ.

Противъ разрушительныхъ, антикультурныхъ вліяній *космополитизма*, противъ обезличенія русскаго народа, русскіе люди выставили принципы *православія* и *русской народности*, ибо космополитизмъ, по существу своему, столь же атеистиченъ, какъ и враждебенъ національной основѣ государства¹⁾.

* Рѣчь, произнесенная на патріотическомъ вечерѣ 8 января 1907 года.

¹⁾ *Киевлянинъ* № 324, 1906 г.

Вотъ, въ сущности, весь отвѣтъ на вопросъ: почему русскіе патріотическіе союзы *въ политическихъ* своихъ программахъ прежде всего говорятъ о *религіи*, о православіи.

Обычное, ходячее возраженіе противъ усвоенія такой силы вопросамъ религіознымъ состоитъ въ томъ, что говорить о религіи составляетъ задачу обществъ чисто-религіозныхъ, а не политическихъ, что никто и никогда не станетъ бороться противъ религіи, какія бы партіи ни возобладали въ государствѣ, ибо, даже по ученію социализма, религія есть частное дѣло, снисходительно разрѣшаемое въ будущемъ новомъ государствѣ для желающихъ.

Не станемъ подробно говорить о томъ, что религія для вѣрующаго человѣка есть прежде всего Истина, прежде всего путь личнаго спасенія, и что такое безразличное или хотя бы и снисходительное и только терпимое отношеніе къ ней со стороны государства, какъ это государство въ идеѣ представляется вѣрующему, непонятно, недопустимо и невозможно. Вѣдь, по убѣжденію религіозныхъ людей, царство земное, человѣческое, есть только средство и путь къ царству Божию...

Но и по существу, съ точки зрѣнія вполне объективной, принципъ отстраненія государства отъ религіи народа является чисто-идеологическимъ, совершенно необоснованнымъ; онъ противорѣчитъ опыту вѣковъ, свидѣтельству исторіи, хотя и прикрывается постоянно со стороны его горячихъ защитниковъ мнимо-научными соображеніями. На практикѣ такой принципъ приводилъ всегда и неизбежно отъ безразличнаго отношенія къ религіи къ гоненію противъ нея, раскалывая цѣльность духовнаго міросозерцанія народа; въ общественныхъ же построеніяхъ онъ совершенно лишитъ почвы и опоры законъ и власть и подорветъ въ конецъ всякую нравственность. Здѣсь не помогутъ ни научныя построенія морали, ни преподаваніе ея въ школахъ: за отсутствіемъ внутреннихъ властныхъ побужденій къ соблюденію и признанію единыхъ и общихъ нравственныхъ нормъ человѣческаго поведенія, придется обратиться къ единственному способу удержать общество въ предѣлахъ закона и порядка—къ воздѣйствію только страха и беспощаднаго насилія.

Но это значило бы гальванизировать трупъ.

Въ концѣ-концовъ неизбежна гибель всякой культуры, государственности и общественности, полное торжество абсолютной анархіи.

Конечно, государство не можетъ ни создать, ни направлять вѣры: эта область есть попреимуществу область свободы. Но вѣдь инстинктъ религіи и даже проявленія его въ тѣхъ или другихъ формахъ существуютъ раньше созданія государства, которому, напротивъ, самому приходится опредѣляться подъ воздѣйствіемъ вѣры народной. Это—безспорный историческій фактъ.

Наука, напримѣръ, составляетъ такъ же область свободы, какъ и вѣра. Науки также государство не можетъ создать, ибо инстинктъ познанія и истины данъ раньше Государства. Соберите обезьянъ самыхъ высшихъ породъ и попробуйте путемъ какой угодно выучки создать изъ нихъ общество съ религіозными и научными учреждениями. Это невозможно за отсутствіемъ духовныхъ основъ для такого рода явленій. Но разъ такія основы есть, разъ инстинкты религіи и научнаго познанія вложены въ человѣка прирожденно и помимовольно, государство не можетъ ихъ игнорировать, хотя бы этого и хотѣло.

Итакъ,—продолжаемъ аналогію,—наука есть область свободы, какъ и вѣра. „Однако, мы видимъ, какъ велики заботы государства *объ учрежденіяхъ*, гдѣ зрѣетъ наука: объ университетахъ, академіяхъ, библіотекахъ, музеяхъ и т. д. То же самое, при логичности государственной мысли, естественно видѣть и въ отношеніи къ религіи“¹⁾.

Никто не станетъ утверждать, что общество, составленное изъ порочныхъ членовъ, можетъ быть счастливымъ при какомъ бы то ни было устройствѣ. Никто не станетъ отрицать, что человѣкъ существуетъ раньше закона, что люди вначалѣ создаютъ законъ и формы жизни, а законъ уже потомъ, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на людей. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что низменные, животные инстинкты въ человѣкѣ, не сдерживаемые никакою внутреннею обязательною

¹⁾ Л. Тихомировъ: *Государственность и религія*. Книгопад. „Вѣрность“.

силой (о внѣшнихъ карахъ не говоримъ, онѣ бьютъ по вѣтвямъ, а не по корню), неизбежно обратятъ жизнь въ адъ при всякихъ государственныхъ и общественныхъ порядкахъ.

Но такую внутреннюю обязательную силою можетъ быть только *религія*, ничто иное.

Нравственность можетъ покоиться только на религіозныхъ основаніяхъ,—это голосъ народа и народовъ, могучій голосъ внутренняго свидѣтельства человѣческаго духа, котораго никогда не побѣдятъ никакіе софизмы такъ-называемой автономной морали.

Когда въ Харьковѣ сынъ-студентъ стрѣляетъ въ родного отца отравленными пулями и потомъ бѣжитъ; когда въ теченіе короткаго времени добровольцами, мнящими себя героями, убиваются одинъ за другимъ нѣсколько государственныхъ дѣятелей,—то справедливо усомниться въ дѣйстви автономной морали и даже въ дѣйстви самой совѣсти, которая, несомнѣнно, формально человѣку прирождена, но, по внутреннему содержанію своему, конечно, нуждается въ руководствѣ иного агента, каковымъ и можетъ быть опять только религія. Такъ, вѣдь, и научный инстинктъ формально прирожденъ человѣку, но объемъ познаній и ихъ направленіе и содержаніе разнообразятся до безконечности, а безъ воздѣйствія со стороны, въ смыслѣ пополненія его содержаніемъ, инстинктъ познанія остается чистою потенціей.

И какъ не понять, что та самая сила, лишенная нравственной опоры, которая теперь проявляется въ убійствахъ не согласныхъ съ тѣми или иными воззрѣніями лицъ, не уничтожится послѣ того, какъ убійства, допустимъ, и въ самомъ дѣлѣ принесутъ какой-либо новый строй жизни?! И въ новомъ этомъ строѣ будутъ правители и распорядители, найдутся несогласные и съ ихъ воззрѣніями и дѣйствіями; при отсутствіи внутренне-обязательнаго голоса религіозной совѣсти, въ борьбѣ съ ними рука такъ же легко протянется къ бомбѣ и револьверу, какъ она протягивается теперь, а въ фанатизмъ, въ побужденіяхъ и способахъ самооправданія и даже возвеличенія себя до степени героя никогда недостатка не будетъ.

Идеализація порока и преступленія вовсе не рѣдкость. Это

мы видѣли у древнихъ, которые возводили развратъ въ средство богоугожденія; это видимъ и у современниковъ, которые то воспѣваютъ „обаяніе зла“ и „цвѣты порока“ въ декадентствѣ; то въ герояхъ Горькаго, любовно-выписанныхъ, свободныхъ отъ всякихъ „условностей“, подъ которыми понимаютъ чаще всего вѣчныя нравственныя основы, видятъ грядущихъ обновителей нашей общественности; то, наконецъ, повторяя іезуитство, проповѣдуютъ „святой обманъ“ и, молчаливо соглашаясь съ тѣмъ, что „цѣль оправдываетъ средства“, въ политическихъ убійцахъ видятъ нѣчто достойное хвалы.

Такъ будетъ всегда, и еще въ болѣе уродливыхъ формахъ, если у насъ не будетъ того необходимаго правила, которое дается намъ въ религіозномъ чувствѣ, какъ оно формировалось исторически, скрѣпляя и объединяя народъ въ единствѣ исповѣданія, обряда и устройства жизни, то-есть въ Церкви.

Нужно прежде всего знать, что добро и что зло. При разнообразіи отвѣтовъ на этотъ вопросъ со стороны ума человѣческаго, при неопредѣленности и неясности указаній и при слабости принудительной силы совѣсти,—ясное и опредѣленное рѣшеніе и полный свѣтъ въ эту область внесетъ только религія.

Нужно имѣть *побужденія* къ добру. При безконечныхъ спорахъ о принципахъ жизни, построенныхъ на началахъ пріятнаго или полезнаго, при полной непригодности системъ современной утилитарной морали, при отсутствіи указаній точнаго содержанія въ понятіи долга, только религія дастъ искомыя побужденія къ добру, высшія и низшія, доступныя для всѣхъ людей, всѣхъ степеней умственного и нравственнаго развитія.

Нужны *силы* къ выполненію добра, дающія возможность восторжествовать добрымъ стремленіямъ въ человѣкѣ надъ инстинктами и стремленіями противоположными, эгоистическими, животными. Исторія человѣчества безошибочно указала и силы эти только въ религіи, которая одна вдохновляла людей на величайшіе подвиги, осмысливала, просвѣщала и освѣщала самый патріотизмъ и всякое геройство.

Такъ, внѣ религіи, по нашему убѣжденію невозможны

ни культура человѣчески-достойная и одухотворенная, ни государственность и общественность прочная и осмысленная. Для существованія государства нужна опредѣленная территория для поселенія, и *въ той же самой мѣрѣ* необходима религія народа.

Патріотическіе русскіе союзы, ставя православіе во главу угла своего политическаго исповѣданія, дѣлають это не по „тактическимъ соображеніямъ“, столь нынѣ принятымъ,—по которымъ о религіи, скрѣпя сердце, именно *умалчиваютъ* лѣвыя политическія партіи,—а по глубокому убѣжденію въ истинѣ, спасительности и исключительной духовно-культурной силѣ религіи.

Будучи хранилищемъ русскаго національнаго чувства, вѣруя въ міровое историческое призваніе Россіи, видя оправданіе этой мистической вѣры въ указаніяхъ исторіи и въ назрѣвающихъ будущихъ построеніяхъ міровой жизни, раздѣляя со всѣмъ народомъ его завѣтные чувства и стремленія, зная, что только языкъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій и упованій есть общій и всѣмъ понятный языкъ на Руси, признавая и почитая прошлое и на немъ возводя будущее,—мы не можемъ отойти отъ народной вѣры и не можемъ о ней умолчать, въ ней мы и лично для себя видимъ истину, путь спасенія, и въ то же время видимъ въ ней и единственный путь благоустроенія и спасенія народа и его земного царства. Въ православіи и въ указываемыхъ имъ вѣчныхъ запросахъ и задачахъ человѣческаго духа,—въ православіи мы отыскиваемъ и оправдываемъ само государство со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ неизбѣжное одіум всякаго государственнаго бытія, осмысливаемъ и оправдываемъ и власть, и самую народность.

Въ часъ, когда мы отказались бы отъ знамени православія, мы тѣмъ самымъ отреклись бы отъ всѣхъ прочихъ нашихъ принциповъ, нами защищаемыхъ, и отъ самаго нашего политическаго существованія.

Мы обратились бы тогда всѣмъ народомъ въ безформенную и ничѣмъ внутренне не управляемую массу, въ которую вновь творческимъ актомъ нужно было бы вдунуть духъ животворящій.

Но въ поискахъ источниковъ этого всеоживляющаго духа мы опять и неизбежно пришли бы къ одному и единственному: *святая вѣра, святое православіе.*

Великое кладбище.*

* Иже аще совѣтъ совѣщаетъ, разорить Господь. (Ис. VIII, 10).

Прошу васъ перенестись со мною мысленно на одно великое русское историческое кладбище.

Далеко отсюда, на границѣ нашего царства, у волнъ лазурнаго моря, на одномъ изъ холмовъ Севастополя почіють герои и борцы за честь и за христіанское призваніе Россіи.

Братское кладбище... Заботливою рукой всюду въ порядкѣ проведены дорожки; любовно оберегаются могилы,—ихъ великое множество, цѣлый городъ мертвыхъ, а посреди нихъ храмъ Жизни нестарѣющей, Богу Живому, дивно изукрашенный гениемъ художества, по личнымъ указаніямъ и отъ предротъ русскаго душою, русскаго изъ русскихъ Царей, Императора Александра III-го.

Идешь по кладбищу. Царить всюду благоговѣйная тишина. Въ душу просятся великія воспоминанія. Сердце трепещетъ и ищетъ умиленной молитвы. Идешь и читаешь по пути на могилахъ и памятникахъ краткія, но великія по краснорѣчію надписи: „Генераль такой-то убитъ тогда-то“,—указаніе года, числа, мѣста битвы; „Полковникъ такой-то смертельно раненъ“; „капитанъ такой-то погибъ при взрывѣ“, „утонулъ“, „убитъ картечью“, „поднять на штыки“, „скончался отъ ранъ“... А вотъ и солдаты, святые, безмолвные и безымянные мученики: „братская могила 300 человѣкъ“; „братская могила 500 человѣкъ“; „братская могила 800 человѣкъ“...

* Рѣчь на панихидѣ въ патристическомъ собраніи 14 января при поминовеніи убиенныхъ генераловъ Н. М. Литвинова, В. Ѳ. Лауница и В. П. Павлова.

Скажите, какое впечатлѣніе производитъ на васъ это великое кладбище? Еще лучше,—скажите, какое впечатлѣніе оно произведетъ на война? Порождаетъ ли видъ этого кладбища—страхъ, отчаяніе, малодушіе, желаніе уйти отъ смерти какою угодно цѣной, хотя бы цѣной жалкой и позорной измѣны?

Такое дѣйствіе оно произведетъ развѣ только на людей мелкихъ, ничтожныхъ, трусливыхъ, нетвердыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ и въ готовности даже цѣной смерти защищать родину. Но въ людяхъ иного склада и иной настроенности, въ людяхъ крѣпкихъ вѣрою и рѣшимостью защищать страдающее отечество, видъ братскаго кладбища, память о герояхъ погибшихъ, убитыхъ, раненыхъ, взорванныхъ,—все это возбуждетъ только геройство, подниметъ мужество, породитъ желаніе славною смертью запечатлѣть вѣрность родинѣ и стоять за нее до послѣдняго.

Предъ нами высится теперь иное великое кладбище; крамолою убіенные слуги Царя и Россіи почіютъ на немъ, почіютъ генералы, офицеры, солдаты, полицейскіе стражники; ихъ великое множество; каждый день пополняется ихъ скорбный списокъ.

Стоимъ мы сейчасъ предъ новыми крестами, предъ свѣжими могилами. Свершаемъ чередную паннихиду русскихъ патріотовъ о павшихъ и убіенныхъ мужественныхъ герояхъ долга.

Убиты генералы Литвиновъ, Лауницъ, Павловъ. Ихъ оплакали родныя семьи, оплакала и молитвой напутствовала св. Церковь, ихъ оплакиваемъ сегодня мы, ихъ оплакиваетъ Россія.

Слышите ли вы, душегубы и убійцы, слышите ли вы эти глухія рыданія, эту нѣмую скорбь?

Въ алорадствѣ, прикрытомъ отвратительнымъ лицемъпріемъ,—какъ-разъ въ то время, когда одинъ за другимъ падали на улицѣ, въ земскомъ собраніи, во дворѣ своего дома и, наконецъ, въ храмѣ Божіемъ жертвы убійцъ,—прислужницы убійствъ, революціонныя газеты подняли вопли и крики о томъ, что патріоты русскіе занимаются убійствами...

Что это? Предвыборный обычный пріемъ со стороны тѣхъ,

которые хотѣли бы, чтобы въ будущей Государственной Думѣ не было честныхъ русскихъ людей?

Или здѣсь невольное проявленіе собственной психологіи, собственной настроенности, не допускающей мысли о томъ, что русскіе патріоты, подвергшіеся неслыханнымъ кровавымъ насиліямъ со стороны революціонеровъ, могутъ удержаться отъ рѣшенія отвѣтить имъ тѣмъ же насиліемъ? Боязнь за то, что, наконецъ, русскіе люди вынуждены будутъ перейти къ самозащитѣ и начнутъ избивать всѣмъ извѣстныхъ истинныхъ главарей революціи и подстрекателей къ убійствамъ? Желаніе предупредить проявленіе такого негодованія воплями и криками, этимъ, такъ-сказать, „встрѣчнымъ искомъ“?

Вѣроятно, и то, и другое, и третье. Намъ не поймутъ и понять не могутъ.

Нѣтъ, не мы—мстители. Есть Богъ отмщений. И придетъ, и придеть мщеніе съ той стороны, съ какой преступники его не ожидаютъ...

Мы на великомъ и святомъ кладбищѣ, гдѣ почіютъ убитыя и истерзанная крамольниками жертвы. Что же, какое настроеніе производитъ оно въ честныхъ русскихъ людяхъ? Страхъ, уныніе, желаніе бѣгства, уступокъ, презрѣнной и трусливой сдачи предъ наглымъ врагомъ?

Нѣтъ! Въ русскихъ патріотахъ растетъ геройство, растетъ рѣшимость страдать, умирать, бороться до конца, въ чаяніи побѣды. Въ русскомъ народѣ, подъ вліяніемъ неслыханныхъ по низости и коварству кровавыхъ преступленій, совершаемыхъ даже у алтарей Господнихъ, начинается прозрѣніе, отрезвленіе, назрѣваетъ негодованіе, растетъ сознаніе всей глубины пагубы, къ которой ведутъ насъ змѣиные рѣчи, Каиновы и Іудины дѣянія непрощенныхъ реформаторовъ русской жизни.

Сознательное патріотическое настроеніе народа, сознательный подъемъ оскорбленнаго народнаго чувства, охватывающая всѣхъ преданность монархической идеѣ, сознаніе безцѣннаго достоинства вѣковыхъ русскихъ началъ жизни—православія, самодержавія и русской народности, возрастающій подъемъ религіозной настроенности въ народѣ,—вотъ гдѣ скоро гряду-

щее отмщеніе преступникамъ. Уже блещутъ въ сгущающихся тучахъ народнаго гнѣва молніи и огни грознаго осужденія крамолѣ, и день суда не за горами!

Бодрствуйте и мужайтесь, русскіе люди! Дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи! Страшитесь вы, предатели, убійцы и подстрекатели убійствъ! Себѣ вы роете яму, себѣ уготовляете погибель вашими бомбами и выстрѣлами...

И иже еще соетъ съобщаете, разоритъ Господы! И слово, еже еще возглаголете, не пребудетъ въ васъ! Аминь.

Храненіе слова.*

Св. апостоль Павель, наставляя любимаго своего ученика, молодого своего соратника Тимофея, пишетъ ему: будь образцомъ для вѣрныхъ *въ словѣ* (1 Тим. IV, 12).

Повидимому, что легче хранить всегда только доброе слово и избѣгать слова гнилого и срамнаго. Но опытъ людей, много и долго работавшихъ надъ своимъ душевнымъ спасеніемъ, удостовѣряетъ насъ, что храненіе слова—добродѣтель насколько высокая и важная, настолько и трудная. И прежде всего удостовѣряетъ насъ въ томъ апостольское писаніе. „Воѣ мы много согрѣшаемъ,—пишетъ св. апостоль Іаковъ.—Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человекъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло. Вотъ, мы влагаемъ удила въ ротъ конямъ, чтобы они повиновались намъ, и управляемъ всѣмъ тѣломъ ихъ. Вотъ, и корабли, какъ ни велики они и какъ ни сильными вѣтрами носятся, небольшимъ рулемъ направляются, куда хочетъ кормчій. Такъ и языкъ—небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ: и языкъ—огонь, прикраса неправды“...; „это—неудержимое зло; онъ преисполненъ смертоноснаго яда“ (Іак. III, 2—8).

* Поученіе въ недѣлю 35-ю.

Имъ благословляемъ Бога и Отца, и имъ проклинаемъ чело­вѣковъ, созданныхъ по подобію Божию. Изъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и проклятiе. Не должно, братья мои, сему такъ быть (ст. 9—10).

Но спросятъ: почему же нужно придавать такое огромное значеніе чело­вѣческому слову? Вѣдь оно сказано, и съ этимъ все кончено, вѣдь это—пустой звукъ... Такъ разсуждаютъ нерѣдко,—и глубоко ошибаются. Развѣ пуля сама по себѣ грѣховна? Вѣдь это—кусочекъ металла, не больше. Но если ее одинъ выпустить съ злымъ намѣреніемъ изъ ружья, то другой, ближній его, будетъ убитъ. Развѣ палка сама по себѣ грѣховна? Вѣдь это—только небольшое дерево. Но если ты возьмешь ее съ злымъ намѣреніемъ и ударишь другого, то этому другому причинишь страданія, быть-можетъ, и смерть.

Такъ и слово. Оно—звукъ, не больше. Но оно важно по тому, изъ какого источника оно исходитъ и какое дѣйствіе, какія послѣдствія оно производитъ. Слово чело­вѣка есть ото­браженіе его мысли, его настроенія и чувства, его души. Итакъ, если это слово полно злобы, лжи и срамоты, то какова же душа у чело­вѣка? Далѣе, слово чело­вѣка не остается въ воз­духѣ безслѣдно, ибо чело­вѣкъ живетъ не въ одиночествѣ пу­стыни и не съ собою самимъ обычно разговари­ваетъ: его слу­шаютъ другіе люди, усвояютъ и воспринимаютъ слово; слово же услышанное, будучи отображеніемъ чужой души, въ свою очередь настраи­ваетъ слушателей въ ту или другую сторону, худую или хорошую, ихъ мысли и душу, и приводитъ ихъ къ тѣмъ или другимъ, худымъ или хорошимъ, словамъ, дѣй­ствіямъ и поступкамъ. Получается постоянное, взаимное воз­дѣйствіе людей другъ на друга и въ добрѣ, а больше всего, чаще всего, къ сожалѣнію, во злѣ и въ грѣхѣ.

Вотъ почему, дѣйствительно, мы, какъ говоритъ апостоль, много согрѣшаемъ всѣ.

Въ наше время объявлена такъ-называемая свобода слова. Если бы эту свободу обратить на добро, дѣйствительно, много бы мы видѣли отъ этого пользы въ жизни. Указать, въ чемъ добро и польза, всѣхъ этому научить, обличить зло, разсудить, какъ и что сдѣлать, сказать правду, не боясь никого и ни-

чего, подѣлиться своими знаніями устно и печатно путемъ слова со всѣми людьми,—конечно, все это хорошо и полезно. Но въ томъ и горе, въ томъ и бѣдствіе наше, что ко всему примѣшивается грѣхъ нашъ, невоздержаніе, необузданность,—и свобода слова чрезъ это обращается во зло неудержимое.

Люди образованные обращаютъ свободу слова въ печати въ средство клеветы, злобы, разрушенія государства, разрушенія святой вѣры. Чего только не написано въ послѣднее время? Кого только не оклеветали и бранили?! Сообщаютъ въ газетахъ и книгахъ о томъ, чего не было и быть не могло; бранятъ Церковь, проповѣдуютъ безбожіе, не шадятъ Царя, клеветуютъ на тѣхъ, кто поставленъ у власти, возбуждаютъ къ ненависти и зависти, призываютъ къ погромамъ и убійствамъ, расхваливаютъ преступленія... Одни всему этому написанному вѣрятъ по простотѣ сердца, думая, что неправду бы не написали, а другіе вѣрятъ по своей злобѣ, потому что злomu человѣку пріятно все худое. Такъ зло посѣянное растетъ, распространяется и приноситъ всюду въ жизни страшный вредъ.

Люди же малообразованные, наши крестьяне, рабочіе, ремесленники, иначе поняли свободу слова. Грѣхъ давить русскаго человѣка—грубость и срамословіе. Грѣхъ этотъ на нашихъ глазахъ возросъ необычайно. Выйти на улицу стало невозможно. Днемъ, вечеромъ, особенно въ праздники, подъ праздники, когда въ храмахъ идутъ Божьи службы, когда на молитву спѣшаютъ старики, женщины, дѣти, что мы слышимъ на улицѣ? Отвратительное сквернословіе, самыя гнусныя и гнилыя слова, самую грубую и срамную брань! И бранятся по самому ничтожному поводу, сквернословятъ часто просто для провожденія времени... Съѣхались два извозчика, помѣшались одинъ другому переѣхать дорогу, пришлось остановиться прохожему въ ожиданіи, пока проѣдетъ запряженный возъ, лошадь ли остановилась утомленная, сбруя ли не въ порядкѣ, колесо ли попортилось,—по всякому поводу слышится грубая, отвратительная брань, мерзкое, гнусное сквернословіе! Дѣти слушаютъ это и заражаются худымъ примѣромъ; не зная значенія словъ, дома ихъ повторяютъ при родителяхъ, при сестрахъ и братьяхъ; женщины и прохожіе сгораютъ отъ стыда,

слушая это срамословіе, и не знаютъ, какъ взглянуть одинъ на другого. И всѣ эти ругатели, грубіяны повторяютъ одно: теперь свобода слова.

Законъ государственный и власть гражданская рано или поздно начнутъ обуздывать эту распущенность слова и карать ее наказаніями. Но христіанину стыдно ожидать такого закона, чтобы сдержатъ себя отъ грѣха, стыдно въ безнаказанности почерпать себѣ силу и смѣлость предаваться грѣху и такую безнаказанностью себя оправдывать и извинять. У насъ есть вѣчный законъ—законъ Божій и законъ нашей христіанской совѣсти. Законъ Господень заповѣдуетъ намъ: если хочешь быть совершеннымъ по душѣ, не согрѣшай въ словѣ, ибо кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человекъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло (Іак. III, 2); если хочешь видѣть въ обществѣ и государствѣ благоустройство и порядокъ, если хочешь видѣть дни благіе,—удержи языкъ твой отъ зла и уста твои, чтобы не говорить лжи (Іс. 33, 13—14).

Въ переживаемые дни нужно быть крайне осторожнымъ и къ слову своему, и къ слову чужому, безразлично, устному или печатному. Чужое слово тщательно провѣряй и не давай ему власти надъ собою; свое слово береги и сдерживай. Воистину, иногда малый огонь много вещества зажигаетъ! Воистину, малое человѣческое слово какъ много приноситъ зла, какъ много приноситъ гибели, опустошенія и разрушенія жизни!

Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устахъ моихъ! Аминь.

Смѣлый патріотъ.*

Дорогой нашъ Левъ Львовичъ! Совершилъ ты свой путь, и по волѣ Божіей оставилъ теперь все земное. Но мы, идущіе

* Рѣчь на панихидѣ при похоронахъ Предсѣд. Общества русск. патріотовъ Льва Львовича Кисловскаго 25 января 1907 г.

къ твоему общему для смертныхъ исходу, остаемся еще на землѣ, въ молвѣ житейскихъ попеченій о царствѣ земномъ. На него, на это царство земное мы смотримъ, какъ на путь къ царству Божию, небесному, и о томъ наши старанія, скорби и заботы, чтобы земля не заслоняла отъ насъ неба, чтобы временное не мѣшало вѣчному, чтобы порядки жизни родного намъ народа, родного намъ царства не мѣшали, а способствовали достиженію нами вѣчныхъ цѣлей и святыхъ идеаловъ христіанства.

И вотъ, ты сошелъ съ нашей нивы, и Господь взялъ тебя въ небесную житницу. Его святая воля!

Но прощаясь съ тобою въ этотъ скорбный часъ молитвы, мы не можемъ запретить нашему сердцу, не можемъ закрыть нашихъ устъ. Тебѣ не нужны наши хвалы. Ты отошелъ отъ нихъ и нуждаешься только въ молитвѣ о тебѣ предъ Богомъ. Не тебѣ, а намъ нужно слово благодарной тебѣ хвалы, чтобы въ насъ поднять и укрѣпить духъ посреди тяжкихъ испытаній.

Смерть уноситъ все временное, все низменное, предаетъ забвенію всякіе недостатки человѣческіе. Остается вѣчное, нестарѣющее, какъ залогъ свѣтлыхъ чаяній вѣры! Прими же отъ насъ доземный благодарный поклонъ за то доброе, и вѣчное, и возвышенное, что было въ твоей жизни!

Поклонъ тебѣ отъ русскихъ патріотовъ, стоящихъ за вѣру святую и вѣрность Царю и русскому народу, за то, что ты шелъ въ переднихъ ихъ рядахъ, за то, что часто ты поднималъ предъ всѣми ихъ знамя.

Поклонъ тебѣ отъ русскихъ патріотовъ за то, что ты не боялся ни гоненій, ни страданій, ни клеветы, ни преслѣдованій и бодро, смѣло и открыто стоялъ за патріотическія убѣжденія и ихъ исповѣдывалъ необязненно.

Поклонъ тебѣ отъ насъ за то, что ты отдавалъ все свое свободное время служенію русскому патріотическому дѣлу, которое въ наши дни приноситъ борцамъ за него только тернія и страданія.

Ты алопострадалъ, по слову апостола, какъ добрый воинъ. Ты сердцемъ жилъ страданіями родины. Что-жъ удивительнаго, если сердце твое и устало, и изстрадалось, и, перепол-

невное скорбью за Россію, не выдержало, и вотъ, перестало теперь биться!..

Но войну готовится вѣнецъ. Да будетъ онъ тебѣ нетлѣннымъ вѣнцомъ славы въ царствѣ вѣчности, у Царя вѣковъ, Единого невидимаго и вѣчнаго Бога! Аминь.

Грѣхъ и пагуба страсти осужденія.*

Прочіи человѣцы — хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь... (Лук. XVIII, 11).

Только и рѣчи нынѣ всюду слышны, только и помыслы всѣ о томъ, каковы прочіи человѣцы... Вотъ уже третій годъ въ нашей русской жизни, въ печати, въ русскомъ обществѣ господствуютъ одни эти рѣчи и помыслы. И прежде, конечно, было ихъ много, но въ переживаемое время творится и наблюдается въ этомъ отношеніи что-то особенное, невиданное, что-то похожее на общее помѣшательство. Безъ устали и безъ удержку мы ринулись всѣхъ и все судить и корить, все кругомъ передѣлывать и переустраивать. Читаешь газеты, прислушиваешься къ общественнымъ разговорамъ и настроеніямъ, и кажется, какъ-будто въ Россіи воздвиглось и высится огромное судное мѣсто; каждый, кто захочетъ, всходитъ на него и громить, и судить, и произносить приговоры о комъ и о чемъ только ему вздумается. Нѣтъ ни мысли, ни вопроса о правѣ суда. Призвали къ отвѣту всѣхъ, но главнымъ образомъ тѣхъ, которые стояли и стоятъ у власти, у вліянія, которые чѣмъ бы то ни было возвысились надъ обыкновеннымъ уровнемъ толпы: дѣлами, властью, положеніемъ, богатствомъ. Громко и властно произносятся приговоры и сужденія: судятъ Царя и правительство; судятъ Церковь, духовенство, богослуженіе; судятъ прошлое Россіи и настоящее; судятъ школу и

* Поученіе въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ.

просвѣщеніе; войско, чиновничество, торговлю; судять отдѣльныхъ лицъ. Каждый желаетъ быть непременно обвинителемъ, и приговоръ у каждаго судьи и обвинителя получается въ концѣ концовъ всегда одинъ и тотъ-же: всѣ прочіи человѣцы, кромѣ него и его единомышленниковъ, всѣ оказываются хищницы, неправедницы, прелюбодѣе...

Съ грустью приходится останавливаться на этомъ печальномъ явленіи нашего вѣка. Чего хотятъ достигнуть такую болѣзненную, заразительную страстью осужденія?

Говорятъ: это лучшее средство для общества очиститься, поправиться, наладить и улучшить свою жизнь. Увѣряютъ, что обличительный тонъ, въ который впали теперь всѣ газеты, всѣ общественные дѣятели служатъ залогомъ и вѣрнымъ средствомъ къ предупрежденію зла, широко разливагося въ жизни, къ поощренію честной работы и честныхъ работниковъ. Такъ ли это? О, если бы, дѣйствительно, было такъ! Но опытъ всѣхъ временъ и народовъ говоритъ намъ, и уроки слова Божія подтверждаютъ, что склонность къ постоянному осужденію никогда не служитъ къ улучшенію жизни. Она рождаетъ только взаимное озлобленіе. Она развиваетъ больше всего слова и слова, и меньше всего дѣло. Замѣчено, что кто слишкомъ склоненъ къ осужденію, тотъ дѣлаетъ это обыкновенно слишкомъ легко и поверхностно, черпая силу въ безнаказанности, не щадя никого и ничего, часто и не понимая того, о чемъ судить. Замѣчено, что этою страстью одержимы главнымъ образомъ тѣ люди, которые сами никогда ничего не дѣлали и не несли никакой отвѣтственности за работу. Замѣчено, наконецъ, что эти люди, достигнувъ власти и простора работы, сами исполняютъ ее гораздо хуже, чѣмъ тѣ, кого они прежде такъ беспощадно осуждали. Осужденіе другихъ обращается въ концѣ концовъ въ устойчивую привычку, въ болѣзнь; человѣкъ теряетъ способность замѣчать что-либо доброе и видеть всюду одно худое. Сколько судили, напримѣръ, даже Спасителя?! Сколько поставляли противъ Него упрековъ и обличеній?! Онъ Самъ сказалъ врагамъ Своимъ: *„не судите на лица, но праведный судъ судите“* (Іоан. XII, 24). Отсюда не ясно ли, что плодомъ озлобленной страсти все осуждать является обще-

ственное разстройство, а не улучшение жизни, разрушение ея, а не созиданіе. Есть служенія въ жизни, которыя особенно опасно предавать алорѣчю: пастырей, родителей, наставниковъ, воспитателей. Распространяя о нихъ худое, мы лишаемъ ихъ довѣрія со стороны тѣхъ, кому они служатъ; такимъ образомъ, этихъ „малыхъ“—пасомыхъ, обучаемыхъ, воспитываемыхъ—мы лишаемъ пользы ученія и добраго воздѣйствія. Не то же ли самое нужно сказать и по отношенію вообще къ лицамъ, облеченнымъ властью? Распатать жизнь и ея порядки легко; подорвать довѣріе къ старшимъ еще легче; осуждать и совѣмъ не составляетъ труда: но какъ возстановить и исправить разрушенное? Думаютъ ли объ этомъ наши современные строіе судьи жизни и разрушители?

Во дни завѣта Ветхаго Премудрый училъ: *„перече, неже испытаеши, не порицай, уразумѣй прежде, и тогда запрещай“* (Сир. XI, 7).

Но когда же у насъ испытываютъ? Когда уразумѣваютъ? Для этого вѣдь нужно время; для этого нужно самому много потрудиться, не разъ нести отвѣтственность за дѣло, чтобы сначала испытать чужой судъ на себѣ, а потомъ примѣнять свой судъ къ другимъ; для этого нуженъ опытъ; нужно внимательно изучить прошлое и настоящее; нужно имѣть мудрыхъ и вѣрныхъ наставниковъ. А нынѣ во главу жизни стали люди, большей частью юные и совѣмъ юнѣйшіе, и со смѣлостью и развязностью берутся поучать настоящія и грядущія поколѣнія, переустраивать жизнь по-своему. Крики и осужденіе—это часто только средство внушить себѣ довѣріе и проложить дорогу къ власти; это—легкое средство показать себя преданнымъ общественному благу, намекнуть на свои богатяя способности, нерѣдко мнимыя, и помануть обѣщаніемъ какихъ-то необыкновенныхъ будущихъ услугъ обществу; это—средство замѣнить и прикрыть собственную пустоту и бессодержательность, а иногда и просто свести счеты злобы и зависти съ ближними.

Нѣтъ и нѣтъ! Жизнь для своего устройства требуетъ упорнаго труда, глубокой вдумчивости, глубокаго самонаблюденія и какъ можно меньше воплей пустого критиканства. Чтобы

судить о дѣлѣ, для этого слишкомъ мало одного желанія всѣмъ давать въ этомъ дѣлѣ указанія, нахватанныя изъ книгъ, газетъ и разговоровъ, а часто подсказанныя злобою и завистью. Жизнь меньше всего нуждается въ крикливомъ, картинномъ и показномъ геройствѣ и больше всего желаетъ работы самоотверженной, послѣдовательной и одушевленной, осмысленной высшими религиозно-духовными цѣлями.

Двумъ земледѣльцамъ дали каждому поле. Пришли они на дѣло и увидѣли, что земля хороша, но поле одно и другое засорено множествомъ камней, затрудняющихъ работу. Одинъ началъ браниться и кричать: онъ обвинялъ прежняго хозяина поля въ лѣни и неумѣннн; онъ доказывалъ, что съ такого поля, пока не снимешь съ него камней, ничего нельзя получить,—потратишь даромъ трудъ и время, загубишь плугъ, потеряешь сѣмена напрасно. Онъ ходилъ безъ конца по сосѣдямъ и знакомымъ и со всѣми дѣлился своими жалобами; говорилъ горячо, убѣдительно. Всѣ соглашались съ нимъ. Но хлѣба у него не было, и слушателямъ приходилось кормить его на собственный счетъ. А другой земледѣлецъ, какъ только пришелъ на поле, помолившись Богу, принялся за трудъ и сталъ прежде всего молча сносить камни и складывать ихъ въ кучки; очистивъ мѣсто сначала небольшое, онъ здѣсь вспахалъ и посѣялъ; затѣмъ все свое время онъ употребилъ на то, чтобы продолжать очистку поля. Въ первый же годъ на небольшомъ расчищенномъ участкѣ у него былъ хорошій урожай, и онъ снялъ довольно хлѣба. На другой годъ все поле было свободно отъ камней и дало отличный сборъ зерна.

Такими именно тружениками, братіе, и сильна жизнь, люди, подобные первому земледѣльцу,—это соръ и тягота жизни; это жалкіе тунейдцы, вредные и несносные, хотя и красно говорящіе; прокричатъ они всю жизнь; будутъ кричать потомъ такъ же и ихъ преемники, а пользы отъ нихъ не будетъ никакой, и общество только даромъ будетъ кормить ихъ на собственныя средства...

Пусть же каждый изъ насъ работаетъ на томъ полѣ, на какое опредѣлили его Господь; пусть каждый исполнитъ свой долгъ, великъ ли онъ или малый. И мы тогда общими уси-

ліями воадѣлаемъ жизнь нашу, и мы тогда оставимъ въ наслѣдіе грядущимъ временамъ не одни безплодные и раздражающіе крики и вопли осужденія, а живое и прочное дѣло, способное къ росту и безконечному развитію въ новомъ непрерывномъ трудѣ нарождающихся поколѣній.

Такъ именно, въ спокойной вдумчивой работѣ, въ спокойномъ самоотреченіи и самоотверженномъ трудѣ, строили Русь святую наши благочестивые предки и намъ завѣщали родину не на расхищеніе, не на блудъ мятежнаго слова осужденія, а на развитіе и усовершеніе въ нашемъ трудѣ, въ трудѣ потомковъ, освященномъ и осмысленномъ вѣрою, любовью и смиреніемъ.

Но, можетъ-быть, осужденіе другихъ нравственно подниметь каждаго изъ насъ въ отдѣльности? Можетъ-быть, на худомъ примѣрѣ, нами осужденномъ, мы научимся добру и будемъ отвращаться отъ зла?

Отвѣтъ на эти вопросы, братіе, мы слышали сегодня въ притчѣ Спасителя о мытарѣ и фарисеѣ. Осуждалъ фарисей: и пошелъ домой изъ храма самъ Богомъ осужденный. Смирился мытарь: и пошелъ домой оправданнымъ. Страсть осужденія вокругъ человѣка родитъ злобу и въ немъ самомъ развиваетъ гордость и самомиѣніе. Но страсть эта прежде всего свидѣтельствуетъ о непригодности самого осуждающаго къ дѣлу. Мы судимъ людей чаще всего по себѣ, смотримъ на нихъ, такъ-сказать, „сквозь себя“: дурное, что мы имѣемъ въ себѣ, мы предполагаемъ въ другихъ, и, осуждая ихъ, мы хотимъ показать себѣ и другимъ, что свободны отъ этихъ недостатковъ. Предполагая въ другихъ съ злорадствомъ воровство, честолюбіе, угодничество, прелюбодѣяніе — чаще всего только по наслышкѣ отъ такихъ же любителей осужденія, какъ мы сами, а иногда только по одному подозрѣнію, — мы тѣмъ самымъ выдаемъ себѣ приговоръ и вскрываемъ содержаніе собственной нашей души. Въ этомъ смыслѣ правильно выраженіе: „скажи мнѣ, какія сочиняешь ты дурные слухи о твоихъ ближнихъ, и я тебѣ скажу, кто ты“.

Добраго человѣка осужденіемъ не унизишь; это все равно, что плевать на небо: твои плевки будутъ падать на тебя самого.

Самъ же ты, осуждая всѣхъ и все, нисколько не поднимаешься нравственно: какъ однимъ дымомъ безъ огня не согрѣть жилища, такъ одними словами осужденія безъ собственной работы надъ самимъ собою не согрѣешь, не возвысишь, не улучшишь своего духовнаго существа.

Есть одинъ судъ и дозволенный, и спасительный. Примѣръ его даетъ намъ мытарь въ читанной сегодня притчѣ: *это—судъ надъ самимъ собою*. И чѣмъ строже и искреннѣе этотъ судъ, тѣмъ лучше.

Оттого вѣчно назидательно это мытарево исповѣданіе: *„Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“*.

Оттого во дни скоро грядущаго всенароднаго покаянія дана намъ Церковью великая молитва: *„Ей, Господи, Царю! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего!“* Аминь.

Смыслъ и поученіе церковнаго анаеаметствованія.*

Тяжкой и опасной дорогой идетъ путникъ. Путь его поднимается въ гору, мѣстами становится настолько узкимъ, что кажется, будто дорога совсѣмъ преграждается каменными глыбами. А справа и слѣва то и дѣло открываются глубокія пропасти, страшныя бездны, бездонныя, ужасающія. Одинъ неосторожный шагъ, одно неосторожное движеніе, особенно въ темнотѣ,—и путникъ стремительно падаетъ въ пропасть и гибнетъ неминуемо.

Но чья-то рука вездѣ на пути поставила шесты, надписи, фонари; вездѣ, гдѣ дорога суживается,—читай надпись съ предупрежденіемъ объ опасности, съ указаніемъ, какъ ея избѣгнуть. А гдѣ есть опасность поскользнуться, оступиться и упасть въ бездну, поставлены также надписи съ указаніемъ и съ предупрежденіемъ, какой стороны пути нужно держаться,

* Поученіе въ недѣлю Православія.

поставлены и фонари, ярко освѣщающіе дорогу, чтобы путникъ и ночью порой, въ темнотѣ зналъ, куда и какъ ему идти увѣренно, въ полной надеждѣ достигнуть цѣли путешествія.

Скажите, какая рука трудилась надъ этою дорогою, разставляла предупреждающіе знаки и надписи, зажигала фонари, предохраняла путниковъ отъ гибели? Любящая это рука, или злобая? Благодарить ее намъ нужно, или бранить и осуждать за стѣсненіе свободы путника на дорогѣ,—той свободы, которая ему принесла бы неминуемую гибель? Думаемъ, что двухъ отвѣтовъ на эти вопросы быть не можетъ: то была добрая, любящая рука; благодарить ее нужно, а не бранить, не осуждать.

Путникъ—это христіанинъ, идущій къ царству Божію и вѣчному спасенію. Тяжелъ его путь и исполненъ онъ многихъ опасностей. Соблазны, невѣріе, неправовѣріе стоятъ на дорогѣ; онъ можетъ уклониться въ гибельную ересь, онъ можетъ исказить собственными мудрованіями небесную истину. Одинъ неосторожный шагъ въ сторону отъ праваго пути вѣры,—и предъ нимъ пропасть. Неправая вѣра есть и неправая жизнь; мудрованіе въ вѣрѣ есть и суемудріе жизни. Страшно удалиться отъ истины, ибо это значитъ удалиться отъ Бога, отъ Вѣчной Правды и погибнуть духовно навѣки. Но христіанинъ не одинокъ на пути своемъ. Съ нимъ любящая мать—Церковь Христова. Она указала и указываетъ опасныя мѣста, она блюдетъ путника въ дорогѣ, она предупреждаетъ его, гдѣ опасность.

Ты слышишь ученіе о томъ, что Бога нѣтъ совсѣмъ, или что міръ произошелъ случайно, самъ собою, а не сотворенъ Богомъ; ты слышишь ученіе, что Богъ не въ трехъ лицахъ; тебѣ говоритъ еретикъ, что Сынъ Божій неравенъ Богу Отцу; тебѣ внушаютъ мысль, что можно спастись только вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ. „Анаема этимъ ученіямъ“,—такъ предупреждаетъ Церковь. Это—на христіанство, это—не правая вѣра, это—не правильный путь, это—дорога къ гибели.

Тебя увѣряютъ, что можно спастись безъ Церкви, безъ ея руководства, безъ таинствъ, подаваемыхъ отъ Духа Святаго, безъ обрядовъ, безъ молитвы святыхъ... „Анаема такимъ

ученіямъ“,—опять говорить, предупреждая тебя, Церковь; не ходи во вслѣдъ такихъ ученій: они намѣренно тебя отводятъ отъ истины, отъ Матери-Церкви, чтобы легче тебя погубить беззащитнаго, лишеннаго руководства.

Тебя увѣряютъ, что нѣтъ ни Промысла Божія, ни откровенія Бога людямъ; тебѣ говорятъ, что нѣтъ общенія живыхъ и мертвыхъ, что не нужно и поминать умершихъ, что нѣтъ и загробной жизни, что одна участь у человѣка со скотомъ, что человѣкъ послѣ смерти не воскреснетъ, не будетъ имѣть ни жизни, ни сознанія, не будетъ надъ нимъ и суда Божія... „Анаеема такимъ нечестивымъ ученіямъ“,—возглашаетъ вслухъ всѣхъ вѣрующихъ Церковь. Это—приниженіе человѣка до животнаго, это—смерть для духовной жизни человѣка, это—худшее изъ всѣхъ видовъ нечестія, разрѣшающее человѣка отъ всѣхъ и всякихъ нравственныхъ обязанностей и толкающее его на путь страстей и пороковъ и полного озвѣрнія.

Тебѣ говорятъ лжеучители: „нѣтъ нравственнаго закона; нѣтъ власти; можно идти бунтомъ и насиліемъ противъ всѣхъ стѣсненій, противъ всѣхъ порядковъ жизни, можно-де идти бунтомъ и противъ царей, ибо они сами собою, а не Богомъ поставлены“. „Анаеема“—анаеема такимъ пагубнымъ ученіямъ, говоритъ Церковь Христова. Это—не христіанское ученіе; это—разрушеніе всякой жизни, всякаго общества; это можетъ измыслить и повторить только самый злой и коварный врагъ всего добраго, врагъ человѣчества.

И въ опроверженіе всѣхъ этихъ нечестивыхъ ученій, въ огражденіе вѣрныхъ чадъ своихъ отъ соблазна, въ устрашеніе лжеучителей, еще не окончательно потерявшихъ голосъ совѣсти и послушанія Богу и Его откровенному закону, святая Церковь въ нынѣшній день, по тысячелѣтнему своему обычаю, возглашаетъ анаеему, осужденіе и отлученіе всѣмъ отступникамъ, еретикамъ, соблазнителямъ, всякому невѣрію и зловѣрію. А въ назиданіе вѣрныхъ св. Церковь возглашаетъ предъ всѣми символъ святой и неповрежденной, чистой нашей православной вѣры, и запечатлѣваетъ его словами: „Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди“. И тутъ же возглашается вѣчная

память всѣмъ ревнителямъ православія, всѣмъ просіявшимъ въ правовѣрїи, всѣмъ крѣпкимъ въ православїи, всѣмъ, кто словомъ, дѣломъ, жизнью, проповѣдью, властью способствовалъ торжеству въ мірѣ святой православной Церкви. Торжественный этотъ чинъ Православія совершается высшими священноначальниками—епископами; мы же духомъ участвуемъ въ этомъ священнодѣйствїи, прилѣпляясь сердцемъ къ православію и страшась даже мысли объ отпаденїи отъ него и о поврежденїи чистоты свято-заповѣданной намъ вѣры.

Что же? Вражду или злобу заповѣдуетъ этимъ Церковь Божїя ко всѣмъ отступникамъ православія? Погибели имъ желаетъ? Призываетъ на нихъ громы и казни небесныя? Ненавистью питаетъ сердца вѣрующихъ?

Нѣтъ! Скорбно она молить Господа объ умиренїи міра, о смягченїи душъ и сердець отступившихъ отъ вѣры, желаетъ имъ спасенія, зоветъ ихъ возвратиться въ спасительную ограду Церкви. И здѣсь, слѣдовательно, какъ и въ предупрежденїи вѣрныхъ чадъ своихъ отъ опасности и гибели, мы слышимъ тотъ же любящїй голосъ, мы видимъ ту же любящую руку Церкви Христовой. Но никакая любовь не можетъ сломить ожесточенія и упорства тѣхъ, которые вступили на путь діавола. Сей челоуѣкоубійца не устыдился даже любви Бога, Іуда не постыдился Христа. Къ прискорбію, бываетъ у людей состоянїя закоренѣлости и озлобленности, которыя не уступаютъ и любящему голосу Церкви. Такіе люди—погибшіе люди. Самъ Спаситель, Воплощенная Любовь, сказалъ о нихъ, что имъ нѣтъ прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей. Св. Церковь не можетъ черное называть бѣлымъ и бѣлое—чернымъ. Такихъ упорныхъ и озлобленныхъ грѣшниковъ и отступниковъ она, предавая анаемѣ, отлученїю, такъ и именуетъ отлученными отъ Церкви, стоящими внѣ спасенія. Не по жестокости она дѣлаетъ это, а только свидѣтельствуетъ объ истинѣ; не погибели желаетъ грѣшнику; напротивъ, называя грѣхъ—грѣхомъ и неправду—неправдою, она скорбитъ о погибающихъ и молится о нихъ. Сами грѣшники, сами отступники, а не кто-либо иной отлучаются отъ Бога, отъ Церкви и отъ вѣчной жизни.

Въ сей день Православія мы, сыны православія, усугубимъ молитвы о мирѣ всего міра, о благостояніи Церкви Божіей, о соединеніи всѣхъ, объ искорененіи всѣхъ расколовъ, ересей и отступствъ. Въ сей день Православія мы, сыны православія, усугубимъ и возгрѣемъ въ сердцахъ преданность св. православной вѣрѣ, св. православной Церкви, ея ученію, ея заповѣдямъ, ея пастырямъ и всему богоучрежденному ея строю. Она, святая православная вѣра, спасала отцовъ нашихъ, она—и наше спасеніе.

Сія вѣра истинная, сія вѣра православная, сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра вселенную утверди! Аминь.

Православіе въ исторіи Россіи.*

Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.

(Изъ чина Православія).

Среди народа русскаго сложилось и живетъ одно трогательное и умиленное сказаніе: наши предки рассказывали, будто бы Сынъ Божій, умирая на крестѣ среди родного Ему, но отвергшаго Его и богоубійственнаго народа, распятъ былъ такъ, что Его хребетъ обращенъ былъ къ Іерусалиму, а потухающій взоръ—къ далекому, неизвѣстному сѣверу. И вотъ, когда нашъ Искушитель въ священномъ молчаніи висѣлъ на крестѣ, когда уже холодъ могилы проникалъ въ Его тѣло и мракъ смерти застилалъ налитыя кровью Его очи: тогда въ послѣдній разъ взглянулъ Онъ по направленію къ нашей родной странѣ и, распростертыми Божественными руками призывая весь міръ въ любовь Свою, въ этотъ предсмертный часъ умолялъ Отца дать Ему въ обладаніе народы далекаго сѣвера.

* Религ.-нравств. чтеніе въ недѣлю Православія.

Пришло время, и предки наши, русскіе славяне, услышали въ душѣ призывъ Господа Іисуса, и сущей тьмѣ, и въ мракъ глубоко засіяла надъ ними вѣра христіанская. Сіяетъ она и теперь надъ ними. Русскіе патріотическіе союзы ставятъ православіе во главу своего исповѣданія и призываютъ русскихъ людей стоять въ вѣрѣ, мужаться и укрѣпляться въ ней. При такихъ призывахъ невольно западаютъ въ душу глубокія и умиленные думы о чудныхъ судьбахъ православія въ исторіи нашего отечества.

Тысячу лѣтъ назадъ, окончивъ на семи вселенскихъ соборахъ борьбу съ лжеученіями, отстоявъ истину Христову и цѣною крови—въ гоненіяхъ, мученіяхъ и ссылкахъ, и цѣною неимовѣрнаго духовнаго напряженія—въ пастырской просвѣтительной дѣятельности свв. отцовъ и учителей,—св. Церковь установила на всё времена, въ прославленіе вѣкамъ минувшимъ и въ назиданіе всёмъ будущимъ вѣкамъ, воспоминаніе торжества православія. Отстоявъ свою вѣру, во всеуслышаніе міру, въ богослужебномъ чинѣ этого дня, она заявляла и заявляетъ: *„сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.“* Тысяча лѣтъ—время достаточное для того, чтобы судить, какъ до конца исполнились эти высокія слова надъ судьбами міра, надъ судьбами народовъ, исповѣдующихъ наше святое православіе. Станемъ въ положеніе безпристрастныхъ зрителей судебъ міровой исторіи въ эту послѣднюю истекшую тысячу лѣтъ. Вотъ вскорѣ послѣ учрежденія чина Православія (842 г.), чрезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ (862 г.), юныя и сильныя, богато одаренныя славянскія племена свв. братьями-просвѣтителями Кирилломъ и Меодіемъ призываются въ лоно православія. Но не на дальнемъ западѣ, не на берегахъ Дуная и Моравы суждено было укрѣпиться дѣлу свв. братьевъ: на берегахъ Днѣпра и вокругъ озера Ильменя нашлось славянское племя, которому Господь судилъ, столѣтіемъ позже, воспользоваться священнымъ наслѣдіемъ свв. просвѣтителей и привиться, какъ дичку, къ плодовитому древу православія. И нужно быть слѣпымъ, нужно совсѣмъ закрыть глаза на правду, на уроки

исторіи, чтобы не видѣть, *какія неисчислимыя блага принесло православіе нашему отечеству* ¹⁾.

Мы радуемся, мы не можемъ не радоваться почти необъятному величію русской земли. Это чувство такъ естественно, такъ законо... Но не нужно забывать, что въ предѣлахъ царства русскаго, до просвѣщенія его христіанствомъ, обитали различныя племена славянскія, раздѣленныя, даже враждебныя между собою. О всѣхъ нихъ кратко, но выразительно замѣчаетъ древній русскій лѣтописецъ: *„живяху, якоже всякій зверь“*... Православная вѣра дала имъ человѣческой образъ существованія, уничтожила звѣриныя нравы, слила воедино враждебныя роды и племена и образовала изъ нихъ одинъ многочисленный, сильный и единоплеменный народъ русскій. Она указала этому молодому народу величайшую историческую міровую задачу—нести свѣтъ христіанства и блага культуры дикимъ племенамъ сѣвера, и востока, и юга Европы, а потомъ и народамъ неизмѣримой Сибири и Азіи. Плодомъ этой высокой духовной работы было то, что многія мелкія племена, дикія и варварскія, чуждыя намъ по крови, силою православія сдѣлались братьями нашими по вѣрѣ, слились во единый народъ и сроднились съ нами крѣпкими, нерасторжимыми узами родства духовнаго. Теперешнія чисторусскія центральныя губерніи, какъ Московская, Ярославская, Владимірская, не говоря уже о другихъ, были населены инородцами; Волга, Ока, Москва-рѣка были мѣстомъ населенія финскихъ и другихъ нерусскихъ племенъ. Но единая православная вѣра соединила и слила ихъ съ русскимъ народомъ и образовала единое и могучее царство.

Изнамогаль народъ русскій въ тяжкую годину удѣльныхъ усобицъ, и близокъ казался конецъ его, но при множествѣ князей, при разнообразіи и полной противоположности интересовъ отдѣльныхъ княжествъ, одна вѣра православная, съ однимъ языкомъ богослужебнымъ, одна власть церковная была ангеломъ-хранителемъ единства русскаго народа, под-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ пользуется по мѣстамъ мыслями архіепископа Дмитрія Херсонскаго (см. его „Слова“ на 11 июля).

держивала въ немъ сознаніе родства по духу и плоти, и вызвала у лѣтописца нашего другое глубокое замѣчаніе о славянахъ: *“всѣ сіи племена—родъ одинъ христіанскій”*.

Распадался потомъ народъ русскій на части, стоналъ подъ властью поработителей: Русь западная, казалось, навсегда была въ насильственномъ соединеніи съ царствомъ неправославнымъ, которое не безъ успѣха стремилось къ тому, чтобы подавить самую народность русскую. Но въ теченіе столькихъ вѣковъ, послѣ столькихъ переворотовъ, посреди враговъ отъ востока, и запада, и сѣвера, и юга православіе соблюло и сохранило нашу народность для великаго будущаго. Оно послужило живою и крѣпкою связью насильственно разьединенныхъ частей русскаго царства и неудержимо влекло ихъ другъ къ другу; оно освятило и укрѣпило любовь къ общему отечеству въ любви къ вѣрѣ и Церкви православной. Православію мы обязаны и тѣмъ, что не знали внутренняго раздѣленія, не знали этой гибельной вражды власти духовной и свѣтской,—а будь у насъ эта внутренняя вражда, не устоять бы царству нашему среди ударовъ отъ враговъ внѣшнихъ, среди ужасныхъ историческихъ испытаній. Мы не знали мучительнаго раздвоенія совѣсти, мы не стояли предъ страшнымъ вопросомъ, къ кому пристать: къ голосу ли пастырей, интердиктами и проклятіями громившихъ царя и отечество и призывавшихъ подданныхъ отказаться отъ присяги и отъ повиновенія государю, или къ голосу царя, повелѣвавшаго отступить отъ Церкви, отъ пастырей, отъ спасительныхъ утѣшеній вѣры. Слуги отечества вдохновлялись у насъ на свои подвиги въ пользу родины не вопреки вѣрѣ, какъ нерѣдко бывало на Западѣ, а благодаря ей: православіе единой Россіи создало единодержавіе; православіе призывало сыновъ своихъ на защиту отечества; православіе воодушевляло героевъ Невскихъ и Донскихъ, воздвигало и укрѣпляло Аврааміевъ и Гермогеновъ, вдохновляло князей Пожарскихъ и Смоленскихъ, гражданъ Мининыхъ и Сусаниныхъ и тысячи героевъ, безмольно положившихъ души и polegшихъ костями за родимую землю. И поле Куликово, и поле Бородинское прежде и послѣ кликовъ воинскихъ слышало звуки церковныхъ молитвъ, во-

одушевлявшихъ воиновъ. А въ переживаемые нами дни что, какъ не православіе, съ его молитвами о Царѣ и воинствѣ, можетъ вдохнуть въ народъ нашъ такой высокій патріотизмъ? А нашимъ героямъ-воинамъ на полѣ брани что служить источникомъ воодушевленія, что утѣшаетъ ихъ въ трудахъ и подвигахъ, что обѣщаетъ имъ награду на небѣ за смерть и мученія,—что, какъ не вѣра православная? И развѣ за все за это—за единую, недѣлимую Россію, за свободную и великую Россію—развѣ не достойно принести благодарный поклонъ святому православію отъ сердца, любящаго родину въ ея прошломъ и настоящемъ!?

Мы не можемъ, далѣе, обойти молчаніемъ вопроса о томъ, что служить условіемъ внутренней твердости царства русскаго. Гдѣ основа ея? Православная вѣра изначала дала народу нашему слово Божіе на родномъ его языкѣ: а слово Божіе научило насъ повиноваться царю и власти не по страху, а по совѣсти; оно освѣтило законы государственные, вдохновило ихъ евангельскимъ духомъ христіанской любви и милосердія, возвѣстило о святости и непреложности взаимныхъ правъ и обязанностей; вѣра православная научила любить согражданъ, любить и самыхъ враговъ и далеко по всему міру сдѣлала славнымъ имя народа русскаго, какъ народа незлобиваго и кроткаго, мягкаго, необыкновенно благороднаго и великодушнаго къ покореннымъ или присоединеннымъ народностямъ. Сколько разъ и такъ жестоко оскорбленный и даже дониндѣ часто у себя же на Руси неблагодарно оскорбляемый иновѣрцами, иноплеменниками, русскій народъ не развилъ въ себѣ той національной исключительности, злобной мстительности и несправедливой алчности въ пользу свою и въ ущербъ другимъ народностямъ, что видимъ мы доселѣ на Западѣ...

Вообще, мы можемъ съ удовольствіемъ указать на многія истинно-прекрасныя свойства народа нашего: на его простоту, прямодушіе, правдолюбіе и отсутствіе гордыни, на его терпѣливость безъ забитости, на его смиреніе безъ приниженности; мы любуемся многими и трогательными его обычаями, мы видимъ въ немъ умѣнье жертвовать собою во имя долга, прощать и забывать обиды; видимъ его милосердіе къ преступ-

никамъ, мягкость ко врагамъ, его щедрую благотворительность, радушное гостеприимство къ знаемымъ и незнаемымъ, его сердечное сочувствіе къ горю отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Здѣсь стоитъ вспомнить, что не одинъ, а нѣсколько народовъ обязаны православною Россіи самими собою, т.-е. своею свободой государственною. Это безпримѣрный подвигъ въ исторіи. Полагаемъ, что выдающимся писателямъ русскимъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ наблюдательности, ни въ нравственной чуткости, а вѣдь они зовутъ людей образованныхъ учиться нравственнымъ свойствамъ у народа. Естественно спросить: откуда же у народа все это? Гдѣ получили воспитаніе прекрасныя свойства души народной, при нашей скудости матеріальной, при обширности нашей земли, при отсутствіи школъ и просвѣтительныхъ учреждений? Кто это такъ воспиталъ нашъ народъ? Кто?—Отвѣтъ ясенъ. Отъ Ледовитаго моря до Чернаго, отъ Балтики до океана Великаго, отъ острововъ Соловецкихъ до Ситхи и Сахалина, отъ Колы и Архангельска до Ташкента и Самарканда, при всей народной скудости, на громадномъ протяженіи, безъ путей сообщенія, посреди дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ, при рѣдкомъ населеніи, несмотря на тяжкія историческія испытанія, требовавшія напряженія всѣхъ силъ народныхъ, Церковь православная насадила храмы Божіи: въ нихъ-то и воспитался народъ нашъ, въ нихъ онъ учился прекраснымъ нравственнымъ свойствамъ; книги церковныя до самаго послѣдняго времени были его любимымъ, единственнымъ чтеніемъ. Не одними героями брани и государственнаго строенія силенъ и славенъ народъ нашъ! Нѣтъ, онъ просіялъ великими праведниками,—этого никто отрицать не смѣетъ; онъ приумножилъ данные ему таланты вѣры, онъ пронесъ слово благовѣстія евангельскаго, а съ нимъ и блага порядка христіански-государственнаго до послѣднихъ предѣловъ земли, куда не ступала нога образованнаго чело-вѣка. Наши святые: Антоній и Θεодосій Печерскіе, Сергій Радонежскій, Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ Московскіе, наши Сергій и Германъ Валаамскіе, Зосима и Савватій Соловецкіе, Стефанъ, просвѣтитель Пермскій, Трифонъ Печенгскій, Θεодоритъ Кольскій,—просвѣтители лопарей и самоѣдовъ, Трифонъ

Вятскій, преподобный Герасимъ Вологодскій, Вассіанъ Олонецкій, Кирилль Челмогорскій и до послѣднихъ временъ святыя Макарій, Иннокентій, Димитрій, Митрофанъ, Тихонъ, Θεодосій, Серафимъ, наши многіе, еще не объявленные святыми старцы, подвижники, духовники народные Филаретъ Кіевскій, Пареевій, Илларионъ, Макарій, Амвросій, Θεофанъ и другіе, изъ которыхъ многіе только недавно почили, а многіе и живы,—все это—плодъ православія, все это—герои нравственные, и ихъ у насъ цѣлое небо духовное, цѣлый сонмъ живыхъ носителей христіанскаго идеала, которые и доселѣ служатъ примѣрами для подражанія. Имѣющіе очи видѣть и уши, чтобы слышать, находили ихъ и донынѣ находятъ то подъ покровомъ смиренія и безвѣстности, въ пустыняхъ, въ обителяхъ, а иногда и подъ покровомъ высокаго священноначальствованія, взятаго, какъ бремя, во имя послушанія... Всѣ эти неоцѣненные духовныя сокровища принесло намъ православіе.

Мы любимъ языкъ нашъ сильный, благозвучный и прекрасный, богатый и разнообразный. Въ немъ отразилось духовное богатство наше, сказалась духовная красота нашего племени. Народъ, имѣющій такой языкъ,—великій народъ,—говоритъ одинъ изъ выдающихся нашихъ писателей.—Теперь на этомъ языкѣ написаны такія произведенія, которыя, вышедши за предѣлы Руси, приобрѣли почетную извѣстность среди всѣхъ образованныхъ народовъ міра.

Нужно ли указывать, кто впервые образовалъ и упорядочилъ самый языкъ нашъ и сдѣлалъ его изъ бѣднаго и грубаго языкомъ богатымъ и книжнымъ? Кто приспособилъ его къ выраженію высшихъ мыслей и понятій, кто безъ конца обогатилъ его и какъ бы освятилъ его переводомъ слова Божія, безчисленныхъ церковныхъ гѣснопѣній, гимновъ и молитвъ? Это сдѣлало святое наше православіе. Эту заслугу его дано понять и оцѣнить не всякому. Но не будь этой заслуги и благодѣянія православія, народъ нашъ никогда бы не поднялся до величія...

Мы, безъ сомнѣнія, сочувствуемъ распространенію образованности въ нашемъ отечествѣ. Мы, безъ сомнѣнія, чужды дикой фанатической ненависти ко всему иноземному. Но мы

хотѣли бы взять оттуда одно доброе; мы хотѣли бы при заимствованіяхъ со стороны не передѣлаться въ чужеземцевъ, не потерять основъ своего религіознаго и народнаго быта, не потерять своей духовной личности, а остаться тѣмъ, чѣмъ насъ Богъ создалъ, потому что быть русскимъ—и славно и почетно. Но кто же, кто принесъ къ намъ впервые и сокровища образованности? Извѣстно, что Западная Европа отъ Востока получила сама эти сокровища, и подъ вліяніемъ Византіи началось въ ней возрожденіе наукъ и искусствъ. Но задолго до этого времени, изъ той же Византіи принесенное къ намъ православіе дало намъ вмѣстѣ съ тѣмъ блага образованности и литературы, сколько мы принять ихъ могли по тогдашнему своему развитію. Потомъ православная Церковь русская въ своихъ монастыряхъ образовала первыхъ учителей, пастырей и проповѣдниковъ, которыхъ хватило для проповѣди евангелія до самой Камчатки и даже далекой Америки; она же дала намъ первыхъ писателей, лѣтописцевъ, переводчиковъ; она же соблюла въ цѣлости большую часть древнихъ памятниковъ письменности въ годы нашихъ государственныхъ испытаній; она сохранила у насъ духовный свѣтъ среди мрака въ бѣдственные дни татарщины и смутнаго времени. И за все это: за свѣтъ, за жизнь, за святое святыхъ нашей жизни развѣ не достойно принести благодарный поклонъ до земли родному православію, святому православію, отъ сердца любящаго родину въ ея прошломъ и настоящемъ?

Когда же исторія поставила насъ въ необходимость принять и новое, возникшее на Западѣ просвѣщеніе, опять и оно долго и исключительно держалось въ церковныхъ училищахъ, и служители Церкви православной изъ западной Руси призваны были преобразователемъ Россіи императоромъ Петромъ къ себѣ въ непосредственные помощники. Не разъ съ тѣхъ поръ наука, увлекааясь образцами Запада, становилась во враждебное отношеніе къ вѣрѣ и Церкви; не разъ русскіе образованные люди, даже тѣ, кому ввѣрены были судьбы отечества, оторвавшись отъ родной почвы, не сумѣвши узнать и полюбить родную Церковь, боялись ея будто бы властолюбивыхъ замысловъ, потому что смотрѣли на нее глазами Запада,

привыкшаго къ борьбѣ началъ религіознаго и мірскаго. Все снесла родимая Церковь православная, и среди незаслуженныхъ оскорбленій и униженій отъ родныхъ своихъ дѣтей, православныхъ по имени и русскихъ по недоразумѣнію, осталась и цѣлою, и близкою народу. Возраженія и обвиненія, ваяты напрокатъ съ Запада, сыпались противъ нея, противъ Самого Бога и Христа Его, возникали, множились,—и забывались, и предъ лицомъ Божіей истины таяли, какъ иней подъ лучами солнца. Церковь православная не слѣдовала образцамъ Запада, не сжигала своихъ враговъ по примѣру католиковъ и протестантовъ. Но силою слова и нравственнаго вoadѣйствія на вѣрующихъ православіе остерегало и теперь благодѣтельно оберегаетъ и учитъ насъ отличать и въ новомъ западномъ просвѣщеніи истинное отъ ложнаго, полезное отъ вреднаго, пшеницу отъ плевель, отъ которыхъ нерѣдко страдаютъ народы, славящіеся просвѣщеніемъ; оно воѣмъ намъ даетъ достойный вѣчной памяти завѣтъ и урокъ: вся испытующе, добрая держите—все испытывайте, хорошаго держитесь (1 Сол. V, 21).

Таковы, въ краткомъ очеркѣ, плоды православія для нашей родины. Мы могли бы остановиться далѣе на общечеловѣческомъ, всемірномъ значеніи православія. Но и сказаннаго довольно, чтобы проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ къ нашему родному православію, которому мы обязаны самими собою. На зарѣ русской исторіи оно послужило живительнымъ сѣменемъ, которымъ какъ бы духовно проросъ и какъ бы силою внутренняго духовнаго сдѣвленія крѣпко отлился народъ нашъ въ единый и могучій историческій организмъ. Въ преествѣ поколѣній, среди всѣхъ превратностей времени, среди всѣхъ измѣненій нравовъ, языка, обычаевъ, умственнаго развитія, православіе и доселѣ служитъ началомъ, связующимъ наше прошлое, настоящее и будущее. Станьте гдѣ-либо въ людныхъ мѣстахъ народнаго богомоленія у старинныхъ завѣтныхъ святынь нашихъ. Станьте, на примѣръ, въ лаврахъ Кіевской, Сергіевской или въ Успенскомъ соборѣ Москвы, станьте у почитаемыхъ святынь въ Соловкахъ, Воронежѣ, Задонскѣ или Иркутскѣ, или въ Саровѣ..., когда къ святынь движутся

народныя волны. Вотъ гдѣ видимое преемство поколѣній живущихъ и отшедшихъ, вотъ гдѣ живая, неумирающая связь прошлаго съ настоящимъ! Сколько вздоховъ, сколько слезъ, сколько молитвъ видѣли эти святыни! И два, и три, и пять, и десять столѣтій назадъ предъ ними такъ же проходили народныя волны, и такъ же молились предки наши, и вѣровали, и уповали, и вдыхали это благоуханіе святыни, какъ это мы видимъ донинѣ. И если бы отдаленнѣйшіе предки наши встали вдругъ изъ гробовъ, то среди измѣнившейся до неузнаваемости жизни они все-таки сразу узнали бы въ насъ своихъ близкихъ, своихъ родныхъ братьевъ,—узнали бы въ святой православной вѣрѣ, въ той самой, которою и они дорожили больше всего на свѣтѣ; узнали бы насъ въ нашихъ храмахъ, часто въ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ нѣкогда стояли и они на молитвѣ; узнали бы насъ въ почитаемыхъ нами святыняхъ древности и въ чинѣ нашего богослуженія, и въ словахъ нашихъ молитвъ,—во всемъ, что нѣкогда ихъ утѣшало на землѣ, что составляло ихъ душевное сокровище. О, страшно и ужасно стать внѣ этой могучей, вѣчно-жизненной Церкви православной! Страшно вѣточкѣ или листочку оторваться отъ родимаго дерева, и безумно надѣяться, что вѣточка не завянетъ, что листокъ не засохнетъ, не погибнетъ! Почтимъ же родное православіе наше словомъ благоговѣйной хвалы, чувствомъ глубокой благодарности! Почтимъ его любовью и сердечною преданностью. Почти тысячу лѣтъ оно было живительною и зиждительною силою народа нашего. Что принесетъ намъ будущее,—то вѣдомо Единому Богу. Но недаромъ же Господь вызвалъ къ бытію и сохранилъ цѣлымъ и невредимымъ народъ нашъ и далъ ему великую историческую задачу. И мы вѣримъ, вѣримъ отъ всей души, и не обманетъ насъ голосъ горячо вѣрующаго и горячо любящаго сердца: будетъ, будетъ подъ сѣнью православія расти и крѣпнуть наше дорогое отечество. А измѣнимъ мы православію: неминуемо погибнемъ, какъ вѣтвь, оторвавшаяся отъ дерева. Но теперь, когда уже на западѣ Европы и въ дальнихъ странахъ Абиссиніи, Японіи и Америки начинаютъ чтить и съ изумленіемъ видѣть красоту нашей святыни, нашего православія, прильнемъ мы къ

нему съ особою вѣрою и любовію, будемъ дорожить имъ, не смущаясь тѣми, которые отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ,—разумѣемъ простыхъ и титулованныхъ, образованныхъ и невѣжественныхъ нашихъ сектантовъ и тѣхъ политикановъ-соціалистовъ и кадетовъ, которые равнодушны ко всякой религіи и прямо сатанински-враждебны православію. Пусть святая вѣра православная будетъ душою нашей жизни, управляющею и движущею силой всей нашей дѣятельности! Спасительна она была для насъ въ прошломъ, такую же останется она для насъ и въ будущемъ. Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно: „Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди!“

Утвердить она и сохранить въ силѣ и славѣ и Русь святую. Утверждать у насъ миръ, порядокъ и справедливость только тѣ государственные и общественные дѣятели, тѣ политическія партіи и союзы, которые открыто и твердо стоятъ за православіе.

Грѣхъ—наша погибель.*

Начнемъ нынѣ слово поученія церковнаго назидательнымъ житейскимъ рассказомъ.

Одинъ художникъ захотѣлъ изобразить свѣтлаго, чистаго ангела. Онъ искалъ образа въ средѣ окружающихъ людей, чтобы воспользоваться имъ для своей картины. Посчастливилось ему однажды на улицѣ встрѣтить ребенка съ такимъ свѣтлымъ, прекраснымъ и добрымъ лицомъ, съ такимъ невиннымъ выраженіемъ чистоты и кротости въ глазахъ, что художникъ немедленно же рѣшилъ срисовать съ него ангела. Скоро картина была готова, и рѣшительно все восхищались ею: такъ много было возвышеннаго, духовнаго и чистаго въ изображеніи ангела, такъ хотѣлось смотрѣть на него, не

* Слово въ недѣлю 2-ю поста.

отрывая глазъ. Художникъ и самъ не разставался со своей картиной и въ созерцаніи ея нерѣдко находилъ для себя источникъ просвѣтлѣнія духовнаго и утѣшенія.

Потребность творчества и творческое воображеніе подсказывали ему, что для противоположности, для усиленія впечатлѣнія хорошо было бы рядомъ съ картиной, изображающей ангела святого, изобразить на другой картинѣ духа грѣха, злобы и тьмы. Долго обдумывалъ эту мысль художникъ; прошло много лѣтъ, когда онъ, однажды случайно посѣтивъ городскую тюрьму, встрѣтилъ тамъ преступника, лицо и взоръ котораго были омрачены необыкновенною злобою и какъ бы носили на себѣ печать грѣха, преступности и отверженія. Лицо было прямо отталкивающимъ. Это было то, чего искалъ художникъ; этимъ живымъ начертаніемъ порока и рѣшилъ художникъ воспользоваться для изображенія духа тьмы.

Когда картина была готова и поставлена рядомъ съ первою, всѣ дивились необыкновенно яркой и наглядной противоположности добра и зла, свѣта и тьмы. Настолько первая картина всѣхъ привлекала и давала миръ и радость тому, кто ее созерцалъ, настолько вторая отталкивала и наводила ужасъ.

Но удивительнѣе всего было вотъ что: преступникъ, съ котораго списанъ былъ духъ злобы, оказался тѣмъ самымъ ребенкомъ, съ котораго нѣкогда художникъ срисовалъ ангела... Почему же, спросите, онъ такъ измѣнился? Что положило такую печать отверженія на лицо, прежде столь чудно-привлекательное?

Отвѣтъ ясенъ: это грѣхъ искажилъ все прекрасное въ ребенкѣ, это грѣхъ передѣлалъ ангельское лицо ребенка на дьявольское выраженіе преступника.

Во дни Великаго поста должно чаще напоминать вѣрующимъ объ этой страшной и гибельной силѣ зла и грѣха.

Церковь Божія такъ именно и поступаетъ. Вотъ прошли двѣ недѣли поста. Всѣ ли подумали о говѣннѣ и покаяніи? Всѣ ли углубились въ себя, пересмотрѣли свое нравственное состояніе, исповѣдали и оплакали грѣхи свои? А тѣ, которые уже исполнили этотъ долгъ христіанскій, не забыли ли своего

покаяннаго настроенія, не обратились ли на прежній путь грѣха? Въ назиданіе, въ напоминаніе, въ предостереженіе намъ и предлагается сегодня Церковью *второй разъ въ году* священное повѣствованіе Евангелія объ исцѣленіи Спасителемъ расслабленнаго въ Капернаумѣ. Больной былъ недвижимъ отъ болѣзни; онъ горячо и твердо вѣрилъ въ силу чудодѣйственную и въ безмѣрное милосердіе Божественнаго Учителя, настолько вѣрилъ онъ и тѣ четверо, которые несли его на одрѣ, что за невозможностью пройти черезъ множество народа, окружавшаго Иисуса Христа, они съ трудомъ взобрались на крышу дома, въ которомъ Онъ пребывалъ, прокопали кровлю и спустили больного къ ногамъ Спасителя. Господь видѣлъ вѣру расслабленнаго, но вмѣсто того, чтобы сказать ему: „встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой“, Онъ сказалъ иное краткое слово: „чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои“. Осудили Спасителя за это фарисеи, но послѣдствіе показало, что прощеніе грѣховъ и болѣзней духа исцѣлило и болѣзни тѣла; чудо свершилось: расслабленный всталъ и пошелъ въ домъ свой здоровымъ.

Христіанинъ! Бойся грѣха, какъ въ полномъ смыслѣ смертельнаго недуга и самаго глубокаго и тяжкаго несчастья: вотъ что говоритъ намъ въ этомъ слышанномъ сегодня евангеліи нашъ Спаситель, вотъ что говоритъ намъ святая Церковь.

Въ доброе старое время, и не такъ давнее, эта истина ясно сознавалась и проводилась неуклонно въ семьѣ и въ обществѣ. „Это грѣхъ“, „боюсь грѣха“, „не сдѣлать бы грѣха“,—такими правилами и опредѣлялась вся жизнь. Въ семьѣ ребенокъ на каждомъ шагѣ слышалъ это отъ отца и матери, отъ старшихъ и воспитателей. Не помолился онъ Богу утромъ, вечеромъ, передъ ѣдой, послѣ ѣды, стоялъ разсѣяннo на молитвѣ, забылъ святые слова,—онъ слышитъ слово матери: это грѣхъ! Ребенку здѣсь урокъ: никогда не забывай Бога; твори дѣло Божіе съ благоговѣніемъ. Въ комнатѣ онъ надѣлъ шапку, мимо церкви и иконы прошелъ, не перекрестившись; встрѣтился со священникомъ и не принялъ благословенія,—ребенку твердятъ: это грѣхъ. Ему урокъ: почитай святыню. Не испол-

нижъ онъ приказанія родителей, не всталъ въ ихъ присутствіи и въ присутствіи старшихъ, сказалъ имъ или при нихъ неосторожное и легкомысленное слово,—онъ слышитъ: это грѣхъ! Ребенку урокъ: почитай старшихъ. Уронилъ неосторожно хлѣбъ на полъ, рассыпалъ крохи просфоры—грѣхъ! Здѣсь урокъ: береги даръ Божій. Выскочилъ изъ-за обѣда, нарушилъ установленныя правила домашнія, съѣлъ не во-время и запрещенное—грѣхъ! Это значитъ: приучайся сдерживать себя во всемъ во имя долга, различай дозволенное отъ запрещеннаго, храни установленныя порядки и правила, не разрушай ихъ, но исполняй и созидай!

Такъ воспитывается въ человѣкѣ воля; такъ воспитывается осторожность къ добру и злу; такъ образуется на всю жизнь навѣкъ крѣпкій и спасительный,—навѣкъ при каждомъ движеніи мысли и чувства, при каждомъ поступкѣ не отдаваться ему сразу, а сначала провѣрить себя въ зеркалѣ закона Божія и въ голосѣ христіанской совѣсти: а не грѣхъ ли это?

Предъ Богомъ мы всегда дѣти, и дай намъ, Господи, навсегда остаться такими дѣтьми! Какъ дѣти въ семьѣ привыкаютъ сообразовать все свое поведеніе съ волею и наставленіями родителей и въ этомъ находятъ твердыя правила жизни, счастье и покой, такъ и мы предъ Богомъ, предъ Его волею и Его вѣчными наставленіями.

Нынѣ подвергаютъ насмѣшкамъ и глумленію такое настроеніе. Нынѣ желаютъ внушить, что боязнь грѣха есть робость души, есть слабость, трусость, пережитокъ давняго времени, рабство предразсудкамъ. Берегись, христіанинъ! Въ этихъ словахъ и внушеніяхъ—ядъ соблазителя-дьявола, ядъ смертоносный! Предъ чистою дѣвушкой или чистою женщиною лукавый соблазнитель съ видомъ гордости и превосходства толкуетъ: „Чего боитесь? Неужели грѣха? Это, молъ, устарѣло, это избито. Пусть человѣкъ будетъ свободенъ въ чувствѣ и въ выборѣ счастья“. Предъ добрымъ и въ добрѣ воспитаннымъ юношей стоитъ соблазнитель и толкаетъ его на путь безумнаго бунта, убійства и грабежа, якобы ради блага народнаго, и твердитъ ему: „Чего боитесь? Грѣха? Полно! Это признакъ ограниченности. Это выдумали люди, чтобы стѣснить нашу свободу.“

рѣшайтесь: вы будете героемъ“. И предъ каждымъ изъ насъ въ минуту искушенія на зло стоитъ невидимо все тотъ же древній змій-искуситель, и опять слышится та же рѣчь: „Не бойся грѣха; преступи его, и за нимъ откроется царство радостей и наслажденій; будешь, какъ богъ, вѣдый доброе и злое, а безъ этого—что ты въ жизни испытываешь и зачѣмъ лишишь себя удовольствія?“

О, христіанинъ! Кто бы ты ни былъ: молодежь или старъ, стоитъ ли предъ тобою соблазнъ чувственности, или соблазнъ гордости, зависти, мстительности или корытолюбія, — стань тогда во весь духовный ростъ твой, въ полноту христіанскаго вѣдѣнія, въ полноту христіанскаго мужества и скажи всякому искусителю: „Да, я боюсь грѣха! Прочь отъ него, прочь отъ дьявола! Отойди отъ меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклонись, и Ему единому служи!“

И только явится такая мысль и рѣшимость: сокрушить Господь сатану подъ ногами нашими вскорѣ (Римл. XVI, 20). Соблазнители, какъ бы они ни казались и какъ бы сами ни представляли себя высшими, важными, обладающими всею мудростью вѣка и всею силою, всѣмъ сочувствіемъ общественнаго мнѣнія современности, все они—ничто предъ богооткровеннымъ и единственно-непогрѣшительнымъ словомъ Божиимъ. Если на одной сторонѣ—одинъ Христосъ, а на другой—весь міръ; если на одной сторонѣ—одинъ ученикъ Христовъ—апостоль, а на другой—все мудрецы вѣка, то выборъ для насъ ясенъ, какъ Божій день, на чьей сторонѣ стать. Если ангель съ неба благовѣститъ намъ иначе, чѣмъ они благовѣстили, и онъ—да будетъ анаеема (Гал. I, 8),—такъ учить насъ апостоль. И онъ же учить о грѣхѣ: „Да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ, чтобы повиноваться ему въ похоть его. И не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды. Почитайте себя мертвымъ для грѣха, живымъ же для Бога. Когда вы освободились отъ грѣха и стали рабами Богу, плодъ вашъ есть святость, а конецъ—жизнь вѣчная“ (Римл. гл. VI). Аминь.

«Боговластіе и народовластіе».*

И вопаритси въ дому Іаковли во вѣки,
и царствію Его не будетъ конца. (Лук. I, 33)

Мы, христіане, по изображенію слова Божія, мы—новый благодатный Израиль, мы—новый Сіонъ, надъ которымъ царствуетъ Іисусъ, и царствію Его не будетъ конца. И пока Онъ царствуетъ надъ нами и мы признаемъ Его, какъ Бога, своимъ Царемъ, дотолѣ Его ученіе—нашъ законъ, мы—Его подданные, мы—царство Христа, царство Божіе.

Богъ властвуетъ надъ нами, и правда наша человѣческая—только тогда правда, когда она совпадаетъ съ правдой Божіей. Богъ властвуетъ надъ нами и Онъ же, по Своей правдѣ и волѣ, ставитъ надъ нами власть земную, которая, въ мѣру силъ и разумѣнія, является проводникомъ воли Его—въ поощреніе добру, въ пресѣченіе и отмщеніе злу. Нѣтъ бо власть еще не отъ Бога. Онъ низлагаетъ царей и поставляетъ; начальникъ же есть Божій слуга (Римл. XIII; Дан. II, 21).

Такъ буквально говорить слово Божіе. Самъ Богъ впервые избралъ Саула на царство, чрезъ Самуила помазалъ его, а народъ въ послѣдствіи только принялъ это избраніе. Самъ же Богъ, а не народъ, и отвергъ Саула, и вмѣсто него Самъ же Богъ, а не народъ, избралъ и помазалъ Давида, а народъ опять въ послѣдствіи только принялъ избраніе Божіе.

Самое царство человѣческое потому и имѣетъ нравственное и высшее право на существованіе, что оно должно являться орудіемъ и средою для проявленія и дѣйствія на землѣ царства Божія; оно помогаетъ добру, оно удерживаетъ зло, оно даетъ членамъ своимъ и обезпечиваетъ имъ мирное и тихое житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ, чтобъ они чрезъ царство человѣческое достигали оправданія предъ Богомъ и творили безпрепятственно правду Божію. Царство человѣческое

* Изъ рѣчи на патристическомъ вечерѣ 25 марта 1907 г. въ Москвѣ.

должно, имѣя Царемъ своимъ Бога, осуществлять въ своей жизни вѣчныя, свыше данныя и указанныя въ Откровеніи, неизмѣнныя начала Его ученія, Его закона, этой правды Божіей.

Но царство земное имѣетъ много земныхъ заботъ, неизбѣжныхъ и тяжкихъ: охрана царства, защита отъ враговъ, упорядоченіе мірскаго быта, судъ, всякое земное строеніе, тяжкій долгъ сдерживать разливъ зла карами и наказаніями. Заботы такого рода, цѣликомъ возложенныя на весь народъ, мѣшали бы ему въ осуществленіи его высокаго нравственнаго назначенія, отвлекали бы его отъ царства Божія.

И вотъ, народъ, по волѣ Божіей и по предварительному промыслительному избранію Божію, избравъ себѣ царя, на него возлагаетъ все тяжкое и трудное въ государственномъ строеніи и государственномъ бытіи. Какъ бы такъ онъ говорить своему царю:

„Царь, ты—стражъ земли, ты—жертва всенародная; управляй царствомъ: возьми отъ насъ, кого тебѣ нужно: воиновъ, военачальниковъ, градоначальниковъ, совѣтниковъ, помощниковъ, исполнителей твоей воли, а прочимъ—народу твоему, который, какъ народъ христіанскій, чуждъ гибельной похоти власти, дай свободу отъ этой тяготы власти и государственнаго строенія, чтобъ онъ могъ безпрепятственно служить Богу во всякомъ благочестіи и чистотѣ, въ усвоеніи искупительныхъ заслугъ Сына Божія, въ общеніи и помощи Духа Святаго—въ достиженіи царства Божія“.

Самодержавный царь, такъ именно понимающій свое призваніе, не можетъ быть ни ограниченъ въ своей власти, ни освобожденъ отъ своего долга, не можетъ и самъ себя ограничить или освободить отъ долга, какъ не можетъ освободить себя отъ обязанности стражъ, приставленный къ сокровищу. Власть царя—это не право его только, это прежде всего его крестъ, долгъ и обязанность; отъ долга же нельзя отказаться, ему можно только измѣнить.

Вотъ ученіе слова Божія и согласное съ нимъ почти тысячелѣтнее государственное возрѣніе и исповѣданіе русскаго православнаго народа.

Мы останавливаемся на немъ подробнѣе въ виду того, что въ наше время въ эту область внесено слишкомъ много лжи и обмана, нерѣдко даже со стороны тѣхъ, кто по долгу званія обязанъ былъ бы вмѣсто мудрствованій человѣческихъ давать вѣрующимъ вѣчное ученіе слова Божія.

Членъ Государственной Думы Григорій Петровъ, называющій себя православнымъ священникомъ, въ телеграммѣ на имя предсѣдателя Думы, опубликованной въ печати и подписанной Петровымъ, какъ священникомъ, пишетъ, въ соблазнъ христіанамъ, что Думѣ „надлежитъ создать великій храмъ народовластія съ широкимъ просторомъ свободы и высокимъ куполомъ вѣчной Божіей правды“ ¹⁾.

Если бы Григорій Петровъ заявлялъ о своемъ признаніи народовластія, какъ юристъ или соціологъ, мы бы могли молчать, предоставивъ юристамъ же и социалистамъ приводить научные доводы противъ его положеній. Но Григорій Петровъ выступаетъ, какъ священникъ; и ранѣе, въ 1905 году, онъ уже дѣлалъ попытку обосновать ученіе о народовластіи искаженными и передѣланными по своему усмотрѣнію словами Священнаго Писанія въ листкахъ для народа („Русское Слово“ 1905 года № 280).

По долгу званія, по долгу совѣсти мы обязуемся объявить это неслыханное въ устахъ православнаго священника ученіе о народовластіи вмѣсто боговластія лично принадлежащимъ ему, Петрову, но не православной Церкви, объявить это ученіе его, Петрова, человѣческимъ измышленіемъ, но не ученіемъ

¹⁾ Приводимъ эту шумливую и многорѣчивую телеграмму полностью:

„Г. Предсѣдателю Государственной Думы. Изъ Лугк.

Привѣтъ излюбленнымъ избанникамъ народа, печальникамъ измученной страны. Передъ Думою—трудъ великой важности. На мѣстѣ к урной, убогой, залитшейся бюрократической кровью, гдѣ долгіе вѣка насильственно томился хозяинъ-страны—народъ-великанъ,—надлежитъ создать великій храмъ народовластія съ широкимъ просторомъ свободы и высокимъ куполомъ вѣчной Божіей правды. Дружно, избранники-братья! За работу, мудро взвѣшивая каждый взмахъ своего трудового молота! Всѣ, кто любитъ искренно народъ, кому дороги завѣты правды, кто жизнь готовъ отдать за общее благо,—въ общій строй плечомъ къ плечу, въ общей борьбѣ за благо и право народа, въ тѣсномъ общеніи со всею страной! Богъ въ помощь твердо начать и успѣшно въ свое время кончить дѣло обновленія Россіи! Началась всеобъемлющая и свободная правда.

Членъ Государственной Думы священникъ *Григорій Петровъ*“.

слова Божія, указанія котораго для того, кто называетъ себя православнымъ священникомъ и въ качествѣ такового говорить, безспорны и обязательны.

Ученіе Петрова о народовластіи прежде всего неразумно, ибо если „властвуетъ народъ“, то гдѣ же его подданные и надъ кѣмъ же онъ властвуетъ?

Ученіе это опасно въ нравственномъ отношеніи, ибо прививаетъ народу страшную по своимъ послѣдствіямъ похоть власти, ту похоть, отъ которой болѣе всего желалъ отвратить Иисусъ Христосъ Своихъ послѣдователей.

Ученіе это не христіанское и противно слову Божию, какъ это мы выше показали; ибо Царь нашъ и Владыка—Богъ, а не народъ; Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса,—Господь властвуетъ, а не народъ; отъ Бога и власть земная, а не отъ народа; Богъ избиралъ царей и помазывалъ, а не народъ; Господь возводитъ и низводитъ царей, а не народъ. Народъ въ той же мѣрѣ можетъ избирать царя, какъ дѣти избираютъ отца и мать...

Ученіе о народовластіи прямо грозитъ ниспроверженіемъ той вѣчной Правды Божіей, которую Григорій Петровъ помѣщаетъ въ своей не особенно вразумительной образной рѣчи гдѣ-то въ „высокомъ куполѣ надъ широкимъ просторомъ свободы великаго храма народовластія“.

Въ самомъ дѣлѣ, правда Божія выше правды народовластія, или сливается съ нею? Правда народовластія это и есть правда Божія, или она можетъ послѣдней противорѣчить? Если правда Божія есть нѣчто высшее народовластія и правды его,—то пусть же и царствуетъ она, пусть будетъ богоправленіе, боговластіе, а не народовластіе; если же правда народовластія собственно и есть правда Божія, то правда эта, значить, условная, временная, а не вѣчная, посему ни для кого не обязательная. Кѣмъ же правда Божія возвѣщается? Кѣмъ хранится? Кѣмъ принимается? Кѣмъ проводится въ жизнь? Кѣмъ ограждается отъ натиска зла? Если народомъ,—то Григорій Петровъ подписывается подъ убійствомъ Христа, совершеннымъ по праву народовластія, и подъ воплями всего народа: „возьми, возьми, распни Его!“

Въ преклоненіи предъ правдою народовластія не забыты ли слова Христа, сказанныя въ мучительный часъ прощальной бесѣды съ апостолами и относящіяся и ко всеѣмъ христіанамъ, а главнымъ образомъ, къ преемникамъ апостоловъ—къ пастырямъ Церкви: „Я избралъ васъ отъ міра, сего ради ненавиждать васъ міръ“... Міръ и Христа не позналъ,—тотъ міръ, которому поклониться и власть коего признать зоветъ Григорій Петровъ. Возглашая народовластіе, кому же служить онъ и куда зоветъ: къ добру или злу, къ свѣту или къ тьмѣ, къ Богу или къ міру, ко Христу или антихристу?

Святой апостоль о явленіи великаго отступленія и антихриста въ будущемъ говоритъ, что тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взято отъ среды нѣчто удерживающее (2 Сол. II гл.). Подъ удерживающимъ отцы Церкви понимали царскую власть.

Остановливаясь на этомъ толкованіи, знаменитый подвижникъ, богословъ и писатель епископъ Теофанъ, авторитетъ котораго непререкаемъ, и котораго нравственная чистота и пребываніе въ добровольномъ затворѣ въ обители, вдали отъ міра, ставятъ выше всякихъ подозрѣній въ челоуѣкоугодливости, даетъ слѣдующія указанія, столь важныя въ вопросѣ о народовластіи и царской власти:

„Царская власть, имѣя въ своихъ рукахъ способности удерживать движенія народныя и держась сама христіанскихъ началъ, не попуститъ народу уклониться отъ нихъ, будетъ его сдерживать. Какъ антихристу главнымъ дѣломъ своимъ будетъ имѣть отвлечь всѣхъ отъ Христа, то и не явится, пока будетъ въ силѣ царская власть. Она не дастъ ему развернуться, будетъ мѣшать дѣйствовать въ своемъ духѣ. Вотъ это и есть удерживающее. Когда же царская власть падеть, а народы всюду заведутъ самоуправство (республики, демократія—народовластіе), тогда антихристу дѣйствовать будетъ просторно. Сатанѣ нетрудно будетъ готовить голоса въ пользу отреченія отъ Христа, какъ это показалъ опытъ во время французской революціи. Некому будетъ сказать *вето властное*. Смирненное же заявленіе вѣры не станутъ слушать. Итакъ, когда заведутся всюду такіе порядки (народовластія),

благопріятные раскрытію антихристовыхъ стремленій, тогда и антихристъ явится. До того же времени подождетъ, удержится.“

Пусть въ сатанинской работѣ разрушаютъ это спасительное удерживающее враги вѣры и Церкви, сознательные и безсознательные слуги антихриста,—но не священническими же руками дѣлать такое дѣло!

Григорій Петровъ въ дальнѣйшемъ изложеніи своего телеграфнаго писанія въ Думу уже прямо бранитъ правительство и въ то же время открыто призываетъ народныхъ представителей не на трудъ въ единеніи съ Царемъ и властью, а „на общую борьбу“ за право народа противъ правительства, „въ тѣсномъ общеніи со всею страной“. Это, по его словамъ, значить, что началась „всеобъемлющая и свободная правда.“ (?)!

Во всякомъ случаѣ, это не „правда Божія“, а особая, своя собственная „правда“ Григорія Петрова. Но подъ нею подпишется и антихристъ.

Горе міру отъ соблазновъ; невозможно не быть соблазнамъ, но горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ. Лучше бы ему не родиться въ міръ!..

Русскій православный народъ! Храни таинство вѣры въ чистой совѣсти и берегись соблазновъ. Не вѣрь ложнымъ огнямъ, не вѣрь сіяющимъ обманамъ народовластія: оно не отъ Бога, не отъ свѣта, не отъ правды, оно не во спасеніе, а въ погибель. „Храмъ народовластія“, предлагаемый вмѣсто боговластія,—обманъ; широкій просторъ его свободы вмѣсто свободы духа отъ грѣха—гибель; высокій куполь правды Божіей, которымъ тебя соблазняютъ,—призракъ, а все это измышленное Григоріемъ Петровымъ зданіе—оно изъ того царствія мірскаго и тлѣнной славы его, которое во мгновеніе времени нѣкогда сатана показалъ Христу въ третьемъ и самомъ сильномъ искушеніи.. Падши, не поклонись ему; Господу Богу твоему поклоняйся и Тому Единому служи! (Мѣ. IV гл.)

Есть два царства: Божіе и человѣческое, Церковь и государство. Одному обѣщана вѣчность и neodолѣнность даже вратами ада; о другомъ однажды изречено: мене, текель, фересь,—исчислилъ, взвѣсилъ, раздѣлилъ,—и оно погубило подъ тяжестью грѣховъ, хотя и было великимъ Вавилономъ, о коемъ

сказано было въ ознаменованіе его могущества: млатъ всея земли.

Если мы желаемъ царству человѣческому, государству прочности и долгодѣтія, то должны стремиться къ тому, чтобъ оно слилось съ царствомъ Божиимъ, съ Церковью, чтобъ оно шло не путемъ человѣческимъ, грѣховнымъ, а путемъ Божьимъ, не гибельнымъ народовластіемъ, не торжествомъ міра во злѣ лежавшаго, а спасительнымъ боговластіемъ, отраженіемъ котораго является сіяніе царской власти, боговѣчанной и превознесенной, ограниченной не жалкимъ правомъ человѣческимъ, а только вѣчной правдой Божіей.

Тогда ты, Русь, будешь Русь святая, какъ встарь; тогда ты будешь домомъ новаго благодатнаго Израиля и водворится въ дому твоёмъ Христосъ во вѣки и царствію Его не будетъ конца!..

Русскія знамена.*

Острие стрѣлы! Наполяйте колчаны
Противъ стѣнъ Вавилона поднимите зна-
мя! (Лерем. LI, 11—12.)

Гремить и донинѣ въ слухъ всѣхъ сыновъ вѣры это слово пророка Іереміи. Пророкъ былъ пламеннымъ ревнителемъ Божіей истины, пламеннымъ патриотомъ, любившимъ свою родину и свой родной народъ любовью, крѣпкою, какъ смерть. Всею силою и глубиною скорби скорѣлъ онъ о пагубномъ пути грѣха и отступленія, который избрали его соотечественники, плакалъ о гибели Іерусалима, но среди слезъ и стенаній онъ провѣщалъ объ его свѣтлыхъ дняхъ, объ отрезвленіи народа, о возвращеніи его къ основамъ своей богопре-

* Рѣчь при освященіи знаменъ-хоругвей патриотическихъ организаціи въ Москвѣ, въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, 15-го апрѣля 1907 года.

данной вѣры. Всею глубиною скорби скорбѣлъ онъ о томъ, что родина его подпала игу чужеземному, и отъ рѣкъ Вавилоня слышалъ онъ чуткимъ любящимъ сердцемъ вопли и стоны плѣннаго народа.

Давно Вавилонъ сталъ образомъ всякаго духовнаго растлѣнія и блуда, нечестія, порока, отступленія отъ Бога и богопротивленія, и давно борьба съ нимъ—это образъ непрестанной борьбы и войны духовной. Давно плѣнь евреевъ и плачь ихъ на рѣкахъ Вавилонскихъ служить образомъ духовнаго плѣна и гибели всякаго народа, забывшаго Бога, измѣнившаго вѣрѣ, погибающаго въ увлеченіи всѣмъ чужеземнымъ, отказавшагося отъ основъ, завѣщанныхъ своею исторіей, отъ основъ своего религіознаго и народнаго быта.

Вѣрнымъ сынамъ народа всегда предстояла борьба противъ такого Вавилоня,—борьба, нерѣдко стоившая имъ жизни, какъ это мы видимъ на примѣрѣ того же замученнаго пророка Іереміи. Но ничто и никогда не могло остановить ихъ мужества, ихъ ревности, ихъ воодушевляющаго призыва: „Поднимайте знамена противъ стѣнъ Вавилоня!“

Страшно и опасно переживаемое нами положеніе нашего роднаго русскаго народа. Пришли языцы въ достояніе его, осквернили его святое святыхъ, оклеветали и унизили все намъ родное, дорогое и близкое, пролили кровь вѣрныхъ сыновъ его, какъ воду: они силятся отнять нашу вѣру, раздрать Россію по частямъ, замутить ее внутренними раздорами классовъ и сословій, обезсилить умаленіемъ Царской и всякой правительственной власти, понизить и уничтожить наше народное самосознаніе, надругаться надъ всѣмъ нашимъ прошлымъ, сдѣлать народъ нашъ бездомнымъ бродягой безъ исторіи, безъ родины, развратить его духовно, обезвѣрить, обратить въ блудный и растлѣнный Вавилонъ, въ сплошное царство безсовѣстности и разврата, предать его въ плѣнь чужеземный, на рѣки Вавилоня, заглушить самые стоны и рыданія наши въ уготовляемомъ тяжкомъ плѣненіи. Какъ дикіе коршуны, сторожатъ враги Россіи смертный часъ ея, въ единеніи съ нашими домашними Іудами, что отъ насъ изыдоша, но не бѣжа отъ насъ.

Видятъ это вѣрные Богу, Царю и родинѣ русскіе люди; видимъ мы и сознаемъ, видимъ и ужасаемся, но не теряемъ ни вѣры, ни бодрости, твердо уповаемъ на побѣду, твердо идемъ на борьбу, знаемъ всю ея тяжесть, но не откажемся отъ нея до смерти. И во образъ этой страшной брани, во образъ нашего единства, сооружаемъ мы теперь по всей Россіи свои особыя знамена-хоругви. Говоримъ съ царемъ-псалмопѣвцемъ: *во имя Бога нашего поднимаемъ знамя* (Пс. 19, 6); слышимъ призывный кличъ пророка: *острите стрѣлы, наполняйте колчаны; противъ стѣнъ Вавилона поднимите знамя!* (Иерем. LI, 11—12); по слову Божію, *будемъ стоять на своелз мстѣ при знаменахъ своихъ* (Числ. II, 17). Въ знаменательномъ совпаденіи дней церковно-праздничныхъ, сегодня мы освящаемъ наши знамена въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, — въ день, когда слышимъ торжествующую пѣснь церковную, въ которой мы, вѣрующіе, изображаемся, яко отроцы, *побѣды знаменія носяще...*

Пусть будутъ и наши знамена—побѣды знаменіе носяще! Да будутъ они во главѣ вѣрной дружины борцовъ за вѣру, Царя и русскій народъ, и да будетъ дружина наша, по слову Божію, для враговъ *грозна, какъ полки со знаменами!* (Пѣсн. Пѣсн. VI, 4).

Насъ пугаютъ самымъ именемъ знаменъ. Не убоимся! Не страшно это имя, а вождельнно нашему сердцу. Поднимаются противъ знаменъ нашихъ лицемѣрныя обвиненія, ползетъ низкая клевета. Намъ говорятъ обвинители: „вы строитесь дружинами для погромовъ, для насилій, для крови; знамя ваше—знамя междоусобія и раздора“. Кто это говоритъ? Говорятъ тѣ, у кого души и руки въ крови убитыхъ десятковъ тысячъ неповинныхъ жертвъ революціи, въ крови тѣхъ убиенныхъ ревнителѣй патріотизма въ разныхъ мѣстахъ нашей родины, тѣхъ, мучениковъ долга и вѣрности, которыхъ мы сейчасъ только поминали заупокойною молитвою. У этихъ обвинителей насиліе и ложь—правило жизни, низость и предательство—правило борьбы, клевета, терроръ съ тайными убійствами—излюбленные способы и орудія достиженія цѣлей. Это они избили въ послѣдніе три года свыше 36.000 вѣрныхъ

слугъ Царя и родины и случайныхъ жертвъ бомбъ и покушеній, безъ различія пола и возраста; это они, якобы мирные дѣятели, идутъ на людей власти и достатка съ гѣснами: „бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ“...

Нѣтъ, не страшны, а почетны обвиненія и ненависть этихъ фанатиковъ-изувѣровъ. Ихъ злоба, ненависть и клевета, это—исповѣдуемое ими *признаніе нашей силы*. Противъ ничтожества не пошли бы съ такимъ бѣшеннымъ озлобленіемъ! Страшна имъ вѣчная сила вѣры; страшно для нихъ наше патріотическое воодушевленіе; знаютъ они, что рано или поздно, но неизбѣжно и непременно на него отзовется сердце народа и смететъ ихъ паутину обмана, разоблачитъ ихъ предательство. Страшно для нихъ сознавать, что мы являемся хранилищемъ религіознаго и патріотическаго чувства и народнаго самосознанія,—и вотъ силятся они убійствами, клеветою и всѣми видами преслѣдованій разсѣять и ослабить дружину вѣрныхъ. Ненавистны имъ наши знамена, какъ образъ и показатель растущей нашей силы и растущаго единенія.

Новую клевету возводятъ они на вѣрныхъ. „Ваше знамя,—говорятъ они,—знамя застоя, знамя прошлаго, а не будущаго, знамя рабства и насильническаго режима, который вмѣстѣ съ вами отстаиваютъ изъ себялюбивой выгоды нечестные власти-тели, капиталисты и земельные собственники; бѣдный народъ не идетъ и не пойдетъ за вашимъ знаменемъ“. Клевета на насъ, клевета и на народъ! Гдѣ же среди насъ люди власти? Ихъ нѣтъ. Гдѣ намъ хотя бы особая, усиленная защита отъ убійствъ и убійць? Ея нѣтъ на нашей сторонѣ; видимъ, напротивъ, великое стараніе власти отыскать виновныхъ въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, гдѣ есть хоть тѣнь подозрѣнія въ томъ, что убійство совершено со стороны русскихъ патріотовъ. И мы не осуждаемъ такого старанія; мы говоримъ, что если убійцы —изъ числа русскихъ патріотовъ, то они поступили противъ нашего исповѣданія, дѣйствовали отъ себя лично, а не отъ имени патріотическихъ союзовъ; мы высказываемся противъ всякаго насилія; мы бы хотѣли только видѣть такое же усердіе властн въ раскрытіи и карѣ преступленій во всѣхъ 36.000 случаяхъ убійствъ, совершенныхъ нашими обвинителями и

противниками, которые так усердно заподозрѣваютъ насъ въ погромныхъ и кровавыхъ намѣреніяхъ.

Гдѣ, далѣе, среди насъ капиталисты? Еврейскіе банки и деньги не у насъ въ услуженіи; заграничныя пособія и японскіе, нынѣ вполне и неопровержимо доказанные, подкупы не мы получали. Гдѣ же русскіе капиталисты? Ихъ среди насъ нѣтъ; биржевое купечество не намъ открываетъ кассы, не намъ даетъ пособія на газеты... Немногіе состоятельные люди, что пришли къ намъ, пришли по влеченію сердца, пришли послѣ великихъ скорбей и неприяностей, которымъ не перестаютъ подвергаться и донинѣ за свою принадлежность къ патриотическимъ союзамъ. Это одно уже ясно показываетъ, что они—честные, прямые, убѣжденные люди, а не своекорыстные защитники правъ капитала подъ видомъ патриотизма. Скольکو разоренныхъ погромами и грабежами русскихъ людей! Но ни одинъ еврейскій банкъ не ограбленъ, ни одинъ домъ богачей, откупившихся деньгами отъ революціонеровъ, не тронуть...

Крупные земельные собственники—гдѣ они среди насъ? Не къ намъ они ушли; чужебѣсіе и своекорыстіе заставляютъ ихъ, напротивъ, старательно обѣгать насъ и искать поддержки тамъ, гдѣ они чувствуютъ силу, принимая за силу наглость, безстыдство и неразборчивость въ средствахъ. Если есть немногіе землевладѣльцы въ нашей средѣ, то о нихъ можно повторить буквально то, что сказано нами о людяхъ богатыхъ.

Кто же съ нами? Огромное большинство нашихъ единомышленниковъ—простой народъ, съ которымъ въ нашихъ союзахъ и собраніяхъ въ простотѣ и любви соединяются и люди богатые, и люди знатные,—ибо одна у нихъ религіозная вѣра и одна преданность Царю и родинѣ; наши единомышленники—это попреимуществу люди мало обезпеченные и бѣдные, люди, живущіе трудомъ,—тѣ самые, во имя блага которыхъ стараются наши противники, бросая бомбы и совершая убійства, обезсиливая правительство и обливая грязью и клеветой все русское, все вѣрное, все примкнувшее къ патриотическому движенію. Бѣденъ нашъ народъ, нуждается онъ и въ землѣ, и въ хлѣбѣ, и въ матеріальномъ обезпеченіи, по

онъ знаетъ, что, кромѣ сокровищъ хлѣба и благъ земныхъ, которыми соблазняютъ его враги государства, переманивая на сторону бунта и измѣны родинѣ, есть иное, нетлѣнное сокровище духа, котораго онъ не продастъ, предъ которымъ всѣ сокровища міра — чечевичная похлебка. Нуждается народъ нашъ, желаетъ онъ *вѣсти мирными, законными и справедливыми путями*, но не путемъ насилія и крови, *улучшить свое положеніе*, — и къ этому стремятся въ своей дѣятельности наши патріотическіе союзы, — но онъ и то знаетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Слишкомъ низко думаютъ о народѣ-христіанинѣ, о народѣ-богоносцѣ, если полагаютъ, что за обѣщанія земли и хлѣба, и притомъ несбыточныя, въ которыя можетъ повѣрить лишь глупый или ребенокъ, народъ нашъ продастъ и вѣру, и Царя, и родину, и себя самого отдастъ въ рабство.

Нѣтъ, не рабство возвѣщаетъ наше знамя, — а *свободу Царя и народа*, свободу жить и строиться по вѣчнымъ законамъ вѣры, по дорогимъ и роднымъ для насъ русскимъ началамъ государственности, покоящимся на взаимной любви и единеніи классовъ и сословія, а не на животной, принижавшей и гибельной, борьбѣ.

Нѣтъ, знамя наше — не застой жизни, а правильное и непрерывное движеніе впередъ живымъ ростомъ живого организма, опирающагося въ корни прошлаго, не порывающаго связей съ этимъ прошлымъ. Ломка, разрушеніе стараго въ живомъ тѣлѣ невозможны, какъ невозможно живому взрослому человѣку вычеркнуть изъ своей жизни юность и молодость, какъ невозможно тѣло перерѣзать пополамъ и ожидать, что оно чрезъ это усилитъ свою жизнеспособность.

И не поражение и смерть несетъ наше знамя. Оно — знаменіе побѣды, оно — знаменіе будущаго. Мы молимъ, мы просимъ, мы жаждемъ побѣды, и она будетъ нашимъ счастливымъ удѣломъ. Порукою — святой крестъ на знаменахъ нашихъ; и крестъ изъ знаменія позора обратился въ знаменіе славы; порукою — изображенія на нашихъ знаменахъ и съ ними сила невидимая Господа Спасителя, Его Пречистой Матери, Его угольниковъ, просіявшихъ вѣрою и любовію къ отечеству не-

бесному и земному; порукою—великія и патріотическія воспоминанія, соединенныя съ нашими знаменами; одно изъ нихъ—снимокъ и копія знамени доблестнаго князя Пожарскаго, великаго патріота, великаго борца за угнетенную родину.

Не насиліе, не кровь, не погромы несутъ наши знамена. Мы—мирные борцы. На брань кровавую мы пойдемъ не въ нападенія, а лишь въ защитѣ нашихъ святынь, въ защитѣ цѣлости и бытія нашей родины, если на нихъ, по дѣйству сатаны, будетъ сдѣлано покушеніе врагами. Мы пойдемъ тогда умирать, а не убивать. А до того времени наша борьба—мирная борьба.

Будетъ намъ побѣда надъ невѣріемъ и глумленіемъ, надъ жалкимъ обманомъ народа, надъ призывами къ бунту и измѣнѣ, надъ злыми призывами къ отпаду отъ нашихъ историческихъ русскихъ началъ жизни, надъ усиліями лишить русскій народъ его мірового значенія и самостоятельной жизни. Будетъ намъ побѣда надъ слѣпотою душъ, надъ подкупомъ фразъ и золота, надъ гнилою и фальшивою мишурой „освободительнаго“ движенія, связавшаго себя съ подонками улицы, съ рванью и съ чернью, которыя оно выдаетъ за народъ, съ пьяницами, бродягами, съ грабителями и убійцами,—со всѣми тѣми, для кого нѣтъ ни Бога, ни совѣсти, ни чести, ни закона, ни родины.

Тяжкая наша брань. Поэтому велико значеніе нашего знамени. Но подъ нимъ намъ видится иное, вѣковое и не земное, знамя: „се лежитъ Сей“,—сказано о немъ,—„се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили, и съ знаменіе пререкаемо“ (Лук. II, 34). Знамя это—Христось. Предречена около него жестокая брань, будетъ оно спорнымъ, изъ-за него будутъ бороться: одни—по желанію его унижить, другіе—изъ желанія его прославить и сдѣлать основою жизни. Но исходъ борьбы виденъ въ вѣкахъ минувшихъ, предуказанъ и въ вѣкахъ грядущихъ: Христось—Побѣдитель смерти и ада, Побѣдитель зла. За Него идемъ противъ грѣховнаго и блуднаго и богоборнаго Вавилона, Имъ освящаемся, Имъ укрѣпляемся. Будетъ наша побѣда во Христѣ! Онъ идетъ, Онъ близъ, Онъ съ нами. Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!

Русскіе люди! Вѣрные Богу, присягѣ, Царю, закону и родинѣ! Противъ стѣнъ Вавилона поднимите ваши знамена! Аминь.

Борьба христіанина.*

Се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе пререкаемо (Лук. II, 34).

Когда предызбранный въ предвѣчномъ совѣтѣ для искупленія первороднаго грѣха мірозданія кроткій Примиритель нашъ воплотился на землѣ, Онъ, во исполненіе закона Отца Своего, принесенъ былъ во храмъ. Здѣсь встрѣтилъ Его вдохновенный отъ Духа Божія старецъ.

Радостно забилося старческое сердце при видѣ Искупителя міра, заблестали упованіемъ его очи, узрѣвшія на порогѣ вѣчности славу Израили, свѣтъ языкомъ—грядущее спасеніе міру. Словами мира и отпущенія, содѣлавшимися высокою, умилительно-трогательною молитвою миллионовъ вѣрующихъ сердецъ на всѣ вѣка, привѣтствовалъ старецъ пришедшаго въ грѣшный и гибнущій міръ Христа, имѣющаго примирить и соединить Бога и людей, землю и Небо.

Но что это мы слышимъ изъ устъ его непосредственно послѣ словъ вдохновенной молитвы мира? Что это видитъ старецъ пророческимъ взоромъ въ грядущихъ вѣкахъ?

Видитъ онъ: се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе пререкаемо. Видитъ онъ: вокругъ кроткаго Царя мира и любви закипитъ жестокая брань; Самъ Спаситель обратится въ знаменіе пререкаемое,—въ спорное знамя, около котораго будетъ происходить самое жаркое сраженіе, и многіе будутъ падать, и многіе—возставать...

* Слово въ Великій Пятокъ; сказано въ храмѣ Христа Спасителя, при митрополитѣ священнослуженіи, 20-го апрѣля 1907 года.

Позднѣе и Самъ Исусъ Христось образно и выразительно говорилъ ученикамъ Своимъ: „Думаете ли вы, что Я принесъ миръ на землю? Огонь пришелъ Я низвести; не миръ Я принесъ, но раздѣленіе“ (Лук. XII, 49—51).

Итакъ, ученіе мира и любви и Учитель мира и любви становятся центромъ міровой вѣковѣчной борьбы. Таковъ непреложный законъ Божества, послѣ перваго же грѣха чловѣка изреченный сатанѣ-соблазнителю: *вражду положу...* „вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между сѣменемъ тоя“ (Быт. III, 15).

И вотъ, предъ нами сейчасъ самая великая и страшная,—единственная жертва этой борьбы, Самъ Примиритель нашъ и Искупитель, изъязвленный, поруганный, убитый! Что же, конецъ борьбѣ? Конецъ подвигу? Нѣтъ, окончится борьба только тогда, когда *вся земля поклонится Ему* (Пс. 65, 4), когда „о имени Исусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Исусъ Христось въ славу Бога Отца“ (Филип. II, 10—11); когда завершится міровая исторія и лягутъ всѣ враги Христа подножію ногамъ Его (Пс. 109, 1), и Онъ приметъ языки въ наслѣдіе и предѣлы земли во владѣніе (Пс. 2, 8); когда блеснетъ, наконецъ, страшная молнія пришествія Сына Человѣческаго не въ этомъ, съ ужасомъ нами созерцаемомъ нынѣ, видѣ униженія, но съ силою и славою многою грядущаго судить вселенную, чтобы увѣнчать и завершить міровую борьбу окончательною и вѣчною побѣдой (Мс. XXIV, 27, 30).

А до того времени наполняетъ міръ *борьба*, и никому нельзя отъ нея уклониться.

Да не устрашится сердце наше этого слова, подъ которымъ часто разумѣютъ злобу и ненависть. Развѣ Самъ Онъ, нашъ Вождь и Начальникъ брани со зломъ и дьяволомъ, искалъ ненависти? Развѣ Онъ не обнималъ весь міръ любовію? Развѣ Онъ не уклонялся всѣми силами отъ злобы людской? Развѣ не умолялъ Онъ Отца Своего въ тугѣ сердечной, въ присмертной скорби, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами: да мимо Его идетъ чаша сія? Но Онъ и то видѣлъ, что на часъ сей Онъ пришелъ въ міръ (Іоанн. XII, 27); что зерно пшеничное,

падшее на землю и не погибшее, едино пребываетъ, а погибшее, истлѣвшее много плодъ сотворить (ст. 24), и посему молитву Геесиманіи Онъ заключилъ великимъ и высшимъ религіознымъ исповѣданіемъ: „да будетъ воля Твоя!“

Можемъ ли мы уклониться отъ брани? Но она предречена намъ и заповѣдана, она заполняетъ и проникаетъ собою всю нравственную жизнь нашу, и въ ней является какъ бы сущностью и средоточіемъ. „Ты же злопостраждь, яко добрый воинъ Іисуса Христа“, слышимъ мы предемертный завѣтъ того апостола, который изъ всѣхъ и паче всѣхъ потрудился и въ великой цѣложизненной борьбѣ самъ *подвигомъ добрымъ подвизался* (2 Тим. II, 8; IV, 7). Нѣсть наша брань плоти и крови (Еф. VI, 12), но тѣмъ она продолжительнѣе и тяжелѣе. Безконечны ея виды. Борьба съ тѣмъ зломъ, которое живетъ внутри насъ,—самая тяжкая борьба, но тягостна борьба со зломъ, извнѣ насъ пребывающимъ: отстаиваніе и осуществленіе христіанскихъ убѣжденій; отверженіе и опроверженіе возрѣній язычества, живущаго и доселѣ въ мірѣ во всѣхъ видахъ; преграда этому язычеству въ его широкомъ разливѣ, въ его бѣшеномъ нападеніи на христіанство, въ его жизненномъ примѣненіи,—развѣ все это не входитъ въ задачу жизни христіанина?

Брань наша—духовная. Но вѣдь зло не является въ отвлеченіи, и намъ приходится вести борьбу не съ безплотными только понятіями: зло олицетворено въ исконномъ челоуѣкоубійцѣ—діаволѣ и въ его клеветкахъ—злыхъ духахъ и злыхъ людяхъ. Вотъ почему борьба наша нерѣдко изъ духовной, невидимой, внутренней, неминуемо обращается въ видимую и внѣшнюю. Ведетъ ее и Церковь, да сокрушить, по обѣтованію Господа, самыя врата адавы (Мѣ. XVI, 18); отъ нея не свободно и государство, если оно желаетъ слить царство челоуѣческое съ царствомъ Божиимъ и придать своему бытію и дѣятельности нравственный характеръ.

Но и каждый изъ насъ, учениковъ Христовыхъ, призванъ къ борьбѣ со зломъ, и каждый слышитъ въ напутіе борьбы слово Этого, предъ нами лежащаго, умученнаго нашего Гос-

пода и Учителя: „Я посылаю васъ, какъ агнцевъ посреди волковъ“! (Лук. X, 3).

Миръ наполняетъ борьба добра и зла. И кажется, мало было въ исторіи его такихъ тяжкихъ для сердець вѣрующихъ и такихъ опасныхъ по силѣ соблазна временъ, какъ время, теперь нами переживаемое. Зло подняло голову повсюду. Видимъ бѣшенныя нападенія на святую вѣру; слышимъ угрозы, полныя непримиримой ненависти, ниспровергнуть Церковь и истребить на землѣ имя ея и имя христіанства; въ ужасѣ присутствуемъ при дикомъ и неудержимомъ вторженіи въ жизнь государственную, общественную и частную началъ и стремленийъ противорелигіозныхъ и противохристіанскихъ,

Подъ знаменемъ науки отрицаютъ и вѣру, и нравственность, въ то время, какъ истинная наука, напротивъ, только подтверждаетъ и укрѣпляетъ доводами разума то, о чемъ говоритъ и вѣра, и просвѣщенная ея совѣсть.

Подъ знаменемъ ложно и односторонне понимаемой свободы обрекаютъ на гоненія, гибель и рабство все религіозное и церковное.

Подъ знаменемъ равенства и братства, украденныхъ у христіанства и искаженныхъ духомъ злобы, желаютъ разрушить все, что удерживаетъ страшный разливъ зла: Церковь, государство, власть, семью, судъ, школу, всякое повиновеніе, всякій порядокъ жизни.

Разжигаются самыя низменныя страсти; безстыдно выступаютъ впередъ и требуютъ права господства въ жизни корысть, жадность, насиліе, убійство, чувственность, развратъ, классовая зависть и ненависть,—все, что прежде, заклеянное печатью позора, таилось отъ взора честныхъ людей,—и все это уже не вызываетъ ни общественнаго осужденія, ни властной преграды. Злая воля каждаго отдѣльнаго человѣка объявляетъ себя единственнымъ закономъ и правиломъ жизни, господиномъ современнаго положенія.

Нравственнымъ и добродѣтельнымъ считается уже не то, что согласуется съ Вѣчною Истиной и ею одобряется, а то, что въ данную минуту нравится измѣнчивымъ вкусамъ и похотямъ толпы,—такъ-называемаго большинства.

Все, что не отступило отъ вѣры и долга христіанской совѣсти, все, что руководствуется закономъ Божиимъ, все, что не пошло на уступки торжествующему безстыдному растлѣнію и злу, богопротивленію и осатанѣлому модному движенію мысли и жизни,—все это подвергается безпощадному издѣвательству, преслѣдованіямъ и, наконецъ, при попыткахъ борьбы со зломъ, обрекается кровавому истребленію убійствами изъ-за угла.

Увы, зло—только въ началѣ; разливъ его еще не въ полной силѣ. Оно идетъ, оно ширится, оно растетъ, оно вооружается всѣми видами обмана и соблазна, оно облекается въ украденныя одежды науки и культуры, оно манитъ господствомъ въ жизни, наслажденіями сытости тѣла и свободы похоти, оно льститъ грубой чувственности, оно извивается, какъ древній змій-соблазнитель, и обѣщаетъ взаимнѣе отверженія Бога: „будете сами, яко божи“; оно, для устрашенія и подчиненія непокорныхъ, грозно вооружается всѣми орудіями дикаго произвола, насилія и убійства. Оно идетъ шумное, разнузданное, наглое, безстыдно торжествующее, сильное орудіями пропаганды и растлѣнія въ видѣ продажной и безсовѣстной печати, сильное повальнымъ и больнымъ увлеченіемъ безумствующей и опьяненной отъ успѣха толпы, почти никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемое. Видѣли мы уже великое отступленіе и измѣну многихъ, увидимъ, кто доживетъ, и еще большее. Многіе ли устоятъ? Многіе ли не соблазнятся? Многіе ли удержатся?

Придите, вѣрніи! Станьте у вѣковѣчнаго вашего знамени! Окружите гробъ вашего Вождя и Спасителя! О, если бы мы знали только то одно, что Онъ изъязвленъ и убитъ, что Онъ истерзанъ и окровавленъ, что Онъ сокрытъ подъ землею, жертва торжествующей злобы Его враговъ и мучителей, и сокрытъ невозвратно навѣки,—мы бы тогда, какъ овцы закленья, какъ жертвы, обреченныя гибели, въ безсиліи и безнадежномъ уныніи опустили бы свои руки и главы!..

Молчали бы мы и не знали, что сказать, тогда торжествовалъ бы врагъ и глаголетъ намъ на всякъ день: „гдѣ Богъ вашъ“? Молчали бы мы и предъ этимъ гробомъ Иисуса и ви-

дѣли бы въ ужасѣ и смятеніи: правы и побѣдоносны оказались Іуда и Каиафа, синадріонъ и Пилать и безумная толпа, требовавшая распятія Праведнаго. Видѣли бы мы: правда не спасеть, добро не побѣждаетъ, святость поругана, сатана смѣется въ радости побѣды, зло торжествуетъ даже надъ Божественнымъ и величайшимъ изъ Праведниковъ.

Но Онъ воскресъ; изъ этого гроба возсталъ Онъ къ жизни и намъ ее даровалъ; изъ этого униженія возсталъ Онъ къ славѣ и царствуетъ вѣчно; Онъ воскресъ, и міръ, и зло побѣдилъ вѣчною побѣдой; Онъ послѣдняго врага низложилъ, міродое и самое могучее зло истребилъ—умертвилъ смерть, и она важе безсильна надъ нами.

Приидите же, вѣрніи! Станьте у вѣковѣчнаго вашего знаменія! Восклоните главы, долу опущенныя; укрѣпите колѣна разслабленныя; вѣрою и упованіемъ поднимите въ себѣ души и сердца унылыя! Стань, христіанинъ, у гроба твоего Вождя и Спасителя, и совѣсть свою вопросы: на какой сторонѣ ты стоишь въ великой міровой борьбѣ? За Христа ты, или противъ Него? Со врагами Его, временно на гибель себѣ торжествующими, или ты съ Его вѣрными учениками, которые подвигомъ добрымъ подвизаются, не боясь ни угрозъ, ни прещеній, ни самой смерти, ибо смерти уже нѣтъ? Не перебѣгаешь ли ты справа налѣво, и слѣва направо въ трусости и въ жалкомъ желаніи угодить Богу и мамонѣ, Христу и Веліару? Не хромаешь ли ты на оба колѣна?

Гробъ Христа... Вотъ Его Пречистая Матерь; вотъ мурносицы—робкія отъ природы и слабыя женщины, но полныя мужества въ служеніи Христу; вотъ Іосифъ съ Никодимомъ, прежде тайные ученики Христовы, а нынѣ, въ часъ Его смерти и погребенія, предъ лицомъ озлобленнаго народа содѣлавшіеся явными! Неужели ты пойдешь путемъ обратнымъ, и изъ явнаго ученика, *страха ради іудейска*, теперь сдѣлаешься или ученикомъ тайнымъ, или совершеннымъ измѣнникомъ,—и это послѣ воскресенія, послѣ мірового владычества, послѣ міровой побѣды твоего Господа?

Приидите, вѣрніи! Будемъ вѣрны Ему до конца! Будемъ открыто, непоколебимо и небоязненно Его исповѣдывать, Ему

слѣдовать, Его защищать, за Него бороться, Ему служить душою и тѣломъ, мыслью и словомъ—всею нашею жизнью! Вѣрно слово: съ Нимъ умремъ,—съ Нимъ и оживемъ; съ Нимъ терпимъ,—съ Нимъ и царствовать будемъ (2 Тим. II, 14).

Плотю уснулъ Ты, яко мертвъ, Царю и Господи, но тридневенъ воскресъ еси и упразднилъ смерть!

Лобызая Его раны, поднимемъ и оживимъ въ душахъ своихъ сего Иисуса, наше вѣковѣчное Знаменіе,—и да будетъ оно намъ не въ паденіе, а на возстаніе, въ знаменіе борьбы непрестанной, но и въ знаменіе нашей вѣрной и вѣчной побѣды!

Христось Воскресе!*

Воистину, эта ночь пасхальная—свѣтозарная ночь свѣтоноснаго дня, какъ поется сегодня въ церкви! Воистину, нынѣ вся исполнишася свѣта; небо и земля, и пресподняя; все освѣщено, все осмыслено, ибо воистину воскресе Христось. По большей части, безсознательна или полусознательна радость христіанъ въ этотъ день, если смотрѣтъ на нее и оцѣнивать съ точки зрѣнія глубочайшихъ и міровыхъ запросовъ, мірового значенія. Но тѣмъ болѣе это обстоятельство подтверждаетъ величіе и дѣйствительность дарованнаго намъ блага Христа Воскресенія.

Такъ ребенокъ радуется теплу и свѣту, радуется и играетъ на лонѣ жизни, хотя не можетъ точно и ясно формулировать, почему пріятны ему свѣтъ и тепло, почему радостна для него жизнь.

И Христово Воскресеніе есть жизнь, есть залогъ вѣчной жизни и радости. Грубому уму оно можетъ казаться только символомъ, а не дѣйствительностью. Но христіане, но Церковь вѣрятъ въ дѣйствительное, реальное воскресеніе Христа съ Его

* Пасх. статья.

Пречистою Плотію;—и въ этомъ—глубочайшій смыслъ религіи нашей. Иначе—были бы только слова безъ значенія, да и самый символъ явился бы ни для чего ненужнымъ. Безъ воскресенія Христова все въ духовномъ мірѣ погрузилось бы въ непроницаемый мракъ. Зачѣмъ тогда говорить о жизни, радости, счастіи, объ истинѣ, добрѣ, справедливости? Вѣдь все равно: служишь ли имъ или не служишь, надъ всѣмъ царствуетъ смерть, которая все уравниваетъ и которая не знаетъ различія добра и зла.

Всѣ герои добродѣтели тогда—не болѣе, какъ жалкіе люди, которые умирали, умираютъ и будутъ умирать, которые вышли изъ ничтожества и обратились снова въ ничто. Какой тогда смыслъ міра и человѣческаго существованія? Намъ скажутъ: смотрите на Христа, Котораго жизнь безгрѣшна и свята, Котораго слово непорочно и истинно, Котораго дѣятельность—одно благодѣяніе человѣчеству. Но чѣмъ же окончилась эта святѣйшая жизнь? Вѣдь Онъ распятъ, могила взяла Его... Мало того: Онъ умеръ, а зло восторжествовало; Онъ въ могилѣ, ученики Его въ скорби и стenanіи, а Иродъ, Пилать и Каиафа торжествуютъ побѣду. Что же сильнѣе: добро или зло? Зло сильно и въ отдѣльномъ индивидуумѣ, въ которомъ дурныя склонности постоянно побѣждаютъ добрыя; зло могуче и въ общественномъ организмѣ человѣческомъ, въ которомъ толпа, порабощенная злу, подавляетъ лучшихъ людей и ихъ благородныя стремленія. И, наконецъ, зло крайнее, самое сильное, самое могучее, непобѣдимое, неисцѣлимое торжествуетъ надъ міромъ въ видѣ смерти. Самая жизнь временно возникаетъ въ растительномъ и животномъ царствѣ лишь для того, чтобъ уступить сейчасъ же смерти. Не обманъ ли тогда и самая жизнь?

Повидимому, какая великая была побѣда жизни, когда среди коснаго неорганическаго вещества закишѣли и закопошились мириады живыхъ существъ, первичныя зачатки растительнаго и животнаго царства! Живая сила овладѣваетъ мертвыми элементами, дѣлаетъ ихъ матеріаломъ для своихъ формъ, превращаетъ механическіе процессы въ послушныя средства для органическихъ цѣлей. И притомъ какое огромное и все возрастающее богатство формъ, какая замысловатость и смѣ-

доть цѣлесообразныхъ построеній отъ мельчайшихъ зоофитовъ до великановъ тропической флоры и фауны! Но смерть только смѣется надъ воѣмъ этимъ великолѣпьемъ. Она знаетъ, что красота природы—только пестрый, яркій покровъ на разлагающемся трупѣ. Но, можетъ-быть, природа безсмертна? Всегдашній обманъ! Она *кажется* безсмертною для внѣшняго взгляда, со стороны—для наблюдателя, принимающаго новую мгновенную жизнь за продолженіе прежней. Говорятъ объ умирающей и вѣчно возрождающейся природѣ. Какое злоупотребленіе словомъ! Если то, что сегодня рождается, не то же самое, что умерло вчера, а другое, то въ чемъ же здѣсь возрожденіе? Изъ безчисленнаго множества мимолетныхъ смертныхъ жизней ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ одна безсмертная.

Такъ разсуждаетъ извѣстный нашъ мыслитель Вл. Соловьевъ, стоя на точкѣ зрѣнія безвѣрія. Нельзя не согласиться съ этою безошадною логикой. Зло, при такомъ воззрѣніи, является безусловною, роковою силою, подавляющею вездѣ добро; мрачный пессимизмъ и отчаяніе должны неминуемо охватить всякое мыслящее существо, и отъ этого исхода не въ силахъ насъ защитить никакая моральная система. Возьмемъ двѣ изъ нихъ—величайшія: ученіе Будды собственно было отказомъ отъ борьбы со зломъ, повтореннымъ и въ наши дни въ устахъ Л. Толстого; ученіе и жизнь Сократа—это, собственно, почетное отступленіе въ борьбѣ, рисующее предсмертныя упованія мудреца въ глубокомъ туманѣ... И все же оба эти мудреца умерли; смерть была послѣднимъ ихъ словомъ, ихъ мысль, ихъ дѣятельность остановились на роковой грани могилы...

Но прислушайтесь къ голосу христіанской Церкви въ свѣтосарную ночь Пасхи. Слушаешь и поражаешься: какая сила! какая увѣренность! какія надежды! Смерти празднуемъ умерщвленіе,—заявляетъ церковное слово. Жизнь жительствоуетъ, мертвого нѣтъ ни одного въ гробѣ,—воскликаетъ пасхальное огласительное поученіе. А надъ воѣми несется, ликуетъ, все заполняетъ собою повторяемый безъ конца чудный побѣдный гимнъ пасхальный: „Христось воскресе изъ мертвыхъ, *смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*“. И по всему міру христіанскому этому гимну вторятъ сердца,

ликують души, исполняясь вѣры, силы, бодрости. Откуда эта сила, эта увѣренность, эти надежды? Отчего такая радость?

Оттого, что *воистину* воскресе Христось! Въ Немъ была полнота святости и непорочности, безпредѣльность нравственной силы, и съ этой стороны Онъ въ Своемъ Лицѣ побѣдилъ зло. Но Онъ же побѣдилъ и зло коренное, зло крайнее: Онъ побѣдилъ смерть, Онъ воскресъ *воистину всецѣло*, какъ Духъ, навѣки воплощенный, воскресъ съ Пречистою Плотію. Все живое въ Немъ сохранилось, все смертное побѣждено безусловно и окончательно. Итакъ, мы знаемъ въ прошедшемъ безусловную побѣду добраго начала жизни въ личномъ воскресеніи Одного Сына Человѣческаго: этого довольно, чтобы не страшиться смерти и всѣмъ сынамъ человѣческимъ. Воскресеніе сильнѣе смерти. Оно—побѣда жизни надъ смертью, положительнаго начала надъ отрицательными, оно—торжество свѣта и разума въ мірѣ. Оно—чудо; но пусть грубый умъ не издѣвается надъ чудомъ, потому что оно—фактъ неоспоримый, конечный фактъ всемірнаго процесса. Возьмите этотъ процессъ въ цѣломъ, и мы вездѣ найдемъ чудо, которое заставляетъ признать себя принудительно самый скептическій умъ. „Какъ появленіе перваго живого организма среди неорганической природы, какъ, затѣмъ, появленіе перваго разумнаго существа надъ царствомъ безсловесныхъ было чудомъ, такъ и появленіе перваго, всецѣло духовнаго и потому неподлежащаго смерти человѣка—первенца отъ мертвыхъ—было чудомъ. Если чудесами были предварительныя побѣды жизни надъ смертью, то чудомъ должно признать и побѣду окончательную“ (Вл. Соловьевъ).

Да, Христось—„Первенецъ изъ мертвыхъ“. Это апостольское слово выражаетъ собою всю полноту радости христіанской въ день Воскресенія: Первенецъ—Христось, а за Нимъ Христовы... тѣ „сущіе во гробѣхъ“, которымъ дарована жизнь, которымъ дана увѣренность въ окончательной побѣдѣ свѣта и правды надъ тьмою и зломъ. Отсюда бодрость жизни христіанскихъ народовъ, отсюда свѣтъ и радость нашей вѣры, отсюда всемірная радость Воскресенія Христова, отсюда свѣтъ и огни и ликованіе этой пасхальной ночи, свѣтозарной ночи

свѣтоноснаго дня, который является образомъ дня невечерѣющаго свѣта, незаходимаго солнца *вѣчной жизни*. Ибо Христосъ воскресъ—воистину воскресъ!

Голосъ русскихъ патриотовъ въ смутную пору.*

Дорогіе братья! Православные русскіе люди! Какая красота! Какое поднимающее духъ торжество! Какъ много говорить сердцу это величественное зрѣлище, множество нашихъ знаменъ-хоругвѣй!

По какому-то молчаливому соглашенію, безъ всякихъ внѣшнихъ указаній, заранѣе условленныхъ распоряженій, во всѣхъ концахъ Россіи патриотическіе союзы стали сооружать и освящать свои хоругви и знамена, и вотъ, они теперь на всероссійскомъ соборѣ представителей русскихъ людей, оставшихся вѣрными русскому духу и русскому государственному укладу.

Скажите намъ, русскія знамена, скажите намъ: зачѣмъ вы здѣсь, и какую вѣсть вы намъ возвѣщаете и разнесете отсюда, изъ Москвы, по лицу земли русской?

И слышенъ, и понятенъ, и отраденъ намъ отвѣтный голосъ знаменъ нашихъ.

Отвѣчаютъ намъ хоругви: Мы своимъ видомъ и существованіемъ говоримъ русскимъ людямъ, что они не одиноки; около каждой хоругви стоятъ вѣрныя дружины твердыхъ и преданныхъ долгу, готовыхъ стоять за родину до послѣдняго. Ободритесь, русскіе люди!

Мы знаменуемъ ваше единеніе подъ широкорѣвущою хоругвью святой православной вѣры, въ единеніи съ силой незримой и небесною, съ тою Божіею силою, которую отвергли враги и измѣнники русскаго отечества, и тѣмъ заранѣе об-

* Слово при освященіи знаменъ-хоругвѣй 25 апрѣля въ Князе-Владимірскомъ храмѣ въ Московскомъ Епархіальномъ домѣ.

рекли себя вѣрной гибели. Объединяйтесь, объединяйтесь, рускіе люди!

Мы знаменуемъ вашу силу. Тяжело вамъ было въ эти послѣдніе годы; казались вы разсѣянными, какъ овцы по горамъ, безъ пастыря; чудилась близкая гибель; исчезла надежда ваша, оболгали васъ, преслѣдовали, оплевали и къ смерти присудили. Но могучій духъ религіознаго и патріотическаго воодушевленія прошелъ по лицу родной нашей земли, и вы быстро стали расти въ числѣ. Годъ назадъ вы насчитывали десятки нашихъ союзовъ, теперь вы видите ихъ сотни (до 800), скоро увидите тысячи. Дерзайте, мужайтесь, рускіе люди; крѣпитесь въ борьбѣ, окрыляйтесь вѣрою и упованіемъ! Мы знаменуемъ вашу грядущую, несомнѣнную побѣду. Крестъ нашъ осѣняетъ: Симъ вы побѣдите. Георгій Побѣдоносецъ поражаетъ змія: раздавите и вы змія крамолы, измѣны и предательства. Святые угодники своими ликами нашъ пріосѣняютъ: они съ вами побораютъ на супостатовъ своими молитвами. Пресвятая Богородица на нихъ изображена въ Ея чудныхъ иконахъ: Радуйся, радуйся, земли сѣвѣрусской Печальница и Заступница Усердная! Москва, Новгородъ, Казань, Кіевъ и Почаевъ, Архангельскъ и Иверія, Албазинъ на Амурѣ и Холмщина, Портъ-Артурскій соборъ во Владивостокѣ и Ченстоховскій на крайнемъ Западѣ—знаютъ Тебя, Мати русскаго края! Въ пріосѣненіи такихъ знаменій ждетъ васъ вѣрная побѣда, рускіе люди, безкровная побѣда надъ смутою и измѣною.

Такъ говорятъ намъ знамена наши въ этотъ чудный часъ молитвеннаго торжества.

Идите, святые хоругви, столпомъ огненнымъ и облачнымъ, идите надъ великимъ русскимъ ополченіемъ! Идите въ осѣненіи святыхъ и небеснаго благословенія, несите намъ миръ, несите намъ торжество вѣры и вѣрности, несите намъ побѣду надъ злымъ невѣріемъ, предательствомъ, надъ тяжелой смутой!

Во имя Господне,—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, знаменаемъ крестомъ честнымъ и окропленіемъ воды сея священнаго благословляемъ и освящаемъ хоругви сіи объединеннаго православнаго народа. Аминь.

Завѣты патріарха Гермогена.*

Время сотвориши Господени, яко законъ
Твой разорита (Пс. 118, 126).

Христось воскресе!

Православные русскіе люди!

Вы собрались въ историческомъ храмѣ Россіи, который много вѣковъ слышалъ молитвы и обѣты нашихъ князей, царей и императоровъ въ самые знаменательные часы ихъ жизни, когда они вступали въ неразрывный духовный союзъ со своимъ народомъ, отъ Господа принимали силу и отъ Вышняго державу. Вы собрались въ священномъ Кремлѣ, посреди величайшихъ святынь народныхъ, въ осѣненіи молитвъ почитающихъ здѣсь угодниковъ. „Москва есть храмъ Россіи, а Кремль—ея алтарь“, сказалъ одинъ изъ вѣнценосныхъ вождей русскаго народа. Въ этомъ-то всероссійскомъ храмѣ, въ этомъ алтарѣ священномъ вы собрались,—и сколько потрясающихъ великихъ воспоминаній, радостныхъ и скорбныхъ, захватывающихъ душу, вдругъ властно и неудержимо просятся въ сознание, обступаютъ насъ со всѣхъ сторонъ! Если бы на каждомъ изъ нихъ останавливаться, если бы о каждомъ изъ нихъ подробно говорить, то, выражаясь словомъ апостола, не достало бы мнѣ, повѣствующему, времени. Но каждый день имѣетъ свою заботу, и занятая этою заботой мысли и чувства изъ множества воспоминаній и знаменій прошлаго избираютъ обычно сродное и въ данное время особенно нужное.

На чемъ же остановить намъ нынѣ нашу мысль и вниманіе въ сей часъ молитвы соборной въ этомъ славномъ, всенародномъ храмѣ.

Посреди окружающихъ насъ здѣсь священныхъ гробницъ я остановлю вашъ взоръ на самой скромной. Еще не прославлена всенародно святость въ ней почивающаго мужа, хотя

* Рѣчь при открытіи IV Всероссійскаго сѣзда русскихъ людей въ Москвѣ 26 апрѣля 1907 г., въ Успенскомъ соборѣ.

давно ждеть и достойна прославленія. Гробница не изукрашена щедрыми приношеніями и драгоценностями. Она пока не собираетъ около себя, подобно другимъ гробницамъ, густыя толпы богомольцевъ въ нарочитые дни церковныхъ чествованій. Но она близка нашему сердцу всегда, близка намъ особенно теперь, въ эти тяжкіе способные дни отродившейся, послѣ трехсотлѣтняго сна, смуты народной.

Въ юго-западномъ углу этого собора, у шатра Ризы Господней, у подножія Плащаницы, на которой видимъ мы Божественнаго Страдальца за весь родъ людской, почиваетъ вѣчнымъ сномъ покоя великій страдалецъ за землю русскую, мученикъ-патріотъ, святѣйшій всероссійскій патріархъ Гермогенъ. Его тѣло оказалось нетлѣннымъ и въ 1652 году, когда, чрезъ 40 лѣтъ послѣ смерти, оно было перенесено сюда изъ Чудова монастыря; оказалось нетлѣннымъ и чрезъ 200 лѣтъ, въ 1812 году, когда французы, отыскивая сокровища, святотатственно выбросили его изъ гробницы.

Но если смерть и тлѣніе не коснулись самаго тѣла нашего російскаго страдальца-патріота, то духъ его, его завѣты, подвигъ его жизни и служенія, его заслуги, его уроки русскимъ людямъ вѣкъ грядущихъ временъ, пока волею Божьею будетъ стоять святая Русь,—безсмертны, нетлѣнны, незабвенны въ памяти русской. Предъ нами его предсмертная заповѣдь, его слова, написанныя въ заточеніи мрачнаго подземелья, въ виду голодной смерти, послѣ побоевъ и истязаній отъ враговъ родины и отъ своихъ домашнихъ Іудъ-предателей,—предъ нами его послѣднее посланіе русскому народу, которое подняло потомъ славное Нижегородское ополченіе съ Мининымъ и Пожарскимъ во главѣ:

„Пишите въ Рязань къ Ефрему, да и въ Вологду пишите, и къ Рязанскому владыкѣ, вездѣ говорите моимъ именемъ, моимъ словомъ... Веѣмъ вамъ отъ меня благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣщъ и въ будущемъ. Стойте за вѣру неподвижно, а я за васъ Бога молю“.

И слышали слово великаго пастыря-патріота — митрополитъ Ефремъ въ Казани, архіепископы и епископы: Θεоктистъ въ Твери, Галактіонъ и Герасимъ въ Суздаль, Сергій въ Смо-

ленскѣ, Геннадій во Псковѣ, Исидоръ въ Новгородѣ, Іосифъ въ Коломнѣ, Филаретъ въ Ростовѣ, игумень Іоиль въ Нижнемъ, Матвѣй въ Кирилло-Бѣлозерскѣ, игумены Діонисій и Авраамій, протопопы Владимірскій, Зарайскій и по всей Россіи. И слышалъ его, чрезъ этихъ провозвѣстниковъ слова патріаршаго, весь народъ русскій.

Ссылали, пытали и мучили этихъ пастырей-патріотовъ иноземные вороги, поляки и даже евреи (вродѣ Тушинскаго вора); бранили и свои домашніе лихіе люди, а Гермогену и прямо говорили: „Почто вмѣшиваешься въ дѣла мірскія, а твое де дѣло за Церковью смотрѣти“.

Но архипастыри и пастыри знали хорошо, что скрывается и какой коварный умыселъ таится подъ этимъ фарисейскимъ и мнимо-справедливымъ разсужденіемъ. Они знали, что оно подобно печалованью Іуды о нищихъ. Они знали, что съ паденіемъ православія порушится русское царство, а съ порушеніемъ русскаго царства порушится и православная вѣра въ русскихъ людяхъ. Они знали, что обѣщаемое польско-литовско-еврейское владычество, съ приобщеніемъ европейскимъ началамъ жизни, зачатое въ измѣнѣ и предательствѣ; питавшееся низкою корыстью и презрѣніемъ къ своему родному, русскому; опутанное кровавымъ туманомъ убійствъ, грабежей, разбоевъ, заревомъ пожаровъ и ужасомъ погромовъ; поддержанное и привѣтствуемое „лихими людьми“, чернью, голытьбою, грабителями и душегубами; уничтожившее на Руси порядокъ государственный и обратившее предъ симъ Русскаго Царя въ „полуцаря“,—все это ничего не принесетъ Россіи, кромѣ конечной гибели.

Все это справедливо называлъ Гермогенъ „христіаноборствомъ“, непостижимымъ „бѣсовскимъ омраченіемъ“, которое толкало русскихъ людей отъ одного завѣдомаго обманщика къ другому. „Бывшимъ православнымъ христіанамъ, а теперь, какъ и называть васъ—не вѣдаю“,—вотъ какъ обращался патріархъ къ тогдашнимъ русскимъ измѣнникамъ.

Онъ хорошо понималъ, что основной характеръ жизни есть характеръ церковности и народности, и что поэтому нужно пробудить религіозное національное чувство въ рус-

скомъ народѣ,—и онъ сбросить съ себя „бѣсовское омраченіе“ и водительство тѣхъ, что „промышляли лихими дѣлами“; онъ крѣпко вѣрилъ, что православіе есть опора и основа и жизненная сила русскаго національнаго самосознанія, нравственный смыслъ и оправданіе русскаго государства и государствованія... И то онъ зналъ, что измѣна верхнихъ слоевъ народа, отказъ ихъ отъ историческихъ преданій вѣры и народности еще не есть смерть народа.

Такъ было вездѣ и всегда. Поляки вѣдь тоже думали, что если они взяли бояръ, то взяли и Россію. Но не то вышло на дѣлѣ. Сокрытые и таившіеся въ глубинѣ души народной инстинкты вѣры, патріотизма и самосохраненія съ великою силой проявили себя по всей Россіи,—все вѣрное, честное, доброе, трезвое, оскорбленное въ лучшихъ чувствахъ своихъ, поднялось, воодушевилось, сплотилось...

Исторія оправдала подвигъ патріарха Гермогена. Онъ погибъ смертью мученика въ мрачномъ подземельи Чудова монастыря, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, неожиданно, чудесно „нечаемое сбылось“, какъ говорили тогда русскіе люди: Москва и Россія были тогда свободны, враги спѣшно покидали ея предѣлы, домашніе воры и „перелеты“ притихли и исчезли, и на мѣсто лжецаря Димитрія, на мѣсто „полуцаря“ Шуйскаго, на мѣсто „царика“ Тушинскаго здѣсь, въ этомъ самомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ мы сейчасъ стоимъ, по предреченію и указанію Гермогена, короновался настоящій русскій Царь-Самодержецъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Спасеніе Россіи пришло отъ святой православной вѣры и Цѣркви; вѣра святая явилась великою и несокрушимою твердыней, устоявшею среди смуты, нравственнымъ оплотомъ посреди ужаса и разгрома государственнаго, опорой и знаменіемъ народнаго и государственнаго бытія въ тяжелую годину крушенія и ослабленія всѣхъ духовныхъ началъ, силъ и основъ нашей русской жизни; вѣра святая возбудила, осмыслила, освятила русскій патріотизмъ и дала ему огонь воодушевленія, силу подвига, готовность мученичества, знаменіе побѣды.

Нынѣ отродилась русская смута, и вновь заволокла русское небо. Опять видимъ какое-то повальное безуміе, опять

чары обмана, опять „бѣсовское омраченіе“, опять „христіаноборство“. Нынѣшнія революціонныя прокламаціи развѣ не тѣ же облыжныя грамоты Болотникова: „побивайте бояръ, отнимайте ихъ достояніе, убивайте богатыхъ, дѣлите ихъ имѣніе...“?

Нынѣшнія разсужденія о силѣ и объемѣ Верховной власти развѣ не ищутъ исполненія словъ слабаго Шуйскаго: „я никого не неволю: кто хочеть, мнѣ служи, а кто не хочеть, уходи“? Нынѣшняя чернь развѣ не вошла во вкусъ безначалія и бунта? Нынѣшніе верхи народа развѣ не увлеклись чужебѣсіемъ и измѣной всему церковному и русскому? Нынѣ развѣ не видимъ непонятной довѣрчивости ко всякому обману, явному, наглому и безстыдному? Нынѣшніе взгляды на Верховную власть развѣ не ведутъ къ тому, чтобы мы вмѣсто Царя имѣли полуцаря? Хочется повторить образное слово лѣтописца смутнаго времени: „Аки волны морскія, едина погибаетъ, а другая возставаетъ, тако и бѣды наши и напасти, — та бѣда полегаше, а другая возставаше“.

Измѣнились формы смуты, сущность же ея осталась та же, а опасность едва ли не страшнѣе. Но исцѣленія надо ждать отъ того же испытаннаго, исторіею оправданнаго и патріархомъ Гермогеномъ указаннаго пути. Вѣрность Церкви, родному народу, Царю Самодержавному; религіозное и патріотическое одушевленіе; объединеніе и сляніе всѣхъ честныхъ русскихъ людей, безъ различія званій и состояній, въ одномъ патріотическомъ движеніи, — великій союзъ взаимной любви всѣхъ классовъ и сословія народа; борьба съ иноземщиной, жадно простирающей руки къ русскому достоянію; посланія, грамоты, кличи и призывы по всей Руси, разоблачающіе гнусное лицемѣріе и пустоту душъ нынѣшнихъ „освободителей“ Россіи и нынѣшняго революціоннаго движенія, ознаменовавшаго себя десятками тысячъ убійствъ и грабежей, обманомъ и христіаноборствомъ, низкою клеветою, клеветою на все родное и русское, предательствомъ Россіи и ея интересовъ иноземцамъ и инородцамъ; расширеніе и увеличеніе числа внутренней мощи нашихъ патріотическихъ мирныхъ союзовъ, — вотъ путь, орудія и средства нашей борьбы, которая является,

можетъ-быть, еще болѣе тяжкою, чѣмъ борьба русскихъ людей за вѣру и отчизну 300 лѣтъ тому назадъ.

И нынѣ кругомъ—взаимный раздоръ, борьба партій, жадная корысть, интриги, братоненавидѣніе. И нынѣ—паденіе вѣры, паденіе нравственности. И нынѣ лицемѣріе и коварство, низость и предательство, прикрываясь красивыми словами и мнимоблагородными побужденіями, желаютъ отвести и устранить отъ патріотическаго подвига и Церковь, и духовенство, и служилыхъ людей, чтобы себѣ захватить власть, силу и значеніе въ царствѣ и безпрепятственно поработить русский народъ инородческому игу.

И слышится изъ дали вѣковъ мощный заповѣдный голосъ великаго Гермогена — „поборотесь за вѣру православную и отечество русское“: „Стойте за вѣру неподвижно, а я за васъ Бога молю“.

Слышишь ли ты насъ, адамантъ вѣры и патріотизма, несокрушимый столпъ русской вѣры и русскаго національнаго чувства? Соболаъзнуешь ли горю русскому? Готовъ ли въ помощь страдающей земной твоей отчизнѣ? Молишь ли Бога о прошеніи грѣховъ народа нашего, навлекшаго на себя праведный гнѣвъ Его?

Благослови и воодушеви насъ съ высотъ небесныхъ селеній, вымоли прошеніе и милость Господа твоему страдающему отечеству, явись намъ духовнымъ вождемъ на пути къ его спасенію!

Русскіе православные люди! Время сотворити Господеви, яко разориша законъ Его! Господь ополчается, Господь будетъ споборать намъ въ тяжелой борьбѣ съ крамолой и смутой. Время сотворити Господеви,—и какъ въ оныя дни смуты, такъ и нынѣ подъ знаменемъ креста, въ воодушевленіи религіозной вѣры и преданности родной Церкви, въ подвигъ всенароднаго покаянія, всенародной молитвы, время намъ объединиться, сплотиться крѣпкимъ союзомъ любви въ служеніи и защитѣ вѣры, Церкви и русской народности.

„Пишите въ Казань, пишите въ Вологду, Рязань“...—такъ говорилъ Гермогенъ. Пишите, взывайте теперь и вы, при расширившейся державѣ Россійской, и въ Сибирь, и на Кав-

казь, и на дальній сѣверь, и на благодатный югъ, и Малой, и Бѣлой Россіи,—пишите, взывайте ко всей Руси великой и зовите всѣхъ въ союзъ объединеннаго русскаго народа.

Онъ растеть, онъ ширится, онъ набирается силъ, этотъ великій союзъ всероссійскій, подъ знаменемъ религіознаго и патріотическаго воодушевленія. Да подасть ему Господь росу небесную свыше и отъ тука земного, да возложить Онъ руку Свою на хребетъ враговъ его,—да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его: яко таетъ воскъ отъ лица огня, яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ! Аминь.

Жертвы и герои долга.*

Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду (Матѣ. III, 15).

Это божественное слово нашего Спасителя сказано Имъ предъ крещеніемъ Іоанну Предтечѣ, въ отвѣтъ на недоумѣніе Крестителя: „Мнѣ подобаетъ у Тебя креститься, и Ты ли грядеши ко мнѣ?“—въ отвѣтъ на готовый отказъ Предтечи крестить Того, предъ Кѣмъ онъ считалъ себя недостойнымъ развязать ремень обуви его.

Подобаетъ намъ исполнити всякую правду... Это значитъ: исполни твой долгъ; такъ это нужно; въ этомъ высшая правда,—и пусть предъ долгомъ и вышею волей умолкнетъ и склонится всякое сомнѣніе, всякое колебаніе.

Жизнь людей и руководящія ихъ поведеніемъ взгляды всегда вращались около трехъ основныхъ положеній: пріятное, полезное, должное; иначе говоря, люди дѣлаютъ то или другое либо потому, что это доставляетъ имъ удовольствіе, либо потому, что обѣщаетъ и приноситъ имъ желанную пользу, либо, наконецъ, потому, что этого требуетъ отъ нихъ долгъ.

* Слово при закладѣ храма въ городѣ Москвѣ въ память убіеннаго Валіаго Князя Сергія Александровича и всѣхъ павшихъ при исполненіи долга отъ руки злодѣевъ-революціонеровъ, 29 апрѣля 1907 г.

На такихъ основахъ, или, какъ говорить, нравственно-практическихъ принципахъ строится личная жизнь; на нихъ же строится общественная и государственная.

Нѣтъ особой нужды показывать и доказывать, къ чему приводитъ послѣдованіе первымъ двумъ началамъ. Въ глубинѣ ихъ лежитъ чистый и откровенный эгоизмъ, а это такой смертоносный ядъ для всякаго начинанія, который грозитъ гибелью всему, къ чему онъ прикоснется. Можно на почвѣ эгоизма возбудить массы, временно сплотить ихъ и объединить приманкой достиженія цѣли, обѣщаніемъ удовольствій и выгодъ.

Но утверждая и оправдывая, такимъ образомъ, эгоизмъ для однихъ людей, мы по тому самому не смѣемъ говорить противъ его правъ въ другихъ, а это порождаетъ борьбу и злобу, сначала одной организованной и сплоченной борющейся стороны противъ другой, а затѣмъ и внутри самихъ борющихся сторонъ. Такой исходъ неизбѣженъ еще и потому, что пріятное и полезное, удовольствіе и выгода—начала слишкомъ неясныя, неопредѣленныя и измѣнчивыя; въ нихъ нѣтъ единства и устойчивости, постоянства содержанія и внутренней обязательности. Все, построенное на такихъ началахъ въ жизни личной и общественной, неизбѣжно обречено на внутреннее разложеніе и конечную гибель, все это развращаетъ и растлѣваетъ жизнь человѣческую. Горе людямъ, обществамъ и учрежденіямъ, ставшимъ на такой путь! Горе эпохамъ, въ которыя возобладаютъ подобные принципы жизни! Лучше бы имъ и не являться въ міръ.

Въ саду Эдемскомъ, въ роковомъ грѣхопадении перваго Адама, въ первомъ и столь гибельномъ появленіи зла, мы видимъ именно такое торжество началъ пріятнаго и эгоистически-полезнаго надъ сознаніемъ и велѣніями долга; по указанію и ученію слова Божія, здѣсь источникъ всѣхъ несчастій человѣчества. Второй Адамъ, Господь съ небесе, чтобы искупить людей и открыть имъ путь спасенія, столь дерзко и рѣшительно отринутый грѣхомъ перваго человѣка, на Себѣ показалъ, въ вѣчный примѣръ людямъ, совершенно противоположный и единственно правильный законъ нравственной жизни.

Величественно изображаетъ Его пророческое слово: Онъ оставляетъ небо и нисходитъ въ униженіи на землю во имя добровольно воспринятаго на Себя *долга* спасенія людей. Тогда рѣхъ: во главизнѣ книжѣй писано есть о Мнѣ, еже сотвориши волю Твою, Боже (Пс. 39, 9; Евр. X, 7). Ясно и твердо говоритъ Онъ въ началѣ Своего служенія людямъ о Своемъ долгѣ, въ отвѣтъ на недоумѣніе Крестителя: „подобаетъ бо намъ исполнити всяку правду“. Властно и рѣшительно Онъ отгоняетъ въ пустынѣ искушителя-сатану, который звалъ Его пойти въ міръ на дѣло служенія, вопреки долгу, не путемъ униженія и страданій, а путемъ славы и властительства. Открыто Онъ заявляетъ ученикамъ Своимъ, что Онъ пришелъ творить волю не Свою, а волю Пославшаго Его Отца. Въ ужасающихъ нравственныхъ мукахъ въ Геосиманіи Онъ остается вѣрнымъ той чашѣ, которую далъ Ему пить Отецъ. Его волю исповѣдуетъ, предъ нею склоняется, во имя ея восходитъ на крестъ и Божественнымъ „совершишася“ заключаетъ Свой величайшій и единственный въ исторіи міра подвигъ долга.

Что Онъ общаетъ и заповѣдуетъ ученикамъ и послѣдователямъ? Указуетъ Онъ и заповѣдуетъ долгъ, долгъ прежде всего, превыше всего: „Когда вы исполните все вамъ заповѣданное, говорите, что вы рабы, ничего не стоящіе, ибо сдѣлали вы только то, что *должны были сдѣлать*“... (Лук. XVII, 10).

Христіанство, какъ религія жизни и свободы, не воспрещаетъ ни пріятнаго, ни полезнаго, но именно ради истинной жизни и истинной свободы христіанина оно повелѣваетъ ему ни предъ чѣмъ не склоняться, ничему не служить до рабства, до забвенія и нарушенія долга. „Все мнѣ позволительно,—говоритъ апостолъ,—но не все полезно; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ; все мнѣ позволительно, но пусть мною ничто не обладаетъ“ (1 Кор. VI, 12; X, 23). Высшая же степень нравственнаго совершенства въ томъ состоитъ, чтобы въ долгъ и въ его исполненіи для христіанина заключалось все и высочайше-пріятное и высочайше-полезное: „Благъ мнѣ законъ Твой,—воскликаетъ онъ словами псалма,—благъ мнѣ законъ Твой, возжелѣннѣе тысячъ золота и сребра, слаще меда и сота; рабъ Твой возлюбилъ его“ (Пс. 118).

Творимъ нынѣ молитвенную память и чествуемъ благоговѣйною любовью тѣхъ многихъ убитыхъ, растерзанныхъ, погубленныхъ, которые пострадали даже до крови и смерти во имя долга, воспоминаемъ съ молитвою о тѣхъ вѣрныхъ рабахъ, которые законъ, Господомъ данный, и долгъ, Имъ возложенный, возлюбили паче сребра и золота, паче меда и сота. Въ годину помутившейся общественной совѣсти, въ годину сатанинскаго издѣвательства надъ долгомъ и присягою, когда нарушеніе ихъ объявляется уже не позоромъ и низкою измѣной, а признакомъ свободы и высшаго развитія; въ годину, когда страшная сила зла захотѣла отринуть богооткровенный законъ и построить жизнь личную, общественную и государственную исключительно на началахъ эгоизма, личныхъ прихотей и похотей, на началахъ удовольствія и пользы,—во всѣхъ слояхъ русскаго общества нашлись люди, оказавшіеся вѣрными идеальнымъ завѣтамъ христіанства, пострадавшіе за нихъ,—нашлись мученики долга.

Въ великомъ множествѣ проходятъ они предъ нашимъ духовнымъ взоромъ, въ великомъ множествѣ: ихъ десятки тысячъ только въ эти послѣдніе два-три года. Здѣсь Великій Князь приснопамятный Сергій Александровичъ, и здѣсь же убитые солдаты, казаки, городовые; здѣсь министры, губернаторы, высшіе начальники, и здѣсь же зарѣзанные, застрѣленные артельщики, сторожа, всякія служащія лица, виновныя лишь въ томъ, что они охраняли чужую жизнь, несли чужое имущество, или оберегали его отъ воровства и грабительства, именуемыхъ нынѣ „экспропріаціями“; здѣсь убитые священники, не умолкнувшіе предъ зломъ и его изобличавшіе; учителя и воспитатели, пробовавшіе образумить молодежь; здѣсь писатели, общественные дѣятели, что будили въ другихъ сознание долга; здѣсь члены патріотическихъ союзовъ, во всѣхъ концахъ Россіи избиваемые; здѣсь случайно подвернувшіеся подъ бомбы и выстрѣлы современныхъ варваровъ прохожіе, старики, женщины и малолѣтніа дѣти.

Многіе изъ этихъ жертвъ долга напередъ ясно знали, что ихъ ожидаетъ. Когда служили паннихиду по разорванномъ на части бомбою министрѣ Плеве, покойный Великій Князь

Сергѣй Александровичъ, склонившись въ молитвѣ и весь отдавшись Богу и Его волѣ, уже зналъ твердо, что его участь рѣшена, и его смерть будетъ такою же, какъ смерть оплакиваемого покойника. Слѣпцовъ, Игнатьевъ, Лауницъ, Павловъ... и другіе, на смерть обреченные; солдаты, казаки, городовые, выходившіе на постъ послѣ вчерашникъ разстрѣловъ изъ-за угла ихъ товарищей,—всѣ они знали, на что идутъ, что ихъ ждетъ. Когда и теперь городской утромъ станетъ на свое опасное мѣсто, крестится на всѣ стороны и смотритъ предъ собою съ молитвой на крестъ ближайшаго храма, онъ обрекаетъ себя на смерть, а семью на сиротство, бѣдность и лишения... Кто войдетъ въ душу этихъ мучениковъ, кто измѣритъ глубину ихъ молчаливаго страданія, кто постигнетъ всю тяжесть угнетавшаго ихъ чувства осужденныхъ на смерть за вѣрность долгу,—осужденныхъ какимъ-то беззаконнымъ кроваваго судилищемъ, не знающимъ ни правды, ни жалости, упивающимся въ веселіи кровью, рѣшающимъ жизнь и смерть безъ суда, безъ вопроса, по одному безудержному размаху злобы, фанатизма и кроваваго помѣшательства?! Да, тяжело имъ было, но тѣмъ выше, тѣмъ дороже, тѣмъ славнѣе ихъ подвиги.

Революціонная волна идетъ на убыль, но слишкомъ медленно, почти непримѣтно. Убийства продолжаются. Знаемъ, что многимъ изъ насъ грозитъ смерть, знаемъ, что многіе изъ насъ обречены на кровавую расправу за смѣлость борьбы съ революціей даже словомъ; остановка только за благоприятнымъ и подходящимъ случаемъ... Но пока еще свѣтъ очей съ нами, и жизнь не отнята; надъ нами родное небо, ласкающее солнце; кругомъ родная природа, расцвѣтающая теперь весеннею красой; съ нами родные и близкіе люди, родные храмы...

Но что сказать вамъ, безвременно погибшіе, убіенные и растерзанные, мученики долга? Кто васъ утѣшитъ и восхвалитъ за понесенныя страданія, за отданную родинѣ въ молчаливомъ подвигѣ жизнь, за кровавыя горящія раны? Гдѣ теперь ваше родное, ваше небо, ваше солнце? Гдѣ вашъ храмъ и гдѣ вы служите Богу, Котораго вы возлюбили?

Отвѣчаетъ святой тайнозритель Іоаннъ:

„Взглянулъ я, и вотъ, великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, стояло предъ престоломъ и Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ. И начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: Сіи облеченные въ одежды бѣлыя, кто они, и откуда они пришли? И сказалъ мнѣ: Это тѣ, которые пришли отъ великой скорби. За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его, и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будутъ уже палить ихъ солнце и никакой зной. И отретъ Господь всякую слезу отъ очей ихъ, и смерти уже не будетъ, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее все прошло“. Для нихъ уготованъ „на небѣ новый и великій городъ, святой Іерусалимъ. Господь Богъ Вседержитель—храмъ Его и Агнецъ; и городъ не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, ибо слава Божія освѣтила его и свѣтильникъ его—Агнецъ. Ворота его не будутъ запираются днемъ, а ночи тамъ не будетъ. И принесутъ въ него славу и честь и народовъ“ (Апок. VII, 9—16; XXI, 4, 10, 22—26).

Вотъ гдѣ покой вашъ, мученики долга, вотъ ваше небо, вотъ новый городъ, ваша вѣчная родина!

Въ царство вѣчнаго вашего покоя пусть проникнетъ къ вамъ молитва любви съ вашей родины земной. И скорби, и стоны, и слезы, —горючія слезы вашихъ вдовъ и сиротъ, отцовъ и безутѣшныхъ матерей, родныхъ, близкихъ и всѣхъ честныхъ русскихъ людей, вѣрныхъ долгу предъ Богомъ и родиной,—пусть взойдутъ на небо. Океаномъ горя нашего поднимутся эти слезы и достигнутъ вѣчнаго града вашего, вашей новой отчины. Онѣ предстанутъ безмолвныя предъ Сидящимъ на Престолѣ и будутъ умолять о васъ Вѣчнаго Агнца, Искупителя міра, умолять Вѣчную Милость и Правду... Долго-долго будутъ онѣ литься по скорбному лицу вашей земной страдающей родины: просочатся онѣ и до вашихъ земныхъ могилъ и омоютъ ваши страдальческія кости!

Намъ же, еще оставшимся въ живыхъ, всѣмъ слугамъ добра и отчины, намъ въ заповѣдь: молитва о васъ и па-

мять, почитаніе вашего подвига не словомъ только, но дѣломъ,—вѣрностью христіанскимъ началамъ жизни, вѣрностью нашему долгу предъ Богомъ и родиной, неустанною борьбой съ замутившеюся общественною мыслью и совѣстью, готовностью постоять во имя долга до смерти и крови.

Только въ этомъ выразятся наше почитаніе и наша благодарность мученикамъ за родину. А страхъ, уступки, измѣна тому, чему они служили,—это будетъ признаніемъ бесплодности и ненужности ихъ подвига, горькою насмѣшкой надъ пролитомъ ихъ кровью, вторымъ ихъ распятіемъ.

Кровь Агнца Непорочнаго—Христа, пролитая во оставленіе грѣховъ міра, будетъ приноситься здѣсь воспоминательною умилостивительною о нихъ Жертвою. Да будетъ она для нихъ очищеніемъ и залогомъ вѣчной къ нимъ милости и вѣчнаго спасенія. Они ушли отъ земли, ибо такъ подобало имъ исполнить всякую правду, по образу Христа.

Да будетъ правда Его и милость ихъ вѣчнымъ покровомъ, ихъ вѣчною радостью! Аминь.

Памяти русскихъ воиновъ, отдавшихъ жизнь за отечество въ войну съ Японіей. *

Предъ нами—плодъ щедродательной христіанской любви и высокаго гражданскаго патріотизма. Молитвой вѣры и любви и благословеніемъ Церкви открываемъ мы и освящаемъ нынѣ этотъ пріютъ для сиротъ, потерявшихъ отцовъ своихъ и кормильцевъ въ минувшую русско-японскую войну.

Столько въ эти минуты просится въ душу думъ и воспоминаній, столько горести поднимается въ сердцѣ, столько незаслуженныхъ, горящихъ обидъ встаетъ въ сознаніи, что нѣтъ силъ удержаться, нѣтъ силъ молчать! Вспоминаются, какъ

* Рѣчь, произнесенная 18 мая 1907 г. на молебствіи по случаю открытія въ Москвѣ пріюта имени А. С. Шмакова для сиротъ воиновъ, погибшихъ въ русско-японскую войну.

одинъ безконечный и мучительный день, день непрестающей нашей скорби, три съ лишнимъ года,—съ того времени, какъ Японія объявила войну Россіи.

Изъ-за головокъ этихъ сиротъ-дѣтей, собранныхъ сюда въ пріютъ, смотреть на насъ съ укоризной образы ихъ погибшихъ отцовъ.

Смотрятъ они на насъ и спрашиваютъ: „Братья, родные, русскіе люди! Скажите,—за что, за что вы насъ дважды убили и дважды похоронили? Зачѣмъ вы посмѣялись нашей смерти и поругали нашу мученическую кровь? Зачѣмъ вы сорвали и растоптали наши страдальческіе вѣнцы? Зачѣмъ вы отвернулись отъ нашей памяти, зачѣмъ забыли вы наши семьи и нашихъ сиротъ, увлекшись со всею страстью своими политическими и политиканствующими интересами и счетами, борьбою партій и погоней за властью надъ ослабѣвшею и изнуренною родиной?“

Такъ спрашиваютъ они насъ, и некуда намъ уйти отъ ихъ неотразимыхъ обвиненій, отъ этого тяжкаго вопроса. Что сказать имъ въ отвѣтъ?

Они шли, по зову Царя и родины, шли, оставивъ семьи и родныя избы, на поля и въ горы дальней Маньчжуріи, они плыли безпрекословно въ чуждыя и невѣдомыя моря. И думали они, что идутъ исполняя долгъ, спасая отечество, думали, что свершаютъ славный подвигъ, что позади ихъ остаются родные люди, которые будутъ сопутствовать ихъ молитвами, благодарно помянуть и прославятъ ихъ смерть и подвиги, воодушевятъ ими нарождающіяся поколѣнія, помогутъ ихъ осиротѣлымъ семьямъ...

Но уже здѣсь, въ Россіи, отправляясь на войну, они видѣли и слышали что-то странное, что-то чудовищное. Сначала робко, какъ змѣиное шипѣнье, потомъ все громче и громче, сливаясь въ отвратительный зловѣщій вой, все безстыднѣе и наглѣе поднимались голоса домашнихъ нашихъ измѣнниковъ, которые уговаривали нашихъ воиновъ бунтовать противъ власти, отказываться отъ участія въ войнѣ, которые самую войну со стороны Японіи называли доблестною и справедливою, а со стороны вызванной на нее Россіи—низкою и позорною, без-

цѣльною и ненужною. Солдатъ заваливали прокламаціями на сборныхъ пунктахъ и въ вагонахъ; ихъ всюду поджидали добровольные японскіе шпіоны и пособники изъ русскихъ. Они, однако, думали, что все это—сатанинское навожденіе, что это—дѣло только жалкой кучки презрѣнныхъ и безумныхъ измѣнниковъ. Но опасность оказалась гораздо больше: за измѣну и предательство стали всѣ „освободительныя“ газеты, всѣ самозванные руководители русскаго общественнаго мнѣнія.

Никогда со временъ начала Руси не обнаружилось въ такой степени въ людяхъ, считавшихъ и считающихъ себя представителями русской мысли, отсутствіе самаго посредственнаго государственнаго разума, патріотизма и простой порядочности. Этотъ моментъ скорби и потрясеній отечества они сочли удобнымъ, чтобы разрушать всѣ устои власти и порядка и свести счеты съ правительствомъ путемъ лживыхъ извѣстій, ложныхъ обвиненій и собранныхъ съ улицъ сплетенъ о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся дѣятеляхъ арміи, флота и правительства. Они привѣтствовали и раздували каждую нашу неудачу, они заражали уныніемъ идущія на битву войска; дошло, наконецъ, до того, что русскіе студенты посылали привѣтствіе японскому микадо, они же изъ Швейцаріи послали въ японскую армію генералу Куроки самую подробную карту сѣверной Маньчжуріи, чтобы враги безошибочно наносили вредъ русскому воинству...

Войска, однако, двигались непрерывнымъ потокомъ; снаряжались суда на морскую битву,—а въ это время русскія газеты услужливо оповѣщали весь міръ и японцевъ, сколько и какія войска идутъ, какіе недочеты въ судахъ, въ снаряженіи и вооруженіи и т. д. Все это лицемѣрно называлось „служеніемъ правдѣ“. Ни звука о патріотизмѣ, ни слова въ одобреніе и поощреніе воинамъ, ни единой похвалы уже прославившимся героямъ. Напротивъ, данъ былъ общій дьявольскій приказъ: все и всѣхъ чернить, все доброе замалчивать, все худое раздувать, всѣмъ доказывать, что въ Россіи ничего не осталось хорошаго, достойнаго, крѣпкаго и цѣльнаго, все прогнило. Это тоже называлось: „говорить только правду“ и „хоронить старый, гнилой режимъ“...

И все-таки войска двигались бодрья, а, придя на мѣсто, быстро проникались общимъ патріотическимъ и геройскимъ настроеніемъ. Но и на полѣ брани, и даже на отрѣзанныхъ отъ всего міра броненосцахъ ихъ не оставляли русскіе измѣнники-освободители.

На передовыхъ позиціяхъ нерѣдко нехватало сухарей и хлѣба, вслѣдствіе тяжелыхъ условій доставки, но аккуратно получались мѣшки съ отвратительными прокламаціями; на судахъ оказались агитаторы; въ госпиталяхъ и даже въ плѣну японскомъ нашихъ солдатъ заваливали опять-таки революціонной литературой. Измѣна работала съ сатанинскою энергіей.

Бывало, вернется больной или раненый на поправку внутрь Россіи; онъ ждетъ ласки, привѣта, участія, заслуженной чести и благодарнаго вниманія. Въмѣсто этого онъ слышитъ одно: какъ здѣсь бранятъ нашихъ героевъ, какъ унижаютъ армію, какъ осуждаютъ ее,—за что? За то, что, вопреки подстрекательствамъ „освободителей“, она оставалась вѣрною долгу и не шла на путь измѣны, бунта и предательства. Не разъ эти несчастные заявляли, что они „вторично ранены“ дома, на родинѣ, подобнымъ отношеніемъ русскаго общества.

Каины, Хамы и Іуды водрузили свои сѣдалища въ Россіи. Каины убивали лучшихъ русскихъ людей, Царскихъ слугъ,—убить Великій Князь Сергій Александровичъ, убить Бобриковъ въ Финляндіи, убить Плеве... Хамы радовались униженію родины и издѣвались надъ ея страданіями и позоромъ, отличаясь отъ библейскаго Хама только тѣмъ, что любовались своимъ безстыдствомъ и наглостью; Іуды брали японскія деньги,—это теперь доказано неопровержимо¹⁾,—покупали на нихъ оружіе для возстанія внутри Россіи, устраивали забастовки рабочихъ на заводахъ, приготовлявшихъ военные запасы, на верфяхъ, строившихъ военные суда, на дорогахъ, перевозившихъ войска. Другіе Іуды во время войны нашли умѣстнымъ заниматься внутренними реформами и, подъ видомъ „довѣрія“,—неизвѣстно къ кому,—усиливали наглость,

¹⁾ *Изнанка русской революціи.* Изд. Суворина. Ц. 10 к. Съ фотографическими снимками автографовъ японца Ахаша и переписки русскихъ революціонеровъ, получавшихъ отъ него деньги, съ указаніемъ взятыхъ суммъ и проч.

силы и способы дѣятельности русскихъ крамольниковъ.

Все это открыто печаталось и, въ видѣ лавины прокламацій и „освободительныхъ“ газетъ, обратившихся въ прямое орудіе японцевъ, проникало въ армію... Каково было ей, при неимовѣрныхъ трудностяхъ, при отдаленности отъ внутренней Россіи, при медленности пополненія войскъ, при видѣ всѣхъ преимуществъ на сторонѣ противника,—каково было ей при такомъ отношеніи печати дѣлать свое дѣло? Каково было воину идти и умирать, и въ то же время быть увѣреннымъ, что позади раздастся не похвала и благодарность, а насмѣшка и осужденіе?

Кончилась безславная война. Убитые остались въ далекой и чужой Маньчжуріи. Имъ не поставили памятниковъ, надъ ними не воздвигли храмовъ. Ихъ образу забыли, какъ-будто ихъ и не было; общество русское, столь гордое своею гуманностью, когда идетъ вопросъ о наказаніи политическихъ убійць, убивающихъ изъ-за угла, забыло о безтрепетно умиравшихъ на войнѣ герояхъ, забыло о сиротахъ убитыхъ воиновъ, объ ихъ обездоленныхъ семьяхъ. Взаимнъ патріотическихъ заботъ о нихъ требовали „мира во что бы то ни стало“, забрасывали грязью героевъ, сидѣвшихъ девять мѣсяцевъ среди ужасовъ смерти въ Портъ-Артурѣ, и чествовали тѣхъ, которые, изъ послушанія голосу газетъ, позорно сдавали свои суда непріятелю безъ боя...

Подъ такими настроеніями возвращалась армія послѣ позорнаго мира,—армія, рвавшаяся къ бою, армія, отступавшая только по приказу, горѣвшая жаждой подвига и совершившая, дѣйствительно, въ единичныхъ личностяхъ, великихъ подвиговъ не мало. Ея встрѣчали забастовки на желѣзныхъ дорогахъ, агитаторы въ вагонахъ и на станціяхъ, революціонныя листки и газеты, извѣстія о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ, о бунтахъ въ арміи и флотѣ, восхваленія не тѣхъ героевъ, что умирали безропотно на полѣ брани, а разныхъ севастопольскихъ и прочихъ измѣнниковъ, которые вели битыхъ съ толку солдатъ подъ разстрѣлъ, сами же низко убѣгали при первой явной опасности. Когда такихъ измѣнниковъ казнили,—о нихъ кощунственно служились вызывающія панни-

хиды, въ память ихъ устраивались забастовки въ школахъ и въ средѣ рабочихъ... Молчали только о герояхъ, погибшихъ на войнѣ, покоящихся въ городахъ и долахъ Маньчжуріи, или на днѣ холоднаго океана...

Всѣ занялись политикой, всѣ бросились добивать несчастную родину, разрушать послѣдніе остатки бывшей власти и былого порядка. Каины, Хамы и Іуды торжествовали, торжествуютъ и доселѣ; ихъ кровавая, гнусная и предательская работа на ихъ языкѣ называется „освободительнымъ движеніемъ“.

Неудержимое чувство страшнаго негодованія поднимается въ душѣ при всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ; жажда мести готова охватить сердце... Но мы—христіане. Не мы судьи, не мы мстители. „Мнѣ отмщеніе, говоритъ Господь, и Азъ воздамъ“. О, помяни, Господи, нашихъ хулителей Семеевъ, предателей Авессаломовъ и лукавыхъ совѣтниковъ Ахитофеловъ, нашихъ Каиновъ, Хамовъ и Іудъ! Помяни, Господи, сыны Эдомскіе—нашихъ инородцевъ, именно тѣхъ изъ нихъ, что, подобно древнему Эдому, въ день скорби нашего отечества врагамъ его глаголали: „Истощайте, истощайте до основанія его“. Они, изъ 18.000 бывшихъ на войнѣ, сдавались и бѣжали въ Японію въ числѣ 13.000,—то-есть всѣ, кто могли,—а позоръ ложился на нашу армію, а революціонные „ложные пророки“ въ этомъ видѣли голосъ и приговоръ русскаго народа... Помяни имъ, Господи: Тебѣ отмщеніе, и Ты воздашь! Намъ же здѣсь одинъ вразумительный урокъ: Господь попустилъ такое торжество сатаны за грѣхи наши, да въ покаяніе, да въ разумъ истины придемъ, подъ вліяніемъ этихъ поражающихъ страшныхъ ударовъ.

Итакъ, развѣ неправда, что убитыхъ отцовъ этихъ сиротъ дважды убили и дважды похоронили: на войнѣ и потомъ опять дома? Развѣ несправедливы ихъ укоры намъ изъ загробнаго міра?

Но вотъ, въ открытіи этого дѣтскаго пріюта, въ этомъ проявленіи щедродательной любви и горячаго патриотизма, мы видимъ отраднѣйшій знакъ отрезвленія русскаго общества. Земной благодарный поклонъ жертвователю Алексѣю Семеновичу Шмакову! Но его дѣло—не личный только его благородный

порывъ, а знаменіе и общественныхъ настроеній. Если зло не одиноко, то тѣмъ болѣе не одиноко добро. Незамѣтными нитями связано оно со множествомъ добрыхъ сердець; незамѣтными вліяніями оно прольется въ другія добрыя души, и непримѣтно вызоветъ оно сродные отзвуки всего святого, чистаго, вѣчнаго, что, не умирая, живетъ въ человѣкѣ и только временно подавляется злобнымъ натискомъ бѣсовскаго навожденія.

Да исчезнуть, да исчезнуть эти бѣсы изъ нашей русской жизни, да сгинуть они съ лица нашей земли при знаменіи креста отъ горячности вѣры, отъ огня молитвы, отъ дѣйствованія любви, отъ воодушевленія патриотизма! Да будетъ свѣтъ, и да бѣжить тьма!

Русскій человѣкъ! Возстани спяи и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ (Ефес. V, 14).

Что же сказать вамъ, милыя дѣти, собранныя сюда, въ этотъ часъ молитвы? Счастливы вы, что еще не можете понимать того ужаса, о которомъ здѣсь сейчасъ говорилось,— счастливы въ этомъ отношеніи ваши дѣтскіе годы.

Но несчастливы вы въ другомъ отношеніи: у васъ нѣтъ родныхъ, у васъ нѣтъ кормильцевъ; ихъ отняла война. Собранныя сюда общимъ горемъ, вы тѣмъ чаще будете о немъ себѣ напоминать. Пусть же утѣшеніемъ вашимъ будетъ сознаніе, что ваши погибшіе отцы—это славные герои и мученики за родину; пусть въ васъ растетъ твердое намѣреніе, подобно этимъ героямъ, служить отечеству вѣрою и правдою до пролитія крови.

Почетно сказать: мой отецъ умеръ за Россію. Дай же Богъ, чтобы къ тому времени, когда вы придете въ мѣру полного возраста и сознанія, вся Россія, безъ единого исключенія, такъ именно смотрѣла на васъ и на вашихъ героев-отцовъ. Будьте достойны вашихъ отцовъ и, поминая ихъ всегда благодарною о нихъ молитвою, старайтесь вести себя такъ, чтобы съ высотъ небесныхъ селеній они радовались о васъ, о дѣтяхъ своихъ, которыя здѣсь, въ пріютѣ, возрастая тѣломъ, возрастаютъ и духомъ для служенія Богу и родинѣ! Аминь.

«Исполняйтеся Духомъ» — въ единеніи духа.*

Егда же огненные языки раздающе, въ соединеніе вся призва. (Кондакъ Пятидесятницы).

Въ день, когда Пятидесятницу мы празднуемъ и Духа пришествіе, когда воспоминаемъ огненныхъ языковъ раздаваніе и призываніе всѣхъ въ соединеніе, соединились и мы нынѣ, православные русскіе люди, не только въ праздничное религиозное собраніе, но въ собраніе и патріотическое. Соединились мы всѣми Московскими патріотическими содружествами въ виду событій особой важности.

Распущена вторая Государственная Дума—крамольная, безбожная, измѣнническая. Дарованъ и объявленъ Высочайшій Манифестъ величайшей важности, благовѣствующій русскому народу избавленіе отъ ига чужеземныхъ государственныхъ ученій, возстановленіе православно-самодержавнаго начала власти, основанной на вѣчной Правдѣ Бога, а не на условномъ правѣ челоуѣка, и сохраненіе историческихъ основъ русскаго царства,—благовѣствующій радостную вѣсть съ высоты Престола о томъ, что русская Дума должна быть русскою и по составу и по духу, ибо и Россія должна быть русскою. Нынѣ начало того, о чемъ мы молились, мечтали, за что мы страдали до слезъ, а многіе уже пострадали до крови и смерти, о чемъ мы немолчно писали и проповѣдывали. Дастъ Богъ, начало доброе придетъ и къ доброму завершенію. Наконецъ, 5-го іюня сердечная царственно-величавая телеграмма Царя русскимъ патріотамъ явила намъ милость, ласку, привѣтъ, довѣріе и сочувствіе Царева сердца, обѣлила насъ предъ лицомъ враговъ нашихъ явныхъ и тайныхъ, дала намъ слезы радости и такое великое нравственное удовлетвореніе, которое способно заставить забыть всѣ скорби и невзгоды и

* Рѣчь, пронанесенная 10 іюня на общемъ собраніи Московскихъ патріотическихъ содружествъ.

наполнить сердца наши бодрой надеждой... Спасибо нашему Царю-Батюшкѣ! Да здравствуетъ въ силѣ и славѣ на много лѣтъ Государь Императоръ!

Да, недаромъ мы проработали этотъ минувшій годъ. Припомните, братья и друзья, какъ мы ровно 11 мѣсяцевъ тому назадъ, въ этомъ самомъ залѣ неожиданно узнали, во время нашего патріотическаго собранія, о роспускѣ первой Государственной Думы. Радость нашу тогда отравляла тревога. Боялись всё ложныхъ страховъ, созданныхъ лживыми языками враговъ Россіи. Пугали насъ возстаніями, волненіями народными. Бывшіе члены Думы отправились въ Выборгъ и оттуда, какъ низкіе измѣнники, ничтожные, презрѣнные трусы, призывали русскій народъ къ измѣнѣ и безначалію. Тревога объ-яла всѣхъ.

И вотъ, за годъ мы увидѣли, что самая крѣпкая и надежная сила въ Россіи—это историческая власть русскаго Царя; что во второй Думѣ оказались понимающими дѣло и способными людьми къ служенію Россіи только Царскіе слуги—министры, тѣ самые „бюрократы“, которыхъ не бранилъ только лѣнивый и нѣмой; что голосъ разума, добросовѣтности и благороднаго самоотверженія мы слышали только отъ представителей патріотическихъ нашихъ союзовъ: мы увидѣли, что страхи и ужасы, созданные врагами Россіи, оказались только пугалами; что пресловутое народовластіе, это сатанинское измышленіе, эта могила религіозной правды и жизни по совѣсти, само себя явило во всей неприкрашенной лжи; мы видѣли, какъ на протяженіи года въ двухъ Думахъ „воля народа“ проявлялась до противоположности различно въ разныхъ партіяхъ въ разрѣшеніи одного и того же вопроса, хотя бы, напримѣръ, аграрнаго; мы видѣли, что для составленія большинства въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ въ Думѣ „послы народа“ руководствуются не голосомъ правды и совѣсти, а приказомъ партіи, „тактическими соображеніями“ и подсчетомъ голосовъ, взаимнымъ торгомъ между партіями и явнымъ обманомъ; мы видѣли, что однихъ вопросовъ, какъ бюджетъ, они не смогли разрѣшить по недостатку ума и знанія, другихъ— по недостатку добросовѣтности и любви къ родинѣ;

мы видѣли, какъ тѣ, которые въ прошломъ году „по волѣ народа“ призывали Россію не давать Царю ни податей, ни солдатъ, теперь „по волѣ народа“ уже свободно отпускали деньги, составившіяся изъ податей, и устанавливали число новобранцевъ. „Народовластіе“, это—древняя дьявольская приманка; будете „яко божи“—оказалось лживымъ началомъ жизни и привело его представителей въ Думѣ къ неслыханнымъ преступленіямъ и къ нелѣпѣйшему заявленію о томъ, что „Дума безъ революціи—это ружье безъ заряда“, что „не миръ, а войну должна нести Дума“, и что задача Думы—уничтожить Царя и монархію и вмѣсто нея утвердить республику. Это говорили тѣ, которые предъ вступленіемъ въ Думу *клялись* и подписями утверждали клятву въ томъ, что будутъ сохранять вѣрность Самодержавному Государю... Въ моментъ, когда у насъ распустили вторую Государственную Думу, мы видѣли во Франціи вооруженное возстаніе противъ республики и парламента: не велики, значить, тѣ блага, которыми насъ прельщали тѣ, которые мечтали устроить въ Россіи посредствомъ Думы „широкій храмъ народовластія“.

Народъ нашъ, сбитый съ толку лживыми обѣщаніями враговъ, прикинувшихся его друзьями, прозрѣвалъ въ теченіе минувшаго года и прозрѣваетъ все болѣе и болѣе. Первую Думу распустили,—и вся Россія, оказалось, сохранила полное спокойствіе. Но правительство вѣрило въ Думу и надѣялось, что Дума вторая, собранная по тому же выборному закону, окажется лучше. Для насъ, напротивъ, для истинно-русскихъ людей, это было новымъ источникомъ тревоги. Оставленъ былъ прежній избирательный законъ; предполагалось при этомъ, что Царь и правительство *не въ правѣ* измѣнить выборный законъ; чувствовались и слышались во всѣхъ мѣропріятіяхъ и разсужденіяхъ конституціонныя нотки... Дѣйствительность и опытъ показали, однако, что законъ этотъ, созданный спѣшно, въ минуту тяжелаго положенія Россіи послѣ неудачной войны, несомнѣнно, былъ ошибкой. Что же, нужно ли было въ самомъ дѣлѣ непремѣнно оставаться при этой ошибкѣ, потому только, что она значилась въ писанныхъ параграфахъ закона?

По возрѣнію конституціонному, нужно было оставаться при ошибкѣ: ошибка вошла въ право; пусть гибнетъ жизнь, пусть гибнетъ Россія, зато пусть торжествуетъ право. Получается древне-фарисейское правило: человекъ для субботы, а не суббота для человека. Но не таково возрѣніе христіанское и религіозное, отразившееся въ русскомъ Самодержавіи: выше права—правда, выше бумаги—жизнь, выше субботы—человекъ. И Царь по этой *русской конституціи*, которая, со стороны Царя, есть коронованіе и обѣты его передъ Богомъ, а со стороны народа есть вѣрноподданническая присяга,—Царь сталъ выше мертваго права и нынѣ Манифестомъ и измѣненіемъ выборнаго закона указалъ народу Своему, что и впредь Онъ будетъ *свободно править свободнымъ народомъ* какъ неограниченный Самодержецъ. Ибо, по слову Божію, *гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода*, а гдѣ нѣтъ Духа Господня, тамъ и объявленная свобода окажется рабствомъ...

Распустили вторую Думу,—и всѣ вздохнули облегченно. Ни отъ третьей, ни отъ четвертой, ни отъ пятой, вообще ни отъ какой Думы народъ ужъ не станетъ теперь ждать спасенія и укрѣпленія отечества. Только Царь есть Верховная власть, а Верховная власть не можетъ быть иною, какъ *единою*; только отъ Царя, только отъ Царя мы ждемъ счастья родины и отъ народа, живущаго и дѣйствующаго въ единеніи съ Царемъ; только Царю мы покоримся и по Его слову не только земли, дома и деньги отдадимъ,—отдадимъ и самую жизнь за Россію. И если впредь Царская совѣсть и разумъ укажутъ Самодержцу, что въ прежнемъ какомъ-либо законѣ для блага народа нужно что-либо измѣнить въ немъ, или *совсѣмъ отмѣнить* полностью: это—не только право Царя, но это и Его долгъ передъ Богомъ и народомъ. Таково Его отношеніе и къ Думѣ.

Думные люди—это только *совѣтные* люди; они должны помогать Царю, а не ограничивать Его, тѣмъ болѣе не бороться съ Нимъ. Имъ—совѣтъ, а Царю—рѣшеніе,—рѣшеніе по совѣсти, рѣшеніе по вѣчному Божьему закону, рѣшеніе не по партійному приказу, не по партійнымъ интересамъ, а по соображеніямъ общаго блага Россіи. Созывать совѣтныхъ людей или

не созывать; собирать ихъ въ томъ или другомъ порядкѣ, тѣмъ или инымъ способомъ,—это только право и долгъ Царя; указаніе Ему—совѣсть и Божій судъ, а не измышленное „право народа“. Таковъ смыслъ Манифеста.

Кончилось сатанинское навожденіе народовластія, кончилось лживое обаяніе; открылся обманъ; спала повязка съ глазъ народа. То, что намъ подсказывали вѣра и совѣсть, русское чувство и руководство историческаго преданія, — насъ не обмануло.

Царь обрадовалъ и осчастливилъ насъ свидѣтельствомъ Своего довѣрія и благоволенія. Великая намъ честь! Великій намъ даръ!

Но кому много дано, съ того много взыщется. Не ошибемся, если скажемъ: дана намъ милость за правоту нашихъ убѣжденій, а не за самое ихъ осуществленіе, для котораго, что бы мы ни одѣлали, всегда сдѣлаемъ не все: путь нашей работы безконеченъ, высота нашего подвига безгранична, служеніе наше нескончаемо.

Указаніе будущей нашей работы и уроки себѣ мы найдемъ теперь въ знаменательномъ совпаденіи дней переживаемыхъ нами событій: роспускъ Думы объявленъ въ тотъ воскресный день, когда въ евангеліи читается великая молитва Господа Иисуса: *да вси едино будутъ*; когда въ апостольскомъ чтеніи слышится предупрежденіе апостола: войдутъ къ вамъ волки хищные, не щадящіе стадо, и изъ васъ самихъ возстанутъ учителя, говорящіе развращенное; когда въ историческомъ воспоминаніи перваго Вселенскаго Собора впервые выступаетъ въ жизни и исторіи вѣрующаго народа благодѣтельная власть благочестивѣйшаго самодержца равноапостольнаго Константина.

Прошла послѣ того недѣля—и мы сегодня собрались сюда въ наше общее собраніе, въ праздникъ Пятидесятницы, и слышали завѣтъ: „Исполняйтесь Духомъ... Егда огненные языки раздаяше, съ соединеніе вся призва“.

Соединимъ же эти уроки: „Исполняйтесь Духомъ“—въ единеніи духа!

Переживаемыя обстоятельства пусть въ насъ поднимутъ религіозное воодушевленіе и надежду на милость Господа и на

Его помощь нашему Царю и родинѣ; пусть поднимутъ въ насъ увѣренность въ правотѣ нашего дѣла и призванія, готовность служить имъ всею душой и всѣмъ разумѣніемъ; пусть поднимутъ и укрѣпятъ въ насъ рѣшимость оправдать высокое Царское довѣріе и быть его достойнымъ. Все это мы сдѣлаемъ лишь тогда, когда среди насъ не будетъ распрей и раздоровъ, когда мы будемъ едино, когда изъ нашей среды не будутъ возставать люди, сѣящіе расколъ и раздѣленіе, а если и будутъ возставать, то останутся одинокими.

Русское несчастье—это взаимное недовѣріе, вражда и подозрительность. Помните, на послѣднемъ сѣздѣ, въ торжественный день его открытія, мы молили, просили, заклинали и властью пастырскою повелѣвали хранить единеніе, не давать скорби Царю и радости врагамъ видомъ нашихъ раздоровъ. И нынѣ, въ день этого торжественнаго собранія нашего, мы молимъ и просимъ о томъ же: будемъ едины, будемъ храниться раскола и раздѣленія. Въ политическихъ партіяхъ это неизбѣжно, у насъ—это позорно и преступно. Тамъ мѣняются убѣжденія и приемы дѣятельности; тамъ впереди корысть, нестолобіе или властолубіе; тамъ естественно передрасться изъ-за власти, къ которой всѣ тянутся и изъ-за которой борются. У насъ нѣтъ поводовъ къ борьбѣ и озлобленію: *мы—не партія*, а весь русскій вѣрнопопданный народъ; въ убѣжденіяхъ мы постоянны; православная вѣра, Самодержавный Царь и русскій народъ, это—основа нашего исповѣданія, для всѣхъ равно дорогая; власти мы не хотимъ и не ищемъ. Остаются мелкіе поводы къ личнымъ неприяностямъ между отдѣльными людьми. Станемъ выше этого! Будемъ презирать такую мелочную и недостойную борьбу. Пройдемъ мимо всякихъ выходокъ личнаго самолюбія, взаимнаго заподозриванія, всякихъ нечистыхъ намековъ и обвиненій. Люди неуравновѣшенные, люди повышенно самолюбивые, люди, способные на всякія крайности, люди самовлюбленные, склонные всѣхъ и все бранить, обвинять, грязнить, чтобы этимъ или предъ собою или предъ другими себя возвеличить,—такіе люди всегда и вездѣ найдутся. Но цѣлое общество, вся наша священная, боголюбивая, царелюбивая и народолубивая дружина должна оставаться спокойною

и дѣлать свое дѣло. Пусть раздаются подчасъ истеричные вопли, ругательства, проклятія, анаемы...

Мы знаемъ, что это—неизбѣжный спутникъ человѣческой грѣховности. Гдѣ люди, тамъ и страсти, а страсти уживаются подъ каждою одеждою, и мірской и духовной, при всякихъ убѣжденіяхъ, даже и правыхъ... Призывы очиститься... О, очищеніе дорого для насъ, настоятельно нужно, всегда необходимо! Но призывы эти мы послушаемъ изъ чистаго источника слова Божія, отъ Духа Божія, а не изъ сомнительнаго источника оскорбленныхъ самолюбій, не отъ духа, омраченнаго и уязвленнаго злобою и мстительностью.

За дѣло, братья, за трудъ и подвигъ, минуя соблазны, препоны и преграды!

Огненными языками, огненнымъ воодушевленіемъ будемъ идти въ общее единеніе всѣхъ русскихъ патріотовъ. Предъ нами нескончаемый путь работы. Торжество наше—только начало, только первая побѣда русскаго православно-самодержавнаго государственнаго возрѣнія. Но врагъ поставитъ предъ нами много преградъ. Не одну жизнь мы еще будемъ оплакивать, не одну жертву впереди будемъ хоронить, и, кто знаетъ, чей теперь чередъ? Надъ кѣмъ теперь стоитъ ангелъ смерти?

Не разъ мы будемъ въ скорби и горести, не разъ мы еще будемъ видѣть натискъ и даже временный успѣхъ враждебныхъ силъ. Отстоимся и побѣдимъ, побѣдимъ непремѣнно, если будемъ крѣпки въ вѣрѣ и крѣпки въ единеніи, въ свободномъ послушаніи избраннымъ нашимъ вождямъ и руководителямъ, довѣріе къ которымъ прежде всего захотятъ пошатнуть враги, и, конечно, всего лучше для нихъ, если это они одѣлаютъ руками нашихъ же единомышленниковъ, или сбитыхъ съ толку, или впадшихъ въ соблазнъ. Помните, *силы у нашихъ враговъ своей нѣтъ*, ихъ сила—въ нашихъ слабостяхъ, въ нашихъ ошибкахъ, въ нашихъ раздорахъ.

Но этой силы мы имъ не дадимъ, и радости такой мы имъ не доставимъ.

Братья! Исполняйтея Духомъ—въ единеніи духа!

Судъ святыхъ.*

Въ церковно-богослужебной книгѣ относительно нынѣшняго воскреснаго дня говорится: „Вѣдомо буди, яко вся нынѣ празднуемъ, елика благодатно освяти Духъ Святой,—высочайше и освятительные умы; праотцы и паріархи, пророки и священныя апостолы, мученики и священноначальники, священномученики и преподобномученики,—преподобныя и праведныя и вся святыхъ женъ ликованія и иныя вся безъименныя святыя, съ ними же да будутъ и хотящія быти. Прежде же всѣхъ, и во всѣхъ и со всѣми Святыхъ Святую Владычицу Богородицу“. (См. Синакс. праздн.)

Итакъ, первый воскресный день послѣ праздника Пятидесятницы, какъ завершеніе многихъ великихъ и святыхъ воспоминаній, св. Церковь посвящаетъ прославленію всѣхъ святыхъ. Богослужебная книга, изъ которой взяты приведенныя сейчасъ слова, поставляетъ это воспоминаніе въ связь съ празднованіемъ въ честь Св. Духа. Въ ней выражается мысль о томъ, что, вспоминая всѣхъ, елика благодатно освяти Духъ Святой, мы не въ силахъ назвать ихъ поименно: такъ они многочисленны, такъ много ихъ жило въ простотѣ, смиреніи и безвѣстности на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ и во всей вселенной.

Святые эти—достойный плодъ освященія и Духа Святаго. Они—вѣчная похвала Церкви, ея слава, чистая, святая и достойная. Они—свидѣтельство и доказательство могучаго, чудеснаго дѣйствія Церкви Божіей въ мірѣ послѣ того, какъ она приняла дары искупленія и освященія. Поистинѣ, если Духъ Святой вещественнымъ образомъ, т.-е. въ видѣ огненныхъ языковъ, сошелъ съ неба на землю, то черезъ Него, наоборотъ, вещество и земля, т.-е. люди плотскіе, восходятъ и

* Слово, сказанное въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ въ Петроградѣ, въ церкви подворья митрополита Московскаго.

возвышаются отъ земли на небо: „Восходить къ горнимъ персть, естествомъ долу преложна сущи“ (изъ Синакс.).

И смотрите, поучаясь, какъ это освященіе міра Христовою вѣрою примѣтно и дѣйственно въ жизни и исторіи. И до Христа люди жили, искали истины, искали нравственности и духовныхъ основъ, мучительно старались разобраться между добромъ и зломъ, тяготились сознаниемъ грѣха, стремились къ Богу и святости. Много ли было, однако, святыхъ и чистыхъ? Ихъ не было. Самые лучшіе люди древности, прославленные и превознесенные за добродѣтели, въ Греціи, въ Римѣ, даже среди народа избраннаго, имѣли крупныя недостатки. „Влестяшіе пороки“—вотъ какъ называетъ одинъ изъ учителей Церкви самыя ихъ добродѣтели. Но и такіе люди были очень рѣдки: зло и грѣховность господствовали въ мірѣ. Предъ пришествіемъ Христа зло такъ наполнило міръ, что гибель міра была неизбѣжна. Но вотъ явилось христіанство,—и откуда только явилась въ людяхъ сила духа, сила жизни, святости и благочестія! Апостолы, мученики, подвижники, проповѣдники, святые во всѣхъ возрастахъ, званіяхъ и состояніяхъ, во всѣхъ народахъ, во всѣхъ концахъ земли. Каждый народъ, каждая страна, каждый городъ хвалится своими великими святыми. Исполняется воочію то, что поется въ церковной пѣснѣ: „Прощѣла есть пустыня, яко кринь (садъ), Господи, языческая неплодящая церковь пришествіемъ Твоимъ“...

Вспоминая и прославляя всѣхъ святыхъ, съ грустью, однако, видимъ, что ихъ земная жизнь была исполнена страданій, униженій и бѣдствій, она не соотвѣтствовала ихъ значенію для людей, ихъ высокому достоинству. „Въ багрянцѣхъ крови, въ червленецѣхъ твердаго страданія, истерзанные и окровавленные, по всей земли мучившіеся терпѣливо и доблестно, какъ бы въ чужихъ тѣлесахъ страдавшіе, подражатели Христа-Первомученика, огнемъ искупившіеся искушенія,“—вотъ какъ представляются они въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. (См. канонъ).

А между тѣмъ, мы слышали отъ апостола сегодня, что святые вѣрою побѣдили царствія, содѣяли правду, получили обѣтованія. И Церковь для ихъ прославленія какъ бы не на-

ходить словъ, богослужебныя пѣсни и молитвы достигаютъ высшей силы вдохновенія въ желаніи изобразить ихъ заслуги и воздать имъ хвалу, и въ желаніи насъ подвигнуть къ подражанію ихъ жизни. Они—„Церковь обнебесили, они небо церковное уяснили своими дарованіями, они благородствомъ души очистились, вѣяцы получили, наслѣдниками царствія показались, мзду трудовъ пріяли“, души ихъ—въ руцѣ Божіей и ужъ не прикоснется ихъ мука; въ очахъ безумцевъ они умерли, и исходъ ихъ вмѣненъ былъ, какъ безчестіе, на самомъ же дѣлѣ они вѣчно живутъ теперь въ славѣ и въ мирѣ, а упованіе ихъ безсмертія исполнено. Какъ золото въ горнилѣ, Богъ искусилъ ихъ, какъ всеплодіе жертвенное пріялъ ихъ. Во время посѣщенія Его и суда они возсіяютъ; какъ искры по стеблю, будутъ пылать и сверкать небесною красотою. (См. канонъ, 2 паремію).

Такъ величаетъ святыхъ церковное слово. Они—сѣмя святое, они—стояніе міра, т.-е. ими держится и держался міръ, они—соль земли и свѣтъ жизни.

Что же, одною похвалою святымъ удовлетворяется и довольствуется слово церковное? Нѣтъ, братіе, въ немъ слышатся великіе и глубокіе завѣты живущимъ поколѣніямъ, сынамъ Церкви воинствующей. Великіе завѣты и вмѣстѣ грозныя предостереженія.

Воля Божія о насъ—святость наша во Христѣ Иисусѣ; мы созданы на дѣла благая,—вотъ первый урокъ и завѣтъ каждому отдѣльному христіанину.

Хотите слышать урокъ царямъ, правителямъ, народамъ, обществамъ и государствамъ? Вотъ этотъ урокъ: „Слышите убо, царіе, и разумѣйте, научитесь, судіи концевъ земли; внушите, держащіе множества и гордящіеся о народѣхъ языкъ: яко дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго (3 парем. изъ Прем. Солом., гл. V). Итакъ, не земное устроеніе только, не земныя удобства, не устроеніе только гражданскаго быта, суда и порядка, городовъ, дорогъ, промысловъ и торговли, не однѣ временныя цѣли и задачи поставлены царямъ и царствамъ. Они имѣютъ религіозно-нравственныя задачи, религіозно-нравственныя обязанности; царства челове-

скія покоятся на нравственныхъ основахъ и безъ нихъ погибнуть и подпадутъ осужденію.

Кто же будутъ судьи? Судьи—это тѣ самыя святыя, которыхъ мы нынѣ прославляемъ. Судятъ языкомъ и обладаютъ людьми, и воцарится Господь въ нихъ во вѣки,—говорить о нихъ древнее слово Божіе (2 паремія изъ Прем. Солом., гл. III).

Развѣ вы не знаете, что святыя будутъ судить міру?—повторяетъ и подтверждаетъ апостоль (Евр. 1 Кор. VI, 2).

Они предстанутъ лицу Божію съ нами рядомъ и скажутъ о насъ: это не тѣ, для которыхъ мы приготовили кровью и страданіями торжество Церкви; они на насъ не похожи: мы обнебесили Церковь, а они ее оземленили; мы въ мукахъ и крови остались ей вѣрны, а они въ мирѣ и благоденствіи ей измѣняютъ; намъ тяжело было оставаться на высотѣ подвига, но мы остались тверды, а этимъ легко было и они пали.

Пусть,—скажутъ они о насъ,—пусть не говорятъ они о трудностяхъ, соблазнахъ, искушеніяхъ, препятствіяхъ; пусть не выдумываютъ для себя извиненій; пусть не ссылаются на невозможность спасенія. Мы,—скажутъ святыя,—мы—люди такіе же, какъ они, и намъ была дорога жизнь, и насъ страшили страданія, и намъ тяжки были препятствія; намъ было въ страданіяхъ и гоненіяхъ тяжело, чѣмъ этимъ живущимъ христіанамъ; мы часто спасались въ пустыняхъ и лѣсахъ, въ пещерахъ и подземельяхъ, въ ссылкахъ и тюрьмахъ, мы не имѣли храмовъ и богослуженія, не слышали пастырей и учителей; одинокіе, разсѣянные среди моря язычества, мы все же остались вѣрны Христу, а они посреди множества христіанъ, во дни господства Церкви, возстановили въ жизни древнее издохшее язычество, съ которымъ мы боролись до крови и смерти...

Что мы скажемъ предъ этою укоряющею рѣчью? Въ чемъ будетъ наше оправданіе? Самое существованіе святыхъ, ихъ подвиги, самое наше празднество въ честь ихъ, наше прославленіе ихъ,—все это будетъ судить насъ предъ Божьей Правдою.

Нашъ долгъ—имъ подражать. Нашъ долгъ—слѣдовать ихъ жизни. Нашъ долгъ молитвою просить ихъ помощи. Какъ бы

ни тяжело было это подражаніе, будемъ помнить уроки нынѣшняго евангелія. Апостолы спросили Господа: „Вотъ, мы оставили все и пошли за Тобою. Что же намъ будетъ?“ Господь имъ отвѣтилъ: „Истинно говорю вамъ, что вы, пошедшіе за Мною, въ паки бытіи, въ иной, вѣчной жизни сядете на престолахъ судить колѣнамъ Израилевымъ. И всѣ, ради Меня оставившіе отца, или мать, или братьевъ, или сестеръ, или что другое въ жизни,—сторицею получаютъ и жизнь вѣчную наслѣдуютъ“...

Братіе, не вѣсте ли, яко святіи судити мірови имуть?
Аминь.

Тайна преобразованія жизни.*

Слава, честь и миръ всякому дѣлающему благое! (Рим. II, 10).

Если мы соединимъ вмѣстѣ всѣ наставленія слова Божія, которыя преподаны намъ св. Церковью въ нынѣшній день двойного праздника, то найдемъ въ нихъ такую глубину назиданія, что ея исчерпать можно всю нравственную жизнь христіанина. И въ то же время въ нихъ мы услышимъ и увидимъ открытый и грозно-вразумляющій укоръ нашему времени съ его забвеніемъ высшаго смысла и высшихъ цѣлей жизни, съ его преклоненіемъ только предъ землею и предъ земными интересами.

Въ евангеліи сегодня мы слышали простую, но дивную повѣсть о призваніи апостоловъ. По берегу моря идетъ Человѣкъ. У Него нѣтъ видимыхъ знаковъ высокаго происхожденія, властнаго положенія, богатства или мірской учености. У Него нѣтъ ученія, обѣщающаго мірскія радости,—у Него только слово призыва къ Богу и Небу, къ покаянію и спасенію, не

* Слово въ над. 2-ю по Пятидес. и въ праздни. рожд. Іоанна Крестителя, 24 июля 1807 года. Сказано въ церкви подворья митрополита Московскаго въ Петроградѣ.

къ царству земному и его осязательнымъ и соблазнительнымъ сокровищамъ, а къ невидимому и невѣдомому царствію небесному. Оттолѣ начатъ Иисусъ проповѣдати и глаголати: покайся, приближися царствіе небесное...

На пустынномъ берегу—рыбаки, простые поселяне галилейскіе; одни чинятъ сѣти; другіе закидываютъ ихъ въ море; всѣ заняты мирнымъ и полезнымъ промысломъ. Проповѣдникъ говоритъ имъ: „Оставьте это все, всѣ ваши заботы и трудъ; идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ изъ ловцовъ рыбъ ловцами человѣковъ“. Звавшій былъ Христосъ; рыбаки—апостолы; они оставили все и пошли за Божественнымъ Учителемъ. (Еванг. воскресное Мѣ. IV, 18,—23.)

Слышимъ чрезъ много лѣтъ послѣ этого ученіе апостоловъ; оно—отпрыскъ, отображеніе, повтореніе и раскрытіе евангелія царствія, проповѣданнаго Христомъ. Оно гласитъ сегодня: „Скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка, творящаго злое; слава и честь и миръ всякому, дѣлающему благое. И голосомъ слова Божія, открытаго Духомъ Св. въ Свящ. Писаніи, и голосомъ совѣсти, присущей всякому сердцу, мы призываемся къ добру, и поэтому отвѣтствуемъ предъ Богомъ за отступленіе отъ него“. (Воскресн. ап. чт. Римл. II, 10—16.) Такъ было и до Христа. А послѣ Его пришествія „стало ближе всего къ намъ спасеніе,—ночь прошла, а день приблизился. Отложить нужно дѣла темныя и облечься во оружія свѣта; отказаться нужно отъ всякаго вида чувственности, отъ пьянства, прелюбодѣянія, отъ злобы и зависти; гнать нужно отъ себя соблазняющій помысль самооправданія, будто все это—естественно, необходимо, а потому невмѣяемо и безгрѣшно для человѣка: потребностей тѣла не слѣдуетъ обращать въ похоти, свободный духъ не нужно отдавать въ рабство плоти“. (Апост. чт. праздн. Римл. XIII, 12—14.)

Что скажетъ на это ученіе нынѣшнее время? Какому суду подпадутъ и какой дадутъ отвѣтъ Богу нынѣшніе люди?

Отвѣта и суда нынѣшніе люди, большею частью, не признаютъ. Они измѣряютъ жизнь человѣческую однимъ земнымъ существованіемъ, и съ этою узкою мѣркою, конечно, не въ силахъ вмѣстить вѣчныхъ наставленій изъ міра вѣчности. Къ

чему намъ,—говорятъ они и учатъ,—къ чему намъ ваши проповѣди о какомъ-то небесномъ царствѣ? Предъ нами царство земное, и мы такъ его желаемъ устроить, чтобы рай людямъ былъ здѣсь, на землѣ, при жизни, а не на безвѣстномъ небѣ. Къ чему намъ ваши наставленія о покаяніи? Человѣкъ живетъ, какъ ему живется; что онъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ по необходимости; человѣкъ всецѣло зависитъ отъ условій и обстоятельствъ жизни, они сильнѣе его, онъ не можетъ себѣ ихъ подчинить; ни въ чемъ онъ не виноватъ, значитъ, ему каяться нечего... Къ чему,—говорятъ они,—ваши поученія о добрѣ и злѣ? Добра и зла, виновности и невиновности, порока и добродѣтели нѣтъ; есть только тѣ или другія условія жизни; добро есть то, что всѣми признано и сегодня принято за добро, завтра оно уже можетъ считаться зломъ, и наоборотъ, зло, сегодня почитаемое зломъ, завтра будетъ называться добромъ... Наконецъ, къ чему,—говорятъ они,—къ чему ваши подвижники, святые, проповѣдники, мученики, къ чему эти люди, говорящіе и думающіе и другимъ проповѣдующіе о Богѣ, о нравственности, о душѣ, о святости? Все это для земли не нужно, всѣ такіе люди для земли или вредны, или бесполезны. Намъ нуженъ хлѣбъ, свѣтъ, воздухъ, жилища; въ мѣру трудъ, побольше отдыха и наслажденій; всѣмъ по возможности людямъ одинаковое количество благъ земныхъ, осязаемыхъ, видимыхъ, понятныхъ. Кто все это дастъ, тотъ—благодѣтель человѣчества, тотъ—истинный учитель людей, тотъ достоинъ хвалы и по смерти, а не подвижники вѣры и благочестія.

Такова философія современности, столь заманчивая для грѣшника. Не нова эта философія; ее знали въ древности, когда говорили: „паръ есть жизнь наша; мы сегодня существуемъ, а завтра будемъ, какъ не бывшіе; посему, пока живы; будемъ ѣсть, пить и веселиться“; ее зналъ и обличалъ и апостоль, когда изображалъ ея сущность въ словахъ: „ямы и шлемы, утрѣ бо умремъ“...

Въ отвѣтъ на приведенныя разсужденія поставимъ образы нынѣ прославляемаго Церковью св. Іоанна Крестителя и св. апостоловъ, призванныхъ на ловитву человѣковъ.

Вотъ, на берегахъ Іордана, на людномъ пути появляется

какой-то подвижникъ. Одежда на немъ грубая и необычная,—изъ верблюжьяго волоса, поясъ усмень о чреслѣхъ его; пища—акриды и медъ дикій. Рожденіе его—плодъ молитвы; съ дѣтства онъ—въ дикой и суровой пустынѣ, среди суровыхъ подвижниковъ. Душа его полна вѣрою, весь онъ устремленъ къ Богу. Это—Іоаннъ. Онъ удаленъ отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ, онъ совсѣмъ не знаетъ жизни по собственному опыту. Раздается его слово о покаяніи и спасеніи; совершаетъ онъ обрядъ крещенія въ водахъ Іордана, во образъ покаянія и очищенія грѣховъ, во образъ жизни новой и богоугодной, вмѣсто отринутой старой и грѣховной. Повидимому, кто же пойдетъ къ такому „пустынному гражданину“? Чему можно поучиться у этой „горлицы пустыннолюбной“, какъ называетъ его богослужбная пѣснь? И какое вліяніе онъ можетъ оказать на жизнь? Однако, горлица эта возвѣстила „весну божественную, имже преста безбожія зима лютая“; „гражданинъ пустынный“ оказался учителемъ людей общества и дѣятелей государства, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ съ утра до вечера приходили фарисеи, саддукеи, воины, мытари, народъ, и всѣ спрашивали: „что намъ дѣлать?..“ „Исправляя пути Господу“, онъ научилъ людей „жизненному пути“, „отверзъ неплодныя сердца“. „Сегласть Предтечи, неплоднымъ и пустымъ предста сердца въпоіущъ: путь Христовъ нынѣ уготовите...“ Каждому сердцу, каждой душѣ далъ онъ указаніе и спасительные уроки; обличилъ и царя незаконнаго... „Духомъ и силою Илиною“ проповѣдуя, призывая къ Богу, къ жизни, отрѣшенной отъ земли, онъ, самъ удаленный отъ мірскихъ дѣлъ, произвелъ великій переворотъ въ жизни и оказалъ на нее вліяніе на цѣлые вѣка,—гораздо болѣе вліянія, чѣмъ тѣ земные и не „пустынные граждане“, которые много ѣли и пили, приобрѣтеніями и удобствами услаждали земную жизнь. Ихъ имена остались безвѣстными, память ихъ погибла, разлилась, какъ вода, и разсѣялась, какъ дымъ, а имя Іоанна, смиреннаго пустытника, живетъ въ роды, и похвалу его доннынѣ исповѣдуетъ Церковь...

Проповѣдь его, и затѣмъ проповѣдь апостоловъ развѣ осталась неплодною въ мірѣ? Развѣ таковъ былъ бы міръ, если бы не было христіанства? Заклятый врагъ вѣры и хри-

отъианства не посмѣетъ такъ сказать. Поистинѣ, эта проповѣдь о небѣ, однако, благоустроила и землю, и если бы не было призыва къ царству небесному, давно бы рухнули и царства земныя. „Да возвеселится небо свыше и облацы да кропятъ правду. Гласъ веселія возвѣстите, возвѣстите даже до конца земли. Искапайте горы сладость, и холмы, яко агнцы, възграйте“... Такъ рисуеть пророкъ радость міра послѣ явленія и проповѣди Предтечи и вслѣдъ за нимъ и указаннаго имъ Христа—Мессіи (3 парем. и стих. литіи).

Отнимите эту основу вѣры, благочестія и покаянія, отнимите это стремленіе къ небу, эту жизнь духа, и всякая ваша земная радость въ печаль превратится. Не будетъ добрыхъ отцовъ и матерей, не станетъ дружныхъ и любящихъ семействъ; не окажется послушныхъ дѣтей, чистыхъ юношей и дѣвъ. Не будетъ ни справедливыхъ судей, ни разумныхъ учителей, ни воиновъ, ни гражданъ, готовыхъ жертвовать собою для блага отечества, ни тружениковъ честныхъ на всѣхъ поприщахъ жизни,—вообще не станетъ людей долга, людей чести, людей подвига. Ибо безъ религіи и безъ благочестія остается одна философія, именно—философія безсловесныхъ: „ямы и піемы, утрѣ бо умремъ“.

И напрасно наше время такъ старательно хлопочетъ объ устройствѣ чисто-земной стороны жизни общества и государства, забывая о сторонѣ духовной, о нравственномъ возвышеніи, напимѣру, рабочихъ и трудящихся людей: при такомъ на нихъ воздѣйствіи, скоро воспитаются не люди, а дикіе звѣри, злобно-неукротимые, которые такъ загрязняютъ жизнь, что придется прибѣгать и къ мѣрамъ ихъ обузданія, годнымъ только для звѣрей... И напрасно наше время все твердитъ объ однихъ правахъ людей, забывая напоминать о соответствующихъ обязанностяхъ. Это—гибельное увлеченіе, которое, развиваясь въ примѣненіи къ жизни людей, приведетъ ее въ положеніе худшее, чѣмъ у самыхъ безмысленныхъ животныхъ, обратитъ ее въ огромный домъ безумія...

И напрасно наше время такъ усердно хоронитъ все, что говоритъ о вѣрѣ и религіозномъ благочестіи: вытравитъ религію, можетъ-быть, въ отдѣльныхъ слояхъ народа на время

удастся, но чѣмъ замѣнить тогда страшную пустоту души, чѣмъ пополнить душевное содержаніе, чѣмъ сдержать врожденныя злыя склонности?

А, между тѣмъ, безъ вѣры, безъ страха Божія, безъ боязни грѣха и отвѣтственности передъ Богомъ, ясно само собою, люди быстро наполняютъ землю такими преступленіями, которыя обратятъ жизнь не въ рай, о которомъ говорятъ мечтатели, а въ самый несносный тяжкій адъ.

Къ счастью, никогда нельзя вытравить въ людяхъ религіи, какъ нельзя пріучить ихъ жить безъ питанія и воздуха. Оторванные отъ Бога, люди снова, по врожденному влеченію душъ, по неистребимому, помимовольному уговору всечеловѣческому, потянутся къ Богу, и только тогда скажутъ словами отца Предтечева: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ“. Чѣмъ тяжелѣе будетъ жизнь, тѣмъ напряженнѣе будетъ тяготѣніе къ религіи. И только въ этомъ—вѣчное очищеніе человѣчества и спасеніе.

Подлинно, это будетъ *избавленіе* отъ рабства грѣху, за которымъ стоитъ гибель вѣчная. Только подъ чуднымъ вліяніемъ религіи рождать можетъ жизнь неплодная, какъ Елисавета; заговорить, подобно Захаріи, все, что нѣмо и глухо для счастья, для духа, для духовной жизни,—и процвѣтетъ всякая пустыня.

Зачѣмъ же намъ сознательно и намѣренно идти къ такой глухотѣ и нѣмотѣ, къ такому бесплодію жизни? Зачѣмъ обращать жизнь въ смерть и въ пустыню?

Нѣтъ, „духомъ и силою Ілиіною“ пусть разгораятся наши сердца въ служеніи Богу, вѣчнымъ основамъ добра, въ борьбѣ со зломъ, въ насажденіи царства Божія и небеснаго здѣсь, на землѣ. Съ нимъ будетъ счастливо и наше царство земное.

Слава и честь и миръ всякому, творящему благое! Аминь.

Спасеніе—въ Церкви Христовой.*

Созажду Церковь Мою, и врата адава не одолѣють ей (Мѡ. XVI, ст. 18).

Когда я размышлялъ надъ этими словами св. евангелія, которыя мы сегодня слышали за богослуженіемъ, и думалъ, какое назиданіе преподать вамъ, возлюбленные, на основаніи этихъ словъ, я получилъ отъ неизвѣстнаго мнѣ лица письмо съ такими вопросами, которые какъ бы нарочно составлены къ нынѣшней нашей бесѣдѣ.

По всѣмъ признакамъ, пишетъ въ простотѣ души вѣрующій человекъ, пишетъ издалека, изъ г. Самарканда въ Средней Азійи. Онъ прочиталъ случайно одну изъ печатныхъ моихъ проповѣдей, которыя и вамъ были мною сегодня розданы¹⁾, и проситъ разъясненія по нѣкоторымъ своимъ недоумѣннымъ вопросамъ. Впрочемъ, вопросъ одинъ у него, только предлагается въ различныхъ видахъ,—это вопросъ о Церкви.

„Прошу я разъясненія,—пишетъ мнѣ неизвѣстный вопрошатель,—какъ понять то, что враги наши, сѣющіе теперь на Руси обманная, пагубная рѣчи, ненавидятъ всякаго, кто почитаетъ вѣру и Церковь; еще: какъ понимать, что Богъ направляетъ человека чрезъ религію и Церковь къ добру вѣчному и истинному; далѣе: какъ понимать, что человекъ долженъ всѣми силами служить Христовой вѣрѣ и работать въ оградѣ святой Церкви; наконецъ: какъ понять то, что антихристъ воздвигаетъ гоненіе на Христа и на Церковь“. „Объясните что такое Церковь“.

Вы можете спросить меня: какое намъ дѣло до того, кто чего не понимаетъ, кто о чемъ спрашиваетъ, и зачѣмъ намъ объ этомъ слушать?

Думается, что такое разсужденіе будетъ неправильнымъ.

* Бесѣда въ праздникъ св. апп. Петра и Павла; сказано въ приходѣ, населенномъ исключительно фабричными.

¹⁾ „Доброе слово православному русскому народу“. Вып. I.

Вопросъ о Церкви, о спасеніи въ ея оградѣ, о погибели внѣ Церкви—это вѣчный предметъ разъясненій и назиданій для вѣрующихъ. Недоумѣнія, о которыхъ писалъ мнѣ неизвѣстный добрый христіанинъ,—это недоумѣнія не одного его, а многихъ, и если онъ писалъ отъ чистаго сердца, желая услышать и познать истину, то, несомнѣнно, съ такимъ же настроеніемъ сердець и съ такою же жаждою спасенія должны послушать слово о Церкви и всѣ вѣрующіе христіане. О Церкви безпрестанно говоритъ слово Божіе, а кто читалъ и знаетъ слово святоотеческое, тотъ найдетъ въ немъ такое, потрясающее всю душу христіанина ученіе: „Кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ“ (св. свашчмч. Кипріанъ). Говорить объ этомъ предметѣ всегда благовременно, но особенно нужно въ такіе дни смуты, когда особенно чувствуется нужда въ твердомъ, ясномъ, непререкаемомъ руководствѣ вѣры, жизни и мысли и всего поведенія христіанина, а такое руководство только и можетъ дать Господь, и даетъ его чрезъ Свою Церковь. Достоинно и праведно говорить объ этомъ и въ нынѣшній праздникъ, ибо апостолу Петру было дано Господомъ обѣтованіе о Церкви въ отвѣтъ на его горячее исповѣданіе вѣры во Христа, Сына Божія, а св. апостолъ Павелъ больше всѣхъ потрудился, чтобы словомъ своимъ раскрыть и уяснить ученіе о Церкви, и чтобы самымъ дѣломъ распространить ее по всѣмъ странамъ земли и благоустроить жизнь членовъ св. Церкви. Оба святые первоверховные апостолы отдали Церкви Христовой всю жизнь, ей служили всѣми силами, въ Церковь звали всею своею проповѣдью, прилагая вѣрующихъ къ Церкви (Дѣян. II, 47), поставляя епископовъ, прѣсвитеровъ и діаконовъ (1 Тим. III, 2, 8; Дѣян. XIV, 23; 1 Кор. XII, 28; Еф. IV, 11), за Церковь они и умерли, завѣщавъ пастырямъ пасти усердно, съ любовію и смиреніемъ Церковь Господа и Бога, которую Господь стяжалъ Своею Кровію (1 Петр. V, 2; Дѣян. XX, 28), а пасомымъ завѣщавъ не уклоняться отъ собранія церковнаго, быть въ послушаніи у пастырей, проникаться и спасаться ученіемъ Церкви (1 Кор. XII, 28; XI, 18; Еф. V, 27; III, 10; 1 Петр. I, 12).

Надъ всѣми этими завѣтами поставьте слово Самого Осно-

вателя Церкви—Господа Иисуса Христа; кто Церковь не послушаетъ, тотъ да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь (Мѣ. XVIII, 17) и, наконецъ, отрадное на всю вѣчность благовѣстіе, что Церковь обнимаетъ землю и небо; что въ ней пребываютъ живые и умершіе, во главѣ со Христомъ, въ сожительствѣ съ ангелами и всѣми святыми, что и мы, значить, смертью земною только измѣняемъ видъ пребыванія въ Церкви, а по существу продолжаемъ въ ней жить вѣчно (Евр. XII, 23).

Не можетъ человѣкъ жить безъ вѣры, не уйдетъ онъ никуда и никогда отъ Бога; всегда онъ будетъ идти къ Богу, всегда будетъ искать Его воли; всегда будетъ желать угодить Ему; всегда человѣкъ, въ виду болѣзней и смерти, и предъ всякимъ великимъ и серьезнымъ дѣломъ, будетъ чувствовать себя безсильнымъ; предъ громадою міра онъ познаетъ себя ничтожнымъ, и склонится предъ Божествомъ, и будетъ искать Его помощи; всегда человѣкъ въ глубинѣ своей совѣсти будетъ сознавать себя грѣшнымъ и нечистымъ и будетъ искать очищенія и спасенія у Бога. Сколько ни знаетъ исторія народовъ земли, безвѣрнаго народа не было. Были ложныя вѣры, были неправильныя виды богопочтенія, но хотя и ложно, а человѣкъ все-таки вѣровалъ, стремился къ Богу и искалъ Его. Стремленіе къ религіи—врожденное намъ стремленіе. Обманываетъ ли оно человѣка? Этого не можетъ быть. Если бы такое стремленіе было ложно, т.-е., если бы на самомъ дѣлѣ религія была не нужна или невозможна, то всѣ люди представлялись бы какими-то безумцами, которые ищутъ всю жизнь того, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Но врожденныя стремленія никогда живыхъ существъ не обманываютъ. Ребенокъ ни у кого не учился, а начинаетъ тотчасъ же послѣ рожденія правильно дышать. Птица никогда не была на югѣ, а летитъ туда осенью, и правильно дѣлаетъ, ибо находитъ себѣ тамъ тепло и все, что нужно для жизни. Утенокъ никогда не плавалъ, но, какъ только вылупился изъ яйца, бросается въ воду и начинаетъ плавать. Черепаха бросаетъ яйца вдали отъ берега, но молодыя черепахи, какъ только отъ солнечнаго тепла выродятся, направляются сами не въ сторону отъ воды, а къ водѣ, хотя никто ихъ этому не училъ. И дерево тянется отъ темнаго угла

къ свѣту и теплу, къ солнцу, хотя его также никто не учитъ этому. Но если врожденныя стремленія не обманываютъ дѣрева, птицы и черепахи, то почему же человѣка обманеть его врожденное стремленіе къ Богу? Это невозможно и не похоже на все, что дѣлается кругомъ насъ во всей природѣ.

Итакъ, религія врождена чѣловѣку. Но чѣловѣку еще врождено другое стремленіе: жить и дѣйствовать не въ-одиночку, а вмѣстѣ съ другими, цѣлымъ обществомъ.

Человѣкъ селится деревнями, селами и городами; основываетъ союзы и сообщества; образуетъ роды, племена, народы и государства. Все идетъ у насъ лучше и успѣшнѣе, когда мы работаемъ вмѣстѣ: на этомъ основаны фабрики, заводы, всякія предпріятія, ученныя и иныя общества. Вмѣстѣ и горе легче, и радость полнѣе. Почему же въ религіи остаться одинокимъ? Это невозможно уже потому, что религія всѣмъ врождена, и интересы ея гораздо глубже и цѣннѣе, чѣмъ интересы науки, искусства, торговли и проч. Отсюда—люди естественно образовывали всегда и вездѣ религіозныя общества, собранія. Собраніе—по-гречески эkkлeсiа, а это и есть точный переводъ русскаго слова Церковь. Церковь, значить,—прежде всего собраніе вѣрующихъ. Въ каждомъ собраніи есть глава, есть распорядители, въ каждомъ собраніи есть свои задачи и цѣли, свои мѣста для сборовъ, свои правила, законы и т. д. То же и въ Церкви.

Но если бы Церковь была только чѣловѣческимъ обществомъ, жила и дѣйствовала чѣловѣческими только силами, то она насъ никогда бы не объединила, не успокоила, не удовлетворила и не спасла. Вѣдь чѣловѣкъ ищетъ въ религіи восполненія своей немощи, своего нравственнаго безсилія. Вѣдь, если бы его одиночество восполнялось бы только людьми, онъ не искалъ бы приближенія къ Богу. Чѣловѣкъ знаетъ, что онъ грѣшенъ, что онъ собственными силами не спасется, что онъ заблуждается постоянно, что онъ смѣшиваетъ истину съ ложью, что, и зная о добрѣ, онъ безсиленъ ему слѣдовать и все-таки творить зло. Чѣловѣкъ ищетъ Бога-Помощника, а Богъ по милосердію Своему идетъ къ чѣловѣку на помощь. Онъ, Господь, открывалъ Себя чѣловѣку черезъ особыхъ избранныхъ людей,

пророковъ; Онъ завѣщаль человѣку путь спасенія, многочасно и многообразно говорившій черезъ пророковъ, Онъ, наконецъ, явилъ Себя всецѣло и совершенно чрезъ Сына Своего, Иисуса Христа. Сынъ Божій за насъ принесъ жертву—Себя Самого, снялъ съ человѣка отвѣтственность за грѣхи, соединилъ насъ съ Богомъ, содѣлалъ насъ, изъ враговъ и грѣшниковъ, сынами Богу; Онъ открылъ намъ всю истину, всю волю Божию; Онъ далъ въ Себѣ Самомъ примѣръ того, какъ нужно исполнять эту волю Божию. Но человѣкъ грѣшенъ и безсиленъ: Сынъ Божій далъ намъ поэтому всѣ Божественныя, высшія силы къ жизни и благочестію,—какъ учить св. апостоль Петръ: Онъ обѣтоваль и послалъ и посылаетъ вѣрующимъ благодать Святаго Духа, которою очищаетъ насъ отъ грѣховъ содѣянныхъ, помогаетъ въ борьбѣ со зломъ, помогаетъ въ достиженіи нами нравственнаго совершенства.

Итакъ, Церковь есть общество истинно-вѣрующихъ во Христа, не людьми, а Богомъ установленное; въ ней Глава—Христосъ, Сынъ Божій; въ ней ученіе не человѣческое, а Божественное; въ ней силы не людскія, а высшія и небесныя; въ ней распорядители—пастыри и учителя, не людьми, а Богомъ уполномоченные, поставленные и освященные; въ ней задачи не земныя, наоборотъ, задача ея—вести людей отъ земли къ небу, даровать имъ вѣчное спасеніе. Одинъ Богъ, одна Глава Иисусъ Христосъ, одни священноначальники, одна молитва, одно ученіе о Богѣ, одна вѣра, одинъ законъ—заповѣди Господни, одни таинства, которыми намъ преподается сила Господня—благодать; одни порядки, одно богослуженіе, все едино въ Церкви, все освящено и указано Богомъ. Посему и Церковь одна, хотя и раздѣляется видимо на отдѣльныя части на землѣ, потому только, что люди живутъ въ разныхъ мѣстахъ.

Скажите же теперь, можно ли спастись безъ Церкви и внѣ ея ограды? Скажите, какъ назвать человѣка, который, числясь въ какомъ-либо обществѣ человѣческомъ, собраній не посѣщаетъ, цѣлями общества не интересуется? Дѣйствительный ли онъ членъ общества, въ которомъ онъ числится? Развѣ настоящій рабочій тотъ, кто никогда не ходитъ на работу? И

развѣ христіанинъ тотъ, который Церкви не слушаетъ, ученія ея не исполняетъ, въ мѣста ея собраній, т.-е. въ храмъ, въ просторѣчїи тоже называемый церковью, не ходитъ? И можетъ ли онъ спастись? И не гордость ли это, если онъ думаетъ, что онъ самъ, безъ Церкви, безъ руководства ея, придетъ къ Богу и вѣчному спасенію?

Въ нынѣшнемъ евангеліи указано, что нужно для спасенія въ христіанствѣ. Спаситель предъ страданіями спрашивалъ Своихъ апостоловъ: за кого Меня почитаютъ люди? Апостолы отвѣчали: „за Іоанна Крестителя, за Іеремию, за одного изъ пророковъ“. А вы за кого Меня почитаете?—спросилъ Господь. Первый изъ всѣхъ и за всѣхъ отвѣтилъ быстрый и рѣшительный Петръ: „Ты—Христось, Сынъ Бога Живаго!“ Знаменательно отвѣтилъ ему Господь: „Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, ибо не плоть и не кровь сказала тебѣ это, но Отецъ Мой Небесный. И Я тебѣ говорю: Ты—Петръ, что значитъ камень,—и на семъ камени Я создамъ Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея“. Господь основываетъ Церковь, а не человѣкъ; вѣчна она и неодолима даже вратами адowymi, т.-е. устоитъ она предъ всѣми и всякими нападеніями зла. Отъ человѣка же для вступленія въ Церковь требуются не личныя дарованія и заслуги, а живая и искренняя вѣра во Христа. Но и самая вѣра, это—даръ Божій, ее нельзя себѣ ставить въ заслугу.

Въ другой разъ образно Господь Іисусъ представилъ ученіе о Церкви въ притчѣ о званыхъ на брачную вечерю. Всѣ званые пришли и возлегли въ одеждахъ, данныхъ царемъ—хозяиномъ вечера, только одинъ пренебрегъ царскимъ даромъ и сѣлъ за пиръ рядомъ съ другими въ своихъ рваныхъ и грязныхъ лохмотьяхъ. Разгнѣвался владыка и велѣлъ слугамъ изгнать дерзкаго и гордаго волъ, во тьму кромѣшнюю. Вечера—это Церковь Божія; Хозяинъ и Царь—Богъ, Женихъ, виновникъ вечера,—Сынъ Божій, Христось; званые—люди; одежда царская—благодать; лохмотья—самонадѣяніе человѣка, превозношеніе его ума, его возрѣній и взглядовъ, которыми человѣкъ нерѣдко хочетъ замѣнить и затѣнить истину Божію. Такимъ не мѣсто въ Церкви, они—сами себѣ законъ; это не

дѣти Христа, кроткія и послушныя, а сыны діавола, перваго гордеца и богоборнаго учителя.

Итакъ, если захочетъ діаволъ погубить человѣка, онъ толкнетъ его на путь противленія Церкви, а кто пойдетъ противъ Церкви и останется внѣ Церкви, тотъ, какъ овца безъ пастуха, безъ овчарни, безъ заботливаго руководителя, гонимая вѣтромъ пустыни, одинокая, настигаемая волкомъ-діаволомъ, непремѣнно погибнетъ. Это именно и дѣлаютъ теперь враги наши, приспѣшники сатаны, сѣющіе смуту въ народѣ, отторгающіе народъ отъ вѣры и Церкви; это будетъ дѣлать и послѣдній антихристъ.

Хотите имѣть увѣренность въ истинѣ? Хотите провѣрить всякое новое ученіе и быть убѣжденнымъ, что, принимая это ученіе, вы не идете путемъ гибели? Хотите обновленія, упорядоченія, счастья и благоустройства общества и государства?

Есть вѣрный пробный камень для всякаго ученія, есть вѣрное зеркало для всякаго учителя, есть вѣрное руководство для всякаго христіанина, для всякаго дѣятеля общественнаго и государственнаго. Это—ученіе Церкви Христовой. Оно—плодъ неземнаго дерева, оно отъ Духа Божія. Оно хранится безъ поврежденія въ Церкви, хранится Божественною силою. Оно всегда одно и то же, всегда неизмѣно, въ то время, какъ ученія мудрости человѣческой мѣняются постоянно.

Ученіемъ Церкви провѣряя всякое слово и всякое новое ученіе, и если новое только потому заманчиво, что оно ново, а истинѣ Христовой противорѣчить, отбрось новое и отвергни его безъ всякой жалости, со всею рѣшимостью, хотя бы оно обѣщало тебѣ самое полное и увлекательное новое счастье. Сатана умѣетъ преобразоваться въ образъ ангела свѣтла, и словами лживыхъ обѣщаній, какъ Евѣ въ раю, умѣетъ внушить мысль о борьбѣ съ Богомъ, чтобы погубить свою жертву вѣрно и безповоротно.

Съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть на всѣ нынѣшнія модныя ученія социализма, демократіи, анархизма и прочая и прочая.

По отношеніямъ къ Церкви и христіанству можно опредѣлить и достоинство новыхъ учителей и всякихъ агитаторовъ.

Кто изъ нихъ преданъ Христу, преданъ Церкви, съ ученіе исповѣдуетъ и проповѣдуетъ, свято его исполняетъ, кто смиренъ предъ Христомъ и Церковью,—такой проповѣдникъ заслуживаетъ довѣрія, а всякому иному учителю готово должно быть всегда одно слово, слово Христа, сказанное Имъ искусителю: „отойди отъ Меня, сатана“,—съ обѣщаніями хлѣба и сытости, славы и величія,—„Господу Богу нужно поклоняться и Ему одному служить“...

Богъ насъ ведетъ чрезъ религію и Церковь къ добру истинному и вѣчному; человекъ, если хочетъ онъ быть человекомъ въ истинномъ и достойномъ смыслѣ слова, если хочетъ спасенія и вѣчной жизни, долженъ всѣми силами служить Христовой вѣрѣ, въ оградѣ, и при пособіи, и въ руководствѣ святой Церкви.

Таковы завѣты вѣкамъ и народамъ святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Ибо знаемъ,—говоритъ св. Павелъ,—что когда эта тѣлесная храмина наша рушится, мы имѣемъ уготованное жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный (2 Кор. V, 1). Но туда не войдетъ ничто нечистое и скверное, и ведетъ насъ туда только святая Церковь—чрезъ вѣру и благодать Вѣчной Главы Церкви—Господа Иисуса Христа, Ему же честь, и слава, и поклоненіе во вѣки вѣковъ! Аминь.

Людьми рабочимъ памятка.*

Какія чудныя, золотыя слова мы слышали сегодня за литургіей во святомъ евангеліи! (Мѣ. V, 22—33.) Какъ хочется вѣрующему сердцу безъ конца повторять ихъ, напитаться ими; какъ отрадно въ нихъ находить миръ и удовле-

* Слово въ недѣлю 3 ю по Пятидесятницѣ; сказано въ церкви сел. Филл. Моск. губ., фабричнымъ рабочимъ и крестьянамъ 1 июля 1907 года.

твореніе духа среди бурныхъ споровъ, сомнѣній и вопросовъ нашего времени!

Поучаетъ Спаситель: „Свѣтильникъ для тѣла есть око. Если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ,—тьма, то какова же тьма?“

Конечно, въ приведенныхъ словахъ намъ даны подобія и образы. Спаситель указываетъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни не во внѣ, а внутри человѣка, въ его совѣсти, въ этомъ окнѣ его души, въ чистотѣ его духовнаго настроенія, въ его духовныхъ запросахъ и стремленіяхъ. Если это око души померкнетъ, если этотъ духовный свѣтъ совѣсти, просвѣщенной ученіемъ вѣры и дѣйствиємъ благодати, погаснетъ и во тьму обратится: то это будетъ самая страшная, самая гибельная тьма. Пусть тогда будетъ кругомъ насъ прекрасная земля, чудная страна, кипящая молокомъ и медомъ и всяческимъ богатствомъ, пусть будетъ кругомъ изобиліе земныхъ благъ,—пищи и питья, одежды и жилища; пусть написаны будутъ прекрасные и разумные законы для государства, для различныхъ учреждений, пусть всѣмъ и всякому будетъ открытъ доступъ и къ совѣту, и къ правленію... Если у людей не будетъ совѣсти, если они потеряютъ вѣру, а съ нею вмѣстѣ неизбежно и руководство жизни,—все погибнетъ, все будетъ испорчено, все залется кровью, все подавлено будетъ преступленіями и насиліемъ. Жизнь людей обратится въ сплошную войну всѣхъ противъ всѣхъ; учрежденія для совѣта и правленія станутъ убѣжищемъ злоупотребленій и взаимныхъ преслѣдованій; государство и народъ разсыплются; блага земныя, и около лежащія, станутъ недоступны и истребятся; общество людское станетъ звѣринымъ, животнымъ. Навѣки вѣрно слово: *нѣтъ радости нечестивымъ!*

Примѣните сказанное къ переживаемому времени. О чемъ теперь говорятъ, о чемъ хлопочуть, о чемъ волнуются? О чемъ раздается явно и тайно печатная и устная проповѣдь? Выборные законы, управление государствомъ, раздѣлъ земли, рабочее законодательство, классовая борьба, сокрушеніе капитализма,

прибавочныя цѣнности, число рабочихъ часовъ, монархія или социаль-демократическая республика... Всѣ спорять, всѣ доказываютъ свое, и каждый думаетъ при этомъ, что стоитъ только принять его разсужденія и предположенія,—и тотчасъ же всѣ несчастья на землѣ прекратятся, и рай среди людей воцарится. Забываютъ одно, и самое главное, то единое на потребу, безъ чего блага земныя—то же, что вкусная пища мертвецу... Забываютъ о нравственномъ возрастаніи человѣка.

Говорятъ о правахъ, о требованіяхъ, о всякаго рода домогательствахъ путемъ насилій, забастовокъ, убійствъ и, наконецъ, вооруженнаго возстанія.

Что же, спросите, неужели ничего не нужно для облегченія участи трудящихся? Неужели ничего не нужно для обновленія и улучшенія гражданскаго строя? Неужели такъ-таки и нужно рѣшительно и совершенно отвернуться отъ земли и отъ всѣхъ земныхъ заботъ и интересовъ?.. Неужели даже Церковь, служители Христа, Который былъ бѣденъ и Самъ любилъ бѣдныхъ,—неужели и они могутъ найти для бѣдняка-труженика только жестокое слово осужденія, да призывъ къ одному царству небесному безъ всякой попытки улучшить порядокъ жизни земной?

Нѣтъ, братіе; такъ думать и говорить,—значить—возводить клевету на ученіе Христа и на Церковь. Христова вѣра въ исторіи міра принесла столько и земного счастья своимъ исповѣданіемъ, что ее заподозрѣвать въ равнодушіи къ людскому горю и страданію невозможно. Что бы ни говорили люди невѣрующіе и враги христіанства, правильныя государства доселѣ создавали только христіанскіе народы, улучшенія жизни, открытія, изобрѣтенія, забота о трудящихся, помощь несчастнымъ, признаніе правъ каждой отдѣльной личности отъ ребенка до старика, отъ подчиненнаго до царя,—все это мы видимъ только среди христіанскихъ государствъ. Не мусульманскія, не языческія страны являются образованными и правильно развитыми, не къ намъ приходятъ отъ нихъ миссіонеры, ученые, руководители, а, наоборотъ, они получаютъ ихъ отъ христіанскихъ народовъ. И самъ рабочій вопросъ, понимаемый какъ забота о трудящихся, и въ мысли и въ осущес-

ствленіи гдѣ возникъ, какъ не въ христіанской Европѣ, среди христіанскихъ странъ? Но улучшеніе всѣхъ сторонъ земной жизни христіанство сдѣлало путемъ улучшенія человѣческихъ сердець, преобразованіемъ нравовъ, смягченіемъ душъ. Вѣдь христіанство—это не какое-либо экономическое ученіе, не государственное законодательство, не хозяйственные совѣты, не денежные наставленія, не ученіе о политикѣ, о заработкѣ или устройствѣ фабрикъ. Оно говоритъ душѣ человѣка о Богѣ; оно говоритъ чувству его о томъ, что Богъ любить повелѣваетъ; оно направляетъ волю человѣка путемъ воли Божіей, а воля Божія о насъ есть наша святость, состоящая въ чистотѣ мыслей, чувствъ и дѣлъ,—всего поведенія христіанина.

Смягченные душою, умиленные сердцемъ, наученные Божественному закону любви, люди сами оставили и рабство, и жестокія наказанія, и дикія издѣвательства богатыхъ надъ бѣдными, сильныхъ надъ слабыми; измѣнились тогда сами собою въ этомъ же смыслѣ и законы государства. А если бы христіанство законы измѣнило, а людскія души попрежнему оставило злобными и жестокими, то развѣ помогли бы хорошіе законы?

Вотъ и теперь, среди постоянныхъ и настойчивыхъ требованій всѣхъ правъ и преимуществъ, отчего радѣтели народа,—если они,—дѣйствительно, его радѣтели,—молчать о необходимости внутренняго свѣта, о возвышеніи совѣсти въ русскомъ человѣкѣ?

Народъ нашъ гибнетъ отъ пьянства, которое развѣдаетъ его семью, развращаетъ дѣтей, притупляетъ работоспособность, страшно отражается на потомствѣ пьяницъ, которые обычно родятъ дѣтей хилыхъ, болѣзненныхъ, съ преступными врожденными наклонностями. Рабочій русскій пропиваетъ заработокъ, прогуливаетъ чуть не половину рабочаго времени; съ затуманенною головою становится онъ на трудъ, который противенъ ему при тяжеломъ похмельи, дѣлаетъ его кое-какъ, со злобою ко всему міру и, какъ всѣ пьяницы, всѣхъ и вся считаетъ виновными, себя одного правымъ и обиженнымъ. Трезвость дала бы русскому рабочему и здоровье, и семейный покой, и нравственную устойчивость, усердіе, умѣнье и навыкъ спораго

труда, и удвоенный заработокъ даже при существующихъ условіяхъ работы и платы. Увы, руководители рабочихъ научаютъ ихъ все болѣе и болѣе добиваться правъ путемъ борьбы, обѣщаютъ имъ при этомъ улучшеніе быта и обогащеніе, но не только молчатъ о пьянствѣ, напротивъ, при забастовкахъ, при выступленіяхъ толпы, намѣренно пользуются состояніемъ опьяненія многихъ рабочихъ и тою преступностью, легковѣріемъ, быстрою воспламеняемостію на зло,—всѣмъ тѣмъ, что является послѣдствіемъ пьянства. А между тѣмъ, если вы улучшите жизнь рабочаго, дадите ему удесятеренныя денежные средства, но сохраните его пьянство,—все погибнетъ, все пойдетъ на водку.

Рабочій нашъ часто лѣнивъ, не привыкъ честно выполнять договоръ, не уважаетъ чужой собственности, склоненъ обмануть при договорѣ и исполненіи его, грубъ и неуважителенъ и къ товарищамъ, и къ окружающимъ. Среди рабочей среды развивается нынѣ какое-то особое озорничество, легкость къ преступленію и къ обидамъ ближнихъ, отвратительное сквернословіе, которое въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ только появляется русскій рабочій изъ крестьянъ, просто гонитъ и преслѣдуетъ всякаго нравственнаго и порядочнаго человѣка; всюду развратъ, любовь гулять и предаваться кутежамъ и увеселеніямъ. Одно то, что изъ среды рабочихъ агитаторы нашли столько преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ, въ вооруженныхъ нападеніяхъ и возстаніи,—это одно показываетъ, какъ не высока въ нравственномъ отношеніи эта среда, какъ мало она уважаетъ и цѣнитъ власть, какъ склонна она къ погромамъ и насиліямъ, какъ мало она признаетъ чужую личность, чужое право и чужую свободу. Не въ обиду все это мы говоримъ, а свидѣтельствуемъ о горькой правдѣ; тяжело намъ видѣть это въ своемъ родномъ народѣ, тяжело сравнивать съ рабочими въ другихъ христіанскихъ странахъ, гдѣ не видимъ мы такой огульной нечестности, огульнаго пьянства, огульной лѣни. Знаемъ и то, что до грубости часто доводятся рабочіе грубостію другихъ; знаемъ, что во многомъ они сами мало виноваты. Мы и не обвиняемъ. Но все же зло остается зломъ, все же правды замалчивать нельзя.

А ее замалчиваютъ тѣ, которые льстятъ дурнымъ наклонностямъ толпы, чтобы ею владѣть; будятъ въ ней недовольство, чтобы толкать на преступления; усыпляютъ совѣсть и тѣмъ задерживаютъ нравственное развитіе народа.

Не презираетъ христіанство земли и земныхъ интересовъ. Оно даетъ всему этому только надлежащее мѣсто, надлежащее, а не преувеличенное значеніе. Земныя блага—не цѣль, а средство, цѣль же—царство Божіе, царство небесное. Нельзя поставить на одну доску высшее и низшее, цѣль и средство, земное и небесное. И Спаситель сегодня въ евангеліи намъ говоритъ: „Никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ“.

Подтверженіе и исполненіе этихъ словъ мы и видимъ ясно на нынѣшнихъ руководителяхъ рабочаго класса; они совершенно не говорятъ ни о душѣ, ни о Богѣ, они всю свою проповѣдь свели именно къ маммонѣ, то-есть къ земнымъ благамъ. Только и рѣчи у нихъ, въ такъ-называемой социаль-демократіи, что о хлѣбѣ, о жилищѣ, о заработной платѣ, о раздѣлѣ имуществъ и земли, о раздѣлѣ фабрикъ и заводовъ. Повторяемъ: пусть все это и придетъ къ человѣку,—при безсовѣстности и безвѣріи, при безнравственности все это не принесетъ счастья: люди злобою и враждою сумѣютъ отравить другъ другу жизнь. И сквозь золото слезы льются, и въ богатствѣ живетъ преступленіе, и въ довольствѣ земными благами человѣкъ не свободенъ отъ того, чтобы его кто-либо не обидѣлъ. Маммона не дастъ чистоты совѣсти и нравственнаго совершенства. Наоборотъ, нравственная чистота даетъ человѣку и земное довольство. Рабочіе люди трезвые, честные, богобоязненные, хорошіе семьяне, трудолюбивые и исполнительные всегда будутъ цѣнны и не такъ-то противъ нихъ поднимется такъ-называемая эксплуатація капитала, о которой такъ много кричатъ социаль-демократы. Конечно, земныя блага, какъ средство, какъ условіе того необходимаго довольства человѣка, которое доставляетъ ему время и возможность посвятить себя служенію Богу и душѣ, и нужны, и желательны. И Спаситель ихъ

не отвергаетъ. Онъ говоритъ: „Отець вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ“. Но именно о служеніи Богу и душѣ всѣ теперь и молчатъ. Между тѣмъ, это есть единое на потребу, и самое главное, даже единственное условіе человѣческаго счастья. Безъ него всѣ блага земныя—ничто, а съ нимъ—блага земныя и сами придутъ къ намъ. Этимъ великимъ наставленіемъ и заканчивается сегодня слышанное евангеліе: „Ищите прежде всего царствія Божія и правды его и сія вся—что ѣсть, что пить и во что одѣться—сія вся приложатся вамъ“! Аминь.

Патріотизмъ и христіанство.*

Въ посланіи св. ап. Павла къ римлянамъ есть одно особое вдохновенное и воодушевленное свидѣтельство, это—свидѣтельство апостола о любви къ Богу и къ своему родному народу. „Кто насъ отлучитъ отъ любви Божіей: скорбь или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? За Тебя насъ умерщвляютъ всякій день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе. Но все сіе преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ“.

Вслѣдъ за этимъ исповѣданіемъ пламенной любви своей къ Богу немедленно, съ тою же силой воодушевленія, съ *клятвою именемъ Бога*, любовь къ Которому только-что онъ исповѣдалъ, говоритъ апостоль о любви къ своему родному народу,—и о какой самоотверженной любви! „Истину говорю во

* Слово въ день преподобнаго Сергія 5 іюля 1907 года; сказано въ храмовой прудниці въ церкви преподобнаго Сергія, что на Большой Дмитровкѣ, въ Москвѣ.

Христѣ, не лгу, свидѣтельствуеетъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: *Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то-есть за израильтянъ*“... (Римл. VIII, 35; IX, 4).

Къ кому такая любовь? За кого готовъ апостоль не только умереть, но и вѣчнаго спасенія лишиться, отъ Христа быть отлученнымъ,—отъ Христа, отъ Котораго ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина отлучить его не могутъ? Апостоль разумѣетъ народъ израильскій,—народъ богоубійственный,—однако, *родной*,—народъ, избившій пророковъ и апостоловъ, преслѣдовавшій всю жизнь самого апостола, требовавшій его казни и въ концѣ концовъ ея добившійся,—и, однако, народъ свой, близкій, родной, безконечно-любимый.

Что же сказать и что нужно чувствовать по отношенію къ родному народу, единовѣрному,—къ народу, который насъ породилъ тѣломъ и духомъ, напиталъ вѣрою и благочестіемъ? Что чувствовать къ народу-богоносцу, который слезами, подвигомъ и молитвою создалъ то, что мы называемъ родиною и отечествомъ; обезпечилъ и даровалъ намъ все, чѣмъ мы теперь безпрепятственно пользуемся въ государствѣ, увѣнчалъ свое прошлое великими героями государстванія и величайшими свѣтильниками христіанскихъ подвиговъ и благочестія? Что чувствовать нужно къ тебѣ, нашъ родной и милый русскій народъ, великій въ вѣрѣ, великій въ смиреніи, великій въ трудѣ, въ самоотверженіи, въ духовной красѣ твоего историческаго дѣланія въ прошломъ и захватывающей духъ величайшей міровой задачи твоего призванія въ будущемъ? Съ любовью къ Богу—любовь наша и къ тебѣ, родной нашъ народъ; съ преданностью Церкви святой—преданность наша до смерти и къ тебѣ, святая наша Русь! И если и за тебя насъ умерщвляютъ всякій день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе, то все мы тебѣ отдадимъ, и жизнь, и смерть, и все преодолѣемъ силою Возлюбившаго насъ...

Не таковы ли, братіе, завѣты слова и жизни того великаго русскаго святого, котораго нынѣ мы благоговѣйно почи-

таемъ? Отъ юности возлюбилъ онъ Христа; всею жизнью, которая представляетъ одинъ цѣльный подвигъ смиренія, молитвы, самоотверженія во имя любви, тяжкаго труда, терпѣнія,—всею жизнью показалъ онъ и доказалъ любовь, вѣрность и „невозвратную“ преданность возлюбленному Христу и Его Церкви. Слышится его поученіе русскому народу предъ Донскою битвой: „За вѣру Христову, за Церковь Божию намъ подобаетъ животъ свой положить и кровь свою пролити“. Но рядомъ съ этою любовью видимъ изъ нея истекающую, ею воспитанную, освященную и оправданную любовь преподобнаго Сергія къ своей родинѣ, къ своему земному отечеству, къ Москвѣ, собирательницѣ Руси, къ князьямъ, воителямъ и строителямъ родной земли. Всею горячностью патріотическаго сердца благословилъ онъ героя Донскаго на брань съ Мамаемъ за отечество, и воистину его онъ сподобалъ и сопутствовалъ неусыпною молитвою. Всею горячностью пастырской ревности и власти смирялъ онъ мѣрами церковнаго суда и наказанія непокорствующихъ великому князю властителей. И за предѣлами смерти земной, изъ-за могилы, не разъ, благодатью Божіей сильный и водимый, являлся онъ стражемъ и защитникомъ земли родной въ тяжкія времена ея жизни.

Такова мы имамы нынѣ святого виновника церковнаго нашего торжества. Таково ли наше время, и достойно ли оно чтить преподобнаго Сергія? Вѣрны ли современные русскіе люди, или измѣнили его завѣтамъ благочестія и горячаго патріотизма?

Вѣчное явленіе въ области нравственной жизни: истина утаена отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыта Господомъ младенцамъ... (Лук. X, 21); и еще: „мнящіеся быти мудры, обьюродѣша“, то-есть называющіе себя мудрыми обезумѣли (Римл. I, 22). И нынѣ, что ясно и понятно чистому и простому вѣрующему и патріотическому сердцу, то утаено отъ мнящихся мудрецовъ, выставляющихъ себя руководителями народа и въ рѣчахъ съ высоты Государственной Думы, и въ печати со страницъ газетъ. О благочестіи и вѣрѣ ужъ не говорятъ; нравственность думаютъ основать на наукѣ, или на общемъ уговорѣ и согласіи людей. О патріотизмѣ же

ужасно помыслить и сказать, что мы услышали. Одинъ мудрецъ заявилъ, что „русской земли“ нѣтъ, что говорить о ней,—значить обижать инородцевъ. Другой увѣрялъ, что патриотизмъ—бранное и позорное слово, и понятіе отжившее. По личнымъ наблюденіямъ можемъ завѣрить, что въ этомъ духѣ воспитывали и воспитываютъ нашихъ юношей и дѣвушекъ мудрецы-учителя въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ. А между тѣмъ, какъ много говорятъ всѣ такіе модные мудрецы о любви „ко всему человѣчеству“, какъ много они кричатъ о братствѣ, о равенствѣ и свободѣ!

О, буи, объюродѣвшіе, о, вожди слѣпые! Откуда же вы возьмете и чѣмъ вы докажете обязательность любви во взаимныхъ отношеніяхъ людей, если вы не имѣете вѣры, если вы не признаете Бога Любви, если вы не хотите знать Его заповѣдей о любви? И изъ чего же вы выведете тогда обязательство братства, равенства и свободы? Отвѣчаютъ: „У человѣка есть естественныя, врожденныя, такъ-называемыя альтруистическія чувствованія любви къ себѣ подобнымъ; на нихъ и нужно основать жизнь и всѣ проявленія любви“.

Безумные и слѣпые! Но почему же тогда исключать любовь къ роднымъ, къ своему народу и своему отечеству? Развѣ это не люди? Развѣ они исключены изъ области проявленій и приложенія альтруизма? Почему же нужно запрещать патриотизмъ? Даютъ жалкій и лживый отвѣтъ: „патриотизмъ есть человѣконенавистничество“. Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, патриотизмъ есть ненависть ко всѣмъ народамъ, кромѣ своего? Развѣ Спаситель, плакавшій о родномъ Иерусалимѣ, не любилъ всѣхъ людей? Развѣ ап. Павелъ, любившій такую крѣпкою любовью народъ свой, былъ человѣконенавистникомъ? Развѣ преподобный Сергій, горячій русскій патриотъ, какъ великій христіанинъ, былъ чуждъ духа любви?

Послушайте голоса природы и здраваго разума; онъ говорить вамъ, что нельзя любить человѣчество, понятіе отвлеченное; человѣчества нѣтъ, есть отдѣльные люди, которыхъ мы любимъ; что нельзя любить того, кого мы знаемъ и съ кѣмъ живемъ, такъ же, какъ и того, кого мы не видѣли никогда и не знаемъ.

Послушайте апостола,—вы вѣдь часто любите ссылаться на „истинное христіанство“,—апостоль учить: „доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а *наипаче своимъ по вѣрѣ*“ (Гал. VI, 10); если же кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“... (1 Тим. V, 8).

Вожди слѣпые! Вы хотите, наконецъ, безъ религіи и заповѣдей Божіихъ насадить выдуманную любовь къ человѣчеству, основываемую на такъ-называемомъ „врожденномъ альтруизмѣ“. А эгоизмъ не врожденъ? А себялюбіе привито людямъ искусственно? Его легко сбросить? Не первое ли оно родится съ человѣкомъ, и не послѣднее ли съ нимъ умираетъ? А злобу, зависть, ненависть и зложелательство куда вы дѣнете?

И почему же я, по вашему ученію, долженъ непременно слѣдовать только врожденному альтруизму, а не врожденному эгоизму? А вѣдь жизнь ясно свидѣтельствуетъ, что по себялюбію совершается безмѣрно больше поступковъ, чѣмъ по альтруизму. И выходитъ, съ точки зрѣнія современныхъ мудрецовъ, что себялюбіе, гордость, злоба, воровство и убійства имѣютъ совершенно равное законное и естественное право на существованіе, какъ и любовь. Воистину, гдѣ удаляются отъ Бога, тамъ воцаряется дьяволъ; воистину, великая ученость безъ крѣпкой основы вѣры, какъ зимнее солнце, свѣтитъ, да не грѣетъ; воистину, такая ученость сосѣдствуетъ съ безуміемъ и въ него переходитъ.

Но въ простотѣ вѣрующимъ душамъ премудрость вѣры такъ ясна и доступна, и сердцу мила, и поистинѣ отвѣтствуетъ тайнымъ врожденнымъ стремленіямъ человѣка! Она закрѣплена высшею властью Божественною; она ограждена прещеніями кары и обѣтованіями награды, а у людей высшаго нравственнаго развитія она изливается изъ любви къ Богу такъ же легко, такъ же естественно, какъ дышитъ здоровая грудь, какъ смотрятъ здоровыя очи...

Таковыми и да будутъ намъ великіе завѣты преподобнаго Сергія: искреннее благочестіе вѣры и воодушевленіе патриотической любви къ своей родинѣ и къ своему народу! Аминь.

Міровое призваніе Россіи.*

Празднуемъ сегодня въ честь Казанской иконы Божіей Матери.

Почему же праздникъ, какъ видно изъ самаго названія его, мѣстный, праздникъ только одного города становится, однако, торжествомъ общенароднымъ и всероссійскимъ? Почему въ немъ участвуютъ русскіе православные люди по всему лицу земли русской, какимъ бы огромнымъ разстояніемъ они ни были отдѣлены отъ Казани?

Готовъ отвѣтъ въ словахъ святого апостола къ христіанамъ:

„Вы—тѣло Христово, а порознь—члены. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“ (1 Кор. XII, 27, 28).

Слѣдовательно, и какъ дѣти единого и общаго великаго нашего отечества, и какъ члены одного и того же церковнаго тѣла, мы, естественно, должны радоваться всему тому, что посылаетъ Господь благодѣтельнаго и радостнаго для нашей святой Церкви и для нашей родины.

Но въ исторіи явленія Казанскаго образа Богоматери, въ чудесныхъ дѣйствіяхъ проявляемой чрезъ его посредство силы Божіей на благо нашего отечества и въ томъ огромномъ, чисто-воспитательномъ вліяніи этой святыни на русскую народную душу и исторію нашего народа есть нѣчто другое, близкое сердцу всякаго сына Россіи; есть значеніе высокопатріотическое.

Когда наши предки, на зарѣ своей исторической государственной жизни, были просвѣщены вѣрою Христовой, въ это время Западъ Европы уже давно былъ христіанскимъ. Но истина христіанская все болѣе и болѣе омрачалась здѣсь че-

* Рѣчь въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери, 8 июля 1907 г., въ собраніи патріотическихъ союзовъ Москвы.

ловѣческими мудрованіями и установленіями. Церковь Христова обмірщалась и въ заблужденіяхъ римскихъ папъ, потянувшихся къ мечу и коронѣ, къ блеску земной власти древняго и гордаго Рима, все болѣе и болѣе обращалась изъ царства Божьяго и небеснаго въ царство земное и человѣческое. Неповрежденная истина апостольской вѣры хранилась на Востоцѣ, въ древней Византіи. Но страны православнаго Востока въ это время находились уже и изнемогали въ тяжелой борьбѣ съ надвигавшимся мракомъ изувѣрнаго мусульманства. Одна за другою погасали лампы древнихъ церквей, одни за другими потомъ падали православныя царства; сама Византія видимо и безповоротно клонилась къ упадку; древле-православные Египетъ, Сирія, Палестина, Малая Азія, Грузія, потомъ Болгарія, Сербія склонились предъ страшнымъ разливомъ изувѣрнаго ислама. Все болѣе и болѣе они теряли возможность просвѣщать другіе, окружающіе ихъ племена и народы, сѣдящіе во тьмѣ невѣдѣнія Христовой истины. А поприще для проповѣди, а жатва для дѣланія христіанскаго были прямо безграничны...

Въ этотъ-то поздній часъ исторіи Господь воздвигаетъ новый свѣтильникъ вѣры правой на далекомъ сѣверѣ, въ юномъ русскомъ княжествѣ, среди народа русскаго, молодого и даровитаго, полнаго силъ и энергіи. Промысль Божія, призывая насъ, русскихъ славянъ средней Европы, въ лоно Церкви Христовой, въ самомъ географическомъ положеніи нашей страны на границѣ Европы и Азіи, Запада и Востока, и въ ея племенномъ составѣ указывалъ намъ великую задачу: нести полученное сокровище чистой и истинной вѣры къ малоизвѣстному востоку и сѣверу Европы, и далѣе, въ невѣдомыя и таинственныя въ то время страны сопредѣльной Азіи, бороться съ мракомъ язычества и распространяющагося мусульманства, просвѣщать дикія многочисленныя племена инородцевъ и приобщать ихъ къ участию въ царствѣ Божіемъ и въ жизни образованнаго человѣчества. Поистинѣ, это была единственная въ исторіи человѣчества, величайшая *міровая* задача, данная святой Руси. Наши предки частью сознательно, частью полусознательно, инстинктомъ духовнымъ уразумѣли ее

и стали осуществлять непосредственно со временъ святого Владимира Великаго. Удивительно быстро и прочно въ первыя послѣ крещенія Руси два столѣтія христіанство начинаетъ распространяться среди языческихъ племенъ теперешней средней и сѣверной Россіи, несмотря на множество сильнѣйшихъ препятствій совнѣ и внутри, несмотря на крайнюю малочисленность русскихъ славянъ, носителей вѣры, какъ бы утопавшихъ въ морѣ окружающаго ихъ инородчества.

Но вотъ, когда отъ береговъ Днѣпра и Ильменя христіанство проникло уже до крайнихъ предѣловъ сѣвера и востока Европы, когда русской Церкви предстояло уже шагнуть съ проповѣдью евангелія въ глубину Азіи: въ это время, въ XIII вѣкѣ, Россію постигаетъ великое бѣдствіе, которое сковало русскую жизнь и замедлило на время великое и христіански-просвѣтительное дѣло Россіи.

Этимъ бѣдствіемъ было монгольское иго,—тяжкій и міровой мученической подвигъ русскаго народа. Предстояло святой Руси этимъ подвигомъ многолѣтняго страданія искупить грѣхъ своего разъединенія, распрей и раздоровъ, перегорѣть въ нихъ и закалиться, сознать всю необходимость единства вѣры и единенія политическаго, выковать и выносить истину единодержавія и самодержавія, познать тщету и пагубу народовластія. вмѣстѣ съ тѣмъ предстояло задержать вторженіе дикихъ варваровъ въ Европу, отстоять грудью и сохранить для міра сокровища христіанской европейской цивилизаціи. Въ этомъ навѣки незабвенная въ исторіи заслуга русскаго народа предъ всѣмъ человѣчествомъ.

Много трудовъ стоило Россіи пережить и свергнуть тяжелое монгольское иго, чтобы снова приступить безпрепятственно къ исполненію главнаго и существеннаго міроваго призванія, указаннаго Руси Провидѣніемъ. Наконецъ, болѣе чѣмъ черезъ 200 лѣтъ послѣ нашествія монголовъ исполняется завѣтное желаніе нашихъ князей, и святителей, и всего народа русскаго: татарская орда, не разъ разбиваемая русскимъ воинствомъ, отодвинулась отъ предѣловъ нашихъ, ослабѣла, распалась... и Русь сдѣлалась свободною!

И тотчасъ же вновь началось движеніе наше къ Востоку

съ крестомъ и евангеліемъ. Но на пути, какъ преграда этому движенію, лежало нѣкогда страшное и могущественное татарское Казанское царство. Въ великій праздникъ Покрова Божіей Матери, 1 октября 1552 года, во время службы Божественной, при возглашеніи словъ евангелія: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь“, пала нѣкогда грозная Казань, и русскому народу открылся безпрепятственный путь въ Азію.

Было ли угодно Господу это поступательное движеніе наше на Востокъ и это ниспроверженіе царства невѣрнаго? Былъ ли народъ русскій въ этомъ дѣлѣ орудіемъ міродержавнаго Промысла? Исполнилъ ли онъ при этомъ свыше-указанную ему задачу?

Какъ бы въ отвѣтъ на такія возможные недоумѣнныя мысли, кромѣ отмѣченныхъ уже обстоятельствъ самаго завоеванія Казани, свыше дается новое знаменіе:

Господь чудесно являетъ въ Казани образъ Богоматери, подъ покровомъ Которой совершилось и самое завоеваніе ея,—образъ, данный свободной Россіи, знакъ небснаго благословенія русскому народу въ историческомъ просвѣтительномъ шествіи его къ Востоку, въ глубь Азіи, въ его служеніи своему міровому призванію.

Не разъ потомъ эта чудесная икона Богоматери приносила и проявляла намъ милость Божію въ години бѣды народныхъ, и недаромъ сдѣлалась она святынею всероссійскою. И всякій разъ, въ рѣшительные моменты жизни Россіи, въ сохраненіи ея цѣлости и самостоятельности, русскому народу какъ бы давалось новое и новое подтвержденіе его историческаго призванія.

Была тяжелая пора, поистинѣ „смутное время“ на Руси, когда пресѣкъся въ ней родъ Владиміра Святого, когда поляки, овладѣвъ большею половиною русской земли, вторглись, наконецъ, въ самое сердце ея—въ Москву и въ ней засѣли. Уже корона Россіи предлагалась польскому королевичу Владиславу, а отецъ его, Сигизмундъ, фанатическій слуга римскаго папы, захотѣлъ соединить Россію съ Польшей, не скрывая намѣреній ввести въ ней католичество.

Чистотѣ вѣры русскаго народа, основнымъ устоямъ его

религіознаго и національнаго существа, слѣдовательно, его историческому призванію грозила страшная опасность.

„Мати Божія, спасай землю русскую!“—такой кличь вырвался изъ сердець лучшихъ сыновъ нашего народа.

И Матерь Божія услышала ихъ молитвы. Въ Казанской иконѣ Своей пришла Она къ полоненной Москвѣ во главѣ русскаго воинства. Предъ Нею изливали тогда молибы свои доблестные Мининъ и Пожарскій; на Ея благодатную помощь надѣялись русскіе люди, въ виду необыкновенной трудности взять силою ратною тотъ городъ, который изъ твердыни Россіи теперь обратился въ крѣпкій оплотъ ея враговъ. А войско русское, наскоро собранное, было и нестройно, и не обучено, и немногочисленно, и къ тому же не совсѣмъ единодушно и согласно...

И вотъ находящемуся въ плѣну у поляковъ епископу Арсенію ночью во снѣ является преподобный Сергій, молитвенникъ за землю ему родную святорусскую, и объявляетъ, что Господь, по ходатайству Богоматери, на слѣдующій же день низложитъ враговъ.

Предсказаніе сбылось: дѣйствительно, на другой день, 22 октября 1613 года, Кремль Московскій былъ взятъ, врагъ изгнанъ, Россія стала свободною и скоро уже имѣла и Царя, природнаго русскаго, изъ новаго царственнаго рода Романовыхъ.

Съ тѣхъ поръ Казанская икона Богоматери сдѣлалась семейною святыней русскаго Царскаго рода Романовыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—святынею и всего народа русскаго. Праздникъ ея—не церковный только, но и государственный праздникъ, что многимъ у насъ неизвѣстно; храмы ея и въ Москвѣ у Кремля, и въ Петроградѣ,—это самые чтимые народомъ и притомъ Царскіе храмы. Предъ Казанскою иконою Богоматери въ этихъ храмахъ всегда являются наши Цари въ важные дни своей жизни, предъ нею прежде всего являются послѣ брачнаго союза, прося благословенія, наслѣдники Престола.

Еще разъ въ тяжелое время русской исторіи, во дни Французскаго нашествія, эта чудотворная икона явилась въ рядахъ русскаго воинства.

Такъ сдѣлалась она святынею не мѣстною Казанскою, а всероссійскою, общечтимою. И понынѣ она чаще всего видится въ старинныхъ православныхъ русскихъ домахъ, какъ священное наслѣдіе и благословеніе предковъ, передаваясь изъ рода въ родъ. И понынѣ иконою этою благословляютъ всякій новый семейный союзъ... Изъ Казани въ теченіе вѣковъ ежегодно она была носима на огромномъ протяженіи по всей прилегающей странѣ иновѣрія и зловѣрія; она являла силу Божию врагамъ христіанства, она объединяла русскихъ людей и крещеныхъ инородцевъ, она утверждала въ восточномъ Поволжьѣ силу Христову и силу св. Руси.

Въ наши дни, въ русско-японскую войну, опять Россія въ борьбѣ на Дальнемъ Востокѣ стояла въ своемъ міровомъ историческомъ призваніи. Призваніе это—нести свѣтъ христіанства, крестъ и евангеліе на всемъ великомъ историческомъ движеніи русскаго народа. Увы, свѣтъ этотъ сталъ у насъ самихъ и въ насъ самихъ меркнуть; крестъ и евангеліе стали попирать и предавать русскіе люди. Пала вѣра, ослабѣло благочестіе; опять явились распри и раздоры, ослабленіе власти и почтенія къ ней, неуваженіе къ сокровищу Царскаго Самодержавія, которое всегда было спасительною силою въ тяжкіе дни жизни Россіи. Воины шли на войну и бунтовали; крамольники засыпали войска возмутительными подметными листками...

Какъ-разъ въ моментъ, когда развертывались событія войны и приближались роковыя битвы, имѣющія рѣшить исходъ брани, вмѣсто подъема вѣры, вмѣсто воодушевленія молитвы, вмѣсто подвига покаянія,—въ Казани украли святую икону...

Не раздалось всеобщаго вопля, не слышно было всенароднаго стенанія...

Быль судъ. Судили преступниковъ такъ же, какъ будто они украли у сосѣдей корову или домашнюю мебель.

Въ тяжкихъ предчувствіяхъ, у многихъ вѣрующихъ людей упало сердце; было ясно всякой чуткой душѣ, способной разумѣвать знаменія времени, что судъ Божій надъ нами не дремлетъ, что многими скорбями надлежитъ намъ войти въ крѣпость духа и въ силу прежняго достоинства.

И вотъ, эти скорби настали. Мы ихъ видѣли и пережили, пережили то гнусное торжество безвѣрія, кощунства, разврата, предательства, лжи, взаимной злобы, убійствъ, воровства, попранія власти и возстанія противъ нея,—все то, что, вмѣсто заслуженнаго имени „сатанинскаго движенія“, называется движеніемъ „освободительнымъ“.

Вы всё помните, какъ оно назрѣвало и шло съ нагло-поднятою головою. Оно воплотилось особенно въ первой Государственной Думѣ, свѣжимъ ядомъ бунта и крови напоенной, и прямо возстало противъ Бога, Церкви, противъ Царя и цѣлости Россіи. Это было скопище предателей Россіи, явившихся въ Думу подъ именемъ „лучшихъ людей“.

Почти такіе же преступники изъ тюремъ сидѣли и во второй Думѣ, но первая Дума имѣла значеніе особенное. Она внушила къ себѣ страхъ, она запугала власть, она сумѣла при общей трусости и растерянности,—что всегда бываетъ при упадкѣ вѣры,—показать себя „неприкосновенною“. Ее боялись распустить. Всѣ были какъ бы скованы страхомъ и нерѣшительностью, а думскіе люди, развѣ только въ насмѣшку называемые „лучшими людьми“, боролись съ Царемъ, съ безчиннымъ воплемъ кричали на министровъ, ругались, какъ послѣдніе пьяницы, на представителей власти, звали народъ къ возмущенію, хотѣли лишить народъ общенія съ Царемъ, отнять у него вѣру, оскорбляли и Церковь, и войско, и Царя, и русскій народъ, обѣщая всѣмъ инородцамъ независимость отъ русскаго царства.

Ровно годъ назадъ, 8 іюля, въ день празднованія въ честь Казанской иконы Богоматери, Покровительницы Царскаго Дома, Царь нашъ возымѣлъ рѣшимость поднять карающую руку на это нечестивое и бѣсовское сборище. Дума была распущена. Она бѣсновалась, она злобствовала, она отвѣтила на роспускъ позорнымъ и преступнымъ выборгскимъ воззваніемъ, призывающимъ къ бунту, но должна была сгинуть и разсѣяться. Сила этого сборища оказалась мнимой, сила же Царя явила себя снова во всей ея исторической правдѣ. И понятно поэтому, какая была радость русскихъ патріотовъ-монархистовъ здѣсь, въ этой самой залѣ, когда, во время собранія,

всѣ узнали о Царскомъ рѣшеніи, какъ молились тогда всѣ со слезами предъ Казанскимъ образомъ Богоматери и тогда же рѣшили предъ нимъ въ Казанскомъ соборѣ въ Москвѣ соорудить лампаду. Мы видѣли въ совпадении дней знаменіе милости Божіей и грядущаго воскресенія Россіи и освобожденіе ея отъ нависшихъ тучъ народнаго ослѣпленія.

Подъ знаменемъ православія, при небесномъ заступничествѣ и благословеніи Богородицы, будемъ мы совершать служеніе наше на всѣхъ поприщахъ жизни. Матерь Божія спасетъ землю русскую, облегчитъ ей трудъ свыше даннаго призванія. Украденъ образъ Богоматери, но не украсть никому Ея благодатной помощи. И какъ остались Ея иконы—списки Казанскаго образа ¹⁾, такъ останутся съ нами и милость и заступленіе Богородицы, если мы того будемъ достойны по вѣрѣ и жизни. Помнить только нужно, въ чемъ наша сила и призваніе: въ православіи. При вѣрности ему не погибнетъ Русь, это дитя Божіе, дитя столь великихъ слезъ и молитвъ, не погибнетъ народъ нашъ, если онъ останется предъ Богомъ чадомъ послушанія.

Возстанъ же въ подвигъ вѣры и благочестія, русскій народъ, проникнись сознаніемъ и долгомъ своего призванія,—и сгинуть твои бѣды и напасти. Залогъ этого упованія—чудотворный образъ Богоматери, который нѣкогда явился въ благословеніе тѣмъ, кто такъ же, какъ и мы, вѣрили и уповали, ожидая избавленія Россіи отъ тяжкихъ бѣдъ. Вѣра ихъ не обманула, упованіе ихъ не посрамило!

¹⁾ Еще не доказано, украденъ ли въ Казани подлинный иконы или ея списки. Нѣкоторые полагаютъ, что подлинный иконы—въ Петроградѣ, въ Казанскомъ соборѣ, или въ Москвѣ.

Куда насъ зоветъ св. Церковь?*

Приидите, взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога нашего, и узримъ славу Преображенія Его (Изъ пѣсноп. праздника).

Куда это зоветъ насъ Церковь святая въ торжественной праздничной пѣсни? Куда ведетъ она вѣрующихъ, чтобы съ апостолами святыми, особо избранными, сдѣлать насъ участниками въ святой радости,—въ созерцаніи славы Преображенія Господня?

Приидите,—говоритъ церковная пѣснь,—приидите, взыдемъ на гору Господню... Конечно, всякій знаетъ, что насъ не зовутъ вѣхать въ Палестину, чтобы взойти на ту именно гору, гдѣ нѣкогда свершилось въ сіяніи славы Божественной Преображеніе Господа Иисуса, гдѣ бесѣдовали съ Нимъ Моисей и Ілія, гдѣ гласъ Отца Небеснаго свидѣтельствовалъ о Сынѣ и внушала всему міру послушаніе Ему, гдѣ ученики Христовы видѣли и слышали то, чего и пересказать невозможно.

Пусть и нынѣ торжествуетъ Саваоръ; пусть тамъ въ нынѣшній праздникъ въ молитвѣ, собравшись во множествѣ, ликуютъ христіане: однако, не къ этой, чувственными очами видимой, не къ этой горѣ осязаемой зоветъ насъ Церковь святая.

Давно, за 700 лѣтъ до явленія Христа въ міръ, пророки говорили о горѣ Господней, и о томъ домѣ, мѣстѣ обитанія Бога съ людьми, который будетъ поставленъ во главу горъ; и приидутъ къ нему народы, и приидутъ народы многіе и рекуть: взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога нашего; оттуда изыдетъ законъ и слово Господа, и научитъ Онъ насъ Своими путямъ и будемъ ходить по стезямъ Его; и раскуютъ народы мечи свои на плуги и копыя свои на серпы, и перестанутъ народы учиться самой науцѣ брани и ратованія... (Ис. гл. II). Такъ всегда слово Божіе изображало мѣсто обита-

* Слово въ праздникъ Преображенія; сказано 6 авг. 1907 г. въ Нижегородскомъ кафедр. соборѣ.

нія. Господа, какъ мѣсто горнее; возведохъ очи мои въ горы, отнюду же придетъ помощь моя. Господи, послѣ свѣтъ Твой и истину Твою, они меня наставятъ и введутъ въ гору святую Твою. Такъ всегда слово Божіе подъ образомъ восхожденія въ гору представляло нравственное возвышеніе духа человѣческаго къ Богу и Его вѣчной правдѣ и святости. Такъ всегда говорила людямъ и собственная ихъ природа: на небо очи возводить, горѣ имѣть сердца; недаромъ изъ всѣхъ существъ земныхъ одинъ только человѣкъ имѣетъ разумное чело, обращенное къ небу, одинъ только онъ можетъ возводить очи горѣ, къ небу и Богу. Тамъ—страна его родная, вѣчная; тамъ—спасеніе. И если намъ теперь такъ невыносимо тяжело, если истосковалась душа наша теперь, во дни, когда исполняются видимо слова Христовы: услышати имате брани и слышаніе бранемъ; если кругомъ насъ злоба, кровь и убійство; если тяжело намъ и мы задыхаемся въ этомъ спертomъ воздухѣ зла и преступленія; если тонемъ мы въ этомъ разливѣ ненависти и порока,—то спасеніе одно: придите, вздемъ на гору Господню и въ домъ Бога нашего. Тамъ не только узримъ славу Преображенія Его,—тамъ услышимъ властный гласъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте“; и если гласа этого послушаемъ и не ожесточимъ сердца нашихъ, если слушаемъ ученія Сына Божія воплощеннаго и въ жизни своей его осуществимъ, то, воистину, и сами мы преобразимся въ свободу славы чадъ Божіихъ, и жизнь нашу земную преобразимъ изъ теперешней, звѣриной, въ истинно-человѣческую, достойную и святую. И что бы тамъ ни говорили современные мудрецы, какъ бы ни обѣщали они благоустроить жизнь людскую законами и порядками государственнаго и общественнаго строительства, жизнь людей будетъ попрежнему животной и звѣриной, при всѣхъ свободахъ, при всѣхъ и всякихъ учрежденіяхъ, законахъ и порядкахъ, пока все люди, и каждый человѣкъ въ отдѣльности, не преобразятся по образу Христову. Тогда перекуютъ народы мечи свои на плуги и копыя свои на серпы. И будетъ миръ на земли и благоволеніе въ чловѣцѣхъ.

Но чтобы достигнуть этого, надобно намъ взойти на гору

Господню. Высока эта гора; дологъ путь, и тяжко восхожденіе. Какъ облегчить намъ трудъ, и чѣмъ помочь Божественному восходу?

Раскроемъ до конца этотъ библейскій образъ и его духовное значеніе. Жителямъ русскихъ нашихъ равнинъ трудно представить себѣ восхожденіе на горы. Объ этомъ могутъ разсказать намъ тѣ, кто долго жилъ въ странахъ гористыхъ.

Кто, и когда, и зачѣмъ идетъ въ гору? Зачѣмъ предпринимается этотъ путь томительный и часто небезопасный? Идутъ въ гору прежде всего тогда, когда этотъ путь необходимъ и неизбѣженъ, потому что онъ—единственный, когда другимъ путемъ никакъ и никогда невозможно выбраться изъ той или другой мѣстности. И не пошелъ бы, да надо. Это сознаніе даетъ рѣшимость и гонитъ самую мысль о лѣности.

Знай же, христіанинъ, что и для тебя путь въ гору Господню, это—путь единственный для спасенія; онъ необходимъ, онъ неизбѣженъ; иного пути нѣтъ и быть не можетъ. И это сознаніе дастъ тебѣ силу и рѣшимость, дастъ тебѣ увѣренность, терпѣніе и настойчивость. Вѣдь все равно: не идя къ Богу, ты погибнешь; не идя въ гору Господню, къ Божьей волѣ, къ Божьему закону и Церкви Господней,—все равно ты умрешь навѣки, и къ жизни, къ истинной жизни никакими иными путями не придеши.

Идутъ, далѣе, въ гору люди иногда ради той несказанной красоты, которая открывается съ ея вершины; ради укрѣпленія здоровья и движеніемъ, и чистымъ горнымъ воздухомъ. Спросите путешественниковъ: они вамъ скажутъ, какая прелесть наверху горы. Какъ шумъ мірской стихаетъ! Какое чудное, святое уединеніе! Какъ душа чувствуетъ себя ближе къ небу и Богу! Какъ полна она думъ высокихъ и чувствъ святыхъ, и какъ хорошо видѣть и чувствовать себя высоко надъ міромъ, вдали и внѣ его тревогъ и постоянной унылой суеты!

Христіанинъ! Иди въ гору Господню, иди и ты къ Богу! Такая ждетъ тебя въ концѣ дороги радость, и миръ души, отрада, наслажденіе духа, такая красота, что око не видѣло, и ухо не слышало и на сердце человѣку не входило; такая

свобода отъ узъ плоти, отъ рабства грѣху, что ради этихъ радостей духовныхъ забудешь ты всѣ трудности пути, все напряженіе силъ, и бодрость вѣчная, а не усталость исполнить твою душу. Съ вершинъ духовныхъ ты будешь озирать весь міръ и все земное, и вотъ что здѣсь случится: что на землѣ казалось такимъ огромнымъ, важнымъ, грознымъ и великимъ, то съ выси горной покажется и малымъ, и ничтожнымъ. Ты истину познаешь, и мѣра, истинная мѣра всѣхъ вещей тебѣ вдругъ станетъ вполне доступна.

Какъ совершаютъ восходъ на гору? По возможности, путникъ облегчаетъ себя, бросаетъ лишнюю и ненужную тяжесть; не напрягаетъ сразу всѣхъ силъ, а соразмѣряетъ ихъ съ трудностью и дальностью пути; не смотритъ путникъ внизъ, чтобы предъ пропастями и разсѣлинами не закружилась голова; его взоры всегда обращены кверху, чтобы видѣть постоянно предъ собою цѣль путешествія; онъ не идетъ прямо на крутизну, а войдетъ на нее дорожкой доступною; онъ пользуется всякимъ удобствомъ дороги: разспроситъ спутника опытнаго, воспользуется проторенною дорожкой. Тяжелъ и опасенъ его путь: сгибаются ноги, дрожатъ колѣна, камни летятъ изъ-подъ ногъ, скользятъ и дѣлаютъ дорогу скользкой; вотъ-вотъ близо паденье, но онъ удержится за кусты или за камень, а упадетъ, такъ встанетъ самъ, или воспользуется помощью другого спутника; присядетъ отдохнуть или на устроенномъ сидѣньи, или подъ деревомъ тѣнистымъ, или въ особо приготовленномъ домикѣ.

Христіанинъ! И при восхожденіи въ гору Господню, при возрастаніи нашемъ духовномъ въ исполненіи Христова нравственнаго закона, всѣ облегченія указаны и даны путнику Господомъ. Но прежде всего ты самъ брось лишнее, всѣ ненужныя земныя заботы. Возьми лишь самое необходимое, а все прочее, всѣ силы и способности отдай на служеніе Богу и Его закону. Со множествомъ земныхъ удовольствій, заботъ, привязанностей, страстей ты и шагу не сдѣлаешь вверхъ, въ гору, и останешься вѣчно внизу, въ своемъ духовномъ болотѣ. А бросивши земное, поднимаясь къ небу и Богу, не смотри внизъ, не сопрельщайся міра сего красными, не дай вскру-

жить себѣ голову призывамъ съ земли: еще выше подъемъ, и звуки эти уже не стануть явственно слышимы. Кто возложилъ руку на плугъ и озирается назадъ, тотъ не годенъ для царствія Божія. И тебѣ заповѣдано опытными въ духовномъ дѣланіи наставниками: не берись въ гордой самоувѣренности за подвигъ чрезмѣрный, за подвигъ выше силъ твоихъ, не употребляй и не растрачивай этихъ силъ сразу. Вѣдь дано время цѣлой жизни, даны заповѣди отъ легкой къ труднѣйшей, дано покаяніе, чтобы встать, если ты упадешь; даны примѣры, безчисленные примѣры жизни святыхъ, какъ проторенныя дорожки въ пути, даны и спутники надежныя—евангеліе, святое писаніе, даны пастыри и учителя, чтобы напередъ указать тебѣ на духовную потребу, а на пути даны намъ храмы Господни, дома молитвы, собранія вѣрующихъ, святыя таинства,—и крестъ Христовъ, хранитель всей вселенной, какъ древо тѣнистое, какъ якорь спасенія... Сюда заходи, сюда устремляйся духомъ, здѣсь отдыхай и силъ набирайся, берись руками за всѣ эти пособія при восхожденіи вверхъ къ Господу: близокъ конецъ пути, близка радость духа, близка вершина горы твоего преображенія... И увидишь, и почувствуешь, что чѣмъ выше будешь подниматься, чѣмъ путь опаснѣе, чѣмъ напряженнѣе трудъ, чѣмъ тяжелѣе предстоитъ усиліе, тѣмъ яснѣе и ближе и ощутительнѣе тебѣ дается помощь: Кто-то Сильный, Кто-то Крѣпкій, Кто-то Благостный идетъ рядомъ съ тобою, ведетъ тебя за руку, поддерживаетъ, если ты претыкаешься, вливаетъ силы, вѣру и надеждою бодритъ твой духъ. Это—Господь. Это—нашъ Пастыреначальникъ, Христосъ Исусъ. Это—Духъ Святой.

Христіанинъ! Иди неустанно въ гору спасенія, поднимайся къ Богу! Тебѣ навстрѣчу пойдутъ подъ гору твои братья, тѣ, которые не стерпѣли трудность пути и рѣшили возвратиться назадъ, къ жизни грѣховной и распущенной. Начнутъ они обратный путь веселые и довольные, и легко имъ сходить внизъ, и по началу это дастъ имъ кажущееся удовольствіе. Не соблазняйся ихъ веселымъ видомъ, и съ ними внизъ съ горы не возвращайся. Веселы они въ началѣ пути грѣха и порока, и легко кажется имъ путь, и безопасенъ. Но кру-

тизна внизу, но страшныя пропасти и разсѣлины, но тяжесть собственнаго тѣла и, наконецъ, все болѣе и болѣе растущая тяжесть грѣха и порока, растущая, какъ снѣжная лавина въ горахъ, увлечетъ ихъ въ бездну, раздавить великою тяжестью...

Однажды мнѣ пришлось всходить на высокую гору; не легко мнѣ дался этотъ трудъ, и не мало занялъ времени. Я отдыхалъ на вершинѣ, вдругъ, вижу: кто-то снизу, увидѣвъ меня и издали знаками привѣтствуя, быстро, легко, плавно и свободно, словно не чувствуя ни труда, ни усталости, всходить вверхъ по пути, который мнѣ достался съ такою трудностью. Онъ взошелъ; мы стали бесѣдовать. Я спросилъ, что помогаетъ ему такъ легко забираться въ гору? „Привычка“, отвѣчалъ мнѣ мой новый случайный знакомый: „Я, сказалъ онъ, ежедневно всхожу на эту гору“...

Да, братіе, тяжелъ путь въ гору Господню, но тяжелъ тому, кто начнетъ его и бросить, чтобы вернуться къ этой попыткѣ чрезъ продолжительное время, да и вернется только для того, чтобы снова бросить. Но если будешь ты идти непрестанно, то, поднимаясь вверхъ, въ этомъ духовномъ восхожденіи приобрѣтешь ты навыкъ, привычку, и то, что по началу казалось труднымъ, постепенно будетъ становиться легкимъ. Тогда ты достигнешь полнаго преображенія духа грѣховнаго въ свѣтлость святости; тогда святыней жить будетъ тебѣ такъ же легко и такъ необходимо, какъ воздухомъ дышать... Тогда, и только тогда мы преобразимъ и нашу жизнь общественную и государственную изъ звѣриной въ истинно-человѣческую и достойную.

Кто взыдетъ на гору Господню, или кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ его? Неповиненъ руками и чистъ сердцемъ. Такъ отвѣчаетъ слово Божіе. Знаемъ, что руки въ святомъ писаніи—это образъ всей дѣятельности человѣка, а сердце—образъ всего его духовнаго настроенія.

Въ сей чистотѣ сердца и помысловъ, и въ этой непорочности дѣль, приидите, братіе, взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога нашего, и узримъ славу Преображенія Его! Аминь.

Господи, помилуй! *

Желаніемъ и приглашеніемъ архипастыря, я призванъ сегодня сказать вамъ, братіе, поучительное слово съ этого священнаго мѣста, по случаю нарочитаго торжества и нарочитой молитвы въ честь Креста Господня. Святыня эта, искони здѣсь чтимая, напоминаетъ намъ древнія времена народнаго благочестія, и въ исторіи своей связана съ незабвеннымъ именемъ великаго русскаго патріота, славнаго уроженца Низовской земли, князя Дмитрія Пожарскаго.

Преданіе говоритъ, что чтимый этотъ Крестъ былъ сооруженъ еще до нашествія татаръ на землю русскую, слѣдовательно, въ первые вѣка послѣ крещенія Руси и при вторженіи Батяя затопленъ былъ русскими въ болотѣ. Болѣе трехсотъ лѣтъ пролежалъ онъ въ землѣ и затѣмъ найденъ былъ княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ; по случаю моровой язвы онъ съ молитвой и торжествомъ церковнымъ принесъ эту святыню въ храмъ своего роднаго села Пурехъ. Чудесное прекращеніе губельной болѣзни, многія чудеса и исцѣленія по молитвамъ вѣрующихъ предъ этою святыней и слѣдали ея чтимою во всей землѣ Низовской.

Не замѣчаете ли, братіе, въ краткой исторіи этого Креста совпаденія съ исторіей того Треблаженнаго Древа, которое, по уставу Церкви, какъ-разъ именно теперь воспѣвается и прославляется въ нашихъ храмахъ, въ напоминаніе вѣрующимъ о близкомъ праздникѣ Воздвиженія Креста Господня? И тотъ Крестъ, на немъ же распяся Христось, Царь и Господь, пролежалъ въ забвеніи, въ глубинѣ земли, триста слишкомъ лѣтъ. И тотъ Крестъ явилъ себя чудесами и знаменіями. И тотъ Крестъ содѣялся святынею вѣрующихъ, такъ что, когда онъ взятъ былъ въ плѣнъ невѣрными, то христіане употребили всѣ силы, ничего не жалѣя, лишь бы возвратить его обратно.

* Слово предъ молебствіемъ Животворящему Кресту Господню. Сказано отъ имени миссіи въ Нижегородскомъ ярмарочномъ соборѣ, по случаю принесенія изъ села Пуреха чтимаго Креста Господня, 10 августа 1907 г.

Припоминается при нынѣшнемъ церковномъ торжествѣ самая исторія и картина обрѣтенія и воздвиженія Креста Господня: умиленная царица Елена, святой патріархъ Іерусалимскій и сонмъ церковнаго клира, великое множество вѣрующаго народа... Вотъ, святыня принесена на возвышенное мѣсто и видима всѣмъ. Что же народъ и клиръ? Въ нашихъ молитвахъ и пѣнощніяхъ они выразили свои чувства? Кажалось бы, здѣсь случай и поводъ безъ конца изливаться христіанской душѣ во псалмахъ и пѣніи и пѣсняхъ духовныхъ, безъ конца проявиться въ словѣ человѣческимъ дарованіямъ и мудрости. Столько воспоминаній, столько уроковъ, столько здѣсь назиданій! Не напрасно говорится въ одной пѣсни церковной, что „Крестъ—это премудрости книга“.

А, между тѣмъ, исторія свидѣтельствуетъ намъ, что при поклоненіи Кресту вѣрующій народъ создалъ только одну и самую краткую молитву: „Господи, помилуй“. Но велика, значить, была премудрость въ этой молитвѣ, если она прошла вѣка, содѣлалась общехристіанскимъ моленіемъ, и непрерывно употребляется въ богослуженіи всѣхъ христіанскихъ народовъ. Созданная внезапно и свободнымъ вдохновеніемъ души народной, въ моментъ несказаннаго подъема вѣры и наивысшаго религіознаго воодушевленія, она въ двухъ словахъ выразила всю сущность нравственнаго настроенія христіанина,—его вѣры, его надежды, его любви. Мы къ ней слишкомъ привыкли и слишкомъ часто ее бессознательно употребляемъ. Оттого полезно и необходимо на ней останавливаться вниманіемъ и будить въ душѣ тѣ именно чувства и мысли, то душевное настроеніе, которе нѣкогда ее создало. Нынѣ, предъ этою чтимою святынею Креста Господня свершая наше моленіе, мы имѣемъ къ тому самый благовременный поводъ.

Господи, помилуй,—взываетъ душа христіанская. Человѣкъ созданъ Богомъ на дѣла благая; онъ облеченъ, какъ въ солнце, Его образомъ и подобіемъ; онъ поставленъ въ достоинство господина природы и ея священникомъ предъ лицомъ Творца; люди украшены дарами Духа; слышать въ себѣ голосъ совѣсти и разума; имѣютъ стремленія, влекушія ихъ къ Богу,—къ Истинѣ и Святости. И все это они осквернили, все потоптали;

сами себя грѣхомъ и нечистою приравняли къ скотамъ несмысленнымъ и уподобились имъ, сами отдалили себя отъ лица Божія непослушаніемъ Богу въ раю, невѣріемъ, пороками, преступленіями; они впади въ такую нравственную грязь, дошли до такого звѣрства и паденія, до котораго и скоты не доходятъ... И естественна, и понятна, и необходима молитва падшаго человѣка: *Господи, помилуй!*

Но все то прошло. Древнее мимо идоша, се бысть вся нова. Насъ искупилъ по любви Своей Сынъ Божій. Онъ дароваль намъ пути въ спасеніе; Онъ повѣдалъ намъ небесныхъ тайнъ откровеніе; открылъ волю Божію, благую и совершенную; далъ въ Себѣ Самомъ примѣръ жизни; примирилъ насъ съ Богомъ, далъ прощеніе грѣховъ, послалъ Духа Святаго, дароваль таинства, учредилъ Церковь, руководствующую насъ въ спасеніе.

На крестѣ распростертыми руками весь міръ призывалъ Онъ въ любовь Свою. А мы, все это зная, и здѣсь опять надругались надъ любовью Божіей. Христіане мы—только по имени, а по духу и жизни—язычники. Невѣрные и невѣрующіе въ Христа крѣпче насъ преданы своему закону, тверже въ своемъ исповѣданіи, болѣе объединены правилами своей вѣры. Храмы наши пусты; мѣста же торжищъ, увеселеній и нечистыхъ удовольствій наполнены. Злоба, зависть, ненависть, холодность къ нечастнымъ, жадность и себялюбіе, развратъ и нечистота,—все это заставляетъ невѣрныхъ и язычниковъ съ полнымъ правомъ говорить намъ въ лицо: „вѣра ваша хороша, да сами вы никуда не годны“... Ради насъ имя Божіе и имя Христа унижено предъ всѣмъ міромъ... И видя, и сознавая это, какая можетъ быть молитва у христіанина, какъ не эта краткая, сильная и трогательная: *Господи, помилуй!*

Мы, русскіе люди, взысканы особыми милостями Господа. Мы призваны въ Его царство, мы приобщены къ Его Церкви. Мы получили христіанство на зарѣ нашей исторической жизни, въ годину народнаго младенчества и находясь въ такомъ состояніи, когда христіанство могло свободно стать нашимъ всецѣльнымъ душевнымъ достояніемъ, воспитать насъ, какъ народъ Божій, создать и пропитать собою всю нашу государственность, царство наше человѣческое и земное обратить въ

царствіе Божіе и привести его къ царству небесному. И вотъ, что вмѣсто этого мы теперь видимъ? Можно ли безъ чувства горящаго стыда смотрѣть на все то, что вокругъ насъ творится? Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Точно не было у насъ христіанской тысячелѣтней исторіи, точно мы совсѣмъ не знали Христа и евангелія. Или слово Божіе къ намъ недостиже? Или оно покинуло насъ? Наши образованные классы проповѣдуютъ открыто невѣріе, враждуютъ противъ Христа и Его Церкви. Не было хулы, не было мерзости, не было кощунства, котораго бы словесно и печатно не проповѣдывали наши мудрецы. Они оправдывали царевубійство и убійства всѣхъ, съ ними не согласныхъ; они обращали свои знанія на то, чтобы развращать народъ, чтобы дѣлать и бросать бомбы и убивать намѣченные жертвы и случайно подвернувшихся людей; они оправдывали и оправдываютъ измѣну, предательство, воровство и грабительство; развращали и развращаютъ юношество; губили и губятъ собственное отечество. Нашъ простой народъ погрязъ въ пьянствѣ и сквернословіи: нѣтъ ни одного народа въ Россіи, который былъ бы хуже его въ этомъ отношеніи. А лѣность, пьянство, воровство, грабежи, бунты, забастовки, хулиганство, страшное паденіе семьи, страшная испорченность молодого поколѣнія, развратъ и всякая распущенность... А эта легкость, съ какою мы идемъ за всякими лжеучителями и смутьянами, обѣщающими обогащеніе путемъ всякаго разбоя, разгрома чужихъ имѣній, противленія Царю и правительству. А это убійственное равнодушіе къ страшнымъ преступленіямъ, что совершаются у насъ ежедневно. Это ли народъ христіанскій? Это ли крещеные люди? Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Вѣдь если бы мы были добрыми христіанами, если бы мы были, дѣйствительно, честными и вѣрующими людьми, то всѣ эти преступленія у насъ сами собою исчезли и прекратились бы, какъ исчезаетъ дурная и сорная трава съ хорошо вспаханнаго и раздѣланнаго поля. Преступники чувствовали бы себя одинокими, презрѣнными, они скрывались бы въ темныхъ углахъ, не смѣя выйти на свѣтъ Божій, на глаза добрыхъ людей; теперь же они выходятъ торжествующіе, чувствуя себя

героями; они какъ бы пользаются общимъ довѣріемъ, сочувствіемъ и поддержкою.

И вотъ, заслужили мы свою судьбу. Нѣсть радоватися нечестивому. Нашъ разбили и опозорили внѣшніе враги. Надъ нами подняли руки нашими предками покоренные и присоединенные инородцы. Мы сдѣлались позоромъ и посмѣшищемъ всего міра. Мы обратили себя и свою страну въ нищету пьянствомъ, лѣнью и забастовками. Мы идемъ въ хвостъ у всѣхъ народовъ, отъ всѣхъ отстали, и всё на насъ показываютъ съ укоризною. Мы собственное государство довели до разстройства преступленіями и смутю. Когда великодушный Царь даровалъ въ манифестѣ 17 октября 1905 года различныя свободы, мы въ первый же день послѣ этого доказали и нынѣ доказываемъ, что мы ими злоупотребляемъ, какъ злыя и испорченныя дѣти. Когда Онъ даровалъ права народнаго представительства Себѣ въ совѣтъ и помощь, а намъ въ облегченіе жизни, мы вопили, или по крайней мѣрѣ другимъ вопить позволяли, что всё эти права мы „вырвали“ у Царя... А затѣмъ что? А затѣмъ мы къ Царю въ совѣтники и помощники избирали своихъ представителей не по чести и совѣсти, а по указанію нашихъ собственныхъ враговъ, и они занялись вмѣсто созидательной работы—разрушительной, вмѣсто укрѣпленія единства Царя и народа—борьбою съ Нимъ и правительствомъ изъ-за власти, вмѣсто умиротворенія народа—его большимъ и большимъ озлобленіемъ. Мы пришли къ полному озлобленію. Еще немного такого безумія, еще немного,—и если не покаемся, не одумаемся, мы погибнемъ. Господи, помилуй!

И какъ бы въ явное знаменованіе гнѣва Божія—то у насъ непрестающее бѣдствіе голода, то, наконецъ, грядущая холера. Отовсюду тревожные слухи и вѣсти... Опомнись, опомнись, русскій человѣкъ! Милость Божія зоветъ тебя къ покаянію и исправленію тяжкими ударами судьбы. Молись молитвой покаянія: Господи, помилуй!

Крестъ говоритъ намъ о томъ, какъ тяжело карается грѣхъ человѣка: мы видимъ, что даже добровольно воспринятый грѣхъ довелъ Сына Божія до страшно-мучительной смерти. Но Крестъ говоритъ и о прощеніи грѣха, о милости Божіей. Погибъ раз-

бойникъ злобный, нераскаянный, но спасенъ и райскихъ селеній удостоенъ покаявшійся. Погибъ Иуда, но вновь принять въ апостольскій ликъ Петръ отрехшійся.

Братіе! Крестъ нашъ духовный—въ болотной тинѣ грѣха; глубоко онъ подъ землей, покрытый корою и толщею нашихъ грѣховъ, пороковъ, страстей и сердечнаго безчувствія. Крестъ нашъ—въ плѣну у врага нашего спасенія—дѣвола. Поднимемъ его въ душахъ въ красотѣ святости! Возвратимъ его изволеніемъ и добрымъ житіемъ къ себѣ въ души, возьмемъ его изъ плѣна грѣховнаго! Еще не до конца мы погибли. Еще терпите Господь! Еще есть надежда спасенія. Еще есть время покаянія. Еще зоветъ насъ къ себѣ Богъ Милосердный и наказаніями и долготерпѣніемъ...

Господи, помилуй! Господи, помилуй! Аминь.

Духовный голодь народа.*

Дадите имъ вы ясти... (Лук. IX, 13).

Умъ и чувство вѣрующаго христіанина обыкли въ вопросахъ важныхъ всегда искать отвѣта и руководства въ священномъ словѣ Божественнаго Откровенія. Умъ и чувство православнаго христіанина обыкли и самымъ словомъ Божиимъ пользоваться не иначе, какъ по руководству святой Церкви,—даже и въ распредѣленіи чтеній изъ Божественнаго Писанія по днямъ года. И какъ часто, почти всегда, въ такомъ, повидимому случайномъ, распредѣленіи пытливая совѣсть находитъ тотъ именно совѣтъ, то именно указаніе, тотъ урокъ, который въ данное время особенно нуженъ и полезенъ. Примѣръ этого являетъ намъ Самъ Христосъ Спаситель; Онъ во дняхъ плоти, посѣтивъ родной Назаретъ, „вниде по обычаю своему въ день субботній въ синагогу, и воста чести“. Вотъ,

* Слово въ недѣлю 8-ю по Пятидесятницѣ, по случаю открытія Нижегородскаго съѣзда православныхъ миссіонеровъ.

взоры всѣхъ устремились на Него, вотъ, всѣ ожидали отъ Него слова особеннаго и предмета бесѣды необычнаго, рѣчи заранѣе особо приготовленной и обдуманной, именно ради родного города,—послѣ всѣхъ тѣхъ чудесъ, которыя Онъ совершилъ въ другихъ городахъ, послѣ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ слуховъ, которые доходили о Немъ сюда, на мѣсто, гдѣ Онъ выросъ и воспитался, гдѣ всѣ Его знали съ дѣтства.

Что же Спаситель? Онъ взялъ книгу святой Библии но, *разгнувъ книгу*, Онъ открылъ мѣсто не нарочитое, а то самое, которое было положено для чтенія именно въ этотъ день. Онъ прочиталъ словеса Исаи-пророка о будущемъ Мессии, объ Его времени, объ Его ученіи „и начатъ глаголати къ нимъ: яко днесь сбывается писаніе сіе во ушию вашею“... (Лук. IV, 16—22).

Разгнувъ книгу словесъ Господнихъ, которыя сегодня предложены намъ въ апостольскомъ и евангельскомъ чтеніяхъ за литургіей, и мы съ полнымъ правомъ можемъ повторить о многомъ, что тамъ сказано: „яко днесь сбывается писаніе сіе во ушию нашею“. Слышимъ апостола: „Умоляю васъ, братіе, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, чтобы вы говорили всѣ одно, да не будутъ въ васъ распри и раздоры, да будете утверждены въ одномъ духѣ, въ однѣхъ мысляхъ. Извѣстился я о васъ, братіе мои, что между вами есть споры. У васъ говорятъ: „я Павловъ“, „я Аполлосовъ“, „я Кифинъ“, „я Христовъ“. Развѣ раздѣлился Христось? Развѣ Павелъ распятъ за васъ? Или во имя Павлово вы крестились?“ (1 Кор. I, 10—13).

Такъ писалъ съ глубокою скорбію святой апостоль,—и развѣ не видимъ мы, что днесь сбывается и сіе писаніе во очію нашею? Снова приходится повторять скорбныя слова древняго благочестиваго и тайнашаго нашего царя Алексея Михайловича, которыми онъ открывалъ въ Москвѣ извѣстный Соборъ 1666—7 года: „Небесный Домувладыка засѣялъ плодovitую ниву земли русской пшеницею чистаго благочестія, но когда мы, приставленные къ народу вожди и пастыри, спали, пришелъ врагъ-дьяволъ и посѣялъ плевелы посреди пшеницы“,—плевелы расколовъ, сектъ и лжеученій.

На нашихъ глазахъ эти распри и раздоры пошли гораздо глубже и шире и охватили весь нашъ народъ. Раздѣлились

мы въ единомъ царствѣ на политическія партіи, ожесточенно воюющія другъ противъ друга словомъ и дѣломъ, сѣющія братоненавидѣніе, ложь, клевету, взаимныя преслѣдованія, какъ средство борьбы. Но что еще хуже и опаснѣе,—раздѣлились мы въ нравственныхъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, перестали одинаково признавать то или другое дѣяніе добрымъ или злымъ. Явились люди, о которыхъ выразительное слово апостола говоритъ: *имъ же похвала въ стыдъ ихъ*, то-есть они хвалятся тѣмъ, что постыдно. Воззрѣнія на содержаніе, требованія и значеніе долга, на патріотизмъ, на служеніе отечеству, на повиновеніе власти: взглядъ на смиреніе, кроткость миролюбіе, на осужденіе убійства, воровства и насилія,—развѣ по всѣмъ этимъ кореннымъ вопросамъ нравственной жизни у всѣхъ одинаковыя мнѣнія? Развѣ мало людей, которые, бросая бомбами, расправляясь револьверными выстрѣлами съ политическими противниками, проповѣдуя насиліе, считаютъ себя, однако, не преступниками, а героями и передовыми борцами народа,—этого мало,—оправдываютъ свои поступки религіозными соображеніями? Развѣ мало людей, которые, если не по-творствуя, то изъ трусости не противодѣйствуя преступности и преступникамъ, считаютъ себя не предателями и измѣнниками, а благородными и гуманными пособниками „освободительнаго“ движенія? Точно вчера и для нашего времени написано слово древняго пророка: „Нѣтъ ни истины, ни милосердія, ни Богопознанія на землѣ; клятва и обманъ, убійство и воровство, и прелюбодѣянiе крайне распространились, и кровопролитіе слѣдуетъ за кровопролитіемъ“ (Ос. IV, 1—2). Но эта мрачная картина у всѣхъ ли вызываетъ ужасъ и отвращеніе? Не слышимъ ли радость у многихъ при видѣ этихъ преступленій? Не слышимъ ли, что это все—признакъ „сознательности“ гражданъ? Не называютъ ли всѣ эти ужасы проявленіемъ „свободы“? Не видимъ ли, какъ газеты, наиболѣе распространенныя, поддерживаемыя, значить, общественными деньгами и сочувствіемъ, привѣтствуютъ „сознательныхъ“ убійцъ, укрываютъ ихъ, пальцами указываютъ, кого еще нужно убить, во славу революціи и мнимой свободы? Не прославляютъ ли газеты понесшихъ законную кару преступниковъ, бун-

товщиковъ и всякихъ злодѣевъ, какъ выдающихся людей и героевъ?

И посреди этихъ распрей и раздоровъ, посреди этой разногласицы мнѣній и возрѣній стоитъ сбитый съ толку, жившій доселѣ только темными преданіями вѣры, нашъ простой русскій народъ, бѣдный и непросвѣщенный,—легкая, какъ оказалось, къ сожалѣнію, легкая добыча всякаго зловреднаго агитатора, всякаго властолюбца и корыстолюбца, который пожелаетъ обратить его въ орудіе для достиженія своихъ гнусныхъ цѣлей.

Не встаетъ ли въ душѣ невольно картина, изображенная въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи: Спаситель въ мѣстѣ пустынномъ; вокругъ Него множество людей, пришедшихъ послушать Его ученіе; время позднее... Апостолы просятъ Спасителя отпустить голодный народъ, чтобъ онъ могъ купить себѣ хлѣба. „Вы дайте имъ ѣсть“,—отвѣчаетъ имъ Господь,—и затѣмъ чудесно насыщаетъ пятыю хлѣбами пять тысячъ человѣкъ.

Знаемъ мы картины голода. Знаемъ жгучую боль, жгучій стыдъ, тяжкое сознаніе какой-то лежащей на всѣхъ вины въ томъ, что въ странѣ, гдѣ могло бы безбѣдно жить гораздо большее населеніе, люди голодны отъ неумѣнья обращаться съ богатою и прекрасною почвой. Знаемъ, какъ больно бываетъ, когда и тучный и обильный урожай не спасаетъ отъ голода, когда его нельзя снять или вслѣдствіе непрерывныхъ дождей, или по причинѣ нападенія враговъ и грабителей...

Давно пророкъ изображалъ времена, когда не голодъ хлѣба, а голодъ слышанія слова Божія и вѣдѣнія воли Господней охватить души людскія. Примѣните сказанное сейчасъ къ нашему народу. Развѣ, въ духовномъ отношеніи, онъ—не богатѣйшая почва? Развѣ не могъ онъ процвѣсти всѣми дарами Духа? Развѣ не одаренъ онъ чуткою, пытливою совѣстью? Развѣ не ищетъ онъ Христа? Развѣ не идетъ онъ къ Нему въ чаяніи спасенія? Развѣ не изобразилъ онъ въ трогательной и единственной въ исторіи сказаній народныхъ легендѣ, какъ „всю тебя, земля родная, съ ношей крестной Царь вселенной исходилъ, благословляя“? Развѣ не наполняетъ онъ

святыя храмы, обители, мѣста богомоленія? Развѣ не ищеть онъ святыни у святыхъ, чтобъ у подвижниковъ, у молитвенниковъ, у праведниковъ найти отвѣтъ на тревожные запросы души и узнать путь правой жизни? Развѣ на исповѣдь онъ не несетъ свою душу? Развѣ не поражаетъ онъ насъ своею духовною пытливостью?

И на такой богатѣйшей почвѣ—духовный голодъ!! Глубокое религіозное невѣжество породило дикія секты. То же невѣжество не дало народу силы и умѣнья противостоятъ натиску злобныхъ хулителей вѣры и Церкви и собственной его государственности. Душу народную обокрали непризванные учителя, пророки Вааловы и Астартины, пророки жадности и распущенности. Хлѣбомъ земнымъ, обѣщаніемъ земныхъ выгодъ, раздѣла чужого достоянія, равенства въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и жилищѣ,—вотъ чѣмъ обольщаетъ народъ нашъ социалистическая пропаганда. И народъ, создавшій христіанское міровоззрѣніе, давшій тысячи подвижниковъ и праведныхъ; народъ-богоносець, удивлявшій своихъ и иностранныхъ наблюдателей высотой своего христіанскаго настроенія; народъ, всегда признававшій, что „праведниками міръ стоитъ“,—этотъ народъ сталъ громить и жечь чужое добро, сталъ разорять собственную государственность, сталъ по мѣстамъ впадать въ какое-то религіозное и нравственное одичаніе и самый страшный, особенный, чисто-мужицкій, нигилизмъ, сталъ склонять слухъ къ современному сатанинскому ученію, что нѣтъ святости и нравственности, что нравственное и выгодное—одно и то же...

Мы пережили и видѣли въ послѣдніе годы это страшное опустошеніе въ душѣ народной. Мы видѣли и познали на горькомъ опытѣ, какъ надо утверждать и закрѣплять въ его сознаніи то, что хранилось и хранится, какъ смутное религіозное чувство и неясное преданіе,—какъ непрочны бывають религіозныя навыки и нравственныя воззрѣнія бессознательныя, и какъ легко они колеблются вѣтромъ лжеученія.

Проходить и пройдетъ этотъ угаръ. Снова и снова запроситъ народная душа духовнаго хлѣба. Снова и снова пойдетъ она ко Христу, въ чаяніи насыщенія.

О, дайте вы имъ ясти,—вы, приставники къ Божьему достоянію. Какъ дождь на землю сухую и жаждущую, дайте ему слово Господне, дайте ему благодать Христову: пусть, по слову пророка, онъ разспроситъ насъ о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и пойдетъ по нему, и найдетъ покой душѣ своей (Іерем. VI, 16).

Мы отъ всей души привѣтствуемъ нашъ сѣздъ ревнителей вѣры и Церкви, дѣятелей на нивѣ Христовой, эту духовную дружину храбую, что должна стоять впереди, защищая вѣрныхъ сыновъ Церкви отъ нападенія враговъ. Пусть растеть, и ширится, и крѣпнетъ сознаніе необходимости исходить дѣятелямъ церковнымъ со словомъ созидающимъ, учительнымъ, со словомъ поражающимъ невѣріе и неправовѣріе. Можетъ-быть, никогда наша Церковь не была въ такомъ опасномъ положеніи, въ такой необходимости напряженія всѣхъ своихъ духовныхъ силъ, какъ въ переживаемое время. Посмотрите на нивы, какъ готовы онѣ къ жатвѣ! Наступаетъ время, и настало уже, когда усталыя и измученныя на распутіяхъ міра души придуть къ намъ, чтобы мы ввели ихъ на тучную пажить Христову. Что, если на ихъ мольбу мы отвѣтимъ молчаніемъ? Что, если вмѣсто хлѣба онѣ получатъ камень? Если онѣ не получатъ отъ насъ здоровой и доброй пищи, онѣ въ отчаяніи замѣнятъ ее гнилью и поддѣлкой подъ истину, которую предлагаютъ различныя секты и политическіе агитаторы. И опять раздираться будетъ Церковь, и опять раздѣленія, распри и раздоры, и опять будетъ раздѣляться Христось. „Дайте вы имъ ясти“,—вотъ кличь, обращенный къ намъ. Да будемъ мы къ нему готовы, да будемъ мы его достойны. Да устрашимся отвѣта и отчета объ управленіи домовнѣмъ.

Таковъ урокъ намъ, работникамъ въ виноградникѣ Божіемъ. И вамъ, добрые міряне, добрый виноградъ Божій, вынѣ уроки и слышимы, и понятны. Ищите Христа и за Нимъ идите. Онъ и мѣсто пустынное обратитъ въ домъ хлѣба и изобилія. Онъ, духовно питая васъ, дастъ вамъ изобиліе и хлѣба тѣлеснаго. Не соблазняйтесь лжеученіями, которыя общають вамъ горы золота и всѣ земныя блага. Умирающій

отъ жажды въ пустынь путникъ издали увидѣль полный мѣхъ, въ которомъ обычно въ жаркихъ странахъ держать и возять воду. Онъ бросился къ нему въ надеждѣ утолить мучительную жажду. И вотъ, онъ увидѣль, что мѣхъ наполненъ не водою, а... золотомъ. Со стономъ и проклятиемъ отбросилъ отъ себя умирающій этотъ драгоцѣнный, но ему ненужный металлъ. Это—образъ того хлѣба, который предлагаютъ и общають народу лжеучители взамѣнъ вѣры и ея утѣшеній. При духовномъ голодѣ этотъ хлѣбъ принесеть только разочарованіе, проклятіе и смерть.

Насыщеніе пятью хлѣбами пяти тысячъ человекъ—вотъ образъ той пищи, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую даетъ намъ Христось.

Вкусившій хлѣба этого не взлечетъ во вѣки! Аминь.

Союзъ съ Богомъ.*

Въ словѣ церковно-богослужебномъ, въ наставленіяхъ святыхъ отцовъ и учителей, жизнь человѣческая часто сравнивается съ моремъ.

Вотъ, по морю плыветъ корабль; со всѣхъ сторонъ грозятъ ему опасности. Его ожидаютъ бури; ему грозятъ подводныя скалы и камни, его подстерегаютъ морскіе разбойники; въ кораблѣ, наконецъ, можетъ оказаться течь... Нужно постоянное вниманіе со стороны кормчаго и распорядителей корабля, постоянная вдумчивость, осторожность, находчивость и терпѣніе; нужно постоянно все предвидѣть и заранѣе принять мѣры противъ грозящей опасности. Но кто можетъ поручиться за море? Сегодня мирное, завтра оно грозно вздымаетъ свои пѣнящіяся волны; по виду гладкое и спокойное, предательски привлекательное, оно подъ обманчивою зеркаль-

* Сказано въ Нижегородскомъ ярмарочномъ соборѣ 12 августа 1907 года, во время миссіонерскаго съѣзда.

ною гладью можетъ таить подводные камни и мели. И кормчій можетъ устать, и корабельщики могутъ изнемочь, заснуть, ослабѣть; они, наконецъ, по человѣческой немощи не все могутъ предусмотрѣть, не со всякою бѣдою справиться. Одна надежда окрыляетъ путниковъ: впереди тихая пристань; не вѣкъ продолжится плаваніе, придетъ время, и они выйдутъ на твердую землю къ безопасному существованію.

И жизнь—море... По этому житейскому морю плыветъ корабль человѣческой жизни среди множества всякихъ опасностей. Мы всё—путники. Знаемъ мы эти опасности житейскаго плаванія. Горести, скорби, лишенія всякаго рода, соблазны, болѣзни, напасти ближнихъ, уныніе, слабости, паденія,—все это горькимъ опытомъ извѣдано каждымъ изъ насъ. И у насъ, если мы не безбожны, надежда одна: впереди, по скончаніи жизни, чаемъ и мы тихой, вѣчной пристани, вѣчной жизни въ Богѣ и съ Богомъ.

Но бываютъ времена, когда эти бури захватываютъ море на огромномъ пространствѣ; къ бурѣ на морѣ присоединяется землетрясеніе: вся водная стихія тогда заколеблется. Тогда вся жизнь замутится, поколеблется въ самыхъ своихъ основахъ; тогда все измѣняетъ свое мѣсто, тогда нигдѣ не видно спокойнаго уголка. Власть надъ кораблемъ потеряна; уныніе и растерянность охватываютъ кормчаго и корабельщиковъ. И кажется, несетъ нашъ корабль, по волѣ бурь и волнъ, мимо пристаней, на камни, на мель, на прибрежныя скалы. Гибель его близится съ каждой минутой.

Все это приходитъ невольно на мысль при слушаніи и чтеніи евангелія нынѣшняго воскреснаго дня. Оно повѣствуетъ о великомъ чудѣ Господа Иисуса—объ укрощеніи Имъ бури на морѣ Галилейскомъ. Апостолы плыли одни, безъ Иисуса Христа. Была буря; грозила всѣмъ неминуемая гибель. Но вотъ, Самъ Господь пришелъ къ нимъ по водамъ, вошелъ къ нимъ въ корабль, и буря утихла. Вспоминается другая подобная же евангельская картина. Опять въ корабль плыли апостолы и Христосъ съ ними. Уже корабль погибалъ; уже апостолы потеряли всякую надежду спасенія; уже испробованы были всѣ силы человѣческаго опыта и умѣнья; эти силы, этотъ

опытъ, хотя апостолы рыбаки всю жизнь провели на морѣ, оказались слабыми и ничтожными предъ страшнымъ противнымъ вѣтромъ и не спасали отъ гибели. А Спаситель въ это время, показуя человѣческое, мирно почивалъ на кормѣ корабля, мирно почивалъ сномъ святости, труда и усталости послѣ цѣлодневнаго подвига учительства.

Къ Нему и обратились ученики, обуреваемые въ морѣ. И Онъ возсталъ спокойный, величавый и исполненный невидимой Божественной силы. Онъ, только что предъ симъ являвшій видъ человѣческаго изнеможенія отъ труда, являетъ теперь силу Божества. Онъ сказалъ морю: „утихни“, и волненію: „перестань“,—и все утихло, и наступила великая тишина. Корабль скоро присталъ къ берегу, къ тихой и безопасной пристани.

Посмотрите теперь, братіе, на то житейское море, которое насъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и представляется нашему наблюдающему взору на необозримомъ пространствѣ. Какъ оно все охвачено свирѣпою бурей! Какое жестокое кругомъ волненіе! Сколько страшныхъ опасностей нашему кораблю! Не только буря, но и землетрясеніе; не только буря, но и тьма кругомъ; не только опасности въ морѣ житейскомъ, но и въ насъ самихъ и слабость, и неумѣнье, и растерянность, и уныніе, и затемнѣніе совѣсти. Нужно ли рисовать предъ вами эту тяжелую картину смуты и разрушенія жизни? Она всѣмъ ясна, она у всѣхъ на виду, она истерзала намъ сердца. Нужно ли называть и перечислять преступленія, убійства, воровство, нападенія, нарушенія всякихъ обязательствъ, общую злобу и ненависть, раздѣленіе членовъ единаго царства и народа на враждующія партіи, неуваженіе къ чужой личности, къ чужому добру, къ чужому честному имени? Нужно ли говорить долго о томъ, что все это возбуждаетъ страшную тревогу за будущее нашего народа, что всѣ мы, естественно, заняты гнетущими вопросами: что же намъ дѣлать? къ какой снѣжкѣ обратиться за помощью? какія мѣры принять для спасенія отъ гибели? гдѣ орудія и способы для благоустроенія жизни людей, столь нынѣ бурной и столь замутившейся?

Христіанинъ, помни нынѣшнюю евангѣльскую повѣсть. Вѣра, и только она одна даетъ отвѣты на поставленные сейчасъ вопросы. Вѣра говоритъ намъ, что силы человѣческія слабы, что безъ силы высшей и божественной спасеніе невозможно. Вѣра говоритъ намъ, что нужно плыть по морю житейскому на корабль надежномъ и прочномъ, которому не страшны бури, подводные камни и мели, который не развалится, не измѣнится въ годину испытаній. Корабль этотъ—Церковь Христова. Ей обѣщано Господомъ, ея Основателемъ, что не только никакія земныя силы, но и силы и врата адавы не одолѣютъ ея. Вѣра говоритъ намъ, что на корабль нашемъ намъ нужно имѣть надежнаго Кормчаго, облеченнаго неземною силою.

Этотъ Кормчій—Глава Церкви и Начальникъ нашего спасенія Господь Іисусъ Христосъ.

Знаемъ, что людямъ вѣка сего голосъ вѣры или не слышенъ, или не убѣдителенъ. Знаемъ, что они съ сомнѣніемъ и пасмѣшками отвѣчаютъ на него полнымъ отрицаніемъ всякой силы за христіанствомъ. Христіанство,—слышимъ мы отъ нихъ,—своимъ ученіемъ о недостаточности человѣческихъ силъ ослабляетъ человѣчество, а по существу отжило свое время, оно уже не можетъ отвѣтить на всѣ современные жизненные вопросы, оно бессильно ихъ разрѣшить и удовлетворить; оно будто бы уже не можетъ управлять осложнившееся жизнью, оно годно было для младенческаго состоянія общества... Христіанство,—увѣряютъ насъ современные мудрецы,—должно быть теперь замѣнено другою силою, надежною и для будущаго,—силою разума, развившагося въ человѣкѣ настолько, что онъ даетъ возможность людямъ обойтись безъ высшей помощи, провести благополучно корабль жизни по житейскому морю безъ всякаго страха предъ опасностями, устроить рай на землѣ, доставить постоянное и прочное счастье людямъ.

Такъ говорятъ горделивые мудрецы, поклонники разума и силы человѣческой. Такъ говорили они всегда, и апостольское чтеніе нынѣшняго дня не напрасно замѣчаетъ о такой мудрости, что она есть безуміе предъ Богомъ (1 Кор. гл. III).

Безумные и слѣпые, они не замѣчаютъ, въ какое они впадаютъ глубокое противорѣчiе. И прежде всего, они безмолвны предъ человѣческими страстями и пороками, которыхъ они остановить не могутъ своимъ прославленнымъ разумомъ и которые отравятъ всякую жизнь: они безмолвны и предъ болѣзнию и смертию, отъ которыхъ они не въ силахъ избавить человѣчество и которые остаются неопровержимыми свидѣтелями человѣческой немощи. Но этого мало. Если силы разума доселѣ развивались непрерывно, если въ нихъ вся опора и надежда человѣческой жизни и счастья, то какимъ же образомъ люди, при возрастающихъ успѣхахъ разума, дошли до теперешняго столь печальнаго положенiя? Вѣдь они отходили отъ силы вѣры, они измѣняли Богу, но не измѣняли гордымъ мнимой науки, были вѣрны высокому развитiю человѣческаго ума, которому кланялись, какъ идолу! А плоды налицо: общее паденiе нравовъ, общее озвѣрѣнiе, общая преступность, приниженiе жизни человѣческой до скотской и общее унынiе!

Нѣтъ, не уйти человѣку отъ Бога и отъ влеченiя къ Нему, какъ не уйти ему отъ себя самого! И не остановить человѣку силы Божiей, какъ не остановить теченiя времени или вращенiя земли хотя бы на одинъ мигъ. Когда о Спасителѣ молчали или говорили только зло мудрые книжники и фарисеи, учителя народа,—о Немъ благовѣствовали прозрѣвшiе слѣпцы, заговорившiе глухонѣмые... Они прославляли имя Христово и привлекали къ Нему сердца. Злоба, ропотъ и невѣрiе хулителей не остановили роста христіанства.

Не остановятъ его и теперешнiе хулители. Чѣмъ тяжелѣе будетъ жизнь, чѣмъ глубже и глубже мы будемъ впадать въ бездну несчастiй, тѣмъ ближе и глубже къ намъ будетъ подходить сознанiе, что только во Христѣ Иисусѣ, только въ Его евангелии, въ Его ученiи, въ Его Церкви можетъ прозрѣть человѣческой разумъ къ вѣчному и спасительному свѣту, можетъ исцѣлиться и облечься въ силу всякая человѣческая немощь, только во Христѣ можетъ властно и рѣшительно проглаголатъ человѣческая совѣсть. Апостоль нынѣ на всѣ вѣка говоритъ намъ, что основанiя иного для жизни людей, достой-

ной и святой,—основанія иного никто не может положить, паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ. Только на этомъ основаніи можно строить прочно; всякое иное основаніе легко-вѣсно, какъ сѣно и солома, непрочно, какъ дерево, и все сгоритъ при испытаніи огнемъ страданій и немощей человѣческихъ...

И когда мы горькимъ опытомъ увидимъ всю слабость своихъ естественныхъ силъ и станемъ искать союза съ Божествомъ и жизни въ Богѣ, когда мы съ силою вѣры, какъ апостолы на гибнущемъ кораблѣ, возопіемъ ко Христу,—Онъ, доселѣ оставлявшій насъ, по нашему желанію, нашимъ естественнымъ силамъ, станетъ Божественнымъ Кормчимъ на обуреваемомъ кораблѣ нашей жизни посреди ужасовъ бури и смятенія моря житейскаго; Онъ скажетъ властно бурѣ: „умолкни“, и волненію: „перестань“. Тогда наступитъ та тишина, при которой мы и будемъ содѣвать спасеніе наше во всякомъ благочестіи и честности.

О, прійди скорѣе, прійди къ намъ, день прозрѣнія нашего духовнаго,—день, когда умолкнуть въ насъ невѣріе и гордость, себялюбіе, злоба и страсти и заговорить чистая христіанская совѣсть!

Прійди скорѣе къ намъ, день нашего смиренія, когда мы познаемъ тщету нашихъ силъ и возжаждемъ помощи свыше! Тогда и наши силы не ослабѣютъ, нѣтъ, онѣ возрастутъ безмѣрно, обновятся и укрѣпятся. Тогда мы построимъ всю жизнь нашу всецѣло по слову и руководству Христа Господа.

Въ тотъ день мы ощутишь въ себѣ и внѣ себя великую тишину. Пусть тогда реветъ море, пусть грозятъ волны. Корабль нашъ проченъ, а Кормчій-Христосъ—силень утишитъ всякую бурю! Аминь.

Причина невѣрія—грѣховная жизнь.*

Когда человекъ заболѣеть, и болѣзнь начинаетъ причинять ему невыносимыя страданія, онъ начинаетъ искать не временно-облегчающихъ боли и страданія средствъ, а самый корень, самую причину болѣзни, чтобъ ее устранить и тѣмъ уничтожить болѣзнь совершенно. Когда начинается губительная зараза и охватываетъ цѣлую страну, разумные люди совѣтуютъ не довольствоваться лѣченіемъ только отдѣльныхъ людей, но уничтожать самые очаги заразы,—гнилыя и нездоровыя мѣста, гнилыя и зловонныя ямы, гнилые и вредные источники воды или пищевые продукты.

Въ области духовной жизни людей повторяется нѣчто подобное. Бываютъ времена, когда людей охватываетъ какая-то зараза—нравственное расслабленіе и паденіе вѣры. А гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ жизни; гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и не можетъ быть никакой дѣятельности. Гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ уныніе и отчаяніе, тамъ застой, тамъ, какъ въ гнилой, стоячей водѣ, вмѣсто жизни вѣетъ смертью,—тамъ плѣсень, гниль, зловоніе, т.-е. пороки, преступленія, злоба, ненависть и всякая нравственная мерзость. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что таково именно переживаемое нами время, время упадка вѣры, время проповѣди всякихъ разрушительныхъ ученій, время печальное и страшное, когда господствуетъ себялюбіе, когда распространяются убійства, грабежи, взаимная непріязнь, когда жить становится такъ трудно, подчасъ невыносимо.

Евангельское чтеніе нынѣшняго воскреснаго дня даетъ намъ яркое изображеніе того, что даетъ человекъ вѣра, и что приноситъ ему невѣріе. Къ Иисусу Христу подошелъ нѣкоторый человекъ и, преклоня предъ Нимъ колѣни, просилъ и молилъ объ исцѣленіи его бѣсноватаго больного сына. „Я приво-
водилъ его“,—сказалъ несчастный отецъ,—„къ ученикамъ Тво-

* Къ недѣлѣ 10-й по Пятидесятницѣ.

имъ, и они не могли исцѣлить его". Господь испыталъ вѣру несчастнаго отца и сказалъ ему: если можешь вѣровать, то— „все возможно вѣрующему". „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію",—такъ воскликнулъ несчастный, и тотчасъ же увидѣлъ и плоды вѣры: Спаситель исцѣлилъ сына его. Послѣ ученики приступили къ Иисусу наединѣ и спросили: „почему мы не могли исцѣлить больного?" Иисусъ же сказалъ имъ: „по невѣрію вашему; ибо истинно говорю вамъ, если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда,—и она перейдетъ, и ничего не будетъ невозможнаго для васъ. Сей же родъ, т.-е. бѣсовскій, изгоняется только молитвою и постомъ".

Такъ, если бѣсы и темныя силы нынѣ захватили всю жизнь людей, то изгнать ихъ только вѣра, только молитва и постъ, эти сильнѣйшія средства къ приобрѣтенію вѣры и вмѣстѣ— ея плоды и послѣдствія. Не удивляйтесь этому сочетанію: дѣйствительно, для полученія вѣры нужна молитва, а для молитвы, въ свою очередь, нужна вѣра. Таково вѣчное чудо человѣческаго духа, и это чудо воочію совершается надъ каждымъ изъ насъ, совершается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ обществахъ людей.

Нужно уничтожить невѣріе, эту тяжкую болѣзнь духа, и возродить вѣру, эту вѣчную спасительную силу. Что же нужно сдѣлать для этого?

Чтобы знать лѣкарство отъ болѣзни, надобно опредѣлить самый корень болѣзни, ея основную причину. Въ чемъ же причина невѣрія?

Здѣсь опять мы стоимъ предъ тѣмъ же духовнымъ чудомъ. Знаемъ, что отъ невѣрія родится грѣхъ и всякая духовная нечистота. Но вмѣстѣ знаемъ, что именно грѣхъ и нечистота, въ свою очередь, сами порождаютъ невѣріе. Неправда, что невѣріе происходитъ отъ высокой учености, ибо истинная ученость только укрѣпляетъ вѣру, а не ослабляетъ ее, тѣмъ болѣе ея не уничтожаетъ. Мы знаемъ много людей высокоученыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не только вѣрующихъ, но и прославленныхъ святыхъ и усердныхъ служителей Церкви Божіей. Къ невѣрію приводитъ полузнаніе, горделивое невѣжество, ко-

торое почитаетъ себя за ученость, такъ что отъ гордости, а не отъ учености приходятъ къ невѣрiю. Далѣе, неправда, что невѣрiе происходитъ отъ бѣдствiй, страданiй и лишенiй жизни, отъ людской несправедливости, ибо испытанiя жизни скорѣе укрѣпляютъ вѣру, а не ослабляютъ ее. людская же несправедливость, разочарованiе въ людяхъ заставляютъ еще болѣе искать утѣшенiя въ Богѣ и ожидать иной земли, новой и совершенной, неваго неба, гдѣ, по обѣтованiю Божию, по ученiю Откровенiя, живетъ вѣчная правда. Мы знаемъ много людей, жизнь которыхъ была исполнена величайшихъ бѣдствiй, и вмѣстѣ съ тѣмъ горѣла яркимъ огнемъ вѣры; вѣра ихъ очищалась, какъ золото въ горнилѣ, укрѣплялась, какъ желѣзо на огнѣ; какъ удары молотильщика отдѣляютъ хлѣбъ отъ соломы, такъ несчастья въ такихъ людяхъ отдѣляли въ ихъ душѣ все цѣнное, высокое, святое, и отбрасывали все ненужное, все малоцѣнное въ очахъ Божiихъ. Только людей злыхъ несчастья могутъ приводить къ богохульству и невѣрiю, такъ что здѣсь дѣйствуетъ злоба, а не страданiя жизни.

Причина невѣрiя—въ обоихъ случаяхъ то гордость, то злоба, т. е. грѣхъ. Сначала грѣхъ входитъ въ душу и оскверняетъ ее; потомъ въ отвѣтъ на упреки совѣсти онъ внушаетъ человѣку мысль самооправданiя; воспламеняя нечистое желанiе, грѣхъ заставляетъ человѣка гнать всякiя препятствiя къ исполненiю желанiй. Препятствiя же—въ религiи и совѣсти. Нужно устранить то и другое,—и человѣку представляется, что онъ свободенъ, что путь къ наслажденiю ему открытъ. А желанiе все разгорается; грѣхъ издали представляется заманчивымъ; чѣмъ болѣе препятствiй, тѣмъ больше возгорается страсть, похоть, нечистое пожеланiе. И вотъ, человѣкъ внушаетъ себѣ мысль, что грѣха нѣтъ, что все дозволено, что религiя ошибается, что совѣсть говоритъ неправду.

Не такъ ли согрѣшили первые люди въ рай? Не повторяется ли эта исторiя съ каждымъ изъ насъ? Не такъ ли сребролюбiе постепенно плѣняло душу Иуды и толкало его на предательство?

Но вотъ грѣхъ совершенъ. Онъ обманулъ человѣка: онъ

вовсе не далъ ему никакого наслажденія; послѣ него осталась въ душѣ какая-то неудовлетворенность, какая-то тяжесть.

И самая большая тяжесть—въ упрекъ и голосъ совѣсти. Отъ нея не уйдешь, не спрячешься. Она мучить душу, она указываетъ на отвѣтственность передъ Богомъ: судъ, стыдъ, адъ, наказаніе... И опять человѣкъ, чтобы оправдаться, чтобы облегчить себя, успокоиться,—начинаетъ увѣрять себя: и Бога нѣтъ, и совѣсти нѣтъ, и суда не будетъ, и вѣчной жизни, ада и рая нѣтъ... Это уже состояніе отчаянія и безуміе, о которомъ древній пророкъ-псалмопѣвецъ говоритъ: „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“...

Если уже все общество состоитъ изъ такихъ безумцевъ, или если эти безумцы не находятъ отпора въ людяхъ благо-разумныхъ и вѣрныхъ Богу и Его закону,—то что же удивительнаго, если вся жизнь кругомъ наполняется преступленіями и обращается въ тотъ невыносимый адъ на землѣ и при жизни, котораго не хотятъ признать безумные невѣры по смерти?

Побольше молитвы, побольше благочестія, побольше христіанскихъ добродѣтелей, побольше духа въ жизни,—и тогда ослабѣетъ невѣріе, этотъ бѣсъ нѣмой и глухой, этотъ бѣсъ тьмы и всякаго нечестія. Вѣра способна переставлять горы. По слову Христову, съ нею ничего не будетъ для насъ невозможнаго. Аминь.

Миръ всѣмъ!*

Кажется, трудно найти другое время, въ которое такъ умѣстно и такъ необходимо было бы напомнить людямъ евангельскую притчу о царѣ и должникѣ,—трудно найти другое такое время, какъ нынѣ переживаемое.

Голосъ евангелія и нравоученія притчи представляются

* Сказано въ церкви Московскаго Епархіальнаго дома по случаю съѣзда патріотовъ Московской губерніи, 26 августа 1907 года. За литург. читалась притча Спасителя о милосердномъ царѣ и жестокомъ должникѣ.

столь далеки от наблюдаемаго теченія и облика жизни, что самая притча Спасителя, несмотря на то, что мы знаемъ и слышимъ ее съ дѣтства, нынѣ кажется чѣмъ-то новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, инымъ духомъ, давно какъ-будто бы отжившимъ, иными образами, какъ-будто бы совершенно невозможными въ наши дни, иными чувствами, взглядами и стремленіями, и иными отношеніями къ людямъ вѣсть отъ этой евангельской притчи, простой, доступной даже ребенку, но полной глубочайшей премудрости и вѣчной назидательности.

Она взята изъ жизни древняго Востока.

Царь захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими. И вотъ, къ нему привели должника, который былъ долженъ ему „тѣмъо талантовъ“, то-есть десять тысячъ талантовъ, на наши деньги—двадцать четыре милліона рублей. Намѣренно въ притчѣ указана такая огромная сумма, чтобы показать, что долгъ завѣдомо былъ неоплатный. Такъ какъ рабу нечѣмъ было отдать, то царь, по жестокому праву древности, повелѣлъ продать должника, жену, и дѣтей, и все имѣніе его, чтобы хоть нѣсколько восполнить долгъ. Тогда рабъ палъ къ ногамъ царя съ просьбою: „господинъ, потерпи, я все тебѣ отдамъ“. Ясно, что обѣщаніе должника было неисполнимо, и поэтому нужно было царю или привести въ исполненіе угрозу, или, не отсрочивая уплаты, прямо простить долгъ. Государь въ милосердіи своемъ избралъ послѣднее—и всѣ долги раба простилъ.

Можно себѣ представить, въ какомъ настроеніи долженъ былъ выйти отъ царя прощенный и облагодѣтельствованный должникъ. Вѣдь онъ какъ бы вторично народился на свѣтъ. Отнынѣ надъ нимъ не тяготѣетъ день и ночь мысль о долгѣ и неизбѣжной отвѣтственности; отнынѣ онъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отнынѣ онъ хозяинъ своего имущества; отнынѣ его жена и дѣти избавлены отъ вѣчной опасности быть проданными. Въ этомъ торжествѣ свободы и живѣйшей благодарной радости, въ этомъ ликованіи души, въ этомъ сознаніи полученнаго величайшаго благодѣянія, кажется, растворилась бы ледяная душа и согрѣлось бы каменное сердце. Но

не то случилось съ прощеннымъ рабомъ. Жестокость его не знала ни милости, ни жалости. Только вышелъ онъ отъ царя, какъ встрѣтилъ своего товарища, который долженъ былъ ему всего сто динарiевъ, то-есть 20 рублей на наши деньги,—сумму малую, которую онъ могъ бы скоро заплатить. Что же дѣлаетъ его займодавецъ? Онъ схватилъ должника за горло и сталъ его душить, требуя немедленной уплаты. Должникъ палъ къ его ногамъ и сталъ умолять его тѣми же словами, которыя жестокой его займодавецъ только-что говорилъ передъ царемъ: „господинъ, потерни, я все тебѣ отдамъ“.

Разница въ просьбахъ одного и другого была только въ томъ, что обѣщанiя второго должника были на сей разъ совершенно исполнимы: 20 р., конечно, онъ могъ отдать, продавши свое имѣнiе. Но жестокой займодавецъ не сталъ слушать просьбы и бросилъ должника въ темницу, пока онъ не выплатитъ всего до копѣйки. Услышавъ объ этомъ, царь сильно разгнѣвался; онъ призвалъ прощенного должника и сказалъ ему: „Злой рабъ! весь долгъ я простилъ тебѣ, потому что ты меня упросилъ. Развѣ не слѣдовало тебѣ помиловать товарища своего, какъ я тебя помиловалъ?“ И велѣлъ царь отдать его мучителямъ и бросить въ темницу, пока не отдастъ онъ всего долга.

Такъ и Отецъ Небесный,—заключилъ Иисусъ Христосъ притчу,—такъ и Отецъ Небесный поступитъ съ тѣмъ, кто не проститъ отъ всего сердца брату согрѣшенiй его.

Не правда ли, братiе, какъ, дѣйствительно, далеко наставленiе притчи отъ того, что мы теперь кругомъ себя видимъ? Что видимъ?

Прежде всего,—всеобщее озлобленiе, брань, ненависть, осужденiе, насилiе, кровь и убiйства. Судятъ всѣхъ и все тѣ, кому не дано никакого права судить. Убиваютъ, казнятъ тѣ, кому не дано никѣмъ и ни малѣйшаго права карать дѣятелей государства и общества. Злоба обращается въ какое-то особое удовольствiе. Каждый, кто мнитъ себя настолько умнымъ или, какъ теперь выражаются, „сознательнымъ“, только въ томъ и полагаетъ весь свой умъ, свою „сознательность“ и все свое достоинство, чтобы какъ можно больше вылить грязи на ближ-

няго своего, какъ можно строже судить его жизнь и дѣятельность, и не судить только, но непременно и заранѣе осудить и запятнать позоромъ,—и все это чаще всего только за то, что ближній занимаетъ высшее положеніе. При такихъ условіяхъ нынѣ ужь не царь считается съ рабами своими и судить ихъ, какъ изображено въ притчѣ евангелія, а, наоборотъ, подданные царя, самовольно перемѣнившись съ нимъ положеніями, начали теперь грозно, беспощадно, непрерывно судить и осуждать царя, правителей... Ложь, клевета, всякія выдумки,—все это пускается въ ходъ, всему дается вѣра, и всюду слышны только брань, брань и злоба...

Никто, однако, не хочетъ посмотрѣть на себя самого. Никто не хочетъ вспомнить, что если въ правителяхъ много недостатковъ, то вѣдь эти правители не съ луны упали, а вышли изъ той же среды грозныхъ судей. Если среда эта растлѣнна, то какъ она можетъ дать изъ себя добрыхъ работниковъ? Наоборотъ, если работники всегда и сплошь дурные, значить, и среда, откуда они выходятъ, никуда не годится. Тогда каковы же сами судьи?

Что же дѣлается для оздоровленія этой среды? Озлобленіе, царящее кругомъ насъ, исправляетъ ли народъ нравственно, оздоравливаетъ ли общество? Зло никогда не родитъ добра; терновникъ не даетъ винограда.

Посмотрите, какъ на нашихъ глазахъ народъ нашъ все ниже и ниже падаетъ въ нравственномъ отношеніи: это ужасающее пьянство; это паденіе семьи; развратъ открытый и наглый; эта грубость, грубость всюду—въ семьѣ, въ школѣ, въ обществѣ, на улицѣ, дѣлающая жизнь невозможною; это паденіе всякаго послушанія въ дѣтахъ къ родителямъ; это тунеядство, зависть ко всему высшему, лѣнь, нечестность, легкое отношеніе къ чужому добру, къ данному обязательству,—всего не перечтешь. Но вотъ что удивительно: объ этомъ-то паденіи нравовъ почему-то всѣ злобные судьи жизни упорно молчатъ. Другихъ мы судимъ безъ всякаго снисхожденія, и если тѣ у власти, или въ богатствѣ,—пожалуй къ отвѣту, и нѣтъ тебѣ ни капли милости. Къ себѣ же мы всѣ очень снисходительны: мы ни въ чемъ не виноваты, а если и есть въ

насъ что-либо худое, чего отрицать ужь никакъ нельзя, то виновато правительство, виноваты несовершенные законы, виновата среда, но не мы сами... Отъ другихъ мы требуемъ только и исключительно однѣхъ обязанностей, себѣ даемъ— только и исключительно одни права. Другіе, особенно у власти стоящіе, должны быть умными, предусмотрительными, должны быть честными, благородными, кроткими, любезными, внимательными, не раздражать насъ ни дѣломъ, ни словомъ, во всемъ намъ уступать. Мы же можемъ быть требовательны, грубы, можемъ всегда отнестись къ другимъ со словомъ укора, оскорбленія, обезчестить кого угодно словесно и печатно, а то и свести счеты револьверами и бомбами.

Мудрено ли, что при такомъ положеніи, при этихъ двухъ мѣрахъ добра и зла, при легкости осужденія другихъ и оправданія себя,—мудрено ли, что злоба становится нашимъ дыханіемъ, что слово всепрощенія евангельскаго для насъ все равно, что рассказъ о жаркомъ и свѣтломъ солнцѣ въ странѣ непроходимаго мрака и холода.

А было время, когда царили среди христіанъ другія отношенія. Порокъ и грѣхъ, конечно, всегда существовали, но они не обращались въ то повальное озлобленіе, которое мы теперь наблюдаемъ всюду. Вотъ примѣръ изъ жизни великаго учителя Александрійскаго Іоанна Милостиваго.

Однажды нищій, получивъ отъ него подаваніе, сталъ бранить святителя оскорбительными словами,—случай, который и нынче мы можемъ наблюдать ежедневно. Окружающіе хотѣли унять грубіяна. „Оставьте его,—сказалъ Іоаннъ.—Мнѣ ли не перенести оскорбленія отъ брата моего, когда я самъ въ продолженіи всей своей жизни, 60 лѣтъ, оскорбляю дѣлами своими Господа Іисуса Христа“.

Вотъ примѣненіе къ жизни слышанной сегодня притчи, вотъ христіанское настроеніе, до котораго намъ далеко, далеко до того, чтобы смотрѣть и слѣдить больше за собою, чѣмъ за другими, чтобы сознать и въ жизни провести, что люди—братья, ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимномъ общеніи, въ стремленіи къ благу общественному, по слову апостола, терпя

другъ друга любовію, а не наполняя всего міра злобою, осужденіемъ и враждою.

И нашъ родной русскій народъ въ христіанской душѣ выносили и выстрадали это правило евангельское. Да, русскій народъ—лучшій въ мірѣ народъ, это самородокъ алмаза. Нужно воспитать, нужно только отшлифовать этотъ самородокъ,—и въ его граняхъ засіяетъ вѣчною краскою солнце правды и любви евангельской,—и цѣны ему не будетъ. Не вѣрьте, когда говорятъ: нѣтъ людей. Не падайте духомъ, напротивъ,—духа не угашайте! Положеніе не безнадежное, но выходъ изъ него только одинъ: нравственно-религіозное развитіе общества. Думается, въ нашемъ, на примѣръ, теперешнемъ собраніи не можетъ быть мѣста для бомбометателя, онъ самъ сюда не придетъ. И вотъ, если бы все русское общество обратилось въ дѣйствительную христіанскую Церковь, если бы всѣ прониклись религіозно-нравственнымъ настроеніемъ и ученіемъ евангелія, если бы всѣ дружно и гласно осудили преступленія, убійства и насилія,—то извергамъ и злодѣямъ, которые теперь заливаютъ кровью всю Россію, не было бы въ средѣ русскаго народа мѣста.

Итакъ, станемъ всѣ выше и выше надъ всеобщимъ озлобленіемъ, станемъ не на слово гнилой брани и всеобщаго осужденія, а на бодрую работу каждый надъ собою, каждый въ томъ дѣлѣ, къ которому Богъ его приставилъ! Не въ правительствѣ, не въ окружающей средѣ, не внѣ насъ главный источникъ нестроеній. Царство Божіе внутри васъ есть... Царство нестроеній и зла—также внутри насъ... Не порядки создаютъ людей, а прежде всего и въ концѣ-концовъ люди создаютъ порядки. И здѣсь не пройдетъ мимо слово евангелія: благой человѣкъ отъ благого сокровища сердца своего износитъ благое, а лукавый отъ лукаваго сокровища сердца износитъ лукавое.

Станемъ же не въ злобѣ, а въ любви и взаимномъ прощеніи: только тогда мы создадимъ человѣческое общество, а не звѣриное житье, которое теперь, къ сожалѣнію, мы наблюдаемъ вокругъ себя.

Не быть творцомъ тому, въ комъ говорить къ прошед-

шему лишь гордое презрѣніе; великаго удѣлъ—творить и исполнять; кто разорить, тотъ малъ въ царствѣ Христовомъ!..

На злобѣ, на разрушеніи, на ненависти мы не создадимъ ни дѣла, ни жизни, а получимъ только смерть,—смерть на землѣ, въ разрушеніи жизни государственной и общественной, и смерть на небѣ, въ вѣчномъ удаленіи отъ истинной жизни, отъ Бога любви. Ибо Онъ, Богъ любви и милосердія, и есть тотъ Царь, Которому мы должны долгомъ неоплатнымъ, и если мы, по подобію евангельскаго жестокосердаго заимодавца, не отпустимъ нашимъ братьямъ отъ всего сердца согрѣшеній ихъ, если жизнь свою не наполнимъ миромъ и всепрощеніемъ и любовною работой во благо общее, то и Господь не отпуститъ намъ согрѣшеній нашихъ.

Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.

Миръ вамъ! Миръ всѣмъ! Аминь.

Трезвость.*

Мнѣ хочется сегодня остановить вниманіе православныхъ русскихъ людей, членовъ и присутствующихъ здѣсь уполномоченныхъ представителей патріотическихъ содруществъ города Москвы и всей Московской губерніи, на одномъ пунктѣ объявленнаго нашего предвыборнаго знамени (платформы). Пунктъ этотъ гласитъ, что мы, русскіе патріоты, будемъ всѣми силами стараться уменьшить и искоренить пьянство среди русскаго народа.

Заявленіе наше встрѣчено насмѣшками и недоумѣніемъ со стороны лѣвой революціонной печати. Конечно, русская революція слишкомъ хорошо использовала народное пьянство со всѣми его послѣдствіями, какъ въ области моральной,—при-

* Рѣчь на общемъ собраніи членовъ и уполномоченныхъ патріотическихъ содруществъ города Москвы и Московской губерніи 26 августа 1907 г.

тушение нравственного чувства и ослабление воли въ народѣ,— такъ и въ области экономической жизни. И понятно поэтому, что для людей, которые прямо спаивали крестьянъ, чтобы вести ихъ пьяныхъ на разгромы помѣщичьихъ имѣній, спаивали солдатъ, какъ это я видѣлъ собственными глазами, возвращаясь изъ Сибири послѣ войны вмѣстѣ съ эшелонами запасныхъ, чтобы и солдатъ революционировать, вести противъ офицеровъ и толкать, подъ видомъ „сознательности“, на разгромы вокзаловъ и паровозовъ,— для всѣхъ такихъ дѣятелей революціи, опирающихся на отбросы и подонки общества, на уличную рвань и хулигановъ, проповѣдь трезвости, конечно, слишкомъ опасна и нежелательна. Но лѣвая печать очень искусна и искусна въ томъ, чтобы истинныя низменныя свои побужденія прикрывать высокими мотивами и красивыми фразами.

На сей разъ, однако, даже и ея изобрѣтательности не удалось выдумать благовиднаго и серьезнаго возраженія противъ нашего предвыборнаго знамени, въ пунктѣ о борьбѣ съ пьянствомъ. Тѣмъ не менѣе, намъ очень полезно остановиться на высказанныхъ ею мнѣніяхъ. Это дастъ намъ самимъ возможность осмыслить болѣе глубоко и всесторонне вопросъ о трезвости, выдвинутый теперь патриотами.

„Что же это за истинно-русскіе люди, если они водки не пьютъ и еще идутъ противъ пьянства?“ Вотъ первое слово, которымъ встрѣтила лѣвая печать наши заявленія. Повидимому, такое шутовское, если не сказать больше, отношеніе къ вопросу не заслуживаетъ даже возраженія. И дѣйствительно, по существу оно таково. Но оно—знаменательное явленіе, характерный показатель своего рода, и, какъ таковое, заслуживаетъ вниманія. Въ немъ ярко прорывается, помимовольно, то глубокое презрѣніе къ русскому народу, которымъ отъ начала до конца проникнуто все наше „освободительное движеніе“. Такъ можетъ относиться къ русскому только зазнавшійся врагъ. Впрочемъ, здѣсь не одно презрѣніе, здѣсь и сознательный низменный расчетъ. Пусть пьетъ побольше русской, пусть обнищаетъ, пусть разоритъ и разобьетъ семью, пусть потеряетъ все свое душевное богатство и станетъ уличнымъ хулиганомъ: онъ

сначала будет пушечнымъ мясомъ для революціи, а затѣмъ, когда на его спинѣ выйдутъ къ власти разные „освободительныя проходимцы“, онъ, русскій человѣкъ,—вѣчный ихъ рабъ. Таковъ расчетъ.

Что сказать намъ въ отвѣтъ на это презрительное отношеніе къ русскому народу? Знаемъ, что пьянство—его тяжкій грѣхъ. Но русскій народъ—христіанскій народъ. Онъ знаетъ, что грѣхъ и что добродѣтель, и при этомъ грѣхъ онъ такъ и называетъ грѣхомъ. Въ этомъ отношеніи онъ еще не просвѣщенъ нашими прогрессивными органами печати, у которыхъ, какъ у дикаря, всегда двѣ мѣрки для оцѣнки всякаго явленія. Извѣстенъ отвѣтъ дикаря на вопросъ: что такое добро и что такое зло. „Добро, это—когда я украду у сосѣда корову, зло,—когда онъ ее у меня украдетъ“. Такова по своимъ возрѣніямъ на добро и наша прогрессивная печать. Мучать и пытаются евреи Мельникова въ Одессѣ, избиваютъ тамъ же городовыхъ,—это не заслуживаетъ даже упоминанія, это естественно и даже необходимо; но вотъ на улицахъ начинаютъ бить евреевъ въ Одессѣ,—это уже „ужасающее явленіе“.

Русскій человѣкъ зло вездѣ называетъ зломъ; такъ онъ относится и къ своему пороку. Онъ сознаетъ свою слабость къ вину—и ненавидитъ ее. Лишь только появится гдѣ-либо докторъ, священникъ, подвижникъ, который лѣчитъ или избавляетъ отъ пьянства,—его немедленно осаждаютъ тысячи посѣтителей. Съ глубокою грустью говоримъ и мы о пороки нашего народа, но безъ злорадства, безъ презрѣнія къ народу, не возводимъ его въ свойство „истинно-русскаго“ человѣка и не отчаиваемся въ будущемъ. Намъ нужно бороться съ этимъ зломъ всѣми доступными намъ силами, всею полнотою нашей энергіи; намъ нужно спасти народъ отъ гибели. Залогъ успѣха—сознаніе самимъ народомъ пагубности этого порока. Нужно только дать ему вездѣ толчокъ къ борьбѣ съ пьянствомъ и тѣ формы содружествъ, въ которыхъ бы онъ могъ успѣшнѣе осуществлять свою борьбу.

Остановимся на второмъ, болѣе важномъ, возраженіи, которымъ подарила лѣвая печать наше заявленіе о желаніи патриотическихъ содружествъ бороться съ пьянствомъ. Намъ го-

ворять: „Къ чему въ политическую программу вводить нравственныя поученія? Это не дѣло политики. Она имѣетъ въ виду только реальные интересы. Вѣрнѣ всего, патріоты ввели пунктъ о борьбѣ съ пьянствомъ только по тактическимъ предвыборнымъ соображеніямъ“. Отзывъ—очень типичный для освободительнаго движенія! „Къ чему мораль? Долой мораль, она мѣшаетъ дѣлу и вводитъ въ отношенія людей совѣзмъ ненужную и даже вредную силу—совѣсть.“ Вотъ почему печальной извѣстности г. Родичевъ, въ отвѣтъ на приглашеніе осудить терроръ и политическія убійства, изрекаетъ въ своемъ родѣ знаменитую фразу: „Дума призвана не морализировать, а законодательствовать.“ Такъ и запомнимъ.

Но люди, живущіе не по закону „тактики“, а по закону совѣсти, получающей просвѣщеніе отъ святой вѣры, думать такъ не могутъ. Радостно мы увѣрены, что въ этомъ отношеніи не съ революціонными вожаками, а съ нами заодно и русскій вѣрующій народъ. Мы полагаемъ, что законы исходятъ изъ началъ нравственныхъ и, въ свою очередь, укрѣпляютъ нравственныя начала, нравственно воспитываютъ общество, государство и народъ. И въ этомъ—самая реальная основа жизни и здоровой политики. Оттого и опасно прививать народу понятіе объ условности правды вообще, что составляетъ догматъ „освободительнаго движенія“, и что, къ сожалѣнію, дѣлаетъ иногда и власть предержажая, разрѣшая, напимѣръ, въ вопросѣ о бракѣ, разводѣ, о печати или питейномъ уставѣ,—разрѣшая сегодня то, что вчера считалось грѣхомъ и преступленіемъ.

Противъ такого неправильнаго взгляда на законъ и правду мы всегда будемъ бороться всѣми силами разума и слова. Оттого, далѣе, законы государственные, чтобы быть прочными, и внѣшне и внутренне авторитетными, должны опираться на законъ вѣчный, а таковъ законъ Божій, откровенный. И если „питейный“ законъ идетъ противъ закона Божія, онъ долженъ быть отмѣненъ.

Далѣе. Мы—непримиримые враги всякихъ „тактическихъ“, то-есть, въ сущности, обманныхъ приемовъ, обезпечивающихъ въ данное время господство той или другой партіи, смотря

по тому, какая изъ нихъ умѣло воспользуется настроеніемъ общества въ данную минуту и пообщаетъ,— конечно, безъ надежды и обязательства выполненія обѣщаній,—удовлетворить ту или другую нужду данной минуты. Вотъ почему нашему народу такъ противна всякая политическая партійность, невозможная и ненужная при самодержавіи, и совершенно неизбѣжная при всякомъ видѣ конституціи. Вотъ почему и мы— не партія, а мы—вѣрующій православный народъ, дѣйствующій по голосу совѣсти, а не по соображеніямъ „тактики“. Для кого православіе— только флагъ партійный, а не путь истины и вѣчнаго спасенія, кто, исповѣдая православіе, десятки лѣтъ не говѣетъ, въ храмъ не ходитъ, нарушаетъ не только уставы Церкви, но и заповѣди Божіи, открыто, кощунственно оскорбляя религиозное и нравственное чувство всего общества, тотъ лучше и не говори о православіи. Такъ точно и о самодержавіи и народности: это не прикрытіе личныхъ вождельній и собственныхъ надеждъ, а осмысливаемые православіемъ истины, съ положительнымъ христіански-нравственнымъ содержаніемъ.

При такихъ воззрѣніяхъ мы должны были ввести въ свою программу и пунктъ объ искорененіи пьянства. Русскій человѣкъ всегда раздѣлялъ библейскій взглядъ на исторію міра и на судьбу государствъ и народовъ: міръ стоитъ праведниками; сѣмя святое—стояніе царствъ человѣческихъ; правда свѣтлѣе солнца, она съ неба засіяетъ, отъ земли приникнетъ...

Исторія говоритъ намъ, что русскій народъ молитвою, постомъ и покаяніемъ, исправленіемъ жизни избавлялся не разъ отъ тяжкихъ народныхъ бѣдствій. Къ этой надежной силѣ, къ религиозно-нравственному подвигу и обновленію онъ прибѣгалъ въ дни своихъ несчастій.

И въ тяжкое безвременье, теперь нами переживаемое, посреди ужасовъ, крови, насилій, замысловъ цареубійства, взрывовъ и выстрѣловъ, революціонныхъ грабежей и проч.— все болѣе и болѣе назрѣваетъ въ народѣ нашемъ *сознаніе грѣховности и жажда искупляющаго подвига*. Дайте намъ всенародное покаяніе! Дайте намъ всенародную молитву! Дайте намъ всенародный подвигъ! Жаждетъ душа народная очище-

нія и обновленія, жаждетъ она оправданія передъ Богомъ и совѣстью. Отверзите намъ врата правды!

И пока не будетъ такого именно подвига въ нашихъ патріотическихъ союзахъ, дотолѣ они не будутъ истинно-народнымъ движеніемъ, дотолѣ и они будутъ обычнымъ политическимъ лагеремъ.

И смотрите, въ нашихъ собраніяхъ какое теченіе всегда является преобладающимъ? Конечно, религіозное! На молебень—всѣ; на крестный ходъ—всѣ; на икону, на хоругви—жертвы идутъ охотно, даются съ любовью, на помощь ближнимъ призывъ никогда не остается безплоднымъ. А объявите сборъ на политическую агитацію, на выборную „кампанію“... Мы никогда и не объявляли такихъ сборовъ: они бесполезны, на нихъ никто не отзовется. Подвигъ любезенъ русскому чело-вѣку, „политика“ ему противна... Мы и собираемся въ патріотическіе союзы именно ради подвига, ради служенія родинѣ, а не ради похоти власти и корысти, какъ это мы видимъ въ партіяхъ „политическихъ“.

Руководителямъ религіозно-патріотическаго движенія, все нарастающаго въ силѣ и проявляющагося въ открытіи все новыхъ и новыхъ отдѣловъ патріотическихъ содружествъ, нужно знать и помнить объ этой жадѣ подвига, свойственной всякой человѣческой душѣ и русской—въ особенности. О такомъ свойствѣ русской души засвидѣтельствовала вся наша исторія, громко говоритъ наша Церковь, на весь міръ объявили и всѣ лучшіе русскіе писатели и заграничные наблюдатели русской жизни. Мы обязаны отозваться на такую духовную жажду.

Живетъ въ душѣ народа желаніе подвига, желаніе чѣмъ-либо себя ограничить, стѣснить, отъ чего-либо пріятнаго отречься—во имя высшей идеи, во имя высшей правды, во имя духовнаго совершенства... Но слабая воля чело-вѣка для проявленія и осуществленія такого желанія и рѣшенія ищетъ обычно внѣшней поддержки, внѣшнихъ формъ обнаруженія.

Пусть же въ нашихъ союзахъ раздастся слово и призывъ къ трезвости, какъ именно къ нравственному подвигу. Пусть нравственное начало, жажда подвига и совершенства по руководству православной Церкви, проникаетъ всю жизнь и

дѣятельность патріотовъ. Пусть въ нашихъ рядахъ видятся люди религіозные, церковные, добрые семьяне, люди любовно и свободно покорные Царю и Его правительству, способные на подвигъ и жертву для блага горячо-любимой родины и родного народа, люди цѣломудренные, трезвые, трудолюбивые, мирные и на все святое отзывчивые.

Начинаемъ съ трезвости, потому что пьянство — нашъ главный теперь грѣхъ, и притомъ главный и самый сильный пособникъ революціи и анархіи. Недаромъ, задолго до современнаго революціоннаго движенія, съ такою любовью выписывали портреты пьяницъ и хулигановъ нашъ знаменитый Горькій, выдавая это отребье жизни за обновителей общественности. И видѣли мы шествіе этихъ буревѣстниковъ и обновителей въ послѣдніе годы!

Когда узнаешь, напримѣръ, что за самый страдный мѣсяцъ іюнь въ текущемъ 1907 году продано въ Россіи водки на миллионъ ведеръ больше, чѣмъ въ прошломъ году за тотъ же мѣсяцъ; когда читаешь, что за одинъ только этотъ мѣсяцъ потрачено народомъ на водку ровно на $16\frac{1}{2}$ миллионъ рублей болѣе, чѣмъ за тотъ же мѣсяцъ въ прошломъ году, а всего за мѣсяцъ истрачено 67 миллионъ,—то поистинѣ ужасъ охватываетъ сердце, и загорается палящимъ огнемъ рѣшимость бороться со страшнымъ зломъ народнымъ! Вѣдь это значитъ, что за годъ возросло пьянство, судя по расходамъ на него, на 20⁰/₀! Вѣдь это значитъ, что народъ нашъ пропиваетъ себя!

Нужно при каждомъ отдѣлѣ патріотическихъ содружествъ въ сѣхъ и всякихъ наименованій открывать общества трезвенниковъ, сооружать имъ иконы, устраивать для обществъ этихъ особыя богослуженія, особыя собранія, причемъ для слабыхъ рекомендовать полное воздержаніе отъ вина на извѣстный срокъ, или навсегда, а для другихъ—условное воздержаніе въ томъ или другомъ видѣ. Нужно издавать и распространять листки и брошюры противъ пьянства. Нужны непрерывные призывы къ трезвости. Нужно женщинъ, несчастныхъ женъ и матерей, страдающихъ отъ пьяницъ—мужей и сыновей, призывать на борьбу со страшнымъ бичомъ народной жизни. Лю-

бовь и ревность вездѣ на мѣстахъ подскажутъ, что именно нужно дѣлать.

Мы видимъ здѣсь руководителей патріотическихъ содружествъ. Къ нимъ мы обращаемся съ горячимъ призывомъ идти на борьбу за народную трезвость. Мы увѣрены, что здѣсь, въ нашемъ собраніи, въ эти минуты нѣтъ ни одного чело-вѣка, который отнесся бы къ нашему призыву безъ горячаго сочувствія:

Къ трезвой мысли!

Къ трезвому слову!

Къ трезвой во всѣхъ отношеніяхъ жизни!

Спасеніе Царево.*

Богъ—Господь и осіяль насъ. Вл-жите вервими жертву, ведите къ ро-гамъ жертвенника! (Псал. 117, 27).

Таково первое проявленіе чувства благодарной къ Богу и торжествующей радости, по случаю спасенія Царя и Царской Семьи отъ грозившей имъ опасности на морѣ.

Древній царь-псалмопѣвецъ указалъ такой радости путь ко храму и жертвѣ. И наше чувство нынѣ разрѣшается въ молитву. Спасенный Царь словами древлеспасеннаго святого и боговдохновеннаго царя Давида можетъ сказать о Себѣ:

„Господь за меня, не устращусь; что сдѣлаеть мнѣ чело-вѣкъ? Господь—сила моя и пѣснь; Онъ содѣлался Моимъ спа-сеніемъ. Гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведниковъ: десница Господня творить силу“ (Пс. 117, 6, 14—15).

И вотъ, русскіе люди, сердцемъ живущіе съ Царемъ, бо-лѣющіе Его печаліями и радующіеся Его радостью, нынѣ во

* Рѣчь на благодарственномъ молебствіи по полученіи извѣстія о спасеніи жизни Государя Императора и Царской Семьи 29 августа 1907 года. Сказана 31-го августа въ церкви Енарх. дома въ собраніи патріотическихъ содружествъ города Москвы.

храмѣ, въ молитвѣ радости и благодаренія. Пусть въ селеніяхъ нечестивцевъ теперь уныніе или злорадство, смятеніе или черныя замыслы и низкія, злобныя намѣренія: если ихъ ничто не образумитъ, ничто не смягчитъ, ничто не обратитъ къ истинѣ, даже сила свыше, то это значить, что они пришли въ состояніе сатанинское. Но въ селеніяхъ праведныхъ— гласъ радости нынѣ и гласъ спасенія!

Пройдетъ, однако, часъ этой безотчетной, невольной, захватывающей радости, и наступитъ должно время раздумья, время испытанія судебъ Божіихъ и даваемыхъ намъ свыше уроковъ. Какія это судьбы, какіе уроки?

Не будемъ омрачать этихъ святыхъ минутъ сомнѣніями и недоумѣніями: что произошло? небрежность ли здѣсь, преступная и позорная, которой нѣтъ имени, или здѣсь—новый злодѣйскій замыселъ? Какъ могло случиться, что Царя съ Семейю отправили по неизслѣдованному морскому пути? Какъ оказался незнающимъ пути лопманъ? Что это значить, что даже Царя, это драгоцѣннѣйшее и единственное сокровище Россіи, не могутъ окружить въ пути покоемъ и безопасностью? Все это вопросы, которые просятся въ сознаніе, но на которые теперь пока нѣтъ точныхъ извѣстій, мы не можемъ отвѣтить. И не будемъ ими омрачать переживаемыхъ радостныхъ мгновеній. Лучше для себя мы услышимъ нынѣ уроки.

Они всѣ истекаютъ изъ того чувства единенія Царя съ народомъ, которое такъ живо и неистребимо въ сердцахъ каждаго вѣрнаго подданнаго.

Опять и опять спасенъ нашъ Царь!.. Итакъ, живъ Господь нашъ, и жива и дѣйствительна Его десница, живъ Его недремлющій Промыслъ! Значить, не унывать должно русскому человѣку и при видѣ страданій Россіи. Господь близъ, Господь не попуститъ Россіи погибнуть или пострадать безъ надежды выполнить страданія радостными успѣхами и крѣпостью царства, безъ надежды страданіями совершить свое міровое призваніе.

Промыслъ Божій, что хранить и хранилъ не разъ Царей нашихъ, сохранить, укрѣпить и Россію!

Спасенный еще разъ отъ смертной опасности, Царь нашъ

становится для насъ безконечно дорогимъ, безконечно возлюбленнымъ. Онъ—живое напоминаніе Промысла, бодрствующаго о Россіи; Онъ—живое воплощеніе милости Господней къ намъ; Онъ—носитель судебъ Россіи; Онъ—орудіе Божьяго о насъ смотрѣнія.

Окружимъ Его любовью и преданностью еще большими, чѣмъ прежде! Спросите: развѣ теперь у насъ нѣтъ этой любви и преданности? О, нѣтъ, мы любимъ Его, мы преданы Ему, но въ жизни и дѣлахъ людей нѣтъ ничего хорошаго и добраго, что не могло бы быть еще лучше, еще выше. Окружимъ Царя, спасеннаго и Божьею милостію знаменаннаго, благоговѣйнымъ почитаніемъ! И будемъ самоотверженно до конца нашихъ силъ, до конца нашихъ дней служить Россіи и Монарху, исполнять Царскія предначертанія, вмѣстѣ съ Царемъ работать надъ созиданіемъ и укрѣпленіемъ блага русскаго народа!

Отрадно и радостно такое служеніе подъ святымъ знаменіемъ силы высшей,—силы Божественной Милости и Божественнаго Всемогущества.

Ибо Богъ-Господь осіялъ насъ; Онъ далъ гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведниковъ...

Слыши, земля русская, и внимайте, народы: Десница Господня творить силу! Аминь.

Завѣты исторіи.*

Ежегодное воспоминаніе великой Отечественной войны и знаменитаго военнаго совѣта въ Филяхъ, когда князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ отвѣтилъ на исторической моментъ геройскою рѣшимостью взять приказъ объ оставленіи Москвы на свою полную отвѣтственность предъ Царемъ, родиной и предъ исторіей; воспоминаніе о герояхъ и мученикахъ долга,

* Слово въ церкви селенія Филя по случаю крестнаго хода въ воспоминаніе военнаго совѣта въ дер. Филя 1 сентября 1812 года.

отдавшихъ жизнь на брани, рѣшившей вопросъ: быть или не быть Россіи; воспоминаніе о жертвахъ долга, въ служеніи вѣрѣ, Царю и родинѣ, отъ руки крамолы убійенныхъ,—вотъ что собрало насъ сегодня на молитву въ этотъ историческій храмъ. Мы чествуемъ нынѣ все, на чемъ лежитъ печать и свидѣтельство долга и самопожертвованія. Мы предъ лицомъ всей исторіи нашего народа и царства вызываемъ предъ памятью и вниманіемъ современниковъ все, что достойно памяти и вниманія, что воспитываетъ народъ для будущей славной и достойной жизни, для будущихъ славныхъ подвиговъ. Мы стоимъ предъ тѣмъ, что называется уроками и завѣтами исторіи.

Возможна ли здѣсь религіозно-нравственная точка зрѣнія, единственно примѣнимая къ церковному слову и къ этому священному мѣсту? Не будетъ ли это вторженіемъ въ чуждую область безпристрастной науки, неумѣстнымъ для церковной кафедры?

Но передъ нами книга книгъ—священная Библия, вся полная историческихъ повѣствованій о дняхъ минувшихъ. Передъ нами вѣковѣчный взглядъ на исторію, выраженный устами и словами царя-псалмопѣвца: „помянухъ дни древнія и поучахся“... (Пс. 142, 5). Передъ нами весь религіозно-бытовой строй народа богоизбраннаго, у котораго историческія воспоминанія составляли главное содержаніе его религіозной жизни, его праздниковъ, его богослуженія, проповѣди пророковъ,—всего его быта; эти историческія воспоминанія воспитывали народъ въ теченіе вѣковъ, давая ему совершенно цѣльный и опредѣленный духовный обликъ.

Передъ нами и новозавѣтная Церковь, всегда напоминавшая вѣрующимъ „величія Божія“, все наше спасеніе во Христѣ, какъ оно явилось и проявилось въ исторіи жизни и подвиговъ Богочеловѣка, въ исторіи Его Церкви, Его святыхъ. Не можетъ отдѣльный человѣкъ сдѣлать такъ, чтобы не было его прошлаго, не можетъ взрослый человѣкъ совершенно вычеркнуть и сдѣлать небывшимъ свое дѣтство, отрочество и юность. Нельзя перерѣзать пополамъ человѣческой организмъ и ожидать, чтобы онъ оставался живымъ. Такъ точно нельзя и цѣлому народу отречься отъ своей исторіи. Нельзя ему вычерк-

нуть свое прошлое. Нельзя обратить народъ въ бродягу, не помнящаго родства. Нельзя, такимъ образомъ, перервать и перерѣзать историческую жизнь народа и ожидать, чтобъ онъ остался не только живымъ, но и болѣе, чѣмъ прежде, жизнеспособнымъ.

И, однако, попытки такого рода дѣлаются на нашихъ глазахъ. Мы переживаемъ время натиска и господства такихъ ученій, которыя не хотятъ знать никакого прошлаго, не хотятъ считаться ни съ какою исторіей. Легкомысленно, но съ важностью и увѣренностью кричатъ одни, легковѣрно принимаютъ другіе проповѣдь чистѣйшаго безумія:

„Отречемся отъ стараго міра, отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“... Это—проповѣдь попреимуществу людей молодыхъ...

Отъ чего вы отречаетесь, безумцы? Знаете ли вы хорошо это старое? Успѣли ли вы его изучить и осмыслить?

Развѣ въ старомъ одинъ прахъ? Развѣ въ старомъ нѣтъ корней новаго и будущаго? Развѣ въ старомъ одно худое? Не произносите ли вы тогда смертный приговоръ вмѣстѣ съ прошлымъ и настоящему? Не уподобляетесь ли вы тому садовнику, который, для облегченія своего дѣла, перерѣзалъ всѣ корни у деревьевъ и ожидаетъ, что деревья теперь расцвѣтутъ и заживутъ новою силой? Не вычеркиваете ли вы изъ жизни, прежде всего самихъ себя? Нельзя уничтожить прошлаго, нельзя обратить бытіе въ небытіе. И вотъ, мы видимъ другой приѣмъ уничтоженія исторіи: это брань на все минувшее, развѣнчиваніе всѣхъ героевъ и доблестей прошлаго, издѣвательство надъ исторіей своего народа. Сколько людей умныхъ и образованныхъ въ наше время занимаются такою именно литературой! Сколько людей, желающихъ быть руководителями жизни, такимъ оплевываніемъ прошлаго желаютъ возвеличиться и возвести себя въ своихъ глазахъ и въ глазахъ своихъ современниковъ въ людей смѣлаго и пытливаго ума, геройской борьбы, геройской рѣшимости! Сколько людей такое выливаніе грязи на исторію своего народа считаютъ признакомъ особаго высшаго развитія и свободы отъ предразсудковъ!

Припоминаются знаменательныя библейскія сближенія. На-

роды и государства получились путемъ постепеннаго развитія семьи, этой первоячейки общественной жизни, чрезъ переходныя состоянія рода и племени. И добродѣтели, подвиги жизни общественной и государственной,—всѣ имѣютъ своимъ началомъ и источникомъ добродѣтели семьи. Предъ нами библейская семья Ноя, начавшаго исторію „міра второго“ послѣ потопа. Въ ней дѣти почтительныя къ отцу,—это положительное начало жизни и исторіи, и въ ней Хамъ, отвратительный на всѣ вѣка образъ нечестія, непокорной злобы, грубости и того, что называется, по его имени, „хамствомъ“,—это разрушительное начало жизни. Если бы нужно было представить себѣ, какъ хамы будутъ относиться къ прошлому, если бы нужно было представить себѣ, какъ хамы могутъ и будутъ писать исторію, то, къ сожалѣнію, переживаемое нами время даетъ на эти вопросы отвѣты въ лицахъ и событіяхъ. Не станемъ о нихъ упоминать поименно; все это извѣстно всякому, кто хоть съ нѣкоторымъ вниманіемъ относится къ текущей жизни ¹⁾).

И тѣмъ отраднѣе, тѣмъ возвышеннѣе и одухотвореннѣе нынѣшнее наше молитвенное собраніе и нынѣшнее торжество. Почтимъ минувшее добрымъ словомъ, почтимъ минувшее молитвою, слезами и воздыханіями! Пусть пройдутъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ въ великомъ сонмѣ мученики долга, страдальцы за землю русскую.

Въ вѣкъ мелкихъ людей, мелкихъ душъ, мелкихъ дѣлъ и интересовъ, въ вѣкъ приниженнаго патріотическаго чувства, замутившейся общественной и народной совѣсти, въ вѣкъ проповѣди разрушенія жизни и „хамскаго“ отношенія къ прошлому и къ родной исторіи—такъ нужно, такъ полезно вспоминать о великомъ подъемѣ народнаго духа, о великомъ героизмѣ, о великихъ подвигахъ великаго народа.

Полезно вспомнить объ этомъ, чтобъ увидѣть, какъ лгутъ хамы, пишущіе нынѣ исторію Россіи. Они увѣряютъ, что эта исторія—сплошной позоръ, торжество грубаго насильничества, роковое и гибельное развитіе Самодержавія, которое будто бы

¹⁾ Нельзя здѣсь, однако, умолчать объ одной отвратительной книжкѣ, широко, почти бесплатно распространенной въ русскомъ народѣ, въ цѣляхъ его духовнаго растлѣнія. Разумѣемъ книжку Шишко: *Разказы изъ русской исторіи*.

все убивало и все мертвило. Они увѣряютъ, что народа русскаго не было, что Россія была рабымъ царствомъ, что ея исторія есть прозябаніе народа-раба; народа, доведеннаго насильничествомъ власти, и притомъ сознательно и планомѣрно, до животнаго состоянія. Лгутъ хамы, пишущіе такъ нашу русскую исторію. Великая эпоха Отечественной „народной войны“—наглядное и самое убѣдительное опроверженіе хамовой лжи. Могло ли губительное начало власти создать великое русское царство посреди всѣхъ тягостей нашей исторической жизни? Могъ ли народъ-рабъ, доведенный насильничествомъ до животнаго отупѣнія и безразличнаго отношенія къ своей судьбѣ, временами только просыпающійся къ кровавымъ протестамъ противъ угнетающей его власти,—такъ хотѣлось бы думать хамамъ-историкамъ,—могъ ли такой народъ сознательно и геройски бороться за честь и достоинство родины, умирать десятками и сотнями тысячъ на поляхъ Бородинскихъ, едва сдерживать негодованіе при видѣ необходимыхъ отступленій предъ врагомъ? Могъ ли такой народъ имѣть „народную“ исторію и быть способнымъ на „народную“, „отечественную“ войну? Могъ ли такой народъ любить свое отечество, быть народомъ патриотическимъ?

А онъ былъ и остался таковымъ. И пока жива Россія, русскій народъ будетъ съ молитвою поминать тѣхъ и прославленныхъ, и безвѣстныхъ героевъ, что отдали жизнь за родину. И пока стоитъ Россія, онъ будетъ возглашать этимъ героямъ долговѣчную славу, вѣчную память, и тѣмъ внушать своимъ сынамъ, что смыслъ жизни—въ ея вѣчныхъ основахъ, въ совѣсти, въ исполненіи долга, въ любви къ Богу и ближнимъ, и что больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя (Іоанна XV, 13).

Совершая ежегодно, совершивъ и нынѣ молитвенное поминовеніе героевъ Отечественной войны, князя Кутузова и убиенныхъ крамолою слугъ царевыхъ, павшихъ жертвами своей вѣрности родинѣ, мы исполнили долгъ религіозный, мы отвѣчаемъ требованіямъ благодарнаго и благороднаго сердца, мы совершаемъ служеніе народу, мы непримѣтно, но дѣйствительно, среди нынѣшняго потемнѣнія общественной совѣсти, воспиты-

ваемъ себя и другихъ на вѣчныхъ, негибнущихъ началахъ всякой человѣческой жизни,—на началахъ любви, долга, геройства, самоотреченія, господства духа, вѣрности историческимъ устоямъ и завѣтамъ.

Въ нихъ, въ этихъ устояхъ и завѣтахъ,—и корень, и смыслъ, и руководящая жизненная сила, могутно заключенная и впредь имѣющая развиваться въ исторіи русскаго народа, пока Господь судить ему жить, пока мы будемъ достойны жить и не истощимъ духовныхъ основъ своихъ безвѣриемъ, бездушіемъ и презрѣніемъ къ прошлому,—къ тому прошлому, что составляло мощь и славу нашу въ исторіи, что искуплено и освящено кровью, трудомъ, страданіями и подвигомъ нашего народа! Аминь.

Соблюденіе заповѣдей.*

Если хочешь войти въ жизнь вѣчную,
соблюди заповѣди (Мѣ. XIX, 17).

Юноша, о которомъ рассказываетъ нынѣшнее евангеліе, ищетъ пути жизни и спасенія. Онъ желаетъ быть совершеннымъ, онъ хочетъ угодить Богу, онъ желаетъ благоустроить не одну только земную жизнь тѣла, но и жизнь духа вѣчную. Онъ слышитъ многое объ Иисусѣ Христѣ; народъ рассказываетъ о Немъ, какъ о необыкновенномъ Учителѣ, какъ о Божественномъ Посланикѣ, какъ о великомъ Чудотворцѣ; народъ убѣжденъ и вѣруетъ, что Иисусъ Христосъ есть Тотъ Самый Мессія, Спаситель міра, о Которомъ говорилъ Господь Адаму и Евѣ по изгнаніи ихъ изъ рая, о Которомъ, по волѣ Божіей, предрекали всѣ пророки.

И юноша рѣшилъ обратиться со своими душевными запросами къ Господу Иисусу. У евреевъ того времени было много учителей—законниковъ и книжниковъ; обыкновенно каждый

* Въ недѣлю 12-ю по Пятидесятницѣ.

такой учитель старался измыслить что-либо новое, несслыханное, какое-либо наставление особенное, которое отличало бы его от других учителей. Это привлекало къ нему послѣдователей, это увеличивало его извѣстность и славу. Юноша ожидалъ, конечно, что и Спаситель, подобно другимъ учителямъ, скажетъ ему что-либо новое, особенное, какое-либо наставление необычайное. Онъ, спрашиваетъ Иисуса Христа: „Учитель Благій! что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную?“ И получаетъ самый обыкновенный отвѣтъ, такой отвѣтъ, какой онъ услышалъ бы отъ каждаго священника при храмѣ, отъ каждаго простого вѣрующаго, отъ каждаго, кто хоть немного читалъ и зналъ слово Божіе, — отвѣтъ, какой онъ, конечно, слышалъ отъ своего отца и отъ своей матери. Отвѣтъ Спасителя гласилъ: „если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди“.

Удивился юноша такому простому отвѣту; онъ могъ предположить, что Иисусъ Христосъ разумѣетъ какія-то особенныя свои собственныя заповѣди, и спрашиваетъ: „Какія же заповѣди?“ Спаситель перечисляетъ тѣ самыя заповѣди десяти-словія Моисеева, которыя извѣстны дѣтямъ въ школахъ: „Не убивай; не прелюбодѣйствуй; не кради; не лжесвидѣтельствуй; почитай отца и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя“.

Что значить, братіе, такое наставленіе Спасителя? И какъ его примѣнить къ намъ?

Мы видимъ изъ словъ Спасителя, что законъ Господень всѣмъ извѣстенъ, всѣмъ доступенъ, и что этотъ законъ неизмѣняемъ. Что было хорошо вчера, хорошимъ останется навѣки; что было дурно вчера, дурнымъ останется навѣки. Измѣняется не законъ Бога, а воля и разумѣніе человѣка. До Христа понимали заповѣди Господни по буквѣ и по буквѣ ихъ исполняли, а Христосъ научилъ понимать ихъ и исполнять по духу, самыя же заповѣди остались неизмѣнными. И юноша въ отвѣтъ на наставленіе и указаніе заповѣдей заявилъ, что онъ ихъ всѣ исполнилъ отъ юности своей. Оказалось, однако, что онъ ихъ исполнилъ по буквѣ, а не по духу. Такъ, первая и вторая заповѣди Божьяго закона требуютъ отъ человѣка, чтобъ онъ Богу одному служилъ, чтобы

не дѣлалъ себѣ другихъ, ложныхъ и земныхъ боговъ, чтобы не имѣлъ для себя вмѣсто Бога—идоловъ и кумировъ. А юноша имѣлъ такой кумиръ, это—свое богатство. Различно человѣкъ относится къ богатству: иной самъ владѣетъ богатствомъ, не привязывается къ нему, не порабощаетъ ему своей души, не замѣняетъ Бога и неба на богатство. Такому человѣку богатство невредно, такой человѣкъ изъ богатства путемъ милосердія, работы и помощи ближнимъ сдѣлаетъ способъ и путь угожденія Богу и спасенія души. А другой человѣкъ, напротивъ, самъ подчиняется своему богатству и является не хозяиномъ его, а сторожемъ и даже рабомъ. Такому—богатство не во спасеніе, а въ погибель. Такому нужно отказаться отъ богатства. Трудно это, но нужно и спасительно. Это—то же, что вино: оно невинно, даже полезно иногда для здоровья, но зато преступно пьянство. Одинъ человѣкъ себѣ господинъ, и ему можно употреблять вино, онъ вину не рабъ, онъ ему не предается. А другой весь отдался вину; испилъ немного и уже не удержится, и сталъ пьянымъ и пьяницей. Такому человѣку всякій его другъ и благожелатель посоветуетъ совсѣмъ не пить. Юноша именно оказался рабомъ своего богатства. Сердцевѣдецъ Спаситель видѣлъ это и посему, послѣ заявленія юноши о томъ, что онъ исполнилъ всѣ заповѣди, сказалъ ему: „Одного ты еще не исполнилъ; если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною“. Что же юноша? Онъ отошелъ отъ Христа съ печалью, потому что у него было большое имѣніе. Этимъ онъ показалъ, что заповѣдей Господнихъ онъ настоящимъ образомъ не разумѣлъ и не выполнялъ. Кто выше всего ставитъ Бога, а не людей, небо, а на землю, тотъ на повелѣніе Господа оставить имѣніе не отвѣтилъ бы отказомъ и не замѣнилъ бы Христа на богатство.

Итакъ, спросимъ опять: что же, заповѣди Господни отмѣнены? Нѣтъ, онѣ вѣчны, неизмѣнны, онѣ обязательны для человѣка всегда, онѣ такъ просты и доступны, такъ всѣмъ извѣстны, что никто не смѣетъ отказываться и оправдываться незнаніемъ ихъ.

Что же теперь сказать о современных намъ мудрецахъ. Нынѣ въ средѣ народа русскаго появились лжеучители, которые выше всего ставятъ именно богатство; они учатъ, что счастье человѣка—въ обладаніи имѣніями и что для этого нужно отнять богатство у имущихъ, убивать богатыхъ, разорять, поджигать, а если власти этого не позволяютъ, то идти и противъ властей бунтомъ. Юноша евангельскій, если и оказался рабомъ богатства, то хоть по буквѣ исполнялъ заповѣди Господни, а эти новые лжеучители и по буквѣ заповѣдей Господнихъ не исполняютъ, ибо навѣки сказано: „не убивай, не кради, почитай власть“... Путь нарушенія заповѣдей Господнихъ—это путь погибели. Все на свѣтѣ имѣетъ свои законы. Если тѣло перестать питать, оно умретъ; если весною и лѣтомъ не дать землѣ тепла и свѣта, все омертвѣетъ, и жизнь прекратится; если въ песокъ не положить извести и цемента, изъ песку одного не соорудить дома. Даже звѣри имѣютъ своего рода законы, а муравьи и пчелы въ этомъ отношеніи представляютъ примѣръ труда, терпѣнія, повиновенія.

Заповѣдь Господня для людей—это питаніе души; безъ нихъ душа будетъ мучиться голодомъ, отойдетъ отъ Бога и умретъ для жизни въ Богѣ. Заповѣдь Господня для людей—это тепло и свѣтъ жизни; безъ нихъ все умретъ, все погибнетъ, всякая жизнь замретъ и разстроится. Заповѣдь Господня для людей—это связь ихъ общежитія; безъ нихъ люди, какъ песокъ, разсыпятся и не построятъ жизни семейной, общественной и государственной; безъ нихъ люди окажутся хуже звѣрей и скотовъ и неминуемо погибнуть. И для жизни земной, и для жизни вѣчной заповѣди Божіи—путь счастья и спасенія. Трудно ихъ исполнять? Да, трудно тому, кто не любитъ Бога, не любитъ и ближнихъ. Но это ужъ не человѣкъ здоровый, а уродъ. Всѣмъ же вообще людямъ свойственно искать Бога, искать Его законъ, стремиться познать Его волю, Его заповѣди. Безъ этого человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ сиротой въ мірѣ и существомъ несчастнѣйшимъ. Такимъ ищущимъ Бога—Богъ Себя и Свою волю открылъ и открываетъ въ Своихъ святыхъ заповѣдяхъ. Имъ легко и отрадно

по любви и усердію исполнять волю Божию, ибо они не рабы, а дѣти Бога, не по принужденію и насилію, а свободно служатъ Богу своею жизнію. Имъ Спаситель говоритъ: „Иго Мое благо, и бремя Мое легко“,—и они это чувствуютъ и испытываютъ въ своей жизни.

Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюдай заповѣди. Ты ихъ знаешь. Полюби ихъ; но и полюбить можешь, конечно, только тогда, когда будешь на дѣлѣ ихъ соблюдать и исполнять.

Иного пути нѣтъ въ жизнь вѣчную. Аминь.

Жизнь вѣчная.*

Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Иоан. III, 16).

Въ послѣднее воскресенье предъ праздникомъ Воздвиженія Креста Господня св. Церковь уже приготовляетъ насъ къ разумнѣйшей тайнѣ Креста. Тайна эта—та же, что и тайна творенія и существованія міра. Единственно по любви Всемогущей Богъ, ни въ чемъ не нуждающійся, сотворилъ міръ и все, что въ мірѣ: Онъ даровалъ земнымъ тварямъ блаженство жизни и существованія. Единственно по любви Своей Онъ искупилъ грѣшнаго человѣка, отрешагося отъ воли Божіей, обратившаго себя изъ сына во врага Божія: Онъ не захотѣлъ гибели и мученія Своему созданію. Единственно по любви Своей Онъ хранитъ міръ и направляетъ жизнь его по Своимъ премудрымъ планамъ: Его день, Его ночь, Его земля и звѣзды и небо, Его всѣ твари, Его созданіе и достояніе—человѣкъ; и все это Онъ содержитъ въ Своей силѣ и власти и милости. Но изъ всѣхъ твореній человѣкъ возвышенъ на землѣ образомъ и подобіемъ

* Въ над. предъ Воздвиженіемъ.

Вожимъ. Оттого, созданный по образу вѣчнаго Бога, онъ таить въ себѣ всегда мысль о вѣчности, къ вѣчности стремится, вѣчностью все измѣряетъ и оцѣниваетъ.

Съ первыхъ же словъ проповѣди о чемъ заговорилъ Спаситель? О вѣчности. Мы слышали сегодня въ евангеліи часть Его бесѣды съ Никодимомъ, который страха ради іудейскаго пришелъ къ Иисусу тайно ночью и спрашивалъ Его о пути спасенія. Не разъ во время этой бесѣды говорилъ Никодиму о тайнѣ Креста и о вѣчной жизни, которою мы и должны оцѣнивать жизнь земную. Евреи, современники Иисуса Христа, напротивъ, всё свои помыслы устремляли на жизнь земную. Они и въ Мессіи—Спасителѣ ожидали царя земного, который побѣдитъ всѣхъ враговъ народа еврейскаго, сдѣлаетъ евреевъ первымъ народомъ въ мірѣ, а прочихъ людей всѣхъ отдастъ имъ въ рабство. Они мечтали о какихъ-то несбыточныхъ и баснословныхъ земныхъ благахъ во времена Мессіи, напимѣръ, о томъ, что каждый еврей будетъ жить тысячу лѣтъ, что черезъ рѣки и моря сами собою устроятся мосты для евреевъ, что для евреевъ земля будетъ сама давать золото и драгоценные камни, деревья сами будутъ подавать имъ вкусные плоды и т. п. И если бы Христосъ Спаситель объявилъ Себя именно такимъ Мессіей—земнымъ царемъ, то, несомнѣнно, тѣ самые вожди народа, которые распяли Его, первые пошли бы за Нимъ въ надеждѣ обогащенія благами земными. Но Господь Иисусъ давалъ и общалъ людямъ блага духовныя: вѣру, истину, знаніе воли Божіей, примиреніе съ Богомъ, благодать Духа Святаго, Церковь, какъ руководительницу къ вѣчной жизни. Онъ указывалъ на земную жизнь, какъ на время и средство приготовленія и воспитанія человѣка къ жизни вѣчной: здѣсь, на землѣ, по Его слову, человѣкъ земными богатствами и ихъ добрымъ употребленіемъ приготовляетъ себѣ въ лицѣ ближнихъ, которымъ онъ помогаетъ, надежныхъ друзей, и эти друзья введутъ его въ вѣчныя обители, здѣсь, на землѣ, люди на свои силы—таланты должны работать и какъ бы „куплю“ дѣлать, чтобы до пришествія Христова удвоить эти таланты. И страданія, и гоненія на землѣ не должны смущать Его учениковъ: да не смущается сердце

ваше,—говорить Онъ имъ,—вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте въ дому Отца Моего обители многи суть. И такъ какъ Христосъ не общалъ евреямъ земныхъ благъ, то они Его отвергли, пошли же за Нимъ только истинные израильтяне, мужи духа, вѣрные Богу до смерти.

Не повторяется ли эта печальная исторія и нынѣ, въ наши дни? Христіанство и теперь учитъ, по слову Христову, что жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его, что душа выше пищи, что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, но и всякимъ глаголомъ, исходящимъ изъ устъ Божиихъ, что человѣкъ долженъ богатѣть въ Бога вѣрою и добрыми дѣлами. Христіанство и теперь на земную жизнь учитъ смотрѣть, какъ на приготовленіе къ жизни вѣчной.

А современные люди, современные учителя народа и желающіе быть его руководителями и вождями, какъ и во времена Христа Спасителя, все помышляютъ о землѣ. Они бы желали народу (а въ сущности себѣ) побольше богатства, пищи, питья, одежды, жилищъ; они учатъ народъ искать счастья только земного, увѣряя, что оно-то и есть тотъ рай, котораго жаждутъ люди. Они бы хотѣли силою, кровью, жестокостью уравнивать всё блага земныя, отнявъ ихъ у имущихъ и передавъ бѣднымъ. Они бы хотѣли, чтобы Христова Церковь и святая вѣра имъ въ этомъ помогали. А такъ какъ Церковь Христова, вѣрная Христу, и ея служители, вѣрные своему долгу и званію, этого говорить и проповѣдывать не могутъ, то современные вожди народа и его учителя самозванные желаютъ распять христіанство и его отвергаютъ.

Тщетны, однако, ихъ усилія и злоба. Отойдутъ отъ христіанства только плевелы, но все чистое, доброе, духовное, истинно-человѣческое останется у ногъ Христа и въ оградѣ Его Церкви. Здоровая душа человѣка всегда отзовется на истину Христову и всегда съ радостью и надеждою будетъ помышлять о вѣчности, ибо вѣчная жизнь ей сродна. Значить ли это, что мы земную жизнь презираемъ? Напротивъ, она намъ, какъ путь къ вѣчной жизни, гораздо цѣннѣе, чѣмъ для тѣхъ лживыхъ и безумныхъ мудрецовъ, которые дальше могли ничего не видятъ. Мало того, вѣра въ жизнь вѣчную

одна только и осмысливаетъ и благоустраиваетъ жизнь земную: жизнь и смерть, радость и печаль, всё возрасты и положенія, всё перемѣны жизни,—все это для вѣрующаго имѣетъ свой смыслъ и значеніе, все это его отведетъ и отъ гордыни, и отъ унынія, и отъ отчаянія. Пояснимъ примѣромъ. У тебя есть ключъ; ты знаешь, отъ какого онъ замка, знаешь, что замокъ этотъ въ извѣстное время откроетъ тебѣ ковчегъ съ величайшими сокровищами. Это—образъ жизни, какъ ее понимаетъ христіанинъ: онъ знаетъ, что жизнь земная есть ключъ къ жизни вѣчной. Такимъ ключомъ ты станешь дорожить, ты его будешь хранить. А если у тебя ключъ, о которомъ ты ничего не знаешь, откуда онъ, для чего и отъ какого замка: станешь ли ты имъ дорожить? Это—образъ жизни, какъ ее понимаютъ невѣрующіе и безумные мудрецы. Другой примѣръ. Иное дѣло путнику знать, что неудобства и тягость путешествія временны, что они—орудіе и способъ воспитанія человѣка для жизни вѣчной, что впереди ждетъ его пріютъ и постоянное жилище довольства и покоя, и совсѣмъ иное дѣло для путника знать, что эти неудобства и тягость и есть самая настоящая жизнь, что они неизбежны, и вмѣстѣ съ тѣмъ бессмысленны и безцѣльны. И для чего тогда человѣку трудиться, служить ближнимъ, искать правды, любви, дѣлать добро? И гдѣ сила и бодрость, чтобы жить?

Жизнь же вѣчная все освѣщаетъ своимъ свѣтомъ. Любовь Божія дала намъ жизнь, любовь Божія ее намъ возвратила по грѣхопадению, и любовь Божія нынѣ ее поддерживаетъ и ведетъ къ жизни вѣчной. Богъ есть любовь, и человѣкъ свою жизнь, какъ образъ Божій и подобіе, устрояетъ на основѣ любви. Отвергни жизнь вѣчную, и отвергнешь сейчасъ же и любовь. Это мы и видимъ на современныхъ самозванныхъ учителяхъ народа: ихъ слово—слово злобы, зависти и ненависти, слово: „классовая борьба“, „въ борьбѣ обрѣшешь ты право свое“—слово крови, насилія и убійства. Настоящее у нихъ полно вражды и безпорядка, а будущее—пусто,—вотъ чему поучаютъ насъ современные лжеучители.

Настоящее и будущее—все полно смысла, и свѣта, и отрады,—вотъ что говорить намъ вѣра Христова своимъ уче-

нѣмъ о жизни вѣчной. Ибо знаемъ,—говорить апостолъ,—что если эта наша земная хижина тѣла разорится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный. Ибо о семъ въздыхаемъ, въ жилище наше небесное облецися желающе! (2 Кор. V, 1—2). Аминь.

Идеалистка 40-хъ годовъ.*

Ты же отыдеши ко отцемъ твоимъ въ миръ, препитанъ въ старости добрымъ (Быт. XV, 15).

„Другъ Божій“ Авраамъ услышалъ это отрадное обѣтованіе Господне, какъ награду вѣры и послушанія, какъ награду жизни, сознательно и добровольно отданной имъ всецѣло Божьему водительству.

Древніе высоко цѣнили долголѣтіе. Въ немъ они справедливо видѣли живую связь цѣлаго ряда поколѣній, тѣ живые завѣты прошлаго, на которомъ зиждется настоящее и будущее.

Что видимъ сейчасъ предъ собою? Видимъ и мы какъ бы осуществленіе Божьяго обѣтованія Аврааму. Видимъ старость маститую, даже не къ вечеру, а въ глубокую полночь жизни пришедшую къ смертному исходу, окруженную представителями трехъ или четырехъ поколѣній. Видимъ окончаніе жизни, сознательно и всецѣло подчиненной Высшему Промыслу и водительству. Жизнь эта исполнена глубокихъ назиданій и завѣтовъ вѣры и благоговѣнія, любви къ Церкви и родинѣ, проникновенной вдумчивости во все текущія жизненныя явленія, освѣщаемыя у старцевъ не разсудкомъ только и знаніемъ, но тѣмъ, что есть именно только у старости и что называется мудростью.

* Рѣчь при погребеніи М. П. Дюгамель 13 сентября 1907 г.

10-го сентября скончалась на 88 году жизни Марія Павловна Дюгамель, убѣжденная носительница идеаловъ 40-хъ годовъ, личный другъ отца Іоанна Кронштадтскаго, который ввѣрилъ ей свой дневникъ, изданный имъ подъ заглавіемъ „Моя жизнь во Христѣ“.

Одна изъ послѣднихъ представителей памятнаго въ исторической жизни поколѣнія идеалистовъ далекаго времени сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда и слагался ея духовный обликъ, она, по словамъ близко знавшихъ ее, съ удивительною свѣжестью и силою до конца дней сохранила тѣ возвышенныя стремленія, которыми такъ богато было время ея молодости. Такою стойкостью отличались люди именно этой эпохи. Сколько бурь и невзгодъ пронеслось потомъ надъ Россіей; сколько новыхъ ученій и вѣяній каждый разъ подъ обаятельнымъ знаменемъ послѣдняго слова науки являлось среди образованнаго русскаго общества; какой разрушительный походъ дважды на ея глазахъ предпринимался противъ всѣхъ идеальныхъ основъ жизни!

Но она оставалась у своего знамени сердечной религіозной вѣры, одухотворенной женской нравственной красоты и преданности долгу предъ Богомъ и родиной. По силѣ и утонченности своего ума, имѣвшаго вкусъ ко всему, что даетъ широкое образованіе, она не могла, конечно, стоять въ сторонѣ отъ духовныхъ интересовъ своего времени: но она временное освѣщала свѣтомъ вѣчнымъ. И въ своей литературно-издательской дѣятельности, и въ чтеніи, въ перепискѣ, въ бесѣдахъ, и во вліяніи на родныхъ, близкихъ и окружающихъ,—во всемъ и всегда стояла она у вѣчныхъ огней Истины, той Истины, которая явилась къ людямъ божественная, воплощенная въ лицѣ Богочеловѣка, и спасла гибнущій міръ отъ унынія, отчаянія и вѣчной смерти.

Стоя передъ этимъ гробомъ, чувствуешь, что сердце сжимается скорбью, но не за покойную. Заупокойное моленіе о ней, воистину, достойно и должно начать словомъ: Благословенъ Богъ нашъ. И воистину, блаженъ путь, въ онъ же идиши днесь, душе... Но за насъ живыхъ сжимается сердце. Неужели въ лицѣ и въ жизни покойной мы видимъ страницу книги жизни русской, страницу, которая закрылась и больше не повторится? Неужели оставила насъ стойкость и вѣрность идеальнымъ стремленіямъ духа и идеальнымъ основамъ жизни?

Вѣримъ, молимъ и уповаемъ, что сѣяніе такихъ подвижницъ духа, какою была покойная, не погибнетъ безслѣдно. Въ

бурю, въ ненастье, въ грозу и непогоду современнаго охватившаго жизнь безумія, это сѣмя тихо и непримѣтно хранить жизнеспособность и растеть, сокрытое въ глубинѣ души у тѣхъ, кто имѣлъ счастье освѣщаться свѣтомъ души покойной старицы. Въ свое время оно принесетъ плодъ многій.

Въ этой мысли и надеждѣ да будетъ утѣшеніе и отрада тѣмъ, которые стоятъ теперь скорбные у гроба покойной. А превыше — отрада въ словѣ вѣчнаго обѣтованія: Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни. Добрый рабъ, благой и вѣрный, въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю: *вниди въ радость Господа своего!*

Иди, вѣрная до смерти, боголюбивая душа, въ твой невозвратный, недовѣдомый путь, и вниди въ радость Господа своего! И да будетъ покой твой — честь, и удѣлъ твой — блаженная вѣчность! Аминь.

Государство языческое и христіанское.*

Крестъ — царей держава! (Изъ богослуженія. пѣсни.)

Священныя церковныя пѣсни въ честь нынѣшняго праздника какъ бы изнемогаютъ, какъ бы истощаются въ словахъ, изображая все величіе силы и дѣйствія Креста Господня. И небо, и земля, и преисподняя, и высота, и широта, и глубина, — міръ земной и небесный, ангельскій и человѣческій, — все наполняетъ и охраняетъ сила Крестная, — и это изображаетъ нынѣ и словами, и пѣснопѣніями, и обрядами св. Церковь. „Крестъ — хранитель всей вселенной, Крестъ — красота Церкви, Крестъ — вѣрныхъ утвержденіе, Крестъ — ангеловъ слава, Крестъ — демоновъ язва“. Среди всѣхъ такихъ восхвалений силы Крестной, въ міровыхъ и вѣчныхъ ея проявленіяхъ,

* Слово въ день Водвиженія Креста Господня, сказанное въ Самарскомъ кафедральномъ соборѣ.

мы отмѣчаемъ одно, особо знаменательное для насъ, указаніе: „Крестъ—царей держава“; „Крестъ—царей и царствъ похвала и утверженіе“.

Если вы внимательно вслушаетесь и вникнете въ молитвы и пѣснопѣнія въ честь Креста, вы непременно увидите, какъ часто и усиленно всюду въ нихъ проводится именно эта мысль о Крестѣ, какъ о державѣ царей, вы увидите, какъ съ мыслью о Крестѣ соединяется постоянно моленіе о Царѣ „крестоносномъ“ и о царствѣ, моленіе о дарованіи царямъ побѣды, мира, огражденія, благооспѣшенія въ ихъ царственномъ дѣлѣ, а царству ихъ, какъ „достоянію“ и „жительство“ Господню, сохраненія свыше. Чтобы видѣть это, вспомните хотя бы только эту общеизвѣстную и нынѣ такъ часто повторяемую молитву—тропарь Кресту, этотъ истинно народно-христіанскій гимнъ: „Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое“.

Что все это значить, и какъ это нужно понимать?

Приносимъ ли мы тутъ только молитву лично о царѣ,—или здѣсь заключена мысль гораздо болѣе глубокая?

Несомнѣнно, мы молимся и должны молиться о царѣ, какъ о лицѣ, какъ о правителѣ. Съ этой точки зрѣнія, христіанинъ обязанъ молиться и о царѣ невѣрномъ и иновѣрномъ. Такъ дѣлали апостолы, такъ завѣщали они дѣлать и христіанамъ. Но несомнѣнно и то, что такими молитвами, какими молимся мы о царѣ, по руководству Церкви, и въ такомъ соединеніи и связи мысли о Крестѣ съ мыслью о царѣ и царствѣ нельзя было молиться о Неронѣ при апостолахъ, нельзя молиться, напримѣръ, современному греку въ Турціи о султанѣ. О такихъ царяхъ нельзя сказать: „Крестомъ цари хвалятся“; „Крестъ—царей держава“.

Такою молитвою стали молиться христіане, конечно, только со временъ равноапостольнаго Константина, когда на его царской коронѣ засіялъ Крестъ, когда на воинскихъ знаменахъ, вмѣсто языческаго орла, символа физической силы, поставленъ былъ Крестъ, символъ силы духовной, когда на царство стали благословлять царей Крестомъ, когда не только надъ царемъ лично, но, выражаясь образно, и надъ всѣмъ зданіемъ царства водруженъ былъ и засіялъ немеркнущимъ свѣтомъ Крестъ

Христовъ. Когда мы говоримъ: „Крестъ — царей держава“, — мы этимъ самымъ исповѣдуемъ, что мы живемъ въ *государствѣ христіанскомъ, а не въ языческомъ.*

Мы переживаемъ теперь время, когда въ этихъ понятіяхъ очень и очень нужно намъ разобраться. Въ самомъ дѣлѣ, посреди охватившей все русское общество жажды всякихъ реформъ, до реформы высшаго и верховнаго управленія включительно, до измѣненій въ самомъ существѣ государственнаго строя, — вѣрующаго человѣка-христіанина надобно остеречь: пусть онъ посмотритъ, и пусть спроситъ себя, какимъ онъ идетъ путемъ, и какія цѣли въ сущности преслѣдуетъ, — цѣли государства христіанскаго или языческаго?

Языческое государство есть царство исключительно земное, исключительно мірское. Его патриотизмъ, поэтому, есть простой и грубый, только коллективный эгоизмъ. Его задача во внѣшнихъ отношеніяхъ — показать и проявить свою силу: захватить какъ можно больше выгодъ во всемірномъ положеніи, подчинить себѣ какъ можно больше народностей и странъ, захватить какъ можно больше экономическихъ благъ. Внутри — его задачи сводятся къ тому, чтобы доставить членамъ своимъ какъ можно больше удобствъ и пользы мірской; этотъ общій интересъ и это общее желаніе такихъ удобствъ и приобрѣтеній и служатъ объединяющею силой для народа; чувство самосохраненія въ борьбѣ за существованіе и желаніе себѣ самому доставить возможно лучшее матеріальное существованіе на землѣ, — вотъ основы такого государства. Власть въ немъ — есть необходимость, истекающая изъ тѣхъ же соображеній пользы и выгоды.

Для государства, которое водится только началами мірскими и матеріалистическими, конечно, не можетъ быть и вопроса о томъ, откуда власть, отъ кого она зависитъ и чему она служить. Ясно, что, при указанныхъ нами понятіяхъ и стремленіяхъ, въ этомъ царствѣ двуногихъ и умныхъ животныхъ, называемыхъ людьми, какимъ представляется языческое государство, власть исходитъ отъ людей, согласившихся учредить ее ради своей выгоды, зависитъ она отъ народа, ее создавашаго, и служить должна народной пользѣ и вообще на-

роду. Сегодня, при измѣнившихся условіяхъ, перемѣстятся соображенія пользы и выгоды,—сегодня же народъ въ правѣ или совсѣмъ уничтожить власть, или передѣлать ее по своимъ нуждамъ и выгодамъ данной минуты. Духовные интересы, вѣчная жажда человѣческой души, то, что называется требованіями и запросами высшаго порядка,—для такого государства не существуютъ; до нихъ ему нѣтъ дѣла, ибо все это прямого отношенія къ пользѣ и выгодѣ не имѣетъ. Религія, духъ и прочее—это „частное дѣло“, и Церковь, какъ проявленіе и средоточіе самыхъ высшихъ интересовъ духа, религіозно-нравственныхъ, должна быть „отдѣлена отъ государства“.

Судите сами, можно ли, при такихъ воззрѣніяхъ на государство, говорить, что „Крестъ—царей держава“?

Иное дѣло, когда государство является христіанскимъ. Христіанство есть сила вѣчная и сила всемірная. Такимъ оно явилось съ первыхъ дней своего существованія, по завѣту своего Божественнаго Основателя. Простирая свое дѣйствіе на всѣ стороны человѣческой жизни, могло ли и можетъ ли оно пройти мимо государства? Это невозможно, недопустимо. Это было бы подобно тому; если бы среди жаркаго лѣта на полѣ оставалось одно мѣсто, на которомъ продолжалъ бы лежать снѣгъ и трещали бы жестокіе морозы...

По воззрѣнію христіанскому, государство само по себѣ не есть цѣль, а есть только средство и богоданная среда для вѣрующихъ, чтобъ имъ пройти успѣшно свой земной путь къ достиженію вѣчныхъ и святыхъ цѣлей человѣческаго существованія, для достиженія нравственнаго совершенства и вѣчнаго спасенія. Въ этомъ смыслѣ государство есть учрежденіе божественное. Его задачи—нравственныя, духовныя задачи, а не мірскія; если же и христіанское государство прилагаетъ заботы о внѣшней безопасности народа, объ его внутреннемъ благоустройствѣ, удобствѣ и порядкахъ жизни, то все это опять не есть цѣль, а только средство для его членовъ наилучше достигнуть основной и главной цѣли своего существованія.

Жить и въ жизни усвоить и осуществлять плоды испу-
нительнаго служенія Господа Іисуса Христа и возрастать въ

мѣру возраста исполненія Христова—вотъ эта цѣль. Но для ея осуществленія необходима мирная совнѣ и благоустроенная внутри жизнь, необходимо имѣть тотъ миръ, такой порядокъ и такіе законы, которые не мѣшали бы, а способствовали укрѣпленію православно-христіанскихъ началъ жизни.

Только по такимъ побужденіямъ и цѣлямъ христіанское государство и отдается заботамъ о внѣшнемъ и внутреннемъ строеніи царства. Такимъ нравственнымъ цѣлямъ подчиняется вся государственная жизнь, ими опредѣляется государственное законодательство, государственный строй, назрѣвающія реформы, общественные и государственные идеалы.

Ясно и опредѣленно этотъ именно взглядъ на государство и государственность выражаетъ святой апостоль Павелъ: „Молю прежде всѣхъ творить молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть“... и далѣе: „да тихое и безмятежное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины, ибо единъ Богъ, единъ и Посредникъ между Богомъ и человѣками Человѣкъ Христосъ Исусъ“ (1 Тим. II, 1—5).

Такъ завѣщаетъ апостоль царству человѣческому жить въ осуществленія тѣхъ началъ, которыя принесло и заповѣдало міру искупительное служеніе Господа Исуса.

Итакъ, повторяемъ, все въ государствѣ должно быть проникнуто религіозно-нравственными цѣлями, изъ нихъ исходить, имъ служить, ими опредѣляться. И власть въ такомъ государствѣ есть не самодовлѣющее нѣчто, какъ въ языческомъ мірѣ, въ лицѣ его императоровъ; не завоеваніе насилія, не проявленіе самодержавія народа; не выгода государственная. Власть есть проявленіе Божественнаго міроуправленія, органъ Божественнаго воспитанія людей путемъ государства, орудіе для помощи и содѣйствія Церкви силою внѣшнею въ подвигъ воспитанія чадъ Божіихъ.

Потому-то „нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть“ (Римл. XIII, 1). Потому-то и повиноваться ей должно не за гнѣвъ, а за совѣсть. Ибо, въ высшемъ

смыслѣ, Царь нашъ есть Господь; Онъ царствуетъ. И въ нынѣшній праздникъ св. Церковь словами псалма намъ возвѣщаетъ: Богъ, *Царь нашъ*, прежде вѣкъ содѣла спасеніе посредѣ земли! (Пс. 92, 1: 95, 10; 96, 1).

Задачи власти суть религіозно-нравственныя, христіанскія задачи. А такъ какъ Крестъ есть символъ христіанства, символъ искупленія, то въ этомъ смыслѣ „Крестъ — царей держава“. Отнимите Крестъ, снимите его съ короны царя и удалите со зданія государства, — и держава царей будетъ только человѣческая, только мірская, временная, непрочная, гнилая, и зданіе царствъ человѣческихъ будетъ всегда построено на пескѣ. Служа христіанскому государству, отстаивая его отъ враговъ, благоустроая его внутренно, мы въ нашемъ патриотизмѣ уже проявляемъ не силу собирательнаго эгоизма, не мірскія задачи и выгоды, не средства властительства и народнаго обогащенія, а исполненіе вѣчныхъ міровыхъ цѣлей, для которыхъ государство служитъ средствомъ; отстаивая державу царей, мы отстаиваемъ Крестъ Господень, ибо — „Крестъ — царей держава“.

Стань же, вѣрный христіанинъ, посреди шума нашихъ дней, посреди современныхъ теченій мысли и жизни, разберись въ нихъ и опредѣли свой путь, свои склонности, свои задачи, свою дѣятельность по вѣчному руководству Креста Господня. Скажи: революція идетъ подъ знаменемъ Креста? Соціалистическія вождельнія увѣнчаны Крестомъ Господнимъ? Демократія и демократическая республика ищутъ ли освященія въ Крестѣ Господнемъ и въ силѣ христіанства? Такъ-называемое „новое государство“, — мечта современныхъ мудрецовъ и соблазнъ ихъ слушателей и послѣдователей, — въ Крестѣ ли Господнемъ полагаетъ державу и утвержденіе? Пресловутое „освободительное движеніе“ водрузило ли на своемъ знамени Крестъ? Современные, навязываемые намъ идеалы государства и власти, реформы государственнаго строя, стремленіе реформировать и передѣлать основы верховной власти, — все это проникнуто ли религіозно-нравственнымъ характеромъ?

Скажи: когда Царю, какъ Верховной Власти, будутъ приказывать со стороны, чтобъ Онъ поступалъ и правилъ такъ

а не иначе, не по долгу христіанской совѣсти, а по земнымъ интересамъ и выгодамъ такъ-называемаго „большинства“, подъ которымъ разумѣется „воля народа“, какъ какой-то новый богъ, какъ мѣра нравственно-добраго и какъ послѣднее основаніе всякой дѣятельности,—при такомъ условіи, скажи, можно ли говорить: „Крестъ—царей держава“?

И куда насъ влекутъ современные мудрецы, „освободители“ и реформаторы: къ государству ли христіанскому, или къ языческому? И гдѣ же ихъ идеалы: впереди, въ вѣчномъ и безграничномъ развитіи христіанства, или позади, въ вождельніяхъ, которыми жило издохшее язычество? И въ такомъ случаѣ, что же это: прогрессъ, или регрессъ?

Отвѣты для вѣрующаго ясны. Въ теперешнихъ нашихъ невгодахъ и несчастіяхъ одно спасеніе: крѣпко помнить, что Крестъ—царей и царствъ держава, похвала и утвержденіе и что направлять и опредѣлять государственную жизнь нужно только вѣчными началами вѣры Христовой, вѣчными ея религіозно-нравственными цѣлями, а не земною похотью плоти, похотью очесъ и гордостью житейской. Когда мы это сознаемъ и дружно и съ любовью начнемъ осуществлять въ жизни,—тогда только наступитъ истинное, столь ожидаемое *умиротвореніе* и обновленіе нашей родины, и тогда мы скажемъ о ней словами пророка:

„Се на горахъ ноги благовѣствующаго и возвѣщающаго миръ. Празднуй праздники твоя, воздай обѣты твоя“... (Наум. I, 15). Ибо Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса. *Богъ—Царь нашъ*, прежде вѣкъ содѣла спасеніе посредѣ земли. Господь—Царь навѣки! (Пс. 9, 37). Аминь.

Ложный стыд.*

Иже аще постыдятся Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйствѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ Человѣческій постыдится того, егда придетъ во славу Отца Своего со ангелы святыми (Мрк. VIII, 38).

Этими словами отмѣчено явленіе, которое на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ и невозможнымъ. Неужели можно стыдиться Иисуса Христа? Неужели можно стыдиться Его словесъ, Его ученія? И если такое явленіе возможно было во дни земной жизни Спасителя, во дняхъ Его плоти, когда Онъ приходилъ и жилъ между людьми въ смиреніи и неизвѣстности, то допустимо ли оно теперь, послѣ двухъ тысячелѣтій исторіи христіанства—Его славы, Его силы, Его благотворнаго и чудеснаго вліянія на міръ и человѣчество?

Исторія знаетъ поразительные примѣры ложнаго стыда среди людей, а наблюденіе надъ человѣческою душой подтверждаетъ, что начало грѣха, живущее въ человѣкѣ, прививая ему злое, сплошь и рядомъ искажаетъ и добрыя начинанія и свойства въ человѣкѣ, и, направляя ихъ въ дурную сторону, дѣлаетъ ихъ сугубо-злыми. Такъ, сознание человѣкомъ своего достоинства въ мірѣ, необходимое и цѣнное и въ христіанинѣ,—обращается въ гордость и самолюбіе. Такъ и стыдъ, это драгоцѣннѣйшее свойство человѣка, отличающее его рѣзко отъ другихъ земныхъ твореній, ограждающее чистоту его души, эта естественная и врожденная защита отъ всего низменнаго и грѣховнаго, обращается нерѣдко въ ложный стыдъ, который становится иногда источникомъ тягчайшихъ преступленій, а иногда и источникомъ духовной смерти. Въ этомъ смыслѣ и слово Божіе поучаетъ: „есть стыдъ во спасеніе, и есть стыдъ—въ погибель“.

* Слово въ недѣлю по Воскресеніи.

Нужны ли примѣры? Одинъ изъ нихъ ярко начертанъ въ евангелии въ живомъ образѣ: Иродъ даетъ клятву плясавицѣ исполнить всякое ея желаніе, и отдаетъ ей голову Іоанна Крестителя, осуждая на смерть праведника, вопреки голосу совѣсти и сердечной жалости. Было бы, однако, неудивительно, если бы такія явленія наблюдались среди людей, отдавшихъ себя въ плѣнь грѣху и страстямъ,—среди людей, у которыхъ все доброе или подавлено, или искажено. Но вотъ, мы видимъ, среди душъ святыхъ и даже особо избранныхъ дѣйствуетъ тотъ же ложный стыдъ: такъ соблазнительно и сильно это искушеніе. Въ какомъ-то непонятномъ самозабвеніи, несмотря на прямое предсказаніе Спасителя, послѣ горячихъ заявленій о вѣрности Господу, апостоль Петръ троекратно отрекается отъ Него, устыдившись признать себя Его ученикомъ то передъ служанкой, то передъ праздными разспросами воиновъ: начать ротиться и клятися, яко не знаю челоуѣка...

Исшедъ вонъ, онъ плакася горько; горькими слезами покаянной скорби онъ загладилъ отреченіе, бывшее мимолетнымъ порывомъ челоуѣческой слабости. И все-таки впоследствии, и послѣ новаго его призванія Воскресшимъ Господомъ, предъ нимъ опять явилось то же искушеніе ложнаго стыда, но въ болѣе тонкихъ, въ болѣе скрытыхъ, а потому и въ болѣе опасныхъ его проявленіяхъ. Предстояло въ Антиохіи, среди христіанъ, впервые назвавшихся этимъ именемъ и образовавшихъ Церковь изъ язычниковъ, засвидѣтельствовать о томъ, что христіанство безповоротно порвало съ еврействомъ и съ его племенными особенностями, что Ветхій Завѣтъ, съ его обрядовой и національно-еврейской стороны, конченъ и уже не нуженъ, какъ свѣча среди яркаго дня,—что для того, чтобы быть христіаниномъ, не нужно сначала и непременно сдѣлаться евреемъ. Противъ такого духовнаго и всемірнаго значенія христіанства возставали евреи, даже принявшіе христіанство, и возставали съ такою силой, съ такимъ нездоровымъ рвеніемъ, съ такими угрозами разрыва и преслѣдованій, что апостоль Петръ сталъ молчать и скрываться и, по началу, какъ бы уступалъ еврействующимъ себялюбивымъ вождельніямъ. (Галат. II, 11—15). Конечно, и это было кратковремен-

нымъ проявленіемъ слабости, и впослѣдствіи апостоль искупилъ и загладилъ его твердостью ученія и исповѣданія всемірнаго значенія христіанства и вѣрностью Христу даже до узъ и смерти.

Хочется примѣнить сказанное къ переживаемому времени. Христіанство имѣетъ всемірное и вѣчное значеніе. Насаждать и укрѣплять его религіозныя и нравственныя начала въ жизни, служить имъ, открыто ихъ называя, не подмѣнивая названія христіанства, какъ религіи, другими силами чисто-человѣческими,—это задача всякаго вѣрующаго, всякаго, подобно первымъ антиохійскимъ послѣдователямъ Христа, нарекашаго себя христіаниномъ.

Въ жизни личной, семейной, общественной и государственной религіозно-нравственныя основы христіанства должны занимать первое мѣсто, и ими должны опредѣляться наше поведеніе, направленіе мысли и жизни,—вся дѣятельность. Конечно, это требованіе особенно важно и примѣнимо къ тѣмъ лицамъ, учрежденіямъ и силамъ, которые такъ или иначе являются руководителями жизни. Государство должно служить нравственнымъ цѣлямъ; власть, законодательство, общественный строй, назрѣваюція реформы этого строя,—все это должно имѣть и исходнымъ началомъ, и завершительною задачей завѣты христіанства, какъ религіи, какъ богооткровенной истины, а не человѣческой системы морали. Можетъ ли, въ такомъ случаѣ, жизнь государственная не касаться Церкви, и можетъ ли Церковь не касаться государства? Напротивъ, онѣ, дѣйствуя согласно, должны и могутъ служить одной задачѣ духовнаго воспитанія людей, дѣйствуя каждый въ своей области: Церковь—въ области духа, въ сокровенной внутренней жизни человѣка; государство—въ области внѣшней жизни, помогая Церкви, силою матеріальной и силою власти, закона, суда, образованія, печати и внѣшняго распорядка, насаждать и укрѣплять религіозно-нравственныя начала. Потому-то и говоритъ апостоль о власти, что она назначена въ поощреніе добрымъ и въ наказаніе зло творящему, что она—*Божій слуга* (Римл. XIII, 1—6; ср. 1 Петр., II, 15),—слуга воли и правды вѣчной и Божьей, а не слуга человѣческой, колеблющейся воли и че-

ловѣческой условной правды. Если всего этого вѣтъ, ясно, что общество и государство перестали быть христіанскими.

Что же мы видимъ? Растущее озлобленіе, усиленіе преступности, паденіе нравственныхъ началъ жизни, разбой, грабежи, лѣнь, пьянство,—все это, повидимому, взываетъ къ усиленію религіозно-церковнаго воздѣйствія на народъ. Отсюда ясно, что въ предполагаемыхъ реформахъ общественнаго и государственнаго переустройства должны быть положены открыто и рѣшительно начала религіозно-нравственныя.

Это ясно и, повидимому, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Но современнымъ людямъ, и опять, какъ древле, подъ вліяніемъ того же еврействующаго направленія мысли, нынѣ только принявшаго инныя формы, но не менѣе враждебнаго ко всему христіанскому, скрывающаго имя еврейства, но остающагося таковымъ по существу,—подъ вліяніемъ того же еврейства, которое нѣкогда, въ первенствующей Церкви, выступило врагомъ всемірнаго и всеобъемлющаго значенія христіанства, современнымъ руководителямъ жизни часто „стыдно“ открыто назваться христіанами.

И вотъ, идетъ безконечная путаница понятій, подмѣна христіанскихъ началъ жизни другими, заимствованными отъ христіанства, но искаженными и извѣстными подъ громкими модными названіями, безконечная разноголосица мнѣній и воззрѣній, безконечныя попытки устроить и упорядочить жизнь на спорныхъ и неясныхъ началахъ человѣческихъ, ни для кого не обязательныхъ и вѣчно мѣняющихся.

Что такое „культура“ и „культурныя задачи“, къ которымъ теперь такъ часто взываютъ? Что такое „право“ и „правовой строй“, на который теперь такъ много надѣются? Что такое „примѣръ цивилизованныхъ народовъ“, что такое „цивилизация“, „прогрессъ“ и просвѣщеніе, о которыхъ говорятъ любая газетка и любой листокъ? Что такое равенство и свобода, эти кумиры современности, если они разсматриваются внѣ христіанства? На чемъ обосновать и братство всѣхъ людей, если не вѣрить въ Бога, ихъ Небеснаго Отца? Есть ли во всѣхъ этихъ перечисленныхъ и названныхъ нами понятіяхъ какое-либо опредѣленное и неизмѣнное содержаніе? А вѣдь къ

нимъ обращаются какъ къ новому евангелію, ими провѣряютъ все и вся, на нихъ хотятъ строить все зданіе жизни, весь кругъ человѣческихъ отношеній. Есть ли въ нихъ, въ этихъ понятіяхъ, какая-либо внутренняя обязующая сила?

Все это ни болѣе и ни менѣе, какъ жалкія попытки затѣнить названіе, затѣнить и исказить и силу христіанства другими пышными названіями, понятіями, модными и принятыми. „Не принято“ говорить текстами Священнаго Писанія; „не принято“ и „стыдно“ обращаться къ источнику вѣчной мудрости; стыдно ссылаться на евангеліе, — это знакъ „лампаднаго міровоззрѣнія“; стыдно искать руководства у Церкви, — это знакъ отсталости и клерикализма.

Что же удивительнаго, если подъ вліяніемъ того же новаго кумира и идола, желающаго и требующаго отъ своихъ поклонниковъ усилій разложить христіанство, устранить значеніе Церкви, ослабить государство, уничтожить патріотизмъ, ввести матеріалистическія основы жизни подъ видомъ прогресса, — „представители народа“, страха ради іудейска и изъ ложнаго стыда, стыдятся явиться патріотами, стыдятся быть помощниками и соработниками власти, стыдятся стать на сторону порядка, честію и обязанностью почитаютъ стоять непремѣнно за оппозицію — сопротивленіе правительству, стыдятся высказаться противъ убійствъ и замысловъ на царубійство? Неужели можно думать, что все это — люди совершенно безсовѣстные, люди злые и безвозвратно безнравственные? Неужели можно предположить, что всѣ они, въ самомъ дѣлѣ, искренно оправдываютъ все то зло, которому служатъ?

Думать такъ, — значить, слишкомъ низко думать о людяхъ. Здѣсь очень часто — гибельный ложный стыдъ, здѣсь малодушіе и слабоволіе предъ натискомъ и силой зла, здѣсь боязнь осужденія со стороны модныхъ идоловъ и кумировъ, здѣсь страхъ предъ тѣми силами, которыя нагло взяли въ свои руки руководство жизни и насиліемъ, запугиваніемъ желаютъ подавить и обезсилить всякое сопротивленіе злу.

Для насъ все это — показатель того гибельнаго пути, куда приводитъ ложный стыдъ. Для насъ это — грозное предостереженіе. Для насъ это — объясненіе того, повидимому, невозмож-

наго явленія, о которомъ сегодня говоритъ намъ евангельское чтеніе: „Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, того и Сынъ Человѣческій постыдится, егда придетъ во славу Отца Своего со ангелы святыми“.

Не такимъ людямъ, не рабамъ моды, не плѣнникамъ ложнаго стыда устроить жизнь, не такимъ людямъ, хромающимъ на оба колѣна, ея руководить! Нужны люди и дѣятели убѣжденные, искренніе, вѣрующіе въ Бога и Христа, вѣрующіе въ добро и помощь Божію, открытые и необязненные сыны святой Церкви. Нужны люди, которые будутъ называть Бога, Христа, религію и Церковь ихъ собственными именами, не стыдятся ложнымъ и постыднымъ стыдомъ, не подмѣнивая этихъ вѣчныхъ и святыхъ основъ всякой жизни модными человѣческими измышленіями.

Только такими людьми строится жизнь, а не разрушается; только такіе люди откроютъ намъ выходъ къ свѣтлому существованію и къ счастью Россіи изъ нынѣшняго тяжелаго безвременья. Что бы ни дѣлали злыя силы, какими бы преступленіями ни позорили народъ, какими бы тучами и ложью ни омрачали они сознаніе и настроеніе сыновъ родины,—побѣда и торжество суждены не имъ, а людямъ вѣры, чуждымъ ложнаго стыда, непоколебимо, безстрашно и прямо идущимъ правымъ путемъ религіозно-нравственнаго устроенія жизни. Къ нимъ, въ концѣ концовъ, перейдутъ слабые и смущенные, пока еще колеблющіеся, но въ существѣ любящіе Бога и христіанскую вѣру, къ нимъ, и съ ними—и Божье благоволеніе, и Божественная всесильная помощь.

Сильные и твердые! Вамъ похвала и честь и отрадная вѣра, что Сынъ Человѣческій не постыдится васъ, когда придетъ въ славу Своей.

Тайные ученики Христовы, Никодимы современные, колеблющіеся и ложнымъ стыдомъ стыдящіеся! Вамъ слово вѣщее: укрѣпитесь колѣна разслабленныя, поднимитесь сердца унылыя! Сила враговъ—мнимая, она вся утверждается и покоится на вашей нерѣшительности и бояливости. Встаньте во весь ростъ христіанскихъ убѣжденій,—и сила враговъ сразу рухнетъ.

Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи, ибо Той побѣдитъ враги, яко всемогущъ! Аминь.

Стыдно стыдиться Христа.*

Св. Церковь и послѣ праздника Воздвиженія Креста Господня продолжаетъ насъ поучать тайнѣ Креста. Велика эта тайна и спасительна; она—сосредоточіе всей нашей святойвѣры. Оттого такъ часто, съ такою любовью и заботливостью Церковь Божія о ней намъ проповѣдуетъ.

Въ настоящій воскресный день евангельское чтеніе напоминаетъ намъ заповѣдь Христову о томъ, что каждый послѣдователь Иисуса Христа долженъ безропотно и самоотверженно взять и нести свой крестъ, крестъ духовный, крестъ страданій, лишеныи всѣхъ обстоятельствъ жизни,—и слѣдовать за Христомъ; онъ долженъ поэтому всякое положеніе свое на землѣ обратить въ средство и въ путь своего нравственнаго усовершенствованія и угожденія Богу. Много препятствій у христіанина на этомъ пути: препятствуетъ себялюбіе, препятствуютъ чувства гордости, злобы, зависти, нетерпѣливости, непостоянства, раздражительности и саможалѣнія. Есть еще одно препятствіе, это—ложный стыдъ. О немъ и говоритъ нынѣшнее евангеліе: „Кто постыдится Меня и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, того и Сынъ Человѣческій постыдится, когда придетъ во славу Отца Своего со ангелами святыми“ (Марк. VIII, 38). Такъ говорилъ Спаситель Своимъ ученикамъ. Такъ Онъ говоритъ и намъ.

Чего могли стыдиться непосредственные ученики и служители Иисуса Христа? Отъ какого стыда ихъ предохранялъ и предостерегалъ Спаситель? Отвѣтъ ясенъ. Спаситель пришелъ на землю въ видѣ уничиженія. Ни богатствомъ, ни силою, ни мірскою славою Онъ Своего ученія не поддерживалъ.

* Въ нед. по Воздвиженіи.

За Нимъ шли только такіе люди, которые чистою совѣстью и боголюбивою душою чувствовали небесную истину и святость ученія Христова и признавали Его Сыномъ Божиимъ. Рядомъ со Спасителемъ, Который, въ добровольномъ Своемъ смиреніи, родился въ бѣдныхъ ясляхъ, выросъ въ незнатномъ Назаретѣ, занимаясь чернымъ трудомъ плотника, а жилъ, не имѣя, гдѣ главы приклонить,—рядомъ съ нимъ были учителя народные: книжники, фарисеи, законники, сильные ученостью, окруженные почитателями, занимавшіе видное и властное положеніе среди своего народа. И хотя слово ихъ не было властно для совѣсти, не жгло сердца огнемъ покаянія и любви къ Господу, жаждою оправданія предъ Богомъ и спасенія, однако, ихъ извѣстность, ихъ видное и знатное положеніе привлекали народъ, всегда падкій на все показное. Къ тому же и современные Христу учителя народа еврейскаго общали ему и въ лицѣ Мессіи всякія блага земныя, а Христось Спаситель, напротивъ, общалъ Своимъ послѣдователямъ только тяжкій крестъ жизни, крестъ страданій и гоненій,—заповѣди самоотреченія, самоотверженія и подвига. Естественно могло случиться, что среди слушателей Иисуса Христа были такіе, которые втайнѣ Ему сочувствовали, душою къ Нему тяготѣли и стремились, но стыдились предъ всѣми выразить свою вѣру и преданность Спасителю. Такимъ-то и говоритъ Господь, что будетъ время, когда не въ видѣ уничиженія, а во славѣ Своей и съ ангелами святыми придетъ Христось Спаситель снова на землю судить живыхъ и мертвыхъ.

Что же тогда будутъ чувствовать тѣ, которые стыдились слѣдовать за Христомъ? Какъ осмѣлятся они подойти ко Христу Прославленному? И Онъ скажетъ имъ, что Онъ ихъ не знаетъ, что Онъ ихъ не видѣлъ среди Своихъ учениковъ; въ этомъ смыслѣ и нужно понимать слова Христовы о томъ, что Сынъ Человѣческій постыдится такихъ людей въ славное пришествіе Свое.

Спросимъ себя и подумаемъ: нѣтъ ли чего подобнаго и въ наше время? Не приходится ли и намъ иногда стыдиться Иисуса Христа? Горько сказать, а нужно признаться, что даже послѣ двухъ тысячелѣтій жизни христіанской, когда для всѣхъ

стали ясны и сила, и Божество, и благодѣяніе Спасителя для міра, все-таки нерѣдко мы видимъ, какъ современные люди стыдятся своего Спасителя. Вотъ, поистинѣ, когда нужно вспомнить великое слово Божественной Мудрости: „есть стыдъ во спасеніе, и есть стыдъ въ погибель!“ Такъ именно въ погибель себѣ стыдятся люди Иисуса Христа; такъ именно въ погибель себѣ постыдился Иродъ, когда ради неразумной клятвы, данной въ опьяненіи скверной плясавицѣ, онъ приказалъ отсѣчь голову Іоанну Крестителю. И сколько въ жизни наблюдаемъ мы случаевъ такого позорнаго, погубительнаго стыда!

Ты — вѣрующій человѣкъ, а между тѣмъ, тебя увѣряютъ люди „науки“, что вѣра свое время отжила, что теперь только невѣжественные люди остаются вѣрными религіи. Ты дорожишь мнѣніями этихъ людей и начинаешь видимо отходить отъ вѣры и Церкви, — вотъ и стыдъ въ погибель!

Ты хранишь уставы Церкви, молишься, постишься, посѣщаешь храмъ, а съ тобою рядомъ, въ томъ обществѣ, въ которомъ ты вращаешься, вдругъ появляются люди, которые смѣются надъ твоимъ поведеніемъ. Ты устыдишься насмѣшекъ, начнешь прятаться, перестанешь исполнять уставъ церковный, — вотъ и стыдъ въ погибель.

Ты принимаешь къ себѣ святыни, ты любишь служителей Церкви, ты радъ, когда они посѣщаютъ тебя со св. Крестомъ и молитвою. Вдругъ появляются около тебя люди развращенные и начинаютъ предъ всѣми поднимать тебя на смѣхъ и говорить, что ничего этого не нужно, что святыни не спасутъ человѣка, что священники вовсе не нужны. Ты сталъ изъ страха и стыда поступать по ихъ внушеніямъ, хотя бы только наружно, а не въ душѣ, — и вотъ опять стыдъ твой въ погибель.

Ты вѣренъ православной Церкви. Но вотъ появляются враги ея и начинаютъ говорить противъ нея оскорбительныя рѣчи. Одинъ изъ такихъ враговъ — извѣстный ученый, другой — богатый и вліятельный человѣкъ; иной съ хорошимъ положеніемъ въ жизни. Не хочется тебѣ отойти отъ ихъ сообщества. Тебѣ лестно быть вмѣстѣ съ ними. И ты молчишь или согла-

шаешься на ихъ безумные глаголы изъ ложнаго стыда,—и опять стыдъ въ погибель.

Иногда не люди, а книги, газеты, листки говорятъ тебѣ противъ вѣры, поучаютъ тебя разврату мысли и слова, возбуждаютъ въ тебѣ вражду къ Царю, къ правительству, къ богатымъ людямъ, будятъ въ тебѣ злобу и зависть, толкаютъ народъ на злыя и преступныя дѣла. Бросить бы всё эти пагубные листки, вѣдь они говорятъ прямо противъ ученія нашей вѣры, противъ христіанскаго закона праведной жизни. Но кругомъ всё такіе листки читаютъ, всё признаютъ и говорятъ, что кто этихъ листовъ не читаетъ и мыслей такихъ не держится, тотъ человекъ отсталый, глупый, не „сознательный“. И захочется тебѣ не отстать отъ другихъ, постыдишься или побоишься ты поступать по совѣсти и сказать всю правду, сказать, что такіе листки лгутъ, а ихъ составители и распространители ведутъ народъ къ гибели. Вотъ, и здѣсь стыдъ твой не во спасеніе, а въ погибель.

Кого же ты постыдишься и на кого ты промѣняешь Христа? Ясное дѣло, что ты измѣнишь Ему ради страха предъ грѣшными людьми, ради корысти, ради временныхъ выгодъ. И Господь тебѣ скажетъ: „Кто постыдится Меня и Моихъ словесъ *въ родъ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ*, того и Сынъ Человѣческій постыдится, когда придетъ во славу Отца Своего со ангелами святыми“.

Стыдно христіанину стыдиться Христа своего! Аминь.

Будь достоинъ Христа, христіанинъ.*

Что вы думаете о Христѣ? Чей Онъ Сынъ? (Мате. XXII, 42).

Евреи ожидали Христа. На Него они возлагали всё свое упованіе, отъ Него надѣялись получить спасеніе и счастье. Но,

* Въ недѣлѣ 15-й по Пятидесятницѣ.

какъ мы знаемъ, они счастье понимали, какъ земное владычество, а Христа представляли царемъ еврейскимъ, земнымъ завоевателемъ. На поставленный вопросъ Господа: „Что вы думаете о Христѣ? Чей Онъ Сынъ?“ законники и книжники еврейскіе быстро и увѣренно отвѣтили: „Давидовъ“. Они знали и хранили букву Священнаго Писанія, но духа его не разумѣли. То правда, что Иисусъ Христосъ, согласно предсказаніямъ пророковъ, долженъ былъ прійти и родиться отъ колѣна Іудова, изъ рода царя Давида. Это было предсказано милосердіемъ Божиимъ, чтобы люди, въ числѣ прочихъ признаковъ пришествія Спасителя, имѣли бы и этотъ, всѣмъ видимый и доступный, т.-е. Его происхожденіе по плоти отъ такого рода, который, какъ царскій и славный, всѣмъ рѣшительно извѣстенъ. Книжники же и законники, и большинство евреевъ обращали вниманіе только на то, что Христосъ будетъ изъ рода *царскаго*; они не могли оторваться отъ буквы. Наименованіе рода, изъ котораго произойдетъ Спаситель, царскимъ давало имъ надежды, что Христосъ-Мессія будетъ царемъ-завоевателемъ и покоритъ евреямъ весь міръ. И вотъ, Спаситель, получивъ отвѣтъ отъ книжниковъ о томъ, что Христосъ есть Сынъ Давидовъ, изъ словъ самого царя Давида показываетъ имъ, что Христосъ есть не только Сынъ Давидовъ по плоти, но Онъ есть Вѣчный Сынъ Божій, Господь и Богъ, ибо Давидъ въ псалмѣ говоритъ: *рече Господь Господеву Моему...*, т.-е. Богъ Отецъ, Господь, говоритъ Сыну Своему, Господу: *сиди одесную Мене*, т.-е. Ты равенъ Мнѣ, и *Я положу, покорю всѣхъ враговъ Твоихъ къ ногамъ Твоимъ...*

Нужно ли насъ теперь спрашивать: „какъ вы думаете о Христѣ? Чей Онъ Сынъ?“ Мы, христіане, мы, вѣрующіе люди, мы, сыны Церкви православной, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Христосъ есть Сынъ Божій, Онъ есть нашъ Господь и Богъ. Пусть враги Его, враги Церкви, еретики, сектанты, вольнодумцы говорятъ и учатъ, что Онъ есть только Учитель, или что Онъ неравенъ Отцу, или что Онъ—простой человѣкъ. Слова эти страшно и выговорить. Таковымъ упорнымъ въ заблужденіи Церковь возлагаетъ анаѣему, таковыхъ Богъ покоритъ къ ногамъ Сына Своего, таковыя постыдятся и устра-

пятся, когда Христось Господь придетъ опять на землю во славъ Своей судить живыхъ и мертвыхъ. Для насъ—непреложная истина нашего символа, въ коемъ возглашается, что мы вѣруемъ въ единого Господа Исуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, Свѣта отъ Свѣта, Бога Истиннаго отъ Бога Истиннаго.

Однако, въ чемъ же разница нашего исповѣданія отъ исповѣданія тѣхъ, которые признавали Христа только Сыномъ Давидовымъ или признають Его и нынѣ только Сыномъ Человѣческимъ?

Разница, конечно, огромная, величайшая, несказанная; какъ небо отъ земли, какъ огонь отъ воды, какъ день отъ ночи, отличается отъ лжи и суемудрія наше исповѣданіе, наша вѣра. Богъ—вѣченъ, всесовершенъ, неизмѣняемъ, Богъ есть Духъ. А человѣкъ—существо временное, несовершенное, измѣнчивое, онъ есть плоть. Можемъ ли мы, признавая Христа Господомъ и Богомъ, дѣлать жизнь свою недуховною, рассчитывать ее только на время земного существованія? Въ такомъ случаѣ, къ чему же тогда наша вѣра? Къ чему тогда признаніе Христа Сыномъ Божиимъ? Или Онъ намъ нуженъ только для земли? Или послѣ могилы мы прекратимъ свое существованіе? Или небесная жизнь для насъ не существуетъ? Но тогда вѣдь смерть будетъ нашимъ богомъ и владыкою; тогда земля будетъ нашимъ единственнымъ мѣстомъ обиталища; тогда, если не правы, то, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ мы, послѣдовательны тѣ, которые признавали Христа только Сыномъ Давидовымъ и на Него возлагали только земныя надежды.

Спросите и скажете: къ чему объ этомъ рѣчь и что она значить? Отвѣчаемъ: рѣчь эта теперь очень и очень нужна, и напоминать о ней теперь очень, очень полезно. Что Христось есть Сынъ Божій, пусть это будетъ не на словахъ, а на дѣлѣ. А нынѣ какія ученія раздаются и о какой жизни говорятъ различные учителя, желающіе быть руководителями народа? О жизни не духовной, не вѣчной, а о плотской, о временной, о земной, а не о небесной. Оттого и дѣла ихъ—плотскія, а не духовныя, ибо не собирають отъ терновника винограда. Припоминается случай, описываемый въ евангеліи. Нѣкто обра-

тился къ Иисусу Христу съ просьбою: „Учитель, повели брату моему раздѣлить со мною имѣніе“. Можетъ-быть, дѣло здѣсь было справедливое, можетъ-быть, и просьба была невинная. Но Иисусъ Христосъ отвѣтилъ: „Человѣкъ, кто меня поставилъ судьей или раздѣльщикомъ между вами?“ А затѣмъ изъ этого случая Господь вывелъ для Своихъ послѣдователей нравоученіе: „берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его“.

И нынѣ раздаются такія же рѣчи и такія же пожеланія. Говорятъ много о землѣ, о раздѣлѣ имущества, объ уравненіи имущественныхъ правъ, о заработной платѣ, о законахъ и часахъ работы. И нынѣ многіе желали бы, чтобъ именно христіанство всѣ эти вопросы разрѣшало. Думаютъ и говорятъ: вѣдь все на землѣ надо подѣлить поровну, по справедливости, отчего же Христова вѣра объ этомъ молчитъ?

Отчего, въ самомъ дѣлѣ? А оттого, отчего и Спаситель не сталъ раздѣлять имѣній, ибо это дѣло временное, ибо никто не дѣлалъ христіанства судьей въ имущественныхъ спорахъ. Но есть въ христіанствѣ *вѣчное*, единое на потребу, и если это вѣчное исполнишь, то и временное чрезъ это самое устроишь во благо. Вѣчное—духъ, вѣчное—угожденіе Богу, вѣчное—исполненіе воли Божіей и заповѣдей Господнихъ, вѣчное—спасеніе души. Когда ты исполнишь заповѣдь: „берегитесь любостыжанія“, когда ты будешь помнить, что „жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его“,—тогда и въ дѣлахъ временныхъ, въ раздѣленіи имѣній ты будешь и справедливъ, и милостивъ, и уступчивъ, тогда не потребуешь, чтобы кто судилъ или раздѣлялъ тебя.

А если Христа будешь признавать только Сыномъ Человѣческимъ, если, по подобію древнихъ евреевъ, ты будешь отъ Него, какъ отъ Сына Давидова, ожидать только устроенія дѣлъ царства земного,—то и жизнь вѣчную утеряешь и земную не устроишь, а еще больше разстроишь, ибо для нея не будетъ руководства вѣчнаго, ибо гдѣ люди, тамъ и страсти, ибо гдѣ одно земное, тамъ одно грѣховное.

Христіанинъ! Твой Христосъ есть Сынъ Божій. Онъ тебѣ указываетъ и волю Божію, и жизнь по-Божьи. Твой Христосъ

есть Превѣчный Богъ. Ищи же вѣчнаго, а не временнаго. Будь достоинъ Христа твоего! Аминь.

Равенство.*

Въ маломъ ты была вѣрять,—
надъ многими тебя поставлю (Мф.
XXV, 23).

Кто нынѣ не говорить о равенствѣ? Сколько рѣчей, сколько книжекъ и листовъ призываютъ къ тому, чтобы всѣ люди во всемъ между собою были равны, и чтобы у нихъ все было поровну! И сколько людей сбито съ толку и вѣрять такимъ рѣчамъ и ожидаютъ, что мечты о всеобщемъ равенствѣ непремѣнно и скоро сбудутся! Немало и такихъ проповѣдниковъ новаго ученія о равенствѣ, которые доказываютъ, что оно принесено на землю Христомъ и проповѣдано въ евангеліи. Какъ православному христіанину смотрѣть на это и кого ему слушать?

Да, Христосъ Спаситель училъ о равенствѣ людей и евангеліе о немъ говорить. Но чтобы понять, какое это равенство, въ чемъ оно и для чего, нужно не евангеліе провѣрять своими умствованіями, а, напротивъ, свои умствованія и помыслы провѣрять евангеліемъ. Только тогда мы съ полнымъ правомъ можемъ называться людьми по-христіански вѣрующими.

Что же говорить намъ по этому вопросу святое евангеліе? Отвѣтъ—въ сегодня читанной притчѣ.

Евангельская притча говорить намъ о Господинѣ, Который, призвавъ Своихъ рабовъ, далъ имъ—одному пять талантовъ, другому два, иному одинъ талантъ, и Самъ отошелъ, наказавъ рабамъ употребить въ дѣло таланты, умножить ихъ и затѣмъ дать о нихъ отчетъ Господину въ свое время, когда Онъ возвратится. Господинъ—это Богъ; рабы—это люди; та-

* Поученіе къ евангелію 16-й по Пятидесятницѣ.

ланты—это силы и способности, данныя людямъ; отшествіе Господина—это предоставленіе людямъ жить и дѣйствовать на землѣ по своей свободной волѣ и употреблять въ дѣло для угожденія Богу свою жизнь, свои силы,—свои таланты.

Итакъ, вотъ уже и неравенство, ибо, какъ видимъ, не всѣ получили поровну талантовъ. Но вмѣстѣ здѣсь и равенство: ибо всѣ равно обязаны трудиться, всѣ равно получили свободу добровольно исполнять волю Божию, всѣ равно дадутъ отчетъ Богу.

По истеченіи долгаго времени,—это—вся жизнь человѣка,—пришелъ Господинъ,—это—второе пришествіе Господа Иисуса Христа,—и погребоваль у рабовъ отчета,—это—судъ Божій надъ людьми. Какой же рабъ оказался лучше всѣхъ? Если бы намъ напередъ не была извѣстна притча Спасителя, то мы, павѣрное, сдѣлали бы изъ нея совершенно другой выводъ. Мы знаемъ, какъ часто Спаситель обличалъ богатыхъ и знатныхъ людей; мы знаемъ, какъ Онъ любилъ бѣдняковъ и какъ часто именно въ нихъ, напримѣръ, въ бѣдной вдовѣ, пожившей двѣ лепты въ сокровищницу храма, или въ бѣдномъ Лазарѣ,—видѣлъ и указывалъ богатство духа. Мы знаемъ, что Самъ Иисусъ Христосъ выросъ въ бѣдности и не имѣлъ во всю жизнь, гдѣ главу подклонить. Мы могли бы поэтому ожидать, что въ слышанной нами сегодня притчѣ о талантахъ все сочувствіе, всю похвалу Спасителя получить рабъ, которому данъ былъ только одинъ талантъ, а нерадивымъ и достойнымъ укоризны и наказанія окажется рабъ, получившій больше всѣхъ, имено пять талантовъ. Въ притчѣ, однако, видимъ все совершенно наоборотъ. Получившіе много,—много и работали, удвоили таланты, вручили ихъ Господину и удостоились похвалы. А злымъ, неблагодарнымъ, лѣнливымъ и лукавымъ рабомъ оказался получившій одинъ талантъ. А судъ-то былъ, при неравенствѣ талантовъ, равный для всѣхъ и справедливый. Одинаково всѣ должны были дать отчетъ; одинаково каждый долженъ былъ удвоить то, что имѣлъ; одинаково каждый за эту работу удвоенія талантовъ получилъ равную похвалу. Получилъ бы ее и имѣвшій только одинъ талантъ, если бы и онъ его удвоилъ. Отъ него потребовалось

бы принести лишнихъ не пять талантовъ, и не два, а только одинъ, сообразно тому, что онъ имѣлъ, а похвалу и награду онъ получилъ бы ту же, что и принесшій пять талантовъ. Но онъ талантъ спряталъ въ землѣ, дерзко говорилъ съ Господиномъ, винилъ Его за мнимую жестокость и требовательность, напередъ считалъ Его несправедливымъ. За это рабъ былъ лишень того, что имѣлъ. „Возьмите у него талантъ,—сказалъ Господь,—и отдайте имѣющему десять талантовъ, ибо имущему дано будетъ и преизбудеть, а у неимущаго и то, что онъ думаетъ, будто, имѣеть, отнимется отъ него. А негоднаго раба бросьте въ темницу; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовой“.

Таковы неожиданные выводы притчи. Итакъ, не спасаетъ ни бѣдность сама по себѣ, ни богатство само собою. Вѣчно остается евангельское правило: „царство Божіе внутри васъ есть“. Все зависитъ отъ этого внутренняго, душевнаго состоянія, отъ этой напряженной работы надъ собою, надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. Мы знаемъ, что душа человѣка развивается, какъ и тѣло, посредствомъ напряженія и упражненія соответствующихъ силъ. Поднимая тяжести, мы укрѣпляемъ силу тѣла: но безразлично, поднимаемъ ли мы землю, камни, дерево, желѣзо или золото,—силы тѣлесныя отъ этого одинаково развиваются и упражняются. Такъ и душа: все равно испытываемъ ли мы ее и развиваемъ бѣдностью, богатствомъ, т. е. терпѣніемъ или милосердіемъ, мы въ томъ и другомъ случаѣ сдерживаемъ и ограничиваемъ себя, учимся жить не для себя только, учимся себѣ отказывать ради угожденія Богу, ради служенія нашимъ ближнимъ.

Господь Иисусъ Христосъ поэтому проповѣдывалъ *равенство религиозно-нравственное*, внутреннее, духовное, перады Богомъ, а не внѣшнее, не мірское, не предъ людьми. На землѣ всегда будутъ молодые и старые, способные и менѣе способные, здоровые и больные, сильные и слабые, будутъ мужчины и женщины, взрослые и дѣти. Значитъ, съ этой стороны люди неравны и не могутъ быть равны. Отсюда же—богатые и бѣдные. Какъ невозможно насильно уравнивать людей такъ, чтобы не было мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, способ-

ныхъ и неспособныхъ, такъ невозможно насильно уравнивать богатыхъ и бѣдныхъ. Богъ и лѣсу не равняетъ.

Но зато безконечно намъ дорого то другое равенство, которое намъ даровалъ Богъ, о которомъ и училъ Христосъ Спаситель,—равенство передъ Богомъ. Всѣ мы одинаково созданы Богомъ; всѣ равно призваны къ вѣчной жизни; всѣ равно призываемся къ ней: одни—богатствомъ, другіе—бѣдностью, лишеніями самыми разнообразными; всѣ равно идемъ къ небу и спасенію: всѣмъ равно даровалъ Господь искупленіе чрезъ Сына Своего, всѣмъ подаетъ благодать, нужную для спасенія; всѣмъ равно открыто евангеліе, заповѣди Господни, воля Божія, благая и совершенная; всѣмъ равно доступна молитва и угожденіе Богу, всѣмъ дарована св. Церковь. Въ храмѣ, въ молитвѣ, въ подвигѣ, въ добродѣтели—всѣ равны. И развѣ не видимъ, какъ цари и вельможи припадаютъ съ молитвою и поклоненіемъ къ тѣмъ святымъ и праведникамъ, которые въ жизни земной были совершенными простецами, людьми, по мірскому суду, совершенно незначительными? Въ этомъ наглядное доказательство того, насколько внутреннее выше внѣшняго, духовное выше тѣлеснаго, небесное и Божіе—выше мірскаго и человѣческаго.

И опять въ жизни духовной, въ достиженіи святости и спасенія всѣ люди равны только по своему назначенію и призванію, по доступности для каждаго вѣрующаго всѣхъ средствъ достиженія святости. А самое достиженіе и степень его, конечно, будутъ различны. Судъ Божій будетъ всѣмъ равно справедливый и милостивый, но приговоръ его, конечно, различенъ. „Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ. Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу“. Такъ учить слово Божіе о будущемъ завершеніи всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. И было бы несправедливо иное окончаніе и завершеніе сихъ дѣлъ. Ибо полное уравнианіе всѣхъ во всемъ означало бы полное безразличіе добра и зла, дѣятельности и лѣности, добрыхъ намѣреній и злыхъ. Полное уравнианіе всѣхъ и во всемъ означало бы, что у человѣка нѣтъ никакой свободной воли, никакой своей собственной дѣятельности, что отъ него ничего не зависитъ, что онъ не можетъ имѣть никакой заслуги, что онъ,

наконецъ, совершенно лишень всякой возможности идти впередъ и нравственно развиваться.

Притча о талантахъ учить насъ совершенно противоположному. И она говоритъ о равенствѣ людей, но о равенствѣ достойномъ и справедливомъ, поднимающемъ человѣка, а не унижающемъ, о томъ равенствѣ, которое открываетъ для человѣка безконечную возможность труда, самосовершенствованія, свободы, счастья и приближенія къ Богу. Равенство это—религіозно-нравственное.

Иного равенства среди людей нѣтъ! Аминь.

Памяти В. А. Грингмута.*

Сегодня послѣднее наше общее собраніе, созванное по указанію и по желанію нашего дорогого предсѣдателя, незабвеннаго Владиміра Андреевича Грингмута. Казалось, неожиданная смерть его должна была бы заставить насъ отложить собраніе до другого раза. Но мы не хотѣли преступить предсмертной воли покойнаго. Да, такова именно была его предсмертная воля. За нѣсколько часовъ до смерти, уже нѣмѣющимъ языкомъ, онъ говорилъ о немъ, распоряжался, безпокоился. Еще съ нами его прахъ, еще не приняла его земля навѣки. Пусть же нашъ вождь, какъ живой, еще съ нами остается сегодня. Онъ желалъ,—и мы сегодня собрались. Онъ указалъ на завтра быть нашему общему патріотическому празднику, желалъ всѣхъ насъ призвать на молитву и торжество съ нашими священными хоругвями. И, послушные его голосу, мы придемъ сюда на молитву, мы склонимъ предъ нимъ, въ знаменіе послѣдняго прости, наши хоругви-знамена... Дорогой нашъ, нашъ любимый вождь! Мы послушны тебѣ въ этомъ, мы останемся послушны и всѣмъ твоимъ урокамъ, и подвигу твоей жизни, пока въ насъ будетъ жить дыханіе жизни.

* Рѣчь на общемъ собраніи патріотовъ 30 сентября 1907 года.

Среди насъ нѣтъ ни одного человѣка, который не раздѣлялъ бы того воодушевленнаго призыва, съ которымъ обратились къ намъ твои непосредственные друзья, помощники, со-работники. Да, какъ ни тяжка наша утрата, но она не разстроитъ нашихъ рядовъ и не вызоветъ ничего бѣгства съ поля брани. Дорогимъ именемъ твоимъ мы общаемся и клянемся нести твое бремя, дѣлать и продолжать твой подвигъ, твое дѣло.

Теперь ужъ не помѣшаетъ намъ скромность Владиміра Андреевича говорить въ этотъ день только о немъ. Сегодня и не можетъ быть у насъ никакого другого предмета рѣчи.

До 1905 года онъ былъ выдающимся педагогомъ, памятнымъ для всѣхъ своихъ учениковъ, потомъ — редакторомъ, журналистомъ, усерднымъ, энергичнымъ, талантливымъ, стойкимъ въ убѣжденіяхъ, вѣрнымъ завѣтамъ своего учителя М. Н. Каткова, твердымъ предъ всѣми и всякими нападками враговъ. Но война и опасность родятъ героевъ и богатырей. И онъ явился героемъ и богатыремъ именно въ пору тяжкаго нашего безвременья, когда злая смута черною тучей поползла по лицу земли русской. Уже съ конца 1904 года, когда мы услышали призывъ недоброй памяти Святополка-Мирскаго о „довѣрїи“, — о довѣрїи ко всѣмъ предателямъ, измѣнникамъ и преступникамъ и недовѣрїи къ твердымъ и честнымъ Государевымъ слугамъ, — стало раздаваться могучимъ, будящимъ и призывнымъ колоколомъ мощное слово Владиміра Андреевича, слово обличенія, слово грозящаго вразумленія.

Съ 18 февраля 1905 года его сердце-вѣщунъ почувяло грозную опасность для русскаго народа, а съ 17 апрѣля — грозную опасность для православной Церкви. Съ этого времени онъ, не переставая попрежнему неустанно работать перомъ, весь ушелъ въ общественную дѣятельность. Ранѣе всѣхъ теперешнихъ патріотическихъ союзовъ и содружествъ онъ учреждаетъ въ апрѣлѣ 1905 года Русскую монархическую партію и начинаетъ собирать около себя разрозненныхъ русскихъ патріотовъ, которые инстинктивно почувствовали страшную опасность для родины. Съ тяжелымъ чувствомъ онъ заносилъ въ свою лѣтопись журналиста учрежденіе Государ-

ственной Думы 6 августа и предсказывалъ, что она и не соберется по этому закону, а если и соберется, то не умалить, а только увеличить смуту.

Здѣсь сказалось у него рѣдкое чутье истины,—плодь горячей и проникновенной любви къ родинѣ. Можно себя представить, что пережилъ онъ послѣ всѣхъ неистовствъ, которыми торжествующіе предатели Россіи и еврействующія газеты ознаменовали 17 октября 1905 года. На улицѣ шла дикая оргія, подъ окнами редакціи раздавались безчинные вопли, двигалась обезумѣвшая толпа; каждую минуту можно было ожидать, что ворвутся въ домъ для дикой расправы съ главою „черносотенцевъ“... А у Владиміра Андреевича засѣдалъ Совѣтъ монархической партіи.

„Царя у насъ украли“,—вотъ историческій его возгласъ въ тотъ памятный вечеръ. Ни на одинъ моментъ онъ не усомнился въ правдѣ своего русскаго политическаго исповѣданія, ни на одинъ моментъ онъ не поколебался въ борьбѣ. Со слѣдующаго же дня послѣ объявленія манифеста 17 октября онъ въ своей газетѣ такъ же твердо, какъ прежде, такъ же ясно, опредѣленно и увѣренно, но съ удесятеренною энергіей и настойчивостью писалъ о самодержавіи Русскаго Царя, о правахъ русскаго народа, о положеніи православной русской Церкви. Было вооруженное возстаніе, наполнили всю жизнь безумныя забастовки, прекратились на время всѣ газеты... Потомъ онѣ стали выходить со статьями-прокламаціями; все вопило о конституціи, все кричало, что народъ „вырвалъ“ себя свободу, все говорило о новыхъ пріобрѣтеніяхъ... для евреевъ, инородцевъ и предателей родины. Рабочіе врывались въ типографіи патріотическихъ газетъ, разсыпали наборъ, выгоняли служащихъ... Разстрѣливали и убивали русскихъ патріотовъ. Страшно было сказать правое и трезвое слово...

Неколебимо, день за днемъ, изъ номера въ номеръ газеты, Владиміръ Андреевичъ еще съ большею, чѣмъ прежде, смѣлостью говорилъ въ это время о томъ, во что вѣрилъ и что намъ завѣщаль. Какъ его не убили—это Божье чудо! Какъ его не убили потомъ, какъ онъ избѣгъ множества опасностей, какъ уцѣлѣлъ при множествѣ покушеній,—это непостижимо.

Онъ почти не берегся. Онъ съ трудомъ и неохотой уступалъ просьбамъ близкихъ и друзей принять хоть какія-нибудь мѣры охраны своей жизни и предосторожности. Въ мартѣ прошлаго года на него было организовано дерзкое, по безстыдству выдающееся, покушеніе (являлась дѣвушка съ бомбой, напередъ по телефону назвавшись женой убитаго революціонерами офицера); опасность только-что миновала,—а вечеромъ онъ уже былъ на собраніи, о мѣстѣ и времени котораго было напередъ оповѣщено въ газетахъ, въ глухомъ углу Москвы, ѣздилъ туда, по обычаю, одинъ, и говорилъ съ такимъ воодушевленіемъ, какъ будто ничего съ нимъ не случилось. Какъ его не убили въ многочисленныхъ поѣздкахъ, о которыхъ всегда было напередъ извѣстно,—мы и до сихъ поръ понять не можемъ. Высшая сила хранила его до уреченнаго времени, до заповѣднаго предѣла. Теперь воля Божія свершилась!..

Кто исчислитъ его труды, и тяготы, и болѣзни, досажденія отъ чужихъ и своихъ,—все, что перенесъ онъ съ благороднымъ терпѣніемъ за эти послѣдніе годы въ дѣлѣ умноженія и упорядоченія патріотическихъ организацій? Его скромность и уступчивость, его незлобіе, вѣрность какъ друга и товарища, его готовность на всякую черную работу для любимаго дѣла, его рѣчи, поѣздки, бесѣды съ единомышленниками, его бессонныя ночи и трудовые дни,—все это невольно заставляло склоняться предъ нимъ всѣхъ, кто имѣлъ высокое счастье жить съ нимъ и работать.

Восточная поговорка гласитъ: „въ деревья, у которыхъ нѣтъ плодовъ, никто не бросаетъ камни“: они спокойны и вѣчно зелены. Всѣмъ примѣтны и видимы были плоды работы Владиміра Андреевича,—и сколько поэтому въ него летѣло камней!

Какъ усердно враги его дѣла искали въ немъ личныхъ недостатковъ! Какъ усердно выискивали обвиненія въ какихъ-либо порокахъ, въ чемъ-либо позорящемъ и недостойномъ! Не находили!! Его образъ свѣтлый остался незапятнаннымъ. Можно было не соглашаться съ его воззрѣніями, можно было съ бѣшенствомъ и злобой опрокидываться противъ его дѣла, но нельзя было, и никому изъ его противниковъ не удалось,

обличить его въ чемъ-либо укоризненномъ и позорящемъ его, какъ челоуѣка и христіанина. Только и находили въ немъ вины—его нерусское имя, только надъ этимъ и изощряли плоское остроуміе, и это, главнымъ образомъ, дѣлали тѣ, которые въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ отрицали всякое различіе народностей, глумились больше всего надъ русскимъ національнымъ самосознаніемъ и служили иностранцамъ и евреямъ. Заподозрѣвали искренность его работы, искали побужденій нечистыхъ, корыстныхъ, увѣряли, что онъ—подкупной слуга власти. Но послѣ 1905 года, когда на него сыпались удары и власти; когда искали его души; когда его разорили и отняли даже то, на что онъ имѣлъ право по закону; когда совершенно потрясли его матеріальное положеніе,—а онъ все-таки неустанно боролся и высоко держалъ свое знамя: тогда даже не имущіе стыда и совѣсти устыдились, и обвиненія въ неискренности прекратились. Наряженъ былъ надъ нимъ и судъ... И нынѣ въ судѣ этомъ „дѣло“ его не кончено... Такъ и не дождался онъ этого суда земного. Стыдно было и приступить къ нему его судьямъ; больше года никакъ не могли назначить день суда. Нынѣ восшелъ онъ къ суду Божію, и Господь узрять, любилъ ли покойную родину, или желалъ ей зла, какъ это хотѣли доказать судьи земные.

Но ко всей и всякой враждѣ онъ относился съ христіанскою кротостью, именно съ кротостью, и не съ презрѣніемъ или безмолвною злобой. Ничто не выводило его изъ душевнаго равновѣсія и изъ подвига неустанной работы. Когда, бывало, всходилъ онъ на эту кафедру, въ любимомъ имъ Епархіальномъ домѣ, когда голосъ его гремѣлъ громомъ и очи сверкали огнемъ воодушевленія,—кто могъ думать, что его тяготитъ давній недугъ, что онъ давно переутомилъ свои силы, что онъ и эту и безъ числа другихъ ночей передъ нею не доспалъ, не отдыхалъ, что онъ только-что прочиталъ всѣ грязныя клеветы противъ него въ газетахъ, только-что почувствъ какую-либо тяжкую неприятность.

Въ послѣднее здѣсь общее наше собраніе онъ говорилъ съ обычнымъ воодушевленіемъ; а самъ онъ едва сидѣлъ за столомъ, извиваясь отъ болѣе мучительнаго карбункула, о

которомъ никому не говорилъ. А вечеромъ онъ уже хотѣлъ ѣхать въ Орель, и только предъ самымъ отправленіемъ на поѣздъ онъ телефонировалъ: „не могу; чувствую, что свалось“... Никто не зналъ и не видѣлъ, какъ, поздно ночью, буквально „сваливаясь“, а не ложась въ постель, онъ только могъ сказать: „ахъ, какъ я усталъ, какъ усталъ!“ А утромъ рано онъ опять былъ въ бодрой работѣ, опять на своемъ посту, опять на своемъ дѣлѣ писателя, глашатая, крѣпкостоятельнаго вождя и сподобателя за русское дѣло. И такъ безъ отдыха изо дня въ день.

Онъ и умеръ, какъ жилъ: вѣрнымъ рабомъ Господа, вѣрнымъ слугою Царя и народа, праведнымъ христіаниномъ. Вѣчной памяти достойна его богатырская кончина. Среди бессонныхъ ночей, среди мучительныхъ дней онъ не еставлялъ заботы о нашемъ дѣлѣ,—и родина святая, одна родина составляла предметъ его предсмертныхъ думъ и попеченій. Горяча и проникновенна была его предсмертная молитва; исповѣдь, причащеніе, соборованіе—все это онъ исполнилъ, какъ вѣрующій христіанинъ; до конца онъ повторялъ за священникомъ слова священныхъ молитвословій. Но и въ тотъ мигъ, когда онъ стоялъ на грани двухъ міровъ, среди молитвъ и предсмертныхъ бореній, когда его взоръ уже зрѣлъ лицо вѣчности,—бросая прощальный взглядъ на міръ, имъ покидаемый, онъ думалъ не о личныхъ дѣлахъ, не объ устроеніи земныхъ личныхъ расчетовъ, а о нашемъ дорогомъ дѣлѣ спасенія родины, о насъ, о своихъ друзьяхъ, послѣдователяхъ и единомышленникахъ была его дума, и уже коснѣющими устами шепталъ онъ послѣдніе завѣты: „Ухожу... Разстанемся... Соединяйтесь... Поднимайтесь... Молитесь, православные русскіе люди!“

И силился онъ при этомъ подняться своимъ, еще недавно могучимъ, а теперь уже немощнымъ тѣломъ, и, падая въ изнеможеніи и безсиліи, онъ обводилъ всѣхъ потухающими очами, какъ бы въ послѣдній разъ призывая всѣхъ своихъ сплотиться на работу и подвигъ; онъ искалъ, онъ звалъ...

Кого онъ искалъ и кого звалъ? Преемника своего? Такого лица нѣтъ и быть не можетъ. Замѣнить покойнаго невозможно. О, помстивъ, мы несчастны! Наши работники, наши бога-

тыри или избиты пулями и бомбами, или сгорают во цвѣтъ силъ и мужества въ непосильныхъ трудахъ!...

Счастье наше въ томъ только, что мы живемъ правдою и силою не отдѣльныхъ лицъ, а вѣчною правдою и силою исповѣдуемыхъ нами началъ жизни: православія, самодержавія, русской народности. Религіознаго и патриотическаго воодушевленія подавить въ русскихъ людяхъ невозможно. Чуднымъ, сказочнымъ напряженіемъ силъ покойный Владиміръ Андреевичъ сплотилъ около себя разсыпанныхъ и разсѣянныхъ дотолѣ, поникшихъ подъ страшными ударами русскихъ людей, любящихъ Бога, вѣрныхъ Царю и родинѣ. Въ этомъ—его безсмертная заслуга. Онъ ихъ звалъ, объединялъ, училъ и скрывалъ въ цѣльный и мощный организмъ.

И они-то, то-есть все мы, русскіе люди, вѣрные Богу, Царю и родинѣ, не поклонившіеся блудному Ваалу иныхъ началъ жизни и власти, просвѣтленные русскимъ самосознаніемъ, воспрянувшіе къ бодрой и дружной работѣ и рѣшимости бороться за родину, мы все, взятые вмѣстѣ, и являемся преемникомъ незабвеннаго нашего Владиміра Андреевича.

Съ дерзновеніемъ вѣры, понятнымъ только для имѣющаго счастье вѣровать, къ своимъ предсмертнымъ завѣтамъ Владиміръ Андреевичъ, призывая русскихъ людей объединяться, прибавилъ знаменательное слово: „Я за васъ буду молиться.“

Дай же Богъ, чтобы его молитва не была скорбною, чтобы мы не омрачили его загробнаго покоя измѣной, холодною и равнодушіемъ. Дай Богъ, чтобы предъ лицомъ Вѣчной Правды и Милости онъ могъ, при видѣ нашей вѣрности его дѣлу, сказать словами святаго апостола: *не воще текохъ, не есуге трудихся...*

Дорогой Владиміръ Андреевичъ! Пройдутъ тяжкіе первые дни нашей острой и жгучей скорби, пройдутъ мѣсяцы и годы. Потускнѣетъ ли твой свѣтлый образъ, забудемъ ли мы тебя? Измѣнимъ ли твоей памяти? Нѣтъ, дорогой нашъ и любимый! Имя твое будетъ бессмертно въ памяти русской, могила твоя не будетъ одинока! Богъ, Которому ты служилъ въ смиреніи и въ дѣтской простотѣ сердца, Церковь, который ты былъ кроткимъ и послушнымъ сыномъ, покроютъ покровомъ любви твое

загробное пребываніе, уготоваютъ тебѣ вѣчныя кровы. Дѣла твои пойдутъ вслѣдъ за тобою по ту сторону могилы, и предъ лицомъ Судии Вѣчнаго будутъ немолчно говорить о твоей жизни, не знавшей личныхъ радостей, всецѣло, отъ первыхъ дней нѣжной юности, отданной на службу Церкви и родинѣ. И услышишь ты голосъ Тайнозрителя: „Блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ. Ей, глаголетъ Духъ: почиютъ отъ трудовъ своихъ“.

Исторія человѣческая, исторія русскаго народа занесетъ тебя на свои скрижали, и на разстояніи, въ историческомъ освѣщеніи и перспективѣ, когда спадетъ личная противъ тебя злоба, когда улягутся страсти, когда наступитъ время безпристрастнаго суда, когда сгинетъ и сгнѣтъ все мелкое, ничтожное, весь прахъ земной суеты,—твой образъ будетъ представляться все ярче, все величавѣе, все выше и чище. И сколько бы ни прошло надъ нами испытаній, и чѣмъ больше будетъ этихъ испытаній, мы и наши потомки и преемники нашего дѣла будутъ помнить предсмертный завѣтъ твоей богатырской кончины:

„Ухожу. Разстанемся. Соединяйтесь, поднимайтесь, молитесь, православные русскіе люди! Я за васъ буду молиться!“

Усердіе ко храму и богослуженію.*

Въ чудную область благочестивой древности переноситъ насъ воспоминаемое нынѣ событіе. Духовными очами видимъ мы благолѣпный Влакхернскій храмъ Богородицы въ Царьградѣ, во всей красѣ ночного богослуженія; видимъ торжественный соборъ священнослужителей, во главѣ со святымъ патріархомъ Тарасіемъ; видимъ многочисленный народъ, горячо молящійся объ избавленіи отъ враговъ, и съ нимъ благочестивый царь Левъ Мудрый. Видится и слышится наше воз-

* Слово въ день Покрова Божіей Матери.

вышненное православное богослуженіе. Идетъ продолжительное, буквально *всемощное* моленіе, но бодры духомъ богомольцы, усердна молитва, и эта молитва открыла души, открыла очи вѣры, отверзла и самое небо. Къ концу всеобщаго бдѣнія, въ четвертомъ часу утра, преподобный Андрей съ ученикомъ своимъ Епифаніемъ — оба намъ родные по крови, славяне, — видятъ на воздухѣ Пресвятую Богородицу съ ликами святыхъ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, молящуюся за родъ христіанскій предъ Сыномъ Ея и Богомъ, и освѣняющую народъ честнымъ Своимъ покровомъ.

Перенесемъ теперь мысленно изъ этой чудной области древняго благочестія къ нашему теперешнему времени и къ нашему теперешнему положенію. И мы теперь въ храмѣ; тоже видится и слышится богослуженіе... Но простертъ ли и нынѣ надъ вѣрующимъ народомъ покровъ Богоматери, въ общеніи ли пребываютъ съ нами лики святыхъ? Вѣруемъ твердо и исповѣдуемъ открыто, что это такъ. „Христосъ Исусъ вчера и нынѣ, Тотъ же и во вѣки“, говоритъ святой Апостоль. И Церковь Его пребываетъ вѣчно, и слово Его не мимо идетъ: „гдѣ два или три соберутся во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“. Истина эта особенно близка къ сердцу нашему нынѣ, нынѣ же она особенно ясно проповѣдуется и Церковью. Дѣва днесъ, — поется въ богослужебной пѣсни нынѣшняго праздника, — т.-е. Дѣва и нынѣ, и сегодня предстоитъ въ церкви и съ ликами святыхъ за насъ невидимо молится Богу... Не видимъ мы этого тѣлесными очами, но видимъ очами вѣры. Были нѣкогда во Влахернскомъ храмѣ многочисленные богомольцы, но не удостоились чуднаго видѣнія; былъ царь, за свой разумъ и познанія прозванный Мудрымъ, былъ патріахъ, признанный Церковью святымъ, но увидѣлъ Богородицу только убогій слуга вельможи, нашъ единоплеменникъ, славянинъ Андрей, Христа ради юродивый. Такого видѣнія достигавтъ только избранные и послѣ долгаго духовнаго подвига и опыта.

Но если Дѣва и нынѣ, и сейчасъ, и всегда предстоитъ съ нами во храмѣ, то какую же святыню, какое сокровище неоцѣнимое, какое мѣсто высокое представляетъ собой нашъ храмъ! Знали это и въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда Любовь Боже-

ственная еще не во всей полнотѣ и ясности была открыта людямъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какою пламенною любовью желалъ водвориться въ храмъ святой царепророкъ Давидъ! Окруженный бѣдствіями; ожидающій каждую минуту, что вотъ возстанетъ на него брань, ополчится на него врагъ; оклеветанный врагами, преслѣдуемый злобными гонителями (Пс. 26, 2—3, 10—12); огорченный потерей всего милаго сердцу и измѣной ближнихъ и друзей,—о чемъ онъ молить Господа, чего прежде всего желаетъ душа его?! „Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати ми храмъ святыи Его!“ Въ Новомъ Завѣтѣ Богъ открылъ Себя людямъ, насколько они вмѣстятъ это могутъ. Поэтому и храмъ новозавѣтный есть полное и дѣйственное открытіе Божества. Тѣмъ болѣе онъ долженъ привлекать къ себѣ вѣрующіхъ. Здѣсь—Богъ, Утѣшитель скорбящихъ; здѣсь—общеніе святыхъ, отошедшихъ въ жизнь вѣчную и не забывающихъ братію, странствующую на землѣ; здѣсь—вѣяніе неба, здѣсь—дыханіе страны вѣчной. Нужно ли тебѣ вразумленіе, тяготятъ ли сомнѣнія, міръ ли наводитъ на тебя мракъ свой, окружили ли тебя враги и клеветники и ищутъ души твоей: молись здѣсь предъ Свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка; молитва озаритъ твою мысль, разсвѣтъ образы лукаваго міра. Грѣхъ тяготитъ тебя, совѣсть взываетъ, близокъ ты къ отчаянію: здѣсь же, во храмъ милосердія, для совѣсти твоей дается елей милости и врачеваніе вѣры въ таинствѣ покаянія, здѣсь же, въ жаждѣ вѣчнаго общенія съ Высочайшимъ Богомъ, самымъ дѣломъ ты соединишься съ Нимъ и въ молитвѣ, и въ бесѣдѣ, и во святомъ Причащеніи.

Зачѣмъ же ты не идешь въ открытую лечебницу? Зачѣмъ это охлажденіе къ храмамъ и богослуженію, которое нынѣ такъ охватило русскій народъ? Зачѣмъ пустота въ храмахъ и многолюдство въ домахъ веселья, легкомыслія и разврата? Зачѣмъ и это небреженіе къ святынь со стороны тѣхъ, которые еще посѣщаютъ храмъ? Ты стоишь здѣсь съ разсѣянными мыслями, съ блуждающимъ взоромъ, ты входишь сюда, какъ въ обыкновенный домъ... Слышишь ли грозное обличеніе апостола: „Или

домовъ не имате? Или о церкви Божіей не радите?“ Неблагодарный и безумный! Церковь вѣдь о тебѣ молится, о твоихъ близкихъ живыхъ и умершихъ, о твоёмъ спасеніи, о твоёмъ счастьи,— а ты не хочешь внять ея голосу? Церковь окружила тебя здѣсь образами, возбуждающими въ душѣ все святое и возвышенное, она одѣла свое богослуженіе въ благолѣпную ризу цѣлней и молитвъ, въ красоту обрядовъ и священнодѣйствій, а ты, какъ рабъ лѣнивый и злой, стоишь холодный и невнимательный, съ каменнымъ сердцемъ! Въ такомъ случаѣ, по своей винѣ ты—не спасаемый, а гибнущій!

Въ чемъ спасеніе и гибель для одного отдѣльнаго человека, въ томъ спасеніе и гибель для цѣлаго народа. Спасаемый ли или гибнущій народъ нашъ? Окруженный нынѣ бѣдствіями, видящій, что возстаетъ на него брань и ополчается врагъ, оклеветанный, расхищаемый внутренними врагами и предателями, испытавшій столько ударовъ,— онъ возстанетъ въ силѣ и крѣпости, онъ воспрянетъ оживить древнюю свою мощь и славу, онъ сброситъ съ себя путы и узы, какъ Самсонъ, пока пребудетъ въ молитвѣ, въ смирѣннѣ и благочестіи. И онъ будетъ въ плѣну у враговъ, если, какъ Самсонъ, забудетъ святыя обѣты, измѣнить Богу и предасть тайну силы своей—тайну вѣры и благочестія соблазнительнымъ рѣчамъ новаго блуднаго мірскаго возрѣнія на власть, на государственность, на земную жизнь. Къ Богу, къ Церкви, ко храму, къ молитвѣ, къ общенію святыхъ, къ религіозному воодушевленію, къ нравственной чистотѣ, къ подвигу святости—вотъ куда зоветъ тебя, русскій народъ, нынѣшній праздникъ. И если ты въ покаяніи и молитвѣ, не ожесточивъ сердца, а смягчивъ его вѣрою, гласъ этотъ услышишь, и, какъ древле, всенародно, во главѣ съ Царемъ, во главѣ съ Церковью и ея служителями останешься твердымъ въ вѣрѣ, упованіи и молитвѣ,—то твердо знай и разумѣй: Дѣва и нынѣ предстоитъ съ тобою въ Церкви и съ ликами святыхъ невидимо молится о насъ Богу. Дѣва и нынѣ покрываетъ народъ страдающій и вѣрующій честнымъ Своимъ покровомъ. И Богъ силъ, Богъ мира будетъ съ нами! Аминь.

Памяти В. А. Грингмута.*

Въ исторіи народа Божія, въ самые важные моменты его мірового служенія, въ исполненіи имъ мессіанскаго призванія своего, мы видимъ, что иногда Господь приобщалъ къ избранному роду людей иного племени, истинныхъ израильтянъ, въ которыхъ не было лукавства, — израильтянъ не по плоти, а по духу.

У гроба незабвеннаго Владиміра Андреевича намъ невольно приходитъ на мысль это библейское указаніе. Рисуется чудная картина изъ временъ героической исторіи народа Божія. Былъ тяжкій голодъ въ землѣ Израильской. Къ голоду присоединилась смута внутренней жизни и полное безначаліе. „Въ тѣ дни, — такъ объясняетъ это явленіе Библия, — въ тѣ дни *не было царя* у Израиля, и каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ“... Въ это время одинъ израильтянинъ съ женою Ноэминью и двумя сыновьями, спасаясь отъ голода и общественныхъ нестроеній, переселился въ сосѣднюю Моавитскую землю. Скоро онъ умеръ. Сыновья женились, и скоро тоже умерли. Осталась свекровь съ двумя невѣстками. Ноэминь рѣшила одна возвратиться на родину, а молодыхъ невѣстокъ уговаривала остаться дома, выйти замужъ, жить среди своего народа. Одна изъ невѣстокъ послушалась, а другая, именемъ Руевъ, такъ привязалась къ свекрови, такъ полюбила ея вѣру и ея народъ, что пошла за нею на полное тревогъ и неизвѣстности будущее, на нужду и неизбѣжное горе. „Куда мнѣ идти? — говорила Руевъ. — Куда ты пойдешь, туда и я пойду; твой народъ будетъ моимъ народомъ, твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, и гдѣ ты умрешь, тамъ и я умру и погребена буду“. Руевъ потомъ сдѣлалась бабкою царя Давида, и святое евангеліе указываетъ ее въ числѣ предковъ по плоти Господа Іисуса. Она, слѣдовательно, приобщена была къ основной, мес-

* Рѣчь при погребеніи В. А. Грингмута 1 октября 1907 г.

сіанской, задачѣ народа богоизбраннаго, къ тому, что составляло существо его жизни.

Передъ нами въ этомъ гробѣ, окруженный такимъ великимъ множествомъ выразительныхъ знаковъ любви и преданности, окруженный такимъ многолюднымъ собраніемъ друзей, учениковъ и почитателей, окруженный невиданнымъ для частнаго человѣка почетомъ,—предъ нами пришелъ въ этомъ гробѣ на послѣднее пребываніе въ земномъ храмѣ человѣкъ, исторія и жизнь котораго до нѣкоторой степени напоминаютъ исторію библейской Руен. Съ не-русскимъ именемъ—онъ былъ съ русскою душой и приобщился къ самому сокровенному святому святыхъ жизни русскаго народа. Онъ происходилъ изъ старой, собственно славянской, фамиліи, но онѣмеченной въ Пруссіи, отъ отца, который переселился изъ своей нѣмецкой родины для служенія дѣлу просвѣщенія въ нашу страну. Владиміръ Андреевичъ и родился, и выросъ, и всю свою жизнь провелъ уже въ Россіи.

И Россія стала для него, въ полномъ смыслѣ, родиной святой, дорогимъ и горячо любимымъ отечествомъ. Отъ лѣтъ юности, какъ только впервые раскрылось въ немъ сознаніе, онъ сказалъ Россіи словами Руен: „Куда мнѣ идти? Куда ты пойдешь, туда и я пойду; твой народъ будетъ моимъ народомъ; твой Богъ будетъ моимъ Богомъ...“ Всю жизнь онъ отдалъ потомъ на служеніе русскому народу. Надѣленный отъ Бога не однимъ, а всѣми пятью талантами, онъ въ этомъ избранномъ тернистомъ пути жизни, въ служеніи русскому народу, его вѣрѣ, историческимъ завѣтамъ и устоямъ его государственности, работалъ на всѣ таланты, ему данные, и ни одного изъ нихъ не закопалъ въ землю. Педагогъ, журналистъ, общественный дѣятель, организаторъ и руководитель патріотическихъ союзовъ,—ездѣ и на всѣхъ поприщахъ онъ отдавался своему долгу, своему дѣлу всецѣло и безраздѣльно...

Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ...

Съ рѣдкимъ проникновеніемъ и чистою искренностью онъ приникъ и вошелъ въ духъ нашего святого православія. Онъ вѣровалъ попросту, какъ крѣпкій вѣрою простой, разумный, цѣльный натурою нашъ крестьянинъ. Въ немъ оказалась ис-

конно-природная славянская душа; въ православіи она обрѣла для себя родную стихію. Онъ постигъ существо православія въ его простой, не мудрствующей лукаво вѣрѣ, въ его глубокомъ смиреніи, въ его всеобъемлющей церковности, — той церковности, которая есть и плодъ, и проявленіе, и условіе, и источникъ истиннаго братолюбія и союза вѣрующихъ въ Господѣ и между собою, которая свидѣтельствуется и запечатлѣвается у православнаго въ его мысли и жизни, въ его внѣшнемъ поведеніи, въ каждомъ его движеніи, — во всемъ внутреннемъ и внѣшнемъ укладѣ его жизни. Въ годину потемнѣнія религіозной совѣсти, въ тяжкое время всякихъ нападокъ на истину Христову и на истину православія, когда противъ нея стали вадыматься шумящія волны то неохристіанства и толстовства, этого новаго аріанства, то религіознаго раціонализма и равнодушія, то нелѣпаго обновленчества, покоящагося на томъ же духѣ сектантства, сомнѣнія и раціонализма, то, наконецъ, открытаго матеріалистическаго невѣрія, — Владиміру Андреевичу было гораздо труднѣе, чѣмъ кому-либо другому, выступить борцомъ за православіе. Люди пустые, но крикомъ себя выдвигающіе, все измѣряющіе внѣшнею мѣрой, могли сказать ему и говорили: давно ли и искренно ли ты самъ сталъ православнымъ? Но покойный никогда не зналъ ложнаго стыда. Смѣло и рѣшительно на знамени своемъ прежде всего онъ поставилъ православіе. Чутко слѣдилъ онъ за всѣми интересами православія, съ Церковью одною онъ жизнью дышалъ, какъ живой ея членъ, какъ живой камень ея зданія. Въ послѣдній разъ сказалась его вѣра въ его истинно-праведной кончинѣ. Внезапно пришелъ къ нему страшный часъ смертный; онъ зналъ и ясно видѣлъ, что умираетъ. Впереди еще могло быть много лѣтъ жизни и успѣховъ.

Онъ видѣлъ уже, какъ его дѣло патріотическое вокругъ него росло и крѣпло, какъ множилось число его учениковъ и — какихъ учениковъ! За него многіе буквально готовы были идти на смерть, а когда онъ умеръ, когда вчера его здѣсь поминали, сколько пролилось здѣсь, въ этомъ храмѣ, горючихъ слезъ, сколько радалось рыданій!.. А эти слезы, что льются сейчасъ, рыданія, что мы слышимъ въ эти минуты... Что это,

какъ не свидѣтельство горячей любви къ нему?! И все же покорно онъ склонился предъ ангеломъ смерти, и умиралъ въ общеніи съ Церковью, весь въ молитвѣ, весь обвѣянный и напутствованный святыми таинствами. Въ послѣдній моментъ жизни, въ предсмертномъ просвѣтлѣніи вѣры, онъ въ прощальныхъ словахъ обѣщалъ молиться за тѣхъ, кто съ нимъ страдалъ и трудился.

И блаженъ ты, вѣровавшій, яко будетъ совершеніе глаголаннѣмъ тебѣ отъ Господа!

И блаженъ ты, рабъ благій и вѣрный, со тщаніемъ и страхомъ Божиимъ трудившійся. Ты увидишь въ радость Господа своего!

Твой народъ будетъ моимъ народомъ... Это высшій подвигъ любви и благодарности къ ближнему. И этимъ подвигомъ самаго высокаго, благороднаго и самоотверженнаго патріотизма горѣлъ незабвенный Владиміръ Андреевичъ всю жизнь. Громко раздавался его голосъ въ дни радостей и печалей русскаго народа. Смѣло онъ разилъ словомъ его враговъ. Злоба, клевета, угрозы, преслѣдованія, оскорбленія и смертельныя опасности не остановили его патріотическаго служенія. Зорко онъ слѣдилъ за всѣми интересами русскаго народа, русскаго государства, не молчалъ никогда, если интересы эти терпѣли ущербъ, и грозную и горькую правду не разъ съ самоотверженіемъ говорилъ онъ князьямъ людей, и правителямъ народа, и сильнымъ земли...

Ему судилъ Господь работать въ тяжкое безвременье смуты и революціи. Неисходное горе нашей неудачной послѣдней войны, позоръ которой почти всецѣло приготовленъ русскими измѣнниками, сдѣлавшими все, чтобы умалить русскій патріотизмъ, чтобы помочь врагамъ и ослабить Россію внутренними волненіями; смрадная смута и наша гнусная, рѣдкая по безстыдству и отсутствію идеальныхъ основъ революція; созданная предателями русской земли внутри и врагами ея извнѣ,— вотъ при какихъ обстоятельствахъ пришлось жить и дѣйствовать покойному въ послѣдніе годы жизни.

Святая Библія, рисуя неурядки и нестроенія въ землѣ израильской, о причинахъ ихъ кратко и выразительно замѣчаетъ: *отъ тѣ дни не было царя у Израиля...*

У насъ былъ и, слава Богу, остался Царь. Но, какъ въ заболѣвшемъ организмѣ всѣ гнилыя и злыя силы его устремляются на главные органы, какъ бы ища погибели и смерти тѣла, такъ и въ нашемъ потрясенномъ послѣ несчастной войны государствѣ гнилыя и злыя силы, освободившія себя отъ всякихъ нравственныхъ началъ и сдержекъ, отъ всякихъ обязательствъ и вѣдннй долга и вѣрности, устремились съ адскою злобой противъ Царской власти, противъ создавшаго и хранившаго Россію самодержавія. Это былъ самый вѣрный путь гибели Россіи. Подъ вліяніемъ этого движенія,—почему-то назвавшаго себя „освободительнымъ“, а въ сущности способнаго принести только внѣшнее и внутреннее рабство народу,—настала на Руси страшная анархія, появились грозные признаки распада жизни... Повторилось буквально то, что было въ древнемъ Израилѣ: „каждый дѣлалъ, что онъ считалъ справедливымъ“.

И вотъ, во дни этой смуты и совершилъ Владиміръ Андреевичъ свой безсмертный подвигъ. Какъ нѣкогда Гедеонъ, онъ кликнулъ кличъ къ вѣрнымъ сынамъ Россіи, онъ звалъ къ себѣ только сильныхъ и смѣлыхъ, и въ то время, какъ кругомъ его народившіяся политическія партіи и ихъ вожди манили народъ всякими соблазнительными обѣщаніями земныхъ благъ, онъ ничего не обѣщалъ своимъ единомышленникамъ, кромѣ радости умереть за родину и кромѣ терній всякихъ страданій отъ враговъ родины. И онъ собралъ вокругъ себя такую великую рать, что враги, уже готовые похоронить старую Россію, а съ нею упразднить и русскій народъ, съ удивленіемъ увидѣли, что дѣло ихъ не только далеко отъ побѣды, но и прямо проиграно.

Думали враги, что опозорили и похоронили самодержавіе. И вотъ, Владиміръ Андреевичъ именно самодержавіе поставилъ во главѣ своего политическаго исповѣданія; именемъ и обаяніемъ Царскаго самодержавія, покоящагося на религіозно-нравственныхъ началахъ, на русскомъ самосознаніи и патристическомъ воодушевленіи, онъ сплотилъ кругомъ себя великое множество народа всѣхъ званій и состояній—отъ образованныхъ до простецовъ, отъ простыхъ рабочихъ до представителей знати.

Религіозно-патріотическое движеніе въ Россіи оказалось сильнымъ, широкимъ и глубокимъ, и съ нимъ, хотъ и со злобою и ненавистью, но стали считаться. Конечно, не Владиміръ Андреевичъ его создалъ: оно — созданіе живого, еще не изжившаго, здороваго, съ здоровыми инстинктами народа. Но онъ былъ его вдохновеннымъ глашатаемъ; онъ былъ для русскихъ патріотическихъ союзовъ организаторомъ не рѣдкой только, но прямо единственной по силѣ и безстрашію энергіи. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ вождемъ русскихъ патріотовъ, и то обстоятельство, что ни происхожденіе, ни положеніе и званіе, ни русское имя, — ничто внѣшнее ему не помогало, это и показываетъ, какъ велики его дѣйствительныя заслуги въ этомъ дѣлѣ, какъ велики его труды и подвиги, предъ которыми смолкли всѣ предубѣжденія.

Онъ умеръ рано, — по человѣческому разсужденію. Онъ сгорѣлъ въ подвигѣ. Онъ палъ жертвой своей любви къ Россіи.

Но, усталый отъ трудовъ и борьбы, онъ могъ предъ смертью съ полнымъ правомъ сказать: „Нынѣ отпускаши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ...“ Да, его очи, дѣйствительно, уже видѣли спасеніе русской Россіи, ему уже предносился свѣтъ ея во откровеніе языкомъ. Онъ видѣлъ начало побѣды, онъ имѣлъ сладкое утѣшеніе сознавать, что его трудомъ, подвигомъ и напряженіемъ силъ въ значительной степени сломлена революція. Какъ Моисей, не вошелъ онъ въ землю обѣтованія, но ему дано было ее издали узрѣть и привѣтствовать. Онъ не дожился до полного умиротворенія родины. Но онъ заложилъ зерно великаго дѣла и увидѣлъ его первые ростки. Послѣдніе годы его жизни, и особенно его смерть, праведная, безтрепетная, богатырская, — все это было какъ бы послѣднимъ ударомъ рѣзца великаго художника надъ цѣльнымъ и величавымъ его образомъ. Подвигомъ добрымъ онъ подвизался, теченіе свершилъ, вѣру соблюлъ, — нынѣ готовится ему вѣнецъ правды. Онъ заслужилъ право на историческое безсмертіе въ числѣ лучшихъ сыновъ Россіи, потрудившись неустанно, до вечера жизни, для ея блага. А безсмертіе личное — удѣлъ его святой вѣры. Онъ служилъ вѣчному. Онъ сѣялъ въ духъ, а сѣющіе въ духъ отъ духа пожнутъ въ жизнь вѣч-

ную. Онъ служилъ любви къ Богу и ближнимъ, къ Богу и родинѣ. А любовь не умираетъ, по слову апостола, *не умираетъ никогда*, хотя пророчества прекратятся, и языки умолкнуть, и самое знаніе упряднится (1 Кор. XIII, 8).

Въ первые часы послѣ его смерти, когда уже мертвый положенъ онъ былъ на одрѣ, когда близкіе пришли къ его праху и склонились въ молитвѣ, они услышали слова Псалтири, и ихъ заповѣдали мнѣ внести въ это мое надгробное слово. Кругомъ царилъ благоговѣйная тишина, все смолкло предъ тайной смерти, только тихо звучало чтеніе псалмовъ. Казалось, Владиміръ Андреевичъ лежалъ не мертвый, а живой, и устами псалмопѣвца говорилъ плачущимъ и болѣзнующимъ и чающимъ Христова утѣшенія:

„Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на людей. Враги нападали на меня... окружили меня, какъ пчелы (сотъ), и угасли, какъ огонь въ терновникѣ. Именемъ Господнимъ я низложилъ ихъ. *Не умру, но живъ буду*, и возвѣщу дѣла Господни. Отверзите мнѣ врата правды, войду я въ нихъ, прославлю Господа. Вотъ врата Господни, праведные внидутъ въ нихъ. Камень, который былъ въ небреженіи у строителей, содѣлался главою угла. Это отъ Господа и есть дивно въ очахъ нашихъ... Сей день сотворилъ Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ“ (Пс. 117, 9—24).

Прости, прости, нашъ дорогой и незабвенный Владиміръ Андреевичъ! Вниди, скончавъ дни,—побѣдителемъ вниди въ покой твой, въ упованіи безсмертія! Ибо побѣждающему обѣтовалъ Господь дать вкушать отъ древа жизни, обѣтовалъ дать сѣсти на престолѣ Божіемъ... (Апок. II, 7; III, 21).

Да будетъ покой твой—честь! Путь твой въ горнія селенія да будетъ легокъ и благословенъ. И да будетъ тебѣ уготовано мѣсто упокоенія, и душа твоя во благихъ водворится!

Вѣра твоя спасетъ тебя. Ибо вѣрою ты зналъ,—зналъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный (2 Кор. V, 1).

Вѣчная тебѣ память въ очахъ Бога твоего! Безсмертна твоя память на землѣ живыхъ, среди горячо любимаго тобою русскаго народа! Аминь.

Памяти В. А. Грингмута.*

„Молитесь, православные русские люди!“

Девятый день нашей скорби... По исконному церковному обычаю, мы опять здѣсь, у дорогой намъ могилы, опять на молитвѣ о нашемъ незабвенномъ покойникѣ. Мы исполняемъ его завѣщаніе о молитвѣ.

Но эту ли только молитву любви и благодарной памяти разумѣлъ умирающій Владиміръ Андреевичъ, когда призывалъ къ ней русскихъ людей? Зная его, зная, что въ немъ общее благо и дѣло его патріотическаго служенія перевѣшивало и совершенно подавляло его личную жизнь и личные заботы и интересы, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ призывалъ своихъ друзей, сотрудниковъ и единомышленниковъ къ молитвѣ за успѣхъ и благо нашего общаго дѣла спасенія родины отъ охватившей ее смуты. Никто лучше его не зналъ, какъ тяжело наше положеніе. Никто столько не перестрадалъ, видя и на себѣ испытывая, что насъ часто бьютъ не только тѣ, которые нападаютъ на наши завѣтные святыни, но и тѣ, которые должны ихъ защищать и, повидимому, защищаютъ; что на насъ, при защитѣ сидящихъ въ домѣ и осажденныхъ врагами, сыплются удары не только отъ враговъ, но и отъ тѣхъ, кто въ домѣ сидитъ и, по роковому недоразумѣнію или непониманію, и насъ считаетъ за враговъ...

И думается, пророческимъ былъ призывъ Владиміра Андреевича къ молитвѣ. Чудится, что онъ провидѣлъ для насъ надолго такое мучительное положеніе, и провидѣлъ, что мы будемъ унывать, и тужить, и колебаться. И вотъ онъ призвалъ насъ къ молитвѣ... Пока онъ былъ съ нами, мы стояли за его широкою грудью, за его могучими плечами... Намъ было часто совсѣмъ покойно, когда онъ страдалъ; мы отдыхали, когда онъ неустанно работалъ. Мало того, многого и изъ его

* Рѣчь на могилѣ В. А. Грингмута въ 9-й день по его кончинѣ.

внутреннихъ духовныхъ сокровищъ и изъ созданной имъ внѣшней обстановки, для насъ благопріятной, мы не цѣнили.

Теперь его нѣтъ съ нами, и какая сразу почувствовалась пустота! А что будетъ дальше, какія испытанія и лишенія насъ ждутъ,—это Богу извѣстно. Запомните слово мое: мы можемъ сказать каждый только словами апостола: „Се азъ гряду связанъ духомъ, яже хотящихъ мнѣ приключитесь невѣдый... Только Духъ свидѣтельствуеть, что узы и скорби насъ ждутъ“...

Мы утѣшены тѣмъ сочувствіемъ, которое всѣ классы общества проявили къ смерти Владиміра Андреевича. Незабвенны его похороны. Ни одинаго искусственнаго приѣма не было употреблено, никакихъ усилій къ тому, чтобы собрать народъ, чтобы устроить изъ погребенія общественное событіе и знаменіе, какъ это дѣлается обычно въ лагерѣ враговъ нашихъ,— а между тѣмъ Москва увидѣла что-то рѣдкое и невиданное. Не было толпы, не было празднопатающагося и легкомысленнаго сборища: былъ, въ истинномъ смыслѣ, *народъ* благоговѣнно-молитвенно настроенный. Увѣрялъ въ печати одинъ презрѣнный блудословъ-еврей, что о покойномъ некому поплакать и некому пожалѣть,—а между тѣмъ мы видѣли, что смерть Владиміра Андреевича почувствовалась тысячами людей, окружавшихъ его гробъ, какъ смерть близкаго, родного человѣка, и рѣдко о комъ пролилось столько чистыхъ и искреннихъ слезъ. Наконецъ, и печать, которая такъ безжалостно клеветала на него и преслѣдовала его при жизни, признала въ немъ и талантъ, и искренность, и незапятнанную нравственную чистоту. Пресмыкающіеся предъ революціей гады печати на время затихли и скрылись въ подполья, при видѣ столь знаменательнаго сочувствія, неожиданно для нихъ проявившагося со всѣхъ сторонъ по отношенію къ почившему.

Однако, не преувеличивайте этого утѣшенія. Увы, таково ужъ русское общество, что въ немъ нѣтъ собственно ни того, что принято называть настоящимъ общественнымъ мнѣніемъ, ни прочныхъ общественныхъ настроеній. Безсознательно-стыдно стало за то, что травили человѣка, безгранично любившаго. Россію,—и все склонилось и умолкло предъ его величавою смертію

Но пройдетъ порывъ, и снова слухъ склонится къ тѣмъ же выползшимъ гадамъ печати и къ ихъ гнилымъ и пошлымъ словоизверженіямъ: вѣдь то, что они говорятъ, такъ мало требуетъ ума и размысленій, такъ мало говоритъ о трудѣ, подвигѣ и самоотверженіи, такъ льститъ грубымъ инстинктамъ и низменнымъ пожеланіямъ плоти и духа. Вѣдь отрицать такъ легко, и на отрицаніи показать себя умнымъ и показаться такимъ въ собственныхъ глазахъ—такъ пріятно.

Не прекратится и вражда противъ нашего дѣла,—а помощи намъ ждать неоткуда. Утрата Владиміра Андреевича—налицо, а приобрѣтенія, замѣны, восполненія скорби и лишеній—нѣтъ и не предвидится... Надежда вся на правоту нашего дѣла и на собственную нашу работу... И тутъ нуженъ намъ великій подъемъ духа, и тутъ нужны намъ великая сплоченность и крѣпкое объединеніе,—все то, что завѣщаль, умирая, покойный.

И нужна намъ молитва. Въ молитвѣ просвѣтлѣетъ нашъ духъ и отгонитъ отъ себя лукавые и мрачные образы унынія и всякихъ соблазновъ. Въ молитвѣ мы найдемъ готовность и рѣшимость грядущія намъ страданія перенести съ христіанскимъ мужествомъ, обратить ихъ въ великое душевное обогащеніе и въ силу побѣды.

Помолимся объ упокоеніи незабвеннаго Владиміра Андреевича: его образъ, его жизнь, его подвигъ мужества и любви къ родинѣ будетъ намъ звѣздой путеводною!

Помолимся Богу браней объ успѣхѣ нашей духовной брани въ защиту святынь вѣры, Церкви и родины!

И да будемъ въ упованіи не унывающими, тщаніемъ не лѣнливыми, духомъ горяще, Господеви работающе,—и въ молитвѣ пребывающе! Аминь.

Основатель Православнаго Палестинскаго Общества.*

Немногимъ, быть-можетъ, извѣстно, что сегодня „именины преподобнаго отца нашего Сергія“,—память святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха; въ честь одного изъ нихъ и названъ великій Радонежскій подвижникъ и всея Россіи чудотворецъ.

Не воспоминается ли намъ невольнo умершій смертью мученика, соименный преподобному Сергію и имѣвшій его своимъ небеснымъ покровителемъ, царственный витязь и подвижникъ за землю русскую благовѣрный Великій Князь Сергія Александровичъ? Въ день, когда въ Москвѣ открывается Отдѣлъ Императорскаго Палестинскаго Общества, въ которомъ онъ столь долго трудился и которое благоустроилъ,—какъ не вспомнить о немъ, какъ не помолиться объ упокоеніи со святыми его души? Къ тому обязываетъ благодарное сердце членовъ и соревнователей Общества, о томъ же говорить и апостолъ, когда заповѣдуетъ христіанамъ: *поминайте труждающихся у васъ*.

Великая скромность покойнаго Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества и благородная опасливость, чтобы его высокое и властное положеніе въ Москвѣ не было истолковано, какъ принужденіе и давленіе на подчиненныхъ, въ случаѣ открытія здѣсь имъ Отдѣла Общества,—вотъ что препятствовало совершиться сегодняшнему торжеству гораздо раньше. Нынѣ время для него припѣло.

Имя почившаго Великаго Князя Сергія Александровича тѣсно и неразрывно связано съ Палестинскимъ Обществомъ. Въ служеніи покойнаго благу Общества сказалась и высота задачъ и цѣлей самаго Общества, и высота души Августѣйшаго его работника и созидателя. Намъ невольнo и естествен-

* Рѣчь при поминовеніи убиеннаго Великаго Князя Сергія Александровича, по случаю открытія въ Москвѣ Отдѣла Императорскаго Палестинскаго Общества, 7 октября 1907 года.

но приходится говорить о томъ и другомъ вмѣстѣ и одновременно.

Святая Земля съ дѣтства предносится мысли и воображенію каждаго вѣрующаго. Ея созерцаніе питаетъ и возгрѣваетъ живое религиозное чувство живымъ напоминаніемъ о томъ, Кто тамъ родился и жилъ во дняхъ плоти, училъ, чудодѣйствовалъ, умеръ и воскресъ, совершивъ наше спасеніе. Чѣмъ сильнѣе религиозное чувство, чѣмъ набожнѣе душа, чѣмъ болѣе она способна преклониться въ благоговѣніи предъ тайной воплощенія и Голгофы,—тѣмъ сильнѣе стремленіе ко граду Іерусалиму и къ его святынямъ. И хотя измѣнилась Палестина до неузнаваемости; хотя умолкли во Святой Землѣ гласы пророческіе и, во исполненіе вѣчнаго прореченія Христова, Іерусалимъ попирается языки, дондеже скончаются времена языкъ,—Святая Земля, однако, однимъ своимъ видомъ воскрешаетъ въ душѣ то, что въ ней свершалось, въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій, таинственнаго и міроваго, навѣки незабвеннаго,—всѣ тѣ *величія Божія*, о которыхъ повѣдали намъ глаголы Священнаго Писанія.

Набожная душа покойнаго Великаго Князя была именно такою, что она способна была проникнуться сознаніемъ святости Земли Святой и уразумѣть ея значеніе для вѣрующаго. Онъ и самъ отправился туда паломникомъ; онъ самъ видѣлъ ее своими глазами и вмѣстѣ со множествомъ вѣрующаго народа,—видъ котораго всегда доставлялъ для него высокое наслажденіе,—пережилъ святыя чувства высокаго религиознаго восторга и умиленія. Зналъ ли онъ, предчувствовалъ ли, что въ этомъ было для него, для его жизни и смерти, что-то особенно-знаменательное и прямо пророческое? Въ городѣ, который изъ вѣка въ вѣкъ отъ лѣтъ древнихъ былъ знаменемъ вѣрности Богу и основнымъ началомъ религиознаго и народнаго быта Израиля, въ городѣ, который былъ мѣстомъ смерти и закланія столькихъ мучениковъ и одного—Захаріи, сына Варахіяна, убитаго даже въ храмѣ, между жертвенникомъ и алтаремъ,—въ этомъ древнемъ Сіонѣ думалъ ли Августѣйшій паломникъ о томъ, что въ русскомъ Сіонѣ, въ Москвѣ, этомъ храмѣ Россіи, въ священномъ Кремлѣ, какъ ея алтарѣ, падетъ

и онъ самъ жертвой злобы и ненависти враговъ народа и станетъ мученикомъ Россіи?

Святая Земля будить въ вѣрующемъ сознаніи братства Православныхъ народовъ. Въѣствъ съ тѣмъ она говоритъ о печальной судьбѣ и тягостномъ положеніи православія на Востокѣ и мировомъ значеніи Россіи, его единственной защитницы, исторически и преемственно воспріявшей это призваніе отъ умирающей Византіи. Какое патріотическое сердце не вдохновлялось этими мыслями? Какая русская душа не горѣла огнемъ, не трепетала отъ предчувствій таинственныхъ велѣній и указаній Промысла относительно Россіи и православнаго Востока? Давно, на зарѣ нашей исторіи, еще во дни слабости, въ дни нестроений, смуты и усобицъ на Руси, русскій игумень уже возжегъ на гробѣ Господнемъ кандило за землю русскую.

Могъ ли не отозваться на все это и покойный Великій Князь, этотъ витязь-патріотъ, этотъ вдумчивый и прозорливый государственный мужъ и радѣтель за землю русскую? Могъ ли онъ всѣмъ сердцемъ не отдаться Обществу, которое утверждало на Востокѣ православіе, дѣлало на Востокѣ русское дѣло, благовѣствовало русскую честь и славу и позднимъ потомкамъ древнихъ русскихъ паломниковъ давало возможность у величайшей святыни христіанскаго міра приносить молитвы за Россію? Во дни смуты русской, начало которой онъ пережилъ и почувствовалъ, не несла ли душа Великаго Князя туда же, въ молитвѣ за Русь и Царя? И, думается, зналъ и чувствовалъ онъ, что онъ самъ падеть жертвою смерти, въ числѣ многихъ другихъ героевъ долга, кровь которыхъ пролилась, какъ сѣмя и основаніе для будущаго покоя и счастья родины.

Церковная пѣснь взываетъ къ земному Іерусалиму: „Радуйся, Сіоне святыи, мати церквей, Божіе жилище! Ты бо пріялъ еси первое оставленіе грѣховъ воскресеніемъ“. Другая пѣснь церковная зоветъ христіанина „не къ тому въ земной Іерусалимъ“, но отъ земного переносить его мысль и чувство къ новому, небесному и горнему Іерусалиму, гдѣ нѣтъ солнца и луны, гдѣ ворота не затворены день и ночь, гдѣ царствуетъ Агнецъ Божій—Христосъ, гдѣ стоитъ Престоль Агнца.

Предъ этимъ Престоломъ въ числѣ тѣхъ, изображенныхъ Тайнозрителемъ, что пришли къ Нему отъ скорби многой, въ одеждахъ бѣлыхъ и съ пальмовыми вѣтвями мира, съ гѣсенью вѣчной хвалы Сидящему на Престолѣ и вѣчной побѣды, вѣримъ, пребываетъ и мученикъ нашъ Великій Князь Сергій Александровичъ. Ни алчетъ, ни жаждетъ онъ и не палитъ его зной... (Апок. VII, 9—16). И онъ пріялъ оставленіе грѣховъ воскресеніемъ Христовымъ, и онъ приметъ вѣчные кровы въ горнемъ Іерусалимѣ.

Въ этотъ часъ заупокойнаго о немъ моленія, продолжая въ любимой имъ Москвѣ любимое имъ дѣло, мы призываемъ его свѣтлый духъ, и, приобщая его къ радости подвига во имя Церкви и Россіи, мы уповаемъ на невидимое его намъ вспоможеніе духомъ его любви, его загробнаго дерзновенія въ молитвѣ къ Богу. Въ его свѣтломъ образѣ, въ его заботливыхъ трудахъ, въ его сочувствіи дѣлу Палестинскаго Общества пусть новый Московскій его Отдѣлъ найдетъ для себя источникъ вдохновеній, бодрости и радости труда! Аминь.

Вѣра, любовь и смиреніе.*

Что служить основаніемъ жизни человѣческой? На чемъ ее нужно утвердить, чтобъ она была достойною и истинно-человѣческою, чтобъ она не только наше земное существованіе сдѣлала благоустроеннымъ, но и обратила бы это земное существованіе въ надежный путь и вѣрное средство блаженства вѣчнаго?

Отвѣтъ на эти вопросы лучше всего можно дать не на словахъ и разсужденіяхъ, обыкновенно мало убѣдительныхъ, а на живомъ, наглядномъ и понятномъ примѣрѣ. Такой примѣръ сегодня видимъ въ евангельской повѣсти о женщинѣ-

* Поученіе въ нед. 17-ю по Пятидесятницѣ.

хананеянкѣ. Какъ,—спросятъ иные,—неужели эта женщина можетъ учить насъ устройенію жизни общественной и государственной? Вѣдь она—совершенно частное лицо и обратилась къ Спасителю по своему личному и частному дѣлу!

Да,—отвѣтимъ мы,—но если бы не было отдѣльныхъ людей, то не было бы и обществовъ человѣческихъ; если бы люди въ частныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ не руководились вѣчными законами правды и любви, то они и общественную жизнь не могли бы подчинить этимъ законамъ. Все, что написано, въ наше поученіе преднаписано,—такъ говорить и св. апостоль о Священномъ Писаніи. Это слово его примѣнимо и къ сегодняшнему евангельскому повѣствованію.

Великія свойства души проявила женщина-хананеянка. Она достойна вѣчной памяти и постояннаго вниманія. Она явила прежде всего *вѣру*, живую, искреннюю вѣру, которая ничего не боялась, ничего не стыдилась, которая проявлялась въ открытомъ исповѣданіи. Она была иноплеменница, она прежде была язычницей. Но, живя вблизи земли Израильской, она узнала и возлюбила богооткровенное слово закона Божія, познала Бога Истиннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, конечно, познала свою грѣховность, ибо не можетъ человѣкъ знать истину и не видѣть, какъ онъ самъ далекъ отъ нея. А познавъ свою грѣховность, она вмѣстѣ съ избранными душами избраннаго народа Божія ожидала явленія Спасителя, о Которомъ прорекало слово Божіе откровенное, о Которомъ и пророки возвѣщали, какъ объ Избавителѣ отъ грѣха. И вотъ, Онъ явился. Іоаннъ свидѣтельствовалъ о Немъ и, воззвавъ, говорилъ: „Се Агнецъ Божій, *вземлющій грѣхи міра*“. Началъ Онъ Свое служеніе,—и вѣсть о Немъ промчалась по всей землѣ Израилевой и Иудинной. Дошла она и до сопредѣльной страны—Тира и Сидона и здѣсь отозвалась она въ душахъ тѣхъ, которые, подобно женщинѣ-хананеянкѣ, ожидали избавленія и Избавителя. Когда Спаситель пришелъ въ предѣлы Тирскіе и Сидонскіе, пришелъ на время, уединиться, то, оказалось, и здѣсь нашлись вѣрующіе въ Него. И се жена-хананеянка первая изъ этой страны явила вѣру свою. Она шла за Нимъ и зывала: „Иисусе, Сыне Давидовъ, помилуй меня!“ Называя Его Сыномъ Давидовымъ,

она тѣмъ самымъ признавала Его Христомъ-Мессіей, Который у евреевъ, согласно пророчествамъ, былъ извѣстенъ и былъ ожидаемъ подъ этимъ именемъ. Хананеянка оказалась достойнѣе многихъ евреевъ, которые не узнали и не признали Христа. Въ то время, какъ многіе и изъ признавшихъ боялись слѣдовать за Нимъ открыто, она, напротивъ, предъ всѣми заявляла о своей вѣрѣ. Для нея Онъ, какъ человѣкъ, былъ чужеземцемъ и иноплеменникомъ, но она выше всего поставила истину, свою вѣру, и вѣры своей не стыдилась.

Жена-хананеянка явила и великую *любовь*. То была любовь несчастной матери, у которой тяжело страдала дочь. Горе и несчастье не разрушили, а усугубили и укрѣпили ея вѣру, а несчастье дочери она считала своимъ собственнымъ. Страдала дочь, а она говорила Спасителю: *помилуй меня*, точно она сама прогнѣвала Бога. Мы знаемъ другой такой же примѣръ въ евангелии, и опять въ лицѣ не еврея природнаго, а увѣровавшаго иноплеменника, именно Капернаумскаго сотника-римлянина, который также просилъ Спасителя даже не за сына, а за своего слугу. Такая самоотверженная любовь и есть требованіе христіанства. „По тому узнають, что вы—Мои ученики, если вы будете имѣть любовь между собою“,—такъ говорилъ Спаситель, прощаясь съ учениками, и такъ Онъ Самъ показалъ на Своемъ собственномъ примѣрѣ, ибо Праведникъ, Онъ умеръ за грѣшныхъ ради ихъ спасенія.

Наконецъ, хананеянка явила великое *смиреніе*. Долго она пла за Иисусомъ Христомъ, взывая къ Нему и умоляя исцѣлить ея дочь, а Онъ молчалъ, испытывая ея вѣру и испытывая апостоловъ. Послѣдніе, воспитанные въ еврейскихъ воззрѣніяхъ, по которымъ считалось, что не слѣдуетъ оказывать милость язычникамъ и иноплеменникамъ, сами тронулись вѣрою и мольбою женщины и сами стали просить Иисуса Христа отпустить ее. Спаситель, чтобъ еще болѣе вразумить учениковъ и показать имъ ложность еврейскихъ исключительныхъ взглядовъ, говоритъ имъ: „Нехорошо отнимать хлѣбъ у дѣтей и отдавать псамъ“. Ученики еще не успѣли сказать ни слова, какъ хананеянка уже отвѣтила Спасителю не словомъ вражды, не словомъ жалобы на обиду или несправедливость, а вели-

кимъ сознаниемъ своего недостойнства, великимъ свидѣтельствомъ величайшаго и необычайнаго своего смиренія: „Господи,—отвѣтила она Христу,—Господи, но вѣдь и псы ѣдятъ отъ крупицъ, падающихъ со стола господъ своихъ“.

Спаситель отозвался на эти слова женщины величайшею похвалою ей: „О, женщина! Велика вѣра твоя. Пусть будетъ по твоему желанію!“ И дочь исцѣлилась.

Итакъ, по ученію Христову, вотъ основы жизни: *вѣра, любовь и смиреніе*. Если даже лучшіе язычники могли приготовить себя духовно къ воспринятію этихъ добродѣтелей, то что же сказать о христіанахъ? Для нихъ онѣ—не только обязанность, но и первый признакъ ихъ принадлежности къ христіанству. И вездѣ, гдѣ мы видимъ, что жизнь строилась на этихъ началахъ и основахъ,—вездѣ на людяхъ, на семьяхъ, на обществахъ и государствахъ почивало и почиваетъ Божіе благословеніе. Мы видимъ это и въ прошлой исторіи русскаго народа.

Что же несутъ намъ современные учителя, а точнѣе—развратители народа, которые хотятъ навязать намъ свои выдуманныя ученія и обѣщаютъ всякія блага своимъ послѣдователямъ?

Вмѣсто *вѣры* они проповѣдуютъ *нестерпѣ* въ Бога, въ міръ духовный и въ загробную жизнь. Они прямо заявляютъ, что они хотятъ устроить рай не на небѣ, а на землѣ. На чемъ же они хотятъ построить эту обѣщаемую блаженную жизнь людей на землѣ?

Вмѣсто *любви* они проповѣдуютъ *борьбу* классовъ и сословій, *зависть* къ людямъ богатымъ и стоящимъ у власти и *ненависть* ко всемъ. Они зовутъ бѣдняковъ всѣхъ странъ соединиться и идти борьбою противъ богатыхъ, не стѣсняясь ни убійствами, ни грабежами, ни насиліемъ.

И, наконецъ, вмѣсто *смиренія* они хотятъ поставить *гордость* челоуѣка, нежеланіе никому и ничему подчиняться; они проповѣдуютъ жизнь по собственной своей волѣ, а не по высшей волѣ Божіей.

Немного нужно имѣть ума, чувства и наблюдательности, чтобы судить, чтобы знать безошибочно, куда ведутъ эти но-

вое ученіе и новые учителя. Нужно только удивляться, какъ находятся люди, которые могутъ слушать такія ученія и слѣдовать имъ.

Тѣ, которые носятъ имя христіанъ не по названію только, но и по существу, тѣ, которые желаютъ счастья себѣ и другимъ, тѣ, для которыхъ законъ есть воля Божія, а не грѣховная воля человѣка,—должны помнить и въ жизнь проводить и осуществлять великіе уроки, преподанные намъ въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи. Они гласятъ, что истинныя и спасительныя основы жизни суть: *вера, любовь и смиреніе!* Аминь.

Трудъ безплодный, бесполезный и вредный.*

Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зяждущіи. Аще не Господь сохранитъ градъ, всеу блѣ стрегій (Пс. 126, 1).

Итакъ, можно строить домъ,—а онъ разсыплется, и трудъ нашъ окажется напраснымъ; можно стеречь городъ,—и опять всеу, напрасно, потому что онъ все-таки незамѣтно будетъ взятъ врагомъ. Приведенныя слова Свящ. Писанія, которыя мы нерѣдко слышимъ въ церкви и читаемъ въ Псалтири, ясно показываютъ намъ, что труды человѣка, часто напряженные и утомительные, однако, являются ненужными, безплодными, бесполезными, даже вредными.

Нѣкогда, послѣ потопа люди захотѣли построить башню до небесъ, чтобъ избавиться отъ повиновенія Богу, чтобъ уйти отъ Его власти, отъ Его кары. То былъ трудъ нечестиваго невѣрія и сатанинской гордости. И трудъ этотъ былъ напраснымъ. Господь смѣшалъ языки строителей, и они разсѣялись по всей землѣ.

Нѣкогда царство еврейское раздѣлялось на два: на Іудей-

* Поученіе въ нед. 18-ю по Пятидесятницѣ. Сказано рабочимъ на фабрикѣ.

ское и Израильское. Первое сохранило вѣрность Божьему слову и закону, священному храму и Иерусалиму, сохранило на царствѣ родъ царя Давида. Народъ его, хотя и впадалъ въ нечестіе, но, имѣя храмъ, законное священство и богооткровенный законъ, все же приходилъ къ покаянію. Въ царствѣ же Израильскомъ, которое было въ пять разъ многочисленнѣе Іудейскаго, цари и правители употребили страшный трудъ и усилія, чтобъ устроить свое царство по образцу сосѣднихъ сильныхъ народовъ языческихъ. Они тщательно уничтожили всѣ благочестивыя преданія и обряды благочестивой древности, они вводили идолослуженіе, ставили въ разныхъ мѣстахъ царства языческія изваянія, чтобъ отучить народъ отъ Іерусалима, заводили порядки и науки, заимствованныя отъ сосѣднихъ народовъ языческихъ. И весь этотъ трудъ, трудъ гордости житейской и невѣрія, трудъ отдѣленія отъ истинныхъ основъ жизни, Богомъ заповѣданныхъ, погибъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ погубилъ и все царство Израильское, которое было разрушено тѣми самыми народами, у которыхъ израильтяне заимствовали порядки, науки и искусства.

Знаемъ мы въ исторіи трудъ величайшей злобы. Цари римскіе захотѣли совершенно истребить христіанство, истребить самую память о немъ. Все было пущено въ ходъ: трудились надъ этимъ ученые, писатели, поэты, высмѣвая всячески христіанство и отвлекая отъ него вѣрующіхъ; цари и правители издавали противъ него строжайшіе законы и не допускали христіанъ ни къ какой службѣ; воеводы и судьи осуждали христіанъ на смертную казнь. Кровь христіанъ лилась во всемъ мірѣ; у нихъ отнимали архіереевъ и священниковъ, предавая ихъ казнямъ или отсылая въ изгнаніе; у нихъ отбирались священные храмы, сосуды, книги. И все это было трудомъ напраснымъ. Христіанство восторжествовало въ мірѣ, а язычество окончательно было подавлено и уничтожено. Трудъ ненависти и злобы, трудъ богоборный, былъ напрасенъ и губителенъ для самихъ трудившихся.

Гибнетъ всякій трудъ, основанный и на самонадѣянности. Богачъ евангельской притчи, у котораго былъ богатѣйшій урожай въ полѣ, рѣшилъ въ душѣ своей: „Разорю житницы мои

и построю новыя. И тогда скажу душѣ моей: душа, много у тебя добра на многіе годы. Почивай, ѣшь, пей, веселись!“

А Господь сказалъ ему: „Безумецъ, въ эту ночь душу твою возьмутъ у тебя, а то, что ты приготовилъ, кому достанется?“

Такъ гибнетъ всякій трудъ, который имѣетъ въ основѣ своей невѣріе, гордость, злобу, самонадѣянность. А вотъ другой примѣръ, совершенно обратный.

Слышимъ сегодня въ евангеліи: трудились апостолы *безъ Христа*, цѣлую ночь трудились въ ловлѣ рыбъ, и все напрасно. Но пришелъ къ нимъ Христосъ, благословилъ трудъ ихъ, и вдругъ они нашли совершенно неожиданный и великій уловъ рыбы. Это—образъ и показатель и урокъ для всякаго труда человѣческаго. Совершаемый съ Богомъ и для Бога, угодный Богу и Богомъ благословенный, трудъ человѣка всегда принесетъ ему плодъ многій въ жизни земной, будетъ воспитывать его и для жизни небесной. Эту мысль мы и выражаемъ, когда предъ началомъ труда говоримъ про себя или вслухъ: „Господи, благослови!“ Эту же мысль мы выражаемъ, когда предъ началомъ дѣлъ важныхъ, особенно общественныхъ, приглашаемъ священнослужителей, приносимъ чтимыя святыни и въ молебномъ пѣніи просимъ Господа благословить „доброе дѣло“ и „благое намѣреніе“ наше.

Нынѣ мы переживаемъ время напряженныхъ и усиленныхъ трудовъ, направленныхъ къ измѣненію и улучшенію нашей общественной и государственной жизни. Сколько предлагается всякихъ предположеній, всякихъ плановъ, всякихъ преобразованій! Образовались такъ-называемыя политическія партіи; каждая изъ нихъ тянетъ народъ на свою сторону, каждая обѣщаетъ ему высшія блага, конечно, безъ всякаго обязательства ихъ выполнить, каждая тянется сама къ власти и къ государственному достоянію, и каждая говоритъ о своихъ великихъ *трудахъ* для устроенія блага государства и народа.

Какъ разобраться среди всѣхъ этихъ приглашеній и призывовъ примкнуть къ тѣмъ или другимъ людямъ?

Для невѣрующаго очень трудно разобраться среди этого

множества приглашеній, изъ которыхъ, конечно, только одно можетъ быть истиннымъ, а прочіе ложны. Для вѣрующаго же христіанина это очень легко.

Смотри на трудъ этихъ людей, кто и на чемъ созидаетъ. Если намъ обѣщаютъ устроить только земную жизнь, а о вѣчной, небесной забываютъ и не упоминаютъ, если хотятъ обойтись безъ Бога и Его закона,—это строители Вавилонской башни, ихъ труды разсыпятся и погибнутъ.

Если начинаютъ дѣло безъ молитвы, безъ Божьяго благословенія, безъ благословенія Церкви, если въ своихъ собраніяхъ такіе люди не молятся о дарованіи помощи свыше, надѣясь только на себя, на свой умъ, на свои только силы,—ихъ дѣло самонадѣянія погибнетъ, оно есть только служеніе сатанѣ, который бѣжитъ отъ имени Божьяго.

Если возмущаютъ противъ религіи, противъ Церкви и ея служителей, противъ власти церковной,—это гонители христіанства, подобные древнимъ римскимъ царямъ-мучителямъ. Ихъ дѣло также бесплодно, также погибнетъ съ шумомъ.

Если обѣщаютъ новые порядки жизни, заимствованные отъ другихъ, нечестивыхъ народовъ и только поэтому и признаваемые за хорошіе и полезные, но въ разобщеніи со словомъ Божиимъ и ученіемъ Церкви,—это трудъ древнихъ, нечестивыхъ правителей израильскихъ, погубившихъ свой народъ.

Иди, христіанинъ, туда, гдѣ говорятъ о Богѣ, гдѣ призываютъ Его помощь, гдѣ надѣются на Его благословеніе, гдѣ почитаютъ Его Церковь, гдѣ выше всего ставятъ Его заповѣдь, гдѣ зовутъ къ миру, порядку, къ любви взаимной, гдѣ чтутъ власть въ семьѣ, въ обществѣ и въ государствѣ. Съ такими людьми трудъ—есть трудъ благословенный, и какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, какъ бы на него ни злобились враги, этотъ трудъ, съ Божіей помощью, дастъ великій уловъ всякаго успѣха и жизнь земную обратить въ путь къ Богу и небу. Ловцы рыбы, когда явился къ нимъ Христосъ, не только мрежи свои исполнили ловитвы, но и сами явились премудрыми учителями вѣры и жизни духа,—учителями и апостолами вселенной.

Таковъ трудъ при Божіемъ благословеніи. Трудъ и молитва, молитва и трудъ,—вотъ залогъ его успѣха! Аминь.

Духовные запросы женщины.*

Въ исторіи первенствующей христіанской Церкви мы знаемъ такой случай. Было страшное гоненіе на христіанъ. За городомъ было назначено богослужбное собраніе вѣрующихъ, о которомъ стало извѣстно властямъ. Поручено было сотнику ночью, во время собранія христіанъ, напасть на нихъ и перебить всѣхъ до единого. Сотникъ, переодѣвшись, днемъ пошелъ осмотрѣть мѣстность, чтобы безошибочно сдѣлать всѣ ночныя распоряженія. Возвращаясь уже къ вечеру въ городъ, онъ встрѣчаетъ женщину, о которой ему завѣдомо было извѣстно, что она—христіанка. Она спѣшила на общую молитву и вела за руку своего сына. Жалко стало воину этой несчастной матери. Онъ отвелъ ее въ сторону съ дороги и сказалъ ей: „знаю, куда ты идешь; сегодня васъ всѣхъ истребятъ; возвратись, пожалѣй сына“.

Женщина остановилась. Сотникъ отошелъ отъ нея и издали слѣдилъ за ней. Женщина постояла, подумала,—и все-таки отправилась туда, куда шла. Ночью она была убита.

Вотъ сила убѣжденности женщины.

Если вы, далѣе, всмотритесь въ исторію христіанства, то увидите замѣчательное явленіе: равноапостольная Елена въ Греціи, Ольга въ Россіи, Людмила въ Чехіи, Домбровка въ Польшѣ, Берта, Клотильда на Западѣ, во Франціи и Англии, Біанка въ Китаѣ...

Женщина оцѣнила христіанство, какъ религію, впервые поставившую женщину, какъ человѣка, члена царствія Божія, искупленного и спасенного, а не какъ только жену, хозяйку

* Рѣчь при открытіи женскаго патріотическаго кружка учащейся молодежи въ Москвѣ 14 октября 1907 г.

или мебельную принадлежность разврата и прихоти господина. Это было истинное и самое высшее равенство, и, конечно, женскіе монастыри, почитаніе Богоматери и женщинъ-дѣвственницъ и подвижницъ,—все это дало для идеи истиннаго женскаго равноправія и ея человѣческаго достоинства несравненно больше, чѣмъ самыя горячія рѣчи поборниковъ женской эмансипаціи. Обращали ли вы вниманіе, что впервые при распространеніи христіанства, особенно православія, всегда ставили храмъ въ честь Богоматери, и этимъ предъ мыслью и возрѣвнѣніями дикаря прежде всего поставлялась идея святости женщины?

Впрочемъ, не потому только, что христіанство дало столько для женщины, она служила Христу всею горячностью духа. Эта горячность духа—психологическая черта женской души, ярко выраженная хотя бы въ образахъ евангельскихъ мирносицъ. Всякая идея, воспринятая женщиной, захватываетъ у нея душу всецѣло и дѣлаетъ ее способною на подвигъ и жертву. Это мы видѣли и въ нашей революціи. Сколько дѣвушекъ и женщинъ, принявъ зло за добро, и демона за ангела, отдали злу и тѣло, и душу, и матеріальныя средства, и весь пылъ сердца.

Было бы странно и психологически невозможно, если бы на сторонѣ положительныхъ возрѣвнѣй и положительной работы въ отстаиваніи вѣковыхъ идеальныхъ сокровищъ духа женщина осталась равнодушною и безмолвною. Вашъ небольшой кружокъ—наглядное тому доказательство. И пока къ патріотическому движенію не примкнетъ женщина, оно будетъ неполнымъ, оно будетъ одностороннимъ, только разсудочнымъ и мало дѣйственнымъ. Я этимъ не хочу преувеличивать что-либо или умалить. Я только утверждаю истину вещей. Что важнѣе для жизни на нашей планетѣ: свѣтъ или тепло? Отвѣтъ одинъ: и свѣтъ, и тепло. Безъ обоихъ этихъ условій невозможно существованіе зачатковъ органической жизни. Такъ и въ жизни и развитіи идей нужно участіе и мужчины и женщины.

Вотъ почему съ чувствомъ понятной и живѣйшей радости я привѣтствую нынѣшнее наше начинаніе. Можетъ-быть, оно и распадется, можетъ-быть, оно заглохнетъ. Не станемъ себя

обманывать. Все это может быть. Но важнѣе всего — идея и первая, хотя бы робкія и слабыя попытки къ ея осуществленію.

Велика истина и превозмогаетъ, и мы увѣрены, что брошаемъ сѣмя жизненное и дорогое. Ни лица, ни учрежденія здѣсь не при чемъ: а возрастить все Богъ.

Богу мы вѣруемъ и Его мы призываемъ. И не только въ столь маломъ собраніи, но гдѣ двое только или трое соберутся во имя Его, и тамъ Онъ посреди ихъ. Не бойся же, малое стадо: Отецъ благоизволилъ дать вамъ царство...

Да будетъ съ вами и надъ вами Божіе благословеніе!
Аминь.

Памяти В. А. Грингмута.*

Наконецъ, и Царское слово сказано о нашемъ дорогомъ покойникѣ, — слово *„искренняго соболюзнованія по поводу утраты столь честнаго и мужественнаго борца за достоинство и мощь Россіи“*. Свѣтлою и отрадною вѣстью приспѣла Царская хвала къ нынѣшнему поминальному дню, къ нынѣшней нашей молитвѣ. Говорить намъ покойникъ словомъ Святого Писанія: „Сплю я, но сердце мое не спитъ“. Слышитъ его сердце наши молитвы, слышитъ слово Царскаго благоволенія, которое было для него въ жизни высшею наградой на землѣ. И рады мы, что сегодня къ нему на могилу, для бесѣды съ нимъ, принесли мы вѣсть радости.

Царская хвала... Вспоминается царская хвала, о которой рассказываетъ намъ Библия. Народъ избранный подвергся нашествію гордыхъ и жестокихъ чужеземцевъ. Пришелъ къ нему врагъ въ силѣ тяжелой. Вышелъ къ нему и Израиль, и стали два враждебные стана одинъ противъ другого. И вотъ, изъ лагеря враговъ выступаетъ великанъ Голиаѣ; онъ зоветъ противника на единоборство; побѣда должна рѣшить не только

* Рѣчь въ 20-й день по кончинѣ В. А. Грингмута, 17 октября 1907 года.

исходъ войны, но и судьбу цѣлаго народа, все его будущее. Выходилъ великанъ, весь закованный и защищенный латами, броней и панцыремъ, потрясая мѣдными гремящими доспѣхами; величался онъ предъ рядами оробѣвшихъ израильтянъ, проклиналъ Бога ихъ и всѣ святыни, хвалился богами своими.

Тутъ вышелъ противъ него молодой Давидъ, юноша блѣлокурый, съ голубыми глазами, внукъ той Руен, чужеземки-моавитянки... Вышелъ онъ съ пламенною вѣрой въ Бога, съ горячею любовью къ своему народу, вѣрный богоданному царю, не на лукъ свой и не на силу своихъ мышцъ уповая, а надѣясь только на правду и силу Божию. Онъ безъ воинскихъ доспѣховъ. Въ рукахъ у него—только праща, невинное, дѣтское оружіе. И сталъ надъ нимъ издѣваться чужеземецъ, звалъ его презрительными именами, грозилъ ему скорою смертію, — „проклиналъ его идолами своими“.

Сошлись враги. Юноша, въ силѣ вѣры и подвига, пошелъ на Голиаѳа. И былъ Господь съ нимъ; камнемъ изъ пращи ударилъ онъ врага прямо въ лобъ, свалилъ на землю и его же мечомъ отрубилъ Голиаѳу голову. Враги бѣжали вонъ изъ земли народа Божія. И было ликованіе народа, и была царская похвала побѣдителю.

Не въ грозѣ военной, не честнымъ и открытымъ боемъ, а въ гнилой мглѣ измѣны, лжи и предательства вышелъ противъ русскаго народа врагъ его... Разумѣйте здѣсь что угодно: личность ли опредѣленную, или общій духъ и направленіе времени, — это все равно... Общее мелководіе, продажность, лѣнь, беспечность и трусость возвели его въ глазахъ многихъ въ великаны. И высился онъ, выростая изъ ничтожества мнимой силой, вліяніемъ, титулами, положеніемъ, богатствомъ... Онъ стоялъ, окруженный иноплеменниками и, на нихъ опираясь, предавалъ Россію; онъ бряцалъ... золотомъ, подкупая все и вся, онъ гремѣлъ и потрясалъ доспѣхами, облеченный и защищенный всею силою государственной власти, страшный своимъ высокимъ положеніемъ... Онъ издѣвался надъ вѣковыми святынями исторической жизни нашего боголюбиваго и царелюбиваго народа, онъ проклиналъ основы ея идолами чуждой государственности...

Вы знаете, о комъ и о чемъ я говорю; мнѣ не нужно предъ вами называть... неблагословенное имя. Ровно два года назадъ, въ этотъ самый день, все это омрачило воспоминаніе спасенія Царя и Россіи, омрачило тяжкимъ опасеніемъ гибели Царя и Россіи. Лживая и вкрадчивая рѣчь,—какъ рѣчь искуссителя-сатаны, навѣянная предательствомъ, ложью, измѣной, навѣянная жадными вождельніями иноплеменниковъ и идолами чужеземнаго, для насъ отвратительнаго государственнаго строя,—послужила въ этотъ самый день 17 октября началомъ и источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій нашей родины.

Успѣхъ или неуспѣхъ предательства рѣшаль судьбу Россіи, все будущее нашего народа...

И вотъ, во дни всеобщей робости и запуганности, когда многимъ казалось уже, что дѣло предательства и предатели восторжествовали, когда новый Голиаѣ стоялъ на верху силы, когда честолюбивая воспаленная мысль уже рисовала для себя впереди картины всеобщаго поклоненія, и святотатственною рукой врагъ касался Царской короны и въ сочиняемыхъ имъ основныхъ законахъ Имперіи уже умалялъ священныя права верховной самодержавной власти..., — въ эти страшные дни вышелъ противъ предателя малый, совсѣмъ малый, сравнительно съ нимъ, по своему общественному положенію человѣкъ. Онъ вышелъ безоружный, онъ противопоставилъ всему дьявольскому оружію врага какъ бы малую пращу, — только перо журналиста.

Это былъ Владиміръ Андреевичъ. Съ вѣрой въ сердцѣ, съ любовью къ Царю, родинѣ и русскому народу, съ непоколебимую убѣжденностью, съ отвагой геройства, съ безстрашіемъ, доходившимъ до готовности принять всѣ муки, сталъ онъ разить словомъ новаго Голиаѣа. Велико было его искусство, Господь ему сопутствовалъ Своею помощію. Онъ билъ врага прямо въ безстыдное лицо,—и палъ гнилой великанъ, гремя доспѣхами, и отрубилъ ему голову, въ политическомъ смыслѣ, та самая первая Дума, которую онъ самъ старательно собиралъ изъ всѣхъ инородцевъ и враговъ Россіи для борьбы съ Царемъ и народомъ...

А его побѣдителя помянулъ народъ, въ великомъ мно-

жествъ проводившій его къ вѣчному покою, теперь же восхвалялъ и Царь, спасенный и спасаемый въ силѣ Его священныхъ правъ самодержавія.

Помянемъ его нынѣ, по уставу церковному, заупокойнымъ моленіемъ...

Да помянетъ его и Царь Небесный во царствіи Своемъ нынѣ и во вѣки! Аминь.

Взаимныя отношенія людей.*

Якоже хотите, да творятъ вамъ чловѣцы, и вы творите имъ также (Лук. VI, 81).

Сколько нынѣ мы слышимъ всякихъ разговоровъ о томъ, какъ лучше устроить жизнь людей! Сколько по поводу этихъ вопросовъ люди волнуются и спорятъ! Сколько со всѣхъ сторонъ предлагается самыхъ различныхъ способовъ достигнуть всеобщаго порядка и счастья!

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же чловѣку жить по-звѣриному. Вѣдь только у звѣрей каждый заботится лишь о себѣ, и если одинъ сытъ, то онъ уже о другомъ не думаетъ, мало того, онъ недоволенъ чужимъ довольствомъ и готовъ отнять пищу у сосѣда, хотя самъ неголоденъ. Такъ поступаютъ животныя, а у людей, разумныхъ существъ, должно все быть иначе. Нужно чловѣческой жизни дать такое устройство, чтобы оно доставляло всѣмъ довольство, чтобы счастье одного не было несчастьемъ другого, чтобы чловѣкъ жилъ и жить давалъ другимъ. Какъ же это всего лучше устроить?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Но больше всего надеждъ возлагаютъ теперь обыкновенно на хорошее государственное устройство, на хорошіе законы. Пусть будетъ такъ. Но спрашивается: вѣдь и законы нужно создавать на какой-

* Въ недѣлю 19-ю по Пятидесятницѣ.

либо основѣ, и для законовъ нужно имѣть какое-либо руководство и вѣчное правило. Гдѣ же оно, это правило? А безъ такого вѣчнаго и для всѣхъ обязательнаго правила законы обратятся въ постоянно мѣняющійся произволь и капризъ, и тогда развѣ можно устроить твердую, надежную и прочную жизнь? Конечно, это невозможно. А затѣмъ еще: что же дѣлать съ людьми, если они не захотятъ данныхъ законовъ исполнять? Вѣдь они могутъ сказать: законы придумали люди, а мы—тоже люди: мы этихъ законовъ признавать не желаемъ, мы себѣ придумаемъ другіе законы. Придется тогда примѣнять къ такимъ непокорнымъ принужденіе и насиліе, а они спросятъ: кто вамъ далъ такія права насъ понуждать? И на насиліе они отвѣтятъ тоже насиліемъ. И получится, вмѣсто порядка, мира и благоустройства, только безпорядокъ, злоба и разстройство жизни, и нечѣмъ будетъ этого зла прекратить. Такъ, выходитъ, плоха надежда на законы и законодательство, на которые теперь многіе уповаютъ.

Гдѣ же такое вѣчное правило и для законовъ, и для людей? Человѣкъ такого правила дать не можетъ, ибо на всемъ человѣческомъ лежитъ печать грѣха, ошибокъ и заблужденій, и оно не можетъ быть обязательно для человѣка. Правило такое даетъ Самъ Господь. Поэтому-то оно и обязательно для насъ. Послушай и исполни его не только потому, что оно тебѣ же полезно и для тебя спасительно, но и потому, что оно—Божье повелѣніе, повелѣніе Создателя для Его созданія, повелѣніе любящаго и милующаго Господа для человѣка, котораго Господь предназначилъ къ вѣчному блаженству и къ этому блаженству его ведетъ. Ты не хочешь исполнять этого правила,—тебя принудить власть земная. Ты спросишь: по какому праву она это сдѣлаетъ? Тебѣ отвѣтъ готовъ: по праву, отъ Бога данному. Сущія власти отъ Бога учинены суть,—учить св. апостолъ; онѣ назначены *въ поощреніе добрымъ и въ наказаніе злымъ*,—такъ учить другой апостолъ. „Хочешь ли не бояться власти, дѣлай добро, и будешь имѣть отъ нея похвалу“, наставляетъ апостолъ (Римл. XIII, 1 Петр. II гл.).

Правило Божественное, опредѣляющее поведеніе человѣка и взаимное отношеніе людей, мы сегодня слышали въ святомъ

евангеліи. Оно коротко: „*Какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, и вы поступайте съ ними такъ же*“.

По этому золотому правилу надо построить всю свою жизнь и на немъ же основывать и законы государственные. Итакъ, ты, конечно, хочешь, чтобы нажитое твоимъ трудомъ имущество, или прибрѣтенное твоими родителями и переданное тебѣ достояніе оставалось бы твоею неотъемлемою собственностью: и въ отношеніи къ другимъ людямъ держись такого же правила, и законовъ желай такихъ, которые бы не отнимали, а охраняли собственность каждаго гражданина. Не слушай тѣхъ, кто говоритъ, что нужно для справедливости и равенства отнять у богатыхъ то, что они имѣютъ, и отдать нищимъ: это не справедливость и не равенство, а насиліе.

Ты дорожишь своею честью и своимъ добрымъ именемъ; тебѣ неприятно, и горько, и обидно, если тебя злословятъ враги, если на тебя возводятъ всякія клеветы. Не слушай же тѣхъ людей, которые, чтобы достигнуть своихъ скрытыхъ цѣлей, клеветаютъ на всѣхъ съ ними несогласныхъ: на царей, на правителей, на людей, преданныхъ родинѣ и порядку, на людей, преданныхъ вѣрѣ Христовой.

Тебѣ дорога твоя жизнь: пусть же уши твои будутъ глухи къ тѣмъ призывамъ къ убійствамъ и насиліямъ, къ бунтамъ и кровавымъ мятежамъ, къ которымъ побуждаютъ народъ нашъ разные подстрекатели, обѣщая ему, что тогда, послѣ такъ-называемой „революціи“, они дадутъ намъ новые совершенные законы и новый строй государству. Такіе законы и такой строй, на убійствѣ, преступленіи и на крови возвращенные, не принесутъ народу счастья.

Ты хочешь, чтобы тѣ, которые тебѣ должны быть покорными: дѣти, слуги, подчиненные, исполняли то, что ты имъ укажешь дѣлать по долгу своему, чтобъ они слушались тебя, какъ отца, хозяина или начальника,—исполняй же и самъ распоряженіе высшей тебя власти не только за страхъ, но и за совѣсть.

Тебѣ обидно, если законы, благопріятные для тебя, не исполняются, а отяготительные для тебя дѣйствуютъ. И самъ ты поэтому исполняй все, что законно поставлено властью для

подчиненныхъ,—и то, что тебѣ выгодно и пріятно, и то, что для тебя стѣснительно.

Тебѣ было бы горько и обидно, если бы законодатели такъ назначали и составляли законы, чтобъ они только для нихъ самихъ были выгодны, чтобъ они заботились только о себѣ, хотя бы они и были большинствомъ; ты тогда можешь сказать: „ваша сила, но не ваша правда“. Поэтому не помогай такимъ дѣятелямъ общественнымъ, которые обѣщаютъ дать законы, несправедливые для однихъ, хотя бы выгодные для тебя самого, когда, напримѣръ, обѣщаютъ отобрать закономъ земли, имущества, отнять чьи-либо права, лишить заслуженнаго и передать тебѣ и другимъ. Нынѣ ты взялъ, а завтра у тебя возьмутъ.

Такъ всегда и во всемъ спасительно и благотворно вѣчное правило святаго евангелія: „Якоже хотите, да творятъ вамъ челоуѣцы, и вы творите имъ такожде“.

Много нынѣ говорятъ о томъ, какъ благоустроить жизнь людей. А разрѣшеніе этого вопроса, съ одной стороны, и ясно и легко—для праведниковъ, а съ другой стороны, и трудно—для грѣшниковъ. Разрѣшеніе—простое: живите по-христіански, исполняйте христіанскій законъ, и жизнь ваша будетъ и благоустроенною, и счастливою. А въ этомъ христіанскомъ законѣ, въ указаніи взаимныхъ отношеній людей, самое золотое и главное правило мы и слышимъ сегодня въ евангеліи. Повторимъ его еще разъ и запомнимъ: „Якоже хотите, да творятъ вамъ челоуѣцы, и вы творите имъ такожде!“ Аминь.

Духовные мертвецы *

Пріяша жены отъ воскресенія
мертвыхъ своихъ... (Евр. XI, 35)

Св. апостоль Павель, изображая силу и дѣйствіе вѣры, указываетъ намъ примѣры того, какъ женщины - матери, по

* Въ недѣлю 20-ю по Пятидесятницѣ.

вѣрѣ своей, получали воскресшими своихъ умершихъ дѣтей. Такъ Илія воскресилъ сына вдовы; такъ Елисей молитвою возвратилъ живымъ умершаго отрока матери его.

Святое евангеліе, которое мы нынѣ слышали за литургіей, рассказываетъ намъ о томъ, какъ вдова Наинская хоронила единственнаго сына, какъ она терзалась горемъ, какъ увидѣль ее Иисусъ Христосъ и, сжалившись надъ нею, тронувшись горемъ матери, безъ словъ, безъ просьбы ея, силою Своего Божества возвратилъ умершаго къ жизни. Велико чудо—воскресеніе мертваго, и рѣдкіе удостоивались видѣть его.

Но есть иная, болѣе страшная смерть для людей,—смерть духовная. И есть иное, не менѣе великое чудо Божественное, которое мы часто можемъ видѣть и на себѣ испытываемъ, это—воскресеніе мертвецовъ духовныхъ. Самъ Спаситель научилъ насъ обращать мысль отъ смерти тѣлесной къ смерти духовной. Въ евангеліи рассказывается: Иисусъ Христосъ сказалъ одному слушателю Его ученія: слѣдуй за Мною. Тотъ сказалъ: Господи, позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего. Спаситель сказалъ ему: предоставь мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ... (Лук. IX, 59—60).

Мертвый духовно—это человекъ, отлучившій себя отъ жизни въ Богѣ, отъ святости и богоугожденія, отошедшій отъ Бога и Его закона. Такимъ было послѣ грѣхопаденія все человечество, но Господь, видѣвъ его, милосердовалъ о немъ, и однихъ по вѣрѣ ихъ, другихъ только по Своему милосердію, Онъ спасъ людей, пославъ имъ Сына Своего Единороднаго. Воскрешая мертвыхъ тѣлесно, Спаситель гораздо болѣе прилагалъ заботу о воскресеніи духовно-мертвыхъ: имъ Онъ открывалъ волю Божию, ихъ Онъ призывалъ въ царство Божіе, ихъ Онъ ободрялъ надеждою на милость Божию, имъ прощалъ грѣхи и говорилъ: „Вѣра твоя спасла тебя“, „иди и впредъ не грѣши“. И великое множество грѣшниковъ и грѣшницъ, мытарей, блудницъ воскресли духомъ и унаслѣдовали вѣчныя обители вѣчной жизни.

Живы ли мы и сами духовно? Живы ли люди, насъ окружающіе и намъ близкіе? Но если бы мы были живы, тогда не упорствовалъ бы грѣхъ въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, тогда

не были бы мы зрителями и наблюдателями тѣхъ страшныхъ преступленій и грѣховъ, которые страшнымъ разливомъ наполнили теперь всю нашу жизнь. Жизнь истинная оживлена Духомъ, а плоды Духа есть любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. V, 22). Напротивъ, смерть духовная несетъ гніеніе и разложеніе, вражду, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, ненависть, убійства, пьянство, безчинства и тому подобное (Гал. V, 20—21),—и развѣ мы не смрадны нашими грѣхами, развѣ не видимъ, какъ разлагается жизнь кругомъ насъ?

Что же, неужели это смерть безвозвратная и неисцѣльная? Неужели жизнь, истинная жизнь Божія, закрыта для насъ навѣки!

Вы, мертвые духовно, не отчаивайтесь въ своемъ спасеніи. Божья милость бодрствуетъ надъ нами, Божья благодать спасительная не отнята отъ насъ. Видитъ Господь мертвость нашу и милосердуетъ о насъ. Лишь бы въ насъ сохранилось желаніе жизни, лишь бы мы сердцемъ любили Бога и Его законъ и къ Нему стремились; лишь бы въ насъ не умерло сознаніе грѣховъ и отвращеніе къ нимъ; лишь бы мы сами себя не приводили къ духовному самоубійству. Вздохни, христіанинъ, къ Богу, возведи къ Нему очи, возжелай спасеніе твое, возымѣй намѣреніе, какъ блудный сынъ, оставивъ путь грѣха, возвратиться къ Богу и святости,—и тебѣ не только готовъ отчий кровъ, не только открыты источники жизни, но и дана будетъ помощь придти къ этимъ источникамъ. Въ благодати крещенія, въ словѣ Божіемъ, въ ученіи и наставленіяхъ Церкви, въ великомъ таинствѣ покаянія и прощенія грѣховъ, въ тайнѣ соединенія со Христомъ въ Тѣлѣ и Крови Его, въ примѣрѣ жизни святыхъ, изъ которыхъ многіе и очень многіе ранѣе были великими грѣшниками,—ты найдешь источники святого воодушевленія, источникъ милости и спасенія. Но горе тебѣ и вѣчная смерть тогда, когда благодать ты самъ отъ себя отгоняешь, когда слово Божіе ты намѣренно не слушаешь, когда къ Церкви Христовой ты не идешь, когда отъ таинства ея ты самъ отказываешься. Богъ сотворилъ насъ безъ насъ, Богъ и искупилъ насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ

насилъно не хочеть. Это было бы то же, если бы вдова Наинская, получивъ умершаго сына своего живымъ, убила его и потомъ снова предавалась бы своему горю. Это было бы надругательствомъ и глумленіемъ надъ любовью Божіей. Такъ и мы при всѣхъ источникахъ жизни, открытыхъ намъ Богомъ, если сами себя будемъ насилъно отгонять и удалять отъ этихъ источниковъ, гибнемъ, но гибнемъ не потому, что Богъ хочеть нашей гибели: грѣшники сами себя губять, *зане любве истинны не пріяша во еже спастися имъ*. Возымѣйте и сохраните эту любовь къ истинѣ и, при помощи Божіей, изъ нея, какъ изъ сѣмени и изъ ростка, и явится и расцвѣтетъ жизнь духа.

Тогда, и только тогда, мы можемъ ожидать, что и окружающая насъ жизнь не будетъ, по великому множеству грѣховъ и преступленій, представлять изъ себя поля, полного мертвыхъ костей, ибо если каждый изъ насъ воскреснетъ къ жизни духа, то и вся жизнь оживится, ибо нельзя лѣчить и исцѣлять все общество людей, не исцѣливъ людей отдѣльныхъ, каждаго отдѣльнаго человѣка.

Но первое движеніе и первую самую главную силу воскресенія духа даетъ вѣра. Безъ нея человѣкъ связанъ навѣки узами грѣха и мрака, безъ нея онъ—плѣнникъ ада, безъ нея онъ—мертъвъ духовно навѣки. И какъ древле жены вѣрою пріяша отъ воскресенія мертвыхъ своихъ, такъ и нынѣ и навсегда вѣрою придемъ мы къ воскресенію душъ своихъ въ святости и чистотѣ и вѣрою привлечемъ къ себѣ милосердіе Господа Іисуса.

И Онъ, какъ нѣкогда сына вдовы Наинской, воскресить къ жизни насъ, духовно гибнущихъ, духовно мертвыхъ. Грѣхомъ умираемъ, но вѣрою воскреснемъ! Аминь.

Церковь и священство.*

Святое евангеліе сегодня за литургіей рассказываетъ намъ о томъ, какъ вдова Наинская хоронила своего единственнаго сына, какъ она терзалась горемъ, какъ увидѣлъ ее Иисусъ Христосъ и, сжалившись надъ нею, тронувшись горемъ матери, безъ словъ, безъ просьбы ея, силою Своего Божества возвратилъ умершаго къ жизни.

Великое чудо—воскресеніе мертваго, и рѣдкіе удостоились видѣть его!

Но есть иная, болѣе страшная смерть для людей,—смерть духовная. И есть иное, не менѣе великое чудо Божественное, которое свершилось надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, которое мы часто можемъ видѣть и на себѣ испытывать, это—воскресеніе мертвецовъ духовныхъ. Самъ Спаситель научилъ насъ обращать мысль отъ смерти тѣлесной къ смерти духовной. Въ евангеліи рассказывается: Иисусъ Христосъ сказалъ одному слушателю Своего ученія: „слѣдуй за Мною“. Тотъ отвѣтилъ: „Господи, позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего“. Спаситель же ему сказалъ на это: „Предоставь мертвымъ хоронитъ своихъ мертвецовъ“ (Лук. IX, 59—60). Мертвый духовно—это человѣкъ, отлучившій себя отъ жизни въ Богѣ, отъ святости и богоугожденія, отошедшій отъ Бога и Его закона. „Мертвъ бѣ“, сказано о сынѣ блудномъ; мертвъ бѣ, можно и должно сказать о всякомъ человѣкѣ и о всемъ родѣ человѣческомъ въ состояніи ихъ грѣховнаго удаленія отъ Бога, Источника жизни. Такимъ и было все человѣчество послѣ грѣхопаденія прародителей, безъ конца умноженнаго личными грѣхами ихъ потомковъ. Оно было мертво, оно было отвергнуто отъ Бога, но бессмертный духъ человѣка и въ этомъ состояніи

* Слово передъ открытіемъ бесѣды о вѣчности священства въ Церкви Христовой въ лицѣ епископства. Сказано въ Петроградѣ въ залѣ Вратства Пресв. Богородицы 28 октября 1907 г. Слово это представляетъ по мѣстамъ повтореніе предыдущей проповѣди.

не потерялъ своего существа, своего богоподобія; онъ тосковалъ по Богѣ, хотя собственными силами не могъ возвратиться къ Нему; онъ стремился къ Богу и святости. Великій учитель языковъ, знавшій всё глубины жизни человѣческой души, ярко рисуетъ предъ нами весь ужасъ такого душевнаго состоянія. „Знаю,—говорить онъ,—что законъ духовенъ, а я плотянь, проданъ грѣху. Не понимаю, что дѣлаю. Ибо не то творю, что хочу, но что ненавижу, то дѣлаю. Не живетъ во мнѣ, то есть во плоти моей, доброе, ибо желаніе доброе есть во мнѣ, а чтобы сдѣлать его, того не нахожу. По внутреннему чловѣку соуслаждаюсь я закону Божію. Вижу же иной законъ въ членахъ моихъ, противовоюющій закону ума моего и плѣняющій меня закономъ грѣховнымъ, находящимся въ членахъ моихъ. Несчастный я чловѣкъ! Кто избавитъ меня отъ тѣла смерти сея?!“ (Рим. VII, 14—24).

И воистину, если вдуматься въ такое состояніе,—какъ оно страшно, какъ ужасно! Могъ ли выйти изъ него чловѣкъ собственными силами? Такъ разслабленный ногами, но хорошо передвигающійся на костыляхъ, и видитъ предъ собою невдалекѣ эти костыли, и пойдетъ съ ними, пойдетъ впередъ безостановочно, но... сидитъ на мѣстѣ недвижимъ, болѣе и болѣе разслабляя свои ноги отсутствіемъ движенія, и не движется, пока другой чловѣкъ не подастъ ему костылей. Это простой, житейскій и наглядный примѣръ, изображеніе душевнаго состоянія грѣхомъ разслабленнаго чловѣчества, искавшаго спасенія и святости и падавшаго все глубже и глубже въ пропасть грѣха и погибели. Кто же могъ избавить его отъ этого ужаса? Чловѣкъ? Но люди всё до одинаго были разслаблены грѣхомъ и всё сами нуждались въ помощи и спасеніи.

И вотъ, видѣвъ чловѣчество гибнущее, Богъ милосердовалъ о немъ, и когда оно, забывъ гордыню и познавъ свое смиреніе и безсиліе, возжаждало небесной помощи, „въ кончину лѣта“, въ моментъ глубочайшаго безсилія и наивысшей жажды общенія съ Божествомъ, Онъ послать къ нему Сына Своего Единороднаго, рождаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупить, да всыновленіе воспримемъ (Гал. IV, 4—5). И люди съ тѣхъ поръ пріяли благодать Духа Божія

въ сердца свои, вопіющаго: авва, отче! И они благодатью Божіей уже не рабы, но сыны Божіи чрезъ Іисуса Христа (ст. 6—7). Такъ учитъ св. апостолъ. „Пришелъ еси отъ Дѣвы ни ходатай, ни ангель, но Самъ Господи воплощся и спаслъ еси всего мя человѣка.“ Такъ учитъ св. Церковь.

Воскрешая мертвыхъ тѣлесно, Спаситель гораздо болѣе прилагалъ заботливой любви о воскрешеніи духовно-мертвыхъ: имъ Онъ открывалъ волю Божію, ихъ Онъ призывалъ въ царство Божіе, ихъ Онъ ободрялъ надеждою на милость Господа, имъ прощалъ грѣхи и говорилъ: „вѣра твоя спасла тебя: иди, и впредь не грѣши“. И великое множество грѣшниковъ и грѣшницъ, мытарей и блудницъ воскресли духомъ и унаслѣдовали вѣчныя обители вѣчной жизни. Сынъ Божій довершилъ и навѣки утвердилъ спасеніе людей Своими страданіями, смертію, воскресеніемъ, вознесеніемъ, учрежденіемъ Церкви Своей и ниспосланиемъ ей Святаго Духа. Въ благодати Духа Святаго, вѣчно изливающагося въ Церкви,—восполненіе человѣческой немощи; въ таинствахъ, чрезъ которыя намъ преподается Духъ Святой,—восполненіе нашего духовнаго безсилія въ мѣру силы, препобѣждающей всѣ препоны спасенія. „Благодатию вы спасены черезъ вѣру, и сіе не отъ насъ, а Божій даръ, да никто же похвалится“,— говоритъ апостолъ (Еф. XI, 8).

Въ Немъ намъ изобильно преподаны всѣ божественныя силы къ жизни и благочестію (2.Петр. I, 3),— говоритъ другой апостолъ. И прежде всего сами же апостолы на себѣ познали преобразующее дѣйствіе благодати, когда изъ рыбаковъ содѣлались учителями вселенной, изъ робкихъ и трепещущихъ обратились въ смѣлыхъ и безстрашныхъ свидѣтелей о Христѣ Воскресшемъ, изъ невѣдущихъ вопрошающихъ Христа даже послѣ Его воскресенія и обнаруживающихъ непониманіе Его царствія и служенія, они, послѣ всемірнаго изліянія Духа въ день Пятидесятницы, обратились въ твердыхъ и согласныхъ учителей единой и спасающей истины. И вотъ, „процвѣла есть пустыня, яко кринъ, Господи, языческая неплодная церковь пришествіемъ Твоимъ“. Черезъ апостоловъ, дѣйствительно, прежняя пустыня—человѣчество, напоенная благодатью Духа, процвѣла прекрасною лилей, дивнымъ и прекраснымъ садомъ,

и плодъ принесла великимъ и невиданнымъ прежде, неизмѣримымъ числомъ святыхъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ, праведниковъ, учителей, — работниковъ во славу Бога и на благо ближнихъ.

Мы переживаемъ теперь время господства гордыни чело-вѣческаго духа; въ наши дни многіе надѣются устроить счастье земное и спасеніе вѣчное, — если о послѣднемъ еще помышляютъ, — собственными силами. Думаютъ, что и безъ Бога и Его благодати мы — живы и сильны. Но если бы мы были живы, развѣ царствовалъ бы тогда грѣхъ въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ? Развѣ были бы мы тогда свидѣтелями этого страшнаго разлива вокругъ насъ ужасающихъ пороковъ, безумствъ и преступлений? Жизнь истинная оживляется Духомъ, а плоды Духа, это, по слову апостола, — любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. V, 22). И наоборотъ, смерть духовная, по ученію того же апостола, несетъ гніеніе и разложеніе, — вражду, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, секты и расколы, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и т. п. (Гал. V, 20—21), — все то, чѣмъ теперь, къ сожалѣнію, наполнена наша жизнь.

То обстоятельство, что мы, какъ вѣрующіе и христіане, собрались сюда на собесѣдованіе, прерываемое молитвою, подъ кровомъ храма Божія, ясно показываетъ, что мы не раздѣляемъ горделивыхъ ученій современности. Мы, по словамъ пѣсни церковной, „чада свѣтообразная церковная, имѣемъ отъ новаго Сіона исшедшій законъ, языкоогнеобразную Духа благодать“.

Мы знаемъ и вѣруемъ, что горе и вѣчная смерть уготованы тѣмъ, кто отгоняетъ отъ себя благодать, упорно не слушаетъ Церкви Христовой, отказывается отъ святыхъ таинствъ. Мы научены великой истинѣ, что Богъ и сотворилъ и искупилъ насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ не хочетъ, — спасти насъ сильно, противъ нашего желанія. Это было бы то же, какъ если бы вдова Наинская, получивъ умершаго сына своего живымъ, убила его и потомъ снова терзалась бы горемъ и искала его воскресенія. Это было бы надругательствомъ и глумленіемъ надъ любовью Божіей!

Мы признаемъ спасеніе при помощи благодати Божіей и нашей собственной работы и труда въ исполненіи заповѣдей Господнихъ. „Благодатию вы спасены, чрезъ вѣру, и это не отъ васъ, а Божій даръ, не отъ дѣлъ, такъ что никто не можетъ хвалиться“. Такъ поучаетъ апостоль, но немедленно же и прибавляетъ: „Мы—Его твореніе, созданы во Христѣ Иисусѣ на дѣла благая: да въ нихъ ходимъ“ (Ефес. II, 8—10). Но гдѣ же эта благодать, безъ которой одни наши труды и усилія бесплодны и бесполезны? Она—Божье достояніе. Но хотя Богъ есть Источникъ истины и Раадаатель ученія ея, однако, были, есть и будутъ провозвѣстники и учителя, и проповѣдники этого ученія. Иначе мы не могли бы пріять ученіе истины. Такъ точно и въ дѣлѣ раздаянія благодати. Долженъ быть для нея сосудъ избранный, изъ котораго бы она изливалась: это, по изображенію Библии,—тотъ домъ, который создала воплощенная Премудрость Божія, Сынъ Божій, и который утвержденъ Имъ на семи столпахъ, это—Церковь Христова съ ея семью таинствами. И должны быть приставники домовные, раздающіе благодать: это—пастыри церковные, продолжатели Христова и апостольскаго служенія, первые же среди нихъ—вѣчно пребывающіе въ Церкви епископы, яко апостольскіе преемники и раздаватели благодати. Худы мы, приставники дому Божія, но за это мы отвѣтимъ предъ судомъ Вѣчной Правды, благодать же, нами преподаваемая, остается благодатью: такъ и солнце, проходя лучами мѣста смрадные и нечистыя, не гаснетъ, не оскверняется... И должны быть указаны, наконецъ, способы и условія пріятія благодати вѣрующими: и о нихъ ясно и вразумительно повѣдано ученіемъ Церкви. Объ этомъ-то вѣчномъ оживленіи жизни міра и человечества Духомъ Божіимъ въ Церкви Христовой и предстоитъ намъ нынѣ бесѣда. Послушайте ее со вниманіемъ, въ духъ мира и любви къ истинѣ.

Дай Богъ, чтобы каждый мертвый духовно услышалъ въ душѣ голосъ: „востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ“ (Ефес. V, 14).

Дай Богъ, чтобы мы крѣпко познали и увѣровали, что грѣхомъ мы умираемъ, но живы и спасаемся—вѣрою и благодатию въ Церкви Христовой! Аминь.

Христіанское самовоспитаніе.*

Проста и общепонятна притча Спасителя, которую сегодня мы слышали въ евангельскомъ чтеніи. Съ дѣтства она извѣстна каждому изъ насъ; близка она простому деревенскому человѣку.

Вышелъ сѣятель сѣять, и когда онъ сѣялъ, одно зерно упало на дорогу и растоптано было прохожими, унесено птицами,—оно не взошло и погибло; другое упало на каменистую почву, гдѣ было мало земли,—оно взошло, но безъ влаги, безъ глубокаго корня, отъ жара солнечнаго завяло и усохло безъ плода; иное упало въ терновникъ, который подавилъ его нѣжные всходы; а иное упало на добрую землю, взошло, выросло и принесло плодъ и урожай дало обильный.

Сѣятель—это Спаситель; сѣмя есть слово Божіе, а разная почва для сѣмени—это сердца человѣческія, въ которыхъ слово Божіе, какъ сѣмя въ почвѣ, то вовсе не всходитъ и гибнетъ, то всходитъ и быстро засыхаетъ, не принося плода, потому что не находитъ себѣ влаги и глубины, то заглушается терніемъ страстей и пороковъ, то, наконецъ, находитъ себѣ добрую почву и приноситъ плодъ сторичный. Такъ объяснилъ притчу Самъ Спаситель.

Объяснивъ ее, Онъ закончилъ словами: „Имѣющій уши, чтобы слышать, да слышитъ“. Это значитъ, что притча имѣетъ особо важное значеніе, что ее нужно помнить всякому христіанину, что въ нее нужно вдуматься, нужно взять ее, какъ руководство жизни.

Между тѣмъ, что мы видимъ вокругъ себя и что слышимъ? Слышимъ часто такія разсужденія, которыя показываютъ, будто притча эта не про насъ писана и къ намъ не относится. Говорятъ нерѣдко: „То правда, что у всякаго человѣка свое особое сердце, и одно такъ принимаетъ слово Бо-

* Поученіе въ недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ.

жизне, а другое совѣтъ иначе. Но чѣмъ же я виноватъ, что у меня такое, а не иное сердце? Развѣ я могу его передѣлать? Какимъ я зародился, такимъ проживу и умру“. Такъ разсуждаютъ многіе и, ссылаясь на это разсужденіе, живутъ по волѣ страстей и грѣховъ, плывутъ по теченію жизни, а это теченіе и приносить ихъ въ глубину адаву.

Правильно ли такое разсужденіе? И неправильно оно, и, какъ видите, опасно. Если бы оно было правильно, то зачѣмъ же тогда всѣ заповѣди Господни, зачѣмъ обѣтованіе награды и угрозы наказаніями, зачѣмъ тогда судъ совѣсти и даже судъ Божій? И неужели Создатель хуже знаетъ природу Своего созданія—человѣка и напрасно даетъ человѣку законы, повелѣвая ему идти путемъ добра, приглашая и увѣщевая его научиться добру и творить благо? Вѣдь если бы человѣкъ самъ не могъ располагать своими чувствами, намѣреніями и дѣйствіями, то это былъ бы не человѣкъ, не существо разумное и свободное, а какое-то неодушевленное, мертвое тѣло природы, въ родѣ куска камня, дерева или желѣза. Тогда какъ же объяснить, что многіе великіе грѣшники становились праведниками? Тогда какъ же объяснить, что человѣкъ можетъ обращаться къ другому человѣку съ просьбами, убѣждаетъ его, уговариваетъ и часто получаетъ исполненіе просьбы? А вѣдь это значитъ, что человѣкъ по своей волѣ можетъ принимать и мѣнять рѣшенія. И развѣ мы сами не чувствуемъ и не сознаемъ всякій разъ, какъ мы что-либо сдѣлали,—развѣ не сознаемъ, что мы могли бы, если бы захотѣли, поступить и сдѣлать иначе?

Многихъ смущаетъ сравненіе сердца человѣческаго съ почвою земли. Но развѣ на дорогу нельзя наносить хорошей земли? Развѣ неглубокую почву нельзя углубить? Развѣ плохую землю нельзя удобрить? Развѣ терновникъ нельзя выдергать и сжечь? Мы видимъ, какъ люди трудящіеся побуждаютъ природу. Есть островъ на дальнемъ морѣ—одна сплошная скала. Но труженики-земледѣльцы навозили на него кораблями и лодками земли самой лучшей, и теперь островъ обращенъ въ цвѣтушій садъ. Есть въ чужихъ странахъ приморскія пространства земли—песокъ и мелкій камень отъ морского

прибоя. Но жители отгородились от моря высокими насыпями, навозили земли, удобрили песокъ, вывезли камень, и теперь ихъ поля—самыя дорогія и урожайныя. Въ другомъ государствѣ, гдѣ много-много народу, но мало удобной земли, жители дѣлаютъ плоты изъ дерева, пускаютъ ихъ на воду, натаскиваютъ на нихъ земли, сами живутъ на плотахъ, на землѣ навезенной сѣютъ, что имъ нужно, и этимъ живутъ, получая хорошій урожай. Такъ ужъ если мертвую землю человѣкъ можетъ, при желаніи и трудѣ, совершенно передѣлать и обратить изъ бесплодной въ плодovitую, то что же сказать о своемъ сердцѣ? Человѣкъ и можетъ, и долженъ трудиться надъ почвою своего сердца, умягчать его молитвою, укрѣплять его отказомъ всли отъ дурныхъ пожеланій и страстей, удобрять его усиленіемъ и исполненіемъ добрыхъ пожеланій и стремленій. Господь говорить съ человѣкомъ не какъ съ мертвою вещью, которую можно только переставить съ мѣста на мѣсто и которая сама не можетъ двинуться; Господь говорить съ человѣкомъ, какъ съ существомъ разумнымъ и свободнымъ. Указавъ ему добро и зло, давши ему заповѣди, Господь въ словѣ Божіемъ завѣщаетъ: „Я предложилъ тебѣ огонь или воду; *на что хочешь*, туда и прости руку твою“... Въ другомъ мѣстѣ Священнаго Писанія Богъ заповѣдуетъ человѣку, чтобъ онъ всякимъ храненіемъ, всѣми мѣрами и усиліями хранилъ свое сердце, ибо въ немъ—источникъ жизни. Это было въ Ветхомъ Завѣтѣ. А въ Завѣтѣ Новомъ Господь чрезъ Сына Своего Единороднаго, Икупителя и Спасителя нашего, далъ намъ для восполненія нашей естественной немощи—силы благодати, силы высія, Божественныя, яже къ животу и благодѣтелию.

Трудись же, христіанинъ, надъ своею душою, надъ своимъ сердцемъ. Воспитывай самъ себя для царства Божія. Воздѣлывай ниву твоего сердца. Сѣй въ него сѣмя слова Божія и внимательно смотри за его ростомъ. Усиліями воли, постояннымъ вниманіемъ, и, по слову притчи Господней, принося плодъ въ *терпѣніи* и *постоянствѣ*, устраняй всѣ препятствія для роста сѣмени слова Божія. Ты не одинъ въ этой единственной, достойной вниманія работѣ самовоспитанія. Съ то-

бою Господь, съ тобою Церковь святая со своими совѣтами и указаніями. Исполняй эти совѣты, примѣняй къ жизни и дѣятельности, и сердце твое будетъ крѣпнуть, и препятствія къ пріятію слова Божія будутъ устраняться. Чѣмъ бы и какимъ бы ни было твое сердце отъ природы ли, отъ жизненной обстановки, отъ вліянія ли злыхъ людей,—знай, что терпѣніемъ и трудами самовоспитанія всякое сердце можно обратить въ ту землю добрую для сѣмени слова Божія, которая принесетъ плодъ сторицею.

Имѣющей уши, чтобы слышать, пусть слышитъ! Аминь.

Памяти В. А. Грингмута.*

Кончаются частыя поминовенія нашего дорогого усопшаго, предписываемыя церковнымъ уставомъ въ теченіе первыхъ сорока дней послѣ смерти христіанина. Теперь почти на полгода прекращаются нарочитыя собранія наши для поминальной молитвы, но не умолкнуть любящія сердца, не перестанутъ молиться о почившемъ его друзья и близкіе, почитатели и ученики въ своей домашней молитвѣ, а немолчно говорящая и непрерывно-текущая жизнь все чаще и чаще будетъ намъ также напоминать о немъ, ея событія будутъ постоянно ставить передъ нами вопросъ: что сказать бы и какъ бы поступить въ томъ или другомъ случаѣ незабвенный Владиміръ Андреевичъ?

Могу засвидѣтельствовать, что въ обѣихъ столицахъ, встрѣчаясь со множествомъ людей самыхъ разнообразныхъ положеній и взглядовъ, все чаще и чаще приходится слышать признаніе: только послѣ смерти Владиміръ Андреевичъ выросъ въ нашемъ сознаніи въ его настоящую величину, только те-

* Рѣчь при поминовеніи В. А. Грингмута въ сороковой день со дня его кончины, 6 ноября 1907 г.

перь мы его оцѣнили и поняли, только теперь увидѣли, кого мы въ сущности лишились.

Отчего зависить это посмертное обаяніе почившаго, отчего и теперь, и надолго впредь онъ останется учителемъ для насъ и для очень многихъ русскихъ людей?

Отвѣтъ одинъ: въ жизни своей, въ писательствѣ, въ словѣ, въ работѣ, въ отношеніяхъ къ окружающему міру Владиміръ Андреевичъ шелъ и прошелъ прямо, какъ стрѣла. Отъ начала и до конца своей сознательной работы онъ оставался себѣ вѣренъ, всегда одинаковъ. Оттого и слово его, какъ капля, ударяющая неизмѣнно и непрерывно въ одно мѣсто, производило свое дѣйствіе. Оттого не напрасно онъ прожилъ, не вотще трудился. Конечно, многое изъ того, что онъ сдѣялъ, падало, повидимому, мимо борозды, и долго трудъ его казался неуспѣшнымъ. Но терпѣніе, настойчивость, постоянство въ мысли и трудъ дѣлали и сдѣлали свое дѣло, покоряя умы и сердца. Не только собственное настроеніе его передъ смертью, не только его завѣты русскимъ людямъ собираться, объединяться и молиться были свидѣтелями его вѣрности себѣ до конца, но и то, что отъ него уже не зависѣло,—самое его погребеніе и поминаеніе,—такъ удивительно гармонировало съ его личностью и жизнью! Вокругъ него было и остается все то, что онъ такъ горячо любилъ живой: благоговѣйный въ молитвѣ народъ, чинное и благолѣпное богослуженіе, священныя хоругви - знамена, проводившія его до могилы и надъ нимъ въ послѣднюю минуту земного прощанія склонившіяся,—и эта непрестанная молитва о немъ по всей Россіи, во всѣхъ патріотическихъ собраніяхъ и союзахъ.

Какъ хочется теперь, въ эти минуты, въ виду событій, всѣмъ намъ извѣстныхъ, услышать твердое и прямое слово покойнаго нашего вождя и глашатая! Что сказалъ бы ты намъ теперь, нашъ дорогой Владиміръ Андреевичъ? Какъ нужно намъ теперь твое отрезвляющее и остерегающее слово! Какъ нужна намъ оцѣнка переживаемаго нами положенія во свѣтѣ твоего цѣложизненнаго исповѣданія и учительства!

Слышится его слово: „Я говорилъ вамъ и повторялъ безъ конца, что мы должны „право править слово нашей истины“

и „горѣ имѣть сердца“. Ни тѣни сомнѣній, ни пяди уступки!.. Залогъ нашей грядущей побѣды — въ твердости и непоколебимости нашихъ убѣжденій. Всѣ мѣнялись въ эти прожитые три года, мы—ни въ чемъ. Всѣ политическія партіи правѣли, лѣвѣли, входили въ компромиссы, подчиняясь тактикѣ. Наша тактика была и есть одна: вѣрность, вѣрность и опять вѣрность нашимъ убѣжденіямъ. Насъ искали, союза съ нами хотѣли,—мы не нуждались и не нуждаемся ни въ комъ. Съ нами Богъ, съ нами Царь! Идутъ къ намъ,—мы никого не отгоняемъ, но дѣлаемъ шагъ еще правѣе, чтобы приходящимъ слѣва дать твердое мѣсто, на которое они могутъ стать, вышедши изъ своего болота. Опасность для насъ теперь, при такъ-называемомъ поправѣннѣ общества и Думы, не миновала, а усилилась: подъ видомъ ягнать легче могутъ пройти волки. Берегите вѣру, берегите самодержавіе Царя, берегите цѣлость правъ и чистоту государственнаго уклада русской народности. Не вѣрьте никакимъ соглашеніямъ и временнымъ выгодамъ: соглашеніе прочное и достойное можетъ быть только одно—полное принятіе истины, то-есть исповѣданія русскаго народа. Насъ, говорятъ, еще мало, мы одни безсильны... Но оглянитесь на прожитое: три года назадъ мы были гонимы, преслѣдуемы, насъ, повидимому, насчитывали единицами, объявляли послѣдними свидѣтелями, яко насмертниками... Но все это оказалось ложью. Русскій народъ былъ только ошеломленъ всѣмъ происшедшимъ, онъ оставался попрежнему боголюбивымъ и царелюбивымъ. Прощумѣло пустое облако „освободительнаго“ движенія, показало всю свою гибельность, внушило всѣмъ къ себѣ отвращеніе,—и вотъ, мы уже въ силѣ,—оттого, что не мѣнялись, оттого, что были вѣрны. Не сворачивайте же съ избраннаго пути, не поступайте ничѣмъ, храните прямогу слова и мысли, и вы все больше и больше будете приближаться къ тому свѣтлому дню, когда вы—не партія, нѣтъ, вы—русскій народъ—страхнете послѣднюю грязь, прогоните послѣднюю мглу безумной и преступной крамолы и ея іудина окаянства. Блюдитесь кваса фарисейскаго, то-есть лицемѣрія лжесловесниковъ, которые, подъ благовидными побужденіями мира, согласія и взаимной работы, готовятъ пути чуждаго

государственнаго строя родинѣ,—кують цѣпи для Царя, продаютъ первородство родной Церкви. Бѣгите этого блуда и любодѣянiя духовнаго,—этого незаконнаго и неблагословеннаго союза съ тѣми, кто въ самомъ существѣ отрицаетъ наши завѣтныя святыни. И въ Думѣ, и въ общественной работѣ идите своею дорогой и, взявшись за рало, не озирайтесь назадъ и по сторонамъ, не ищите умноженiя голосовъ, въ надеждѣ достигнуть цѣли количествомъ трудящихся, а не качествомъ. Вы мало тогда вспашете, а что и вспашете, то потопчутъ приглашенные вами сотрудники, и придется вамъ начинать работу свою снова“.

Такъ сказалъ бы намъ теперь нашъ дорогой Владимiръ Андреевичъ.

Усердною молитвою, благодарнымъ словомъ, вѣрностью его завѣтамъ и наставленiямъ почтимъ мы его память! Аминь.

Завѣты жизни св. Іоанна Златоустаго.*

Кто изъ православныхъ христіанъ не слышалъ имени святаго Іоанна Златоустаго? Едва ли есть другой изъ чтимыхъ святыхъ, кого бы Церковь Христова поминала такъ часто,—почти каждый день во всѣхъ своихъ священныхъ храмахъ. Ему мы обязаны составленiемъ божественной литургiи, чаще всего совершаемой въ нашей Церкви; ему мы обязаны многими чудными и доселѣ трогаящими всякое сердце молитвами. Его жизнь навѣки полна поученiй, какъ примѣръ твердой вѣры, безтрепетнаго служенiя долгу, не взирая ни на какiя препятствiя, безпредѣльной преданности святой Церкви и сопряженной съ великими трудами и подвигами любви къ своимъ ближнимъ. Его многочисленныя сочиненiя—проповѣди, наставленiя, толкованiя слова Божiя, книги, письма и посланiя,—

* Слово въ день памяти святаго Іоанна Златоустаго, по случаю 1500-лѣтiя со дня его кончины, 14 ноября 1907 года.

все это на вѣчныя времена остается не превзойденнымъ образцомъ глубокомыслія, краснорѣчія, горячности любящаго сердца и неисчерпаемаго назиданія для вѣрующихъ всѣхъ вѣковъ, странъ и народовъ.

Такого-то великаго изъ величайшихъ святыхъ прославляемъ мы сегодня нарочитымъ праздничнымъ торжествомъ, по случаю 1500-лѣтія со дня его святой мученической кончины.

„Златозарнаго и златословеснаго почитимъ Златоустаго Іоанна, вся позлатившаго златовидными сіяніи ученія, и міръ языкомъ просвѣтивша, злата свѣтлѣйшимъ и свѣта полнѣйшимъ, источающимъ благодать Божественную“. Такъ прославляетъ великаго святителя гѣснь церковная. Тысячу пятьсотъ лѣтъ предъ его невиданными дарованіями ума и слова и предъ подвигомъ его жизни преклоняется міръ христіанскій, и сколько будетъ существовать Христова Церковь, она никогда не забудетъ объ этомъ праведникѣ, вселенскомъ учителѣ и свѣтильникѣ. Изъ его твореній всегда будутъ черпать мудрость и озареніе благочестивыя души, его примѣромъ будутъ всегда назидаться ищущіе назиданія.

И нынѣ, въ день нарочитаго праздника въ честь угодника Божія, мы не только помянемъ его благодарною хвалою и усердною къ нему молитвою, не только „въ гѣсняхъ возвеличимъ Златоуста“,—хотя и напередъ знаемъ, что трудно выразить словами величіе его дарованій и святости,—но постараемся найти въ его жизни себѣ уроки и наставленія, найти примѣры для подражанія.

Конечно, нельзя подражать его блистательнымъ дарованіямъ ума, познаній и единственнаго, воистину неподражаемаго краснорѣчія, которое и дало на всѣ вѣка ему одному принадлежащее похвальное именованіе Златоустаго. Это—Божій даръ. Но нѣкогда самъ Златоустъ, восхваляя апостола Павла и дивясь его величію, замѣтилъ въ назиданіе слушателямъ: „Хотя онъ былъ и Павелъ, все же былъ онъ человѣкъ“. Такъ точно и мы теперь скажемъ объ Іоаннѣ: хотя онъ былъ и Златоустъ, все же онъ былъ человѣкъ, и многое человеческое въ немъ намъ близко, доступно и для пониманія, и для подражанія.

Рожденный въ семьѣ богатой и знатной, получившій самое высокое образованіе по своему времени, съ юныхъ лѣтъ видѣвшій признаніе своихъ блистательныхъ талантовъ, проживая въ столичномъ городѣ всего Востока, имѣя предъ собою самую блестящую будущность въ мірскомъ служеніи, — святой Іоаннъ, однако, всѣ свои исключительныя дарованія, всѣ способности, всѣ силы, всѣ сокровища души своей отдалъ Богу и посвятилъ на служеніе Церкви. Смиренно уклоняясь въ молодости отъ почести епископства, онъ то состоитъ чтецомъ при церкви въ родномъ городѣ Антиохіи, то удаляется въ горы и простымъ монахомъ-послушникомъ служить пустыннымъ отшельникамъ, то удаляется въ затворъ въ пещеру, а потомъ, возвратившись въ силѣ духовной обратно въ міръ, онъ долго служитъ въ церкви діакономъ, потомъ простымъ рядовымъ священникомъ. Кругомъ его раздаются восторженные хвалы его мудрости, его неподражаемому краснорѣчію, а онъ остается все тѣмъ же смиреннымъ служителемъ Церкви Христовой: посѣщаетъ больныхъ, благотворитъ бѣднымъ, неустанно совершаетъ богослуженія, неустанно проповѣдуетъ, извѣщаетъ Священное Писаніе, поучаетъ вѣрныхъ. Онъ радуется радостями пасомыхъ, онъ скорбитъ ихъ скорбями. Не разъ, слабый здоровьемъ, онъ не выдерживалъ такого неустаннаго и непрерывнаго труда и въ изнеможеніи возлегалъ на одръ болѣзни, но при первой возможности, еще больной и слабый, онъ снова становится на дѣло своего пастырства и учительства. Глубоко вѣрилъ святой Іоаннъ и намъ завѣщаль, что только служеніе Церкви несетъ спасеніе міру и человечеству, что только углубленіемъ и расширеніемъ христіанскихъ правилъ вѣры и благочестія можно благоустроить нашу земную жизнь.

Хочешь ли ты, христіанинъ, пройти черезъ жизнь и оставить по себѣ слѣды благотворный? Хочешь ли, чтобы твое существованіе не было пустымъ и безплоднымъ? Хочешь ли ты принести благо людямъ, усилить добро, уменьшить зло? Нигдѣ и ничѣмъ ты не можешь достигнуть этого, какъ въ Церкви Божіей и служеніемъ Церкви. И будешь ли ты рядовой мірянинъ, или вліятельный членъ церковнаго общества, будешь ли

ты бѣденъ или богатъ, одаренный способностями или самый заурядный человѣкъ,—это рѣшительно все равно: въ мѣру силъ, въ мѣру возможности и трудись для Церкви Христовой въ рядахъ вѣрныхъ ея сыновъ, ей служи, ей помогай, ея ученіе и заповѣди исполняй, блюди всячески ея интересы и нужды, и ты всегда будешь испытывать полное душевное удовлетвореніе, ты принесешь непримѣтно міру долю пользы, и жизнь проживешь не напрасно. Пусть будутъ въ Церкви „самыя сильныя волны, самая жестокая буря“—непорядки и нестроенія; ихъ было не мало и при Златоустѣ... Но поэтому-то еще сильнѣе нужно любить ее, еще пламеннѣе заботиться объ ея силѣ и дѣйствіи. Пусть будетъ много пастырей недостойныхъ,—ихъ было еще больше при святомъ Іоаннѣ... Но поэтому-то еще больше мы должны заботиться о томъ, чтобы Церковь Христова, это сокровище міра, оставалась цѣлою и неповрежденною. Христосъ, Кормчій корабля церковнаго, спасетъ и сохранитъ Свою Церковь.

Сіе да мудрствуется и у насъ, по завѣту жизни и слова святого Іоанна. Прекрасно изображаетъ онъ силу и вліяніе всецерковнаго союза и молитвы. „Какъ пристань на морѣ, защищенная отъ вѣтровъ и волнъ, даетъ полную безопасность входящимъ въ нее судамъ: такъ и домъ Божій, какъ бы исторгая входящихъ въ него изъ бури мірскихъ дѣлъ, даетъ имъ стоять спокойно и безопасно, и слушать слово Божіе. Храмъ есть школа добродѣтели, училище любомудрія не только во время службы, но и раньше и послѣ нея. Войди въ преддверіе, и какъ бы вѣтерокъ какой-то духовный повѣетъ на твою душу. Эта тишина внушаетъ страхъ и учитъ любомудрiю; возбуждаетъ умъ и не даетъ помнить о настоящемъ, но переноситъ тебя съ земли на небо. Если же такъ полезно быть здѣсь и безъ собранія, то какую пользу получаютъ здѣсь присутствующіе и какую потерю несутъ отсутствующіе тогда, когда пророки возглашаютъ, когда апостолы благовѣствуютъ, когда Христосъ стоитъ посреди, когда Отецъ одобряетъ происходящее здѣсь, когда Духъ Святый сообщаетъ Свою радость?“

Съ великимъ стараніемъ святой Златоустъ прилагалъ всѣ заботы къ тому, чтобы слово Христова благовѣстія огласило

всѣ концы земли и всѣ дальніе и ближніе народы. Арменія и Финикія, Персія и Черноморскіе предѣлы, и, что особенно намъ дорого,—наши предки на Днѣпрѣ, въ предѣлахъ нынѣшней нашей Россіи, слышали слово Божіе изъ устъ проповѣдниковъ, посланныхъ святымъ Іоанномъ Златоустомъ, когда онъ изъ Антиохіи возведенъ былъ на высоту кафедры патриаршаго престола въ Константинополь.

Съ величайшимъ мужествомъ отстаивалъ святой Златоустъ истину Христову отъ покушеній на нее со стороны еретиковъ и язычниковъ. Самую власть императоровъ онъ считалъ призванною охранять Церковь совнѣ силою государства, въ то время, какъ пастыри церковные должны укрѣплять Церковь силою слова и христіанскаго добраго житія своего собственнаго и своей паствы. Онъ настоялъ предъ царемъ, чтобы были запрещены языческія блудныя и нечистыя игры и празднества, чтобы отмѣнены были торжественныя процессіи и ходы по городу еретиковъ-аріанъ. Когда сильный и властный вельможа, аріанинъ Гайна, требовалъ для аріанъ уступить храмъ въ городѣ Константинополь и царь, страшась этого вельможи и опасаясь возмущенія предводимыхъ имъ войскъ, согласился на его требованіе, то святой Іоаннъ мужественно говорилъ государю о томъ, что интересы и нужды Церкви и православія царь обязанъ поставить и блюсти выше своихъ государственныхъ преимуществъ; въ доказательство своей правоты св. Іоаннъ показалъ царю указъ его благочестиваго отца, который запрещалъ аріанамъ имѣть молитвенные дома въ столицѣ. Самъ Гайна склонился предъ святителемъ и подчинился его увѣщаніямъ: будучи еретикомъ, онъ, однако, призналъ и увидѣлъ, что и благо Церкви, и польза самого государства требуютъ полной охраны всѣхъ правъ православія въ православной имперіи. „И мы ведемъ войну (съ ересями),—говорилъ Златоустъ,—но наша война не живыхъ дѣлаетъ мертвыми, а мертвыхъ живыми. Не еретика преслѣдую, а ересь, не грѣшника, а грѣхъ“.

Не то же ли должно быть и въ нашемъ православномъ русскомъ царствѣ? И мы, служа родинѣ, прежде всего и больше всего должны полагать ея благо, ея честь и славу въ томъ,

чтобы святое православіе въ нашемъ царствѣ и процвѣтало, и господствовало, чтобъ отъ Россіи шло благовѣстіе имени Христа во всѣ страны и народы иновѣрные. Однако, да не будетъ все это основано только на силѣ принужденія, на внѣшнемъ правѣ. Святой Іоаннъ Златоустъ проповѣдь слова Божія и расширенія предѣловъ и обладанія Церкви Христовой прежде всего подтверждалъ личнымъ благочестіемъ и святостью. Любовь его къ людямъ была безмѣрная; любовь къ бѣднымъ и немощнымъ неслышанная, ибо имъ онъ роздалъ въ молодости все свое имѣніе, а въ годы патриаршества продавалъ даже украшения и сосуды церковные, чтобы на вырученные деньги кормить нищихъ и убогихъ. Съ мужествомъ и пастырскою твердостью онъ увѣщевалъ богатыхъ, чтобъ они помогали отъ своихъ имѣній бѣднымъ, хотя за это былъ многими ненавидимъ и терпѣлъ укоризны и преслѣдованія. „Многіе,—говорилъ онъ,—осуждаютъ меня за то, что я нападаю на богачей. Но зачѣмъ же они несправедливы къ бѣднымъ? Ты богатъ? Не мѣшаю тебѣ. Но ты—грабитель? Осуждаю тебя. И бѣдняки и богачи—равно мои дѣти“. „Не только присвоить себѣ чужое, но и не удѣлять части своего имущества бѣдному уже есть грабительство“.

Больше всего на свѣтѣ боялся Златоустъ нечестія. Онъ поучалъ, что „есть одно только зло—грѣхъ, и нѣтъ другого блага, кромѣ добродѣтели“.

Зависть къ его дарованіямъ и высокому положенію, ненависть къ нему за обличенія грѣха и нечестія сплели Златоусту терновый вѣнецъ страданій. Сама жена царя и окружающія ее суетныя женщины, обличаемые богачи, низлагаемые за беззаконіе и нечестіе епископы и клирики,—всѣ, соединившись вмѣстѣ, достигли того, что Іоанна Златоуста судили судомъ неправеднымъ, лишили каеэдры и сослали въ далекое изгнаніе. Онъ умеръ въ ссылкѣ на берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нашего отечества, въ мѣстечкѣ Команъ, въ храмѣ с. Василиска, 14-го сентября 407 года. Но во всѣхъ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ ни на одинъ моментъ святой Іоаннъ не отступилъ отъ своего долга пастырскаго: до конца онъ слушалъ, проповѣдывалъ, утѣшалъ, обличалъ, увѣщевалъ, дѣ-

лалъ распоряженія, клонящіяся ко благу церкви. Онъ говорилъ: „Пусть станетъ противъ меня все: поношеніе, брань, насмѣшки, клевета, мечъ, огонь, голодъ, болѣзнь и все жестокое, что ни случается въ этой жизни,—я пойду своимъ путемъ“. Такова сила преданности своему долгу у святого Іоанна Златоуста. Велико было его незлобіе и прощеніе враговъ, велико было его терпѣніе въ ссылки, гдѣ выносили онъ грубое обращеніе стражей, зной и стужу, голодъ и жажду. Трогательна его святая кончина. Стражи влекли его на край имперіи, въ дикія страны, въ ссылку и изгнаніе. И вотъ, отъ страшныхъ мученій онъ сталъ изнемогать; видимо, близился его конецъ. Въ уединенной церкви мученика Василиска, близъ г. Команъ, остановился онъ и спутники его. Ночью явился ему святой мученикъ и сказалъ: „Мужайся, Іоаннъ! Завтра мы будемъ вмѣстѣ“. На слѣдующій день стражи снова повлекли святого Іоанна дальше, но, видя полное его изнеможеніе и близость его кончины, принуждены были возвратиться назадъ. Святой Іоаннъ просилъ у священника бѣлыя новыя священныя одежды; чистый и непорочный, въ бѣлыхъ чистыхъ ризахъ, воспѣлъ онъ послѣднюю земную пѣснь Господу словами тѣхъ чудныхъ молитвъ, которыя самъ составилъ и оставилъ для Церкви; горячо молился умирающій праведникъ; съ вѣрою и надеждою жизни вѣчной причастился онъ въ послѣдній разъ святыхъ Христовыхъ Таинъ. Потомъ въ изнеможеніи онъ возлегъ во храмѣ на полъ у алтаря Господня,—онъ, весь вѣкъ служившій Церкви, храму и алтарю, перекрестился и сказалъ послѣднее земное слово: „Слава Богу за все!“ Тутъ онъ вытянулся, задрогнулъ, и взоръ его угасъ, и душа отлетѣла къ Богу. То былъ день Воздвиженія Креста Господня; свой крестъ жизни святой Іоаннъ донесъ до самаго порога вѣчности съ любовью и самоотверженіемъ. Такъ укрѣпился, а не ослабѣлъ его духъ отъ борьбы и страданій. Самъ Златоустъ писалъ изъ ссылки своей, съ мѣста страданія: „Въ борьбѣ духъ человѣческій укрѣпляется самыми испытаніями, которыя онъ претерпѣваетъ. Такова природа скорбей: онѣ возносятъ превыше всѣхъ страданій тѣхъ, кто испытываетъ ихъ спокойно и великодушно. Деревья, вырастающія въ тѣни, лишены крѣпости

и становятся неспособны производить плоды; тѣ же, которыя предоставлены всѣмъ переменамъ воздуха, порывамъ вѣтра, лучамъ солнца, — полны силы, одѣваются листьями, покрываются плодами“.

Такъ и мы, подражатели жизни святого, въ заботахъ о распространеніи и славѣ имени Христова и Церкви святой, о первенствѣ и господствѣ святого нашего православія, по примѣру и завѣту св. Златоуста, прежде всего *жизненнымъ христіанствомъ*, въ мѣру силъ, намъ данныхъ, должны святить имя Божіе и благовѣствовать Его славу.

Безъ конца мы могли бы сплетать вѣнецъ похвалъ нынѣ прославляемому вселенскому учителю, но и сказаннаго довольно, чтобы горяча была нынѣ наша молитва къ нему: „Усть твоихъ, якоже свѣтлость огня возсіявши благодать, вселенную всю просвѣти, не сребролюбія мірови сокровища сниска, высоту намъ смиренномудрія показа, но твоими словесы наказуя, отче Іоанне Златоусте, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ“. Сказаннаго довольно, чтобы мы, преклоняясь предъ дивною святостью Златоустаго учителя, учились его добродѣтелямъ. Сказаннаго довольно, чтобы нынѣ разумно и сознательно, съ любовью и усердіемъ прославить праведника и прославить Бога, давшаго крѣпость духа Златоусту и вѣнчавшаго его нетлѣннымъ вѣнцомъ праведности. „Есть ли, — спрашиваетъ одинъ святой учитель церковный (св. Исидоръ Пелусіотъ), — есть ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодарилъ бы Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило?“

И умѣстно предъ молитвою къ святому сказать похвалу ему словами святой Церкви: „Земный ангелъ и небесный человѣкъ, ластовице богоглаголивая, многогласная, добродѣтелей сокровище, равностоятель святыхъ ангелъ, апостоловъ единоправенъ, — въ пѣснехъ да возвеличится Златоустъ!“ Аминь.

Блаженной памяти Московскаго митрополита Филарета.*

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, 19 ноября 1867 года, тихо и мирно, смертію праведника скончался въ Москвѣ знаменитый въ исторіи русской Церкви митрополитъ Филаретъ. Умеръ онъ и погребенъ—у Преподобнаго Сергія въ Троицкой лаврѣ; много лѣтъ прошло со дня его смерти, мало уже въ живыхъ его современниковъ, помнящихъ, какъ блисталъ и горѣлъ этотъ свѣтильникъ на свѣщницѣ Церкви Христовой; но не умерла и не умретъ память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, въ которомъ великій умъ и твердая воля сочетались съ глубокимъ смиреніемъ сердца, высокія познанія сочетались съ пламенною вѣрою и этою вѣрою освѣщались и осмысливались. Въ оставленныхъ имъ ученыхъ трудахъ, въ его сочиненіяхъ, проповѣдяхъ, письмахъ, отзывахъ, распоряженіяхъ всѣ ревнители и дѣятели русской православной Церкви и всѣ добрые христіане, ищущіе совѣта и руководства во всѣхъ областяхъ жизни, находятъ и всегда будутъ находить неизсякаемый источникъ руководственныхъ безошибочныхъ указаній. И теперь, въ пережитые и переживаемые нами тяжелые дни всякихъ нестроений церковныхъ, государственныхъ и общественныхъ, мы можемъ всегда найти отвѣтъ на всѣ тревожащія насъ вопросы въ наставленіяхъ почившаго Московскаго святителя. Нѣтъ области жизни, которой не коснулось бы его мудрое слово. Мы не говоримъ здѣсь о чисто-религіозныхъ его поученіяхъ: они столь обильны и глубоки у этого архипастыря, котораго сравнивали и съ Григоріемъ Богословомъ, и съ Іоанномъ Златоустымъ, что цѣлый рядъ поколѣній уже воспиталъ и долго будетъ на нихъ воспитывать въ себѣ религіозное чувство и преданность Церкви. Но и въ другихъ областяхъ жизни онъ даетъ всегда безошибочные совѣты и указанія. Говорить ли онъ о Царской власти, о начальникахъ, о подчиненныхъ, объ обществѣ, о государствѣ, о старинѣ и новизнѣ, о реформахъ жизни,

* Къ сорокалѣтію со дня его кончины.

о наукѣ, о школѣ, искусствѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ людей, семействъ, сословій и цѣлыхъ народовъ,— всюду его слово, по апостолу, солию растворено, всюду онъ— мужъ разума и совѣта. Ко всему этому онъ вмѣшалъ и носилъ въ себѣ какъ бы всѣ завѣты благочестивой древности и святоотеческихъ ученій: такъ всегда строго-церковно и строго-православно каждое его наставленіе!

Не однимъ умомъ и мудростію славенъ почившій святитель. Въ немъ видимъ не только правило вѣры,—эту добродѣтель истиннаго наставника церковнаго, но и образъ кротости, владѣнія учителя, какъ поется въ пѣснѣ церковной, прославляющей святыхъ святителей. Это былъ безупречный инокъ, ревностный священно-служитель и проповѣдникъ, по апостолу— тщаніемъ не лѣнивый, духомъ горящій, Господеви работающій, не высоко мудрствующій, но смиреніемъ ведущійся; это былъ неустанный труженикъ, непрестанный молитвенникъ, великій милостивецъ, любившій сохранять въ тайнѣ дѣла благотворенія. Строгий чрезвычайно къ себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Строгость, требовательность и взыскательность въ исполненіи долга подчиненными ставили и ставятъ ему въ вину; но и въ этомъ онъ слѣдовалъ голосу своего собственнаго архипастырскаго долга; чувство христіанской любви присуще было ему всегда, и всегда онъ наставлялъ съ кротостію, каралъ съ благожеланіемъ. Святость жизни его была вѣдома и видима пасомымъ и современникамъ, и мы знаемъ не одинъ случай, когда вѣрующіе и при жизни митрополита Филарета и по смерти его получали чудеса милости Господней по его молитвѣ или по призыванію его молитвенной помощи.

И донинѣ есть не мало православныхъ христіанъ, вѣрующихъ въ святость почившаго митрополита Филарета и тайно въ молитвахъ призывающихъ его въ помощь и заступленіе.

Такова вкратцѣ жизнь митрополита Филарета, таковы его дарованія, заслуги, труды, его жизнь и праведность.

Имя митрополита Филарета прежде всего говоритъ о выдающемся его умѣ, необыкновенныхъ познаніяхъ, искусномъ и сильномъ словѣ. Не такъ рѣдко встрѣчаются среди людей умы сильные, одаренные великими способностями и талантами.

Но не всѣ они оставляютъ одинаковый слѣдъ среди людей, не всѣ одинаково исполняютъ то назначеніе, съ которымъ человекъ живетъ въ мірѣ и которое указываетъ ему Богъ. Нерѣдко люди обращаютъ свои дарованія на зло. Умное, увлекательное свое слово они отдаютъ пустымъ дѣламъ и ничтожнымъ, увлекаютъ своихъ слушателей на грѣхъ; мысль свою, сильную и способную себѣ подчинять другихъ, они отдаютъ на изобрѣтеніе учений, гибельныхъ, безбожныхъ, противоцерковныхъ и противогосударственныхъ; сильный свой характеръ, твердость, настойчивость, умѣнье добиться цѣли они отдаютъ на желанія преступныя и часто гибнуть въ увлеченіи дѣломъ преступнымъ, обрекая себя, такимъ образомъ, прямому безумію. Такіе примѣры мы теперь, къ сожалѣнію, часто. очень часто видимъ кругомъ себя, и кто ихъ не знаетъ? Эти юноши, дѣвушки, которые свой умъ, свое слово, свою жизнь обрекаютъ на служеніе разрушенію, возстанію, на призывы къ крови и убійствамъ, сами совершаютъ преступления и убійства, попадаютъ въ тюрьмы, получаютъ заслуженную казнь; сами убиваютъ себя,—всѣ эти люди часто одарены большимъ умомъ и большими знаніями; ихъ умъ не избавляетъ ихъ самихъ отъ безумія, ихъ умъ служитъ на погибель и другимъ людямъ, соблазняя многихъ неопытныхъ, невѣдущихъ и толкая ихъ на путь преступленій и забвенія Божьяго закона. Ибо сильному уму и волѣ, въ какую бы сторону ни направлялась ихъ дѣятельность, естественно подчиняются окружающіе — большею частью, люди средніе, ищущіе внѣ себя опоры и руководства.

Есть другіе сильные и одаренные умы,—умы вѣчно колеблющіеся. Вѣра, невѣріе, истина, ложь,—все это у нихъ мѣняется, какъ погода. Сегодня съ увлеченіемъ они проповѣдуютъ одно, завтра съ такимъ же увлеченіемъ—другое, совершенно противоположное. Такіе люди не оставляютъ по себѣ добраго слѣда на землѣ, не производятъ сильнаго вліянія на ближнихъ.

Неувѣренный, колеблющійся, сомнѣвающійся не можетъ сдѣлать другого крѣпкимъ и стойкимъ. Нельзя сказать, однако, чтобы и такіе люди не производили никакого вліянія на дру-

гихъ людей. Сильный и способный умъ всегда въ данную минуту подчиняетъ себѣ другихъ; это естественно и неизбежно. Поэтому и колеблющіеся, сомнѣвающіеся умы, чѣмъ они способные и сильнѣе, тѣмъ больше вреда приносятъ людямъ, разрушая въ нихъ вѣру, лишая спокойствія, отнимая увѣренность въ словахъ и поступкахъ.

Мы видѣли, каковъ былъ великій умъ митрополита Филарета, этого приснопамятнаго архипастыря, учителя, молитвенника и праведника. Умъ его былъ въ полномъ смыслѣ *созидательный* умъ, а не разрушительный, *положительный*, а не отрицательный, всегда одинаковый, всегда себѣ вѣрный и равный, всегда полный назиданія. О немъ можно было сказать словами святого апостола Іакова, которыя такъ часто любилъ повторять самъ почившій митрополитъ Филаретъ: „Премудрость, свыше сходящая, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнена милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна“ (III, 17—18):

Естественно спросить,—и въ наше время для нашего спасенія и руководства жизни особенно полезно и необходимо знать: откуда же приснопамятный святитель получалъ это доброе направленіе своего великаго ума? Что дѣлало этотъ умъ и дарованія его такими благоплодными для міра и людей? Гдѣ онъ находилъ для себя опору и руководство? Гдѣ онъ черпалъ это постоянство, твердость, ясность и опредѣленность мысли и слова, желаній и дѣйствій? И гдѣ намъ, по его примѣру, найти эти великія духовныя сокровища?

Разгадка указанной тайны совершенно ясна и всѣмъ доступна. Митрополитъ Филаретъ, при всемъ своемъ огромномъ умѣ, не кланялся ему, какъ идолу. Онъ зналъ и вѣрилъ, что умъ учеловѣка ограниченъ, что онъ самъ собою не даетъ свѣта, что такой вѣчный, чистый и святой свѣтъ онъ можетъ получить только отъ Того, Кто,—по слову апостола,—есть свѣтъ, и тьмы въ Немъ нѣсть ни единыя (I Иоанн. I, 5). Есть свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, пришедшаго въ міръ (Иоанн. I),—и Свѣтъ сей есть Богъ. Онъ не оставилъ людей въ тьмѣ одинокими, сирыми, оставленными. Онъ далъ имъ Свое слово. Къ слову Божію и приникъ митрополитъ Фи-

лареть отъ дней дѣтства и юности, на немъ воспиталъ свой великій умъ, имъ направилъ и изопрялъ свои богатая духовныя дарованія. Но и въ усвоеніи, пониманіи и принятіи слова Божія умъ человѣческой можетъ кичиться и въ слѣпкомъ самопоклоненіи не себя провѣрять словомъ Божиимъ, а, наоборотъ, самое слово Божіе провѣрять своими разсужденіями и понятіями. Чтобы этого не случилось, Господь слово Свое довѣрилъ и ввѣрилъ Церкви, которая и хранитъ, и распространяетъ, и безошибочно истолковываетъ слово Божіе, руководимая Духомъ Святымъ, ей обѣщаннымъ и ниспосланнымъ. Къ Церкви Христовой, къ ея правиламъ, ученію, заповѣдямъ, къ ея святымъ отцамъ и учителямъ и ихъ писаніямъ, къ ея богослуженію, представляющему великую школу поученія и мудрости,—къ Церкви Христовой приникъ митрополитъ Филареть, какъ ея сынъ и вѣрный послушникъ, у нея искалъ и отъ нея смиренно принималъ руководство и поученіе.

Опираясь на слово Божіе и руководство Церкви, приснопамятный святитель и получилъ ту свободу, увѣренность и полноту жизни духа, которыми онъ поражаетъ насъ при чтеніи его произведеній. Все было для него ясно: небо и земля, тайна жизни и смерти, тайна земного и загробнаго бытія,—еже здѣ пребываніе и еже тамо пришествіе,—всѣ вопросы жизни земной, семейной, общественной, государственной.

Какой радостный и желанный этотъ удѣлъ! Какъ хочется намъ въ годину смуты, шатаній, сомнѣній такъ же построить домъ души не на пескѣ, а на камнѣ, чтобы не повалили его ни вѣтры, ни дожди, ни разлившіеся бурные потоки! Какъ отрадно было бы намъ имѣть это постоянное спокойствіе и душевное равновѣсіе, ясный взглядъ и ясную оцѣнку всего насъ окружающаго!

И это благо отъ насъ не за горами. Поминаемый нынѣ святитель Филареть его ясно намъ указываетъ: оно въ словѣ Божіемъ и въ руководствѣ святой Церкви. Прильни, христіанинъ, къ этимъ источникамъ, и пустыня духа твоего расцвѣтетъ прекраснымъ садомъ, и оживится все въ немъ умирающее и унылое, исчезнетъ всякое колебаніе и сомнѣніе,—ты почувствуешь приливъ силъ несказанныхъ, ты станешь сильный

и мощный, превыше всякой самой сильной и одаренной мысли человеческой, не зажженной еще словом Божиимъ и потому мертвой и бесплодной. Тогда ты обрѣтешь твердые устои подъ ногами. Всякіе вопросы вѣры, жизни, мысли для тебя станутъ ясны, въ главномъ и основномъ: въ вопросѣ твоего нравственнаго достоинства, богообщенія, богоугожденія и вѣчнаго спасенія. Тогда ты не будешь колебаться, мѣняться, не будешь страшиться всякаго нападенія и натиска иной мысли, неправой и нехристіанской. Отвѣтъ будетъ у тебя готовъ на всякое возраженіе.

Такими людьми строится жизнь и стоятъ царства.

Въ годину распатанности жизни, мысли и слова намъ особенно дорогъ становится митрополитъ Филаретъ съ его неумирающими завѣтами.

Но дорогой для всей Церкви русской, онъ по преимуществу близокъ Москвѣ и Московской епархіи, гдѣ онъ родился, гдѣ прожилъ онъ большую часть жизни, гдѣ навѣки онъ оставилъ свое имя и свой слѣдъ мудрости архипастырскаго правленія и учительства. Онъ—слава и честь Москвы и Московской епархіи; онъ, по увѣренности многихъ и многихъ вѣрующихъ,—и молитвенникъ за свое земное отечество, за народъ русскій и Церковь русскую.

Архіерейство его да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Жажда новаго и чудеснаго.*

Въ наше время наблюдаемъ особую жажду чуда. Мы пережили бурные годы такъ-называемой революціи, общаго увлеченія вопросами объ устроеніи общества и государства и борьбою за то, что обѣщало открыть блаженство на землѣ безъ Бога, безъ власти, безъ нравственнаго закона, безъ долга и обязанностей, безъ лишеній, трудовъ и усилий. Мыслящіе люди

* Поученіе въ нед. 22-ю.

теперь отрезвляются; наблюдается глубокое разочарованіе въ идеѣ революціи и въ материалистическихъ ученіяхъ. Возрождаются духовные интересы, замѣчается пока еще робкое исканіе религіозной и нравственной истины. Но старая болѣзнь даетъ себя чувствовать; цѣльность духа и вѣры трудно сразу возратить; на мѣстѣ разрушеннаго тяжело изъ развалинъ возсозидать снова то же зданіе вѣры въ прежней его силѣ и красотѣ. И вотъ, хотятъ найти помощь въ чемъ-то новомъ, невиданномъ, неиспытанномъ: жаждутъ и ищутъ чуда. Говорятъ, пишутъ, проповѣдуютъ: „Дайте намъ Церковь, но Церковь будущаго, а не ту, что есть,—она отжила; дайте намъ истину, но истину новую, неслыханную,—старая насъ не удовлетворяетъ; мы любимъ и красоту, но ищемъ красоты особенной, никѣмъ невиданной,—то, что прежде считалось красивымъ, намъ прискучило; мы цѣнимъ евангеліе, но не то, что имѣется въ Церкви,—мы хотимъ иного, новаго; мы жаждемъ завѣта съ Богомъ, но не Вѣтхаго, и не Новаго, а того, какого еще нѣтъ,—будущаго, новѣйшаго; мы ищемъ царства Божія, но мы желаемъ не земное возвести къ небесному, а небесное свести на землю. Дайте намъ еще чудо: мы хотимъ соединить въ чемъ-то среднемъ и высшемъ небо и землю, духъ и плоть, конечное и безконечное, Отца и Сына, Вѣтхій Завѣтъ и Новый, личность и общество, Церковь и государство, мужескій полъ и женскій, религію и науку, откровеніе и знаніе, бытіе и небытіе, смерть и жизнь, грѣхъ и добродѣтель, красоту и безобразіе“.

Не подумайте, что все это мы выдумываемъ. Такія требованія, подъ именемъ религіозно-философскихъ, теперь выражаются громко, и ими заняты умы, которые считаютъ себя и признаются передовыми. Дайте,—говорятъ они,—дайте намъ всѣ эти чудеса, и мы станемъ вѣрующими по-новому, и весь міръ станетъ новымъ, стараго же мы не хотимъ, старое не можетъ создать того, чего мы ищемъ, если бы даже и захотѣло, ибо не вливаютъ вина новаго въ мѣхи ветхіе.

Нѣтъ, други, не повѣрите, не увѣруете! Не тотъ путь къ новому вы избираете, какой единственно возможенъ. Тотъ, Кто принесъ на землю завѣтъ новый (Лук. XXII, 20), Кто далъ

новую заповѣдь (Іоан. XIII, 34), Кто человѣка сдѣлалъ тварью новою (Гал. VI, 15), вложивъ въ него, по древнему пророчеству, духъ новый и сердце новое (Іез. XVIII, 31), и даровавъ ученье новое (Дѣян. XVIII, 19), показавъ путь жизни новый и живой (Евр. X, 10).—Онъ пришелъ къ новому, прежде исполнивъ все старое. Онъ исполнялъ весь ветхій законъ отъ дней младенчества; по закону приносится Онъ въ храмъ законный, и терпитъ законное обрѣзание; исполняетъ до конца дней всѣ требованія закона, учить, что ни одна черта не перейдетъ отъ закона (Лук. XVI, 17), спрашиваетъ: „въ законѣ что написано?“ (Лук. X, 26), упрекаетъ, что Израиль оставилъ важнѣйшее въ законѣ (Ме. XXII, 23). Онъ пришелъ не нарушить законъ, но исполнить (Ме. V, 17), и только закономъ, исполняя его, люди познали грѣхъ (Римл. III, 20) и стали искать святости и спасенія въ новой благодати. Тогда только они увидѣли, что древнее прошло и стало все новое, когда древнее исполнили.

Исполнили ли новые искатели новой истины все, что они называютъ старымъ? Они жаждутъ Церкви будущаго, а въ Церкви настоящаго и прошлаго были ли они послушными, вѣрными ея членами, исполняли ли всѣ ея уставы? Они ищутъ новой, особенной добродѣтели и святости: а то, что считалось донынѣ добродѣтельно, они исполнили? Исполнили ли то, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна,—то, что добродѣтель и что достойно хвалы? (Филип. IV, 8—9). Они хотятъ возстановить поправныя права „святой“ плоти и вывести жизнь ея на новый путь свободы; а путь самоограниченія этой плоти, сдержанности и вольныхъ лишеній они прошли?

Нѣтъ, то, что считаютъ они старымъ, они знаютъ только по наслышкѣ, они его не исполнили, слѣдовательно, не выразумѣли, и потому въ исканіи новаго, въ требованіи чуда они идутъ путемъ тѣхъ аѳинскихъ легкомысленныхъ философовъ, которые „ни во что же ино упржняюхуся, развѣ глаголати что, или слышати новое“ (Дѣян. XVII, 21). Эта болѣзнь, эта жажда новаго и жажда чуда, если бы и были удовлетворены, не привели бы искателей ни къ покою, ни къ твердости

вѣры. Они якобы жаждутъ истины и для открытія ея и утвержденія въ ней ищутъ новаго и чудеснаго. Нѣтъ! Они имѣютъ Моисея и пророковъ—слово вѣчнаго Божьяго откровенія. Если это слово Божіе они исполняютъ, то увидятъ и опытно познаютъ, что благъ законъ Господа, что онъ—свѣтильникъ очамъ нашимъ, что новое все намъ дано и открыто, что послѣ Новаго Завѣта иного не будетъ, ибо лучше Сына Божія никто не повѣдаетъ намъ о тайнѣ Божества. Они познаютъ, что новое небо и новая земля будутъ только по скончаніи этого міра, и тамъ—Церковь грядущаго въ новомъ Сіонѣ, во градѣ Бога живого, въ Иерусалимѣ небесномъ, гдѣ торжествующій соборъ и Церковь первенцевъ, на небесахъ написанная, и Судія всѣхъ Богъ, и духи праведныхъ, достигшихъ совершенства, и Ходатай Завѣта Новаго Иисусъ (Евр. XII, 22—24). Если же слова Божія они не послушаютъ, то если бы кто изъ мертвыхъ возсталъ, все равно не повѣрятъ.

Состояніе это—страшное и опасное. Отъ такой опасности и предостерегаетъ насъ слово Авраама въ слышанной нами нынѣ евангельской притчѣ. Аминь.

Единство при разнообразіи.*

Не скроемъ, открытіе новаго русскаго патріотическаго кружка имени И. С. Аксакова вызвало не мало толковъ, недоразумѣній и даже нѣкотораго недовольства среди московскихъ патріотовъ. Одни находятъ это новое учрежденіе, по крайней мѣрѣ, бесполезнымъ и излишнимъ; другіе готовы опасаться, какъ бы его открытіе не внесло какого-либо разъединенія и взаимной розни въ средѣ довольно многочисленныхъ московскихъ патріотическихъ кружковъ, въ существѣ своемъ совершенно единомышленныхъ и доселѣ, слава Богу,

* Рѣчь при открытіи въ Москвѣ Аксаковскаго литературнаго и политическаго Общества, 30 ноября 1907 года.

столь дружныхъ и согласныхъ. Находятъ, что дѣятели новаго Аксаковскаго Общества могли бы съ удобствомъ и безпрепятственно осуществлять свои намѣренія и желанія въ существующихъ уже и дѣйствующихъ кружкахъ и союзахъ.

Указавъ съ полною откровенностью и опредѣленно на всѣ эти возраженія и недоразумѣнія, я почитаю долгомъ своего званія и положенія сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ къ успокоенію и въ утѣшеніе нашихъ смущенныхъ добрыхъ, уважаемыхъ и многολюбимыхъ единомышленниковъ и друзей.

Думается, радоваться намъ нужно всякому новому доброду начинанію,—и только радоваться. При апостолахъ случалось, что рядомъ съ ними проповѣдывали о Христѣ другіе, и проповѣдывали даже по недостойнымъ побужденіямъ. Какъ къ нимъ относились апостолы? Въ словахъ святаго апостола Павла, которыя служатъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, мы найдемъ черты жизни, какъ бы прямо взятая изъ нашего времени:

„Узы мои о Христѣ,—пишетъ апостолъ къ Филиппійцамъ,—сдѣлались извѣстными всей преторіи и всѣмъ прочимъ... И большая часть изъ братьевъ въ Господѣ, ободришись узами моими, начали съ большею смѣлостью, безбоязненно проповѣдывать слово Божіе“.

Не вспоминаются ли намъ при этихъ словахъ протекшіе три года? Гоненія на насъ, русскихъ православныхъ людей, узы наши и страданія, мужество многихъ изъ насъ развѣ не произвели вліянія на всѣ преторіи? Развѣ не ободрили они слабыхъ и боязливыхъ? Развѣ не увеличили числа проповѣдывающихъ наше православно-русское исповѣданіе?

Но послушаемъ далѣе апостола: „Нѣкоторые, правда, по зависти и злобупренію, проповѣдуютъ Христа нечисто, думая увеличить тяжесть узъ моихъ, а другіе съ добрымъ расположеніемъ проповѣдуютъ Христа. Но что до того?—говоритъ апостолъ:—какъ бы ни проповѣдали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться“ (Филипп. I, 15, 16—18).

Если же такъ, то можно ли не радоваться возникновенію новаго литературнаго и политическаго общества, о которомъ никоимъ образомъ нельзя сказать, что оно проповѣдуетъ что-

либо „нечисто“, ибо оно „имѣеть цѣлью способствовать уясненію русскихъ духовно-нравственныхъ, національныхъ, политическихъ и экономическихъ началъ на русскихъ историческихъ основахъ въ духѣ Христовой вѣры и русской государственности, занимается (кромѣ выясненія положительныхъ основъ православно-русскаго исповѣданія) устною и печатною борьбою со всякими враждебными русскому народному духу, вѣрѣ, законности и порядку теченіями“, а своими почетными членами избираетъ лицъ „особо выдающихся, какъ патріотовъ, въ литературѣ, общественной и государственной дѣятельности?“ (§§ 1, 2 и 6 устава).

Какъ бы ни прекрасенъ былъ цвѣтокъ, онъ составляетъ красивый букетъ не одинъ, но съ другими цвѣтами вмѣстѣ.

И картина становится законченною и художественною, когда она не однотонна, а представляетъ сочетаніе различныхъ цвѣтовъ и красокъ, съ самыми тонкими и разнообразными оттѣнками.

Въ дѣлѣ нашемъ примѣнимо это сравненіе, будетъ ли оно касаться идей, или даже лицъ. Пусть будетъ одно и совершенно совпадающее исповѣданіе; это не исключаетъ ни возможности, ни пользы различія лицъ, служащихъ ему: каждый будетъ работать въ сродной ему области и доступными ему силами и способами, каждый будетъ вносить въ дѣло свою индивидуальность. Лишь бы истина была единою; лишь бы она познавалась и распространялась любовью, а не злобою: „гнѣвъ бо мужа правды Божіей не содѣловаетъ“... (Іак. I, 20). Лишь бы царило въ насъ „любодружное и благое единство, спѣшное во изящныхъ“. И объ этомъ именно молить апостолъ послѣ того, какъ упомянулъ о проповѣди Христа другими проповѣдниками: „Итакъ, если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада любви, если есть какое общеніе духа, если есть какое милосердіе и сострадательность,—то дополните мою радость: имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны, ничего не дѣлайте по любопренію, или по тщеславію, но по смиренномудрію почитайте одинъ другого высшимъ себя“ (Филипп. IV. 1—3). Терпяще другъ другу любовію, честію другъ друга

больша творяще—золотые завѣты. Записка объ открытіи вновь открываемаго Общества именно и указываетъ эти вѣчныя нравственно-христіанскія основы для предстоящей Обществу дѣятельности. Она заслуживаетъ того, чтобы привести ея главную часть буквально.

„Русское общество за послѣднее время расколосось на партіи и кружки и до такой степени заболѣло политическимъ сектантствомъ и нетерпимостью, что всякій обмѣнъ мнѣній, всякая провѣрка чужихъ взглядовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *всякое исканіе правды* и движеніе впередъ совершенно прекратились. Каждое направленіе, обособившись, вращается въ узенькомъ кругу партійныхъ взглядовъ и формулъ, топчется на мѣстѣ; отдѣльныя же группы только подогрѣваютъ себя, невольно все болѣе распложая ненависть къ разномыслящимъ и совершенно останавливая, если не разрушая, умственную жизнь въ странѣ.

„Аксаковское литературно-политическое Общество является первою попыткой создать совершенно нейтральную почву для *независимаго, честнаго и свободнаго* обмѣна мнѣній на почвѣ нелицемѣрной любви къ родинѣ, братства людей во Христвѣ, сознанія принадлежности къ великой славянской семьѣ, уваженія къ мнѣнію и снисхожденія къ заблужденію противника.

„Отсюда первая задача руководителей Общества: допуская всестороннее и свободное обсужденіе всякихъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ вопросовъ, не позволять ни малѣйшей рѣзкости, останавливать всякое проявленіе партійнаго раздраженія, твердою рукою поддерживать уваженіе къ чужой мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ собранію, объединенному только высокимъ патріотизмомъ, духомъ истинной свободы и смиреннымъ исканіемъ истины, познаваемой единственно взаимною любовію“.

Мы глубоко и непоколебимо увѣрены, что, при полной убѣжденности нашей въ православно-русскихъ началахъ, намъ не страшны никакія возраженія. Мы увѣрены, что велика истина, и она превозможетъ. Мы увѣрены, что при усердіи работы заслуга Общества можетъ быть великою.

Больше того: намъ думается, что, въ духѣ и силѣ завѣтовъ основоположниковъ нашего славянофильства, оно внесетъ въ дѣло выясненія, укрѣпленія и защиты нашихъ русскихъ духовныхъ сокровищъ—православно-христіанской церковности и государственности—нѣчто новое и въ высокой степени цѣнное.

Позвольте выяснитъ мысль путемъ сравненія. Припомнимъ и воспроизведемъ вкратцѣ воззрѣнія А. С. Хомякова на положеніе православнаго богословія въ отношеніи его къ западнымъ инославнымъ исповѣданіямъ. Онъ видѣлъ, что наши богословы пользуются чужимъ арсеналомъ, и оттого малоуспѣшны: противъ католиковъ они борются оружіемъ протестантства, противъ протестантовъ—доводами католиковъ. Станьте, приглашалъ онъ, станьте на высоту православной вселенской истины, для Запада и непонятную, и недоступную, а намъ родную и исполненную силы: и вы увидите, что и католичество и протестантство—это одно и то же, явленія одного и того же порядка, произведеніе одного и того же духа рационализма и гордыни, какъ пережитковъ древне-языческаго міра; то и другое сразу падаетъ при свѣтѣ православно-церковной истины, вѣрной апостольскимъ и святоотеческимъ завѣтамъ. Вы сильны и могучи, какъ бы такъ говорилъ онъ, а сами не умѣете пользоваться своею силою.

Не то же ли явленіе наблюдаемъ мы теперь и въ области политической жизни? Предъ нами возникли одна за другою различныя политическія партіи и, ведомыя самыми разнообразными побужденіями, сталкиваясь одна съ другою, оглушаютъ насъ шумомъ взаимной брани. За интересами партій не видно и не слышно ни голоса христіанской совѣсти, ни интересовъ родины. Все заполнилъ интересъ личный и партійный. Въ этотъ водоворотъ вовлечены и настоящіе русскіе православные люди, искони бывшіе на Руси продолжатели и преемники творческой и охранительной работы великихъ минувшихъ поколѣній, завѣщавшихъ намъ обширнѣйшее въ мірѣ царство, великій народъ съ необъятными міровыми задачами. Вѣрные Богу и православной Церкви; вѣрные Царю съ Его освященною въ Церкви и въ священномъ помазаніи властью;

ограниченному предъ Богомъ и Его закономъ и неограниченному никакими временными, условными, измышленными и испешшими отъ оземлевившихся людей узами и путами; вѣрные своему народу и своему русскому царству, какъ Богоданной средѣ жизненнаго христіанскаго подвига и поприщу примѣненія и насажденія началъ царства Божія,—они вынуждены были у себя въ Россіи отстаивать право на свое существованіе и отражать натискъ чуждыхъ и враждебныхъ воззрѣній, проповѣдуемыхъ различными не русскими политическими партіями. И вотъ, естественно было произойти тому самому явленію, которое нѣкогда А. С. Хомяковъ такъ вѣрно отмѣтилъ у православныхъ русскихъ богослововъ: сторонники исконныхъ русскихъ началъ иногда стали защищать свои воззрѣнія тѣми самыми приемами, орудіями и способами и, главное, тѣми началами права, а не правды, которыя мы видимъ у политическихъ партій Запада. Юридическое начало въ такомъ случаѣ можетъ возобладать надъ нравственнымъ, и можетъ повториться древнее законничество, по которому—человѣкъ для субботы, а не суббота для человѣка. Въ духѣ и силѣ основоположниковъ славянофильства и намъ надлежитъ сказать русскимъ людямъ: Станьте на высоту вашихъ чистыхъ православно-русскихъ воззрѣній! Тогда вы не будете брать у одной партіи оружіе противъ другой, вы найдете его у себя, и притомъ такое, которое сразу побѣждаетъ всѣ враждебныя и нерусскія партіи. Тогда вы увидите, напримѣръ, что, начиная отъ октябристовъ и далѣе до самыхъ крайнихъ и озвѣрѣлыхъ революціонеровъ, эти партіи вовсе не различны и не враждебны между собою по внутренней сущности, онѣ—одно и то же. Онѣ всѣ пьяны, всѣ отравлены однимъ алко-големъ, только въ видѣ различныхъ напитковъ,—отъ простой водки до утонченнаго вина. Онѣ всѣ—воры и расхитители Божьяго достоянія, только крадутъ разныя вещи. Онѣ всѣ—едино, едино въ томъ древнемъ богоборномъ движеніи, что раздѣлило все человѣчество во всей его исторіи на два вѣчно враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ: вѣра, смиреніе, служеніе духу, исканіе правды, приуготовленіе къ вѣчности и оцѣнка всего сущаго въ свѣтѣ долга и совѣсти; въ

другомъ: невѣріе, гордыня, служеніе плоти и отсюда измѣреніе всѣхъ сторонъ и интересовъ человѣческой жизни только началами выгоды и удовольствія, точкой зрѣнія только по-свосторонняго бытія. Изъ этой послѣдней изменной, только прикрытой высокими фразами и замаскированной высокими побужденіями, теоріи вытекаютъ идея народовластія, конституціонализмъ, парламентаризмъ, социализмъ и анархія, — явленія глубоко по природѣ сродныя и явно-языческаго характера по своей матеріалистической основѣ. Только православно-русская точка зрѣнія даетъ намъ возможность стать на ту высоту, съ которой видны всѣ пути и извитія нечестивой и богоборной мысли и жизни. Для разъясненія такой именно точки зрѣнія, думается намъ, и должно поработать открываемое нынѣ Общество орудіемъ вдумчивой и научно обоснованной мысли. Тогда оно будетъ достойно того имени, которымъ оно украшено, по мысли и желанію его учредителей.

Призываемъ Божіе вседѣйствующее благословеніе на благородныя намѣренія и дѣятельность новаго нашего Общества! Прошу его принять отъ меня въ даръ и благословеніе этотъ образъ Святителя Іоанна Богослова, апостола любви и носителя христіанскаго разума, — разума, облагодатствованнаго и просвѣтленнаго высшимъ озареніемъ.

Это небесный покровитель благороднаго глашатая русско-православнаго исповѣданія Ивана Сергѣевича Аксакова. Напоминая намъ объ этомъ великомъ русскомъ человѣкѣ, святая икона пусть напоминаетъ намъ и о томъ духѣ любви и разума, въ коемъ да совершится и да совершается дѣланіе открываемаго нынѣ молитвою новаго религіозно-патріотическаго Общества!

Современные бѣсы.*

Святое евангеліе рассказываетъ намъ сегодня объ исцѣленіи Спасителемъ страшнаго бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской. Это былъ несчастный человѣкъ: въ одеждѣ онъ не одѣвался и жилъ не въ домѣ, а въ гробахъ; долгое время бѣсъ мучилъ его, такъ что несчастнаго связывали цѣпями и узами, оберегая его, но онъ разрывалъ узы и былъ гонимъ бѣсомъ въ пустыни. Великимъ страхомъ одержимъ былъ духъ нечистый, когда приблизился къ бѣсноватому Господь, и молилъ Христа духъ нечистый: „Что Тебѣ до меня, Иисусъ, Сынъ Бога Всевышняго? Умоляю Тебя, не мучь меня!“

Иисусъ Христосъ исцѣлилъ бѣсноватаго словомъ Своимъ. Бѣсы вышли изъ него и вошли въ стадо свиней: и бросилось стадо съ крутизны въ море и потонуло. Нужно сказать, что жители гадаринскіе, исповѣдуя вѣру народа еврейскаго, запрещавшую вкушать свиное мясо, однако, изъ корысти занимались разведеніемъ этихъ животныхъ и тѣмъ явно нарушали законъ своей собственной вѣры. Они были наказаны, такимъ образомъ, за свое отступничество. Когда все это свершилось, жители страны Гадаринской немедленно снова обнаружили всю свою корысть и всю нераскаянность: жаль имъ стало свиней, испугались они Чудотворца и Божественнаго Учителя и стали они просить Иисуса Христа, чтобъ Онъ удалился отъ нихъ и изъ страны ихъ. Много было враговъ у Господа Иисуса, много оскорбительнаго они Ему говорили, много спорили съ Нимъ и не соглашались съ Его ученіемъ, но такой просьбы къ Спасителю никто еще не обращалъ. Къ нимъ, къ жителямъ страны Гадаринской, пришелъ Божественный Учитель: Онъ принесъ имъ благовѣстіе спасенія, Онъ показалъ имъ чудную власть, избавляющую отъ бѣсовъ, а они промѣняли Христа на презрѣнныхъ животныхъ, они оказались духовно сродни бѣсамъ,

* Слово въ недѣлю 23-ю по Пятидесятницѣ.

ибо какъ бѣсы трепетали Христа и просили Его удалиться, такъ и жители гадаринскіе просили Его о томъ же. Напротивъ, человекъ, изъ котораго вышли бѣсы, просилъ Иисуса, чтобы быть съ Нимъ (Лук. VIII, 26—39).

Представляетъ ли это евангельское чтеніе только повѣсть изъ жизни Господа Иисуса, или оно приложимо и примѣнимо по своему содержанію къ жизни всѣхъ людей?

Несомнѣнно, Церковь Божія предлагаетъ его къ нашему наизданію.

И прежде всего, какое вѣрное средство дается намъ, чтобы разобратъся безошибочно и правильно во всѣхъ ученіяхъ современности, во всѣхъ дѣйствіяхъ людей. Ученіе людей св. апостоль Іоаннъ такъ и называетъ духами. „Возлюбленные!—такъ умоляетъ насъ св. апостоль,—не всякому духу вѣрйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они“. И далѣе апостоль ясно указываетъ, кого и что разумѣетъ онъ подъ духами: „потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ“ (1 Іоан. IV, 1). И лжепророковъ, и ученіе ихъ,—этихъ бѣсовъ, этихъ духовъ нечистыхъ, апостоль изображаетъ такими чертами, какъ будто онъ пророчески видѣлъ наше время и всѣ его нестройныя: „Дѣти, какъ вы слышали, что придетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ. Они вышли отъ насъ, но не были нашими, ибо если бы они были наши, то остались бы съ нами, но они вышли, и чрезъ то открылось, что не всѣ наши. Вы знаете, что всякая ложь не отъ истины. Кто лжець, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Иисусъ есть Христосъ? Это—антихристъ, отвергающій Отца и Сына“ (II, 18—49; 21—22). Итакъ, если какое-либо ученіе, или кто-либо, желающій быть нашимъ учителемъ, обѣжитъ отъ имени Иисуса Христа, не признаетъ Его святого евангелія и святой Его Церкви, то здѣсь явное доказательство и явный знакъ, что ученіе и учитель не отъ Бога, не отъ истины, а отъ лжи и отъ антихриста. Пусть такое ученіе будетъ заманчиво, пусть такой учитель обѣщаетъ намъ всевозможныя блага, пусть намъ впереди сулятъ и богатство, и покой, и радость, и свободу,—христіанинъ долженъ рѣшительно и безповоротно отречься отъ такихъ ученій. Ибо, въ противномъ случаѣ, онъ уподобится тѣмъ гадарянамъ, ко-

торымъ свиньи были дороже Небеснаго Учителя, такъ какъ онѣ приносили имъ выгоды.

Нечего и напоминать, что теперь среди насъ много такихъ нечистыхъ духовъ, много новыхъ бѣсовъ, т.-е. новоявленныхъ учителей и новоявленныхъ учений. Мы видимъ этихъ учителей: объ евангеліи у нихъ ни слова; къ Церкви Божіей у нихъ вражда; къ пастырямъ Христовой Церкви — ненависть; надъ вѣрою святою — насмѣшка, къ храмамъ — полная холодность и невниманіе. Не разъ случалось, что когда они выдавали свои затаенныя мечты, они прямо говорили и говорятъ, что никакой религій не надо, а храмы надо отдать хотя бы подъ дома для плясокъ и увеселеній. Воистину, это — антихристы, это — бѣсы, трепещущіе Христа. Воистину, эти люди вышли отъ насъ, но не были нашими, — лжецы, отвергающіе, что Иисусъ есть Христосъ.

Не послушаютъ ихъ дѣти Церкви, не послушаютъ ихъ слуги Христовы, вѣрные ученики Господа.

Кто же избавить одержимыхъ новыми бѣснованіями отъ ихъ несчастья? Гдѣ имъ найти спасеніе? Гдѣ намъ всѣмъ найти спасеніе отъ нашихъ грубыхъ и нечистыхъ страстей, которыя насъ уподобляютъ гадарянамъ и заставляютъ какъ бы просить Христа удалиться отъ насъ?

Спасеніе — у Спасителя. Онъ Самъ къ намъ приходитъ безъ зова, какъ пришелъ въ страну Гадаринскую. Онъ Самъ изгоняетъ одержавшихъ насъ бѣсовъ ложныхъ учений. Однако, насильно, вопреки нашему желанію, Онъ, конечно, спасти насъ не станетъ. Но для того и гремитъ немолчно въ вѣкахъ и тысячелѣтіяхъ Его Божественное слово, для того и стоитъ предъ нами Его святая Церковь, чтобы напоминать намъ и твердить неустанно, что страсти наши — это бѣсы, насъ одержавшіе, что мы избавимся отъ нихъ не сами собою, а только прильнувъ ко Христу, къ Его Божественной силѣ, къ Его небесному ученію. Исцѣлившись отъ нихъ, будемъ, подобно евангельскому исцѣленному гадарянину, неотлучно пребывать со Христомъ и около Христа, т.-е. въ Его святой Церкви. Не страшны тогда христіанину никакіе бѣсы, ибо онъ знаетъ, что еще при жизни Христовой уже ученикамъ Господа дана была

чудная надъ ними власть: „Возвратились семьдесятъ учениковъ съ радостію и говорили: Господи, и ѡбсы повинуются намъ о имени Твоемъ“. И снова, и снова слышитъ христіанинъ слово своего Господа, сказанное въ отвѣтъ ученикамъ: „Видѣлъ Я сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію. Се дамъ вамъ власть наступать на змію и на скорпію и на всю силу вражію, и ничесоже васъ вредить. Обаче о семъ не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются, радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ“ (Лук. X. 17—20).

Отвергнемъ страсти грѣховныя и нечистыя, отвергнемъ ложныя ученія и ложныхъ учителей, именемъ Господа Іисуса Христа отвергнемъ этихъ ѡбсовъ,—и имена наши тогда написаны будутъ на небесахъ. Въ томъ порукою—вѣчное и неотмѣнное слово Христово. Аминь.

Кронштадтскій свѣточъ и газетныя гіены.*

Повѣствуется въ одномъ древнемъ житійномъ сказаніи, что къ нѣкоему благочестивому старцу-подвижнику приходили со всѣхъ сторонъ слушатели и почитатели, прося молитвъ, совѣта, благословенія. Многіе и о многомъ спрашивали его, и всѣмъ и каждому онъ отвѣчалъ въ мѣру Духа, ему даннаго. Только одинъ юноша, всегда посѣщая старца, сидѣлъ у ногъ его молча и ни о чемъ его не спрашивалъ. Однажды старецъ, замѣтивъ это, наконецъ, обратился къ юношѣ съ вопросомъ: почему онъ молчитъ и ни о чемъ его не спрашиваетъ? Юноша отвѣтилъ: „Отецъ мой! Для меня довольно только слушать и смотрѣть на тебя!“

Старецъ кронштадтскій—вы знаете, о комъ я говорю—развѣ не напоминаетъ намъ и не повторяетъ ли на нашихъ глазахъ въ теченіе десятковъ лѣтъ этого древняго старца?

* Слово, произнесенное 6 декабря 1907 г. въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ.

Неистребимо живетъ въ душѣ человѣка потребность найти и облобызать святыню, поклониться ей, побыть въ ея освящающемъ и поднимающемъ духъ общеніи. У русскаго православнаго народа потребность эта является особенно повышенною, она заполняетъ и потрясаетъ всю душу народную, господствуя надъ всеми другими ея интересами и запросами. И вотъ сюда, къ чудному старцу, столько лѣтъ обращаетъ свои взоры святая и святолюбивая Русь. Одни къ нему являлись лично, съ нимъ молились и молятся, получаютъ совѣтъ и благословіе, получали нерѣдко и даръ чудодѣйственной помощи. Какъ ихъ ни много, они, сравнительно со всею Русью,—едва примѣтная часть народа. Всѣ прочіе, какъ юноша предъ древнимъ старцемъ, только созерцали это дивное видѣніе нашего времени и радовались Божьей благодати, въ немъ почивающей, и възгрѣвали вѣру и упованіе, и насыщались его обильною духовною трапезою слова, молитвы, непрестаннаго поученія,—поученія его жизни, подвига, любви, щедродательности, горящей вѣры и горящаго слова, исходящаго изъ устъ его. Отъ страны глубокой полнощи, гдѣ въ борьбѣ съ суровой природою, спасаясь отъ враговъ, нашелъ себѣ русскій человѣкъ пристанище свободы и училище крѣпости духа и характера, возсіялъ нашъ свѣтильникъ. Тамъ нѣкогда возросли великіе духомъ преподобные Трифонъ и Теодоритъ, Зосима и Савватій, Германъ и Кириллъ и многіе другіе. Ихъ духомъ напоенный стоитъ здѣсь болѣе полувѣка великій въ простотѣ вѣры и смиреніи пастырь-молитвенникъ,—на грани русскаго царства, у полунощной столицы, на концѣ земли русской, у самаго моря, свѣта, какъ маякъ, разбиваемымъ житейскимъ кораблямъ среди мірскихъ бурь и тревогъ житейскихъ.

Здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, полвѣка трепеталъ самый воздухъ его отъ гласа молитвъ и воздыханій всероссійскаго пастыря и молитвенника; здѣсь пролились его первыя слезы священнической молитвы; здѣсь возносились къ Богу его пастырскія скорби и радости; здѣсь около него было столько духовныхъ восторговъ вѣры, упованій, столько событій и случаевъ возрожденія, покаянія, спасенія, отрадь и утѣшенія, столько чудесъ божественной благодати,—что поистинѣ должно

сказать словами Господа къ Моисею у купины неопалимой: „изуй сапоги съ ногъ твоихъ, мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято“... Столько лѣтъ неизмѣнно и непрестанно днемъ и глубокою ночью, и утру глубоку, еще сущей тьмѣ, онъ стоялъ здѣсь и училъ, и молился,—и далъ ему Богъ радость видѣть, какъ городъ, извѣстный въ прежнее время только блудомъ и порокомъ, обратился во всероссійское чтимое мѣсто, въ мѣсто паломничества, какъ дѣйствіе его служенія сказывалось все шире и шире.

Долго и постепенно разгорался его свѣтильникъ, пока не засіялъ на всю Россію и далеко за ея предѣлами правиломъ вѣры, образомъ кротости и воздержанія учителемъ, пока не стяжалъ нашъ пастырь всероссійскій смиреніемъ высокая и нищетою—богатая. Взымались гордо волны невѣрія въ 60-хъ годахъ, были жестокія бури въ Церкви; поднимались ереси; возросъ и палъ Толстой... Отецъ Іоаннъ безтрепетно и непрестанно увѣщевалъ, наставлялъ, бичевалъ, обличалъ порокъ и гордыню невѣрія и ереси; онъ стоялъ несокрушимымъ столпомъ православной цѣрковности, на себѣ самомъ, въ живомъ примѣрѣ показывая и доказывая силу, живость и дѣйственность святой Церкви, которая способна возрастить въ своихъ нѣдрахъ такого благодатнаго пастыря. Онъ зажегъ священный огонь въ тысячахъ душъ; онъ спасъ отъ отчаянія тысячи опустошенныхъ сердець; онъ возвратилъ Богу и въ ограду Церкви тысячи гибнущихъ чадъ; онъ увлекъ на служеніе пастырское столько выдающихся людей, которые именно въ личности о. Іоанна успѣли увидѣть, оцѣнить и полюбить до самозабвенія красоту священства... Теперь они, нерѣдко уже стоящіе на высокіхъ степеняхъ іерархіи, пріѣзжаютъ къ старцу Божію и предъ нимъ смиреннымъ склоняются до праха земного. Вчера и сегодня мы были тому свидѣтелями ¹⁾.

И вотъ въ послѣдніе годы, когда назрѣвала и прорвалась гноемъ и смрадомъ наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубійственная революція, мы увидѣли страшное

¹⁾ Оба священнослужившіе архипастыри—духовныя дѣти о. Іоанна и имъ призваны къ священству; накануне пріѣзжалъ навѣстить о. Іоанна и выразить ему свою любовь и почитаніе митрополитъ Московскій Владиміръ.

зрѣлице. Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни вѣры, ни святыхъ народныхъ. И старецъ великій, свѣтило нашей Церкви, „отецъ—отцовъ славная красота“, честь нашего пастырства, человѣкъ, которымъ гордились бы каждая страна и каждый народъ,—этотъ старецъ на глазахъ у всѣхъ возносится на крестъ страданій, предается поруганію и поношеніямъ; его честь, его славу, его вліяніе расклевываютъ черныя вороны. Поползла гнусная сплетня; газетные гады, разбойники печати, словесные гіены и шакалы, могильщики чужой чести вылѣзали изъ грязныхъ норъ. Еврействующая печать обрушилась грязью на о. Іоанна. Нужно имъ разрушить народную вѣру; нужно опустошить совѣсть народа; нужно толкать народъ на путь преступленія; нужно отомстить человѣку, который такъ долго и успѣшно укрѣплялъ вѣру, воспитывалъ любовь къ Царю и родинѣ, бичевалъ всѣхъ предателей, нашихъ іудъ и разрушителей родины, начиная отъ Толстого и кончая исчадіями революціи... Его перваго стала травить и безславить разнузданная печать. Помню я, два года назадъ, возвращаясь изъ Сибири къ сѣверной столицѣ, по всей линіи желѣзной дороги эти листки, рисунки, стихи и издѣвательства надъ Іоанномъ Кронштадтскимъ... Потомъ на краткое время травля ослабѣла, но теперь вся эта грязь опять соединяется въ одинъ общій потокъ. Черныя вороны тучами собираются надъ Россіей, и первое, что они сіяются расклевать хищными клювами, это—святые и святыхъ, подорвать авторитетъ уважаемыхъ лицъ, подорвать благоговѣніе религиозное, на которомъ построены всякій долгъ, всякій порядокъ, всякая жизнь, истинно-достойная и истинно-человѣческая. Намъ нѣтъ дѣла до того, что собственно хотѣлъ выразить авторъ бездарной сценической стряпни, рассчитанной на обирание простодушныхъ людей,—обирание, которое онъ бичуетъ, однако, не въ себѣ и себѣ подобныхъ, какъ бы слѣдовало, а въ другихъ. Можетъ-быть, онъ, какъ увѣряетъ, и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ изобразить въ отгалкивающемъ видѣ изувѣренное сектанство и религиозное шарлатанство, хотя бы прикрывающее себя именемъ о. Іоанна: вѣдь зло можетъ прикрываться не только именемъ чтимаго пастыря, но даже именемъ Іеговы (іеговисты) или

Иисуса (иезуиты); вѣдь и въ другихъ областяхъ мысли и жизни вообще сатана нерѣдко преобразуется въ образъ ангела, и развѣ мы не видѣли, какъ разбойники, насильники и предатели народные, служащіе за еврейскія деньги разрушенію Россіи, выступаютъ подъ знаменемъ братства, равенства и особенно „народной свободы“ или блага общества (соціализмъ). Итакъ, мы не говоримъ здѣсь о пьесѣ и ея содержаніи: мы говоримъ о томъ, что сдѣлали изъ нея на сценѣ гнусные служители сцены, лакеи, продажные и пресмыкающіеся прислужники низменныхъ инстинктовъ толпы и дѣвольской революціи. На сценѣ вмѣсто бичеванія сектантскаго звѣрства или обмана, къ ужасу православныхъ, изображается бытъ и обстановка нашихъ православныхъ обитателей и храмовъ и недвусмысленно вырождается въ шутовскомъ видѣ нашъ доблестный пастырь, всенародно чтимый, о которомъ народная вѣра давно сказала свой приговоръ, что житіе его славно и успеніе будетъ со святыми. И это въ то время, когда онъ, на склонѣ дней, обезсиленный мучительнымъ недугомъ, ослабѣвшій тѣлесными силами, едва двигаясь, совершаетъ среди вѣрующихъ попрежнему свои, можетъ-быть, послѣдніе на землѣ подвиги молитвъ и благочестія, когда онъ не въ силахъ защитить себя, когда мы трепещемъ за каждый день и часъ его жизни, когда еле теплится и вотъ-вотъ погаснетъ эта святая лампада, догоритъ эта чистая Божья свѣча! Неужели нѣтъ ему защиты? Неужели мы оставимъ его одинокимъ посреди нашего многолюдства? Неужели онъ отданъ на растерзаніе духовныхъ псовъ, на пытки и издѣвательства этихъ разбойниковъ?

„Но зачѣмъ ты говоришь объ этомъ намъ?“—можетъ-быть, спросите вы въ тоскѣ и горести и въ недоумѣніи. „Зачѣмъ?“ Но тогда спросите, зачѣмъ плачетъ любящій сынъ около растерзаннаго отца или матери? Зачѣмъ въ большомъ горѣ, остановивъ плачъ и, повидимому, успокоившись, мы, увидя близкихъ, любимыхъ, намъ сочувствующихъ, молчаливые среди чужихъ, здѣсь, среди своихъ, не можемъ сдержать горести, и слезъ и воплей? Такъ и нынѣ, въ этомъ храмѣ, при видѣ этого множества молящихся, дѣтей и почитателей о. Іоанна, дайте намъ излить свое горе, выплакать свои слезы!

А затѣмъ, въ этотъ день церковно-гражданскаго праздника, хочется чрезъ васъ, черезъ все это великое множество народа, изъ этого храма на всю Россію сказать: О, храните святыню и святыхъ! Берегите ваши духовныя сокровища! Защищайте, отстаивайте ихъ отъ тѣхъ свиней, что топчуть ихъ ногами! Или не знаете, что уста праведныхъ капаютъ премудрость, языкъ же нечестивыхъ погибнетъ? Или не вѣрите, что идѣже видетъ досажденіе, тамо и безчестіе—и это мы видѣли на всѣхъ этихъ усиліяхъ свободы и „освободительнаго движенія“, полного одной злобы и досажденія? Или забываете, что въ благословеніи правыхъ возвысится градъ, а устами нечестивыхъ раскопается? Или перестало быть непреложною истиною, что праведниками держатся царства человѣчскія, что сѣмя свято—стояніе ихъ, что правда возвышаетъ народъ, а умаляютъ племена грѣси?

Или думаете, что если вы избиваете пророковъ, подобно богоубійственнымъ евреямъ, то не останется домъ вашъ пустъ? Или каждый годъ у васъ будетъ новый Іоаннъ Кронштадтскій, что вы не дорожите имъ?

Не унижите вы Бога и святыни, не заплюете неба,—плевки возвратятся на головы плевавшихъ; но сами вы, сами вы—какой отвѣтъ дадите? Что скажутъ о насъ потомки? Какъ справедливо они осудятъ насъ за то, что мы не умѣли и не хотѣли уберечь святого, не защитили, не оградили его оградой и стѣною любви,—и это въ то время, когда живы и среди насъ тысячи имъ исцѣленныхъ чудесно, тысячи имъ возрожденныхъ? Тогда какъ отвѣтимъ мы и Богу, и не свершится ли надъ нами Его правый и страшный приговоръ, что если мы Моисея и пророковъ не слушаемъ, то если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣримъ? Тогда не дошли ли мы до хулы на Духа, за которую одну, по суду даже самой воплощенной Любви, объявившей прощеніе всякой хулы и всякому грѣху, нѣтъ прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей?

Тогда и на землѣ не устоятъ нашему царству, и не жить нашему народу. Любовью къ нашему старцу, молитвою за него, проявленіемъ всенароднаго и общественнаго негодованія къ исчадіямъ „черныхъ вороновъ“ и всякой театральнаго не-

чисти мы должны ополчиться въ защиту нашихъ попираемыхъ святынь.

А вамъ, гнусные хулители, готово пророческое слово того самаго праведника, котораго вы теперь обливаете грязью. Какъ бы въ предзрѣннн скорби, всего три года назадъ, о. Іоаннъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что Ты призвалъ меня въ общеніе Божественной трапезы Твоей, сдѣлалъ меня сотрапезникомъ и собесѣдникомъ Твоимъ, чтобы возлежать какъ бы на персяхъ Твоихъ, или, точнѣе, имѣть Тебя внутри въ персяхъ и въ сердцѣ моемъ. Какой Ты сподобилъ меня чести, какого достоинства, какой любви, какого общенія! Что я Тебѣ за это принесу и что воздамъ, великодаровитый, безсмертный Царь?! Но какое прискорбіе, что служители Твои и сотрапезники Твоей Божественной трапезы нынѣ въ пренебреженіи и поношеніи у людей вѣка сего; какъ они поносятъ священниковъ Твоихъ, и Церковь Твою, и святое слово Твое, которое изрекъ Духъ Святыи! И доколѣ Ты терпишь ихъ, доколѣ не уничтожишь ихъ, уничтожившихъ Тебя, Бога нашего, и не изгладишь имени ихъ изъ числа живыхъ! Да погибнетъ память ихъ съ шумомъ. Буди!“ ¹⁾ Аминь.

Право и правда.*

Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлялъ со мною имѣніе!.. (Лук. XII, 13).

Эта просьба, обращенная къ Іисусу Христу, ярко изображаетъ направленіе жизни и современнаго челоуѣчества. Всегда она на устахъ у людей, всегда она занимала умы и заповняла ихъ интересы. Но она усиливается до степени господствующаго надъ всѣмъ начала, обращается во всеобщее желаніе и даже требованіе въ тѣ времена, когда среди людей плот-

¹⁾ Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ — „Изъ дневника за 1904 годъ“. Стр. 49.

* Слово въ нед. 26-ю по Пятидесятницѣ.

скіе интересы подавляютъ все духовное, когда чрево становится для людей богомъ и всѣмъ управляетъ, когда все у людей измѣряется только животною точкой зрѣнія удовольствія и выгоды. Въ такія времена вышшимъ и единственнымъ благомъ почитается матеріальное благополучіе. Кто не достигъ его, тотъ и не жилъ, тотъ и не человѣкъ: такъ обычно разсуждаютъ люди такого настроенія. Отсюда единственнымъ является усиленное желаніе и требованіе раздѣлить имѣнія и блага земныя поровну, чтобы всѣмъ людямъ дать возможность пожить настоящею жизнью, настоящими людьми... Для достиженія этой цѣли—все считается дозволеннымъ; кровью, насиліемъ, принужденіемъ люди думаютъ придти къ счастью общаго дѣлежа имущества, равнаго ихъ распредѣленія и общаго пользованія. Таково и переживаемое нами время, таково ученіе современнаго идола умовъ и сердець—соціализма. Подъ вліяніемъ этого ученія современное человѣчество какъ бы обращается къ христіанству съ тѣмъ же вопросомъ евангельскаго вопрошателя: „Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлил со мною имѣніе“...

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть разрѣшенъ этотъ вопросъ? И какъ онъ нынѣ разрѣшается?

Нынѣ всѣ надежды возлагаютъ на такъ-называемое *право*: правовой строй, правовое государство, правовыя отношенія,—эти слова такъ и пестрятъ въ современныхъ книжкахъ и газетахъ, повторяются безъ конца и на различные лады въ рѣчахъ и разговорахъ. Право стало новымъ божкомъ, и русскіе люди, изъ тѣхъ, что считаютъ себя образованными и ознакомились хоть немного съ современною ходячею литературой, и въ самомъ дѣлѣ относятся къ правовому строю, какъ къ какой-то новой вѣрѣ, считая отсталыми и врагами общества всякаго, кто усумнится въ святости новаго кумира. Увы, большинство людей, принявъ новое ученіе безъ провѣрки разума и совѣсти, обольстившись обѣщаніями всякихъ грядущихъ благъ, не убѣдятся въ ничтожествѣ его до тѣхъ поръ, пока горькая дѣйствительность и тяжкій опытъ жизни не покажутъ, какъ высоки были умопредставляемые блага отъ одного права, обратившагося въ главное и даже единственное начало жизни,

и какъ низко будетъ практическое осуществленіе его, какъ тяжело будетъ разочарованіе...

Не вчера явилось и придумано право, какъ управитель и направитель жизни. Оно по времени почти втрое старше христіанства. Можно сказать, оно существуетъ съ незапамятныхъ временъ. И никогда оно одно, какъ главная и руководящая сила жизни, не приносило блага людямъ. Оно не оцѣниваетъ интересы людей,—оно ихъ только разграничиваетъ.

Древній Римъ довелъ право до такого совершенства, въ разработкѣ и въ примѣненіи къ государственному и общественному строю, что и доселѣ у него черпаетъ руководящія начала наука права. Однако, по времени пришествія Христова мы видимъ, что право не принесло счастья людямъ; мы не только не видимъ даже простого довольства, мы, напротивъ, видимъ закрѣпленное правомъ насиліе, рабство, слышимъ вопль отчаянія по всей землѣ. Отчего это? Оттого, что право по существу своему можетъ вѣдать только жизнь вѣшнюю, только проявленіе человѣческой духовной жизни, а не самое ея существо, только послѣдствія, а не причины. Оттого, да-лѣе, что право по природѣ своей можетъ дѣйствовать только силою принужденія, а эта сила, предоставленная себѣ, не управляемая ничѣмъ, тотчасъ же обратитъ свою свободу въ насиліе и выродится въ такъ-называемое право сильного, признаваемое поневолѣ и доселѣ на дѣлѣ всякимъ человѣческимъ „правовымъ строемъ“. Право само по себѣ не имѣетъ внутренняго содержанія, оно вынуждено находить его въ чемъ-либо другомъ. Поэтому на войнѣ—одно право, въ мирное время—другое; у одного народа человѣкъ, допустивъ то или другое дѣяніе, дѣйствуетъ по праву; у другого народа то же дѣяніе уже нарушаетъ право. Кровавая месть и многоженство въ одномъ государствѣ разрѣшены правомъ, въ другомъ воспрещены. Беззаконіе, покрытое давностью, правомъ признается, какъ право. Подъ вліяніемъ социализма право—одно, подъ вліяніемъ пропріетизма оно—другое; созданное подъ вліяніемъ обезпеченныхъ классовъ общества и вліятельныхъ людей право будетъ уже не то, какъ созданное людьми бѣдными и угнетенными. Можно ли строить жизнь на столь шаткомъ основаніи? Можно

ли опредѣлять свое поведеніе столь условными правилами? Наконецъ, право даетъ указаніе объ отношеніяхъ нашихъ къ *другимъ людямъ* и ничего не говоритъ объ отношеніяхъ къ *себѣ*: право является дѣломъ общественнымъ, и забываетъ о необходимости устроить духовно-личную жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Но развѣ можно обойти отношеніе къ себѣ? Развѣ можетъ умолкнуть голосъ совѣсти, властно требующій отъ человѣка нравственнаго личнаго возрѣнія? Развѣ не изъ сердца исходятъ помысленія злыя и уже отъ нихъ—убійства, воровство и хулы? Развѣ ненависть и зависть, зложелательство и коварство можно уничтожить правомъ? Развѣ не изъ отдѣльныхъ личностей составляется общество? И можно ли, устрояя домъ изъ дерева, ожидать, что онъ въ концѣ постройки станетъ каменнымъ? Можно ли изъ свинцовыхъ инстинктовъ и побужденій выковать золотое поведеніе? Можно ли поэтому изъ духовно-неустроенныхъ отдѣльныхъ личностей создать благоустроенное общество? И почему дурные въ отдѣльности люди, сошедшись вмѣстѣ и образовавъ общество, станутъ хорошими? Опытъ говоритъ обратное: если сходятся въ общество люди, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности уменъ и хорошъ, то вмѣстѣ они во всѣхъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ каждый, взятый въ отдѣльности. Это—странное и непонятное явленіе, но оно представляетъ живой и наблюдаемый фактъ дѣйствительности.

Итакъ, повторяемъ, можно ли право сдѣлать единственною и главною основой жизни? И можно ли раздѣлить нынѣшнее повальное увлеченіе пресловутымъ правовымъ строемъ? Если же нельзя и не слѣдуетъ отдаваться этому чувству неразумной стадности и повторять принятыя на вѣру положенія, съ виду и теоретически красивыя, а на дѣлѣ непримѣнимыя, то гдѣ же искать опору для самаго права, безусловное основаніе для жизни человѣка?

Основаніе это не въ правѣ—условномъ и созданномъ человекомъ, а въ *правдѣ* безусловной и указанной Богомъ,—въ нравственномъ, а не въ юридическомъ законѣ. Забвеніе этого единственнаго и вѣчнаго основанія для всякаго права и для всякой жизни, во всѣхъ рѣшительно сторонахъ ея и отправ-

леніяхъ, и составляетъ воистину гибельное заблужденіе современныхъ образованныхъ людей и руководителей жизни общественной и государственной. Христосъ Спаситель ясно и вразумительно напоминаетъ намъ о немъ во святомъ евангеліи,—и это въ государствѣ Римскомъ, создавшемъ именно право среди народа еврейскаго, который самое отношеніе свое къ Богу склоненъ былъ постоянно опредѣлять договоромъ, закономъ и правомъ. Къ Иисусу Христу обращается нѣкто съ просьбою: „Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною имѣніе“. Мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, чтобы просившій былъ человѣкъ недостойный, или чтобы просьба его была неосновательна и несправедлива. Совершенно безотносительно ко всему этому Спаситель отказывается исполнить эту просьбу: „Человѣкъ,—говоритъ Онъ,—кто Меня поставилъ судьей или дѣлителемъ между вами?“ Но здѣсь же и немедленно Спаситель переводитъ рѣчь Свою съ правовой точки зрѣнія на нравственную и замѣчаетъ: „Смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его“. И въ самомъ дѣлѣ, если бы не было любостыжанія, если бы человѣкъ измѣрялъ и оцѣнивалъ жизнь свою началами духа, а не плоти, жизнью небесною и вѣчною, а не земною и временною,—то обидчикъ не обижалъ бы, и не было бы обиженнаго; тогда не нужно было бы судить и дѣлить. Съ другой стороны, если такія явленія неизбежны и обида произошла, то и судъ права можетъ быть воспринятъ со смиреніемъ и послушаніемъ. Наоборотъ, какое самое точное право, одно и само по себѣ, безъ воспособленія нравственнаго начала, не будетъ признано обидчикомъ, не будетъ осуществлено иначе, какъ только насиліемъ. Въ разъясненіе своихъ словъ о любостыжаніи Спаситель привелъ притчу о богачѣ, у котораго уродился обильный урожай въ полѣ. Богачъ занялъ былъ мыслью, куда дѣвать ему урожай; онъ предполагалъ разорить житницы свои и построить новыя, сложить въ нихъ всѣ свои запасы хлѣба и сказать душѣ своей: „душа, много добра у тебя на многіе годы, почивай, ѣшь, пей, веселись“. Пусть подвергнутъ этого богача суду права! Онъ по этому суду правъ совершенно! Вѣдь онъ распоряжается сво-

имъ... Не за что его укорить, не за что его назвать безумнымъ. Но судъ нравственный говоритъ ему о вѣчной жизни, о необходимости богатѣть не въ себя, а въ Бога... И по этому вѣчному суду, стоящему выше всякаго права и собою освѣщающаго и осмысливающаго всякое право, богачъ названъ безумнымъ и осужденъ. Холодно и безпріютно было бы въ жизни, если бы всюду царило одно право, и имъ только, а не свыше, оцѣнивалась и получала свое содержаніе правда. Что было бы въ семьѣ, если бы отношенія отца, матери, братьевъ и сестеръ опредѣлялись правомъ, — юридически, а не нравственно? Мы увидѣли бы развалъ семьи. Что дѣлать съ правомъ человѣку по отношенію къ себѣ самому? Этотъ вопросъ навсегда останется безъ отвѣта. Но и въ общественной и государственной жизни, какъ мы видѣли въ притчѣ о любостязательномъ богачѣ, одно право, какъ разграниченіе и распредѣленіе интересовъ, недостаточно безъ оцѣнки этихъ интересовъ, а эту оцѣнку даетъ только правда, свыше и отъ Бога сходящая и указуемая. Иначе, и рабство тоже было бы правомъ, и поскольку право опредѣляетъ правду, оно же и было бы правдою. И сила была бы правомъ, отсюда же и насиліе, жестокость на войнѣ, безжалостность къ должнику, обманъ, воровство, любодѣяніе и пр., — все это было бы правомъ сильнаго, умнаго, здороваго человѣка и правомъ борьбы за существованіе. Оттого выходило не разъ, по древнему присловью, что высочайшее и бесспорно признаваемое по формѣ право было величайшею и вопіющею несправедливостію по существу.

Неужели, спросятъ, эта истина не очевидна для науки? На это отвѣчаемъ, что только самозванцы науки, ея ложные служители, затмившіе совѣсть сатанинскими желаніями замутировать жизнь людей и заполнить ее кровью, могутъ ссылаться на науку въ защиту одного права и въ отрицаніи нравственнаго начала. Это — лжеименная наука, это — мудрость душевная и бѣсовская, по выраженію апостола, мудрость пагубная для міра.

Истинная наука нынѣ совершенно отрицаетъ тѣ крайнія, якобы научныя, ученія, которыя въ послѣдовательномъ своемъ развитіи приводятъ неизбѣжно къ разрыву права и правды,

къ отрицанію всякой связи разграниченій интересовъ человѣка съ нравственной ихъ оцѣнкой. Такія ученія обращаютъ жизнь людей въ жизнь скотовъ. Истинная наука не обособляетъ права отъ нравственности ¹⁾. Она не можетъ въ разграниченіи интересовъ человѣка не считаться съ нравственною ихъ оцѣнкой, а нравственную оцѣнку она не можетъ опредѣлить условною человѣческою истиною: для сего долѣтъ только истина Божественная.

Все это должно помнить нашему времени и современнымъ людямъ въ ихъ нездоровомъ увлеченіи и желаніи дать устройство жизни и счастье человѣческому обществу на основѣ только права. „Вся вамъ любовью да бываютъ“, „никому не будьте должны ничѣмъ, кромѣ любви“, „терпяще другъ другу любовь“, „честію другъ друга больши творяще“, „другъ друга тяготы носите“,—всѣ эти завѣты и вѣчные законы жизни непонятны и невозможны для права. Но безъ нихъ невозможна жизнь истинно-достойная, истинно-человѣческая. Русскій народъ нашъ, воспитанный въ теченіе тысячелѣтій закономъ вѣры Христовой, чистымъ ученіемъ православной Церкви, наученъ все оцѣнивать во свѣтѣ совѣсти, ему чуждо холодное, жесткое и языческое начало права, столь усердно навязываемое ему нынѣ и въ просвѣщеніи научномъ, и въ строеніи государственномъ, въ направленіи законодательства, въ воззрѣніяхъ на власть. Здравое нравственное чувство, руководимое святою вѣрою, не дастъ ему увлечь себя на путь, невѣдомый ему на всемъ протяженіи его тысячелѣтной исторіи.

Духъ животворить, буква убиваетъ! Аминь.

¹⁾ Проф. Коркуновъ: *Общ. теор. права*, стр. 41; ср. Щеглова: *Право и нравственность* и Ревенкампа—сочиненіе того же названія.

Свѣтъ разума.*

Веліей благочестія *тайной* называетъ слово Божіе явленіе Христа во плоти; даже то, какъ Онъ проповѣданъ въ народахъ, принять вѣрою въ мірѣ и вознесся во славу,—и это все апостолъ называетъ тайною безспорною (1 Тит. III, 16), сокрытою отъ вѣковъ и родовъ (Кол. I, 26). И, конечно, ни твореніе міра, ни всѣ чудеса Промысла, ни дивныя и несказанныя явленія природы, какъ проповѣдь всемогущества и премудрости Творца,—ничто не можетъ сравниться съ величіемъ той тайны, непонятной, непостижимой, поражающей, которую мы нынѣ воспоминаемъ и воспѣваемъ любопытствующими чинми, въ полнотѣ духовной всеобъемлющей и всемірной радости: ничто не можетъ сравниться по величію и таинственности съ тайною воплощенія Божества, съ тайною Еммануила, съ тайною Богочеловѣчества.

А между тѣмъ, что мы слышимъ нынѣ отъ святой Церкви? Предъ нами тайна,—а Церковь воспѣваетъ радостно и торжественно: Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови *свѣтъ разума*, т. е. познанія (γνῶσις). Онъ увѣряетъ насъ: Господу Иисусу рождшуся отъ Святыя Дѣвы, просвѣтитися всяческая (стих. 2-я на Госп. возз.); Свѣтъ намъ возсія, Христе Боже, Твое пришествіе (стих. 3-я). Она напоминаетъ намъ предсказаніе древняго пророка: наполнися вся земля познати Господа, яко водѣ мнозѣй покрыти моря (парем. прор. Ис. гл. XI), и это познаніе относитъ къ Рождеству Христову. И въ доказательство и въ знаменіе такого познанія Церковь указываетъ намъ нынѣ на пастырей и волхвовъ, наконецъ, на весь міръ, въ которомъ, послѣ вочеловѣченія Христова, многобожіе идоловъ упразднилось (на Госп. возз. Кассіино).

Какъ совмѣстити здѣсь тайну и познаніе, покровъ неприцѣпаемости и свѣтъ всемірный и всѣмъ доступный?

* Слово въ праздникъ Рождества Христова. Сказано въ храмѣ Христа Спасителя 25 декабря, при священнослуженіи митрополита.

Отвѣтъ одинъ: тайна, дѣйствительно, непостижимая, но, принятая вѣрою, она не только не противорѣчитъ разуму, напротивъ, она его расширяетъ, возвышаетъ его силы и дѣлаетъ способнымъ вмѣстить и уразумѣть то, чего онъ познать своими естественными силами не въ состояніи; она все осмысливаетъ и все озаряетъ высшимъ свѣтомъ. Безъ н я все—мракъ, все—безмыслица, все—неповятно. Съ нею—все ясно, все открыто, все исполнено смысла и въ настоящемъ, и въ вѣкахъ минувшихъ и грядущихъ. Вѣдь и природа—тайна, и наше рожденіе—тайна: но родившись и вошедши въ жизнь, мы имѣемъ предъ собою обширное поле дѣятельности, и живемъ и работаемъ, не задумываясь надъ тайной жизни, не останавливая своей дѣятельности изъ-за того только, что входъ нашъ къ ней и исходъ изъ нея покрыты облакомъ таинственности. И свѣтъ вокругъ насъ—тайна природы. Но когда глаза наши здоровы и воспринимаютъ свѣтъ, мы при помощи глазъ видимъ все окружающее, различаемъ и оцѣниваемъ предметы,—и сохраняемъ свою жизнь, продолжаемъ свою работу, не бросаемъ ее изъ-за того, что не знаемъ, откуда свѣтъ, откуда глазъ и какъ это происходитъ и случается такъ, что мы видимъ...

И тайна вочеловѣченія Божества—такая же все осмысливающая тайна. Съ нами Богъ, и мы съ Богомъ. Богъ вочеловѣчился, и человѣкъ какъ бы обожился и „сдѣлался причастникомъ Божественнаго естества“ (2 Петр. I, 4). Богъ съ неба сошелъ на землю, и человѣкъ съ земли восходитъ на небо.

Всегда жила въ человѣкѣ жажда познать истину, соединиться съ Богомъ, Его волю узнать, Его откровеніе слышать. Но онъ былъ въ познаніи Бога и Его истины подобенъ слѣпому, и слѣпой вѣдь движется, ищетъ и находитъ предметы. осязаетъ ихъ; однако, онъ не имѣетъ представленія о мірѣ. Откройте ему глаза, исцѣлите слѣпоту, дайте ему яркій свѣтъ, и онъ увидитъ все вокругъ, и онъ пойметъ соотношеніе предметовъ и явленій, онъ представитъ себѣ все ясно. Но если человѣкъ былъ нѣкогда зрячимъ, а потомъ въ дѣтствѣ потерялъ зрѣніе, то онъ о многомъ хранитъ воспоминаніе, кое-что себѣ представляетъ. Съ годами его представленія сглаживаются

и тускнѣютъ, онъ не такъ представляетъ вещи, онъ забываетъ ихъ очертаніе, величину, разстояніе и проч. Тѣмъ большая у него тогда жажда вновь увидѣть свѣтъ, вновь имѣть предъ собою открытымъ міръ. И люди въ познаніи истины, въ познаніи смысла жизни, въ жаждѣ общенія съ Богомъ были именно въ такомъ положеніи: человѣчество на зарѣ своей жизни знало Бога во Эдемѣ, слышало Его заповѣди, разумѣло смыслъ жизни, разумѣло смыслъ всего сущаго. Но грѣхомъ и преступленіемъ оно изгнано изъ Эдема, и пошло въ затмѣніи духовныхъ очей своихъ блуждать по міру, ошупью находя истину, прислушиваясь къ каждому слову, которое обѣщало ему познаніе истины и увлекало ложными огнями и обманчивыми звуками. Только хранило оно въ тусклыхъ воспоминаніяхъ образъ истины, и искало всюду Бога.

И вотъ, явились *звѣздамъ служащіе*, и кланявшіеся имъ, какъ Богу (*Астрейсовцы*)—это мудрецы-волхвы Востока, испытывавшіе и вопрошавшіе природу, изучавшіе небо и землю и, въ жаждѣ богопознанія, пришедшіе къ обоготворенію свѣтилъ небесныхъ. И вотъ, явились на Западѣ, въ мудрой Греціи и въ могущественномъ Римѣ, люди, обоготворявшіе людей подъ видомъ всевозможныхъ измышленныхъ божествъ, мнимая жизнь которыхъ была изукрашена всевозможными сказаніями, самыми поэтическими, самыми захватывающими, красивыми и восхитительными. И вотъ, явилось въ мірѣ многобожіе идоловъ. Въ годъ рожденія Спасителя въ одномъ Римѣ было десять тысячъ боговъ и безмѣрное количество идоловъ.

Одно ли заблужденіе было во всѣхъ этихъ религіяхъ? Нѣтъ, въ нихъ было нѣчто истинное: здѣсь воспоминаніе о бывшемъ блаженствѣ, о близости къ Богу, здѣсь вѣковѣчное и неистребимое стремленіе къ Божеству, къ соединенію съ Нимъ, здѣсь жажда и ожиданіе, что всѣ опять научены будутъ Богомъ (Ис. LIV, 13; Іер. XXXI, 34); здѣсь сознаніе человѣкомъ своей немощи, исканіе высшей помощи.

Въ отвѣтъ на эти исканія, когда пришло исполненіе времени, уреченное въ Божественномъ Промыслѣ, послалъ Богъ Сына Своего Единороднаго, рождаемаго отъ жены, да вси всыновленіе примемъ (Гал. IV, 4—5); открылась, наконецъ,

тайна соединенія человѣка съ Богомъ и воплощенія Божества. Вы, волхвы, искали Бога въ звѣздахъ и физическій свѣтъ ихъ принимали за озареніе истины. Нѣтъ, Богъ превыше этого, вы тварь приняли за Творца. Онъ послалъ вамъ звѣзду и, ея ведомые, вы звѣздою учились и пришли не къ звѣздѣ, а къ солнцу правды, и не къ востоку физическому, предъ которымъ вы, какъ предъ источниковъ свѣта, благоговѣли, а къ вѣчному и вышнему Востоку и Источнику Свѣта—Христу.

Вы, мудрые эллины, обоготворили человѣка, вы по смутному чутью говорили о безчисленныхъ воплощеніяхъ Божества, вы въ исканіи Божества населили всю природу, горы, лѣса, рѣки и озера, мнимыми богами, вы хотѣли въ идолахъ ихъ приблизить къ себѣ и сами къ нимъ приблизиться. Чутье у васъ было вѣрное, но путь къ Богу и Истинѣ избранъ невѣрный! Да, есть Господь, но Господь Единый; да, Онъ, чтобы спасти человѣка, возжелалъ соединиться съ нимъ, и нынѣ, какъ Еммануилъ, соединился; да, весь міръ—Его царство всѣхъ вѣковъ и владычество во всякомъ родѣ и родѣ; да, Онъ приблизился къ намъ и насъ къ Себѣ приблизилъ.

Велія Твоя милость, Господи, слава Тебѣ!

Придите же, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе: вотъ средостѣніе между Богомъ и людьми разрушилось; вотъ пламенное оружіе плещи даетъ и херувимъ отступаетъ отъ древа жизни; вотъ открытъ входъ къ этому древу вѣчной жизни, и мы райской пици причащаемся, отъ которой были изгнаны преслушанія ради...

Что же? Неужели исцѣленные отъ слѣпоты люди вновь пойдутъ къ мраку? Неужели для того двадцать вѣковъ сіялъ свѣтъ разума и познанія въ мірѣ, чтобы люди возлюбили болѣе тьму, нежели свѣтъ? Неужели опять мы будемъ переживать и раздѣлять древнія заблужденія, и кланяться звѣздамъ, и обоготворять человѣка и ползать, и пресмыкаться въ прахъ предъ идолами?

Да, высокая тварь—человѣкъ! Но чѣмъ съ большей высоты падаешь, тѣмъ сильнѣе расшибешься. Высокая тварь—человѣкъ, но пасть можетъ низко. И нынѣ видимъ среди людей возстаніе на Божество. И нынѣ слышимъ въ новыхъ ученіяхъ, осо-

бенно въ безбожномъ социализмѣ, призывы поклоняться одной природѣ и цѣнить только матеріальное благо. И нынѣ горделивый умъ человѣка въ ослѣпленномъ безуміи выдаетъ за боговъ и идоловъ свои жалкія созданія въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественномъ устроении, въ государственномъ строительствѣ.

Онъ мечтаетъ создать такой строй жизни, такой укладъ „новаго государства“, въ которомъ не нужно будетъ богочеловѣческое общество, въ которомъ религиозно-нравственное начало будетъ упразднено, въ которомъ Божественное и человѣческое разобщены будутъ навѣки. Правдой будетъ не то, что указано Богомъ, а то, на чемъ согласится большинство людей или ихъ выборныхъ представителей. И люди, будто бы, будутъ счастливы, когда заживутъ такую правдой.

Что же? Пусть не смущаетъ все это вѣрныхъ, пусть не омрачается радость праздника. Вѣдь и у Христовыхъ яслей пѣли ангелы, благоговѣла Марія, трепеталъ и вѣровалъ Іосифъ, поклонялись пастухи, приносили дары мудрые цари-волхвы. Но животныя у яслей ѣли сѣно, овцы пастырей собирали траву и корни, а Иродъ спалъ, а Виелеемъ безмолствовалъ, а Іерусалимъ не вѣдалъ совершившагося. Но міръ просвѣтился отъ яслей Христа, а не отъ дворца Иродова; но человѣчество нашло счастье и истину въ христіанствѣ и въ смиренной вѣрѣ волхвовъ-пастырей, а не въ горделивой мудрости іерусалимскихъ книжниковъ и эллинскихъ мудрецовъ,

Придите, вѣрніи! Свѣтъ намъ возсія въ Христовомъ прішествіи, и свѣтъ познанія озарилъ наши умы и сердца чрезъ Рождество Христово. Знаемъ Бога, знаемъ Его законъ, знаемъ путь жизни, знаемъ, что добро и зло, знаемъ, что должно намъ устроить царство человѣческое такъ, чтобъ оно было царствомъ Божиимъ, знаемъ, что тайна боговоплощенія есть тайна богочеловѣческаго общества на землѣ, переходящаго въ вѣчную жизнь на небѣ.

Видѣхомъ Свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа Небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную.

Велія Твоя милость, Господи, слава Тебѣ! Аминь.

Тайна Боговоплощенія.*

„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Не старѣетъ вѣчное. Не старѣютъ и эти слова евангелія въ сознаніи людей. Каждый годъ въ свѣтлый нынѣшній праздникъ съ особою силою ударяютъ они въ слухъ и совѣсть людскую. Что же такое случилось? Что особенное произошло, отчего излились на землю величайшія блага духовныя, указанные въ приведенныхъ словахъ, воспѣтыхъ ангелами въ глубокую ночь у вилеемскихъ яслей новорожденного Христа?

Совершилось Боговоплощеніе, открылась тайна Богочеловѣчества. Мало мы вдумываемся въ эту тайну, мало проникаемъ въ глубокое, неизмѣримое значеніе ея въ жизни христіанскаго общества. А между тѣмъ, исполненіе ея явилось гранью двухъ міровъ—древняго и новаго; со времени Боговоплощенія исторія человѣчества, какъ бы отъ поворотнаго пункта, движется по совершенно иному руслу.

Съ тѣхъ поръ, какъ помнить себя человѣкъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія, во всѣхъ пережитыхъ формахъ жизни своей, онъ стремился въ мысли, въ чувствахъ, въ образѣ приблизить и исповѣдать великое таинство Богочеловѣчества. Только при свѣтѣ этой мысли понятны становятся всѣ проявленія духовной жизни древняго человѣчества: величественныя храмы, безчисленныя жертвы, высокая напряженность религиозныхъ интересовъ, которая сквозитъ въ каждой строчкѣ завѣщанныхъ намъ древностью памятниковъ письменности; сказанія о постоянныхъ сошествіяхъ Божества на землю и т. п. Человѣкъ не удовлетворялся одною только естественною жизнью, онъ томительно искалъ приближенія къ Божественному началу и соединенія съ нимъ. Безъ этого онъ не представлялъ возможности осмысленнаго существованія. Не въ одной религіи проявлялись эти исканія: имъ служила философія, литература,

* Ст. на Рождество Христово.

народныя сказанія—въ сферѣ жизни человѣческой. Только этимъ внутреннимъ подготовленіемъ можно объяснить себѣ, что христіанство въ концѣ-концовъ, несмотря на гоненія, было принято лучшими людьми и народами міра: оно отвѣчало тайнымъ запросамъ человѣческой души, которая—по природѣ христіанка. Ничто не могло удовлетворить человѣка безъ богообщенія. Философія, вслѣдствіе противорѣчивыхъ выводовъ, пришла въ древнемъ мірѣ въ концѣ-концовъ къ мрачному сомнѣнію во всемъ, этой страшной попыткѣ духа человѣческаго на самоубійство; на Западѣ внѣшнее устроеніе жизни на основѣ права вылилось въ форму государства Римскаго, все побѣдившаго и все подавившаго. Но что же дальше? И къ чему все это? Вотъ роковые вопросы, безъ отвѣта на которые теряла смыслъ величественная имперія, теряла смыслъ и жизнь и вся исторія человѣческая. Нравственное начало отсутствовало въ созданіяхъ людей; этого начала не могла дать философія при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могло дать и государственное законодательство. А безъ него не было души въ жизни людей.

Но вотъ совершилась тайна вочеловѣченія Божества. Отнынѣ въ лицѣ Богочеловѣка соединилось навѣки Божественное начало съ человѣческимъ. Тайна эта приѣмлется вѣрою, хотя и не противорѣчитъ разуму. Но разъ воспринятая вѣрою, она совершенно преобразуетъ жизнь людей: ибо, какъ бы по образу и подобию Богочеловѣка, *создается среди людей богочеловѣческое общество*. Жизнь такого общества представляетъ свободное согласованіе Божественнаго и человѣческаго начала. Отнынѣ благородныя усилія человѣческой мысли и исканія истины, возвышенные запросы совѣсти и исканія пути жизни, святая и неистребимая въ человѣкѣ жажда вѣчности,—все это находитъ отвѣтъ и удовлетвореніе въ Томъ, Кто сказалъ о Себѣ: „Я есмь Путь и Истина и Жизнь“. Такъ христіанство возрождаетъ человѣчество, проникая не только въ личныя, но и въ общественныя отношенія. Ничто истинно-человѣческое здѣсь не подавляется: напротивъ, оно получаетъ высшій смыслъ и высшее освященіе въ Божественномъ началѣ. Теперь и государство, какъ высшая изъ формъ общественной жизни, ста-

новится *христіанскимъ* и находитъ для себя истинную цѣль и смыслъ существованія: оно служитъ царству Божію, оно не можетъ отказаться отъ нравственныхъ задачъ. „Въ христіанскомъ государствѣ,—пишетъ одинъ изъ глубокихъ мыслителей русскихъ, покойный Влад. Соловьевъ,—находится все то, что было въ государствѣ языческомъ, но все это получаетъ иное значеніе, обновляется въ духѣ истины. Есть въ христіанскомъ государствѣ господство, но господство не во имя своей силы, а во имя общаго блага и согласно указаніямъ церковнаго ученія. Есть въ христіанскомъ государствѣ подчиненіе, но не изъ рабскаго страха, а по совѣсти и добровольно, ради того общаго дѣла, которому одинаково служить и повелитель, и подданные. Существуютъ въ христіанскомъ государствѣ права, но права, вытекающія не изъ безграничности человѣческаго эгоизма, а изъ нравственной безконечности человѣка, какъ существа богоподобнаго. Есть въ христіанскомъ государствѣ законъ, но не въ смыслѣ простаго узаконенія дѣйствительныхъ отношеній, а въ смыслѣ ихъ исправленія по идеямъ высшей правды. Есть въ христіанскомъ государствѣ верховная власть, но не какъ обоготвореніе человѣческаго произвола, а какъ особое служеніе волѣ Божіей. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель всѣхъ правъ, какъ языческой кесарь,—онъ, главнымъ образомъ, есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества по отношенію Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ“.

Не ясно ли, что и теперешніе споры о существѣ верховной власти, съ этой христіански-возвышенной точки зрѣнія, являются праздными? Христіанинъ не иначе можетъ смотрѣть на верховную власть, какъ на посольство отъ Бога, какъ на ограниченную только закономъ совѣсти, но не какъ на проявленіе и посольство пресловутой, но не существующей въ дѣйствительности народной воли. То, что принято теперь называть народовластіемъ,—конституціей, парламентаризмомъ,—все это отъ язычества, отъ правового начала, а не отъ христіанства, не отъ силы нравственной.

Государство въ древнее время было все, но, какъ самодовлѣющее, оно было бессмысленно; христіанство возвысилось

надъ государствомъ и этимъ дало ему смыслъ и значеніе; „чѣмъ выше солнце надъ землею, тѣмъ болѣе оно освѣщаетъ и согрѣваетъ землю“.

То, что сказано о государствѣ, нужно примѣнить и къ обществу. Даже болѣе: общество собственно создано христіанствомъ. Пока государство было все, общество было ничто и не могло существовать. Но если государство въ христіанствѣ одухотворяется чрезъ служеніе высшимъ религіознымъ интересамъ и притомъ чрезъ *свободное* служеніе, то чрезъ это уничтожаются рабы государства, силы общества становятся свободными и стремятся къ воплощенію въ своей жизни не внѣшнихъ цѣлей царства человѣческаго, а внутренняго соучастія въ царствѣ Божіемъ.

Такъ созидается богочеловѣческое общество.

Задача его жизни—свободное воплощеніе Божественнаго начала, ибо Христа-Богочеловѣка нужно принять и внѣшнимъ, и внутреннимъ образомъ. Это внутреннее принятіе Христа, это свободное усвоеніе Его евангелія,—а инымъ оно быть не можетъ, ибо все принудительное и внѣшнее не можетъ быть названо нравственнымъ,—требуетъ постепенности и времени. Вотъ почему мы не должны отчаиваться или сомнѣваться въ истинности и приложимости великаго благовѣстія ангеловъ, воспѣтаго въ часъ рожденія Богочеловѣка. И истинная слава Истинному Богу на небѣ, и миръ на землѣ—мирное сближеніе народовъ, и благоволеніе въ человѣкахъ—устроеніе общественныхъ отношеній по христіанскому идеалу: все это воплощается въ исторіи постепенно, какъ результатъ, съ одной стороны, Божественнаго воспитанія и руководства, съ другой стороны—свободнаго стремленія и дѣятельности всѣхъ силъ и способностей человѣческой души. То, что сдѣлано, ручается за то, что будетъ сдѣлано. А въ смыслѣ проясненія религіозныхъ стремленій, въ смыслѣ очищенія и облагороженія человѣческихъ отношеній христіанствомъ сдѣлано такъ много, что въ этомъ не можетъ сомнѣваться ни одинъ самый озлобленный врагъ христіанства. Нашъ русскій народъ, создавшій общественную и государственную жизнь подъ вліяніемъ христіанства, пришедши къ нему изъ первобытнаго язычества,

обоготворявшаго плоть и возводившаго страсти въ кумиры, наглядно убѣдился въ томъ, какъ христіанство укрощало звѣря въ человѣкѣ, какъ оно смягчало нравы, прививало новыя понятія. Царство Божіе, дѣйствуя въ человѣчествѣ, проникаетъ въ него постепенно, какъ закваска въ тѣсто: это неподобный и вѣковѣчный евангельскій образъ. Онъ понятенъ и утѣшителенъ особенно въ такіе великіе дни, какъ нынѣшній, когда сердце невольно смущается при созерцаніи идеала христіанства въ сравненіи съ наличною дѣйствительностью жизни.

Онъ бодритъ, онъ властно ударяетъ въ совѣсть и вызываетъ на бодрую и непрестанную работу всѣ лучшія и благороднѣйшія силы человѣка. Не жалкое отчаяніе, не бессмысленныя попытки замѣнить евангельскія начала иными, вродѣ справедливости, которую хотѣлъ бы поставить недавно умершій писатель (Золя въ романѣ „Парижъ“) на мѣстѣ христіанскаго милосердія, не безумно-жесткое ученіе о сверхъ-человѣкѣ и переоцѣнкѣ всѣхъ нравственныхъ цѣнностей и не современныя увлеченія пресловутымъ „правовымъ строемъ“ или социалистическими мечтаніями о счастья людей, пригодномъ для скотовъ,—не это спасетъ человѣка и выведетъ его на путь „обновленной“ и просвѣтленной жизни: путь указанъ въ Боговоплощеніи и идеалѣ богочеловѣческой жизни. Нравственныя болѣзни вѣка и нестроенія жизни,—все это оттого, что мы отклоняемся отъ этого идеала, измѣняемъ ему; оттого, что людьми забываются великія и вѣчныя слова ангельскаго пѣснопѣнія, нынѣ потрясающаго и умиляющаго всѣ вѣрующія сердца: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“!

Духовная жажда молодежи.*

Даждь дождь земли жаждущей, Спасе!

Молитва эта мало известна жителямъ городовъ. Но у тѣхъ, кто выросъ въ деревнѣ вмѣстѣ съ народомъ, знаетъ народныя радости и скорби,—у насъ она будить всегда воспоминанія о трогательныхъ моментахъ подъема народной вѣры. Вотъ, въ знойное лѣто долго-долго стоятъ жаркіе, палящіе дни; земля растрескалась; дышать нечѣмъ, вѣтеръ не освѣжаетъ измученнаго жаромъ лица, а еще болѣе какъ бы обжигаетъ; высохли ручьи, обмелѣли рѣчки. Въ воздухѣ пыль; она сѣрымъ налетомъ покрываетъ все вокругъ. Деревья безсильно опустили листья, молодые нѣжные побѣги увяли, пожелтѣла иссыхающая трава, въ полѣ на нивахъ хлѣбъ стоитъ, какъ обреченный на смерть. Грозный призракъ неурожая и голода тревожно носится предъ народомъ, мучить сердце, заставляетъ съ ужасомъ задумываться надъ будущимъ. И вотъ, въ такую мучительную пору унынія и страха исходитъ народъ на общее моленіе въ поля. Несутъ изъ храма святыни, поютъ молитвы, но среди всѣхъ моленій одно вызываетъ слезы, одно заставляетъ биться сердца и ницъ до праха земного, до травы пожелтѣвшей и иссохшей склоняетъ главы богомольцевъ: „даждь дождь земли жаждущей, Спасе!“ Рѣдкій священникъ сельскій не переживаетъ въ своей жизни чуднаго событія: во время такой молитвы вдали на небосклонѣ поднимается тучка, она идетъ, растетъ, близится, въ ней вспыхиваютъ молніи... Тишина... Порывъ влажнаго вѣтра,—и дождь благодатный проливается надъ жаждущей землей. Стоишь съ народомъ: вода съ тебя стекаетъ ручьями, течетъ по облаченію, промокаешь насквозь. Но свѣтло и радостно на душѣ, идешь бодрый и за тобою слѣдуетъ народъ въ храмъ, какъ въ свѣтлый Христовъ праздникъ...

* Рѣчь при открытіи Златоустовскаго религіозно-философскаго кружка молодежи въ г. Москвѣ 30-го декабря 1907 г. Сказана при священнослуженіи Высокопреосвященнаго Владимира, митрополита Московскаго.

Пронеслось надъ родиной нашей знойное дыханіе разнузданныхъ страстей, промчалось, прошумѣло революціонное движеніе. Давно оно подготовлялось, не кончилось и нынѣ, а только видоизмѣнилось. Одно въ немъ было и остается постояннымъ и неизмѣннымъ: это желаніе обезвѣрить народъ, потрясти основы церковности, осмѣять всѣ религіозныя авторитеты. Падкою и слабою оказалась, конечно, прежде всего молодежь. И видѣли мы блудныхъ сыновъ нашего времени въ такомъ множествѣ, что, казалось, все погибло; слышали мы изъ устъ ихъ насмѣшки надъ всякими религіозными воззрѣніями, надъ всякими религіозными заповѣдями и обязанностями. Иссохли въ нашей молодежи источники живой воды отъ зноя злобы, поникли души, уныли сердца, долу, къ землѣ, приклонились всѣ интересы, дыханіемъ бурнымъ, пламенемъ ада, обожжены были сердца молодежи.

Однако, не нужно было быть пророкомъ, чтобы знать напередъ, что пустота скоро начнетъ томить молодежь, что злобою сердце питаться устанетъ, что вѣчные и благородные запросы духа властно заговорятъ въ молодыхъ людяхъ и потребуютъ удовлетворенія. Но и въ отвѣтъ на проснувшуюся жажду религіознаго вѣдѣнія сыны погибели и соблазнители юношества уготовали пищу по роду своему: атеистическія сочиненія, насмѣшки надъ Церковью и церковностью, оправданіе революціи евангелиемъ, а социализма—ученіемъ и примѣромъ жизни Христа, искаженіе истины христіанской,—вотъ что услышала молодежь въ различныхъ обществахъ христіанской борьбы, въ книжкахъ, проповѣдующихъ въ невозможномъ сочетаніи „христіанскій социализмъ“, „церковь будущаго“, условную мораль и проч., и проч. Это не благодатная туча, которая напоить жаждущія души; это—только пустыя облака, безводныя, носимыя вѣтромъ; осеннія деревья, безплодныя, дважды умершія, исторгнутыя; свирѣпыя морскія волны, пѣнящіяся срамотами своими; звѣзды блуждающія, которымъ блюдется мракъ тьмы на вѣки (Іуд. 12—13).

Такъ писалъ о подобныхъ учителяхъ святой апостоль Іуда. Онъ же указываетъ и вѣрный путь къ источникамъ воды живой и оживляющей на вѣки. Послушаемъ слово его,—

вѣдь вашъ кружокъ будетъ часто читать Священное Писаніе. Послушаемъ слово апостола, оно такъ примѣнимо къ нынѣшнему собранію: „Возлюбленные, имѣя все усердіе писать вамъ объ общемъ спасеніи, я почелъ за нужное написать вамъ увѣщаніе *подвизаться за вѣру, однажды преданную святымъ*. Ибо вкралась нѣкоторые люди, нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству и отвергающіе Единого Владыку Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Я хочу напомнить вамъ, что Господь, забавивъ народъ изъ земли Египетской, потомъ невѣровавшихъ погубилъ. И ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства, соблюдаетъ въ вѣчныхъ узакъ на судъ великаго дня. Какъ Содомъ и Гоморра..., такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти. Они идутъ путемъ Каиновымъ. Это—ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ; уста ихъ произносятъ надутыя слова. Это—люди, отдѣляющіе себя отъ единства вѣры, не имѣющіе духа. А вы, возлюбленные, назидая себя на святѣйшей вѣрѣ вашей, молясь Духомъ Святымъ, сохраняйте себя въ любви Божіей, ожидая милости отъ Господа нашего Иисуса Христа, *для вѣчной жизни*“ (Ст. 3—21).

Вы видите: все, что произошло, не ново. И намъ радостно, что собирается кружокъ молодыхъ людей, въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ пожелавшихъ подвизаться за вѣру, однажды преданную святымъ, назидать себя на святѣйшей вѣрѣ нашей. Это все вы найдете въ Церкви, и вы не ошиблись, когда поставили во главу и основу своего содружества православное ученіе вѣры и жизни и руководство святой Церкви.

Даждь дождь этой землѣ жаждущей, Спасе! Вѣрьте, друзья, что благодатнымъ и спасительнымъ дождемъ прольется надъ душами вашими слово Божественнаго Откровенія и ученія святоотеческаго. Вѣрьте, что ни одинъ часъ вашихъ занятій не останется для васъ бесплоднымъ. И дай Богъ вашимъ Руководителямъ вмѣстѣ съ вами увидѣть и испытать токи духовнаго дождя и видѣть души ваши напоенными, и съ вами вмѣстѣ праздновать свѣтлый праздникъ духовныхъ дарованій подъ кровомъ Церкви Божіей. Вы поручили себя небесному

покровительству святого Іоанна Златоустаго. Пусть стоит у васъ предъ духовными очами этотъ великій святой, великій мыслитель, пастырь, проповѣдникъ и толкователь богооткровеннаго слова Божія. Въ знаменованіе же его присутствія съ вами и небесной помощи примите въ благословеніе этотъ святой образъ Златоустаго вселенскаго учителя. Аминь.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

1908 г.

Средства и цѣли.*

Умоляемъ васъ, братіе, щедротами
Божіими не сообразоваться вѣку сему.
(Римл. XII, 1—2.)

Едва ли найдется въ минувшей исторіи другое время, когда бы человѣчество жило такъ напряженно, какъ въ наши дни, когда бы оно такъ быстро мѣняло направленія мысли, выводы философіи, воззрѣнія нравственныя, теоріи научныя, ученія государственныя и соціальныя. Трудно исчислить всѣ эти вѣянія въ области умственной жизни современныхъ людей, если имѣть въ виду всѣ мельчайшіе, часто непримѣтные отѣнки въ той или другой философской школѣ или научной теоріи; еще труднѣе указать безошибочно то изъ нихъ, которое можно признать главнымъ и основнымъ не въ количественномъ отношеніи внѣшняго успѣха, а въ качественномъ отношеніи внутренняго всесторонняго вліянія на жизнь: трудно подмѣтить таинственное біеніе пульса исторической жизни человѣчества. Остановимся, однако, на томъ, что, по крайней мѣрѣ, болѣе всего бросается въ глаза и что большинствомъ признается за характеристическую черту нашего времени: это, безъ сомнѣнія, прежде всего огромный матеріальный прогрессъ, развитіе точныхъ наукъ, изученіе силъ природы и подчиненіе ихъ человѣческому генію,—все то сложное воздѣйствіе чело-вѣка на окружающую его среду, въ зависимости отъ развитія, обогащенія и совершенствованія духовной жизни чело-вѣка, ко-

* Слово въ день новаго 1908-го года.

торое теперь принято называть общеупотребительнымъ и широкимъ по значенію словомъ: культура. Культурные успѣхи минувшаго вѣка не подлежатъ сомнѣнію. Рядомъ съ этимъ явленіемъ и въ связи съ нимъ мы видимъ страстное увлеченіе вопросами государственнаго и общественнаго строительства, цѣлый рядъ государственныхъ теорій, которыми и созданъ современный идолъ — такъ - называемое культурно - правовое государство.

Было время, мыслящіе классы Европы охвачены были глубоко и воодушевленною вѣрою въ силу и непрестающее значеніе успѣховъ культуры: и мнилось, что нѣтъ больше тайнъ для человѣка, что наступаетъ пора полного расцвѣта жизни людей, и наука съ ея мощными побѣдами надъ природою принесетъ, наконецъ, человѣку желанное счастье, свободу, самостоятельность, богатство, устроить и рай на землѣ. Позитивныя и матеріалистическія увлеченія и мечтанія въ этомъ родѣ, съ ихъ необыкновенною самоувѣренностью, съ ихъ горделивымъ презрѣніемъ къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ минувшихъ вѣковъ, памятны и нашему русскому обществу, тѣмъ поколѣніямъ его, которыя живутъ и дѣйствуютъ и доннынѣ. Но на глазахъ этого же поколѣнія, какъ знаменательное явленіе „конца вѣка“, сначала робко и рѣдко, потомъ чаще и смѣлѣе стали раздаваться возгласы сомнѣнія, разочарованія, усталости, унынія, наконецъ, и полного отрицанія по отношенію къ этой объявленной новой вѣрѣ. И на Западѣ, и у насъ заявлялось не разъ о „крушеніи науки“; на мѣсто прежняго увлеченія культурными успѣхами вѣка раздались возгласы и цѣлыя теоріи, отрицавшіе и трудъ—основу культуры, и формы общественной жизни человѣчества, сложившіяся подъ культурными вліяніями, даже самую идею государства, наконецъ, и самую науку, ея значеніе, пользу, смыслъ и необходимость. На глазахъ поколѣнія, фанатически преданнаго точной наукѣ и думавшаго, что оно безвозвратно похоронило въ могилѣ религіозныя и нравственныя идеи прежнихъ вѣковъ, вдругъ совершалось „возрожденіе спиритуализма“, а въ общемъ, дѣйствительно, необыкновенно возросъ интересъ къ нравственнымъ и религіознымъ вопросамъ, и увлеченіе этими вопросами сдѣла-

лось как-то вдругъ самымъ могучимъ вѣяніемъ въ духовной жизни Европы „конца вѣка“. Люди среднихъ лѣтъ еще помнятъ такое всеобщее увлеченіе.

При такомъ направленіи умовъ глашатаи новыхъ ученій и теорій, естественно, стали искать опоры и подтвержденія своимъ выводамъ въ христіанствѣ, и неожиданно какое-то „новое очищенное христіанство“ было объявлено авторитетнымъ врагомъ почти всѣхъ государственныхъ и общественныхъ явленій современности, начиная отъ государства, собственности и суда, и кончая даже самою Церковью... Объявлено оно, между прочимъ, врагомъ и науки и культуры; новыя теченія мысли искали опоры въ ученіи Христа, подобно тому, какъ въ немъ же силились найти себѣ оправданіе соціалистическія теоріи. Такъ было въ Европѣ, такъ было и такъ стоитъ дѣло и у насъ. Нельзя сказать, чтобы такая проповѣдь осталась безслѣдною; по крайней мѣрѣ, у насъ, на Руси, она взволновала и увлекла не малую часть интеллигенціи, отдавшейя религіознымъ исканіямъ, но оторванной отъ живого церковнаго преданія; безъ авторитета, безъ руководства, безъ связи съ прошлымъ эти ищущіе истины „всегда учатся, но никогда не могутъ дойти до познанія истины“ (2 Тим. III, 7); „желая быть законоучителями, не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ“ (1 Тим. I, 7); и доселѣ они принимаютъ новоизмышленное, якобы „очищенное“ христіанство за истинное слово Христа. Удивительно быстро мѣняются настроенія и увлеченія людей. Десять лѣтъ назадъ, какъ мы замѣтили, было всеобщее увлеченіе вопросами религіозными, исканіе „правды Божіей“, желаніе знать „волю Божію“, раздавалось „новое евангеліе“ и его заповѣди: не противься злу, не суди никого, не убивай, не насилуй... Но вотъ три года назадъ началось революціонное движеніе, и первое, что оно стало крушить, была религія. Печать стала атеистическою; стали издаваться книжки, ниспровергающія всякія религіозныя вѣрованія, которыя были объявлены „религіозною чумою“, бурнымъ потокомъ пронеслось увлеченіе „экономическимъ матеріализмомъ“ вмѣсто недавняго исканія „смысла жизни въ волѣ Божіей“ и закончилось необыкновенно напряженною проповѣдью чисто-матеріалистиче-

скаго социализма. Еще живъ учитель и кумирь, которымъ увлекалось русское общество десять лѣтъ назадъ,—графъ Толстой, и вдругъ, на нашихъ глазахъ, въ эти послѣдніе три года онъ недавними своими ярыми поклонниками объявленъ сумасшедшимъ и совершенно забытъ, а его призывы и теории объявлены безумными бреднями. Христіанство, однако, еще не объявили окончательно упраздненнымъ, а работою толстовщины все-таки воспользовались: устранивъ Церковь, іерархію, догматы, преданія, исторію христіанства, нынѣ обращаютъ его въ средство оправдать самую революцію и анархію, со всѣми ихъ кровавыми ужасами, оправдать новыя государственныя теории вплоть до „новаго социалистическаго государства и новой нравственности“¹⁾.

Какъ намъ относиться къ этому явленію? Явленіе это—въ общемъ не новое: и при апостолахъ не всѣ проповѣдывали Христа съ добрымъ расположеніемъ, нѣкоторые же проповѣдывали о Немъ нечисто, по зависти и злобному (Филип. I, 16), и поступали какъ враги креста Христова (III, 18). И теперь мы найдемъ оцѣнку указанной новой проповѣди и воѣхъ на нашихъ глазахъ смѣнившихъ одно другое увлеченій человѣческихъ въ предупрежденіяхъ св. апостола: „Умоляемъ васъ, братіе, щедротами Божиими не сообразоваться вѣку сему“ (Римл. XII, 1—2); „блюдитесь,—будьте осторожны,—да никто-же васъ будетъ прельщать философією и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Колос. II, 8).

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, смотреть на культуру и науку истинное христіанство, непрерывно и неизмѣнно отъ времени Христа и апостоловъ исповѣдуемое въ Церкви? Дѣйствительно ли оно—врагъ культуры и союзникъ новыхъ теченій европейской мысли? И какъ оно смотритъ на весь общественный бытъ людей и государственное строительство, стоящіе въ связи съ культурными успѣхами?

Христіанство ясно объявляетъ главнымъ началомъ жизни человѣка его духъ, а не тѣло. Это не значитъ, конечно, что

¹⁾ См. книги Менгера подъ такими заглавіями.

тѣлесную сторону въ нашемъ существѣ оно считаетъ врагомъ нашимъ: нѣтъ, по взгляду христіанства, и тѣло, какъ ближайшее естественное условіе самосознанія духа (путемъ противоположенія его тѣлу), дѣятельности его и развитія, должно почитаться нами благомъ, и даже въ загробномъ бытіи совершенствованіе человѣческаго духа, по волѣ Божіей, будетъ сопряжено съ тѣлесною жизнью, хотя и иною, чѣмъ теперешняя. Но подобно всякому другому благу и тѣло тогда только становится личнымъ и дѣйствительнымъ благомъ человѣка, когда оно является *не самодовольствующей* и конечной *цѣлью* для человѣка, а *средствомъ* его духовной нравственной самодѣятельности и употребляется сообразно съ идеальными цѣлями духа. Цѣли же эти достигаются при условіи, если духъ не подчиняется слѣпымъ инстинктамъ, влеченіямъ и требованіямъ тѣла, но осмысливаетъ ихъ сознательною и разумною идеей и господствуетъ надъ ними, направляя ихъ къ достиженію нравственныхъ цѣлей. Но человѣкъ не напрасно называется „микросомомъ“—малымъ міромъ; въ его жизни мы нерѣдко видимъ аналогію всего міра великаго. И міровой порядокъ, въ которомъ мы находимся, есть такой нравственный порядокъ, въ силу котораго природа служитъ орудіемъ и средствомъ къ осуществленію закона добра... Отсюда и возможность и истинное значеніе культуры вообще, которой начало положено въ словахъ Господа къ первозданной четвѣ человѣческой: „плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте и владычествуйте ею“ (Быт. I, 28), причемъ заповѣдано хранить и воздѣлывать даже самый рай (II, 15). Отсюда же воззрѣніе на государственный строй: онъ—*не цѣль*, онъ—только *средство* къ высшей цѣли, къ осуществленію закона—добра, къ осуществленію началъ царства Божія.

Пояснимъ мысль примѣромъ. Дикарь во всемъ зависитъ отъ окружающей его среды: ему нужно ежедневно найти добычу для пропитанія, согрѣваться отъ стужи, искать убѣжища отъ жары, найти пріютъ для отдыха и безопаснаго ночлега въ пещерѣ; на деревѣ, въ степи и въ лѣсу, нужно спастись отъ дикаго звѣря... Что останется ему среди этихъ тревогъ для заботы о духѣ? Когда ему заняться высшими вопросами бытія,

удовлетворить жаждѣ Бога и святости? Виѣшняя культура и виѣшній строй жизни и идутъ къ нему въ этомъ отношеніи на помощь; постепенно развиваясь, они даютъ человѣку больше и больше простора для духовной жизни; удобный, теплый кровъ, безопасность отъ враговъ, обезпеченность въ пропитаніи, удобства сношеній съ подобными себѣ, общеніе съ ними, взаимная помощь, взаимный обмѣнъ мыслями и чувствами, огражденіе правъ жизни, собственности, покоя,—все это избавляетъ его отъ ежедневныхъ, заполняющихъ день и ночь заботъ и тревоженій и обезпечиваетъ обогащеніе и расцвѣтъ духовной стороны человѣческой жизни. Съ этой стороны культура, дѣйствительно, есть процессъ одухотворенія человѣка, уменьшенія въ немъ животности. Въ такомъ смыслѣ, какъ орудіе, какъ средство для достиженія высшихъ идеальныхъ цѣлей, матеріальная культура не можетъ быть зломъ; она имѣетъ всѣ права на существованіе, какъ путь осуществленія заповѣди Господней человѣку господствовать духомъ надъ землею. Съ этой именно стороны культурные успѣхи благословляются и христіанствомъ, какъ благо; и само христіанство, среди всѣхъ странъ и народовъ, его исповѣдующихъ, всегда неизмѣнно способствовало расцвѣту культуры и культурной государственной жизни, а среди дикихъ народовъ полагало и первые ихъ зачатки. Даже обитатели отрекшихся отъ міра особъ избранныхъ, напримѣръ, въ древней Россіи, сослужили великую службу въ дѣлѣ осуществленія культурныхъ задачъ нашего народа.

Но надъ всею совокупностью дѣйствій человѣка господствуетъ законъ, указанный святымъ апостоломъ: „для чистыхъ все чисто; а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго“, но осквернены и умъ ихъ и совѣсть (Тит. I, 15). Правъ былъ одинъ изъ мыслителей, говорившій, что все прекраснымъ исходитъ изъ рукъ Творца, но все можетъ быть испорчено въ рукахъ человѣка... Естественна и законна, напримѣръ, потребность пищи, но грѣхъ обращаетъ ее нерѣдко въ чревоугодіе и обжорство, недостойное и позорное для человѣка; законна потребность питья, но грѣхъ обращаетъ ее въ пьянство; естественно и необходимо желаніе отдыха, но грѣхъ можетъ

обратить его въ разслабляющую лѣнность. Въ указанныхъ случаяхъ совершается превращеніе средства въ цѣль: человѣкъ не для того ѣсть и пьетъ, чтобы жить, но, обратно,—живетъ для того, чтобы ѣсть, и тогда тѣло, служебное орудіе духа, порабощаетъ себѣ самый духъ. И въ отношеніи матеріальной культуры, подъ вліяніемъ грѣха и чувственности, съ теченіемъ времени совершается подобное же роковое превращеніе: она обращается изъ средства въ цѣль. Въ этомъ случаѣ она порабощаетъ себѣ духъ человѣка, и мы тогда наблюдаемъ поучительное сближеніе крайностей: что мы видѣли въ жизни дикаря, условіями своего существованія, вслѣдствіе отсутствія или слабаго развитія культуры, поставленнаго въ невозможность заботиться о потребностяхъ духа, это самое мы наблюдаемъ и въ положеніи современнаго культурнаго человѣка, поработившаго себя условнымъ привычкамъ и потребностямъ культурной жизни настолько, что ему нѣтъ ни времени, ни возможности отдаться заботамъ о своемъ духѣ. Такъ сходятся низъ и верхъ культурной жизни... Одинъ изъ изслѣдователей европейской жизни говоритъ объ этомъ явленіи слѣдующее: „Какъ можете вы заботиться о своей душѣ, когда вы посвящаете столько времени различнымъ бездѣлушкамъ, кружевамъ, драгоценностямъ, или даже золотымъ карандашамъ съ жемчугомъ на концѣ, или орхидеямъ, которыя украшаютъ такъ богато вашъ столъ. Эти бездѣлушки, выбранныя съ такимъ стараніемъ у одного изъ модныхъ поставщиковъ, которыми вы любите окружать себя, совершенно порабощаютъ ваше вниманіе. Эта утонченная роскошь, которая холитъ ваше тѣло, ведетъ васъ къ паденію“¹⁾.

Совершенно такое же явленіе наблюдаемъ мы и относительно увлеченій вопросами государственнаго строительства въ наши дни: совершается то же превращеніе средства въ цѣль, то же поклоненіе государству, какъ идолу, забвеніе его нравственнаго предназначенія. А въ результатѣ—то же сближеніе крайностей: если дикарь былъ рабомъ окружающей среды, вслѣдствіе отсутствія государственныхъ формъ жизни, то со-

¹⁾ Эд. Родъ: „Нравственныя идеи нашего времени“, стр. 17.

временный человек—раб этих самых форм; если же он не видит их высшего смысла,—что неизбежно при превращении средства в цель,—то это рабство давить, как рокъ, и в концѣ-концовъ вызываетъ возстаніе противъ потерявшаго смыслъ государства и проповѣдь другой крайности: первобытной анархіи дикаря. Такъ опять сходятся крайности, низъ и верхъ культурной жизни.

Итакъ, не культура сама по себѣ виновата въ этомъ порабощеніи челоувѣческаго духа, а самъ человекъ съ его страстями, съ его грѣховнымъ забвеніемъ Бога и своего высшего предназначенія. Но изъ того, что злые люди пользуются огнемъ для поджога зданій и причиняютъ этимъ вредъ ближнимъ, едва ли слѣдуетъ, что мы все должны погасить наши свѣчи и отказаться отъ огня въ нашихъ жизненныхъ потребностяхъ. То же нужно сказать и относительно отрицаній культуры. Не сама по себѣ она подлежитъ уничтоженію, а подлежитъ уничтоженію ея ложное, себялюбивое, чувственное и грѣховное направленіе. Нравственно-религіозная цель и нравственно-религіозная основа—вотъ что является необходимостью и не для одной культуры, но и для всехъ сторонъ челоувѣческой жизни: и государство, и власть, и законодательство, и судъ, и просвѣщеніе,—все должно быть проникнуто нравственнымъ характеромъ, все должно развиваться въ зависимости отъ тѣхъ началъ, которыя принесены на землю и указаны христіанствомъ. Иначе, справедливо можно будетъ назвать всю жизнь челоувѣчества дѣятельностью безъ смысла и цели, безъ побужденій позади, безъ результатовъ впереди. Нельзя безнаказанно подавлять религіозные и нравственные инстинкты. Безъ нихъ культура, какъ бы она ни была блестяща, не дастъ человеку желаннаго счастья, и, утучняя его тѣло, тѣмъ болѣе заставитъ голодать его духъ. И вотъ, какъ бы въ отрезвленіе отъ неразумныхъ увлеченій одними внѣшними формами жизни и успѣхами культуры, мы слышимъ, вновь начинаютъ раздаваться теперь призывы къ религіи, къ христіанству, или, какъ выражаются иностранные писатели, къ „давно забытымъ преданіямъ“. Но, видно, и здѣсь не суждено заблудшимъ сразу стать на прямую дорогу. Странно говорить,—а говорятъ опять

о христіанствѣ внѣ Церкви, или о Церкви будущаго, о христіанствѣ самоизмышленномъ, изуродованномъ по единоличному вкусу отдѣльнаго ума, способнаго вообще къ ошибкамъ, односторонностямъ и заблужденіямъ. Возродившееся религіозно-философское Общество въ столицѣ, возникающіе по образцу его кружки въ другихъ городахъ Россіи, цѣлый рядъ писателей проповѣдуютъ именно такое христіанство, подавая духовно алчущимъ вмѣсто хлѣба — камень и вмѣсто рыбы — змію. Такое христіанство, естественно, ни для кого необязательно, какъ не освященное высшимъ авторитетомъ. Говорить о такомъ христіанствѣ внѣ Церкви не то же ли самое, что, при современныхъ условіяхъ, говорить объ общественной жизни внѣ государства? Скажемъ правду: писателямъ, такъ-сказать, одновременно набожнымъ и невѣрующимъ, страдающимъ отъ разлада, который они носятъ въ себѣ, какъ осадокъ пережитыхъ вѣяній вѣка, страдающимъ отъ противорѣчія между каждою вѣрой и остатками скептицизма, — такимъ писателямъ и учителямъ не суждено возстановить въ другихъ потерянное душевное равновѣсіе и дать имъ прочную и здоровую религіозную вѣру: врачу, исцѣлился самъ... Они могутъ возбудить жажду вѣры и религіознаго возрожденія, а руководство жизни и источникъ вѣры можно найти только тамъ, гдѣ она неизсякаемо хранилась въ теченіе вѣковъ, — въ Церкви Христовой. Недостаточно только стремиться стать вѣрующимъ, недостаточно перечитывать и цитировать евангеліе наряду съ другими книгами, часто ему враждебными: нужно, чтобы тебя коснулась благодать, нужно, дѣйствительно, переродиться. А говорить о христіанствѣ и даже о православіи и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не говѣть и не приступать къ таинствамъ; говорить о христіанствѣ и указывать только на его пользу; обращать его въ средство для оправданія анархіи, революціи или социалистическихъ мечтаній, — это мы видимъ нерѣдко, но это опять узость и односторонность и прямая поддѣлка истины. Пусть православіе явится для насъ прежде всего истиной, а не пользой: тогда оно само собою станетъ внутренне-обязательнымъ для нашего духа. Пусть православіе станетъ для насъ прежде всего путемъ личнаго спасенія, предметомъ личной горячей

любви и искренняго благоговѣнія: тогда оно само собою будетъ великою и общественною силою; пусть, такимъ образомъ, преобразить оно каждое отдѣльное сердце: тогда и общество станетъ возрастать въ мѣру возраста исполненія Христова. Христіанство—полнота фактовъ, во главѣ съ фактомъ боговоплощенія, искупленія и воскресенія, а не система идей; христіанство—не философская теорія или школа, а живая религія, немислимая безъ живого общенія съ Богомъ, со Христомъ, его Основателемъ, его Живнью, его Истиной; а это общеніе со Христомъ, не отвлеченно-теоретическое, а живое, дѣйствительное и дѣйственное, возможно только тамъ, гдѣ Христосъ вѣчно пребываетъ по Его Собственному слову: „Се Азь съ вами во вся дни до скончанія вѣка“ (Мѡ. XXVIII, 20), т. е. въ Церкви. И всякое дѣло въ обществѣ, при взаимной помощи, становится и прочнѣе, и успѣшнѣе; но несравненно, неизмѣримо въ большей степени въ церковномъ обществѣ дѣло нравственнаго возсозданія и прочнѣе, и вѣрнѣе, и благотворнѣе, и даже здѣсь только единственно возможно. Это потому, что здѣсь не по усиліямъ или заслугамъ людей, а по милости благостнаго Бога, возлюбившаго человѣчество, даны немощному и безсильному человѣку особыя, таинственно-благодатныя силы, яже къ животу и благочестію (2 Петр. I, 3), и здѣсь непрерывно, вѣковѣчно совершается таинственное духовное привитіе дикой маслины естественнаго человѣчества къ плодовитому дереву—Христу (Римл. XI, 17).

Безъ этой прививки плоды дикой маслины останутся навсегда горькими и негодными.

Такой же приговоръ нужно произнести и новой религіи безъ Бога, новому христіанству безъ Христа и искупленію безъ Искупителя, культурѣ безъ культа, царству безъ царя, государству безъ государственности, безъ нравственныхъ цѣлей и задачъ.

Не будемъ же ни увлекаться, ни смущаться этою ложною философіей и тщетною лестію, по стихіямъ міра, по преданіямъ человѣческимъ. Не будемъ въ этомъ отношеніи сообразоваться вѣку сему, подъ которымъ апостолъ именно и разумѣетъ порядки, дѣйствія и взгляды мірской жизни, которые по своему

непостоянству и измѣнчивости совершенно противоположны истинному христіанству (Ср. 1 Кор. VII, 31).

Вѣчное не старѣеть. Да будетъ же вѣра Христова, вѣра православная, руководствомъ нашей жизни, подъ крыломъ святой Церкви.

Вѣрные правиламъ ея добрые христіане легко различать, что въ движеніяхъ вѣка прошлаго и грядущаго было и будетъ истинно достойнаго, полезнаго, заслуживающаго усвоенія и подражанія, и что ложно, вредно и опасно.

Вѣрные правиламъ и руководству Церкви, добрые христіане отнесутся должнымъ образомъ ко всѣмъ проявленіямъ и культурной и государственной жизни человѣчества. Не отрицая ея, но и не поработаясь ей до забвенія духа, они будутъ имѣть для нея впереди вѣчную цѣль: созданіе на землѣ—царства неба, среди людей—царства Бога, доколѣ не придутъ новое небо и новая земля, гдѣ не будетъ уже смѣняющихся новыхъ годовъ и новыхъ вѣковъ и гдѣ будетъ жить вѣчная правда (2 Петр. III, 13). А въ этомъ и задача исторіи, и смыслъ міровыхъ событій! Аминь.

Завѣты Крещенія.*

I.

НАШЕ КРЕЩЕНІЕ.

Елицы во Христа крестятся, во Христа облекостся.

Эта пѣснь церковная, напоминающая намъ о томъ, что мы въ Христа крещены, особенно сегодня много и властно говоритъ нашей совѣсти. Крещеніе Господне напоминаетъ намъ о томъ, что и мы нѣкогда погружались въ воду крещенія, и

* Поученія по поводу праздника Крещенія Господня.

надъ нами разверзались небеса, и на насъ сходилъ Духъ Святой, посланный Отцомъ Небеснымъ, по обѣтованію и по испытательнымъ заслугамъ Сына Божія. И въ тотъ мигъ крещенія нашего во имя Святой Троицы о каждомъ изъ насъ какъ бы изречено было Отцомъ Небеснымъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный; въ Немъ Мое благоволеніе“. Да, мы чрезъ крещеніе—дѣти и сыны Богу, усыновленные Ему, по Его великой милости. Оттого и говоримъ Ему въ молитвѣ съ дерзновеніемъ: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ*. Оттого и слышимъ отрадное слово евангелиста: „Тѣмъ, которые приняли Его, Иисуса Христа, вѣрующимъ во имя Его, Онъ далъ власть быть сынами Божіими“ (Іоанн. I, 12).

Великій это и несказанный даръ! Но каждый даръ, каждое право налагаетъ на насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности. И чѣмъ выше право, тѣмъ больше налагаемый имъ долгъ.

Какой же долгъ, какія обязанности налагаетъ на насъ святое крещеніе?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ иногда слышимъ: „Мы крещены малыми и непонимающими младенцами; какіе же могутъ быть обязанности, возлагаемыя на невѣдущихъ младенцевъ? Развѣ мы отвѣчаемъ за свое дѣтство? Развѣ мы обязаны исполнять тотъ долгъ, который не мы сами на себя приняли, который взяли за насъ другіе и безъ нашего вѣдома?“ Такія смущающія рѣчи мы слышимъ нерѣдко. Но, братіе, такъ рассуждать можетъ только лукавство. Вѣдь мы не только крещены и мѣропомазаны въ дѣтствѣ, но мы и въ зрѣломъ возрастѣ наполнены словомъ Божіимъ и молитвою, мы приступаемъ и къ другимъ таинствамъ, мы вѣдь въ покаяніи получаемъ прощеніе грѣховъ, въ причащеніи соединяемся со Христомъ, мы освящаемъ семейный союзъ таинствомъ брака, мы освящаемъ каждое дѣло молитвою и благословеніемъ Божіимъ. Но мы не знаемъ, что входитъ къ этимъ таинствамъ открываетъ намъ и даетъ только крещеніе. Не значить ли это, что мы всею жизнью свидѣтельствуемъ, что мы признаемъ свое крещеніе? А если мы, такимъ образомъ, его признаемъ, то мы не смѣемъ говорить о томъ, будто крещеніе, совершенное надъ нами въ дѣтствѣ, не можетъ возлагать на насъ долга

христіанскаго. Въ противномъ случаѣ зачѣмъ же и называться христіанами? Зачѣмъ посѣщать храмъ? Зачѣмъ тогда, по праву искупленныхъ кровью Христа, обращаться къ Богу съ молитвою? Вѣдь и въ обычномъ житейскомъ быту можетъ быть такой случай: положимъ, я взялъ по просьбѣ твоихъ родителей, но безъ твоего вѣдома, для тебя въ долгъ сумму денегъ; сумму эту сохранилъ и, вручая тебѣ, заявилъ ясно и опредѣленно, что сумма эта не твоя, а взятая для тебя въ долгъ. Положимъ, далѣе, что ты, хорошо зная объ этомъ, сталъ данную тебѣ сумму денегъ тратить и на нее жить. Говоря по совѣсти: развѣ ты при этихъ условіяхъ можешь говорить, что долгъ для тебя не обязателенъ? Развѣ можешь ты ссылаться на то, что долгъ въ свое время взять былъ безъ твоего вѣдома? Развѣ правъ ты будешь, если станешь утверждать, что ты могъ свободно тратить чужія деньги, но не обязанъ ихъ выплатить? Не будетъ ли это изворотливымъ лукавствомъ? Не правъ ли будетъ владѣлецъ денегъ, если скажетъ тебѣ: „Ты зналъ, что деньги взяты въ долгъ, ты бы могъ возвратить обратно переданныя тебѣ деньги, а разъ ты ихъ сталъ тратить, то тѣмъ самымъ ты показалъ, что ты долгъ сдѣлалъ и за него обязанъ уплатить въ свое время“.

Не то же ли самое и въ данномъ вопросѣ? Пусть приведенное сравненіе грубо, пусть оно—слишкомъ житейское, но, какъ сравненіе, оно вполне подходитъ къ предмету нашей рѣчи. Ты былъ младенцемъ. Какъ новорожденный и не освященный, ты былъ во власти діавола, ты не былъ причастникомъ искупленія, ты былъ внѣ Церкви Христа, ибо безъ крещенія невозможно спасеніе и усыновленіе Богу. Не могли не пожалѣть о тебѣ твои вѣрующіе родители, не могло не тревожиться ихъ сердце. А что, если младенецъ умретъ? А что, если родители умрутъ и некому будетъ позаботиться о ребенкѣ и приобщить его къ царству Божію чрезъ крещеніе? И Церковь Христова, руководясь духомъ заботливости и милости, по примѣру древней Церкви, какъ было и велось непрерывно со времени святыхъ апостоловъ, разрѣшаетъ крестить младенцевъ. Ибо если ждать, когда ты будешь сознательно относиться къ вѣрѣ, то, пожалуй, и не дождешься времени крещенія. Вѣдь

сознательность отрока, юноши, мужа и старика различны; вѣдь область вѣры, наконецъ, никогда не можетъ быть усвоена сознаниемъ и умомъ человѣка. Крещеніе—это духовное рожденіе. Но вѣдь отъ человѣка никто не спрашиваетъ и не требуетъ, чтобъ онъ сначала былъ сознательнымъ, а потомъ бы родился отъ своей матери... Ты поэтому былъ крещенъ; за тебя и за твою вѣру поручились родители; этого мало: по закону церковному, около тебя, крещаемого, стояли восприемники, за тебя и отъ твоего имени они исповѣдали вѣру во Христа, предъ Церковью они обѣщали, что ты будешь возрастать и воспитываться въ вѣрѣ Христовой. Ты росъ; ты съ первыхъ шаговъ пробудившагося сознанія слышалъ и зналъ, что ты крещенъ; ты пользовался всѣми тѣми правами, которыя даетъ крещеніе: ты былъ членомъ Церкви, ты пользовался ея молитвами и таинствами. Итакъ, опять спрашиваемъ: можешь ли ты, говоря по чистой совѣсти, увѣрять и утверждать, что крещеніе не возлагаетъ на тебя никакихъ обязанностей? Конечно, это будетъ только лукавымъ оправданіемъ грѣха и порока, желаніемъ во что бы то ни стало извинить свою недостойную жизнь. Но если въ отношеніяхъ къ людямъ можно лукавыми изворотами совѣсти закрыться отъ отвѣтственности, притвориться непомнящимъ и незнающимъ, то развѣ возможно такъ поступать по отношенію къ Богу и собственной совѣсти? Не значить ли это повторять нераскаянность прародителей, сваливавшихъ вину то другъ на друга, то на змія?

Ни Бога, ни совѣсти обмануть нельзя. Посему да умолкнетъ голосъ искушенія, да умолкнетъ соблазнительный помысль. Мы крещены; мы получили въ крещеніи величайшіе и несказанные дары. Съ ними получили мы и величайшія права и величайшія обязанности.

Каковы же эти обязанности?

На этотъ вопросъ образно отвѣчаетъ пѣснь церковная:
Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся!

Съ Божьей помощью, въ слѣдующіе воскресные дни мы займемся ея изъясненіемъ. Аминь.

II.

Христось—наша защита.

Церковная пѣснь образно представляетъ намъ смыслъ и обязанности крещенія. „Кто во Христа крестился, тотъ во Христа одѣлся“,—такъ говоритъ намъ это церковное пѣсногѣнїе, которое возглашается предъ нами за богослуженіемъ въ тѣ именно дни, къ которымъ древняя Церковь имѣла обычай приурочивать крещеніе увѣровавшихъ во Христа.

Итакъ, Спаситель здѣсь сравнивается съ одеждою. Разсмотримъ это сравненіе и постараемся уразумѣть его смыслъ въ отношеніи къ крещенію. Одежда нужна неловѣку прежде всего для того, чтобы покрывать его тѣло и защищать его отъ вреднаго вліянія силъ и явленій природы,—отъ холода, отъ зноя, отъ вѣтровъ и бурь, отъ всѣхъ предметовъ, которые нагому тѣлу могутъ принести вредъ. Конечно, такая защита одежды совсѣмъ не нужна тѣлу мертвому: мертвеца не согрѣешь, мертвецу не нужно охлажденія отъ зноя, мертвецу не опасно, если его ушибутъ, поцарапаютъ; мертвецу ничѣмъ не возратить потерянной жизни. Но и живое тѣло само по себѣ не можетъ обойтись безъ покрытія одежды: оно замерзнетъ въ стужу, оно изстрадается отъ зноя и пыли, оно получитъ смертельную простуду въ сырую погоду, ему больно и опасно ходить безъ одежды, наталкиваясь на различные предметы—камни, зданія, деревья и проч.

И въ жизни духовной мы наблюдаемъ нѣчто подобное. Душевная жизнь человѣка, еще не мертваго по душѣ, нуждается въ помощи со стороны. Конечно, помощь эта не нужна мертвецу духовному. Но если въ насъ осталось стремленіе къ Богу, къ нравственному совершенству, если въ насъ осталось чувство покаянія во грѣхахъ, чувство мучительной тяготы отъ сознанія своего недостойнства, если есть у насъ желаніе жить духомъ, опять придти къ Богу, Источнику жизни: тогда мы еще живы. Но и живые—мы безсильны. Мы любимъ добро, а дѣлаемъ зло; мы всѣ желали бы быть чистыми и святыми, а

сами погрязаемъ во грѣхахъ и порокахъ. Нѣтъ изъ насъ ни одного такого, который намѣренно и сознательно сказалъ бы о себѣ: я желаю быть дурнымъ, мнѣ нравится быть воромъ, развратникомъ, злодѣемъ. Мы, напротивъ, оскорбляемся, если кто насъ назоветъ такими именами; мы тщательно скрываемъ, если имѣемъ что худое или сдѣлали что-либо позорное. Изъ этого ясно, что мы любимъ добро и стремимся къ нему. Изъ этого ясно, что мы не умерли духовно.

А что же выходить на дѣлѣ? На этотъ вопросъ мы всего лучше отвѣтимъ словами человѣка святого, испытавшаго и глубину паденія, и высоту святости, бывшаго гонителя Христа, а потомъ ревностнаго апостола. Ему были вѣдомы и тайны Духа Божія, и тайны духа человѣческаго. Вотъ, что онъ пишетъ: „Не понимаю, что дѣлаю, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Знаю, что не живу во мнѣ, то-есть въ плоти моей, доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, то дѣлаю. Итакъ, я нахожу законъ, что когда хочу дѣлать доброе, прилежить мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти?“ (Рим. VII, 15—24).

Такъ говорить св. ап. Павелъ. Скажите, братіе, развѣ слово въ слово не можемъ мы приложить сказаннаго къ себѣ? Развѣ этими словами не говорить въ каждомъ изъ насъ совѣсть? Развѣ не cadaго изъ насъ нарисовалъ св. апостолъ приведенными словами?

О, кто же насъ избавить? Кто защититъ? Кто покроетъ?

Одежда и защита наша—Христосъ Спаситель, въ Котораго мы крестились, въ Котораго при крещеніи мы облеклись. Мы живы духомъ, мы любимъ добро, но силъ не имѣемъ слѣдовать ему; Христосъ Спаситель дастъ намъ и даетъ эти силы.

Гонить насъ діаволъ, искушаетъ на зло, общаетъ и счастье, и наслажденіе, и славу, если мы послѣдуемъ его прель-

щенію. А Христось намъ говоритъ: именемъ Моимъ бѣсы ижедутъ! И сколько людей было, которые въ ученіи Христовомъ, въ повиновеніи Его Церкви находили и находятъ силы противостоятъ всякому искушенію на зло.

Палать и обжигаютъ насъ страсти наши. То гнѣвомъ, то злобою, то завистью, то ненавистью, то нечистою похотью разврата, пьянства и объяденія загорается наша душа и наше тѣло. Можно ли защититься отъ этого огня палящаго? Можно ли удержаться отъ такихъ страстей? Можно, братіе, можно при помощи Христа Спасителя! Тому доказательства налицо. мытари и гонители дѣлались апостолами; блудники и блудницы, раскаявшись, удивляли ангеловъ чистотою жизни; величайшіе грѣшники становились прославленными святыми. И такихъ— великое множество. Но всѣ они, во Христа одѣвшись, только при помощи Его ученія, Его благодати, по любви къ Нему и по вѣрѣ, становились сильными и говорили о себѣ словами апостола: вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ!

Холодѣетъ нашъ духъ, замираетъ, какъ отъ страшной стужи, отъ лѣности, нерадѣнія, невниманія, отъ унынія, отчаянія, горестей и скорбей. Можно ли согрѣть нашъ духъ? Можно ли придать ему бодрость, силу, мужество, ревность, огонь? Можно ли не охладѣть духомъ навѣки? Можно, братіе, можно при помощи Христа Спасителя! Тому доказательства налицо: отвергшійся и покаавшійся апостолъ исторгнуть изъ унынія; тонувшій отъ маловѣрія поддержанъ Христомъ; спавшіе апостолы разбужены Божественнымъ Учителемъ; гонимые христіане горѣли духомъ и не боялись страданій; отроки, юноши, дѣвы, старцы смѣло смотрѣли въ глаза смерти. А сколько боязливыхъ, которые Христомъ укрѣпляются! Сколько и теперь страдающихъ, больныхъ, гонимыхъ, которые въ вѣрѣ, въ любви ко Христу, въ упованіи жизни вѣчной находятъ себѣ бодрость, отраду и часто бываютъ веселы и благодушны!

Не было и нѣтъ человѣка-христіанина, который при паденіи грѣха и страстей, при соблазнѣ унынія, страха и лѣности остался бы безъ помощи, если только онъ вспоминалъ Христа, Его ученіе, Его обѣтованія о вѣчной жизни, Его заповѣди блаженства, Его призывы къ нищимъ духомъ и пла-

чуждѣмъ и гонимымъ. Вѣдь Онъ Самъ этими именно словами закончилъ Свои призывы: „*Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ*“.

Въ таинствѣ Крещенія и въ прочихъ таинствахъ, которыя мы можемъ принимать только чрезъ вѣру во Христа и Его искупленіе, мы и получаемъ тѣ высшія, небесныя, благодатныя силы, дары Духа Святаго,—тѣ силы, которыя дѣлають слабыхъ крѣпкими и помогаютъ намъ побѣждать всѣ препятствія къ спасенію и нравственному совершенству. Облекаясь во Христа, мы въ Немъ получаемъ одежду для души, которая ее защищаетъ отъ зноя и холода, отъ всего вредоноснаго. Мы не видимъ, какъ это совершается? Однако, это дѣйствительно совершается, и примѣръ этого налицо: всѣ святые и каждый вѣрующій, если онъ хоть разъ боролся со зломъ, вспоминая при этомъ Христа. Мы вѣдь не видимъ и того, какъ приливають силы къ землѣ и природѣ послѣ зимней стужи, но онѣ приливають, ибо есть весна и есть лѣто.

Христось Спаситель—наша Одежда, нашъ Покровъ, наша Защита. Только безумецъ станетъ отбрасывать теплую одежду, поданную ему благодѣющею и любящею рукою въ зимнюю страшную стужу. Только безумный и погибающій духовно, духовно-мертвый, оттолкнетъ протянутую къ нему спасающую руку Христа Господа.

Исусе, теплото любимая, огрѣй мя! Исусе, одеждо свѣтлая, украси мя! Аминь.

III.

ХРИСТОСЬ—КРАСОТА НАША.

Продолжимъ изъясненіе пѣсни церковной въ отношеніи къ завѣтамъ и обязанностямъ святого Крещенія. Пѣснь церковная сравниваетъ Христа Спасителя нашего съ одеждой. Мы уже говорили, что одежда прежде всего служить человѣку

защитою его тѣла, и изъяснили, въ какомъ смыслѣ и какъ бываетъ Христосъ Господь нашей защитою.

Для чего еще служить человѣку одежда? Она *украшаетъ* насъ. Присмотритесь къ ребенку. Съ первыхъ лѣтъ жизни онъ, еще несознательно относясь ко всему окружающему, выказываетъ удовольствіе при видѣ красивой одежды, любитъ, чтобъ его красиво одѣли. Присмотритесь ко всѣмъ народамъ. Отъ самыхъ дикихъ и до самыхъ образованныхъ, хотя каждый народъ по-своему понимаетъ красоту одежды, всѣ одинаково имѣютъ обычай употреблять въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ одежды, особо красивыя, украшающія человѣка. И у насъ—развѣ мы не знаемъ и не видимъ, что въ праздники, во дни семейныхъ и иныхъ торжествъ, въ гостяхъ у друзей или принимая гостей у себя, мы надѣваемъ лучшія и красивыя одежды? Мы даже часто и очень часто злоупотребляемъ этимъ и обращаемъ такое, по существу невинное желаніе въ порокъ—въ щегольство, расточительность и тщеславіе.

О чемъ, однако, говоритъ такое желаніе человѣка имѣть красивую одежду? О томъ, что ему прирождено стремленіе къ прекрасному. Но есть въ душѣ человѣка стремленіе тоже прирожденное, но болѣе глубокое, болѣе цѣнное: стремленіе къ *красотѣ духовной*. Не тѣло только хочетъ украсить человѣкъ; онъ желаетъ украсить и душу добродѣтелями—добротою, справедливостію, любовью къ ближнимъ, кротостію, смиреніемъ... И св. Церковь всегда нашу внѣшнюю одежду принимаетъ за символъ и напоминаніе объ одеждѣ духовной: облакая крещаемыхъ въ бѣлыя одежды, она напоминаетъ имъ этимъ о чистотѣ душевной; облакая священнослужителей въ постъ въ храмъ въ одежды темнаго цвѣта, она напоминаетъ намъ этимъ о скорби за грѣхи; облакая ихъ во весь свѣтлѣйшій уборъ церковныхъ одѣяній, она говоритъ намъ о торжествѣ и радости великихъ праздниковъ.

Итакъ, въ насъ живетъ стремленіе одѣть душу въ красоту ей свойственныхъ одеждъ, т.-е. прекрасныхъ качествъ и свойствъ, въ красоту добродѣтелей. О, если бы мы съ такою же ревностію заботились объ одѣяніи души, какъ заботимся

объ одеждахъ тѣла! О, если бы мы не менѣ заботились о красотѣ духа, какъ заботимся объ украшеніи тѣла!

Но и въ этой заботѣ намъ нужно руководство, нужны указанія. Посмотрите на одежду. Иной нарядится, по его мнѣнію, очень красиво, а выходитъ безобразно и смѣшно. Когда дикарь выкраситъ свое тѣло, а въ носъ вдѣнетъ кольцо, а голову уберетъ перьями, ему это представляется очень красивымъ, а для образованнаго человѣка—это только безобразіе. Такъ и въ духовной жизни. Язычникъ думаетъ, что жестоко отмстить, пролить за убійство ближняго кровь врага всемеро—это будто бы очень хорошо и даже есть требованіе совѣсти. А для христианина—это зазорно. Мусульманинъ полагаетъ, что многоженство есть дѣло дозволенное и даже хорошее. А для христианина—это позоръ. И даже въ нашей средѣ сколько есть людей, о которыхъ апостоль говоритъ: *имже похвала въ стыдъ ихъ*, т.-е. они хвалятся тѣмъ, что стыдно. Есть воры, которые предъ такими же, какъ они, ворами выхваляются тѣмъ, что они ловко крадутъ. Есть развратники, которые свою хвалу полагаютъ въ томъ, что они умѣло оболъщаютъ и обманываютъ неопытныхъ дѣвицъ и женщинъ. Есть пьяницы, которые величаются количествомъ выпитаго вина. Бунтовщики и революціонеры за честь почитаютъ, если они убивали изъ-за угла царскихъ слугъ. Поистинѣ хвалятся всѣ такіе люди тѣмъ, что постыдно.

Значить, и красоту духовную не всѣ понимаютъ одинаково, и многіе зло принимаютъ за добро.

Кто же научить насъ тому, что есть красота и слава человѣческаго духа и что есть безобразіе и позоръ? Кто безошибочно укажетъ, что добро настоящее, и что поддѣлка подъ добро и даже зло? Въ праздникъ Крещенія Господня мы слышимъ такое наставленіе апостола: „Явилась *благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ, наказующи, т.-е. обучающая и наставляющая насъ, да отвергшемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ*“ (Тит. III, 11—12). Вотъ гдѣ наше наученіе вѣрное! Благодать Божію мы и получаемъ чрезъ Крещеніе и прочія таинства, по силѣ искупительныхъ заслугъ Господа

Иисуса Христа. И Онъ только, нашъ Спаситель, Онъ Одинъ и даетъ намъ въ Своемъ святомъ евангеліи указанія, какъ покрыть безобразіе души нашей, какъ украсить ее добродѣтелями и чистотою. Образно это изобразилъ Самъ Иисусъ Христосъ въ притчѣ о вечери: Царь—Господь устроилъ вечерю въ честь сына своего—это Иисусъ Христосъ и Его служеніе—и звали многихъ. И всѣмъ приходившимъ давали одежду царскую, чистую и свѣтлую. Только одинъ изъ приглашенныхъ не захотѣлъ надѣть данной одежды и сидѣлъ среди гостей въ своихъ лохмотьяхъ. И царь разгнѣвался и сказалъ ему: какъ ты вошелъ сюда, не имѣя брачной одежды? И изгнали его вонъ въ ночной мракъ. Здѣсь образъ человѣка, который не отъ Бога, не отъ Его ученія, не отъ евангелія, а отъ собственныхъ человѣческихъ измышленій желаетъ духовно украсить себя. И что же? Понадѣявшись только на себя, повѣривъ только въ свой умъ и въ свои познанія, лишенный высшаго руководства, человѣкъ принимаетъ свое безобразіе за красоту и свои духовныя лохмотья за прекрасную одежду. Такому человѣку не войти въ чертогъ Христовъ, въ царство Божіе. Оттого и говоритъ нашему сердцу такъ много гдсьнъ церковная: „Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны. Просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!“

Христіанинъ! Только у Христа твоего найдешь ты истинную красоту души твоей; только Онъ дастъ тебѣ брачную свѣтлую одежду; только Онъ укажетъ тебѣ, что добро и что зло, и чѣмъ надобно украсить тебѣ свою душу; только Онъ дастъ тебѣ истинный и неповрежденный вкусъ къ высшей духовной красотѣ; только Онъ не только укажетъ тебѣ свѣтлый чертогъ духовной красоты, но и путь къ нему откроетъ, но и силы тебѣ дастъ, и немощь твою восполнитъ, чтобы ты могъ дѣйствительно войти въ него.

Иисусе, одѣждо свѣтлая, украси мя! Аминь.

IV.

Христось—единственная хвала наша.

Одежда въ житейскомъ быту служитъ отличіемъ одного человѣка, одного званія и состоянія предъ другимъ. Иная одежда у мужчины, иная у женщины; взрослые и дѣти отличаются по одеждѣ; различныя служенія—воинское, духовное, гражданское, различныя должности въ самыхъ разнообразныхъ учрежденіяхъ жизни общественной и государственной,—всѣ эти служенія легко узнаются по той или другой имъ присвоенной одеждѣ. Наконецъ, всякія отличія, чины, почетныя званія, всякія награды за подвиги, за усердіе и прочее,—все это мы стараемся отличить той или другой одеждой.

Возьмите духовный, переносный смыслъ одѣянія Христова, въ которое мы облакаемся въ Крещеніи. Должны ли мы отличаться чѣмъ-либо видимо, для всѣхъ наглядно и доступно отъ евреевъ, язычниковъ, мусульманъ, отъ людей невѣрующихъ? Можетъ ли такъ случиться, что если мы о себѣ не представимъ свидѣтельство и удостовѣреніе въ нашей принадлежности къ христіанству, или сами мы объ этомъ другимъ не заявимъ, то и никто и не догадается о нашей вѣрѣ, о нашемъ христіанствѣ? Если такъ, то какіе же мы христіане, и можемъ ли мы по праву называться этимъ высокимъ и святымъ именемъ?

Вотъ что пишетъ вѣрующимъ святой апостоль: „Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, *доколь не изобразится въ васъ Христось!*“ (Гал. IV, 19). Итакъ, вы видите, что требуется отъ христіанина: въ немъ долженъ повториться, изобразиться Христось Спаситель. И какъ въ человѣкѣ одѣтомъ не видна его естественная нагота, а видна для всѣхъ именно одежда, такъ и въ христіанинѣ пусть не будетъ виденъ естественный человѣкъ—грѣшный, злобный, плотской, чувственный, грубый, а пусть будетъ виденъ и пусть повторяется Господь Иисусъ. Повторится Его жизнь, если мы будемъ ей подражать, если всегда при опредѣленіи своего поведенія

будемъ спрашивать себя, какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ Иисусъ Христосъ? Повторится Его ученіе, если мы будемъ его исполнять и всегда при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, при всякомъ рѣшеніи совершить тотъ или другой поступокъ, при всякомъ приглашеніи и наученіи со стороны будемъ себя спрашивать: согласно ли то или другое съ ученіемъ и заповѣдями нашего Спасителя? Повторятся въ насъ и Его страданія и смерть, если мы будемъ вѣровать, что эта смерть для насъ искупительна и спасительна, если будемъ принимать участіе въ таинствахъ, которыя мы можемъ получать только по силѣ искупительныхъ страданій и смерти Христа Иисуса, если будемъ покорны Его Церкви, которую Онъ стяжалъ Своею кровью и смертью, если мы, наконецъ, и сами вѣчно будемъ какъ бы страдать и умирать въ борьбѣ съ собственными нашими грѣхами и страстями. Тогда повторится въ насъ и слава Христова: воскресеніе, вознесеніе, вѣчное и блаженное общеніе съ Богомъ въ царствѣ вѣчности. Пусть умъ нашъ—будетъ умъ Христовъ, пусть наши мысли, чувства, желанія, намѣренія, стремленія, поступки, дѣйствія,—все, все въ насъ пусть будетъ Христово, какъ у Христа, какъ заповѣдано Христомъ, и это значить будетъ, что мы, во Христа крестившись, всецѣло во Христа одѣлись и ужъ ничего въ насъ не осталось нашего, а все Христово. „*Cie da мудрствуется въ васъ, еше и во Христе Иисусе,*“—такъ завѣщаетъ святой апостоль (Филип. II, 5). Тогда въ каждомъ изъ насъ сразу все узнаютъ христіанина, тогда и въ жизни нашей общественной и государственной сразу будетъ видно, что ее создавали вѣрующіе, а не невѣры, христіане, а не язычники. Тогда внутреннее наше настроеніе, разъ оно глубоко и искренно, непременно обнаружится во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и съ нами будетъ то, что съ древними христіанами: язычники сразу ихъ узнавали среди множества людей не только безъ всякаго заявленія съ ихъ стороны, но даже при желаніи скрыть свою принадлежность къ христіанству,—узнавали по выраженію глазъ, узнавали по скромности и сдержанности тѣлодвиженій, узнавали по приѣмамъ въ обращеніи съ окружающими, узнавали по особому неопиуемому духовному настроенію, которое чувствуется и не можетъ укрыться

отъ нашего взора при первомъ взглядѣ на человѣка. И насъ будутъ узнавать среди тысячъ.

И это-то и будетъ нашею хвалою самой высокой и самой совершенной. Ибо въ чемъ похвала человѣку? Если говорить объ его происхожденіи, о наслѣдственномъ богатствѣ, о знатности рода, о красотѣ наружности, то это все—вещи случайныя, отъ него независящія. Если говорить о богатствѣ, которое онъ приобрѣлъ своимъ трудомъ и умѣньемъ,—это, конечно, уже болѣе высокая хвала. Если говорить объ его умѣ, дарованіяхъ, съ нимъ совѣщаться, его указаній искать,—эта похвала еще пріятнѣе человѣку. Но все-таки самая совершенная, ни съ чѣмъ несравнимая, все превосходящая похвала человѣку состоитъ въ томъ, если о немъ говорятъ: онъ—истинный христіанинъ. И посмотрите: кого мы въ жизни своей помнимъ? О комъ говоримъ съ постояннымъ чувствомъ благодарной любви? Кого всегда поминаемъ словомъ добрымъ? Помнимъ ли мы людей талантливыхъ и умныхъ? Помнимъ ли людей знатныхъ и богатыхъ?

Конечно, помнимъ, но не такъ, какъ помнимъ и поминаемъ людей добрыхъ, благочестивыхъ, отзывчивыхъ на добро, благожелательныхъ, кроткихъ, набожныхъ. Мы помнимъ нашихъ добрыхъ матерей и отцовъ и хранимъ ихъ простыя и немудрыя наставленія лучше, чѣмъ мнѣнія ученыхъ мудрецовъ. Мы помнимъ встрѣчавшихся намъ на жизненномъ пути простыхъ, но благочестивыхъ людей и похвалу имъ въ нашихъ глазахъ воздаемъ гораздо вышшую, чѣмъ прославленнымъ умникамъ, умѣлымъ дѣльцамъ, богатымъ предпринимателямъ, знатнымъ людямъ...

Воистину, высшею хвалою останется для насъ навсегда названіе истиннаго христіанина. Воистину, Христосъ Спаситель есть наша хвала, наша честь, наше украшеніе!

Въ одномъ древнемъ городѣ въ первые вѣка христіанства было гоненіе на вѣрующихъ. Христіанъ, наконецъ, изгнали совсѣмъ изъ города. Но вотъ началась въ немъ моровая язва. Язычники здѣсь поступили по-язычески: отцы и матери бросали дѣтей больныхъ, дѣтей оставляли безъ призора и ухода родителей, братьевъ и сестеръ. Несчастные больные ни отъ

кого не могли получить хотя бы чашу воды и умирали отъ жажды. Мертвые лежали по улицамъ непогребенными. Всѣ живые и здоровые бѣжали вонъ. Въ это время возвратились въ городъ изгнанные христіане. Они стали ухаживать за больными, служить имъ, хоронили мертвыхъ. За зло они по-христіански воздали добромъ. Въ ихъ дѣлахъ видѣлся милующій Христосъ и Его ученіе любви. Кончилась моровая язва. И въ городѣ томъ ужъ не раздалось ни слова противъ Христа и скоро всѣ жители его крестились во имя Христово.

Такъ древніе христіане не только сами, крестившись, облекались во Христа, но въ Него облекали и другихъ. Христосъ—краса и хвала наша; выше этой хвалы нѣтъ ничего въ мірѣ, и предъ нею не устоитъ ничто худое! Аминь.

V.

Христосъ—спасеніе отъ грѣха.

Елицы во Христа крестикрестеся, во Христа облекостеся.

Послѣдняя нынѣ наша бесѣда на эти священныя слова церковной пѣсни. Мы разсмотрѣли въ предыдущихъ нашихъ поученіяхъ со всѣхъ сторонъ сравненіе Господа Іисуса съ одеждою въ отношеніи къ нашему Крещенію. Мы говорили о томъ, что одежда насъ защищаетъ отъ вредныхъ вліяній природы,—и Христосъ защищаетъ душу отъ всего вредоноснаго; одежда украшаетъ наше тѣло,—и Христосъ украшаетъ нашу духовную жизнь и всю жизнь человѣка; одеждою человѣкъ отличается въ средѣ себѣ подобныхъ,—и Христосъ отличаетъ христіанина и вѣнчаетъ славою въ средѣ всѣхъ людей.

Есть еще одно значеніе одежды, о которомъ мы не говорили. Оно указано во св. Библии. Слово Божіе рассказываетъ намъ, что человѣкъ сотворенъ прекраснымъ, невиннымъ и безгрѣшнымъ, что первые люди были поселены въ прекрасномъ раю: тамъ они наслаждались безгрѣшнымъ счастьемъ; были

они нагими, не имѣли никакой одежды, но не стыдились. Ухищреніемъ и соблазномъ діавола явился грѣхъ, и тотчасъ нарушилось мирное и спокойное состояніе душъ у первыхъ людей. Съ сознаниемъ грѣха явилось сознание стыда, и увидѣли тогда люди, что они наги, имъ стало стыдно, и они сдѣлали себѣ одежду изъ листьевъ, чтобы покрыть стыдъ и наготу свою. Вотъ нравственное значеніе обыкновенной одежды; ея происхожденіе первоначальное именно таково, что она закрываетъ нашу наготу, сокрываетъ все низменное и постыдное.

Перенесите это въ область духовную. Развѣ мало въ нашей духовной жизни низменнаго и постыднаго? Кто свободенъ отъ постыдныхъ помысловъ и чувствованій? Кто можетъ свободно и необязанно, не боясь предъ Богомъ и добрыми людьми, громко высказать все, что онъ только мыслить, чувствуетъ и желаетъ? Кто предъ воими можетъ указать всѣ побужденія и отдаленныя цѣли своихъ поступковъ и дѣйствій и быть увѣреннымъ, что въ нихъ нѣтъ ничего грѣховнаго и постыднаго? О, всякій изъ насъ съ сокрушеніемъ сердца долженъ повторить и повторить трогательныя покаянныя слова пѣсни церковной, которую въ нынѣшнее воскресенье мы впервые услышали въ храмѣ и которую еще долго будетъ повторять предъ нами святая Церковь. Пѣснь эта гласитъ: *„Покаяніе отверзи ми двери, Жизнодавецъ. Студными бо окаляхъ душу грѣхами и въ лѣности все житіе мое изудихъ“*; это значитъ: безстыдными грѣхами загрязнилъ и мою душу, и въ лѣности всю жизнь мою прожилъ...

Такъ взываетъ душа христіанская. Гдѣ же найти покровъ для души? Кто одѣнетъ ее и кто закроетъ въ ней все грязное, нечистое, постыдное, грѣховное? Вѣдь молиться можно горячо, можно глубоко сожалѣть о томъ, что сдѣлано дурного, но сдѣланнаго ужъ не вернешь, не передѣлаешь, не обратишь въ ничто. И какая же сила человѣческая можетъ дать человѣку прощеніе, т.е. полное уничтоженіе содѣяннаго грѣха? Какая сила можетъ вмѣнить грѣхъ, какъ не бывшій?..

Никакая сила человѣческая сдѣлать этого не можетъ. А если такъ, то всякій грѣхъ, всякій постыдный поступокъ, всякая постыдная мысль,—все это остается на душѣ, все это

отягощаетъ ее, все это дѣлаетъ ее нечистою, обращаетъ въ одинъ струпь грѣховный. Только сила Божія, только милость Всемогущаго Бога можетъ уничтожить и простить грѣхъ. И эту силу, эту милость и даровалъ намъ Христосъ Господь, нашъ Безцѣнный Спаситель, нашъ Вѣчный Благодѣтель. Онъ насъ искупилъ, Онъ пострадалъ за грѣхи наши, Онъ умертвилъ грѣхи Своею смертию, „раздралъ ихъ рукописаніе“, Онъ насъ приблизилъ къ Богу. Не дѣлами своими, не заслугами своими мы получаемъ всѣ эти блага: Спаситель нашъ даровалъ ихъ намъ даромъ Своей милости, и отъ насъ требуетъ только вѣры въ Него и, какъ знамя этой вѣры, какъ средства получить благодать искушенія и спасенія,—требуетъ отъ вѣрующихъ Крещеніе. *„Иже стру иметъ и крестится, спасенъ будетъ,“*—говорилъ Онъ Самъ святымъ апостоламъ предъ Своимъ вознесеніемъ на небо, завѣщавъ имъ устроить и распространить на землѣ царство вѣрующихъ, крещаемыхъ и спасаемыхъ,—Церковь Христову, и кто крестился, тотъ во Христѣ и въ Крещеніи получилъ ту чудную одежду, которая покрываетъ въ человѣкѣ все низменное и постыдное. Прощаются ему грѣхи, совершенные до Крещенія. Но и для грѣховъ, совершаемыхъ послѣ Крещенія, дано крещеніе второе, крещеніе слезами—святое таинство покаянія. Придетъ къ Богу душа, вся обнаженная отъ добрыхъ дѣлъ, вся покрытая стыдомъ, и позоромъ и мерзостью грѣха, исповѣдуетъ предъ Христомъ, своимъ Спасителемъ, всѣ свои заблужденія и неправды... И если покаяніе искренное, если осужденіе грѣха рѣшительное, если намѣреніе исправленія твердое, если вѣра въ милосердіе Божіе и въ искупленіе Христа глубокая и горячая: опять Христосъ покроетъ насъ Своею милостью и прощеніемъ, какъ одеждою. Но и это благодѣяніе покаянія, какъ таинства, дается намъ только Крещеніемъ, безъ котораго мы не можемъ получить ни одного другого таинства. Умремъ мы и, по окончаніи земного предѣла, предстанемъ на судъ. Тогда въ свѣтѣ откроется все сокрытое, тогда все забытое припомнится, тогда все нечистое явно станетъ предъ совѣстью и окомъ Божиимъ, какъ на одеждѣ видны при яркомъ свѣтѣ солнца всѣ самыя малыя пятна... Чѣмъ покрыться намъ предъ лицомъ Сѣдящаго

на Престолѣ? Кто покроетъ срамоту нашу? Если ты крещень, если ты вѣровалъ и молился и каялся,—Христось Господь и тамъ насъ покроетъ, какъ одеждою, Своею милостію и заступленіемъ, Своимъ искупленіемъ,—сильными, изгладить всякую смерть и всякій грѣхъ. Не побѣдитъ наша грѣховность Его неизреченной благодати.

Оттого и нынѣ послѣ молитвенныхъ возгласовъ покаянія въ пѣсни церковной, о которой мы говорили, мы не въ отчаяніе приходимъ, но оживляемъ душу надеждою и упованіемъ: *но яко щедръ, очисти благоутробною Твоею милостію.*

Оттого говорить намъ святой Тайнозритель: *„Се иду... Блаженъ бодрствующій и хранящій одежду свою, чтобы не ходить ему нагимъ, и чтобы не увидѣли срамоты его“* (Апокал. XVI, 15). Оттого и апостоль святой поучаетъ: *„Знаемъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Оттого мы и вздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище. Только бы намъ и овтѣтымъ не оказаться нагими“* (2 Кор. V, 1—3).

Страшное это слово! О, храни, христіанинъ, одежду Крещенія нескверною и непорочною, храни одежду, въ которую облекъ тебя Христось! Смотри, зорко наблюдай, не потерялъ ли ты ее въ жизни. Вотъ фарисей, въ нынѣ слышанной притчѣ Господней въ евангеліи, думалъ, что онъ одѣтъ и чистъ, а ушелъ изъ храма осужденнымъ. А мытарь созналъ свою наготу духовную, устыдился передъ Богомъ, устыдился и побоялся пойти дальше порога церковнаго, очей своихъ отъ стыда не смѣлъ поднять на небо,—и пошелъ оправданнымъ, и пріялъ одежду прощенія отъ Бога.

Будемъ страшиться безстыдства фарисейскаго, что принимало наготу духа за пышное одѣяніе. Будемъ во Христвъ,—въ вѣрѣ и покаяніи, въ добрыхъ дѣлахъ и неустанномъ нравственномъ восхожденіи къ Богу,—всегда находить ту святую и спасительную одежду, которая покрываетъ насъ отъ всего постыднаго, позорнаго и гибельнаго!

Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь!
Аминь.

Наше духовное прозрѣніе.*

Простой и безыскусственный, спокойный и точный, свойственный только очевидцу, рассказъ заключается въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи (Лук. XVII, 35—43).

Его задача, повидимому, состоитъ только въ томъ, чтобы, по собственному замѣчанію евангелиста, „поряду и испытно“ (Лук. I, 3), повѣдать объ одномъ изъ событій жизни Іисуса Христа, сообщить съ благоговѣніемъ объ одномъ изъ множества чудесъ, Имъ совершенныхъ.

Когда Іисусъ Христосъ приближался къ Іерихону, одинъ слѣпецъ сидѣлъ у дороги и просилъ подаянія. Услышавъ, что идетъ много народу, онъ спрашиваетъ: что это такое? Ему повѣдали, что Іисусъ изъ Назарета мимо проходитъ. Очевидно, слѣпецъ уже давно слышалъ о Христѣ, какъ великомъ Учителѣ и Чудотворцѣ. Услышавъ, что Христосъ идетъ, онъ сталъ звать: „Іисусе, Сыне Давидовъ, помилуй меня!“ Идущіе впереди заставляли его молчать, но онъ еще громче кричалъ: „Сыне Давидовъ, помилуй меня!“

Спаситель призвалъ къ Себѣ слѣпца и сотворилъ ему, по вѣрѣ его; и слѣпецъ прозрѣлъ и пошелъ вѣдѣ за Христомъ; и весь народъ, видя это, воздалъ хвалу Богу.

Какъ ни просто это сказаніе евангелія, какъ ни мало оно, повидимому, относится къ нашей современной жизни, мы, однако, и можемъ и должны найти въ немъ символическія указанія, уроки и на дни текущія и на вѣчныя времена. Ибо навсегда вѣрно и всякаго пріятія достойно наставленіе святаго апостола: все, что написано въ словѣ Божіемъ, въ наше наученіе преднаписано (Римл. XV, 4).

Предъ нами разстилается жизнь, какъ безконечная дорога къ нѣкому предѣлу нашего вѣчнаго обитанія. По ней путеводитель — Христосъ. Одни изъ людей идутъ за Нимъ, около Него, руководимые вѣрою во Христа, любовію къ Нему и по-

* Слово въ недѣлю 31-ю.

слушаніемъ; другіе какъ бы случайно увидѣли Его, смотреть на Него только съ любопытствомъ и вотъ-вотъ уйдутъ съ дороги; иные оставили Его совсѣмъ и бредутъ безъ дороги гдѣ-то впереди, иные же, какъ слѣпецъ, сидятъ у дороги, ищутъ ея, но не умѣя тронуться за Христомъ, не видя Его, сидятъ на мѣстѣ и просятъ у проходящихъ милостыни.

Не мы ли, современные люди, съ нашими жалкими интересами и запросами, не мы ли, хотя и сидимъ у дороги, хотя и называемся вѣрующими христіанами, однако, похожи на этого слѣпца? Волнуются люди, спорятъ, борются; страдают, беспокоятся, падаютъ, встаютъ, снова падаютъ, повидимому, ищутъ что-то, ищутъ пути и дорожатъ имъ, но все у нихъ совершается такъ, какъ у слѣпыхъ: не видятъ свѣта, не распознаютъ предметовъ и явленій; идутъ ощупью, не увѣрены въ истинѣ,—словомъ, не представляютъ себѣ дороги... Оттого увлекаются они безъ конца то однимъ направленіемъ мысли и жизни, то другимъ, и всякій разъ быстро замѣчаютъ, что впали въ ошибку: каждый день у насъ какъ бы имѣетъ своего идола; каждый день ставится новый кумиръ, чтобы на слѣдующій день быть поверженнымъ. Чувство глубокаго неудовлетворенія, чувство горькаго разочарованія захватываетъ и гнететъ человѣка при видѣ паденія такого кумира, но на-завтра готовъ у насъ новый кумиръ, и съ новымъ дѣтскимъ, точнѣе сказать, съ глупо-дѣтскимъ, ребячьимъ увлеченіемъ люди вѣрятъ въ его жизненность и истину, ожидаютъ отъ него всевозможныхъ благъ, чтобы завтра снова убѣдиться въ томъ, что они обмануты.

Все это ярко и наглядно сказалось въ жизни нашего русскаго общества въ послѣдніе годы: сколько увлеченій, сколько перемѣнъ, сколько разочарованій, сколько вѣры въ то, что оказалось недостойнымъ вѣры! Толстовщина и непротивленіе злу, потомъ—насилія и убійства, возведенныя въ геройство; исканіе правды Божіей; потомъ—грубый матеріализмъ и безбожіе; забастовки, социализмъ, порываніе къ буйной свободѣ, возстанія, бунты, революція, грабежи, анархія, — и рядомъ заботы о лучшемъ устроеніи государства, безконечныя слова отрицанія смертной казни, отрицаніе не только всякаго госу-

дарственныйнаго насилія, но и всякаго государственнаго строя, проповѣдь мягкости, гуманности, довѣрія... Все это переплелось и перепуталось, все это поочередно занимало умы и интересы, владѣло верхами жизни. Какъ слѣпецъ, люди шли ощупью, и вотъ нынѣ, какъ всѣ устали, извѣрились, какъ разочаровались въ охватившей всѣхъ идеѣ революціи и свободы! Сидятъ у дороги жизни и просятъ милостыни и подаванія! „Дайте намъ смыслъ жизни, дайте опору для ума и воли, дайте содержаніе душѣ, успокойте сердце,—заполните пустоту духа!“ И слышать люди звуки иного міра, гдѣ все полно вѣры и упованія, гдѣ ясенъ путь и смыслъ жизни, гдѣ открыты тайны жизни и смерти, радости и страданія, тайны прошлаго, настоящаго и будущаго, гдѣ все такъ исполнено мира и покоя,—то міръ Христовъ, то Церковь Божія, то міръ вѣрующихъ... Что это?—спрашиваетъ слѣпецъ въ радостной тревогѣ. И всякій проходящій дорогою имъ отвѣтитъ: это Иисусъ Назорей мимоходитъ.

Тутъ бы пойти несчастнымъ за Христомъ, тутъ бы выйти къ свѣту и видѣнію. И они готовы, какъ евангельскій слѣпецъ, крикнуть: Сыне Давидовъ, помилуй насъ! Какъ и слѣпецъ, они уже слышали и знаютъ о Немъ,—кто теперь въ мірѣ не знаетъ о Христѣ?—они готовы въ этомъ „человѣкѣ изъ Назарета“ признать Сына Давидова, Царя человечества, Учителя, Вождя и Спасителя...

Но здѣсь выступаютъ, выражаясь словомъ евангельскаго разсказа, „идушіе впереди“ и начинаютъ убѣждать и заставлять слѣпца молчать. О, эти мянщіе себя передовыми, идущими впереди, непрощенные вожди,—водители къ гибели! Они — за прогрессъ, за движеніе впередъ безъ Христа и даже впереди Христа! Они станутъ убѣждать слѣпца, что идти за Христомъ, значить, быть отсталымъ, они наговорятъ несчастному и, конечно, налгутъ ему всякихъ небылицъ, нададутъ всякихъ обѣщаній въ надеждѣ, что слѣпой, самъ не видя, всему повѣрять. И въ наши дни, зная, что именно религіозная вѣра и преданность Церкви отрезвить людей, дать свѣтъ слѣпыми.—ваши современные лжеучители и лживые пророки, эти проклятые пѣвцы революціи и сатанинской свободы, всячески ста-

раются отвлечь насъ отъ Бога, отъ Христа и отъ Церкви. Для этого печатаются безбожныя книжки; для этого тайно и явно издаются и распространяются гнилыя и лживыя газеты и листки; для этого въ литературѣ подвергають глумленію Церковь Божію; для этого въ театрахъ безбожники-писатели и продажныя актеры на сценѣ надсмѣхаются надъ Богомъ, надъ святыми, выводятъ Богоматерь, преподобнаго Серафима, осмѣиваютъ почитаемыхъ пастырей и учителей; для этого въ школахъ учителя, сыны погибельныя, отравляютъ дѣтскія души ученіями безбожными; для этого дѣтей и юношей соблазняютъ безстыдными картинами, выставленными напоказъ для открытаго торга въ городахъ и людныхъ мѣстахъ; для этого суды открыто становятся на сторону мятежниковъ и развратителей народа и осуждаютъ тѣхъ, кто съ ними боролся... Тысячами путей, тысячами ухищреній „идущіе впереди“ — къ чему они идутъ, это имъ самимъ неизвѣстно, — желаютъ отворотить народъ отъ вѣры, оставить его въ слѣпотѣ, продолжить надъ нимъ свою власть.

Слѣпецъ евангельскій не послушалъ лживыхъ словъ, которыя ему говорили „шедшіе впереди“. Онъ еще громче, еще настойчивѣе взывалъ и молилъ: „Сыне Давидовъ, помилуй меня!“ Дай Богъ, чтобы мы были ему подобны. Дай Богъ, чтобы нынѣ замѣчаемое отрезвленіе, поворотъ къ вѣрѣ и Церкви отъ недавнихъ безумствъ и увлеченій, усиленіе духовныхъ интересовъ, разочарованіе въ такъ-называемомъ „освободительномъ“ движеніи, которое имѣло основою безбожіе, насилія и бунты, — чтобы все это крѣпко утвердилось въ народѣ нашемъ и навсегда послужило ему урокомъ. Если суждено ему спастись, то спасется всякій народъ только вѣрою. И скажетъ ему Господь: „прозри“; и поидетъ онъ за Христомъ; и снова будемъ мы едиными усты и единѣмъ сердцемъ славить Бога. А „шедшіе впереди“ сгинуть и исчезнуть, какъ исчезли и тѣ, что, по евангельскому разсказу, хотѣли слѣпца отворотить отъ Христа, Божественнаго Цѣлителя.

Скоро время поста и покаянія. Скоро время, когда будемъ мы судиться передъ Богомъ судомъ совѣсти. Готовься, христіанинъ; готовься, христіанскій вѣрующій народъ! Познай свою

слѣпоту, не вѣрь тѣмъ передовымъ учителямъ незваннымъ, которые эту слѣпоту готовы признать свѣтомъ, а Христа—тьмою. Взывай, какъ слѣпецъ: Иисусе, Сыне Давидовъ, помилуй меня!

Христе, Свѣте Истинный, просвѣщаяй и освящаяй всякаго человѣка, грядущаго въ мѣръ! Да знаменается на насъ свѣтъ лица Твоего, да въ немъ узримъ свѣтъ неприступный, и исправи стопы наша къ дѣланію заповѣдей Твоихъ! Аминь.

Нравственность и экономика.*

Смысл Человѣческой пришелъ взискать и спасти погибшее (Лук. XIX, 10).

И нынѣ мы слышимъ и видимъ заботы, и усиленныя заботы, по крайней мѣрѣ на словахъ, о спасеніи погибшихъ и погибающихъ.

Если прислушаться къ современнымъ разговорамъ и разсужденіямъ въ печати, въ обществѣ, въ такъ-называемыхъ политическихъ партіяхъ и вообще въ средѣ большинства людей, будь то лица частныя, или государственные дѣятели,—то выносишь ясное и непререкаемое впечатлѣніе: всѣ упованія счастья и спасенія народовъ возлагаются теперь на ихъ богатство, общее матеріальное обезпеченіе и на такъ-называемое экономическое соотношеніе силъ. Не одни послѣдователи крайнихъ ученій, какъ, напримѣръ, социалисты и коммунисты, стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Не одни даже люди прогрессивнаго направленія исповѣдуютъ матеріалистически-животный взглядъ на основу человѣческаго благосостоянія. У нихъ такой взглядъ проводится только рѣзче и опредѣленнѣе, прямѣе и послѣдовательнѣе,—настолько прямолинейно и безпощадно, что, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ только отнять все у имущихъ классовъ народа, все подѣлить поровну, принудительно отобрать землю и имущество, сдѣлать общимъ достояніемъ дома, фабри-

* Слово въ недѣлю 32-ю.

ки, заводы, продукты земли и проч.—и счастье, довольство людей обеспечено. Но и тѣ благоразумные общественные и государственные дѣятели, и тѣ писатели, которые признають цѣнность и необходимость духовно-нравственныхъ основъ для человечества,—и они, когда заходитъ рѣчь о подробностяхъ устройства и упорядоченія жизни государственной, подчиняясь бессознательно общему, со стороны навѣянному и глубоко вкоренившемуся современному міровоззрѣнію, незамѣтно переходятъ на ту же матеріалистическую точку зрѣнія. Оттого нерѣдко можно слышать отъ людей, по своей дѣятельности и воззрѣніямъ согласныхъ съ правилами святой вѣры, такія разсужденія, напримѣръ, что „все зависитъ отъ желудка“, что „первое благо—экономическое благосостояніе“, „задача наша—обеспечить людямъ хлѣбъ и кровь и все необходимое для жизни“,—подразумѣвается, конечно, жизни матеріальной. Оттого и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ на нашихъ глазахъ мѣсяцами и годами занимаютъ, спорятъ до безконечности, дробятся на партіи, волнуются и горячатся, главнымъ образомъ, если не исключительно, только по вопросамъ распредѣленія денегъ и матеріальныхъ средствъ народа и государства.

Инымъ воззрѣніемъ, инымъ духомъ вѣетъ отъ евангельскихъ наставленій и сказаній. Сегодня въ евангельскомъ чтеніи мы видимъ Закхея, старѣйшину сборщиковъ податей, человѣка весьма богатаго. Онъ самъ, по собственному побужденію, идетъ навстрѣчу Иисусу Христу и, чтобы видѣть Его, залѣзаетъ на придорожное дерево, онъ рискуетъ при этомъ показаться смѣшнымъ въ глазахъ народа, подвергнуться преслѣдованіямъ и издѣвательствамъ толпы, наконецъ, не боится унизиться на виду у всѣхъ, выходя съ такою жаждою увидѣть Учителя, не признаннаго властными и почетными руководителями народа.

Итакъ, предъ Иисусомъ Христомъ—богачъ, глава сборщиковъ податей, мало того,—это человѣкъ, и по его собственному признанію, и по роду своихъ занятій мытаря, при условіяхъ тогдашняго времени, человѣкъ грѣшный, неправедно нажившій свое богатство. Невольно приходитъ на мысль: что, по мнѣнію

современныхъ намъ новомодныхъ учителей жизни, что сказать бы Закхею и что сдѣлалъ бы въ этомъ случаѣ Иисусъ Христосъ? Уже многіе такіе учителя, увлекающіеся современнымъ новымъ идоломъ социализма, не разъ объявляли, что Иисусъ Христосъ былъ социалистомъ и училъ социализму. Слѣдовательно, Онъ обратившемуся Закхею долженъ былъ указать одно: все раздай всѣмъ поровну и себѣ возьми такую же часть, какая достанется и другимъ... И одинъ ли Иисусъ Христосъ представляется въ очахъ современныхъ лжесловесниковъ только общественнымъ реформаторомъ и учителемъ новой хозяйственной и экономической системы? Нынѣшній день, 27-го января, воскресный праздникъ совпадаетъ съ памятью святителя Іоанна Златоуста. Тысячу пятьсотъ лѣтъ чтитъ его святая Церковь, вѣрные наслаждаются его твореніями, давшими „неизглаголанную ясность Божественному Слову“ (см. канонъ святому), т.-е. ученію Священнаго Писанія, и никогда никто не находилъ въ его златословесныхъ поученіяхъ проповѣди социализма. Но вотъ нынѣ даже въ книгахъ мнимо-богословскихъ и подъ покровомъ богословскихъ школъ проповѣдуется такая безстыдная и сознательная ложь...

Но возвратимся къ Закхею. Что же повелѣлъ ему сдѣлать Спаситель? Онъ только одно имѣлъ въ виду: ласковымъ словомъ привѣта и любви, посѣщеніемъ дома всѣми признаннаго грѣшника довести Закхея до сознанія грѣховности, возбудить въ немъ желаніе исправиться и загладить грѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить надежду и увѣренность, что Богъ приметъ покаяніе грѣшника. И видимъ: подъ влияніемъ посѣщенія Господа въ душѣ грѣшника произошелъ полный переворотъ: сталъ Закхей предъ Господомъ и сказалъ: „се полъ имѣнія, Господи, дамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу вчетверо“. Что же Спаситель? Поучать сталъ о вредѣ и грѣховности всякаго богатства? Разрѣшалъ вопросъ: можно ли собирать подать и сколько съ кого брать? Сталъ рассчитывать, достаточно ли дать половину имѣнія и вчетверо за обиду и убытки, меньше нужно или больше? Нѣтъ и нѣтъ. Спаситель сказалъ только одно: „Нынѣ спасеніе дому сему бысть“... „Сынъ Человѣческой пришелъ възыскать и спасти погибшаго“. Слышите ли? Не бѣд-

наго и не богатаго пришелъ Онъ спасти, а погибшаго нравственно. Онъ и средства спасенія предлагаетъ именно нравственныя. Не говорить: отдай Мнѣ твое богатство, а говорить: дай Мнѣ твое сердце.

Ибо неразумно, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно и наивно думать, что съ раздѣленіемъ поровну всѣхъ имѣній и вообще съ разрѣшеніемъ всѣхъ имущественныхъ и экономическихъ отношеній сразу воцарится счастье среди людей, прекратятся всякія ихъ страданія и кончится необходимостъ нравственнаго развитія. Въ тысячѣ тысячъ случаевъ проявятся и тогда человѣческія любовь и злоба, высота духовная и низость. Въ тысячѣ тысячъ случаевъ люди могутъ отравлять жизнь другъ другу, или ей помогать во благое. Въ тысячѣ тысячъ случаевъ, при равенствѣ имуществъ и при полномъ матеріальномъ довольствѣ, проявятся и зависть, и несправедливость, и преслѣдованіе, и гнѣвъ, и недоброжелательство. И не богатство было худо въ Закхеѣ, а неправедные пути его пріобрѣтенія, жестокость и себялюбіе въ пользованіи имъ. Такъ и Златоустъ поучаетъ богача: „Ты богатъ? Не осуждаю тебя. Но ты жестокъ? Порицаю тебя“. И не самый сборъ податей былъ преступенъ въ Закхеѣ. Потому мытари считались грѣшниками, что они вымогали подати въ свою пользу, брали гораздо болѣе, чѣмъ было положено; содержа на откупѣ подать цѣлыхъ городовъ и селеній, они увеличивали ее тѣмъ, что давали въ долгъ, сами отсрочивали взносы, и потомъ брали вдвое и втрое, разоряя народъ. Значить, не самый сборъ податей, а злоупотребленіе имъ было грѣховно. Іоаннъ Креститель сборщикамъ податей говорилъ только одно: „ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ“ (Лук. III, 13). Да и Самъ Спаситель повелѣлъ апостолу Петру внести за Себя и за Петра статырь въ подать на храмъ (Мате. XVII, 27). И апостолы учили. (Рим. XIII, 6, 7) христіанъ непрекословно отдавать подати и всѣмъ—должное.

Христосъ Спаситель не приносилъ на землю какого-либо новаго научнаго ученія, какой-либо новой общественной, государственной, хозяйственной или экономической системы. Онъ говорилъ вѣкамъ, и о томъ, что вѣчно, вѣчное же не ста-

рѣть, оно всегда ново. А вѣчно въ человѣкѣ не тѣло, а духъ, не насыщеніе благами матеріальными, гибнущими и умирающими, а вѣчными сокровищами души; вѣчно въ человѣкѣ стремленіе къ Богу и къ нравственному уподобленію Богу въ добродѣтели и святости. Такого стремленія въ человѣкѣ ничѣмъ не уничтожишь, оно сродно его духу и необходимо ему, какъ питаніе и дыханіе сродно и необходимо тѣлу. И чѣмъ выше и сильнѣе такое стремленіе, тѣмъ ближе человѣкъ къ тому, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, тѣмъ больше онъ внесетъ счастья, мира, покоя и порядка въ жизнь общечеловѣческую. Такое-то стремленіе къ Богу и желаніе ввести Бога въ душу и насъ съ вами въ эти минуты привело сюда въ храмъ. Если это есть,—все прочее придетъ, какъ пришло у Закхея. Господь вошелъ въ его домъ, а онъ въ душу свою самъ ввелъ Его своимъ святымъ порывомъ, и вотъ онъ уже изъявляетъ желаніе служить ближнимъ и своимъ имѣніемъ. Если же этого ничего нѣтъ, то не только уравненіе имуществъ и разрѣшеніе экономическаго вопроса, но и самыя благія на видъ стремленія и желанія принесутъ людямъ только гибель, вражду, кровь, убійства. Развѣ не видимъ очевидныхъ тому доказательствъ у послѣдователей современныхъ модныхъ ученій безъ Христа и внѣ Христа? Ихъ громкія слова о братствѣ, равенствѣ и свободѣ на дѣлѣ приносятъ только рабство, униженіе и величайшія насилія. Въ далекой отъ насъ, но христіанской странѣ на-дняхъ звѣрски убитъ на улицѣ король и его наслѣдникъ и раненъ другой сынъ короля. Кто гнусные убійцы? Убійцы были люди, проповѣдующіе громко свободу и любовь, родные братья по убѣжденіямъ и дѣйствіямъ нашимъ социалистамъ, революціонерамъ и проповѣдникамъ народной свободы. На словахъ же всѣ они противъ смертныхъ казней преступниковъ и противъ всякаго принужденія со стороны власти и государства. Вотъ что значитъ быть безъ Христа и стоять не на нравственной почвѣ, не на нравственномъ ученіи, а на мірскомъ, экономическомъ. „По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Не снимаютъ съ терновника винограду. Берегитесь же лжепроповѣдниковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“ (Матѣ. VII, 15—16).

Спасти погибшее и погибающее может только развитие и совершенствованіе нравственное, въ духѣ вѣры Христовой, а не экономическое, въ духѣ современныхъ проповѣдниковъ насилія и матеріализма! Аминь.

Воинское званіе.*

Предметомъ моей рѣчи къ вамъ, мои юные слушатели, я избралъ вопросъ, для васъ близкій и непосредственно интересный,—воинское званіе. Оправданіе его, значеніе, достоинство,—все это, обычно, не подлежитъ обсужденію, какъ государственная необходимость, какъ міровая и историческая аксіома. Но есть иная область, область религіозно-нравственныхъ запросовъ и, такъ-сказать, внутренняго философскаго смысла каждаго явленія; эта область не удовлетворяется ссылкой на простую принудительность и повелительно требуетъ указаній высшаго оправданія каждаго явленія, изначальныхъ основъ и конечнаго его смысла. И вотъ съ этой-то, не скрою, трудной точки зрѣнія мнѣ и хочется сегодня побесѣдовать съ вами на тему объ оправданіи воинскаго званія.

Если вы сегодня хоть сколько-нибудь внимательно слушали вечернее богослуженіе, то въ евангельскомъ разсказѣ о событіи Срѣтенія Господня вашъ слухъ долженъ былъ уловить нѣкоторыя частности рѣчи, напоминающія вамъ то, что называется языкомъ военнымъ. Симеонъ - старецъ, пророчествуя о Богомладенцѣ Исусѣ, изображаетъ Его подъ видомъ военнаго знамени, столь вамъ, конечно, знакомаго: „Се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили, и *съ знаменіе пререкаемо*“... (Лук. II, 34). Знамя пререкаемое — знамя

* Рѣчь, сказанная 1 февраля 1908 года юнкерамъ Московскаго Алексѣевскаго военнаго училища послѣ всенощнаго бдѣнія въ присутствіи Августѣйшаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. По мѣстамъ представляетъ повтореніе слова, сказаннаго въ Карсѣ и напечатаннаго во II-мъ томѣ.

спорное, около котораго идетъ во время сраженія самая ожесточенная сѣча; повергнуть это знамя, отнять, опозорить—это задача одной борющейся стороны; отстоять его, сохранить, высоко держать надъ рядами, являть имъ знакъ силы, объединенія, управлять посредствомъ него всею громадою воинства—это задача другой борющейся стороны. Въ исторіи міра Спаситель сравнивается съ этимъ знаменемъ, и мы видѣли и видимъ, какъ до конца исполнилось и исполняется и будетъ исполняться во всей полнотѣ это простое, но глубокое прореченіе Симеона. Ибо и доннѣ и до конца вѣковъ, при всемъ разнообразіи и поводовъ, и приѣмовъ борьбы, при всемъ разнообразіи человѣческихъ и общечеловѣческихъ интересовъ, запросовъ, стремленій,—во всѣхъ сферахъ жизни личной, семейной, общественной, государственной одинъ смыслъ и только одно значеніе видно вдумчивому взгляду: борьба вѣры и невѣрія, добра и зла, свѣта и тьмы, Бога и діавола, Христа и Веліара.

И Тебѣ Самой *душу пройдетъ оружіе*,—въ подлинникъ—мечъ; это—слова, сказанныя Симеономъ Богоматери,—и опять образъ здѣсь взятъ изъ обстановки жизни воинской.

Если бы, далѣе, я захотѣлъ васъ провести по всему Священному Писанію только Новаго Завѣта, то вы съ величайшимъ удивленіемъ увидѣли бы, какъ часто рѣчь священнѣйшихъ писателей и Самого Спасителя обращается къ тому, что называется языкомъ военнымъ. И это—рѣчи самыя сильныя. Вотъ образцы ихъ.

„Если бы отъ міра сего было царство Мое, говорить Спаситель, то служители Мои подвизались бы за Меня“ (Іоан. XVIII, 36).

„Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; но миръ пришелъ Я принести, но мечъ“ (Мѣ. X, 34),—слова Иисуса Христа.

Еще: „Какой царь, идя на войну противъ другаго царя, не сядетъ и не посоветуется прежде, силенъ ли онъ съ десяти тысячами противостать идущему на него съ двадцатью тысячами“ (Лук. XIV, 31).

Вотъ другое изреченіе Спасителя апостоламъ, которое какъ

бы звучить воински: „Когда Я посылалъ васъ безъ мѣшка, и безъ суммы, и безъ обуви, имѣли ли вы въ чемъ недостатокъ?“ Они отвѣчали: „ни въ чемъ“. Тогда Онъ сказалъ имъ: „но теперь, кто имѣеть мѣшокъ, тотъ возьми его, также и суму, а у кого нѣтъ, продай одежду свою, и купи мечъ“ (Лук. XXII, 35—36).

Въ апостольскихъ наставленіяхъ мы еще чаще встрѣчаемъ тотъ же воинскій языкъ: „Облечемся въ броню вѣры, въ шлемъ надежды спасенія (1 Сол. IV, 8), съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукъ (2 Кор. VI, 7); облечемся въ оружія свѣта, (Римл. XIII, 12). Облекитесь во всеоружіе Божіе; станьте препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности; а паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ можете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть Слово Божіе“ (Ефес. VI, 11 и д.). „Преподаю тебѣ завѣщаніе,—пишетъ апостоль ученику, котораго онъ поставилъ епископомъ,—чтобы ты воинствовалъ, какъ добрый воинъ (1 Тим. I, 18); переноси страданія, какъ добрый воинъ Іисуса Христа“ (2 Тим. II, 3). Себя самого апостоль называетъ воинномъ, а своихъ сотрудниковъ— „соратниками“, „сподвижниками“ (Филим. 2, Филипп. II, 25). Наконецъ, эти сравненія приводятся апостоломъ ужь не какъ фігуральное изображеніе духовнаго воинствованія, но и какъ основа реального права. Разсуждая о правѣ проповѣдника-апостола получать содержаніе отъ тѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ, апостоль говоритъ: „какой воинъ служить когда-либо на своемъ иждивеніи?“ (1 Кор. IX, 8). А увѣщевая Тимоея безраздѣльно и всецѣло отдаться подвигу пастырства, тотъ же апостоль даетъ ему такое сравненіе: „никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобы угодить военачальнику“ (2 Тим. II, 3).

Что-нибудь да значать эти постоянныя сравненія, и во всякомъ случаѣ изъ нихъ никакъ невозможно заключить о томъ, чтобъ апостолы и первые христіане могли относиться какъ-нибудь пренебрежительно къ воинскому званію. Скорѣе можно, и мы въ правѣ сдѣлать совсѣмъ обратный выводъ, тѣмъ болѣе, что общимъ правиломъ у апостоловъ по отноше-

нію къ новообращеннымъ христіанамъ было одно: „каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ“ (1 Кор. VII, 20); изъ воинскаго званія исключенія не дѣлалось. Сама Церковь называется воинствующею. И все-таки всѣ приведенные образы можно понять только какъ образы, понятные для того далекаго и воинственнаго времени и потому такъ часто употребляемые.

Намъ необходимо перейти къ непосредственнымъ свидѣтельствамъ и указаніямъ, прямо относящимся къ предмету нашей рѣчи,—къ указаніямъ на живыхъ носителей настоящаго воинскаго званія. Святое евангеліе рассказываетъ намъ, что на предразсвѣтной зарѣ христіанства явился великій пророкъ-проповѣдникъ, приготовлявшій людей къ принятію Спасителя. Какъ только вышелъ онъ изъ своего пустыннаго уединенія и сталъ на великомъ и людномъ пути Иорданскомъ, тотчасъ же огненное слово его потрясло сердца слушателей, и „приходили къ нему Іерусалимъ, и вся Іудея, и вся окрестность Иорданская“ (Матѣ. III, 5), приходили люди всѣхъ возрастовъ, званій и состояній, повинуваясь врожденному и неистребимому въ челоуѣкѣ влеченію къ нравственному и совершенному, приходили и вопрошали пророка о пути жизни, богоугожденія и спасенія. Въ числѣ другихъ приходили къ нему и подобные вамъ воины и также спрашивали Іоанна Крестителя: „а намъ что дѣлать?“ Простые, жизненные и удобопонятные отвѣты давалъ пророкъ всѣмъ, искавшимъ у него наставленія; такой же отвѣтъ далъ онъ и воинамъ, примѣняясь къ ихъ тогдашнему быту и господствовавшему въ то время среди нихъ порокамъ и недостаткамъ: „никого не обижайте, не клеветите и довольствуйтесь оброками вашими“. Это означало: не употребляйте во зло вашей силы и службы для узкой корысти; исполняйте вашъ долгъ и призваніе, а призваніе ваше—защищать другихъ отъ обидъ, а не быть обидчиками, способствовать порядку и устройству, а не разстройству жизни.

Окончилъ свое земное поприще великій пророкъ, и вотъ вышелъ на дѣло учительства и спасенія людей Самъ Господь Спаситель, имъ проповѣданный и предуказанный. Во дняхъ Его плоти, въ трудахъ Его земнаго служенія, въ числѣ пер-

выхъ послѣдователей около Него стали прежде всего ближайшіе ученики Іоанна Крестителя, какъ наиболѣе подготовленные къ слушанію и проповѣдыванію новаго завѣта и царства Божія на землѣ. И никогда они не слышали отъ Мессіи и Агнца Божія, указаннаго Іоанномъ Крестителемъ, отъѣны тѣхъ наставленій, которыя Предтеча преподавалъ своимъ ученикамъ и слушателямъ.

Божественный Учитель всегда былъ окруженъ ищущими глаголовъ живота вѣчнаго; были среди нихъ, несомнѣнно, и войны, и о нѣкоторыхъ такихъ, ищущихъ правды вѣчной войнахъ, въ назиданіе намъ, сохранились указанія въ евангеліяхъ. Такъ, римскій офицеръ, сотникъ въ Капернаумѣ, проявилъ такіа нравственныя силы, такую вѣру, любовь и смиреніе, что предъ всѣмъ народомъ удостоился высокой и рѣдкой похвалы изъ устъ Спасителя, причемъ здѣсь же Господь благоволилъ указать на него, какъ на образъ безчисленныхъ избранниковъ изъ всѣхъ народовъ, которые придутъ и возягутъ на пиршествѣ вѣры въ новомъ и вѣчномъ царствѣ Христовомъ. Знаемъ изъ евангелія и о другомъ сотникѣ, по имени Лонгинъ, который стоялъ на-стражѣ у креста Іисусова и въ часъ Его смерти исповѣдалъ вѣру свою во Спасителя міра. Наконецъ, въ исторіи первыхъ дней Церкви на землѣ мы опять встрѣчаемъ война—сотника Корнилія въ городѣ Кесаріи Палестинской. Онъ просилъ апостола Петра придти къ нему, чтобъ услышать отъ него слово спасенія. Пришелъ Петръ, и Корнилій говоритъ: „нынѣ мы предъ Богомъ предстоимъ слышать *все* повелѣнное тебѣ отъ Бога“ (Дѣян. X, 33). Апостоль далѣе илагаетъ предъ собравшимися слушателями всю сущность христіанскаго благовѣстія. Замѣтьте: ни слова здѣсь не говоритъ апостоль Корнилію о несомвѣстности его военнаго званія съ христіанскимъ исповѣданіемъ; между тѣмъ, если бы это было такъ, то Онъ, конечно, въ своей рѣчи о всемъ потребномъ вообще, и въ частности по отношенію къ Корнилію, для вступленія въ Церковь, непременно упомянулъ бы объ этомъ. Иначе быть не могло. Какъ нѣкогда Іисусъ Христосъ покаявшейся блудницѣ, и Онъ долженъ бы сказать сотнику словами Спасителя: „прощаются тебѣ прежніе грѣхи, а теперь

иди и впредь не грѣши, оставь твое грѣховное и недозволенное воинское служеніе". Ничего подобнаго ему не было сказано, а вѣра его и благоволеніе къ нему Божіе засвидѣтельствованы тѣмъ, что еще во время рѣчи апостола, до крещенія Корнелія, на него уже сошелъ Духъ Святой, по замѣчанію дѣписателя (X, 44).

Прошли съ тѣхъ поръ вѣка христіанской исторіи, и на протяженіи всѣхъ этихъ вѣковъ христіанства воинство водружало кресты на своихъ знаменахъ, сражалось и умирало за вѣру и изъ своихъ рядовъ дало и исповѣдниковъ, и мучениковъ за Христа. И Церковь, благословляя воинство, молилась о немъ и въ лицѣ святыхъ внесла многихъ-многихъ, которые были добрыми воинами и слугами царей земныхъ и въ то же время добрыми воинами и слугами Царя Небеснаго. Здѣсь мы должны оговориться, чтобъ избѣгнуть упрека въ намѣренномъ замалчиваніи фактовъ и чтобы выяснитъ вопросъ всесторонне. Несомнѣнно, въ литературѣ древности христіанской,—но, во-первыхъ, въ писаніяхъ большею частію подложныхъ, а во-вторыхъ, у писателей, не признаваемыхъ вполне точными выразителями истинно-церковнаго ученія, какъ у Тертуліана и Оригена,—мы находимъ недружелюбные отзывы и даже враждебныя отношенія къ воинскому званію, встрѣчаемъ и прямо высказываемое рѣшительное мнѣніе, что христіанину не слѣдуетъ поступать въ военную службу. Однако, безпристрастно и обстоятельно разбираясь во всемъ этомъ, мы видимъ вездѣ въ этихъ случаяхъ не принципиальное отрицаніе воинства, а практическія указанія на то, какъ трудно было въ то время христіанину-воину оставаться вѣрнымъ своему долгу христіанскому. Совершенно такой же смыслъ и аналогичный примѣръ мы можемъ указать въ извѣстныхъ словахъ апостола Павла о бракѣ, когда онъ совѣтуетъ христіанину лучше не жениться. Для служителей евангельской проповѣди въ то время, дѣйствительно, семья и брачная жизнь, съ ея неизбѣжными мірскими заботами, являлась тяжкимъ препятствіемъ въ дѣлѣ проповѣдничества. Но это далеко не значило и не значить, что бракъ самъ въ себѣ, въ существѣ своемъ, есть скверна. Вступленіе въ ряды воиновъ требовало языческой

жертвы и языческой клятвы; воинамъ часто приходилось приносить жертвы богамъ, а офицерамъ—служить императорской статуѣ, какъ Богу, а также участвовать въ судѣ надъ христіанами и присуждать ихъ къ смерти; нерѣдко приходилось отводить христіанъ на мученія за исповѣданіе вѣры; самыя войны римскаго государства были большею частію войнами разбойничьими и хищническими, безъ внутренней возвышающей идеи. Если, далѣе, принять во вниманіе, что поступленіе въ войска въ Римѣ было *добровольнымъ*, а не по общему призыву гражданъ, какъ въ наше время, то, естественно, древніе учителя не могли христіанамъ рекомендовать поступленіе въ военную службу.

И, тѣмъ не менѣе, воины-христіане были и при нихъ. Мы видимъ, что самыя пристрастныя въ смыслѣ отрицанія воинскаго званія изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ на древнихъ римскихъ кладбищахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанской эры, по оставшимся надписямъ на гробницахъ, показываютъ намъ, что число погребенныхъ воиновъ-христіанъ по отношенію къ числу воиновъ-язычниковъ было совершенно такимъ же въ пропорціональномъ отношеніи, какъ и отношеніе числа вообще христіанъ ко всему населенію имперіи. Это—знакъ, что христіане не уклонялись отъ военной службы, хотя имѣли къ тому полную возможность. Тотъ же Тертуллианъ свидѣтельствуетъ, что въ его время христіане уже заполняли весь римскій міръ—города, селенія, *лагери*... „Мы,—пишетъ онъ,—не бѣгаемъ людей, не обитаемъ въ лѣсахъ. Мы съ вами плаваемъ по рѣкамъ и морямъ, *носимъ оружіе*, обрабатываемъ землю, ведемъ торговлю“... А Климентъ Александрійскій, учитель помянутаго Оригена, поучаетъ христіанина-воина: „Въ качествѣ воина *тебѣ слѣдуетъ приобрести военныя познанія*. Слушайся полководца: онъ правиломъ объявляетъ справедливость“. Затѣмъ онъ повторяетъ воинамъ урокъ—приведенныя нами выше слова Іоанна Крестителя. Слѣдовательно, Оригенъ выражаетъ лишь свои личныя воззрѣнія, когда относится отрицательно къ воинскому званію.

Можно было бы, на основаніи сохранившихся памятниковъ древней христіанской письменности, въ особенности же

по такъ-называемымъ актамъ мученическимъ, въ которыхъ мы находимъ протокольные записи судебныхъ показаній мучимыхъ и присуждаемыхъ къ смерти христіанъ, по древнимъ житіямъ святыхъ и по другимъ источникамъ, доказать неопровержимо, какъ много христіанъ было въ войскахъ въ первые вѣка христіанства. Но я утомилъ бы только ваше вниманіе этими подробностями. Я укажу на одно происшествіе при императорѣ Маркѣ Авреліи. Была война съ германцами и сарматами; въ ней принималъ участіе такъ-называемый Мелитинскій легионъ; солдаты этого легиона были изъ Мелитинской области Малой Азіи, тогда имѣвшей очень значительное христіанское населеніе. Естественно, что и среди легионеровъ-солдатъ были христіане. Во время сраженія случилось вотъ что,—передаемъ буквально рассказъ древняго историка Евсевія: „Маркъ Аврелій, готовясь вступить въ сраженіе, тогда какъ его войско истаевало отъ жажды, находился въ крайнемъ затрудненіи. Но воины легиона, которые за вѣру существуютъ и донынѣ, стоя предъ непріателемъ въ строю, вдругъ преклонили колѣна на землю, что обыкновенно дѣлаемъ мы во время молитвы, и обратились къ Богу съ молитвою. Сколь ни дивнымъ показалось непріятелю такое зрѣлище, но за нимъ тотчасъ послѣдовало еще болѣе удивительное. Это—молнія, обратившая въ бѣгство и истребившая враговъ, и дождь, испрошенный силою молитвы къ Богу и оживившій войско, которое погибало отъ жажды“. Это говоритъ историкъ Евсевій (IV в.), то же,—и это особенно замѣчательно,—подтверждаетъ раньше его помянутый Тертуллианъ (III в.), который ссылается при этомъ на собственноручное письмо императора М. Аврелія, который, какъ извѣстно, былъ и философомъ-писателемъ, наконецъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ третій писатель Аполлинарій, который, описывая это происшествіе въ легионѣ, замѣчаетъ, что ему дано было и особое названіе по сему поводу: „легионъ молніеносный“—*legio fulminatrix*.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія мы беремъ изъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Замѣтимъ при этомъ, что въ началѣ IV-го вѣка, еще до объявленія христіанства религіей, дозволенной въ Римской имперіи, при императорѣ-языч-

никъ Ликиніи въ войскахъ было даже гоненіе на христіанъ и стремленіе сократить ихъ число: такъ оно было велико. Со временъ же Константина Великаго, т.-е. съ начала IV вѣка, когда христіанъ въ войскахъ уже не принуждали къ идольскимъ клятвамъ и жертвамъ, христіане охотно шли въ военную службу, и мы не слышимъ ни одного возгласа или замѣчанія у христіанскихъ учителей и писателей о несовмѣстности военнаго служенія съ званіемъ христіанина. И иначе быть не могло. Христіанство имѣетъ цѣлью измѣнить внутренняго человѣка. Это вѣрно. Все внѣшнее само по себѣ цѣны не имѣетъ: государство, власть, богатство и проч.—это не цѣль, а только средство къ высшей цѣли, къ внутреннему усовершенствованію.

Поэтому христіанство прямо и непосредственно не рѣшаетъ вопросовъ государственныхъ, не отвѣчаетъ прямо на вопросы политики, права, экономіи. Но это отрѣшеніе христіанскаго ученія отъ мірскихъ дѣлъ нельзя понимать, какъ ихъ осужденіе и отрицаніе, или какъ запрещеніе оцѣнивать и опредѣлять христіанину свои отношенія къ явленіямъ и событіямъ внѣшней государственной жизни по началамъ христіанскаго ученія. Ибо, по слову апостола: „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованія жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. IV, 8). Царство Божіе утверждается и на землѣ, и не только въ дѣлахъ и поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, но и въ обнаруженіяхъ жизни общественной и государственной. Поэтому христіанство явленій и формъ внѣшней жизни не отрицаетъ и отрицать не можетъ. Оно не отрицаетъ и самаго государства, опирающагося въ своемъ основаніи на внѣшнюю принудительную силу, какъ для охраненія мира совнѣ, такъ и для сохраненія порядка внутри: въ этомъ нравственная задача государства и помощь христіанству,—„да тихое и безмятежное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. II, 2). Христіанство не можетъ поэтому отрицать и войны, которая входитъ въ сферу внѣшнихъ отношеній человѣка и есть одна изъ основныхъ формъ его внѣшней жизни ¹⁾.

¹⁾ Карышевъ: „Отношеніе христ. къ военной службѣ“, стр. 3—4.

Но вотъ уже въ наше время пронеслось надъ умами и сердцами иное вѣяніе, которое объявило воинство, любовь къ отечеству и защиту родины позоромъ, разбоемъ и преступленіемъ. Мы не стали бы о немъ и говорить, но оно прикрывается именемъ христіанства, а одинъ изъ его провозвѣстниковъ, авторъ новой вѣры и новаго евангелія, объявившій себя самозванно учителемъ міра, можно сказать, забросалъ насъ текстами изъ евангелія и Священнаго Писанія въ доказательство своего ученія. Прельстившись этимъ видомъ благочестія, забывъ, что и дьяволъ, искушая Спасителя, тоже ссылался на Священное Писаніе, и, однако, былъ далекъ отъ истины, забывъ, что можно быть великимъ художникомъ слова, но плохимъ мыслителемъ и религіознымъ учителемъ, онъ увѣренно и властно давалъ всѣмъ приходящимъ и вопрошающимъ отвѣты о пути и смыслѣ жизни, которую онъ, по собственному признанію, самъ провель безумно и безпутно, и о волѣ Бога, въ Котораго, какъ въ личное и волящее существо, онъ самъ не вѣритъ... Приходили къ нему въ числѣ другихъ и воины, и готовящіеся быть воинами, вопрошая его: что намъ дѣлать? И вотъ раздался отвѣтъ, который скоро обратился въ озлобленную и страстную проповѣдь по всему міру. Проповѣдь эта гласила: „Не нужно самага воинства, воинство есть позоръ и преступленіе; воинъ есть разбойникъ, а защита родины есть разбой“. Когда у насъ теперь доискиваются причинъ нашихъ неудачъ въ послѣднюю войну, когда удивляются слабому проявленію патріотизма въ русскомъ обществѣ во время войны, то рѣдко упоминаютъ о томъ, что 20 лѣтъ предъ симъ все образованное наше общество буквально питалось навѣянными сочиненіями Толстого отрицательно-озлобленнымъ отношеніемъ къ арміи, къ войнѣ, къ патріотизму и къ родинѣ. „Люби всѣхъ, но ненавидь свой родной народъ“,—вотъ во что выродилась толстовщина на страницахъ газетъ, большею частью руководимыхъ евреями, этими всесвѣтными гасителями патріотическаго духа и всякихъ сильныхъ, для нихъ опасныхъ, государственныхъ, религіозныхъ и національныхъ организацій.

Невольно мнѣ здѣсь вспоминается одинъ тяжелый рассказъ, который мнѣ пришлось слышать на Дальнемъ Востоку въ 1905 году, непосредственно послѣ окончанія русско-японской войны. Передавалъ его мнѣ офицеръ, возвращавшійся съ о. Сахалина. Мы вмѣстѣ ѣхали въ поѣздѣ отъ Хабаровска; разговорились о томъ, какъ русскія войска на Сахалинѣ сдались японцамъ. „Быль,—разсказывалъ мнѣ мой собесѣдникъ,— у меня товарищъ по полку, онъ же мнѣ и товарищъ по гимназіи. Помню, въ гимназіи всѣ преподаватели и старшіе ученики увлекались Толстымъ, смѣялись надъ патриотизмомъ, отрицали долгъ предъ родиной, отвергали присягу, судъ, наказанія, войну. Въ классѣ, бывало, учитель словесности особенно издѣвался надъ націоналистами русскими, и слово „патріотъ своего отечества“ было у него любимую остротой. Мой товарищъ все это глубоко воспринялъ и усвоилъ. Не повезло ему въ ученьи, и онъ, рѣшительно не понимая почему, поступилъ въ военную службу, сталъ офицеромъ. Встрѣтились мы съ нимъ уже на войнѣ. Когда наши войска сдавались японцамъ, тутъ-то и отпрыгнулась въ немъ старая закваска. Онъ приказалъ солдатамъ сложить ружья въ козлы, положить тутъ же около всѣ патроны. Подошелъ японскій офицеръ; онъ, оказалось, владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ говорилъ и мой товарищъ-офицеръ. И вотъ слышу его рѣчь къ японцу: „Возьмите эти ружья, пересчитайте патроны; вы увѣритесь, мы не выпустили ни одного... Я отвергаю войну; всѣ люди—братья... Отечество—глупое слово, и Японія—для меня то же отечество. Вы, надѣюсь, поймете меня... Позвольте васъ обнять, какъ брата“... Желтое лицо японца сдѣлалось темно-бронзовымъ отъ прильнувшей крови... Моментъ... и въ отвѣтъ на объятія онъ наноситъ офицеру ударъ въ лицо и говоритъ: „Такую с..... нельзя и въ плѣнъ брать! Васъ надо вѣшать“... Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ рассказъ.

Не знаемъ, можетъ-быть, вы, войны, занятые своимъ дѣломъ, своимъ долгомъ, не замѣчаете и не слышите озлобленнаго отрицанія, направленнаго противъ васъ и самаго вашего существованія, но мы видимъ и слышимъ его и те-

перь въ окружающей жизни и въ оразительницѣ жизненныхъ явленій—въ литературѣ. Впрочемъ, не могло оно пройти мимо васъ незамѣтнымъ, и мы знаемъ войновъ, которые перенесли много нравственныхъ пытокъ, много мучительныхъ сомнѣній и колебаній, разрѣшая роковой для нихъ вопросъ: быть или не быть имъ въ рядахъ защитниковъ родины? Мы знаемъ многихъ вашихъ родныхъ и близкихъ, которые страдали за васъ, разрѣшая все тотъ же вопросъ, въ который внесено столько тьмы и смуты новымъ лежеименнымъ учителемъ жизни.

Не смущайтесь, возлюбленные! Войнство не шайка разбойниковъ, защита родины—не разбой, смерть за вѣру и отечество—не позоръ, какъ бы красно, какъ бы искусно ни силились опровергнуть эту истину тѣ, коимъ она невыгодна и опасна. Если справедливо присловье: „скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу тебѣ, кто ты“, то не менѣе справедлива и обратная мысль: „укажи мнѣ твоихъ враговъ, и я тебѣ скажу, кто ты“.

Посмотрите же, откуда идетъ это отрицательное, озлобленное вѣяніе? Откуда идетъ эта страстная проповѣдь противъ воинства, это стремленіе подорвать въ основѣ любовь къ отечеству и сдѣлать невозможною защиту родины? Идетъ это изъ лагеря враговъ всякаго порядка, изъ кружковъ анархистовъ, которые, позволяя для себя и терроръ, и насиліе, и ложь, и убійства, у государства силятся отнять всякое право даже самозащиты. Уже и Л. Толстой, осудившій ихъ крайности, нынѣ въ глазахъ ихъ палъ и объявленъ у нихъ сумасшедшимъ. Тѣмъ болѣе злобы возбуждаютъ историческія, крѣпкія организациі, какъ опора порядка и государственности. Среди этихъ организаций Церковь въ духовной области и воинство въ области внѣшняго устроенія жизни являются главными и основными. И это вполне естественно. Не только всемірная, но и предмірная исторія въ горнемъ царствѣ духовъ открывается борьбою добра и зла, ангеловъ свѣта и ангеловъ тьмы; борьба эта переходитъ и въ міръ разумно-нравственной твари на землѣ, и съ тѣхъ поръ борьба добра и зла красною нитью проходитъ въ исторіи человѣчества и

составляетъ одушевляющее и движущее ея начало. Никто не можетъ уклониться отъ нея; каждый долженъ опредѣлить, на какой сторонѣ онъ стоитъ въ этой міровой борьбѣ и подъ какимъ знаменемъ сражается. Для борьбы съ міровымъ зломъ приходилъ на землю Самъ Сынъ Божій, да разрушить дѣла діавола, и въ первые же дни Своей земной жизни Онъ былъ, какъ вы сегодня слышали, пророчески объявленъ знаменемъ, около котораго до скончанія вѣковъ будетъ происходить ожесточенная борьба вѣрныхъ и невѣрныхъ. Ведеть такую внутреннюю борьбу со зломъ каждый отдѣльный человѣкъ. Въ сокровенной и невидимой области духа эту борьбу добра и зла ведеть и все собраніе отдѣльныхъ воиновъ—Христова избранница и продолжательница Его дѣла на землѣ святая Божія Церковь. По древнему выраженію, она есть лагерь Бога—*castra Dei*; и теперь ея имя: воинствующая на землѣ Церковь, въ противоположность небесной, торжествующей. Ведеть она борьбу, и изъ окружающаго мрака зла видитъ въ свѣтломъ грядущемъ побѣду; бодрость, силу и вѣру даютъ ей отрадные и вѣчныя слова обѣтованія ея главы—Христа: „Созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей“ (Мате. XVI, 18).

А въ области внѣшняго и видимаго обнаруженія зла ведеть съ нимъ борьбу государство, къ этому именно и призванное, ведеть борьбу христолюбивое, христоименитое воинство. Кратко, но ясно и сильно объ этомъ учать апостолы, вопреки всякимъ попыткамъ обосновать анархію на силѣ Священнаго Писанія. Государство—это Божій слуга, отмститель во гнѣвъ злое творящему, оно призвано увѣнчивать добро, наказывать и сдерживать зло: оно не безъ ума мечъ носить (Римл. XIII гл.). Естественно, если оно хочетъ быть побѣдоноснымъ, если оно желаетъ осмыслить высшимъ смысломъ свое существованіе, оно должно быть въ единеніи съ тою несокрушимой духовною силою, которой обѣтована навѣки побѣда и неодолимость силами зла и ниже вратами ада.

Неудивительно поэтому, что Іоаннъ Креститель, давъ обычныя наставленія воинамъ, заповѣдалъ имъ избѣгать пороковъ, распространенныхъ въ ихъ средѣ, но не отрицать

самаго званія воинскаго и не приказывалъ имъ оставить его. Неудивительно, что и Спаситель, похваливъ нравственныя достоинства капернаумскаго сотника, не повелѣлъ ему сложить воинскіе доспѣхи, не повелѣлъ ему даже, какъ другимъ, оставить дѣла житейскія и слѣдовать за Собою, но оставилъ его у долга его служенія. Неудивительно, далѣе, что первые христіане охотно и во множествѣ служили въ рядахъ войскъ и если оставляли воинское званіе, то въ томъ только случаѣ, если ихъ заставляли кланяться кумирамъ и признавать за божество цезаря; неудивительно, что при императорахъ-язычникахъ состояли цѣлыя легіоны изъ воиновъ-христіанъ и среди нихъ знаменитый *legio fulminatrix* при Маркѣ Аврелии. Неудивительно, что изъ воиновъ же вышло много мучениковъ за Христа, много великихъ благодѣтелей челоувѣчества, много святыхъ, которыхъ донинѣ чтить святая Церковь. Одинъ изъ недавно умершихъ русскихъ писателей, мыслитель-христіанинъ (Вл. Соловьевъ въ сочин. „Подъ пальмами“) дѣлаетъ даже такое замѣчаніе: „Посмотрите,—говоритъ онъ,—въ числѣ нашихъ русскихъ святыхъ все больше или монахи, или воины“. И, дѣйствительно, цари, князья-воители, умиравшіе за вѣру, сражавшіеся за вѣру и отечество, и Константинъ Великій, и Владиміръ Святой, Борисъ, Глѣбъ, Игорь, Довмонтъ, Андрей Боголюбскій, Михаилъ Черниговскій, Михаилъ Тверской, Александръ Невскій и другіе,—всѣ эти воины почитаются въ Церкви, какъ святые, наравнѣ съ величайшими преподобными подвижниками. Неудивительно, наконецъ, что и донинѣ Церковь благословляетъ христоролюбивое воинство. Великая, величайшая, несокрушимая сила въ этомъ единеніи Церкви и воинства: когда Церковь воодушевляетъ и подкрѣпляетъ воина въ исполненіи долга его званія, въ его готовности умереть и пострадать за избранную идею, и когда онъ эту идею беретъ у Церкви и въ своей жизни и дѣятельности исполняетъ задачи Церкви на землѣ. Это—тѣло, соединенное съ духомъ, живое, дѣйственное и мощное; это—мощь, способная побѣдить всѣ препятствія, страшная для царства зла. Мысль эту вполнѣ раздѣляютъ оба лагеря: и защитники, и отрицатели воинства. Помнится рѣчь одного изъ героев рус-

ско-турецкой войны, выдающагося русскаго полководца (генерала Драгомирова), на обѣдѣ въ день церковнаго торжества, при открытіи мощей святителя Θεодосія. Ораторъ заявилъ, что онъ—не чужой на этомъ духовномъ торжествѣ, и что въ лицѣ присутствовавшихъ высшихъ церковныхъ іерарховъ онъ видитъ собратій въ великой борьбѣ со зломъ, только въ другой, болѣе важной, духовной области. А въ современной Франціи новая жидовствующая ересь, породившая и питающая анархическую клику, злобно кричитъ, что сабля и ряса подали другъ другу руку и вступили между собою въ союзъ. Что же: при единствѣ врага естественно людямъ сходиться. Знаютъ это темныя силы зла и поэтому со всею злобою и страстностью возстаютъ противъ союза христіанства и государства, Церкви и воинства и объявляютъ его противоестественнымъ.

Противоестественный союзъ христіанства и государства! Но кто же ратуетъ здѣсь за христіанство? Или питомцы и единомышленники распявшихъ Христа, или люди, которымъ по безрелигіозному направленію такъ же пристало распинаться за христіанство, какъ Іудѣ пристало бы отстаивать вѣрность и безкорыстіе. Противоестественный союзъ Церкви и христолюбиваго воинства! Но не противоестественно ли было бы обратное явленіе? Возьмемъ самый простой и наглядный примѣръ. Вотъ предъ нами разбойникъ, грабитель и многократный убійца, приведенный и представленный на судъ, и вотъ предъ нами георгіевскій кавалеръ, проливавшій кровь на полѣ брани, со слѣдами ранъ, увѣчий и пережитыхъ страданій. Неужели въ нравственномъ отношеніи ихъ можно поставить на одну доску? Отчего противъ этого сопоставленія возмущается здоровое нравственное чувство? Отчего оно никакъ не укладывается ни въ голову, ни въ сердце? Дѣло очень простое. Оттого, что одинъ шелъ убить, а другой шелъ умереть; одинъ идетъ во имя свое, во имя личной пользы, узкой корысти и себялюбія, а другому, напротивъ, личное-то себялюбіе подсказывало убѣжать съ поля брани, но онъ шелъ во имя Бога, за Церковь, за родину, за другихъ, за ближнихъ прежде всего, а не за себя. Въ воинскомъ служеніи христіанство всегда мыслило элементы подвига и *мученичества*, а не мучительства: „ты

злостражди, яко добрый воинъ Иисуса Христа", — пишетъ ап. Павелъ ученику своему Тимоею (2 Тим. II, 3). Просто и убедительно выяснилъ это различіе одинъ изъ святыхъ первоучителей славянскихъ — равноапостольный Кирилль, въ мірѣ Константинь-философъ. Когда въ спорѣ съ невѣрными послѣдніе указывали ему на видимое противорѣчіе христіанства, заповѣдующаго любить ближнихъ и въ то же время допускающаго войну, св. Кирилль спросилъ ихъ: „какую, по вашему мнѣнію, заповѣдь нужно прежде всего исполнить, большую или меньшую?“ Ему отвѣтили: „большую“. Тогда святой сказалъ: „правда, Христосъ заповѣдалъ любовь къ ближнимъ, но Онъ далъ и другую заповѣдь, которую Самъ же и назвалъ наибольшою: больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою (жизнь свою) положить за други своя“ (Іоан. XV, 13).

Бывали ли вы на кладбищѣ воинскомъ? Нѣтъ части свѣта, гдѣ бы не умирали наши русскіе воины. Я видѣлъ ихъ могилы въ далекой Персіи, въ Урміи и Хоѣ, я бывалъ въ Карсѣ, гдѣ мы стоимъ воистину „на кровяхъ“, какъ выражались наши предки. Тамъ полегли костями тысячи и десятки тысячъ безвѣстныхъ героев-мучениковъ, страдальцевъ за вѣру и отчизну, тамъ они обагрили кровью эту чужбину, эти скалы и камни, эту негостепримную землю. Они шли, готовые на смерть, невѣдомые безвѣстные герои, совершая подвигъ въ тайнѣ своего духа только предъ лицомъ Бога, шли умирать и знали, что тамъ за ними стоитъ благословляющая ихъ родная Церковь, которая безъ ихъ подвига померкнетъ и поникнетъ предъ невѣрнымъ полумѣсяцемъ, стоитъ и родимая Россія, которая привела ихъ на край своего царства, исполняя богоуказанную міровую свою и христіанскую задачу на Востокъ. Развѣ ихъ не тянуло домой? Развѣ не тянуло ихъ къ свѣту, теплу и покою, въ мирныя и дорогія семьи? Развѣ въ послѣднія предсмертныя минуты не представлялись имъ близкіе и родные образы?

О, не забыть мнѣ до гробовой доски тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которыя я испыталъ на другомъ такомъ же братскомъ кладбищѣ, въ нашемъ многострадальномъ Севастополѣ. Вотъ на историческомъ холмѣ раскинулась и разрослась

зеленая роща—жизнь на мѣстѣ смерти. Какая священная тишина, какой царить миръ! Идешь въ этомъ безмолвіи посреди безчисленныхъ могилъ и въ онѣмѣніи чувствъ читаешь знаменательныя и поражающія надписи: „Такой-то и тамъ-то убитъ, смертельно раненъ, разорванъ на части“... „Братская могила въ 100, 200, 300 человѣкъ“... „Братская могила въ 500, 700 человѣкъ“... Да, кто хочетъ учиться уваженію къ воинству, кто хочетъ понять и оцѣнить его трудъ, подвиги и заслуги, тотъ долженъ идти на братское воинское кладбище! Знаемъ, придетъ время, и стѣны вашего храма и этого зала украсятся надписями и свидѣтельствами о томъ, что вылетѣвшіе изъ этого гнѣзда орлы сумѣли умирать за родину, за ея честь, за ея покой. Не останутся безъ продолженія строки на черныхъ мраморныхъ доскахъ, что мы видимъ въ вашемъ храмѣ, гдѣ перечисляются имена тѣхъ героев-мучениковъ, которые вышли изъ этого училища и положили жизнь на полѣ бранной чести, защищая Церковь, Царя и родину. Знаемъ это и говоримъ, но говоримъ не съ мятущимся сердцемъ. Жизнь—не вѣчный праздникъ веселья, жизнь есть трудъ и подвигъ искупляющаго страданія, жертва и служеніе духу и высокой идеѣ любви и самоотверженія. Она выражена словами Иисуса Христа, которыя по преимуществу являются родными и путеводными для воинства: „Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“.

Да будетъ эта идея вашею, друзья, путеводною звѣздой, чтобы съ нею и при свѣтѣ ея вы прошли черезъ жизнь безъ страха и сомнѣній! Аминь.

Самомнѣніе.*

Нѣсмь, якоже прочіи челоѣци!
(Лук. XVIII, 11.)

Въ заботливой о насъ любви святая Церковь изъ всего годового круга времени избираетъ святую Четырдесятницу

* Изъ рѣчи въ религ.-философск. кружкѣ молодежи въ Москвѣ 3 февраля 1908 г., въ нед. о Мытарѣ и Фарисей.

дней поста для того, чтобы мы въ эти дни, подъ ея руководствомъ, отдались съ особымъ усердіемъ и съ особою сосредоточенностью духа своему нравственному созиданію. Но уже за нѣсколько недѣль предъ симъ она начинаетъ насъ готовить къ предстоящему духовному подвигу, то устраняя насъ опасностью духовной гибели, въ лицѣ гордаго фарисея и послѣдней судьбы грѣшника на страшномъ судѣ, то утѣшая надеждою на Божіе помилованіе блудному, но кающемуся сыну, и кающемуся мытарю, то предъ самымъ временемъ поста располагая сердце наше къ любви и всепрощенію.

Сегодня въ лицѣ фарисея дано намъ предостереженіе объ одномъ страшномъ врагѣ нравственнаго развитія и всей духовной жизни человѣка; этотъ врагъ—самоувереніе. Чѣмъ оно, такъ-сказать, искреннѣе, т.-е. чѣмъ больше человѣкъ самъ вѣритъ въ свои достоинства и заслуги, тѣмъ оно опаснѣе и губительнѣе. Молодымъ людямъ нашего времени, страдающимъ именно самоувереніемъ и самовозвеличеніемъ, почитающимъ себя солью земли, цвѣтомъ интеллигентности, обновителями и руководителями жизни, по самоуверенію нетерпимымъ ко всѣмъ съ ними несогласнымъ, особенно полезно вдуматься въ эту страшную болѣзнь духа. Вѣдь и въ тѣлѣ самая опасная болѣзнь та, которую человѣкъ не сознаетъ и не замѣчаетъ, и поэтому не предпринимаетъ противъ нея никакихъ мѣръ...

Притча о мытарѣ и фарисеѣ рисуется предъ нами самоувереніе въ живомъ и наглядномъ образѣ. Послушайте, какъ выхваляетъ себя фарисей предъ Богомъ. Нѣсмь, якоже прочіи человѣци! Онъ лжетъ? Притворяется? Едва ли. Ибо нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что можно обмануть Бога. Нѣтъ, онъ, повидимому, искренно увѣренъ и убѣжденъ въ своей безгрѣшности и безупречности. Съ самоуслажденіемъ онъ перечисляетъ свои добродѣтели. Пошуся..., десятину даю... И въ этомъ, думается, онъ опять не лжетъ; вполне возможно и вполне вѣроятно, что онъ и постился дважды въ недѣлю, и десятую часть изъ приобретаемаго отдавалъ.

И, однако, онъ пошелъ домой послѣ молитвъ осужденнымъ. За что же такой приговоръ? За что осужденіе? Что худого сдѣлалъ фарисей?

Онъ не сдѣлалъ, конечно, нарушенія закона, но вѣдь нравственное есть область прежде всего духовная, не перечень и списокъ дѣлъ, а прежде всего и болѣе всего духовная область настроеній, чувствъ и мыслей, отъ которыхъ исходятъ желанія и проистекають дѣла. Одно и то же дѣло при этомъ получаетъ различную окраску, имѣеть различную цѣну. Хлѣбъ и вино въ литургіи, во святой чашѣ, на святомъ престолѣ—величайшее таинство; хлѣбъ и вино дома за столомъ—простая пища и обычное угощеніе. Кровавая и мучительная операція врача надъ больнымъ вызываетъ похвалу и благодарность; кровавое дѣло разбойника, хотя бы онъ былъ вооруженъ тѣмъ же ножомъ и наносилъ раны въ тѣ же мѣста тѣла, остается разбоемъ и преступленіемъ, вызываетъ проклятіе. И дѣла благочестія имѣють значеніе, признаются или не признаются таковыми въ зависимости отъ того духовнаго состоянія, отъ того духовнаго настроенія, изъ котораго они проистекають. Фарисей же пришелъ къ тому нравственному состоянію, страшному и ужасному, которое положило конецъ его духовной жизни и обозначило его духовную смерть. Онъ и впредь будетъ творить тѣ же дѣла видимаго благочестія, но и впредь они будутъ лишены нравственной цѣны, опираясь на гордыню и самомнѣніе.

Представьте себѣ человѣка не только сытаго, но пресыщеннаго: захочетъ ли онъ ѣсть? Представьте себѣ человѣка, вдоволь напившагося воды: захочетъ ли онъ пить? Самая мысль о пищѣ противна пресыщенному, противенъ лишній глотокъ воды тому, кто не чувствуетъ никакой жажды. Примѣните сказанное къ духовной области. Вотъ человѣкъ, который любитъ себя, который убѣжденъ, что онъ безупреченъ, что въ немъ нѣтъ никакого недостатка, что онъ все на него возложенное, какъ долгъ, выполнилъ, и еще сверхъ того много прибавилъ: нужно было фарисею поститься разъ въ годъ, а онъ дѣлалъ это два раза въ недѣлю; нужно было давать десятину только съ поля, а онъ давалъ ее со всего приобрѣтеннаго, даже съ ничтожныхъ злаковъ—съ мяты, тмину и анису... (Мѣ. XXIII, 23). Можетъ ли у такого человѣка быть желаніе дальнѣйшаго усовершенствованія, стремленія къ высшему звѣ-

ню? Разумѣется, быть не можетъ такого желанія. Больше нужно сказать: одна мысль о томъ, что ему нужно сдѣлаться лучшимъ, уже является для него оскорбленіемъ.

Предъ нами знакомый образъ лукаваго и лѣниваго раба, который, получивъ отъ господина своего талантъ серебра, тщательно его скрылъ, зарылъ въ землю, сохранилъ, не растрагивая, сберегъ до прихода господина, и въ тупомъ самодовольствѣ былъ увѣренъ, что исполнилъ долгъ и заслужилъ награду. Однако, сурово онъ былъ осужденъ: возьмите у него талантъ,—сказано о немъ,—и отдайте имущему десять талантовъ... А негоднаго раба бросьте въ тьму кромѣшнюю, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовой... Таковъ приговоръ подобному бездушному, голодному, злобному и горделивому исполненію долга.

Ибо христіанство есть религія духа, а не плоть, область внутренняго, а не внѣшняго дѣланія,—внѣшнее само непременно придетъ при наличіи внутренняго надлежащаго настроенія; ибо христіанство есть безконечное нравственное совершенствованіе, а не застой, такъ что кто остановился на пути нравственнаго восхожденія, тотъ неизбѣжно пошелъ назадъ, ибо христіанство есть религія жизни, а не смерти, христіанство истинное и живое есть непрестающая жажда все большаго и большаго совершенства... Ибо блаженіи алчущіи и жаждущіи правды: они насытятся; ибо нѣтъ такого хорошаго дѣла, которое не могло бы быть лучше; ибо нѣтъ такого высокаго нравственнаго состоянія, которое не могло бы быть еще выше... Ибо образъ (идеаль) совершенства, указанный христіанину,—образъ вѣчный, безграничный, всегда недостижимый: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

И съ этой-то точки зрѣнія, при такой оцѣнкѣ поведения человѣка, развѣ возможна, развѣ допустима и умѣстна какая-либо гордыня и самомнительность? Напротивъ, чувство глубокаго смиренія, самое скромное мнѣніе о себѣ, о своихъ качествахъ, достоинствахъ и силахъ, о своихъ дѣлахъ и заслугахъ, постоянное сознаніе своего недостойнства и малыхъ успѣховъ въ нравственной жизни,—вотъ что естественно является въ

человѣкъ, вотъ что характеризуетъ истиннаго христіанина и показываетъ въ немъ истинный духовный вкусъ и широту пониманія нравственнаго совершенства. Онъ смотритъ не на то, сколько прошелъ, а сколько впереди остается идти. А впереди—гора Господня, гора духовнаго восхожденія до самаго неба, впереди—образъ совершенства Самого Бога, Которому христіанинъ долженъ уподобиться. При видѣ этого безконечно высокаго образа развѣ не чувствуешь, что ты безконечно малъ? Но ты сравниваешь себя съ другими, тебѣ подобными людьми... Песчинка и огромная скала, по сравненію съ земнымъ шаромъ, развѣ такъ уже разнятся въ значеніи? Развѣ ты умѣстишь ихъ даже на картинѣ земли?

Но у тебя есть дарованіе и достоинство... И ты готовъ любоваться ими? Вѣрный знакъ, что такихъ достоинствъ у тебя и въ тебѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Достоинства—что духи, замѣчаетъ епископъ Теофанъ Затворникъ: кто надушенъ, тотъ не замѣчаетъ аромата. Даже въ жизни тѣла мы найдемъ нѣчто подобное. Я сейчасъ говорю; вы слушаете. А вѣдь въ это время въ каждомъ изъ васъ непрерывно совершаются самые важные процессы въ тѣлѣ: кровь обращается, работаютъ мозгъ, нервы, мускулы, совершается воспріятіе свѣта и звука, совершается таинственное усвоеніе организмомъ пищи и превращеніе ея въ кровь, жиръ, въ ткани и мускулы, воздухъ поступаетъ въ легкія и отдаетъ имъ кислородъ, кровь окрашивается то въ одинъ цвѣтъ, то въ другой... Всѣ эти процессы для тѣла—самые важные; прекратись они хоть на мигъ, и тѣлу грозитъ смерть. А между тѣмъ, вы ихъ не замѣчаете. Такъ и самыя высокія духовныя совершенства въ человѣкѣ. Кто ихъ имѣетъ, тотъ ихъ не замѣчаетъ.

Но у тебя есть настоящее достоинство ума, памяти, мысли, воображенія? Не могу же я,—говоришь ты,—не замѣчать ихъ въ себѣ. Что же, замѣчай и сознавай, но подумай: что же ты имѣешь, чего бы не получилъ? И чѣмъ же тебѣ въ такомъ случаѣ хвалиться? Вѣдь самъ ты не можешь измѣнить себѣ ни роста, ни пола, ни возраста. И хвалишься ты чужимъ, а не своимъ. Не все ли это равно, если бы кто требовалъ себѣ славы и награды за то, что онъ исправно работаетъ легкими

и непрерывно дышитъ воздухомъ? Даже если ты весь твой долгъ исполнить, что въ сущности невозможно, и тогда тебѣ говоритъ Господь: „Когда исполните все вамъ заповѣданное, говорите, что вы—рабы никуда негодные, ибо исполнили только то, что должны были исполнить“ (Лук. XVII, 10). Одно то, что ты видишь конецъ долга и не представляешь себѣ его безконечности, уже свидѣтельствуешь о твоей грубости духовной. А если предаешься самомнѣнію, ты—полное нравственное ничтожество.

Одинъ гениальный писатель дѣлаетъ такое мѣткое замѣчаніе: достоинство и дарованіе у человѣка—это его числитель, а самолюбіе и самомнѣніе—это его знаменатель. Сами вы, какъ учащіяся, знаете, что чѣмъ больше знаменатель, тѣмъ самое число мельче и ничтожнѣе...

Доселѣ говорили мы о самомнѣніи въ области нравственной, въ отношеніяхъ человѣка къ себѣ самому. Но оно проходитъ въ жизнь безчисленными и разнообразными путями и видами и всюду приносить плодъ по роду своему,—всюду несетъ вредъ и гибель. Учащіяся высокомѣрно осуждаютъ учителей и, считая себя умными, готовы давать своимъ учителямъ наставленія; молодые люди съ удивительною легкостью, развязностью и самомнѣніемъ судятъ о всѣхъ вопросахъ религіозныхъ, государственныхъ, общественныхъ, властно предлагаютъ планы и рѣшенія, властно раздаютъ всѣмъ приговоры хвалы и осужденія, легко разрѣшаютъ всякія недомѣнія; писатели и общественные дѣятели преисполнены увѣренности, что въ нихъ именно, въ ихъ взглядахъ и сужденіяхъ, въ ихъ совѣтахъ и мнѣніяхъ—полнота истины, непогрѣшимость и совершенство, а прочіе человѣци—глупцы и никуда негодные, достойные изгнанія и кары за то, что они съ ними не согласны; „люди общества“ живутъ въ самовлюбленномъ самопоклоненіи и воображаютъ, что лучше и умнѣе ихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, что они только составляютъ общественное мнѣніе, что напрасно съ ними не посовѣтовались, когда было твореніе міра. Все это—проявленіе фарисейскаго духа самомнѣнія.

Берегитесь закваски фарисейской,—предупреждалъ Спаси-

тель. Извѣстно, что закваска, и въ маломъ количествѣ положенная въ муку, проходитъ во все тѣсто, заквашиваетъ и поднимаетъ его все. Такъ и самомнѣніе, гордыня и лицемѣріе, эта закваска фарисейская, проникши и въ небольшомъ количествѣ въ нашу душу, дѣйствуютъ съ силою, распространяются далеко, губятъ всю душу, проходя во всѣ ея движенія, отравляя мысли, чувства и намѣренія, и отсюда отражаясь въ дѣйствіяхъ.

Съ-молоду нужно беречься этой закваски. Съ-молоду надобно возрастать въ сознаніи обязанностей, а не правъ, и всю жизнь, вмѣсто прирожденнаго намъ—*gratum oriens ultimum potiens*—самолюбія и гордыни, нужно развивать въ себѣ смиренное, столь свойственное православному русскому церковному человѣку сознаніе грѣховности, недостойности, и молиться устами и духомъ чудною и спасающею молитвою мытарева сокрушенія: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!“

Грозныя предостереженія.*

На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдомъ и плакахомъ.

Псаломъ скорби, слезъ и печали, пѣснь тоски по родинѣ, вопль покаянія и сокрушеніе о грѣхахъ, сожалѣнія о невозвратно потерянномъ счастьи, псаломъ униженныхъ и падшихъ,—какъ много думъ вызываетъ онъ у насъ, какъ много говоритъ онъ сердцу! Его пѣли сыны Израиля, потерявшіе отчизну и родной Іерусалимъ, пѣли въ горькомъ плѣну у жестокаго врага, когда гнали ихъ въ чуждую землю. На рѣкахъ Вавилона вставали неуступно предъ ними обвѣянные святой поэзіей воспоминанія родины: тамъ Іерусалимъ и священный Сіонъ, тамъ храмъ Господень, тамъ родныя мѣста прекрасной земли обѣтованія, его рѣки, горы и доли, тамъ родной народъ

* Слово въ вед. о Влудномъ смнѣ.

и его жизнь, по закону Божію, столь милая и близкая сердцу. Все отнялъ и все разрушилъ жестокой и безпощадный врагъ... Но виновникомъ своего несчастья все-таки былъ самъ народъ. Пала вѣра; народъ сталъ кланяться чужимъ богамъ; потеряна древняя простота нравовъ; роскошь и подражаніе жизни чужеземныхъ народовъ, блудъ и распущенность,—все это подорвало любовь къ родинѣ, изнѣжило, лишило народъ твердости и мужества, раздѣлило его на враждующія партіи, проложило путь къ измѣнѣ и предательству, и вотъ теперь приходится Израилю каяться и сокрушаться въ плѣну у гордаго побѣдителя.

На рѣкахъ Вавилонскихъ тамъ мы сидѣли и плакали, воспоминали о Сіонѣ... Аллилуіа, аллилуіа... На ивахъ прибрежныхъ повѣсили мы арфы наши, уже ненужныя музыкальныя орудія. Тутъ стали просить насъ плѣнители наши: „пропойте-жъ намъ вы пѣсни Сіона!“ Какъ же мы запоемъ пѣснь Господню на чужой землѣ? Если забуду тебе, Іерусалиме, забыта да будетъ правая рука моя. И языкъ мой пусть онѣмѣетъ и прилипнетъ къ гортани, если я не вспомню Іерусалима въ началѣ веселія моего! Будетъ ли мнѣ радость въ жизни личной, будетъ ли счастливое событіе въ семьѣ, будетъ ли удача въ дѣлахъ: отравлю я всякую радость личную воспоминаніемъ общей горести народа, воспоминаніемъ о гибели Іерусалима... О, припомни, Господи, сынамъ Эдомовымъ, какъ въ день гибели Іерусалима говорили они врагамъ нашимъ: Истощайте, разрушайте до основанія его! Дочь Вавилона проклятая! Блаженъ, кто воздастъ тебѣ воздаяніе твое!

Такъ пѣли сыны Израиля.

Не правда ли,—какая здѣсь грусть! Какое неисходное горе! Неправда ли, что и теперь, чрезъ три тысячи лѣтъ, великую жалость къ себѣ возбуждаетъ этотъ несчастный народъ въ его тяжкомъ положеніи? Неправда ли, какой здѣсь урокъ вѣкамъ и народамъ?

Увы, часто неслышенъ этотъ урокъ, неслышенъ для многихъ, и нужно напоминать его тѣмъ, кто о немъ забываетъ. Нужно ли такое напоминаніе нашему времени и нашему народу?

Одинаковыя причины родятъ и одинаковыя слѣдствія, и

поэтому грознымъ предостереженіемъ звучать предъ нами исторія и судьба древняго Израиля.

Развѣ не видимъ мы теперь въ насъ и среди насъ ослабленія вѣры и даже ея паденія? Мѣста увеселеній, мѣста забавъ пустыхъ или грѣховныхъ полны, а храмы пустыютъ. Что это значить, какъ не служеніе злу вмѣсто добра? Пусть даже мѣста ученыхъ собраній, мѣста для политическихъ занятій и сужденій полны, а храмы пусты. И это все-таки означаетъ, что возлюбилъ мы паче землю, а не небо. Но вотъ на глазахъ нашихъ раздается открытая проповѣдь прямого безбожія, читаются лекціи, говорятся рѣчи, отрицающія Бога, съ глумленіемъ надъ Церковью и надъ всѣмъ святымъ, издаются книги, подрывающія вѣру. Гдѣ же отпоръ? Гдѣ сопротивленіе? Встанутъ ли всѣ, какъ одинъ человекъ, при первыхъ словахъ оскорбленія религіознаго чувства? Уйдутъ ли съ такой безбожной рѣчи или съ представленія въ театрѣ, когда на сценѣ совершается глумленіе надъ святыней? Напротивъ, всѣ идутъ на такія рѣчи и представленія съ особою охотою и интересомъ, и уже правительственная власть вынуждается запрещать подобныя книги, подобныя пьесы въ театрахъ, вродѣ „Черныхъ вороновъ“. Мы же, такъ-называемое общество, молчимъ, мы даже не только молчимъ, но идемъ во множествѣ, несемъ деньги нашимъ духовнымъ палачамъ, платимъ за наше духовное убійство, платимъ за оскорбленіе нашего религіознаго чувства! Какъ блудный сынъ, оскорбляемъ мы Отца своего, удаляемся отъ Него безъ сожалѣнія, и спокойны, если Его предъ нами оскорбляютъ и другіе. Развѣ это не измѣна вѣрѣ? А секты, расколы, что плодятся и множатся кругомъ насъ? Что это, какъ не поклоненіе предъ чуждыми богами, предъ чужеземными исповѣданіями, какое было и у древняго Израиля?

Развѣ, далѣе, не видѣли мы отступленія отъ чистоты древнихъ нравовъ и обычаевъ, отъ простоты и святости жизни? То же чужебѣсіе и здѣсь: занесенныя изъ-за моря увеселенія, обычаи утонченнаго разврата и распущенности, вычитанныя изъ книгъ пороки, о которыхъ стыдъ и говорить. Блудъ и нечистота; театры и увеселенія; раздоры въ семьяхъ и постоян-

ные разводы, незаконныя связи и сожительства, роскошь жизни... Все это охватываетъ уже и низшіе классы народа. Мы слышимъ, правда, какъ бранятъ теперь роскошь и богатство, какъ возмущаются ими и на этомъ ведутъ народъ къ волненіямъ и бунтамъ, но бранятъ вѣдь не для того, чтобы все это отвергнуть, а чтобы себѣ взять отъ другихъ и для себя воспользоваться. А это уже нравственной цѣли не имѣетъ, какъ блудный сынъ, тяготившійся скромною жизнью въ домѣ отца, уходятъ теперь люди отъ святого образа жизни, и словами евангельской притчи: „живый блудно“, „изъѣдый имѣніе свое съ любодѣйцами“ можно опредѣлить и изобразить жизнь многихъ, и очень многихъ сыновъ вѣка сего.

И, наконецъ, при такой картинѣ настроеній и нравовъ можетъ ли быть рѣчь о любви къ родинѣ и родному народу? Гдѣ пала вѣра, гдѣ пала нравственность, тамъ и патриотизму нѣтъ мѣста, ему не на чѣмъ держаться, ибо все самое дорогое на родинѣ тогда перестаетъ быть дорогимъ, ибо подражаніе всему иноземному даетъ мысль, что на родинѣ все худо. И эти бунты и волненія послѣднихъ лѣтъ не подтверждаютъ ли сказаннаго? Вѣдь не чужіе, а свои портили дороги, бунтовали въ войскахъ, препятствовали передвиженію и доставкѣ войскъ, приготовленію военныхъ запасовъ въ то время, какъ родина изнывала и страдала отъ нападенія врага и получала удары и раны, отъ которыхъ она можетъ оправиться только въ десятки лѣтъ. Что и говорить о томъ, что всѣмъ извѣстно! Какъ блудный сынъ, поступали многіе русскіе люди. Какъ сыны Эдома, при видѣ страданій отечества они вопили злобно его врагамъ: „Истощайте, разрушайте до основанія его!“ Что блудному сыну до отца: живъ ли онъ или умеръ, здоровъ или боленъ? Ему нужны только свои интересы, свои удовольствія, свои забавы. И подставляютъ ему классовую борьбу, то социаль-демократическую республику, то мечтанія социализма, все это для себялюбія, для личныхъ интересовъ и выгодъ, а родная мать, родная земля... пусть гибнетъ!

Страшно все это сознавать, и грозно звучитъ предъ нами тогда псаломъ: „На рѣкахъ Вавилонскихъ“. Не туда ли и мы идемъ? Не такую ли судьбу и себѣ готовимъ? Что если готовъ

намъ евангельскій приговоръ: „отыметя у васъ царство и дастя народу, творящему плоды его“?

Есть путь спасенія. Онъ указанъ въ исторіи блуднаго сына, о которой нынѣ повѣдало намъ евангеліе, но не въ исторіи его паденія, а въ пути его покаянія. Его путь—и нашъ путь.

Въ себе пришедъ,—вотъ что сказано о немъ. Грѣхъ не далъ ему счастья и покоя, ибо никогда и никому онъ блага не давалъ. И намъ должно въ себя придти, одуматься, раскаяться, сознать свое положеніе, сознать безъ тѣни того самоизвиненія и самооправданія, къ которому такъ склонны современные люди. Вопить здѣсь предъ нами сынъ блудный и его примѣръ: въ себе пришедъ, онъ рѣшилъ: возвращусь къ отцу моему и скажу ему: „отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже недостойнъ быть сыномъ твоимъ, сотвори мя, яко единого отъ наемникъ твоихъ“! Въ этой глубинѣ смиренія и лежитъ начало исправленія и залогъ спасенія.

Онъ всталъ и возвратился домой, къ отцу своему. Встанемъ мы и возвратимся домой! Возвратимся домой—къ святой вѣрѣ, къ преданности Церкви и святынѣ, что завѣщали намъ наши благочестивые предки! Возвратимся домой къ чистотѣ жизни по закону Господню, къ чистотѣ нравовъ и обычаевъ, управляемыхъ уставами Церкви: этимъ сильны были, этимъ и счастливы были наши предки. Возвратимся домой, къ той любви къ родному дому, къ родному вѣрующему народу, къ родной, Богомъ намъ данной, землѣ, къ своему отечеству, въ которомъ мы живемъ и дѣйствуемъ по волѣ Божіей, приготовляемся къ отечеству вѣчному и небесному!

И тогда минетъ насъ горькая судьба древняго Израиля, тогда мы не пойдемъ къ Вавилону духовному, плѣнниками врага-дьявола, тогда мы сохранимъ для себя родину земную и родину небесную. Аминь.

Торжествующій развратъ.*

И ту расточи имѣние свое живый блудно
(Лук. XV, 13).

Думается, что выраженіемъ „живый блудно“ можно охарактеризовать переживаемый вѣкъ. Бываютъ въ исторіи чело-вѣчества какія-то особыя роковыя времена, когда блудные сыны, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ, заполняютъ жизнь, когда литература, искусство, нравы и обычаи, всѣ помыслы и разговоры пропитываются духомъ разврата, безстыдства и распущенности, охватывающей даже самые нѣжные возрасты—отрочество и юношество. Мы знаемъ и можемъ указать нѣсколько такихъ моментовъ исторіи.

Когда древніе писатели греко-римскаго міра на словахъ намъ рассказываютъ о страшномъ развратѣ въ мірѣ предъ временемъ христіанства, когда они увѣряютъ, что въ ихъ дни „стыдливость и цѣломудріе улетѣли на небо, а невинности совѣмъ нѣтъ“ (Сенека), то мы себѣ еще не можемъ хорошо и ясно представить всего ужаса развращенія тогдашняго общества. Картина оживляется, когда мы видимъ это общество и его жизнь въ сохранившихся до нашего времени рисункахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Есть города въ Италіи, нѣкогда погребенные подъ лавою и пепломъ огнедышащаго Везувія,—Геркуланъ и Помпея. Черезъ много времени, почти черезъ два тысячелѣтія, теперь ихъ отрыли изъ-подъ земли, и современные люди могутъ наблюдать во всѣхъ подробностяхъ жизнь того времени. Картины, изображенія, статуи, обстановка жилищъ,—все это, оказывается, пропитано тамъ такимъ отвратительнымъ развратомъ, охвачено такимъ блуднымъ духомъ, такъ все животное-мерзко и чудовищно-распутно, что, по выраженію одного путешественника, достаточно взглянуть на все описанное въ погребенныхъ городахъ, чтобы понять причину и неизбѣжность ихъ гибели.

* Изъ слова въ недѣлю о Блудномъ сынѣ.

По какой-то непостижимой связи, это время, когда всё, очевидно, говорили и думали о любви, о плотской любви, описывали ее въ стихахъ, изображая въ картинахъ и статуяхъ, было временемъ несказанной и утонченной, невиданной въ исторіи жестокости: то было время Тиверія, Нерона и Калигулы, Иродовъ, время кровавыхъ зрѣлищъ въ циркахъ и театрахъ, время, когда тысячами и десятками тысячъ избивались, сожигались, затравлялись звѣрями христіане. Почему-то развратъ и кровожадная жестокость вмѣстѣ съ общею разнузданностью и съ блудомъ живутъ рядомъ.

Время французской революціи вновь подтвердило такое наблюденіе; мы видимъ его уже въ жизни христіанскаго народа. Тотъ же развратъ, тотъ же блудъ и та же кровь, жестокость, убійства... Но ко всему этому прибавляются не только возгласы о любви, но еще о свободѣ, братствѣ, равенствѣ, а больше всего о свободѣ. Изъ Франціи тогда, подъ видомъ свободы и просвѣщенія, разливался ядъ вольномыслія и всякаго вида разврата и блуда по всей землѣ, въ числѣ другихъ странъ и въ нашей Россіи. Кровавая революція была плодомъ этого движенія во Франціи. Обозначалась новая уже тройственная связь: необузданная свобода, блудъ и кровь...

Не видимъ ли нынѣ въ Россіи повторенія того же печальнаго явленія? Не готовитъ ли нынѣ сама жизнь, не готовитъ ли она сознательно и намѣренно, подъ видомъ служенія свободѣ и просвѣщенію, блудныхъ сыновъ нашего времени? Не станемъ говорить о широкомъ проявленіи того блуда, въ широкомъ смыслѣ этого слова, того блуда мысли, чувства, воли, который захватилъ столько людей и обратилъ въ смуту еще недавно стройное и спокойное теченіе нашей общественной и государственной жизни. Будемъ понимать слово въ его буквальномъ значеніи. Ранніе годы въ семьѣ родителей уже отравлены у нынѣшнихъ людей открытымъ развратомъ ихъ отцовъ и матерей, ихъ раздорами, часто—разводами. Въ то время, когда родители, нерѣдко уже почтеннаго возраста, разрѣшаютъ вопросы о своей плотской любви, судятся, расходятся, предаются незаконнымъ связямъ, вторично женятся и выходятъ замужъ,—въ какомъ положеніи и подъ какими вос-

питательными вліяніями остаются и находятся дѣти не только ихъ самихъ, но и дѣти ихъ близкихъ, родныхъ, знакомыхъ? Вѣдь они видятъ все и начинаютъ съ дѣтства понимать такія отношенія, отъ которыхъ оградила ихъ сама природа...

Учатся въ школѣ молодые люди. Что они слышатъ, о чемъ они читаютъ, что они видятъ въ картинѣ, въ произведеніяхъ литературы и искусства? Опять то же поклоненіе плоти, чувственности, опять все ихъ толкаетъ на путь блуда и распущенности. И какъ нарочно, въ наше время раздаются, опять подъ видомъ свободы и просвѣщенія, вопли о томъ, что не нужно разобщать въ школѣ мужескій полъ и женскій, что надобно всегда и во всемъ предоставлять имъ совмѣстную жизнь и постоянное общеніе. И мы видѣли, какъ въ большихъ городахъ среди учащейся молодежи и въ учебныхъ заведеніяхъ при совмѣстномъ обученіи и пребываніи юношей и дѣвицъ воцарились теперь нравы, которые возмутили бы древнихъ, даже языческихъ поборниковъ нравственности: „Стыдливость и цѣломудріе улетѣли на небо, а невинности со всѣмъ нѣтъ“...

Развратъ изъ книгъ нагло вышелъ на сцену и на улицу, дѣйствіе его неудержимо и не щадитъ, наконецъ, ни пола, ни возраста. Въ театрахъ, которые, какъ въ дни паденія Рима и во время французской революціи, умножились безъ конца, показываются и изображаются всевозможныя гнусности, а на нихъ собирается смотрѣть молодежь. На улицахъ, въ окнахъ магазиновъ, въ книжныхъ лавкахъ, подъ видомъ распространенія литературы и просвѣщенія, на станціяхъ по желѣзнымъ дорогамъ открыто продаются отвратительныя картины блуда, книги, списывающія блудъ, въ газетахъ же печатаются объявленія о блудѣ. Блудъ идетъ торжествующій, наглый, Бога не боясь и людей не стыдясь, блудъ заполняетъ разговоры, улицы, школы, семью, сцену, литературу...

И вотъ его плоды: необузданная свобода, т.-е. всѣ виды преступленій и кровавое безуміе. „Вся ми лѣтъ суть,“—все мнѣ позволено, говоритъ современный человѣкъ словами апостола, но не хочетъ знать его дальнѣйшаго наставленія: „все мнѣ позволено, но пусть мною ничто не обладаетъ!“ (1 Кор. VI, 12).

Но именно блудъ и обращаетъ человѣка въ раба, какъ и доказываетъ апостоль въ нынѣшнемъ чтеніи изъ его посланія. Иначе и быть не можетъ: блудъ расшатываетъ мысль, ослабляетъ волю, грязнитъ чувство; онъ поражаетъ гноемъ и гнилью всю духовную жизнь человѣка; онъ уничтожаетъ въ душѣ вкусъ ко всему чистому, святому, благородному, возвышенному и отдастъ человѣка во власть діавола и дѣлъ его.

Все это—предвѣстіе конца и гибели. И если мы не покаемся и не измѣнимся, если не увидитъ русское общество всей гибели и опасности своего положенія,—то отыметса у насъ царство и дастся народу, творящему плоды его. Какъ въ оныя дни, евреи на рѣкахъ Вавилонскихъ въ тяжкомъ плѣненіи сидѣли и плакали, вспоминая о Сионѣ, и мы будемъ вспоминать тѣ времена, когда нашъ народъ крѣпокъ былъ вѣрою, силенъ семейственностью, чистотою и цѣломудріемъ нравовъ.

Вотъ почему такъ много говоритъ сердцу напоминаніе Церкви въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи о сынѣ блудномъ, но покаившемся. Нужно поставить предъ нами сознаніе страшной опасности предъ грядущимъ постомъ не только въ жизни каждаго отдѣльнаго христіанина, но и всего нашего общества, всего русскаго народа.

Не всегда исторія сына блуднаго кончается такъ счастливо, какъ это изображено въ притчѣ Господней. Нерѣдко мы видимъ конецъ иной,—полную и безвозвратную гибель, которую приносятъ блудъ и имъ вызванныя разрушенія въ духовной жизни человѣка. То же самое можно и должно сказать и о цѣломъ народѣ. Если есть теперь особенно назрѣвшая нужда въ области духовнаго воздѣйствія на жизнь, то она, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всего выражается въ религіозномъ подъемѣ, съ которымъ неизбѣжно всегда связано возвышеніе чистоты и цѣломудрія. Назрѣла нужда самой напряженной борьбы противъ тѣхъ усилій зла, которыя нынѣ, на нашихъ глазахъ, обращаютъ всѣ стороны жизни въ сплошную проповѣдь и распространеніе блуда и какъ бы въ намѣренное размноженіе блудныхъ сыновъ нашего времени.

Господи и Владыко живота моего, духъ цѣломудрія даруй намъ, рабамъ Твоимъ! Амнь.

С в о б о д а.*

Берегитесь, чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ (1 Кор. VIII, 9).

Если вы внимательны были къ апостольскимъ чтеніямъ прошлаго и нынѣшняго воскреснаго дня, то вы должны были видѣть, что св. апостолъ настойчиво и съ особою силою говорить намъ о *свободѣ* и предостерегаетъ отъ неправильнаго употребленія ея. И св. Церковь предъ временемъ поста, предъ подвигомъ духовнымъ, намъ подлежащимъ, находитъ нужнымъ напомнить намъ объ этомъ высокомъ и важномъ ученіи.

Свобода, свобода!.. Какое дорогое слово! Какъ оно зажигаетъ сердца! Въ какихъ радужныхъ краскахъ, въ какой заманчивой прелести рисуется она нашимъ мечтамъ и воображенію! Сколько сложено пѣсенъ о свободѣ, сколько людей самыхъ умныхъ и даровитыхъ посвятили свою мысль, свое слово, свою дѣятельность восхваленію и утверженію свободы! И сколько за нее принесено жертвъ! Какимъ инымъ словомъ вы и теперь тронете въ большей степени души людскія? Какую иную приманкою вы привлечете къ себѣ? Какое слово чаще всего и теперь раздается въ устахъ тѣхъ, что ищутъ власти надъ народомъ и вліянія на жизнь во всей широтѣ ея проявленія?

Именемъ свободы прикрываютъ нынѣ борьбу противъ вѣры и Церкви. Увѣряютъ и утверждаютъ, что вѣра связываетъ духъ, дѣлаетъ человѣка рабомъ, а Церковь, въ лицѣ ея руководителей, будто бы пользуется этимъ или для своихъ интересовъ и нуждъ, или даже для интересовъ правительствъ и властей, которыя якобы обращаютъ Церковь и религію въ орудіе легкаго господства надъ народомъ. Не вѣдаютъ, что творять, не знаютъ сами, что утверждаютъ!

* Слово въ педѣлю мясопустную.

Если бы эти проповѣдники свободы знали слово Божіе, если бы знали они чувства и стремленія людей съ первыхъ дней ихъ появленія и жизни на землѣ, какъ это изображено въ библіи, тогда бы они видѣли, какъ цѣнить святая вѣра свободу,—такъ цѣнить, такъ высоко ставить, что безъ свободы она не признаетъ не только никакой возможности заслуги, но не допускаетъ даже возможности духовной жизни.

Но есть свобода и—свобода. На зарѣ исторіи человѣчества видимъ свободныхъ людей въ саду Эдема. Однако, они искали какой-то иной свободы, они прельстились обѣщаніемъ искушителя дать имъ *знаніе* добра и зла и свободу отъ повиновенія Богу. И вотъ, вмѣсто желаннаго знанія и свободы, они подпали рабству: рабствовали природѣ, рабствовали своему тѣлу, его похотямъ, рабствовали злымъ наклонностямъ своего духа, страстямъ и порокамъ. Отдавались страстямъ, служа грѣху, думали они, что все это они дѣлаютъ по своей волѣ, пользовались своей свободой, а на дѣлѣ все болѣе и болѣе они затягивали надъ собою мертвую петлю рабства своего духа, и въ концѣ-концовъ обратили жизнь въ тотъ свитокъ, видѣнный пророкомъ, на которомъ вписано было рыданіе, жалость и горе. Вопль отчаянія проносится надъ міромъ и человѣчествомъ, и отчаяніе это было бы безысходнымъ, если бы впереди не свѣтлѣло сіяніе святой надежды, если бы впереди не было надежды на Того, Кто, по Божьему обѣтованію падшимъ прародителямъ, принесъ людямъ избавленіе и свободу. И пророкъ, сквозь сумракъ вѣковъ созерцая и живописуя Его образъ и изображая Его міровое дѣло, говоритъ, что Онъ придетъ,—*отпуститъ измученныхъ на свободу* (Ис. LXI, 1 ср.; Лк. IV, 18).

Онъ пришелъ, Свѣтъ языкомъ, Слава и Утѣха чающимъ избавленія во Израилѣ. Онъ жилъ въ странѣ, покоренной врагами, среди народа-раба, не имѣвшаго политической свободы. Вокругъ Него говорили все время о народной свободѣ, кишѣли заговоры и замыслы на Иродовъ, на властный Римъ, были партіи ревнителей-зилотовъ, иродіанъ, отъ Него требовали дать измученному народу и покоренной странѣ свободу политическую, возстановить силу и блескъ престола Давидова.

Его даже Самого затѣмъ провозгласить царемъ. А Онъ, мнѹя и отвергая все это, говорилъ и училъ объ иной свободѣ, о той свободѣ, которую нѣкогда въ Эдемѣ люди промѣняли на рабство діаволу, безъ которой и власть, и міровое положеніе, и сила государственная, и господство надъ всеѣмъ міромъ, и уничтоженіе всякаго вида внѣшня горабства,—все ничтожно, все въ концѣ-концовъ обратится въ самое страшное рабство: Онъ говорилъ о свободѣ духа, о свободѣ отъ грѣха, отъ лжи, отъ заблужденія. Онъ училъ: „Гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода; познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. IV, 24; VIII, 32).

Немногіе приняли проповѣдь о такой свободѣ. Большинство вознегодовало на нее; какъ и теперь, люди не хотѣли слушать ученіе о свободѣ духа, а фарисеи и первосвященники, боясь, что такое ученіе направитъ мысль и чувства народа въ другую сторону, что придутъ римляне и завладѣютъ евреями и лишатъ ихъ свободы (Іоан. XI, 48), вознесли Божественнаго Учителя на крестъ. Его дѣло продолжали апостолы. И въ какихъ восторженныхъ словахъ, въ какихъ словахъ силы, воодушевленія и радости говорили они о свободѣ. Къ свободѣ призваны вы, братія! Стойте же въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ,—отъ рабства въ свободу славы. Нѣтъ раба въ царствѣ Христовомъ! Не апостоль ли я, не свободенъ ли я? Все мнѣ позволено! Свободенъ я отъ всего! (Гал. V, 13; Римл. VIII, 21; Гал. III, 28; 1 Кор. IX, 1; VI, 12; IX, 19).

Сколько разъ потомъ въ исторіи міра видѣли мы, какъ извращалась эта возвышенная проповѣдь, какъ она обращалась во зло,—и всякій разъ мы видѣли и видимъ, что отступленіе отъ духовнаго характера свободы всегда подъ видомъ свободы приносило жестокое рабство. Ибо христіанство совсѣмъ не ту свободу проповѣдуетъ, о которой воздыхаютъ желающіе освободить себя отъ всего, что въ человѣкѣ есть высшаго и цѣннаго, отъ всего, что приближаетъ его къ Богу, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, а не скотомъ,—разумѣемъ нравственный законъ и стремленіе къ совершенству духовному въ богоподобіи.

Грѣхъ не долженъ надъ вами господствовать,—вотъ основа апостольскаго ученія о свободѣ (Римл. VI, 14), вѣрнаго наставленію Христа Спасителя: всякій, творящій грѣхъ, есть рабъ грѣху (Іоан. VIII, 34). Итакъ, свобода не должна быть поводомъ къ угожденію плоти (Гал. V, 13), не должна употребляться для прикрытія зла (1 Петр. II, 16).

Какъ будто для нашего времени, для господствующихъ нынѣ возрѣвній, для нашей жизни, для современныхъ событій писались эти слова! О, сколько мы слышали и слышимъ теперь этихъ воплей и краснорѣчивыхъ разсужденій, и стиховъ, и пѣсенъ, и рѣчей, и призывовъ къ свободѣ! Сколько подъ видомъ ея совершенно преступленій и мерзостей, сколько соблазновъ вошло въ міръ, сколько богохульства и богоборства внесено въ жизнь! Ради свободы устраивались бунты, возстанія и волненія; ради свободы устраивались дикія и нелѣпыя, невѣдомыя древнему міру забастовки, причемъ желающихъ работать, служить своимъ бѣднымъ семьямъ и своей родинѣ, даже желающихъ учиться безжалостно избивали и изгоняли,—и это по наущенію людей ученыхъ, проповѣдниковъ свободы; ради свободы убиваютъ людей бомбами и револьверами; ради свободы устраиваютъ охоту на высоко стоящихъ у власти лицъ и измышляютъ ужасающій способъ ихъ уничтоженія; ради свободы лишаютъ свободы всѣхъ, кто говоритъ о долгѣ, о чести, о подчиненіи духовному закону совѣсти и внѣшнему его отображенію—закону Церкви и государства; ради свободы преслѣдуютъ всѣми видами и проявленіями ненависти всѣхъ несогласныхъ — клеветою, преслѣдованіями, побоями, убійствами; ради свободы нарушаютъ всѣ законы жизни чистой и святой, законы стыдливости и цѣломудрія, разрушаютъ семьи, всѣ связи родства и близости по крови, издѣваются надъ родителями, даже убиваютъ отцовъ и матерей; ради свободы отходятъ отъ Бога, отъ вѣры, отъ Церкви, отъ совѣсти, отъ нравственнаго закона и въ свободѣ плоти идутъ къ жизни звѣрей и животныхъ.

Таково извращеніе свободы.

Не напрасно поэтому звучитъ уже вторую недѣлю предостерегающій голосъ апостола. „Все мнѣ позволено“,—слышали

мы въ апостольскомъ чтеніи прошлаго воскреснаго дня. Все мнѣ позволено,—какая широкая, невиданная, безграничная свобода! Но смотри, христіанинъ, вникни въ законъ свободы (Лав. I, 25) и помни, что ты будешь и судимъ по закону свободы (II, 25) и твоя свобода будетъ судима не по чужой совѣсти, а по твоей собственной (1 Кор. X, 29). Ибо если бы мы были рабы, то насъ нельзя было бы и судить; мы бы все дѣлали насильно. Но мы свободны, поэтому и отвѣчаемъ за дѣла свои, поэтому и вмѣняется намъ наше поведеніе. Все мнѣ позволено,—это вѣрно; добро и зло мнѣ доступно; огонь и вода предо мною, правое и лѣвое... На что хочешь, простри руку твою. Свободно избери добро,—и въ этомъ твоя истинная свобода. И поэтому дано намъ руководство: Все мнѣ позволено,—говоритъ апостоль,—но прибавляетъ: но не все полезно, все мнѣ позволено, но не все назидаетъ, все мнѣ позволено, но пусть мною ничто не обладаетъ (1 Кор. VI, 12; X, 23). Ибо если мною что возобладало, уже я рабъ, а не свободный. Это —въ личной жизни.

Но жизнь наша вліяетъ на другихъ, на нашихъ ближнихъ. И если мы будемъ судить въ своей свободѣ не по чужой, а по собственной совѣсти, то за соблазнъ чужой совѣсти мы такъ же отвѣтимъ, какъ нарушившіе законъ любви. По закону любви, ты, свободный отъ всѣхъ, всѣмъ себя поработи! Для всѣхъ сдѣлайся всѣмъ, чтобы спасти хоть нѣкоторыхъ, и это дѣлай для евангелія, чтобы быть соучастникомъ его (1 Кор. IX, 19, 22—23).

Нынѣ въ апостольскомъ чтеніи и заповѣдуются намъ эта великая заповѣдь. Берегитесь, чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ. По смыслу рѣчи апостола, здѣсь, какъ и въ Эдемѣ нѣкогда, главный соблазнъ—въ мнимомъ обладаніи знаніемъ. Сколько и теперь такихъ соблазновъ свободою и знаніемъ!

Ты знаешь, что обрядъ, напимѣръ, самъ по себѣ не имѣетъ значенія, что значеніе его зависитъ отъ того смысла, который онъ въ себѣ заключаетъ. Зачѣмъ же ты предъ ближними, на соблазнъ и смущеніе немощныхъ, способныхъ къ соблазну и уныню, къ сомнѣнію и отрицанію, нарушаешь

обряды Церкви, пренебрегаешь ими и ихъ отрицаешь? Если ты обладаешь знаніемъ, то развѣ тебѣ трудно тогда вложить въ обрядъ должный смыслъ и не отвергать, не нарушать его на соблазнъ немощному брату? Отчего же ты исполняешь безчисленные обряды житейскіе? Отчего ты подаешь руку при свиданіи, обнажаешь голову при встрѣчѣ, не разваливаешься, сидя въ присутствіи царя или лица высокопоставленнаго? Отчего ты разбираешь, когда одѣть какую одежду, кого и когда посѣтить и поздравить? Вѣдь все это—тоже обряды, и, однако, ты ихъ исполняешь!

Ты знаешь, напримѣръ, что пища не приближаетъ насъ къ Богу, какъ и учить насъ нынѣ апостоль, — что постъ тогда имѣетъ цѣну, когда онъ выражаетъ внутреннюю добрую расположенность духа, покаяніе и смиреніе, и сопровождается духовнымъ воздержаніемъ. Но зачѣмъ же ты нарушаешь постъ? Развѣ ты не можешь и не долженъ имѣть при постѣ покаяніе и упражняться въ воздержаніи? Если ты знаешь это, тѣмъ болѣе будешь ты отвѣчать на судъ Божиимъ. А ты съешь соблазны, а ты толкаешь на путь грѣха ближнихъ. И отъ знанія твоего, укоряетъ тебя апостоль, — отъ знанія твоего погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ (1 Кор. IX, 11). Но развѣ знаніе дано намъ на гибель и соблазнъ брату нашему?

Нынѣ евангеліе говоритъ намъ о страшномъ судѣ Христовомъ. Люди современные любятъ указывать въ немъ то, что Спаситель въ изображеніи будущаго суда указываетъ на *дѣла любви*, которыя открываютъ человѣку входъ въ царство вѣчной славы и блаженства. Говорятъ: нѣтъ упоминанія о постѣ и обрядѣ, нѣтъ упоминанія даже о вѣрѣ. Но помимо того, что и дѣла любви исходятъ только отъ вѣры, — развѣ соблазнить брата, отравить его душу сомнѣніями, предать его мукамъ колебаній и укоровъ совѣсти, лишить его простоты и цѣльности вѣры и покоя души, оторвать его отъ обряда, отъ поста, отъ Церкви, отъ ея руководства, отъ утѣшенія вѣры, и все это подъ видомъ свободы и знанія, развѣ это все— дѣла любви?

О, вы, знающіе и свободолюбивые, „дерзкіе и своеволь-

ные* (2 Петр. II, 10; Иуд. 8), вы, что своеволие почитаете за свободу, а распутство ума, все отрицающаго, принимаете за знаніе! Отъ устъ вашихъ (Лук. XIX, 22) судять и будутъ судить васъ слово Божіе и Судія міра. Вы говорите, что имѣете знаніе. Пусть такъ. Но вотъ что говоритъ намъ слово Христово:

„Рабъ тотъ, который *зналъ* волю господина своего и не былъ готовъ, и не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много“ (Лук. XII, 47).

Пусть же знаніе и свобода будутъ ближнимъ нашимъ въ созиданіе, а не въ соблазнъ, намъ же во спасеніе, а не въ погибель, въ оправданіе на страшномъ судѣ Божіемъ, а не въ осужденіе! Аминь.

Мужъ гнѣва.*

Нѣкогда пророкъ въ ужасѣ отъ разрушенія и опустошенія родной земли молилъ Господа: „Излей гнѣвъ и ярость Твою на народы, которые не знаютъ Тебя, и на племена, которые не призываютъ имени Твоего: ибо они съѣли Якова, пожрали его и истребили его, и жилище его опустошили... Шатеръ мой опустошенъ, и всѣ веревки мои порваны; дѣти мои ушли отъ меня, и нѣтъ ихъ, некому уже раскинуть шатра моего, и развѣсить ковровъ моихъ. Ибо пастыри сдѣлались безсмысленными, и все стадо ихъ разсѣяно“ (Иерем. X, 25. 20).

Вчитываешься, вдумываешься въ эти слова, прозвучавшія двѣ съ половиною тысячи лѣтъ назадъ, примѣняешь каждое слово къ пережитому въ наши дни,—и какое видишь совпаденіе, какую живость изображенія современности! И возстаютъ въ воображеніи тѣ мужи гнѣва, что въ лихолѣтье русской жизни не стерпѣли, видя, какъ съѣли, пожрали и истребляли

* Рѣчь въ память Владиміра Владиміровича Оловенникова 22 февраля 1906 года.

враги родную русскую землю, какъ колебался шатеръ нашей государственности, какъ и дѣти, и пастыри,—вожди и управляемые обезумѣли и оставили родину на страданія и грядущую гибель. Не стерпѣло ихъ сердце, и тогда выступили съ горячимъ словомъ и горячимъ призывомъ къ борьбѣ, выступили, охваченные священнымъ гнѣвомъ, многіе изъ такихъ людей, которые до того времени молчали, казались даже равнодушными и безучастными къ общественной и государственной жизни.

Такимъ мужемъ гнѣва былъ и поминаемый нынѣ и оплакиваемый нами Владиміръ Владиміровичъ Оловениковъ, основатель и руководитель газеты, которая въ два послѣдніе года вызывала такую злобу у враговъ и предателей родины. И онъ выступилъ на свой подвигъ совершенно неожиданно не только для другихъ, но и для себя самого.

„До нашей революціи,—говорилъ Владиміръ Владиміровичъ,—я былъ совершенно равнодушнымъ человѣкомъ, занятъ былъ часто интересами пустыми и ничтожными. Конечно, я не былъ врагомъ Царя и русскаго народа, и, на примѣръ, никакъ не могъ себѣ представить, какъ это можно идти на борьбу съ Царемъ, не говоря уже о преступленіи противъ Его личности. Но я былъ холоденъ. Пусть-де идетъ жизнь, какъ она идетъ... Но вотъ наступило вооруженное возстаніе въ Москвѣ, и тутъ что-то такое особенное со мною случилось, спала повязка съ глазъ, жизнь мнѣ открылась, я увидѣлъ ясно, куда мы движемся. И отъ моей холодности не осталось слѣда. Теперь я фанатикъ патріотизма, теперь я сгорю на моей работѣ, умру, но не сдамся“. Когда приходили тяжкіе дни для его газеты и грозила ей опасность прекращенія, онъ страдалъ невыразимо и при всей своей вѣрѣ говорилъ, что дня смерти своей газеты онъ не переживетъ...

Теперь не время и невозможно разобратъся во всѣхъ подробностяхъ дѣятельности почившаго; это сдѣлаетъ исторія. И только въ исторической перспективѣ будетъ оцѣнена трехлѣтняя та истинно-каторжная работа, которую выносилъ на своемъ угасающемъ организмѣ В. В. Оловениковъ, при постоянной матеріальной нуждѣ.

Во дни вооруженнаго московскаго возстанія, подъ громъ выстрѣловъ, подъ гулъ революціонныхъ сплетень, уже хоронившихъ Царя и Россію, въ виду высящихся баррикадъ, въ тѣ дни, когда ни одна газета не выходила, покойный сталъ издавать свой листокъ-газетку. Смѣло и рѣзко поносилъ онъ революціонеровъ, пальцемъ указывалъ на ихъ главарей, прямо называлъ вдохновителей смуты—евреевъ, давалъ настоящія имена и Герценштейну, и Юлосу, и сановитымъ московскимъ оппортунистамъ, игравшимъ со смутю и дававшимъ „улыбки“ революціи... Онъ былъ неподражаемый мастеръ на мѣткія названія, заглавія, сообщенія, и всегда попадалъ не въ бровь, а въ глазъ. И странное дѣло: его газетку раскупали революціонеры, брали евреи; при всеобщемъ бойкотѣ правыхъ газетъ, „Вѣче“ продавалось всюду, потому что на газету всюду былъ спросъ. И самъ Оловениковъ ходилъ совершенно свободно по городу, открыто показывался въ ресторанахъ, на вокзалахъ, въ театрѣ. Онъ получалъ безконечное число угрожающихъ писемъ, и тѣмъ не менѣе на него не сдѣлано было ни одного покушенія. Онъ началъ изданіе, имѣя буквально гроши въ своемъ распоряженіи. Но необыкновенная практическая смѣтка, рѣдкая, чисто-американская предприимчивость и энергія, неизмѣнная добросовѣстность и честность,—все это дало ему возможность поддерживать изданіе, пользоваться сочувствіемъ читателей, и даже съ января текущаго года обратить свое изданіе въ ежедневную газету.

Это—„уличная газета“,—таковъ общій приговоръ „прогрессивной“ прессы. Да, но если вспомнить, что сдѣлали различные „Почты“, „Листки“ и „Мысли“, уличныя газетки еврейско-освободительнаго направленія, сколько зла онѣ посѣяли, сколькихъ ввели въ обманъ, какъ онѣ служили революціи, какъ онѣ безраздѣльно владѣли улицей, то тогда только станетъ ясно, какую великую услугу правому дѣлу оказало „Вѣче“.

Въ борьбѣ съ крамолою ни одна газета не принесла столько услугъ, какъ „Вѣче“.

Самого Оловеникова мало знали. Его многіе представляли себѣ, какъ какое-то чудище. На самомъ дѣлѣ это былъ изу-

нительно добрый, кроткій человѣкъ, застѣнчивый, всегда прятанный по угламъ въ большихъ собраніяхъ, не искавшій никакихъ знаковъ уваженія, привѣтствій, рукоплесканій, — воплощенная скромность.

Онъ былъ мужъ гнѣва. Но ему пришлось жить и дѣйствовать въ то время, въ такіе тяжкіе дни, когда нельзя было съ безоблачнымъ челомъ вести пріятные разговоры съ убійцами, съ измѣнниками и низкими предателями. Въ гнѣвѣ, охваченный негодованіемъ, страдая за родину до слезъ и боли, онъ могъ ошибаться, переходить мѣру въ рѣзкости сужденій. Но гнѣвъ его былъ дитя любви; онъ возлюбилъ много.

И библія представляетъ намъ даже кроткаго Давида — мужемъ брани, и Соломона — мужемъ мира, но обоихъ восхваляетъ, указывая на то, что они все дѣлали для Господа и для своего народа. И мы пережили такіе годы, когда по необходимости многіе кроткіе люди, многіе, которыхъ манила жизнь религіознаго подвига или уединеннаго мирнаго научнаго труда, исходили на брань съ врагами родины.

Да будетъ миръ и покой его измученной душѣ! Да будетъ милостивъ Господь къ его страдальческому гнѣву! Да простятся ему вольныя и невольныя прегрѣшенія за то, что онъ возлюбилъ много, возлюбилъ пламенно святую вѣру и Церковь, святую родину и русскій народъ и служилъ въ чести и чистотѣ Царю своему.

О нравственной причинѣ зла.*

Не одинъ разъ въ году читается за литургіей, въ назиданіе вѣрующимъ, тотъ евангельскій рассказъ, который мы слышали сегодня, — знакъ, что намъ онъ предлагается, какъ заслуживающій особеннаго вниманія. Въ этомъ рассказѣ объ

* Слово, сказанное во 2-ю недѣлю Великаго поста за литургіей воспитанникамъ Иркутской церковно-учительской семинаріи.

исцѣленіи разслабленнаго, спущеннаго сквозь кровлю къ ногамъ Спасителя, есть одна особенность, по сравненію съ другими столь же великими и поразительными чудесами нашего Господа: обычно Спаситель исцѣлялъ недугъ словомъ, нерѣдко предъ этимъ спрашивалъ о вѣрѣ ищущаго милости исцѣленія. Здѣсь же Онъ не только исцѣлилъ болѣзнь, но кратко и выразительно опредѣлилъ и назвалъ общую и главную причину всякой болѣзни.

Представляется живо воображенію трогательная евангельская картина. Несутъ разслабленнаго, недвижимаго къ Іисусу; видятъ, что невозможно пройти къ Нему изъ-за множества народа. Тогда они поднимаютъ его на кровлю дома, разбираютъ потолокъ и спускаютъ больного прямо къ ногамъ Господа... И вотъ, когда взоры старадальца были обращены съ вѣрою и надеждою на Великаго Учителя - Чудотворца, когда принесшіе разслабленнаго ожидали чудеснаго и мгновеннаго исцѣленія, когда всѣ ожидали обычнаго: „возстани, возьми постель твою и ходи“, — Спаситель говоритъ страдальцу совсѣмъ другое и неожиданное слово: „Чало, — слышитъ больной, — чало, прощаются тебѣ грѣхи твои“... И уже потомъ, въ отвѣтъ на недоумѣнные взгляды и на тайныя укоризненные мысли многихъ изъ присутствовавшихъ, Іисусъ Христосъ, заявивъ, что прощеніе грѣховъ знаменуетъ власть высшую, чѣмъ исцѣленіе отъ болѣзни, что то и другое, однако, равно есть дѣло Божеской силы, — все-таки исцѣляетъ больного страдальца и говоритъ ему желанное слово: „встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой“.

Грѣхъ есть корень всѣхъ золъ, причина всѣхъ несчастій человѣка, — это основное ученіе Христа и христіанства. И это ученіе, — принятіе его или отрицаніе, — служитъ признакомъ вѣры или невѣрія, христіанскаго направленія мысли и жизни или противохристіанскаго. Такъ будетъ всегда, до послѣдняго дня міра.

На нашихъ глазахъ возстаютъ теперь, плодятся и множатся, усиливаются и разрастаются совершенно противоположныя воззрѣнія; ими особенно богато наше время, и они преимуществу являются соблазнительными для юности.

Одни увѣряютъ, что всѣ несчастія и всѣ нестроенія людскія зависятъ отъ нашего невѣжества: просвѣтите, говорятъ, умъ людей, изощрите ихъ разсудокъ, дайте имъ надлежащія знанія, — и при свѣтѣ науки они непременно избавятся отъ всѣхъ несчастій жизни. Другіе доказываютъ, что нужно всѣмъ дать реформы гражданской жизни, упорядочить ея строй, обезпечить полную свободу всѣмъ и во всемъ, и только тогда люди увидятъ счастье, а безъ того не спасутъ, а еще болѣе отяготятъ ихъ положеніе приобретенныя знанія. Иные, наконецъ, возлагаютъ всѣ надежды на равное распредѣленіе среди людей богатствъ, денегъ, домовъ, пищи и одеждъ: будемъ мы сыты, говорятъ они, будемъ мы богаты, и тогда сами придутъ къ намъ и просвѣщеніе, и свобода, и счастье. А безъ этого, что намъ въ просвѣщеніи и свободѣ, если мы умираемъ отъ стужи, лишеній и голода? Такъ учатъ люди міра сего.

Христіанство же учитъ насъ, — и свое ученіе оно подтверждаетъ и голосомъ опыта всей исторіи человѣчества и голосомъ нашей собственной совѣсти, — оно учитъ, что и невѣжество, и рабство, и неравенство, и всѣ нестроенія въ средѣ людей, — всѣ виды зла произвелъ грѣхъ; оно увѣряетъ насъ, что Господь изначала создалъ вся добра зѣло, что человѣкъ самъ, по своей свободной волѣ, зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ... Христіанство учитъ, что если вы дадите человѣку и богатство, и силу, и власть, и образованіе, но не освободите его отъ грѣха, отъ этого коренного зла, — то грѣхъ все отравитъ, все обратитъ въ зло: знаніе онъ обратитъ въ муки сомнѣній, въ болѣзнь духа, въ невѣріе и гордыню; свободу — въ произволь и рабство; власть — въ насиліе, и всю жизнь — въ безконечную цѣпь страданій, беззаконій, пороковъ и взаимнаго истребленія людей.

Глубоко вкоренилось и насаждено это ученіе христіанства въ душахъ простыхъ вѣрующихъ людей, въ міровоззрѣніи и укладѣ жизни нашего простого, христіанскаго народа. И наоборотъ, нерѣдко исполняется въ мірѣ слово Христово, сказанное въ молитвѣ Его къ Отцу Своему: „Ты утаилъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ“...

По изображенію одного изъ нашихъ русскихъ архипасты-

рей-проповѣдниковъ, въ укладѣ воспитанія доброй христіанской семьи въ нашемъ народѣ прежде всего и всегда видно именно различіе и раздѣленіе всякихъ поступковъ, словъ, мыслей, всякихъ порядковъ жизни по ихъ нравственному значенію,— различеніе дозволеннаго и недозволеннаго, грѣха и добродѣтели. И это во всѣхъ мелочахъ жизни. Уронилъ, на примѣръ, ребенокъ хлѣбъ на полъ; ему говорятъ: грѣхъ! Это значить: храни благоговѣйно даръ Божій. Прошелъ ребенокъ мимо церкви и не перекрестился; ему внушаютъ: грѣхъ! Это значить: почитай святыню. Вышелъ онъ прежде времени изъ-за стола; не поздоровался со старшимъ; поѣлъ до обѣдни; сѣлъ въ постъ скоромное; не послушалъ родителей, разсердился на товарища, бранился съ нимъ... Ему на все говорятъ: грѣхъ, грѣхъ, грѣхъ! Это значить: разбирай время; не нарушай порядка; слушай родителей; почитай старшихъ; сдерживай движенія своего сердца; уважай чужую личность... И выросли и выходили, подъ вліяніемъ такого воспитанія, люди крѣпкаго закала воли, люди долга, труда и подвига, люди, которымъ всякое дѣло довѣрить можно. Выходили люди, которые вдумчиво и осторожно относились къ каждому шагу своей жизни, люди порядка и порядочности, люди творческой, а не разрушительной работы, около которыхъ тепло и свѣтло было ближнимъ ихъ, которыми красна и благоустроена жизнь. Это люди, поставившіе неусыпнаго стража и привратника къ уму и сердцу: не всякій помыселъ, не всякое хотѣніе, не всякое чувство они пропускаютъ внутрь своего духовнаго міра, во святая святыхъ души...

Нынѣ слышимъ инныя рѣчи о воспитаніи въ семьѣ и въ школѣ: все позвольте, ни въ чемъ не стѣсняйте, не отказывайте, ничего не останавливайте, пусть-де растетъ человекъ на свободу... Нѣтъ, говорятъ, грѣха, нѣтъ и добродѣтели; каждый бываетъ тѣмъ, что заложено въ его природѣ... Слышатъ эти соблазнительныя рѣчи, и многіе, дѣйствительно, вѣруютъ въ мнимую правду... И видѣли мы, какое опустошеніе въ жизнь вносить это безразличіе добра и зла, грѣха и добродѣтели; видѣли мы, сколько это правило плодило людей безвольныхъ, ни на что неспособныхъ, погубившихъ молодость въ служе-

ни страстямъ; видѣли мы, сколько такихъ питомцевъ необузданной свободы безпутною юностью подготовили себѣ несчастную жизнь и жалкую старость, а нерѣдко, до времени несчастной смерти, кончили позорнымъ бѣгствомъ съ поля жизни—самоубійствомъ!

Здѣсь возьмъ намъ, вѣрующимъ, уроки и предостереженія, уроки—хранить всегда и употреблять одну мѣру поведенія и одну оцѣнку своихъ дѣйствій: „грѣхъ это, или не грѣхъ?“ Эта мѣра не обманеть, не предасть, не погубить, она дастъ человѣку жизнь чистую и достойную человѣка.

Но особенный урокъ здѣсь для васъ, юноши, питомцы учительской церковной школы. Вы готовитесь быть учителями и воспитателями молодого поколѣнія въ нашемъ народѣ. Боже васъ сохрани разрушить вѣковое нравственное возрѣнне народа нашего на жизнь, воспитанное въ немъ благодатнымъ воздѣйствіемъ Церкви! Боже васъ сохрани отойти и самимъ отъ устоя Христовой вѣры и нравственности и измѣрять и оцѣнивать поведеніе человѣка иными мѣрами, а не христіанскими. Хотите ли вы сдѣлать счастливыми, живыми, бодрыми отдѣльныхъ людей: помните слово апостола, что оброкъ и дань грѣха есть смерть; смерть вы принесете людямъ, если будете воспитывать ихъ на основѣ безразличія грѣха и святости. Хотите вы осчастливить весь народъ, ему послужить, его благу, счастью, порядку жизни содѣйствовать: помните, что при грѣховности и грѣхѣ ему не помогутъ никакія реформы гражданской жизни, никакія свободы, ни просвѣщеніе, ни богатство; помните, что „правда возвышаетъ народъ, а умаляютъ племена—грѣхи“! Аминь.

Хамово и іудино окаянство.*

Еще нѣсколько минутъ, и отверзутся предъ вами, возлюбленные, священныя Царскія врата, и откроется святой

* Слово воинамъ предъ причащеніемъ въ среду Крестопоклонной седмицы В. поста. Сказано войскамъ Владивостокскаго крѣпостного гарнизона 19 марта 1908 г.

Престоль, и предложена вамъ будетъ Божественная, безсмертная трапеза, и предстанетъ предъ вами Самъ Небесный Хозяинъ этой трапезы Господь Иисусъ Христосъ, въ Чашѣ завѣтной, въ Тѣлѣ Своемъ и Крови.

Вспоминаются намъ невольныя участники первой такой Божественной трапезы, когда совершилъ ее Самъ Иисусъ Христосъ на Тайной вечери, отправляясь на вольныя страданія, прощаясь съ учениками и преподавая имъ послѣдніе Свои наставленія и завѣты. Вотъ около Него горящій ревностью Петръ, вотъ любящій и любимый Іоаннъ, вотъ апостолы святые, пристрашливо и трепетно вопрошающіе Спасителя: „не я ли предатель?“ Какъ бы хотѣлось и намъ быть по духу и настроенію сердца родными и близкими апостоламъ! Какъ страшно подумать и спросить: „не я ли предатель?“

Да, прозвучало и на Тайной вечери даже среди апостоловъ слово о предательствѣ. Пусть оно прозвучитъ и на нашей тайной вечери въ этихъ молитвахъ предъ святымъ Причащеніемъ, — пусть прозвучитъ, какъ грозное и страшное для насъ предостереженіе! На всѣ вѣка образъ Іуды вспоминается именно въ такія священныя минуты и вызываетъ у христианина въ его предпричастной молитвѣ увѣреніе предъ Богомъ: „ни лобзаніе Ти дамъ, яко Іуда“... Это—образъ человѣка злобнаго и лукаваго, завистливаго, скрытнаго, сребролюбиваго, это—образъ черной неблагодарности и низкой измѣны въ святомъ семействѣ; въ этомъ семействѣ мы видимъ Христа и апостоловъ, а въ дальнѣйшіе вѣка—Христа и Его Церковь, Христа, окруженнаго вѣрующими въ Него. И всюду въ человѣческомъ обществѣ мы видимъ семью, и всюду въ отношеніяхъ человѣческихъ мы должны стремиться къ тому, чтобъ они устроились по образу семьи. Семья—отецъ и мать съ дѣтьми; семья—пастырь съ пасомыми; семья—начальникъ съ подчиненными; семья—воинская часть со своимъ вождемъ; семья—Царь со своимъ народомъ. И всюду могутъ быть и, къ сожалѣнію, бываютъ свои Іуды, свои предатели. Давно ихъ знаетъ міръ, а имена ихъ извѣстны у насъ и малымъ дѣтямъ: на зарѣ исторіи рода человѣческаго—Кайнъ; вторично при возрожденіи человѣческаго рода послѣ потопа—Хамъ, около Христа—Іуда.

Сегодня внимательные къ службѣ церковной слышали изъ слова Божія исторію Хама. Казалось бы, какая должна бы быть дружба и любовь въ этой семьѣ Ноя, которая одна во всемъ мірѣ спаслась отъ потопа! Какъ должны были бы любить сыновья Ноя—Симъ, Хамъ и Іафетъ своего отца, за благочестіе котораго и они сохранены были въ ковчегѣ, помилованы и спасены отъ гибели! Казалось бы, какое впечатлѣніе на всю жизнь, впечатлѣніе ужаса предъ грѣхомъ и порокомъ должно бы остаться у дѣтей Ноя, которыя видѣли своими глазами гибель всего рода человѣческаго въ страшныхъ волнахъ потопа!

Но вотъ, и въ этой семьѣ свила себѣ гнѣздо измѣна. Ной вышелъ изъ ковчега и сталъ обрабатывать землю; онъ насадилъ виноградъ и, не зная дѣйствія сока его, напившись вина, опьянѣлъ и лежалъ обнаженный въ шатрѣ своемъ. Увидѣлъ это Хамъ, и въ низкой душѣ его вдругъ родилось и злорадство при видѣ такого позора отца, и издѣвательство, насмѣшка надъ старцемъ. Онъ идетъ къ братьямъ своимъ; онъ рассказываетъ имъ объ отцѣ съ злорадною усмѣшкой. Но не таковы были братья: „Симъ и Іафетъ взяли одежду (длинную) и, положивъ ее на плечи свои, пошли задомъ и покрыли наготу отца своего; лица ихъ были обращены назадъ и они не видѣли наготы отца своего“.

Ной же проспался отъ вина своего и узналъ, что сдѣлалъ надъ нимъ меньшій сынъ его. И проклиналъ онъ Хама, въ лицѣ его сына Ханаана, проклиналъ все его потомство, и указалъ ему въ будущемъ рабство вѣчное, какъ неизбѣжное наслѣдіе за непочтительность къ отцу, а Сима и Іафета благословилъ и предсказалъ потомству Сима, что онъ будетъ знать вѣру истинную, а потомству Іафета,—что оно будетъ многочисленное и, уклонившись отъ вѣры, потомъ опять придетъ къ ней и приметъ ее отъ потомковъ Симовыхъ. Люди, изучавшіе исторію человѣческую, знаютъ, какъ до конца и со всею точностью исполнилось это предсказаніе Ноя.

Перенеситесь, возлюбленные, отъ того далекаго времени къ нашимъ днямъ, столь смутнымъ, столь тяжкимъ. Предъ нами великая семья—нашъ родной народъ, наше русское государ-

ство. Это—вон истину семья, и только устроениемъ его по образу семьи мы принесемъ ему счастье.

Не выбираютъ и не мѣняютъ дѣти отца своего, а имѣютъ того и такого, кого и какого Богъ далъ. Не выбираютъ и не мѣняютъ въ народѣ и царя, этого богоданнаго отца въ великомъ семействѣ, а имѣютъ того и такого, какого Богъ пошлетъ.

Не ограничиваютъ дѣти власти отца своего, а съ любовью и послушаніемъ исполняютъ то, что указываетъ имъ дѣлать отецъ; они знаютъ, что отецъ дѣтямъ зла не пожелаетъ. Не ограничиваютъ и въ царствѣ царя, а съ любовью и послушаніемъ исполняютъ его повелѣнія: и царь вѣдь своему народу и своему царству не зложелатель; вѣдь и ему самому хочется видѣть народъ счастливымъ, хочется и сыну, и внукамъ, и правнукамъ оставить въ наслѣдіе царство мирное, народъ, живущій въ довольствѣ и достаткѣ.

Бываютъ въ каждой семьѣ неудачи, несчастья, бѣдность, лишенія; бываетъ, что то или другое предпріятіе не удастся. Дѣти и родители тогда вмѣстѣ горюютъ и тужатъ, вмѣстѣ воздохнуть, вмѣстѣ Богу помолятся, вмѣстѣ и усиленно начнутъ трудиться. И исполняется мудрое присловіе народное: „гдѣ миръ и ладъ, тамъ и кладъ, гдѣ миръ и ладъ, тамъ и Божья благодать“. Легче вмѣстѣ переносятся неудачи и лишенія, легче перетерпится тяжелое время. И приходятъ за днями горести и печали дни радости, а семья все растетъ, и ширится, и крѣпнетъ, и чѣмъ больше въ ней согласія и дружбы, тѣмъ вѣрнѣе она идетъ къ достатку и благополучію. Бываютъ и въ государствѣ неудачи, лишенія, непорядки, недостатки. Около царя, какъ около отца, тогда должны собраться его подданные, какъ дѣти: вмѣстѣ погоревать, вмѣстѣ воздохнуть; вмѣстѣ помолятся, вмѣстѣ и начнутъ еще съ большими усиліями, чѣмъ прежде, трудиться. И съ царствомъ случится то же, что въ дружной семьѣ: гдѣ миръ и ладъ, тамъ и кладъ.

Но вдругъ въ семьѣ въ дни неудачъ и лишеній явится Хамъ,—обычно это, какъ и Хамъ,—*меньшій* сынъ, которому и говорить-то о дѣлахъ рано. И начнетъ онъ мутить, и начнетъ возбуждать противъ отца: онъ-де во всемъ виноватъ, не такъ слѣдовало бы поступить, а вотъ какъ... Счастье, если и

при дѣйствительныхъ ошибкахъ отца, когда онъ былъ введенъ въ заблужденіе, остальные дѣти его, какъ Симъ или Іафетъ, или какъ апостолы около Христа, останутся добрыми, твердыми въ своемъ долгѣ. Тогда Хамъ останется одинокимъ. Но если братья поддадутся мятежнымъ хамовымъ и іудинымъ рѣчамъ, то отъ семьи не останется ничего, она разбредется, она не пересилитъ несчастья, и разойдутся потомъ братья работниками по чужимъ хозяйствамъ, и будутъ, конечно, потомъ горько сожалѣть о томъ, что послушались подстрекательства младшаго, негоднаго, еще ничего не дѣлавшаго, а только болтавшаго языкомъ Хама, но будетъ поздно; будутъ сожалѣть, что разорили они родной домъ, да ничего ужъ не подѣлаютъ. И будутъ они видѣть, какъ ихъ раздоры и разореніе своей семьи послужили на пользу и обогащеніе сосѣдямъ, — и все-таки у этихъ-то именно сосѣдей они и будутъ рабами и прислужниками. Тамъ они не будутъ подавать своего голоса, тамъ они будутъ, какъ домашнее животное, слушаться чужой воли, чужихъ приказаній.

Представьте себѣ, что нѣчто подобное случилось бы и въ великой семьѣ, — въ государствѣ. И нечего представлять умомъ и воображеніемъ: мы на самомъ дѣлѣ видѣли новыхъ Хамовъ и Іудъ, мы слышали ихъ мятежныя и предательскія рѣчи, мы знаемъ, до чего они доводили неразумныхъ. Всѣ мы — дѣти великой семьи, отечества, около Царя-отца. А вы, воины, вы — дѣти, особенно избранныя отъ всего народа, чтобы намъ обезпечить и обезопасить мирное житіе; вы — жертва всего народа, принесенная и приносимая ради мира и спокойствія отечества. Будетъ пахарь спокойно воздѣлывать землю, будетъ ремесленникъ мирно трудиться, будетъ пастырь безпрепятственно учить, молиться и священнодѣйствовать, будутъ дѣти Церкви Божіей безъ заботъ и тревогъ отдаваться молитвѣ и подвигу духовному, — будутъ всѣ мирно и спокойно трудиться, когда знаютъ и увѣрены, что воины, эти избранники народа, эта жертва всенародная, стоятъ на-стражѣ защиты отечества, ограждать его отъ врага внѣшняго, отъ нашествія непріятелей, ограждать и отъ враговъ и смутьяновъ внутреннихъ, отъ воровъ, душегубовъ, бунтовщиковъ и замѣнниковъ, которые Божьяго

закона слушать не хотятъ и закона государственнаго не исполняютъ. Бываютъ воинскія части, особенно и наипаче важныя, стоящія въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, имѣющія особо великій долгъ, несущія особо великую службу. Вы сами знаете, что такими именно являетесь вы, возлюбленные, стоящіе здѣсь, на грани Россіи, въ ея твердынѣ, владѣющей Востокомъ, на восходѣ солнца, здѣсь впервые каждый день озаряющаго своими лучами русскую великую землю. Какой у васъ великій долгъ! Какая отвѣтственность! Какой важный подвигъ! Какое значеніе предъ лицомъ Россіи и предъ лицомъ врага внѣшняго, еще недавно нанесшаго Россіи тяжелыя раны!

Но вотъ, среди народа и даже среди защитниковъ его вдругъ появляются лица, вполне справедливо заслуживающія имени Хама и Ханаана. Они злорадно смѣются надъ страданіями родины, они торжествующе указываютъ на ошибки, дѣйствительныя или мнимыя, со стороны лицъ начальствующихъ, они вмѣсто любви всѣхъ подданныхъ между собою, какъ дѣтей одной родины, проповѣдываютъ исполнить и такъ-называемую „классовую борьбу“. Проповѣдь о такой „классовой борьбѣ“ значитъ: вмѣсто общаго блага и счастья каждый устраивай себѣ счастье свое собственное и счастье того маленькаго кружка, который для тебя близокъ, довольство котораго для тебя лично выгодно и полезно. Проповѣдники такого ученія возбуждаютъ зависть, ненависть и подозрительность у дѣтей великой семьи—отечества другъ къ другу. Кто они, эти Хамы? Большею частью, почти всегда, это именно младшіе, какъ и Хамъ, сыновья родины, злобные, насмѣшливые, равнодушные къ чести отечественной и семейной. Счастье, если ихъ проповѣдь не родитъ іудинаго окаянства и іудина дѣла—предательства; если противъ мятежныхъ рѣчей они находятъ отпоръ со стороны вторыхъ сыновъ родины. Но если, чего не дай Богъ, ихъ рѣчи найдутъ сторонниковъ,—а рѣчи эти, конечно, соблазнительны и заманчивы, какъ соблазнитель и заманчивъ всякій грѣхъ и порокъ, какъ обольститель сатана,—то плоды такихъ хамовыхъ и іудиныхъ рѣчей приносятъ несказанное горе родинѣ, а конецъ ихъ — рабство родного народа, потеря самостоятельности, служеніе чужимъ народамъ. Не вспоминаются ли вамъ

при этихъ словахъ недавнія событія здѣсь, во Владивостокѣ, событія печальныя и позорныя, принесшія столько мукъ, слезъ и крови? Воины, поставленные для защиты родины, вдругъ поколебались отъ хамовыхъ рѣчей; пошли противъ своихъ начальниковъ, нѣкоторыхъ безбожно и звѣрски убили, возмутились противъ своей родины, рѣшили стрѣлять по неповинному городу... Слышно, къ нимъ попадали и попадаютъ листки и прокламаціи, которые составляются и печатаются въ Японіи русскими хамами — Іудами, бѣжавшими туда отъ преслѣдованія закона. Слышно, надѣялись они найти себѣ убѣжище и спасеніе, и у кого же? У Японіи и японцевъ, у враговъ своего народа, у тѣхъ, что недавно наносили тяжкія раны русскому народу, у тѣхъ сосѣдей, которые, въ случаѣ ослабленія Россіи отъ бунтовъ и безпорядковъ, ими же часто возбуждаемыхъ и поддерживаемыхъ, сами явятся сюда господами и подчинять себѣ и сдѣлаютъ рабами русскихъ людей. А въ другихъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества явятся другіе сосѣди и подчинять себѣ, такимъ образомъ, весь нашъ народъ, лишая свободы и довольства всю нашу родину.

Слава Богу, мятежные замыслы раскрыты и предательскіе бунты подавлены. Слава Богу, нашлись Симы и Іафеты, не послушавшіе Хама! Для вѣрныхъ или колебавшихся должно все это послужить урокомъ; они должны себѣ представить весь ужасъ отступленія отъ долга, весь ужасъ того положенія и состоянія, къ которому могло бы привести нашу родину хамово и іудино окаянство, если бы оно имѣло успѣхъ. Слава Богу, огромное большинство воинства, стоящаго во Владивостокской твердынѣ, оказалось твердымъ и непоколебимымъ въ исполненіи своего долга. Вѣрные съ мужествомъ противостали измѣнникамъ и предателямъ и прекратили мятежъ.

Все это пережитое и перечувствованное вами, всѣ эти недавно бывшія тревоги, волновавшія душу и совѣсть, нынѣ въ первое наше говѣніе послѣ перенесенныхъ ужасовъ, — все это и на исповѣди, и сейчасъ предъ причащеніемъ, конечно, невольно воспоминается многимъ. И, конечно, мучительно и тягостно тому, кто колебался, кто слушалъ предательскихъ рѣчей, кто соблазнялся хотя бы только въ мысли и намѣреніи и

не прочь быть стать въ ряды измѣнниковъ. Для него—страшно звучать слова молитвы: „ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда“... Что же, приступать ли ему къ Чашѣ Завѣтной? Страшно, братіе, всѣмъ приступать, ибо *святая—святѣмъ*, святѣни могутъ принять только святые, а мы всѣ—въ томъ или другомъ отношеніи грѣшныя. Страшно приступить, но не приступить еще страшнѣе, ибо это значить—остаться внѣ Бога, внѣ Его благодати, внѣ жизни, внѣ спасенія; это значить—въ потопѣ грѣховномъ всемірномъ не оказаться въ ковчегѣ; это значить—навѣки погибнуть. Поэтому-то милосердіе Божіе открываетъ намъ входъ къ единенію съ Господомъ въ великой тайнѣ покаянія. И знаемъ мы, и вѣруемъ, и слышимъ мы въ молитвахъ предъ причащеніемъ, которыя вы сейчасъ слушали, знаемъ, что не погибнетъ предъ Богомъ ни капля слезная, ни капли часть нѣкая, что не пройдетъ мимо Его ни одинъ вздохъ сокрушенія и покаянія, что нѣтъ грѣха, который могъ бы оказаться сильнѣе Божьяго милосердія и побѣдить его, если только человѣкъ въ грѣхѣ своемъ раскается. Одинъ только нераскаянный грѣхъ губить насъ безвозвратно: только упорное противленіе истинѣ, при всѣхъ ея доказательствахъ, именуемое въ евангеліи хулою на Духа Святаго, не получить прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей. И если бы самъ Іуда, предавшій Христа, потомъ раскаялся и склонился у креста Господня, и онъ омылъ бы душу покаяніемъ и могъ получить прощеніе въ грѣхѣ богопредательства...

Итакъ, воздохните всѣ вы, причастники Тѣла и Крови Христа Господа, воздохните, покайтесь! Вотъ, мы видимъ, вы, много изъ васъ, плачете... Не стыдитесь, воины, этихъ слезъ, это не слезы слабости и малодушія, это святѣя, чистѣя слезы, и ни одна изъ нихъ не будетъ забыта предъ Богомъ. Плачьте, плачьте, облегчите душу! Вотъ, вы смотрите на эти лики Господа и святѣхъ Его сейчасъ умиленными взорами, вотъ, видимъ мы и слышимъ, несутся ваши вздохи, вы не можете ихъ скрыть и подавить... О, святѣя минуты! О, великій этотъ день! О, радость несказанная на землѣ и на небѣ! Приступите. Се Христосъ невидимо стоитъ и пріемлетъ исповѣданіе ваше. И если вы такъ настроены, если вы такъ сокрушаетесь о грѣхѣ,

если вы его осуждаете всѣмъ сердцемъ, если мысль о грѣсѣхъ содѣянныхъ приводитъ васъ въ содроганіе, если вы никогда не ступите на путь измѣны и колебанія, если своему долгу, своему званію вы готовы послужить даже до пролитія своей крови,—то уже нѣтъ среди васъ ни одного Іуды! Прочь въ эти святія минуты, прочь его страшный во вѣкъ образъ!

Иной тогда образъ стоитъ передъ вами,—образъ пока-
явшагося разбойника. И слышно его слово: „помяни мя, Господи,
во царствіи Твоемъ!“ И слышно отвѣтное слово Спасителя:
„днесъ со мною будеши въ рай!“

Братіе и друзи! Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!
Аминь.

Права и обязанности.*

Вопросъ о правахъ—теперь самый модный, самый жиз-
ненный вопросъ. Кто о немъ не говоритъ въ послѣдніе годы?
Кто не требуетъ себѣ возстановленія или приобрѣтенія правъ?
Говорить объ этомъ вопросѣ, значить—отвѣчать самымъ живо-
трепещущимъ настроеніямъ общества.

Евангельское чтеніе, сегодня слышанное нами за литур-
гіей, въ наглядномъ образѣ и увлекательномъ жизненномъ
разказѣ какъ-разъ и отвѣчаетъ переживаемымъ нынѣ за-
просамъ и настроеніямъ и даетъ на нихъ ясный и рѣши-
тельный отвѣтъ.

Въ евангельскомъ повѣствованіи мы видимъ Господа
Иисуса Христа при концѣ Его земного служенія. Злоба вра-
говъ Его достигла высочайшей степени. Ближе время, когда
эта злоба достигнетъ и своей цѣли,—предастъ Божественнаго
Учителя на крестъ, муки и смерть. Временными удаленіями
Иисуса Христа въ пустынные мѣста, какъ это было доселѣ,

* Слово въ 5 недѣлю Великаго поста; сказано въ г. Владивостокѣ при слу-
женіи архіепископа Владивостокскаго, въ присутствіи воинскихъ частей, крестьянъ
и учащихъ дѣтей, 30-го марта 1908 года.

уже нельзя было успокоить враговъ. Теперь всякая попытка придти въ Иерусалимъ уже явно грозила Спасителю смертью, и объ этомъ засвидѣтельствовали сами ученики Господа въ отвѣтъ на высказанное Имъ желаніе идти въ Иудею: „Равви, давно ли іудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?“ (Іоан. XI, 8).

При такихъ-то обстоятельствахъ отправляется Іисусъ Христосъ въ Иерусалимъ,—въ послѣдній разъ въ жизни грядеть Онъ въ земной Иерусалимъ, для совершенія послѣдней Своей Пасхи. Онъ идетъ молча впереди, весь преисполненный сознанія скоро грядущаго завершения Своего искупительнаго подвига, въ ожиданіи суда, мукъ и смерти, а позади за Нимъ, въ отдаленіи слѣдуютъ ученики Его, слѣдуютъ со страхомъ, какъ замѣчаетъ евангеліе (Марк. X, 32—45; ср. Матѳ. XX, 17—28). Спаситель видѣлъ и вѣдалъ настроеніе Своихъ учениковъ. Онъ не хотѣлъ скрыть отъ нихъ скоро грядущаго для нихъ соблазна. Онъ желалъ, чтобы вѣра ихъ питалась не обманчивыми надеждами на возможность для Него избѣгнуть опасности, а ясно представляя себѣ муки и смерть Сына Божія, чтобы ученики рѣшительно и безповоротно отказались отъ всякихъ мірскихъ и суетныхъ представленій о царствѣ Мессіи Христа, какъ о царствѣ человѣческомъ. Посему, подозвавъ двѣнадцать, Онъ прервалъ Свое молчаніе скорбною рѣчью, скорбнымъ пророчествомъ о томъ, яже хотяху Ему быти: „Се восходимъ во Иерусалимъ, и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его языкомъ, и поругаются Ему, и узвѣять Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его, и въ третій день воскреснетъ“. Въ словахъ Спасителя вмѣстѣ съ пророчествомъ слышится, конечно, и желаніе предохранить учениковъ Своихъ отъ грядущаго соблазна: пусть знаютъ они, что совершенно ясно Учитель ихъ предвидитъ Свои страданія, что совершенно добровольно идетъ Онъ на крестъ, что сила Божества Его все-таки восторжествуетъ надъ спасеннымъ міромъ и добро не будетъ побѣждено зломъ. Какъ преображеніе, незадолго до сего бывшее съ бесѣдою Ілліи и Моисея объ исходѣ Господа Іисуса во Иерусалимъ, т.-е. объ Его страданіяхъ (Марк. IX, 2—11)

и какъ послѣдовавшее затѣмъ предсказаніе Самого Спасителя о Своихъ страданіяхъ (ст. 31—2), такъ и это ясное и рѣшительное указаніе Господа о Своемъ восхожденіи въ Іерусалимъ для восхожденія на крестъ, по отношенію ко всѣмъ ученикамъ Его и послѣдователямъ, имѣло одну цѣль, столь прекрасно выраженную словами пѣснопѣнія церковнаго: „да егда Тя узрять распинаема, страданіе убо уразумѣють вольное“.

И все же, не взирая на такія постоянныя твердыя и настойчивыя напоминанія Іисуса Христа о томъ, что Его ожидаетъ въ Іерусалимѣ, не взирая на то, что и ученики Его, какъ мы видѣли, ясно сознавали, что ихъ Учитель идетъ теперь на смерть, — все-таки глубокое и міровое значеніе всего этого не было имъ доступно, не вліяло еще на ихъ душевную жизнь, не подавляло въ ней міра и мірскихъ вожделѣній, не подавляло ихъ плотскихъ и чувственныхъ воззрѣній и не замѣняло ихъ духовными, христіанскими. Въ самомъ дѣлѣ, Господь только-что говорилъ имъ о Своихъ страданіяхъ, объ уничтоженіи и смерти, а ученики упорно помышляли и мечтали о земномъ царствованіи, съ его силою, блескомъ, славою, изобиліемъ: всего этого они продолжали ожидать, вопреки всѣмъ указаніямъ и наставленіямъ Спасителя. Мать сыновъ Зеведеевыхъ, т.-е. апостоловъ Іакова и Іоанна, а потомъ и сами они обращаются здѣсь къ Спасителю съ неожиданною и необычною просьбою: „дай, чтобы одинъ изъ насъ сѣлъ по правую, а другой — по лѣвую сторону въ царствѣ и славѣ Твоей“... Можетъ-быть, только эти два ученика, хотя и изъ ближайшихъ къ Іисусу Христу, оказались непонятливыми и даже своекорыстными, а прочіе были не таковы? Увы, Іаковъ и Іоаннъ были только выразителями общаго настроенія! Они просили себѣ первыя мѣста въ земномъ царствѣ Христа, а другіе апостолы негодовали на нихъ, но не за то, что ихъ просьба неумѣстна, а за то, что Іаковъ и Іоаннъ просятъ себѣ первенство, просятъ себѣ одни тѣхъ благъ, на которыя рассчитывали и прочіе апостолы по праву ближайшихъ учениковъ Господа. Здѣсь было продолженіе еще недавнихъ думъ и заботъ, высказанныхъ Спасителю въ вопросѣ: „вотъ, мы все

оставили и пошли за Тобою, что же намъ за это будетъ?" (Мате. XIX, 28). Здѣсь было продолженіе распри и спора, бывшаго непосредственно послѣ Преображенія Господа: „кто изъ насъ большій? кто первый?" (Мате. XVIII, 1). Всѣ они заблуждались, думая, что царство Христово есть обычное царство земное, съ неизбѣжными счетами о правахъ и первенствѣ,—и можно себѣ представить, какъ горько было на душѣ и сердцѣ Спасителя, когда Онъ видѣлъ и слышалъ, что даже ближайшіе Его ученики и уже въ концѣ Его земного поприща, послѣ столькихъ лѣтъ непрерывнаго Его учительства, послѣ столькихъ ясныхъ наставленій и указаній, все-таки Его не понимали. И опять терпѣливо и съ настойчивостью любви Онъ говоритъ имъ вѣчныя слова вѣчной христіанской мудрости, вѣчно кажущейся безуміемъ для міра: „Вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ всѣмъ слугою; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ. Ибо и Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою за искупленіе многихъ" (Марк. X, 42—5).

Таково содержаніе нынѣшняго евангельскаго чтенія. Какъ же оно можетъ быть примѣнимо къ переживаемому времени?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ услышимъ нерѣдко злорадное торжество современныхъ учителей и смутьяновъ: „Да, —говорятъ они,—гутъ наставленіе царямъ, князьямъ, вельможамъ, правителямъ! Здѣсь отрицаніе всякой власти! Видите, и Спаситель говорилъ противъ царей и князей!" Мы помнимъ даже листокъ, составленный и подписанный священникомъ, нынѣ уже лишеннымъ сана, гдѣ приводились, въ искаженномъ видѣ и съ пропусками, эти слова Господа и дѣлались выводы, призывавшіе къ возстанію противъ власти...

Нѣтъ, братіе! Тотъ, Кто училъ воздавать кесарю кесарево и покорно принималъ даже незаконный судъ и неправое его рѣшеніе, Кто Пилату сказалъ, что власть его ему дана свыше,—не могъ поучать возстанію противъ власти. И не этотъ плотской и грубый смыслъ мы должны видѣть въ словахъ

Господа. Не властителямъ Онъ даетъ урокъ, а Своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, т.-е. и намъ. И не первымъ и большимъ въ мірѣ говоритъ Онъ. Въ Его наставленіи обратите вниманіе на слова: *кто хочетъ* быть большимъ между вами; *кто хочетъ* быть первымъ между вами... Но вѣдь можно и быть первымъ, но первенства не искать и не хотѣть, и можно быть послѣднимъ, и рабомъ, и слугою, но искать, но снѣдаться желаніемъ первенства, вопить о правѣ своемъ быть большимъ... Значить, дѣло не во внѣшнемъ положеніи чело-вѣка, а въ его внутреннемъ настроеніи. Значить, не къ князьямъ и вельможамъ относится наставленіе Спасителя, а ко всѣмъ намъ. Посему не станемъ говорить о людяхъ, стоящихъ у власти и силы, такъ ли они понимаютъ и исполняютъ свои высокія обязанности: да таковыхъ и нѣтъ среди насъ. Несомнѣнно, и для нихъ въ словахъ Спасителя указано высшее и духовное пониманіе власти, какъ долга, а не права, какъ служенія людямъ посредствомъ власти, а не властительства надъ ними ради утѣхи и прихоти. Пусть же они сами дадутъ отвѣтъ передъ Богомъ о томъ, какъ они пользовались властью; не намъ судить ихъ, хотя, правду сказать, въ наше время слишкомъ любятъ заниматься осужденіемъ именно власть имущихъ.

Обратимся лучше къ себѣ самимъ. Какъ часто въ себѣ мы видимъ именно то, что было осуждено Господомъ въ просьбѣ Іакова и Іоанна и ихъ матери! Какъ часто и мы склонны оцѣнивать жизнь не высшею нравственною цѣною, а только внѣшнимъ положеніемъ чело-вѣка! Какъ часто и мы во всякомъ страданіи и лишеніи, во всякомъ подвигѣ служенія другимъ и повиновенія долгу готовы видѣть нѣчто уни-зительное, отъ чего нужно избавиться при первой возможности, съ напряженіемъ всѣхъ силъ!

Высоко было призваніе и достоинство апостоловъ; они, по словамъ Спасителя,—соль земли; они—свѣтъ міру; они будутъ судить міръ; они возсядутъ въ пакибытіи на престолахъ судить колѣнамъ Израилевымъ; слушающій ихъ—Самого Господа слушаетъ... Высоко было ихъ призваніе и достоинство, но смотрите, Спаситель, въ отвѣтъ апостоламъ Іакову и Іоанну,

указать имъ на ихъ *обязанности* въ то время, какъ они помышляли только о *правахъ*. Апостолы, однако, впоследствии уразумѣли свою ошибку и, пріявъ вѣнцы мучениковъ, доказали и показали, что они усвоили и исполнили до конца учене Христово. У насъ не то. Спросите: о чемъ мы всего болѣе мечтаемъ? чего добиваемся? на чемъ строимъ жизнь,—на сознаніи и требованіи правъ, или на сознаніи обязанностей? Но вѣдь именно на правахъ теперь всё, какъ говорится, помѣшаны, и сознавать свои права, добиваться ихъ во что бы то ни стало—силою, злобою, преступленіемъ, кровью,—это считается нынѣ признакомъ особаго гражданскаго развитія, признакомъ особой умственной высоты. Развивать въ другихъ сознаніе ихъ правъ и умѣнье отстаивать эти права считается теперь цѣлью всякаго современнаго учителя, писателя, общественнаго дѣятеля. Молчать только объ обязанностяхъ, о долгѣ; забываютъ, что нѣтъ такого права, которое не связано было бы съ опредѣленною обязанностью. Впрочемъ, это не совсѣмъ правильно: у другихъ теперь охотно признаютъ обязанности и однѣ обязанности,—исключительно у высшихъ себя; себѣ же приписываютъ и усвояютъ права, и только права. И видимъ, какъ перевернулись всё отношенія и замутилась вся жизнь: дѣти поучаютъ родителей, рабочіе желаютъ управлять хозяевами, ученики учатъ учителей, младшіе желаютъ повелѣвать старшими, воины хотятъ командовать своими офицерами и начальниками, а юноши и дѣвушки, которымъ часто нѣтъ полныхъ двухъ десятковъ лѣтъ отъ роду, желаютъ править народомъ и наставлять Царя, какъ Ему съ правительствомъ надо править царствомъ. Все стремится къ правамъ, забывая объ обязанностяхъ, все стремится къ влательству, забывая о повиненіи, о самоотреченіи и необходимости свободно ограничивать себя ради служенія общему благу. Въ этомъ—главное зло нашей жизни, въ этомъ—отступленіе отъ завѣтовъ Спасителя. Своими легкомысленными сужденіями и осужденіемъ всего и всѣхъ въ присутствіи нашихъ дѣтей и подростковъ поколѣній мы въ нихъ съ малыхъ лѣтъ развиваемъ неуваженіе къ вѣрѣ и Церкви, къ ея служителямъ и проповѣдникамъ, при нихъ повторяемъ грязные и чаще всего

завѣдомо ложные слухи и сплетни о лицахъ высшихъ и начальственныхъ, смѣемся надъ школой и ея работниками, надъ службой и повиновениемъ, издѣваемся надъ всѣмъ, что поставлено выше насъ и достойно уваженія. Слѣдуя по указкѣ развратной и развращающей печати, находящейся большею частью въ рукахъ юнцовъ-недоучекъ, или безбожниковъ, или враговъ христіанства—евреевъ, или даже подкупленныхъ враговъ нашего народа,—мы восхищаемся тѣми прославленными въ печати героями, а на самомъ дѣлѣ разрушителями жизни, которые возставали и встаютъ противъ власти, оказываютъ противленіе начальствующимъ лицамъ, мы восхищаемся тѣми якобы дѣятелями, которые въ сущности никогда и ничего не дѣлали, а только бранили всѣхъ и все, осуждали и осуждаютъ безъ разбора всѣ порядки жизни и будили въ людяхъ не благородное и смиренное сознание долга, а злобное сознание своихъ правъ, часто преувеличенныхъ до безумія.

Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ, что наши дѣти и молодья поколѣнія, воспитанныя въ чувствахъ благоговѣнія не къ величавымъ героямъ долга, а къ гордымъ „ратоборцамъ за свободу и права человѣка“, знать не хотятъ никакихъ обязанностей, теряютъ умѣнье что-либо уважать и начинаютъ, конечно, свои грубости и животное, ничѣмъ не управляемое и не сдерживаемое свободолубіе съ родителей и родительскаго дома, переносятъ то же самое потомъ на учителей и школу, а затѣмъ мутятъ всю жизнь и сами въ концѣ-концовъ гибнуть, ничего дѣльнаго не совершивши и ни къ чему дѣльному неспособные!

И хочется при видѣ этого стоящаго сейчасъ въ храмѣ множества людей всѣхъ званій и состояній, и особенно дѣтей, нижнихъ чиновъ и бѣдныхъ классовъ народа сказать себѣ и другимъ: будемъ, братіе, по завѣту Господа нашего, возрастать болѣе въ сознании долга и обязанностей, а не въ сознании однихъ правъ—права придуть сами собою. Жизнь вся и всякая не есть праздникъ безпечальнаго веселья и довольства: такую она быть не можетъ. Жизнь есть подвигъ труда, терпѣнія, страданія и смиренія. Сдѣлай ее такою съ любовью и добровольно, во имя свободно сознанаго долга; иначе—она

все равно будетъ такую принудительно, и ты ее примешь тогда съ тупою, животною покорностью. И нужно миллионъ разъ выслушать и исполнить чужую волю и чужое приказаніе, прежде чѣмъ указывать другимъ и исполнять волю свою.

Горе тому, кто не умѣетъ повиноваться: онъ недостойнъ права и никогда не будетъ умѣть повелѣвать. У всѣхъ великихъ трудниковъ Царства Божія, какъ и у Самого Спасителя, слава являлась послѣ уничиженій и страданій.

Въ отвѣтъ на великую смуту нашей жизни всѣ теперь ссылаются на движеніе общественное послѣ неудачи послѣдней войны, въ этомъ краѣ особенно памятной и чувствительной, и открывшихся язвъ государственной и народной жизни. Указываютъ, и часто справедливо, на ошибки людей, власть имущихъ. Но примѣчательно, какъ различно отразилось сознаніе этихъ недостатковъ жизни на различныхъ людяхъ: большинство стали слѣдить за исполненіемъ долга и обязанностей *съ другими*, а себѣ все отвоевывали права; но благороднѣе, и лучше, и по-христіански поступили тѣ, которые усугубили строгость не къ другимъ, а къ себѣ, которые стали слѣдить усиленно за исполненіемъ *своего* долга, *своихъ собственныхъ* обязанностей.

Если же всѣ будутъ говорить только о правахъ, кто же будетъ исполнять обязанности? Если всѣ будутъ желать власти, кто же будетъ повиноваться? Что будетъ, если повиновенія не станетъ въ жизни и въ отношеніяхъ людей?

Представьте себѣ несущійся на всѣхъ парахъ по желѣзной дорогѣ паровозъ, въ которомъ вынуть или испорченъ тотъ аппаратъ, который даетъ возможность машинисту управлять паровозомъ, двигать его впередъ или назадъ и останавливать на мѣстѣ. Конечно, паровозъ будетъ двигаться, и даже быстро, но много зла онъ причинитъ на пути, да и самъ въ скоромъ времени разобьется и погибнетъ.

То же самое будетъ съ обществомъ, съ государствомъ, съ народомъ, если мы изъ жизни изгонимъ сознаніе долга и умѣнье сдерживать свою волю и повиноваться волѣ чужой. Вотъ здѣсь, среди насъ, мы видимъ воиновъ. Какое войско сильно, стойко, побѣдоносно,—то ли, въ которомъ подорвана

дисциплина и въ которомъ никто не слушаетъ другъ друга и каждый живетъ по своей волѣ, какъ этому теперь учать солдатъ подметные листки, присылаемые сюда русскими измѣнниками, укрывшимися въ Японіи,—или то воинство, которое духомъ повинovenія и сознаниемъ долга во имя любви къ родинѣ и ея Боговѣнчанному Вождю слилось, какъ одинъ человекъ, въ живую и непоколебимую силу? Что сравнивать песчинки со скалою! Вѣдь въ первомъ случаѣ будетъ даже и не войско, а сбродъ. Такъ и въ обществѣ и государствѣ, при отсутствіи повинovenія и сознаниа обязанностей, мы увидимъ только песчинки: пусть ихъ будетъ и безконечно много; сколько бы ни было песку, изъ него и маленькаго дома не сдѣлаешь.

Въ сознании обязанностей, въ долгѣ повинovenія нужно, наконецъ, видѣть не только силу жизни, не только исполненіе заповѣди Христовой, но и высокое наслажденіе, правда, доступное только для людей, много и долго надъ собою поработавшихъ.

Не такъ давно одинъ старецъ-митрополитъ, прослужившій до 50 лѣтъ архіереемъ, на высотѣ церковно-правительственной власти, прибывъ на митрополию, посѣтилъ братію того монастыря, въ которомъ когда-то, давно-давно, онъ самъ былъ простымъ монахомъ и послушникомъ, исполняя всѣ, даже черныя работы. Теперь, возведенный въ самый высшій санъ митрополита, онъ принималъ этотъ самый монастырь, уже какъ начальникъ, въ управленіе. Собрались монахи, ждали поученія. И вотъ что сказалъ старецъ-митрополитъ: „Пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ этой самой обители я несъ труды послушанія. Какъ хорошо мнѣ тогда было: все ясно, все указано отъ старшаго, все опредѣленно, ни за что не отвѣтствуешь, только за свое послушаніе... Потомъ пятьдесятъ лѣтъ я управлялъ другими. Сколько мученій и сомнѣній, сколько вдумчивости нужно въ каждое дѣло, сколько отвѣтственности не за себя только, но, главнымъ образомъ, за другихъ! Предъ гробомъ моимъ, который здѣсь скоро поставятъ, предъ Богомъ, Которому мы служимъ, даю вамъ завѣтъ и урокъ: лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать!“

Да, лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать, и съ этой

точки зрѣнія, обязанности и выше, и дороже, и даже приятнѣе, чѣмъ права. И если теперь у насъ столько нестроений въ жизни, то не потому ли, что всѣ хотятъ повелѣвать, а не повиноваться? И если Богъ насъ наказываетъ въ войнѣ и мирѣ, то не потому ли, что мы забыли обязанности, а тянемся только къ правамъ? Не потому ли и воинство часто беспорядочно и слабо, что подъ вліяніемъ собственнаго растлѣнія и злыхъ рѣчей со стороны лжеучителей и соблазнительей многіе стали смѣяться и смѣются даже надъ словомъ „служба“, и „служить“ уже почитаютъ не заслугою и подвигомъ, какъ прежде, а чѣмъ-то унизительнымъ и недостойнымъ?

Слушайте же, что говоритъ Спаситель: „Сынъ Человѣчскій пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“! Аминь.

Самоубійство—бичъ современности.*

Общее воскресеніе прежде Твоеа страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигъ еси Лазаря, Христе Боже (Троп. праядн.).

Достопочтенный настоятель этого храма и прихода обратился ко мнѣ съ предложеніемъ и просьбою сказать поучительное слово за нынѣшнимъ торжественнымъ богослуженіемъ. Случайный гость и проѣзжій въ адѣшной мѣстности, не зная настроений и духовныхъ нуждъ населенія, я спросилъ его, о чемъ всего лучше и полезнѣе мнѣ говорить. На вопросъ я получилъ быстрый и рѣшительный отвѣтъ: „Скажите объ убійствѣ и особенно о самоубійствѣ; мы въ Харбинѣ только и слышимъ о такого рода печальныхъ событіяхъ“

Такъ опредѣляется самъ собою, братіе, предметъ для нашего сегодняшняго собесѣдованія. Увы, не въ одномъ Хар-

* Слово, сказанное въ Никол. соборѣ гор. Харбина, въ Маньчжуріи, за всеночнымъ бдѣніемъ въ праядникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, 5 апрѣля 1908 г.

бинѣ,—во всей Россіи надлежитъ теперь бесѣдовать о томъ же. Грустно и тяжело говорить о такихъ предметахъ, грустно омрачать такимъ словомъ радость великаго праздника, но, вспомните, Самъ Спаситель въ этотъ рѣдкій день Своей жизни, въ день Своего торжества и радости, вступая со славою, какъ Царь, въ священный городъ, срѣтаемый радостно народомъ,—и Онъ, какъ сказано въ евангелии, воззрѣвъ на градъ, плакася о немъ,—плакалъ о судьбѣ города и народа.. Такъ печаль была приобщена къ нынѣшнему празднику въ самый день его дѣйствительнаго, а не воспоминательнаго, какъ теперь, совершенія. И затѣмъ, если вы вдумаетесь въ смыслъ нынѣ празднуемаго событія, въ связи его съ предшествовавшимъ воскрешеніемъ Лазаря; если вы вдумаетесь въ уроки, которые нынѣ св. Церковь въ своихъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ преподаетъ вѣрующимъ, то увидите и услышите прямой отвѣтъ на вопросъ о томъ, откуда у насъ это бѣснованіе убійствъ и самоубійствъ, и притомъ не въ качествѣ отдѣльныхъ печальныхъ событій, а какъ цѣлое настроеніе жизни, какъ страшная зараза, какъ знаменіе времени, и гдѣ выходъ и спасеніе изъ этого страшнаго и гибельнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, пѣснь церковная, сегодня такъ часто воспѣваемая и притомъ выражающая самую сущность празднуемаго событія, учитъ насъ, что Спаситель, увѣряя насъ во всеобщемъ воскресеніи, предъ Своими страданіями воздвигъ Лазаря изъ гроба; и другая пѣснь, такая же по значенію, опять вводитъ насъ въ тотъ же кругъ думъ и размышленій: „Спогребшеса Тебѣ крещеніемъ, Христе Боже нашъ, безсмертныя жизни сподобихомся воскресеніемъ Твоимъ...“

И мы увѣряемъ, мы призваны проповѣдывать, мы непоколебимо и глубочайше убѣждены, что именно въ забвеніи современными людьми истины всеобщаго воскресенія, въ забвеніи и оставленіи мысли о безсмертной жизни и въ перемѣщеніи всѣхъ интересовъ и всего вниманія къ жизни земной,—въ этомъ корень того зла, которое нынѣ такъ удручаетъ все человѣчество.

Какъ?!—спросятъ и подумаютъ иные. Какъ! Не противъ ли? Казалось бы, что если все вниманіе наше обратить на жизнь

земную и на ея интересы, то въ такомъ случаѣ мы и будемъ дорожить жизнью, тогда-то мы и не станемъ отнимать ее у другихъ, и особенно у себя: мы вѣдь тогда будемъ увѣрены, что жизни второй и дальнѣйшей не будетъ, мы тогда будемъ хранить ту жизнь, которую случайно волею темной и непонятной судьбы мы получили.

Но какъ ни кажется справедливымъ на первый взглядъ такое разсужденіе, опытъ жизни, голосъ исторіи и наше собственное сознаніе увѣряютъ насъ, что возобладавшее нынѣ въ мірѣ чисто-животное воззрѣніе на человѣка, закрывающее отъ него небо и вѣчность, совершенно обезцѣниваетъ жизнь человѣческую, лишаетъ ее смысла и основы, колеблетъ ее сверху донизу, приводитъ къ ужасамъ убійствъ и самоубійствъ, приводитъ, наконецъ, принудительно къ общему признанію, которое нынѣ все чаще среди насъ слышится: такъ жить дальше нельзя! И наоборотъ, въ жизни отдѣльнаго человѣка, въ жизни цѣлыхъ обществъ, если они глубоко и твердо вѣрятъ въ общее воскресеніе и будущую безсмертную жизнь, если они не устами только, не по привычкѣ, не ради празднаго слова, а искренно, вдумчиво и убѣжденно повторяютъ заключительныя слова нашего священнаго символа: „чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“, — не только не бываютъ, но и прямо невозможны такія настроенія, которыя родятъ убійства и самоубійства.

Въ вѣкъ самый жесткій и жестокій, въ вѣкъ, когда философія привела людей къ отрицанію Бога и духовнаго міра, когда образованные люди смѣялись надъ самою мыслью о безсмертіи души, въ вѣкъ, когда языческая религія, которою питались духовно массы темнаго народа, не знающаго философіи, также ничего не говорила своимъ послѣдователямъ о будущей жизни, когда даже въ средѣ народа еврейскаго, имѣвшаго религію богооткровенную, подъ вліяніемъ тогдашней образованности явилась вліятельная партія саддукеевъ, глаголющихъ *не быти воскресенію мертвыхъ*, отрицавшая міръ духовный и загробное воздаяніе, причемъ эта партія, ужасно сказать, въ своихъ рядахъ видѣла и имѣла руководителями *первосвященниковъ и священниковъ* Израиля, — въ этотъ именно

вѣкъ раздалось твердое, ясное и простое слово Спасителя, увѣряющее насъ во всеобщемъ воскресеніи, въ возможности и неизбѣжности пакибытія.

Люди въ то время настойчиво искали увѣреній въ томъ, что дальѣе земной жизни ничего не будетъ. Философы и поэты изошрялись въ доказательствахъ этой мнимой истины, въ стихахъ и пѣсняхъ они издѣвались надъ тѣми, кто признавалъ Божество въ мірѣ, душу въ человѣкѣ и жизнь за могилой. Люди хотѣли убить то, чего нельзя убить,—духъ, его жизнь, его неистребимые запросы. Мыслители и писатели краснорѣчиво доказывали, что страхъ создалъ боговъ, а невѣжество породило мысль о существованіи души въ человѣкѣ и ея будущей жизни. Надписи на могильныхъ камняхъ язычниковъ какъ бы щеголяютъ такою легкомысленною проповѣдью; звучали ли онѣ грустью или насмѣшкою; писали ли ихъ отъ имени умершихъ или отъ имени оставшихся живыхъ, грустившихъ о потерѣ и смерти любимыхъ близкихъ и друзей,—онѣ настойчиво говорили объ одномъ,—объ отрицаніи духа и вѣчности. „Мы были нѣчто, а теперь ничто; прохожій, ѣшь, пей, веселись, и ты непременно здѣсь будешь“; „изъ тьмы я пришелъ и въ тьму возвратился“; „не существовалъ я до своего рожденія, не существую и теперь“; „изъ ничего человѣкъ снова возвращается въ ничто: отъ человѣка остается лишь одно пустое имя“. Или читаемъ завѣщаніе умершаго: „Говорю я моимъ друзьямъ: будьте веселы, пируйте, живите, потому что нѣкогда вамъ придется все-таки умереть“.

Вотъ философія язычества. Подумаешь, сколько жизнерадостности! Какъ эти люди любили жизнь! И ужъ не правы ли, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые современные писатели изъ модныхъ и распространенныхъ, которые кричатъ о томъ, какое веселое міровоззрѣніе было у язычниковъ, и какое грустное настроеніе дало взамѣнъ его людямъ христіанство... Но не спѣшите дѣлать приговоръ!

Присмотримся къ самой жизни языческихъ мудрецовъ, почитаемъ сочиненія извѣстныхъ писателей, жившихъ въ то самое время. Что же, слышимъ ли мы гимны жизни, видимъ ли, что ея дорожать? Напротивъ, слышимъ—воплъ безъ

отраднaго отчаянiя несется по всему мiру, слышимъ признанiя, что не стоитъ жить. „Дверь открыта изъ жизни,—въ самоубийствѣ лучшей исходъ“,—пишетъ одинъ. Другой, видный и влiятельный философъ, рассуждаетъ: „Видишь ли ты эту гору? Оттуда внизъ головой—твое спасенiе. Видишь ли это дерево,—на немъ повѣсится—вотъ спасенiе. Видишь ли это море, рѣку, этотъ колодезь,—тамъ на днѣ ихъ живетъ твое счастье, тамъ спасенiе отъ жизни“.

Видно, не въ радость была эта жизнь, когда отъ нея старались идти къ смерти; видно, не высокой цѣны была эта кажущаяся и нынѣ многихъ соблазняющая жизнерадостность.

Пойдемъ же теперь на кладбище христанъ первыхъ вѣковъ и почитаемъ ихъ надписи на камняхъ могильныхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Ты—живъ“; „миръ духу твоему“; „почивай въ мирѣ“; „душа возвращена Христу“; „здѣсь Гордианъ изъ Галлии, зарѣзанный за вѣру со всѣмъ своимъ семействомъ, почивай въ мирѣ; Теофила, служанка, поставила этотъ памятникъ“.

Предъ вами, какъ видите, иной мiръ, иныя жизненныя воззрѣнiя и отношенiя. Можно ли, имѣя такiя воззрѣнiя, убивать другого, если все равно, я знаю, встрѣчу его въ загробной жизни предъ лицомъ Судii—Бога? Можно ли убивать себя, если я знаю, что духа и сознанiя убить невозможно, что уйти отъ себя нельзя? Какой безумецъ будетъ думать, что можно застрѣлить собственную тѣнь, что идетъ со мною неразлучно?

Перенеситесь теперь мысленно къ переживаемому времени. Раздаются рѣчи, обвиняющiя христанство въ томъ, что оно постоянно поставляетъ наше сознанiе предъ образомъ могилы. Слышимъ призывы возвратиться къ веселой эллинской мысли и жизни, къ жизнерадостному настроенiю. Слышимъ глумленiя и насмѣшки надъ тѣми, кто земное существованiе ставитъ въ зависимость отъ какой-то небесной жизни. Обѣщаютъ намъ, наконецъ, социаль-демократiя, что „царство небесное мы здѣсь, на землѣ, создадимъ себѣ и безъ слезъ, и безъ муки“; обѣщаютъ намъ, что и рай непременно будетъ

нашимъ достояніемъ на землѣ, стоить намъ лишь послушать провозвѣстниковъ новыхъ общественныхъ и государственныхъ ученій и попробовать осуществить на дѣлѣ эти ученія. Каковы же результаты, каковы плоды такой мудрости, которую давно изобразилъ апостолъ словами: „будемъ ѣсть и пить, завтра умремъ“? Эта философія, годная для безсловесныхъ, дала ли людямъ хотя бы животное, хотя доступное для безсловесныхъ счастье?

Въ отвѣтъ узнаемъ съ ужасомъ, что насчитывается шестьдесятъ тысячъ самоубійствъ въ годъ въ одной Европѣ, что четыреста дѣтей въ возрастѣ до 14 лѣтъ кончаютъ самоубійствомъ только въ одномъ округѣ одной Франціи... Въ отвѣтъ слышимъ и, увы, даже видимъ, какъ и чужая жизнь не цѣнится, какъ падаютъ люди на улицахъ среди бѣла дня, во цвѣтѣ лѣтъ, отъ руки наемныхъ или добровольныхъ палачей, слышимъ, что убійцы, кончая съ жертвами, кончаютъ вмѣстѣ и съ собою. Слышимъ, что во многихъ судахъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ дѣлъ составляютъ разбирательства объ убійствахъ, пораненіяхъ и покушеніяхъ на убійство.

И, наконецъ, не раздается ли повсюду, при видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, какъ неудержимый вопль, горькое признаніе: такъ жить далѣе невозможно?!

Итакъ, вопросъ о томъ, быть или не быть человѣку по смерти, есть вопросъ немаловажный. Вся жизнь человѣка, и личная и общественная, въ своемъ глубочайшемъ основаніи зиждется и покоится на томъ или другомъ положительномъ или отрицательномъ рѣшеніи этого вопроса. И выводъ изъ нынѣшняго невыносимаго положенія одинъ: укрѣпите вѣру, но прежде сами укрѣпитесь въ вѣрѣ. Пойдемъ за Христомъ. Онъ нынѣ воскресеніемъ Лазаря увѣряетъ насъ во всеобщемъ воскресеніи; Онъ безсмертную жизнь намъ общаетъ воскресеніемъ Своимъ. Тогда вѣрою въ Бога и Его Промыслъ мы осмыслимъ и освѣтимъ всю нашу жизнь, и видно намъ будетъ, что она—зрѣющій плодъ, поприще возрастанія и воспитанія для Божіей житницы. Растетъ плодъ; вѣютъ надъ нимъ вѣтры, проносятся и бури, идутъ дожди, смѣняется зной и ненастье: плодъ созрѣваетъ и укрѣпляется, а когда

созрѣетъ, онъ сочный, ароматный самъ оторвется отъ вѣтки и упадетъ въ обладаніе человѣку, исполнить свое предназначеніе, принесетъ свою пользу. Это—образъ смерти естественной. Сорвите насильственно плодъ зеленымъ, незрѣвшимъ: онъ горькій, онъ кислый, противный,—кому онъ нуженъ и кому полезенъ? Такъ и жизнь, насильственно прерванная въ себѣ... Не объ отдѣльныхъ случаяхъ мы говоримъ, они, какъ исключеніе, могутъ быть именно только случаями и слѣдствіемъ болѣзни. Мы разумѣемъ всю совокупность жизни.

Здѣсь-то, въ общей совокупности жизни, и нужно создать общее направленіе христіанское, нужно вѣру христіанскую сдѣлать не личнымъ только достояніемъ и не убѣжденіемъ только ума, но дѣятельною силою и закваскою всей жизни.

И какъ эти свѣчи на вѣтвяхъ, затеплится и засвѣтитъ она на радость Творцу, на счастье человѣчеству. И какъ эта верба, что послѣ зимы воспрянула первая къ жизни, брызнула зеленью и знаменуетъ побѣду надъ зимнею стужею, скоро грядущую весну, оживленіе міра, обновленіе природы, такъ и наша жизнь будетъ знаменіемъ побѣды,—побѣды надъ всѣми силами зла, и тьмы, и неправды.

И вѣчная пѣснь побѣды разыграетъ въ устахъ нашихъ Господу и Христу, Побѣдителю смерти.

Благословенъ грядый во имя Господне! Аминь.

Божественная Софія и человѣческая мудрость.*

Древній пророкъ, созерцая въ грядущихъ вѣкахъ спасеніе людей, видѣлъ и изображалъ Спасителя нашего, какъ Божественную Софію—Премудрость, Слово Бога Отца,—Премудрость, воплощенную въ опредѣленномъ Лицѣ, т. е. Личную, или, какъ принято говорить въ наукѣ богословія,—Премуд-

* Слово, произнесенное въ праздникъ Входа Господня во Іерусалимъ 6 апрѣля 1908 г. въ гор. Харбинѣ, на Дальнемъ Востоцѣ, въ новосооруженномъ храмѣ Софіи—Премудрости Божіей, что на Пристанн.

рость Упостасную. Нынѣ во храмѣ, знаменательно посвященномъ на Дальнемъ Востокѣ имени вѣчной Софіи—Премудрости Божіей, мы празднуемъ торжественный входъ Упостасной Премудрости въ Іерусалимъ и предназначіе икупительнаго страстнаго подвига нашего Господа. Нынѣ же мы съ молитвословіемъ и церковнымъ торжествомъ вознесли на главу этого храма блистающій крестъ: новое напоминаніе о премудрости, ибо святой апостоль съ особымъ тщаніемъ поучаетъ вѣрующихъ о сокровенной премудрости креста, и святая Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ о крестѣ выразительно проповѣдуетъ: „Крестъ—премудрости книга“.

При такихъ сопоставленіяхъ и совпаденіяхъ естественно становится предъ нами вопросъ и о человѣческой премудрости, объ ея отношеніяхъ къ Премудрости Божественной. Въ настоящее время и по особенностямъ жизни собственно вашего города, раздираемаго различными ученіями человѣческой мудрости, преимущественно же въ здѣшней мѣстности Пристани-города, населенной рабочимъ людомъ, слово объ этомъ предметѣ и благовременно, и необходимо.

Едва ли въ исторіи людей найдется вѣкъ, когда бы съ такимъ томленіемъ искали люди мудрости, такой высокой цѣной ее цѣнили и съ такою покорностью предъ ней поклонялись. Разумъ и его сила, его открытія и изобрѣтенія, его дѣятельность и несказанные успѣхи въ области устройства внѣшней жизни людей, — разумъ человѣка сталъ идоломъ и кумиромъ современности, которому охотно приносятся теперь какія угодно жертвы. Къ разуму, и только къ разуму, нынѣ обращаются за рѣшеніемъ самыхъ сложныхъ жизненныхъ вопросовъ, на немъ желаютъ построить всю жизнь человѣка, — всё безъ исключенія ея стороны и отправленія.

Что же, однако, можетъ сказать христіанскій проповѣдникъ противъ разума человѣческаго? Богъ даровалъ намъ разумъ, и, конечно, мы не должны зарывать въ землю этотъ безцѣнный талантъ. И святая вѣра наша не только никогда не имѣла ничего противъ успѣховъ человѣческаго ума, напротивъ, всюду и всегда имъ способствовала. Доказательство этой истины вамъ особенно близко, оно у васъ предъ гла-

нами: только тѣ народы являются и здѣсь носителями науки и просвѣщенія, которые просвѣщены Христовой вѣрой; они, а не къ нимъ, посылають миссіонеровъ, они сами несутъ сюда, а не заимствуютъ здѣсь и просвѣщеніе. И напротивъ, народы и племена, не принявшіе Христа, не приобщены и къ благамъ образованности. Святая вѣра наша никогда не подавляла и пытливости человѣческаго ума, его стремленія—все познать, все изслѣдовать; она только заповѣдуетъ: *вся испытующе, добрая держите...*

Однако, какъ это ни странно, человѣческій разумъ и мудрость на всѣ запросы, и притомъ въ области самой важной, духовно-нравственной, даютъ не только не одинаковыя, но часто и прямо противорѣчивыя отвѣты; въ концѣ-концовъ случается такъ, что люди въ самыхъ противорѣчивыхъ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ въ одинаковой степени ссылаются на правду человѣческой мудрости, люди, сильные мудростью и разумомъ, одинаково имѣются въ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ лагеряхъ въ области мысли и убѣжденій человѣческихъ. Великій здѣсь соблазнъ и великое мученіе для нашей совѣсти и для нашей дѣятельности.

Очевидно, нужно мудрости человѣческой указать и дать нѣчто высшее, нѣчто такое, что приводило бы ея выводы къ необходимому единству и чрезъ то давало бы ей и возможность служить дѣйствительною силою и опорой жизни. Очевидно, для того, чтобы, все испытывая, держаться добраго, нужно имѣть постоянно высшее руководящее начало, нужно всегда безошибочно знать, гдѣ и въ чемъ это доброе.

Святой Златоустъ говоритъ, что „Софія—Премудрость есть Сынъ Божій, содѣлавшійся человѣкомъ“ ¹⁾. У него только мы и найдемъ безошибочное руководство для нашей человѣческой мудрости. Мы найдемъ у Него такое руководство, принимаясь даже только къ обстоятельствамъ нынѣ празднуемаго событія.

Божественная Софія—Христосъ. Нынѣ Онъ торжественно входитъ въ Іерусалимъ, въ городъ священныхъ обѣтованій и

¹⁾ Творенія. Т. XII, стр. 1103—1133.

неизреченныхъ благословеній. Входитъ Онъ, какъ Царь къ Богоизбранному народу. Изъ дали вѣковъ провидѣль это про-рокъ и тогда же указаль одну знаменательную черту въ этомъ торжественномъ и царственномъ шествіи Господа: Царь Израилевъ входитъ *кроткій и спасающій*; Онъ сидитъ не на конѣ, знаменующемъ на Востокъ брань и воинскія занятія, Онъ вое-сѣль на молодого осла—животное, знаменующее мирную жизнь, мирный трудъ. Вотъ первое свойство истинной и божественной премудрости: она—кроткая и спасающая. Одинъ изъ учениковъ воплощенной премудрости такъ говорить о сѣмъ въ поученіе вѣкамъ и народамъ: „Мудръ ли и разумень кто изъ васъ,— докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостію. Но если въ вашемъ сердцѣ вы имѣете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, бѣсовская. Ибо гдѣ зависть и сварливость, тамъ неустройство и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первыхъ, чиста, потомъ мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна“ (Іак. III, 13—17).

Какъ воистину примѣнимо слово въ слово это наставленіе апостола и къ нашему времени!

Итакъ, если предлагается намъ премудрость человѣческая, сѣющая злобу, зависть, ненависть и раздѣленіе, если эта мудрость, какъ, на примѣръ, социаль-демократія, обѣщаетъ не соединеніе людей въ мирномъ сожитіи, а изступленно повторяетъ только объ одномъ—о „борьбѣ классовъ“, о борьбѣ отдѣльныхъ людей между собою, какъ о чемъ-то желательномъ и необходимомъ; если возглашая: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, право и правду желаютъ найти путемъ насилій, крови, злобы, убійствъ, подстрекательствами къ убійствамъ и сочувствіемъ имъ: то это не свыше сходящая мудрость, а земная и бѣсовская.

Божественная Софія—Христось. Онъ пріять нынѣ честь, и славу, и торжество. Но слушайте, что Ему возглашали: „Осанна съ вышнихъ, спасеніе свыше; благословенъ грядущій во имя Господне“. Разумъ нашъ въ разное время даже одного и того же человѣка приводитъ къ различнымъ, часто совер-

шенно противоположнымъ выводамъ въ возрѣніяхъ на самыя важныя вопросы жизни. Это знаетъ по себѣ каждый изъ васъ, кто хотя десятокъ лѣтъ пожилъ сознательною жизнью. Гдѣ же правда? Гдѣ постоянство? Гдѣ увѣренность, что мои нынѣшнія возрѣнія не переменятся завтра? И можно ли на столь зыбкомъ основаніи строить жизнь? Мы уже говорили, что здѣсь—великій соблазнъ и великое мученіе человѣческаго духа. Потому-то и ищетъ человѣкъ всегда и вездѣ истины единой, вѣчной, устойчивой, всегда себѣ равной и непротиворѣчивой. Только такая истина удовлетворитъ человѣка, безъ нея же мудрость человѣческая есть источникъ постоянныхъ мучительныхъ сомнѣній и колебаній: безъ нея, по слову древняго великаго мудреца, приложивый разумъ умножить болѣзни и въздыханія... Но такая истина дается только *свыше*, она сообщается и принимается только отъ Бога, только вѣрою. Она—во имя Господне. Ищетъ ее человѣкъ на самыхъ низкихъ степеняхъ дикаго состоянія и на самыхъ вершинахъ возможнаго для человѣка умственного развитія. Знаменитый ученый путешественникъ новѣйшаго времени говоритъ объ этомъ въ одной изъ своихъ книгъ такъ: „Я объѣхалъ всѣ земли, я переплылъ всѣ моря и я не видѣлъ ни племени, ни народа, который не стремился бы подчинить умъ человѣка Уму Высшему, Духу міра. Съ этою вѣрою дикій негръ отправляется въ дремучіе лѣса, углубляется въ пустыни, на утлой ладѣ, или на гнилой доскѣ отважно переплываетъ бурныя рѣки, вступаетъ въ бой съ хищнымъ звѣремъ и, умирая въ когтяхъ льва или тигра, обращаетъ свой взоръ къ небу, ища тамъ примиренія“...

Итакъ, ко всякой мудрости человѣческой примѣнимы еще требованія, еще законъ, еще одна вѣрная мѣрка: она должна быть „во имя Господне“. Предлагаютъ ли намъ новое ученіе, новую книгу, предлагается ли новый способъ лучшаго устройства человѣческой жизни: смотри, христіанинъ, въ чье имя идетъ новое ученіе. Помни завѣтъ апостола любви Іоанна, наперсника Божественной Софіи—Христа; съ нѣжной заботливостью онъ насъ предупреждаетъ: „чадца, дѣти, не всякому духу—ученію вѣруйте, но испытывайте духи, *отъ Бога ли*

они, ибо много лжепророков—лжеучителей вошло въ міръ“... Если предлагаемое новое ученіе опирается на высшую Божественную мудрость и, слѣдовательно, не есть собственно новое,—оно ново, напримѣръ, для здѣшняго китайца, монгола или маньчжура; если оно имѣетъ въ виду высія, вѣчныя, нравственныя цѣли, если оно способствуетъ насажденію, укрѣпленію, а не разрушенію на землѣ царства Божія, того царства, гдѣ царь—Богъ, гдѣ законы—Божьи заповѣди, гдѣ подданные—вѣрующіе люди, а само царство есть Церковь Христова; если предлагаемое ученіе, усвоив себѣ имя науки и мудрости, не отвергаетъ источника мудрости—Бога, если не силится человѣческою силою пересилить силу Всесильнаго, передѣлывать, отмѣнять и измѣнять вѣчныя, нравственные законы Бога; если оно идетъ „во имя Господне“, а не во имя суетной славы какого-либо человѣка: то эта мудрость, свѣше сходящая. Если же разумъ человѣческій воздымается на разумъ Божій, если мудрость новая начинаетъ прямо съ отрицанія Бога, Его закона и всего духовнаго міра,—уйди отъ нея: это мудрость земная и бѣсовская.

Божественная воплощенная Софія—Христось. Въ часъ торжества Своего, при входѣ въ Іерусалимъ, при видѣ народа, Его срѣтающаго, при видѣ того, какъ потрясся при Его приближеніи весь градъ, Онъ, однако, возрѣвъ на градъ, плакася о немъ, какъ замѣчаетъ евангеліе,—Онъ плакаль о судьбѣ города и народа. Онъ видѣль, что народъ не позналь дня посѣщенія своего, не позналь, что служить къ его миру и спасенію; Онъ видѣль непрочность этого торжества, этого минутнаго порыва, ибо въ народѣ не было нравственной крѣпости, настоящей нравственной силы, если послѣ торжественнаго „осанна“ онъ чрезъ нѣсколько дней уже вопилъ: „возьми, возьми, распни Его“.

О, не вѣрьте, братіе, той человѣческой мудрости, которая опирается только на земное строеніе, только на земныя законы и порядки. Не вѣрьте той мудрости кичащихся образованіемъ „прогрессистовъ“, которая полагаетъ, что стоитъ только по ея указаніямъ ввести тѣ или другія реформы, дать хорошіе законы, совершенное управленіе,—и счастье людей тѣмъ обез-

печено. Наивная дѣтская вѣра людей, ничего не знающихъ, кромѣ газеты и книжки! Конечно, и реформы, и законы, и управление,—все это нужно, но всего этого слишкомъ мало, и не въ этомъ главное. Нужны самые люди, и какъ строящему домъ изъ деревянныхъ досокъ нельзя же ожидать, чтобы домъ въ концѣ строенія оказался каменнымъ, и, наоборотъ, изъ камней нельзя сдѣлать дома деревяннаго, такъ и изъ худыхъ людей, безнравственныхъ и злыхъ нельзя образовать счастливаго общества, благоустроеннаго царства. Одинъ изъ современныхъ мыслителей, еще недавно владѣвшій умами образованныхъ людей Европы, по этому поводу замѣчаетъ: „изъ свинцовыхъ инстинктовъ и стремленій нельзя сдѣлать золотого поведенія“. Истинная мудрость смотритъ впередъ, не прельщается торжествомъ на одинъ только день минутнымъ и кажущимся успѣхомъ,—и каждому дѣлу, закону, плану, начинанію, устроенію общественному и государственному она ищетъ основъ и крѣпости въ религіозно-нравственной силѣ народа, а источника ихъ—не въ условномъ чело-вѣческомъ правѣ, а въ вѣчной Божьей и Христовой правдѣ. Такой только мудрости и можно довѣряться.

Божественная Софія—Христосъ. Куда явился Онъ послѣ оржественнаго Своего входа въ Іерусалимъ? Онъ пришелъ во храмъ Господень. Что Онъ тамъ совершилъ? Онъ очистилъ храмъ отъ тѣхъ, кто его осквернялъ и изъ дома молитвы обращалъ въ вертепъ разбойниковъ.

Истинная мудрость, братіе, *ревнива къ святынямъ*, усердна къ Церкви, заботлива о чистотѣ ея и объ ея высококомъ положеніи въ мірѣ.

Итакъ, если явится къ намъ, подъ покровомъ и именемъ чело-вѣческой мудрости, ученіе, даже и не враждебное, но хотя бы только равнодушное къ святынямъ, заявляющее, напри-мѣръ, какъ социаль-демократія, что „религія есть частное дѣло“, необязательное и не нужное ни въ семьѣ, ни въ школѣ, ни въ обществѣ, ни въ государствѣ,—то такая мудрость, знайте это, земная и бѣсовская. Да не будетъ она благословенна, и сердце наше пусть отвратится отъ нея! Это—прикрытіе безбожія и вражды противъ вѣры.

Божественная Софія—Христось. Не въ силѣ, не въ славѣ, не во внѣшнемъ господствѣ и всеобщемъ признаніи Онъ полагае торжество истины. Послѣ нынѣшняго торжественнаго входа въ Іерусалимъ, среди всеобщаго признанія Его достоинства, Онъ шелъ чрезъ нѣсколько дней одинокій среди того же многолюдства, среди той же перемѣнчивой толпы, уже требовавшей Его распятія. Такъ же спокойно Онъ шелъ тогда на униженіе, оплеваніе, клевету, на неправый судъ, озлобленныя издѣвательства, на крестъ и смерть.

Знай, христіанинъ, что истина не всегда въ томъ, что признаетъ большинство людей, хотя бы они считались и лучшими, и образованными: примѣръ—само христіанство, въ началѣ не признанное ни царями, ни учеными, ни общественными дѣятелями, триста лѣтъ гонимое и преслѣдуемое ими. Знай, что истину и ея проповѣдниковъ и теперь часто преслѣдуютъ злобою, клеветою, ненавистью, и это дѣлаютъ очень часто именно тѣ, которые почитаются и себя почитаютъ людьми передовыми и образованными. Но если она Богомъ указана и отъ Бога исходитъ, стой за нее и въ ней укрѣпляйся, христіанинъ: велика истина и все превозможетъ.

Божественная Софія—Христось. И смотрите, что свершается около Него нынѣ въ день и часъ Его торжества: *дѣти* привѣтствуютъ Его въ храмѣ; *народъ* встрѣчаетъ за городомъ и по улицамъ Іерусалима; тутъ *евреи*, чтители закона, пришедшіе на праздникъ, исполняя повелѣніе Божіе (Второз. XVI, 16—17), не только изъ страны Іудейской, но изъ-за ея предѣловъ (Іоан. XI, 55); тутъ вѣрующіе *изъ язычниковъ*, пріавшіе вѣру отъ іудеевъ (XII, 20); тутъ *люди отъ всякаго языка подъ небесемъ*: паряяне, и мидяне, и еламиты, и жители Месопотаміи, Каппадокии, Понта и Асіи, Фригіи и Памфіліи, Египта и частей Ливіи, критяне и аравитяне и пришедшіе изъ Рима (Дѣян. II, 8—11). Около Христа, такимъ образомъ, мы видимъ весь міръ, все человѣчество, безъ различія племенъ и состояній.

И повѣрьте, возлюбленные, истинная мудрость, свыше сходящая, кроткая, мирная, благопослушливая, чуждая сварливости, злобы, зависти, исполненная милости и плодовъ бла-

гихъ,—такая мудрость и здѣсь, у храма Софіи—Премудрости Божіей, на Дальнемъ Востокѣ, будетъ источникомъ всеобщаго единенія и мира, столь необходимыхъ на этой далекой русской окраинѣ. Всякая другая мудрость, земная и бѣсовская, которая, къ сожалѣнію, здѣсь такъ широко проповѣдуется и распространяется газетами, книжками и прѣзжими лжеучителями, только и можетъ дать плодъ по роду своему: „неустройство и все худое“.

У храма Софіи—Премудрости Божіей стойте въ мудрости, свыше сходящей. И исполнится тогда какъ бы вѣщее слово, сказанное достопочтѣннымъ строителемъ этого храма ¹⁾ въ его заявленіи вышнему нашему церковному священноначалію: „Щитъ и крѣпкое забрало да будетъ тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, святая Софія, какъ нѣкогда Новгородская, умиротворяя разноплеменные народы и идя къ одному мирному и дружному труду на благо всего человѣчества“.

Въ конецъ слова просится завѣщаніе изъ нынѣшняго апостольскаго чтенія: „Братіе, радуйтесь всегда въ Господѣ, и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ; Господь близко. Наконецъ, братіе мои, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна,—что достославно, что есть добродѣтель и достойно похвалы,—сія помышляйте, и Богъ мира будетъ съ вами“! (Филип. IV, 5, 8).

Въ этомъ истинная и высшая премудрость христіанская. Аминь.

Тайна причащенія.*

Сіе творите въ Мое воспомина-
ніе (Лук. XXII, 19).

Стоимъ мы нынѣ предъ тайною изъ тайнъ, воспоминаая великій день Великаго Четверга,—тотъ день, когда устано-

¹⁾ Купецъ, извѣстный чаепроходецъ И. Ф. Чистяковъ.

* Слово въ Великій Четвертокъ; сказано въ гор. Читѣ при архіерейскомъ служеніи 10-го апрѣля 1908 года.

влено было таинство святого причащенія. Воистину, это—тайна, къ которой и ангелы съ трепетомъ приникнути желаютъ, но къ которой всякое грубое прикосновеніе испытующаго и изслѣдующаго ума является оскорбленіемъ святыни. Такъ именно и случилось съ евреями, когда предъ ними впервые Иисусъ Христосъ провозгласилъ Свое слово о тайнѣ причащенія. Оно не вмѣстилось въ грубый разумъ, какъ не вмѣстится океанъ въ сосудъ, сдѣланный руками человѣка; оно казалось кощунствомъ и хулою на Бога; оно объявлено было даже безуміемъ. И какъ навѣки вѣрно слово Христово: „Духъ есть, иже животворить, плоть же не пользуетъ ни мало!“

Не въ однихъ только вопросахъ религіи плоть и плотское разумѣніе не пользуетъ ни мало. Таинство святого причащенія есть *Богообщеніе*. „Ядый Мою плоть и пійай Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ“,—говоритъ Спаситель. Но какъ изъяснить это Богообщеніе умъ человѣческой, если онъ не можетъ уразумѣть ежедневно и ежечасно наблюдаемой тайны—общенія человѣка съ человѣкомъ? Какъ, напримѣръ, передается мысль отъ одного къ другому? Какъ можно подѣлиться чувствомъ и душевнымъ настроеніемъ? Какъ духовный міръ одного человѣка сообщается къ другому? Что случается и что происходитъ, когда въ настоящій моментъ я говорю, а вы,—вы слышите и слушаете мои слова, понимаете мою мысль, переводите ее въ сердце, усвоите ее и дѣлаете собственнымъ достояніемъ? Этой тайны не разумѣютъ земные мудрецы, и если она не бросается намъ въ глаза, то потому только, что является слишкомъ обычной. Какъ же можно уразумѣть тайну общенія не человѣка съ человѣкомъ, а человѣка съ Богомъ? Едва разумѣваемъ, яже на земли, а яже на небесахъ—кто изслѣди?

Таинство причащенія далѣе есть чудное, непостижимое измѣненіе—*преложеніе* хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь нашего Искупителя, и преподается оно чадомъ вѣры въ жизнь вѣчную. Да, это тайна. Но можетъ ли разумъ человѣка дерзновенно искать ея постиженія? Постигаетъ ли онъ тайну жизни на землѣ? Понятно ли ему, какъ міровое вещество, единое по своей сущности, прелгается въ безконечныя формы растительнаго и животнаго царства? Какъ возникаетъ жизнь въ мерт-

вомъ веществѣ? Скажемъ еще ближе, еще грубѣе: какъ обыкновенный хлѣбъ или вино, принимаемые человѣкомъ ежедневно за столomъ, обращаются въ его собственное тѣло, переходятъ въ его кровь?

Все это тайны для человѣческаго разума, который долженъ признать только, что всѣ указанная явленія дѣйствительно существуютъ, но какъ и почему они происходятъ, онъ объяснить этого не можетъ.

Какъ же постигнуть тайны жизни вѣчной, какъ постигнуть мiръ невидимый, насъ окружающій, когда для того, чтобы говорить о немъ, чтобы понимать и представлять его, у насъ нѣтъ ни образовъ и красокъ въ воображеніи, ни словъ въ языкѣ? Выспихъ себѣ не ищи и крѣпльшихъ себѣ не испытай, яже ти повелѣна, сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ!

Плоть и плотское разумѣніе здѣсь не пользуют ни мало. Но духъ животворить. Что же говорить намъ Духъ Божій и духъ человѣческій?

Если вы, братіе, были внимательны къ богослуженію святыхъ и великихъ дней поста, то могли и должны были закрѣпить въ душѣ одну молитву церковную, весьма часто повторяемую во дни говѣнія:

„Приблизися намъ, Господи, приблизися, вездѣ сый! Яко же съ апостолами Твоими всегда сый, сице и Тебе желающимъ соедини себѣ Щедре“ (изъ молитвослов. 3-го часа).

Чувствуете ли вы, что эти слова вылились изъ глубины души какъ бы всего человѣческаго рода? Видите ли, какъ они отвѣчаютъ основному неистребимому духовному стремленію человѣка искать Бога, вступить съ Нимъ въ союзъ, въ завѣтъ, въ общеніе? Не можетъ человѣкъ быть безъ Бога. Если онъ не знаетъ Бога истиннаго, онъ будетъ просить, какъ еврей Аарона: „сдѣлай намъ бога, чтобы онъ шелъ передъ нами“. Подъ разными формами, въ идолахъ, въ грубыхъ изваяніяхъ, въ жертвахъ и куреніяхъ, на горахъ, въ дубровахъ, обожая предметы міра, свѣтила неба, животный мiръ,—человѣкъ все искалъ Бога. Онъ взывалъ къ Нему напряженно, тоскливо, томительно: „приблизися намъ, Господи, приблизися, вездѣ

сый!“ И горячіе призывы его вѣры, и тоска самаго невѣрія съ его гибельною судьбою,—все это говоритъ о томъ, какъ глубоко вкоренено въ человѣка это желаніе общенія и соединенія съ Богомъ, проявляемое во всѣхъ религіяхъ міра.

Чему же учить и что даетъ намъ въ этомъ отношеніи христіанство, эта святѣйшая религія религій? Оно прежде всего учить и заповѣдуетъ намъ: что *Господь близъ*, оно затѣмъ приближаетъ къ человѣку Бога до полнаго единенія ихъ въ лицѣ Богочеловѣка. Но и этого мало. Какъ соединится грѣшникъ съ Безгрѣшнымъ, какъ не сгоритъ сухая трава, приближаясь къ огню пылающему? Въ тайнѣ *искупленія*—разрѣшеніе этого вопроса; въ тайнѣ искупленія—вѣчное творится чудо: огневи причащается человѣкъ, трава сый, орошаемъ неопальнѣ, яко же купина древле неопальнѣ горящи: горитъ купина неопальная, горитъ сухой терновый кустъ, но не сгораетъ. Богочеловѣкъ искупилъ грѣшный міръ, разметалъ преграду между небомъ и землею, приблизилъ человѣка къ Богу, и се нынѣ—слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе; когда совершенно было искупленіе, то близость къ Господу дана намъ такая, о которой человѣкъ и помыслить не могъ, ибо онъ принимаетъ въ себя Самое Тѣло и Кровь Спасителя и имѣетъ Христа, въ себѣ живущаго.

Большаго общенія съ Богомъ, большаго приближенія къ Нему уже быть не можетъ. Здѣсь христіане, по слову апостола, становятся *причастниками Божественнаго естества*. Вотъ гдѣ важность и глубочайшее значеніе того таинства, установленіе котораго мы нынѣ воспоминаемъ. Мы стоимъ здѣсь предъ самымъ существомъ нашей вѣры: здѣсь тайна человѣческихъ религіозныхъ порываній, и тайна отвѣтной на нихъ Божіей любви. Вотъ почему ужасъ охватываетъ христіанскій міръ, если кто подниметъ хулу на эту тайну, на это святое святыхъ нашей вѣры, какъ это дерзнулъ сдѣлать въ наши дни самозванный учитель новаго христіанства, отлучившій себя и посему отлученный отъ Церкви, извѣстный русскій писатель. Такъ во дни подзаконные смертию умиралъ всякій, не только оскорбитель святыни—завѣтнаго ковчега завѣта, но даже тотъ, кто коснулся его или только посмотрѣлъ на него, вопреки пре-

щенію закона... Вотъ почему даже маловѣрующіе люди, признаваясь въ маловѣрїи на исповѣди, умоляютъ не отлучать ихъ отъ Чаши Господней. Вотъ почему умирающій, все забывая, ищетъ, ждетъ священника, жаждетъ причаститься пречистыхъ Таинъ.

Тайна — потому и тайна, что она принимается не путемъ разума, а путемъ, указаннымъ у пророка: еще не увѣрите, не имате разумѣти. Она непостижима, непонятна уму: но разъ принятая вѣрою, она отвѣчаетъ всѣмъ самымъ глубокимъ и вѣковѣчнымъ запросамъ души нашей. Таковы и всѣ тайны Христовой вѣры.

Что же намъ дѣлать?

Велика тайна причащенія... Страшно приступить къ ней, но не приступить — еще страшнѣе: это значить отлучить себя отъ общенія и единенія съ Богомъ и вѣчной жизни. Ибо сказано: кто не вкушаетъ Плоти Сына Человѣческаго, не пьетъ Крови Его — жизни не имѣетъ въ себѣ. Пусть же не пройдетъ мимо насъ сіе завѣтное слово Господа: „сіе творите въ Мое воспоминаніе!“ Обновимъ въ сознаниіи эту заповѣдь Господа въ этотъ день Великаго Четверга, въ день воспоминанія установленія тайны Тѣла и Крови! Приступимъ къ Чашѣ жизни тѣ, которые нынѣ готовились къ ней. Будемъ приступать къ ней всѣ во всю нашу жизнь, съ желаніемъ и вѣрою будемъ углубляться въ ея сокровенный, глубокой смыслъ, чтобы все болѣе и болѣе приближаться къ Богу, чтобы восходить отъ силы въ силу въ возрастѣ духовномъ. Вкусите и видите, яко благъ Господь! Аминь.

Единеніе.*

Воспоминаемъ сегодня событія и обстоятельства жизни учениковъ Христовыхъ въ первую недѣлю по воскресеніи

* Слово, сказанное въ кафедральномъ соборѣ гор. Красноярска 20 апрѣля 1908 года, въ недѣлю Фомину.

Господа, закончившіяся вѣрою и исповѣданіемъ вѣры апостола Ѳомы. Сколько перемѣнъ, сколько волненій, сколько тревогъ было ими пережито въ эту недѣлю!

Разсѣянными, разрозненными, сидящими въ разныхъ мѣстахъ застала учениковъ Христовыхъ свѣтозарная ночь Воскресенія. То сущей тѣмъ, то утру глубоку, то свѣтаючи, то возсіявшу солнцу, идутъ, спѣшать ко гробу, возвращаются обратно, снова потомъ спѣшать ко гробу, встрѣчаются, дѣлятся радостною вѣстью о воскресеніи Господа, расходятся ученики и ученицы Христовы,—и всё идутъ разрозненно, по одиночкѣ. Все это отобразилось и на самой священной повѣсти евангелистовъ о воскресеніи Христовомъ и они каждый описываютъ тотъ именно моментъ, то обстоятельство, ту подробность,—что они сами видѣли, или что слышали отъ самовидцевъ. Неудивительно, что такая разрозненность не давала ни полной силы, ни полнаго воодушевленія ученикамъ Христовымъ въ первые дни послѣ того, какъ свершилось міровое событіе—воскресеніе ихъ Божественнаго Учителя. Между тѣмъ, какъ оно велико, какъ радостно, какъ оно способно наполнить вѣрующаго сознаниемъ непрестающей силы и твердой, какъ несокрушимая скала, увѣренности и убѣжденности въ истинѣ христіанской, видно изъ первыхъ опытовъ проповѣди самихъ же апостоловъ. Прочитайте о нихъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, и вы увидите, что у всѣхъ апостоловъ первымъ словомъ проповѣди къ невѣрующимъ было всегда упоминаніе о воскресеніи Иисуса Христа: „Сего Иисуса воскреси Богъ, ему же вси мы есмы свидѣтели“ (Дѣян. II, 32),—вотъ общее и постоянное заявленіе апостольской проповѣди (Ср. III, 15; IV, 2; V, 30; VII, 56; X, 40; XIII, 30, 37; XVII, 3, 31 и т. п.). Позже всѣхъ призванный апостоль Павелъ точно также разумѣлъ и мудрствовалъ объ этомъ величайшемъ и всемірномъ чудѣ: по его словамъ, если Христосъ не воскресъ, то суетна вѣра наша, тщетно наше упованіе, и мы сами—самые несчастные въ мірѣ (Кор. XV, 14—15).

Такъ было впослѣдствіи, но первые дни по воскресеніи что видимъ?

Приходятъ мѣроносицы, рассказываютъ о воскресеніи, о

томъ, что сами видѣли Воскресшаго: и не вѣроваху имъ, и явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ. Петръ гдѣ-то одинѣ оплакиваетъ свое паденіе и одинъ же и получаетъ радость увидѣть Воскресшаго, и Іаковъ видитъ Воскресшаго одинъ (1 Кор. XV, 5, 7); Лука и Клеопа зачѣмъ-то совсѣмъ уходятъ изъ Іерусалима въ ближайшее село и опять только одни видятъ Господа Іисуса.

Къ вечеру перваго дня собрались, наконецъ, апостолы, но опять не всѣ: Фома не бѣ ту съ ними, егда приде Іисусъ. Но какъ собрались?! Сущю поздѣ; дверемъ затвореннымъ; тихо и тайно, трепетные страха ради іудейска; сидятъ безмолвно; томятся неизвѣстностью, какимъ-то неопредѣленнымъ ожиданіемъ, опасеніями... Знаютъ, что злоба враговъ не утихла; что еврейскіе сребренники, данные воинамъ, уже дѣлаютъ свое нечистое дѣло въ народъ; что посрамленные убійцы Христовы неспокойны, объаты жаждою гнѣва и убійства, ревниво слѣдятъ за мнимыми похитителями Тѣла Христова, Его учениками... Среди такихъ тревогъ приходятъ все болѣе и болѣе утвердительныя радостныя вѣсти: Христосъ воскрес!—говоритъ Петръ; рассказываютъ одна за другою и мгноносицы, увѣряетъ Магдалина, подтверждаетъ и другая Марія, передаетъ о своемъ путешествіи ко гробу Іоаннъ, возвращаются Лука и Клеопа и повѣствуютъ, яко познася и имъ Воскресшій въ преломленіи хлѣба... И се приде самъ Іисусъ, дверемъ затвореннымъ, и ста посреде, и глагола имъ: „Миръ вамъ! Яко же посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы“... Тутъ возрадовались ученики, увидѣвши Господа, и отогнали отъ себя страхъ и уныніе.

Но, повторяемъ, были они не всѣ! Не было Фомы. Говорили ему объ явленіи Господа, увѣряли въ Его воскресеніи. Не вѣрилъ Фома. Дѣйствительно ли не вѣрилъ? Могло ли это быть? Не онъ ли еще такъ недавно, когда Спаситель собирался идти въ Іерусалимъ на страданія, одинъ изъ всѣхъ заявилъ: „пойдемъ и мы, умремъ съ Нимъ“. Онъ сомнѣвался, онъ страдалъ, онъ мучился, онъ искалъ непреложнаго доказательства, онъ чрезъ невѣріе искалъ вѣры. Сколько тоски и муки онъ перенесъ въ долгую недѣлю, пока опять не явился

Иисусъ ученикамъ всѣмъ съ Ѳомою! Кроткое и Божественное: „миръ вамъ“ не вселилось въ его душу. Какъ ему тяжело было въ одиночествѣ среди увѣровавшихъ! Какъ, несомнѣнно, его невѣріе, его сомнѣніе, его тоска и мука омрачали и общую радость всѣхъ апостоловъ и вѣрныхъ учениковъ Господнихъ! Все это легко себѣ можно представить.

Проходить недѣля. Теперь всѣ ученики Христовы, всѣ вѣрные—*амьстѣ*. И снова приходитъ Иисусъ, и снова слышится: „миръ вамъ“; мучительному, ищущему вѣры невѣрію Ѳомы дается величайшее, на всѣ вѣка и всѣмъ вѣрнымъ удостовѣреніе вѣры. Исчезла робость, сгинули сомнѣнія, тверды теперь ученики, и страхъ іудейскій, и страхи всего міра надъ ними теперь безсильны. Въ крѣпости вѣры пойдутъ они теперь благоговѣствовать вселенной, пока еще чуждой и враждебной Христу. Исполнять они теперь завѣтъ Воскресшаго: „Какъ послалъ Меня Отецъ, Я посылаю васъ“.

Позвольте, братіе, отъ этихъ отдаленныхъ временъ перевести ваши взоры и вниманіе на жизнь современную, насъ окружающую, на обстоятельства и событія, недавно нами пережитыя, а частью и еще переживаемыя. Мы найдемъ здѣсь много весьма важныхъ сравненій, очень цѣнныхъ сопоставленій, весьма вразумительныхъ выводовъ и уроковъ. Не удивляйтесь этому: въ области духа и духовной жизни человѣкъ, жившій и за двѣ, и за пять тысячъ лѣтъ назадъ, намъ такъ же близокъ и сроденъ, какъ и современникъ. Это поразительное, но несомнѣнное явленіе—свидѣтель общности и родства всѣхъ людей по единству происхожденія отъ одного Творца, по единству даннаго Имъ людямъ вѣчнаго духовнаго закона жизни.

Давно ли мы, подобно апостоламъ, не малымъ собраніемъ, и чуть не всѣмъ народомъ огромнаго царства сидѣли дверемъ затвореннымъ? Давно ли и страха ради іудейска и всякихъ ради иныхъ страховъ мы, русскіе, вѣрующіе люди, были разсѣяны и разъединены? Давно ли рыскали среди насъ жаждущіе крови и убійствъ, грабежей и насилій? Давно ли гремѣли взрывы, бомбы, выстрѣлы? Давно ли все это было здѣсь на улицахъ Красноярска? Давно ли по причинѣ данныхъ мно-

гихъ и „довольныхъ“ сребренниковъ ложь торжествовала и поборала истину? Давно ли вся жизнь, вся литература, всѣ рѣчи, всѣ интересы,—все это возставало на Господа и на Христа Его?

Прошло ли совсѣмъ это время? Кончились ли тревожные дни? Нѣтъ, мы и теперь еще мятемся, вся жизнь встревожена; еще гремятъ выстрѣлы по мѣстамъ; еще носятся и слышатся кровавыя угрозы; еще и теперь опасно сказать твердое и правдивое слово и назвать зло—зломъ, измѣну—измѣной, предательство—предательствомъ и всякій порокъ и преступленіе ихъ настоящимъ именемъ. Чѣмъ успокоить мятущихся? Чѣмъ провести въ духъ ихъ и въ жизнь краткое и кроткое слово Господне: „миръ вамъ“.

Есть ли вѣрные? Есть ли честные, достойные люди? Есть ли вѣрующіе въ Бога, послушные Церкви, преданные своему долгу въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ? Есть ли тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе?

Есть таковыя, братіе, и ихъ много. Иначе не устояло бы наше царство, не существовало бы наше общество, погибъ бы нашъ народъ. Ибо праведниками живъ міръ и сѣмя свято—стояніе его. Но гдѣ же они? Отчего они не создадутъ обратнаго грѣху и пороку теченія? Отчего они безъ силы, безъ великаго, всѣхъ увлекающаго вліянія?

Много добрыхъ, честныхъ, вѣрующихъ людей, много добрыхъ и честныхъ патріотовъ, вѣрныхъ слугъ Царя небеснаго и Царя земного, сыновъ отечества вѣчнаго, небеснаго и отечества земного. Мы видимъ ихъ во всѣхъ мѣстахъ нашего обширнаго царства. Но они разъединены, разсѣяны, они живутъ и дѣйствуютъ по-одиночкѣ, они не соединены вмѣстѣ, и оттого безсильны. А отъ многихъ слышны и рѣчи о томъ, что лучше стать въ сторонѣ отъ зла, исполняя въ-одиночку свой долгъ, спасая свою душу, что лучше удалиться отъ борьбы съ порокомъ и этимъ выразить ему осужденіе.

Удалиться отъ зла и предоставить ему свободу дѣйствія, а злымъ силамъ—свободу преуспѣвать,—этому не училъ Своихъ учениковъ Христосъ. Что если бы апостолы поступили такъ, получивъ повелѣніе Господа: „Какъ послалъ Меня Отецъ,

такъ и Я посылаю васъ"? Миръ остался бы во власти діавола. Что было бы, если бы первенствующая Церковь, кровію, огнемъ и муками встрѣченная въ мірѣ, удалилась отъ борьбы со зломъ? Вселенная и доннынѣ была бы во власти тьмы.

И развѣ только въ области вѣры мы видимъ это? Что было бы, если бы наши предки, сидя у береговъ Днѣпра и Ильменя, видя кругомъ препятствія для своей государственной и христіански-общественной жизни, видя множество враждебныхъ народностей, рѣшили бы все и всѣмъ уступить? Дошли ли бы они тогда до этой Сибирской страны, до береговъ Енисея? Если бы и въ дальнѣйшей исторіи склонились они предъ требованіями и замыслами враговъ внѣшнихъ и особенно внутреннихъ, развѣ могли бы они пронести имя Христово до береговъ Великаго океана, могли ли бы удержать свое великое царство, могли ли бы они быть народомъ съ великимъ и міровымъ призваніемъ?

Объединяйтесь, объединитесь, добрые, вѣрующіе, честные сыны Церкви и отечества! И тогда, какъ предъ малымъ стадомъ учениковъ Христовыхъ, соединившихся вмѣстѣ, сгинуть всѣ расслабляющіе и устрашающіе образы унынія и невѣрія, колебаній и сомнѣній. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его: яко таетъ воскъ отъ лица огня, яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ!

Развѣ мы не видимъ, не имѣемъ знаменъ, около которыхъ намъ можно и должно создать и утверждать наше единеніе? Объединимся около святой нашей вѣры и святой Церкви. Ими тысячу лѣтъ жива была Россія. Объединимся въ области гражданской около Царя нашего богоданнаго. Нѣтъ въ мірѣ народа и не было народа, столь счастливаго въ этомъ отношеніи, какъ народъ русскій, который имѣлъ въ Царѣ и Царяхъ своихъ столь родныхъ по духу правителей, создававшихъ вмѣстѣ съ народомъ царство, раздѣлявшихъ съ нимъ и горе, и радости, бывшихъ съ нимъ во всѣ самые важные моменты исторіи и историческаго строительства. Въ Церкви родной православной Царь и народъ оставались и остаются едины въ неразрывномъ союзѣ вѣры и единыхъ упованій.

Объединимся сознаниемъ долга чести, правды и любви къ

своему родному народу, къ богоданному отечеству. Для вѣрующихъ, для чадъ Церкви, для руководимыхъ ею нѣтъ разницы въ понятіяхъ о долгѣ, о правдѣ, о любви, какъ это мы видимъ у тѣхъ, которые, отвергнувъ благое иго Христовой вѣры, подчинили себя перемѣнчивымъ вѣяніямъ человѣческой мудрости, часто называя бѣлое чернымъ и черное—бѣлымъ.

Объединимся,—и подобно апостоламъ, по воскресеніи Господа, твердые и непоколебимые понесемъ въ жизнь духъ силы, бодрости и радостной увѣренности въ окончательной и вѣчной побѣдѣ добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою, Христа надъ диаволомъ! И тогда въ жизни нашей пронесется вѣяніе словъ Воскресшаго Господа: „миръ вамъ“! Аминь.

Наказаніе—путь къ исправленію.*

Христосъ воскрес!

Дорогіе братья! Вы видѣли, конечно, какъ свѣтитъ солнце въ долгіе лѣтніе дни. Вотъ, съ утра и до вечера льетъ оно съ высоты свои лучи на землю, и лучи эти падаютъ во всѣ уголки, во всѣ самыя укромныя мѣста, не различая, какое мѣсто достойно, и какое недостойно солнца. И проходя мѣста по людскому понятію, смрадные и нечистыя, лучъ солнца все тотъ же, все свѣтлый и яркій, не теряетъ силы, не униженъ, не оскверняется. Только туда не заглянетъ солнышко, гдѣ для его лучей сдѣланы преграды, гдѣ какъ бы намѣренно хотятъ и стараются, чтобы не видѣть никогда его яркаго свѣта и его живительнаго тепла. Зато въ такихъ мѣстахъ—все мертво и убого: нѣтъ тамъ живой, сочной и яркой зелени, не выростутъ никогда никакіе плоды; тамъ сыро и нездорово, тамъ все живое обречено на вѣрную медленную смерть.

* Рѣчь за всенощнымъ бдѣніемъ 200 нижнимъ чинамъ, сказанная отбывающимъ наказаніе за вооруженное возстаніе, побѣги и другія преступленія въ казармѣ Красноярской дисциплины команды, 26 апрѣля 1908 г.

И Божья благодать, возлюбленные, — то же солнце. Не день, а всю вѣчность оно грѣетъ и освѣщаетъ, — но не этотъ лишь видимый мѣръ природы, а, главнымъ образомъ, мѣръ духовный въ человѣкѣ и въ разумно-нравственныхъ тваряхъ. Только не отходи отъ нея самъ, только не отградись отъ нея намѣренно и съ упорною враждою: и она пройдетъ къ тебѣ въ душу, осѣтитъ въ ней всякую тьму, очиститъ всякую нечистоту, а сама пребудетъ все тою же и святою, и свѣтлою. Она, Божья благодать и милость, подниметъ въ душѣ все живое, оживитъ въ ней все замирающее и гибнущее.

Вотъ почему и сюда, въ это грустное мѣсто заключенія и наказанія, приходитъ святая Церковь, проповѣдница и носительница Божьей благодати, приходитъ такъ же, какъ и въ дома веселья и счастья, какъ и къ людямъ свободнымъ и живущимъ въ привольѣ, приходитъ къ тѣмъ, которые по суду человѣческому порочны, такъ же, какъ и къ тѣмъ, кого почитаютъ добродѣтельными, — приходитъ, и вамъ возглашаетъ: Христосъ воскресъ! И несомѣнно, на этотъ привѣтъ отзовется и ваше сердце. И несомнѣнно, въ каждомъ сердцѣ это слово пробудитъ отрадныя чувства.

Есть древнее благочестивое сказаніе. Въ Кіевской Свято-Печерской лаврѣ былъ святой жизни инокъ. Будучи въ санѣ діакона, въ свѣтлый день Пасхи оказалъ онъ храмъ и множество молящагося народа, на пути всѣхъ привѣтствующе радостнымъ пасхальнымъ словомъ: „Христосъ воскресъ“; зашелъ онъ въ пещеры, гдѣ покоились вѣчнымъ сномъ умершіе, гдѣ возлежали мощи многихъ святыхъ угодниковъ, святостию въ лаврѣ просіявшихъ. И тутъ, вставъ со свѣцею и кадильницею, онъ возгласилъ: „Христосъ воскресъ“! И чудо совершилось: умершіе вдругъ ему отвѣтили: „воистину воскресъ“!

Вотъ вамъ, возлюбленные, образъ вѣчной жизни въ Богѣ и вѣчнаго въ немъ оживленія и обновленія! Христосъ воскресъ и этимъ показалъ, что добро въ Немъ навѣки восторжествовало надъ зломъ. Христосъ воскресъ и этимъ доказалъ, что живы и дѣйственны Его святыя заповѣди, Его обѣтованіе о томъ, что Онъ насъ не оставитъ сирыми, что Онъ пошлетъ намъ помощь всегда и во всемъ, что Онъ даровалъ и вѣчно

даруетъ намъ прощеніе грѣховъ, что кающагося Онъ принимаетъ и спасаетъ, что грѣшника Онъ очищаетъ и вводитъ въ свѣтлыя чертоги святыхъ, что Онъ съ нами до скончанія вѣка.

Христосъ воскресъ, — и сколько потомъ за Нимъ и чрезъ Него воскресло духовныхъ мертвецовъ! Сколько мытарей, блудниковъ и блудницъ, разбойниковъ и грабителей, сколько людей, которыхъ люди считали презрѣнными, отверженными и погибшими, недостойными человѣческой жизни и человѣческаго общества, — сколько такихъ людей очистились духомъ, воспрянули къ жизни и благочестію, и изъ глубочайшаго паденія до самой бездны порока возвышались до подвиговъ, доступныхъ только великой святости: изъ блудницъ и величайшихъ грѣшницъ дѣлались равноангельными подвижницами, изъ обитателей тюремъ дѣлались обитателями небесныхъ селеній и общниками святыхъ, изъ убійцъ, разбойниковъ и бунтовщиковъ дѣлались самыми безкорыстными и самоотверженными слугами ближнихъ, самыми дорогими членами общества и государства.

Вотъ апостолы Павелъ и Сила за проповѣданіе вѣры брошены въ тюрьму, забиты въ колодки. Кругомъ ихъ заключены рабы, убійцы, преступники; слышны ругательства и проклятія, злоба и ненависть являются какъ бы дѣланіемъ всей тюрьмы. Въ полночь молятся Павелъ и Сила; они поютъ Богу священные пѣсни; въ нѣмомъ изумленіи и невольномъ благоговѣннн слушаютъ ихъ всѣ заключенные; и вдругъ свѣтъ небесный озаряетъ тюремную тьму, и у всѣхъ узниковъ спадаютъ оковы. Что же, всѣ бѣгутъ изъ заключенія, всѣ оставляютъ тюрьму? Такъ именно и подумалъ стражъ тюремный и, полагая, что узники его бѣжали, ожидая неизбѣжной для себя смертной казни за то, что не устерегъ заключенныхъ, онъ рѣшается покончить съ собою самоубійствомъ. Но онъ ошибся. Узники всѣ на мѣстѣ; они слушаютъ слово Павлова благовѣстія о Христѣ, — и они ужъ теперь не узники по духу, они по духу свободны, они возродились къ жизни, къ покаянію, благочестію, они познали путь спасенія. Теперь они и въ тюрьмѣ, и на свободѣ, и гдѣ бы ни были, одинаково ревностно будутъ исполнять законъ Христовъ, законъ вѣры и мо-

литвы, законъ любви и смиренія, законъ кротости и покорности, законъ угожденія Богу. Теперь они останутся въ тюрьмѣ, чтобы исполнить наказаніе, положенное на нихъ законною землею властью, они не убѣгутъ, хотя имѣютъ къ тому полную возможность, — но выйдя изъ своего заключенія, они уже будутъ не тьмою для жизни, не совершителями преступленій, нѣтъ, — это будутъ убѣжденные проповѣдники Христа въ словѣ и жизни и, значить, носители свѣта, это будутъ убѣжденные исполнители Христовыхъ заповѣдей. Слушаютъ они слово апостольское. Видитъ это и темничный стражъ, слышитъ отъ апостола удостовѣреніе, что всѣ узники здѣсь налицо, никто не убѣжалъ... И самъ темничный стражъ вмѣстѣ съ узниками слушаетъ слово благовѣстія, и вѣруетъ во Христа; и онъ теперь уже братъ по вѣрѣ этимъ заключеннымъ. Пусть они останутся и впредь до времени въ томъ же прежнемъ положеніи: одинъ — стражъ и хранитель тюрьмы, другіе — заключенные и отбывающіе наказаніе. Таковъ приговоръ суда, таковъ законъ и таково велѣніе земной власти, по волѣ и повелѣнію Божію уставленной для сохраненія на землѣ порядка и мира: но они по духу всѣ другъ другу братья, и между ними уже теперь должны и будутъ царить не прежняя подозрительность, злоба и ненависть, а взаимное расположеніе, довѣріе, любовь.

Пусть же, возлюбленные мои, и наше слово: Христосъ воскрес, и наша эта молитва, и наше это посвѣщеніе, и наше поучительное слово, — пусть все это озаритъ васъ духовнымъ свѣтомъ, и внесетъ сюда, въ это мѣсто заключенія, между всѣми вами миръ и любовь. Пусть Божья благодать коснется вашихъ душъ. Пусть загорится святой огонь въ тѣхъ изъ васъ, кто совершилъ тяжкія преступленія. Пусть заблещетъ надежда на Божье всепрощеніе. Пусть окрылитъ васъ увѣренность въ возможности полного исправленія и чистой добродѣтельной жизни. Пусть приговоръ власти и это заключеніе здѣсь вызываютъ въ васъ не злобу, не проклятія и ненависть, а терпѣливое и вдумчивое перенесеніе положеннаго взысканія. Пусть не безумное и нечестивое отрицаніе власти, не бунтъ противъ нея, не мысль о побѣгѣ, не мысль о насильственномъ

освобожденіи занимають ваши помыслы, а покорность власти земной, которая судить по праву, данному ей отъ Бога, и, главнѣе всего,—желаніе использовать для себя духовно это наказаніе, какъ воспитаніе души, какъ путь смиренія, какъ средство исправленія,—вотъ что пусть заполняетъ ваши помыслы и намѣренія.

Освобожденіе къ вамъ придетъ. Срокъ наказанія кончится. Вы возвратитесь къ службѣ и жизни семейной, общественной. Но возвратиться можете или только для виду и безрезультатно для себя, отбывши наказаніе, или озлобившимися и негодными для жизни, или же, напротивъ, готовыми къ новой и доброй жизни, къ полезной работѣ на благо ближнихъ. Все это зависитъ отъ того, какъ вы перенесете здѣшнее пребываніе. Переносить наказаніе и животное; но переносить съ тупою, принижающею покорностью, или съ дикою, неразумною злобою. Но можно и должно переносить наказаніе человѣку именно достойно человѣка, достойно разумнаго и нравственнаго существа, по слову и примѣру древняго Іова: „блаженъ чловѣкъ, его же обличитъ Господь, и наказанія Вседержителя не отвращайся“... (V, 17).

Помните, возлюбленные, что, по слову апостола, и Богъ есть Богъ терпѣнія (Рим. XV, 5), и посему вѣрные Богу должны усовершенствоваться въ терпѣніи (1 Тим. VI, 11) и заслужить чрезъ терпѣніе похвалу (2 Кор. VI, 4); помните, что любовь содѣлываетъ терпѣніе, терпѣніе же—опытность, опытность же—надежду, а надежда не посрамитъ (Рим. V, 3—5). Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша! Такъ заповѣдуетъ Спаситель (Мѣ. XXIV, 13). Это значить, что всякое страданіе, перенесенное терпѣливо и вдумчиво, есть безцѣнный вкладъ въ душевный капиталъ, въ душевную сокровищницу,—вкладъ, который избавитъ чловѣка отъ оскудѣнія духа и сдѣлаетъ его плодоноснымъ въ жизни.

Дай же вамъ Господь обрѣсти любовь и терпѣніе, терпѣніе и совершенство, терпѣніе и надежду,—обрѣсти и сохранить навѣки это духовное сокровище и выйти отсюда на бодрую службу Богу и ближнимъ чистыми и честными работниками въ жизни.

Да будетъ съ вами Божіе благословеніе! Аминь.

Вѣра и ревность.*

Приспѣ день свѣтлаго торжества, градъ Барскій радуется и съ нимъ вселенная вои ликовствуетъ.

Приспѣлъ день свѣтлаго торжества и для васъ, возлюбленные братіе. Радостно видѣть это великое множество народа, собравшагося здѣсь, пришедшаго изъ селеній за 200—300 верстъ, несмотря на небывалое разлитіе водъ, несмотря на эту бурю, бушующую на рѣкѣ, несмотря на видимую опасность путешествія и неудобства жизни въ этой мѣстности въ теченіе времени богомоленія. Велико, значить, усердіе ваше къ святыни, велико почитаніе святого угодника Божія.

Изъ пѣсни церковной, сейчасъ нами приведенной, вы слышите и узнаете, что и по всей вселенной воздается похвала святителю Христову Николаю. Но по всей справедливости должно сказать, что особое и преимущественное почитаніе его мы видимъ среди русскаго православнаго народа. Въ трогательной простотѣ народъ нашъ считаетъ великаго угодника Христова русскимъ по происхожденію, хотя на самомъ дѣлѣ онъ жилъ далеко раньше того времени, какъ стало существовать само русское царство: такъ много въ угодникѣ Божіемъ Николаѣ близкаго и родного для русской народной души. Въ трогательной и умильной простотѣ русскій народъ изукрасилъ жизнь святителя такими сказаніями, которыя изображаютъ его особенно близкимъ къ простому русскому человѣку, участливымъ къ горю и радости крестьянина, входящимъ во все его нужды и заботы. Такъ велико и горячо почитаніе угодника Христова, такъ одушевлены рассказы объ

* Слово въ дер. Каменкѣ, на р. Оби, Ордынскаго прихода, Томской епархіи; сказано 9 мая 1908 г. по случаю торжества въ честь мѣстнотимой иконы Святителя Николая Чудотворца; произнесено внѣ храма подъ обширнымъ навѣсомъ, въ присутствіи множества народа и при участіи общаго хора учениковъ Ордынской второклассной школы, на молебствіи, совершенномъ при участіи 5 священниковъ сосѣднихъ приходовъ.

его жизни, полной вѣры и чудесъ, полной любви, дѣль милости и смиренія, такъ много чудесъ явлено имъ въ отвѣтъ на вѣру и молитвы среди русскаго народа, такъ ярко и ясно начертанъ всѣми этими разсказами и событіями духовный образъ особливо чтимаго русскимъ народомъ угодника Божія, что даже не вѣдущіе Христа инородцы, соприкасаясь съ русскимъ народомъ, невольно проникаются благоговѣніемъ къ святителю Христову, чествуютъ его, возжигаютъ свѣчи предъ его образомъ, призываютъ его на помощь. Вамъ это, конечно, извѣстно изъ жизни язычниковъ недалекаго отъ васъ Алтая.

Правиломъ святой вѣры и ревностнымъ ея исповѣдникомъ и защитникомъ, съ одной стороны, а съ другой—образомъ незлобія и кротости, образомъ любви и милосердія, скорымъ помощникомъ въ бѣдахъ, защитникомъ невинныхъ, страдающихъ, гибнущихъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ, Николою-Милостивцемъ,—вотъ въ какомъ свѣтѣ представляетъ себѣ народъ нашъ святителя Христова Николая, вотъ въ какомъ свѣтѣ изображаетъ предъ нами святителя его житіе.

И здѣсь - то—глубокое и настоятельно нужное поученіе нашему времени. Строгость и правда не одно и то же, что жестокость и злоба; милость и любовь далеко не одно и то же, что слабость и попустительство на зло. И какъ въ Самомъ Богѣ правда и милость срѣтостася, истина и миръ облобызастася, такъ и въ угодникахъ Его мы видимъ то же самое: и то же самое должны и для себя почитать образцомъ жизни и поведенія. Читайте житіе святителя Николая, вслушивайтесь въ слова акаѣиста въ честь его, что нынѣ съ той минуты, какъ забрежжило на небѣ свѣтомъ, здѣсь непрерывно читается священнослужителями, по просьбѣ вѣрующихъ: вы увидите, вы услышите, что святитель Николай, будучи образомъ незлобія и кротости, не только Арію, нечестивцу и хулителю православной вѣры, съ силою противостоялъ въ словѣ, не только этого возбѣсившагося еретика предъ всѣмъ соборомъ святыхъ отцовъ онъ обличилъ и отгналъ горячимъ словомъ, но въ порывѣ неудержимой ревности, въ самозабвеніи горящаго и пламенѣющаго духа, подобно древнему пророку

Или, онъ ударилъ хулителя и врага Божія... Соборъ отцовъ укорилъ за это святителя, но Самъ Господь простилъ ему невольное увлеченіе духомъ ревности. Вы увидите далѣе, что милостивый къ однимъ,—къ невинно-страждущимъ, къ вѣрующимъ и смиреннымъ, святитель является грознымъ обличителемъ другихъ,—нечестивцевъ, гордецовъ, невѣровъ, лжецовъ, притѣснителей угнетенныхъ, злоупотребляющихъ силою и властью, торгующихъ честью и вѣрою.

Въ наше время, когда лжеучители стараются спутать все понятія о добрѣ и злѣ и, соблазняя на зло, прикрываются обычно именемъ правды и любви, повторяемъ,—на эту особенность жизни святителя Николая надлежитъ обратить особое вниманіе. Ее-то именно и примѣтилъ русскій человекъ своимъ простымъ и здравымъ сердцемъ, своимъ простымъ и здравымъ умомъ, котораго не обманешь хитросплетеннымъ и лукавымъ словомъ.

Не только рѣчи вобѣсившагося Арія,—худшія въ тысячу разъ рѣчи нынѣ повторяются и распространяются окаянными совратителями нашего добраго и вѣрующаго народа. У Арія и его теперешнихъ подражателей приемы и способы соблазна все одни и тѣ же: Арій сочинялъ гѣсенки и стихишки, въ которыхъ складною рѣчью излагалъ свое нечестивое ученіе о Христѣ, съ цѣлью удобнѣе, легче и быстрѣе распространить его въ народѣ,—и то же самое дѣлаютъ теперь и современные лжеучители, сочиняя и распѣвая съ народомъ и рабочими бунтовскія и соблазнительныя гѣсени. И что же мы слышимъ въ этихъ гѣсеняхъ и рѣчахъ? Говорятъ прямо противъ Господа и Христа Его; распространяютъ сектантство въ тѣхъ старыхъ здѣшнихъ сибирскихъ селеніяхъ, гдѣ издревле жили вѣрные Церкви православной ваши дѣды и прадѣды; стараются научить особымъ сектантскимъ стихамъ и гѣснямъ, въ которыхъ нѣтъ здраваго ученія вѣры, и которыя составлены не апостолами и святыми мужами, не богомудрыми отцами и учителями, какъ это видимъ въ православной Церкви, а неизвѣстными и озлобленными отступниками отъ истины и вѣры. Другіе идутъ еще далѣе: отвергають совѣмъ Бога, учатъ „отречься отъ стараго міра“ съ его вѣрою и святынями, учатъ безбожію моло-

дыхъ людей, разрушаютъ здоровую и чистую семейную жизнь, сочиняютъ всякія небылицы и клеветы на Царя и правительство, научаютъ на бунты противъ властей, на убійства, грабежи и насилія, призываютъ къ сопротивленію всякому закону, всякому порядку. Вы сами знаете, сколько такихъ сосланныхъ, высланныхъ, бѣглыхъ преступниковъ, порочныхъ людей, которые не сумѣли жить среди своихъ близкихъ, являются сюда учить васъ, какъ надо жить...

И вотъ, чтобъ имѣть доступъ къ душѣ народной, чтобы быть услышанными, чтобы достигнуть легче своихъ цѣлей соблазна и смущенія, эти сыны погибельные увѣряютъ, что будто бы, по Христову ученію, надобно всѣмъ предоставлять полную свободу,—свободу слова и убѣжденія, никого не карать и не наказывать, что бы онъ ни говорилъ и какъ бы онъ ни мучилъ народъ. Они увѣряютъ, будто духъ любви Христовой повелѣваетъ всѣхъ такихъ смутьяновъ и совратителей выслушивать охотно, привѣтливо и съ любовью принимать ихъ рѣчи. А тѣхъ, кто изъ любви къ народу и по долгу своего званія предостерегаютъ народъ отъ увлеченія этими сатанинскими ученіями, указываютъ на грядущую опасность и гибель отъ дѣятельности совратителей народныхъ, разоблачаютъ ихъ злобу, обманъ и лукавство,—тѣхъ они объявляютъ гонителями мысли и свободы, гонителями просвѣщенія. Сами вы хорошо можете сообразить, къ чему ведутъ и чего хотятъ достичь такіа ихъ рѣчи: пусть добро молчитъ, а зло дѣйствуетъ во всю силу,—вотъ чего они хотятъ добиться. Но всего отвратительнѣе здѣсь то, что нечестіе лицемѣрно и лукаво ссылается на ученіе о любви Христа Спасителя, того нашего Спасителя и Господа, Котораго они, нечестивцы и лжеучители, сами первые не признаютъ и оскорбляютъ. И вотъ, идетъ постоянная путаница словъ: любовь, милосердіе,—кричатъ проповѣдники нечестія, и подразумеваютъ подъ этими словами—слабость, безразличіе добра и зла и явное попустительство на все худое, тогда какъ между любовію и слабостью, между милостью и попустительствомъ на зло лежитъ огромная, непроходимая пропасть. Это и видимъ на примѣрѣ жизни и подвиговъ святителя Николая, горѣвшаго ревностью по вѣрѣ и правдѣ, всегда съ силою, до

готовности вынести и пытки, и тюрьму, и самую смерть, возстававшего въ защиту правой вѣры и указанной вѣрою правды.

Что же? По духу ли Христову, и по духу ли святыхъ апостоловъ поступалъ святитель Николай? И какъ теперь намъ относиться къ нынѣшнимъ подражателямъ и продолжателямъ Аріева безумія и бѣснованія?

Вспомните, братіе, какъ ревность по дому Божію снѣдала Сына Божія, и какъ нашъ Спаситель, всегда кроткій и милующій, во святомъ гнѣвѣ, вооружившись бичемъ, изгоняетъ нечестивыхъ осквернителей святыни изъ дома Господня.

Пусть же изгнанъ будетъ изъ дома Божія и изъ среды вѣрныхъ всякій, кто осмѣлится осквернять и оскорблять наши святыни вѣры, наши алтари и храмы, будетъ ли онъ это совершать дѣломъ или словомъ, — все равно. На то поставлена власть церковная, которой заповѣдано апостоломъ: „измите злаго отъ васъ самѣхъ“ (1 Кор. V, 13). На то поставлена и власть гражданская, чтобы, по ученію апостольскому о правѣ и обязанности власти, поощрять добро и карать зло (1 Петр. II, 14), избавляя вѣрныхъ отъ присутствія осквернителей и оскорбителей святыни.

Вспомните, далѣе, кто изъ апостоловъ былъ по преимуществу проповѣдникомъ любви и самъ былъ преисполненъ любви? Это—св. Іоаннъ, память котораго мы вчера прославляли. Это онъ учитъ, что не любящій брата пребываетъ въ смерти, что ненавидящій ближняго есть челоуѣкоубійца. Но послушайте, что апостоль любви говоритъ намъ о нечестивыхъ соблазнителяхъ: „Многіе оболъстители вошли въ міръ. Наблюдайте за собою, чтобы намъ не потерять того, надъ чѣмъ мы трудились, но чтобы получить полную награду. Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ праваго Христова ученія, того не принимайте въ домъ и не приветствуйте его. Ибо приветствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его“ (2 Іоан. 7, 8, 10—11). Слышите, какъ строго судъ къ этимъ нечестивцамъ?

Апостоль любви *воспрещаетъ даже молиться* о такихъ, согрѣшающихъ грѣхомъ къ смерти (1 Іоан. V, 16). И понятно: вѣдь грѣхъ противленія и упорной злобы противъ Божественной Истины, и по слову Воплощенной Любви, Христа Спаси-

тебя, не простится людямъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Мѣ. XII, 31), и даже слово вразумленія, въ отвѣтъ на такую злобу, является бесплоднымъ, почему и заповѣдано: „Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы онѣ не попрали его своими ногами и, обратившись, не растерзали васъ“ (Мѣ. VII, 6).

И другой апостоль учитель: „Вкрались нѣкоторые люди, нечестивые, ругатели, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти, ропотники, ничѣмъ не довольные, поступающіе по своимъ похотямъ; уста ихъ проносятъ надутыя слова; они отдѣляютъ себя отъ единства вѣры. А вы, возлюбленные, назидая себя на святѣйшей вѣрѣ вашей, сохраняйте себя въ любви Божіей. И къ однимъ будьте милостивы, съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ спасайте“... (Иуд. 4—23).

Мы уже сказали, что страхомъ спасать есть право и обязанность законной власти, посылаемой для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро (1 Петр. II, 14). А наша обязанность—*дѣлая добро, заграждать уста нечестивому безумныхъ людей* (ст. 15). Пусть же горить и пламенѣетъ въ насъ вѣра и ревность, пусть всегда, какъ сегодня, это множество вѣрующихъ стекается къ святынямъ, пусть каждому оскорбителю святыни ясно будетъ, что его вопли невѣрія и призывъ къ смутѣ—это клокотаніе зловонной грязи, которое хочетъ перемочь силу звука и раската грома небеснаго... Пусть однимъ путемъ приходятъ къ намъ нечестивые соблазнитель, и, посрамленные, отвергнутые, проклятые, седьмью путями обѣгутъ отъ насъ, какъ обѣгутъ ночныя тѣни съ горныхъ высей, когда ихъ озаритъ лучъ солнца. Пусть знаютъ они, что на ихъ попытку замутить насъ, на каждое ихъ гнилое слово готовъ отвѣтъ нашъ, отвѣтъ добрый, увѣренный, вразумительный, сильный вѣрою и усердіемъ къ вѣрѣ, сильный любовью къ Богу и ревностью объ Его славѣ, объ Его святыни, тою ревностью, которая всѣмъ пожертвуетъ, все отдастъ, на все пойдетъ, а вѣры и Бога не предастъ.

Триста лѣтъ тому назадъ здѣсь лежала „орда“, отъ которой теперь осталось только имя здѣшней рѣчки („Орда“), да

названіе селенія („Ордынское“). Здѣсь царила густая тьма язычества.

Плыли сюда на новыя мѣста предки ваши, плыли не одни: съ ними былъ этотъ чудотворный образъ Святителя Христова, съ ними была ихъ святыня, — вѣра въ душѣ и ея внѣшнее обнаруженіе — почитаемая икона почитаемаго угодника. И вотъ, при ночлегѣ на этомъ берегу явлено знаменіе вѣрующимъ, что именно здѣсь имъ нужно остановиться и поселиться, — здѣсь, рядомъ съ опаснымъ врагомъ, рядомъ съ мѣстомъ обитанія аловѣрія и язычества. И разъ, и два, и до сорока разъ, какъ бы вопрошая Господа и желая ясно узнать волю Его, пытались они уйти отсюда и плыть дальше и выше: и всякій разъ стругъ со святою иконою опять приставалъ къ этому мѣсту. Основалось поселеніе. Что же, посрамила ли вѣра вѣрующихъ? Пожалѣли ли они, что послушались голоса вѣры? Или сдались они предъ напоромъ язычниковъ? Уступили имъ въ исповѣданіи вѣры? Отказались отъ своей и переняли чужую?

Нѣтъ! И честно, и грозно хранили они вѣру въ Бога, вѣрность Его Церкви, хранили вѣрность Россіи и русскимъ государямъ, хранили единство вѣры и святынь со всеѣмъ русскимъ народомъ. Истаяла орда; и сгинула тьма; и раздвинулась безбрежная страна для русскаго народа; и засіяли кресты на храмахъ; и безпрепятственно изъ года въ годъ эти тысячи вѣрующихъ чрезъ всѣ препоны пути, чрезъ всѣ неудобства погоды приходятъ сюда къ святителю и чудотворцу Николаю обновить вѣру, возжечь усердіе, воспламенить ревность.

Смотрите, какъ пылаютъ эти свѣтильники, смотрите, какъ несетъ этотъ ениміамъ, смотрите, какой радостью и торжествомъ звучатъ молитвы и пѣснопѣнія въ устахъ хора изъ дѣтей вашей церковной школы! Пусть все это будетъ образами и подобіями нашей огненной вѣры и нашей пламенѣющей о вѣрѣ ревности.

Не ослабѣвайте, братіе, въ этихъ святыхъ чувствахъ! Не смущайтесь тѣмъ, что шатающіеся по селеніямъ бездѣльные и праздные лжеучители, возглашая себя мудрыми и образованными, говорятъ и дѣйствуютъ въ подрывъ нашей вѣрѣ. Самъ Спаситель о томъ повѣдалъ, — повѣдалъ, какъ утаилъ

Господь отъ премудрыхъ и разумныхъ то, что открылъ младенцамъ (Лук. X, 21). И апостоль возвѣстилъ, что почитающіе себя мудрыми обезумѣли предъ мудростью вѣры и креста (1 Кор. I, 19 и д.). Не ослабѣвайте въ вѣрѣ и ревности, заграждайте уста безумію безумныхъ, отстаивайте святыню отъ всякихъ на нее посягательствъ, не позволяйте ни словомъ, ни взглядомъ ее оскорбить, — и какъ дикая орда, какъ тьма передъ свѣтомъ, отступить отъ васъ эта новая дьявольская дружина, эта сатанинская орда соблазнительей.

Вѣчно слово Господне: „Видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша. Се даю вамъ власть наступати на змію, и скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ. Обаче о семъ не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ!“ (Лук. X, 18—20). Аминь.

Освященіе государства и власти.*

Что такое коронованіе на царство православныхъ христіанскихъ царей православнаго христіанскаго народа—среди завѣтныхъ святынь народныхъ, въ осѣненіи молитвъ, при священномъ мвропомазаніи и полнотѣ благословеній Христовой Церкви? Что это? Пышный обрядъ для впечатлѣнія на зрителей? Остатокъ старинныхъ обычаевъ? Пережитокъ ненужныхъ и отжившихъ возрѣній? Или священное коронованіе и доселѣ имѣетъ свой глубокой смыслъ, и если такъ, то какъ же оно относится ко всему нашему государственному и общественному строю, а также и къ жизни личной cadaго изъ насъ, поскольку мы участвуемъ въ общей жизни государства?

Все это—вопросы, которые могутъ показаться ненужными или маловажными только для легкомыслія и недомыслія: для

* Слово въ день коронованія Государя Императора, 14 мая 1908 г. Сказано въ Війскомъ Троицкомъ соборѣ, въ присутствіи властей, при священнослуженіи Инокентія, епископа Війскаго.

людей же вдумчивыхъ, для людей, которые хотятъ жить разумомъ и совѣстію христіанскою, это — вопросы огромной важности, вопросы коренные, опредѣляющіе все направленіе жизни. Пользуемся присутствіемъ здѣсь образованныхъ представителей общества и представителей власти, чтобы побесѣдовать о поставленныхъ вопросахъ, которые, по существу, трудно изложить просто и для всѣхъ доступно.

Не со вчерашняго дня существуютъ на землѣ народы, образовавшіе государства. Ихъ жизнь, давно погребенная подъ песками Египта, подъ развалинами и обломками древнихъ городовъ и величественныхъ храмовъ въ Ассиріи, Вавилонѣ, Финикіи, Индіи, въ древней Греціи и Римѣ, теперь какъ бы воскрешена въ научно обслѣдованныхъ раскопкахъ и иногда, благодаря художественному воспроизведенію, блещетъ предъ нами, какъ живая, яркими, живыми красками. Предъ нами открываются и проходятъ картины совершенно отличной отъ всего теперь насъ окружающаго міра жизни: иной языкъ, иные нравы, иныя вѣрованія, воззрѣнія, одежда, бытъ, общественныя отношенія, устройство государства, семейный укладъ. И, однако, среди всѣхъ этихъ различій есть одна черта, которая, не умирая, живетъ во всѣ времена, во всѣхъ измѣненіяхъ жизни, во всѣхъ странахъ и народахъ, — черта, которая роднитъ прошлое человѣчества, его настоящее и будущее: это надъ всѣмъ господствующій въ жизни людей интересъ религіозно-нравственный. Всегда человѣкъ искалъ воли Бога, всегда онъ хотѣлъ подчинить жизнь свою нравственнымъ нормамъ, всегда онъ оцѣнивалъ всѣ свои созданія и всю свою жизнь съ точки зрѣнія добра и зла. Измѣнялись иногда, хотя въ общемъ очень мало, воззрѣнія на то, что добро и зло, но самая оцѣнка съ такой именно точки зрѣнія всей жизни оставалась неизмѣнною; неизмѣнною въ этомъ смыслѣ оставалась и остается нравственность, измѣняется только степень приближенія къ ней. И всегда человѣкъ ясно отличалъ область нравственнаго вмѣненія: ни проявленія окружающей природы — дождь, громъ, буря, тепло и холодъ, ни бессознательныя отправленія собственнаго тѣла — ростъ, болѣзни, здоровье, сердцебіеніе или пищевареніе, — ничего подобнаго человѣкъ не оцѣнивалъ нравствен-

ною мѣркою; ее онъ прилагалъ и примѣнялъ только къ той области, въ которой проявляется участіе человѣческаго разума, воли и совѣсти.

Спрашивается: къ какому разряду явленій жизни нужно отнести созданіе государства. Примѣнима ли къ нему нравственная мѣрка, приложимы ли и поставляются ли предъ нимъ нравственныя задачи? Лежитъ ли въ его основѣ религиозно-нравственный интересъ? Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ вся жизнь людей, зависитъ, какъ увидимъ, и тотъ вопросъ, который мы поставили въ началѣ рѣчи: есть ли смыслъ въ коронованіи и помазаніи царя на царство?

Представимъ себѣ мысленно, что государство есть не болѣе, какъ хозяйственный союзъ, область примѣненія только экономическихъ отношеній, разрѣшаемыхъ и опредѣляемыхъ исключительно съ точки зрѣнія пользы. Такъ именно и смотрять на вопросъ проповѣдники и защитники такъ-называемаго „новаго государства“, покоящагося на матеріалистическихъ и социалистическихъ началахъ. Къ такому государству, конечно, невозможно было бы примѣнять нравственную мѣрку, да ее съ полною откровенностью и рѣшительностью отвергаютъ и сами его исповѣдники и поклонники. Безусловная и неизмѣнная нравственность,—а она, нравственность, и можетъ быть осмысленною и обязательною единственно при условіи безусловности и неизмѣнности,—невозможна безъ религіи, а религіозное начало не можетъ подчиняться соображеніямъ пользы и хозяйства уже потому, что оно переноситъ человѣка далеко за предѣлы земной жизни—въ область бытія вѣвременнонаго и вѣвпространственнаго. Съ точки зрѣнія пользы, несомнѣнно, можно и даже должно оправдать и требовать убіенія слабыхъ новорожденныхъ дѣтей, сокращенія прироста въ населеніи путемъ уничтоженія излишка рождаемыхъ младенцевъ, хотя бы по жребію, убіенія стариковъ и старухъ, какъ лицъ, только потребляющихъ, а не производящихъ продукты питанія; съ той же точки зрѣнія, можно и должно добывать безнадежно больныхъ, а также слабыхъ и хилыхъ членовъ общества. Современные поклонники социализма не способны въ большинствѣ продумать до конца и представить себѣ неизбѣжныя и оконча-

тельные выводы заманчиваго на первый взгляд ученія, которымъ они увлекаются, а между тѣмъ эти выводы, нами представленныя, дѣйствительно неизбѣжны. Среди дикарей-людоѣдовъ они не разъ примѣнялись съ самою откровенною и жестокою послѣдовательностью, съ тою только разницей отъ современныхъ образованныхъ дикарей, что первые все-таки и въ этихъ дѣйствіяхъ жестокости руководствуются своими, хотя и извращенными, но религиозно-нравственными взглядами и побужденіями, желая угодить божеству и оказать милость убиваемымъ. У нынѣшнихъ же дикарей побужденіе будетъ одно: холодный расчетъ и знаменитое „экономическое соотношение силъ“...

Выдвигается, въ противовѣсъ этимъ крайнимъ выводамъ, пресловутое правовое государство, которое должно обезпечить каждому члену своему всѣ права жизни, свободы и довольства. Но спрашивается: если нѣтъ религиозно-нравственнаго начала, если нѣтъ закона совѣсти, кто же меня заставитъ признавать чужія права и урѣзывать свои собственные? А вѣдь отказъ отъ своихъ правъ неизбѣженъ, необходимъ, ибо только путемъ взаимныхъ уступокъ, правъ и потребностей можно создать упорядоченную жизнь. Это—азбука общественности. Духовное опустошеніе и полная гибель жизни и здѣсь, въ концѣ-концовъ, становятся неизбѣжными, при подавленіи въ ней религиозно-нравственной основы. Какой вопль отчаянія вырывается у людей, прозрѣвшихъ въ такой неизбѣжный конецъ, это видно изъ сочиненій одного не такъ давно кончившаго сумасшествіемъ, но и доселѣ, въ сущности, для многихъ образованныхъ людей обаятельнаго европейскаго мыслителя. „Слышали ли вы,—говоритъ Ницше,—слышали ли вы о томъ безумномъ человѣкѣ, который въ свѣтлый полдень зажегъ фонарь, выбѣжалъ на улицы и базаръ, и среди многолюдства непрерывно кричалъ: „я ищу Бога, я ищу Бога!“ *Всѣ вокругъ него смѣялись...* Но безумный человѣкъ вбѣжалъ въ толпу и, пронизывая всѣхъ своимъ взглядомъ, воскликнулъ: „Гдѣ Богъ? Я вамъ скажу: мы Его убили,—я и вы. Мы всѣ—убійцы. Развѣ мы не слышимъ шума могильщиковъ, погребаящихъ Бога? Развѣ не доносится до насъ запахъ тлѣнія? И боги истлѣваютъ! Богъ умеръ! И

мы Его убили! Какъ утѣшимся мы, убійцы изъ убійць! Самое могущественное и святое Существо, какое только было въ мірѣ, истекло кровью подъ нашими ножами! Конечно, человѣкъ не можетъ умертвить и похоронить Бога, но самъ человѣкъ можетъ умереть для вѣры въ Бога. И вотъ, мы слышимъ въ приведенныхъ словахъ европейскаго мыслителя вопль отчаянія человѣка, умирающаго духовно: тогда не спасетъ жизни никакое человѣческое, условное, ни для кого не обязательное и никакимъ высшимъ авторитетомъ не освященное право. Человѣкъ задохнется и погибнетъ въ этомъ духовно-безвоздушномъ пространствѣ...

Признайте же, что человѣческое царство не есть цѣль, а есть среда и средство для проявленія царства Божія. Признайте, что жизнь государства у христіанскаго народа не можетъ пройти мимо запросовъ и требованій христіанской совѣсти. Признайте, что Церковь Христова, какъ вѣчное воплощеніе спасающей силы христіанства и его непрестающаго дѣйствія въ мірѣ вѣрующихъ, не можетъ не воздѣйствовать на жизнь государства, не можетъ быть отъ нея устранена, напротивъ, она должна всюду, во всѣ стороны мысли и жизни, быта и строительства и всякой человѣческой дѣятельности вносить вѣчныя начала вѣчной Христовой правды.

Эта вѣковѣчная и глубочайшая истина и изображена наглядно въ священномъ коронованіи царя на царство. Если государство чуждо религіозно-нравственнаго начала и характера, если оно — только хозяйственное предпріятіе или основанный только на взаимной выгодѣ и національномъ эгоизмѣ союзъ, а не среда для осуществленія нравственнаго идеала христіанской личности и высшаго призванія христіанскаго народа, — тогда, дѣйствительно, не нужно коронованія царя, не нужно освященія власти. Если религія есть „частное дѣло“ и не имѣетъ ни малѣйшаго касательства къ жизни общества и государства; если нравственность независима отъ религіи и Церковь отдѣлена отъ государства, а государство чуждо Церкви, — тогда не нужно коронованія царя и освященія власти. Если царь не является орудіемъ міроправящаго Промысла и орудіемъ Промысла въ жизни даннаго народа, — тогда не нужно

коронованія. Если правовыя нормы не опираются на вѣчныя и неизмѣнныя нормы нравственнаго закона, получающаго содержаніе, освященіе, силу и авторитетъ въ законѣ живого, личнаго Бога,—тогда не нужно коронованія. Если право временно и условно, и каждый народъ, каждое племя, каждый классъ имѣютъ свою нравственность и не обязаны провѣрять ее въ зеркалѣ закона Божія; если нравственная истина не остается истинною всегда и вездѣ, а есть нѣчто относительное, измѣняющееся соотвѣтственно росту и развитію общества,—тогда не нужно коронованія. И если поѣтому власть царя есть только передовѣріе власти народа, если она ограничена и ограничима, если она въ существѣ и въ дѣйствованіи зависитъ отъ измѣняющагося каприза тѣхъ, кто вздумаетъ назвать себя волеизъявителями народа, какъ источника власти царской, если исходяще власти царя не въ Богѣ, опора, цѣли, задачи и высшая отвѣтственность не въ Богѣ, не въ христіанской совѣсти: тогда,—да, тогда не нужно коронованія царей, тогда предъ нами въ лучшемъ случаѣ муравейникъ или пчельникъ вмѣсто человѣческаго государства, тогда предъ нами царство двуногихъ животныхъ, можетъ-быть и очень умныхъ, но не нравственно-разумныхъ существъ, не людей, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова! Можетъ-быть,—хотя и это совершенно невѣроятно,—можетъ-быть, въ такомъ муравейникѣ съ желѣзною принудительностью и съ неумолимымъ смертнымъ приговоромъ всякому ослушнику и всякой не похожей на другихъ по дарованіямъ и стремленіямъ личности пройдетъ законъ труда, и будетъ всѣмъ тепло и сытно (по крайней мѣрѣ, этимъ обѣщаніемъ увлекаютъ въ свою вѣру мечтатели о новомъ государственномъ строѣ): но человѣческой душѣ будетъ холодно и голодно, и неприютно въ этомъ общаемомъ раю. Она съ радостію броситъ всѣ эти блага, этотъ рай, и уйдетъ отъ него въ пустыни, на край свѣта, уйдетъ въ лѣса и дебри, подъ землю въ катакомбы, чтобы тамъ создать вновь, хотя бы при всѣхъ внѣшнихъ лишеніяхъ тѣла, при отсутствіи всякихъ удобствъ жизни, въ физическомъ голодѣ и холодѣ,—создать такія условія жизни, въ которыхъ не было бы для духа человѣческаго неисходной тоски и неутолимаго голода. Ибо скорѣе нарушится законъ

мірового фізическаго тяготѣнія, чѣмъ прекратится всемірное духовное тяготѣніе человѣка къ Богу и исходящему изъ Него нравственному началу. Повѣрьте здѣсь хотя бы такому писателю-мыслителю, какъ Бокль, котораго уже никакъ нельзя заподозрѣть въ благоволительномъ пристрастіи къ религіи и христіанству; онъ принужденъ сознаться, что „въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнялось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы“. И когда уйдетъ разумный человѣкъ изъ общаемаго въ „новомъ государствѣ“ рая, грубаго и чувственнаго, въ поискахъ за нравственнымъ смысломъ жизни, опять тогда начнутъ возрастать общества и государства на человѣческихъ, а не на животныхъ началахъ; и опять явится власть, исходящая отъ Бога; и опять Церковь Божія станетъ, какъ воплощенная совѣсть, ходить предъ царемъ и народомъ, указуя имъ путь отъ земли къ небу; и опять эта идея одѣнется предъ народомъ въ красоту священныхъ обрядовъ и священнодѣйствій; и опять будетъ коронованіе царей и освященіе власти... Въ Богѣ—союзъ царя и народа, власти и общества; въ семьѣ, основанной на любви, а не на хозяйственномъ расчетѣ,—первообразъ государственной и общественной жизни; въ ней, въ семьѣ, придетъ къ людямъ самъ собою и хозяйственный расчетъ, въ ней будетъ и наростаніе богатства; но не здѣсь ея сущность; въ ней явится и право, но то право, которое именно и есть во всякой доброй семьѣ, то-есть основанное на любви, освященное Богомъ и указанное апостоломъ: „другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ“; „честію другъ друга больша творите“; „вся вамъ любовію да бывають“; „никому ничѣмъ не оставайтесь должны, кромѣ любви“...

Слава Богу, все это было и есть среди русскаго православнаго народа, создавшаго государство свое при исключительныхъ въ исторіи условіяхъ: въ младенчествѣ, на зарѣ своей исторической жизни, еще не связанный и не отравленный формами и духомъ государства языческаго, онъ принялъ былъ въ лоно Церкви, въ купель крещенія, и съ тѣхъ поръ создавалъ и строилъ свое государственное дѣло, ведомый Церковью, напояемый духомъ Христовой вѣры. Этимъ онъ рѣзко

разнится отъ народовъ Запада, гдѣ или совсѣмъ уничтожилось, или увяло и поблекло и осталось, дѣйствительно, лишь пышнымъ обрядомъ коронованіе царей языческаго начала жизни, языческаго основа государства и особенно губительная идея народовластія—демократіи, изъ коей въ будущемъ возрастетъ антихристъ,—все это опустошило и обезсмыслило тамъ земную власть. Еще съ виду пока тамъ все держится спокойно, и жизнь по временамъ блещетъ и силою, и свѣжестью; это—остатки прежнихъ вѣрованій, прежняго духа, это—лучи солнца, скрывающагося за горизонтомъ, но еще посылающаго землѣ отраженный свѣтъ. Но уже собираются таинственныя черныя тучи, и ихъ временами прорѣзываютъ грозныя молніи, и въ нихъ гремятъ отдаленныя страшныя раскаты грома... Дай Богъ, чтобы вѣра, совѣсть и разумъ народовъ обратили ихъ къ оставленнымъ путямъ жизни.

Русскій же народъ въ цѣломъ, за исключеніемъ немногихъ, поклонившихся чужеземнымъ богамъ, и до днесь сохраняетъ и, дастъ Богъ, сохранитъ навсегда,—ибо въ этомъ его предназначеніе въ мірѣ,—религіозно-нравственное воззрѣніе на всю совокупность жизни земной; слѣдовательно, и на жизнь государственную. Оттого и донныя коронованіе Царя у насъ полно смысла и значенія; оттого радость сей церковно-общественный праздникъ съ его цѣлодневнымъ звономъ, какъ бы пасхальнымъ. Съ высоты храмовъ Господнихъ этотъ звонъ возвѣщаетъ Россіи, что въ ней попрежнему, какъ и встарь, живетъ и пребываетъ вѣчное слово: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло. Яко Царь уповаеть на Господа, и милостію Вышняго не подвижится“. Аминь.

Завѣты исторіи о вѣрности православію и самодержавію.*

По церковному уставу, сегодня воспоминаемъ мы святыхъ отцевъ, ревнителей православной вѣры, собранныхъ нѣкогда, болѣе 1500 лѣтъ назадъ, въ городѣ Никеѣ, Византійскаго царства, при царѣ св. равноапостольномъ Константинѣ для испроверженія ереси, т.-е. лжеученія нѣкоего Арія, и для утвержденія вѣры истинной, православной. Съ этимъ празднованіемъ совпадаетъ Царскій день—день рожденія Государыни Императрицы, когда мы, по завѣту слова Божія и по влеченію вѣрно-подданническаго сердца, возносимъ молитвы къ Богу о благосостояніи Царя, Его Царственной Семьи и всего Русскаго царства.

Вдумаемся въ это совпаденіе историческихъ воспоминаній и уроковъ Церкви Божіей въ словѣ Божественнаго Писанія, сегодня нами слышаннаго, вдумаемся при свѣтѣ этихъ уроковъ и въ событія современной нашей жизни: мы здѣсь найдемъ для себя много поучительнаго.

Въ самый тяжкій день Своей жизни, послѣ прощальной бесѣды съ учениками, отправляясь въ Геосиманскій садъ на страданія духа и тѣла, Господь Иисусъ возносить къ Богу, Отцу Своему, горящую „первосвященническую“ молитву о всѣхъ вѣрующихъ. Не о всемъ мірѣ Онъ молить, Онъ молить о тѣхъ, которые вѣруютъ въ Него. И не о томъ Онъ молить, чтобы Господь взялъ вѣрующихъ отъ міра, но чтобы Онъ сохранилъ ихъ отъ всякаго зла. Не однихъ ближайшихъ учениковъ Своихъ, апостоловъ, Онъ здѣсь разумѣетъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые увѣруютъ во Христа по слову ихъ. О чемъ же Христова молитва? Чего просить вѣрующимъ Самъ Основатель Божественной и святѣйшей нашей вѣры? Какого блага Онъ желаетъ Своимъ послѣдователямъ? Онъ молить Отца Своего: „Да будутъ

* Слово въ гомопереселенческомъ селеніи Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи, въ нед. св. ос. иже въ Никеѣ и въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Феодоровны 25 мая 1908 года.

всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино. Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ; да будутъ совершенны во едино“ (Іоанн. гл. XVII).

Такъ молился о насъ, о Своихъ ученикахъ и послѣдователяхъ, нашъ Господь. Онъ желалъ, Онъ желаетъ, чтобы всѣ мы, право вѣрующіе и Его, какъ Сына Божія и Бога, познавшіе, были *едино*, чтобы было едино стадо и единъ Пастырь, чтобъ единымъ сердцемъ и едиными усты мы Его исповѣдывали: это *едино*, состоящее изъ всѣхъ право вѣрующихъ, и есть единая святая, соборная и апостольская Церковь, къ которой и мы съ вами, возлюбленные братіе и соотечественники, имѣемъ счастье принадлежать.

Никогда не уничтожится Церковь: вѣдь о ней, объ ея сохраненіи молилъ Самъ Сынъ Божій, а Его молитва не можетъ быть не услышана. Никогда не погибнетъ принесенная на землю Сыномъ Божиимъ Истина, которую и хранить св. Церковь: вѣдь Самъ Сынъ Божій обѣщалъ, что Онъ создастъ Церковь, и врата адовы, т.-е. всѣ силы зла, не одолѣютъ ее.

Однако, это не значить, что силы зла и врата адовы не будутъ бороться съ Церковью. Напротивъ, онѣ употребятъ всѣ усилія, сатана приложитъ всѣ старанія, чтобы посредствомъ злыхъ людей, его сообщниковъ, нанести Церкви Христовой вредъ, чтобъ убить въ ней то единеніе, которымъ она жива и дѣйствуетъ. И Спаситель предсказывалъ, что будутъ послѣ Него приходить люди не во имя Бога, а во имя свое, что явятся лжепророки-соблазнители, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ, что явятся, наконецъ, и такіе проповѣдники, которые будутъ говорить во имя Христа, Его именемъ какъ-будто бы совершать силы и знаменія, и которымъ, однако, въ день оный и страшный Христосъ Спаситель скажетъ: „Я не знаю васъ“. И апостолы уже при жизни своей видѣли рядомъ съ собою лжеучителей, видѣли расколы и раздоры, предсказывали о появленіи новыхъ лжеучителей вѣрующимъ, предупреждали ихъ отъ грозящей опасности разъединенія въ Церкви. Вотъ апостолъ Павелъ послѣдуетъ идти въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы. Очень ему хотѣлось зайти въ гор. Ефесъ, гдѣ онъ своими трудами насадилъ общество вѣрую-

щихъ, которыхъ три года онъ училъ день и ночь со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами, среди искушеній, приключавшихся ему по злоумышленію евреевъ, этихъ злобныхъ и упорѣйшихъ враговъ всего христіанскаго. Время не позволяло апостолу зайти въ Ефесъ, и онъ въ ближайшее мѣсто, на пристань города, пригласилъ только пресвитеровъ, т.-е. священниковъ гор. Ефеса, и здѣсь съ ними побесѣдовалъ. Онъ засвидѣтельствовалъ имъ о своей любви, онъ предсказалъ, что идетъ самъ на страданіе и смерть и уже болѣе не увидится съ ними на землѣ никогда, онъ заповѣдалъ имъ внимать себѣ и всему стаду, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ Кровію Своею, „ибо,—говоритъ апостоль,— ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою“ (Дѣян. XX гл.).

Все это и о первосвященнической молитвѣ Спасителя и о прощаніи апостола Павла съ пресвитерами ефесскими мы слышали сегодня въ евангельскомъ и апостольскомъ чтеніяхъ.

Пришло скоро время, когда сбылось скорбное предреченіе апостола. Много еретиковъ, раскольниковъ и лжеучителей возстало въ Церкви. Особенно много погубила сыновъ Церкви ересь Арія, который сталъ нечестиво учить о Сынѣ Божіемъ и не признавалъ въ Немъ Божескаго достоинства. Это было чрезъ триста лѣтъ по Рождествѣ Христовомъ. Арій имѣлъ много приверженцевъ, и его лжеученіе сильно стало распространяться. Бороться съ нимъ было трудно. Въ число его учениковъ вступили очень многіе изъ тѣхъ прежнихъ язычниковъ, которые приняли христіанство не по искреннему и горячему влеченію сердца, а просто по подражанію, или еще хуже, по корыстному расчету, ибо въ тѣ времена вѣра Христова уже становилась господствующею въ мірѣ.

Тогда-то на помощь Церкви Божіей выступила новая сила, Промыслomъ Божіимъ къ тому приготовленная: это—сила православныхъ самодержавныхъ царей. Царствовалъ тогда святой равноапостольный Константинъ, первый изъ царей, принявшій святую вѣру Христову и ее вводившій въ своемъ государствѣ

Византійскомъ, которое въ то время охватывало весь міръ. Конечно, блюсти цѣлость и чистоту вѣры есть дѣло и долгъ пастырей Церкви, но власть гражданства имѣетъ полную возможность или помочь въ этомъ дѣлѣ пастырямъ, или помѣшать. Къ тому же Царь православный есть сынъ Церкви, обязанный по своему положенію заботиться о ней, именно, какъ сынъ о своей матери. Такъ именно смотрѣлъ на себя и святой равноапостольный царь Константинъ. Онъ не взялъ на себя разборъ и сужденіе о томъ, почему и въ чемъ погрѣшала Аріѳ, и что нужно предпринять по поводу его лжеученія для охраны мира и спокойствія въ Церкви. Онъ захотѣлъ выслушать объ этомъ голосъ пастырей церковныхъ. И вотъ, со всего христіанскаго міра собрались въ городъ Никею пастыри и учителя, въ числѣ 318, для сужденія о дѣлахъ церковныхъ. Они подтвердили правое исповѣданіе вѣры и ученіе о Христѣ Спасителѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, какъ это было въ Церкви съ первыхъ дней ея существованія, какъ заповѣдано было отъ временъ святыхъ апостоловъ. Аріѳ былъ низложенъ, истина утверждена, миръ въ Церкви Христовой былъ восстановленъ: вѣрующіе знали, чему слѣдовать и гдѣ искать истины.

Съ того времени постоянно видимъ въ мірѣ двѣ силы, способствующія единенію въ царствѣ Божіемъ, т.-е. въ Церкви Христовой: дѣятельность христіанскихъ пастырей и постоянную содѣйствующую имъ помощь со стороны православныхъ государей. Императоръ Константинъ Великій принялъ престолъ въ то время, когда его имперія видимо доживала послѣднее время и близка была къ совершенному паденію. Но принявъ вѣру Христову и сдѣлавъ ее сначала дозволенною, а потомъ господствующею въ своей имперіи, онъ тѣмъ самымъ сообщилъ своему одряхлѣвшему и умирающему царству новую жизнь и продлилъ его существованіе на 1000 лѣтъ. Такъ говоритъ наука-исторія; никто никогда не могъ опровергнуть этого благодѣянія вѣры Христовой для Византійскаго царства. И гораздо долѣе стояла бы православная Византія и достояла бы до нашихъ дней, если бы въ ней сохранилась чистота вѣры, если бы цари ея, подобно святому Константину, всегда защищали Церковь отъ враговъ и лжеучителей. Но этого, къ сожалѣнію,

не случилось, и Византія, когда пришелъ Богомъ опредѣленный день ея, пала.

Однако, православное царство въ мірѣ осталось. Ко времени паданія Византіи Господь воздвигъ новый, молодой, сильный и даровитый народъ русскій. Онъ при новомъ Константинѣ—равноапостольномъ и святомъ князѣ Владимірѣ принялъ Христову вѣру, возросталъ въ ней, подъ ея вліяніемъ и воспитаніемъ образовалъ свое царство. Когда пала Византія, русское царство уже было настолько сильно, что могло принять на себя наслѣдство Византіи—охрану и распространеніе святого православія. Въ ней, слава Богу, никогда не было ни одного князя-еретика, ни одного царя-еретика, безбожника или гонителя вѣры. И оттого ширилась она, и крѣпла, и теперь является самымъ великимъ царствомъ въ мірѣ. Конечно, и въ Россіи были и есть раскольники, сектанты, непокорствующіе Церкви, безбожники и лжеучители. Но пока стоитъ въ ней православная Церковь, пока право правятъ слово истины ея пастыри и пока на-стражѣ Церкви, ея безопасности и силы стоитъ православный Самодержецъ, Богомъ помазанный и вѣнчанный нашъ Царь, дотолѣ не страшны намъ усилія ада. Иное дѣло, если бы случилось такъ, что сила и власть Царя будутъ умалены, если Царь сталъ бы ограниченнымъ, безсильнымъ и несвободнымъ. Тогда безпрепятственно придутъ враги въ достояніе Божіе, и тѣ же евреи, отъ которыхъ умеръ Христосъ, отъ которыхъ страдали апостолы, тѣ же евреи, которые и донинѣ явно и тайно стараются всѣми способами уничтожить ненавистное имъ христіанство, получатъ силу и возможность наносить Церкви Божіей ударъ за ударомъ. Конечно, злобѣ враговъ Божіихъ не пересилить Божьяго всемогущества; Церковь сохранится и пребудетъ, какъ сохранилась во дни Арія и при гоненіяхъ въ самой Византіи, но государство, отступившее отъ Церкви, погибнетъ, какъ погибла Византія, но народъ, отошедшій отъ чистоты православія, будетъ отданъ въ рабство другимъ народамъ, какъ это и случилось съ тѣмъ же Византійскимъ царствомъ. Такъ погибнетъ и наша Россія. До неба вознесенная за свое православіе и вѣрность Церкви, т. е. Христу, она до ада низринется.

Избави насъ, Господи, отъ этого ужаса!

Но вы спросите: какъ же можетъ такъ случиться съ цѣлымъ вѣрующимъ народомъ? Можетъ это случиться, братіе. Тому примѣры бывали. Знаемъ мы, какъ огромная толпа безоружная, неупорядоченная, безъ вождей и правителей, легко подчиняется одной сотнѣ вооруженныхъ и обученныхъ воиновъ. При ограниченномъ царѣ, покровителѣ Церкви, мы и будемъ такою толпою, а враги Христовы будутъ вооруженнымъ отрядомъ. Пастырей нашихъ ревностныхъ и учительныхъ они или обезславятъ, какъ это они и теперь дѣлаютъ, напримѣръ, съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, или изгонятъ, какъ это теперь дѣлаютъ евреи и еврействующіе въ христіанской странѣ Франціи. Вождей у насъ не будетъ, царь обезславленный, ограниченный и связанный чужою волею, насъ не въ состояніи будетъ защитить. И что тогда съ нами будетъ? Мы пойдемъ къ вѣрной гибели: начнутся ереси и расколы, безбожники будутъ гнать насъ, какъ гонятъ во Франціи, запечатывая церкви, изгоняя монаховъ и священниковъ изъ храмовъ и изъ школъ, запрещая народу исполнять правила своей вѣры.

Посему будемъ хранить чистоту вѣры, будемъ остерегаться всякихъ лжеучителей, которые хулятъ Церковь, Свящ. Писаніе, храмы, обряды, посты, поминовеніе усопшихъ, наше богослуженіе, наши молитвы; такихъ, вы знаете, и здѣсь, въ вашей сторонѣ, появилось много, но будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всячески ограждать преданностью и любовью Царскій престолъ нашего Самодержавнаго Царя, неограниченнаго никѣмъ, кромѣ Бога и Божескаго закона и христіанской совѣсти. Много теперь въ средѣ нашей появилось людей, которые непокорны властямъ и которые проповѣдуютъ объ ограниченіи власти Царя. Это—люди, сознательно или безсознательно, по увлеченію чужеземными образцами или по наущенію заклятыхъ враговъ нашего народа ведущіе насъ къ гибели. Не смущайтесь тѣмъ, что среди нихъ встрѣчаются часто люди ученые и образованные: вѣдь и врагъ Божій, діаволъ, также одаренъ умомъ, только умъ этотъ направленъ на зло.

Впрочемъ, умъ человѣка самаго образованнаго часто не

видитъ того, что ясно самому обыкновенному простецу. Это бываетъ тогда, когда онъ отходитъ отъ Христа, Истиннаго Свѣта. Тогда сбывается слово апостола: *называющіе себя мудрыми, обезумѣли...* Не много нужно имѣть ума, чтобы видѣть, что у насъ въ Россіи, единственно только у насъ—Самодержавный Царь. Если не станетъ этого послѣдняго христіанскаго Самодержца, если Онъ будетъ ограниченъ и не свободенъ, то наступитъ благоприятное время для подготовленія и явленія антихриста. Какъ это случится? На это отвѣчаетъ одинъ изъ мудрѣйшихъ нашихъ церковныхъ учителей и толкователей Священнаго Писанія: антихристъ воспользуется такъ-называемой демократіей, т.-е. народоправствомъ, именно такимъ образомъ правленія, въ которомъ все рѣшаетъ не христіанскій разумъ, не христіанская совѣсть, а такъ-называемое большинство, то большинство, которое легко составить искусственно, поддѣлать, подкупить, увлечь на время пышными словами и обѣщаніями. По слову и ученію св. апостола, тайна явленія антихриста, человѣка грѣха, сына погибели, противящагося и превозносящагося выше всего, называемаго Богомъ или святынею,—тайна этого беззаконія уже въ дѣйствіи. Но она не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взята отъ среды *удерживающей...* Отъ великихъ и богомудрыхъ отцовъ нашихъ и учителей слышали мы, что удерживающій—это и есть Самодержецъ христіанскій. Не будетъ Его въ мірѣ, и тогда путемъ большинства можно будетъ провести какія угодно постановленія, въ томъ числѣ и постановленія, касающіяся вѣры. Исторія учитъ насъ тому. Она говоритъ намъ, что, на примѣръ, въ Англіи такъ-называемый парламентъ, т.-е. учрежденіе, состоящее изъ народныхъ представителей, ограничивающее царя, дѣлалъ постановленія о томъ, какъ надо вѣровать, какъ спастись, сколько принимать таинствъ. Это похоже на то, какъ если бы крестьяне мірскимъ сходомъ, или полицейскій чиновникъ постановили бы, сколько лицъ въ Богѣ, какого достоинства Пресвятая Богородица, и одни бы постановили одно, а другіе—совершенно другое и противоположное. Конечно, если бы и у насъ случилось нѣчто подобное, мы бы, по нашей христіанской совѣсти, не послушались бы

никакихъ сходокъ, никакихъ приговоровъ, никакихъ народныхъ представителей, хотя бы они даже всѣ вмѣстѣ и единогласно измѣнили нашу святую вѣру, какъ не слушали въ подобныхъ же случаяхъ благочестивые вѣрующіе люди въ Византіи распоряженій о перемѣнѣ вѣры. Ибо еще апостоломъ сказано: если бы даже мы, апостолы, или если бы ангель съ неба сталъ возвѣщать вамъ не то, что мы проповѣдали, то да будетъ анаеема (Гал. I, 8). Но вѣдь отъ этого пошли бы смуты въ царствѣ, раздоры въ народѣ, и государство слабѣло бы и клонилось бы къ неизбѣжному упадку. То правда, что и цари въ Византіи бывали еретиками,—слава Богу, у насъ въ Россіи за тысячу лѣтъ ея существованія этого ни разу не случилось. Но когда предъ нами одинъ еретикъ, его можно и обличить, и убѣдить, вразумить, съ нимъ можемъ предстать на самый судъ Божій. Но что дѣлать съ такъ-называемымъ большинствомъ, когда лица, составляющія это большинство, и неизвѣстны, и сѣхались случайно, и разѣдутся скоро, а главное,—всѣ они изъ разныхъ народностей, изъ разныхъ вѣръ, а часто и безбожники. Къ тому же для нихъ выгодно, чтобы въ государствѣ и въ народѣ совсѣмъ бы не было единой и господствующей вѣры, чтобы каждый вѣровалъ по-своему, а могъ и совсѣмъ ни во что не вѣрить. Какихъ же указаній ждать отъ такого собранія объ истинѣ вѣры? И кто и когда далъ свыше полномочія подобнымъ собраніямъ законодательствовать въ области вѣры и Церкви? И станутъ ли они признавать для себя ученія и постановленія православной Церкви по вѣрѣ, что ея словами и дѣвствіями руководить обѣщанный Церкви и ниспосланный нѣкогда видимо Духъ Святый?

А самодержавіе Царей, Божьихъ Помазанниковъ, тѣсно связано всѣми интересами, всѣми даже выгодами своими съ торжествомъ и процвѣтаніемъ святой вѣры, ибо Самодержецъ—Царь христіанскій имѣетъ опору и основу для своего существованія и дѣятельности и для признанія его вѣроподданными только въ законѣ Божіемъ и въ христіанской совѣсти своей собственной и своего вѣрующаго народа.

Братіе! На этой далекой окраинѣ, пришедши сюда изъ

милыхъ родныхъ мѣсть, утвердитесь и утверждайтесь въ святой православной вѣрѣ, не слушайте соблазняющаго голоса различныхъ сектантовъ, здѣсь уже появившихся и сѣющихъ среди васъ сѣмена злоученія. Берегитесь этихъ враговъ Церкви, не говорите увѣренно, что вы не поддадитесь ихъ воздѣйствію, будьте осторожны и къ себѣ внимательны. Врагъ и силенъ, и хитеръ, и опасенъ; не успѣютъ васъ поколебать словомъ, такъ соблазнять на дѣлѣ; не захватятъ взрослыхъ, такъ увлекутъ молодыхъ. Особенно опасайтесь отдавать дочерей вашихъ въ сектантскія и раскольничьи семьи; не соблазняйте ихъ видимою зажиточностью. Тамъ дочерямъ вашимъ почти неизбѣжное отреченіе отъ православія, почти неизбѣжная духовная гибель. И на эту гибель нерѣдко толкаютъ дѣтей сами родители изъ желанія пристроить ихъ выгодно и богато. Не продажа ли это святой вѣры и святого православія? Не продажа ли это своихъ дѣтей въ духовное рабство? Вы знаете, что, къ сожалѣнію, уже были среди васъ примѣры такихъ отпаденій.

А затѣмъ, храните отцами вашими признанную, въ васъ воспитанную, для св. Церкви и для св. Руси спасительную преданность Царю Самодержавному и Его Царственному Семейству. Да будетъ нашъ Царь-Самодержецъ, какъ встарь, навсегда свободнымъ, мощнымъ, неограниченнымъ, дабы въ снѣгъ своей свободы и неограниченности Онъ могъ властно дать своему народу защиту его святынь, его вѣры, нашей св. Церкви, дабы и въ области житейской, ни отъ кого независимой, Онъ могъ свободно дать народу все ему необходимое. Вотъ и вы пришли на новыя земли, вотъ и ваши сосѣди кругомъ на много верстъ заняли такъ-называемыя земли Кабинета и живутъ въ довольствѣ; вотъ видите, ежегодно приливаютъ сюда все новыя и новыя волны переселенцевъ. Это Царь свободный и неограниченный самодержавнымъ словомъ повелѣлъ отдать крестьянамъ эти земли, повелѣлъ,—и сбылось по Его слову. Ни въ одной странѣ, ни въ одномъ государствѣ міра не могло быть ничего подобнаго, ибо нигдѣ нѣтъ царя самодержавнаго.

Будемъ же хранить это наше сокровище — самодержавіе

Царей, и не станемъ слушать тѣхъ многочисленныхъ бывшихъ преступниковъ, сюда сосланныхъ, которые нерѣдко по деревнямъ и селамъ расхаживаютъ съ хульными рѣчами о Царѣ, или разбрасываютъ печатные листки съ такими же обманными рѣчами. Отъ такихъ учителей, ссыльныхъ, каторжниковъ, убійцъ и воровъ,—подальше! Напротивъ, знай о томъ, что у Царя есть враги, что намъ можетъ грозить опасность, какъ бы не украли у насъ нашихъ сокровищъ — православіе и самодержавіе, еще крѣпче мы ихъ полюбимъ, еще большею любовью и преданностью ихъ оградимъ. Сквозь такой оплотъ не пройдетъ вражье слово и вражья сила.

Царя нашего многолюбимаго и Его Супругу-Царицу, Виновницу нынѣшняго торжества, со всѣмъ Его намъ дорогимъ Семействомъ, Господи, сохрани на многія лѣта! Аминь.

«Тебѣ, Господи!»*

О приклоняющихъ сердца свои предъ Господомъ и колѣна Господу помолимся.

Вотъ какая нынѣ особливая и единственная въ году возносится молитва. Въ уреченный часъ, по воугласу Церкви, преклонимъ и мы съ вами свои колѣна; значить, и о насъ, и о всѣхъ нашихъ братьяхъ, вѣрующихъ и православныхъ людяхъ, въ сей день пятидесятый, во время этой чудной дневной вечерни праздника склоняющихъ колѣна, возносится приведенная молитва, съ призываніемъ намъ полноты даровъ Св. Духа.

Какой смыслъ и какой урокъ этой молитвы?

Случалось ли вамъ бывать въ сельской церкви лѣтомъ за вечернею предпраздничною службой? Съ полемъ послѣ тяжелой

* Слово въ день Пятидесятницы, сказанное въ г. Омскѣ, по порученію Омскаго преосвященнаго Гавріила, при архіерейскомъ богослуженіи въ Троицкой на вокзалѣ церкви, обращенное къ рабочимъ въ виду упорной среди нихъ сектантской, социалистической и революціонной пропаганды.

трудоваго недѣли, едва омывши потъ и пылъ съ усталого тѣла, спѣшать богомольцы въ церковь. Поздно, въ ожиданіи ихъ, начинается служба. Гаснутъ лучи солнца; полумракъ въ храмѣ; прохладою потянуло въ воздухѣ. Немного народу; пришли только особо усердные, особо преданные молитвѣ и вѣрѣ. Проста служба: нѣтъ громогласнаго пѣнія, не пылаютъ по праздничному свѣтильники. Завтра станетъ красна церковь и народомъ Божиимъ, и множествомъ чтецовъ и пѣвцовъ—добровольцевъ деревенскихъ. Теперь же еще какъ-будто и не праздникъ, а предпразднество и проводъ будней... Священникъ и псаломщикъ свершаютъ службу. И въ тишинѣ храма, подъ звукъ молитвословій, вѣетъ духъ смиренной молитвы усталого отъ недѣльнаго труда народа, слышны подавленные вздохи, видны склоненныя главы. Гласитъ ектеніи священнослужитель; онѣ проходятъ уставною чредою; въ нихъ слышны знакомыя всѣмъ моленія „о благодарственномъ трудѣ молящихся, о градѣ царственномъ, о всѣхъ трудящихся, о тѣхъ, кому въ удѣлъ страданье задано“... Но, вотъ, раздается заключительное моленіе, столь намъ всѣмъ привычное, и потому часто проходящее мимо сердца и сознанія: „сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“... И слышно священнослужителю, какъ позади его въ темнѣющемъ храмѣ съ подавленнымъ глухимъ шумомъ и съ какимъ-то общимъ вздохомъ склоняются въ земномъ поклонѣ до праха земного тѣ, у кого чуткая душа въ этомъ церковно-молебномъ словѣ услышала особо трогательный призывъ. То чувство смиренной покорности волѣ Бога, ощущаемаго въ невидимомъ присутствіи, то преданность Его Единого власти и силѣ,—вотъ что повергло долу тѣла и души, и въ устахъ и въ сердцахъ трепетно и проникновенно отозвалось краткимъ, но сильнѣйшимъ моленіемъ: „Тебѣ, Господи!“

О, призри, Господи, на преклоняющихся предъ Тобою сердца свои и колѣна! О, дохни благодатью утѣшенія, ниспосли силы духа и тѣла богоносному и христолюбивому народу! Сколько чувства въ этомъ невольномъ поклонѣ, сколько отрады въ этомъ возглашеніи: „Тебѣ, Господи!“ И какъ уныло, и пусто въ душѣ и тоскливо должно быть у тѣхъ, оторвавшихся отъ

древнихъ обычаевъ и отъ самой Церкви,—разумѣемъ нашихъ сектантовъ, молоканъ, баптистовъ,—которые не знаютъ этой радости и отрады преклоненія предъ Господомъ! Они, какъ извѣстно, отвергаютъ даже самый обрядъ колѣнопреклоненія, Христомъ и апостолами освященный. А вѣдь сколько идущихъ отъ временъ Самого Христа и Его апостоловъ, первыхъ подвигоположниковъ благочестивыя наша вѣры,—сколько воспоминаній и поученій въ словѣ и примѣрѣ объ этой преданности волѣ Господней! Вотъ, предъ нами Тотъ, Кто въ міровой и заповѣданной вѣкамъ молитвѣ, смыслъ коей вѣчно раскрывается предъ человѣкомъ и человѣчествомъ все глубже и глубже, какъ сокращеніе всего евангелія, заповѣдалъ молиться словами: „Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли“. Вотъ, Онъ Самъ молится въ саду Геосиманіи, Онъ Самъ изнемогаетъ въ тугѣ и скорби сердечной, въ подвигѣ до кроваваго пота,—и падаетъ Онъ на землю, и преклоняетъ предъ Отцемъ Своимъ и сердце и колѣна, и молитъ Онъ: „Да мимо идетъ Мене чаша сія, обаче не Моя воля, а Твоя да будетъ“. Вотъ, умираетъ Онъ на крестѣ въ лютѣйшихъ мукахъ, и въ мигъ, когда холодъ смерти проникаетъ въ Его тѣло и уже послѣдній проблескъ свѣта зрять Его залитыя кровью очи, въ этотъ мигъ склоняетъ Онъ главу, и уста Его успѣваютъ сказать слово преданности Богу Отцу: „Совершишася! Отче, въ рущѣ Твои предаю духъ Мой!“

На праздникъ Пятидесятницы спѣштитъ въ Іерусалимъ святой апостолъ Павелъ. Паче всѣхъ онъ потрудился, насадилъ всюду церкви Божіи, поставилъ въ нихъ всюду епископовъ и священниковъ-пресвитеровъ (Тит. I, 5—7; 1 Тим. III, 1; Дѣян. XX, 28; XV, 4; XI, 30; XVII, 23). Все, заповѣданное ему Христомъ, онъ совершилъ. Теперь онъ идетъ, связанъ духомъ, яже хотящихъ ему приключитися не вѣдый. Точію Духъ Святый по всѣмъ городамъ свидѣтельствуеетъ, что узы и скорби его ждуть, и знаетъ онъ, что уже больше не увидятъ лица его *тѣ священники-пресвитеры*, съ кѣмъ трудился онъ въ слезахъ и многихъ скорбяхъ, посреди гоненій и злоумышленій іудеевъ, для утвержденія Церкви Христовой, съ кѣмъ молился, *преклонивъ колѣна*, прощаясь навѣки среди плача и рыданій

у берега морского, близъ Ефеса въ Милитѣ (Дѣян. XX гл.). И тутъ же рядомъ съ внутренними тяжкими предчувствіями слышитъ онъ скорбныя предсказанія со стороны, — отъ друзей и преданныхъ учениковъ. „Павелъ и мы, бывшіе съ нимъ, — пишетъ его спутникъ, — пришли въ Кесарію и, вшедши въ домъ Филиппа благовѣстника, *одного изъ семи диаконовъ, остались у него*“. Дѣлаемъ оговорку: слышите ли, что было при апостолахъ? Мы видимъ и диаконовъ, и пресвитеровъ, и епископовъ. Итакъ, не правы и не по-апостольски учатъ васъ, братіе, живущіе среди васъ сектанты, когда увѣряютъ, что для спасенія и устроенія церковнаго не нужно священство и что степени священства — епископъ, священникъ (пресвитеръ) и диаконъ — будто бы выдуманы людьми, а не Богомъ установлены. Но продолжаемъ рѣчь спутника Павлова. „Между тѣмъ, какъ мы пребывали у нихъ многіе дни, пришелъ изъ Іудей нѣкто пророкъ, именемъ Агавъ, и, вышедши къ намъ, взявъ поясъ Павловъ и, связавъ себѣ руки и ноги, сказалъ: такъ говоритъ Духъ Святой: мужа, чей этотъ поясъ, такъ свяжутъ въ Іерусалимѣ іудеи и предадутъ въ руки язычниковъ. Когда же мы услышали это, то и мы, и тамошніе просили, чтобъ онъ не ходилъ въ Іерусалимъ. Но Павелъ въ отвѣтъ сказалъ: Что вы дѣлаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узникомъ, но готовъ умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса. Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказавъ: *воля Господня да будетъ!*“ (Дѣян. XX—XXI гл.). Таковы дѣйствія духа смиренія и покорности волѣ Божіей.

Симъ духомъ напоенный и напоемый, возрасталъ въ православіи, отъ колыбели своей народно-государственной жизни, нашъ русскій народъ, и даже до днесь онъ крѣпокъ и живъ тѣмъ же духомъ и блещетъ смиреніемъ вѣры и преданности волѣ Господней среди всѣхъ народовъ міра. Этимъ вѣнцомъ смиренія отличается и само православіе отъ всѣхъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій и особенно отъ различныхъ видовъ сектантства, которое всецѣло вышло изъ гордыни и насквозь пропитано гордынею, самоувѣніемъ, самохвальствомъ предъ Богомъ и людьми, и которое только и говоритъ словами при-

точного фарисея: „нѣсмь якоже прочіи чловѣци...“ Понять и осмыслить эту красоту смиреннаго духа дано не всякому: сокровенный сердца чловѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа (1 Петр. III, 4) сокрытъ для тѣлесныхъ очей. Чтобы оцѣнить эту красоту смиренія, нужно имѣть самому мѣру восприимлемости въ созвучіяхъ собственной смиренной, вѣрующей и православіемъ напитанной души. Но видѣть плоды этого вѣнца духа христіанскаго въ исторіи русскаго народа дано всякому, кто не закрываетъ очей своихъ намѣренно отъ свѣта. Когда умиралъ святой и великій князь Александръ Невскій, отдавъ жизнь въ неимовѣрныхъ трудахъ и подвигахъ, всю безъ остатка, родинѣ; когда въ глухомъ монастырѣ на пути домой, послѣ унижительнаго шествія въ орду къ хану татарскому, возлегъ онъ на убогую лавку и воспринимать предсмертную схиму; когда, оставляя родину, которой служилъ всю жизнь, во власти татаръ, еще не устроенную и не приведенную въ порядокъ, онъ былъ, однако, спокоенъ, отдавая дѣло своей жизни волѣ Божіей; когда окружающимъ его, плачущимъ и рыдающимъ отъ отчаянія, онъ сказалъ: „отойдите, и не смущайте души моей вашей жалостью“: тогда онъ воплотилъ въ себѣ духъ русскаго народа. Святыя обители и ихъ великіе подвижники воспитали такъ нашъ русскій православный народъ. И въ крѣпости яди сея духовной прошелъ нашъ народъ свою неимовѣрно тяжелую исторію и, все превозмогши, сталъ, а не палъ, не поникъ главою, не потерялъ духовной бодрости, не опустилъ рукъ, не погибъ въ уныніи. Перетерпѣлъ онъ татарское иго; перенесъ крѣпостное право ради крѣпости своего государства; прошелъ тяжелую годину XVIII вѣка, когда чужеземные проходимцы творили студъ на его хребтѣ и издѣвались надъ нимъ подъ видомъ просвѣщенія; перетерпѣлъ онъ и доселѣ терпѣливо несетъ гораздо горшее горе и обиду, и страданіе; когда свои же русскіе, заразившись чужебствіемъ, издѣваются надъ его вѣрованіями, надъ его святынями, надъ его тысячелѣтнимъ государственнымъ строеніемъ, надъ его нравственнымъ возрѣніемъ на жизнь народную и государственную, надъ его свойствомъ все оцѣнивать при свѣтѣ и подъ руководствомъ христіанской совѣсти, а не по мертвому

праву; перенесъ онъ и переносить терпѣливо эту интеллигентскую гордыню и наглую хамову презрительность къ народной душѣ въ ея завѣтныхъ вѣрованіяхъ. Все перенесъ онъ и выросъ въ великій народъ. Такъ всѣмъ видны плоды смиреннаго терпѣнія и покорности высшей волѣ въ жизни и исторіи русскаго народа.

Нынѣ, однако, слышимъ укору этому смиренію: его называютъ рабствомъ и приниженностью духа, и самое православіе считаютъ источникомъ и виновникомъ такого народнаго духовнаго рабства. Нынѣ учатъ, что самосознаніе народа выражается въ бунтахъ, въ злобѣ, ненависти, въ готовности возстать противъ всякой власти, въ способности все взять себѣ силой и насиліемъ, вродѣ извѣстныхъ и здѣсь у васъ экспропріацій или принужденія на бунтъ побоями, наносимыми несогласнымъ желѣзными „струнками“, гайками и болтами... Нынѣ, наконецъ, проповѣдуютъ о перемѣнѣ самаго православія на выдуманную вѣру сектантовъ. Увы, не понимаютъ, что не все можно взять силою: можно отобрать, на примѣръ, насильно землю, но нельзя взять силою умѣнья трудиться, безъ котораго земля сама не прокормитъ человѣка; можно взять силою и богатство, но нельзя захватить насиліемъ умѣнья пользоваться богатствомъ, не отдавая себя ему въ рабство; нельзя отобрать насиліемъ ума, спокойствія, благожелательности, кротости, любви, цѣломудрія, семейственности, вѣрности, исполнительности и усердія, безъ чего невозможна счастливая жизнь общества. Увы, не понимаютъ, что смиреніе и преданность волѣ Божіей, съ одной стороны, и забитость и приниженность, рабій духъ и животная тупая покорность,—съ другой, далеко не одно и то же, и разнятся одно отъ другого, какъ огонь и вода, какъ день и ночь. Увы, забываютъ даже завѣты писателей и мыслителей, признаваемыхъ за великихъ самими хулителями народной, смиренной и Богу, покорной души; изъ нихъ одинъ опредѣляетъ жизнь словами: „я хочу жить, чтобы мыслить и страдать“; другой подтверждаетъ: „я жить хочу, хочу страданья“. Забываютъ, что если нѣтъ такого именно смиреннаго воззрѣнія на жизнь, то удѣлъ работниковъ народныхъ при первой неудачѣ—самоубійство или отказъ отъ дѣятельности, если же

есть и дѣйствуетъ такое воззрѣніе, то оно все превозможетъ и всѣ препятствія побѣдитъ, какъ это и видимъ мы въ исторіи русскаго народа.

И былъ бы недостойнъ имени великаго тотъ народъ, который не перенесъ бы такого тяжелаго испытанія, какъ, напр., недавнее несчастье неудачной войны: такъ не умѣли перенести его только оторванные отъ народной души интеллигентные кликуши, замѣнившіе здоровую работу истерическими, болезненными воплями.

Нестойнъ былъ бы имени великаго тотъ народъ, который при несчастіи терялъ бы голову, не видѣлъ бы ни въ прошломъ своемъ, ни въ будущемъ ничего свѣтлаго и достойнаго уваженія и, охваченный безуміемъ, сталъ бы топтать то достояніе, которое еще въ его обладаніи, сталъ бы добивать себя своимъ безуміемъ, сталъ бы, наконецъ, отречься отъ самой вѣры отцовъ своихъ: такъ именно и поступила та гниль народной жизни, которая въ послѣднее время, какъ нездоровая и раздражающая сыпь, высыпала на народномъ тѣлѣ и, возмнивъ себя на верху жизни, вздумала ею руководить, и произвела болѣзненные, къ счастью временныя, пережитыя нами нестройныя послѣднихъ лѣтъ.

Нестойнъ былъ бы имени великаго тотъ народъ, который въ годину несчастья отдалъ бы себя всецѣло во власть злобы, дикой мстительности и неудержимой ненависти, въ поискахъ причинъ и виновниковъ несчастья, вмѣсто вдумчивой созидательной и творческой работы, направленной къ тому, чтобы въ будущемъ избѣгнуть повторенія ошибокъ и паденій: такъ именно безумно поступили самозванные руководители якобы общественнаго мнѣнія въ растлѣнной и презрѣнной, предательской и неразумной нашей печати, которые кривились и вопили во множествѣ именуемыхъ прогрессивными газетъ въ послѣдніе пережитыя годы.

Но тихъ явился народъ нашъ. Поддалась гнилому вліянію только та ничтожная часть населенія, которая была уже оторвана отъ народа, отъ вѣковаго его міровоззрѣнія, и собственно примыкала къ воспитавшей ее безнародной и безцерковной интеллигенціи,—разумѣемъ городскую чернь и часть рабочихъ.

Тѣмъ менѣе заслуживаютъ вниманія и упоминанія безумства собственно сельскаго населенія, въ видѣ волненій, грабежей и погромовъ. Все это—только мелкая рябь въ океанѣ жизни цѣлаго народа, и если о ней говоримъ, то потому только, что она у всѣхъ на виду и въ памяти и бросается въ глаза. Но какъ въ глубинѣ океана, свершается и спокойно и ровно течетъ народная жизнь незримая: тамъ ея основа, тамъ ея русло въ вѣковѣчныхъ правилахъ вѣры—преданности Богу и смиренія сердца. Только мелкая лужа сразу выдувается до дна вѣтромъ и невзгодой, а въ океанѣ внутреннія нѣдра его при всѣхъ буряхъ на поверхности остаются спокойными. И тѣ, что въ налетѣвшемъ на Россію несчастіи увидѣли только поводъ для злобы и ненависти къ родинѣ, которые въ тяжкіе намъ непосланные дни и годы только бѣгали съ дикими воплями и растеряннымъ видомъ, которые въ народномъ смиреніи и покорности испытующей волѣ Господней видѣли и видятъ приниженность и рабство,—они показали только собственное мелкодушіе и малодушіе. Если это смиреніе народа есть рабство и приниженность, то и въ словахъ апостола Павла, во смиреніи грядущаго въ Иерусалимъ на узы и скорби и готоваго даже на смерть, нужно видѣть потемнѣніе сознанія и тоже приниженность духа. Если это смиреніе народа есть рабство и приниженность, то и христіане, которые, не успѣвъ устыдить Павла избѣгнуть страданій, успокоились, предавъ его и себя волѣ Божіей, тоже были рабы, негодные для бодрой и здоровой жизни. Исторія, однако, показала, что смиреніе первыхъ христіанъ и покорность волѣ Господней со стороны мучениковъ склонили предъ Церковью Христовой царей и царства.

Пусть пронеслась и теперь надъ православнымъ народомъ буря несчастій; пусть тяжело наше положеніе и теперь при господствѣ нечестія, революціонныхъ убійствъ, безумія многихъ сыновъ родины; пусть тягостны опустошенія въ семьѣ, въ обществѣ, въ народномъ благосостояніи и въ государственномъ порядкѣ, нанесенныя революціей; пусть не кончились наши испытанія и, можетъ-быть, смерть занесена надъ тѣми, кто выступаетъ обличителемъ порока и проповѣдникомъ правды и христіанской совѣсти: воля Божія да будетъ! Пока православ-

ный нашъ народъ преклоняетъ предъ Господомъ сердца свои и колѣна, онъ перенесетъ и переможетъ тяжкое испытаніе, останется вѣрнымъ своему родному православію и жизненному укладу и воспрянетъ къ лучшему и свѣтлому будущему съ великимъ словомъ на устахъ и въ сердцахъ: „сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ предадимъ Тебѣ, Господи!“

О приклоняющихъ сердца свои предъ Господомъ и колѣна Господу помолимся! Аминь.

Памяти убіеннаго архіепископа Никона, экзарха Грузіи.

I.*

Не чужой для Москвы убіенный святитель Божій, какъ начальникъ одной изъ обителей древней нашей столицы. Но бесконечно онъ теперь дорогъ сердцу Россіи, создавшему и хранившему издревле бережно русскія церковныя и государственныя начала, какъ пролившій теперь за эти начала кровь свою и отдавшій имъ жизнь.

Да, воистину, мечъ Божій не перестаетъ посѣкать насъ, и горе за горемъ, ударъ за ударомъ поражаютъ сердце наше! При видѣ этого гроба горе наше такъ тяжело, такъ больно даетъ себя чувствовать, что связываетъ самое слово. Убивали доселѣ рядовыхъ священниковъ, калѣчили и ранили простыхъ проповѣдниковъ, служителей Церкви. Но вотъ предъ нами неслыханное злодѣяніе — убійство архипастыря; рука злодѣевъ поднялась на убійство высокаго представителя Церкви, стоявшаго во главѣ обширной паствы, правившаго цѣлою областью въ нѣсколько епархій. Когда въ Крыму, въ Алупкѣ, кинжалами рѣзали трое злодѣевъ священника Троепольскаго; когда ни крики жены, ни слезы пятерыхъ дѣтей не могли остановить

* У гроба архіепископа Никона въ Москвѣ, на Курскомъ вокзалѣ, 6-го іюня 1906 года.

злодѣевъ; когда одинъ изъ нихъ обратился къ истекающему кровью несчастному мученику съ словами: „прости, батюшка“ и, получивъ отвѣтъ: „Богъ проститъ“, нанесъ послѣдній, самый жестокий, смертельный ударъ своей жертвѣ и, какъ оказалось, спрашивалъ лишь для того, чтобы удостовѣриться, жива ли еще жертва,—тогда думалось и казалось, что нѣтъ большей низости и наглости, нѣтъ отвратительнѣе дерзости и лицемѣрія.

Нынѣ мы видимъ: и эта мѣра превзойдена. За всю исторію русскую мы знаемъ только два случая звѣрскаго убійства архипастырей, одинъ изъ нихъ въ Москвѣ: но то было проявленіемъ дикаго безумія толпы. Здѣсь мы видимъ: преступленіе, задолго обдуманное, приведено въ исполненіе съ сатанинскою жестокостью, съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ, съ дьявольскимъ лицемѣріемъ. Здѣсь мы видимъ опредѣленныхъ лицъ, которыя свершили кровавое дѣло, умноживъ его еще другими убійствами, и скрылись. Ихъ совѣсть, повидимому, спокойна, и кровь пролитая, неповинная, не палитъ огнемъ ихъ сердца.

Нашъ законодательный кодексъ даже не предвидитъ убійства архіерея и не указываетъ для него наказаній: такъ не вмѣщалось ни въ умъ, ни въ сердце законодателя столь гнусное преступленіе.

И вотъ, наше время дало доказательство, что и такое преступленіе возможно.

Какое же ужасное время! какіе ужасные нравы!

Хотятъ запугать архипастырей и пастырей, хотятъ ихъ заставить повернуть съ пути долга. Какъ бы возвращаются давно отшедшія времена гоненій, направленныхъ, главнымъ образомъ, на предстоятелей Церкви.

Но исторія гласитъ, что мѣра гоненій всегда была слабѣе духа исповѣдничества въ служителяхъ Христовой Церкви. Сонмъ мучениковъ упредилъ насъ на этомъ пути и свѣтитъ намъ своимъ примѣромъ. И исторія же гласитъ, что ни мечъ, ни огонь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина—никто и ничто не отвратитъ пастырство Церкви отъ исполненія имъ своего призванія. Пусть найдутся слабые, пусть будутъ падшіе: все пастырство пребудетъ вѣрнымъ Христу и Церкви. А примѣры мученичества, такіе, какъ у насъ сейчасъ

предъ глазами, не устрашать, не запугаютъ, напротивъ, ободрятъ истинныхъ служителей Церкви и родины идти до конца путемъ служенія долгу.

Господь вѣдаетъ, что творить. Господь ведетъ Свою Церковь. Въ уреченный часъ Онъ попустилъ пролиться крови не повинной. Она, эта кровь, на убійцахъ и на ихъ скрытыхъ вдохновителяхъ и попустителяхъ. Но, вѣримъ, силень Богъ и алое обратить, по послѣдствіямъ, въ доброе. Да будетъ Его святая воля!

Отъ Царскаго престола и до послѣдней хижины поселенина на православной Руси пронесся стонъ негодованія предъ неслышаннымъ злодѣяніемъ. Онъ слышенъ былъ на всемъ печальномъ пути слѣдованія этого гроба отъ города крови—Тифлиса до сердца Россіи. Уже въ этомъ самомъ—земной судъ злодѣямъ и злодѣйству. Будетъ Божій судъ, небесный. На немъ возстанешь и ты, обагренный кровью, убиенный Божій архіерей, и вѣрность твою, и трудъ, и любовь, и смерть, и кровь—и архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II.*

Тяжело было намъ встрѣчать здѣсь, въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, гробъ мученика-архипастыря,—архипастыря, котораго такъ недавно видѣли здѣсь полнаго духовной жизни и тѣлесныхъ силъ, котораго провожали на дальнюю замутившуюся окраину со страхомъ и вмѣстѣ съ надеждами на то, что онъ, быть-можетъ, сохраненъ будетъ для русской Церкви. Увы, ни его испытанная мудрость въ управленіи, ни природный умъ, ни обаятельныя качества сердца, ни благородство души, ни мягкость въ обращеніи, ни справедливость во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ,—ничто не спасло его отъ звѣрей-людей, жаждущихъ убійствъ и крови, пылающихъ ненавистью ко всему русскому. За что эта ненависть? За то развѣ, что Россія оказала

* На панихидѣ по убиенномъ архіепископѣ Николѣ, въ общемъ собраніи Московскихъ патріотическихъ союзовъ, 8 іюня 1908 года.

одни благодѣянія народу, пославшему убійцъ къ этому архипастырю-мученику? За то, что Россія, въ защиту и ради избавленія этого народа отъ дикихъ ордъ мусульманскихъ, залила Кавказъ кровью своихъ сыновъ и засыпала его своимъ золотомъ, вычерпывая его изъ средствъ своей небогатой страны, урѣзывая потребности своего родного народа ради великой христіанской идеи человѣколюбія? Не будемъ здѣсь говорить подробно о причинахъ, непосредственно на мѣстѣ приведшихъ къ убійству экзарха. Мы говоримъ здѣсь это слово, мы молимся о новой жертвѣ смуты среди представителей общественныхъ русскихъ патріотическихъ организацій; на одну изъ сторонъ общественной жизни, способствовавшихъ кровавому и неслыханному преступленію въ Тифлисѣ, мы и обратимъ наше вниманіе.

Безмѣрно тяжело было встрѣчать этотъ гробъ мученика-архипастыря здѣсь, въ Москвѣ, потому еще, что здѣсь, именно въ Москвѣ, въ одной изъ ничтожныхъ газетъ противъ убиеннаго экзарха съ первыхъ дней его вступленія на паству въ Грузію велась систематическая и озлобленная травля. Обвиняли покойнаго и въ недостатокъ ума, потому что онъ-де изъ сельскихъ священниковъ, и въ несправедливыхъ отношеніяхъ къ паствѣ, и въ томъ, что онъ, якобы, „душилъ“ грузинскій клиръ, что онъ будто бы оскорблялъ грузинскій народъ, что онъ корыстолюбивъ и жестокосердъ, что онъ чуть ли не ради собственнаго удовольствія въ каретѣ переѣхалъ какую-то дѣвочку (чего на самомъ дѣлѣ не было)... Скажутъ: ничтожны газета и ея сотрудники, въ Москвѣ о нихъ никто и не знаетъ. Но нужно быть на Кавказѣ; нужно знать тамошніе нравы; нужно имѣть представленіе о множествѣ больныхъ кровавымъ безуміемъ людей среди народностей Кавказа,—плоды многотысячелѣтней кровавой исторіи этой страны; нужно знать, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ то обстоятельство, что русская газета, Русскіе публицисты льютъ грязь на русскаго экзарха; нужно знать, какъ чрезъ это всё дѣйствія экзарха и его сотрудниковъ приписываются ихъ капризу и жестокости, а не требованіямъ долга русскаго человѣка,—нужно все это знать, чтобы понять, какое значеніе наускиванія и подстрекательства къ

преступленію имѣла газетная травля противъ покойнаго экзарха. Эта травля бьетъ по больнымъ нервамъ неуравновѣшенныхъ сыновъ народа, взволнованнаго революціонной агитаціей, и склонныхъ къ убійствамъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ; эта травля заранѣе возводитъ убійцъ въ разрядъ народныхъ героев...

Да, тяжело намъ встрѣчать этотъ гробъ! А какъ тяжело тѣмъ, кто былъ и служилъ на Кавказѣ, кто живо можетъ перенестись въ обстановку гнуснаго злодѣянія, кто ясно себѣ представляетъ все то, до чего только съ величайшимъ трудомъ можетъ дойти судебная власть, и, вѣроятно же всего, во всей глубинѣ никогда не дойдетъ! Вѣдь нашу, сегодняшнюю заупокойную молитву, предстоя собору священства, совершилъ и сейчасъ среди насъ присутствуетъ владыка-митрополитъ, отъ котораго на Кавказѣ отведена была Господомъ рука такихъ же убійцъ, которые теперь свели въ могилу одного изъ его преемниковъ по каедрѣ. Здѣсь, среди насъ,—достоинѣйшій служитель алтара, протоіерей Тифлисскій о. Сергій Городцовъ, жестоко раненный двумя пулями, чудомъ Божиимъ, молитвами горячо любящихъ его русскихъ людей сохраненный для жизни и славной дѣятельности: онъ можетъ подтвердить, какъ одинъ за другимъ падаютъ въ Тифлисъ подъ ударами убійцъ десятки и сотни русскихъ патріотовъ, членовъ Тифлискаго патріотическаго Общества. Предъ вами, наконецъ, и это самое слово говорить человѣкъ, надъ головою котораго на Кавказѣ также не разъ вѣяли призраки смерти и жизнь котораго была обречена той же дикой расправѣ, плоды которой мы видимъ въ лицѣ убиеннаго архипастыря. Я глубочайше убѣжденъ, что та же клика преступная, обрекающая нѣкогда меня смерти, привела теперь въ исполненіе кровавый заговоръ и противъ экзарха. И потому вы простите за этотъ порывъ, за это негодование не только къ презрѣннымъ убійцамъ, но, главнымъ образомъ, и къ тѣмъ русскимъ подстрекателямъ на убійства церковныхъ работниковъ на Кавказѣ, къ тѣмъ подстрекателямъ, которые вотъ уже почти два десятка лѣтъ занимаются своимъ низкимъ дѣломъ, которые намъ, кавказскимъ дѣятелямъ, особенно вѣдомы и чувствительны были, которые теперь мо-

гутъ при видѣ совершеннаго злодѣяства видѣть плоды своихъ усилій.

Да, безмѣрно намъ тяжело говорить. И все-таки ты, безвинно погибшій, ты, кровью залитый, ты, мученикъ русской, ты можешь предъ Лицемъ Господа, и Церкви, и Россіи сказать словами апостола: „не всуе текохъ, не вотще трудихся“. Не будетъ забыто твое имя, не будетъ забыто твое дѣло. Ты кровью оросилъ служеніе чести русской Церкви, ты не уступилъ ничего изъ своего долга, и ты этимъ, какъ древніе мученики, укрѣпилъ, оживилъ и у плодоносилъ русское церковное дѣло на Кавказской окраинѣ. Говорить теперь объ уступкахъ, дѣйствовать твоимъ преемникамъ не по твоимъ стопамъ—трусливо; ради охраны мнимаго спокойствія и собственнаго благополучія уступить желаніямъ тѣхъ, которые хотятъ кровію залить дѣло Церкви и ея интересовъ достигать убійствами,—это значило бы ругаться надъ твоею кровью и надъ твоею памятью.

Газеты передають, что покойный экзархъ, сраженный пулями, успѣлъ только спросить: „кто еще убить?“ и затѣмъ, узнавъ, что никто не убить, перекрестившись, умеръ.

Что это? Пророческій вопросъ? Кто еще будетъ убить? Чья очередь? Кому враги Россіи готовятъ мученическую кончину?

Но кто бы ни стоялъ на очереди, какой бы ни былъ длинный рядъ намѣченныхъ жертвъ, достойный русскихъ призывъ послѣ каждой жертвы одинъ: „сомкни ряды“!

Таковъ завѣтъ и убиеннаго архіерея-мученика. Вѣчная ему память!

Русь Святая.*

Прежде, чѣмъ отвѣтить на ваши горячія привѣтствія, дорогіе братья и друзья, мы рѣшили помолиться Богу: такъ подобаеъ творить русскимъ и православнымъ людямъ. Прежде, чѣмъ сказать вамъ слово, какъ соработникамъ и единомышленникамъ въ нашемъ великомъ дѣлѣ поддержанія святой вѣры, святой вѣрности Царю и родинѣ и борьбы съ нечестивымъ врагомъ, мы рѣшили во время самой молитвы нашей побесѣдовать съ вами пастырскою бесѣдою: такъ подобаеъ творить истиннымъ православнымъ сынамъ Церкви и защитникамъ церковности.

И какой высокій предметъ для слова и размышленія, для назиданія и взаимнаго соутѣшенія даеъ намъ воспоминаніе нынѣшняго воскреснаго дня! „Недѣля всѣхъ святыхъ“! Вотъ кто,—святые являются живыми и вѣчными проповѣдниками того оживленія міра и человѣчества, которое явилось плодомъ искупленія Христова и ниспосланія искупленнымъ даровъ Духа-Утѣшителя.

Святые указаны намъ непосредственно послѣ воспоминанія о завершеніи искупительнаго и спасительнаго подвига Господа Исуса, какъ образцы для подражанія въ христіанской жизни. „Святы будьте, якоже Святъ Азъ Господь Богъ вашъ“,—такова заповѣдь Господа; „воля Божія о васъ—святость ваша“,—такова заповѣдь апостола вѣрующимъ (1 Петр. I, 16; Лев. XI, 44; 1 Сол. IV, 3).

Трудно здѣсь и было бы долго входить намъ въ подробное и обстоятельное сужденіе о томъ, что есть святость въ широкомъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова. Скажемъ одно: святость обозначаетъ полную отдѣленность отъ міра зла, выдѣленіе предмета или лица исключительно для служенія Богу

* Рѣчь въ недѣлю всѣхъ святыхъ, 8-го іюня 1908 г., на молебствіи въ собраніи патріотическихъ союзовъ г. Москвы, по случаю встрѣчи и привѣтствій автору, по возвращеніи его изъ Сибири.

(1 Петр. II, 9; Исх. XIX, 6; Ис. LXI, 6; Дѣян. XXVI, 18). Въ этомъ смыслѣ святъ Господь Богъ нашъ, какъ Существо надмирное и премірное; въ этомъ смыслѣ свята Церковь, все общество вѣрующихъ свято (Числ. XVI, 3), святъ храмъ, святы принадлежности богослуженія, святы бывають наши достойныя и Богу посвященныя мысли и молитвы; въ этомъ смыслѣ святъ и долженъ быть святъ всякій истинно вѣрующій христіанинъ, какъ это и видимъ въ писаніяхъ апостольскихъ, гдѣ вѣрующіе постоянно именуется именемъ „святыхъ“ (2 Кор. XIII, 12; 1 Петр. V, 14; Римл. XV, 26; XVI, 16; 1 Кор. XVI, 20; 1 Тим. V, 10; Тит. II, 3; Дѣян. XXVI, 10 и др.). Отсюда и внутренняя чистота, высокая нравственная настроенность, отсюда добрыя и „святая“ дѣла у вѣрующаго истиннаго христіанина: Богу отданный, отъ зла мірскаго выдѣленный, изъ міра обладанія дѣвольскаго изъятый не можетъ имѣть настроенія, сроднаго міру зла, не можетъ творить дѣлъ, обрачающихъ его въ рабство діаволу и въ его пособника.

Глубоко впитала въ себя это воззрѣніе русская народная душа, воспитанная православною Христовой Церковью. И сказалось такое воззрѣніе въ мѣткомъ и знаменательномъ словѣ. Въ то время, какъ нѣмецъ говоритъ о себѣ: „честный нѣмецъ“; въ то время, какъ испанецъ называетъ себя гордымъ и храбрымъ, въ то время, какъ Англія — „предпримчива“, Франція — „веселая“, Бельгія — „трудолюбивая“, по сознанию и признанію сыновъ каждой изъ этихъ странъ, — Россія, по сознанию и признанію ея сыновъ, есть „святая Русь“.

Да, Русь выдѣлена изъ міра, избрана для особой великой цѣли храненія и распространенія неповрежденной истины вѣры; она посвящена Богу и Его міроправящему Промыслу. И въ своихъ историческихъ судьбахъ, — преемствуя древней православной Византіи и ея міровому призванію и значенію; и въ своемъ племенномъ составѣ, — претворяя въ себѣ и насыщая духомъ христіанства многочисленныя народности; и въ своемъ географическомъ положеніи — на грани двухъ міровъ, двухъ частей свѣта, двухъ цивилизацій, — Русь святая одна можетъ быть орудіемъ этого Промысла для міровыхъ событій и міровыхъ велѣній. Сознаетъ ли народъ такое свое назначеніе?

Онъ проявляетъ его не въ ясно выраженныхъ положеніяхъ, не въ строго опредѣленныхъ словесныхъ формулахъ; онъ носитъ его въ глубинѣ духа, проявляетъ во всемъ жизненномъ укладѣ, выражаетъ иногда въ трогательныхъ и глубокихъ символахъ. Когда вы въѣзжаете въ русское селеніе и видите высокій каменный храмъ, величественный соборъ, благолѣпный и богато изукрашенный внутри, когда вы слышите доброголасные колокола, видите парчу и золото,—и это все посреди убогихъ хижинъ, посреди бѣдной жизни, то здѣсь явный знакъ и явное свидѣтельство того, какъ народъ смотритъ на значеніе религіознаго начала въ своей жизни. Не пойметъ и не оцѣнитъ этого гордый и чуждый взглядъ иноплеменный, но доброе разумѣетъ все это русское сердце. Когда приходится наблюдать жизнь русскихъ новоселовъ въ Сибири, то еще яснѣе становится предъ сознаніемъ основная черта русской народной души. Откуда пришли новоселы? И съ юга, и съ запада Россіи, и изъ ея центра, и съ восточной окраины Приволжья, собрались люди съ различными говорами, съ различными обычаями, даже съ различными племенными особенностями,—а духъ у нихъ одинъ. Наскоро выкопанныя землянки; разбитыя на время палатки; покрытыя сверху войлокомъ или дырчатымъ „рядномъ“ приподнятыя оглобли простой телѣги, наскоро сбитый шалапъ, вотъ жильѣ пришельцевъ съ ихъ женами и дѣтьми. Но первая забота, первая мысль ихъ послѣ того, какъ намѣчено мѣсто и планъ для будущаго селенія, это—отводъ площади для храма; первое порученіе „отъ міра“ избранному односельцу — собирать пожертвованія на храмъ; первый разговоръ и первая серьезная совмѣстная бесѣда—о томъ, какъ устроить приходъ, кому посвятить престолъ будущаго храма, куда обратиться, чтобы хоть временно найти приходскаго пастыря, къ какому селенію ближайшему приписаться, чтобы войти въ составъ прихода. О, благослови, Господи, эти вѣрующія и жаждущія Тебя Единого души, являющія Русь святою въ красѣ исконной святости и спасенія! Пусть другіе народы въ своей исторической жизни и дѣятельности осуществляли и достигали успѣховъ, каждый въ сродной имъ области, обусловленной склонностями и способно-

стями того или другого народа: одни развивали науку, другіе создали право, иные преуспѣли въ торговлѣ, иные поставили высоко промышленность и внѣшнія удобства жизни. Но если бы англичанина заставили передѣлаться въ француза, а шведа—въ итальянца, то развѣ не повторилось бы того же явленія, какъ если бы мы заставили лошадь жить на днѣ моря или въ рѣчныхъ струяхъ, а рыбу пастись на лугу?

Пусть же и русскій народъ останется вѣрнымъ своимъ прирожденнымъ и тысячелѣтней жизнью въ Церкви воспитаннымъ свойствамъ, пусть онъ пребудетъ у ногъ Христовыхъ, пусть не отпадетъ отъ взлелѣяннаго вѣками и безконечно дорогаго ему образца жизни и того конечнаго ея стремленія, которое онъ выразилъ въ именованіи своемъ: Русь святая. Другіе народы дали изобрѣтателей, другіе народы создали ту картину внѣшней жизни, которая теперь такъ привлекаетъ и соблазняетъ многихъ: хорошіе дома, племенной скотъ, раздѣланная пашни, довольство и сытость. Пусть русскій народъ и все это обрѣтетъ, но пусть останется при своей уже приобрѣтенной славѣ: онъ далъ и воспиталъ святыхъ, вѣдомыхъ и прославленныхъ во множествѣ, и еще въ большемъ множествѣ незримыхъ и міру невѣдомыхъ, но оставившихъ и давшихъ жизни русской и стремленіямъ русскихъ людей особый самобытный и пропитанный религіозно-нравственными запросами и интересами отпечатокъ, строй и бытъ. И не добро, не полезно и невозможно русскимъ передѣлываться въ чужеземцевъ, да и нѣтъ къ тому основаній и побужденій; ибо бытъ русскимъ—почетно, бытъ русскимъ—славно, бытъ русскимъ, значить—приобщиться къ жизни истинно-человѣческой и достойной.

Въ вихрѣ и суетѣ современныхъ политическихъ страстей, въ борьбѣ партій, въ зноѣ и соблазнахъ политическихъ похотей, когда мѣняются знамена („платформы“), когда одни подчеркиваютъ желаніе свое дать намъ право, другіе—науку, иные—экономическіе успѣхи, одни стоятъ за тотъ или другой образъ правленія, другіе подчеркиваютъ стремленія чисто и только національныя, интересы національной силы и международнаго достойнаго положенія,—одно забывается чаще всего:

стремленіе народа къ святости и спасенію. Такъ происходитъ смѣшеніе и перемѣшеніе цѣли и средствъ.

Блаженны вы, члены патріотическихъ союзовъ, если узнаете и въ главу вашего исповѣданія и вашихъ стремленій ставите заботу о томъ, чтобы Россія, наша великая, милая, бесконечно дорогая намъ Россія, осталась и пребывала вовѣки Русью святой! Только въ ея святости—посвященности Богу, только въ ея православіи и сліяніи съ Церковью Христовой могутъ быть осмыслены, и возвышены, и укрѣплены вѣчнымъ освященіемъ и силою и образъ ея государственнаго строенія—самодержавіе, и ея національные, какъ особенной русской народности, задачи, интересы и стремленія.

Воля Божія о насъ—святость наша. Вотъ наше знамя. Но не слишкомъ ли многого хотите? Не сверхъ ли силъ берете бремя? Не дѣйствуете ли внѣ области жизни собственно государственной?—такъ возражаютъ намъ.

Но таковыми и съ таковыми стремленіями Богъ создалъ человѣка, вложивъ въ него Свой Образъ и тяготѣніе къ Первообразу. Но такова прямая заповѣдь Творца. Но таковы уроки апостоловъ. Хотите видѣть возможность жизненнаго ихъ исполненія и примѣненія? Она представлена великимъ сонмомъ святыхъ, въ мірѣ жившихъ, плоть нашу носившихъ, питавшихся въ оградѣ Церкви благодатію Духа Святаго и процвѣтшихъ святостью и чистотою. „Процвѣла есть пустыня, яко кринь, Господи,—языческая неплодящая Церковь пришествию Твоимъ“.

Посему, имѣя такое великое облегчающее насъ облако свидѣтелей—святыхъ, нынѣ чтимыхъ, гордость и грѣхъ отложивши, съ терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирая на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса! (Евр. XII, 1—2): Аминь.

Привѣтъ любви.*

Благословенъ Богъ нашъ, даровавшій намъ пережить эти знаменательныя минуты и благословить Русское Собрание молитвою о „еже внити въ домъ новъ“!

Нѣкогда царь Давидъ жестоко сокрушался въ сердцѣ своемъ, не давалъ очамъ своимъ сна и вѣждамъ своимъ дреманія,—его терзала неотступная мысль: „я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ завѣта покоится подъ шатромъ“. Давно и намъ, русскимъ православнымъ людямъ, объединившимся въ патріотическіе союзы и содружества, не давало покоя неотступное желаніе найти для нашихъ собраній, для нашей работы свои собственныя пристанища, а не скитаться по чужимъ угламъ. И стыдно намъ становилось, что въ то время, какъ многіе изъ насъ сами были обеспечены удобствами для своей личной жизни и повседневной работы, дорогія намъ учрежденія, эти ковчегъ завѣтныхъ нашихъ думъ и упованій, въ которыя мы влагали всю горячность любви и привязанности, всю отраду надеждъ, покоились какъ бы подъ шатромъ. Давно мы ждали этихъ радостныхъ минутъ, какія теперь переживаемъ, когда мы можемъ сказать трогательнымъ русскимъ присловьемъ: „заживемъ своимъ домкомъ“, когда мы можемъ повторить и чужеземное, но мѣткое присловье: „мой домъ—моя крѣпость“! И вотъ, старѣйшій въ Россіи патріотическій союзъ—Русское Собрание въ столицѣ, въ центрѣ жизни государственной, даритъ намъ теперь такія минуты радости.

Что же общааетъ и что несетъ намъ сегодняшняя радость?

Мы не станемъ говорить объ удобствахъ, которыми теперь будутъ обставлены наши собранія, совѣщанія, наши учрежденія—библіотека, гимназія, издательство, журналы и проч. Это само собою и прежде всего бросается въ глаза, всѣмъ очевидно и понятно. Есть иное значеніе, — значеніе мораль-

* Рѣчь на молебствіи по случаю входа Русскаго Собрания въ собственный новоприобрѣтенный домъ („Русскій домъ“) въ Петроградѣ, 25 іюня 1908 года.

ное и болѣе глубокое въ нынѣшнемъ нашемъ скромномъ торжествѣ.

Когда въ той или другой мѣстности появляется новый человѣкъ, онъ долго считается пришельцемъ и новичкомъ, онъ долго какъ-то не принимается во вниманіе при обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ мѣстной жизни,—пока не осядетъ жить на мѣстѣ прочно, пока не перейдетъ на жительство всею своею семьею, пока, наконецъ, не приобрететъ своего собственного жилища. Разъ онъ это сдѣлалъ, всѣ жители мѣстности говорятъ: „теперь онъ—нашъ“.

Увы, пришельцемъ въ русской жизни, въ русской столицѣ было въ свое время и „Русское Собраніе“. Оно встрѣчено было враждою съ одной стороны, недоумѣніями и даже подозрѣніями—съ другой: неужели, спрашивали, нужно „обрусить“ самую столицу Руси? Неужели „Русское Собраніе“ нужно среди русскихъ людей? Не праздная ли это мечта, не личный ли здѣсь капризъ учредителей новаго общества? „Русское Собраніе“ въ Петроградѣ прежде всего, а затѣмъ и русская монархическая партія въ Москвѣ какимъ-то особымъ прозрѣніемъ,—свойство и даръ горячей любви къ родинѣ,—еще до 17 октября 1905 года предчувствовали грядущее инородческое засилье и надругательство надъ всѣмъ, что дорого русскому сердцу. Вожди и основатели этихъ первыхъ по времени патріотическихъ союзовъ, покойные, незабвенной памяти Василій Львовичъ Величко и Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ оказались правы въ своихъ предчувствіяхъ и въ своей лихорадочной работѣ надъ созданіемъ содружествъ, долженствовавшихъ объединять русскихъ людей въ ихъ борьбѣ за исконныя русскія начала. Что же? Привилась ли ихъ работа къ жизни? Оправдалась ли она живою дѣйствительностью?

Нынѣшнее торжество даетъ на это живой и положительный отвѣтъ. Жизнь говоритъ „Русскому Собранію“: „ты имѣешь полное право на существованіе“. Русскіе люди говорятъ ему: „ты—наше, ты съ нами, ты—наше дорогое достояніе“! Пусть же и другимъ всѣмъ на Руси патріотическимъ союзамъ, позже Русскаго Собранія возникшимъ, явившимся на поле жестокой нами пережитой брани въ самый разгаръ уже насту-

дившей опасности, пусть воѣмъ благороднымъ русскимъ лю-
дямъ, объединившимся въ патріотическіе союзы и содружества,
поскорѣе суждено будетъ пережить такія же радостныя ми-
нуты созданія и приобрѣтенія собственнаго и независимаго
жилища. Начало доброе здѣсь положено, явленъ добрый и
бодрящій примѣръ.

Позвольте отгнѣнить и еще одну сторону въ нашемъ тор-
жествѣ. Одинъ изъ выдающихся русскихъ проповѣдниковъ-
мыслителей архіепископъ Димитрій (Муретовъ) оставилъ намъ
въ наслѣдіе мѣткое слово. „Печально,—говаривалъ онъ,—пе-
чально, что зло всегда организовано, а добро—кустарно“. При-
смотрите: какъ легко люди объединяются и какъ прочно
они объединяются на злѣ, или на легкомысліи, или просто
на пустыхъ, иногда и нечистыхъ удовольствіяхъ! Вино, раз-
гуль, карты, развратъ, веселье, злоба, зависть, недоброжела-
тельство, самолюбіе, честолюбіе, корысть,—все это такъ часто
влечетъ людей другъ къ другу, соединяетъ ихъ въ дружное
сообщество, вызываетъ не малый приливъ всякихъ денеж-
ныхъ тратъ и взносовъ. Сколько, напримѣръ, величествен-
ныхъ и дорогихъ домовъ создано на этой основѣ! А рядомъ
съ этими трактирами, театрами, съ мѣстами увеселеній и по-
рока—какъ мало видится домовъ, созданныхъ порывомъ бла-
городныхъ стремленій отдѣльныхъ личностей! Печальна эта
сторона въ человѣческой жизни, но она—живой фактъ, кото-
раго отрицать нельзя.

И тѣмъ радостнѣе нынѣ наше слово, тѣмъ бодрѣе оно
звучитъ, тѣмъ полнѣе живетъ наша душа и тѣмъ сильнѣе
бьется наше сердце, когда мы въ приобрѣтеніи этого „Русскаго
дома“ видимъ, какъ восторжествовали русскіе люди надъ тем-
ными сторонами жизни и человѣческой природы. Нѣтъ, и добро
можетъ быть организовано, и добро—не всегда кустарно! Когда
же добро становится силою организованною, то оно безмѣрно
сильнѣе организованнаго зла,—настолько сильнѣе, насколько,
безотносительно говоря, добро вообще выше и сильнѣе зла и
свѣтъ лучше и выше тьмы.

Отъ всей души и съ особымъ чувствомъ я, представитель
патріотическихъ содружествъ Москвы, привѣтствую „Русское

Собрание“ съ нынѣшнимъ его торжествомъ. Уже два года мы въ Москвѣ горимъ желаніемъ и собираемъ средства для того, чтобы создать свой „Русскій домъ“, и самое слово это, мѣткое и знаменательное, у насъ въ Москвѣ стало давно знакомымъ. Но намъ доселѣ не удалось осуществить завѣтную мечту. Съ радостью и независимо воздаемъ мы пальму первенства въ умѣломъ достиженіи этой мечты „Русскому Собранию“. Помогите вамъ, Господи!

Да будетъ „Русскій домъ“ символомъ единенія русскихъ православныхъ людей! Слухъ о радостномъ вашемъ торжествѣ пройдетъ по всѣмъ патріотическимъ содружествамъ Россіи, и мы увѣрены—радость наша найдетъ всюду откликъ и живое сочувствіе, принесетъ всюду чувство глубокаго удовлетворенія и всюду она ободритъ, окрылитъ нашихъ друзей и единомышленниковъ и вдохнетъ вѣру, увы, подчасъ гаснущую и падающую,—вѣру въ то, что раздоры и разногласія, появившіеся въ послѣднее время среди правыхъ русскихъ патріотовъ, представляются явленіемъ неглубокимъ, несущественнымъ, временнымъ и скоропреходящимъ. Пусть растетъ и крѣпнетъ, и организуется русское патріотическое дѣло, пусть, созрѣвая внутренно, оно и во внѣ, въ религіозно-нравственныхъ и въ просвѣтительно-культурныхъ начинаніяхъ, въ экономическихъ планахъ и мѣропріятіяхъ, въ умноженіи членовъ, въ созданіи „Русскихъ домовъ“, всюду по широкому лицу земли русской даетъ свидѣтельство своей жизненности и прочности на благо Россіи, на страхъ ея врагамъ.

Благословенъ и преблагословенъ Богъ нашъ, даровавшій намъ нынѣшнюю радость, и да благословитъ Онъ васъ, дорогие братья, ваши входы и исходы, помышленія, словеса и дѣянія! Аминь.

Миссіонерское призваніе Россіи.*

Старый Кіевъ, мать городовъ русскихъ, Руси чистая купель и колыбель нашей государственности; это мѣсто, гдѣ мы сейчасъ стоимъ, — то самое, гдѣ нѣкогда гордо высился истуканъ Перуна; эти древніе валы, съ которыхъ нѣкогда кіевляне, крещеные, низвергли идолище поганое; и этотъ храмъ во имя святителя Василія Великаго, — преемникъ того храма, который на мѣстѣ Перунова капища поставилъ князь Владиміръ, во св. крещеніи Василій, въ память своего крещенія и въ честь своего небеснаго покровителя; а рядомъ со всѣмъ этимъ память обрѣтенія иконы Богоматери во градѣ Казани, память безчисленныхъ ея чудесъ и благодѣяній на благо нашего отечества, сознаніе огромнаго христіанскаго воспитательнаго и чисто-миссіонерскаго вліянія этой святыни на русскую народную душу и исторію нашего народа, — можно ли найти сочетаніе мыслей, чувствъ, уроковъ, завѣтовъ болѣе глубокое и болѣе знаменательное для назначительной работы небольшой нашей дружины дѣятелей проповѣди и миссіи, приуготовляющей великій съѣздъ миссіонерскій, можно ли найти болѣе глубокой источникъ для религіозно-патріотическаго воодушевленія?

Когда въ вѣка былые, сущей тьмѣ и въ мракъ глубокъ, здѣсь, въ Кіевѣ, засіялъ надъ русскимъ народомъ солнца вѣчнаго востокъ, когда наши предки на зарѣ своей исторической государственной жизни были просвѣщены вѣрою Христовой, — въ это время западъ Европы уже былъ христіанскимъ. Но истина христіанская на Западѣ все болѣе и болѣе омрачалась человѣческими мудрованіями и установленіями. Церковь Христова обмірщалась, и въ заблужденіяхъ римскихъ папъ, потянувшихся къ мечу и коронѣ, къ блеску земной власти древ-

* Слово 8 іюля 1908 года въ церкви св. Василія Великаго въ Кіевѣ, по поводу начала занятій подготовительной комиссіи предъ IV Всерос. мис. съѣдомъ. Представляетъ часть повторенія слова 22 окт. 1897 года.

наго и гордаго Рима, все болѣе и болѣе обращалась изъ царства Божьяго и небеснаго въ царство земное и человѣческое. Неповрежденною истина апостольской вѣры хранилась на Востоку, въ древней Византіи. Но страны православнаго Востока въ это время находились уже и изнемогали въ тяжкой борьбѣ съ надвигавшимся мракомъ изувѣрнаго мусульманства. Одна за другою погасали лампы древнихъ церквей, одни за другими потомъ падали православныя царства; сама Византія видимо и безповоротно клонилась къ упадку; древле-православный Египеть, Сирія, Палестина, Малая Азія, Грузія, потомъ Болгарія, Сербія никли, какъ срубленный лѣсъ, какъ трава, подкошенная подъ страшную и сокрушающую сѣкирою изувѣрнаго ислама, нерѣдко теряя и чистоту вѣры древле-православной въ угоду гордому побѣдителю (несторіанство сирохалдеевъ, монофизитство армянъ и т. д.). Все болѣе и болѣе теряли они возможность просвѣщать другіе, окружающіе ихъ племена и народы, сѣдящіе во тьмѣ невѣдѣнія Христовой истины. А между тѣмъ, поприще для проповѣди, жатва для дѣланія христіанскаго были прямо безграничны...

И се, въ этотъ поздній часъ исторіи на далекомъ отъ Византіи сѣверѣ, на берегахъ Днѣпра Господь воздвигаетъ новый свѣтильникъ вѣры правой въ юномъ русскомъ княжествѣ, среди народа русскаго, молодого и даровитаго, полнаго силъ и энергіи. Промыслъ Божій, призывая насъ, русскихъ славянъ средней Европы, въ лоно Церкви Христовой, и въ самомъ географическомъ положеніи нашей страны—на границѣ Европы и Азіи, Запада и Востока, на грани двухъ міровъ, двухъ цивилизацій,—и въ ея племенномъ составѣ указывалъ намъ великую задачу, задачу прямо и непосредственно миссіонерскую: нести полученное сокровище чистой и истинной вѣры къ малоизвѣстному востоку и сѣверу Европы, и далѣе—въ невѣдомыя и таинственныя въ то время страны сопредѣльной Азіи, бороться съ мракомъ язычества и распространяющагося мусульманства, просвѣщать дикія многочисленныя племена инородцевъ и приобщать ихъ къ участию въ царствѣ Божіемъ и въ жизни образованнаго человѣчества. Поистинѣ, это была единственная въ исторіи человѣчества, величайшая міровая

христіански-миссіонерская задача, данная святой Руси. И наши предки частью сознательно, частью, какъ всегда бываетъ въ жизни народовъ, полусознательно, инстинктомъ духовнымъ уразумѣли ее и стали осуществлять непосредственно со времени святого Владиміра Великаго. Удивительно быстро и прочно въ первыя послѣ крещенія Руси два столѣтія христіанство начинаетъ распространяться среди языческихъ племенъ теперешней средней и сѣверной Россіи, переходитъ въ Новгородъ, перебрасывается на Клязьму, Оку и Волгу, — и все это, несмотря на множество сильнѣйшихъ препятствій совнѣ и внутри, несмотря на крайнюю малочисленность русскихъ славянъ, носителей вѣры, какъ бы утопавшихъ въ морѣ окружающаго ихъ инородчества, при рѣдкомъ населеніи, при суровой природѣ, при бѣдности матеріальной, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, при отдаленности центровъ просвѣщенія. Не забудьте, что при разореніи Кіева татарами разрушено было 700 церквей: были, значить, въ нихъ и книги, были же священники, находились, видно, и проповѣдники-миссіонеры среди невѣрныхъ на огромномъ пространствѣ земли русской.

Но вотъ, когда отъ береговъ Днѣпра и Ильменя христіанство проникло уже до крайнихъ предѣловъ сѣвера и востока Европы, когда русской Церкви предстояло уже шагнуть съ проповѣдью евангелія въ глубину Азіи, въ это время, въ XIII вѣкѣ, Россію постигаетъ великое бѣдствіе, которое сковало русскую жизнь и замедлило на время великое и христіански-просвѣтительное дѣло Россіи.

Этимъ бѣдствіемъ было монгольское иго, — тяжкій и міровой мученической подвигъ русскаго народа. Предстояло святой Руси этимъ подвигомъ многолѣтняго страданія искупить грѣхъ своего разъединенія и столь намъ свойственныхъ распрей и раздоровъ, перегорѣть въ нихъ и закалиться, сознать всю необходимость единства вѣры и единенія политическаго, выковать и выносить истину единодержавія и самодержавія, познать тщету и пагубу народовластія, едва не приведшаго Россію къ конечной гибели... Вмѣстѣ съ тѣмъ предстояло задержать вторженіе дикихъ варваровъ въ Европу, отстоять грудью и сохранить для міра сокровища христіанской

европейской цивилизаціи. Въ этомъ навѣки незабвенная въ исторіи заслуга русскаго народа предъ всѣмъ человѣчествомъ.

Много трудовъ стоило Россіи пережить, перемочь и затѣмъ свергнуть тяжелое монгольское иго, чтобы снова приступить безпрепятственно къ исполненію главнаго и существеннаго своего дѣла, своего мірового призванія, указаннаго ей Провидѣніемъ. Наконецъ, болѣе чѣмъ черезъ 200 лѣтъ послѣ нашествія монголовъ исполняются завѣтныя желанія и слезныя молитвы нашихъ князей, и святителей, и всего народа русскаго: татарская орда, не разъ разбиваемая русскимъ воинствомъ, отодвинулась отъ предѣловъ нашихъ, ослабѣла, распалась..., и Русь сдѣлалась свободною.

И тотчасъ же вновь началось движеніе русскаго народа къ Востоку съ крестомъ и евангеліемъ. На пути, какъ преграда этому движенію, какъ тяжкій заслонъ, лежало нѣкогда страшное и могущественное татарское Казанское царство. Царь Московскій пошелъ на него войной въ силѣ тяжкой. Къ войнѣ готовились, какъ къ религиозному подвигу. Въ великій праздникъ Покрова Божіей Матери, 1 октября 1552 года, во время службы божественной, при воаглашеніи словъ евангелія: „и будетъ едино стадо и единъ Пастырь“, пала нѣкогда грозная Казань, и русскому народу открылся безпрепятственный путь въ Азію.

Было ли угодно Господу это поступательное движеніе наше на Востокъ и это ниспроверженіе царства невѣрнаго? Былъ ли народъ русскій въ этомъ дѣлѣ орудіемъ міродержавнаго Промысла? Исполнилъ ли онъ при этомъ свыше указанную ему задачу?

Какъ бы въ отвѣтъ на такія возможныя недоумѣнныя мысли, на мучительные запросы народной совѣсти, кромѣ отмѣченныхъ уже обстоятельствъ самаго завоеванія Казани, свыше дается новое знаменіе: Господь чудесно являетъ въ Казани образъ Богоматери, подъ покровомъ Которой совершилось и самое завоеваніе ея,—*образъ, данный свободной Россіи*, знакъ небеснаго благословенія русскому народу въ историческомъ просвѣтительномъ шествіи его къ Востоку, въ глубь Азіи, въ его служеніи своему міровому призванію.

Память этого обрѣтенія св. иконы 8-го іюля мы нынѣ празднуемъ въ средѣ провозвѣстниковъ вѣры, въ древнѣйшемъ Кіевѣ, въ осѣненіи великихъ историческихъ воспоминаній...

Что же? Нужно ли еще и еще говорить намъ, вѣропроповѣдникамъ, о значеніи праздника? Но и сказаннаго довольно, чтобы влить въ насъ чувства вѣры и бодрой надежды на успѣхъ нашего святого дѣла. Пусть новыя тучи, новая мгла, хуже татарскаго ига, надвинулась на Русь, мгла невѣрія и измѣны чистотѣ православія, пусть многіе злорадно ожидаютъ, что и намъ придется послѣ, якобы, скорого ниспроверженія православной вѣры и Церкви кричать со слезами: „выдыбай, Боже“; пусть даже украли самую чудотворную икону Богородицы.

Никто не украдетъ отъ насъ силы ревности; никто не похититъ у насъ самой вѣры,—если онѣ у насъ есть. Никто не возьметъ, не отниметъ отъ насъ помощи Господа нашего, Главы и основателя Церкви, и его непреложнаго обѣтованія: „будетъ едино стадо и единъ Пастырь“. Симъ словомъ Его мы, проповѣдники Его слова, и живемъ, и движемся, и есмь.

Подъ знаменіемъ православія, при небесномъ заступничествѣ и благословеніи Богородицы, мы будемъ совершать служеніе наше. Матерь Божія спасетъ землю русскую, облегчитъ ей трудъ свыше даннаго призванія. Помнить нужно только, въ чемъ наша сила и призваніе: въ святомъ православіи. При вѣрности ему не погибнетъ Русь, это дитя Божіе, дитя столькихъ слезъ и молитвъ, не погибнетъ народъ нашъ, если онъ останется предъ Богомъ чадомъ вѣры, чадомъ послушанія,— а къ этому и зоветь его наша пастырская и миссіонерская работа.

Призовемъ же къ подвигу вѣры и благочестія русской народъ, проникнемся сами сознаніемъ и долгомъ своего призванія, и сгинуть наши бѣды и напасти, и исчезнуть смущающіе многихъ образы унынія. Залогъ такого упованія—чудотворный образъ Богоматери, который нѣкогда явился въ благословеніе тѣмъ, кто такъ же и въ то же, какъ и мы, вѣрили и уповали, ожидая избавленія Россіи отъ тяжелыхъ бѣдъ.

Вѣра ихъ не обманула, упованіе ихъ не посрамило! Не обманемся, не посрамимся и мы. Аминь.

Разслабленіе духовное.*

Святое евангеліе рассказываетъ намъ сегодня о великомъ чудѣ Спасителя нашего: „Иисусъ прибылъ въ Свой городъ (Капернаумъ); и вотъ принесли къ Нему разслабленнаго, положеннаго на постели. И видя Иисусъ вѣру ихъ, сказалъ разслабленному: „дерзай, чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои“. При семъ нѣкоторые изъ книжниковъ сказали сами въ себѣ: „Онъ богохульствуетъ“. Иисусъ же, видя помышленіе ихъ, сказалъ: „Для чего вы мыслите худое въ сердцахъ своихъ? Ибо что легче сказать: прощаются тебѣ грѣхи твои, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи,—тогда говоритъ разслабленному: встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой“. И совершилось по слову нашего Господа.

Есть, братіе, иное разслабленіе, и мы его всѣ видимъ, это—общее духовное разслабленіе людей, паденіе жизни и всего въ ней добраго, всякое неустройство и непорядокъ, всякія страданія и лишенія.

Есть, братіе, и врачи нестроеной общественныхъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ себя именующіе: это современные намъ мудрецы, въ полномъ смыслѣ книжники, которые въ разрѣшеніи вопросовъ человѣческой жизни не хотятъ слушать ни голоса вѣры въ сердцахъ, ни голоса опыта и исторіи въ самой жизни. Они предлагаютъ наперебой подказанныя отвлеченною книжною мудростью самыя различныя средства исцѣленія недуговъ жизни. Одни настойчиво говорятъ о необходимости

* Слово въ нед. 6-ю по Пятидесятницѣ. Сказано въ городѣ Кіевѣ на общемъ собраніи патристическихъ обществъ 13 іюля 1908 года, при священнослуженіи архіепископа Волынскаго Антонія.

поднять просвѣщеніе; другіе указываютъ на необходимость перестроить такъ-называемыя экономическія отношенія людей; иные горячо проповѣдуютъ о недостаткахъ государственнаго нашего строя и въ увлеченіи воображаютъ, что стоитъ только ввести предлагаемую ими систему управленія, то не будетъ тогда даже холеры и болѣзней; иные идутъ прямолинейно къ цѣли и, полагая счастье людей только въ томъ, чтобъ у каждаго было жилище, кормъ и питье, предлагаютъ перебить начальствующихъ лицъ, истребить и ограбить богачей, раздѣлить все поровну. Въ каждомъ изъ этихъ основныхъ теченій мысли современныхъ намъ книжниковъ и мудрецовъ мы видимъ, сверхъ того, свои различія, свои оттѣнки: какъ всегда, врачи разногласятъ между собою въ лѣченіи болѣзней общества такъ же, какъ и при лѣченіи одного человѣка. Ужасъ беретъ при мысли: что будетъ, если каждый изъ нихъ и всѣ вмѣстѣ станутъ примѣнять къ жизни нашей свои мѣры? Не случится ли съ нами того, что, по старинному сказанію, было съ деревомъ, которое взялись воспитывать три садовника, и одинъ велѣлъ срѣзать у него верхушку, другой посовѣтовалъ обрубить среднія вѣтви, а третій—нижнія? И вышло, что дерево, кое-какъ до того времени жившее, сразу погибло...

Люди вѣры, сыны Церкви всегда и неизмѣнно знаютъ, у кого и гдѣ имъ искать спасенія и указанія цѣлительной силы. Въ тяжкія времена, когда испробованы всѣ средства,—въ сознаніи безсилія, и люди невѣрія приходятъ къ Тому же Цѣлителю душъ и тѣлесъ, навѣки рекшему: „Придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Въ настоящее время мы переживаемъ такой именно моментъ: ко Христу, къ Его Церкви обращается разслабленный родъ людской въ жаднѣ исцѣленія. Отъ Христа же и Его Церкви люди опять слышатъ, раньше слова объ исцѣленіи тѣлесномъ, напоминаніе о необходимости исцѣлиться духовно: „прощаются тебѣ грѣхи твои“, слышатъ указаніе, что надобно прежде всего людямъ устранить причину разслабленія—грѣхъ.

Да, христіанство съ особою настойчивостью учить, что грѣхъ есть корень всѣхъ несчастій, что грѣхъ отравляетъ всю жизнь, что грѣхъ есть первый, главный и самый страшный

врагъ нашъ, съ которымъ нужно бороться. Христіанство учитъ, что, не исцѣлившись отъ грѣха, мы не можемъ ни создать новой доброй жизни, ни упорядочить старой, пришедшей въ разстройство.

Слушаютъ это слово современные книжники, — и жестоко оно, неудобопріемлемо оно для ихъ гордаго разума, такъ что надлежитъ и имъ сказать словомъ Христовымъ: „для чего вы мыслите Іудею въ сердцахъ вашихъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не грѣхъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ губить и поражаетъ нестроеніями всю жизньъ людей: личную, семейную, общественную, государственную? Позвольте привести вамъ поучительный въ этомъ смыслѣ разсказъ.

Художникъ хотѣлъ изобразить добраго, свѣтлаго, чистаго ангела, хотѣлъ дать въ картинѣ, въ образѣ воплощеніе міра небснаго, міра лучезарной и несказанной красоты, хотѣлъ, чтобы всякій, посмотрѣвши на это изображеніе, чувствовалъ подъемъ духовныхъ силъ, вѣры въ добро, въ чистоту и святую. Разъ въ церкви встрѣтилъ онъ ребенка съ такимъ чуднымъ лицомъ, съ такими ясными, невинными очами, что его именно рѣшилъ онъ взять за образецъ для задуманнаго творенія. И картина получилась превосходная; всѣ на нее заглядывались, всѣ какъ бы становились лучше и чище, когда любовались чуднымъ ангеломъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. На сконѣ лѣтъ захотѣлъ художникъ усилить впечатлѣніе отъ своей любимой картины и рядомъ съ нею поставить для противоположности изображеніе духа тьмы, духа злобы, воплощеніе грѣха и порока, чтобы путемъ сравненія показать безмѣрную красоту святости.

Случайно посѣтивъ тюрьму, онъ увидѣлъ лицо одного закоренѣлаго преступника; на совѣсти этого злодѣя, сверхъ пьянства, разврата, воровства, лежало не мало убійствъ. Его лицо отталкивало; оно было темно и мрачно, какъ у духа злобы. Художникъ рѣшилъ съ него именно писать задуманную картину; онъ разговорился съ преступникомъ; что-то странно знакомое ему чудилось въ лицѣ его. И что же оказалось? Злодѣй, съ котораго художникъ писалъ изображеніе демона,

оказался тѣмъ самымъ ребенкомъ, съ котораго онъ нѣкогда писалъ ангела...

Такъ грѣхъ искажаетъ человѣка. Такъ грѣхъ искажаетъ и человѣчество.

Страшнѣе всего то, что грѣшникъ часто не только не замѣчаетъ своей духовной болѣзни и проказы, но считаетъ себя совершенно здоровымъ; не только не уклоняется отъ воздѣйствія на другихъ людей, напротивъ, желаетъ взять общественную жизнь подъ свое руководство; не только не считаетъ грѣхъ зломъ и несчастьемъ, но, наоборотъ, грѣхъ именно и почитаетъ добродѣтелью и счастьемъ. Не подавляя грѣха въ себѣ самомъ, онъ не осуждаетъ его и въ другихъ, умалчиваетъ о немъ, даже восхваляетъ грѣхъ, и тѣмъ способствуетъ его укрѣпленію и распространенію.

Присмотритесь къ нашей теперешней жизни. Всѣ теперь сознають, говорятъ и пишутъ, что въ жизни общественной и государственной много нестроений, много безпорядковъ и нечастій, которые грозятъ нашей родинѣ гибелью. И, какъ мы уже говорили, много является учителей, которые берутся за исправленіе непорядковъ, которые обѣщаютъ водворить счастье и довольство въ нашей жизни. О чемъ же они большею частью говорятъ? Обо всемъ и о многомъ, кромѣ того одинаго, о чемъ больше всего нужно говорить. Они бранятъ правителей; они ищутъ и указываютъ виновныхъ въ нашихъ непорядкахъ; они возбуждаютъ къ нимъ злобу и ненависть; они будятъ зависть къ людямъ богатымъ и стоящимъ высоко въ обществѣ и государствѣ. Объ одномъ они молчатъ: о грѣхѣ человѣческомъ. Молчатъ о томъ, что мы всѣ, и высоко и низко стоящіе, и богатые и бѣдные, погрязли въ порокахъ, что злоба, ненависть, зависть, возбуждаемая такими устроителями общественнаго блага, это—страшные грѣхи, которые не исправятъ жизни, а погубятъ и наполнятъ ее кровью, принесутъ гибель родинѣ. Они, конечно, справедливы, когда говорятъ, что грѣхъ дѣлаетъ людей, стоящихъ у власти, дурными и нечестными, а людей богатыхъ—жестокими и злыми, но они неправы, когда умалчиваютъ о томъ, что тотъ же грѣхъ дѣлаетъ крестьянина пьяницей и лѣнивцемъ, ремесленника—нечестнымъ

и неисполнительнымъ, подчиненнаго—грубымъ и ослушникомъ, бѣдняка—завистливымъ, воромъ и погромщикомъ чужого добра. Молчатъ они о томъ, что грѣхъ и порокъ разрастаются со страшною силою, переходятъ, какъ зараза, и нечистымъ гніеніемъ, какъ проказа въ тѣлѣ, поражаютъ всю жизнь нашего народа. Молчатъ о томъ, что всѣмъ намъ прежде всего нужно очиститься душевно, раскаяться въ грѣхахъ всенароднымъ покаяннымъ подвигомъ, постомъ и молитвою исцѣлиться отъ духовной проказы, что безъ такого исцѣленія—все погибло и ничто не пойдетъ въ прокъ. Что для разслабленнаго прекрасная пища, одежда и жилище? Все равно, это не исцѣлитъ его болѣзни, не порадуетъ его сердца, не отвратитъ грядущей гибели. Что для него, прикованнаго къ постели, роскошное и обширное жилище? То же самое и для общества людей, погрязшаго во грѣхѣ; надъ нимъ стоитъ вѣчный приговоръ: *нѣтъ радости у нечестиваго.*

Благодареніе Богу,—отъ грѣха возможно исцѣленіе. Разслабленнаго исцѣлила чудодѣйственная сила Спасителя. И насъ отъ грѣха вѣчно исцѣляетъ та же Его чудодѣйственная сила. „*Шедше покажитесь священникомъ,*“—сказалъ Онъ нѣкогда проказеннымъ. И мы слышимъ отъ Него и теперь тотъ же вѣчный голосъ. Пойдемъ же въ Церковь Божию; у нея получимъ указаніе на грѣхъ; отъ нея услышимъ обличеніе и наученіе; она призоветъ насъ къ миру, любви и единенію, она ученіемъ Христа и Его благодатію смягчитъ сердца и властныхъ и подчиненныхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и обидчиковъ и обиженныхъ; она всѣмъ укажетъ, что *корень всѣхъ нашихъ несчастій есть грѣхъ.* И она, властію отъ Бога данною, сдѣлаетъ то, чего не можетъ сдѣлать никакая иная сила въ мірѣ, ни ученость, ни талантъ, ни общественный строй,—она проститъ намъ грѣхъ, чрезъ это обновитъ и подниметъ наши духовныя силы и призоветъ къ жизни новой—святой и богоугодной.

Самая опасная та болѣзнь, которую больной не сознаетъ и не замѣчаетъ. Сознаемъ же прежде всего нашу грѣховность, какъ самую тяжкую нашу болѣзнь, и на нее, на борьбу съ грѣхомъ, живущимъ не въ другихъ, а въ себѣ самихъ, обратимъ все наше вниманіе и всѣ духовныя силы!

Я радъ, я счастливъ, что мнѣ приходится говорить объ этомъ предметѣ среди людей русскихъ и православныхъ, способныхъ понять и принять эту мудрость вѣры, сознательно, намѣренно, съ особою настойчивостью говорящихъ о своей преданности православной Церкви. Изыскивая способы оздоровленія жизни, не забывайте, возлюбленные, перваго и главнаго: борьбы со грѣхомъ.

Возглашая о преданности православію, берегитесь, дорогие друзья, берегитесь воззрѣнія на православіе, только какъ на одинъ изъ догматовъ политическаго исповѣданія, какъ на условіе крѣпости государства: увы, мы знаемъ людей, которые при такомъ воззрѣніи, говоря постоянно о православіи, на дѣлѣ цѣлыми десятками лѣтъ не молятся и не говѣютъ. Нѣтъ, православіе есть прежде всего истина, православіе есть прежде всего жизнь, православіе есть сила Божія во спасеніе вѣрующему, православіе есть Церковь истинная и святая, источникъ благодати, восполняющей нашу естественную немощь, православіе есть путь личнаго спасенія для cadaго изъ насъ. И не потому оно истинно, что полезно, а потому полезно, что истинно, потому оно и составляетъ крѣпость государства, и обращаетъ царство человѣческое въ царство Божеское, а народъ изъ политическаго тѣла обращаетъ въ то великое Тѣло, которое есть Церковь Божія, а въ ней Глава—Христось.

Съ такою Главою намъ не страшно будетъ никакое разслабленіе.

Горе намъ, если мы о томъ забудемъ. Обязуюсь сказать и заявить, и имѣемъ неопровержимыя на то доказательства, что въ настоящее время еврейско масонская сила,—для васъ, братья, не составляетъ вопроса ея существованіе,—дала теперь приказъ всѣмъ своимъ нечестивымъ служителямъ въ Россіи съ особеннымъ упорствомъ ниспровергать православную Церковь и подрывать уваженіе къ ея священству. И видимъ грядущее чествованіе Толстого, видимъ усилившуюся порнографію, съ прямымъ глумленіемъ надъ вѣрою, надъ святыми, надъ уважаемыми пастырями. Союзамъ, стоящимъ за вѣру православную, надобно это имѣть въ виду, принимать мѣры къ обнаруженію замысла нечестія и бороться съ нимъ.

Нынѣшнее евангеліе начинается словами: „Пришелъ Иисусъ во Свой градъ“. Такимъ градомъ назывался Капернаумъ. Такимъ градомъ, Своимъ для Господа Иисуса, былъ и останется православный русскій народъ, воспитанный святою Церковью,— народъ великій въ сознаниі грѣха, великій въ своемъ смиреніи и покаянномъ чувствѣ, великій въ своей преданности Христову слову, Христовой Церкви и ея пастырству.

Да не будетъ же съ нами по образу древняго Капернаума, о коемъ пророческое слово Господа Иисуса Христа изглагодало нѣчто страшное и ужасное: „И ты, Капернауме, до неба возвысившійся, до ада низринешься!“ На развалинахъ этого города, покрытыхъ пылью вѣковъ и заросшихъ травой, мы видимъ теперь, какъ до конца исполнилось это грозное слово.

Нашему же граду Божію, народу свято-русскому, да будетъ въ удѣлъ неизмѣнная преданность православію, какъ вѣрѣ и житію по слову Христову, и изреченіе Господне: „Вышній основа его, не подвижится во вѣки вѣковъ“. Аминь.

Мудрость Христова.*

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ (Филипп. II, 5).

Если вы внимательны къ богослуженію святой Церкви вообще и въ частности къ богослуженію нынѣшняго праздника, то вы должны замѣтить, что во дни, посвященные въ честь и память Пресвятой Богородицы, очень часто возглашается апостольское чтеніе, начальныя слова котораго мы только-что привели: „Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ“. Эти слова мы слышали и сегодня. Очевидно, святая Церковь избрала такое апостольское чтеніе для Бого-

* Слово въ день Успенія Божіей Матери, 15 августа 1908 г., сказанное въ селѣ Саки, Таврической епархіи; мѣстность сильно была подвержена революціонной пропагандѣ вслѣдствіе того, что адѣсъ—земская грязелѣчебница, укрывавшая одно время революціонныхъ агитаторовъ.

родичныхъ праздниковъ потому, что оно весьма близко подходитъ къ духовному образу и свойствамъ Богоматери. Въ Ней именно мудрствовалось то, еже и во Христѣ Исусѣ, и иначе, конечно, и быть не могло.

Но такъ какъ наставленіе апостола относится ко всѣмъ христіанамъ, то и намъ нынѣ и по долгу христіанскому, и ради прославленія Богоматери, и для подражанія Ей полезно вдуматься въ наставленіе святого апостола.

Апостолъ пишетъ посланіе свое къ филиппійцамъ, т.-е. къ увѣровавшимъ христіанамъ города Филиппы, въ Македоніи, далеко еще къ югу, за берегами разстилающагося у вашего селенія Чернаго моря. Думаютъ нѣкоторые ученые, что въ то время въ городѣ Филиппахъ жили славяне, наши древніе предки и соплеменники. Если это вѣрно, то какъ дорого для насъ это слово первоверховнаго апостола къ нашему славянскому роду, и какъ отрадно намъ читать это посланіе! Оно дышитъ особою нѣжностью и любовью; въ немъ находимъ мы отрадное свидѣтельство апостола о томъ, что изъ всѣхъ тогдашнихъ христіанъ филиппійцы особенно трогали сердце апостола своею вѣрою, смиреніемъ и послушаніемъ. Какъ радостно намъ слышать эти слова апостола къ филиппійцамъ: „Благодарю Бога моего при всякомъ воспоминаніи о васъ, всегда, во всякой молитвѣ моей за всѣхъ васъ принося съ радостью молитву мою, за ваше участіе въ благовѣствованіи отъ перваго дня даже донынѣ. Богъ—свидѣтель, что я люблю всѣхъ васъ любовью Исуса Христа, и молюсь о томъ, чтобы любовь ваша еще болѣе и болѣе возрастала въ познаніи и всякомъ чувствѣ“.

Говорятъ, далѣе, ученые, что тѣ же предки наши и единоплеменники жили потомъ и здѣсь, въ Крыму, который былъ нѣкогда славянскимъ, до прихода сюда татаръ и прочихъ иноплеменниковъ: если и это вѣрно, то здѣсь новое намъ побужденіе вслушаться въ слова апостола, чтобъ исполнить его святое и дорогое для насъ пожеланіе, чтобы возрастать намъ въ познаніи и во всякомъ чувствѣ, чтобъ усвоить намъ мудрость Христову.

И воистину, нашъ родъ славянскій, преимущественно же нашъ свято-русскій народъ больше всего на свѣтѣ цѣнилъ и

цѣнить не мудрость міра сего, не гордыя познанія ума чело-
вѣческаго, воздымающагося часто на разумъ Божій, а именно
мудрость Христову, такъ что хочется вѣрить и сознавать, что
какъ бы особливо къ нашему православному русскому народу
относятся эти краткія, но глубокія, неизмѣримо глубокія и
вѣковѣчныя слова наставленія апостольскаго: „Сіе да мудр-
ствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ“. Но что же, спро-
сите вы, что именно мудрствовалось во Христѣ Іисусѣ?

Самъ апостольскій отвѣчаетъ и разъясняетъ: „Онъ, Іисусъ
Христосъ, былъ образомъ Божиимъ и равенъ Богу, однако, Самъ
Себя Онъ умалилъ, образъ раба принялъ, сдѣлавшись подоб-
нымъ челоуѣкамъ и по виду ставъ, какъ челоуѣкъ; Онъ сми-
рилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти ка-
кой?—смерти крестной. А посему-то и Богъ Его превознесъ, и
далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ
Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, и земныхъ, и
преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ
Христосъ въ славу Бога Отца“! (II, 6—11).

Вотъ оно, мудрствованіе Христово! Это мудрость смиренія
и самоотверженія, мудрость исполненія воли Отца Небеснаго,
мудрость служенія воспринятому на себя, даже добровольно,
долгу, мудрость служенія не себѣ, а другимъ! А посему апо-
стольскій дѣлаетъ такой выводъ для вѣрующихъ, желающихъ
имѣть мудрость Христову, и пишетъ своимъ возлюбленнымъ
филиппійцамъ: „Итакъ, если есть какое утѣшеніе во Христѣ,
если есть какая отрада любви, если есть какое общеніе духа,
если есть какое милосердіе и сострадательность,—то дополните
мою радость: имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте
единодушны и единомысленны; ничего не дѣлайте по любо-
пренію, т.-е. изъ любви и склонности поспорить, или по тщесла-
вію, т.-е. по горделивости и хвастовству, но по смиренно-
мудрїю почитайте одинъ другого высшимъ себя. Не о себѣ
только каждый заботься, но каждый и о другихъ: сіе да мудр-
ствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ“! (II, 1—5).

И смотрите теперь, поучаясь, какъ эта мудрость Христова
отобразилась въ Его Пречистой Матери,—и въ жизни Ея и
въ самомъ успеніи. Смиренно приняла Она въ свое время

вѣсть архангела о рожденіи отъ Нея Сына Божія: „Се раба Господня; буди мнѣ по глаголу Твоему“,—такъ отвѣтила Она небесному посланнику, хотя знала хорошо, и притомъ Сама исповѣдывала, что честь Ея и слава теперь выше всего въ мірѣ, что огньнѣ ублажатъ Ее все роди. И съ тѣмъ же смиреніемъ встрѣтила Она того же небснаго вѣстника, съ вѣтвю рая явившагося къ Ней возвѣстити Ея кончину. Рѣдко говорить о Ней святое евангеліе: Смиренная Дѣва, Матерь Іисуса, молчитъ, въ Своемъ смиреніи все слагая въ сердцѣ Своемъ. Поютъ ангелы въ часъ рожденія Ея Сына и Бога, славословятъ пастыри, поклоняются волхвы: Она молчитъ. Потрясаются грады при входѣ Іисуса Христа во дни Его учительства, народъ прославляетъ Чудотворца, несмѣтныя толпы ходятъ за Нимъ, восклицаютъ женщины въ избыткѣ духовнаго восторга и благоговѣнія: „блаженно чрево, Тебя носившее, и сосцы, Тебя питавшіе“, какъ это мы слышали и сегодня въ евангеліи: Она, Богоматерь, молчитъ. Иродъ злобствуетъ и безумствуетъ, фарисеи строятъ козни; зрѣтъ предательство, окаянствуетъ Іуда; страшное дѣло совершается,—на крестѣ распятый и мучимый виситъ Сынъ Божій и Сынъ Маріи. Тутъ оружіе, Симеономъ предреченное, пронзаетъ сердце Матери; тутъ исполнился его глаголъ въ этотъ часъ страшный и ужасный. Земля колебалась, и омрачалось небо, солнце померкло, ангелы служаху страхомъ и трепетомъ, полные ужаса, тутъ камни разверзались и вставали мертвецы; тутъ невиданное, неслышанное, единственное преступленіе богоубійства совершалось народомъ проклятымъ и отверженнымъ... Все перенесла въ Своемъ смиреніи Пресвятая Дѣва. Тѣмъ же и Ее Богъ превознесе: видѣла Она радость воскресенія, зрѣла вознесеніе Сына Своего на небо, зрѣла сошествіе Святаго Духа, видѣла распространеніе вѣры во Христа въ мірѣ, дождалась и въ часъ успенія пришествія апостоловъ, пѣнія ангеловъ,—и се Сынъ Ея и Богъ Самъ явился и взялъ въ вѣчные чертоги славы Ея душу; взято потомъ было и Ея пречистое тѣло. Но и по успеніи Богъ Ее превознесе, и даровалъ Ей имя, еже паче всякаго имени, и славится Она честнѣйшею херувимъ, и славнѣе безъ сравненія серафимовъ, вышею небесъ, чистшею свѣтлостей солнечныхъ,

Владычицей міра, и отнынѣ, и донынѣ и во вѣки вѣковъ ублажаютъ и ублажать Ее вси роди...

И смотрите, далѣе, но уже поучаясь инымъ поученіемъ: горя стыдомъ и утрашаясь страхомъ и ужасомъ, въ предчувствіи грядущихъ бѣдъ и скорбей,—смотрите, какъ далеко мы теперь отошли и все дальше и дальше отходимъ отъ этой мудрости Христовой.

Мудрость бѣсовская, богоборная, мудрость лживая, мудрость гибельная все больше и больше воцаряется среди насъ. Слышали и вы, и особенно слышали окружающія васъ селенія, какъ Михайловка и другія, эту сатанинскую премудрость.

Апостолъ завѣщаетъ намъ имѣть однѣ мысли: а намъ новые учителя, сыны погибели, больше всего старались внушить разномысліе и на своихъ буйныхъ собраніяхъ (митингахъ) силились убить и поносили ту мудрость Христову, мудрость вѣры, смиренія, покорности и послушанія, которою жилъ тысячу лѣтъ и былъ силенъ нашъ народъ.

Апостолъ завѣщаетъ намъ имѣть „ту же любовь“; а намъ внушали ненависть и зависть къ Царю и къ властямъ, къ богатымъ и сильнымъ, какъ-будто отъ того мы сами едѣлаемся и богатыми, и сильными,—и говорили это чаще всего люди, сами утопающіе въ деньгахъ,—въ деньгахъ или накраденныхъ, или получаемыхъ предательски отъ того же правительства, противъ котораго они на казенный счетъ направляли бунты и революцію, или, наконецъ, собираемыхъ прямо, какъ покупъ отъ враговъ нашего народа и родины.

Апостолъ говоритъ намъ: будьте единомышленны. А насъ хотѣли и хотятъ разодрать на враждебныя партіи, намъ говорятъ не о мирномъ сожителствѣ, а о борьбѣ и взаимной ненависти различныхъ сословіи и классовъ общества и государства.

Апостолъ учитъ: ничего не дѣлайте по любопренію, а насъ наставляютъ со всѣми и обо всемъ спорить, спорить съ Царемъ и даже съ Богомъ.

Апостолъ предупреждаетъ не поступать по тщеславію, а намъ новые учителя только и обѣщаютъ одно тщеславіе: будешь, говорятъ, самъ господиномъ, будешь самъ правителемъ.

будешь самъ чуть не царемъ, только бунтуй, убивай, рѣжь, слушайся новыхъ сатанинскихъ наставниковъ, прикрывающихся то именемъ науки, то благомъ общественнымъ, а на дѣлѣ себѣ прочищающихъ путь къ власти и обогащенію.

Апостолье учить: почитайте одинъ другого высшимъ себя. А новые учителя наставляютъ никого не считать выше себя, никому не повиноваться, никого не слушать, себя объявлять и богомъ, и царемъ, и властью.

Слышимъ вѣковѣчный апостольскій завѣтъ: „Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ“. Мудрость же Христова есть смиреніе, а не гордость; есть служеніе не себѣ, а другимъ; есть исполненіе того, что должно, а не того, что пріятно или полезно. Когда врачъ во время болѣзни и особенно такой, какая теперь приближается, т.-е. заразной холеры, не бѣжитъ отъ больныхъ, не занимается, какъ мы видѣли иногда, политикою и государственною измѣною и бунтами, а лѣчитъ больныхъ, невзирая на опасность смерти, и это дѣлаетъ не ради земной чести, а во имя Бога: это мудрость Христова. Когда отецъ и мать терпѣливо сносятъ трудъ и лишенія жизни ради блага и покоя дѣтей; когда дѣти покорны родителямъ и, подавляя въ себѣ бурные порывы младости, подчиняютъ свою волю волѣ родителей по чувству долга и по довѣрію къ нимъ; когда солдатъ по долгу присяги на полѣ брани прощается на-вѣкъ съ бѣлымъ свѣтомъ, съ родными и близкими и отдаетъ молодую жизнь свою за вѣру, царя и родину; когда подданный, какъ ни тяжело бываетъ, исполняетъ всѣ повинности и труды ради повиновенія Богомъ данному царю и правительству и ради служенія родному народу; когда, слушая ученаго и искуснаго въ словѣ совратителя и его дьявольскія, завлекательныя рѣчи и обѣщанія всякихъ благъ, вѣрный сынъ Церкви и отечества, по сознанию долга, не поддается соблазну; когда священникъ идетъ къ заразительному больному для молитвы и утѣшенія, и когда онъ, по своему долгу, говоритъ правдивое, но горькое слово поученія и вразумленія людямъ не Христова духа, съ опасностью для себя получить всевозможныя непріятности и даже самую смерть, какъ пріялъ ее зарѣзанный руками безбожныхъ революционе-

ровъ бывшій вашъ батюшка, новый мученикъ отецъ Владиміръ Троепольскій: то все это есть мудрость Христова.

Стойте, братіе, въ этой мудрости непоколебимо; да стоитъ въ ней весь нашъ вѣрующій, добрый русскій народъ. И тогда Богъ насъ превознесетъ не мірскою и тлѣнною, а небесною и безсмертною славою, и даруетъ намъ имя, еже паче всякаго имени. Имя же это, самое высокое и дорогое для христіанъ, есть таковое: *вѣрные ученики мудрости Христовой*. Аминь.

Просвѣщеніе народа.*

Во время оно юноша нѣкій приступи
ко Иисусу... (Мѣ. XIX, 16).

I.

Когда на родинѣ, у родныхъ могилъ, въ особомъ чувствѣ близости къ умершимъ, среди живыхъ людей, которыхъ помнишь и знаешь отъ первыхъ лѣтъ дѣтства и которые тебя знаютъ ребенкомъ, приходится совершать Божественную службу,—невольнo чувствуешь особый трепетъ и особое умиленіе сердца. Когда же, по долгу званія, выходишь при этомъ изъ святилища алтаря на проповѣданіе слова поучительнаго, неиспытываемое въ другихъ мѣстахъ, незнакомое при другихъ обстоятельствахъ, неизъяснимое чувство смущенія закрадывается въ душу и невольнo какъ бы связываетъ уста.

Стою я сейчасъ предъ вами въ этой, сравнительно съ прошлымъ, превознесенности моего сана, въ этомъ благолѣпнѣйшій священннхъ облаченій, и смиряюсь предъ Божиимъ Промысломъ, что вывелъ меня изъ этой когда-то глухой и заброшенной станицы, изъ горькаго сиротства и нищеты на широкій

* Два слова при посѣщеніи родины, въ станицѣ Ново-Александровской, Кубанской обл., въ нед. 12 по Пятидесятницѣ, 24 авг. 1908, г. Сказаны въ виду сильнѣйшей здѣсь революціонной пропаганды.

путь жизни и службы Богу, Царю и родному русскому народу,—и слезы благоговѣйнаго смиренія невольно льются изъ очей предъ Богомъ моего дѣтства и отрочества. Стою здѣсь предъ вами и не стыжусь признать и благодарно исповѣдать, что здѣсь, среди простого вѣрующаго народа, среди живыхъ въ то время воспоминаній о бранныхъ тревогахъ Кавказской войны и рассказовъ о геройской борьбѣ съ горцами и черкесами, заложены были мнѣ въ душу первыя и самыя сильныя чувства преданности Богу, Царю и нашему русскому царству,—тѣ чувства, которыми дышали тогда здѣсь всѣ отъ мала до велика; не стыжусь я признать и повѣдать трепетную благодарность этому народу, во дни сиротства моего и лишеній спасшему мнѣ жизнь и укrywшему отъ голода и гибели. Еще многіе изъ тѣхъ, въ средѣ которыхъ протекли эти дни моего дѣтства, живы, нѣціи же и почиша... И среди этихъ живыхъ, слушая сегодня священное сказаніе евангелія о юношѣ, какъ не вспомнить мнѣ о собственной юности и дѣтствѣ здѣсь, среди многихъ изъ васъ, возлюбленные, проведенныхъ!

И, однако, что сказать вамъ въ поученіе? О чемъ повѣдать вамъ въ эти рѣдкія переживаемыя минуты? И если бы я не сохранялъ постоянной связи съ этой родиной своею, если бы не слѣдилъ за нею во всѣ послѣднія тридцать пять лѣтъ, если бы не наѣзжалъ сюда по временамъ для молитвы, поученія и взаимнаго собесѣдованія, если бы не зналъ, что вы часто ждете и зовете къ себѣ въ храмъ и на молитву меня, какъ своего близкаго и „станичника“: то, дѣйствительно, слово мое нынѣ было бы связано. Но не разъ и не два здѣсь мы молитвою соутѣшались, и не разъ мы здѣсь возглашали и изъясняли вѣчное слово Божіе.

О, храните, возлюбленные, сіе Божественное слово и святое евангеліе Господа Исуса, и не промѣняйте его ни на какое слово человѣческое, отъ кого бы оно ни исходило, какъ бы съ виду оно ни было блестяще, какія бы блага оно вамъ ни сулило. Вотъ и нынѣ слышали мы о нѣкоемъ юношѣ, который, будучи богатъ и высокаго рода, не заглушилъ въ себѣ жажды вѣчной и духовной жизни, искалъ правды, хотѣлъ спасенія, желалъ найти и узнать путь къ небу и вѣчности.

Онъ подошелъ къ Иисусу и спрашивалъ Его: „Учитель благий, что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную“? ¹⁾

Не вспоминается ли вамъ, люди пожилые и взрослые, время вашей юности и годы ученія и воспитанія въ семьѣ или въ школѣ, и не спрашиваетъ ли каждый изъ васъ себя: похожъ ли я былъ на этого евангельскаго юношу? искалъ ли я больше всего знать, что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы жизнь вѣчную наслѣдовать?

Не стоитъ ли предъ очами этотъ юноша и у васъ, молодые люди, юноши и дѣвушки, тѣ ли у васъ чувства, тѣ ли у васъ стремленія, идете ли вы ко Христу, готовы ли вы вопрошать Его о пути къ небу и вѣчности? Или уже очерствѣла душа ваша, и забыли вы въ жарѣ и зноѣ страстей, среди пороковъ плотскихъ и душевныхъ, что есть небо, есть вѣчность, есть духовная и святая жизнь, что есть Божіи заповѣди и въ нихъ путь спасенія?

А мнѣ, повторяю, послѣ бурной и многотужной жизни, послѣ всѣхъ трудовъ и испытаній, радостей и печалей, въ этомъ мѣстѣ родины, какъ не вспомнить дѣтства своего и юности?! Но какъ ни привлекательно для меня говорить о своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, не о нихъ поведу я рѣчь. Напомню себѣ и всѣмъ вообще о томъ, какъ тогда, въ далекие теперь уже годы, протекало и совершалось воспитаніе и обученіе юности, какъ оно совершается теперь, и что въ немъ является главнымъ и существеннымъ.

Тридцать пять лѣтъ назадъ въ оградѣ этого храма, въ той же, что и нынѣ, сторожкѣ я впервые увидѣлъ уроки ученія. Смиранный учитель самъ не блисталъ знаніями мірскими; похороненный здѣсь въ оградѣ церковной, покоится рабъ Божій Иванъ Владиміровичъ (Фроловскій) въ могилѣ, уже многими позабытой. Но не обладая высокими знаніями, онъ горѣлъ тихимъ свѣтомъ вѣры и благочестія предъ людьми и предъ Богомъ, и этотъ свѣтъ онъ вливалъ въ души тѣхъ дѣтей, которыхъ къ нему приводили. Старинная то была гра-

¹⁾ Читается далѣе по евангелію Мате. XIX, 16—26—сказаніе о богатомъ юношѣ.

мота; читали псалтирь; водили по строкамъ указками; трудно давалось чтеніе. Но огненными чертами остались навѣки и запечатлѣлись въ душѣ первыя прочитанныя и потомъ безъ конца повторяемыя въ чтеніи,—повторяемыя то хоромъ, то въ одиночку святыя и вѣчныя слова: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалищи губителей не сѣдѣ“,—блаженъ мужъ, что не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не стоитъ и не сидитъ на сѣдалищѣ губителей. Но въ законѣ Господни воля Его и въ законѣ Его поучится день и ночь... Дай Богъ, чтобъ эти слова были свѣточемъ всякой юности и всякой школѣ.

Вспоминается потомъ другая школа, старое зданіе около церкви, и въ немъ старый учитель, дожившій до столѣтняго возраста, рабъ Божій Михаилъ Васильевичъ (Надежинъ). Тяжкая жизнь; несправедливая ссылка въ Сибирь за чужое преступленіе; лишеніе чиновъ и службы; смерть жены и дѣтей, умершихъ въ горѣ и нищетѣ; пятилѣтнее пѣшкомъ путешествіе въ дальнее Забайкалье; двадцать лѣтъ ссылки; потомъ добровольная служба рядовымъ казакомъ послѣ офицерскихъ чиновъ во время Крымской войны для заглаженія не бывшаго преступленія; возвращеніе сюда, въ станицу,—все это не сломило духа этого человѣка, не убило въ немъ вѣры въ Бога, въ добро, въ людей, и когда онъ училъ насъ, дѣтей, въ школѣ, огонь его вѣры и любви свѣтился въ его старческихъ очахъ, изливался нѣжно въ его рѣчи, спокойной и ласковой... Дай Богъ, чтобъ эти святыя чувства вѣры въ Бога и въ добро, любви къ людямъ, неалобія и всепрощенія остались навѣки во всякой школѣ!

Онъ тоже училъ по-старому, и долженъ былъ уступить свое мѣсто новымъ людямъ и новой школѣ. И явилось новое обученіе и новое воспитаніе юношества. Оно частью коснулось людей моего возраста, вообще же — все прошло на нашихъ глазахъ.

Помянувъ добромъ старое обученіе, не станемъ укорять новаго; пройдемъ съ грустнымъ молчаніемъ мимо того, что заслуживаетъ укора... Признаемъ, напротивъ, въ этомъ новомъ все, что достойно хвалы и благодарности: безмѣрно

больше стало учащихся въ школахъ; гораздо легче стала даваться прежде столь трудная грамота; неизмѣримо больше стали дѣти получать всякихъ знаній и о Божьемъ законѣ, и о землѣ, о людяхъ, о далекихъ странахъ, объ открытіяхъ, приобрѣтеніяхъ и о силѣ человѣческаго ума, о правахъ и обязанностяхъ человѣка въ человѣческомъ обществѣ. Будемъ далѣе радоваться и тому, что на мѣстѣ прежней убогой и единственной въ станицѣ школы высятся теперь здѣсь и вновь строятся прекрасныя школьныя зданія; расширенъ курсъ школьнаго обученія; открыты женскія училища; и причтъ, и все общество, и отдѣльныя лица приходятъ на помощь дѣлу просвѣщенія молодыхъ поколѣній. Это первое, что всегда бросалось мнѣ въ глаза при посѣщеніи родной станицы.

Отчего, однако, мы такъ мало видимъ добрыхъ плодовъ усилившагося образованія? Отчего въ старое время далеко по всему краю жители нашей станицы славилась, какъ хорошіе служаки, честные въ исполненіи своего званія, трудолюбивые, трезвые и семейственные, не знавшіе, что такое воровство, а теперь эта слава не только померкла, но и замѣнилась дурною молвой? Отчего теперь видимъ: царить лѣнь, развѣдываетъ все пьянство, губятъ благосостояніе семейныя дѣлежи и раздоры? Отчего столько ссоръ и слезъ въ каждомъ домѣ, отчего родители со слезами и рыданіями рассказываютъ о томъ, какъ ихъ оскорбляютъ, бранятъ, даже бьютъ родныя дѣти? Покажите мнѣ домъ, въ которомъ, какъ прежде бывало, живутъ вмѣстѣ шестьдесятъ человѣкъ, три или четыре поколѣнія; дайте увидѣть, какъ власть старшаго объединяетъ въ немъ всѣхъ въ молитвѣ, въ послушаніи, въ работѣ, какъ-будто это не домъ, а монастырь; дайте увидѣть, какъ, входя въ домъ, всѣ, будто въ церкви, крестятся и кланяются; какъ съ молитвою садятся за столъ; какъ горитъ передній уголь окладами иконъ и свѣтомъ лампадъ, точно это иконостасъ; какъ хозяинъ ведетъ въ субботній вечеръ бесѣду о Богѣ и Его заповѣдяхъ; какъ съ тихою молитвою, съ „благословеніемъ, по гробъ жизни нерушимымъ“, и съ наставленіемъ служить и „прямить“ Богу, царю и родинѣ до послѣдней капли крови провожаютъ на службу молодого казака; какъ принимаютъ

тамъ священника, пришедшаго съ молитвою, или странника съ его благочестивыми разсказами! Гдѣ все это дѣлось и куда ушло? Отчего знанія, грамотность, ученіе увеличились, улучшились, а жизнь стала хуже, а люди стали злыми? Отчего часто молодые люди идутъ не къ Тому Учителю, къ Которому обратился юноша евангельскій, а къ учителямъ погибельнымъ и самозваннымъ? Отчего ищутъ они не пути къ жизни вѣчной и небесной, а думаютъ, хотя бы цѣною преступленія, улучшить только жизнь временную, земную? Отчего не хотятъ и думать о тѣхъ заповѣдяхъ, соблюденіе которыхъ указалъ Спаситель юношѣ для вѣчной жизни? Отчего слова, помыслы, стремленія,—все обращено къ той страсти къ богатству, которая даже и благочестиваго евангельскаго юношу отдалила отъ царства Божія?

Оттого, братіе, что знанія сами по себѣ не дѣлаютъ человѣка человѣкомъ; оттого, что обогащеніе ими ума еще не дѣлаетъ добрыми сердце и волю; оттого, что одна ученость безъ вѣры и благочестія есть зимнее солнце, что свѣтитъ, да не грѣетъ; оттого, что знать многое еще не значить дать окружающимъ насъ людямъ уваженіе, любовь, заботливость, радость и довольство; оттого, что познанія и умъ безъ вѣры и благочестія несутъ гибель и пагубу, и вообще могутъ быть обращены и на добро и на зло: такъ, острый ножъ ремесленнику и сапожнику служить для полезной работы и прокормленія семьи, а разбойнику—для убійства и грабежа на большой дорогѣ. Значить, кромѣ знаній, молодому поколѣнію нужно что-то иное, нужно не одно ученіе, а, главнымъ образомъ, и воспитаніе сердца.

Все это вѣрно, скажете вы, а вмѣстѣ и спросите: но легко ли, легко ли воспитывать?

Очень и очень легко, если въ семействѣ, въ школѣ и въ жизни есть искренность, есть прямота и правдивость. Очень и очень трудно, даже невозможно, если родители, учителя, пастыри учатъ дѣтей добру и воспитываютъ ихъ только „сказомъ и наказомъ, а не показомъ“, если они одно говорятъ, а другое дѣлаютъ; если они сами невоздержны, нетрезвы, неуважительны, злобны и нечестны. Тогда поневолѣ многое

надо скрывать отъ дѣтей, а развѣ скроешь это раздвоеніе мыслей, чувствъ и дѣлъ?

Откуда прежде была такая крѣпкая вѣра въ Бога и поминоеніе Его Церкви? Изъ семьи, изъ школы, изъ жизни, ибо всѣ одно говорили, одно мыслили, и это одно было искреннею преданностью всегда и во всемъ волѣ Господней; оттуда же была любовь къ Царю, къ закону и порядку; оттуда и готовность на всѣ жертвы ради родного народа. Всѣ одно мыслили и говорили, одно дѣлали, и не было въ этомъ отношеніи лжи и укрывательства. Вотъ предъ вами хоръ пѣвчихъ; если они научены и приучены пѣть согласно и никто другъ другу не мѣшаетъ, то чрезъ это одно они уже другъ другу помогаютъ и получается стройное и звучное пѣніе, пріятное для слуха. Но если одинъ только, или два пѣвца станутъ пѣть неправильно и вносить раздоръ голосами своими, то уже испорченъ весь хоръ, пѣніе всѣхъ остальныхъ пятидесяти пѣвцовъ вдругъ все становится нестройнымъ и непріятнымъ. То же и въ жизни. Будемъ едиными устами и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать пречестное и великолѣпное имя Господа; будемъ едины въ семьѣ, и въ школѣ, и въ жизни; будемъ устранять, изгонять все, что противно Божественной истинѣ; будемъ глухи ко всѣмъ и всякимъ соблазнамъ слова и дѣла, распространяемымъ среди насъ и устнымъ словомъ и всякаго рода ядовитыми листками, книжками и газетами. Будемъ цѣнить высоко образованіе, будемъ учить дѣтей всякимъ познаніямъ, будемъ помогать школамъ, какъ разсадникамъ знаній, но будемъ больше всего, подобно евангельскому юношѣ, искать царства Божія, искать наставленій Божественнаго нашего Спасителя, желать вѣчной жизни; будемъ помнить и урокъ Спасителя юношѣ: соблюдать заповѣди, слѣдовать за Христомъ, избѣгать пристрастія къ земнымъ стяжаніямъ и рабства богатству.

Тогда въ пользу намъ, на добро ближнимъ, во славу Божию будетъ процвѣтать наше просвѣщеніе, ибо нѣтъ ничего выше и краше на свѣтѣ, какъ человѣкъ вѣрующій и ученый, добрый и умный. Такими свѣточами красна жизнь, счастливы люди и благоугождается Богъ.

II.

Мы уже говорили, что не къ Тому Божественному Учителю, къ Которому подошелъ евангельскій юноша, приступаютъ и обращаются нынѣшніе юноши,—да и они ли одни?—а къ другимъ учителямъ, о которыхъ справедливо сказать словами Писанія: „если слѣпецъ слѣпца поведетъ, оба упадутъ въ яму“...

Неужели и мы слѣпы?—въ негодованіи говорили древніе враги Христовы—фарисеи, когда Спаситель назвалъ ихъ слѣпцами. И услышали въ отвѣтъ: „если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха, но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ“ (Іоан. IX, 40, 41).

Совершенно то же нужно сказать и современнымъ врагамъ Христовымъ, которые гордо считаютъ себя просвѣщенными, которые читаютъ книги и газеты, называютъ себя передовыми и мыслящими, сѣются замѣнить своимъ гнилымъ словомъ слово Христово, желаютъ быть учителями народа и особенно его молодыхъ поколѣній, проползаютъ къ народу то чрезъ школы, то чрезъ больницы, то чрезъ государеву службу, то чрезъ чтенія и бесѣды, то чрезъ театральныя представленія и различныя развлеченія и удовольствія въ собраніяхъ, въ народныхъ домахъ и т. п., то, наконецъ, при всякомъ случаѣ скопленія народа по торговымъ или инымъ нуждамъ, подъ видомъ частныхъ разговоровъ. Такова, братіе, природа и таково свойство зла: оно не хочетъ остаться одинокимъ. Потерялъ человѣкъ вѣру,—онъ непременно хочетъ сдѣлать безбожниками и другихъ; сдѣлался онъ противникомъ Царю и правительству,—онъ во что бы ни стало желаетъ тянуть на тотъ же путь и другихъ; пристрастился ли онъ къ какому-либо пороку, нарушилъ долгъ службы, измѣнилъ своей совѣсти и долгу,—онъ желаетъ себя оправдать тѣмъ, что и другіе поступаютъ такъ же, какъ онъ, и онъ поэтому радъ соблазнить и другихъ и имъ привить тѣ же грѣхи и тѣ же пороки. Это—сатанинское свойство, это—повтореніе соблазна прародителей

нашихъ въ раю со стороны ладшаго и погибшаго врага Божія — дiавола. Ничто такъ не противно измѣннику, какъ видъ чело-вѣка, вѣрнаго долгу; ничто такъ не беспокоитъ безбожника, какъ сознаніе, что всѣ вокругъ него вѣруютъ въ Бога. И вотъ, въ безуміи своемъ онъ сочиняетъ всякія небылицы, изрыгаетъ всякія хулы; и церкви, по его словамъ, грубымъ и глупымъ, это-де— „кузницы, гдѣ попы куютъ себѣ деньги“; по его завѣренію, „скоро всѣ церкви обратятся въ конюшни“, и онъ радъ этому, онъ любитъя своими безумными глаголами; и „попы“, по его словамъ, „только для того молятся и служатъ, чтобы нажитья“, и это, замѣтите, чаще всего говорятъ тѣ, которые сами чужимъ пѣтомъ и трудомъ нажились, отъ которыхъ служители Божіи никогда и ничѣмъ не пользовались; и „свѣчи“ въ церкви, по ихъ безумнымъ рѣчамъ,— „только восковыя палочки“¹⁾ и т. д., и т. д. Такъ говорятъ эти люди, почитающіе и прославляющіе себя просвѣщенными и увѣряющіе, что они служатъ „просвѣщенію народа“.

„Неужели мы слѣпцы?“—повторяютъ и они вопросъ древнихъ враговъ Христовыхъ, изъ которыхъ многіе тоже говорили и утверждали, что „нѣтъ ни ангела, ни духа, ни воскресенія мертвыхъ“ (Дѣян. XXIII, 8). И нѣтъ утѣшенія сказать имъ, что они поступаютъ и говорятъ по незнанію; напротивъ, остается по отношенію къ нимъ въ полной силѣ слово Христово, грозное и страшное: „Если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха, но, какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ“.

Посему надлежитъ намъ разобраться въ такомъ просвѣщеніи, которое хуже всякаго омраченія. Въ мѣстахъ болотныхъ, гдѣ особенно много гніенія, есть странное явленіе природы, такъ-называемые ложные огни. Въ темную ночь кажется чело-вѣку, что впереди свѣтъ; но если неопытный путникъ пойдетъ на этотъ свѣтъ, то никакого свѣта на самомъ дѣлѣ онъ не найдетъ, ибо его нѣтъ, а попадетъ путникъ въ болото и въ трясину, притомъ въ самое опасное мѣсто, гдѣ больше всего гнили; его засосетъ глубь бездонной пучины, наполненной жид-

¹⁾ Все—живые факты.

кою, противною и зловонною грязью. Таково именно и то просвѣщеніе, которое отошедшіе отъ Христа и Его Церкви современные мудрецы, не желающіе считать себя слѣпцами, предлагаютъ нашему народу.

Возникаетъ такое просвѣщеніе и привлекаетъ оно къ себѣ и находитъ слушателей и послѣдователей только тамъ, гдѣ началось духовное гніеніе, гдѣ пала вѣра въ Бога, гдѣ противно напоминаніе о небѣ и вѣчности, гдѣ отвратительно самое имя святости и добродѣтели, гдѣ царятъ злоба, ненависть, зависть ко всему тому, что стоитъ выше,—словомъ тамъ, гдѣ пучина всякой зловонной духовной мерзости и грязи. Пойти за такимъ „просвѣщеніемъ“, значить—погибнуть; слушать слѣпцу такого же слѣпца и еще худшаго, это значить—обоимъ попасть въ яму.

И тѣмъ болѣе сознается нами, пастырями, долгъ нашъ,—предупредить неопытныхъ, показать, гдѣ свѣтъ истинный, а гдѣ огни фальшивые и ложные, гдѣ путь въ гору Господню, къ вѣчному небу и счастью, и гдѣ путь во дно ада, въ пучину гибели. Благодареніе Богу, мы имѣемъ вѣрный способъ провѣрять всякаго учителя вѣчнымъ образомъ нашего Божественнаго Учителя Христа, провѣрять всякое ученіе и наставленіе вѣчнымъ ученіемъ Христовымъ. Займемся же такую провѣрку; это для насъ необходимо и спасительно особенно теперь, когда вездѣ, и здѣсь среди васъ, появлялось и появилось столько ложныхъ просвѣтителей—и своихъ домашнихъ, и наѣзжихъ.

Божественный нашъ Учитель говоритъ юношѣ: „если хочешь войти въ жизнь *вѣчную*, соблюди заповѣди“.

Скажите вы, лживые учителя, а въ сущности, губители народа,—скажите: о *вѣчной* ли жизни вы хлопочете? Нѣтъ, братіе, всѣ ихъ помыслы привязаны къ землѣ; всѣ рѣчи только объ устройствѣ земного благополучія; всѣ стремленія только къ тому, чтобы забрать себѣ и приобрѣсти капиталы, хотя бы силою и разбоемъ отнять ихъ у другихъ, якобы во имя справедливости. Но не заполнить всѣмъ этимъ души и сердца; вѣчно будетъ въ насъ жажда духовная и тоска по иному, вѣчному царству; вѣчно надъ нами будетъ стоять образъ не-

избѣжной смерти и, повѣрьте, никто такъ не пугается, никто такъ не теряется, никто такъ не бѣется въ отчаяніи при видѣ смерти перваго близкаго человѣка, какъ люди, всю жизнь заботившіеся о земномъ благоустроеніи. Таковымъ нѣтъ покоя. Вотъ почему и учителя, забывающіе о вѣчной жизни или вступающіе противъ ученія о ней, никогда и земного благополучія и счастья не принесутъ ни себѣ, ни другимъ.

„Соблуди заповѣди“... „Какія?“—спросилъ юноша, ожидая услышать наставленіе и заповѣди новыя, особенныя, никѣмъ неслезанныя и еще неслыханныя. Въ отвѣтъ ему Іисусъ Христосъ указалъ на заповѣди Закона Божьяго, вѣчныя и неизмѣнныя, всѣмъ извѣстныя.

А новыя лжеучители о какихъ заповѣдяхъ говорятъ? Закона Божьяго они не признаютъ, заповѣди же свои они заимствуютъ то у „умныхъ людей“, то изъ „умныхъ книгъ“, съ которыми они носятя и изъ которыхъ они, сами ничего не имѣя своего въ головѣ, берутъ на-прокатъ и на временное поддержаніе чужія слова, чужія мысли, и поэтому повторяютъ ихъ, какъ затверженные уроки, удивительно однообразно и похоже одинъ на другого. Но прежде всего, кто и почему призналъ умныя книги умными, — это никому неизвѣстно. А затѣмъ, нѣтъ такой умной книги, которую не опровергали бы тысячи другихъ, тоже умныхъ, книгъ и которую потомъ, чрезъ 20—30 лѣтъ, преемники и послѣдователи такихъ современныхъ умниковъ не признали бы ошибочной и глупой. Только слово Божіе, братіе, неизмѣнно и вѣчно, только оно всегда себѣ вѣрно, только заповѣди Божіи всегда и для всѣхъ одинаковы, только онѣ—свѣтъ стопамъ нашимъ, а заповѣди человѣческія непостоянны, измѣнчивы; воистину, неразумень тотъ человѣкъ, который строитъ жизнь на такомъ невѣрномъ основаніи. Это—то же, что строить зимою огромный домъ на льду; придетъ весна, пригрѣетъ солнце, и ледъ растаетъ, и ничего отъ дома не останется.

Какія заповѣди, — и это указалъ Іисусъ Христосъ въ отвѣтъ юношѣ.

Не убій. Но кто же проповѣдывалъ постоянно объ убійствѣ, кто призывалъ смерть на всѣхъ стоящихъ и высказы-

вающихся против новыхъ безбожныхъ и противогосударственныхъ учений,—кто, какъ не наши современныя лжеучители? На чьей совѣсти лежатъ неоднократныя замыслы царубійства? На чьей совѣсти тысячи изуродованныхъ и взорванныхъ бомбами? Великое множество убитыхъ, и въ ихъ числѣ и Царь-Мученикъ и Освободитель Александръ II-й, и Великій Князь Сергій Александровичъ, и правители, начальники, генералы, и еще большіе рядовыхъ солдатъ, казаковъ, изъ которыхъ многіе убиты только за охрану чужого—казеннаго или частнаго—имущества и чужой жизни, а вмѣстѣ съ ними такое же множество случайныхъ жертвъ, убитыхъ при выстрѣлахъ, взрывахъ, при ограбленіяхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, при ограбленіяхъ кассъ, казначействъ и т. п. Всѣ эти тысячи убитыхъ, взорванныхъ, растерзанныхъ, а затѣмъ тысячи убійствъ и покушеній задуманныхъ, но почему-либо неудавшихся, являются отвѣтомъ на вопросъ: существуетъ ли для новыхъ лжеучителей заповѣдь „не убій“. Они любятъ приводить ее и ссылаются на нее только тогда, когда попадаютъ сами въ руки законной власти и боятся смертной казни отъ законнаго суда тѣхъ самыхъ людей, на кого сами они только-что шли незаконно и самозаконно съ бомбами или револьверами.

Не прелюбодѣйствуи. Но наши „передовые“ учителя прежде всего отрицаютъ бракъ церковный, семью и всякую чистоту нравовъ; всѣ они легко могутъ быть признаны по всеобщему блуду: мужчины и женщины живутъ у нихъ по-скотски, сходятся, расходятся, мѣняють мужей и женъ; они внушаютъ юношамъ и дѣвушкамъ, что грѣха прелюбодѣянія и блуда нѣтъ, что признакъ просвѣщенія—это „свобода чувства“. Слѣдуетъ, однако, сказать, что гораздо раньше ихъ ученія по такой „свободѣ чувства“ жили и живутъ собаки...

Не кради. Но тысячи грабежей и новомодныхъ „экспропріацій“, подметныя письма съ требованіемъ отдать крупныя суммы денегъ,—эти письма и здѣсь были распространены,—нападенія на казначеевъ, на артельщиковъ, на кассы, банки, торговныя заведенія,—все это ясно показываетъ, какъ исполняется у новыхъ учителей заповѣдь: „Не укради“. А ученіе социалистовъ, по которому все, что другіе приобрѣли трудомъ,

надо насильно отнять и забрать себѣ,—развѣ оно говорить объ исполненіи этой заповѣди? Отвѣчаютъ на это лукавыми словами и разсужденіями: „и Спаситель, говорятъ, велѣлъ юношѣ продать имѣніе и раздать нищимъ“. Но Спаситель тому же юношѣ повторилъ древнюю заповѣдь: не укради,—значитъ, Онъ запретилъ отнимать чужое; затѣмъ, надо брать у Спасителя все, что Онъ говорилъ, а не то одно, что тебѣ нравится, да еще въ ложномъ перетолкованіи. Такъ, Спаситель сказалъ юношѣ: „если хочешь“,—а социалисты требуютъ насильно, хочешь ли или не хочешь,—все равно; Спаситель говорилъ: „если хочешь быть совершеннымъ“,—а социалисты совсѣмъ не думаютъ о нравственномъ совершенствѣ, они только хотятъ захватить и распредѣлить поровну земныя блага; Спаситель говорилъ: „продай имѣніе твое“,—а социалисты вѣдь не купить его хотятъ, а просто отнять; и затѣмъ, если имѣніе продать, то купившій будетъ пользоваться имъ, какъ собственностью,—а социалисты отвергаютъ всякое право собственности; Спаситель говоритъ: „будешь имѣть сокровище на небесахъ“,—а социалисты ни о какихъ такихъ сокровищахъ небесныхъ не думаютъ; Спаситель предупреждаетъ юношу отъ пристрастія къ земному богатству, къ земнымъ приобрѣтеніямъ и благамъ,—а социалисты только объ однихъ земныхъ благахъ и говорятъ и помышляютъ, и все счастье человѣка полагаютъ въ ихъ приобрѣтеніи и равномъ распредѣленіи; Спаситель говоритъ, что спасеніе человѣка невозможно для человѣческихъ силъ, и только у Бога возможно,—а социалисты знать не хотятъ помощи Божественной, а всѣ надежды полагаютъ только на силы человѣческія: вмѣсто силы Божіей они вѣрятъ въ силу ума человѣка и предъ нею идолопоклонствуютъ.

Почитай отца и мать... Пусть скажутъ новые лжеучители, учать ли они почитать отца и мать, старшихъ и начальствующихъ, Царя и правителей, учать ли они почитать хоть кого-либо на свѣтѣ, учать ли они повиноваться хоть кому-либо въ мірѣ. А вѣдь съ этою заповѣдью о почтеніи къ родителямъ связаны и изъ нея вытекаютъ и заповѣди о почитаніи власти: „Бога бойтесь и Царя чтите“, говоритъ одинъ апостоль; „всякая душа да будетъ покорна поставленнымъ властямъ“, гово-

рить другой апостоль; „почитать нужно не только владыкъ благихъ и кроткихъ, но и строптивыхъ“, и апостолы сами молились о царяхъ и повиновались царямъ-язычникамъ, царямъ-злодѣямъ и преступникамъ, гонителямъ христіанъ, при-суждавшимъ и самихъ апостоловъ къ казнямъ (1 Петр. II, 13, 17, 18; Римл. XIII, 1; 1 Тим. II, 2). И еще: когда апостоль Павелъ сталъ возражать во время суда на неправедныя обвиненія противъ него, и узналъ потомъ, что предъ нимъ не простой человѣкъ, а первосвященникъ, то онъ немедленно какъ бы извинился предъ нимъ, хотя первосвященникъ поступилъ на судѣ жестоко и несправедливо, приказавъ бить апостола по устамя, вопреки закону; при этомъ апостоль замѣтилъ: „начальствующаго въ народъ твою не злословь“ (Дѣян. XXIII, 5).

Мы же теперъ отъ развратителей народныхъ только и слышимъ, что злословіе всякаго начальства. Знаемъ мы хорошо и предсказываемъ: зло, распространяемое этими лживыми „просвѣтителями“ народа, на нихъ самихъ обратится; семьи ихъ будутъ, какъ змійныя гнѣзда; дѣти ихъ имъ первымъ покажутъ плоды нечестиваго ученія; на себѣ самихъ они испытуютъ непочтеніе своихъ дѣтей, и дѣти ихъ, какъ змѣеныши, когда вырастутъ, будутъ пожирать и родителей, и другъ друга. Собираютъ они себѣ гнѣвъ на день гнѣва и праведнаго суда Божія! Будетъ домъ ихъ пустъ, и проклятіе будетъ тяготѣть на потомствѣ ихъ. Богъ поругаемъ не бываетъ...

Братіе возлюбленные! Храните уроки, преподаваемые намъ священной повѣстью о юношѣ евангельскомъ. Да будутъ уши ваши отверсты къ наставленіямъ Господа Иисуса Христа, и да будутъ уши ваши закрыты къ рѣчамъ смутьяновъ и соблазнителей, которые въ безсильной злобѣ невѣрія, нечестія, зависти и корысти хотятъ обратить васъ въ средство и орудіе къ тому, чтобы самимъ пройти къ власти, вліянію и обогащенію.

Послѣдняя заповѣдь, указанная Спасителемъ юношѣ, гласитъ: *люби ближняго твоего, какъ самого себя.*

Самихъ себя очень любятъ наши лжеучители. Они не пропустятъ случая, чтобы получить выгоду; они не откажутся отъ увеличенія своего богатства; они своихъ интересовъ и себя не

забудутъ. Но чтобы любить и ближнихъ, какъ самихъ себя, этого въ нихъ мы не видимъ, ибо судить строго всякіе недостатки власть имѣющихъ, возбуждать къ злобѣ, къ убійствамъ, къ грабежу, къ неуваженію старшихъ, распространять и составлять о всѣхъ неугодныхъ имъ людяхъ всякія низкія сплетни, клеветы и ложныя обвиненія,—это не значить любить своихъ ближнихъ.

Вы знаете, что, по рассказамъ вашихъ смутьяновъ, усердно распространяемымъ здѣсь на моей родинѣ, и я будто бы за что-то сосланъ въ Сибирь, совершалъ преступленія, убилъ жену, бѣжалъ даже въ Америку. Все это клеветуютъ за то одно, что я остался вѣренъ долгу и присягѣ Богу, Царю и отечеству и, какъ нынѣ предъ вами, вездѣ, гдѣ Богъ привелъ мнѣ и учить, я обличалъ смутьяновъ, бунтовщиковъ и лжеучителей. Но вы видите, вотъ я предъ вами, не сосланъ, не обвиненъ, и не былъ никогда и никѣмъ обвиняемъ въ преступленіяхъ.

Сколько правды въ такихъ обвиненіяхъ противъ меня и извѣстіяхъ обо мнѣ, столько же правды во всѣхъ ученіяхъ этихъ сыновъ погибельныхъ. Ложь и клевета для нихъ—то, что воздухъ для человѣка, что вода для рыбы. Слова ихъ—не просвѣщеніе, а омраченіе народное.

Конецъ слова моего—въ словѣ Божественнаго нашего Учителя, Господа Иисуса Христа: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ“ (Матѣ. VII, 15). Аминь.

Свидѣтели вѣрные.*

Вспоминаемъ и чествуемъ сегодня вѣрнаго свидѣтеля Господня, за истину пострадавшаго съ радостью, святого пророка и предтечу Христова и Крестителя Іоанна.

* Слово въ день Успыновенія главы Іоанна Крестителя; сказано 29 августа 1908 г. въ церкви ст. Ново-Александровской, Кубанской области, въ виду сильной революціонной пропаганды.

Вѣрнымъ рабомъ Божиимъ и свидѣтелемъ явился онъ, когда получилъ повелѣніе Господа проповѣдывать людямъ скорое пришествіе Спасителя и крестить людей крещеніемъ покаянія; вѣрнымъ свидѣтелемъ явился онъ, когда, по откровенію пославшаго его крестить въ водѣ, указалъ онъ народу Сына Божія, имѣющаго крестить Духомъ Святымъ (Іоан. I, 33—4); вѣрнымъ свидѣтелемъ явился онъ, когда возгремѣлъ гласъ его и въ пустынѣ, и при водахъ Іордана, когда приходили къ нему люди всѣхъ званій и состояній—мытари, фарисеи, саддукеи, воины, и когда каждому сердцу онъ повѣдалъ его печальную исторію, указалъ грѣхи, обличилъ неправды, давалъ наставленія; вѣрнымъ свидѣтелемъ истины Божіей явился онъ, когда въ лицо обличилъ царя нечестиваго, нарушившаго законъ и соблазнявшаго народъ тѣмъ, что взялъ себѣ жену брата своего, *отнявъ* ее у живого мужа.

Свѣтъ непріятенъ больному глазу, истина непріятна испорченному сердцу. Къ кому бы ни обращалось обличеніе, рѣдко исполняется слово древняго мудреца: „обличи премудраго и возлюбитъ тебя“; чаще видимъ другое: если обличишь безумнаго, онъ возненавидитъ тебя. Это въ равной мѣрѣ относится ко всѣмъ людямъ,—и къ сильнымъ и къ слабымъ, и къ богатымъ и къ бѣднымъ, къ ученымъ и простецамъ. Напрасно поэтому думаютъ и говорятъ, что преслѣдуютъ провозвѣстниковъ истины только люди, стоящіе у власти. Не одни цари и правители убивали пророковъ и апостоловъ и мучили христіанъ: мы знаемъ, что Пилатъ не находилъ вины въ Исусѣ Христѣ, а толпа вопила: „возьми, возьми, распни Его“; мы знаемъ, какъ часто начальники не только защищали, но и прямо спасали апостола Павла отъ смерти въ Іерусалимѣ, въ Кесаріи, въ Ефесѣ, въ Коринѣ,—читайте объ этомъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (главы XIII, XIV, XVI, XVIII, XIX, XXI—II—III и т. д.), люди же улицы, безумная толпа требовали смерти апостола, а однажды сорокъ человекъ заклились не ѣсть и не пить, пока не убьютъ апостола Павла и сторожили его на дорогѣ (Дѣян. XXIII, 13); мы знаемъ, что первыхъ христіанъ очень часто влекло на судъ и предавало смерти буйное народное сборище, кричавшее, что эти, якобы,

безбожники достойны смерти; наконецъ, что всего удивительнѣе, первыхъ христіанъ правители и начальники предавали самымъ жестокимъ истязаніямъ и казнямъ, по требованію ученыхъ, философовъ, людей, считавшихъ себя самыми образованными и просвѣщенными. Ибо нѣтъ болѣе жестокой ненависти къ истинѣ, какъ у людей, ея не признающихъ, но себя почитающихъ мудрыми и обладающими истиной. Въ послѣднемъ мы убѣждались теперь каждый день.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что и Крестителя Іоанна схватилъ имъ обличаемый предъ всѣми царь и посадилъ его въ мрачную темницу. Въ это время Іисусъ Христосъ уже былъ въ силѣ Своего Божественнаго учительства: за Нимъ слѣдовало множество слушателей, Онъ неустанно училъ народъ истинамъ царствія Божія, Онъ совершалъ множество чудесъ. До Іоанна, томившагося въ темницѣ, доходили слухи объ Іисусѣ, и онъ не зналъ, Тотъ ли это Самый, Кого онъ крестилъ и на Кого сходилъ Духъ Святой при крещеніи, или это кто-то другой. Можетъ-быть, по человѣческой слабости временно заколебался духъ его въ этомъ мучительномъ заключеніи въ подземной темницѣ далекой пустыни; можетъ-быть, хотѣлъ онъ кротко и смиренно напомнить о себѣ предъ Чудотворцемъ Іисусомъ, въ тайной надеждѣ, не изведетъ ли Онъ и его чудодѣйственною силою изъ узъ и заточенія. И вотъ посылаетъ онъ къ Іисусу двоихъ учениковъ своихъ сказать Ему: „Ты ли Тотъ, Который долженъ придти, или ожидать намъ другого“?

Непостижима, братіе, тайна судебъ Божіихъ; невѣдомы намъ тайны Божественнаго міроуправленія, непостижима уму и тайна страданія праведныхъ. И Спаситель Самъ не сошелъ со креста, не свелъ со креста страданій и раскаявшагося разбойника, не вывелъ изъ темницы и Іоанна. Но предъ учениками Іоанна Онъ засвидѣтельствовалъ о Своемъ небесномъ посланничествѣ, поддержалъ вѣру Своего Предтечи, укрѣпилъ его духъ, предостерегъ отъ колебанія: „Пойдите, скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ, нищіе благовѣствуютъ; и блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ“ (Матѣ. XI, 6).

А затѣмъ Господь восхвалялъ Іоанна самою высокою похвалою, какая есть и можетъ быть въ мірѣ: „Истинно говорю вамъ,—сказалъ Господь,—изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя“ (ст. 11).

И остался Іоаннъ свидѣтелемъ вѣрнымъ и въ страданіи своемъ. Скоро и кровью своею засвидѣтельствовалъ онъ вѣрность истинѣ, принявъ смерть отъ руки палача, по требованію развратной блудницы Иродіады, незаконной жены царя, и ея безсердечной и такой же развратной дочери¹⁾.

Святая Церковь отмѣтила особо этотъ день воспоминанія смерти праведнаго и вѣрнаго свидѣтеля Господня установленіемъ поста, въ знакъ того, что мы далеки должны быть отъ того нечестиваго образа жизни, отъ блуда, пьянства и безумія пиршествъ и всякаго непотребства, въ которыхъ пребывали убійцы святого пророка — Иродъ, Иродіада, ея дочь и всѣ окружающіе царя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ невольно предъ духовнымъ взоромъ нашимъ встаютъ всѣ подражатели святого Іоанна, подобно ему смертью своею запечатлѣвшіе вѣрность истинѣ, отъ кого бы они ни пріяли гоненія и кончину.

Кто они, эти вѣрные свидѣтели?

Это—прежде всего, конечно, святые мученики, исповѣдники, страстотерпцы, имъ же нѣсть числа, пострадавшіе за Христа и Его Церковь по всей землѣ. Они во святыхъ, и имена ихъ вѣчно въ похвалахъ Церкви Божіей.

Но подобны имъ и всѣ тѣ не прославленные святостью жизни, можетъ-быть, въ земномъ житіи и много согрѣшавшіе, но пріявшіе смерть за исполненіе своего долга предъ ближними: это—православные воины, положившіе жизнь свою за вѣру, царя и отечество на поляхъ брани, въ дальнихъ плаваніяхъ, на-стражѣ долга, въ защитѣ родины, во исполненіе величайшей заповѣди Христовой: „больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“. Нынѣ поминаетъ ихъ святая Церковь заупокойною молитвою. Вамъ,

¹⁾ Читается евангельское объ этомъ сказаніе по русскому тексту (Марк. VI, 14—30).

возлюбленные, особенно близки эти свидѣтели вѣрные. За послѣднія сто лѣтъ, какъ здѣсь поселены были казаки для огражденія русскаго царства отъ натиска и набѣговъ дикихъ горцевъ, есть ли среди коренныхъ жителей станицы хотя одна семья, въ которой бы не было за минувшія войны нѣсколькихъ убитыхъ на полѣ брани, замученныхъ и погибшихъ въ плѣну, пропавшихъ безъ вѣсти, умершихъ преждевременно отъ полученныхъ ранъ и увѣчій? О нихъ ведутся тихіе рассказы въ старыхъ семьяхъ, о нихъ хранятся здѣсь бережно воспоминанія... Совершая сегодня священную службу, на проскомидіи въ рѣдкомъ „помянаніи“ (помянникѣ) мы не встрѣтили именъ на брани убиенныхъ воиновъ... И достойно и праведно возносится о нихъ нынѣ особое моленіе въ день, когда празднуется память съ похвалами вѣрнаго свидѣтеля Господня Іоанна. И вѣримъ мы, и вѣрою и любовію възгрѣваемъ надежду, что молитва церковная пройдетъ небеса, что всенародное моленіе предстанетъ предъ Господомъ, и грѣхи, содѣянные ими, простятся и покроются за труды ихъ, за страданія, за кровь и смерть ради блага Церкви и родины.

И еще есть теперь свидѣтели вѣрные; это слуги царицы, павшіе жертвою за исполненіе своего долга предъ родиною отъ руки безбожныхъ внутреннихъ враговъ нашего отечества. За грѣхи наши послалъ намъ Господь тяжкое испытаніе. Отъ насъ самихъ вышли и изъ среды нашей возстали люди развращенные; одни изъ нихъ—это сознательные обманщики, которые, или ненавидя Россію, покрыли ее измѣнами, предательствомъ, кровью и позоромъ, или, пробираясь къ власти и богатству, старались устранять убійствами и насиліями всѣхъ, кто мѣшалъ имъ въ достиженіи ихъ преступной цѣли; другіе же изъ нихъ, въ большинствѣ обманутые, сбитые съ толку, шли сами на гибель и губили другихъ, по предреченію евангелія: „придетъ часъ, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ этимъ совершаетъ службу Богу“ (Іоан. XVI, 2). Только не нашему Богу истины, а своему собственному богу, сатанѣ, идолу современныхъ учений они совершали службу. И вотъ, на нашихъ глазахъ,—мы всѣ помнимъ это и знаемъ,—они въ жертву сатанѣ бросали

бомбы, стрѣляли изъ револьверовъ, производили крушенія поѣздовъ, убивали по ночамъ сонныхъ солдатъ, убивали изъ засадъ, распинали, мучили, сжигали, рѣзали, отравляли вѣрныхъ долгу служителей родины. Такъ убито нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ озлобленными врагами, впадшими въ кровавое помѣшательство. Такъ убитъ Царь-Освободитель Александръ II-й и его сынъ великій князь Сергій Александровичъ; убито множество губернаторовъ, начальниковъ всякаго рода и правителей и еще больше убито казаковъ, солдатъ, городскихъ и, наконецъ, просто случайныхъ прохожихъ, стариковъ, старухъ, женщинъ, грудныхъ дѣтей, погибшихъ отъ взрывовъ бомбъ, отъ выстрѣловъ при всевозможныхъ покушеніяхъ. Никого не щадили нечестивые злодѣи въ своемъ кровавомъ безуміи. Въ большихъ городахъ по ночамъ они изъ-за угла или подѣзжая на быстрыхъ лошадяхъ подкарауливали солдатъ, сторожей, городскихъ и безжалостно ихъ разстрѣливали.

Чтобъ имѣть деньги на покупку оружія, на поѣздки, на обезпеченное житье, на наемъ квартиръ, на печатаніе всякихъ подпольныхъ листовъ и особенно на изданіе десятковъ газетъ, развращающихъ народъ, они грабили, отнимали деньги у артельщиковъ, казначеевъ, въ кассахъ, въ банкахъ, въ казначействахъ, вымогали ихъ путемъ застрапчиванія у людей богатыхъ,—и снова убивали и убивали, стрѣляли, бросали бомбы... Безумное помѣшательство стало теперь тише, но все же окончательно еще не прекратилось.

И за всѣхъ этихъ погибшихъ, разстрѣлянныхъ, взорванныхъ, зарѣзанныхъ, убитыхъ достойно и праведно нынѣ вознести заупокойное моленіе, какъ за свидѣтелей вѣрныхъ, помянуть ихъ вмѣстѣ съ православными воинами, на брани убиенными. Тяжела была ихъ смерть, не легче была и жизнь: ихъ обычно, прежде чѣмъ убить, преслѣдовали продажныя и преступныя газеты, клеветали на нихъ, возводили всякія небывлицы, обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ, позорили всячески ихъ имя, лишали покоя ихъ самихъ и ихъ родныхъ и близкихъ. Да будетъ же и къ нимъ милость Господня! Да прольется и о нихъ наша молитва! И вѣримъ мы

и уповаемъ, что грѣхи этихъ новыхъ безчисленныхъ мучениковъ, свидѣтелей вѣрныхъ, отъ руки враговъ за служеніе Царю и отечеству убиенныхъ, проститъ Господь за страданіе ихъ и смерть и за молитвы Церкви Божіей.

Ибо что говорить о такой смерти отъ руки враговъ Божіихъ святое и вѣчное слово Господне?

Пишетъ святой апостоль Петръ: „Будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. То угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, *страдавая несправедливо*. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки. Но если, дѣлая добро и *страдавая*, терпите, это угодно Богу“ (1 Петр. II, 13—20). „Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или посягающій на чужое. А если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь“ (IV, 15—16).

Пишетъ и святой апостоль Павелъ: „Если кто и подвизается, не увѣнчивается, если не законно будетъ подвизаться и мучень будетъ“ (2 Тим. II, 5).

Итакъ, вся похвала только убиеннымъ за исполненіе долга, и нѣтъ никакой похвалы пострадавшимъ, хотя бы и убиеннымъ за преступленія и беззаконія. Итакъ, какъ лживы и безумны всѣ эти убійцы, бунтовщики и крамольники, когда, попадая на суды, подвергаясь осужденію въ тюрьмы или ссылки, или на смертную казнь, они своими ли устами или устами своихъ единомышленниковъ селятся себя называть и прославлять „борцами“, „героями“, „подвижниками“ и „мучениками“! Намѣренно, съ особою силою, мы говоримъ здѣсь объ этомъ, ибо знаемъ, что здѣсь именно раздавались и нынѣ раздаются такія рѣчи, восхваляющія злодѣевъ и приравнивающія ихъ къ мученикамъ и подвижникамъ, здѣсь именно раздаются и обвиненія противъ правительства и суда за то, что они ссылаютъ и присуждаютъ къ казнямъ такихъ убійцъ и преступниковъ.

Какъ убѣдительно, какъ ясно опровергаются эти лице-мѣрные и лукавыя рѣчи приведенными словами святыхъ апостоловъ! Нѣтъ, не всякое страданіе, не всякая смерть есть мученичество и подвигъ! Это понимали гораздо лучше нынѣшнихъ просвѣщенныхъ разбойниковъ разбойники, распятыя на крестѣ вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, страдаая неимоვნю и останавливая другого въ его хулахъ и ругательствахъ, говорилъ: „Или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ, Іисусъ Христосъ, ничего худого не сдѣлалъ“ (Лук. XXIII, 40—41). А нынѣшніе защитники политическихъ убійць и преступниковъ, очевидно, полагаютъ, что страданія и Христа и разбойниковъ имѣли одинаковую цѣну и заслугу!..

Далѣе: не преступленіе совершаетъ законное правительство, когда наказываетъ злодѣевъ, напротивъ, оно исполняетъ свой долгъ, ибо, слышали вы, говорить апостоль Петръ: правители посланы для наказанія преступниковъ. Апостоль же Павелъ учить: „Начальствующіе срашны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея. Ибо начальникъ есть Божій слуга; если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Римл. XIII, 3—4). Слышите: мечъ данъ власти земной, и данъ не напрасно; онъ законно и праведно направленъ противъ злодѣевъ и крамольниковъ. Самъ апостоль, когда его представили на судъ, на своемъ собственномъ лицѣ и примѣрѣ указалъ, что мечъ этотъ можетъ быть употребленъ властью для посѣченія зла; здѣсь же апостоль вмѣстѣ съ гѣмъ далъ намъ ясное различеніе смерти ради Христа, за правду, и смерти за преступленіе; онъ заявилъ судьѣ: „если я неправъ и сдѣлалъ что-нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нѣтъ, то никто не можетъ выдать меня обвинителямъ. Требую суда кесарева“, т.-е. царскаго (Дѣян. XXV, 11).

Что скажутъ на это современные злодѣи, убійцы, измѣн-

ники, бунтовщики, предатели и грабители? Они осуждены безповоротно словомъ Божиимъ, и спасеніе ихъ не въ томъ, чтобъ ихъ другіе или они сами себя прославляли, какъ „борцовъ“ за свободу: такой борецъ былъ Каинъ, такой „борецъ“ былъ и Іуда; нѣтъ, ихъ спасеніе только въ томъ пути, на который вступилъ евангельскій благоразумный разбойникъ, распятый съ Іисусомъ: признать свою вину, осудить себя, признать наказанія, на нихъ налагаемыя, справедливыми, раскаяться и у Христа Спасителя просить прощенія грѣха и участія въ Его царствіи. Иначе это будутъ предстатели отъ Іуды, а не отъ Христа, свидѣтели отъ сатаны, а не отъ Бога,—свидѣтели лживые, а не вѣрные.

Всѣхъ же вѣрныхъ свидѣтелей да помянетъ Господь во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Помолимся о нихъ всецерковнымъ моленіемъ. И если и намъ самимъ за слово истины, за крѣпкое стояніе въ исполненіи долга, за вѣрность Богу, Царю и родинѣ судить Господь пріять клеветы, гоненія, позоръ, преслѣдованія и даже смерть, то да сподобитъ и насъ Господь части вѣрныхъ Его свидѣтелей въ молитвѣ Церкви и во царствіи Христовомъ! Аминь.

Кавказскимъ ветеранамъ.*

Дорогіе мои земляки-станичники.

Благодарю Бога за то, что не только вижу ваши дорогія лица, знакомыя съ дѣтства, но и могу молитвою открыть вашъ братскій союзъ ветерановъ-казаковъ, боевыхъ товарищей.

* Рѣчь при открытіи Общества казаковъ-ветерановъ, боевыхъ товарищей Кавказской войны, участвовавшихъ въ бояхъ до 30 августа 1864 г. Сказана 14 сентября 1908 г. въ станицѣ Ново-Александровской, Кубанской области. Участники Общества—всѣ старцы, рожденные въ 40-хъ годахъ; задача Общества—способствовать укрѣпленію семейственности, трезвости и патриотизма въ станицѣ, а также помогать своимъ членамъ въ болѣзняхъ, несчастіяхъ, участвовать при погребеніи умершихъ сотоварищей и помянать ихъ молитвою.

Кавказской войны,—союзъ, имѣющій такія высокія задачи, какъ укрѣпленіе доброй семейственности, трезвости, патриотизма, порядка и добрыхъ нравовъ въ станицѣ. Благодарю васъ и за избраніе меня сочленомъ вашего союза. Я вспоминаю время, когда вы всѣ были еще полны силъ, когда лились ваши безконечные рассказы о минувшихъ дняхъ бранныхъ трудовъ, въ которыхъ принималъ участіе, нерѣдко съ опасностью для жизни, и мой отецъ, вашъ бывший священникъ. Тогда вы были молоды, теперь вы—старцы и всѣ подходите къ тому семидесятилѣтнему предѣлу, который древній и святой воинъ, царепророкъ Давидъ, указалъ человѣческой жизни. Вы помышляете о смерти, вы хотите провожать другъ друга до могилы, вы хотите поминать умершихъ товарищей молитвою. Доброе и святое дѣло!

Но неужели бы вы захотѣли, чтобы духъ Кавказскихъ героевъ также умеръ вмѣстѣ съ вами? Неужели бы вы хотѣли, чтобъ онъ не перешелъ на вашихъ сыновей, внуковъ, правнуковъ и на всѣхъ вашихъ потомковъ?

Никогда я не повѣрю этому: такое явленіе невозможно. Сѣмя, брошенное въ землю, должно дать ростокъ и плодъ. Чувства любви къ родинѣ и къ Царю, преданности святой Церкви и вѣрѣ, безстрашіе при исполненіи долга, готовность умереть за Россію, желаніе видѣть Россію великой, могучей и славной,—все то, чѣмъ были сильны Кавказскіе войны-герои, все это не можетъ умереть, не можетъ погибнуть.

Правда, мы знаемъ, что молодымъ казакамъ теперь грозятъ опасности, которыхъ вы не знали; ихъ стараются сбить съ пути истины и долга внутренніе враги нашей родины разными нечестивыми и обманными ученіями. Но этимъ врагамъ можно противостать съ такою же духовною силою, съ какою вы нѣкогда противостояли врагу внѣшнему и въ Дагестанѣ, и въ Чечнѣ, и въ горахъ западнаго Кавказа, и подъ Александрополемъ, и подъ Карсомъ, и на Дунаѣ.

Правда, среди молодыхъ казаковъ, подъ вліяніемъ ложныхъ ученій, могутъ оказаться слабые, недостойные, бунтовщики, измѣнники. Но развѣ ихъ нельзя заклеить позоромъ, какъ это дѣлали въ старину съ тѣми немногими измѣнни-

ками, которые, какъ, напримѣръ, извѣстный вамъ Пирожокъ, перебѣжали къ горцамъ и съ ними вмѣстѣ нападали на русскихъ? Развѣ эти измѣнники задержали русскія побѣды? Развѣ они остановили славныя русскія войска? Они погибли безславно, они бѣжали въ Турцію, ихъ мучила всю жизнь совѣсть, проклятiе тяготѣло надъ ихъ душами, но дѣло русское было сдѣлано, побѣда и торжество остались за вѣрными своему долгу воинами, а не за измѣнниками. И нынѣ, при нашихъ испытанiяхъ и измѣнахъ вокругъ насъ, все-таки въ концѣ-концовъ побѣдятъ вѣрные Богу, Царю и Россiи русскiе люди, а не предатели. За вѣрными — Богъ, за вѣрными — правда, за вѣрными—чистая совѣсть.

Мнѣ невольно вспоминается здѣсь рассказъ, слышанный въ дѣтствѣ отъ моего отца, участника Кавказской войны.

Священникъ и псаломщикъ въ Великую пятницу, совершивъ выносъ плащаницы и окончивъ службу Божію въ одной станицѣ, должны были проскакать верхомъ на лошадахъ ночью въ другую, сосѣднюю станицу, чтобъ и тамъ совершить тотъ же священный обрядъ. Время было опасное; ѣхать надо было лѣсомъ; вездѣ были засады горцевъ. Лучше другихъ зналъ обычай нашей Церкви одинъ перебѣжчикъ къ горцамъ, измѣнникъ русскій, принявшій мусульманство, Ахметъ. Зналъ онъ, что неминуемо въ эти дни придется причту ѣхать лѣсною дорогою, и вмѣстѣ съ другими черкесами рѣшилъ захватить въ плѣнъ священника и псаломщика, въ надеждѣ получить за нихъ хорошей выкупъ. Ночью скачутъ священникъ съ дьячкомъ, торопясь на свое дѣло, и неожиданно подвергаются нападенію; лошадь священника умчала его назадъ, дьячекъ же былъ взятъ въ плѣнъ, привезенъ въ недалекой ауль, брошенъ въ яму-темницу. Сидитъ Ахметъ, радуется удачѣ, ждетъ выкупа. А дьячекъ просидѣлъ день въ ямѣ, дождался ночи, и какъ только спустилась тьма въ эту ночь, когда крещенный міръ празднуетъ Пасху, праздникъ праздниковъ, заплѣлъ онъ, подавляя въ себѣ горе и уныніе, святаго и вѣчно радостныя пасхальныя пѣсни. Лежитъ онъ, и все громче и громче несется его пѣніе: „Христось воскресе изъ мертвыхъ!“ „Воскресенiя день!“ „Свѣтися, свѣтися!“ „Пасха крас-

ная!“ „Радостію другъ друга обьемемъ!“ „Простимъ вся воскресеніемъ!“...

Проснулся Ахметъ отъ этихъ звуковъ, вышелъ изъ сакли, слушаетъ... Слушаетъ, и не въ силахъ онъ побороть охватившее его волненіе; слушаетъ, готовъ бы перерѣзать горло пѣвцу, чтобъ уйти отъ этихъ словъ, отъ этихъ знакомыхъ звуковъ, и не въ силахъ двинуться съ мѣста. Стоитъ онъ, какъ зачарованный, весь подавленный вдругъ нахлынувшими властными воспоминаніями; какъ буря они налетѣли на него и захватили все его существо: картина за картиной встаетъ въ его душѣ, и чудится ему дальняя родина, теперь ему чужая, и нѣкогда близкіе люди, теперь ему враждебные, и родная церковь, и огни, и пасхи, и святая ночь, и христосованье, и разговѣнье, и свѣтозарная радость свѣтозарнаго дня... А дьячекъ все поетъ, все поетъ пасхальную заутреню. Что это? Весь дрожить отъ рыданій Ахметъ, не въ силахъ сдержать слезъ, что сами льются изъ очей; онъ торопливо идетъ, сѣдлаетъ лошадь, сѣдлаетъ другую, подходитъ къ заключенному, освобождаетъ его изъ ямы; вотъ они скачутъ молча на опушку лѣса, вотъ углубляются въ лѣсную дорогу. Ахметъ отпускаетъ плѣнника, даритъ ему лошадь: „иди, скачи скорѣе домой къ празднику!“.

Скоро дьячекъ встрѣтилъ своихъ: то выгѣхали по возвращеніи священника казаки искать плѣнника и цѣлыя сутки его ищутъ; и вотъ, они всѣ вмѣстѣ вѣвзажаютъ на разсвѣтѣ въ станицу; церковь еще горитъ огнями, народъ еще въ храмѣ, уже въ концѣ пасхальная служба. Сталъ дьячекъ на клиросъ, и никогда не пѣлъ онъ такъ хорошо, такъ звонко и воодушевленно, какъ въ эту ночь, когда Христосъ Воскресшій вывелъ его изъ тьмы преисподней...

Развѣ и вы не знаете одного своего станичника, который взять былъ въ плѣнъ, увезенъ въ Турцію, сдѣланъ мусульманиномъ, имѣлъ тамъ семью и дѣтей, но черезъ много лѣтъ бѣжалъ сюда, въ родную станицу, и все говорилъ, что какъ только онъ, бывало, живя въ Турціи, закроетъ глаза, „все ему представляется“, „все представляется“?...

Итакъ, отчего бы, по примѣру вашему и рядомъ съ вами,

не образоваться особому братскому военному союзу вообще служившихъ казаковъ станицы, чтобы сохранить добрые завѣты вѣрности долгу, чтобы воспитывать молодыхъ поколѣнія въ духѣ преданности Богу, Царю и родинѣ, чтобы поддерживать добрую семейственность, трезвость и хозяйственность, чтобы собираться въ извѣстные дни и въ церкви и въ народномъ домѣ помолиться, поддержать другъ друга, послушать доброе чтеніе и хорошую книгу? Пусть такой „Казачій союзъ за вѣру, Царя и отечество“ существуетъ рядомъ съ вами, пусть будетъ имѣть и свое правленіе, предсѣдателя, свои собранія... Одно его существованіе, его громкое и открытое исповѣданіе вѣры и вѣрности отрезвить немногихъ, сбитыхъ съ толку измѣнниковъ, и ихъ совѣсть заговорить, и они почувствуютъ себя чужими и въ семьѣ, и въ обществѣ, и они вспомнятъ преданія вѣры и вѣрности и то ясное спокойствіе духа, которое служить наградою всякому человѣку, исполняющему долгъ, и котораго нѣтъ и быть не можетъ у того, кто вступилъ на путь невѣрія, бунта и измѣны.

Откройте при такомъ союзѣ и братство трезвости, и бібліотеку-читальню, устройте раздачу хорошихъ книгъ. Вы сдѣлаете этимъ великое дѣло. Вы передадите безсмертный духъ героевъ Кавказской войны вашимъ потомкамъ. Вы исполните слово святого Писанія: „умеръ праведникъ—и какъ бы не умеръ: онъ подобнаго оставилъ послѣ себя“.

Тогда легко вамъ будетъ и дожить вашу жизнь, и легко умереть. Аминь.

Вѣчное чудо христіанства.*

Воистину, въ жизни святыхъ, въ міровой судьбѣ и міровомъ значеніи ихъ подвиговъ — вѣчное чудо христіанства.

* Слово въ Свято-Троицкой лаврѣ въ день Преп. Сергія, 25 сентября 1908 г. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ ниже показано, составлено по митрополиту Филарету и по службѣ Преподобному.

Корни и источникъ этого чуда—въ Самомъ Христѣ Исусѣ, Основателѣ нашей святой вѣры.

Выслушайте о чудѣ первомъ.

На берегу Галилейскаго озера четыре рыбака занимаются своимъ мирнымъ промысломъ. Къ нимъ подходитъ Исусъ изъ Назарета и говоритъ имъ: „Оставьте все, идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ!“ Въ высшей степени страннымъ, непонятнымъ и совершенно неисполнимымъ должно было показаться такое приглашеніе. Кто былъ Приглашавшій? Онъ не имѣлъ ни собственнаго дома, ни богатства, ни положенія властительнаго, ни вліянія общественнаго, ни славы покоряющаго учительнаго слова. Кто же были приглашаемые? А они хоть что-либо имѣли: имѣли лодки и сѣти, имѣли дома и пристанища въ семьяхъ, имѣли извѣстность въ мѣстахъ обитанія, имѣли средства и орудія пропитанія и заработка. Спрашивается: какъ же имъ бросить все и идти за Тѣмъ, Кто и этого ничего не имѣетъ? Правда, взаимно оставляемаго Онъ нѣчто общаетъ. Онъ общаетъ сдѣлать призванныхъ „ловцами человѣковъ“. Но прежде всего, что значитъ такое обѣщаніе и чѣмъ оно привлекательно? А затѣмъ и кромѣ того: исполнимо ли было данное обѣщаніе? Уловлять людей въ свою власть можно; для этого изобрѣтены и употребляются тысячи средствъ, но ихъ, — какъ мы уже видѣли, — не имѣлъ Самъ Исусъ, призывавшій послѣдовать за Собою рыбарей-апостоловъ, и поэтому Онъ не могъ дать этихъ средствъ и другимъ, ни власти, ни богатства, ни вліянія на власть имущихъ, ни особаго мірскаго искусства подчинить себѣ людскія души для достиженія своихъ цѣлей, ни помогающихъ многочисленныхъ и сильныхъ сообщниковъ и помощниковъ...

Что же, однако, случилось? „Они,—говоритъ евангеліе о первопризванныхъ апостолахъ,—они оставили корабль, и сѣти, и отца своего, и пошли за Нимъ“. И чудо свершилось: смиренные рыбаки дѣйствительно сдѣлались ловцами человѣковъ. Отрекшись отъ родства, отъ имѣній и земныхъ привязанностей, сначала ходили они за Христомъ, не имѣвшимъ гдѣ главы поклонити, услышали потомъ Его повелѣніе идти въ

міръ и проповѣдывать евангеліе всей твари, и пошли въ увѣренности, что Богъ не оставляетъ тѣхъ, кто для Него все оставилъ, пошли по заповѣди, безъ влагалищъ и сребренниковъ, безъ сапогъ и безъ хлѣба,—и своимъ самоотреченіемъ и полною нищетою преобразили весь міръ. Чудо свершилось: блистательная образованность Греціи и Рима, гордая успѣхами человѣческой мысли и человѣческаго искусства, водимая духомъ земныхъ стяжаній и земного могущества; всемірно-державная, казавшаяся несокрушимо-мощною, сила римской государственности—склонили голову предъ безсильными и ничего неимущими проповѣдниками евангелія, напередъ истощивъ все усилія потопить христіанство въ крови его первыхъ послѣдователей. Новая явившаяся въ міръ могучая сила варварскихъ полчищъ, обрушившаяся потомъ на римскую имперію, также была уловлена въ свободный плѣнъ вѣры, въ вольное послушаніе Христу такими же смиренными проповѣстниками евангелія. Среди этихъ новыхъ въ исторіи міра народовъ всѣхъ свободнѣе, истинно по-дѣтски, безъ крови и насилій, безъ борьбы за старое язычество, пріялъ благое иго Христова нашъ родъ славяно-русскій. Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша, и сіе есть первое, видимое міру, вѣчное ея чудо!

Узнайте чудо другое.

Разъ во дни, когда Божественный Учитель неустанно поучалъ народъ глаголамъ живота вѣчнаго, призванные Имъ апостолы, по ходу Его рѣчи и наставленій, Его спросили: „вотъ мы оставили все и пошли за Тобою; что же намъ будетъ?“ И въ отвѣтъ услышали они иное обѣтованіе, какъ бы въ дополненіе къ обѣтованію первому о томъ, что они будутъ ловцами человѣковъ: „Аминь, глаголю вамъ: вы, послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ“ (Мате. XIX, 28).

Итакъ, вотъ еще величайшее чудо: міръ, по свидѣтельству апостола Павла, почиталъ учениковъ Христовыхъ, какъ соръ, какъ прахъ, всѣми попираемый, народъ еврейскій отрекся отъ нихъ, какъ отъ изверговъ и безумцевъ, въ ненависти призы-

вая на нихъ всѣ кары, всѣ мученія, даже до смерти,—и этотъ соръ, этотъ прахъ, эти изверженные отъ рода своего будутъ судить свой народъ, избранный народъ Израиля! Смотрите, еще больше и уже безгранично расширяется область этого чуда; не вѣсте ли, говоритъ апостоль, развѣ не знаете,—это, слѣдовательно, по смыслу и тону словъ апостола всѣмъ должно быть достовѣрно извѣстно,—„развѣ не знаете, что святіи судити мірови имуть“? (1 Кор. VI, 2; ср. Апок. XX, 4; Прем. Солом. III, 8).

Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней, и до скончанія времени видимъ повтореніе исторіи и судьбы апостоловъ на вѣрныхъ слугахъ Божественнаго Основателя нашей святѣйшей вѣры, видимъ на нихъ чудное исполненіе чудныхъ словъ: „сотворю вы ловцы человѣковъ“. Во всей вселенной на пространствахъ вѣковъ, во всѣхъ христіанскихъ народахъ, мы знаемъ и находимъ необходимое множество учениковъ Христовыхъ, которые оставили все и вслѣдъ за Нимъ пошли, и чудо совершили: изъ одиночества пустынь, изъ уединенія отдаленныхъ горъ, изъ мрака вертеповъ и пропастей земныхъ яркими звѣздами просіяли они, и свѣтомъ духовнымъ озарили вселенную, и сдѣлались ловцами человѣковъ.

Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней, и до скончанія времени стоитъ непоколебимо вѣчнымъ чудомъ святая истина: кто хочетъ владѣть міромъ, тотъ долженъ отъ него отречься. Скажемъ еще точнѣе: кто отказался отъ міра, тотъ незамѣтно для себя, само собою, не по хотѣнію своему, а по чудной силѣ нравственнаго закона овладѣваетъ міромъ.

Таковъ и сей дивный мужъ и всея Россіи чудотворецъ, преподобный отецъ нашъ Сергій, котораго нынѣ свѣтло чтить основанная имъ лавра, которому празднуетъ російская Церковь.

Отъ прекрасныхъ береговъ Галилейскаго моря, отъ лазурныхъ небесъ Палестины перенеситесь теперь сюда, на этотъ дальній, сумрачный и суровый сѣверъ. Болѣе 500 лѣтъ тому назадъ благочестивый отрокъ Вареоломей, впоследствии святой игумень этой лавры, услышалъ въ душѣ своей голосъ зовущаго Господа: „иди по Мнѣ“. Услышалъ, и не сталъ со-

вѣщать съ плотью и кровью: роздаль имѣніе, оставилъ міръ и пошелъ за Зовущимъ. Тяжело доставалась тогда русскимъ людямъ жизнь и въ мірѣ, особенно въ этомъ, тогда только заселяемомъ, безлюдномъ Радонежскомъ удѣлѣ, еще тяжелѣе было жить въ пустынѣ, которую избралъ преподобный мѣстомъ своихъ подвиговъ. Вчера за всенощнымъ бдѣніемъ слышали мы объ его житіи въ пустынѣ, слышали объ изможденіи плоти, о борьбѣ съ звѣрями и злыми людьми, о служеніи братіи, о трудахъ неимовѣрныхъ, о нуждѣ тѣлесной, о тяжести духовной брани со страстями и помыслами, со страхами и уныніемъ. Нелегко дается чистота сердца. „Кто исповѣсть труды твоя и болѣзни, или кій языкъ изречетъ жестокое твое житіе, бдѣніе же и сухояденіе, и еже на земли леганіе, чистоту душевную и тѣлесную, устнами и умомъ совершенное безмолвіе, смиреніе же нелицемѣрное, молитвы непрестанныя, и разсужденіе доброразсудное, скудость ризную и память смертную?“ „Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христа Бога нашего, на страсти вельми подвизался еси въ жизни временнѣй“.

Такъ прославляется преподобный Сергій въ церковныхъ пѣсняхъ.

Его отдаленный преемникъ по управленію лаврой, уже въ то время, когда она блистала величественными храмами и стала богата дарами набожнаго усердія набожнаго русскаго народа, митрополитъ Филаретъ прекрасно рисуетъ намъ обстановку „жестокаго житія“ преподобнаго Сергія и вмѣстѣ съ тѣмъ высоту его подвиговъ и добродѣтелей.

„Желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, унаслѣдованное потомъ лаврою, кто мнѣ покажетъ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятой Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ пѣнію и чтенію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи и пламень ихъ достигаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепе-

талъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ! Дайте мнѣ припасть и облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ и черезъ который переступили однажды стопы Царицы Небесной. Укажите мнѣ другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій и въ награду за трудъ дня и за голодъ нѣсколькихъ дней получилъ укрупъ согнивающего хлѣба!“

И все это при полной возможности пойти пространными путями міра и все необходимое имѣть въ изобиліи.

И что же? Развѣ не видимъ чуда? Удаленный въ пустыню, отрѣшившійся отъ міра дѣлается ловцомъ человѣковъ и покоряетъ себѣ міръ. Еще при жизни преподобнаго всѣ отъ простолюдина до князя были проникнуты великимъ къ нему уваженіемъ, и слово его было властно надъ душами и сердцами. Десятки его учениковъ и сподвижниковъ, которыхъ онъ училъ болѣе примѣромъ жизни, чѣмъ словомъ, причислены къ лику святыхъ. Около ста другихъ учениковъ являются основателями новыхъ обителей, разсадниковъ христіанской жизни и христіанской русской государственности на дикомъ сѣверѣ,—той христіанской государственности, которая сливается съ царствомъ Божиимъ въ Церкви Христовой, которая основана на религіозно-нравственномъ началѣ и Божьей правдѣ, а не на мертвомъ и жестокомъ человѣческомъ правѣ, которое воспитываетъ изъ людей земли—гражданъ неба. Къ нему, къ монаху, подвижнику, пустыннику, идетъ князь и за благословеніемъ на роковую битву съ народомъ поработителемъ, и для примиренія съ вѣроломнымъ княземъ-родичемъ, и для укрѣпленія новаго порядка престолонаслѣдія въ царствѣ; къ нему несетъ свое горе простолюдинъ, надѣется на помощь въ нуждѣ, ищетъ исцѣленія болѣзни, проситъ разсудить его съ сосѣдомъ; патриархъ изъ далекаго Цареграда шлетъ ему привѣтъ и дары и поручаетъ все церковное дѣло устроения инокскаго чина; святой митрополитъ всея Руси считаетъ его своимъ другомъ, ищетъ его совѣта... А теперь, черезъ полты-

сячи лѣтъ! Кто не чтитъ святого подвижника, кто не приноситъ ему молитвы? Стомилліонная православная русская, настоящая Россія считаетъ его своимъ небеснымъ заступникомъ и покровителемъ, и видѣла его таковымъ не разъ въ тяжкія години смуты и страданій родины; всѣ до единого изъ вѣнценосцевъ Россіи склонялись предъ ракою его мощей и просили благословенія на царство, семейнаго счастья, помощи предъ началомъ брани, успѣха въ дѣлахъ царствованія; къ нему, къ великому „игумену русской земли“, какъ бы безсознательно тѣмъ именуя и почитая русское царство единымъ монастыремъ, и пастыри, и пасомые, и юные, и старые,—люди всѣхъ званій и состояній во всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ въ году приходятъ молиться, просятъ благословенія и совѣта о дѣлахъ своихъ.

Что это? Развѣ не чудо свершилось! Развѣ не исторія апостоловъ повторилась? Сѣявшій скудостью и слезами пожалъ радостію и изобиліемъ. Прощѣла есть пустыня, яко кринь, Господи!

Да, „дикая пустыня превращается въ цвѣтущую вѣковую обитель; неплодная пустыня даетъ пріютъ многолюдному селенію; пустынная обитель стоитъ непоколебимо противъ устремленія враговъ, уже низложившихъ столицу, становится щитомъ уже погибающаго царства и источникомъ его спасенія,— и все это отъ одного пустынножителя!“ (М. Филаретъ).

Отчего это такъ? Отчего святой совершаетъ подвиги для личнаго, для своего собственнаго спасенія, святой бѣжитъ въ пустыню, святой совершенно чуждъ міра и общества, а между тѣмъ оказываетъ на жизнь его такое глубокое и широкое и такое долговременное вліяніе?

Оттого, что святіи судити мірови имуть. Вотъ гдѣ тайна! Судъ ихъ, конечно, во всей полнотѣ откроется въ пакибытіи, на всеобщемъ судѣ Божіемъ, но онъ предназначается гораздо раньше, и даже еще при жизни святыхъ на землѣ. Многообразенъ этотъ судъ. Примѣръ святого вдохновляетъ тѣхъ, кто чаетъ Бога, спасающаго ихъ отъ малодушія и отъ бури; его сродство съ нами показываетъ, что между нимъ и нами нѣтъ различія въ условіяхъ и средствахъ спасенія; грознымъ уко-

ромъ и обличеніемъ лукавства стоитъ образъ святого предъ тѣми, кто любитъ „непщевати вины о грѣсѣхъ“, выдумывать извиненія за грѣхи,—занятіе столь нынѣ распространенное... Если, къ сожалѣнію, заразительно зло, то, къ счастью, и добро имѣетъ неотразимую и покоряющую силу духовной красоты, притягиваетъ къ себѣ сердца человѣческія, находитъ людей, ищущихъ поклоненія ему, поклоненія вольнаго и любовнаго. Святость побѣждаетъ насъ, обезоруживаетъ дикихъ людей и даже звѣрей, покоряетъ себѣ грубую силу. Вотъ откуда этотъ непрерывный токъ поклонниковъ у гроба преподобнаго Сергія. Отъ пышныхъ палатъ, отъ обольщенія власти, отъ цѣпей корысти, отъ славы міра, отъ великолѣпія и роскоши, такъ же, какъ и отъ нищеты, горя, бѣдствій и страданій, отъ ежедневныхъ лишеній и слезъ, отъ труда безъ отдыха и безъ просвѣта къ духу, отъ ударовъ міра, — неудержимо тянетъ на поклоненіе тому, кто сталъ выше всего этого, кто указалъ путь жизни въ полномъ отложеніи житейскихъ попеченій, въ глубокой безпечальности относительно житейскихъ нуждъ и удобствъ, въ вѣчно радостной настроенности души, уповающей на Бога; неудержимо тянетъ на поклоненіе къ тому, кто былъ и сталъ неуязвимъ для міра, восторжествовалъ надъ нимъ, побѣдивъ и его обольстительные соблазны, и его удручающіе удары... Воистину, блаженъ ты, Сергіе, преподобный отче нашъ, наставниче монаховъ и себеѣдниче ангеловъ!

О, Россія! О, родной нашъ и безконечно дорогой сердцу народъ русскій! Блаженъ и ты, что породилъ и воспиталъ такого великаго сына, великаго во святыхъ Сергія! Пока ты—Христово достояніе, пока ты не отрелся отъ родства по плоти и духу преподобному Сергію, стань и стой во вѣки предъ вѣчнымъ чудомъ твоей вѣры, и предъ судомъ святыхъ. Тысячу лѣтъ ты, Россія, была бѣдна, не блистала златомъ и лѣпотою ризъ, не почитала послѣдней цѣлью внѣшнее и земное благоустройство, не ставила устроеніе царства земного, человѣческаго выше царства Божьяго. Но ты вѣрила, что сіе все само собою тебѣ приложится, но цѣнила ты превыше всего только потаеннаго сердца человѣка въ нетлѣнной красѣ его

непорочнаго духа. И видимо было въ жизни твоей великое чудо: и ты была и стала ловцомъ челоуѣковъ и народовъ и на тебя языцы уповали, и, вѣримъ, судъ святыхъ износили тебѣ приговоръ хвалы!

А теперь? Но развѣ не видимъ, какъ изъ-за морей прососалось къ намъ поклоненіе Богу чуждому, какъ постепенно принесенная съ Запада языческая погоня за міромъ и измѣреніе его мѣрою всей жизни народа и государства стало нашимъ всеобщимъ недугомъ? И развѣ не видимъ, далѣе, какъ міръ нанесъ намъ, въ наказаніе, жестокія раны? „Боже, придоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святыи Твой, положиша Іерусалимъ, яко овощное хранилище, положиша трупія рабъ Твоихъ брашна птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ, проліяша кровь ихъ яко воду! Выхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ, подражненіе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ“... (Пс. 78, 1—4). Такъ мститъ міръ за привязанность къ нему, такъ жжетъ огонь за прикосновеніе къ его пламени!..

Тысячу лѣтъ Россія была бѣдна, и, благодатью Божіей, была сильна и несокрушима. Не будемъ сокрушаться и скорбѣть, что она была, и есть, и, вѣроятно, долго еще будетъ бѣдна. Лишь бы богатѣла она въ Бога, богатствомъ духа, красотою внутри, лишь бы богатѣла она подвигами христіанъ, доблестью гражданъ, лишь бы она не оскудѣвала людьми, подобающимися преподобному Сергію, которые не продаютъ даровъ духа, религіозно-нравственнаго устроенія жизни за чечевичную похлебку міра и его одуряющихъ утѣхъ, его бездушныхъ культурно-государственныхъ сокровищъ по нечестивымъ языческимъ образцамъ.

Преподобный Сергіе, „міра украшеніе“! Храни родной твоей русскій народъ молитвами твоими и твоимъ небеснымъ водительство, храни во твоей мудрости, въ твоихъ Христовыхъ завѣтахъ, „въ преподобствѣ и праведности“, какъ хранили и вель ты своихъ святыхъ учениковъ и безчисленныхъ ихъ, Богу угодившихъ, послѣдователей!

О нихъ одинъ изъ славныхъ іерарховъ Церкви русской (Платонъ) здѣсь, въ Лаврѣ преподобнаго, на памятникѣ, въ

честь ихъ сооруженномъ, оставилъ намъ на вѣки назидательное слово:

«Они на небесахъ имъ слава не нужна:
Къ подобнымъ насъ дѣламъ должна вести она».

Аминь.

Памяти В. А. Грингмута.*

Чтобы говорить сегодня о томъ, кого мы поминаемъ заупокойнымъ моленіемъ, намъ нѣтъ нужды отходить отъ евангельскихъ уроковъ, преподаваемыхъ намъ въ этотъ воскресный день святою Церковью. Знаменательно и глубоко вразумительно совпадаютъ они съ нашими скорбными воспоминаніями, и приложимы они къ почившему ровно годъ назадъ незабвенному Владиміру Андреевичу.

Женщина-сиро-халдеянка, иноплеменница, въ предѣлахъ Тирскихъ и Сидонскихъ увидѣла Иисуса Христа съ Его учениками. Онъ уединился сюда для бесѣды съ апостолами; Онъ хотѣлъ остаться одинъ съ ними, чтобы дать имъ наставленія предъ скоро грядущимъ Своимъ отшествіемъ отъ міра:

И вотъ, явился поводъ дать ученикамъ, еще проникнутымъ духомъ еврейской исключительности, наглядный урокъ и наставленіе о духѣ христіанства, — урокъ не словомъ, а дѣломъ.

Женщина-хананеянка шла за Иисусомъ и кричала Ему вслѣдъ: „Помилуй меня, Господи, Сынъ Давидовъ, — дочь моя жестоко объснуется“. Но Онъ не отвѣчалъ ей ни слова. И ученики Его тогда *сами*, по собственному побужденію, прониклись и уваженіемъ къ этой вѣрѣ чужеземки въ Сына Давидова, т. е. Мессію, и жалостью къ ея горю, къ ея любви, ибо стра-

* Слово въ недѣлю 17 по Пятидесятницѣ и въ годовщину смерти В. А. Грингмута, при поминаеніи его и предъ открытіемъ школы его имени, 28 сентября 1908 года.

дала ей дочь, а она говорила: помилуй *меня*... И приступивши, они стали просить за нее Иисуса. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“. Женщина тѣмъ временемъ сама подошла къ Иисусу, кланялась Ему и говорила: „Господи, помоги мнѣ“.

И сказалъ ей Иисусъ: „Не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ“. Она сказала: „Такъ, Господи, но и пси ѣдятъ отъ крохъ, которыя падаютъ со стола господъ ихъ“. Тогда-то Иисусъ, показавъ ученикамъ все величіе *тврь* жены-хананеянки, всю горячность ея *любви*, всю глубину ея *смирения*, показавъ, что только духовное родство съ Авраамомъ дѣлаетъ человѣка его сыномъ, а не плотское, вызвавъ отъ самихъ учениковъ просьбу о помилованіи несчастной, и Самъ воскликнулъ: „О, женщина! велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему!“ И испѣлилась дочь ея въ тотъ часъ (Мѡ. XV, 21—8).

Исполненный вѣры, любви и смиренія приникъ ко Христу и къ православной Церкви покойный Владиміръ Андреевичъ; онъ пришелъ къ Церкви, какъ иноплеменникъ, изъ инославія, пришелъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Рожденный въ Россіи отъ отцалютеранина, онъ уже съ дѣтства какъ бы приготовленъ быть къ истинѣ вѣры, получивъ отъ рожденія русское и православное имя Владиміра. Нужно было, однако, совершиться его обращенію въ православіе въ пору его сознательной жизни, какъ бы для того, чтобы легче было ему побѣдить всѣ послѣдующія предубѣжденія противъ его личности, чтобы успѣшнѣе творить то дѣло, которое Промыслъ судилъ ему вести въ будущемъ.

Окруженный русскою и православною жизнью, съ дѣтства проникся онъ къ ней любовью. Особый случай, повидимому, и для многихъ незначительный, но для его глубоко-вдумчиваго ума и глубоко-чувствующаго сердца оказавшійся особо важнымъ, далъ направленіе его волѣ и силу его рѣшимости. Его жена готовилась быть матерью перваго ребенка. По ея просьбѣ, онъ привезъ ее на молитву къ Иверской часовнѣ предъ чтимымъ Московю образомъ Богоматери. Здѣсь стоялъ онъ одалъ и видѣлъ эти вздохи и слезы, эти колѣнопрекло-

ненія, эту горячую молитву и жены, и окружающих богомольцевъ, эту народную простую вѣру, и эту захватывающую обстановку православнаго богослуженія: и свѣчи, и ѳимиамъ, и лампы, и пѣніе, и молитвословіе, и чтеніе евангелія, въ коемъ слышится вѣковѣчный огненный призывъ и вѣчно бодрящее слово—„и блаженна вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголаннѣмъ ей отъ Господа“...

Стоялъ онъ, видѣлъ себя по внѣшности чужимъ и для этого захватывающаго тока народной русской вѣры, и для будущихъ своихъ дѣтей, и въ тотъ часъ рѣшилъ окончательно и открыто принять православіе. Что-то таинственное, какъ указаніе свыше, дополнило голосъ и рѣшимость его духа: въ одну ночь онъ видѣлъ себя во снѣ принимающимъ православіе и своимъ воспріемникомъ—своего уважаемаго товарища по службѣ, а этотъ товарищъ въ ту же ночь также видѣлъ себя во снѣ воспріемникомъ Владиміра Андреевича при присоединеніи его къ православной Церкви... Съ величайшимъ усердіемъ потомъ изучилъ Владиміръ Андреевичъ все ученіе православной вѣры, перечиталъ всѣхъ святыхъ отцовъ, ознакомился съ православіемъ такъ основательно и глубоко, что и изъ природныхъ сыновъ православія рѣдкіе могли съ нимъ въ этомъ сравняться.

Онъ *устроивалъ* въ православную Церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣровалъ и въ Россію, въ русскій народъ, въ его міровое призваніе, въ его вселенское значеніе, ибо призваніе, значеніе и смыслъ бытія русскаго народа, его особенной русской и своеобразной государственности, его положеніе среди другихъ народовъ міра,—все это опредѣляется именно его православіемъ.

Онъ *полюбилъ* Россію и русскій народъ, его исторію, его бытъ, его душу, его государственный строй, его будущее,—и Россіи въ порывѣ цѣложизненнаго самоотверженія и самоотреченія любви онъ отдалъ весь трудъ своей жизни.

Онъ *смирилъ* свой умъ, свое западное просвѣщеніе, отрекся отъ его обычной горделивости и превозношенія предъ всѣмъ русскимъ, смирился предъ величіемъ и духовною красотою русскаго народа, далеко не всѣми умами Запада видимыми.

Вѣщее слово поэта, обращенное къ нашему народу и говорящее о томъ, что „не пойметъ и не подмѣтитъ гордый взоръ иноплеменный, что сквозитъ и тайно свѣтитъ въ наготѣ твоей смиренной“,—это слово нисколько не относилось къ покойному Владиміру Андреевичу.

Нужно ли говорить о томъ, что вѣру, и любовь, и смиреніе онъ доказалъ всею своею жизнью, всею работою на благо русскаго народа, доказалъ и жизнью и смертію, тою богатырскою и величавою смертію, которая заставила и враговъ его склониться предъ его чистотою и преданностью своему дѣлу!

И, однако, какъ женѣ-хананеянкѣ, нужно было ему только чрезмѣрнымъ подвигомъ заставить повѣрить себя, заставить повѣрить не только враговъ, но и друзей его дѣла, его единомышленниковъ.

„Сущіе отъ вѣры благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ“: это непреложный нравственный законъ, и его исполненіе мы видимъ въ исторіи евангельской на примѣрѣ жены-хананеянки. Во Христѣ Исусѣ нѣтъ разнствія народовъ, происхожденія, пола и возраста: „нѣсть эллинъ и іудей, рабъ и свободъ, варваръ и скиѣ, нѣсть мужескій полъ и женскій, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“ (Гал. III, 28). Если искажаютъ эти слова нынѣшніе безумные защитники равенства, отстаивающіе его убійствами изъ-за угла, если сбиваютъ они этими словами апостола людей, мало вдумывающихся въ ученіе вѣры и Церкви, то все это потому, что забываютъ слова о равенствѣ именно *во Христѣ*, то-есть при условіи вѣры въ Него, какъ въ Бога и Искупителя, принадлежности Его Церкви, и затѣмъ,—въ области вѣры и Церкви. При наличіи такихъ условій Господь пріялъ моленіе жены-хананеянки, восхвалилъ римскаго сотника изъ Капернаума, какъ и древле Илія и Елисей—одинъ воскресилъ сына вдовы чужеземки изъ Сарепты Сидонской, другой исцѣлилъ иноплеменника Неемана-сирійца, какъ и впоследствии Петръ апостолъ пріялъ Корнилія, согника римскаго, съ домомъ его, а всѣ апостолы создавали церкви среди язычниковъ.

Всѣмъ существомъ вошелъ Владиміръ Андреевичъ въ вѣрную семью вѣрнаго и правовѣрнаго русскаго народа. Но

если даже апостоль Павель, апостоль языковъ, сосудъ чудесъ и благодати, съ огненною ревностью, съ огненнымъ словомъ прошедшій вселенную, всю жизнь быть преслѣдуемъ не только злобою евреевъ, но, что всего тяжелѣе, *недовѣриемъ своихъ*, увѣровавшихъ во Христа, которые во всѣхъ церквахъ ходили вслѣдъ за нимъ и сѣяли подозрительность и сомнѣнія въ искренности обращенія, проповѣди и дѣятельности апостола: то что же удивительнаго въ томъ, если этотъ безъ мѣры тяжкій крестъ выпалъ и на долю Владиміра Андреевича! Ни горячее его слово, всегда неизмѣнно говорящее о православіи и русскомъ патриотизмѣ, ни труды, ни жертвы, ни перенесенныя опасности, ни вѣрная и доблестная государственная служба, ни чистота жизни, ни отсутствіе уликъ во всевозможныхъ взводимыхъ на него винахъ, на примѣръ, въ нетвердости убѣжденій, подкупѣ, измѣнѣ, предательствѣ и тайномъ служеніи врагамъ, вродѣ евреевъ и масоновъ,—ничто не могло заградить уста клеветникамъ. Его нерусская фамилія служила безконечнымъ источникомъ глумленія и насмѣшекъ, постояннымъ поводомъ къ подозрѣнію и недовѣрію къ нему. Ничтожества, по имени православныя, по жизни часто открытыя язычники, блудники и пьяницы, не обладающіе ничѣмъ, кромѣ русской фамиліи, бросали грязью въ покойнаго за его нерусское имя. Евреи и еврействующія газеты, открыто заявляющія о томъ, что для нихъ ничто русская народность и ненавистны православіе и на немъ зиждущееся самодержавіе, издѣвались надъ „истинно-русскимъ“ Грингмутомъ и сбивали съ толку, приводили въ смущеніе этою насмѣшкою надъ нѣмцемъ по фамиліи, но русскимъ по духу многихъ русскихъ по фамиліи, но не русскихъ по духу. Тупое легкомысліе, пошлое остроуміе, при всемъ ничтожествѣ своихъ средствъ, однако, создавали для работы Владиміра Андреевича рядъ постоянныхъ затрудненій и ударовъ, постоянную необходимость считаться съ его нерусскимъ именемъ, для него самого—тяжкій крестъ, для его рѣшимости и мужества—постоянные соблазны, для воздѣйствія ихъ на окружающихъ и единомышленниковъ—постоянныя препятствія.

И вотъ, все побѣдила его смерть. Не нашлось ничего въ

минувшей жизни Владиміра Андреевича, что указывало бы на его неискренность, что оправдало бы хоть въ одной іотѣ клеветы на него, обвиненія и заподозриванія. Все утихло теперь около нашего дорогого витязя русскаго патріотическаго дѣла, смолкли клеветы, и чистъ оказался, и все чище, и все выше обрисовывается предъ нами его образъ. Да, не обмануло насъ наше сердце! Да, мы можемъ гордиться нашимъ безупречнымъ вождемъ!

Этотъ годъ, минувшій со дня смерти Владиміра Андреевича, былъ годомъ его торжества нравственнаго и побѣды надъ зломъ міра. Таковъ тяжкій удѣлъ жизни: дѣло дѣлается прежде всего не людьми, а человѣкомъ, а человѣку этому нужно быть и подвигоположникомъ, нужно страдать и перестрадать и выстрадать успѣхъ дѣлу, кровью и муками скрѣпить его основаніе.

Пусть теперь тяжело намъ; пусть велики опасности, пусть назрѣваетъ и увеличивается видимо сила враговъ; пусть въ станѣ вѣрныхъ находятся и раздорники, и перебѣжчики, и смутьяны, попрежнему сѣющіе среди насъ подозрѣнія, сомнѣнія и взаимное недовѣріе. Да укрѣпить насъ образъ усопшаго и въ Бозѣ почивающаго незабвеннаго нашего Владиміра Андреевича, да укрѣпить насъ вѣра въ то, что не погибнетъ и не можетъ погибнуть русское патріотическое дѣло, это дитя столькихъ трудовъ, столькихъ жертвъ, столькихъ подвиговъ! Не погибнетъ дѣло, которое вдохновило и создало такого вождя, какъ Владиміръ Андреевичъ.

Пусть не видится ему достойный преемникъ. Да, его нѣтъ еще. Но въ нравственномъ мірѣ нѣтъ умершихъ. Онъ живъ, Владиміръ Андреевичъ, живъ своими завѣтами, живъ и загробнымъ голосомъ, живъ предсмертнымъ своимъ призывомъ: „Собирайтесь, соединяйтесь, русскіе православные люди!“

Когда нѣкогда князь Дмитрій Донской, уже получивъ благословеніе отъ преподобнаго Сергія на брань съ Мамаемъ, вышелъ съ войскомъ и узналъ о силѣ полчищъ татаръ, то онъ, говоритъ лѣтописецъ, впалъ въ уныніе и малодушіе. Онъ остановился въ нерѣшительности и размышлялъ: идти ли ему дальше, или повернуть назадъ. Тутъ пришелъ къ нему нарочитый посланецъ отъ преподобнаго и передалъ его обо-

дряющее слово: „иди, князь, иди на безбожныхъ татары“... И князь пошелъ, и стяжалъ побѣду.

Пусть и память о Владимірѣ Андреевичѣ будетъ намъ этою ободряющею вѣстью: „идите на безбожныхъ новыхъ работниковъ земли русской“!

Эта школа его имени, которую сегодня мы открываемъ, является отраднымъ знакомъ того, что дѣло, начатое покойнымъ, не остановилось и не пошло назадъ. Въ годину смуты школьной, въ годину, когда школа заражена сверху донизу нравственнымъ гніеніемъ, когда гибнуть молодыя поколѣнія для Церкви и родины, патріотическіе союзы не могутъ оставаться безмолвными и равнодушными къ этому величайшему злу и должны способствовать созданію новой религіозно-патріотической школы. Это было любимой мыслью покойнаго. И мы намѣренно нынѣшній день годовщины его смерти почтили открытіемъ школы, и притомъ школы благотворительной и бесплатной, рассчитанной для бѣднаго люда, чтобы молитвою съ благотвореніемъ умолить небесное Милосердіе къ нашему дорогому, всѣмъ намъ близкому и родному брату, другу, отцу, вождю и первоподвижнику. Такъ учить насъ поступать наша святая вѣра, такъ подсказываетъ намъ любовь.

И вѣримъ мы, что человѣку вѣры, любви и смиренія, какимъ былъ покойный Владимірѣ Андреевичъ, въ загробномъ его бытіи будетъ радостью и отрадой наша молитва и наше благотвореніе. Намъ же его память, нынѣ, съ открытіемъ этой школы, внѣшне столь прекрасно и знаменательно выраженная, да будетъ побужденіемъ сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ, чтобы продолжать его дѣло и *въ его духъ: съ вѣрою* въ Бога и въ добро, и въ побѣду надъ зломъ; *съ любовью* къ русскому народу, и нашему дорогому отечеству, и къ его вѣнчанному Вождю-Царю; *со смиреніемъ* при всякихъ и многихъ страданіяхъ, неудачахъ, гоненіяхъ и ударахъ, наносимыхъ и врагами, и даже друзьями, наносимыхъ и оттуда, откуда мы ихъ меньше всего ожидать можемъ...

Таковъ урокъ и нынѣшняго евангельскаго чтенія. Таково и отрадное его слово; оно—удѣлъ вѣры, любви и смиренія: „велія вѣра твоя; буди тебѣ, якоже хочещи“! Аминь.

Отклики на запросы жизни.

I.

ХРИСТИАНСТВО И СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫЧЕСТВО. *

Забытый православными греками праздникъ Покрова Божіей Матери празднуемъ мы, православные русскіе люди. Что-то странное и удивительное видимъ мы въ этомъ обстоятельстве: спасенъ былъ греческій народъ, а память о чудѣ его спасенія хранится въ народѣ русскомъ. Но еще удивительнѣе другая сторона праздника: если вѣрить нѣкоторымъ древнимъ извѣстіямъ, то, повидимому, нападавшими на Цареградъ варварами были наши предки; они были отброшены моремъ и бурей; они должны были бѣжать отъ стѣнъ Цареграда; они видѣли надъ собою гнѣвъ Царицы Небесной; пораженные чудомъ, они и тамъ на мѣстѣ, въ Греціи, и по возвращеніи домой во множествѣ крестились.

Съ другой стороны, есть основаніе думать, что и Епифаній, ученикъ Андрея, Христа ради юродиваго, видѣвшій чудное видѣніе Покрова Богоматери, также былъ славянинъ.

Что же все это означаетъ? Что означаетъ такой удивительный праздникъ? Чѣмъ можно объяснить это странное празднованіе нами дня пораженія нашихъ предковъ, это странное и удивительное самоотреченіе и самоуниженіе русскаго народа?

Очевидно, кромѣ врожденнаго нашему народу и затѣмъ воспитаннаго и осмысленнаго православіемъ чувства смиренія, присущаго русскому народу, мы видимъ здѣсь глубокое все-народное осужденіе язычества, въ которомъ пребывали наши предки, и которое такъ было посрамлено подъ стѣнами Цареграда Небесною Силою. Конечно, предки наши не могли этой

* Слово 1 октября 1908 г., въ день Покрова Божіей Матери, въ церкви Моск. епарх. дома, по случаю общепатріотическаго праздника.

мысли ясно и опредѣленно выразить словами, и вотъ, они воплотили ее въ священномъ и торжественномъ нынѣшнемъ праздникѣ. Если это такъ, то, воистину, глубоко смотрѣли наши предки въ самое существо міровой жизни и міровой человѣческой исторіи.

Со временъ самыхъ древнихъ, отъ первыхъ дней жизни людей на землѣ, мы видимъ борьбу начала грѣховнаго противъ начала святого. возстаніе своеволія человѣческаго противъ воли Божественной,—борьбу духа и плоти, нравственнаго возрѣвнiя на жизнь съ плотскимъ и чувственнымъ.

Началась эта борьба при искушеніи прародителей въ саду Эдема, усилилась предъ потопомъ, видоизмѣнилась въ прямую противоположность язычества и богооткровенной истины вѣры послѣ разсѣянiя народовъ, послѣ Вавилонскаго богоборнаго замысла и столпотворенiя. Здѣсь впервые грѣховное начало въ образѣ язычества получило значеніе какъ бы религіозное, прикрытое высшими соображеніями...

Когда же начало святое, наконецъ, воплотилось и получило завершеніе въ христіанствѣ, какъ полномъ, высшемъ и послѣднемъ откровеніи Божества, тогда язычество выступило противъ него со всѣми силами ада: не было гоненiй, не было страданiй, которыми бы оно не старалось подавить христіанство, не было силы человѣческой—ученость, искусство, поэзія, литература, право, государственность, общественный строй, войско, правители, судъ, толпа...—не было силы человѣческой, которая не была бы употреблена на борьбу съ христіанствомъ.

Христіанство побѣдило; предъ нимъ склонились и гордые образованностью гонители, сыны древняго міра, и младенчествующіе народы міра новаго, пришедшаго на смѣну обветшавшей Римской имперіи,—въ ихъ числѣ и нашъ народъ русскій.

Но внутренняя сущность язычества, какое-то обаяніе зла, соблазнъ порока, прельщающая сила нечестiя и чувственности, обольщеніе себялюбія, самообожаніе и гордыня человѣческаго разума, возстающаго на разумъ Божій, начало богоборенiя,—все это остается донынѣ, все это составляетъ особый міръ, противъ котораго постоянно и неизбѣжно борется и должно бороться христіанство, все это останется въ мірѣ до тѣхъ

поръ, пока будетъ жить грѣхъ на землѣ, т.-е. до того уреченнаго дня, послѣ котораго новаго небесе и новы земли мы, по обътованію, чаемъ, въ нихъ же правда живетъ (2 Петр. III, 13). Іерусалимъ будетъ попираемъ языки... (Лук. XXI, 24). Бываютъ времена, когда начало языческое особенно усиливается и поднимаетъ голову, когда оно для успѣха и соблазна людей принимаетъ личину благородства, прикрывается громкими словами о благѣ, истинѣ, о свободѣ людей, взываетъ къ ихъ достоинству и высокому призванію. Такое именно время мы теперь переживаемъ. вмѣсто религіознаго, какъ въ древности, язычество принимаетъ освященіе и прикрытіе то именемъ культуры и просвѣщенія, то именемъ свободы и права человѣка вообще, правового строя въ государствѣ. И нужно имѣть не мало вдумчивости, не мало трезвости ума и чуткости сердца, болѣе того,—нужно имѣть прямую благодатную помощь и благодатное озареніе въ руководствѣ святой Церкви, чтобъ уразумѣть, гдѣ, когда и какъ приражается намъ язычество. Борьба съ нимъ—вѣковая борьба, но она до того мѣняетъ свои формы и виды, что иногда прямо невозможно вскрыть за громкими словами о высокихъ побужденіяхъ и основахъ человѣческой дѣятельности истинный, т. е. низменный и языческій ея характеръ.

Все сказанное намѣренно мы сегодня подчеркиваемъ въ нашъ общепатріотическій праздникъ. Блаженны тѣ русскіе православные люди, которые избрали для своего руководства въ жизни и дѣятельности прежде всего святое православіе,—начало святое и небесное. Оно соединяетъ насъ съ міромъ горнимъ и невидимымъ, оно роднитъ насъ съ нимъ, оно дѣлаетъ насъ участниками Покрова Богоматери. Православіе, далѣе, и даетъ намъ то благодатное озареніе умовъ и сердець, о которомъ мы сію минуту говорили, и раскрываетъ предъ нами сокровенный смыслъ всего того, что дѣлается кругомъ насъ. Съ такимъ кормчимъ мы не заблудимся!

А кормчій нуженъ намъ всегда, особенно же въ нынѣшнее смутное время, когда язычество вновь возродилось и почувствовало силу, затуманило многіе умы и наполнило собою жизнь.

Христіанство говорить намъ, что Богъ руководить жизнью людей,—а язычество, новое современное язычество, проповѣдуетъ, что Бога нѣтъ, или что Онъ, какъ увѣряетъ Толстой, есть что-то безличное, какая-то несознательная Воля, безучастная къ жизни людей, къ ихъ воплямъ и моленіямъ, или что Онъ далекъ отъ міра, который предоставленъ всецѣло своимъ силамъ и своей судьбѣ, или, наконецъ, что Онъ таковъ, какимъ Его себѣ представляетъ каждый отдѣльный человѣкъ, т.-е., иначе говоря, Его въ сущности нѣтъ...

Христіанство говоритъ о томъ, что царство Божіе и небесное,—вотъ въ нашей жизни цѣль, а царство человѣческое и земное есть только средство для лучшаго и удобнѣйшаго достиженія цѣли, а современное язычество направляетъ всѣ силы и вниманіе людей, именно какъ на послѣднюю цѣль, къ устроенію порядковъ только царства земного.

Правда, и христіанство учить насъ заботиться о порядкахъ этого земного царства, но лишь для того, чтобъ они способствовали нашему тихому и безмолвному житію, въ достиженіи нами духовнаго совершенства, въ усвоеніи плодовъ Христова искупленія, въ исполненіи нравственнаго закона, въ угожденіи Богу (1 Тим. II, 2 и д.),—а современное язычество считаетъ и царство земное, и порядки его самими по себѣ послѣднюю цѣлью человѣка, поклоняясь имъ, какъ идоламъ.

Христіанство говоритъ намъ, что въ жизни личной, семейной, общественной и государственной мы не должны забывать, что мы—христіане, и должны какъ бы пропитывать святою вѣрою, ея ученіемъ и воззрѣніями весь строй нашей жизни,—а современное язычество увѣряетъ, что религія есть частное дѣло, она—сама по себѣ, а семья, общество, государство—сами по себѣ, что связи между ними нѣтъ и не должно быть.

Христіанство, поэтому, учить насъ въ жизни государственной искать исполненія нашего долга предъ Богомъ и ближними, а современное язычество учить человѣка отстаивать въ государствѣ свое личное и своекорыстное право, тянуться къ власти и корысти, къ силѣ и вліянію, оцѣнивать все не голосомъ нравственнаго долга, а соображеніями удовольствія и пользы.

Христіанство учитъ, что основа жизни есть основа религіозно-нравственная, въ смиреніи предъ Богомъ и въ исполненіи Его закона, а современное язычество говорить, что выше всего въ мірѣ—это человѣческій разумъ, имъ все начинается и кончается въ устроеніи жизни; его законъ и есть законъ жизни.

Христіанство, поэтому, учитъ, что жизнь человѣка управляется правдою Божіей, а язычество говорить о человѣческомъ, условномъ и временномъ, правѣ, какъ основѣ государства и общества, жизни семейной и личной.

Христіанство учитъ, что мы—рабы Божіи, а язычество утверждаетъ, что это унижительно для человѣка, что человѣкъ—себѣ самъ господинъ и нѣтъ надъ нимъ никакого иного господина, никого и ничего высшаго.

Отсюда христіанство, признавая Бога Творцомъ, Промыслителемъ, Судіею міра и Управителемъ, говорить, что власть земная происходитъ отъ Бога, и потому она неограничима человѣкомъ, а язычество утверждаетъ, что и Богъ—это собственно самъ человѣкъ, власть же установлена людьми и зависитъ она отъ людей и больше ни отъ кого. Отсюда же христіанство говорить о боговластіи, какъ основѣ жизни народовъ, а язычество отстаиваетъ начало народовластія, т. е. обоженія воли народа, замѣняющей волю Божества. Когда Горькій теперь говорить о „народобожіи“ (въ своемъ послѣднемъ произведеніи „Исповѣдь“), когда онъ увѣряетъ, что народъ весь съ его волей есть Богъ, то онъ буквально повторяетъ древнее языческое ученіе.

Христіанство говорить, что совѣсть есть то, что всего въ мірѣ нужнѣе, и что голосъ совѣсти, опирающейся на волю Божію,—вотъ что служить для человѣка руководствомъ поведенія,—а современное язычество увѣряетъ, что голосъ и согласіе большинства людей,—вотъ что опредѣляетъ окончательно, гдѣ и что истинно, и что ложно.

Поэтому христіанство призываетъ тебя идти одному противъ всего міра, если ты чувствуешь себя правымъ по совѣсти и Закону Божію,—такъ дѣйствовалъ Ной, Авраамъ, такъ поступали апостолы и мученики,—а язычество учитъ, что

наде подчиниться рѣшенію большинства, хотя бы это рѣшеніе отнимало у меня Бога, вѣру и подавляло голосъ совѣсти.

Христіанство говоритъ, что нравственное и святое—вчера и сегодня одинаковы и вѣчны по содержанію и внутренней силѣ обязательности, а язычество увѣряетъ, что нравственность и святость измѣнчивы и условны, и что можно нарушать легко сегодня то, что вчера еще считалось святымъ и неприкосновеннымъ...

Вотъ краткое различіе христіанства и современнаго язычества. Православные русскіе люди, идущіе подъ руководствомъ Церкви, патриоты, нынѣ совершающіе свой праздникъ, явно стоятъ на основѣ христіанства и его начала отстаиваютъ. Тѣмъ больше имъ хвалы. И обратно: нынѣшніе „прогрессисты“ подъ видомъ ли „освободительнаго движенія“, или „правового строя“, или народовластія, т.-е. демократіи, отстаиваютъ начала язычества, только видоизмѣненнаго, приспособленнаго къ современнымъ условіямъ быта и жизни, и для обмана вѣрныхъ, но простыхъ и довѣрчивыхъ сердець прикрытаго громкими и красивыми словами.

И пусть попрежнему и убиваютъ, и гонятъ вѣрныхъ Богу, пусть глумится надъ ними большинство, этотъ ваалъ современности: для насъ Богъ—все, а большинство—ничто, если оно идетъ противъ Бога.

Такъ и тецете, возлюбленные! Идите, братья, этою дорогою, и Покровъ Богоматери и силъ небесныхъ будетъ съ вами. Аминь.

II.

ЖЕРТВА ДОЛГА. *

По порученію Московскихъ царелюбивыхъ и боголюбивыхъ союзовъ, и какъ совершителю скорбнаго молитвословія по уби-

* Рѣчь при открытіи памятника, сооруженнаго патриотами убитому революціонерами казаку Козьмѣ Сухорукову, на Семеновск. кладбищѣ, въ Москвѣ; сказана 1 окт. 1908 года.

тому революціонерами казаку тихаго Дона Козьмѣ Сухорукову, мнѣ выпало на долю здѣсь, въ сердцѣ Россіи, открыть предъ вами, сыны Дона, этотъ памятникъ.

Знаемъ, что слишкомъ грустное воспоминаніе соединено съ этимъ памятникомъ. Не у одного изъ васъ дрогнетъ сердце при мысли: и каждому изъ насъ, можетъ-быть, готова такая же судьба... Предъ нами жертва изуверства революціонеровъ. Не въ честномъ, открытомъ бою, не на полѣ брани убили его враги родины, не честный и прямой врагъ пролилъ его кровь; нѣтъ, выстрѣломъ изъ толпы низкихъ бунтовщиковъ, неожиданно, какъ предательство Іуды, братоубійственной рукою Каина сраженъ былъ Козьма Сухоруковъ, соименникъ славнаго Козьмы Минина Сухорукова, великаго и незабвеннаго нижегородца.

Люди, которые постоянно кричатъ о народномъ благѣ, люди, которые говорятъ, что идутъ за народъ, люди, которые только и толкуютъ о правахъ народа,—смотрите, что они на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ! Развѣ одинъ Козьма Сухоруковъ убить? Не сотни, а буквально тысячи казаковъ, солдатъ, городовыхъ, артельщиковъ, простыхъ прохожихъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей убиты, изранены, изуродованы этими „радѣтелями“ народа. Для нихъ народъ нуженъ, какъ ступень къ власти, для нихъ народъ нуженъ, какъ орудіе для полученія благъ земныхъ! И вотъ, повторяю, предъ вами одна изъ первыхъ такихъ жертвъ. Съ 5-ю другими казаками 7-го августа 1905 года казакъ Козьма Сухоруковъ былъ посланъ разсѣять скопище бунтовщиковъ, не обнажая оружія... Выстрѣлъ изъ толпы,—и онъ палъ, сраженный пулей!

Господь Іисусъ Христосъ сказалъ о Себѣ Самомъ: „если зерно пшеничное, падши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то многій плодъ принесетъ“; и апостолъ говоритъ намъ: „зерно не оживетъ, если не умретъ“. Палъ ты, честный воинъ Козьма Сухоруковъ, какъ подрѣзанный слѣблый колосъ пшеничный на тучныхъ поляхъ твоей Донской родины! Палъ ты, какъ тяжелый полный снопокъ, въ житницу Божію! Умеръ, какъ зерно пшеничное, Козьма Сухоруковъ, но смерть—мужу покой, а ему неувядаемая жизнь и слава! Умеръ.

какъ зерно пшеничное, Козьма Сухоруковъ, но образъ его доблести и примѣръ его подвига пусть живутъ въ душахъ вашихъ, дорогіе братья! Что смерть?! Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать, но безмѣрно тяжелѣе умереть навѣки духомъ, быть проклятымъ отъ Бога и людей, быть предателемъ и измѣнникомъ, навѣки умереть для Бога и для родины. Это, поистинѣ,—смерть вторая!

Смотрите, вотъ мы, люди чужіе, не знавшіе Козьмы Сухорукова, однако, горимъ къ нему благодарною любовью, собрали средства и воздвигли ему этотъ памятникъ и поминаемъ его молитвою. И вѣримъ мы,—молитву благодарныхъ сердецъ приметъ Господь, и вѣримъ мы,—не жалѣеть теперь рабъ Божій, воинъ Козьма, въ загробной жизни, на лонѣ у Господа, не жалѣеть, что онъ отдалъ себя въ жертву исполненія долга!

Пусть его примѣръ для васъ будетъ незабвеннымъ! Пусть наша молитва, наша благодарность, и этотъ памятникъ, и это многолюдное собраніе ясно покажутъ вамъ, что сладко умереть за Царя и родину, что сладко умереть за исполненіе долга совѣсти, что если на землѣ и нѣтъ полного воздаянія за подвигъ, то предъ Богомъ—ни молитва, ни служба никогда не пропадутъ!

И если намъ и вамъ нужно будетъ умереть за Бога, за Царя и за народъ, если насъ на этотъ подвигъ позовутъ, то пусть и у насъ всегда на сердцѣ и на устахъ будетъ одинъ отвѣтъ: „Идемъ, Господи, идемъ, нашъ дорогой Царь,—мы готовы: мы всѣ и каждый изъ насъ—Козьма Сухоруковъ!“ Аминь.

III.

РАЗРУШЕНІЕ ШКОЛЫ.*

Позвольте напомнить почтенному собранію, вѣроятно, многими теперь уже забытое слово, обращенное Государемъ Импе-

* Рѣчь при открытіи въ г. Москвѣ „Общества содѣйствія религіозно-нравственному и патриотическому воспитанію дѣтей“; сказана 1 октября 1908 года въ Епархіальномъ домѣ.

раторомъ 28 октября 1894 года, въ первые дни Его царствованія, къ министру народнаго просвѣщенія: „Въ Бозѣ почившій Родитель Мой съ особой заботливостью слѣдилъ за подрастающимъ учащимся поколѣніемъ и до послѣднихъ дней горѣлъ желаніемъ воспитать его на радость Россіи. Передайте дѣтямъ и юношамъ Мое сердечное пожеланіе, чтобы величавый образъ великаго душой Монарха служилъ имъ руководящимъ свѣточемъ къ нравственному совершенствованію“

Нравственное совершенствованіе юношей, съ одной стороны, и воспитаніе ихъ на радость Россіи, съ другой,—вотъ тѣ основы, которыя, по волѣ Монарха, должны быть положены въ основу русской школы, какъ ея идеаль. Но если самый нравственный міръ и сознаніе долга есть въ человѣкѣ нѣчто свыше данное, не навѣянное и не обусловленное ни природою, ни искусственными вліяніями среды, то мы имѣемъ полное право разсматривать и признавать нравственное совершенствованіе именно, какъ религіозно-нравственное. Только при такомъ возрѣніи на него оно получаетъ смыслъ, содержаніе, оправданіе и силу внутренней обязательности; только при такомъ возрѣніи оно дѣйствительно рѣзко и рѣшительно отдѣляетъ и отличаетъ человѣка отъ міра животныхъ и превозноситъ надъ нимъ; только при такомъ возрѣніи мы съ истиннымъ сознаніемъ истиннаго человѣческаго достоинства поднимаемъ къ небу разумный нашъ взоръ и разумное человѣческое чело...

Въ годину полнаго забвенія этой истины открываетъ свои дѣйствія „Общество содѣйствія религіозно-нравственному и патріотическому воспитанію дѣтей“. По нашимъ временамъ, его открытое выступленіе на общественную работу—это великій актъ мужества и великій актъ истинной мудрости.

Настоящій, крѣпкій умъ, здравый, трезвый и уравновѣшенный духъ, настоящая мудрость, глубокая и устойчивая, познаются всего лучше и вѣрнѣе въ дни какого-либо повальнаго стаднаго помѣшательства. Ему подвержена всегда масса, толпа, обладающая умомъ животнымъ; но, славу Богу, никогда не бывало и не можетъ быть такъ, чтобъ эта стадность совершенно подавила и уничтожила человѣческій разумъ.

Въ немногихъ единицахъ разумъ истинный, отблескъ Божества въ чловѣкѣ, сохранить свои права; въ немногихъ сердцахъ онъ претворится въ пламень убѣжденія; въ немногихъ душахъ онъ подвинетъ волю на твердую рѣшимость дать отпоръ стадному неразумному увлеченію, сказать открыто трезвое слово и стать на путь соответственныхъ дѣйствій среди безконечныхъ насмѣшекъ и даже насилій со стороны людей, одурманенныхъ стадностью и гипнозомъ толпы. *Nihil in raucis vivit genus!* Однако, тяжель первый шагъ, а далѣе, смѣлымъ въ удѣлъ вѣчное Божественное слово: „свѣтъ во тьмѣ свѣтитя и тьма его не объятъ“, имъ въ удѣлъ и слово поэта: „чѣмъ гуще тьма, тѣмъ звѣзды ярче“...

Тѣмъ знаменательнѣе нынѣшній день. Мы открыто заявляемъ, что не раздѣляемъ того идолопоклонства предъ однимъ знаніемъ и развитіемъ разсудка, которымъ нынѣ заражено наше общество, желающее видѣть одно обученіе юношества, а не воспитаніе. Мы открыто указываемъ, какъ на печальное слѣдствіе этого идолопоклонства,—на нынѣшнее бѣснованіе, озвѣрѣніе и сумасшествіе молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ, полное паденіе семейнаго покоя, разрушеннаго въ конецъ нынѣшними дѣтьми, этими, въ буквальномъ смыслѣ слова, тиранами семьи, и на духовное опустошеніе родины, совершенно лишаемой образованныхъ работниковъ на всѣхъ поприщахъ жизни, вслѣдствіе обуявшаго юношество политиканства, замѣнившаго доброе воспитаніе и ученіе.

Мы открыто исповѣдуемъ, что религіозность и патриотизмъ—это двѣ ноги, на которыхъ стоитъ великанъ свято-русскій, что онъ упадетъ неминуемо, этотъ великанъ, если мы подрубимъ ему одинъ или другой изъ этихъ устоевъ.

И мы рады засвидѣтельствовать, что огромная часть русскаго народа, народа трезваго по уму и сердцу, не поддавалась на бѣснованія развинченныхъ нервами и лишенныхъ разума русскихъ немногихъ „интеллигентовъ“, сбитыхъ съ толку „сознательно“ дѣйствующими врагами русскаго народа, желающими видѣть нашъ народъ духовно-бездомнымъ бродягою, лишеннымъ религіи и патриотизма. И мы рады заявить, что немногія пока школы, уже открытыя здѣсь съ цѣлями рели-

гіозно-нравственнаго воспитанія, положительно подавлены заявленіями многочисленныхъ родителей, которые охотно готовы помѣщать дѣтей въ наши школы, готовы для этого брать своихъ дѣтей изъ другихъ учебныхъ заведеній, недовольные ихъ водянистымъ, бездушнымъ и безцвѣтнымъ направлениемъ, трусливо умалчивающимъ о религіи и патріотизмѣ.

О, только прекратите это страшное насиліе надъ русскимъ народомъ; только подавите этотъ наглый захватъ школы грязными руками инородцевъ и ихъ приспѣшниковъ; только помѣйте мужество всей этой неучащейся и бунтующей молодежи показать свободный выходъ изъ школы, гдѣ она не хочетъ учиться, а желаетъ диктовать законы Царю и царству; только обратите школу въ мѣсто святое, въ „храмъ“ науки, надъ которымъ не напрасно сіяетъ православный крестъ, которое не въ насмѣшку осѣняетъ государственный орелъ; только прекратите эту непрестающую ложь и фальшь въ нашей школѣ,—и свято мѣсто пусто не будетъ!

Явятся и добрые учителя, найдутся религіозно-патріотически настроенные воспитатели, и школа станетъ на свое мѣсто, и займется подобающимъ дѣломъ, святымъ и великимъ.

Вѣдь мы истосковались по такой школѣ; вѣдь мы измутились при видѣ нескончаемой неурядицы школьной и этого неспасимого долготерпѣнія къ развратителямъ юности, къ насильникамъ школы, къ врагамъ обученія и воспитанія, которые обратили школьную кафедру въ мѣсто политики и революціонированія народа. Пусть они будутъ устранены властною рукою,—и завтра же явятся учителя, можетъ-быть по внѣшнему праву на ученость (по праву дутому, въ которое уже никто не вѣритъ) не равные нынѣшнимъ полноправнымъ духовнымъ растителямъ учащихся поколѣній, но по внутреннему праву и по внутренней цѣнности безмѣрно выше ихъ стоящіе. Пусть откроютъ выходъ изъ школы тѣмъ уже прогнаннымъ юношамъ, которые все равно негодны для ученія, пусть изъ ложной и неразумной гуманности не зазываютъ ихъ занять оставленные ими школьныя скамьи,—все равно, они, какъ глухой аспидъ музыку, слушать науку и усвоить ее уже не въ состояніи,—и школа наполнится, можетъ-быть, мень-

шимъ количествомъ учащихся, но зато такими истинно-учащимися, которые будутъ давать истинно-образованныхъ и знающихъ людей для родины, а не жалкихъ полу-умныхъ, полу-образованныхъ недоучекъ, о которыхъ апостоль говоритъ, что они всегда учатся, и ничему никогда научиться не могутъ, которые составляютъ песокъ въ государственной машинѣ, соръ въ народной жизни, гниющей микробъ въ народномъ тѣлѣ!

Какъ-разъ въ тѣ дни, когда зло нашей школы является предъ нами столь ярко, когда мы читаемъ о безобразіяхъ и насиліяхъ учащихся въ нашей высшей школѣ, выступаетъ открыто, честно и твердо наше Общество и зажигаетъ первые огоньки здравого школьнаго обученія и воспитанія на религіозно-нравственной и патриотической основахъ.

Да возгорятся эти первые огоньки въ великое пламя, живительное и спасающее! Русскіе патриотическіе союзы первопрестольной Москвы, отстаивающіе среди современной смуты начала православной вѣры и русскаго патриотизма и уже открывшіе не одну школу съ религіозно патриотическими основами воспитанія ¹⁾, поручили мнѣ, какъ своему сочлену и предѣдателью, привѣтствовать Общество въ настоящій день его торжественнаго открытія и поднести ему въ молитвенное и выразительное благожеланіе эту икону Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Смысль изображеннаго на ней историческаго священнаго событія по отношенію къ его урокамъ нашему Обществу такъ ясенъ, что не требуетъ пространныхъ изъясненій. „Днесъ одушевленный храмъ, Богородица, въ храмъ Господень приводится, Тому уготоватися въ Божественное жилище“...

Да будетъ русскій народъ вовѣки одушевленнымъ храмомъ, и чрезъ святую Церковь, ея вліяніемъ на семью, школу, общество и государство, на нашъ народный и государственный патриотизмъ, да уготовляется и да возрастаетъ непрестанно въ Божественное жилище! Аминь.

¹⁾ Открыта въ Москвѣ Русскою Монархическою партией школа имени В. А. Грингута съ курсомъ церковно-учительской семинаріи и мисіонерскимъ отдѣленіемъ; открыта начальная школа Союза Русскаго Народа, подчиненная тоже церковно-школьной инспекціи, и друг.

Религіозное и патріотическое воспитаніе.*

Поздравляемъ васъ, дѣти, съ открытіемъ этой школы и съ началомъ вашихъ занятій. Вы видите, что вмѣстѣ съ вами на молитву и на открытіе школы собралось такъ много людей, повидимому, для васъ чужихъ и постороннихъ. Они никогда васъ не видѣли, и вы ихъ доселѣ не знали, но они заботятся о васъ и открыли эту школу. Всѣ эти люди, которые заочно любятъ васъ и заботятся о васъ, составляютъ особое Общество; называется оно: „Общество содѣйствія религіозно-нравственному и патріотическому воспитанію дѣтей“.

Постараюсь какъ можно проще и какъ можно понятнѣе объяснить вамъ, что это такое—воспитаніе религіозное и патріотическое, и какъ это къ вамъ относится.

Воспитаніе,—что такое воспитаніе дѣтей? Вотъ послушайте слова одного учителя, святого учителя, угодника Божія (святого Димитрія Ростовскаго). Онъ говоритъ, что душа ребенка для учителя—то же самое, что доска въ рукахъ художника. Вы видите эти иконы, что стоятъ передъ вами? Вотъ эта икона была раньше доска, а художникъ на ней нарисовалъ образъ нашего Спасителя; а вотъ другая, очень большая,—тоже была чистая доска, а теперь, видите, она обложена золотомъ и на ней нарисовано, какъ Богородицу Марію, когда Она была маленькой дѣвочкой, родители привели въ храмъ, чтобъ Она тамъ и выросла и научилась всему доброму и святому,—потому что въ храмѣ Божіемъ все, что есть тамъ,—все доброе и святое. А вѣдь на той же доскѣ художникъ могъ нарисовать и совсѣмъ другое, что-нибудь худое, на примѣръ,—какъ люди пьяны бываютъ, какъ они дерутся, какъ они обижаютъ другъ друга; вмѣсто Господа Иисуса Христа онъ могъ бы нарисовать дѣвола, демона, того духа злого и нечистаго, который

* Рѣчь дѣтямъ, поступившимъ въ школу „Общества для содѣйствія религіозному и патріотическому воспитанію дѣтей“ въ г. Москвѣ, 2-го октября 1908 г. Опытъ простого изложенія, доступнаго дѣтскому пониманію.

человѣка толкаетъ и научаетъ на все худое и грѣховное. Такъ вотъ, святой угодникъ, о которомъ я говорилъ вамъ, и учить,—повторимъ его слово: „душа ребенка для учителя—то же самое, что доска, онъ на ней можетъ нарисовать и ангела, и демона“. Когда говорятъ, что васъ здѣсь будутъ воспитывать, это и значить: вашу душу хотятъ сдѣлать угодною Богу, хотятъ научить васъ всему святому, чистому, доброму, хотятъ на вашей душѣ какъ бы нарисовать, отобразить Бога и Его святой законъ, вѣру въ Бога, иначе говоря,—религію.

Когда вы полюбите Бога и Его святой законъ, когда вы будете постоянно, съ охотой молиться Богу, обо всемъ спрашивать Его волю и будете жить по-Божьи, это значить, что вы получили *воспитаніе религиозное*.

И еще: воспитаніе *религиозное* научаетъ и приучаетъ человѣка во всемъ и всегда искать и ждать помощи отъ Бога. Вы видите: у васъ хорошая школа; смотрите—картины, всякія пособія; у васъ хорошіе учителя, цѣлое общество этихъ людей, которыхъ вы сейчасъ предъ собою видите, о васъ заботится. Ну, что же? Значить, ужъ непременно у васъ будетъ успѣхъ? Нѣтъ, дѣти. Надо просить помощи отъ Бога, безъ этого не будетъ успѣха. И вы видите: вотъ и архіерей, и священники, и ваши учителя, и всѣ эти добрые люди, которыхъ вы видите, люди ученые, образованные, молятся съ вами Богу, просятъ Его помощи и Его благословенія.

Разскажу вамъ про одного святого угодника Божія; вы о немъ часто здѣсь въ Москвѣ слышите: это преподобный Сергій, который основалъ Троицкую лавру. Былъ онъ мальчикомъ такого возраста, какъ вы; звали его тогда Вареоломеемъ (Сергіемъ его называли въ монашествѣ); учился онъ грамотѣ; всѣ его товарищи успѣвали, а ему трудно давалось ученіе. Богъ его испытывалъ, приучалъ, чтобъ онъ не на себя все надѣялся, а на Господа. Грустилъ Вареоломей, что нѣтъ у него успѣха въ книжномъ ученіи. Разъ отецъ послалъ его въ поле за лошадьми. Вышелъ Вареоломей далеко въ поле, къ лѣсу, и видитъ: какой-то старецъ-монахъ стоитъ на колѣняхъ и молится Богу. Подождать Вареоломей, пока старецъ молитву кончитъ. Когда всталъ старецъ, Вареоломей подошелъ къ нему,

попросилъ его благословенія и говорить ему про свое горе, и просить: „отче, помолись за меня Богу, чтобы легко и успѣшно я учился“. Понравился старцу набожный отрокъ; онъ благословилъ его, далъ ему часть просфоры и сказалъ: „это дается тебѣ въ знакъ Божіей милости; теперь хорошо уразумѣешь грамоту“. Обрадовался Вареоломей. Не хотѣлось ему разлучаться съ добрымъ старцемъ. И говорить онъ ему: „пойдемъ къ намъ въ домъ; мои родители любятъ такихъ, какъ ты; отдохнешь у насъ, пищей подкрѣпишься“. Старецъ пошелъ. Пришли въ домъ; родители Вареоломея съ любовью приняли гостя. А гость не захотѣлъ сѣсть, пока не помолится Богу вмѣстѣ со всѣми. Была въ домѣ комната для молитвы,—семья-то, видите, какая была набожная! Всѣ прошли въ моленную комнату. Старецъ и говорить Вареоломею: „возьми книгу, читай часы,—псалмы“. Вареоломей прежде худо читалъ; поэтому онъ испугался и теперь сталъ было отказываться, а старецъ все свое твердилъ: „читай, читай!“ Перекрестился Вареоломей, сталъ читать,—и такъ ему все стало понятно и ясно, и слово за словомъ такъ и льется у него изъ усть. Хорошо читалъ Вареоломей. Всѣ удивились и всѣ познали, что здѣсь чудо свершилось, сила Божія проявилась.

И вы, дѣти, будьте всегда съ Богомъ, у Бога и теперь, и всю вашу жизнь ищите помощи; вѣруйте въ Бога, живите по вѣрѣ. Вѣра—иначе называется религія, набожный вѣрующій человекъ называется—религіозный. Вотъ и *воспитаніе* ваше потому называется *религіознымъ*.

Еще оно называется *патріотическимъ*. Что это значитъ? Патріотъ,—это слово не русское; оно означаетъ: человекъ, любящій свое отечество. Значитъ, васъ хотятъ воспитать такъ, чтобы вы были патріотами, т.-е. любили бы свое отечество и то, что есть въ немъ. Наше отечество—Россія; въ ней русскій народъ, а во главѣ его и править Россіей русскій Царь. Богъ править міромъ, Богъ же и посылаетъ царя вѣрующему народу, Богъ же и даетъ намъ родину, отечество, Богъ посылаетъ насъ жить среди своего народа. Значитъ, и патріотическое воспитаніе недалеко отъ религіознаго: оно есть послушаніе Богу.

Вотъ Иисусъ Христосъ былъ Богъ и Сынъ Божій и жилъ на землѣ среди людей для ихъ спасенія,—объ этомъ вы узнаете въ школѣ. Но и Онъ любилъ Свой народъ; Онъ среди Своего народа проповѣдывалъ, и плакалъ Онъ, когда видѣлъ, что Его родной народъ не исполняетъ Божьяго закона и тѣмъ губить себя.

Вотъ и преподобный Сергій, когда былъ уже великимъ подвижникомъ, тоже любилъ свой родной русскій народъ и горевалъ, если видѣлъ страданія родины; князю онъ и самъ повиновался, и другихъ заставлялъ повиноваться; онъ же благословилъ князя на битву съ врагами Россіи.

Разскажу вамъ случай изъ жизни русскаго народа въ глубокую старину. Враги однажды осадили городъ Кіевъ, при святой княгинѣ Ольгѣ; въ это время князь съ войскомъ стоялъ далеко въ другомъ городѣ; никакъ нельзя было ему дать знать; трудно было дать знать и жителямъ на другомъ берегу рѣки Днѣпра,—вездѣ по берегу стояли враги. Тутъ одинъ мальчикъ рѣшился на смѣлое дѣло: онъ прошелъ черезъ весь станъ враговъ; каждую минуту его могли поймать и убить, а онъ шелъ смѣло къ берегу. Какъ онъ дошелъ до берега, прямо бросился въ воду и сталъ плыть на другую сторону рѣки. Враги тогда догадались, въ чемъ дѣло, и стали они въ него стрѣлять, могли его убить, мальчикъ могъ утонуть. Но любилъ мальчикъ свой родной народъ, и такая любовь дала ему силы и смѣлость. Онъ переплылъ рѣку, далъ знать о нападеніи враговъ на Кіевъ и спасъ его отъ гибели. Вотъ что значитъ быть патриотомъ. Такое же патриотическое воспитаніе хотятъ дать и вамъ.

Дай Богъ вамъ быть хорошими учениками и успѣшно принять все то, чему васъ хотятъ обучить и что вамъ хотятъ внушить. Дай Богъ вамъ полюбить Бога и Церковь, быть вѣрующими и Божій законъ во всемъ исполнять, а также полюбить родину и Царя, и быть полезными для отечества. Дай Богъ, чтобы чрезъ много лѣтъ, когда будете большими, вы бы могли сказать о себѣ стариннымъ складнымъ приговоромъ:

Что шлола намъ дада,
 То въ насъ и есть:
 Богъ, Церковь, родина,
 Царь, совѣсть, честь...

Завѣты древнихъ святителей Московскихъ.*

Празднуемъ нынѣ память великихъ Московскихъ святителей и всяя Россіи чудотворцевъ, митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны; къ нимъ впослѣдствіи, по распоряженію высшей церковной власти, причисленъ по празднованію и памяти тоже святой—митрополитъ Московскій Филиппъ.

Можетъ-быть, кто подумаетъ: вѣдь они жили въ Москвѣ и тамъ святительствовали, зачѣмъ же намъ праздновать съ особымъ торжествомъ ихъ память? Но какъ Москва имѣла не мѣстное только значеніе въ древней Россіи, а значеніе все-россійское, такъ и ея митрополиты-святители не напрасно и при жизни назывались всероссійскими и по смерти почитаются всѣмъ русскимъ народомъ; они совершили великіе подвиги, поистинѣ, для всего русскаго народа. А зачѣмъ: святость человека сіяетъ не только всѣмъ окружающимъ, не только цѣлому народу, но всѣмъ людямъ на землѣ. И Спаситель говорилъ смиреннымъ рыбакамъ-апостоламъ: „вы—свѣтъ міру“...

Пятьсотъ—шестьсотъ лѣтъ тому назадъ жили воспоминаемые сегодня угодики; двѣсти слишкомъ лѣтъ одинъ за другимъ они сіяли житіемъ и подвигами для святой нашей Руси. То было время безмѣрно тяжелое для русскаго народа. Уже народъ нашъ въ то время былъ просвѣщенъ вѣрою Христовой въ городѣ Кіевѣ; уже распространялъ онъ эту вѣру среди народовъ дикихъ и невѣдавшихъ Бога; уже у насъ было настоящее христіанское просвѣщеніе, настоящее христіанское царство; уже процвѣла тогда русская земля великими святыми.

* Поученіе простому народу въ церкви Троицкаго подворья въ Петроградѣ 5 окт. 1908 г.

Цвѣсти бы и расти русскому царству православному, совершать бы ему великое и всемірное апостольское дѣло—далеко кругомъ распространять святую вѣру среди народовъ Европы и Азіи!

Но Господь судилъ иное. Судилъ Онъ испытать Русь крѣпкимъ испытаніемъ, закалить ее въ неимовѣрныхъ страданіяхъ. Изъ далекихъ азіатскихъ странъ нахлынули на насъ дикія монгольскія орды; пришли онѣ на Русь въ силѣ тяжелой. Разбиты были наши князья, разъединенные между собою; уничтожены наши воинскія дружины; запылали села и города; разрушены храмы и монастыри; десятки тысячъ людей отведены въ тяжелую неволю; сотни тысячъ избиты врагами; хлѣбъ, достояніе и богатства разграблены... Народъ бѣжалъ въ лѣса, селился въ болотахъ, жилъ въ нуждѣ и наготѣ, въ голодѣ и холодѣ, отвыкалъ отъ пѣнія церковнаго, отъ звона колокольнаго... Отъ Кіева и юго-запада, отъ привольной и богатой земли, гдѣ впервые зародилось и основалось русское княжество, русская жизнь стала отливать далеко къ сѣверу и сѣверо-востоку, къ Владиміру, Москвѣ и Твери, чтобы подальше уйти отъ татарскаго разоренія.

Въ такое-то время и совершили свой подвигъ святители Московскіе; изъ нихъ Петръ-митрополитъ жилъ во дни самыхъ страшныхъ ужасовъ татарщины; Алексій-митрополитъ уже предчувствовалъ побѣду надъ ними на полѣ Куликовомъ; Іона-митрополитъ имѣлъ радость видѣть, что это татарское скоро-скоро окончится. Святитель Филиппъ не только видѣлъ полное и окончательное низверженіе татарскаго засилья, но видѣлъ, какъ царь русскій уже самъ покорялъ прежде грозныя царства татарскія—Казань и Астрахань.

Прежде всего великіе эти святители старались поддерживать въ русскомъ народѣ ревность и чистоту вѣры православною. Она одна давала утѣшеніе въ страданіяхъ; она одна поддерживала народную бодрость и упованія на лучшее будущее. Вѣра же православная хранила единство народа русскаго; отъ отсутствія такого единства погибалъ нашъ народъ: если бы не раздѣлялись князья и города, если бы не враждовали они между собою, если бы не отказывали другъ другу

въ помощи,—то и врагъ не одолѣлъ бы Русь. Но при множествѣ князей была на Руси одна православная вѣра, одинъ митрополитъ, одна церковная власть, одно богослуженіе, одинъ языкъ молитвъ, одни упованія, однѣ святыни. Это все имѣло величайшее значеніе для народа русскаго. Но самое великое значеніе имѣло превосходство нашей вѣры, святой, православной, богооткровенной, предъ вѣрою пришельцевъ-монголовъ, которые сначала были язычниками, а потомъ, съ XIV вѣка, сдѣлались магометанами. Трудно себѣ даже мысленно представить, что было бы съ нашимъ русскимъ народомъ, если бы онъ, подъ вліяніемъ поработенія, принялъ бы и вѣру поработителей. Онъ погибъ бы для царства Божьяго и вѣчнаго спасенія,—это прежде всего. Но, погибнувъ для неба, онъ умеръ бы и для земли: его поглотили бы дикія орды, и самаго имени его теперь бы не существовало въ мірѣ. Будучи языческимъ или мусульманскимъ, нашъ народъ слился бы съ монголами и раздѣлилъ бы ихъ судьбу, а судьба ихъ у насъ предъ глазами: это ничтожные, грубые и безсильные народцы.

Но безмѣрно превосходили русскіе татаръ своею вѣрою. И великое дѣло случилось: татары покорили землю русскую, взяли какъ бы тѣло Россіи, а сами невольнo покорились русской душѣ, т.-е. вѣрѣ нашего народа: они не могли не уважать нашей вѣры, они во множествѣ крестились, они чувствовали наше духовное превосходство; поработители преклонились предъ поработенными, предъ ихъ духовными сокровищами. При такихъ условіяхъ русскіе не могли затеряться въ мірѣ и погибнуть; напротивъ, постепенно они духовно подчиняли себѣ своихъ побѣдителей и тѣмъ сливали ихъ съ собою и вмѣстѣ спасали ихъ духовно, приобщая къ Церкви Божіей, къ сокровищамъ христіанства, къ царству Божію.

Всѣми силами святой ревности и неустаннаго труда поддерживали святители Московскіе святое православіе въ русскомъ народѣ. Святитель Петръ возстановляетъ разрушенныя храмы, учреждаетъ новыя обители; онъ переноситъ свою митрополию въ Москву, строитъ Успенскій храмъ и умоляетъ князя окончить его постройкою, собрать сюда святыни народныя, и предсказываетъ ему за это, что руки его вздыдутъ на

плеча враговъ его и что родъ его будетъ княжить и владѣть въ этомъ новомъ городѣ надъ всею Русью. Святитель Алексій всё силы своего богато одареннаго духа употребилъ на утвержденіе святого православія. Онъ ѣздилъ по русской землѣ; онъ также строилъ храмы и святыя обители; онъ самъ переводилъ святое евангеліе на славянскій языкъ съ греческаго; онъ пишетъ посланія и князьямъ, и простолюдинамъ, утверждая ихъ въ вѣрѣ и законѣ Господнемъ, призывая ихъ къ единенію въ Церкви Христовой: „Имѣйте въ умѣ своемъ смерть, воскресеніе, судъ и воздаяніе по дѣламъ“; „не пропадетъ овца, на которой есть помѣта: ваша помѣта—Христосъ и Его Тѣло и Кровь Божественная“; „какъ однимъ дымомъ нельзя нагрѣть дома, такъ и одна домашняя молитва безъ общецерковной“; „что холоднѣе и бездушнѣе камня? но и камень, если бить о камень, то явится тепло и посыплются искры: такъ и христіане въ Церкви и въ общецерковномъ пребываніи и молитвѣ“...

Во дни святителя Іоны опасность грозила православію отъ замысловъ папы римскаго, хотѣвшаго подчинить себѣ православыя народности путемъ обольщенія и богатыхъ обѣщаній свободы и защиты отъ мусульманъ. Твердо стоялъ святитель на-стражѣ церковной, ни одна душа не погибла и не уловлена была въ сѣти католичества...

Итакъ, не напрасно св. Церковь въ гѣснопѣніяхъ нынѣшняго дня прославляетъ этихъ святителей, какъ „первопрестольниковъ російскихъ и столповъ православія“, какъ „хранителей апостольскихъ преданій“, непоколебимыхъ защитниковъ и вѣры проповѣдниковъ. И въ этомъ—ихъ первый завѣтъ вѣкамъ и родамъ, сынамъ православнаго русскаго народа. На свѣтѣ нѣтъ другого народа, у котораго измѣна вѣрѣ приносила бы такія пагубныя послѣдствія для государственной жизни: такъ сросся и сжился народъ русскій со святымъ православіемъ. Предъ нимъ, предъ святымъ православіемъ, въ лицѣ святителя Алексія склонился и самъ ханъ татарскій; онъ просилъ св. Алексія пріѣзжать въ орду, онъ видѣлъ чудо исцѣленія своей жены по молитвамъ святителя; онъ съ честью его встрѣчалъ и провожалъ, одаривалъ подарками, давалъ

льготы и милости Церкви Божіей... Въ эти времена святитель Алексій являлся митрополитомъ и пастыремъ не только для русскаго князя и русскихъ людей, но и для хана татарскаго и его народа.

Въ Москвѣ, у Московскихъ князей впервые ясно и рѣшительно была признана и высказана мысль о томъ, что надо русскому народу собраться въ единое государство, подъ рукою единаго князя, чтобы свергнуть иго татарское. Нужно было побѣдить всякое самолюбіе и всѣ раздѣленія ради блага всей Руси; нужно было пламенно любить родину, чтобы о себѣ забывать; нужно было повиновеніемъ князю постепенно изъ губительнаго многоначалія создавать единодержавіе и самодержавіе на Руси, чтобы силою самодержавія царскаго вести Россію къ силѣ и славѣ и къ исполненію ея религіознаго, свыше указаннаго, міроваго призванія.

И вотъ, святитель Петръ слѣдуетъ за княземъ въ незначительный въ то время городокъ Москву, чтобы утвердить тамъ свое мѣстопробываніе и тѣмъ привлечь къ князю уваженіе и преданность всей Россіи. Святитель Алексій повиновался даже малолѣтнему великому князю, всячески ограждая его права; онъ входилъ не только въ дѣла церковныя, но и государственныя, увѣщевалъ непокорныхъ, предавалъ отлученію церковному тѣхъ русскихъ князей и ихъ приспѣшниковъ, которые шли противъ законной власти великаго князя, пользуясь его малолѣтствомъ или затрудненіями въ государственной жизни, и соединялись даже съ врагами русскаго народа (какъ князь Тверской съ литовцами); онъ путешествовалъ въ Орду къ татарскому хану, чтобы смягчить его и предотвратить нападеніе на русскую землю. Умирая глубокимъ старцемъ, онъ говорилъ великому князю: „Сынъ мой, я отхожу отъ жизни, оставляя тебѣ милость отъ Бога, миръ и благословеніе, а также и сыну твоему и всему сѣмени твоему до вѣка“. Такъ, видите, и донинѣ почиетъ на насъ благословеніе святителя. Такъ же дѣйствовалъ и святитель Іона: и онъ писалъ посланія къ русскому воинству, ободряя его на подвигъ брани противъ татаръ-поработителей и обѣщая именемъ Господнимъ вѣнецъ славы мученикамъ, которые будутъ убиты въ сей свя-

ценной брани; и онъ властью духовною смирялъ бунтующихъ князей, бояръ, раздорниковъ, непокорныхъ власти законнаго великаго князя; и онъ всѣми силами своими служилъ благу народа русскаго, подготавливая единодержавіе и самодержавіе его властителей и вмѣстѣ съ тѣмъ силу и крѣпость царства русскаго, православнаго, миръ и спокойствіе Церкви Христовой, благоденствіе и порядокъ жизни народа: чтобы народъ нашъ тихое и безмолвное житіе проводилъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, творя волю Божию, уготовляя себя къ вѣчному спасенію. Ради того же блага русскаго народа и святитель Филиппъ, на сто лѣтъ позже митрополита Юны, уже во дни свободы русскаго царства, когда царь Іоаннъ Грозный, попущеніемъ Божиимъ, объятый болѣзнью, воспылалъ гнѣвомъ на подданныхъ и сталъ предавать многихъ неправеднымъ и жестокимъ казнямъ,—святитель Филиппъ мужественно и до пролитія крови пастырски увѣщевалъ Грознаго царя, сохраняя уваженіе, преданность и повиновеніе ему, какъ царю, но напоминая о равномъ для царя и подданныхъ законѣ Царя Небеснаго.

Вотъ, братіе, жизнь и подвиги Московскихъ и всероссійскихъ святителей на протяженіи двухъ столѣтій скорби и страданій въ жизни русскаго народа. Нынѣ, въ день царскій, когда мы молимся за Царственнаго Отрока и Именинника, Наслѣдника престола, Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, не вспоминаются ли намъ скорби и страданія, пережитыя и переживаемыя нами въ послѣднее время? Враги виѣшніе, японцы, родственные древнимъ нашимъ насильникамъ-монголамъ, нанесли Россіи жестокія раны. Съ ними соединились наши домашніе раздорники и измѣнники и производили и производятъ раздѣленія и смуту въ царствѣ нашемъ, какъ во дни татарскаго нашествія.

Гдѣ же и въ чемъ намъ искать спасенія?

Отвѣтъ мы слышимъ въ жизни и подвигахъ святителей Московскихъ. Ихъ завѣты чрезъ вѣка и роды гласятъ намъ: храните святую православную вѣру; храните единство въ Церкви православной; ищите паче всего вѣчнаго спасенія и угожденія Богу; любите родной русскій народъ, свое отечество

до полного забвенія своихъ выгодъ; дорожите выстрадавшимъ и Церковью благословеннымъ самодержавіемъ нашихъ царей; повинуйтесь власти ихъ и поставленныхъ ими правителей; не смущайтесь и не соблазняйте ни рѣчами, ни обѣщаніями раздорниковъ и развратителей народныхъ,

Въ этомъ было наше спасеніе въ вѣкахъ минувшихъ, въ этомъ спасеніе Россіи и въ настоящее трудное время, и на всю вѣчность! Аминь.

Въ Кронштадтѣ у о. Іоанна.

Недавно въ газетахъ появилось извѣстіе, что здоровье о. Іоанна такъ ухудшилось, что за службою съ нимъ сдѣлался глубокой обморокъ. И это извѣстіе, и желаніе повидать батюшку заставило поѣхать къ нему въ Кронштадтъ. Осторожно пришлось освѣдомляться, можно ли его увидѣть, и не причинить ли ему беспокойства и усталости наше посѣщеніе.

Къ счастью нашему, мы нашли батюшку здоровымъ и бодрымъ. Почти годъ назадъ, когда его посѣтили владыка-митрополитъ Владиміръ, епископъ Гермогенъ и еп. Серафимъ, казалось, что дни его сочтены. Посѣщеніе это и та нравственная поддержка, которая ему была оказана, по словамъ самого о. Іоанна, сильно повліяли на возстановленіе его силъ. Теперь попрежнему свѣтятся его чудные глаза; небольшой румянецъ играетъ на щекахъ; на устахъ появляется прежняя добрая, чарующая улыбка. Попрежнему батюшка ежедневно совершаетъ богослуженіе—раннюю литургію и часто произноситъ свои краткія поученія, эти слова мудрости духовной, изливающейся изъ души, пропитанной благоуханіемъ молитвы, богомыслія, благоговѣнія и постоянного чтенія слова Божія. Жаль, что никто не записываетъ его поученій, живыхъ, смѣлыхъ по мысли и сопоставленіямъ, близко касающихся жизни.

Свѣдѣнія газетъ о болѣзни и даже обморокѣ о. Іоанна оказались ложными.

Батюшка за всёмъ слѣдитъ, много читаетъ. Болѣзнь не даетъ ему возможности выѣзжать въ Св. Синодъ для присутствованія, о чемъ онъ и написалъ оберъ-прокурору Св. Синода, благодаря за новое его назначеніе и въ текущую синодальную сессію. Но о. Іоаннъ исправно перечитываетъ обширную корреспонденцію, попрежнему широко благотворить; до 7.000 р. онъ далъ въ минувшее лѣто на обновленіе Андреевскаго собора, до 10.000 р.—женскому монастырю на дальнемъ Сѣверѣ; не говоримъ о мелкихъ раздаваемыхъ имъ суммахъ. Кабинетъ о. Іоанна—это моленная, это какъ бы алтарь. Все уставлено иконами, на столѣ раскрытыя богослужебныя книги, у кресла на шкафу епитрахиль, предъ сидящимъ—св. крестъ и евангеліе. Здѣсь, оставаясь по необходимости въ одиночествѣ, онъ вынашиваетъ и затѣмъ изливаетъ на бумагу возвышенныя благоговѣйныя мысли „Дневника“, здѣсь же льется и его молитва.

Незримо міру плоды молитвъ, но иногда милость Божія и Божья мудрость являютъ ихъ намъ въ назиданіе. Вотъ опубликованное въ газ. „Котлинъ“ (издается въ Кронштадтѣ), № 221 отъ 28 сентября сего года, письмо объ одномъ исцѣленіи, совершенномъ милостью Господа, по молитвамъ о. Іоанна; приводимъ его цѣликомъ:

„Я, пишущая эти строки, Серафима Малиновская, три года тому назадъ лишилась мужа и послѣ смерти его пріѣхала сюда, въ Кронштадтъ, гдѣ и живу по благословенію о. Іоанна, въ Домѣ Трудолюбія, третій этажъ, комната № 19. Сначала мы съ мужемъ жили въ Саратовѣ, гдѣ онъ служилъ на желѣзной дорогѣ, но потомъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, пришлось ему оставить службу, и мы переѣхали въ Москву; это было въ февралѣ 1905 года.

„Въ Москвѣ мужъ мой находился подъ наблюденіемъ профессора Таланова, специалиста по нервнымъ болѣзнямъ, и пользовался его совѣтами. Посѣщая моего мужа, профессоръ обратилъ вниманіе и на меня, тоже какъ на больную, нашелъ у меня массу болѣзней и удивился, какъ я только еще живу.

„Онъ сказалъ, что у меня страданіе всей нервной системы (невралгія), расширеніе сердца, вслѣдствіе чего отекъ ногъ (водянка), сильное малокровіе, упадокъ силъ, и посовѣтовалъ мнѣ питать себя хорошенько, причемъ прописалъ лѣкарства. Я, никогда не любившая лѣчиться, не воспользовалась его совѣтами; чтобы успокоить своего мужа, купила я лѣкарства, но не употребляла ихъ.

„Мужъ мой скончался 16 іюля того же 1905 года. Послѣ его смерти я пріѣхала въ Кронштадтъ, гдѣ и теперь живу.

„Вначалѣ, по пріѣздѣ, я могла посѣщать храмъ Божій почти каждую службу, несмотря на мою болѣзнь сердца и нервныя припадки удушья, вслѣдствіе страданій сердца. Но спустя годъ я была лишена возможности быть въ храмѣ, такъ какъ страданія мои увеличались и стали являться боли въ ногахъ. Я съ трудомъ могла еле ходить, стали отниматься постепенно ноги. Дорогой батюшка, посѣщая Домъ Трудолюбія, не оставлялъ и меня грѣшную и пріобщалъ всегда Святыхъ Таинъ. Послѣ причастія, милостью щедраго Бога, я всегда чувствовала облегченіе и благодарила Господа, какъ только умѣла и могла. Два года тому назадъ пріѣзжалъ поговѣть и пріобщиться у дорогого батюшки братъ мой родной, Владиміръ Михѣевъ, который служитъ земскимъ докторомъ въ городѣ Острогожскѣ, Воронежской губерніи; онъ остановился также въ Домѣ Трудолюбія, рядомъ со мной. Не видались мы съ нимъ болѣе 15-ти лѣтъ, радостно было наше свиданіе, но поскорѣль онъ, видя мои страданія.

„Онъ нашель у меня страданіе оболочекъ спинного мозга, страданіе всей нервной системы и на мои слова, можно ли мнѣ помочь, отвѣчалъ: „нѣтъ, нельзя тебя вылѣчить и ничѣмъ нельзя помочь, такъ какъ ты уже стара и организмъ твой слишкомъ истощенъ“.

„Страданія мои все увеличивались, стала появляться сильная боль въ спинѣ, въ особенности позвоночной кости, ноги и руки точно притянуло къ спинной кости, и я едва могла двигать ноги, но все-таки ходила каждое утро въ домъ къ о. Іоанну, для принятія Святыхъ Таинъ. Пріобщая меня, батюшка утѣшалъ и говорилъ: „Благодари Господа, что Онъ ва-

шелъ тебя, благодари Господа, что ты жива до сихъ поръ, благодари сильно, горячо; вѣдь ты только и живешь Святыми Тайнами, а безъ нихъ ты давно бы уже умерла!“ Такъ утѣшаль меня добрый отецъ, и послѣ принятія Святыхъ Таинъ мнѣ было легко, радостно и я забывала свои болѣзни.

„Страданія мои все увеличивались, и годъ тому назадъ отнялись ноги, я не могла уже сама ходить въ домъ къ о. Іоанну, меня носили на рукахъ каждое утро для святого причастія къ нему въ домъ.

„Господи! какъ я страдала, ноги и руки мои какъ бы притянуло къ позвоночной кости, всѣ жилы моего тѣла, при малѣйшемъ движеніи, точно тянули, вытягивали и били будто по нимъ чѣмъ-то острымъ; я кричала отъ невыносимой боли при всякомъ движеніи, и притомъ, какъ меня брали на руки и опускали съ рукъ, я должна была не шевелиться, чтобы не испытывать эти ужасныя боли! Я молилась, какъ умѣла и могла, и мысленно всегда призывала о. Іоанна, прося его святой молитвы и помощи. Я глубоко вѣрила, что Милосердный Господь исцѣлитъ меня святыми молитвами батюшки, Господь вѣдь слышитъ его и силою его молитвы творить чудеса. Вотъ, уѣзжая 23 мая сего года, батюшка приобщилъ меня (меня принесли также на рукахъ въ домъ къ нему) и, благословляя меня, сказалъ: „живи, живи!“ Эти слова какъ бы влили въ меня жизнь и дали мнѣ надежду, что я еще буду жить.

„Послѣ отъѣзда батюшки июнь и июль мѣсяцъ мнѣ было очень плохо, трудно и тяжело; ужасныя боли спины и всѣхъ жилъ моего тѣла заставляли меня лежать и не шевелиться и притомъ только и могла я лежать на спинѣ и то недолго, такъ какъ боли усиливались въ позвоночной кости, и я должна была подниматься, испытывая боли уже повсюду. Господи! какъ я страдала, но, помня слова Спасителя: „Просите и дастся вамъ, стучите и отворятъ вамъ“, я молилась и просила, и вѣрила, что получу просимое.

„Приблизилось время пріѣзда батюшки. Въ одно утро, послѣ тяжко проведенной ночи, я чувствую, что могу легко поднять руки безъ боли, могу шевелиться безъ боли, не вѣрю даже себѣ отъ радости, сажусь въ постели: о, чудо! могу согнуть

ноги, шевелить ихъ, боли нѣтъ ни въ спинѣ, нигдѣ въ жилахъ; встаю, могу двигаться, иду по комнатѣ своей, слегка придерживаясь за мебель.

„Господи! сколько радости, сколько радости послѣ такихъ долгихъ, тяжкихъ моихъ страданій! Я жива! Я живу! Я, какъ Лазарь, воскресла изъ мертвыхъ! Вотъ дождались мы 9 августа, пріѣхаль въ Кронштадтъ дорогой нашъ батюшка. 10-го утромъ я сама пошла въ домъ къ нему, слегка придерживаясь за руку того, кто носилъ меня на рукахъ въ продолженіе года къ батюшкѣ. На лѣстницу взошла уже одна и радовалась, что иду сама. Домашніе батюшки удивились и радовались моему исцѣленію! Вотъ пріѣхаль дорогой батюшка отъ литургии, приобщилъ меня, а потомъ и говоритъ мнѣ: „Мнѣ говорили, что ты уже ходить начала?“

„Да“,—отвѣтила я радостно и безъ всякой помощи одна прошла по комнатѣ, показавъ батюшкѣ, какъ я хожу!

„Батюшка! спасибо вамъ“,—говорила я радостно; „спасибо вамъ за ваши святыя молитвы и мое данное исцѣленіе“, а батюшка на это: „Слава Богу! Слава Богу, благодари Господа!“

„И вотъ теперь я сама хожу къ о. Іоанну для святого причащенія каждое утро, я чувствую, что силы мои прибываютъ, и всѣмъ и каждому говорю, рассказываю о своемъ дивномъ исцѣленіи святыми молитвами батюшки! Свидѣтели этого чуда—всѣ живущіе въ Домѣ Трудолюбія, всѣ, кто знаетъ меня въ Кронштадтѣ и кто видѣлъ, какъ меня носили на рукахъ въ домъ къ батюшкѣ для святого причащенія едва живу, чуть не умирающую. Много пріѣзжихъ изъ Петрограда и другихъ мѣстъ, всѣ крестятся отъ радости при видѣ меня радостной, что я сама стала ходить и получила исцѣленіе отъ своихъ тяжкихъ страданій, по молитвамъ дорогого батюшки!

„Да продлитъ Милосердный Господь жизнь дорогого пастьря, нашего молитвенника, еще на долгіе, многіе годы.

„Глубоко благодарная духовная дочь отца Іоанна *Серафима Малиновскаго*.“

Вотъ проявленіе силы Господней, одно изъ многихъ чудесъ, совершающихся около дивнаго вѣроу, кротостью и бла-

гостью всероссійскаго пастыря. Напечатали ли о немъ газеты? Отмѣтили ли письмо г-жи Малиновской? Что можно сказать для заподозрѣванія истины сообщаемого ею факта? Поистинѣ, невѣріе упрямо и жестоковѣрно. Поистинѣ, если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если бы и кто отъ мертвыхъ возсталъ, не имутъ вѣры... Просимъ всѣ правыя газеты перепечатать это извѣстіе. О дѣлахъ Божіихъ умалчивать грѣшно; славу Господню подобаетъ возвѣщать языкамъ. Можетъ-быть, узнавъ объ этомъ чудѣ, не одна колеблющаяся душа укрѣпится въ вѣрѣ. Можетъ-быть, не одинъ холодный сердцемъ сынъ православія утвердится въ преданности православной Церкви, въ оградѣ которой есть дивныя пастыри, въ которой жива и дѣйствуетъ благодать Божія. Можетъ-быть, не одинъ отпавшій, не одинъ пребывающій въ иновѣрїи, зловѣрїи или невѣрїи, прочитавъ объ этомъ чудѣ, почувствуетъ въ душѣ уваженіе къ св. нашей Церкви, нынѣ столь жестоко обуреваемой скорбями и напастями. А вѣрнымъ? Развѣ это не радость, развѣ не одобреніе въ подвигѣ любви и защиты родной нашей святыни, которая не вся въ прошломъ, какъ насъ въ томъ хотятъ увѣрить, но и въ настоящемъ, и въ будущихъ вѣкахъ всегда жизненна и дѣйственна, и открыта всѣмъ ищущимъ ее?

Внѣшнее Богопочтеніе.

I.

Храмъ.*

Разъ,—повѣствуетъ святая Библия,—было съ древнимъ патріархомъ Іаковомъ великое искушеніе и приключилась великая печаль: старъ сталъ отецъ его Исаакъ, а сынъ его,

* Слово при обновленіи храма въ Троицкомъ подворьѣ въ Петроградѣ, 12 октября 1908 г.

грубый и жестокий Исавъ, не только сталъ гнать родного брата Иакова за то, что на немъ почило Божіе благословеніе первенства въ родѣ, но и грозилъ ему убійствомъ. Грубо понималъ Исавъ такое первенство: онъ высчитывалъ, какъ получить наслѣдство отца—скотъ и богатство. Какъ сынъ вѣры, пріялъ Иаковъ благословеніе первенства; не богатство онъ видѣлъ въ немъ, а обѣтованіе сохраненія истинной вѣры, непрестанныхъ богооткровеній и рожденіе изъ его потомства Спасителя міра. Мѣра злобы Исавъ дошла до того, что онъ, наконецъ, поклялся во что бы то ни стало убить своего брата Иакова. Узнала о томъ мать ихъ Ревекка и рѣшила тайно услатъ Иакова въ далекую сторону, въ Месопотамію, къ своимъ роднымъ. Не жаль было Иакову оставлять приволье жизни и достатокъ, но жаль было покидать родину, престарѣлаго отца и мать и идти на неизвѣстное будущее. И вотъ, пошелъ онъ въ дальній путь. Идетъ онъ, и несказанная печаль охватила его душу. Онъ—гонимый, одинокій странникъ; въ рукахъ у него только палка и сумка. Онъ—нищій, онъ—бездомный. Позади остался родимый домъ, умирающіе родители, злобный братъ. Вокругъ него—дикая пустыня! Здѣсь могутъ догнать его убійцы, посланные братомъ; здѣсь можетъ растерзать его дикій звѣрь; здѣсь кочевники пустыни могутъ взять его въ плѣнъ, обратить въ раба, лишитъ жизни. А впереди что? Идетъ онъ въ чужую сторону, къ неизвѣстнымъ людямъ. Какъ его встрѣтятъ и примутъ? Нуженъ ли имъ онъ, бездомный и нищій? Каково ему будетъ тамъ жить, изъ милости, какъ чужому, и что придется дѣлать?

Въ глухой пустынѣ, среди тяжелыхъ думъ, среди окружающихъ опасностей захватила Иакова ночь. Легъ онъ, одинокій, гонимый, покинутый, легъ онъ на голую землю, положилъ камень подъ голову... Онъ одинъ во всемъ мірѣ. Есть ли гдѣ у него помощникъ и хранитель? Не весь ли міръ теперь для него—пустыня?

И видитъ онъ чудный сонъ. Стоитъ лѣстница на землѣ, а верхъ ея касается неба; вверху утверждается на ней Богъ, ангелы нисходятъ на землю. И говорятъ Господь этому бездомному, и нищему, и одинокому Иакову: „Я твой Богъ, не

бойся! Землю, на которой ты теперь лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему, и распространится оно до моря, и къ востоку, и сѣверу, и югу; и будетъ твое потомство, какъ песокъ земной, и будутъ благословляться чрезъ тебя и чрезъ сѣмя твое всѣ племена земныя“,—т.-е. придетъ изъ рода твоего Спаситель міра. „И вотъ, Я съ тобою; и сохраню тебя вездѣ, куда ты ни пойдешь, и возвращу тебя въ землю эту“ (Быт. гл. XXVIII).

Всталъ Іаковъ отъ сна своего. Нѣтъ, не пусто между небомъ и землею! Нѣтъ, не покинуть въ мірѣ вѣрующій человѣкъ! Нѣтъ, никогда онъ не будетъ одинокимъ! Не оставитъ его Богъ! Не заснетъ и не задремлетъ его Небесный Хранитель!

И полный благоговѣнія и благодарности, сказалъ Іаковъ: „Страшно мѣсто сіе, это домъ Божій; это врата небесныя!“ И взялъ Іаковъ камень, на которомъ покоилась во снѣ голова его, и обратилъ его въ жертвенникъ Богу, и вылилъ на него въ жертву Богу елей, тотъ послѣдній елей, что онъ взялъ себѣ на дорогу для подкрѣпленія; и назвалъ онъ это мѣсто Вевиль, т.-е. „домъ Божій“. Сюда не разъ потомъ стремился онъ помыслами; сюда приходилъ онъ потомъ со своими молитвами, — и въ годы, когда возвеличилъ его Господь, когда возвратился онъ назадъ, по обѣтованію Божию, съ богатствами и стадами, когда миновала опасность отъ брата, онъ здѣсь обращался къ Богу, его хранившему во дни скорби и одиночества.

Вотъ, братіе, этотъ-то простой „домъ Божій“ въ пустынѣ, воздвигнутый Іаковомъ, и есть одинъ изъ первыхъ храмовъ на землѣ. И если вы вѣруете въ Бога; если и вы знаете, что не пусто между небомъ и землею; если вы уповаете на Бога-Хранителя; если вы сознаете, что всѣ мы и каждый въ отдѣльности не одиноки въ мірѣ,—то какъ же вы будете обходить безъ вниманія наши „вевили“, эти дома Божіи, храмы святые, гдѣ особливо и преимущественно проявляется Божіе присутствіе, гдѣ въ союзѣ братства и единенія сходятся дѣти Церкви Божіей, и всею семьей съ нею, Церковью Божіей, своей Матерью, входятъ въ общеніе молитвы и единенія съ Отцомъ своимъ небеснымъ?!

И чѣмъ лучше здѣсь въ храмѣ, чѣмъ больше здѣсь напоминаній священныхъ и назиданій въ этихъ изображеніяхъ, что вы теперь видите предъ собою, чѣмъ благолѣпнѣе этотъ жертвенникъ святой, чѣмъ богаче на него возліаніе духовнаго елея,—тѣмъ легче и шире открывается наша душа предъ вѣчнымъ нашимъ Отцомъ и хранителемъ Богомъ.

Оттого понятна наша нынѣшняя радость и наше торжество обновленія храма. Благодареніе Господу, что Онъ создалъ и украсилъ намъ этотъ домъ Божій; благодареніе и добрымъ людямъ, чрезъ которыхъ явилась намъ благодать Божія.

Спасибо сердечное возглашаемъ мы и отъ имени владыки-митрополита, и отъ монашествующей братіи святого храма сего, и отъ всѣхъ богомольцевъ этого храма благочестивому жертвователю Ивану Васильевичу Травину. Да воздастъ ему Господь обителю въ храмѣ небесномъ и вѣчномъ, уготованномъ для любящихъ Его!

Усугубимъ здѣсь наши молитвы, принесемъ сюда наши скорби и радости, и въ храмѣ сёмъ рукотворенномъ, временномъ и неодушевленномъ, и сами будемъ возрастать въ Божіе жилище, въ храмъ Богу духовный, живой, нерукотворенный, вѣчный! Аминь.

II.

ОБРАЗЫ И ПЕРВООБРАЗЫ *.

Тѣмъ воспѣвающимъ воззовемъ Первообразій...

Отъ образа Богоматери, славнаго чудесами и неоскудной благодатью исцѣленій, святая Церковь возводитъ насъ къ „Первообразній“, т.-е. къ Святой Богородицѣ, и приглашаетъ насъ вознести Ей нынѣ честь и славу. Вотъ сокращеніе всего ученія православія объ иконопочитаніи, вотъ и отвѣтъ всѣмъ мудр-

* Слово въ день празднованія Казанскаго образа Богоматери; сказано 22 октября 1908 г. въ церкви Святѣйшаго Синода.

ствующимъ неправо и нечисто о вѣковомъ и святомъ догматѣ—обычаѣ святой нашей Церкви—о почитаніи иконъ.

Сколько направлялось ударовъ на этотъ догматъ, сколько изощрялось противъ него человѣческое остроуміе и острословіе, а больше злословіе! Невозможно, однако, превозмочь требованій природы и существа человѣческаго духа; вѣрные сыны Церкви величайшими усиліями мужества, борьбы и страданій отстаивали иконы, и затѣмъ по лицу всей земли, во всѣхъ православныхъ народахъ получали черезъ нихъ утѣшенія вѣры, общеніе съ вышшею небесною силою, чудеса исцѣленій, видѣли и видятъ въ нихъ величайшія святыни. Таковъ и Казанскій образъ Божіей Матери.

Особенно знаменательно и трогательно вспомнить объ этомъ здѣсь, въ храмѣ, посвященномъ св. отцамъ седми Вселенскихъ Соборовъ, ибо послѣдній изъ нихъ утвердилъ навсегда и исповѣдалъ предъ міромъ именно истину иконопочитанія.

Мы живемъ теперь въ такіе дни, когда вмѣсто возраженій прежняго времени, доводовъ и убѣжденій разсудка, дѣйствуетъ другое оружіе—клевета и насиліе. Когда никоимъ образомъ нельзя разрушить и ниспровергнуть глубокую естественность иконопочитанія и соответствіе его съ основными и неистребимыми запросами человѣческой души,—тогда начинаютъ или рассказывать о чтимыхъ святыняхъ всякія небылицы, или оскорблять ихъ, или, наконецъ, похищать.

Извѣстный писатель выпустилъ сочиненіе, въ которомъ рассказываетъ о скитаніяхъ одного неспокойнаго искателя воли и правды Божіей,—и не могъ удержаться, чтобы не отравить душу читателю ложью и низкою клеветою на святые иконы: будто какими-то поддѣлками и обманомъ занимаются служители Церкви, когда объявляютъ ихъ чудотворными (Горькій въ „Исповѣди“). Еще: видятъ враги Христовы почитаніе чтимой иконы Знаменія въ Курскѣ, и чтобы разрушить вѣру народную, подкладываютъ взрывчатые вещества, съ намѣреніемъ взорвать и отнять у народа святыню. А сколько теперь слышимъ и читаемъ, какъ иконы прямо грабятъ или похищаютъ! Такъ, похищенъ и образъ Казанской Божіей Матери, похищенъ при обстоятельствахъ странныхъ и доселѣ непонят-

ныхъ и неразъясненныхъ, съ судьбою похитителя тоже странною и подозрительною, съ намѣреніями, повидимому, не простого воровства драгоценностей и приношеній благочестивыхъ жертвователей и украсителей святыни, а съ какими-то другими безбожными и сатанинскими.

Однако, вѣрьте, вѣрные,—и новое нападеніе на святыя иконы также не будетъ имѣть успѣха! И это потому, что оно покоится на глубоко-врожденномъ свойствѣ человѣческаго духа и его стремленія искать внѣшняго обнаруженія святости и святыни. А такого врожденного свойства и стремленія нельзя подавить, нельзя похитить, нельзя истребить клеветою или насмѣшкою. Оно всегда заставитъ признать себя, оно всегда возьметъ свое.

Люди будутъ ѣсть и пить, какъ бы вы ни издѣвались надъ пищею и питьемъ и потребностями тѣла. Но еще болѣе властны въ человѣкѣ потребности духа.

Прекрасно выражено такое стремленіе, заложенное въ человѣкѣ, въ одной молитвѣ церковной, мало кому вѣдомой. Въ канонѣ Ангелу-хранителю мы молимся:

„Вещество имѣя матерь, и брение—отца, и праотца—персть, и сихъ сродствомъ на землю весьма зрю: но даждь ми, предстателю мой, и горѣ воззрѣти когда къ небеснѣй добротѣ“.

Да, всѣ мы, по своей тѣлесной природѣ, на землю весьма зримъ; воистину, праотецъ нашъ—персть, земля; отецъ нашъ—брение, грязь, а мать—вещество земли. И если разсматривать человѣка только съ этой стороны, то онъ не только не выше, но значительно хуже и ниже многихъ животныхъ, изъ которыхъ есть и болѣе сильныя и болѣе долговѣчныя, и здоровыя, чѣмъ человѣкъ, и болѣе защищенныя отъ вредныхъ вліяній природы, и отъ нападенія враговъ. Но всегда человѣкъ былъ выше всѣхъ тварей міра своей духовной стороною: онъ вѣровалъ въ Бога, онъ искалъ Его воли и закона, онъ вѣровалъ въ возможность общенія съ Богомъ и стремился къ этому общенію, онъ хотѣлъ свою жизнь построить на волѣ Бога, онъ тяготился грѣхомъ, онъ смотрѣлъ за предѣлы смерти и могилы и былъ убѣжденъ въ томъ, что его жизнь смертию земною не кончится. Въ христіанствѣ же онъ вѣруетъ и знаетъ,

что Богъ сотворилъ человѣка по Своему образу и подобію, и въ этомъ тайна его порываній въ область духа, его желанія возрѣть къ небесной добрѣ, его постоянного стремленія къ своему Первообразу, т.-е. къ Богу; христіанинъ вѣритъ и знаетъ, что Богъ любитъ человѣка, что Онъ согрѣшившаго не отвергъ, что Онъ общалъ и послалъ Избавителя отъ грѣха. Сына Божія Іисуса Христа, Который не только указалъ намъ путь къ небу, Богу и вѣчности, не только открылъ вѣчный и совершеннѣйшій законъ жизни, но и примирилъ человѣка съ Богомъ, загладилъ всѣ прошлые грѣхи и всѣ грѣхи міра настоящіе и будущіе, даровалъ силы благодатныя для спасенія, и затѣмъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Скажите же, что было бы съ человѣкомъ, если бы весь этотъ невидимый міръ, духовный и спасительный, такъ и оставался бы совершенно для него невидимымъ, навѣки недостижимымъ, и не проявлялся бы рѣшительно и никогда ни въ чемъ видимомъ? Для человѣка онъ бы тогда просто не существовалъ! Что было бы съ человѣкомъ, если бы человѣкъ всегда стремился горѣ возрѣти къ небеснѣй добрѣ, и никогда бы не видѣлъ ни образа, ни знака, ничего видимаго, что такъ или иначе напоминало бы и изображало бы ему этотъ міръ горній?

Это было бы поистинѣ несчастьемъ!

Какъ же благодарить Господа за то, что въ иконахъ, мощахъ, въ явленіяхъ святыхъ, въ ихъ останкахъ, въ ихъ чудесахъ мы видимъ наглядное проявленіе высшей духовной силы—насколько видѣть можемъ. Какъ благодарить намъ Господа за эти чудотворныя иконы, отъ нихъ же и нынѣ чтимая—Казанская!

Все это—пособія для духа нашего возноситься горѣ, все это—средства и пути для него проникать и жить въ сродной ему горней и духовной жизни, въ общеніи съ Богомъ, ангелами и святыми. Все это—способы и пути посредствомъ образовъ восходить къ первообразамъ. Не для того указаны и даны они Церковью, чтобы свести небо на землю съ полнымъ забвеніемъ неба, не для того, чтобы затѣнить и замѣнить ими Бога, ангеловъ и святыхъ, не для того, чтобы грубо исполъ-

зовать народное невѣжество: такъ именно баснословять и злословять люди, которымъ, въ сущности, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до Бога и неба, и которымъ хочется только унижить и оклеветать Церковь Христову. Нѣтъ, какъ добрая мать, какъ мудрая воспитательница, какъ знающая глубоко природу человѣка духовно-тѣлесную, какъ имѣющая опытъ тысячелѣтій въ воспитаніи жизни духа, опытъ служителей духа, величайшихъ праведниковъ и подвижниковъ,—Церковь указываетъ намъ на святыхъ иконы: не для потемненія и оземлененія нашей духовной жизни она даетъ ихъ намъ, а для ея просвѣтленія. Но самое главное,—Церковь дѣйствуетъ здѣсь, какъ всегда и вездѣ, руководимая Духомъ Божиимъ: Творецъ Богъ въ совершенствѣ знаетъ Свое твореніе, и не мудрецамъ вѣка сего, не этимъ лжесловесникамъ поучать Вѣчную Премудрость. Въ доказательство сказаннаго мы видимъ храненіе святыхъ мощей мучениковъ отъ перваго вѣка христіанства и, опускаясь въ открытыя только теперь подземныя убожища первыхъ христіанъ, гдѣ они тайно совершали свои богослуженія, мы находимъ тамъ святыхъ иконы. Они ли, первые христіане, во главѣ съ апостолами, не были духовны,—они, которыхъ умерщвляли каждый день, которые были обречены, какъ жертвы заколенія? Они ли не были близки къ Богу и небу,—они, ежедневно готовые на смерть, только и помышлявшіе о Богѣ и небѣ? Они ли нуждались въ напоминаніи о Спасителѣ, они ли могли забыть Христа,—ихъ Христа, ради Котораго все они вмѣняли въ ничто: и настоящее, и будущее, и скорбь, и тѣсноту, и высоту, и глубину?!

Однако, и они къ первообразамъ восходили путемъ образовъ, и хранили останки святыхъ, и престолы водружали на гробахъ мучениковъ, и въ храмахъ своихъ имѣли святыхъ иконы.

И видимъ воистину, что этими образами говорить не только духъ человѣка, но чрезъ нихъ ему отвѣчаетъ и духъ Божій. Никакая клевета, никакая насмѣшка, никакое отрицаніе не заглушаютъ голоса чудесъ и исцѣленій, отъ святыхъ иконъ подаваемыхъ вѣрующимъ, не заглушаютъ, не отвергнуть тѣхъ величайшихъ утѣшеній, слезъ умиленія, радости, упованій,—

всего, что испытываетъ душа предъ чудотворною святынею. Не могъ отвергнуть, не могъ не признать чудесъ исцѣленій отъ чудотворныхъ иконъ и упомянутый писатель, хулителъ православія, только силится онъ объяснить ихъ по-своему, нелѣпо-наивно, старыми перепѣвами давно отринутыхъ и науюю и исторіей заблужденій.

Войдите въ любой храмъ и за богослуженіемъ и внѣ его, иногда передъ службою, иногда по ея окончаніи,—лишь бы храмъ былъ открытъ: кто не видѣлъ уединеннаго богомольца предъ святою иконою? Кто не видѣлъ этихъ колѣнопреклоненій и поклоновъ, этихъ просвѣтленныхъ лицъ и очей, этихъ слезъ умиленія, кто не слышалъ вздоховъ сокрушенія и молитвы, и кому не говорила въ сердце эта свѣча, поставленная богомольцемъ и ярко пылающая предъ святынею, во образъ пылающаго нашего передъ Богомъ сердца?! Что же, все это обманъ или притворство? Все это что-то худое или выдуманное?

Полно, безумцы! Стыдитесь касаться нечистыми руками того, что выше вашего пониманія, чего не можетъ чувствовать ваше окаменѣлое сердце, того, что духовно востязуется!

Притецемъ, вѣрніи, къ тихому и доброму сему пристанищу, готовому и теплomu спасенію, Покрову Дѣвы! Ускоримъ на молитву, потщимся на покаяніе, потщимся на умоленіе! Тронемся видомъ этого чуднаго образа и воспѣвающе воззовемъ къ Первообразнѣй: „Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго, всѣхъ насъ заступи, иже во напастехъ и скорбехъ и болѣзняхъ обремененныхъ грѣхами многими, предъ пречистымъ Твоимъ образомъ предстоящихъ и молящихъ Тебѣ умиленною душою и сокрушеннымъ сердцемъ!“

Пресвятая Богородица, спаси насъ! Аминь.

Знаменія времени.*

О. Іоаннъ Кронштадтскій и графъ Л. Толстой.

Не будетъ страннымъ и не покажется необычнымъ, если среди лицъ, составляющихъ одну единомышленную семью, сегодня, въ день ангела чтимаго въ этомъ домѣ батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, и въ этой домово́й церкви будетъ рѣчь о немъ. Не для его хвалы будемъ говорить, а для нашего назиданія. И знаемъ, отрадна будетъ его духу наша молитва о немъ, о пастырѣ, почти восемьдесятъ лѣтъ горящемъ цѣло-жизненнымъ горѣніемъ предъ Богомъ и людьми. Онъ не станетъ, лицемѣрно и напередъ навязываясь на честь и боясь, какъ бы о немъ не забыли или, вспомнивъ, недостаточно громко почтили,—не станетъ просить письмами во всѣхъ газетахъ, чтобъ его дня ангела или 80-лѣтія жизни не праздновали и его самого тѣмъ „не беспокоили“. Онъ не станетъ и послѣ праздника печатать снова лицемѣрные письма въ газетахъ, явно похваляясь между строкъ, что вотъ я и просилъ меня не вспоминать, а меня вспомнили и такіа-то и такіа-то лица, вспомнили, почтили, растрогали...

Сынъ вѣры и Церкви, сынъ смиренія и любви, о. Іоаннъ въ день памяти своего святого всегда принималъ съ любовью единеніе молитвы къ Богу благодарящему и къ угоднику, свыше охраняющему свою молитвою и покровомъ многотрудную жизнь смиреннаго пастыря.

Вамъ вѣдомо, конечно, о какомъ недавнемъ соблазнительномъ юбилеѣ я говорю, и кого подразумеваю. Такъ невольно напрашивается сравненіе о. Іоанна Кронштадтскаго и графа Толстого, одного—сына и смиреннаго служителя Церкви, другого—ея озлобленнаго и прегордаго врага и хулителя, по суду чистой правды отлученнаго и изверженнаго изъ Божьей

* Рѣчь 19 октября 1908 г., по случаю дня ангела о. Іоанна Кронштадтскаго, въ домово́й церкви гр. И—ой.

ограды. И воистину: будущій историкъ русской жизни отмѣтитъ и не можетъ не отмѣтить, какъ „знаменія времянь“, два крупныхъ лица въ послѣднія 40—50 лѣтъ, прожитыя русскимъ обществомъ, двухъ пророковъ,—одного—Господняго, другого—ваалова, одного—слугу Христова, другого—антихристового, одного—какъ служителя духовнаго созиданія, другого—какъ мрачнаго генія отрицанія и разрушенія: о. Иоанна Кронштадтскаго и гр. Толстого.

Провести между ними сравненіе, хотя бы въ краткихъ чертахъ,—это одно уже составляетъ поученіе. Люди одного времени, почти одного возраста, дѣйствовавшіе въ послѣднее время и въ одной области, являясь и „учителями жизни“,—какъ далеко отстоятъ они одинъ отъ другого,—какъ небо отъ земли, какъ свѣтъ отъ тьмы, какъ истина отъ лжи, какъ правда отъ лицемѣрія!

Отдаленное ихъ дѣтство... Далекое отъ насъ время!

Дикій сѣверъ; суровая страна; глухое село; тяжелая бѣдность; родители—бѣдные дьячокъ и дьячиха на заброшенномъ погостѣ; долгія зимы; постоянный домашній трудъ; суровое ученіе дома; продолжительное ученіе затѣмъ въ Архангельскѣ въ училищѣ и семинаріи; путешествія туда и оттуда пѣшкомъ; усталость и изнеможеніе: по мѣткому выраженію о. Иоанна, „идешь бывало, и на ходу сны видишь“...

Далѣе основательное старинное ученіе, строгая дисциплина школы, воспитаніе въ любви и страхѣ Божиѣмъ; сознание долга; приготовленіе къ служенію Церкви; наконецъ, высшая духовная школа столицы, окончаніе ея, скромный бракъ, посвященіе молодыхъ непочатыхъ силъ на всю жизнь служенію алтарю Господню въ бѣдномъ тогда Кронштадтѣ... Это у одного.

У другого—приволье, богатство съ дѣтства; кругомъ къ услугамъ всѣ удобства жизни; помѣщичій домъ, подчиненные крестьяне, ихъ лестъ и низкопоклонство, увеселительныя путешествія, обученіе чему-нибудь и какънибудь; отсюда неизбѣжныя неудачи на экзаменахъ; поверхностное знакомство съ науками; увлеченіе то одной, то другой областью знаній,—по капризу и случайнымъ прихотямъ молодого, богатаго и избалованнаго барина; увлеченіе свѣтомъ, кутежами, ухаживанье

за женщинами, угаръ страстей, дуэли, ссоры, столкновения, опять кутежи, игры, скитанія по свѣту, легкомысленное отношеніе ко всему въ мірѣ, трудъ не ради долга, а ради каприза, забавы, тщеславія и обогащенія—писательство...

Зрѣлые годы мужества.

Священство; приходъ; раскрывающійся великій духовный даръ молитвы и благодатнаго учительства, покореніе сердець, успокоенія совѣсти, даръ чудотворенія... Трудъ, трудъ безъ конца; уроки дѣтямъ и юношамъ въ гимназіи; кругомъ—тысячи бѣдняковъ; кругомъ—преступный элементъ Кронштадта; пьяницы, блудницы; порочная жизнь портоваго города,—и среди всѣхъ этихъ тяжкихъ условій жизни и пастырской работы—непрестанная молитва, ежедневное богослуженіе, поученіе, благотворительность; жизнь въ бѣдности и лишеніяхъ; трудъ съ двухъ часовъ ночи до глубокаго вечера, отсутствіе времени для ѣды, сна и отдыха, ростъ славы, приливъ денегъ и средствъ, и еще большая и большая благотворительность; въ рѣдкія минуты свободы—чтеніе слова Божія, писаніе благоговѣйнаго „Дневника“, словъ и поученій—все въ общее пользование, все для славы Божіей, для пользы Церкви, безъ тѣни мысли о наживѣ. Отсутствіе личной и даже семейной жизни: при женѣ, нѣтъ ни собственной семьи, ни своихъ собственныхъ дѣтей...

Это у одного.

У другого: зной страстей; охота; вино; женщины; опять дуэли; жажда литературной славы, мучительная мысль о своей некрасивой внѣшности, разстроенное отъ пороковъ тѣло; лѣченіе, поѣздки на кумысъ, деньги, брошенные на восстановленіе распатаннаго здоровья; женитьба; помѣщичье хозяйство, посѣвы, скотный дворъ, удачный свиной заводъ, мечты о приобрѣтеніи то тамъ, то здѣсь земли и имѣній; собираніе денегъ, обогащеніе; растущій и несомнѣнно великій даръ художественнаго творчества; огромный трудъ; изданіе книгъ и собственныхъ сочиненій, составленіе азбукъ, торговля ими, соображенія, какъ и кому выгоднѣе ихъ продать и устроить, договоры съ различными редакціями, зависть къ чужой литературной славѣ, столкновения съ литературными соперниками, ненависть

къ Достоевскому и Тургеневу, ревнивое выслѣживаніе отзы-
вовъ печати о своихъ произведеніяхъ; увеличеніе славы, бар-
ская жизнь въ усадьбѣ, приобрѣтеніе и закрѣпленіе денегъ,
земли и правъ литературной собственности; наконецъ, до-
стиженіе цѣли: слава, имѣніе, капиталъ. Сотни тысячъ годо-
вого дохода.

Послѣдняя четверть вѣка жизни: старость, всемірная из-
вѣстность; слава и всеобщее почитаніе, широта вліянія на
окружающую жизнь и у одного и у другого.. Но какая раз-
ница жизни и дѣятельности!

У одного: дивныя проявленія чудотворенія, слава свято-
го.. Онъ—„учитель жизни“. Откуда же его ученіе? Отвѣтомъ
могутъ служить слова ап. Павла, сегодня нами слышанныя
въ литургійномъ апостольскомъ чтеніи: „Скажу вамъ благо-
вѣствованіе, благовѣщенное отъ мене, *яко нѣсть по челоуку;*
не отъ людей я принялъ его, и не научился, — но явленіемъ
Исусъ Христовымъ“. Итакъ, его собственнаго ученія нѣтъ, а
есть ученіе Христова, какъ хранить его и проповѣдуетъ Цер-
ковь Христова. Предъ нами все тотъ же пастырь Церкви. И
попрежнему ни минуты покоя, тотъ же старый домъ, что и
прежде; та же тѣсная квартира; признаніе возможности соб-
ственности и богатства и вольная нищета, постоянная раздача
всего получаемаго; частые случаи прямой нужды у себя дома
вслѣдствіе того, что все приносимое въ изобиліи—сотни, ты-
сячи, десятки тысячъ рублей, подарки, вещи, платье,—все раз-
дается бѣднымъ; постоянное наставленіе въ мірскихъ дѣлахъ
возложить всю надежду на Господа; та же тяжелая жизнь;
утро съ 2 часовъ ночи, поѣздки, службы, проповѣди, молитва,
десятки тысячъ богомольцевъ, исповѣдники, причастники, ты-
сячи собесѣдниковъ, ищущихъ утѣшеній и уроковъ жизни,
тысячи бѣдняковъ, ищущихъ помощи; постоянныя огорченія
при видѣ обмана со стороны пьяныхъ, преступныхъ и злона-
мѣренныхъ людей, при видѣ злоупотребленій именемъ чтима-
го пастыря; неустанное писаніе глубоко назидательнаго „Днев-
ника“, „Поученій“, говѣніе у всѣхъ на виду, постоянная за-
бота о созданныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, тысячи
писемъ и телеграммъ, постоянное пребываніе на народѣ, от-

звичивость ко всѣмъ, и смиреніе, смиреніе безъ конца, непрестанное напоминаніе о томъ, что онъ—простой священникъ, что онъ—грѣшникъ, что только Богъ творитъ дивное и чудесное чрезъ его недостойнство въ Церкви Христовой, ни тѣни рисовки, ни тѣни желанія показать, что онъ есть что-то особенное.

У другого—застывшее самообожаніе и дьявольская гордыня. Онъ—„великій писатель земли русской“; онъ—выше и умнѣе всѣхъ на свѣтѣ; онъ—„учитель жизни“. И все „ученіе“ Толстого—около его собственной личности, и каждая причуда его—это ужъ „заповѣдь“. Если апостоль Павелъ въ сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи говоритъ о себѣ и себѣ подобныхъ, что въ проповѣди евангелія онъ „не приложился плоти и крови“, и научился истинѣ „не отъ человѣка“, а явленіемъ Іисуса Христа, то графъ Толстой, наоборотъ, именно отъ своей плоти и крови составилъ свое ученіе, а частью взялъ его и „отъ человѣкъ“, понадергавши мыслей отъ древнихъ и новыхъ язычниковъ. Когда его здоровье потребовало растительной пищи, онъ, послѣ безумныхъ лѣтъ роскоши и объяденія, теперь проповѣдуетъ воздержаніе и безубойное питаніе. Когда старость указываетъ ему на прекращеніе брачнаго сожитія,—онъ, по собственному признанію, проведеній жизнь въ блудѣ, теперь пишетъ о цѣломудріи и даже ненужности брака. Когда кругомъ всѣ деньги, имѣнія, права литературной собственности, все ему принадлежащее закрѣплено и переведено на имя жены,—онъ, всю жизнь пріобрѣтавшій стяжанія, отрицаетъ собственность. Когда его здоровье требуетъ физическихъ упражненій,—онъ, послѣ цѣложизненнаго умственнаго труда, которымъ онъ торговалъ, теперь проповѣдуетъ о смыслѣ одного только труда,—мускульнаго, и даже „недѣланіе“. Онъ въ барскихъ причудахъ шьетъ сапоги, коситъ траву, кроетъ крыши, ломается, кривляется и юродствуетъ по своимъ прихотямъ, тратитъ десятки тысячъ рублей въ годъ на удовлетвореніе этихъ своихъ прихотей,—зимою, подъ видомъ воздержанія отъ мяса, онъ ѣстъ свѣжую землянику, свѣжую спаржу и огурцы, что стоитъ огромныхъ денегъ; для удовольствія и укрѣпленія здоровья онъ катается на лошади, на конь-

кахъ, на велосипедахъ; къ его услугамъ парки и пруды, т.-е. собственно роскошь и удобства жизни,—все, что онъ такъ горячо и красиво отрицаетъ. Но все это—„заповѣди“, и все это повелѣніе его „религіозной философіи“, его ученія „о простотѣ жизни и приближенія ея къ природѣ“! А отрицаетъ онъ все. Онъ отрицаетъ типографіи и литературный трудъ,—и безъ конца пишетъ и печатаетъ. Онъ отрицаетъ теперь богатство, и живетъ во дворцѣ, въ сказочной роскоши, ни въ чемъ не зная отказа. Онъ отвергаетъ деньги,—и получаетъ ихъ и тратитъ ихъ сотни тысячъ. Онъ отрицаетъ науку,—и напускаетъ на себя видъ учености, изучая, сравнивая тексты евангелія, рассуждая „о наукѣ и нравственности“, „объ искусствѣ“ и проч.; онъ отрицаетъ медицину,—и держитъ вокругъ докторовъ, щупающихъ ему ежечасно пульсъ, разрѣшающихъ или запрещающихъ ему выйти на воздухъ, тщательно бережетъ каждый день и каждый часъ своей жизни, отправляется въ Крымъ, укрѣпляетъ себя ваннами и купаньями, прогулками, воздухомъ, вѣемъ, что даютъ природа и искусство, къ чему открываетъ доступъ огромное богатство.

„Учитель жизни“ и людей,—а добиться его лицеизрѣнія гораздо труднѣе, чѣмъ видѣть Главу государства, подавленнаго множествомъ государственныхъ дѣлъ; онъ не любитъ, чтобъ его „безпокоили“ ищущіе наставленій и утѣшеній.

Онъ отрицаетъ государство,—и пользуется всѣми его благами, его защитой, его порядками, его строемъ. Онъ отрицаетъ судъ,—и налагаетъ вѣчные запреты на печатаніе тѣхъ именно своихъ сочиненій, которыя являются наиболѣе доступными и единственно воспитательными для общества. Онъ живетъ во дворцѣ, онъ сокрытъ отъ докучливаго міра, онъ окруженъ заботой и поклоненіемъ, ухаживаніемъ, какое можетъ доставить только изысканная роскошь,—но онъ теперь все твердитъ о самоотреченіи и аскетизмѣ.

Онъ проповѣдуетъ о любви, о любви и любви,—и пишетъ слова, полныя ненависти къ Церкви, къ Россіи, къ власти, изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ и царей, и архіереевъ, и начальствующихъ лицъ въ такомъ видѣ, что возбуждаетъ

къ нимъ только чувства одной злобы; онъ твердитъ о любви,— и никому изъ своихъ богатствъ не даетъ и не давалъ ни гроша... Оправданіе этой жестокости полно несказаннаго и отталкивающаго лицемѣрія: имѣнія, права литературной собственности и проч. принадлежать-де не ему, а жемъ. И во всѣхъ „новыхъ заповѣдяхъ“ его то же лицемѣріе: послѣ своего призыва ко всѣмъ прекратить брачное общеніе, онъ, имѣя за 60 лѣтъ отъ роду, и самъ имѣлъ сына... и послѣ горячихъ словъ о безубойномъ питаніи, скрываясь, какъ мальчикъ, по ночамъ, онъ поглощалъ мясныя питательныя блюда, какъ о томъ повѣдала міру одна изъ его гувернантокъ, которыхъ не мало онъ держалъ за большія деньги... Когда къ нему обращаются за помощью, онъ пишетъ лицемѣрныя письма, увѣряющія въ томъ, что у него нѣтъ ничего. Когда наступаетъ народный голодъ, онъ отъ другихъ собираетъ пожертвованія, чтобъ ими распорядиться и себѣ стяжать славу. Онъ „не можетъ молчать“ при видѣ казни преступниковъ-революціонеровъ, и укоряетъ правителей за то, что они не слѣдуютъ ученію его, Толстого, хотя они открыто не признаютъ его учителемъ, но онъ молчитъ, когда революціонеры и убійцы—всѣ, почитающіе его своимъ учителемъ, казнятъ самовольно сотни и тысячи невинныхъ людей и заливаютъ кровью лицо земли русской. Всѣми мѣрами онъ ищетъ славы и славы у тѣхъ, въ чьихъ рукахъ газеты и уличные листки, вліяніе на общественное мнѣніе,—и въ то же время горделиво заявляетъ, что ничего, написаннаго въ опроверженіе его лжеученій, онъ намеренно не читаетъ...

Онъ говоритъ о „волѣ Божіей“,—и проповѣдуетъ Бога безличнаго и бессознательнаго, у котораго по этому самому и воли быть не можетъ. Онъ все твердитъ объ евангеліи,—и, передѣлавъ евангеліе по-своему, онъ не оставилъ въ немъ ничего евангельскаго, а вставилъ все свое, толстовское...

Онъ въ своихъ выходкахъ противъ Церкви, противъ таинствъ, противъ власти дошелъ до того, что ему самому нужно бы давно открыто и честно заявить о томъ, что онъ не православный христіанинъ. И, однако, когда отлученіе его отъ Церкви было объявлено, онъ злобно отвѣчалъ Св. Синоду:

онъ доказывалъ, что его отлучили неправо, придираясь къ тому, что къ нему никого не присылали для увѣщаній; онъ нескрываемо искалъ сочувствія толпы, и тутъ же въ своихъ отвѣтныхъ писаніяхъ показывалъ, что онъ не признаетъ ни Христа, ни искупленія, ни таинствъ, ни Церкви, и давно для православія окончательно умеръ.

Конецъ жизни...

Одинъ угасающій, какъ лампада передъ Богомъ, старецъ, другъ бѣдныхъ и больныхъ, другъ скорбящихъ и обремененныхъ. Кругомъ него слезы, и слезы радости, и скорби и молитвы, чудеса исцѣленій. Все, что тяготится зломъ, все, что ищетъ любви къ Богу и ближнему, все, что ищетъ общенія съ Божествомъ и духовнымъ міромъ,—все это и теперь стремится къ нему сердцемъ. А онъ попрежнему, изнемогая тѣломъ, все-таки ежедневно въ храмъ, ежедневно на службѣ и служеніи слову, самъ въ богообщеніи, въ тайнѣ причастія Божеству, „горѣ имѣя сердце“, ясный, благостный, горящій, весь богоносея,—это воистину дитя Божіе, то дитя, о коемъ Христосъ говорилъ, что надо уподобиться такому дитяти, чтобы войти въ царствіе небесное, то дитя, которое разумѣлъ апостоль, когда училъ: „не дѣти бывайте умомъ, но злобою младенствуйте“... Злоба и ненависть къ Богу и къ тому, что Богъ любитъ повелѣваетъ—къ Церкви, родинѣ и Царю, сплели ему подъ конецъ жизни терновый вѣнецъ мученика и гонимаго,—насмѣшки, издѣвательства, клеветы, хулы злобныхъ и безчестныхъ хищниковъ печати и сцены, смутившія и смущающія слабыхъ сердцемъ и разумомъ. Но тихъ и покоренъ Богу старецъ Божій, и нѣтъ у него ни жалобъ, ни желанія возвратиться къ себѣ нѣкогда прославлявшихъ его, или вновь и сильнѣе прославиться среди людей. Вся слава—Богу Единому. И въ самой наружности старца отражается его любящій и смиренный духъ: эти чудныя, ясныя, кроткія очи, этотъ привѣтливый, привлекательный радостный видъ...

Другой—врагъ Церкви объединилъ и сплотилъ около себя все злобное, хотя вѣчно твердилъ о любви, и въ этомъ, исключительно въ одномъ этомъ тайна его успѣха среди слушателей зла и разрушенія, часто враждебныхъ между собою

по своимъ воззрѣнiямъ, но объединяющихся въ Толстомъ. Посмотрите, люди, повидимому, не имѣющіе между собою ничего общаго: невѣры, фанатики, сектанты, изувѣры, ненавистники Церкви; иновѣрцы, инославные, студенты-революціонеры, измѣнники родины, враги Царя и власти, погромщики и политическіе убійцы, главари политическихъ партій, привѣтствовавшихъ вѣсть объ убійствѣ Царскихъ слугъ; еврей-писатели, враги Христа; писатели-нигилисты; писатели, подстрекавшіе къ бунтамъ и убійствамъ; „обновленцы“ изъ якобы православныхъ священниковъ,—и сущіе въ санѣ и разстриженные, въ родѣ нашумѣвшаго П—ва,—все, что дышитъ злобою, завистью и ненавистью ко всему, что выше ихъ, умнѣе, нравственнѣе или только сильнѣе и богаче; все, что ненавидитъ Россію, русскій народъ, святую Церковь и святую вѣру; все, что жизнью отрицаетъ христіанскую нравственность и, исповѣдуя толстовщину, живетъ въ развратѣ, нечистотѣ и нечестіи, пьянствуетъ, воруетъ, блудитъ, судится, убиваетъ; все, что пропитано самоніѣніемъ, гордыней, самопоклоненіемъ, лицемѣріемъ,—все это соединяется около Толстого, все это считаетъ его своимъ вождемъ, все это трубитъ объ его юбилеѣ, раздуваетъ его славу, бѣснуется при отлученіи Толстого отъ Церкви,—не вѣруя вмѣстѣ съ Толстымъ въ Церковь, и, однако, по непостижимой причинѣ, отзываясь болѣзненно и чувствительно на всякое слово Церкви, осуждающее Толстого, какъ это мы и видѣли во дни его недавняго юбилея. И лицемѣріе „учителя“ прежде: зная, что его никто не тронетъ, онъ заявляетъ, что одного счастья ему недостаетъ,—ему хочется сидѣть въ тюрьмѣ... для вящей славы мученика. Увы, этой славы ему не дадутъ. Но вокругъ бѣснующіеся поклонники раздуваютъ его славу, сочиняютъ юбилей, стараются издать его сочиненія послѣднихъ 25 лѣтъ, т.-е. самыя анархическія и безбожныя, безплодно селятся обратить его въ кумиръ всего народа, селятся затѣнить его нечистымъ образомъ свѣтлый и вѣчный ликъ Вѣчнаго Учителя—Христа. На самой наружности отобразился злобный и гордый духъ Толстого: эти умные, но упрямые, жестокіе глаза, этотъ отталкивающій видъ злобнаго хилаго старика, цѣпляющагося за каждый мигъ жизни, за каждый проблескъ славы!

О, блюдите, вѣрные, знаменія временъ! Блюдите, како опасно ходите! Вѣчно слово Христова: „Я пришелъ во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, инъ придетъ—инъ придетъ *во имя свое*, и его примете“... (Іоанн. V, 43).

Чадца,—увѣщаетъ апостоль любви, и слово его трубнымъ гласомъ звучитъ вѣкамъ и родамъ даже до дня пришествия Христова,—чадца, не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, *ибо много лжепророковъ вошло въ міръ*; всякій духъ, исповѣдующій Христа во плоти пришедшаго, отъ Бога есть, и всякій духъ, не исповѣдующій Христа во плоти пришедшаго,—не отъ Бога, это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ... *и нынѣ антихристовъ много* (1 Іоанн. IV, 1—4; II, 18).

Какъ ясно при свѣтѣ этихъ словъ открывается предъ нами смыслъ всего, что видѣли и видятъ очи наши! Какъ ясны „знаменія временъ“,—эта борьба Христовой истины съ началами антихристовыми, борьба вѣры въ Бога съ идолопоклонствомъ разуму, брань смиренія и гордыни, Богослуженія и богоборчества, Христа и діавола! Какъ радостно, что съ любовью и молитвою мы нынѣ чтимъ день ангела смиреннаго служителя Христа,—Христа, во плоти пришедшаго, а не горделивый юбилей лицемѣрнаго и прегордаго одного изъ антихристовъ—Толстого, пришедшаго и глаголющаго *во имя свое*, отрицающаго Христа, Сына Божія, и дѣйствующаго въ мірѣ дѣйствиємъ сатаны!

И какъ грозно и вмѣстѣ ободряюще для вѣрующаго и сына Церкви звучитъ слово апостола: „Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь! (1 Кор. XVI, 13); аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ, маранъ-аеа!“ (ст. 22).

Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ нашимъ, братіе! Аминь.

Юношамъ-патріотамъ.*

Кто бояливъ и робокъ, тотъ пусть
возвратится и поидеть назадъ! (Суд. VII, 3).

Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, и постоянно въ жизни повторяются, только видоизмѣняясь въ формахъ и проявленіяхъ, прошлыя судьбы человѣчества. Нужно только имѣть вдумчивый взглядъ въ исторію минувшихъ вѣковъ и народовъ, чтобы всегда найти тамъ краснорѣчивые уроки и для всякаго времени.

Древній Израиль былъ близокъ къ гибели во дни судей. Нравственныя силы его ослабѣли; каждое изъ двѣнадцати колѣнъ считало себя особымъ царствомъ; внутреннее разъединеніе привело къ полному паденію власти и порядка, а главнымъ зломъ, кореннымъ и исходнымъ, было увлеченіе народа чуждымъ богопочтеніемъ, чуждыми формами жизни окружающихъ народовъ.

Обыкновенно, чѣмъ грѣшимъ, тѣмъ наказываемся. Эту истину испыталъ народъ израильскій на своей судьбѣ; язычники поработили его страну; захватили власть; ограбили поля и имущества. Каждый годъ мадіанитяне, какъ саранча, нападали на землю народа Божія; „и весьма обнищалъ Израиль“, говоритъ Библія (Суд. VI, 6).

Въ то далекое время, во дни юности своей и свѣжести духовной, Израиль не былъ тѣмъ нераскайнымъ, жестокимъ и упорнымъ въ невѣріи, себялюбіи и человѣконенавистничествѣ народомъ, какимъ мы видимъ его теперь. Въ страданіяхъ онъ созрѣлъ для покаянія и обратился къ Богу и истинѣ; въ народѣ находились по временамъ твердые и вѣрные слуги Господа и сыны родины. Господь не разъ тогда посылалъ народу избавителей въ лицѣ судей; однимъ изъ такихъ героевъ вѣры и родины и былъ знаменитый Геденъ со своими ближайшими сотрудиниками. Какъ все великіе люди, Геденъ не сознавалъ своего величія, и на призывъ Господа къ под-

* Рѣчь по случаю открытія студенческаго патріотическаго союза въ Москвѣ 2 ноября 1908 г.

вигу, въ отвѣтъ на обѣтованіе побѣды, говорилъ о себѣ словами, полными несказаннаго смиренія: „Господи, какъ спасу я народъ? Встѣ я и племя мое самое бѣдное, и я въ домѣ отца моего младшій“ (ст. 15).

Но вдохновленный вѣрою и Божьимъ избраніемъ, ободренный чудесами и знаменіями, выступилъ Гедеонъ на брань за поправную вѣру и за поправный народъ, и прежде всего онъ одинъ и съ опасностью для жизни сокрушилъ идола Ваала и его капище, за что и получилъ прозваніе Іероваала, т.-е. противоборца Ваалу. „Духъ Господень объялъ Гедеона, и онъ вострубилъ трубою“, говоритъ священная книга (ст. 33); онъ созвалъ до 32000 человекъ подъ свои знамена. И вотъ, здѣсь онъ обнаружилъ свою духовную мудрость великую: не въ численности войска онъ видѣлъ силу и залогъ побѣды, а въ крѣпости и огнѣ святого воодушевленія борцовъ за вѣру и родину. Предъ нимъ стояли враги въ силѣ огромной и вчетверо превосходили числомъ его отрядъ, но Гедеонъ убѣждаетъ свое войско: „кто боязливъ и робокъ, тотъ пусть возвратится и пойдетъ назадъ!“ (VII, 3). Остается послѣ того у него только 10.000 человекъ. „И сказалъ Господь Гедеону: все еще много народу; не могу Я предать мадіанитянъ въ руки ихъ, чтобы не возгордился Израиль предо Мною и не сказалъ: моя рука спасла меня“ (VII, 4, 2). Тогда привелъ Гедеонъ отрядъ свой къ водѣ; уже приближались враги, уже каждая минута была дорога и опасна, уже каждый шорохъ былъ подозрителенъ. Сильная жажда мучила воиновъ. И тутъ-то сказались настоящіе люди: одни жадно и нетерпѣливо съ поспѣшностью бросились къ водѣ и стали пить ее ртомъ, „лакая ее языкомъ своимъ, какъ лакаетъ песь“ (ст. 5), другіе—хладнокровно и сдержанно, при сильной жадѣ, въ виду непріятели, захватывали воду пригоршнями. Послѣднихъ набралось только 300 человекъ; ихъ и оставилъ при себѣ Гедеонъ, а прочихъ отпустилъ.

И даровалъ ему Господь въ слѣдующую же ночь блистательную и славную на вѣкъ побѣду надъ врагами,—побѣду окончательную и рѣшительную: „смирлись мадіанитяне, говоритъ Библия, и не стали уже поднимать главы своей“ (Суд.

VIII, 28). О ней, много вѣковъ спустя, вспоминая, восклицатель псалмопѣвецъ: „какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома передъ вѣтромъ, какъ огонь сжигаетъ лѣсъ и какъ пламя опалаетъ горы“,—такъ приведены были въ смятеніе тѣ, которые говорили: „возьмемъ себѣ во владѣнія селенія Божіи“ (Пс. 82, 13—15).

Но прежде всего вѣсть объ этой побѣдѣ пронеслась по всему народу, и всталъ онъ въ силѣ, и сбросилъ уныніе и малодушіе и пошелъ за славными побѣдоносцами, носителями духа народа, и народъ занялъ переправы черезъ Іорданъ и довершилъ побѣду Гедеона и разгромъ мадіанитянъ.

Не предъ вами, друзья мои, мнѣ развивать, не предъ вами развѣрживать картину нашей жизни, чтобы показать переживаемые дни темной смуты, такъ похожіе на то далекое отъ насъ время, которое описано въ книгѣ Судій. Ширится увлеченіе образцами жизни чуждыхъ народовъ, на основѣ древняго язычества; колеблются устои церковнаго и національнаго нашего быта и нашего государственнаго своеобразія, покоящагося на вѣковѣчныхъ религіозно-нравственныхъ основахъ святаго православія; видимъ гибельные раздоры и партіи; видимъ и попытки полнаго отдѣленія отъ Россіи нѣкоторыхъ ея областей. И новое нашествіе предъ нами мадіанитянъ, нашествіе враговъ русскаго народа, его вѣры и государственности, преуспѣвающихъ особенно среди молодыхъ поколѣній, а среди поколѣній зрѣлыхъ и возросшихъ видимъ, какъ и во дни Гедеона, и страхъ, и ужасъ, и малодушіе, и смятеніе, часто даже среди вѣрныхъ,—вѣрныхъ, но боязливыхъ и запуганныхъ.

Слава Богу, въ тяжкіе эти годы явились у насъ свои герои и судіи; не мало ударовъ мужественно они нанесли безчисленнымъ врагамъ, не мало сокрушили духовныхъ вааловъ. И вотъ, младшіе въ родѣ, какъ Гедеонъ, сегодня выходятъ предъ нами въ цѣлой дружинѣ новыми сокрушителями идоловъ и вступаютъ въ наши ряды. Благословенъ грядый во имя Господне!

Знаемъ, что не разъ они собирались сдѣлать этотъ шагъ—образовать религіозно-патріотическій и учебный союзъ свой, знаемъ, что велико кругомъ нихъ засилье новыхъ мадіани-

тянь, знаемъ, что не мало у нихъ впереди скорбей. Но и то знаемъ, что если горить въ ихъ сердцахъ крѣпкая вѣра въ Бога, вѣра въ правду и добро, будетъ ихъ удѣломъ и побѣда. Много отпало отъ нихъ единомышленниковъ; много разъ раздавался кличъ: „боязливые и робкіе, возвратитесь“, и много разъ стадное чувство стаднаго страха и себялюбіе отдѣляли отъ нихъ этихъ боязливыхъ и робкихъ. Не будемъ ихъ судить...

Вы, безстрашные и мужественные,—впередъ! Еще разъ говоримъ вамъ, новые друзья наши: „боязливые и робкіе,—возвратитесь“. Оставайтесь, твердые, сдержанные, мужественные! Оставайтесь, готовые умереть!

Вы—молоды, но въ этой молодости и залогъ побѣды, и пріемство намъ, борцамъ родины, склонившимся за преполовеніе дней, склоняющимся уже къ землѣ,—намъ, которыхъ губить коса смерти, намъ, у которыхъ сердце нерѣдко отказывается биться въ груди отъ пережитыхъ опасностей, трудовъ и тревоженій. Васъ мало. Не смущайтесь! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. И ваша рѣшимость, ваше мужество ободрить малодушныхъ, тайно порадуетъ вѣрныхъ, но боязливыхъ и робкихъ, придастъ имъ силы и дерзновенія, и вы вдругъ увидите кругомъ себя много соработниковъ, больше, чѣмъ вы ихъ ожидаете.

И вѣримъ мы, и зовемъ всѣми моленіями и желаніями нашего духа, зовемъ тотъ свѣтлый день, когда смирятся новые маданитяне, желающіе взять въ обладаніе народъ православно-русскій, это селеніе Божіе, и уже не станутъ поднимать главы своей.

Идите, идите, новые гедеоны, крушите духовныхъ валовъ и идоловъ, служите Богу, Царю и народу православному, напоаясь премудростью и познаніями въ высшемъ разсадникѣ знаній не на горе, а на радость родинѣ, вѣрные избранному вами благодатному знамени (девизу): *Patriae et Litteris* (отечеству и наукѣ)! Аминь.

Христоотступничество.*

И вотъ, весь городъ вышелъ на встрѣчу Иисусу, и увидѣвши Его, просили, чтобы Онъ отошелъ отъ предѣловъ ихъ (Лук. VIII, 37; ср. Мс. VIII, 34; ср. Мр. V, 16).

Никогда въ жизни Спасителя не было нанесено Ему такого огорченія и оскорбленія, выражаясь языкомъ міра, какъ то, о которомъ рассказываетъ намъ сегодня слышанное въ церкви за литургіей евангеліе. Никогда не выслушивалъ Онъ такой недостойной, такой обидной просьбы, какъ та, съ которою обратились къ нему жители страны Гадаринской. Мы знаемъ, Ему завидовали, Его ненавидѣли, на Него клеветали; противъ Него составлялись заговоры, козни; за Нимъ подсматривали; Его хотѣли уловить въ словѣ; Ему предлагали искусительные вопросы. Но мы не видимъ въ исторіи евангельской повторенія тѣхъ словъ, съ которыми пришли къ Нему гадаряне. Предъ ними стоялъ Учитель и Чудотворецъ; только-что Онъ совершилъ величайшее чудо исцѣленія страшнаго и буйнаго бѣсноватаго; только-что Онъ облагодѣтельствовалъ и несчастнаго страдальца, и цѣлую страну, цѣлый городъ и все окрестное населеніе, избавивъ ихъ отъ опасности и постоянного безпокойства, которое имъ причинялъ бѣсноватый. Благоговѣть бы нужно предъ Чудотворцемъ-Учителемъ, слушать бы Его наставленій, просить бы Его подольше остаться среди народа, о которомъ еще древній пророкъ говорилъ, какъ о людяхъ, сѣдящихъ во тьмѣ грѣха и невѣдѣнія истины (Ис. IX, 1—2).

Что же вмѣсто этого видимъ?

Весь городъ, весь народъ, — сказано въ евангеліи, — вышедши къ Иисусу, умоляли Его, чтобы Онъ ушелъ изъ предѣловъ ихъ...

Что это? Гдѣ причина столь грубой, столь оскорбительной просьбы?

Погибли свиньи гадарянъ: вотъ гдѣ причина. Страшно

* Слово въ нед. 23 ю, въ Петроградѣ, въ домовой церкви гр. И-ной, 9 ноября 1908 г.

святости и святого: вотъ гдѣ еще причина. Слово Учителя колеблетъ привычную жизнь грѣха, съ которой мирно уживалось явное беззаконіе (разведеніе и употребленіе въ пищу свиней, вопреки исповѣдуемому гадарянами закону Моисееву); оно вноситъ безпокойство въ тину равнодушія и грѣховности; оно будитъ сонъ духовный—эта огненная проповѣдь, напоминающая о Богѣ, объ Его законѣ, о запросахъ и потребностяхъ духа. Итакъ, лучше жить со свиньями, чѣмъ... со Христомъ: отсюда и такая необычная, невѣроятная просьба гадарянъ, обращенная къ Спасителю.

Вѣчная это исторія, безконечно повторяющаяся въ жизни! Только внѣшняя грубость ея смягчается, только измѣняется видъ, подставляется иная форма, а сущность часто всецѣло остается та же и въ современной жизни, въ настроеніяхъ, дѣйствіяхъ и современныхъ людей,—та же сущность, какую мы видимъ въ словахъ и дѣйствіяхъ гадарянъ.

Думаютъ обычно, что невѣріе, маловѣріе и сомнѣнія въ области познанія религіознаго и истинъ вѣры, отступничество отъ Бога и Христа,—что все это есть плодъ и дѣйствіе просяпающагося ума, запросовъ разума, смущающагося при сопоставленіи будто бы безспорныхъ выводовъ науки съ положеніями и ученіями религіи, по существу недоказуемыми, приемлемыми только на вѣру... Глубокое заблужденіе! Если часто ссылаются на слова одного поэта и мыслителя, заявляющаго, что сущность всей міровой исторіи въ великомъ и маломъ, въ области человѣческихъ дѣйствій, сводится къ одному роковому положенію, именно къ борьбѣ вѣры и невѣрія,—то эту мысль можно принять только въ библейскомъ освѣщеніи, которое вѣру соединяетъ съ премудростью и разумомъ, съ благочестіемъ и святостью жизни, а невѣріе отождествляетъ съ безуміемъ и глупостью, съ нечестіемъ и рабствомъ грѣху. При такомъ возрѣніи получаетъ особый и глубочайшій смыслъ краткое, но сильнѣйшее изреченіе Библии: „сказалъ *безумецъ* въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога“, и непосредственно далѣе: „они развратились,—омерзѣли въ начинаніяхъ,—нѣтъ дѣлающаго добра, нѣтъ ни единого“ (Пс. 12, 1—3).

Когда пусто и жутко въ душѣ отъ служенія злу и пороку;

когда страшно коснуться струнъ совѣсти, спящей, но по природѣ своей всегда готовой проснуться; когда нужно всю жизнь безъ остатка, все время до послѣдней минуты чѣмъ-либо занять, чѣмъ-либо заполнить, лишь бы не остаться наединѣ съ собою, лишь бы не стать лицомъ къ лицу съ внутреннимъ судіею, лишь бы не наклонить сознание и совѣсть на рядъ размышленій духовныхъ—о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, о смыслѣ жизни и смерти, о благѣ и злѣ, о собственномъ поведеніи, о подавляющихъ и захватывающихъ своихъ низкихъ и недостойныхъ интересахъ, о будущемъ и грядущей смерти... когда страшно всего этого коснуться; когда знаетъ человѣкъ, что на такомъ судѣ онъ не устоитъ, никого не обманетъ, не сокроетъ истины, что надобно будетъ взглянуть прямо въ глаза правдѣ и подойти къ вопросу, оставить ли жизнь такую, какою она была прежде, или ее измѣнить: тогда мысль о томъ, что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія, ни суда, временно является единственнымъ лучомъ радости для грѣшника. „А ты знаешь,—говоритъ одинъ юноша другому,—я слышалъ, вѣдь Бога нѣтъ?“ Такъ изображаетъ намъ одинъ, самъ несчастный и жалкій въ своихъ духовныхъ исканіяхъ писатель, эту бесѣду людей, уже вкусившихъ отраву грѣха, и прибавляетъ, что эта рѣчь, отрицающая существованіе Бога, была принята слушателемъ съ радостью, съ чувствомъ глубокаго облегченія..

Но это только минутный порывъ, только краткій самообманъ. Немного размысленія, немного пройдетъ времени, немного надо отдаться непосредственному сознанію истины, безъ искусственнаго духовнаго самоусыпленія,—и радость падаетъ, и захватываетъ человѣка глубокая тоска, и муки совѣсти со-суть сердце.

Какъ часто въ исторіи человѣчества повторялись цѣлыя эпохи, въ которыя люди передовые силились дать такую же безрадостную радость невѣрія своимъ современникамъ! Удавалось это имъ на нѣсколько времени,—но скоро, очень скоро, обычно тѣмъ съ большею силою, съ неудержимымъ натискомъ разливались волны вѣры, являя высшую, богозданную и вѣчную красоту нашего человѣческаго духа!..

Присмотритесь къ окружающей насъ жизни. Развѣ не слы-

шимъ просьбы, обращенной ко Христу, просьбы гадарянъ свинолюбивыхъ: „уходи отъ насъ,—съ Твоимъ закономъ, съ Твоимъ учениемъ, съ Твоимъ напоминаніемъ о запросахъ и интересахъ высшаго порядка, уходи изъ нашей жизни, изъ нашихъ законовъ, изъ нашего быта и всего уклада жизни“? Увѣряютъ иногда, что все христіанское міровоззрѣніе, или одну, другую часть его люди дико и злобно теперь на нашихъ глазахъ отрицаютъ потому, что ихъ разумъ не можетъ принять христіанскую истину, какъ противорѣчащую положеніямъ науки. Ничуть не бывало! Современные отрицатели именно съ наукой-то и не имѣютъ ничего общаго, зная ее или, точнѣе, зная о ней только по наслышкѣ, а о пыткахъ и мукахъ сомнѣнія и разума они и представленія не имѣютъ.

Нѣтъ, здѣсь не только главное, но болѣе того,—исключительное значеніе имѣетъ именно соответствующее настроеніе сердца, расположеніе воли, весь духовно растлѣнный строй, у коего разумъ только въ послушаніи, для коего мнимые выводы разсудка—это только прикрытіе и видимое оправданіе того, что лежитъ гораздо глубже, въ самомъ существѣ духа. Не разумъ здѣсь управляетъ сердцемъ, а сердце—разумомъ. „Отъ избытка *сердца*, а не разсудка, уста глаголятъ. Отъ *сердца* исходятъ помышленія злая. *Сердце* ихъ суетно, и оттого языкъ ихъ—гробъ и ядь аспида подъ устами ихъ. Ожесточеніе *сердца* приводитъ къ духовной гибели. *Сердцемъ* вѣруется въ правду. *Сердце* знаетъ горе души своей... На *сердцѣ* написаны законы Бога. Сынъ мой, всякимъ храненіемъ храни свое *сердце*. Мудрый *сердцемъ* принимаетъ заповѣди“... Вотъ ясныя и совершенно опредѣленныя указанія Божественныхъ наставленій и Божественнаго слова (Мф. XII, 34; XV, 18; Пс. 5, 10; 139, 3; Евр. XIII, 8; Римл. X, 9; Притч. XIV, 10; Пс. 39, 9; Притч. XXI, 29; IV, 23; X, 8). Посмотрите, какъ они отображаются въ словахъ подвижниковъ, которые, не изучая мірской и нынѣ входящей въ силу науки о душѣ (психологіи), однако, ведомые опытомъ духа, въ прозрѣніи благодатнаго озаренія, указываютъ намъ то, до чего только теперь не спѣшно и робко доходитъ научное изслѣдованіе въ его послѣднихъ выводахъ о жизни и дѣйствіяхъ духа. Ихъ оставленныя намъ въ завѣтъ

и наслѣдіе молитвы, наставленія представляютъ яркую и согласную проповѣдь о силѣ и значеніи сердца въ области дѣйствій разума, постоянное и настойчивое указаніе на первенствующее и господствующее значеніе чувства надъ разсудкомъ. Итакъ, смотрите теперь на нынѣшнюю борьбу съ Христомъ, наблюдайте измѣну Ему въ широкой области жизни со стороны людей, именующихъ себя христіанами, замѣчайте эти просьбы, обращенныя ко Христу: „уйди отъ насъ“,—отъ нашей жизни, изъ нашего міровоззрѣнія,—и знайте, что вездѣ здѣсь подъ благовидными фразами о разумѣ, прогрессѣ, правѣ, современности, о культурѣ, гуманности и проч.—вездѣ говоритъ развращенное, нечистое сердце, которому больно зрѣть Бога, которому невмѣстно быть съ Его истиной. Будетъ ли это область политики, государственнаго строительства, общественныхъ отношеній, будутъ ли это вопросы нравственно-отеческаго, а не принудительно договорнаго и наемническаго характера власти, или вопросы образованія и воспитанія, личности и семьи, брака, развода, экономическихъ соотношеній, условій жизни сословныхъ и бытовыхъ группъ: всюду и во все можно и должно внести, какъ свѣтъ полудня, начало религіозно-нравственное и православно-церковное,—и всюду и всегда, если только предвзятыя воззрѣнія, счеты и виды себялюбія, корысти, властолюбія, славолубія и ложной, такъ-называемой, популярности и тщеславія сталкиваются съ религіозно-нравственнымъ началомъ и имъ отвергаются,—всюду и всегда, естественно и неизбѣжно, грѣхъ вступаетъ въ борьбу со святостью, плоть побораеъ на духъ, т.-е., иначе говоря, обращается ко Христу со словомъ просьбы: дабы Онъ исшелъ отъ предѣловъ нашихъ... Христоотступничество не умерло и въ наши дни. Гадаряне живы и не умираютъ!

О, это не робкое моленіе апостола Петра: „выйди отъ меня, Господи, потому что я человекъ грѣшный“ (Лук. V, 8). Это не сознаніе недостойнства, не желаніе издали, благоговѣнно, не смѣя приблизиться, ударяя себя въ грудь, стоя у порога церкви, окаевать себя и идти ко Христу трепетно, умиленно, съ жаждой сердца, съ тоскою богообщенія. Нѣтъ, это наглое желаніе удалить отъ себя Христа навсегда, забыть о Немъ, и

себя самого сдѣлать исходившемъ мудрости, основой дѣятельности, и это не ради исканія свободы, какъ часто думаютъ и говорятъ, а напротивъ, изъ рабьяго и унижительнаго служенія земнымъ страстямъ и привязанностямъ, суетѣ и гордынѣ, этимъ свиньямъ гадаринскимъ. Живы гадаряне, и не умираютъ; жаль имъ ихъ свиней, и не могутъ они съ ними разстаться!..

Но живъ и Христосъ съ вѣрными, вчера и днесъ, Той же и во вѣки! (Евр. XIII, 8). Изъ Того и Тѣмъ, и къ Тому всяческая! (Римл. XI, 36). И пусть современные гадаряне, привязавшись къ нечистымъ животнымъ и имъ уподобившись, стараются изгнать Христа изъ міра людскихъ отношеній и устройства ихъ земной жизни; зато вѣрные, тѣ, которые на себѣ самихъ испытали силу и сладость Его благодати,—свободные не только отъ привязанности къ земнымъ нечистымъ животнымъ, къ свиньямъ, въ духовномъ смыслѣ этого слова, но и свободные и безопасные даже отъ бѣсовъ, бессильныхъ коснуться къ достоянію Христову,—будутъ, подобно евангельскому бѣсноватому исцѣленному, сидѣть у ногъ Его, оболченные и смысленные. Ушли бы и они съ радостью туда, идѣже ихъ Христосъ, одесную сѣдя, Первосвященникъ нашъ вовѣки, но воля Христова повелѣваетъ и имъ, какъ исцѣленному бѣсноватому, оставаться среди современныхъ гадарянъ, чтобъ имъ возвѣщать словомъ и житіемъ славу, силу и благодѣянія Спасителя. И развѣ не видите, какъ гадаряне нынѣшняго міра, при всемъ желаніи уйти отъ Бога и Христа Его, уйти никакъ не могутъ,—какъ не могутъ уйти отъ себя самихъ? Развѣ не видите, какъ современные писатели, желая забыть о Богѣ, только о Немъ и говорятъ, если не по собственнымъ запросамъ духа, то хотъ для того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе и быть услышанными? Развѣ не видите, какъ послѣ цѣлыхъ эпохъ безвѣрія, послѣ духовныхъ блужданій по распутіямъ міра, послѣ дерзкихъ вызововъ Божеству, послѣ самонадѣянныхъ заявленій о томъ, что они могутъ прожить одни со своимъ разумомъ,—а разумъ безъ Бога и высшаго озаренія, воистинну, есть гадаринская свинья, способная принять бѣса гордости и въ безуміи потонуть и погибнуть,—развѣ не видите, какъ современные гадаряне возвращаются потомъ въ тоску, мучимые отчаяніемъ и

палимые духовною жаждою къ Богу? „Грядетъ новая религія“, пишутъ они въ нынѣшнихъ модныхъ литературныхъ произведеніяхъ; выводятъ и изображаютъ они различныхъ богоискателей; цѣлый народъ обожая, какъ новаго идола, почитаютъ они его и „творцомъ Бога“, и самимъ Богомъ... 1). Что это такое? Какъ ни нелѣпы подчасъ такіе выводы новыхъ религіозныхъ исканій, все же и здѣсь—признаки духовнаго голода; все это есть признаніе мучительной пустоты души, тоскующей и мятущейся безъ Бога, безъ общенія съ Нимъ, безъ Его воли и закона.

Когда человѣка мучить тѣлесный голодъ, онъ въ изступленіи и безуміи, охваченный муками желудка, пустого, требующаго пищи, грызетъ кожу, глотаетъ тряпки, ѣстъ землю. За неимѣніемъ здоровой и естественной пищи онъ силится замѣнить ее какимъ-либо подобіемъ (суррогатомъ), лишь бы хоть на моментъ обмануть желудокъ и дать ему подобіе пищи. То же и въ области духа... Всѣ эти поиски новой религіи, новой истины,—поиски больные, изступленные, въ воспаленныхъ мечтаніяхъ упадающаго (декадентскаго) и гаснущаго духа,—все это—глотаніе тряпокъ, земли и глины вмѣсто здоровой пищи...

А здоровое и спасительное питаніе духовное—у всѣхъ на виду, а хранилище его для всѣхъ открыто. Не человѣкъ, а Богъ даровалъ его, и не человѣческому учрежденію ввѣрилъ, а Церкви Богоучрежденной и Духомъ Божиимъ водимой и хранимой Онъ отдалъ, чтобы всякій желающій принималъ отъ нея питаніе и питіе жизни. Премудрость Божія создала Себѣ домъ-Церковь и утвердила столповъ семь—семь таинствъ богообщенія, и уготовала эту всемірную трапезу, и заклала величайшую и спасительную Жертву—Сына Божія, и послала рабовъ своихъ—апостоловъ, пастырей и учителей—съ высокимъ проповѣданіемъ: кто не безуменъ, иди ко Мнѣ! (Притч. IX, 1—4).

Да продлитъ намъ Господь счастье быть участниками этой

1) См. XXIII вып. „Знанія“: „Исповѣдь“ Горькаго; „Въ старой Лаврѣ“ Золоторева. Ср. „Религіозно-философскія Собранія“ (I—III вып.).

вѣчной трапезы не въ гибельномъ христоотступничествѣ, не въ желаніи отойти отъ Спасителя, не въ настроеніи гадарянъ, не въ привязанности къ свиньямъ гадаринскимъ, а въ вѣчномъ общеніи со Христомъ, отнынѣ и до вѣка! Аминь.

Т р у д ъ.*

И труждаемся, дѣлающе своими руками
(1 Кор. IV, 12).

Прославленный писатель, пожелавшій на склонѣ дней, оставивъ дорогу, которую указалъ ему Даровавшій его духу дарованія художества, оставивъ Церковь, какъ учительницу жизни, самъ сдѣлаться „учителемъ жизни“,—изъ приведенныхъ словъ святого апостола вывелъ цѣлое ученіе о ручномъ трудѣ, какъ единственно цѣнномъ и достойномъ человѣка. Толстовское ученіе для многихъ, падкихъ до новизны, показалось интереснымъ и привлекательнымъ; для людей рабочихъ оно дало основаніе только себя считать трудящимися, а всѣхъ прочихъ, занятыхъ инокъ, а не ручною работою, злобно называть и признавать бездѣльниками и лѣнтяями; для враговъ Церкви оно явилось поводомъ къ тому, чтобы возражать противъ нея и бороться съ нею ея же оружіемъ, т.-е. словомъ Священнаго Писанія, а для враговъ государственнаго строя, нынѣшнихъ такъ-называемыхъ социаль-демократовъ, дало основаніе видѣть и въ христіанствѣ защиту ихъ ученій и, особенно, ихъ мечтаній о „царствѣ святого труда“. Такъ сошлись вмѣстѣ различныя до противоположности направленія мысли и жизни.

Въ чемъ же собственно здѣсь борьба противъ христіанской Церкви? И въ чемъ ее могутъ обвинять толстовство съ примкнувшими къ нему вышеназванными ученіями? Какъ

* Слово 14 ноября, въ день памяти св. ап. Филиппа,—для рабочихъ, въ виду социаль-демократической пропаганды.

соціалъ-демократія можетъ пользоваться ученіемъ христіанства для подтвержденія своихъ воззрѣній на трудъ?

Давно человѣчество, наряду съ пѣснями о праздности, о радостяхъ и удовольствіяхъ, сложило и слышитъ и гимны въ честь труда. Давно и наши русскіе передовые писатели избираютъ для себя, съ какою-то затаенною цѣлью, эти гимны труду, какъ бы грозя въ сторону Церкви за что-то такое, что въ ея ученіи якобы отрицаетъ трудъ¹⁾. И когда Толстой одѣлся въ лапти, а самъ сталъ шить сапоги, когда современные соціалъ-демократы стали распѣвать пѣсни революціи о „святомъ трудѣ“,—во всемъ этомъ чувствовался тоже какой-то вызовъ православію и христіанству, желаніе что-то кому-то показать и доказать... уличивъ православіе во лжи и заблужденіи. Наконецъ, и прямо раздаются обвиненія Церкви въ томъ, что она является защитницею лѣнтяевъ и богатыхъ, убѣжищемъ для тунеядцевъ, и, съ одной стороны,—„дозой одурающаго опіума“ для рабочихъ, угнетенныхъ и обездоленныхъ, съ другой, и самое главное,—прикрытіемъ праздныхъ и ничего не дѣлающихъ, сытыхъ и безсердечныхъ богачей, живущихъ за счетъ „трудящихся массъ“.

Что же, неужели, въ самомъ дѣлѣ, христіанство поощряетъ лѣнность и праздность?

Но сказать это можно развѣ только въ припадкѣ безумія: „Какъ птица создана для летанія, такъ человѣкъ созданъ для труда“, говоритъ намъ Священное Писаніе, и притомъ словами Іова, великаго въ богатствѣ и въ нищетѣ, великаго въ славѣ и униженіи, въ радости и горѣ. Кто не трудится, тотъ и не ѣшь, учитъ святой апостоль (2 Сол. III, 10). Преподобный Антоній Великій,—разсказывается въ его житіи въ назиданіе вѣрнымъ,—вопрошалъ Господа, что ему нужно дѣлать, и въ ту минуту увидѣлъ человѣка—своего двойника, который усердно молился, потомъ принимался за работу, прилежно поработавши, снова молился, послѣ молитвы опять трудился... Такъ заповѣданы вѣрнымъ трудъ и молитва. И развѣ не знаемъ, что апостолы ловили рыбу; святой апостоль

¹⁾ Ср. сочин. Д. Писарева, Чернышевскаго, Добролюбова.

Павелъ дѣлалъ палатки, „трудясь своими руками“; древніе иноки плели корзины и продавая ихъ, тѣмъ питались; преподобный Сергій „работалъ за двоихъ, а иной разъ за трехъ“, какъ повѣствуется въ его жизнеописаніи со словъ очевидцевъ; святой Филиппъ на Соловахъ, не покладая рукъ, работалъ, воздѣлывая суровую природу сѣвера, а преподобный Серафимъ „томилъ томящаго его“ тѣмъ, что и въ часы свободы отъ труда носилъ на себѣ тяжелую ношу!

Съ другой стороны, если социалисты такъ негодуютъ на христіанство за то, что оно, рассказывая извѣстную исторію грѣхопаденія и наказанія прародителей нашихъ, объявило трудъ проклятымъ, а для нихъ, социалистовъ, трудъ, напротивъ, есть сладость и святыня,—то почему же они наряду съ этимъ такъ много хлопочутъ о сокращеніи часовъ труда и такъ глубоко возмущаются тѣмъ, что рядомъ съ „трудящимися массами“ и за ихъ счетъ существуютъ праздные и тунеядные богачи? Не сквозить ли въ этомъ тщательно скрываемое, однако, невольное прорывающееся наружу желаніе уподобиться именно богачамъ и освободиться отъ труда?

Да, несомнѣнно, мы имѣемъ совершенно ясное ученіе слова Божія объ уваженіи къ труду: „трудящійся достоинъ пропитанія“; „сладокъ сонъ трудящемуся“; „не красть и не тунеядствовать нужно, а трудиться своими руками“; „много трудовъ предназначено человѣку“; „нужно быть почтительнымъ ко всякому трудящемуся“; „уважать трудящихся у васъ“; „наипаче же достойны не только уваженія и почтенія, но и сугубой награды и чести трудящіеся въ словѣ и въ ученіи“... Все это—наставленія слова Божія о трудѣ, и такими уроками полно Священное Писаніе (Матѣ. X, 10; Лук. X, 7; 1 Тим. V, 18; Ефес. IV, 28; Сир. XL, 1; 1 Кор. XVI, 16; 1 Сол. V, 12; Тим. V, 17).

Но рядомъ съ этимъ такъ же несомнѣнно и ученіе о томъ, что трудъ данъ и въ наказаніе человѣку за грѣхъ: человѣкъ въ потѣ лица съ того времени ѣсть хлѣбъ свой, пока не возвратится въ землю, изъ которой взятъ, за то, что, сотворенный отъ земли, онъ возсталъ на небо и на Творца своего. И въ томъ же Священномъ Писаніи слышимъ, какъ

говорится иногда о трудѣ съ какимъ-то вздохомъ тяжелаго горя: вѣмъ трудамъ человѣка нѣтъ конца (Еккл. IV, 8), но ничего не возьмемъ мы отъ труда своего (V, 14; ср. XXXVIII, 7); блаженіи мертвіи умирающіи о Господѣ; ей, глаголетъ Духъ, почіють отъ трудовъ своихъ (Апок. XIV, 13), а здѣсь на землѣ, увь, „народы трудятся для огня“ (Авв. XI, 13), и „трудъ человѣка для рта его, а душа его не насыщается!“ (Еккл. VI, 7; ср. Пр. Сол. III, 15; Іов. V, 7). Всмотритесь и вдумайтесь въ связь словъ апостольскихъ, которыя мы взяли сегодня изъ литургійнаго чтенія за основу собесѣдованія: апостоль поставляетъ трудъ свой среди другихъ видовъ страданія за благовѣстіе Христово. Даже доннѣ, говоритъ онъ, мы терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками... (1 Кор. IV, 12). Наконецъ, не напрасно и въ нашемъ выразительномъ языкѣ самое слово „трудъ“ звучитъ, какъ среднее слову—страданіе...

Гдѣ же и въ чемъ разгадка такого видимаго противорѣчія?

Противорѣчіе только видимое, и вся разгадка здѣсь въ томъ, что святая вѣра наша всегда смотритъ не на вѣшнюю сторону того или другого явленія, а на его внутреннюю сущность. Трудъ вообще заповѣданъ человѣку, но эта именно его внутренняя сущность обращаетъ его то въ благословеніе, то въ проклятіе. Да, трудъ бываетъ различнымъ по внутренней сущности. Когда онъ обращенъ къ землѣ и земнымъ интересамъ; когда онъ совершается для снисканія пропитанія, какъ послѣдней цѣли; когда онъ принудителенъ, какъ нѣчто роковое и неизбѣжное: онъ не можетъ тогда имѣть возвышеннаго характера, онъ тяжелъ. Но все же онъ не униженъ, онъ и тогда—средство воспитанія воли, смиренія души, покорности волѣ Рекшаго: „въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой“. И уже въ этой покорности волѣ Бога, въ этомъ „трудѣ о Господѣ“ (Римл. XVI, 12) для трудящагося есть средство облагородить, возвысить и осмыслить свой трудъ, даже самый простой, ремесленнической. Но есть предѣлъ и такого обычнаго труда; Священное Писаніе полагаетъ его въ словахъ: „имѣя пропитаніе и одежду, будемъ довольны тѣмъ“ (1 Тим. VI, 8).

Когда же человекъ черезъ трудъ чрезмѣрный, напряженный, не давая себѣ ни минуты покоя, не оставляя для жизни духа ни минуты времени, отдается такой работѣ потому, что „отъ всякаго труда есть прибыль“ (Притч. XIV, 23), и для того, чтобы стяжать себѣ богатство ради самаго богатства; когда онъ потомъ изъ господина надъ своимъ временемъ, силами и стяжаніями обращается въ ихъ раба; когда онъ плоды труда изъ средства, дающаго ему возможность отдаваться безпрепятственно возвышеннымъ и святымъ цѣлямъ жизни, обращаетъ въ самую цѣль жизни: тогда, воистину, „трудъ человека—для рта его, а душа его не насыщается“. Такой трудъ—тщетный трудъ, такой трудъ не удовлетворитъ человѣческой души и предъ лицомъ вѣчности и безсмертія явить его ничтожнымъ и нищимъ. „Такъ говоритъ Аминь, Свидѣтель вѣрный и истинный, Начало созданія Божія: Знаю твои дѣла; ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣтую купить у Меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть (Апок. III, 14, 17—18).

Такого-то золота, такой-то одежды и такого-то духовнаго прозрѣнія нѣтъ у нынѣшней социаль-демократіи, столь заповившей жизнь и столь смутившей и смущающей многихъ вѣрующихъ людей. Всѣ свои помыслы она обращаетъ на землю; все счастье человека и рай для него она полагаетъ въ земныхъ стяжаніяхъ и удобствахъ. Она отвергаетъ Бога небеснаго; ея „богъ—чрево“, по слову апостола (Фил. III, 19), и оттого такъ низменны и бессмысленны въ устахъ социаль-демократовъ всѣ ихъ восторженные хвалы труду. Служа не Господу Иисусу Христу, а своему чреву (Рим. XVI, 18), какъ могутъ они говорить о „святомъ“ трудѣ? И не потому ли въ ихъ словахъ и дѣйствіяхъ такія явные и убійственные для социаль-демократіи, какъ ученія, противорѣчія? Восхваляя царство „святого труда“, въ сущности, социаль-демократы стремятся не только къ возможному его сокращенію, но и къ

полному его уничтоженію. Они и начинаютъ обычно съ требованія восьми часовъ работы, безотносительно къ ея большей или меньшей трудности, безотносительно къ условіямъ рынка и къ качеству труда самого рабочаго, а затѣмъ—съ забастовки, т.-е. съ удаленія отъ „святого“ труда... По увѣренію одного изъ учителей социаль-демократіи (Мооста), человѣкъ въ социалистическомъ обществѣ будетъ трудиться только съ 16 до 28 лѣтъ, остальное время жизни ему будетъ дѣлать нечего, ибо онъ къ указанному возрасту уже заработаетъ себѣ право пропитанія до смерти. Другой учитель, и одинъ изъ главнѣйшихъ (Вебель), также утверждаетъ и общаетъ, что при социалистическомъ строѣ у человѣка будетъ огромный запасъ времени. Безъ Бога, Котораго отрицаетъ социаль-демократія, безъ загробной жизни, въ которую она не вѣритъ, безъ выспихъ запросовъ духа,—ибо она вѣдь признаетъ, что „все отъ желудка“, и что самого духа нѣтъ,—откуда взять смыслъ жизни, откуда взять высшія побужденія, цѣли и содержаніе для труда воистину святого, для труда о Господѣ,—во славу Божію и на радость людямъ? Воистину, тогда и трудъ—проклятiе и свобода отъ труда—не благословеніе!

Не уйти человѣку отъ труда, но отъ самого человѣка зависитъ сдѣлать его благословеннымъ. Всю ночь трудились апостолы, и ничего не поймали; пришелъ Господь къ нимъ, по слову Его они закинули мрежи, и мрежи ихъ исполнились ловитвы. Это въ трудѣ обычномъ и тѣлесномъ. Тѣмъ болѣе въ трудѣ возвышенномъ и духовномъ. Только Господь пусть будетъ въ помыслахъ и надеждахъ нашихъ, и тогда трудъ нашъ, безразлично—физическій или духовный, въ одномъ видѣ или въ другомъ,—всякій трудъ нашъ станетъ осмысленнымъ и радостнымъ. И напрасно Толстой, съ уязвостью и упорствомъ сектанта, отстаиваетъ и цѣнитъ лишь одинъ видъ труда—трудъ ручной и тѣлесный. И напрасно люди рабочіе въ этихъ словахъ и наставленіяхъ Толстого видятъ для себя что-то особенно радостное, какъ признаніе ихъ единственнаго права на уваженіе и на званіе трудящихся. Всякій трудъ о Господѣ достоинъ уваженія!

Не уйдемъ мы отъ труда, ибо,—замѣтимъ это еще разъ

и хорошо,—не самый труд данъ въ наказаніе чловѣку за грѣхъ.—въ раю, до грѣхопаденія трудъ былъ, и былъ заповѣданъ Богомъ, повелѣвшимъ хранить и воздѣлывать рай,—а принудительность и тяжесть труда, какъ *слѣдствіе грѣха*, является наказаніемъ для того, кто возстаётъ на Бога. И этого приговора не избыть, прежде всего, всякому виду невѣрія, не избыть и безбожной социаль-демократіи. Всякій ея трудъ, въ какомъ бы ни былъ онъ количествѣ, всегда будетъ для нея проклятымъ и несчастнымъ, какъ наказаніе за грѣхъ невѣрія и служенія только грубой матеріальной сторонѣ жизни.

Православные русскіе люди, и особенно вы, трудящіеся и рабочіе! Видя среди васъ это множество смутьяновъ, незваныхъ учителей, проповѣдниковъ социаль-демократіи, хочется сказать вамъ словами древняго пророка: „вѣмъ ты, яко посредѣ скорпіевъ живещи“. Они обманутъ, они погубятъ жизнь эти скорпіоны, причиняющіе мучительные укусы,—эти скорпіоны, ядовитые, смертоносные, необыкновенно быстрые на злобу и на испусканіе яда, яда безбожія, злорѣчія, бунта и всякаго растлѣнія. Но „живущій въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится, на скорпіона,—на аспида и василиска онъ наступитъ и будетъ безопасенъ“ (Пс. 90, 13). И Спаситель говоритъ вѣрующимъ въ Него: „Дамъ вамъ власть наступать на змію и на скорпіона, и на всю силу вражію“ (Лук. X, 10).

У Христа, братіе, въ Его ученія, въ Его заповѣдяхъ, въ Его Царствѣ, въ Его помощи, въ проникновеніи религіознымъ началомъ жизни вы обрѣтете смыслъ и труда, и отдыха, смыслъ и радость всей жизни. Онъ стоитъ и зовётъ: „Прійдите ко Мнѣ вси *труждающіеся*, и Я упокою васъ!“ (Мате. XI, 27).
Аминь.

Не бойся, только вѣруй.*

Какъ широка область вѣры въ жизни человѣка и какъ неизмѣримо ея значеніе! Одинъ изъ вдумчивыхъ и благочестивыхъ писателей, чтобы показать силу вѣры, приводитъ самый простой примѣръ, взятый изъ обычной жизни. Всякій человѣкъ легко пройдетъ въ комнатѣ по одной половицѣ, по одной доскѣ пола; но перекиньте эту доску чрезъ пропасть, прибавьте къ ней еще двѣ или три, — и тотъ же человѣкъ уже не рѣшится пройти по доскѣ, а если пойдетъ, то упадетъ и погибнетъ. Въ чемъ тутъ тайна? Въ присутствіи и отсутствіи вѣры въ себя и свои силы. Какъ только этой вѣры нѣтъ, всякое, самое простое и легкое дѣло валится у насъ изъ рукъ.

Расширьте и углубите эту мысль; перенесите ее отъ простыхъ и обыденныхъ вещей ко всему объему человѣческой дѣятельности, и вы увидите, какъ гибельно всякое невѣріе, всякое колебаніе. Нужно ли говорить послѣ этого о той области, въ которой вѣра есть дыханіе жизни, начало и конецъ, т.-е. объ области религиозной? Евангельское чтеніе нынѣшняго воскреснаго дня даетъ намъ два примѣра вѣры и два наставленія о вѣрѣ нашего Спасителя. Къ Иисусу Христу подходитъ Іаиръ, начальникъ синагоги и проситъ исцѣлить его умирающую дочь — единственное его дѣтище; скорбный отецъ упалъ къ ногамъ Иисуса, онъ молить, онъ проситъ отъ всего сердца о милости, онъ торопитъ Божественнаго Чудотворца поскорѣе войти въ домъ къ болящей и умирающей. Спаситель идетъ на призывъ мольбы и скорби, но на пути Его задерживаетъ народъ, задерживаетъ больная кровотеченіемъ женщина, которая въ молчаливой скорби, въ болѣзни, о которой стыдилась повѣдать предъ всѣми, съ горячею вѣрою безмолвно только коснулась края ризы Христовой и получила исцѣленіе.

Можно представить себѣ, какъ мучительна была для Іаира эта задержка на пути Иисуса Христа, какъ онъ мучился, какъ

* Поученіе въ недѣлю 24-ю.

онъ ждалъ, чтобы поскорѣе пришелъ въ его домъ Спаситель. Въ этомъ смятеніи чувствъ онъ слышитъ извѣстіе: „умерла твоя дочь; не безпокой Учителя“. И вотъ, когда вѣра Іаира, несмотря на только-что совершившееся чудо исцѣленія женщины, заколебалась, надъ нимъ раздается ободряющее слово Господа: „Не бойся, только вѣруй, и спасена будетъ“. А женщина, въ отвѣтъ на ея всенародно повѣданный рассказъ о томъ, какъ оправдалась и исполнилась ея вѣра, тотъ же Спаситель изрекъ иное слово, слово похвалы и утѣшенія: „Дерзай, дщерь! вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ!“

Братъ-христіанинъ! Какъ часто у насъ искушается и готова колебаться вѣра! Какъ часто, при видѣ препятствій, неудачъ, неожиданныхъ противодѣйствій, мы готовы отчаяться за успѣхъ дѣла, къ которому приставлены, которому служимъ! Пусть же слышится тебѣ всегда и вездѣ святое, ободряющее слово евангелія: „Не бойся, только вѣруй!“

Ты — начальникъ; ты трудишься, не покладая рукъ, ты во всемъ дѣйствуешь, желая блага обществу и отечеству; но тебя не понимаютъ, тебѣ во всемъ мѣшаютъ, въ добрыя намѣренія твои не вѣрятъ, все перетолковываютъ, вездѣ оказываютъ тебѣ неповиновеніе, и даже тобою облагодѣтельствованные больше всего возстаютъ на тебя... Не бойся, только вѣруй! Не отчаивайся, не бросай служенія правдѣ, придетъ время — и плоды твоей службы и работы скажутся добромъ и пользою для людей.

Ты — подчиненный; ты свято и въ смиреніи исполняешь твой скромный долгъ; но тебя презираютъ, тебѣ не оказываютъ вниманія; иные, худшіе тебя, проходятъ впередъ за деньги, по ходатайству сильныхъ міра, за лесть и ложь, ты же въ тѣни и даже терпишь незаслуженныя преслѣдованія отъ начальства... Не бойся, только вѣруй! Не озлобляйся, не отходи отъ правды и долга, не вступай въ борьбу со зломъ посредствомъ зла; терпѣливымъ и настойчивымъ исполненіемъ долга, непоколебимою вѣрностью чести и правдѣ, работая предъ Богомъ и совѣстью, а не предъ людьми, ты вѣрно придешь къ самой высокой наградѣ: къ чистой совѣсти и похвалѣ отъ Бога.

Пастыръ видитъ, что его молитва въ храмѣ, слово поуче-

нія, голосъ любви и мольбы объ исправленіи жизни не слышится пасомыми; блюститель правды ужасается при видѣ торжествующаго порока, противъ котораго не слышно голоса суда; труженикъ, работающій честно и добросовѣстно, работающій весь вѣкъ, терзается бѣдностью и недостатками; больной видить полную неудачу лѣченія, которое отнимаетъ у него и у семьи столько средствъ... Мало ли на свѣтѣ страданій? Что же тяжелѣе душевныхъ страданій христіанина, который любить добро и святость, стремится душою жить по евангелію и закону Божію, а самъ по слабости воли все грѣшитъ и грѣшитъ, раскаивается и снова падаетъ, плачетъ о грѣхѣ и опять отдается во власть его? Кто изъ насъ не испытываетъ этой муки самообвиненія, самобичеванія?

И все-таки каждому изъ этихъ страдающихъ готово слово, единственное слово ободренія: не бойся, только вѣруй! Пусть только это слово пройдетъ въ душу, пусть вѣра станетъ настоящей, горячей, усердной, молитвенной,—и эта вѣра и молитва привлекутъ силу высшую, силу небесную, силу Божію. Съ такою силою человѣкъ можетъ повторять всегда увѣреніе апостола: „все могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ“. Чудо совершится, чудо вѣчно свершается: безсильный становится могучимъ, несчастный и обездоленный — терпѣливымъ и мужественнымъ, колеблющійся — твердымъ и увѣреннымъ. Самая тяжесть несчастья не только не чувствуется, но является для человѣка сознательною школою для укрѣпленія души, для пріобрѣтенія мужества, терпѣнія и всего того, что украшаетъ душу человѣка и дѣлаетъ ее достойною Божьяго благоволенія.

И слышитъ душа христіанская не только слово ободренія Господа: „Не бойся, только вѣруй, и спасена будешь“, но и слово сладчайшей хвалы: „Вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ“! Аминь.

«Не бойся!»*

Не бойся, только вѣруй, и спасена будешь! (Лук. VIII, 50).

Говорить въ наши дни о необязанности и мужествѣ — значитъ говорить о предметѣ самомъ важномъ, о добродѣтели самой необходимой, о свойствѣ духа, нынѣ рѣдко наблюдаемомъ, касаться вопроса, теперь самага жизненнаго.

Умиралъ одинъ крупный писатель; много онъ сдѣлалъ зла своими произведеніями, много поселилъ онъ въ умахъ и душахъ современниковъ сомнѣній, маловѣрія и невѣрія; часто смѣялся онъ надъ святынею и надъ Самимъ Богомъ; слова его остроумныхъ и игривыхъ произведеній подхватили безбожники всѣхъ странъ и сдѣлали ихъ своимъ знаменемъ. И что же? Только предъ смертью онъ сознался, что всю жизнь лгалъ, что, отрицая Бога и вѣру на словахъ, ни одной минуты онъ не былъ на самомъ дѣлѣ невѣрующимъ. Онъ просилъ въ предсмертномъ письмѣ прошенія у Бога и у людей за оскорбленіе вѣры и общественной нравственности, бичевалъ свой грѣхъ и при этомъ заявлялъ, что не выступалъ раньше со словомъ исповѣданія своей вѣры только потому, что боялся насмѣшекъ людей, такъ-называемыхъ образованныхъ, во имя науки отрицающихъ религію ¹⁾. „Воистину, онъ тамъ убоился страха, идѣже не бѣ страхъ“ (Пс. 13, 5), ибо если бы всѣхъ этихъ отрицателей и безбожниковъ, которыхъ онъ стыдился, по-одиночкѣ допросить и убѣдить ихъ признаться по чистой совѣсти, то и они оказались бы въ глубинѣ души такими же вѣрующими, какъ и упомянутый писатель, и такими же, какъ онъ, малодушными и боязливыми. И если бы изъ нихъ явился одинъ смѣлый и громко предъ всѣми раскрылъ свое сердце и повѣдалъ о своемъ религіозномъ настроеніи, то,

* Слово въ недѣлю 24-ю; сказано въ храмѣ Троицкаго подворья, въ Петроградѣ, 16-го ноября 1908 года, при митрополичьемъ священнослуженіи.

¹⁾ Это былъ Гейне.

несомнѣнно, огромное большинство, если не всѣ эти отрицатели, освободилось бы вдругъ отъ робости и объявило о своихъ настоящихъ чувствахъ и настроеніяхъ.

Таково всегда дѣйствіе и страха, и безстрашія. Нельзя поэтому говорить, какъ это часто мы слышимъ, что боязливый вредитъ только себѣ самому, и поэтому не грѣшитъ предъ Богомъ и людьми. Какъ во время битвы дрогнувшіе и побѣжавшіе воины, гдѣ бы ни были, особенно же стоящіе впереди, естественно, разстраиваютъ все войско, заставляя его недоумѣвать и мѣшать ряды, смущаютъ твердыхъ и препятствуютъ дѣлать свое дѣло даже тѣмъ безстрашнымъ, которые рѣшили напередъ или умереть или побѣдить; такъ и въ духовномъ воинствованіи робкіе и боязливые въ своемъ исповѣданіи вѣры и въ своихъ дѣйствіяхъ по вѣрѣ смущаютъ, заражаютъ страхомъ вѣрныхъ и мужественныхъ и, дѣлая видъ пораженія и отступленія, даже бѣгства тамъ, гдѣ все было готово для побѣды, все болѣе и болѣе вокругъ себя увеличиваютъ всеобщее смятеніе.

Приложите сказанное къ области текущей жизни и наблюдаемой дѣйствительности. Въ общей борьбѣ добра и зла, непрерывно совершающейся въ мірѣ, бываютъ особые времена и сроки, когда такая борьба наиболѣе усиливается и обостряется, когда мы наблюдаемъ какъ бы нѣкоторыя особо напряженныя духовныя битвы, необыкновенно ожесточенныя духовныя сраженія. Несомнѣнно, въ послѣдніе годы мы пережили и переживаемъ такое именно время. И если борцамъ за правое дѣло, за Бога и Его законъ, за религіозно-нравственные устои и основы жизни сынамъ воинствующей на землѣ православной Христовой Церкви нуженъ теперь ободряющій призывъ, поднимающій духъ, выражающій всю сущность необходимаго для нихъ настроенія, то мы можемъ найти его именно въ словахъ нынѣшняго евангелія: „не бойся, только вѣруй!“ Тяжко было положеніе Іаира: дочь умирала; горе охватило его душу; страхъ за смертельный исходъ дорогого существа сковывалъ его сердце. Но пока еще не все было кончено, горѣла вѣра и бодрою была надежда. Учитель и Чудотворецъ съ нимъ идетъ въ его домъ; Онъ уже столькихъ исцѣлилъ,

Онъ уже въ Наинѣ показалъ, что голосъ Его властенъ даже въ мрачномъ царствѣ смерти; только сію минуту, на глазахъ у всѣхъ, Онъ явилъ чудесную Свою силу, исцѣливъ кровоточивую женщину. И вдругъ, на пути это ужасное извѣстіе, поразившее духъ несчастнаго отца, наполнившее его холодомъ отчаянія: „умерла дочь твоя, не безпокой Учителя...“ Ахъ, зачѣмъ этотъ народъ, что тѣснилъ, затруднялъ и замедлялъ шествіе Господа! Зачѣмъ такъ не во-время эта женщина, съ ея просьбою и болѣзью! Сомнѣнія, угасаніе вѣры, духовная растерянность, досада, отчаяніе, горе, безпокойство,— все это обратило состояніе духа Іаира въ одинъ сплошной ужасъ. Но мерцала и теплилась еще вѣра, но не падалъ совсѣмъ духъ, но не отступилъ онъ окончательно, не палъ предъ нависшимъ тяжкимъ горемъ и тяжкимъ искушеніемъ. Еще онъ былъ въ состояніи услышать и принять слово Господне: „не бойся, только вѣруй, и спасена будетъ“, не озлобился, не отвѣтилъ на этотъ призывъ и ободреніе словомъ хулы и безумной злобы, какъ часто бываетъ съ людьми, которыхъ несчастье духовно побѣждаетъ и убиваетъ, что называется, наповаль... И вѣра спасла отъ болѣзни, вѣра не посрамила Іаира; онъ увидѣлъ дочь воскресшею.

Тяжело и нынѣ положеніе людей, борющихся за вѣчныя истины вѣры и жизни, за истины, открытыя Богомъ грѣшному человѣку для его спасенія,— да и какая борьба не тяжка?! Всѣ ли, однако, мужественны, всѣ ли не боязливы?

Страшный натискъ сдѣланъ теперь на самое существо вѣры,—разумѣемъ отрицаніе возможности и необходимости самаго общенія съ Божествомъ. Насмѣшки, издѣвательства, нечистые намеки, прямое и наглое отрицаніе религіи, оскорбленіе святынь и святыхъ, безбожные книжки и листки, безбожныя картины, умѣлое, съ тонкой и ядовитой насмѣшкою раскрытіе темныхъ сторонъ въ жизни церковныхъ дѣятелей и учреждений, открытое и вызывающее на зло Церкви чествованіе безбожника и врага православія Толстого... Все это было и происходитъ на нашихъ глазахъ, весь этотъ походъ на святыни и доселѣ въ полномъ разгарѣ и въ полной силѣ,—и сколькихъ онъ отторгъ отъ Церкви, сколькихъ запу-

галъ и заставилъ боязливо скрывать свою вѣру въ Бога, Христа и Церковь!

Не бойся, вѣрный! Не отступай отъ истины, не прячься отъ врага, не бѣги съ поля битвы! Не смущайся и ядовитымъ обличеніемъ Церкви. Мерзость заустѣнія можетъ быть и на мѣстѣ святѣ, но самое мѣсто остается святымъ и никогда пустымъ не будетъ. Въ древней скинии свидѣнія совершали безобразія сыны первосвященника, но молитвы вѣрныхъ и чудеса Божіей милости совершались попрежнему въ скинии. Среди апостоловъ нашелся Іуда, но весь апостольскій ликъ навѣки славенъ. Среди первыхъ христіанъ были Ананія и Сапфира, но церковь Іерусалима все же была церковью святыхъ. Среди первыхъ вѣрующихъ были раздѣленія и ереси, но чистота истины отъ того и не омрачилась, и не погибла. И нынѣ есть въ жизни пастырей и народа много, и очень много недостатковъ, несовершенствъ, а Церковь вся—все-таки свята и непорочна и она только одна спасаетъ... Такъ умираютъ всѣ люди, и каждый въ отдѣльности, а жизнь человѣческая вообще не прекращается на землѣ!

Не бойся же, вѣрный! Не стыдись признать себя вѣрующимъ, православнымъ и церковнымъ человѣкомъ; не бѣгай за мишурною и гнилою славою, силясь прослыть современнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Не бойся, не бойся защищать и отстаивать Церковь Божію всюду и всегда: въ наукѣ, въ писательствѣ, въ книгѣ, на судѣ, въ общественной службѣ, съ публичной кафедрой, въ государственномъ учрежденіи, въ обществѣ тебѣ близкихъ людей, въ твоей собственной семьѣ, среди свихнувшейся и совратившейся въ сторону невѣрія молодежи! Когда знаменитѣйшій ученый нашего времени ¹⁾ былъ избранъ въ академію наукъ, и когда онъ въ первыхъ словахъ своей, положенной обычаемъ рѣчи заявилъ: „я вѣрую въ Бога“,—всѣ думали, что въ отвѣтъ послышатся глумленія и издѣвательства. На самомъ дѣлѣ всѣ склонились предъ этимъ мужествомъ его, проявленнымъ въ виду ига невѣрія, и голосъ вѣры отозвался въ тайникахъ всѣхъ сердець, ибо и они „не

¹⁾ Пастеръ.

вѣровали“, т.-е., собственно, говорили о своемъ невѣрїи только по малодушію и боязливости.

Какой натискъ тьмы и нечестія сдѣланъ на патріотизмъ въ послѣдніе годы! Какъ злобно современные сыны погибельные отрицали и отрицаютъ всякій долгъ всякаго повиновенія родителямъ, правительству, верховной власти! Мы слышали призывъ къ возстанію, мы слышали брань по отношенію ко всѣмъ власть имущимъ, мы слышали приглашенія перебить всѣхъ богатыхъ и властныхъ и на развалинахъ разрушеннаго порядка, на крови и гибели убитыхъ воздвигнуть новое счастье. Голоса злобы, зависти и ненависти вопили о томъ, что любовь къ отечеству есть не только ненужный пережитокъ, но прямо преступленіе, что народности родной, близкой и любимой не должно существовать, что вѣрность долгу, присягѣ, охотное и любовное повиновеніе власти есть признакъ отсталости и глупости. Бороться съ правительствомъ, бранить его и всѣхъ выше стоящихъ, нещадно критиковать и осуждать ихъ дѣйствія, — это стало дешевымъ и всѣмъ доступнымъ средствомъ прослыть человѣкомъ понимающимъ и годнымъ къ тому, чтобы замѣстить собою изгоняемыхъ носителей власти. Хуже всего то, что при этомъ ссылались на ученіе христіанское, на самое евангеліе, отрицая, на основѣ евангелія, всякое наказаніе за преступленіе и право власти карать преступниковъ, — какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ Спаситель и Его апостолы отвергали и родину, и государство, и правительство, и порядокъ царствъ человѣческихъ, который немислимъ безъ суда и строгихъ наказаній среди людей, склонныхъ къ грѣху и пороку.

И сколько оказалось боязливыхъ! Сколько нашлось людей, которые не смѣли возстать противъ рѣчей безумія и насилія, и молчаніемъ, попустительствомъ, бездѣйствіемъ, трусливымъ одобреніемъ такихъ рѣчей толкнули преступниковъ на преступленія, отравили и соблазнили души ближнихъ ложью и сомнѣніями.

Не бойся, вѣрующій! Стой на-стражѣ и исполненіи своего долга, не ломай присяги царю и родинѣ, не ищи ограниченія чужихъ правъ, чтобъ усилить этимъ свои собственныя, — боль-

ше того: и не ищи только своихъ правъ, ищи прежде своихъ обязанностей, не увлекайся мыслью и желаніемъ самому потянуться къ власти и вліянію, отгѣснивь и ограничивъ власть законную. Не бойся явиться вѣрнопопданнѣмъ, другомъ власти, а не ея врагомъ, не бойся прослыть за это необразованнымъ и непонимающимъ ничего въ „новомъ государствѣ“, въ „новомъ общественномъ строѣ“. Лучше быть въ старомъ строѣ жизни, но съ Богомъ и при вѣрности Его закону и своему долгу, чѣмъ жить какимъ-то новымъ строемъ, но безъ Бога и Его святыхъ велѣній. Эта новость очень стара: она современна искушенію прародителей сатаню.

Какой натискъ сдѣланъ на всю область добродѣтели и нравственности христіанской въ наши тяжелые дни!

Честность объявлена предразсудкомъ; убійство ради политическихъ цѣлей признано геройствомъ; воровство, грабежъ—законнымъ и необходимымъ явленіемъ; обманъ и ложь, клевета устная и печатная называются вполне понятною и допустимою „тактикою“ и принятымъ средствомъ борьбы съ противниками; повиновеніе родителямъ—отжившая глупость, чистота и цѣломудріе—выдуманная и ненужная тягота. Самая нравственность объявлена временною и условною, смотря по тому, что данные люди въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ считаютъ нравственнымъ или порочнымъ. При такомъ возрѣніи прежній порокъ сталъ добродѣтелью по новымъ ученіямъ, а христіанская добродѣтель признана или порокомъ или вредною глупостью. Шумъ такъ великъ, увлеченіе кругомъ столь великое и безумное, проповѣдь низости, особенно въ еврейской печати,—а она почти вся еврейская,—такая наглая, натискъ на вѣчную святыню христіанской правды и богоугожденія столь силенъ и рѣшителенъ, что падшихъ оказалось множество, а людей, способныхъ поднять голосъ противъ всеобщаго умопомѣшательства, едва видное число. Газеты самыя низкія и безнравственныя покупаются и читаются, приносятся въ домъ, развращаютъ семью; безстыдные рассказы, картины, безчестныя и безнравственныя разсужденія нагло и торжествующе выставляются на-показъ, не стыдятся свѣта и добрыхъ людей, попадаютъ въ руки молодежи,—а тѣ

книги, газеты, картины, которыми люди вѣрующіе и нравственные борются съ этимъ ужасающимъ разливомъ зла, наши современники боятся взять въ руки, читаютъ тайкомъ, или, не читая, успокаиваютъ себя тѣми клеветами, которыя относительно ихъ распространяютъ враги, не стѣсняющіеся ни въ какихъ средствахъ борьбы. Они ждутъ, эти малодушные люди, ждутъ, пока дьяволъ станетъ проповѣдывать Христа! Они ждутъ, пока зло будетъ хорошо говорить о добрѣ! Тогда только они пойдутъ за Христомъ и Его свѣтомъ!

О, не бойся, не бойся, вѣрный! И словомъ, и жизнью благовѣстуй высоту, и чистоту, и святость, и сладость, и спасительность нравственного христіанскаго закона. Давай отпоръ гнилымъ словамъ и сужденіямъ о добродѣтели. Брось малодушіе и страхъ предъ врагами истины, взявшими засилье только потому, что кругомъ ихъ не видится отпора, нѣтъ смѣлаго сопротивленія.

Откуда эта боязнь? Откуда малодушіе?

Изгоняетъ страхъ вѣра, изгоняетъ страхъ совершенная любовь (1 Іоан. IV, 18). Укрѣпляемый вѣрою христіанинъ силенъ сказать: не боюсь, ибо Господь—сила моя (Ис. XII, 2); не боюсь, что сдѣлаетъ мнѣ человекъ (Пс. 55, 12). Страхъ же вашего не убоимся и не смутимся, Господа же нашего Того освятимъ, и Той будетъ намъ въ страхъ...

Но этотъ страхъ Господень, страхъ любящаго сына, совсѣмъ не то, что рабій и унижающій страхъ предъ людьми, требующій отреченія отъ свѣта ради тьмы, требующій молчанія тамъ, гдѣ надо говорить, и подавленія голоса совѣсти, взывающаго о Богѣ, о вѣрности и святости.

Жизнь наша вокругъ полна именно такимъ ничтожнымъ, низменнымъ, животнымъ страхомъ. Но не бойся, только вѣруй,—и она спасена будетъ. Не бойся, только вѣруй, и твоя необязанность, христіанинъ, призывнымъ словомъ ободренія и примѣромъ мужества воспламенитъ сердца малодушныхъ и боязливыхъ.

Но кто мы, спросите невольно, кто мы, малые обычные люди, и развѣ можемъ мы поворотить теченіе жизни и измѣнить ея русло?

А кто же, какъ не простые вѣрующіе, которые не боялись, а только вѣрили, повернули жизнь древняго міра на новое русло христіанства и сокрушили мощь язычества, закованнаго во всё деспѣхи міра и облеченнаго всёми возможными чело-вѣческими силами? И развѣ не рыбаки-апостолы покорили Христу царей и царства?

Наше дѣло—бороться со зломъ, въ окрыленіи вѣры и любви; наше дѣло—творить свой долгъ. А побѣду дастъ Самъ Господь. Таково Его обѣтованіе: Его сила въ нашей немощи совершается (2 Кор. XII, 10). Не бойся, малое стадо: Отецъ благоизволилъ даровать вамъ царство! (Лук. XII, 32). Аминь.

Религіозное начало жизни.*

Рѣдкимъ людямъ дано проникать въ глубь и сокровенный смыслъ тѣхъ или иныхъ событій и вскрывать за ними самое существо жизни. Огромное большинство довольствуется ея поверхностнымъ обзоромъ, не умѣетъ сопоставлять слѣдствій съ общими причинами и причинъ со слѣдствіями, не можетъ опредѣлить и намѣтить живую связь, существующую между всёми явленіями человѣческой исторіи и человѣческой дѣятельности.

Съ этой послѣдней мелкой и мало продуманной точки зрѣнія многіе смотрятъ теперь на евангельскія и вообще свя-щенно-историческія событія и, обсуждая ихъ при такомъ настроеніи, естественно, недоумѣваютъ: какой же ихъ смыслъ и зачѣмъ нужно почитать ихъ празднованіемъ? Что намъ, спрашиваютъ,—что намъ говоритъ, напримѣръ, Введеніе Дѣвы Маріи во храмъ? Почему это достойно ознаменовывать праздни-комъ и притомъ великимъ? Въ какомъ отношеніи это инте-ресно и поучительно, съ точки зрѣнія широкихъ и міровыхъ

* Всѣгда въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, для образован-ныхъ слушателей, 21 ноября 1908 года.

плановъ и предначертаній жизни? Дѣтскій праздникъ и поучительный только для дѣтей, одна изъ подробностей жизни Дѣвы Маріи, не занесенная даже въ евангеліе, общепринятый обычай древняго времени воспитывать дѣтей въ храмѣ: вотъ, говорятъ, и все, что можно сказать объ этомъ событіи.

Не такъ смотритъ на него Церковь. Мы знаемъ ея богослужебные гимны, какими она украшаетъ свои праздники. Если бы знали и вдумывались въ нихъ, то всегда получили бы въ нихъ одну яркую, опредѣленную мысль, изъясняющую сущность того или другого событія и праздника. Тогда увидѣли бы, напримѣръ, что праздникъ Рождества Богородицы—это сплошная пѣснь радости и, кажется, только торжество Пасхальныхъ пѣсней превосходить эту радость. Тогда увидѣли бы, что праздникъ Введенія Богоматери во храмъ есть возвышенное поученіе пѣсней церковныхъ о Божественномъ Промыслѣ: святая Церковь видитъ это событіе въ древнихъ пророчествахъ, вызываетъ Давида бряцать въ гусли, говоритъ объ его видѣніи: какъ приведется Царю дѣвы вслѣдъ Ея, Преподобной Дѣвы, ближнія Ея приведется внутрь скинии Божіей, внидутъ во храмъ Царевъ... Святая Церковь основную пѣснь праздничную и начинаетъ и заключаетъ исповѣданіемъ дѣйствій Промысла: „Нынѣ предъизображеніе Божьяго благоволенія, и проповѣдь спасенія людей. Радуйся ты, полнота Смотрѣнія, т.-е. Промысла Зиждителя!“

Уже съ этой стороны праздникъ нынѣшній исполненъ глубокаго поученія, тѣмъ болѣе глубокаго и умилительнаго, чѣмъ болѣе сердце наше вѣруетъ въ Бога, чувствуетъ Его ведущую міръ и человѣчество руку, чѣмъ болѣе сознаетъ человѣкъ, что міръ—это не бессмысленный водовородъ случайныхъ и безсвязныхъ явленій и событій, а разумный ходъ Божественнаго и вѣчнаго Домостроительства, въ которомъ разумно-нравственное существо—человѣкъ занимаетъ свое достойное мѣсто.

Исполненъ на всѣ вѣка поучительности нынѣшній праздникъ для родителей и дѣтей, указывая имъ, гдѣ и какое нужно давать воспитаніе человѣку отъ дней ранняго отрочества и до самой смерти: ибо престарѣлые Іоакимъ и Анна,

съ одной стороны, и малолѣтняя дочь ихъ Марія, съ другой, окруженная сверстницами, т.-е. кончающіе земное поприще и начинающія его,—всѣ сошлись подъ кровомъ храма, въ осѣненіи его святыни, предъ служителемъ Божиимъ.

Однако, мы не могли бы кончить слова, если бы стали перечислять всѣ тѣ поучительные уроки и выводы, которые даетъ намъ нынѣшній праздникъ. Склонимъ рѣчь къ тому одному предмету, о которомъ намъ, на основаніи только-что сказаннаго, и въ виду потребностей переживаемаго времени, особенно хочется говорить сегодня.

И вѣра въ Промыслъ, управляющій жизнью міра и человѣка, и наглядный примѣръ того, какъ эта вѣра осуществляется въ дѣйствительности, въ лицѣ Іоакима и Анны и Пречистой Дѣвы Маріи, явившихся въ храмъ,—все это громгласно проповѣдуетъ человѣку о томъ, что религиозно-нравственное начало жизни—вотъ что должно проницать и какъ бы пропитывать собою всю совокупность дѣйствій человѣческихъ, все направленіе и настроеніе жизни. То, что сдѣлали Іоакимъ и Анна,—не случайность и не ихъ прихоть. Какъ въ цѣли отдѣльныя кольца и звенья только кажутся отдѣльными, на самомъ же дѣлѣ они связаны, и потянуть одно кольцо, значитъ—тронуть и двинуть всю цѣпь: такъ въ жизни человѣка, если она не исполнена безумія и безсмыслія, отдѣльныя явленія ея стоятъ между собою въ связи, и, взявши одно изъ нихъ, вдумчивому и наблюдательному изслѣдователю можно и даже неизбѣжно нужно дойти до основной почвы, на которой построена вся духовная жизнь. Безконечно разнообразна пища для тѣла: но одинаковы законы ея усвоенія организмомъ, одинаковы законы тѣлеснаго питанія и возрастанія. И въ міровой физической жизни, наряду съ безчисленными мелкими явленіями, разнообразными и преходящими, мы несомнѣнно знаемъ и открываемъ величественные длительные законы, основные и устойчивые, въ полномъ смыслѣ міровые и относительно вѣковѣчные.

То же самое значеніе духовной жизни имѣютъ вѣра въ Бога, въ Его Промыслъ и въ возможность общенія человѣческаго духа съ Божествомъ, въ безсмертіе этого духа; въ об-

ласти же нравственной и связанной съ нею жизни семейной, общественной и государственной, какъ въ области прикладной и вытекающей изъ вѣры, такое же значеніе имѣетъ религіозное начало, которымъ окрашивается и направляется, осмысливается и возвышается вся дѣятельность человѣка. Тотъ, кто не имѣетъ его,—тотъ совершенно не въ состояніи дать своей собственной жизнедѣятельности разумныхъ устоевъ; съ другой стороны, онъ не въ состояніи понять чужую жизнь, если она покоится на религіозномъ началѣ. Никакими искусственными мѣрами нельзя усвоить себѣ такого строя жизни: здѣсь нужны собственныя глубокія религіозныя переживанія, собственный духовный опытъ. Такъ, нельзя думать, что можно питать собственное наше тѣло тѣмъ однимъ, что другой человѣкъ употребляетъ сытную пищу... „Ибо кто, спрашиваетъ апостолъ,—кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судить обо всемъ, а о немъ судить никто не можетъ“ (1 Коринѣ. II, 11, 14—15).

Какъ часто и, прибавимъ, какъ иногда грозно осуществляется сказанное апостоломъ въ окружающей насъ жизни! Тысячелѣтнимъ какъ бы отложеніемъ жизни въ вѣрѣ и тысячелѣтнимъ служеніемъ религіозному началу нашъ православный русскій народъ,—какъ древній Израиль, послѣ тысячелѣтняго воспитанія, ко времени Іоакима и Анны, т.-е. въ лицѣ лучшихъ людей и носителей народной души,—нашъ народъ создалъ себѣ религіозно-церковный и религіозно-нравственный строй жизни. Это—душа народа. Она отобразилась въ его міровоззрѣніи, въ его семьѣ, въ формахъ государственнаго устройства и общественной жизни, въ его воззрѣніяхъ на власть; она блещетъ въ характерѣ его сужденій и взглядовъ на всѣ стороны жизни, въ его обычаяхъ и во всемъ укладѣ. Можетъ ли понимать такое его „духовное“ настроеніе, выражаясь языкомъ апостола,—человѣкъ „душевный“? При всемъ умѣ, при всей такъ-называемой культурности, для ду-

шевнаго человѣка непонятенъ и невоспріемлемъ складъ жизни духовной, какъ слѣпому отъ рожденія, при всемъ его возможномъ умѣ и другихъ дарованіяхъ, непонятно различіе цвѣтовъ. И если мы никакими усиліями воображенія не можемъ представить себѣ и создать невиданнаго цвѣта и неслыханнаго звука, хотя и имѣемъ органы зрѣнія и слуха и ими совершенно правильно и много работали, и даже знакомы со многими цвѣтами и звуками,—то тѣмъ болѣе этотъ законъ примѣнимъ къ области духовной жизни цѣлаго народа. Какъ часто именно поэтому, вслѣдствіе такого непониманія того, что называется народной психологіей, впадаютъ въ грубыя и непростительныя ошибки многія лица, иногда даже призванныя управлять народомъ! И въ формахъ управленія, въ формахъ власти, и въ широкихъ политическихъ планахъ, и въ реформахъ жизни, похотью которыхъ одержимо наше время, и въ оцѣнкѣ cadaго жизненнаго явленія, любого народнаго собранія, этихъ богомоленій, крестныхъ ходовъ, особенностей нашего богослуженія и проч.,—всюду и всегда надобно считаться съ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ народа, основаннымъ на пониманіи самаго христіанства,—въ смыслѣ православнаго христіанства, глубоко усвоившаго ученіе Христова, какъ заповѣдь смиренія, подвига и самоотреченія. И тамъ, гдѣ душевному человѣку кажется одна глупость, тамъ духовный видитъ несказанную высоту; и, наоборотъ, тамъ, гдѣ душевный приходитъ въ восхищеніе, при видѣ того, или иного явленія жизни, тамъ духовный иногда не видитъ ничего, кромѣ изощренной животности.

Отвѣчаетъ одинъ и другой мальчикъ молитву. Одинъ прочиталъ медленно и запинаясь, а потомъ ничего не объяснилъ словами на вопросы объ ея смыслѣ; другой прочиталъ бойко и на каждый вопросъ по части объясненія молитвы отвѣчалъ быстро и складно, по-школьному. „Кто изъ нихъ лучше знаетъ?“—спрашиваютъ крестьянина, желая показать ему плоды и блескъ школьнаго обученія. Крестьянинъ увѣренно отвѣтилъ: „первый лучше читалъ; знаемъ мы обоихъ мальцовъ: одинъ читалъ со страхомъ, а другой—безъ страха“. Вотъ оцѣнка духовная!

Ученѣйшій и благородный нѣмецъ, по вѣрѣ лютеранинъ, объяснялъ крестьянамъ всѣ выгоды какого-то вида хозяйства. „Будете, говорить, богаче, будете и сыты, тогда и храмъ вашъ не такой бѣдный будетъ; вѣдь сытый человѣкъ и Богу помолится охотно, и время у него на это есть“. „Видно, изъ нѣмцевъ“, замѣтили благодушно крестьяне: „такъ и видно, что у нихъ постовъ нѣтъ!“

Сынъ бѣдной дьячихи, единственный, вся надежда матери, приглашенъ былъ на лѣто къ сосѣдней богатой помѣщицѣ учить ея сына; пошли прогуливаться въ лѣсъ учитель и ученикъ, стали охотиться, и тутъ случилось несчастіе: ученикъ нечаянно застрѣлилъ учителя, и потомъ, въ припадкѣ отчаянія, и самъ застрѣлилъ себя. Горе помѣщицы-матери не поддавалось описанію. Къ ней пришла бѣдная дьячиха, мать убитаго единственнаго кормильца, и, земно кланяясь, просила у нея прощенія себѣ и своему убитому сыну... Съ чувствомъ негодованія рассказывала миѣ объ этомъ тяжеломъ случаѣ одна очевидица происшедшаго, очень образованная женщина: она не находила словъ осудить глупость, заботость и приниженность дьячихи. Рассказчица была нѣмка-лютеранка; ей не въ мочь души было понять поступокъ сельской русской женщины... „Это способенъ дѣлать только тотъ народъ, который могъ терпѣть Грознаго, не возставая на него“,—говорила съ презрѣніемъ образованная нѣмка. „Это все можетъ дѣлать только православный народъ“,—говорили мы ей въ отвѣтъ, поклоняясь смиренію и красотѣ русской души народной.

Горе тому, кто, подобно удушенному недостойному петроградскому бывшему священнику, вздумалъ бы обратить въ орудіе преступнаго замысла религіозное движеніе и религіозное настроеніе народа... Но и тому народному дѣятелю горе, который духовной сущности жизни народа ни знать, ни понять не хочетъ и не можетъ. Таковы многіе и многіе дѣятели и учителя, которыхъ можно назвать не народными, а „интеллигентными“: противоположеніе, понятное только на почвѣ печальной русской дѣйствительности, съ ея раздвоеніемъ на жизнь народа и жизнь интеллигенціи...

Итакъ, тамъ, гдѣ одному представляется въ жизни бо-

гоноснаго народа безсмыслица, невѣжество и даже нарушеніе порядка, тамъ другой, чуткій и сродный духомъ своимъ духу народному, увидить совѣмъ другое. Оттого-то и бываетъ, что собраніе богомольцевъ разсматривается, какъ нарушеніе порядка и даже угроза порядку; оттого-то при реформахъ жизни народа могутъ дать ему правила и устройство, которыя являются приблизительно такими же предпріятіями, какъ представленіе для рыбы луговъ, а для лошадей — дна морского; оттого и забываютъ, что въ жизни русскаго народа единственными мѣстами для общественныхъ собраній были не залы, не политическіе клубы, а храмы; что единственными и самыми величественными собраніями были не западно-европейскіе митинги, а богомоленія и молитвенныя собранія; единственнымъ ораторствомъ — церковное слово; единственной партіей — партія Господа и Христа Его и единственнымъ союзомъ — святая Церковь, которая должна, по народному воззрѣнію, проницать собою государство и тѣмъ его осмысливать, возводить къ высшему назначенію, укрѣплять и дѣлать причастнымъ къ величественному обѣтованію о неодолимости Церкви ниже вратами ада. И назвать все это „клерикализмомъ“, значитъ опять-таки показать всю отчужденность отъ народнаго духа, непониманіе его и умѣнье все оцѣнивать только понятіями и словами чуждаго Запада. „Душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ!“

Слава Богу, даровавшему намъ счастье принадлежать къ богоносному и Христоносному русскому народу! То, что для другихъ открывается лишь послѣ долгихъ лѣтъ опыта и скитаній душевныхъ, и притомъ въ отдѣльныхъ только личностяхъ, то намъ дается, какъ готовое наслѣдіе предковъ, строившихъ и построившихъ домъ нашего царства на камени вѣры, — и притомъ для цѣлаго и великаго народа. И были бури, и устремлялись вѣтры, и было ненастье, и разливались потоки водъ, и налегли на домъ тотъ, и онъ не упалъ. (Матѣ. VII, 25). Что же намъ теперь дѣлать? Неужели оставить это крѣпкое и надежное убѣжище и промѣнивать его на легкія и ежедневно гибнущія строенія, основанныя на пескѣ, пада-

юція при первой опасности? Счастливы мы, что причастны къ духовному сокровищу, къ душѣ народной и религиозному началу жизни. Такъ устроена и воспитана душа русская, что даже далеко отошедшая на путь грѣха и скитающаяся по чуждымъ нажитямъ, она не остается равнодушною, не можетъ не отвѣтствовать на звуки родного и сроднаго міра. Этотъ міръ—Богъ, Христосъ, Церковь, благодать, молитва, подвигъ, освященіе жизни высшимъ освященіемъ Христовымъ, вѣрою, любовью, смиреніемъ.

И пусть вѣчнымъ введеніемъ во храмъ Господень будетъ жизнь и исторія и всего нашего безконечно любимаго русскаго народа, и cadaго изъ насъ въ отдѣльности, дабы намъ Богу воспитаться въ Божественное жилище. Тогда ясно прошлое, полно смысла настоящее и исполнено отрады будущее. Тогда открытъ смыслъ радости и страданія, смыслъ жизни и смерти. Все освѣтитъ религиозное начало жизни. Ибо Богъ, — только Богъ есть свѣтъ, и тѣмы въ Немъ нѣтъ ни единыя (1 Іоанн. I, 5)! Аминь.

Христіанство и социальный вопросъ.*

Нѣкто изъ народа сказалъ Ему: Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлялъ со мною наслѣдство.

Онъ же сказалъ человѣку тому: кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ?

При этомъ сказалъ имъ: смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ избытка имѣнія его (Лук. XII, 12—15).

Есть религія, которая въ буквальномъ смыслѣ слова говоритъ о *раздѣленіи имѣній и наслѣдства* между людьми. Въ мусульманствѣ предусматрѣна и опредѣлена вся жизнь чело-

* Слово въ недѣлю 26-ю по Пятидесятницѣ. Сказано въ Полтавѣ 30 ноября 1908 г., при архіепископскомъ священнослуженіи.

вѣка, общественная и государственная. Коранъ указываетъ объемъ и права верховной власти, намѣчаетъ основы и подробности суда, указываетъ наказанія за преступленія, даетъ законы о раздѣлѣ наслѣдства, о приданомъ для жены, о передачѣ и распредѣленіи его въ случаѣ развода, предусматриваетъ распри дѣтей отъ разныхъ женъ, указываетъ мѣсто въ государствѣ для судей и подсудимыхъ, для различныхъ чиновъ государственной службы...

И многимъ кажется, что такое свойство религіи, точность указаній на порядки жизни, есть великое ея достоинство и заслуга. И многіе, особенно въ нынѣшнее время, когда такъ высоко подняты и напряжены интересы государственнаго и общественнаго переустройства, многіе, даже и не враждебные къ христіанству люди съ тоскою и сожалѣніемъ говорятъ: отчего христіанство не дало и не даетъ намъ такихъ неоставляющихъ сомнѣнія указаній государственнаго и общественнаго строя, отчего мы не имѣемъ точнаго и яснаго, закрѣпленнаго высшимъ авторитетомъ вѣры, вѣшняго порядка жизни? И что это значитъ и почему такъ случилось, что на вопросъ, столь простой и вмѣстѣ столь важный для одного изъ послѣдователей Иисуса Христа, о раздѣленіи наслѣдства Божественный Учитель уклонился дать отвѣтъ? Зачѣмъ Онъ это сдѣлалъ? Почему и въ апостольскихъ писаніяхъ мы не находимъ даже и намека на разрѣшеніе столь жизненныхъ и ежедневныхъ вопросовъ и явленій? Неужели искусственно можно на нихъ закрывать глаза? Неужели отъ нихъ можно уйти и спрятаться?

Исторія человѣческая даетъ намъ на всѣ эти вопросы, въ сущности, на одинъ вопросъ, весьма вразумительныя разъясненія; и она прежде всего даетъ намъ безпристрастное оправданіе возрѣвній христіанства.

Да, мусульманство, какъ созданіе человѣческое, предусмотрѣло и опредѣлило всѣ мелочи человѣческой жизни. И нужно признать, что для племенъ дикихъ, не имѣвшихъ никакого или почти никакого общественнаго и государственнаго устройства, жившихъ родовымъ бытомъ, оно дало устойчивость и, такъ-сказать, скелетъ жизни, оно спасло ихъ отъ грозящаго безначалія, распада и гибели. Оно дало имъ очень

стройный внѣшній порядокъ, оно дало имъ тѣ необходимыя рамки, въ которыя и заключило всю жизнь; оно освятило эти рамки жизни и формы ея, закрѣпило ихъ высшимъ авторитетомъ, сдѣлало для всѣхъ своихъ послѣдователей обязательными, принудительными и навсегда неизмѣнными. Оттого жизнь мусульманскихъ народностей такъ поражаетъ наблюдателя своимъ единообразіемъ и внѣшнимъ порядкомъ; оттого религіозному человѣку, какой бы онъ религія ни былъ, просто отрадно смотрѣть, какъ могущественно дѣйствуетъ религіозное начало и какъ ярко оно проходитъ и отображается въ укладѣ и строѣ жизни семьи, государства и общества у мусульманскихъ народностей.

Но исторія же свидѣтельствуетъ, что такая заслуга мусульманства была временною и обманчивою. Рамки жизни, имъ указанныя, оказались неподвижными, въ нихъ не осталось мѣста для духа, не было заложено сѣмени и ростка для дальнѣйшаго развитія. И когда народы мусульманскіе, послѣ нѣсколькихъ столѣтій возбужденнаго фанатизма и единообразія внѣшней жизни, переросли указанныя рамки, то имъ оставалось одно изъ двухъ: или, сохраняя, по чувству обязующаго религіознаго благоговѣнія, данныя рамки жизни, погрузиться въ полную неподвижность, въ духовный застой и въ спячку, чтобы духовно умереть, или... отвергнуть самый исламъ, его заповѣдный строй жизни и, чаще всего напередъ переживъ равнодушіе религіозное и даже безбожіе, идти къ христіанству, какъ вѣчно жизненной, не человѣческой, а Божественной религіи. Такъ пыленокъ въ яйцѣ, когда развивается, то или умереть, если скорлупа окажется слишкомъ тверда, или разрушить скорлупу, чтобы выйти къ жизни. Такъ рѣка отъ прибыли воды разрываетъ оковы льда... Исламъ, желая создать, укрѣпить общественную и государственную жизнь, тѣмъ самымъ убилъ ее. Исторія прошлая и наблюденія надъ настоящимъ состояніемъ мусульманскихъ народностей вполне подтверждаютъ этотъ выводъ.

Совершенно иной путь и иной духъ христіанства. Какъ бы ни были остры такъ-называемые соціальные вопросы,—просьба о раздѣлѣ имущества относится къ нимъ,—христіанство

непосредственно и прямо ими не занимается. Не занимается оно прямо и непосредственно и современными жгучими вопросами социального строя, о трудѣ и капиталѣ, о богатствѣ и бѣдности, о распредѣленіи имущества. Христіанство даетъ только общіе законы, общія и вѣчныя основы и правила жизни, и этимъ попутно разрѣшаетъ всякій современный вопросъ и всякій возможный вопросъ будущаго.

Христіанство вѣчно-жизненно и постоянно будетъ вдохновлять своихъ послѣдователей къ тому, чтобы при всѣхъ измѣненіяхъ окружающей жизни сообщать ей христіанскій обликъ и характеръ; оно есть источникъ единственнаго возможнаго, чисто-нравственнаго улучшения общественныхъ отношеній, причемъ оно не отдѣляетъ задачъ гражданскихъ и общественныхъ отъ задачъ личнаго нравственнаго совершенства христіанина. Оно не признаетъ могущества и спасительности однѣхъ только внѣшнихъ формъ жизни безъ духа вѣры и нравственнаго воодушевленія, безъ нравственнаго развитія и совершенства. Современные мудрецы, напримѣръ, въ лицѣ социалистовъ, увѣряютъ, что стобитъ лишь передѣлать формы жизни, произвести преобразование по ихъ плану, раздѣлить чисто-внѣшнимъ образомъ поровну имущества между людьми,—и счастье людей обеспечено. Христіанство со всею силою отвергаетъ такое мудрованіе. Если отдѣльные люди остаются злыми, завистливыми, насильниками, безчестными, чувственными, то при какихъ угодно формахъ жизни они не составятъ изъ себя общества благоустроеннаго, мирнаго и счастливаго. Какой безумецъ, строя домъ изъ дерева, будетъ ожидать, что въ концѣ постройки домъ окажется каменнымъ? Такъ, по выраженію одного ученаго, и изъ свинцовыхъ инстинктовъ нельзя сдѣлать и ожидать золотого поведенія...

Не слѣдуетъ ли, однако, Церкви все-таки имѣть свою экономическую программу, хотя бы только къ современнымъ общественнымъ потребностямъ и настроеніямъ?

Думаемъ послѣ всего сказаннаго, что это равно вопросу: не слѣдуетъ ли Церкви имѣть и свою медицину для облегченія больныхъ, и свое кулинарное искусство для накормленія голодныхъ? Экономическія теоріи временны и измѣнчивы, а

Церковь вѣчна. Можетъ ли она, закрѣпляя данныя экономическія нужды, считать предложенный тотъ или другой способъ ихъ разрѣшенія единственнымъ и вѣковымъ, какъ это повторяютъ теперь, напримѣръ, социалисты съ фанатическимъ упорствомъ? Но это значило бы унижать Христа и христіанство. По выраженію одного ученаго, Иисусъ Христосъ не былъ философомъ или государственнымъ мужемъ, не былъ физикомъ или политико-экономомъ. Поэтому Онъ не завѣщаль и опредѣленной социальной системы. Онъ и Его ученіе—выше системы. Но это не значить, чтобы складъ общественной жизни стоялъ самъ по себѣ, а отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ, ибо общество, повторяемъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, а сумма слагаемыхъ положительныхъ не можетъ представляться числомъ отрицательнымъ. И если Христосъ поднималъ, очищалъ, освящалъ каждую отдѣльную душу, и если это же самое, продолжая Его дѣло, творить въ вѣкахъ и народахъ Его Церковь: то тѣмъ самымъ вѣрнѣе всякихъ реформъ устрояется и улучшается общественная жизнь. Самыя реформы, ихъ существо, содержаніе и направленіе, только тогда и благодѣтельны, если онѣ отображаютъ въ себѣ такое именно нравственно-религіозное развитіе и возвышеніе каждого отдѣльнаго христіанина и всего христіанскаго общества. Приведемъ здѣсь разсужденіе по этому поводу другого ученаго. „Мы должны, говоритъ онъ, безъ колебанія признать, что на сердцѣ Иисуса болѣе лежало раскрыть человѣческой душѣ ея отношенія къ Богу, чѣмъ реорганизовать человѣческое общество. Иисусъ прежде всего былъ не реформаторъ, но пророкъ, не агитаторъ съ какимъ-либо планомъ, но проповѣдникъ съ вдохновенными прозрѣніями. Его служеніе было религіознымъ служеніемъ. Его главнымъ стремленіемъ было — сдѣлать яснымъ для человѣческой души, въ какомъ отношеніи она находилась къ ея небесному Отцу. „Господи,—говорятъ ученики,—покажи намъ Отца, и довольно для насъ“ (Іоан. XIV, 8).

„Евангеліе,—говоритъ еще одинъ великій ученый,—хочетъ не улучшать, но спасать, искуплять. Отношеніе Иисуса Христа къ вопросу социальному было иногда сдержанное, какъ-будто Онъ желалъ освободиться отъ социальныхъ вопросовъ, которые

неволью напрашивались на Его вниманіе. „Человѣкъ,—говорить Онъ,—кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ?“ (Лук. XII, 14). Эти слова показываютъ намъ, что Онъ не присваивалъ Себѣ права предпринимать раздѣленіе собственности. Также Ему было несвойственно измѣнять формы правленія: „Воадавайте кесарево кесарю“ (Мате. XXII, 21). Такъ естественно было бы осудить пороки вокругъ Него, уничтожить политическое насиліе или социальную несправедливость, но Иисусъ не вдается въ эти социальные спорные вопросы Своего времени. Со свойственнымъ Ему спокойствіемъ Онъ разрѣшаетъ ихъ; Онъ не остается къ нимъ равнодушнымъ, но Свой взоръ Онъ твердо направилъ на конечную цѣль, въ которой всѣ эти социальные нужды найдутъ свое собственное разрѣшеніе. Социальные вопросы Ему, такъ-сказать, попадаются на Его пути и при случаѣ Онъ обсуждаетъ ихъ, но безъ системы. Когда Ему встрѣчается такой вопросъ, Онъ обращается не къ нему, но къ нравственному закону, который лежитъ въ основѣ социального вопроса. Его просили обсудить специальный вопросъ о наслѣдствѣ, а Онъ отвѣчаетъ на болѣе великій вопросъ—о любви къ деньгамъ: „смотрите, берегитесь любостыжанія“ (Лук. XII, 15). Итакъ, если ты усвоилъ ученіе Господа Иисуса, ты вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ себѣ и всѣ вопросы жизни. Если у тебя есть вѣра въ Бога, не станешь ты увлекаться безбожнымъ ученіемъ тѣхъ экономическихъ теорій, которыя всю суть жизни видятъ въ одной плоти и землѣ. Если ты имѣешь любовь къ людямъ, ты не пойдешь за социализмомъ по его пути порабощенія личности въ человѣкѣ и грубаго насилія. Если у тебя предъ глазами правило, что жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его, то для тебя сразу поблекнетъ и лишится обаянія самый идеалъ социализма, говорящаго только о раздѣленіи имуществъ. Если ты вѣришь и знаешь, что Царь и власть отъ Бога учинены суть, ты не будешь революционеромъ. Если ты знаешь, что блаженнѣе отдавать, чѣмъ принимать, то не отдашь всю жизнь и всѣ свои интересы на то, чтобы отвоевать себѣ право и права, управление и законодательство. Всѣ эти и подобные вопросы Спаситель прямо и непосредственно не разсматриваетъ, но Онъ даетъ ключъ къ

ихъ разрѣшенію. Короче, Иисусъ Христосъ не желаетъ чрезъ склоненіе къ соціальному ученію отвлекаться отъ Своего особеннаго служенія—духовнаго оживленія, которое принести Онъ призванъ. Отъ христіанства требуютъ, чтобъ оно дало человѣку чашу холодной воды, а оно вмѣсто этого даетъ и открываетъ людямъ цѣлую рѣку, вѣчно водную и глубокую: бери изъ нея всякій чашею, сколько хочешь и сколько вмѣстить можешь... Практическая наука знаетъ многіе процессы, въ которой достигаются иной разъ несомнѣнные результаты, извѣстные подъ именемъ побочныхъ продуктовъ; на пути, который ведетъ къ желанной конечной цѣли, они большею частью отбрасываются или перегоняются (какъ бы перескакиваютъ). Иногда эти побочные продукты бываютъ чрезвычайной цѣнности, но, тѣмъ не менѣе, они достигаются только случайно. Вотъ такимъ побочнымъ продуктомъ является и соціальное ученіе Иисуса. Оно не было цѣлью, на которую было направлено Его служеніе, оно образовывалось только въ то время, когда Онъ исполнялъ вышеупомянутое служеніе. Если хотятъ въ первой линіи выставить евангеліе, какъ программу соціальной реформы, то это значило бы побочный результатъ принимать за главное дѣло, и въ то время, какъ при этомъ побуждались желаніемъ найти для Иисуса Христа мѣсто въ современномъ мірѣ, лишались бы того, что обезпечиваетъ за Нимъ мѣсто во всякое время." Въ другомъ мѣстѣ своей книги тотъ же ученый ¹⁾, говоря о необычайномъ объемѣ ученія Иисуса Христа и приложимости христіанства ко всѣмъ временамъ, событіямъ и формамъ жизни, выясняетъ свою мысль очень красивымъ образомъ, сравнивая христіанство съ легендарнымъ „шатромъ фей“.

„Если ставили чудесный шатеръ въ замкѣ короля, то онъ не былъ слишкомъ великъ для самой небольшой комнаты; если переносили его во дворъ, то онъ былъ достаточно великъ для того, чтобы принять въ себѣ всѣхъ всадниковъ, а когда выносили его въ свободное поле, то онъ такъ сильно расширялся, что могъ заключить въ себя цѣлое войско короля; онъ

¹⁾ Пибоди: „Иисусъ Христосъ и соціальный вопросъ“.

владѣть безконечною гибкостью и безконечною силою расширенія. Самъ Иисусъ въ евангеліи исходитъ изъ еще болѣе великой мысли и свидѣтельствуемъ намъ о Своемъ служеніи, всего чаще, чрезъ уподобленіе Себя свѣту. „Я, — говорилъ Онъ, — свѣтъ міру“ (Іоан. VIII, 12). „Я свѣтъ пришелъ въ міръ“ (Іоан. XII, 46). „Ходите, пока есть свѣтъ“ (Іоан. XII, 35). Свѣтъ по своей природѣ многообъемлющъ; онъ вездѣсущъ и можетъ распространяться. Свѣта не слишкомъ много для потребности отдѣльнаго человѣка, и, однако же, его достаточно для всѣхъ людей. Каждая отдѣльная комната, кажется, улавливаетъ полное сіяніе солнца, однако же, неисчерпаемый свѣтъ излучается въ милліонахъ другихъ домовъ. То же самое примѣнимо ко вліянію Иисуса Христа. Каждому новому вѣку, каждому теченію и каждому личному стремленію, кажется, достается съ особенною полнотою какое-либо Его особое ученіе, и совершенно вѣрно, что его прямой свѣтлѣющій лучъ проникаетъ въ уголокъ духа, котораго не затрагиваетъ никакой другой пунктъ ученія. Такъ неисчерпаемое евангеліе своею освѣщающею силою касается каждой новой проблемы и каждой новой потребности, и, однако же, существуютъ еще мириады другихъ путей этого излученія на другія души и другія столѣтія, которыя всѣ исходятъ отъ той жизни, которая есть свѣтъ человѣковъ“.

„Царство Божіе“ среди людей, — вотъ идеаль, указанный Иисусомъ Христомъ, примѣнимый, обязательно примѣнимый и къ соціальной жизни! Но если бы этотъ идеаль былъ привязанъ къ опредѣленной экономической теоріи, какъ этого хотятъ социалисты, хотя бы и „христіанскіе“, — то какъ сразу потускнѣлъ бы, какъ сталъ бы ограниченъ этотъ идеаль! Но вѣчно слово благовѣстія о Спасителѣ въ день Благовѣщенія: „И будетъ царствовать надъ домомъ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца“. Соціализмъ желалъ бы царство Божіе изъ Божьяго обратить только въ человѣческое, изъ небеснаго — въ земное, изъ вѣчнаго — во временное, повторяя любимое слово своего любимаго поэта Гейне въ его „Зимней сказкѣ“: „Царство небесное мы здѣсь создадимъ себѣ и безъ слезъ и безъ муки“.

Вы видите буквальное повтореніе нынѣшней притчи и

разсужденія богача: „душа, имѣешь много добра на многіе годы, почивай, ѣшь, пей, веселись!“ Онъ забылъ, этотъ богачъ, что душа такого хлѣба и добра не ѣсть и не пьетъ. Онъ забылъ о томъ, что напомнилъ ему голосъ Божественный: „Безумный, въ эту ночь душу твою возьмутъ у тебя, а что ты приготовилъ, кому достанется?“

Итакъ, что же сказать намъ въ заключеніе слова? Величайшее благодѣяніе Христовой вѣры для міра и людей въ томъ и состоитъ, что она не даетъ намъ принудительныхъ формъ жизни, а указываетъ только общіе и вѣчные ея законы нравственно-духовные. Этимъ христіанство, какъ бы удаляясь отъ управленія общественной жизнью, на самомъ дѣлѣ оживляетъ ее и даетъ ей безконечное развитіе. Такъ солнце, чѣмъ оно выше надъ землею, тѣмъ болѣе освѣщаетъ и согрѣваетъ землю.

И кто бы ты ни былъ, христіанинъ, ученый, учитель, общественный дѣятель, рабочій, устроитель экономической жизни, слуга государства, промышленникъ, торговецъ, гражданинъ,—одно твердо знай и въ одно твердо вѣрь: только тогда ты будешь освѣщать и согрѣвать жизнь, только тогда ты будешь ее самымъ дѣломъ, и не на словахъ только, благоустроить, только тогда ты будешь содѣйствовать разрѣшенію такъ-называемаго соціальнаго вопроса, уничтоженію зла, несчастья, страданія, несправедливости среди людей, если будешь за основу имѣть нравственное ученіе Христа. Отсюда почерпай идеаль жизни, отсюда бери побужденія для служенія людямъ, отсюда бери способы, средства, орудія, пути мира и любви, а не злобы и зависти, пути терпѣнія и подвига, самоотреченія и самоотверженія, а не корысти и грабительства, свободы, а не насилія,—тѣ пути, которыми единственно можно придти самому и привести другихъ къ улучшенію порядковъ и строя человѣческой жизни. Такой путь долгій, но онъ единственно вѣрный: собирая не себѣ, но въ Бога богатѣя, мы вмѣстѣ съ тѣмъ богатѣемъ и общимъ счастьемъ всего чловѣчества. Аминь.

Лицеѣріе.*

То отвратительное свойство человѣческаго слова и человѣческой дѣятельности, которое въ сегодня слышанномъ евангеліи Спаситель обличилъ публично въ начальникѣ синагоги, именно—лицеѣріе, повидимому, въ наше время болѣе чѣмъ когда-нибудь имѣеть особо широкое распространеніе.

Въ чемъ лицеѣріе начальника синагоги?

Онъ не вѣритъ въ добро; онъ не ищетъ блага людямъ; видъ оказаннаго несчастному человѣку благодѣянія его не трогаетъ; напротивъ, вызываетъ въ немъ злобу, недовольство; его зависть задѣта, и онъ пылаетъ ненавистью къ Чудотворцу-Христу; его самолюбіе уязвлено до самой глубины, и онъ простить не можетъ, не можетъ забыть этого восторга любви, съ какимъ народъ относится къ Иисусу Христу. Но онъ все-таки искушенъ въ жизни, настолько знаетъ людскія сердца, что отлично понимаетъ и видитъ, какъ опасно выдать предъ всѣми свои настоящія чувства. И вотъ, прикрывая свои низменные расположенія и настроенія высокими словами и, напоказъ, святыми побужденіями ревности о Богѣ и Его законѣ, онъ предъ всѣми возмущается духомъ, видя публичное якобы нарушеніе Иисусомъ Христомъ субботняго покоя. „Шесть дней есть, въ которые должно дѣлать, въ тѣ и приходите исцѣляться, а не въ день субботній“,—такъ говоритъ онъ народу по поводу исцѣленія Спасителемъ скорченной женщины, восемнадцать лѣтъ страдавшей тяжкимъ недугомъ.

Замѣчайте: начальникъ синагоги не обращается прямо ко Христу съ обличеніемъ,—онъ не смѣетъ; онъ не обращается и къ исцѣленной,—ему стыдно... Лицеѣръ и о чудѣ говорить, какъ о простомъ какомъ-то лѣченіи, точно и въ самомъ дѣлѣ такое дѣло, какъ совершенное Спасителемъ исцѣленіе, случается каждый день по нѣскольку разъ, стоитъ только за-

* Слово въ недѣлю 27-ю; сказано въ Москвѣ, въ церкви Епархіального дома, 7-го декабря 1908 года.

хотѣтъ этого тому или другому больному... У него нѣтъ въ словѣ и малѣйшаго изумленія при видѣ чуда, какъ будто самъ онъ можетъ совершить такое же дѣло, когда ему угодно, и если теперь по отношенію къ этой несчастной женщинѣ онъ не совершилъ чуда исцѣленія, то это только-де потому, что онъ не хочетъ и не можетъ, какъ благочестивый человѣкъ и вѣрный закону, нарушать заповѣдь о праздничномъ покоѣ! Вскользь онъ обращается безразлично ко всему народу и желаетъ однимъ своимъ тономъ свести въ ничто совершенное чудо, уничтожить произведенное на народъ глубокое впечатлѣніе.

Каждое слово, каждое движеніе рассчитано у этого лицемернаго чудовища, каждое низменное движеніе низкой души прикрашено и закрашено красивыми фразами. О, это воистину гробъ побѣленный и изукрашенный, снаружи красивый, а внутри полный нечистоты и всякой мерзости! И нужно сказать, что ни одинъ народъ въ мірѣ, сколько знаетъ народовъ исторія, не развилъ въ себѣ до такой изворотливости и изумительной тонкости порока лицемерія, какъ народъ еврейскій. И если вы вчитываетесь въ евангеліе, то видите, какъ часто и какъ грозно изобличалъ Господь лицемеріе іудеевъ въ книжникахъ и фарисеяхъ, въ саддукеяхъ, въ своихъ слушателяхъ, въ законникахъ и учителяхъ народа. Своихъ учениковъ Онъ съ особенною настойчивостью предупреждалъ: „берегитесь закваски фарисейской и саддукейской“ (Матѣ. XVI, 6; Марк. VIII, 15). И Самъ объяснилъ: „закваска эта—лицемеріе“ (Лук. XII, 1). И поистинѣ, это въ полномъ смыслѣ закваска въ тѣстѣ: малая и въ немногомъ количествѣ она проникаетъ и заквашиваетъ все тѣсто, все поведеніе, все настроеніе, весь духовный укладъ человѣка! (1 Кор. V, 6; Гал. V, 9).

Исторія и наблюденіе свидѣтельствуютъ, что и донинѣ, и теперь, гдѣ только коснется еврейская рука, гдѣ только проникнетъ еврейское вліяніе, гдѣ хоть сколько-нибудь прирастетъ къ жизни еврейскій укладъ духа и мысли: тамъ неизбѣжно воцаряется самое отвратительное лицемеріе. Страшно оно для такого простодушнаго народа, каковъ, напримѣръ, народъ русскій, вѣрающій, по добротѣ своей, въ искренность

словъ всякаго человѣка, особенно, если онъ говорить о Богѣ, объ Его законѣ, о Церкви, объ евангеліи.

На нашихъ глазахъ нравственною гнилью, преступленіями, развратомъ, злобою, убійствами, предательствомъ, измѣнами прокатилось по нашей странѣ, какъ грозная и зловонная волна, такъ-называемое „освободительное движеніе“, поставившее на знамени своемъ уничтоженіе вѣры и благочестія, порядка и покорности власти, уваженія къ личности и къ цѣлому народу. Теперь уже ни для кого не тайна, теперь уже для всѣхъ совершенно безспорно и ясно, что во главѣ, и въ тайникахъ, и въ источникахъ средствъ для „освободительнаго движенія“ стояли и стоятъ евреи. Самый социализмъ, столь много нашумѣвшій, является исключительно дѣломъ еврейскихъ умовъ.

И смотрите и будьте осторожны,—смотрите: какъ вездѣ и всюду вкралось въ нашу жизнь отъ евреевъ лицемѣріе! Читаете газету; видите, какъ она распинается за Церковь и за духовенство: „Церковь-де у насъ подавлена и принижена, духовенство на службѣ у государства; надо Церкви дать свободу, надо обезпечить пастырямъ вліяніе на народъ, надо, чтобы духовенство не занималось политикою; истинные-де православные несогласны на то или другое рѣшеніе и распоряженіе церковной власти“... Кто же это пишетъ? Кто издаетъ газету? Кто это такъ заботится объ истинномъ православіи? Оказывается, это—еврей, которому нѣтъ въ сущности никакого дѣла ни до Церкви, ни до православія... Лицемѣръ! Тебѣ нужно разорить Церковь Божію и на ея развалинахъ обезпечить себѣ свободу,—свободу покорить себѣ народъ, лишенный вѣры и опоры Церкви, тебѣ нужно раздѣлить народъ и духовенство, уронить пастырей въ глазахъ вѣрующихъ, разсорить самихъ пастырей высшихъ и низшихъ между собою... Ты—дьяволъ! Отойди отъ меня, сатана, ты думаешь не о томъ, что Божье, и прикрываешь дѣло сатаны высокими фразами о свободѣ, жалостью къ униженнымъ и якобы поработленнымъ. Таковыхъ газетъ теперь великое множество, таковыми книжками, листками заполнить книжный рынокъ.

Вы читаете подпольные листки, обращенные къ солдатамъ. Тамъ проповѣдуется, что войну запрещаетъ евангеліе, что

присягать запретилъ Иисусъ Христосъ, что не слушать властей не только разрѣшаютъ, но даже прямо повелѣваютъ апостолы. Знаемъ мы, кто составители такихъ листовъ и кто ихъ распространяетъ среди воиновъ. Судь ихъ нашелъ и изблѣчилъ: и въ Севастополѣ, и въ Свеаборгѣ, и во Владивостокѣ это оказались евреи и еврейки. Нужно ли имъ евангеліе? Вѣрятъ ли они въ него? Возможно ли имъ знать, что разрѣшилъ и что запретилъ Иисусъ Христосъ? Важно ли имъ, ненавидящимъ Христа и христіанство, важно ли имъ задаваться вопросомъ: чему учили апостолы? О, лицемеры! Вамъ нужно внести смуту въ войско, вамъ нужно отравить душу того народа, который вы хотите взять себѣ въ кабалу, чтобы сдѣлать его народомъ-бродягою, народомъ-бездомнымъ, народомъ-рабомъ и навозомъ для васъ, для вашихъ выгодъ и властолюбія! И вы, ни во что не вѣря, прикидываетесь вѣрующими, и вы, равнодушные или даже враждебные къ евангелію, дѣлаете видъ, будто скорбно вамъ при видѣ нарушенія евангельскихъ уроковъ и поученій; и вы, нѣкогда убившіе Христа и избившіе Его слугъ и апостоловъ, теперь ссылаетесь на ихъ ученіе! Но прежде сами примите это ученіе, прежде сами покажите вѣру, любовь, почтеніе къ евангелію, смиреніе и самоотреченіе, а не вырывайте этихъ святыхъ чувствъ у вѣрующаго народа, который этими чувствами жилъ, живетъ и силенъ!

Прошумѣлъ и отшумѣлъ во дни „освободительнаго движенія“ вопросъ и о воскресномъ днѣ и отдыхѣ... Да, слово Божіе повелѣваетъ помнить день воскресный и *святить* его; оно повелѣваетъ праздновать его о *Господѣ*. Что же, новоявленные радѣтели и учителя народа говорилъ въ такомъ смыслѣ о днѣ воскресномъ? О, лицемеры! Вамъ нужно было возстановить бѣдныхъ противъ богатыхъ, рабочихъ противъ хозяевъ, вамъ нужно было хоть чѣмъ-либо питать общее озлобленіе и смуту, вамъ нуженъ былъ одинъ свободный день въ недѣлѣ, чтобы таскать народъ на свои буйные митинги, чтобы развращать и отравлять его своими безбожными и злобными рѣчами, чтобы толкать его на буйство и преступленіе... И вотъ, вы вопили о заповѣди Господней, которую вы сами не признаете, вы ссылались на ученіе слова Божія, въ которое вы не вѣ-

рите. Есть ли лицемѣріе отвратительнѣе? Есть ли мерзость ниже и гнуснѣе?

И тѣ, которые отстаиваютъ день воскресный, но не о Господѣ, а для лѣни и праздности, и тѣ, которые противятся ему,—что нынѣ уже не рѣдко.—но не ради умаленія грѣха и пьянства, о чемъ они говорятъ непрестанно, а ради корысти и наживы,—всѣ одинаково и въ равной мѣрѣ лицемѣры, подобные начальнику синагоги, о которомъ говоритъ намъ нынѣшнее евангеліе.

Берегитесь, братіе, кваса фарисейскаго, т.-е. лицемѣрія, берегитесь его прежде всего въ себѣ, въ своихъ душевныхъ расположеніяхъ, словахъ и дѣйствіяхъ, но берегитесь его и въ людяхъ: „остерегайтесь людей“ (Матѣ. X, 17), остерегайтесь „лицемѣрія лжесловесниковъ“ (1 Тим. IV, 2), которые всегда входили волками, одѣтыми въ овечьи шкуры, въ человѣческія общества, чтобъ удобнѣе и легче разрушить ихъ. Сколько зла принесло лицемѣрное слово въ пережитые нами годы! Какъ извивалось оно змѣей лукавой и подколодною во дни минувшей несчастной войны, какъ оно вопило „о мирѣ во что бы то ни стало“, прикрываясь жалостью къ людямъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ унижить русскій народъ, чтобы затемнить его духъ, чтобы довести его до безумія, горя и отчаянія, чтобы посѣять среди него смуту! Какъ оно разоблачало и разоблачаетъ язвы государственной и общественной жизни, недостатки правителей и правительства, вызывая якобы къ общественному благу, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ уронить власть, посѣять разладъ между народомъ и правительствомъ, подорвать великую и спасительную связь, чисто-родственную и духовную, между русскими людьми и ихъ Богоданнымъ Царемъ, чтобы вмѣсто законнаго правительства открыть доступъ къ власти самимъ лицемѣрамъ... Какъ оно, лицемѣрное слово, то въ социализмѣ видитъ высоту христіанства, то въ революціи находитъ благородство, то въ дѣяніяхъ власти открываетъ жестокость, то въ убійцахъ и разбойникахъ жалѣетъ жертвъ и страдальцевъ, то въ разнузданности слова привѣтствуетъ залогъ преуспѣянія, то въ торжествѣ безвѣрія и иновѣрія оно видитъ силу православія и т. д., и т. д.,—и все это подъ за-

вѣсами и прикрытіемъ „истинно-христіанской“ свободы, любви, гуманности, культуры, просвѣщенія, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлями уничтоженія и свободы, и любви, и самаго бытія православнаго царства, православнаго нашего народа,—того святого православія, которое одно еще составляетъ оплотъ противъ напора антихриста и антихристова народовластія...

Вѣрность евангельскому ученію, подѣ сѣнію православнаго Креста, подѣ руководствомъ святой Церкви, ея боговдохновенныхъ отцовъ и учителей, оставившихъ намъ указанія и отвѣты на всѣ вопросы жизни,—вотъ что открываетъ намъ прямую и ясную дорогу жизни и спасаетъ отъ коварныхъ замысловъ лицемѣровъ и отъ того пагубнаго дѣйствія ихъ въ средѣ человѣческихъ обществъ, о которомъ и древній библейскій мудрецъ говоритъ намъ: „устами лицемѣръ губить ближняго“ (Притч. XI, 9). Аминь.

Власть церковная.*

Еще немного времени, и великое священнодѣйствіе хиротоніи епископской, столь рѣдкое даже въ епархіальномъ городѣ и столь торжественное, заключится врученіемъ новопосвященному архіерею жезла, сѣмвола *власти* въ Церкви. Когда провозглашается власть, когда возводится она на высоту дѣйствія: тогда естественно людямъ, до которыхъ власть касается, отвѣстись къ ней съ особымъ вниманіемъ. И было время, когда хиротонія епископа становилась событіемъ для Церкви, къ коей онъ назначался, приковывала всеобщій интересъ, захватывала всѣ сердца. Она и совершалась обычно посреди того града, въ которомъ посвящаемому судиль Богъ проходить архиерейское служеніе.

Нынѣ справедливо раздаются жалобы на полное равноду-

* Слово, сказанное въ Твери 21-го декабря 1908 года по случаю хиротоніи архимандрита Алапія во епископа Старцакаго, викарія Тверской епархіи.

шіе части нашего православнаго общества, и притомъ наиболѣе образованной, ко всему, что дѣлается въ Церкви: кто пріемлетъ власть, чѣмъ занята Церковь, каковы ея нужды, каково ея положеніе.—все это теперь совершенно не интересуеъ многихъ православныхъ людей, занятыхъ съ увлеченіемъ, нерѣдко до болѣзненности повышеннымъ, всякими вопросами и интересами жизни—политическими, общественными, научными, служебными, наконецъ, личными, отъ серьезныхъ до самыхъ пустыхъ, ничтожныхъ и легкомысленныхъ, но только не церковными.

Впрочемъ, иногда въ литературѣ и общественной жизни вдругъ какими-то приливами появляется интересъ въ сторону религіозныхъ запросовъ; но и здѣсь чаще всего одна игра ума, упадочность мысли, пустое тщеславіе, а не исканіе истины религіозной, какъ богообщенія и спасенія; мало того, здѣсь чаще всего мы встрѣчаемъ походъ и борьбу противъ Церкви, а не помощь ей, не любовное содѣйствіе. Такимъ образомъ, и въ этомъ явленіи не знаешь, что хуже,—равнодушіе ли къ запросамъ вѣры и Церкви, которое наблюдается въ такъ-называемыхъ образованныхъ слояхъ общества, или временныя вспышки религіознаго интереса то въ различнаго рода теософическихъ, религіозно-философскихъ обществахъ, въ коихъ мало философіи и совсѣмъ нѣтъ религіи, то въ произведеніяхъ новѣйшихъ литераторовъ, съ ихъ большими и прямо упадочными поисками „новой религіи“ чуть ли не въ области извращенной чувственности.

Откуда равнодушіе? И откуда желанія и склонность даже въ проявленіяхъ религіознаго интереса все-таки идти мимо Церкви, мимо или противъ церковной власти?

Въ отвѣтъ мы услышимъ множество объясненій; съ одной стороны, обвинители Церкви укажутъ намъ на невѣжество нашего духовенства, на его невысокую жизнь, на его лѣность и равнодушіе къ общественнымъ нуждамъ и запросамъ, на его замкнутость отъ другихъ сословій, классовъ и бытовыхъ группъ народа, неумѣнье его возглавить своимъ руководствомъ, огнемъ воодушевленія и искусствомъ дѣятельности всякія начинанія, способныя объединить вокругъ Церкви различныя

круги общества,—и въ примѣръ, и въ укоръ сошлутся непременно на духовенство заграничное и иновѣрное, столь обезпеченное и вліятельное...

Съ другой стороны, защитники церковнаго клира и его представители укажутъ въ свою очередь на великое религіозное невѣжество даже такъ-называемой нашей интеллигенціи, на безбожный характеръ всего ея просвѣщенія, на равнодушіе ея къ вопросамъ высшаго порядка, на увлеченіе матеріальными благами и грубо-матеріалистическими, будто бы научными воззрѣніями, наконецъ, на барское отношеніе къ служителямъ Церкви и нежеланіе въ священникѣ уважать и священника, и человѣка...

Не въ этихъ взаимныхъ препирательствахъ выясненіе истины. Несчастье наше лежитъ гораздо глубже, и оно одинаково должно быть принято во вниманіе обѣими спорящими сторонами.

И прежде всего, когда мы говоримъ о разобщеніи въ Церкви, надо точно указать его границы; оно захватываетъ не всю Церковь, не весь нашъ православный народъ, а часть его, правда, очень важную въ жизни народа,—разумѣемъ образованное общество, и притомъ тоже не все,—но все-таки часть. Въ общемъ же русскій народъ живетъ и нынѣ православіемъ и Церковью.

Отдѣльныя личности, въ силу своихъ особыхъ и исключительныхъ дарованій и заслугъ, всегда и прежде, и теперь приобрутаютъ всецерковное значеніе. Старцы, духовники, подвижники не оскудѣвали на Руси. Вчера утромъ скончался отецъ Іоаннъ Кронштадтскій... Краса нашего пастырства, всероссійскій священникъ, всероссійскій молитвенникъ, онъ наглядно явилъ въ своей личности, жизни и дѣятельности образъ той дивной церковной власти, которая покоряетъ себѣ невольню, которая утверждаетъ основы власти въ сердцахъ,—образъ той власти, о коей сказано: царство Мое не отъ міра сего... Когда вчера за всенощной впервые повѣдано было вѣрующимъ о горестномъ этомъ событіи, нужно было видѣть всеобщее непритворное горе и невольныя слезы богомольцевъ. Тотъ вздохъ глубокой горести, что и сію минуту пронесся среди васъ, бра-

тіе, то тяжелое чувство понесенной тяжкой утраты, для каждаго какъ-будто утраты его собственной, это сознаніе, что вся русская Церковь понесла незамѣнимое, невосполнимое лишеніе, эти слезы, что подступаютъ къ сердцу и связываютъ рѣчь, готовыя вырваться рыданіями,—все это—свидѣтельство, что въ минуты особенныя весь народъ православный въ Церкви составляетъ одно и живетъ ея жизнью, ея скорбями и радостями. И когда ко гробу здѣсь почивающаго святого князя Михаила текутъ народныя волны, и когда онѣ въ недалекомъ будущемъ потекутъ ко гробу его благовѣрной земной супруги Анны Капинской, и на небѣ раздѣлившей съ земнымъ мужемъ вѣнецъ небесной славы и общенія въ лонѣ любви Божіей: тогда ясно для всѣхъ, что наше общеніе и единеніе всецерковное не нарушено. Не то же ли самое видимъ въ Соловкахъ, Почаевѣ, Черниговѣ, Кіевѣ, Иркутскѣ и Москвѣ? Кто различитъ въ этомъ движеніи души народной пастырей и пасомыхъ? Кто разбираетъ, что святой Феодосій былъ архіерей, святой Серафимъ—іеромонахъ изъ мѣщанъ, святой Михаилъ—князь, а святая Анна—княгиня, супруга, потомъ монахиня и схимница?

Могуча Церковь православная своею собранностью, взаимнымъ союзомъ пастырей и пасомыхъ, ихъ общеніемъ вѣры, смиренія и жизненнаго подвига, могуча своею *народностью*, и пока она будетъ *народною*, дотолѣ, вѣчно могучая, будетъ она и на Руси святой непоколебима. Не только въ смыслѣ единенія чувствъ, не только въ смыслѣ цѣлонароднаго единенія, внѣшняго и внутренняго сліянія въ единый могучій духовный организмъ,—нѣтъ, даже въ области *ученія* эта народность Церкви охраняетъ насъ отъ паденій и ошибокъ. Служители православной Церкви, какого бы превознесеннаго сана они ни были, въ православіи не заслоняли и не заслоняютъ отъ насъ Христа, какъ заслоняетъ и замѣняетъ Его собою на Западѣ обоженный на землѣ намѣстникъ Христа—папа Римскій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь наша не впадаетъ, подобно протестантской, отторгшейся отъ римскаго первосвященника общинѣ, въ противоположную крайность,—не остается въ безвластіи, въ разбродѣ и распадѣ всякаго видимаго устройства.

ибо она опирается на сильную церковную власть, на жезлъ архипастырства. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ отвѣтъ на горделивыя притязанія и приглашенія римскаго первосвященника (Пія IX-го) покориться его власти и принять ученіе, восточные патріархи писали: „У насъ ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть *самое тѣло Церкви, т. е. народъ церковный*, который всегда желаетъ вѣру свою содержать неизмѣнно и согласно съ вѣрою отцовъ своихъ“.

И если хотите знать, въ чемъ причина равнодушія къ Церкви въ нѣкоторыхъ классахъ нашего общества, и въ чемъ объясненіе замѣчаемаго по мѣстамъ паденія силы и вліянія пастырства,—такъ это именно въ потерѣ такого чутья разумія и хранения народности Церкви. И, опять скажемъ, это важно не только въ смыслѣ *народномъ*, въ какомъ употребляли это слово восточные патріархи, но и въ смыслѣ болѣе узкомъ, —*національномъ*, по отношенію собственно къ одному русскому народу.

Русское образованное общество двѣсти лѣтъ тому назадъ пошло на поклоненіе Европѣ. Что оно встрѣтило и нашло у европейскихъ народовъ? Оно встрѣтило гордость народную, высокое національное самосознаніе. Что бы ни говорили о католичествѣ и протестантствѣ, какія бы заслуги ихъ въ исторіи жизни и мысли европейскаго человѣчества ни указывали, какъ бы ни восхваляли ихъ культурное значеніе,—мы все это можемъ признать, со всѣмъ согласиться, но мы не можемъ и никто не можетъ сказать, чтобы западное христіанство знало и осуществило духъ смиренія, точнѣе—духъ смиренномудрія. Это свойство единственно есть у православія, у православныхъ народностей и среди нихъ больше всего — у народа русскаго. Осуждаютъ такое свойство православія поклонники гордости народной, приписываютъ такому духу смиренія русскаго человѣка всѣ его неудачи и недостоки въ политическомъ и государственномъ отношеніяхъ, но никто не смѣетъ отвергать духа смиренія въ нашемъ народѣ. Итакъ, русскіе образованные люди, воспитанные въ смиреніи, имѣвшіе, какъ увидимъ, сознаніе народнаго достоинства, но чуждые національной

гордости, встрѣтились въ Европѣ съ народами, обладающими, напротивъ, высокою народною гордостью. И вправду, было чѣмъ, говоря мірскимъ языкомъ, было чѣмъ гордиться народамъ Запада: ихъ блестящая исторія, великія завоеванія, культурные успѣхи, превосходство предъ всѣми не-европейскими народами, великолѣпные соборы, величественныя и міровыя войны, успѣхи искусствъ и наукъ, города, дороги, школы, изобрѣтенія, открытія, все то, что наши русскіе люди, поклонившіеся Западу, называли его „святыми чудесами“,— все это, дѣйствительно, могло питать народную гордость. Въ противовѣсъ этому, что блестящаго, въ смыслѣ внѣшности,— что давала русскому человѣку его исторія? Исторія мученическаго народа, тревоги и лишенія, безконечная борьба съ дикими поработителями, татарское иго, съ его издѣвательствомъ надъ русскимъ народомъ, съ его мучениками, каковъ и сей благовѣрный князь Михаилъ Тверской и его дѣти, умершіе и замученные въ Ордѣ, паденія и пораженія, великая во всемъ скудость, голодъ и холодъ, суровый климатъ, бѣдная почва, лѣса и болота, „эти бѣдныя селенія, эта бѣдная природа, край родной долготерпѣнья“,—доля русскаго народа: какъ все это могло поднимать національную гордость? И могла ли такая исторія идти въ сравненіе съ исторіей Запада?

Но было у русскаго народа одно сокровище, блескомъ своимъ и цѣною затмевавшее весь и всякій блескъ всѣхъ и всякихъ сокровищъ, была драгоцѣнность величайшая, несказанная, неизобразимая, превыше и чище всякихъ драгоцѣнностей: это—*православіе*. Русскій народъ, какъ новый Израиль, былъ въ этомъ отношеніи подобно Израилю древнему. Рядомъ съ Греціей, гордой философскими успѣхами, поэзіей и искусствомъ, рядомъ съ Римомъ, съ его государственною силою и выработаннымъ правомъ, рядомъ со всемірными завоевателями и царствами, что представлялъ древній Израиль? Но онъ обладалъ истиною религіозною, и потому занялъ свое мѣсто въ міровой исторіи: кто можетъ отрицать это? И кто можетъ отрицать, что народъ израильскій сохранялъ сознаніе свое народное и въ тѣ времена, когда ни Греція, ни Римъ, ни Египетъ, ни Финикія, ни Вавилонъ, ни Ассирія, какъ народности, уже

не существовали? Израиль, порабощенный и порабощаемый ими, пережил их духовно и... побѣдилъ въ христіанствѣ. И рускій народъ, какъ народъ, зналъ и знаетъ, цѣнилъ и цѣнить по достоинству свое сокровище, свое православіе; имъ онъ опредѣляетъ свое самосознаніе, и мы утверждаемъ, что такое его самосознаніе было и останется чрезвычайно высокимъ, не ниже, а безмѣрно выше по внутренней цѣнности и по внѣшней долговѣчности, чѣмъ гордость народовъ европейскихъ наслѣдниковъ Рима. Въ такомъ именно самосознаніи и есть залогъ и сила объединенія русскаго народа: русскіе люди и доселѣ, обращаясь другъ къ другу, къ „міру“, къ обществу, называютъ собратій своихъ не гордымъ европейскимъ именемъ: „господа“, не пошлымъ теперь словомъ: „товарищи“, а святымъ и вѣчнымъ и единственно у нашего народа возможнымъ и существующимъ наименованіемъ: „православные“.

При такомъ положеніи дѣла, стоитъ отойти русскому человѣку или цѣлому классу общества отъ православія, или усвоить себѣ взамѣнъ смиренномудрія православнаго начало противоположное, гордыню европейскихъ народовъ,—и вслѣдъ за этимъ неизбежно паденіе и національнаго самосознанія: если не цѣнить православія, то больше и цѣнить нечего въ своемъ русскомъ народѣ. Таковъ, къ сожалѣнію, и былъ удѣлъ нашей интеллигенціи... Вотъ почему наша интеллигенція, при многихъ и безспорныхъ ея достоинствахъ и заслугахъ, при ея идеалистическомъ настроеніи, при многихъ безкорыстныхъ порывахъ и даже подвигахъ,—безнаціональна, безнародна, вотъ почему на всѣхъ ея начинаніяхъ, включая сюда и послѣднее „освободительное движеніе“, лежитъ печать пустоты, безжизненности и безнадежнаго безплодія. Духа нѣтъ въ ея замыслахъ и дѣйствіяхъ, разъ нѣтъ вѣры народной... Начало гордыни, воспринятое съ Запада, помѣшало нашимъ образованнымъ классамъ разглядѣть красу родной православной Церкви: въ ней имъ все представлялось полнымъ мракомъ, невѣжества, скудости и приниженности; оно заставило и въ родномъ народѣ видѣть только грубость, дикость, необразованность, нищету и убожество... А затѣмъ, начало той же гордыни претило воспитанному въ европейской гордости сердцу русска-

го образованнаго человѣка идти въ Церковь путемъ церковнымъ, ибо это—путь смиренія. Надо вѣдь учиться у Церкви, надо исповѣдать свои грѣхи, надо смирить себя предъ духовникомъ, надо умъ покорить вѣрѣ, надо окаевать себя и признать въ себѣ много худого. Откуда либо холодность къ Церкви, равнодушіе къ ея жизни, къ ея работѣ, либо исканіе истины религіозной самое чистое и горделивое внѣ Церкви и мимо церковной власти... Замѣчали ли вы, что кумиръ нашей интеллигенціи и „интеллигентной вѣры“ графъ Толстой о многихъ порокахъ и о многихъ добродѣтеляхъ, по его мнѣнію евангельскихъ и христіанскихъ, говоритъ: о непротивленіи злу, недѣланіи, чистотѣ брачныхъ отношеній, о войнѣ, клятвѣ, о судѣ, казни и пр., но онъ упорно молчитъ, ни звукомъ, ни полсловомъ нигдѣ и никогда онъ не обмолвился о гордости и смиреніи? Это въ высокой степени и характерно, и замѣчательно!

Замѣчаете ли вы, далѣе, всякія теперешнія обновленческія стремленія въ Церкви и попытки ея реформировать,— все равно, откуда онѣ ни идутъ: отъ представителей ли клира, или отъ мірянъ? Всѣ говорятъ объ умаленіи *власти* въ Церкви, объ умаленіи и приниженіи въ частности *власти* епископа. И это также непримѣтно приразившійся людямъ западнаго склада и воспитанія духъ западной протестантской гордыни. Вотъ гдѣ корень равнодушія къ Церкви и борьбы съ нею въ поискахъ религіозной истины.

О, нѣтъ! Не умалять нужно жезлъ власти, а поднимать и укрѣплять его! Не призывайте анархіи жизни церковной: за нею послѣдуетъ анархія всякой жизни. Не отходите отъ союза пастырей и пасомыхъ: за ниспроверженіемъ этого союза уничтожатся всякіе земные союзы и единенія людей. Не отходите отъ народности воцерковленной: вы убьете всякое чувство народности и въ области государственной. Не надѣйтесь умаленіемъ и ослабленіемъ власти церковной дать свободу и расцвѣтъ религіозной жизни: вы подорвете всякую человѣческую власть и подготовите царство звѣриное, въ которомъ погребена будетъ всякая свобода..

Возлюбите православіе, и въ немъ и черезъ него войдете

въ таинственную связь и единеніе со всѣмъ народомъ Божиимъ церковнымъ, который, слава Богу, еще чтитъ церковную власть, чтитъ особою любовью архіереевъ Божіихъ, дорожить ихъ благословеніемъ, превозноситъ ихъ честію. Въ этой чести—честь народа и слава святой нашей Церкви, наша крѣпость, сила и единеніе. Въ этой чести—залогъ силы и твердости власти и съ тѣмъ вмѣстѣ залогъ всякаго земного благоустроенія.

Полюбите православіе,—и предъ вами откроется краса души народной, пониманіе жизни народа и его внутреннего существа.

Полюбите православіе,—и въ духъ его смиренія вы увидите красоту родной нашей Церкви, и въ ея созерцаніи, въ общеніи съ церковною жизнью найдете нескончаемую отраду сердца.

Полюбите православіе,—и жизнь ваша станетъ полной, и принадлежность къ народу, къ обществу и государству станутъ осмысленною, и трудъ вашъ будетъ плодотворнымъ.

И жезлъ церковной власти, въ любовномъ общеніи пастырей и паствы, будетъ не тягостію, а радостію, властью не отъ міра сего, властью, приеомлемою добровольно, и поэтому тѣмъ болѣе сильной и вліятельной.

И тогда Господь исполненіе—полноту Церкви Своей сохранивъ, освятитъ любящихъ благолѣпіе дома Его, и тѣхъ воспрославитъ Божественною Своею силою! Аминь.

Божіе дитя.*

ПАМЯТИ О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

И умеръ онъ, и похороненъ въ гробницѣхъ отцовъ своихъ, и вса Іудея и Іерусалимъ оплакали Іосію... (2 Парал. XXXV, 24).

Умеръ батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій. Свершилось надъ нимъ таинство смерти, смежилъ онъ земныя утрудившіяся очи,

* Сказано въ Москвѣ 22 декабря 1908 года въ церкви Епархіальнаго дома на Панникодѣ, совершенной митрополитомъ Владиміромъ въ сослуженіи пяти епископовъ.

онъ, всю жизнь устремлявшій взоры очей своихъ и взоры другихъ къ Свѣту Вѣчному, и нынѣ предстоить Ему, скончавъ теченіе.

Ждали всѣ, и уже давно ждали его смерти; о ней напоминала его уже перешедшая за псаломскій предѣлъ старость; о ней говорила его тяжелая и мучительная болѣзнь.

Но Промыслъ Божій, въ судьбахъ и намѣреніяхъ неисповѣдимыхъ, сохранилъ его жизнь до уреченнаго времени. Не умеръ онъ во время русско-японской войны, — а вѣдь былъ тогда боленъ къ смерти и тогда уже указалъ себѣ могилу. Не умеръ онъ въ годину разгара русской смрадной смуты, устами прогрессивныхъ писателей и ихъ перомъ обливавшей грязью почившаго праведника. Не умеръ онъ и во дни самаго ожесточеннаго похода на его честь и самыхъ отвратительныхъ попытокъ унижить и опозорить его имя и на сценѣ, и въ печати, и въ мерзкихъ картинахъ, хотя разболѣлся и въ это время опять смертельно. Богъ Свое творить! Умеръ отецъ Іоаннъ въ переживаемые нами дни, для чего—Господь это потомъ укажетъ!

И хотя, повторяемъ, всѣ были въ ожиданіи его смерти, однако, когда годъ назадъ, въ послѣдній разъ принявши свѣтъ Тайны Христовы, возлегъ онъ на одръ свой и тихо отошелъ къ отцамъ своимъ въ мирѣ, препитанъ въ старости добрѣй; когда догорѣла эта лампада, когда погасла эта свѣча Божія,—общее чувство несказанной горести охватило всѣ сердца. Точно каждый потерялъ близкаго, родного человѣка, точно каждый понесъ личное невознаградимое лишеніе! Не было уголка и ни одного самаго малаго поселенія на русской землѣ, гдѣ вѣсть о смерти всероссійскаго пастыря и молитвенника не встрѣчена была слезами горести и молитвы.

Плачь, Россія! Болѣзнулъ, осиротѣлая! Къ кому придуть за молитвой и словомъ утѣшенія безчисленные страдальцы? Къ кому будутъ писать и посылать умоляющія письма и телеграммы? У кого будутъ искать чудодѣйственной молитвы? Плачь, Россія! Скорби словами плача Давидова: „Краса твоя, Израиль, пала на высотахъ твоихъ.... О, не рассказывайте объ этомъ у враговъ въ Геѣ, не возвѣщайте о томъ на улицахъ Аскалона, чтобы не радовались враги, сыны и дочери фили-

стимлянъ, чтобы не торжествовали дочери невѣрныхъ!“ (2 Цар. I, 19—20).

И вспоминается давно минувшая скорбь народа израильскаго, уже и въ то время грѣховнаго, но еще окончательно не отверженнаго Богомъ,—скорбь о благочестивомъ царѣ Іосіи. Въ годину полнаго забвенія народомъ вѣры отцовъ, въ годину наглаго торжества иновѣрія и язычества, когда забытъ былъ храмъ и оставленъ законъ Бога, явился этотъ кроткій и благочестивый царь среди своего народа. Неустанно старался онъ возстановить истинное богопочитаніе, и дожилъ до радости, что народъ, забывшій о Пасхѣ, праздновалъ ее весь, во всемъ своемъ составѣ, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ съ торжествомъ онъ праздновалъ Пасху Господню, и по всей землѣ слушалъ забытыя слова закона Господня. „И умеръ онъ,—говорить о немъ Библия,—и похороненъ въ гробницахъ отцовъ своихъ. И вся Іудея и Іерусалимъ оплакали Іосію. Оплакать его и Іеремія въ пѣсни плачевной, и говорили все пѣвцы и пѣвицы объ Іосіи въ плачевныхъ пѣсняхъ своихъ и передали ихъ въ употребленіе у Израиля“...

О, достойно и праведно все́мъ пѣвцамъ Россіи и все́мъ служителямъ слова возгласить скорбныя рѣчи и всенародный плачь принести ко гробу усопшаго пастыря! „Онъ сошелъ, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія сухую землю. И кланялись ему цари, и все народы знали о немъ. Былъ онъ милосердъ къ нищему и убогому, и души убогихъ спасалъ... И будетъ жить, и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякій день благословлять его. Будетъ имя его благословенно; доколѣ пребываетъ солнце, будетъ передаваться имя его“. Плоды его посѣва будутъ волноваться, какъ тучныя колосья въ полѣ, какъ лѣсъ на Ливанѣ, и въ городахъ размножатся люди вѣры, какъ трава на землѣ! (Пс. 71, 6 и д.).

Буди, буди пророчество это на русской землѣ!

Да, онъ сошелъ, какъ дождь на скошенный лугъ... Ко времени было явленіе его. Онъ пережилъ въ долгую жизнь свою два страшные натиска, два вражьи нападенія на все святыни вѣры и отечества: одно—во дни молодости и полноты силъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ минувшаго

столѣтія, другое—во дни своей угасающей старости, гораздо болѣе яростное и кипящее срамотами ада и діавола, въ памятные всѣмъ намъ послѣдніе пережитые годы. Падала вѣра; хулы возводились на Церковь; не только народъ,—пастыри и представители Церкви измѣняли подъ вліяніемъ страха передъ злобой врага или въ какомъ-то больномъ увлеченіи завѣтамъ и уставамъ Церкви православной; колебались всѣ устои жизни; дрожаль престоль Царскій; совершались кровавыя преступленія до попытокъ цареубійства включительно; никакія слѣдствія реформы жизни, слѣдовавшія одна за другою, не приносили успокоенія; лилась кровь вѣрныхъ слугъ Царя, хранившихъ долгъ любви, чести и присяги; гремѣли выстрѣлы и бомбы кровожадныхъ и осатанѣлыхъ слугъ революціи при одобреніи и руководствѣ все заполнившей наглою „прогрессивной“ печати и представителей господствующихъ политическихъ „прогрессивныхъ“ партій; множество людей потеряло всякое уваженіе и къ вѣрѣ, и къ самымъ обычнымъ, доступнымъ и святымъ даже для дикарей правиламъ нравственности... Но стояль и свѣтиль, все разгораясь большимъ и большимъ свѣтомъ, какъ маякъ въ Кронштадтѣ, спасительный для обуреваемыхъ, дорогой и незабвенный отецъ Іоаннъ. Его живая вѣра, даръ его чудесь, его несказанная благотворительность, его неописуемый трудъ цѣлодневный и цѣлонощный, его неутомимыя побѣдки, дивныя службы, его поученія словомъ живымъ и печатнымъ, его обаятельныя нравственныя качества простоты, красоты, незлобія, глубокаго смиренномудрія, нестяжательности, милосердія,—все это влекло къ нему сердца, и нѣтъ возможности исчислить всѣхъ тѣхъ, которые избѣгли коварныхъ сѣтей діавола только потому, что черезъ отца Іоанна уловлены были во всемірно-церковныя мрежи Христовы для вѣчнаго спасенія! Горделивыя успѣхи знанія, поднимающагося на разумъ Божій; политическіе дерзкіе заговоры и замыслы, покоящіеся на началахъ внѣ-христіанскихъ и внѣ-церковныхъ; общественныя движенія, не освященныя духомъ Христовымъ,—всѣ эти волны, пѣнящіяся нечистотами своими, не могли сдвинуть съ мѣста ярко горящаго свѣтильника. Зналъ его русскій народъ, зналъ,—по словамъ Царя своего,—„кто

онъ и что онъ“; знали его и Цари русскіе; умирая, незабвенный и истинно-народный Царь-Праведникъ Александръ Ш-й ему, о. Іоанну, повѣдалъ предсмертныя помышленія, съ нимъ молился и при немъ отдалъ послѣдній вздохъ свой... И далеко по Россіи, и далеко за предѣлами ея извѣстно стало имя красы нашего священства, и являлся онъ живымъ примѣромъ, живымъ показателемъ и свидѣтелемъ духовной силы и жизни и дѣятельности православной Церкви, которая воспитала въ нѣдрахъ своихъ подъ кровомъ благодатной помощи свыше такого великаго пастыря. Знаемъ мы, въ природѣ физической не можетъ быть такого явленія, чтобы посрединѣ огромной тысячеверстной низины и болота, безъ всякой связи съ горными хребтами, стояла высочайшая въ мірѣ гора: высочайшія горы окружены горами меньшими, но все же горами, высочайшія горы выступаютъ обыкновенно въ цѣломъ сонмѣ горъ... Законъ этотъ имѣетъ силу и въ духовномъ мірѣ. И мы посему видѣли наглядно всю лживость тѣхъ обвиненій на русскую Церковь, которыя находили въ ней и въ ея служителяхъ одну низину и болото съ грязью: если есть такой пастырь, какъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, такой подвижникъ, такой мужъ, о коемъ народная вѣра давно изрекла свой приговоръ, что житіе его славно и успеніе будетъ со святыми, то, значить, около него были и есть подобающіе ему мужи, значить, не пустынна и неплодна, не мертва и не безжизненна русская православная Церковь! И праздновали русскіе православные люди, говоря образно, свою пасху, и читали они невозбранно слово Божественнаго закона, какъ Израиль во дни Іосіа.

Русскіе „семеи“, ругатели, отозвались хулами въ печати ¹⁾ на смерть отца Іоанна и заявили, что они знали двухъ отцовъ Іоанновъ, одного—прежняго, скромнаго „благодѣателя“, другого—позднѣйшаго, „политика и политикана“, обличителя, грознаго проповѣдника, который будто бы не ясно и самъ раз-

¹⁾ Одинъ изъ нихъ началъ свою литературную „дѣятельность“ тѣмъ, что описать, съ преувеличеніями и прикрасами, нескромныя дохожденія своей родной матери, еще находившейся тогда въ живыхъ... Могутъ ли такіе писатели уважать хоть что-либо чистое и святое?

умѣлъ тѣ вопросы, о которыхъ говорилъ ¹⁾. Да, ему не хотѣть простить того, что онъ бичевалъ Льва Толстого въ пору, когда графъ, убаюкивая власть словами мира и непротивленія злу, подготовлялъ русскую кровавую революцію и воспитывалъ своими писаніями будущихъ убійцъ и бомбометателей; ему не хотѣть простить того, что онъ открыто высказался противъ послѣдняго „освободительнаго движенія“, сталъ за православіе, попираемое врагами, за царскую и за всякую другую власть, уже приговоренную къ упраздненію, за русскій народъ, отдаваемый въ жертву и на растерзаніе отвратительнѣйшаго по лицемѣрью и жалобамъ на „угнетенность“ инородческаго заговора. Ему не хотѣть забыть и простить того, что онъ мужественно отказался отъ сочувствія кишиневскимъ евреямъ, когда узналъ о настоящей подкладкѣ и іудиныхъ цѣляхъ на весь міръ кричавшихъ іудеевъ; не хотѣть простить и забыть того, что онъ открыто заявлялъ о своемъ сочувствіи къ неожиданно для враговъ Россіи и ея измѣнниковъ возникшему и организовавшемуся патриотическому русскому движенію, что онъ призывалъ Божіе благословеніе на патриотическіе союзы и содружества и самъ состоялъ даже, какъ и у насъ въ любимой имъ и любящей его Москвѣ, ихъ членомъ... Ему не хотѣть простить громкаго и сильнаго слова осужденія всей грязи, преступности, лицемѣрью, безвѣрью и кровожадности русской революціи, метавшей бомбы, проливавшей кровь, убивавшей тысячи жертвъ и все время вопившей объ отмѣнѣ смертной казни... для убійцъ и палачей, называемыхъ слугами „освободительнаго движенія“. Богъ судилъ отцу Іоанну дожить до дней этой революціи, чтобы теперь и изъ-за могилы его на ней лежала печать его осуждающаго слова и проклятія крамолѣ и предательству. Богъ судилъ отцу Іоанну пріять вѣнецъ исповѣдничества и мученичества, брани и поношенія, клеветы и гоненій отъ дѣятелей и представителей этого не русскаго революціонно-освободительнаго движенія, чтобы ни для кого и навсегда не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что между отцомъ Іоанномъ и лицемѣрными пособниками и творцами

¹⁾ „Русск. Слово“ отъ 22 декабря 1908 года. Статьи Дорошевича.

русской революціи, готовыми сослаться въ свое оправданіе и для достиженія преступныхъ цѣлей на всѣ авторитеты міра, поднявшими даже иконы и церковныя хоругви полъ водительствомъ переодѣтаго въ священныя ризы крамольника,—не было и нѣтъ ничего общаго. Нѣтъ, и въ борьбѣ съ революціей послѣдняго времени это былъ все тотъ же, а не другой, не подмѣненный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Ту же онъ возвѣщалъ вѣру, ту же внушалъ онъ любовь къ Царю, какъ и во дни былые, такъ же онъ осуждалъ пороки, какъ и прежде, только голосъ его сталъ еще громче, только дерзновеніе его стало еще сильнѣе, только власть неземная, власть духа и слова у него возросла, созрѣла и окрѣпла, только подвигъ его сталъ еще виднѣе. Такъ и подобало ему сотворить во дни старости! И если бы наша революція имѣла за собой только одно это преступленіе, запятнала себя одною только этою низостью, т. е. только гоненіемъ на отца Іоанна, желаніемъ уничтожить и загрязнить его честь, опорочить и унижить его имя, его дѣло, его служеніе, молитву, благодать, поученіе,—то и этого одного довольно, чтобы вѣрующій и честный человѣкъ осудилъ ее рѣшительно и безповоротно и отвратился отъ нея навсегда! Здѣсь—свидѣтельство того, что она объединила все низкое и недостойное и собрала въ свои ряды людей, для которыхъ ненавистно на землѣ и въ людяхъ все чистое и святое, собрала однихъ „семеевъ“ государственной жизни, хулителей и ругателей, нравственные отбросы жизни, для которыхъ составляетъ своеобразную радость бранить то, предъ чѣмъ всѣ поклоняются, и торжествовать при одной мысли о томъ, что вотъ, наконецъ, и у святого чловѣка указываютъ недостатки, бранять его и имя его волочать по грязи; людямъ безъ чести, безъ имени, безъ заслугъ, безъ добра и труда такая разнузданность ругательства служить нѣкоторымъ внутреннимъ самоуспокоеніемъ совѣсти и самооправданіемъ собственнаго ничтожества.

Благословенъ и преблагословенъ Господь нашъ, что всѣ мы, здѣсь присутствующіе, ни разу и ни на іоту не усомнились въ праведности праведнаго, и теперь предстоимъ въ молитвѣ о немъ безъ укора совѣсти! Для всѣхъ насъ по-

чившій старецъ всегда былъ, какъ свѣтильникъ, горя и свѣтя!

Въ чемъ же тайна его обаянiя, въ чемъ залогъ того, что не было и не могло быть въ немъ никогда двухъ отцовъ Иоанновъ, что всю жизнь свою онъ былъ учителемъ и провозвѣстникомъ единой и неизмѣнной истины?

Въ томъ, что онъ былъ воистину „Божiе дитя“. Трудно встрѣтить такую простую и дѣтскую вѣру, ясность мысли, чистоту сердца; трудно найти такую непоколебимую убѣжденность въ истинѣ; трудно обрѣсти такую преданность Церкви и всему церковному. Ясно, въ чемъ тайна его влiянiя. Искренность и чистота сердца,—вотъ что влiяло, вотъ что покоряло, вотъ что было неисчерпаемымъ источникомъ неизреченныхъ откровенiй и утѣшенiй, которыя лились отъ него широкою и многоводною рѣкою. Немногимъ, быть-можетъ, вѣдомо, что въ послѣднiе годы онъ, по свойству своей болѣзни, могъ принять и Тѣла Христова лишь кроху, а причащался Христовою Кровiю, какъ причащаются младенцы... И здѣсь не символъ ли чистоты и святости его дѣтской вѣры и младенческаго незлобiя? Аще не обратитесь и не будете, якоже дѣти, не увидите, не войдете въ царство Божiе!..

Злоупотребляли его дѣтскою довѣрчивостью. Это правда. И это смущало многихъ, а больше тѣхъ, которымъ въ глубинѣ души все-таки хочется видѣть въ человѣкѣ больше худаго, чѣмъ добраго, кого въ тайникахъ души бессознательно влечетъ и въ святомъ найти что-либо достойное укора...

Теперь и это минуло. Теперь злоупотреблять уже не будутъ! Теперь за гробомъ вѣмъ къ нему одинаковый доступъ. Теперь ничто не будетъ омрачать и въ глазахъ людей свѣтлый ликъ его.

И пойдетъ народъ церковный къ его дорогой могилѣ, и прильнетъ къ нему народная всецерковная вѣра. И польются о немъ, а скоро, можетъ-быть, и къ нему... тихiя молитвы, зримыя и незримыя слезы!

Вѣримъ мы, блаженъ путь, въ который вступилъ ты, нашъ дорогой батюшка! Память твоя въ родъ и родъ!

Къ твоему гробу, къ твоей могилѣ приносимъ мы нашу

скорбь, наши молитвы и воздыханія, и наше упованіе приносимъ, что небо духовное православной Церкви загорѣлось еще одною звѣдой, что въ сонмѣ угодниковъ, въ землѣ и въ народѣ нашемъ просіявшихъ, предсталъ предъ Богомъ еще одинъ о насъ молитвенникъ... Плачемъ и болѣзнуемъ, но въ этомъ одномъ и слышимъ Христово утѣшеніе...

Молись за Русь, молись за народъ нашъ, дорогой нашъ батюшка, молись о насъ Вѣчному Свѣту! Аминь.

Рождество Христово.*

Случилось мнѣ разъ раздѣлить путешествіе въ горныхъ странахъ Закавказья съ однимъ братомъ-славяниномъ, родомъ изъ Австріи. Пришлось, за трудностью пути и невозможностью, ѣхать даже верхомъ на лошадяхъ, довольно долго идти пѣшкомъ. Время было только-что послѣ Рождественскихъ святокъ. Выдался ясный день; чувствовалось очень хорошо подъ яснымъ солнцемъ, въ ожиданіи скоро грядущей весны, въ Закавказьѣ очень рано начинающейся. Завязался оживленный разговоръ; мой собесѣдникъ выражалъ мысль, что православный русскій народъ недостаточно проникаетъ въ смыслъ евангельскихъ событій, не различаетъ въ нихъ важнаго отъ неважнаго. Въ частности, напримѣръ,—говорилъ мой спутникъ,—какъ православные понимаютъ Рождество Христово? Вѣдь это первый изъ праздниковъ, воистину, торжество изъ торществъ. А православные Пасху чтутъ и именуютъ такимъ именованіемъ, но не Рождество. На Пасху и звонъ цѣлую недѣлю, и ликованіе, и трогательные обычаи, и вся поэзія религіи. На Рождество—дванадесятый праздникъ, только немногимъ выдѣляющійся изъ круга другихъ. А за границей, въ католичество, сознали всю глубину и превосходящую важность боговоплощенія,—и къ этому воспоминанію приурочили полноту

* Рождеств. статья въ Синод. „Церк. Вѣдом.“

торжества въры и въ церквахъ, и въ семьѣ. Одна елка чего стоить...

Такъ рассуждалъ мой собесѣдникъ. Я спросилъ его, какъ народъ на Западѣ отразилъ Рождество Христово въ своихъ пѣсняхъ, стихахъ, сказаніяхъ? Какъ народъ отозвался въ своемъ творчествѣ на вѣковую проповѣдь католичества о важности боговоплощенія?

И собесѣдникъ мой, въ отвѣтъ на мой вопросъ, прочиталъ мнѣ, даже пропѣлъ, народные стихи, распѣваемые въ Чехіи въ день Рождества Христова. Я привожу ихъ по памяти, не ручаясь за вѣрность словъ и ихъ разстановку, но сохраняя вполнѣ ихъ смыслъ.

Смыслъ такой: „Намъ родился „Христось Панъ“,—будемъ веселиться; расцвѣлъ для насъ прекрасный цвѣтокъ,—будемъ радоваться! Онъ „роду королевскаго“, Онъ жизни пречистой, вотъ Кто намъ родился!“

Стихотвореніе, весьма характерное для міровоззрѣнія западнаго христіанства и западнаго человѣка. Хочется подойти къ нему съ сужденіемъ православнаго христіанина.

Это вѣрно, что праздникъ Рождества Христова у насъ не столь свѣтелъ, какъ Пасха: онъ второй по Пасхѣ, „трехдневная Пасха“. Однако, онъ не въ ряду обычныхъ двенадцатыхъ. Православная Церковь и здѣсь, какъ и во всемъ, осталась вѣрною воззрѣніямъ древняго христіанства, обычаемъ апостольскихъ церквей, въ которыхъ, какъ это достоверно извѣстно, до IV вѣка совсѣмъ не было праздника въ 25-й день декабря, а Рождество Христово и Крещеніе Господне соединялись въ одинъ великій праздникъ Богоявленія—*Επιφανή* и праздновались, по свидѣтельству святителя Климента Александрійскаго въ Египтѣ и по свидѣтельству святителя Іоанна Златоустаго въ Антіохіи,—6 января. Радость жизни и побѣды, побѣды надъ всѣмъ и всякимъ зломъ и надъ зломъ кореннымъ и послѣднимъ, исходнымъ для всякаго зла,—надъ смертью, святая православная Церковь видитъ въ Воскресеніи Господа. Къ мысли о боговоплощеніи приходило и человѣческое религіозное сознаніе въ религіяхъ Востока и даже въ философскихъ прозрѣніяхъ Греціи и Рима. Но истина воскресенія, воскресе-

нія Ісуса Христа, воскресенія личнаго съ тѣломъ, послѣ издѣвательства человѣческой злобы, послѣ смерти отъ рукъ человѣческихъ, воскресенія силою Божества *Своего*,—это только достояніе христіанства. Значеніе его въ области религіозно-духовной жизни не намъ указывать; оно указано авторитетомъ апостоловъ, которые свое проповѣдное слово вездѣ и всегда начинали съ вѣсти о воскресеніи, оно возвѣщено и словомъ апостола Павла: если Христосъ не воскресъ, суетна наша вѣра и напрасны всѣ наши надежды, а мы—самыя жалкіе изъ людей и къ тому же обманщики (1 Кор. XV гл.).

И тѣмъ не менѣе, православіе въ Рождествѣ Христовомъ видитъ гораздо болѣе, чувствуетъ неизмѣримо глубже, чѣмъ католичество, съ его матеріализаціей всего христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ сравнивать влияніе этого событія на народныя воззрѣнія и сказанія, то даже при условіи одного по крови славянскаго происхожденія у русскаго и у Чеха, какая разница въ представленіяхъ и чувствахъ! Можно ли тронуть и удовлетворить русское православное сердце приведенными чешскими стихами? Это банальное и сентиментальное сравненіе Ісуса Христа съ прекраснымъ цвѣткомъ,—что оно говоритъ душѣ, и какое собственно отношеніе имѣетъ къ событію? Развѣ нельзя его приложить и къ Богородицѣ, и ко всякому святому? Это упоминаніе о томъ, что Христосъ „роду королевскаго“,—при чемъ оно въ нашемъ праздникѣ? Не хотятъ ли этимъ упоминаніемъ заставить забыть объ убогомъ вертепѣ, о бѣдныхъ родителяхъ, объ ясляхъ, о холодѣ ночи, о соломѣ, бывшей первымъ ложемъ Богочеловѣка? Какая матеріализація чувствъ! Какая уость въ похвалѣ и умиленіи!

Мы не можемъ сейчасъ подробно и во всей широтѣ коснуться, для сравненія, русскихъ народныхъ сказаній о Рождествѣ Христовомъ. Отсылаемъ желающихъ къ соотвѣтствующей литературѣ¹⁾.

Остановимся только на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Въ сказанія и духовные стихи русскаго народа перешель

¹⁾ Пыпинъ: „Памяти.“; Калитовскій: „Матер. апокр. литер.“; Потебня и Сумцовъ—о южнорусск. пѣсняхъ и др.

разказъ изъ Четви-Миней о Рождествѣ Спасителя. Къ яслямъ Новорожденнаго привязаны были волю и оселъ. Ихъ привелъ Иосифъ изъ Назарета. На ослѣ ѣхала Пресвятая Дѣва, а вола Иосифъ привелъ на продажу, чтобы было чѣмъ уплатить царскую подать и содержать себя съ Пресвятою Дѣвою и въ пути, и въ Вилеемѣ. И чудо: безсловесныя животныя служили Родившемуся Богочеловѣку! Они какъ бы инстинктомъ почувствовали, что предъ ними Страждущій Творецъ; стоя при ясляхъ, они теплымъ дыханіемъ своимъ согрѣвали Новорожденнаго Младенца отъ зимняго холода...

Радость нынѣ велія мірови явися:
 Спасъ человѣческому роду родися
 Близъ града Вилеема въ вертепѣ глубокомъ,
 Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высовомъ,
 Въ ясляхъ, на остромъ сѣнѣ, пеленами повитый,
 Нищъ лежить всего міра Царь преславленный...
 Буди благословенный, Боже нашъ, во вѣки,
 Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
 Оставивши на небѣ златыя палаты,
 Изволилъ еси пожить здѣ между быдлаты (черный людъ).
 На одномъ сѣнѣ лежишь, якъ какой сирота,
 Всѣхъ одѣваешь, а Ты покрываешь нагота!

Такъ, не „королевскій родъ“, не великолѣпіе цвѣтка, не красоту и пышность, а величайшее снисхожденіе Божества, смирившагося до человѣчества ради любви къ человѣчеству, прежде всего и болѣе всего видитъ сердце православнаго въ тайнѣ воплощенія Бога Слова. Иже въ вертепѣ родившійся и во ясляхъ возлегій нашего ради спасенія представляется православному христіанину въ самомъ боговоплощеніи уже предначавшимъ Свой крестный путь земной жизни. Онъ—другъ бѣдныхъ и обездоленныхъ; Онъ—сообщникъ ихъ земного страданія; Онъ освятилъ и освѣтилъ бѣдность и лишенія Своимъ примѣромъ; Онъ близокъ всѣмъ: младенцамъ, — какъ Младенецъ, родившійся въ немощи, слабымъ крикомъ привѣтствовавшей жизнь и принужденный со святымъ семействомъ ѣздить съ родины; богатымъ и мудрымъ, — какъ пріавшій дары злата, ливана и смиренны отъ принесшихъ сокровища царей-

волхвовъ; простымъ людямъ и бѣднымъ,—какъ пріавшій поклоненіе бѣдняковъ-пастырей; небожителямъ,—какъ воспѣтый ими въ часъ рожденія; всей твари земной одушевленной,—какъ бы представленной животными, согрѣвавшими своимъ дыханіемъ Его младенческое тѣло...

Не „Христосъ *Панъ*“, а Богочеловѣкъ, иже не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, однако, Самъ Себе умалившій, смирившій Себе, послушливый даже до земной жизни и земной человѣческой смерти,—вотъ каковымъ уразумѣло Христа родившагося православное сердце. И какая здѣсь и глубина проарѣнія, и глубина чувства! И какая огромная разница этого духовнаго разумѣнія отъ душевнаго и плотскаго ума Запада!

Приди, желанный день радости и праздника! Дохни на нашу усталую душу! Приди и воодушеви служителей родившагося Богочеловѣка „славить Христа“ съ крестомъ въ рукѣ и съ побѣднымъ пѣніемъ въ устахъ не за то, что Онъ—Царственный отпрыскъ славнаго человѣческаго рода, а за то, что Онъ—Сынъ Божій, что Онъ принялъ вертепъ и ясли, что насъ ради родился Отроча Младо-Превѣчный Богъ.

Миссіонерство и вѣротерпимость.*

Православное Миссіонерское Общество поминаетъ нынѣ заупокойною молитвою своихъ умершихъ членовъ.

Миссіонерское Общество... Какое это теперь чуждое слово,—слово о миссіи, чуждое и забытое посреди иныхъ интересовъ жизни, захватившихъ огромное большинство русскихъ православныхъ людей и ничего общаго не имѣющихъ ни съ вѣрою, ни съ православіемъ, ни съ миссіей, ни съ Церковью.

Сказано 30-го декабря 1908 г. при поминкованіи усопшихъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, при священнослуженіи Московскаго митрополита Владимира въ церкви Епархіальнаго дома въ Москвѣ.

Все наполнили партійные ссоры и раздоры; всё заняты вопросомъ объ устройствѣ самой плоти государства, т.-е. внѣшняго государственнаго строенія, и совершенно забыли объ его душѣ, объ его служеніи вѣчнымъ цѣлямъ и законамъ верховнаго добра, нравственнымъ и воспитательнымъ задачамъ въ мірѣ. А между тѣмъ въ предѣлахъ нашего христіанскаго государства, не только по его окраинамъ, въ дальней Сибири—на Алтаѣ, въ Забайкальѣ и по Амуру, но и въ самомъ центрѣ государства, на родной и чисто-русской рѣкѣ Волгѣ, вблизи историческихъ русскихъ святынь, живутъ сотнями тысячъ язычники и въ миллионѣхъ—мусульмане.

Гдѣ-то вдали отъ насъ работаютъ миссіонеры, стоятъ заброшенные миссіонерскіе станы, тонуть въ окружающемъ мракѣ миссіонерскія школы: все это бѣдно, все одиноко, все разобщено съ православнымъ народомъ и все забыто и оставлено безъ помощи, даже безъ вниманія! Нѣтъ матеріальныхъ средствъ, нѣтъ дѣятелей, нѣтъ учреждений! Все чаще и чаще слышимъ, что и крещенные инородцы, лишеныя на мѣстѣ христіанскаго просвѣщенія, не имѣя школъ и церквей, не имѣя священниковъ и проповѣдниковъ, отпадаютъ въ язычество и мусульманство. Видимъ, что мусульманство по всему Поволжью поднимаетъ голову, объединяется, усиливается, притягиваетъ къ себѣ, всасываетъ въ свою массу язычниковъ-инородцевъ. Въ довершеніе всего и то, что уже сдѣлано Миссіонерскимъ Обществомъ, эти миссіи, эти станы, эти хоть убогія школы,—всѣ эти зачатки миссіонерства вотъ-вотъ погибнуть. Революціонное движеніе принизило религіозное настроеніе народа, разорило его матеріально, отвлекло его интересы въ другую сторону: жертвы на дѣло миссіонерское, и прежде незначительныя, теперь совсѣмъ прекратились, изсякаютъ и такотъ скопленныя запасныя суммы, помощи нѣтъ ниоткуда, близко полное истощеніе всякихъ средствъ. Уже десятками закрываются школы среди инородцевъ, уже мѣстнымъ дѣятелямъ и учреждениямъ сокращены вдвое и втрое отпускаемыя прежде на святое дѣло миссіи пособія...

Кто знаетъ объ этомъ ужасѣ положенія? Кто обращаетъ вниманіе на этотъ нашъ позоръ? Да, это—позоръ, это—горе, это—

приговоръ нашему христіанскому обществу и государству! Если не дорога намъ честь Церкви, если такъ поникла въ насъ религіозная ревность, если столь мало у насъ любви къ истинѣ и къ братьямъ, блуждающимъ внѣ истины и ограды церковной, если намъ ничего не говоритъ религіозная совѣсть,—то хоть интересы не столь высшаго порядка, именно, хоть сознание пользы, простой пользы государственной, должно подсказать намъ, какъ опасно, какъ губительно усиливать черное море мусульманства, какъ опасно имѣть коснѣющихъ въ язычествѣ подданныхъ, которые не связаны съ государствомъ и господствующей народностью никакими духовными связями! Вспомнили бы хотя первые вѣка русской исторіи, когда множество народностей на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ нынѣшней Россіи, жившихъ по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ, чуждыхъ намъ по крови, въ единствѣ вѣры православной слились съ русскимъ племенемъ и соединились съ нимъ въ родствѣ духовномъ, болѣе крѣпкомъ и надежномъ, чѣмъ родство по крови и племени, и образовали единое и могучее царство русское. Вспомнили бы времена стараго Московскаго царства, которое всегда разумѣло, что задача его по отношенію къ народностямъ, вошедшимъ въ составъ Россіи, не исчерпывается только проведеніемъ дорогъ, устройствомъ суда и порядка внѣшней жизни, но прежде всего заключается въ просвѣщеніи инородцевъ свѣтомъ вѣры!

Но если бы мы видѣли одно равнодушіе къ дѣлу миссіи, это еще, какъ говорится, было бы только полгоря. Нѣтъ, предъ нами опасность болѣе страшная, предъ нами заблужденіе болѣе губительное, предъ нами лукавство современной растлѣнной мысли и растлѣннаго слова, чреватое гораздо большимъ и неслезаннымъ опустошеніемъ въ рядахъ вѣрующихъ. Нынѣ, по новымъ теоріямъ такъ-называемаго культурно-правового государства, въ самомъ существѣ, въ самой основѣ отрицается дѣло миссіонерское, какъ дѣло насиія, какъ учрежденіе отжившее, какъ пережитокъ рабства. И вся эта гнилая философія, которою прикрывается религіозное равнодушіе или затаенная злоба противъ всякой религіи, вся эта гнилая философія желаетъ опираться, ища оправданія, ни болѣе ни менѣе, какъ на само христіанство!

Говорятъ, пишутъ, возражаютъ противъ миссіонерства и утверждаютъ, что въ то время, какъ христіанство есть религія любви, свободы и мира, миссіонерство есть дѣло злобы къ иномыслящимъ и инако вѣрующимъ, есть внесеніе вражды и раздора, есть покушеніе на свободу совѣсти. Какое фарисейство, какое лицемѣріе, какая презрѣнная игра на словахъ и понятіяхъ, съ цѣлью смутить невѣрующихъ и прикрыть свое духовное ничтожество и сатанинскую борьбу противъ Христа и Его евангелія! Говорятъ и пишутъ, что современное государство должно стоять выше и внѣ всякихъ религіозныхъ вопросовъ, не вмѣшиваться въ интересы вѣроисповѣдныя, не помогать ни одному вѣроисповѣданію, объявить полную свободу всякихъ вѣръ и самаго безвѣрія, быть совершенно равнодушнымъ къ „такъ-называемой“ истинной вѣрѣ, неистинной, или къ совершенному безбожію. Для государства, говорятъ, все это не имѣетъ ровно никакого значенія. На языкѣ современномъ такое отношеніе къ области вѣры называется свободой совѣсти и вѣротерпимостью.

Итакъ, не выходитъ ли по новой философіи, что Спаситель мало любилъ людей и не долженъ былъ проповѣдывать Своего ученія, потому что всякая проповѣдь новой вѣры есть покушеніе на свободу?.. Итакъ, выходитъ, апостолы, эти миссіонеры вселенной, были на ложномъ пути, когда язычникамъ и іудеямъ отъ ихъ ложныхъ ученій и возрѣній открывали входъ къ истинѣ Христовой! И древняя Византія, просвѣтившая славянство, и Римъ, сдѣлавши всю Европу христіанскою, и наши русскіе извѣстные и безвѣстные вѣропроповѣдники, какъ Исаія, Леонтій, Трифонъ Печенгскій, Трифонъ Вятскій, Феодоритъ Кольскій, Кирилль Челмогорскій, Стефанъ Пермскій, Иннокентій Иркутскій, начиная отъ Михаила Кіевскаго, перваго митрополита и проповѣдника вѣры Христовой русскимъ славянамъ-язычникамъ,—всѣ эти подвижники и свидѣтели Христовы, убѣлившіе костями своими дебри Сѣвера, трудившіеся среди дикихъ и языческихъ племенъ,—всѣ они, по приговору новыхъ модныхъ возрѣній, напрасно трудились и напрасно русскій народъ почитаетъ ихъ заслугой и ревностью! Можно ли дойти до большаго без-

страшія въ кошуствѣ? Можно ли договориться до большаго безумія?

Свобода совѣсти... Но совѣсть всегда свободна и не можетъ быть нигдѣ, ни у кого и никѣмъ связана. Самое названіе, какъ видимъ, является нелѣпымъ. Иное дѣло — свобода вѣроисповѣданія, или же принужденіе и насиліе въ вѣрѣ. Но православное миссіонерство никогда, по идеѣ своей, путемъ насилія не дѣйствовало и не должно дѣйствовать. Однако, понятіе насилія, принужденія и воздѣйствія нельзя сдѣлать настолько растяжимымъ, чтобы подъ него подводить всякую проповѣдь, слово обличенія, вразумленія и наученія, школу, книгу, богослуженіе. Въ противномъ случаѣ, и самое существованіе государствъ христіанскихъ и народовъ вѣрующихъ нужно признать насиліемъ по отношенію къ невѣрнымъ и иновѣрнымъ. И что за философія! Все для язычества, все для невѣрія, все для иновѣрія,—и ничего для христіанства, ничего для истины. Но вѣдь и христіанская совѣсть свободна, вѣдь и христіанская ревность не связана, и христіанской любви къ истинѣ нельзя отказать въ правѣ исповѣдывать, проповѣдывать и насаждать эту истину по любви къ тѣмъ, которые истины не вѣдаютъ и безъ нея гибнутъ. По ученію современныхъ поклонниковъ свободы совѣсти, пусть дикіе тунгузы убиваютъ стариковъ и старухъ, пусть рождающія женщины, какъ нечистыя, изгоняются внѣ жилищъ и мерзнутъ въ стужу и гибнутъ въ горахъ Хевсуретія, пусть гдѣ-либо приносятъ человѣческія жертвы, пусть развратъ и кровосмѣшеніе уничтожаютъ и обращаютъ въ идіотовъ цѣлыя племена, въ родѣ свановъ, пусть кланяются медвѣдямъ, звѣрямъ и птицамъ, пусть шаманы и жрецы используютъ въ своихъ корыстныхъ видахъ невѣжество дикарей,—пусть все это совершается и остается, но зато пусть сохранена будетъ „свобода совѣсти“! Только христіанскимъ миссіонерамъ нельзя бороться съ шаманами, только вѣрующимъ христіанамъ нельзя заботиться о просвѣщеніи язычниковъ: со стороны христіанъ это будто бы будетъ нарушеніемъ любви и свободы, а со стороны тѣхъ, кто желаетъ сохранить всю эту губительную мерзость и оставить коснѣть въ ней цѣлыя племена,—это объ

является высшимъ проявленіемъ любви, и притомъ любви христіанской! Пусть лучше умрутъ духовно цѣлые народы, но по рецепту свободы совѣсти, чѣмъ живутъ и спасаются, но съ нарушеніемъ моднаго рецепта!

Вѣротерпимость... Знаютъ ли сторонники ея и поклонники этого моднаго идеала, что вѣротерпимость истинная есть удѣлъ и право только и исключительно людей вѣрующихъ, и притомъ глубоко вѣрующихъ, и притомъ горящихъ огнемъ вѣры, ревности и усердія? Знаютъ ли они, что уважать чужое религіозное чувство можетъ только тотъ, кто въ себѣ его самъ имѣетъ? Знаютъ ли, что у теперешнихъ проповѣдниковъ вѣротерпимости, какъ они ее понимаютъ, говорить или равнодушіе къ вѣрѣ, или тайная къ ней злоба? Вотъ Иродъ говоритъ волхвамъ: „идите поскорѣе, тщательно развѣдайте о Младенцѣ и, когда найдете, извѣстите меня, чтобы и мнѣ пойти поклониться Ему“ (Мф. II, 8). Четырнадцать тысячъ избитыхъ младенцевъ Виледема,—вотъ жертвы „вѣротерпимости“ Ирода по отношенію къ волхвамъ, но это только самая малая, самая незначительная часть погубленныхъ нынѣшними защитниками вѣротерпимости юношескихъ душъ, въ которыхъ вѣра убита равнодушіемъ, отравлена безбожными книжками съ насмѣшками и издѣвательствами надъ христіанствомъ и всякой вѣрой. Не забудьте, что книжки эти издаются и пишутся исключительно сторонниками пресловутой свободы совѣсти и невѣрія—терпимости.

Вотъ изображенный въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ проконсулъ Ахаіи Галліонъ, съ его презрительною рѣчью, подъ которой теперь охотно подпишутся всѣ сторонники пресловутаго правового государства, съ его замалчиваніемъ и отрицаніемъ всякой религіи. „Іудеи,—говоритъ Галліонъ, когда къ нему привели судить апостола Павла за проповѣдь,—если бы какая-нибудь была обида, или злой умыселъ, то я имѣлъ бы причину выслушать васъ. Но когда идетъ споръ объ ученіи и именахъ, то разбирайте сами: я не хочу быть судьей въ этомъ. И прогналъ ихъ отъ судилища“. Дѣеписатель тутъ же замѣчаетъ: „А всѣ эллины, схвативъ Сосеена, начальника синагоги, били его предъ судилищемъ, и Галліонъ ни мало не покоился о томъ“ (XVIII, 14—17).

Уже раздавались рѣчи нашихъ вѣротерпимыхъ Галліоновъ въ Государственной Думѣ. И скоро-скоро еще услышать русскіе православные люди о такихъ законопроектахъ нынѣшнихъ думскихъ Галліоновъ въ защиту „укрѣпленія началъ вѣротерпимости“, такія рѣчи въ Государственной Думѣ при ихъ обсужденіи, что у нихъ зазвенитъ въ обоихъ ухахъ... И придется покинуть представленіе о томъ, что отцы наши и предки создали Русь святую и боголюбивую, что странѣ нашей смиренной, полной вѣры и чудесъ, Богъ отдалъ судьбу вселенной, власть земли и гласъ небесъ, что всю нашу землю родную съ ношей крестной Царь вселенной исходилъ благословляя, что чистая риза Христа всегда будетъ покрывать и исцѣлять раны и язвы совѣсти народной. Когда православные русскіе люди захотятъ охранить святыню вѣры, укрѣпить и расширить ея дѣйствія, высшее государственное учрежденіе скажетъ имъ: „я не хочу быть судьей въ этомъ“, и прогнать ихъ отъ судилища. Оно въ сознаніи своей высокой культурности, въ согласіи со всѣми европейскими авторитетами, объявитъ всѣ вѣры одинаковыми и терпимыми, а это значить, что изъ нихъ истинной нѣтъ ни одной...

Но тамъ, гдѣ изгоняютъ Христа, тамъ воцаряется діаволъ; тамъ, гдѣ не взошла пшеница, вырастаютъ плевелы. И будетъ, и уже есть гоненіе на родное православіе, и будетъ православіе на православной Руси послѣднимъ изъ вѣроисповѣданій, и будутъ его лишать и права, и значенія ради свободы чужой чьей-то совѣсти, и не найдется защиты: Галліонъ ни мало не будетъ беспокоиться объ этомъ... А что же хорошаго вышло изъ такой вѣротерпимости Рима? Удержался ли онъ въ ней? Въ отвѣтъ мы можемъ указать на сотни тысячъ мучениковъ христіанскихъ.

Начавъ съ презрѣнія къ христіанству, Римъ окончилъ невиданными и неслыханными гоненіями на него, и только увѣровавшіе во Христа кесари дали христіанству сначала пріютъ и терпимость, а затѣмъ и господство въ мірѣ. И теперь спасеніе отъ новыхъ Галліоновъ у насъ одно—въ защитѣ и подвигѣ православнаго Кесаря, Самодержца и Покровителя Церкви Христовой...

Вотъ, наконецъ, самый излюбленный и прославленный примѣръ, образецъ и проповѣдникъ вѣротерпимости и полной свободы отъ всякой совѣсти; это уже не изъ евангелія, это изъ самой интересной исторіи самаго интереснаго времени и народа...

Предъ нами Вольтеръ. Чѣмъ окончилась его проповѣдь? Чѣмъ окончилась эта вѣротерпимость, выразившаяся въ самыхъ тонкихъ и ядовитыхъ насмѣшкахъ надъ христіанствомъ? Всѣмъ вѣдомо, что все это въ значительной степени подготовило революцію во Франціи. Революція, избивавшая вѣрныхъ Христу его служителей, осквернявшая храмы и алтари и на престолъ главнаго храма въ столицѣ посадившая распутную блудницу, провозглашенную божествомъ,—вотъ отвѣтъ на вопросъ, что принесла такая вѣротерпимость. А нынѣ во Франціи вѣротерпимость изгнала служителей церкви, ограбила ея имущества, уничтожила монастыри, выбросила всѣ символы христіанства изъ государственныхъ учреждений и ученіе святой вѣры изъ школъ. Стѣсненія для христіанства, и зато свобода еврейству, невѣрію и всему враждебному Церкви,—такова свобода совѣсти, такова вѣротерпимость. Къ этому по наклонной плоскости скатимся и мы, если поклонимся новымъ идоламъ, если въ горящей ревности вѣры не будемъ отстаивать то, что намъ всего дороже—правду, силу, честь, первенство и господство святой вѣры нашей православной и ей одной принадлежащее въ Россіи право проповѣди и самой широкой помощи ея миссіонерству. Она дарована намъ Богомъ; она и оставлена и завѣщана намъ въ наслѣдіе отцами нашими не для потери и продажи, и не для предательства, не для мертваго храненія, не для зарыванія въ землю, а для распространенія во всей обширной богоданной землѣ нашей. Мы будемъ отвержены, мы будемъ посмѣшищемъ всѣхъ народовъ міра, если въ ученіи святого православія не осмыслимъ, не освятимъ и не почтимъ власть помазанниковъ Божіихъ, царей православныхъ, хранителей и защитниковъ вѣры, сильныхъ сказать каждому врагу вѣры и Церкви: „отойди, умолкни и перестань“, чѣмъ бы онъ ни прикрывалъ свои преступныя вожделѣнія. Мы расхитимъ и растеряемъ Божіе достояніе,

народъ православный, если его, младенчествуящаго въ вѣрѣ, отдадимъ въ жертву разнымъ проповѣдникамъ невѣрія и ино-вѣрія. Какъ древній Израиль, блудившій съ богами чуждыми, мы потеряемъ свое царство.

Да не будетъ! О, скоро ли мы скажемъ съ пророкомъ: какъ прекрасны ноги благовѣстника, возвѣщающаго, наконецъ, миръ измученной землѣ нашей, наполненной лжеучителями, благовѣствующаго радость, проповѣдующаго спасеніе, говорящаго новому Сіону—вѣрующему народу нашему: „воцарился Богъ твой“ (Ис. LII, 7). Славь, святая Русь, Бога твоего, пронеси имя Христа твоего до послѣднихъ предѣловъ земли, исполняй твое великое апостольское служеніе въ мірѣ, проповѣдуй истину православія, водрузи Крестъ Господень и возвѣсти слово евангелія и благодать Духа Святаго, и Церковь истинную народамъ царства твоего, невѣдущимъ свѣта и Христа. Не смущайся лицемѣрными и оболъстительными рѣчами лже-словесниковъ, подъ именемъ свободы совѣсти растлѣвающихъ всякую совѣсть и подъ именемъ вѣротерпимости изгоняющихъ всякую, и особенно православно-христіанскую вѣру. Ты, быть-можетъ, недостойная избранія, однако, избрана и поставлена на рубежѣ двухъ міровъ, двухъ эпохъ, двухъ цивилизацій, двухъ странъ свѣта—свѣтитъ истиной Христовой. Проповѣдуй же и распространяй слово Божіе и Царство Христово!

И когда не останется въ предѣлахъ твоихъ иновѣрія и язычества, тогда только ты можешь сказать свое историческое: „совершишася“, и предстать предъ Богомъ въ сознаниі исполненнаго мірового призванія. И придутъ къ тебѣ съ покорностью сыновья угнетавшихъ тебя и назовутъ тебя городомъ Господа, Сіономъ Святаго Израилева (Ис. LX, 12). И придутъ цари къ свѣту твоему и народы невѣрные къ восходящему надъ тобою сіянію. На тебя языцы уповати будутъ, и будетъ покой твой—честь. Аминь.

ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ III-му ТОМУ.

Настоящимъ томомъ, невзирая на его значительный объемъ—до 800 страницъ, далеко не исчерпаны всѣ появившіяся въ печати до 1915 года мои поученія. Въ IV томѣ, согласно первоначальнымъ предположеніямъ, будутъ напечатаны мои статьи только церковно-публицистическія и статьи, касающіяся вопросовъ миссіонерства.

V-й томъ—о социализмѣ—уже напечатанъ. Въ дальнѣйшемъ будутъ изданы послѣдовательно VI, VII и т. д. томы, въ которые войдутъ мои поученія съ 1909-го по 1914 годъ. Эти дополнительные томы будутъ *бесплатно* доставлены лицамъ, подписавшимся на полное собраніе моихъ сочиненій, и выдаваемы безъ приплаты тѣмъ, кто вообще будетъ получать мои сочиненія полностью, а не отдѣльными томами.

Протоіерей *I. Восторговъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

III-го тома.

1906 г.

Стр.

1. Кто долженъ быть въ Государственной Думѣ. (Рѣчь на молебствіи предъ открыт. предвыборн. собраній въ Москвѣ по поводу созыва 1-й Госуд. Думы).	1
2. Кого надо выбирать въ Государственную Думу. (Рѣчь на мол. при откр. въ одномъ изъ районовъ Москвы предвыб. собр. по случаю созыва 1-й Госуд. Думы).	7
3. Стихите смиреніе. (Въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы и воскресенія Лазари, въ храмов. праздн. ц. Николая въ Гнѣздникахъ въ Москвѣ).	11
4. Распятіе рожки. (Въ Вол. Пятюкъ предъ плащаницей, въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, 31 марта).	16
5. Православно-русское государственное мировоззрѣніе. (Рѣчь на молебствіи предъ откр. Всеросс. съѣзда русск. людей, собравш. въ Москвѣ по приглаш. Всенар. Русск. Союза, объединивш. всѣ патриот. союзы, 6 апр. 1906 г.).	20
6. Счастье въ трудѣ. (Поученіе фабричнымъ рабочимъ предъ открытіемъ работъ).	31
7. Внутреннее раздѣленіе общества. (Рѣчь на паних. въ Кружкѣ Дворянъ 24 апр. 1906 г. при помин. гр. С. Н. Коновницына, убитаго при покуш. на адм. Дубасова).	35
8. Слово здравое. (Рѣчь на молебствіи по случаю 150-лѣтн. юбилея „Московскихъ Вѣдомостей“, 26 апр. 1906 г.).	41
9. Стойкость и бодрость. (Рѣчь (не церковная) въ первую годовщину Моск. монархической партіи, 7 мая 1906 г.).	45
10. Единеніе съ Церковью—путь спасенія. (Поученіе въ день Пятидесятницы).	52
11. Христіанствъ долженъ быть святымъ. (Въ нед. 1-ю по Пят., Всѣхъ Святыхъ).	55
12. Христовъ всегда къ Себѣ насъ призываетъ. (Въ нед. 2-ю по Пятидесятницѣ).	59
13. Въ чемъ правда Божія? (Въ нед. 3-ю по Пятидес., по поводу противоправосл. направленія газеты „Правда Божія“).	62
14. Священной памяти небеснаго покровителя земли русской. (Ст. въ день памяти препод. Сергія Радонежскаго, 5 іюля 1906 г.).	66
15. Кровавое помѣшательство. (На панихидѣ по убитымъ адмиралѣ Г. П. Чухнинѣ и ген. С. В. Козловѣ).	69
16. Единеніе людей возможно только въ Богѣ и Церкви. (Поуч. въ нед. 8-ю по Пятидес.).	73
17. Вѣрности русскому слову отъ сердца. (Листокъ для арміи въ виду противоправит. пропаганды среди солдатъ).	76
18. Жизнь и смерть. (Рѣчь въ собр. патриот. союзовъ Москвы 20 авг. 1906 г. послѣ паних. по жертвамъ злодѣйскаго покушенія на предсѣд. Совѣта Мин. и по убитымъ ген. Г. Мину и Волыарярскому).	81
19. Просвѣщеніе народа. (Рѣчь на паних. при поминан. ген. Д. Ѳ. Трепова въ Историч. музеѣ, предъ началомъ чтеній для рабочихъ 3 сент. 1906 г.).	87

20. Трудъ мирный, благословенный. (Поуч. въ нед. 18-ю)	89
21. Добродѣтель житейская и добродѣтель христіанская. (Поуч. въ нед. 19-ю)	93
22. Патриотическое служеніе русскаго духовенства. Заѣты святителя Алексія. (Рѣчь въ день тезоимен. Государя Наслѣдника Цесаревича 5 окт. 1906 г. на мол. въ присут. членовъ 3-го Всероссийскаго съѣзда русск. людей въ Кіевѣ)	96
23. Не бойся, только вѣруй. (Поученіе въ нед. 24-ю)	101
24. Современное лицемеріе. (Поученіе въ нед. 27-ю)	104
25. Корень всѣхъ несчастій. (Поученіе въ нед. 29-ю)	107
26. Родство съ Богомъ. (Поученіе въ нед. свв. отецъ)	111
27. Слава Воиня. (Рѣчь на молебствіи при откр. въ Москвѣ въ Дорогомиловѣ первой чайной „Объединеннаго Русск. Народа“, 26 дек. 1906 г.)	114
28. Умолитворенный патриотизмъ. (Рѣчь предъ молебств. при поставленіи русск. патриотами г. Москвы лампы къ Казанской иконѣ Богоматери въ Казанскомъ соборѣ, 27 декабря 1906 г.)	116
29. Великая жертва злодѣевъ. (Памяти гр. А. П. Игнатьева. Сказано въ 9-й день по кончинѣ графа А. П. Игнатьева на паних. въ Мюн. Собраніи Москвы)	119

1907 г.

30. Патриотическіе союзы и ихъ отношеніе къ религіи. (Рѣчь на патриотич. вечерѣ 8 января)	124
31. Великое кладбище. (Рѣчь на паних. въ патриотич. собраніи 14 янв. при поминованіи убитыхъ ген.: Н. М. Литвинова, В. Ф. Лауница и В. П. Павлова)	130
32. Храпкое слово. (Поученіе въ нед. 35-ю)	133
33. Сильный патриотъ. (Рѣчь на паних. при похоронахъ предс. Общества русск. патриотовъ Л. Л. Кисловскаго 25 янв.)	136
34. Грѣхъ и пагуба страсти осужденія. (Поученіе въ нед. о Мытарѣ и Фарисей)	138
35. Омыкъ и поученіе церковнаго антиматематизма. (Поученіе въ нед. Православія)	143
36. Православіе въ исторіи Россіи. (Религіозно-нравств. чтеніе въ нед. Православія)	147
37. Грѣхъ—наша погибель. (Слово въ нед. 2-ю поста)	157
38. „Богоявленіе и царствленіе“. (Изъ рѣчи на патриотическомъ вечерѣ 25 марта въ Москвѣ)	162
39. Русскія знамена. (Рѣчь при освященіи знаменъ-хоругвей патриотическихъ организацій въ Москвѣ, въ праздн. Входа Господня въ Іерусалимъ, 15 апр.)	166
40. Вербъ христіанства. (Слово въ Вел. Пятокъ въ храмѣ Христа Спасителя 20 апрѣля)	175
41. Христосъ Воскреселъ (Пасх. статья)	181
42. Голосъ русскихъ патриотовъ въ смутную пору. (Слово при освященіи знаменъ-хоругвей 25 апрѣля въ храмѣ Моск. Епарх. дома)	185
43. Заѣты патриарха Гермогена. (Рѣчь при открытіи IV Всероссийскаго съѣзда русскихъ людей въ Москвѣ 26 апрѣля 1907 г. въ Успенскомъ соборѣ)	187
44. Жертвы и веренъ долга. (Слово при закладкѣ храма въ Москвѣ въ память убитаго Великаго Князя Сергія Александровича и всѣхъ павшихъ при исполненіи долга отъ руки злодѣевъ-революціонеровъ 29 апрѣля 1907 г.)	193
45. Памяти русскихъ воиновъ, отдавшихъ жизнь за отечество въ войну съ Японіей. (Рѣчь 18 мая 1907 г. на молебствіи по случаю откр. въ Москвѣ цркта имени А. С. Шамова для сиротъ воиновъ, погибш. въ русско-японскую войну)	199

46. „Исполняй твои Духомъ“ — въ единеніи духа. (Рѣчь, произнесенная 10 іюня на общемъ собраніи Московскихъ патріотическихъ содружествъ)	206
47. Судъ святыхъ. (Слово, сказанное въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ въ Петроградѣ въ церкви подворья митрополита Московскаго)	213
48. Тайна пресобразованія жизни. (Слово въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ и въ прайдн. рожд. Іоанна Крестителя, 24 іюня 1907 года; сказано въ церкви подворья митрополита Московскаго въ Петроградѣ)	217
49. Спасеніе — въ Церкви Христовой. (Бесѣда въ прайдн. свв. ап. Петра и Павла; сказано въ приходѣ, населенномъ исключительно фабричными)	223
50. Людямъ рабочимъ памятка. (Слово въ недѣлю 3-ю по Пятид.; сказано въ церкви с. Фили, Моск. губ., фабричнымъ, рабочимъ и крестьянамъ 1 іюля 1907 г.)	230
51. Патріотизмъ и христіанство. (Слово въ день преп. Сергія, 5 іюля 1907 г.; сказано въ храм. прайдникъ въ ц. преп. Сергія, что на Б. Дмитровкѣ, въ Москвѣ)	236
52. Мирное призваніе Россіи. (Рѣчь въ день прайднованія Каванской иконы Божіей Матери, 8 іюля 1907 г., въ собраніи патріотическихъ союзовъ Москвы)	241
53. Куда насъ зоветъ св. Церковь? (Слово въ прайдникъ Преображенія; сказано 6 авг. 1907 г. въ Нижегородскомъ кафедр. соборѣ)	249
54. Господи, помилуй! (Слово передъ молебствіемъ Живоворящему Кресту Господню; сказано отъ имени миссіи въ Нижегородскомъ ярмар. соборѣ, по случаю принесенія изъ с. Пуреха чтимаго Креста Господня, 10 августа 1907 г.)	255
55. Духовный голодъ народа. (Слово въ недѣлю 8-ю по Пятидесятницѣ, по случаю открытія Нижегородскаго съѣзда православныхъ миссіонеровъ)	260
56. Союзъ съ Богомъ. (Сказано въ Нижегородскомъ ярмарочномъ соборѣ 12 авг. 1907 года, во время миссіонерскаго съѣзда)	266
57. Причина неурія — грѣхонная жизнь. (Къ недѣлѣ 10-й по Пятидесятницѣ)	272
58. Жить воиномъ. (Сказано въ церкви Моск. Епарх. дома по случаю съѣзда патріотовъ Московской губ., 26 августа 1907 г.)	275
59. Трезвость. (Рѣчь на общемъ собраніи членовъ и уполномоченныхъ патріот. содружествъ гор. Москвы и Московской губ. 26 августа 1907 г.)	281
60. Спасеніе Царевъ. (Рѣчь на благодарств. мол. по полученіи извѣстія о спасеніи жизни Государя Императора и Царской Семьи 29 августа 1907 г.; сказана 31-го августа въ ц. Епарх. дома въ собраніи патріот. содружествъ Москвы)	286
61. Важныя исторіи. (Слово въ ц. с. Фили по случаю крестн. хода въ восп. воен. совѣта въ дер. Фили 1 сент. 1812 г.)	290
62. Соблюденіе заповѣдей. (Къ недѣлѣ 12-й по Пятидесятницѣ)	295
63. Жизнь вѣчна. (Къ нед. предъ Воздвиженіемъ)	299
64. Неизвестна 40-тъ годовъ. (Рѣчь при погребеніи М. П. Дюгамель 13 сентября 1907 года)	303
65. Государство языческое и христіанское. (Слово въ день Воздвиженія Креста Господня, сказанное въ Самарскомъ кафедральн. соборѣ)	305
66. Долгий стыдъ. (Слово въ нед. по Воздвиженіи)	312
67. Слово о стыдѣ Хриота. (Къ нед. по Воздвиженіи)	318
68. Будь достоинъ Хриота, христіанина. (Къ нед. 15-й по Пятидесятницѣ)	321
69. Разсѣяно. (Поученіе къ нед. 16-й по Пятидесятницѣ)	325
70. Памяти В. А. Грингмута. (Рѣчь на общемъ собраніи патріотовъ 30 сентября 1907 года)	329
71. Усердіе ко храму и богослуженію. (Слово въ день Покрова Божіей Матери)	336
72. Памяти В. А. Грингмута. (Рѣчь при погребеніи В. А. Грингмута 1 октября 1907 года)	340
73. Памяти В. А. Грингмута. (Рѣчь на могилѣ В. А. Грингмута въ 9-й день по его кончинѣ)	347

74. Основатель Православнаго Палестинскаго Общества. (Рѣчь при поминованіи убиенаго Великаго Князя Сергія Александровича, по случаю открытія въ Москвѣ Отдѣла Императорскаго Палестинскаго Общества, 7 октября 1907 года).	350
75. Вѣра, любовь и смиреніе. (Поученіе въ нед. 17-ю по Пятидесятницѣ).	353
76. Трудъ безплодный, безполезный и вредный. (Поученіе въ нед. 18-ю по Пятидесятницѣ. Сказано рабочимъ на фабрикѣ).	357
77. Духовныя запросы женщинъ. (Рѣчь при открытіи женскаго патриотическаго кружка учащейся молодежи въ Москвѣ 14 октября 1907 года).	361
78. Памяти В. А. Грингута. (Рѣчь въ 20-й день по кончинѣ В. А. Грингута, 17 октября 1907 г.).	363
79. Взаимныя отношенія людей. (Въ нед. 19-ю по Пятидесятницѣ).	366
80. Духовныя мертвецы. (Въ нед. 20-ю по Пятидесятницѣ).	369
81. Церковь и священство. (Слово передъ открытіемъ бесѣды о вѣчности священства въ Церкви Христовой въ лицѣ епископовъ. Сказано въ Петроградѣ въ залѣ Братства Пресв. Богородицы 28 октября 1907 г.).	373
82. Христіанское самовоспитаніе. (Поученіе въ недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ).	378
83. Памяти В. А. Грингута. (Рѣчь при поминованіи В. А. Грингута въ сороковой день со дня его кончины, 6 ноября 1907 года).	381
84. Вѣѣты жизни св. Іоанна Златоустаго. (Слово въ день памяти святаго Іоанна Златоустаго, по случаю 1500-лѣтія со дня его кончины, 14 ноября 1907 г.).	384
85. Блаженнейшей памяти Московскаго митрополита Филарета. (Къ сорокалѣтію со дня его кончины).	392
86. Жажда новаго и чудеснаго. (Поученіе въ нед. 22-ю).	397
87. Единство при разнообразіи. (Рѣчь при открытіи въ Москвѣ Аксаковскаго литерат. и политич. Общества, 30 ноября 1907 года).	400
88. Современныя бѣды. (Слово въ нед. 23-ю по Пятидесятницѣ).	407
89. Кронштадтскій свѣточъ и газетныя гланы. (Слово, произнесенное 6 декабря 1907 года въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ).	410
90. Праздникъ и пражда. (Слово въ нед. 26-ю по Пятидесятницѣ).	416
91. Свѣтъ разума. (Слово въ праздникъ Рождества Христова. Сказано въ храмѣ Христа Спасителя 25 декабря, при священнослуженіи митрополита).	423
92. Тайна Боговоплощенія. (Ст. на Рождество Христово).	428
93. Духовная жажда молодежи. (Рѣчь при открытіи Златоустовскаго религіозно-философскаго кружка молодежи въ г. Москвѣ 30 декабря 1907 года; сказана при священнослуженіи митрополита Московскаго).	433

1908 г.

94. Среготна и цѣль. (Слово въ день новаго 1908 года).	437
ЗАВѢТЫ КРЕЩЕНІЯ. (Поученія по поводу праздника Крещенія Господня):	
95. I. Наше Крещеніе.	447
96. II. Христось—наша защита.	451
97. III. Христось—красота наша.	454
98. IV. Христось—единственнаа хвала наша.	458
99. V. Христось—спасеніе отъ грѣха.	461
100. Наше духовное пресрвѣіе. (Слово въ нед. 31-ю).	465
101. Иравотвенность и эконоика. (Слово въ недѣлю 32-ю).	469
102. Вонкскае зааде. (Рѣчь, сказанная 1 февраля 1908 года юнкерамъ Московскаго Алексѣевскаго военнаго училища послѣ всеобщаго бдѣнія въ присутствіи Августѣйшаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича).	474

103. **Самомыслие.** (Изъ рѣчи въ религ.-философск. кружкѣ молодежи въ Москвѣ 3 февраля 1908 года, въ нед. о Мытарѣ и Фарисеѣ). 490
104. **Грохныя предостереженія.** (Слово въ нед. о Влудномъ сынѣ). 496
105. **Торжествующій развратъ.** (Изъ слова въ недѣлю о Влудномъ сынѣ). 501
106. **Слѣбда.** (Слово въ недѣлю мясопустную). 505
107. **Жужъ глѣва.** (Рѣчь въ память В. В. Оловенникова 22 февраля 1908 года). . . 511
108. **О нравственной причинѣ зла.** (Слово, сказанное во 2-ю нед. Великаго поста за литургіей воспитанникамъ Иркутской церковно-учительской семинаріи). . . 514
109. **Хамово и іудико скалестес.** (Слово воинамъ предъ причащеніемъ въ среду Крестопоклонной седмицы Великаго поста. Сказано войскамъ Владивостокскаго крѣпостнаго гарнизона 19 марта 1908 г.). 518
110. **Права и обязанности.** (Слово въ 5-ю нед. Великаго поста. Сказано въ г. Владивостокѣ при служеніи архіепископа Владивостокскаго, въ присутствіи воинскихъ частей, крестьянъ и учащихся дѣтей, 30 марта 1908 года). . . . 526
111. **Самодѣйство—бить современности.** (Слово, сказанное въ Никол. соборѣ г. Харбина въ Маньчжуріи, за всенощнымъ бдніемъ въ праздникъ Входа Господня во Іерусалимъ, 5 апрѣля 1908 г.). 535
112. **Божественная Софія и челоуѣческая мудрость.** (Слово, произнес. въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, 6 апрѣля 1908 г. въ г. Харбинѣ, на Д. Востока, въ новосоруж. храмѣ Софіи—Премудрости Божией, что на Пристаніи). 541
113. **Тайна причащенія.** (Слово въ Великій Четвертокъ. Сказано въ г. Читѣ при архіерейскомъ служеніи 10 апрѣля 1908 года). 549
114. **Едикленіе.** (Слово, сказанное въ каведральномъ соборѣ г. Красноярска 20 апрѣля 1908 г., въ нед. Томину). 553
115. **Наказаніе—путь къ исправленію.** (Рѣчь за всенощи. бдніемъ 200 ниж. чинамъ, отбывающимъ наказаніе за вооруж. возстаніе, побѣги и др. преступленія. Сказана 26 апр. 1908 г. въ казармѣ Красноярской дисциплин. команды). . . 559
116. **Вѣра и ревность.** (Слово въ дер. Каменкѣ, на р. Оби, Ордынскаго прихода, Томской епархіи. Сказано 9 мая 1908 г. по случаю торжества въ честь мѣстничной иконы Святителя Николая Чудотворца; пронесено вѣдъ храма подъ обширнымъ навѣсомъ, въ присутствіи множества народа и при участіи общаго хора учениковъ Ордынской второклассной школы, на молебствіи, совершенномъ при участіи 5 священниковъ сосѣднихъ приходоу). . . 564
117. **Освященіе государствъ и власти.** (Слово въ день коронованія Государя Императора, 14 мая 1908 г. Сказано въ Віійскомъ Троицкомъ соборѣ, при священнослуженіи Иннокентія, епископа Віійскаго). 571
118. **Вавѣты исторія о вѣрности православію и самодержавію.** (Слово въ новопоселенческомъ селеніи Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи, въ нед. св. ос. иже въ Никей и въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Феодоровны, 25 мая 1908 г.). 579
119. **„Тобѣ Господи!“** (Слово въ день Пятидесятницы, сказанное въ г. Омскѣ, по порученію Омскаго пресвящ. Гавріила, при архіерейскомъ богослуженіи въ Троицкой, на вокзалѣ, церкви, обращенное къ рабочимъ въ виду упорной среди нихъ сектантской, социалистич. и революц. пропаганды). 588
120. **Памяти убійскаго архіепископа Никона, экзарха Грузіи.** (У гроба архіепископа Никона въ Москвѣ, на Курскомъ вокзалѣ, 6 іюня 1908 г.). 596
121. **Русь святая.** (Рѣчь въ нед. Всѣхъ святыхъ, 8 іюня 1908 г., на молебствіи въ собраніи патриотическихъ союзовъ г. Москвы, по случаю встрѣчи и привѣтствій автору по возвращеніи его изъ Сибіри). 602
122. **Прийти въ любви.** (Рѣчь на молебствіи по случаю входа Русскаго Собранія въ собственный новоприобрѣтенный домъ въ Петроградѣ, 25 іюня 1908 г.). . . 607

123. Желание переименовать Россию. (Слово 8 июля 1908 г. в церкви св. Василия Великого в Киевѣ, по поволу начала занятій подготовительной комиссiи предѣ IV Всероссий. мис. съѣздомъ). 611
124. Расслабленіе духовное. (Слово в нед. 6-ю по Пятидесятницѣ. Сказано в г. Киевѣ на общемъ собраніи патриотическихъ обществъ 13 июля 1908 г., при священнослуженіи архіепископа Волынскаго Антонія). 616
125. Желаніе Христаго. (Слово в день Успенія Божіей Матери 15 августа 1908 г., сказанное в селѣ Саки, Таврической епархіи; мѣстность сильно была подвержена революціонной пропагандѣ вследствие того, что здѣсь—земская грязелѣчебница, укрывавшая одно время революціонныхъ агитаторовъ). 622
126. Престѣженіе народа. (Два слова при посѣщеніи родины, в станицѣ Ново-Александровской, Кубанской обл., в нед. 12-ю по Пятидесятницѣ, 24 авг. 1908 г. Сказаны в виду сильнѣйшей здѣсь революціонной пропаганды). 628
127. Свидѣтели вѣры. (Слово в день Успѣшенія главы Иоанна Крестителя. Сказано 29 августа 1908 г. в церкви ст. Ново-Александровской, Кубанской области, в виду сильной революціонной пропаганды). 642
128. Названіи ветерановъ. (Рѣчь при открытіи Общества казачков-ветерановъ, боевыхъ товарищей Кавказской войны, участвовавшихъ в бояхъ до 30 августа 1864 года. Сказана 14 сентября 1908 г. в станицѣ Ново-Александровской, Кубанской области). 650
129. Вѣчное чудо христіанства. (Слово в Свято-Троицкой лаврѣ в день преп. Сергія, 25 сентября 1908 г.) 654
130. Памяти В. А. Гринюта. (Слово в нед. 17-ю по Пятидесятницѣ и в годовщину смерти В. А. Гринюта, при поминованіи его и предѣ открытіемъ школы его имени, 26 сентября 1908 г.). 663

ОТДѢЛКИ НА ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ:

131. I. Христіанство и современное язычество. (Слово 1 октября 1908 г., в день Покрова Божіей Матери, в церкви Моск. Епарх. дома, по случаю общепатриотическаго праздника). 670
132. II. Жертва долга. (Рѣчь при открытіи памятника, сооруженнаго патриотами убитому революціонеромъ казаку Козьмѣ Сухорукову, на Семеновск. кладбищѣ, в Москвѣ. Сказана 1 окт. 1908 г.) 675
133. III. Разрушеніе школъ. (Рѣчь при открытіи в г. Москвѣ „Общества содѣйствія религиозно-нравственному и патриотическому воспитанію дѣтей“. Сказана 1 окт. 1908 г. в Епархіальномъ домѣ) 677
134. Религіозное и патриотическое воспитаніе. (Рѣчь дѣтямъ, поступивш. в школу „Общ. для содѣйствія религ.-нравств. и патриот. воспитанію дѣтей“ в Москвѣ, 2 окт. 1908 г. Опытъ простого наложенія, доступнаго дѣтскому пониманію). 682
135. Заветы древнихъ святителей Московскихъ. (Поученіе простому народу в церкви Троицкаго подворья в Петроградѣ, 5 окт. 1908 г.). 686
136. Вѣ Хриштадтѣ у с. Іоанна. 692

ВНѢШНЕЕ БОГОПОЧТЕНІЕ:

137. I. Храмъ. (Слово при обновленіи храма в Троицкомъ подворьѣ в Петроградѣ, 12 окт. 1908 г.) 697
138. II. Образы и пересобрамы. (Слово в день празднованія Казанскаго образа Богоматери. Сказано 22 окт. 1908 г. в церкви Святѣйшаго Синода) 700
139. Знаменія времени. О Іоаннѣ Хриштадтскій и графѣ Л. Толстой. (Рѣчь 19 окт. 1908 г., по случаю дня ангела с. Іоанна Хриштадтскаго, в домовой церкви гр. И—вой). 706

140.	Юношамъ-патріотамъ. (Рѣчь по случаю открытія студенческаго патріотическаго союза въ Москвѣ, 2 ноября 1908 г.).	716
141.	Христостолупничество. (Слово въ нед. 23-ю, въ Петроградѣ, въ домовую церквь гр. И—вой, 9 ноября 1908 г.).	720
142.	Трудъ. (Слово 14 ноября, въ день памяти св. ап. Филиппа, для рабочихъ, въ виду социаль-демократической пропаганды)	727
143.	Не бойся, только вѣруй. (Поученіе въ недѣлю 24-ю)	734
144.	„Не бойся!“ (Слово въ нед. 24-ю; сказано въ храмѣ Троицкаго подворья въ Петроградѣ, 16 ноября 1908 г., при митрополничьемъ служеніи).	737
145.	Религіозное начало жизни. (Бесѣда въ день Введенія Пресвятыя Богородицы, для образованныхъ слушателей, 21 ноября 1908 г.).	744
146.	Христіанство и социальный вопросъ. (Слово въ нед. 26-ю; сказано въ Полтавѣ 30 ноября 1908 г., при архіерейскомъ священнослуженіи).	751
147.	Декабрь. (Слово въ нед. 27-ю; сказано въ Москвѣ, въ церкви Епархіальн. дома, 7 декабря 1908 г.).	760
148.	Власть церковная. (Слово, сказ. въ Твери 21 декабря 1908 г. по случаю хиротоніи архим. Алипія во епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи).	765
149.	Важіе дѣти. Памяти о. Іоанна Кронштадтскаго. (Сказано въ Москвѣ 22 декаб. 1908 г. въ ц. Епарх. дома на панних., совершеной митр. Владиміромъ въ сослуженіи пяти епископовъ).	773
150.	Рождество Христово. (Рожд. статья въ Синод. „Церк. Вѣдом.“)	781
151.	Миссіонерство и вѣротерпимость. (Сказано 30 дек. 1908 г. при помин. усопш. членовъ Православ. Миссіон. Общества, при священнослуж. митр. Московск. Владиміра въ ц. Епарх. дома въ Москвѣ).	785
152.	Послѣдствіе къ III-му тому.	794